ISSN 2949-2742

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

XVII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Санкт-Петербург, 25 апреля 2026 года.

Санкт-Петербург 2026

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

XVII Всероссийская научная конференция
студентов с международным участием

Санкт-Петербург, 25 апреля 2026 года

М А Т Е Р И А Л Ы

Санкт-Петербург
2026

УДК 34::33(08)
ББК 67:65я43
А43

Под общей редакцией А. А. САПОЖКОВА, заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента; ***Е. В. ЕЛАГИНОЙ***, профессора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственный редактор Ю. М. БОБРОВА, старший преподаватель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

А43 **Актуальные проблемы государства, права и экономики** : материалы XVII Всероссийской научной конференции студентов с международным участием, Санкт-Петербург, 25 апреля 2026 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова, Е. В. Елагиной; отв. ред. Ю. М. Боброва. – Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2026. – 1 CD-R (9,73 МБ). – Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Загл. с экрана. – Текст: электронный.

УДК 34::33(08)
ББК 67:65я43

Материалы печатаются в редакции авторов

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК..... 19

Бадзиева В. В. Стратегии обеспечения экономической безопасности России в условиях санкционного давления..... —

Гетманская А. А. Налоговые риски экономической безопасности малого и среднего бизнеса в Российской Федерации..... 22

Корзухин В. А. Эволюция правовых категорий «иностранная рабочая сила» и «трудящийся мигрант» в международном и российском праве..... 27

Курынкина А. А., Смердова В. В. Высокая ключевая ставка и падение рентабельности активов как угрозы экономической безопасности малого и среднего предпринимательств..... 29

Кучерявенко С. А., Попов М. Ю. Тюрьма как эпистемический локус..... 33

Лаврентьев Е. Д. Цифровизация в строительстве и законодательное развитие в направлении современных технологий..... 39

Николаев А. А. Реформа образования Александра II: вызовы времени..... 45

Суренкова Е. Н., Сагенова К. С. Обобщение признаков финансовых пирамид в условиях цифровизации экономики как условие повышения финансовой грамотности населения..... 51

Ульянова Е. М. Угроза массового банкротства и ликвидации субъектов МСП в условиях экономической нестабильности..... 57

II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА..... 60

Алиев П. А., Федоров В. А. Правовое регулирование благотворительности в Российской Империи..... —

Блинова Ю. Б., Родина П. И. Великое переселение народов в XXI веке..... 64

Водопьянова М. И., Шевцов В. И. Женщина и право в Японии..... 68

Губин Р. С. Судебная реформа 1864 г. как основа становления принципов состязательности открытости и гласности в российском судопроизводстве..... 71

Гудков Д. С., Малаештян Е. А. Формирование Петербургской школы права в контексте творчества современных ученых..... 77

Давлятшин Т. Х. Формирование советской модели судебной системы..... 80

Далькэ Р.И., Дудина Д. С. Институт брака и семьи в русском праве в X—XIX вв.: от домостроя до первых эмансипационных поправок..... 84

Емельянов А. А. Институт присяжных заседателей в России: история и современность... 90

Кокорев И. Д. Концепция «Москва — третий Рим» как фактор формирования России — государства-цивилизации..... 96

Колонтаевская В. С. Проблемы применения частноправовых судебных презумпций (на примере презумпции творческого характера труда в авторском праве)..... 100

Литичевский Б. В. От идеи ликвидации прокуратуры как части бюрократического аппарата Временного Правительства России к созданию органов прокурорского надзора в советском государстве..... 104

Лунёв Я. А. История появления публичной власти в России..... 109

Любимов М. Г. Воля как основание правосубъектности..... 114

Мишин И. С., Никифоров А. В. Организация прокуратуры Российской империи после Судебной реформы 1864 г..... 119

Петренко К. А. К вопросу о перспективах создания кодифицированного нормативно-правового акта в области медицины и здравоохранения — Медицинского кодекса Российской Федерации..... 125

Пирвердиев Р. Р. Конфуцианство как реконструируемая традиция: нормативный ресурс, границы адаптации и современные дискурсы..... 132

Пластинин М. П. Постклассическое правопонимание как диалогическая интеграция классических правовых теорий..... 137

Роганов М. С. Брачно-семейные отношения во Франции: правовое регулирование по Гражданскому кодексу 1804 г..... 142

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА..... 146

Апанович А. А., Молодцова Я. Д. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г..... —

Бисултанова М. Ш., Хилькович М. А. Правовой режим Арктики: старый и новый подходы в современном праве..... 150

Гранкина Ю. М.; Петрова С. А. Российский бизнес на международной арене в условиях международных санкций..... 155

Долина Д. В., Минчей М. А. Экологические риски судоходства по Северному морскому пути..... 160

Дорина Д. В., Шклярова С. Д. Защита государственных активов Российской Федерации в новых политических условиях противостояния со странами Запада..... 164

Доставалов С. А., Шачинова М. В. Международные договоры как правовая основа сотрудничества государств с современной работорговлей..... 170

Дуб Е. Е., Снустикова Е. В. Актуальные проблемы международной правосубъектности «нестандартных» участников международных отношений..... 174

Дуркин Р. Д., Огарев М. А. Правовой статус частных военных компаний: проблемы определения и перспективы правового регулирования деятельности..... 179
Еленевский И. И., Шемчак Г. В. СЭВ и принципы региональной экономической интеграции..... 184
Задунайская М. Г., Юрина А. С. Кибершпионаж и международное право..... 189

Игина А. С. Вопросы теории и практики исключительной компетенции российских судов в условиях санкций..... 194
Кетова Е. С., Сребняк Д. Д. Новый виток гонки вооружений и проблемы ядерного разоружения..... 197
Легоев Р. Р., Степанян Г. Г. Разрешение межгосударственных споров в рамках ЕАЭС и процедуры досудебного урегулирования..... 202
Панченко С. В., Томилова Э. И. Международный уголовный суд: орган международного правосудия или политический инструмент..... 209
Соколова А. О., Трофимов К. С. Постмортальная репродукция человека: актуальные вопросы теории и практики..... 213
Столбова В. В., Туктамышев Б. А. Принцип самоопределения народов: эволюция и внутренняя противоречивость..... 219

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА..... 224

Баграева М. М., Елеев Д. А. Проблема реализации конституционного принципа социального государства в условиях экономического кризиса (санкций)..... —
Болушевская Г. А., Быченкова Е. М. Процессуальный порядок разрешения дисциплинарных споров..... 231
Боровиков К. А., Посадов М. Д. Цифровые права и свободы как перспективное направление конституционного регулирования..... 238
Вернер А. С., Подкопаева В. Н. Анализ статьи 29 Конституции Российской Федерации: свобода мысли и слова в доктрине и судебной практике..... 243
Власова М. В. О некоторых проблемах производства об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, и участия в нем прокурора..... 250
Глебова А. Д., Чунькова Н. А. Социальные и наследственные права детей, рожденных после смерти родителя: опыт России, Германии и США..... 256
Гнездилова П. В. Смерть как правовая категория: проблема эвтаназии..... 262

Ерейская Е. И., Фираго Б. И. Правовой режим арктической зоны Российской Федерации в контексте государственного суверенитета..... 270
Карташева В. А., Якубинская Д. С. Пределы судебного контроля за дискреционными полномочиями..... 276

Комаров Д. А. К вопросу о распределении обязанности исполнения социальных обязательств государства в рамках единой системы публичной власти..... 283
Комарова Е. А. Защита прав и свобод коренных малочисленных народов в Российской Федерации: современное состояние, проблемы и перспективы..... 288
Кондратьева А. П. Институт Уполномоченного по правам человека в системе реализации и защиты прав лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития (на примере Брянской области)..... 295
Крикливый Г. Е. Федеральная территория «Сириус»: конституционно-правовой статус и проблемы реализации..... 301
Маркешина С. В., Таскаева З. А. Цифровизация государственного управления: влияние на конституционные правоотношения..... 307
Масленко О. Р., Павлова А. О. Сравнительный анализ преамбул конституций Российской Федерации и Китайской Народной Республики..... 312
Мехедова В. А. Конституционное право на образование: место в системе прав человека..... 320
Нескоромная Е. О., Титова В. А. Эффективность механизмов защиты конституционных прав и свобод граждан: институт Уполномоченного по правам человека..... 326
Никифоров А. В. О некоторых вопросах осуществления прокурорского надзора за исполнением законов РФ избирательными комиссиями..... 330
Реутова Е. С. Проблема процессуального правопреемства при передаче публичных полномочий: пробелы в КАС РФ и пути их решения..... 335
Смирнова Ю. А. Правовой статус прокурора в административном судопроизводстве в сфере защиты прав несовершеннолетних..... 339
Стрельникова Е. Ю. Право на обращение в суд как основной механизм защиты конституционных прав граждан: особенности и перспективы реализации в условиях цифровизации..... 344
Терехова Н. В. Административный иск прокурора как инструмент обеспечения антитеррористической безопасности образовательных учреждений..... 350
Филичева В. С. Обращение Генерального прокурора в Конституционный суд РФ: проблемы теории и практики..... 356
Фомин И. В. Конституционные основы защиты прав человека в цифровом пространстве..... 362
Шилов Н. А. Развитие института медиации в Российской Федерации: конституционно-правовой вектор..... 366

V. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА..... 370

Абрамова А. В., Васина А. М. Пробелы ограничения конкуренции в контрактной системе: анализ правоприменительной практики..... —

Авдеева Л. А., Кабанова А. А. Дискуссионные вопросы квалификации и охраны хореографического произведения как объекта авторского права..... 376
Бурлака Е. С. Институт вещной выдачи в гражданском праве России: теория и правоприменение..... 382
Груша А. Е. К вопросу возмещения морального вреда гражданам при отказе в оказании медицинской помощи..... 389
Гудков Д. С., Малаештян Е. А. Место и роль высших судебных органов в механизме правового регулирования гражданских отношений..... 393
Денисов С. Ю. К вопросу о возможности компенсации неимущественного вреда юридическому лицу..... 399
Домбровский С. С. Проблемы регулирования и гражданско-правовой защиты интеллектуальной собственности в предпринимательской деятельности в эпоху цифровизации..... 405
Евсюгина Н. П., Токмакова С. Ю. Проблема правовой неопределенности и критериев охраноспособности секрета производства (ноу-хау) в Российской Федерации..... 409
Жук П. Д. Пределы ответственности застройщика по договору участия в долевом строительстве: проблемы правоприменения..... 414
Захарова К. М. Риски наследственного договора: когда свобода распоряжения имуществом оставляет исполнителя без защиты..... 418
Калачева А. С. Проблематика практического применения норм российского законодательства о служебном произведении..... 422
Калинина Е. В., Морозова М. В. Проблема определения гражданско-правового статуса эмбриона..... 427
Карнаухова Е. А. Проблемы злоупотребления потребительскими правами в сфере дистанционной торговли..... 434
Киселева Д. С. Энергия и природные ресурсы как особая категория вещей..... 439
Клестова В. Д. Доктрина эстоппеля и запрет противоречивого поведения: проблемы правовой идентификации в российском гражданском праве..... 444
Князева Е. А., Омарова Н. О. Правовое регулирование использования QR-кода при оплате товаров, работ либо услуг..... 448
Малышкина Е. В. Правовая природа фотографии как объекта авторского права и особенности её защиты в сети «Интернет»..... 452
Матвеев Д. В. Некоторые вопросы ответственности доверительного управляющего в договоре доверительного управления ценными бумагами и финансовыми инструментами..... 461
Меновщикова К. М. Материально-правовая природа «антикоррупционного» иска..... 465
Нефедов Е. А. Покупка «надежды» в гражданском праве Российской Федерации..... 472
Потибенко К. В. Проблемы охраны и защиты права интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет..... 478

Раевский Д. И. Формы коллизий публичных и частных интересов в сфере предпринимательской деятельности..... 482
Резникова С. В. Правовая охрана цифровых следов человека: соотношение публичных и частных интересов в обеспечении права граждан на охрану частной жизни..... 490
Сальников Н. А. Расхождение определений обязательственных отношений, возникающих из корпоративного договора высшими судебными инстанциями РФ. Способы разрешения разночтений и унификации судебной практики..... 495
Сальникова Д. С., Сюзюмова Ю. А. Фиктивный брак и брачный договор: правовые последствия..... 499
Ситникова В. А., Стукалина Ж. В. Проблема наследования в современных условиях.... 505
Соколова М. Д. Патронаж над совершеннолетними дееспособными гражданами: проблемы теории и практики..... 510
Талбиева С. А. Эволюция института самовольной постройки в России..... 515
Тен В. Е. Теоретико-правовое обоснование закрепления в российском законодательстве условной правоспособности зачатого ребенка..... 522

VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА (ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС)..... 528

Аникина А. А. Судебная защита прав и интересов несовершеннолетних в гражданском процессе..... —
Анискович П. С., Теричева Е. М. Использование искусственного интеллекта в арбитражном процессе..... 533
Антипова Ю. А. К вопросу об исполнительском иммунитете в отношении роскошного жилья в гражданском процессе..... 539
Булаев В. Д., Депутатов В. О. Отвод судьи: о полноте и усеченности порядка рассмотрения заявления..... 544
Гордеева Е. С., Казадаева А. А. Вопросы борьбы со злоупотреблением правом в гражданском процессе..... 549
Джаббаров А. Э. оглы, Карабин И. Д. Границы исполнительского иммунитета при банкротстве гражданина-должника..... 533
Журикова К. П. Правовое регулирование обеспечительных мер в цивилистическом процессе..... 559
Иванова А. Р. Процессуальные гарантии прав участников специальной военной операции в гражданском судопроизводстве..... 564
Кадакин И. Д., Третьяков Е. А. Проблема обжалования определения об оставлении искового заявления без движения в связи с недостатком доказательств..... 570
Коновалова С. А. Общие принципы рассмотрения, разрешения и исполнения решений о возврате ребенка: сравнительно-правовой анализ российского и европейского подходов..... 573

Панасицкая Ю. В., Сергиенко А. Н. Искусственный интеллект в гражданском процессе: проблемы допустимости доказательств..... 579
Приходько А. Е. Проблемы применения индексации присужденных денежных сумм.... 583
Соколова А. Т. Проблемы использования электронных доказательств в гражданском процессе..... 588
Суворова С. А., Терзи А. Д. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве: опыт зарубежных стран и перспективы для России..... 593
Тазтдинов Д. Р. Принцип состязательности в гражданском процессе: трансформация под влиянием электронного правосудия и судебного усмотрения..... 599
Тимченко К. М., Чиркова Д. Д. Трудности обеспечения участия переводчика в гражданском судопроизводстве..... 604
Шеставин И. А. Проблемы определения разумного срока в гражданском процессуальном законодательстве..... 609
Юркова А. С. К вопросу о недопустимости доказывания отрицательных фактов в гражданском процессе..... 615

VII. ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ..... 619

Андреев Д. В. Трудоустройство ветеранов СВО как драйвер регионального развития и социальной стабильности: модели государственно-частного партнерства и инновационные практики на примере опыта Республики Татарстан..... —
Антонов А. А., Протасова Е. А. Дистанционная работа: актуальные проблемы и правовое регулирование..... 625
Беляева К. А., Степанова А. Д. Космонавты как отдельная категория работников..... 630
Водопьянова М. К., Дрюпина В. Б. Электронный документооборот в трудовых отношениях: информационно-правовые аспекты и проблемы доказательственного значения..... 634
Говорова А. А. Правовой статус и механизмы реализации социальных прав граждан без определенного места жительства..... 640
Городнова В. С. Охрана коммерческой тайны в условиях удаленной работы: новые подходы к режиму конфиденциальности и ответственности работников..... 642
Гурьев Д. А., Тюриков С. В. К вопросу о необходимости принятия Социального кодекса Российской Федерации..... 647
Диколенко А. С. Счетная ошибка как основание взыскания излишне выплаченной заработной платы..... 653
Душко М. А., Кирсанова А. Н. Дифференциация и унификация в правовом регулировании социального обеспечения участников боевых действий..... 656
Канивец И. В. Актуальные проблемы регулирования удаленной работы и гибких форм занятости в период цифровой экономики..... 662

Колендовская А. А. Проблемы механизма квотирования рабочих мест для несовершеннолетних в субъектах РФ: сравнительный анализ региональной практики..... 666
Косова Д. Д. Труд спортсменов: дискуссии и правовые проблемы..... 672
Макарова А. А. Некоторые аспекты аморального поступка педагога..... 677
Плахов К. А., Яковлев С. А. Влияние государства на деятельность профсоюзов: сравнительная характеристика России и Китая..... 682
Рыкова А. С. Границы рабочего времени в цифровой среде: французский и итальянский правовой опыт как ориентир для модернизации Трудового кодекса РФ..... 689
Чаюк С. В. Правовое регулирование платформенной занятости в России: проблемы обеспечения социальной защиты исполнителей..... 694
Юхтина А. А. Проблема применения на практике гарантий лиц с семейными обязанностями при сокращении штата работников..... 697
Яковенко А. Р. Травмы при резком ухудшении здоровья на рабочем месте: правовая квалификация..... 703

VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА..... 706

Агасыбеков Э. Н. оглы, Тищенко М. А. Преступления террористической направленности: проблемы уголовного закона и правоприменительной практики..... —
Алексеев С. П. К вопросу об обоснованности криминализации статьи 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации..... 710
Балабаева Е. А., Гаврилиди А. Н. Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних от посягательств, совершаемых лицами, обязанными осуществлять заботу о несовершеннолетних и (или) их защиту..... 716
Барышникова Т. А. Проблемы определения предмета незаконной рубки лесных насаждений..... 720
Белова Е. Л. Анализ объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ..... 725
Богачева М. Ю., Яковлева С. А. Особенности уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних..... 728
Бокова Е. Д., Савельев В. Р. Информационная война: защита авторитета Вооруженных Сил Российской Федерации в эпоху цифровых вызовов..... 732
Борисова Д. Д. Соблюдение принципа законности при определении видов соучастников преступления: проблемы правоприменительной практики..... 738
Веселова Д. Д. Некоторые проблемы квалификации незаконного осуществления медицинской деятельности..... 742
Волколупова В. В. Криминализация пропаганды наркотиков: критический анализ законодательных дефектов ст. 230.3 УК РФ..... 748
Головина А. С. Актуальные проблемы реализации института освобождения от уголовной ответственности..... 753

Горелова П. И. Уголовно-правовая защита животных в России: проблемы квалификации, пробелы в законодательстве и пути совершенствования..... 758
Горохов Д. С., Лагирева К. Н. Разграничение понятий: «распространение» и «публичная демонстрация» преступлений..... 762
Грищенко М. А., Чайковская А. А. Основные направления предупреждения преступлений, связанных с торговлей людьми, в российском и международном праве..... 767
Донцова П. Н. Признание криптовалюты имуществом по УК РФ: от законодательной новеллы к правоприменительным коллизиям..... 772
Зайчикова А. А. Малозначительность преступлений с административной преюдицией..... 777
Камнева А. А., Соломин А. А. Проблемы уголовно-правовой оценки преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, и пути их решения..... 784
Канавин М. С., Киянов К. В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий..... 795
Карасева А. Д. Проблемы определения малозначительности хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств..... 799
Кольцова А. Е, Макаева В. В. Особенности уголовной ответственности за содействие совершению диверсии (ст. 281.1 УК РФ) с учетом реформирования уголовного законодательства..... 804
Коровкина Е. А. Конфискация всего имущества коррупционеров: соответствие конституционным гарантиям права собственности и нормам ГК РФ..... 810
Лансер О. А., Метелькова А. С. Виртуальное игровое имущество как предмет преступления: проблемы квалификации хищения в цифровой среде..... 815
Лебедева К. А. Вопросы квалификации вооруженных нападений на образовательные организации Российской Федерации..... 821
Лобанова А. С. Коррупция как актуальная проблема современной России..... 827
Моисеев О. А. Штраф, исчисляемый кратно предмету преступления: обеспечение принципа справедливости..... 830
Олицкая С. В. Прокурор как субъект незаконного освобождения от уголовной ответственности..... 833
Пластинина Д. М. Некоторые вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 201.1 УК РФ по признакам субъекта..... 838
Покалюхин П. Ю. Значение судебно-психологической экспертизы в установлении аффективных состояний и их влияния на субъективную сторону преступления..... 844
Прядченко А. Д. К вопросу о перспективе отнесения деяний к уголовному проступку.... 849
Садовская А. С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в спорте..... 853
Садыхова О. Р., Царёва А. Н. Сущность и особенности преступлений, совершаемых с использованием технологии deepfake: уголовно-правовой анализ..... 857

Сивкова В. С. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обмана..... 861
Сидоров М. А. Новорожденный ребенок как потерпевший от преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ..... 867
Соколовская С. И. Некоторые проблемы применения института соучастия в преступлениях с административной преюдицией..... 873
Соломахин Н. М. Субъективная сторона преступлений в сфере компьютерной информации..... 877
Софронова К. Д. Разграничение разбоя и вымогательства с применением насилия..... 881

Сухорослова Е. Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа..... 887
Сычёв В. М. Правовые проблемы квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты и пути их решения..... 892
Фирсова-Роголева Е. А. О некоторых вопросах субъективной стороны статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации..... 897
Фоменков В. Н., Яновский С. Е. Проблема криминализации сексуальных домогательств (харассмента) в российском законодательстве: необходимость законодательных изменений..... 901
Хертек Т. С. Инфляция и проблема назначения штрафов в уголовном праве: актуальные вызовы и пути решения..... 907
Хмеловская Е. С. Место искусственного интеллекта в уголовном праве..... 910

Чекашкина В. С. Правовое регулирование и практика применения принудительных работ как альтернативы лишению свободы: проблемы и пути совершенствования..... 916
Щеглова А. А. Отграничение нарушения неприкосновенности частной жизни лица и нарушения неприкосновенности жилища с применением технических средств..... 921

IX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ..... 925

Алфёрова М. Ю. Современные виды и тенденции криминологического портрета современного мошенника..... —
Гуревич Д. А. К вопросу применения принудительной меры медицинского характера в отношении лиц, страдающих педофильным расстройством, с учетом зарубежного опыта..... 929
Данг Тхи Кам Ту Жертвы онлайн- мошенничества: факторы риска и механизмы формирования виктивности исследование на примере Вьетнама..... 934
Демченко К. И. Криминологическая характеристика лица, совершившего преступление, предусмотренного ст. 245 УК РФ..... 939
Дергачева Д. А. Противодействие использованию криптовалют и современных финансовых технологий для легализации преступных доходов..... 943

Елисеев К. П. Латентность экологической преступности, экологическое право, криминология, оценка экологического вреда..... 949
Есипова К. Н. Причины и условия современной преступности несовершеннолетних и ее предупреждение..... 952
Катербулатова Э. Р. Киберпреступность как новая форма девиантного поведения: криминологический анализ и меры противодействия..... 957
Климова А. С. Психологический портрет «серийного» преступника: деформация психики и становление преступной личности..... 961
Куликова А. С. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: современные тенденции и особенности..... 965
Николаев В. О. Психология манипуляции в киберпреступности: когнитивные искажения жертв и преступный умысел в IT-мошенничестве (ст. 159, 159.6 УК РФ)..... 971
Половинкина П. Е. Характеристика женской преступности в сфере семейных отношений и ее предупреждение..... 976
Попова О. В., Черных Я. П. Типология личности экологического преступника криминологический анализ и системная классификация..... 980
Семенченко А. А. Трансформация наркопреступности под влиянием цифровизации: роль Даркнета и криптовалют..... 984
Стерхов М. П. Эволюция криминологического дискурса в зеркале теоретического правосознания историко-методологический анализ..... 989
Хаперская А. В. Уголовно-правовые механизмы защиты жертв семейного насилия в России: криминологический анализ барьеров обращения в правоохранительные органы..... 993
Хрипункова А. М. Социальные последствия преступности в современной России..... 997
Хромых К. А. Киберпреступность в эпоху цифровизации: новые вызовы и инструменты противодействия..... 1001
Шепелева А. А. Организованная преступность в сфере незаконного оборота наркотиков.. 1005

X. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА..... 1008

Бочукова А. А., Макаренко А. С. Медиация в делах о домашнем насилии: инструмент семейной реабилитации или фактор виктимизации?..... —
Драничников Н. С. Прекращение уголовного преследования: защита прав потерпевшего..... 1014
Загудина Е. И., Кутергина А. В. Участие понятых как гарантия объективности производства следственных действий..... 1018
Коваленко П.Э. Экстрадиционная проверка в уголовном процессе России: проблема оценки деяния как уголовно-наказуемого в государствах-участниках СНГ (на примере ст. 157 УК РФ и ст. 174 УК РБ)..... 1023

Колянов Д. С. Некоторые проблемы института проверки доказательств на стадии предварительного слушания в России»..... 1028
Курносова Р. В., Суина Н. С. Сравнительный анализ стандартов доказывания в уголовном процессе России и стран общего права (США, Великобритания)..... 1035
Куулар Д. А. Проблемы разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа..... 1041
Ладченко А. В. Проблемы реализации презумпции невиновности в уголовном производстве и пути их преодоления..... 1046
Мельникова В. С. Использование следственных средств с учетом правовых норм и ограничений..... 1053
Шевченко З. В. Штрафы в суде присяжных как мера обеспечения явки в суд..... 1060

Яковлева Е. А. Деятельность прокурора на стадии возбуждения уголовного дела в условиях цифровизации..... 1065

XI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ..... 1069

Зинченко К. В. К вопросу об изъятии и осмотре электронных носителей информации..... —
Кайгородцева Ю. С. Психологический механизм формирования преступной группы несовершеннолетних: от деструктивного лидерства до конформизма и ответственности..... 1075
Кенжебентова А. А. Тактические особенности допроса несовершеннолетних в уголовном процессе..... 1079
Махаринская М. И. Криминалистический анализ использования эмодзи в цифровой коммуникации при совершении преступлений..... 1084
Мельников Д. Д. Проблемы использования специальных знаний и привлечения сведущих лиц при расследовании ятрогенных преступлений..... 1090
Ожерельева О. С. Экологические преступления как объект криминалистического исследования: современное состояние и перспективы..... 1096
Паршиков В. А. Криминалистическая характеристика мошенничества на криптовалютном рынке, совершенного способом «RUG PULL»..... 1101
Симанкова Ф. В. «Тактические особенности допроса обвиняемого в условиях конфликтной ситуации»..... 1106
Стогова С. А. Подготовительный этап допроса несовершеннолетних..... 1110

Чайникова М. А. Беспилотный летательный аппарат как объект криминалистического исследования в России и за рубежом..... 1116
Шкрябин Н. М. Научная организация труда следователя: путь к оптимизации досудебного производства..... 1121

XII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 1127

Абибулаева К. А. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами в Российской Федерации..... —

Абибулаева К. А. О некоторых вопросах, связанных с реализацией прокурором полномочий по защите прав и законных интересов граждан в административном судопроизводстве..... 1131

Амарова К. А., Карпина В. Р. К вопросу об осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание..... 1135

Белоусова А. С., Фалькова К. Н. К вопросу о принципах организации и деятельности органов прокуратуры..... 1140

Ибрагимова И. Д., Кондратьева К. А. Пределы освещения деятельности прокуратуры в средствах массовой информации и роль прокурорского надзора в обеспечении информационной корректности..... 1145

Иванова К. А. Актуальные аспекты прокурорского надзора за соблюдением прав граждан на охрану здоровья..... 1151

Ищенко П. О. О некоторых вопросах, связанных с осуществлением прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере реализации трудовых правоотношений..... 1156

Краснова Е. Д., Лозовская С. П. Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере информационной безопасности несовершеннолетних граждан..... 1159

Липанова М. С. Особенности проведения прокурорской проверки соблюдения прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в специализированных организациях..... 1164

Михайлов А. Д. Проблема формализации юридической конструкции конфликта интересов и роль органов прокуратуры в его предотвращении..... 1169

Мурзина В. А. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере защиты прав несовершеннолетних от деструктивной информации..... 1178

Ребковец М. А. Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению и информированию..... 1184

Танаева Е. В. Трансформация координационной функции органов прокуратуры Российской Федерации..... 1189

Черкасов Т. А. Аналитическая деятельность прокуратуры как основа выявления хищений в национальных проектах..... 1196

XIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА..... 1200

Аксенов А. О. Особенности применения административного наказания в форме предупреждения за административное правонарушение..... —
Альмухаметов И. И. Предотвращение конфликта интересов в условиях цифровизации на примере ГИС «Посейдон»..... 1205
Белоусов Р. С., Борисанов М. Р. Административная ответственность юридических лиц в строительной сфере за нарушение трудового законодательства..... 1211
Беседин Н. А. Проблема сверхнормативной нагрузки в ФССП и пути ее решения через специализацию должностей..... 1217
Бражкина Д. Д. Проблемы-административно-правовой защиты авторских прав в цифровой среде: новые вызовы..... 1221
Давыдов Д. Д, Рябоконь В. Е. Административно-правовые механизмы принуждения промышленных предприятий к соблюдению экологических нормативов в части выбросов энергоустановок..... 1229
Евстефеева М. С. Правовые риски неуведомления о втором гражданстве: ответственность и правовые последствия..... 1234
Ищанова К. Р. Административно-правовые проблемы реализации реформы образования 2026 года: вызовы государственного управления..... 1238
Комлева П. С. Разграничение административной и уголовной ответственности: смежные экологические правонарушения..... 1242
Осипов М. Е. Объективное вменение в административном праве: проблемы правового регулирования и пределы допустимости..... 1247
Петров А. Д. Пробелы в правовом регулировании правил дорожного движения в Российской Федерации..... 1252
Попова М. В., Солодова А. Е. Механизм оценки регулирующего воздействия: проблемы реализации процедуры публичных консультаций на региональном уровне..... 1259
Сергеев П. А. Административно-правовые меры регулирования спроса на отечественную винодельческую продукцию..... 1265
Скрипоченко П. И. Вопросы процедуры ограничения доступа к интернет-ресурсам..... 1270
Фомин И. А. Злоупотребление правом на обращение граждан как основание административной ответственности..... 1275

XIV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА..... 1281

Андреев А. А. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма в условиях глобализации: современные практики и перспективы развития..... —

Белова К. Д., Иванова И. Н. Проблемы отнесения государственной корпорации к субъектам финансового права..... 1285
Бисултанова М. Ш. К вопросу о возрождении налоговой полиции..... 1289
Вольская Е. А. Роль Центрального банка России в регулировании денежного обращения в Российской Федерации..... 1295
Глебова Я. А., Рымар М. В. Цифровой рубль как инструмент обеспечения финансового контроля в Российской Федерации..... 1298
Григорьева А. А., Синицына В. А. Налоговые льготы как инструмент преодоления кадрового дефицита на государственной службе..... 1303
Евтихеев Д. В., Меринов И. В. Налог на профессиональный доход как инструмент легализации самозанятости: достижения, проблемы, перспективы..... 1309
Залётина А. Д., Якупова А. Ю. Нормативное правовое регулирование процедур дробления бизнеса для целей налогообложения..... 1315
Кремнитцер Е. Л., Кулик А. Ю. Необходимость восстановления Федеральной службы налоговой полиции РФ..... 1320
Кузнецова Е. М., Пыжова К. Н. К вопросу развития налогообложения содержания домашних животных в Российской Федерации..... 1323
Малинин И. А. Некоторые цивилистические аспекты ответственности юридических лиц за нарушение требований налогового законодательства: правоприменительный аспект.. 1329
Мерцалова Е. В. Соотношение норм международного договора и внутригосударственных актов в сфере налогообложения: дискуссионные вопросы..... 1332
Мустакаев Т. И. Налоговые льготы для IT-компаний: эффективность правового механизма и риски злоупотреблений..... 1339
Полонец А. А. Механизм автострахования как объект финансово-правового регулирования: противодействие легализации доходов от организованных автоподстав..... 1344
Рябко В. С., Усенко О. Г. Ответственность за уклонение от уплаты налогов в зарубежных странах..... 1349
Уварова Д. Р. К вопросу о правовой природе «сомнительных сделок» в финансовой системе Российской Федерации..... 1353
Филимонова А. И., Филимонова Е. И. Налоговая политика Российской Федерации в условиях внешних санкций: поиск баланса..... 1359

XV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ЗЕМЕЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА..... 1365

Абитова Д. К. Место экологического мониторинга в правовой системе обеспечения экологической безопасности Российской Федерации..... —
Арсаева А. Х., Данченко М. В. Реформа местного самоуправления в Российской Федерации на примере Ленинградской области..... 1370
Белоус П. А., Биган А. С. Актуальные проблемы института административной ответственности за экологические правонарушения..... 1374

Буряк А. Э., Петрова Е. В. Актуальные проблемы инфраструктурного обеспечения земельных участков для многодетных семей..... 1379
Бутин А. М. Государственная политика Российской Федерации в экологической сфере.. 1385
Быстрицкая А. А. Нормотворчество органов местного самоуправления на современном этапе..... 1390
Гамалей А. Д. Правовой режим земель под объектами культурного наследия и их охранные зоны..... 1396
Горшков Г. А., Кирьянов М. В. Проблемы привлечения к имущественной ответственности, возникающие при определении объема вреда, причинённого окружающей среде.... 1405
Грубич Т. М., Мишин М. С. Общественная экологическая экспертиза как форма гражданского участия в принятии экологически значимых решений..... 1409
Дмитричева Е. Н. Обеспечение законности в сфере использования и охраны водных объектов (на примере практики Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры)..... 1417
Иванов И.С., Прокопенкова Л. А. Роль органов прокуратуры в профилактике лесных пожаров..... 1422
Кондратьева Л. А. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности в сфере правового режима земель, занятых объектами газопроводного транспорта..... 1426
Кутузов М. М., Семенов А.А. Вопросы стимулирования деятельности общественных инспекторов в сфере охраны окружающей среды: региональный аспект..... 1432
Лопатина Е. А., Орлова М. А. Актуальные проблемы правового регулирования при производстве и использовании электромобилей и их влияние на окружающую среду..... 1436
Лысенкова П. Е., Цапенко Д. И. Проблемы перехода на комплексные экологические разрешения, опыт Санкт-Петербурга..... 1441
Макина А. В., Рудичева В. П. К вопросу актуализации сведений об изменении характеристик объектов негативного воздействия на окружающую среду..... 1444
Пылева М. А. Последствия в отношении земель садоводств при несоблюдении земельного законодательства..... 1450

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научная статья
УДК 330

СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Влада Викторовна БАДЗИЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
vladabadzieva8@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических наук Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук **Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ,** s.shurpaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния санкционной политики на экономическую безопасность России и определению ключевых направлений противодействия возникающим рискам. Обобщены отраслевые последствия санкционной политики, определены направления снижения возникающих рисков.

Ключевые слова: экономическая безопасность, санкционные риски, импортозамещение, противодействие рискам

Понятие санкций (от лат. sanctio — «нерушимый закон») имеет многовековую историю и многозначно в юридической практике. В широком смысле под санкцией понимают меру воздействия к правонарушителю.

В контексте международного права санкции определяются как инструмент принуждения, применяемый одним государством или группой стран к другому государству, нарушившему нормы международного права или обязательства. Экономические санкции, являющиеся предметом настоящего исследования, представляют собой мероприятия запретительного характера в торговой и финансовой сферах, целью которых является изменение политического курса страны-объекта[1].

[1] Бахин С. В. «Санкционное право»: постановка проблемы // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 4. С. 144.

История санкционного давления на Россию насчитывает столетия — от эмбарго Ганзейского союза против Новгорода в XII веке и блокады въезда европейских мастеров в XVI веке до блокад в ходе Северной и Крымской войн, советской эпохи и беспрецедентных ограничений после 2014 года, особенно после 2022 года, когда общее число санкций превысило 31,5 тысяч[1], что создает критические риски для экономической безопасности. В ответ Россия вырабатывает стратегию противодействия: переориентация экономических отношений, расчеты в нацвалютах, импортозамещение, что позволяет адаптироваться и обеспечивать экономическую независимость.

Влияние санкций на разные отрасли экономики прежде всего определяется предшествующей уязвимостью сектора: в отраслях с высокой зависимостью от западных технологий и импорта эффект оказался наиболее заметным. Среди наиболее пострадавших отраслей: угольная промышленность[2]; лесопереработка и целлюлозно-бумажная промышленность; автомобильная промышленность; металлургия; нефтепереработка и химическая промышленность и другие.

Переходя к рискам санкционной политики, следует выделить макроэкономические и структурные риски:

- риски замедления темпов экономического роста как следствие влияния ограничений;
- риски структурных диспропорций;
- рост бюджетного дефицита и налоговой нагрузки;
- увеличение инфляции и издержек субъектов предпринимательства;
- ограничение доступа к технологиям и снижение конкурентоспособности отечественных производителей;
- ограничения в совершении международных финансовых операций;
- логистические ограничения и рост логистических затрат;
- институциональные риски;
- инвестиционные ограничения и др.

Способы противодействия рискам санкционной политики реализуются на макроуровне государством, которое формирует правовую среду, позволяющую бизнесу адаптироваться. С 2022 года правительство Российской Федерации реализует комплекс мер минимизации последствий санкционного влияния:

легализация ввоза товаров без согласия правообладателя (параллельный импорт) для предотвращения дефицита в чувствительных отраслях, причем

[1] Число санкций против России превысило 31,5 тысячи. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20260225/sanktsii-2076526925.html (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Российская газета. Юрий Станкевич: Можно на 25% снизить потребление энергоресурсов, сохраняя темпы экономического роста: интервью. 2025. 22 января. URL: https://rg.ru/2025/01/22/deputat-stankevich-rasskazal-pochemu-rf-prodolzhit-razvivat-dobychu-uglia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.04.2026)/

Минпромторг регулярно актуализирует перечень товаров, сокращая его по мере налаживания собственного производства[1];

упрощение порядка лицензирования и особый порядок вступления в силу актов с обязательными требованиями[2];

в 2022—2024 годах компаниям разрешалось не раскрывать чувствительную информацию (чье публичное раскрытие могло бы привести к введению санкций) и проводить собрания в заочной форме — к настоящему моменту часть мер утратила силу, выполнив адаптационную функцию[3].

В сфере валютного регулирования и контроля за выводом активов установлены специальные экономические меры: обязательное зачисление средств от сделок с лицами из недружественных стран на счета типа «С», требование получения разрешения правительственной комиссии для крупных сделок, а также механизмы противодействия «дроблению платежей» для обхода лимитов (судебная практика признает такие схемы недействительными и взыскивает средства в доход государства) и др.

Для обеспечения бесперебойности международных расчетов компании применяют финансовые инструменты и управление ликвидностью: диверсификацию партнеров (расширение круга банков и финансовых агентов в дружественных юрисдикциях), гибкость валюты расчетов (использование альтернативных валют помимо долларов и евро), хеджирование валютных рисков через фьючерсы, опционы и форвардные контракты, аккредитивы как инструменты, гарантирующие перевод только после выполнения обязательств, а также альтернативные платежные системы.

Важную роль играет правовая структуризация: для защиты от распространения санкционных рисков внутри группы компаний создаются юридические лица для внешнеэкономической деятельности, не имеющие прямых связей с активами, находящимися под рисками – для «изоляции» международных платежей; корпоративный договор позволяет снизить долю участия подсанкционного лица в капитале компании (для уменьшения рисков самой компании), но при этом сохранить за ним корпоративные права и имущественные интересы через специальные положения договора; также используется практика «комплаенс-пакета» — набора документов, доказывающих банку независимость экспортной компании и принятые меры по изоляции от санкционных рисков.

---

[1] Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Указ Президента РФ от 18.03.2022 № 126 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Таким образом, эффективное противодействие санкционным рискам требует комплексной многоуровневой стратегии:

на макроуровне государство формирует правовой каркас (механизмы параллельного импорта, валютного контроля, защиты чувствительной информации и другие меры)

на микроуровне хозяйствующие субъекты внедряют комплаенс, диверсифицируют партнерские связи и инструменты расчетов, используют юридические конструкции для минимизации санкционных рисков.

Обеспечение экономической безопасности России превращается в непрерывный процесс адаптации, требующий объединения усилий государства и бизнеса. Перспективы дальнейших исследований включают мониторинг эффективности мер противодействия, анализ развития альтернативных платежных систем и оценку долгосрочных последствий структурной перестройки экономики.

Научная статья
УДК 338.242.4

НАЛОГОВЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алевтина Александровна ГЕТМАНСКАЯ
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, getmanskaya.aa@mail.ru

Научный руководитель доцент Высшей школы государственного управления, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат экономических наук **Ирина Юрьевна БЛАГОВА**, blagova_iyu@spbstu.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние налоговой реформы 2026—2028 гг. на экономическую безопасность малого и среднего предпринимательства в РФ. В отличие от работ, фокусирующихся на макроэкономических эффектах налоговых изменений, в статье рассмотрено сочетание двух разнонаправленных процессов: поэтапного снижения порога годовой выручки по УСН и повышения ставки НДС до 22%, вводимых ФЗ № 425. На основе анализа данных «Опоры России» и Минфина установлено, что к 2028 г. доля плательщиков НДС в данном секторе возрастёт с 3,6% до 15%, а число дополнительно вовлеченных предприятий достигнет 700 тыс. Показано, что чем ниже порог выручки, тем выше доля субъектов МСП с низкой добавленной стоимостью, для которых налог становится некомпенсируемым фактором образования издержек. В исследовании для периода 2026—2028 гг. систематизированы три группы риска (B2C, предприятия с низким входящим НДС, малый бизнес в малых городах) и пока-

зана взаимосвязь между снижением порога упрощённой системы налогообложения и ростом просроченной задолженности по кредитам. Сформулировано авторское определение «налоговой уязвимости малого и среднего предпринимательства» и сделан вывод о необходимости расширения отраслевого охвата льготных программ и введения переходных налоговых каникул для впервые попадающих под НДС предприятий.

Ключевые слова: экономическая безопасность малого и среднего предпринимательства, налог на добавленную стоимость, УСН, порог выручки, фискальное ужесточение, государственная поддержка

Актуальность темы обусловлена вступлением в силу Федерального закона № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации», который существенно меняет налоговые условия для МСП. Цель статьи — выявить налоговые угрозы и сокращение государственной поддержки МСП как самостоятельную угрозу. Шичкин И. А. и Умнова В. А. в качестве основных вызовов для МСП выделяют инфляцию, дефицит кадров и ограниченный доступ к кредитам. Отметим, что работа не учитывает произошедшие налоговые изменения[1]. Рахманова М. С. исследовала негативный эффект от повышения НДС с 18% до 20%[2]. Таким образом, существующие работы не дают ответа на вопрос, как снижение порога по выручке до 10 млн. рублей и повышение НДС ещё на 2% повлияют на экономическую безопасность сектора.

Согласно Федеральному закону от 28.11.2025 № 425-ФЗ, с 1 января 2026 года вводится поэтапное снижение порогового значения годовой выручки, при котором у хозяйствующих субъектов, применяющих УСН, возникает обязанность по уплате НДС. Установлен трёхлетний переходный период: в 2026 году порог снижается с 60 до 20 млн. рублей, в 2027 году — до 15 млн. рублей, а с 2028 — до 10 млн. рублей [3]. Одновременно с этим ставка НДС повышается с 20% до 22% для всех категорий налогоплательщиков.

В контексте экономической безопасности МСП в 2026-2028 гг. данная трансформация формирует комплексный налоговый риск для значительной части указанного сектора. Обозначим налоговые риски для МСП как вероятность событий, при которых субъекты МСП не могут компенсировать дополнительную

[1] Шичкин И. А., Умнов В. А. Современные тенденции развития малого и среднего предпринимательства в России //Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. №. 1. С. 61—84.

[2] Рахманова М. С. Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации //Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2021. Т. 13. №. 3. С. 53-61.

[3] Малому бизнесу готовят мягкую посадку // Эксперт URL: https://expert.ru/ekonomika/malomu-biznesu-gotovyat-myagkuyu-posadku/ (дата обращения: 25.03.2026).

фискальную нагрузку без потери конкурентоспособности, сокращения персонала или ухода в тень. Согласно оценкам «Опоры России», при пороге в 20 млн. рублей дополнительными плательщиками НДС станут около 350 тыс. компаний, а при снижении до 10 млн. рублей — уже порядка 700 тыс. предприятий. Минфин прогнозирует, что мера затронет приблизительно 15% сектора, что увеличит долю плательщиков НДС с текущих 3,6 % до 15 % [1].

Содержание налогового риска раскрывается через дифференцированное воздействие на различные категории бизнеса. Эксперты выделяют три наиболее уязвимые группы. Первая – предприятия, работающие в сегменте B2C (розничная торговля, парикмахерские, кафе, фитнес-клубы), для которых добавление НДС автоматически увеличивает цены на товары и услуги на 5-7%, что при снижающейся покупательской способности населения создаёт риск падения спроса. Вторая группа — компании с низкой долей входящего НДС, которые не могут компенсировать возросшую нагрузку налоговыми вычетами, в результате чего вся налоговая нагрузка ложится на конечную прибыль. Третья категория — бизнес в малых городах, где среднемесячный доход индивидуальных предпринимателей составляет около 200 тыс. рублей и для них новые налоговые обязательства могут означать необходимость сокращения сотрудников или закрытия [2].

Повышение ставки НДС с 20% до 22% воздействует на сектор МСП по нескольким направлениям. Первое — увеличение кассовых разрывов и рост доли оборотного капитала, «запертого» в НДС, что особенно ощутимо для компаний с длинным циклом оплаты или внешнеэкономическими контрактами [3]. Для бизнеса, чьи входящие затраты сконцентрированы у плательщиков НДС, повышение ставки означает, что предприятия будут вынуждены либо переносить издержки на конечного потребителя, что в условиях ограниченного спроса грозит потерей конкурентоспособности, либо принимать дополнительные расходы. В сегменте B2C, особенно в розничной торговле, в начале 2026 года это уже привело к росту цен ориентировочно на 2,5-3%. Одновременно с этим зафиксирован рекордный отток средств в наличность (по состоянии на декабрь 2025 года: 836,3 млрд. рублей). Эксперты отмечают, что более 80% средств перешло в наличный оборот именно в конце года, что связывают с попытками малого бизнеса удержать легальную выручку для сохранения права на освобождение от НДС[4].

---

[1] Как снижение порога упрощенной системы налогообложения скажется на бизнесе? // RGRU URL: https://rg.ru/2025/09/25/professor-riahovskij-snizhenii-poroga-usn-pomozhet-borotsia-s-drobleniem-biznesa.html (дата обращения: 27.03.2026).

[2] Налоговый дайджест за сентябрь // Право URL: https://pravo.ru/story/260666/amp/ (дата обращения: 27.03.2026).

[3] НДС 22% и новые лимиты: как изменится налоговая нагрузка // РБК Компании URL: https://companies.rbc.ru/amp/news/9d1ddb99-693f-4d68-8fde-49fec0e9e1b8/ (дата обращения: 30.03.2026).

[4] Повышение НДС: последствия уже наступили // MOSCOW ECONOMIC FORUM URL: https://me-forum.ru/media/news/18281/ (дата обращения: 06.04.2026).

Для минимизации рисков повышения НДС и снижения порога по выручке государство предлагает ряд защитных мер для субъектов малого и среднего предпринимательства. С 01 апреля 2026 года вводится временное освобождение от налога для предприятий на упрощенной системе налогообложения и патентной системе налогообложения. Упрощён порядок применения пониженных страховых взносов для обрабатывающих производств. На микроуровне рекомендуется рассмотреть переход на льготный режим АУСН 8% или статус резидента «Сколково» для льготной оптимизации нагрузки[1]. Однако как показано далее, этих мер недостаточно для компенсации масштаба угрозы.

В условиях налоговых изменений 2026-2028 гг. особую значимость приобретает сокращение государственной поддержки как самостоятельная угроза экономической безопасности сектора МСП. Предприниматели регулярно указывают на слабые стороны государственной поддержки, которые создают реальные угрозы для устойчивости и роста бизнеса. Среди них: сокращение реального объёма поддержки, низкая доступность льгот, проблемы с кредитованием и долговой нагрузкой, а также увеличение фискальной нагрузки и административных барьеров.

Исследования показывают, что количество предпринимателей, получающих государственную поддержку в той или иной форме, сократилось на 22% в первой половине 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Общий объём государственной поддержки МСП уменьшился на 43%. Это связано с ужесточением условий доступа к льготному кредитованию и ряду других программ. Льготные программы зачастую ориентированы на сегменты бизнеса, которые не отражают текущие потребности большинства предпринимателей. Например, льготное кредитование ограничено определёнными отраслями (ИТ, наука, туризм и др.) и не включает иные виды экономической деятельности в сегменте МСП, в том числе наиболее уязвимые при снижении порога по УСН (торговлю, сферу услуг).

Что касается проблем с кредитованием, согласно данным Центрального банка России, к середине 2025 г. объём просроченной задолженности сектора достиг 766 млрд. рублей, увеличившись на 14% по сравнению с годом ранее. При этом общий объём кредитов для малого и среднего предпринимательства сократился почти на четверть.

Повышение НДС и ужесточение налоговых условий привели к давлению на финансовые потоки, росту цен и уходу в тень. Около четверти МСП допускают закрытие в ближайшие полгода, а в 2026-2028 гг. этот риск может стать массовым, угрожая занятости и инвестиционной привлекательности.

Для снижения рисков, связанных с недостаточной поддержкой МСП со стороны государства и налоговыми рисками, используются несколько основных

[1] Как МСП отреагируют на новые налоги 2026 году // Эксперт URL: https://expert.ru/analitika/kak-msp-otreagiruyut-na-novye-nalogi-2026-godu/ (дата обращения: 07.04.2026).

направлений защиты. Одним из ключевых механизмов является расширение финансовых инструментов помощи. В России действуют программы льготного кредитования, гарантийные схемы, субсидии и гранты, которые помогают предпринимателям снизить стоимость заёмных средств и компенсировать часть затрат на развитие. Федеральные и региональные меры предусматривают льготное финансирование под сниженные ставки и поручительства до 50% суммы кредита для предприятий без залога, что уменьшает риски получения кредита для рассматриваемых субъектов сектора. Например, такая мера действует в республике Татарстан, однако сохраняется требование частичного залога или поручительства.

Налоговая и имущественная поддержка выступает ещё одним направлением защиты: государство предлагает специальные налоговые режимы — УСН, ПСН или НПД для самозанятых — а также льготные условия аренды для малых предприятий, что снижает налоговую и административную нагрузку. В контексте 2026-2028 гг. особенно важно активное использование режимов с пониженными ставками и налоговых каникул для впервые зарегистрированных ИП.

На основе проведённого анализа автором были сформулированы предложения по совершенствованию налоговой и кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства. Во-первых, предлагается введение переходных налоговых каникул для предприятий, впервые попадающих под обязанность уплаты НДС в 2026-2028 гг. В отличие действующей меры, ограниченной только предприятиями общепита с 1 апреля 2026 г., целесообразно установить однолетнее освобождение от уплаты НДС для всех субъектов сектора, чья годовая выручка впервые превысила пороговое значение (20 млн. рублей в 2026 г., 15 млн. рублей в 2027 г., 10 млн. рублей в 2028 г.). Это позволит бизнесу адаптироваться к новым условиям, перестроить ценообразование и документооборот без риска мгновенного улучшения финансового положения. Во-вторых, критический анализ существующих мер государственной поддержки выявляет пробел – отсутствие льгот для розничной торговли с оборотом от 10 до 20 млн. рублей. Действующие программы льготного кредитования (Постановление № 1764) ориентированы преимущественно на обрабатывающие производства, ИТ, науку и туризм. При этом розничная торговля, на долю которой приходится около 19% всех субъектов сектора, фактически исключена из системы льготного кредитования. В то же время именно предприятия торговли с указанным оборотом составляют наиболее уязвимую группу при снижении порога УСН.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Налоговые изменения 2026-2028 гг. затронут до 700 тыс. предприятий МСП, наиболее уязвимы — B2C, компании с низким входящим НДС и бизнес в малых городах. Господдержка сократилась на 43% и отличается отраслевой дифференциацией, что превращает это сокращение в реальную угрозу. Для минимизации рисков необходимы институциональные изменения: расширение отраслевого охвата

льготных программ на торговлю и услуги (с ограничением отдельных категорий), введение переходных налоговых каникул для впервые попадающих под НДС предприятий.

Научная статья
УДК 338.242.4

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ «ИНОСТРАННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА» И «ТРУДЯЩИЙСЯ МИГРАНТ» В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Владислав Александрович КОРЗУХИН
студент 2 курса магистратуры группы 10-мЮРо24-4
Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, Санкт-Петербург,
lektorat00@mail.ru

Научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) **Татьяна Сергеевна КОНОНЫХИНА**,
tskononykhina@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируется эволюция и содержательная разница между правовыми категориями «иностранная рабочая сила» и «трудящийся-мигрант» в международном и российском праве. На примере подходов ООН (широкое определение, включающее нелегальных мигрантов), Международной организации труда и европейского законодательства (легальный статус как обязательное условие) показана неоднозначность международных стандартов. Особое внимание уделено российской правовой системе, где отсутствует понятие «трудящийся-мигрант», а используется узкая категория «иностранный работник» — временная функция, привязанная к разрешению на работу. Рассматриваются механизмы квотирования, проблемы нелегальной миграции (840 тыс. человек в реестре контролируемых лиц на 2025 год) и риски, связанные с пробелами в законодательстве. Делается вывод о необходимости унификации терминологии и закрепления чёткого статуса таких работников в Трудовом кодексе РФ для баланса между защитой национального рынка труда и правами человека.

Ключевые слова: иностранная рабочая сила, трудящийся-мигрант, иностранный работник, международное право, российское право, правовой статус мигрантов, легальная и нелегальная миграция, Конвенция ООН 1990 года, Международная организация труда (МОТ), квотирование иностранной рабочей силы

Всех приветствую, меня зовут Владислав, на ваше внимание предлагается доклад на тему: Эволюция правовых категорий «иностранная рабочая сила» и

«трудящийся мигрант» в международном и российском праве**.** Сегодня мы поговорим о том, почему так важно понимать разницу между словами «иностранный работник» и «трудящийся-мигрант». Казалось бы, это синонимы, но от того, какой термин используется, напрямую зависят права человека и обязанности государства, в котором он работает.

Начнем с международного уровня. ООН еще в 1990 году предложила самое широкое определение: трудящийся-мигрант — это любой, кто работает в стране не гражданства. Это определение уникально тем, что оно распространяется на всех — включая нелегалов. Конвенция ООН пыталась защитить права человека на всех этапах: до переезда, во время работы и даже после возвращения домой. Однако именно из-за этой «всеобъемлемости» многие страны, включая Россию, её не ратифицировали — они не захотели давать одинаковые права тем, кто въехал законно и незаконно.[1]

Совсем иной подход у Международной организации труда. Тут всё строже: трудящийся-мигрант — это только тот, кто пересек границу легально и устроился на работу по закону. То же самое в Европе: если у вас нет вида на жительство и трудового договора, вы не считаетесь мигрантом в правовом смысле.

Если посмотреть на мировой опыт, например, Япония формально запрещает использовать низкоквалифицированных мигрантов, но бизнес все равно нанимает их нелегально, т. к это дёшево. ОАЭ, наоборот, активно привлекают рабочую силу, но держат мигрантов на дистанции, выдавая долгосрочные визы и гражданство только инвесторам и элитным специалистам. Китай строжайшим образом следит за мигрантами и в крайне редких случаях выдаёт гражданство мигрантам. Все эти страны объединяет одно: они защищают свой рынок труда и национальные интересы, но проблема нелегальной миграции и преступлений всё равно остается.

Теперь посмотрим на Россию. В нашем законодательстве нет понятия «трудящийся-мигрант». У нас есть только «иностранный работник». И это очень узкая категория. Иностранный работник по российскому закону — это иностранец, который временно находится в стране и работает по найму. Как только трудовой договор заканчивается или истекает патент — статус теряется, и человек обязан уехать.

Важно понимать: есть еще две категории иностранцев: те, у кого есть разрешение на временное проживание, и те, у кого есть вид на жительство. Они уже более прочно связаны с Россией и по правам почти приравнены к гражданам в рабочей сфере, кроме права работать в госструктурах.[2]

Наш закон оперирует понятием «иностранная рабочая сила» — это, по сути, экономический ресурс. Государство регулирует его с помощью квот и запретов.

---

[1] Статья 2 Международной конвенции №97 о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant1.shtml сайт : некоммерч. интернет-версия. URL (дата обращения: 07.03.2026г).

[2] статья 16 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" от 27.07.2004 № 79-ФЗ.

Например, в строительстве может работать не больше 80 % мигрантов, а в торговле алкоголем — не больше 15 %.[1]

Главная разница между терминами «трудящийся мигрант» и «иностранный работник». В международном праве «трудящийся-мигрант» — это человек с правами даже в случае утраты статуса. А в России «иностранный работник» — это временная функция, привязанная к разрешению. Нет разрешения — нет работника, есть нелегал, которого нужно выслать.

Данная проблема сегодня стоит остро. Премьер-министр Мишустин приводил цифры: на начало февраля в реестре контролируемых лиц — около 840 тысяч нелегальных мигрантов. Только за 2025 год выслали 72 тысячи человек. И финансирование экстремистских ячеек, к сожалению, растет, особенно на Северном Кавказе. Очевидно, что патентов и запретов недостаточно.

«Иностранный работник» и «трудящийся-мигрант» — не одно и то же. В России доминирует жесткий, формальный подход, цель которого — защита рынка труда. Эксперты давно говорят, что нужно унифицировать понятия и прописать в Трудовом кодексе четкий статус таких работников, чтобы соблюсти баланс между интересами страны и правами граждан.

Научная статья
УДК 338.242.

ВЫСОКАЯ КЛЮЧЕВАЯ СТАВКА И ПАДЕНИЕ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ АКТИВОВ КАК УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Анастасия Александровна КУРЫНКИНА[1], Вероника Владимировна СМЕРДОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
[1] akurynkina@yandex.ru
[2] veronikasmerdova50@gmail.com

Научный руководитель доцент высшей школы государственного управления Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, кандидат экономических наук доцент **Ирина Юрьевна БЛАГОВА**, blagova_iyu@spbstu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две системные угрозы экономической безопасности малого и среднего предпринимательства (МСП) в России в

[1] Статья 2 Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" от 25.07.2002 № 115-ФЗ.

2024—2025 гг.: высокая ключевая ставка Банка России и падение рентабельности активов. На основе данных Банка России, аналитических обзоров и статистики просроченной задолженности (таблица с помесячной динамикой за 2024—2025 гг. включительно) показано, что жесткая денежно-кредитная политика привела к сжатию кредитования, удорожанию обслуживания долга и росту числа субъектов МСП с просроченной задолженностью до 141 тыс. на июль 2025 года. Отдельно проанализирована угроза снижения эффективности деятельности, оцененная по рентабельности активов (ROA), и предложены направления защиты: диверсификация инструментов заимствования, расширение льготного кредитования, законодательное закрепление права на кредитные каникулы, а также цифровизация процессов и активное управление финансовой устойчивостью.

Ключевые слова: экономическая безопасность, малые и средние предприятия (МСП), ключевая ставка, просроченная задолженность, рентабельность активов, кредитование, цифровизация

В основу обеспечения экономической безопасности компании включена задача идентификации и противодействия негативным воздействиям, способным нанести ущерб ее функционированию и развитию. Эти воздействия, различающиеся по степени вероятности и характеру влияния, формируют два ключевых понятия: риски и угрозы. Их четкое разграничение является необходимым условием для выстраивания эффективной системы защиты экономических интересов, особенно в секторе малого и среднего предпринимательства (МСП), который в силу ограниченных ресурсов наиболее уязвим перед внешними шоками.

Малые и средние предприятия (МСП) составляют основу экономической динамики России: на их долю приходится более 20% ВВП и около 40% всех рабочих мест. Доля МСП в российской экономике оценивается рекордно высоко — на уровне 21,7% ВВП, что превышает вклад отдельных крупных отраслей. При этом высокая чувствительность малого и среднего бизнеса к изменениям внешней среды, макроэкономическим и геополитическим рискам делает данный сектор особо уязвимым, а его сжатие способно оказать негативный эффект на экономику в целом. В период с 2022 по 2025 год российский малый бизнес столкнулся с рядом серьёзных вызовов, что требует тщательного анализа его экономической безопасности.

В отличие от рисков, имеющих вероятностный характер, угрозы экономической безопасности носят направленный, предметный характер и способны причинить прямой ущерб. Для российских МСП в 2024—2025 гг. сформировались две системные угрозы: высокая ключевая ставка Банка России и падение рентабельности активов. Первая привела к сжатию кредитования, удорожанию обслуживания долга и росту просроченной задолженности; вторая — к снижению эффективности деятельности и потере операционной устойчивости[1].

Высокая ключевая ставка и сокращение доступности кредитов, что следует из аналитического обзора Банка России за 1 полугодие 2025 года. По нашему мнению, жесткая денежно-кредитная политика Банка России сформировала комплексную угрозу для сектора малого и среднего предпринимательства, которая проявилась одновременно в трех направлениях: сжатии нового кредитования, удорожании обслуживания существующего долга и сокращении государственной поддержки.

На начало июля 2025 года общая задолженность субъектов МСП перед банками достигла 15,7 трлн. рублей, годовой темп прироста кредитного портфеля субъектов МСП снизился до 9% против 25,8% в 2024 году. В сегменте реальных МСП (без учёта квазиМСП — крупных заемщиков) портфель сократился на 5,6%, тогда как доля квазиМСП выросла до 55%, что свидетельствует о концентрации ресурсов у крупных игроков и исключении массового сегмента из рыночного финансирования. Решающим фактором для формирования угрозы стала рекордная доля кредитов с плавающей ставкой – 60% портфеля, из которых 76,6% привязано непосредственно к ключевой ставке Центрального банка. При каждом ее повышении стоимость обслуживания долга растет для большинства заемщиков, независимо от их финансового состояния. Следствием стали рост доли кредитов с просроченной задолженностью до 20,8% от общего объема кредитного портфеля (против 13,8% в 2024 году), а также критическое положение торговли, на которую пришлось 30,5% всей просроченной задолженности по ставкам 27% и выше. Льготное кредитование сократилось в 2,1 раза, его доля в выдачах упала до 4,8%, причем поддержка сохранилась лишь в сельском хозяйстве (63,1%).

Таблица 1 — Динамика количества субъектов МСП с просроченной задолженностью

Дата	Количество субъектов МСП с просроченной задолженности (тыс.ед.)
01.01.2024	62
01.02.2024	71
01.03.2024	79
01.04.2024	78
01.05.2024	81
01.06.2024	85
01.07.2024	89
01.08.2024	80
01.09.2024	84
01.10.2024	95
01.11.2024	92
01.12.2024	96
01.01.2025	95

01.02.2025	108
01.03.2025	124
01.04.2025	122
01.05.2025	126
01.06.2025	127
01.07.2025	141

Оживление наступило во втором полугодии 2025 года, когда Банк России приступил к смягчению политики: снижение ключевой ставки привело к сокращению средневзвешенных ставок до 23,19% (краткосрочные кредиты) и 18,40% (долгосрочные кредиты). Доля просроченных кредитов в общем объеме кредитного портфеля субъектов МСП у российских банков к сентябрю 2025 года снизилась до 3,8%. Однако, на наш взгляд, системный характер угрозы требует институциональных изменений. Ключевым направлением защиты может выступить диверсификация инструментов заимствования для МСП — снижение доли кредитов, привязанных к ключевой ставке, и развитие инструментов с привязкой к стабильным индикаторам (например, к срочной версии ставки RUONIA). Одновременно необходимо расширение программ льготного кредитования на отрасли с низкой рентабельностью (торговля, операции с недвижимостью) по аналогии с сельским хозяйством. Второе направление защиты — повышение доступности реструктуризации кредитов для субъектов МСП. Этот инструмент уже активно используется: во 2-ом квартале 2025 года предприниматели подали 74,8 тысячи заявок на пересмотр условий кредитных договоров, а доля одобренных реструктуризаций выросла до 43,1%. Приведенные данные свидетельствуют о высоком спросе со стороны МСП на урегулирование долговой нагрузки и о готовности кредиторов к диалогу. Вместе с тем сохраняется проблема непрозрачности процедур и их зависимости от внутренних регламентов каждой кредитной организации. Для придания механизму системного характера необходима выработка единых стандартов реструктуризации для крупных банков, а также законодательное закрепление права на кредитные каникулы в периоды резких макроэкономических изменений. Реализация этих мер позволит не только снизить социальную напряженность, но и предотвратить массовую утрату платежеспособности тысяч предприятий, находящихся сегодня в зоне риска[2].

Угроза снижения эффективности деятельности для МСП может быть оценена по рентабельности активов (ROA). Для малого и среднего бизнеса (МСБ) в 2024–2026 годах стала критической. На показатель рентабельности активов напрямую влияют эффективность продаж и оборачиваемость ресурсов. Однако в 2024 году снижение продаж стало главным вызовом для 30% представителей МСП (данные ПСБ и «Опоры России»), что вынудило бизнес переключить фокус внимания на удержание позиций и поддержание текущей устойчивости. По нашему мнению, ключевыми направлениями по преодолению угрозы снижения

рентабельности активов для МСП становятся цифровизация процессов (переход к системной автоматизации и использованию ИИ для снижения издержек) и активное управление финансовой устойчивостью (мониторинг рентабельности, оптимизация налоговой нагрузки и привлечение господдержки). Цифровизация стала главным инструментом адаптации МСП. Компании переходят от точечных решений к системным, внедряя облачные сервисы, интернет вещей и ИИ («ТеДо»). Согласно опросу НАФИ, 46% предпринимателей видят пользу в искусственном интеллекте, а в 2024 году его уже использовало каждое третье предприятие. Масштабному внедрению способствует и господдержка — 236 млрд рублей, выделенных в первом квартале 2025 года, в значительной мере были направлены на цифровизацию[3].

Можно сделать вывод, что угроза высокой ключевой ставки в 2024—2025 гг. привела к сжатию кредитования, удорожанию обслуживания долга и росту числа МСП с просроченной задолженностью до 141 тыс. на июль 2025 года. Лишь смягчение политики Банка России во втором полугодии снизило долю просроченных кредитов до 3,8% к сентябрю. Угроза падения рентабельности активов усугубилась снижением продаж у 30% предприятий. Системный характер угроз требует институциональных мер: диверсификации заимствований (снижение доли кредитов с плавающей ставкой), расширения льготного кредитования на низкорентабельные отрасли, законодательного закрепления права на кредитные каникулы, а также переход предприятий к системной автоматизации и использованию ИИ для снижения издержек.

Научная статья
УДК 165

ТЮРЬМА КАК ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ЛОКУС

София Андреевна КУЧЕРЯВЕНКО[1], Матвей Юрьевич ПОПОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] sofikucheryavenko@yandex.ru
[2] matvejvolk797@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, старший советник юстиции, заслуженный работник высшей школы РФ **Александр Александрович ЛУГОВОЙ** aalugovoi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен творческой и интеллектуальной активности в условиях тотального подавления. Авторы поднимают вопрос о том, как экстремальные условия и случае побудили на великие создания и открытия чего-то нового и удивительного.

Ключевые слова: тюрьма, великие идеи, ситуации, состояния, творчество, экстремальные условия, теория

Есть в истории мысли сюжеты, которые не перестают удивлять своей парадоксальностью. Тюрьма есть пространство, созданное для тотального подавления, дегуманизации, исключения человека из общества, однако на протяжении веков она оказывается местом, где рождаются великие идеи, совершаются научные открытия, создаются философские учения, определившие облик современной цивилизации. Боэций пишет «Утешение Философией» в камере смертников, Антонио Грамши создаёт «Тюремные тетради» в застенках фашистской Италии, Жан-Виктор Понселе в саратовском плену закладывает основы проективной геометрии, а Юрий Кондратюк, находясь в заключении, рассчитывает траектории полётов к Луне. Этот ряд можно продолжать бесконечно, и каждый раз он ставит перед нами один и тот же вопрос: как возможен творческий акт там, где, казалось бы, уничтожены все условия для него?

Ответ на этот вопрос требует выхода за рамки собственно тюремного опыта. Философия XX века подарила нам понимание человека как существа, чья природа раскрывается в двух измерениях: способности к творчеству и осознании собственной смертности. Без предчувствия кончины, подлинное творчество не может начаться, ибо только в процессе созидания человек впервые рождает себя как такового. Тюремное заключение обостряет оба эти измерения до предела: человек оказывается лицом к лицу со своей конечностью, и одновременно перед необходимостью самовыражения как единственной формы выживания личности.

Однако тюрьма предстает как частный случай более широкого феномена. Экстремальные ситуации, травмы, физические катастрофы, изоляция и потеря привычного мира также способны стать катализаторами творческого прорыва. Карл Ясперс в своей концепции «пограничных ситуаций» показал, что именно крушение привычного, пробуждает подлинную экзистенцию[1].

Все эти ситуации объединяет одно: лиминальное состояние, в котором человек оказывается «ни здесь, ни там», между смертью и жизнью, между прошлым и будущим. Экстремальные ситуации являют собой разные проявления одного и того же познавательного сдвига, который Гастон Башляр назвал «эпи-

[1] Ясперс К. Философская вера / пер. с нем. Т.Ю. Бородай // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 435.

стемическим разрывом» — скачкообразным переходом от обыденного, идеологизированного знания к научному, от репродуктивного мышления к продуктивному[1].

Чтобы понять природу творчества в экстремальных условиях, необходимо обратиться к концептуальному аппарату, выработанному европейской мыслью прошлого века. Ключевым понятием здесь выступает лиминальность, введённая французским этнографом Арнольдом ван Геннепом. В своей работе «Обряды перехода» он описал три фазы ритуалов: отделение, переход (лимен) и включение, утверждая, что «регенерация» является законом жизни[2] . Виктор Тёрнер развил эту идею, показав, что лиминальное состояние — это всегда вне времени и пространства, где старые социальные статусы утрачены, а новые не обретены. Лиминальность уподобляется смерти, утробному существованию, невидимости, темноте; это «миг во времени и вне его»[3].

Тюремное заключение, как и любая пограничная ситуация, является принудительным. Человек отделён от общества, помещён в пограничное пространство, где прежние идентичности и диспозиции теряют силу. Именно в этой антиструктуре возникает уникальная возможность для пересборки мировоззрения. Карл Ясперс описывает пограничные ситуации как моменты, когда крушение привычного мира пробуждает подлинную экзистенцию. Для Фриды Кало такой ситуацией стала катастрофа 1925 года, которая произвела радикальный разрыв её обыденного существования. Прикованная к постели, она нашла альтернативу в живописи.

Исключительно важный инструментарий для понимания социальной динамики творчества в лиминальных условиях предлагает Пьер Бурдье. Его понятия поля, габитуса, символического капитала позволяют увидеть процесс трансформации. Поле — это социальный микрокосм со своими законами[4]; габитус — система прочных диспозиций, которые порождают и организуют практики[5]. В тюрьме прежний габитус утрачивает эффективность, возникает необходимость в новых диспозициях, адекватных условиям поля. Особое значение приобретает концепция доксы — того, что не подвергается сомнению и воспринимается как естественное. Тюремное заключение создаёт исключительные условия для разрыва с доксой. Изоляция от социума позволяет увидеть его как социально сконструированный, а не естественный ход вещей.

Однако теория Бурдье не объясняет, что происходит на уровне субъекта в момент разрыва. Здесь на помощь приходит экзистенциальная феноменология. Морис Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» рассматривает тело как

---

[1] Башляр Г. Новый рационализм / пер. с фр. Ю.П. Сенокосова, Г.Я. Туровера. М.: Прогресс, 1987. С. 45.

[2] Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю.В. Ивановой. М.: Восточная литература, 1999. С. 67.

[3] Тёрнер В. Символ и ритуал / пер. с англ. В.А. Бейлиса. М.: Наука, 1983. С. 124.

[4] Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 312.

[5] Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова и др. СПб.: Алетейя, 2001. С. 87.

«проект» в мире. Для Арона Ралстона акт самостоятельной ампутации предплечья тупым ножом стал высшей формой интенциональности, направленной на преодоление биологического детерминизма[1]. Физическое саморазрушение так становится инструментом спасения целостности личности. Фридрих Ницше в «Весёлой науке» утверждал, что большое страдание является последним освободителем духа, принуждающим человека к искренности. Опыт Ралстона и Кало подтверждает этот тезис: страдание становится не фоном, а двигателем творчества.

Особое место в ряду лиминальных ситуаций занимает концентрационный лагерь. Виктор Франкл, прошедший Освенцим и Дахау, описал три фазы психологических реакций заключённого: прибытия в лагерь, апатию пребывания и разочарование после освобождения. Наиболее важным для нашей темы является его анализ второй фазы, когда человек, лишённый всего, впадает в состояние «безбудущного существования»

Немаловажную роль здесь играет наши физические действия, которые описывают психологическое состояние. Ведь именно благодаря действиям, которые мы воспроизводим конструируется наше внутренние отношения. Он пишет: «Человек, который не в состоянии предвидеть конец этого его временного существования, тем самым не может и направить жизнь к какой-то цели. Он уже не может… ориентироваться на будущее, что нарушает общую структуру его внутренней жизни в целом, лишает опоры» [2]. Однако именно в этой безопорности, по Франклу, раскрывается последняя свобода — свобода занять позицию по отношению к обстоятельствам.

Таким образом, тюрьма, травма, лагерь — все это разные проявления одной и той же онтологической структуры, где через уничтожение старого мира происходит рождение нового.

Прежде чем углубляться в философские обобщения, стоит всмотреться в правовой контекст, в котором сегодня осуществляется творческая деятельность осуждённых в России. Здесь обнаруживается глубокое противоречие. С одной стороны, Конституция гарантирует свободу творчества каждому, и эта гарантия распространяется и на лиц, лишённых свободы, поскольку ограничение прав возможно лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения целей наказания. С другой стороны, согласно правилам внутреннего распорядка инструменты творческой деятельности, такие как, цветные карандаши (кроме синего и чёрного), фломастеры, фотоаппараты, компьютерная техника — включены в перечень запрещённых предметов[3]. Более того, результаты творческой деятельности не могут свободно отчуждаться между осуждёнными (п. 15 разд. III ПВР ИУ), что блокирует формирование «творческого поля» и обмен идеями.

---

[1] Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной. М.: Наука, 1999. С. 203.

[2] Франкл В. Э. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина Диджитал, 2011. С. 96 (электронное издание).

[3] Бармашов В. И. Общая характеристика исключительных прав... // Проблемы правового регулирования интеллектуальной собственности... Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 41.

Особую сложность представляет вопрос о патентовании изобретений, созданных в местах лишения свободы. В гражданском законодательстве России нет отдельных норм, которые обозначали бы порядок действий осуждённых, желающих воплотить свои творческие идеи и получить на них патент. Если изобретение создано на производстве, оно признаётся служебным в соответствии со ст. 1370 ГК РФ, и исключительные права принадлежат исправительному учреждению. Статистика красноречива: за двадцать лет (к 2016 году) в учреждениях ФСИН России было запатентовано всего 22 промышленных результата, из них 12 изобретений. В Китае, например действует программа поощрения интеллектуальной деятельности осуждённых, включающая возможность сокращения срока наказания[1] .

На фоне всего перечисленного, разворачивается удивительное многообразие тюремных «пространств творчества». Они неоднородны, и характер лиминального состояния зависит от того, в какое именно «место небытия» помещён человек.

Одиночное заключение – режим абсолютной изоляции, где сознание сталкивается с пустотой и вынуждено порождать миры из самого себя. Кристофер Берни, британский офицер, восемнадцать месяцев в одиночке гестапо, не имея ни бумаги, ни книг, создал в голове целую философскую систему выживания: придумывал игры, вычислял время по тени, вёл непрерывный внутренний диалог. Это философия из пустоты, где важен процесс мышления как акт выживания.

Каторга представляет собой пространство, где физическое истощение слито с социальным унижением, а страдание становится источником экзистенциального прозрения. Именно здесь вирусолог Лев Зильбер, трижды арестованный, работая в лагерной больнице на Печоре, создаёт из оленьего ягеля «антипелларгин», сохраняя научный габитус там, где культурный капитал полностью обесценен.

Иным пространством выступают тюремные конструкторские бюро, советский феномен принудительного труда учёных. В терминах Фуко, это совершенная дисциплинарная машина, в которой власть не только наказывает, но и производит знание. В ЦКБ-29 работали Туполев, Петляков, Королёв; концентрация научного капитала создавала поле высокой интенсивности, где задачи сохраняли значимость вопреки внешним условиям.

Совсем иной случай представляет философ Василий Сеземан, ученик Н. О. Лосского и представитель марбургского неокантианства. В 1950 году осуждённый на пятнадцать лет, в Тайшетском лагере (1950—1955 годы) он не только создал цикл работ об интуитивизме (Шелер, Лосский, Бергсон), но и преподавал западную философию другим заключённым, явив тем самым феномен

[1] Будаков Д. И. Особенности реализации патентных прав осужденными к лишению свободы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: СибЛУ, 2020. С. 118.

«лагерного университета», удивительную конвертацию культурного капитала в экстремальных условиях.

Анализ множества подобных кейсов позволяет выделить несколько устойчивых стратегий, с помощью которых сознание преодолевает травму заключения и выходит на уровень эпистемического прорыва.

Компенсаторная стратегия проявляется в тех случаях, когда заключенный вынужден использовать лишь собственную память. Франкл в лагере использует приём: он представляет себя на кафедре, читающим лекцию о психологии концлагеря, тем самым объективируя свои страдания и обретая дистанцию. Это «спинозовский» метод: «аффект, который есть страдание, перестаёт быть страданием, как только мы формируем о нём ясную и отчётливую идею» [1].

Утопическая стратегия превращает тюрьму в лабораторию конструирования идеальных миров. Кампанелла создаёт «Город Солнца», а Грамши в «Тюремных тетрадях» разрабатывает ключевые понятия современной социальной философии: культурная гегемония, роль интеллектуалов, исторический блок.

Коммунитарная стратегия, явленная в кейсе Сеземана, показывает, что творчество может становиться коллективным актом, формирующим интеллектуальное сообщество даже в условиях лагеря. Это выживание через создание поля интеллектуального взаимодействия, альтернативного официальному.

Важно отметить, что творчество в заключении амбивалентно. Оно может быть как подлинным прорывом к новому смыслу, так и застреванием в периферийных, травматических переживаниях.

Судьба изобретений, созданных в тюрьме, зависит от того, насколько восприимчивым оказывается общество вне заключения. С точки зрения Бурдье, речь идёт о конвертации капитала, накопленного в тюремном поле, в капитал, признаваемый во внешних полях. Чарльз Файлер, создавший в тюрьме слепую замочную швейную машину, получил пять тысяч долларов, пакет акций и досрочное освобождение. Напротив, Джон Р. Уилмот, создавший в тюрьме газовую машину и устройство для сжигания дыма, стал жертвой обстоятельств: будучи заключённым, он не смог патентовать свои изобретения.

Всё это подводит к необходимости практических шагов. Прежде всего, стоило бы пересмотреть Правила внутреннего распорядка, исключив из перечня запрещённых предметов инструменты, необходимые для творчества при условии их использования под контролем администрации. Необходимо разработать специальный порядок патентования изобретений, созданных осуждёнными, включающий взаимодействие ФСИН России с Роспатентом. Важно разрешить обмен работами между осуждёнными под контролем администрации мог бы способствовать формированию творческого поля и обмену идеями. Можно также рассмотреть возможность учёта творческой активности при решении вопросов об

[1] Франкл В. Э. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина Диджитал, 2011. С. 96 (электронное издание).

условно-досрочном освобождении – как показывает китайская практика, это может стать действенным стимулом.

Возвращаясь к исходному вопросу, тюремное заключение выступает уникальным эпистемологическим локусом. Лиминальное состояние сознания в условиях абсолютной несвободы парадоксальным образом приводит к обретению высшей формы свободы – свободы мысли. Пограничные ситуации, будь то тяжёлая травма, физический тупик или концентрационный лагерь, обладают той же структурой: они уничтожают привычный мир, лишают человека внешних опор и вынуждают его порождать смыслы из самого себя.

И всё же реализация творческого потенциала осуждённых наталкивается ограничения. Решение этих противоречий требует не только философского осмысления, но и конкретных правовых реформ. Томас Мэлори, английский рыцарь, проведший в заключении более двадцати лет, написал «Смерть Артура», показав возвышенный образ рыцарства. Профессиональный военный, участник кровавых междоусобиц, в тюрьме создал идеализированный образ того мира, из которого был изъят. Этот пример напоминает: иногда, чтобы родилась новая идея, мир должен быть заключён в скобки. Но задача права – сделать так, чтобы у тех, кто находится в этих скобках, была возможность творить.

Научная статья
УДК 347

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В НАПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Егор Денисович ЛАВРЕНТЬЕВ
Российский государственный Университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия
d5dsd@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Алексеевич МАКСИМОВ,** maximovva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов цифровизации в одной из наиболее консервативных отраслей — жилищном строительстве. Несмотря на историческую инерционность, отрасль переживает глубокую технологическую трансформацию, детерминированную как рыночными требованиями, так и целенаправленной государственной политикой. Современные технологий в градостроительстве переживают новый виток развития, что вызывает необходимость рассмотреть развитие законодательства в данном направление.

Ключевые слова: цифровизация в строительстве, технологии цифрового моделирования зданий и сооружений, BIM, градостроительная деятельность, «Умный город»

Цифровизация — это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. Развитие этих процессов постепенно становится данностью в современном мире, крайне тяжело представить жизнь нынешних людей без технологий. Как гласит Окинавская хартия: «Информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века».[1] Цифровизация плотно вошла во многие сферы жизнедеятельности человека, начиная от бытовых потребностей и заканчивая административной и управленческой деятельностью государства. Однако далеко не во всех отраслях столь массово используют современные технологии, к одной из таких относится градостроительная деятельность, а именно строительство жилых домов. Это не означает что процесс цифровизации не касается этой отрасли, потому что внедрение новых технологий — это естественный процесс, который свойственен любым видам деятельности.

Строительство жилищ столь же старо, сколь и история человека. С древних времен люди создавали их для обеспечения собственной безопасности. Сейчас у человечества есть возможность воплотить в реальность то, что раньше люди могли лишь представить, и причина этого - технологический процесс. Возведение таких монументальных построек как Neva Towers, Лахта Центр и т.д., стало возможно во многом благодаря технологиям и цифровизации.

Многие знают о 3D моделировании, основная суть данного процесса состоит в создании трёхмерных объектов в виртуальном пространстве или переносе двухмерных рисунков, чертежей в трёхмерное. В строительстве же существует цифровое проектирование, данный вид деятельности лучше всего можно рассмотреть на примере технологии BIM (Building Information Modeling), фактически представляющей из себя моделирования максимально информационно насыщенных, подробных и точных 3D «копий» зданий. Данный процесс сильно отличается от простого проектирования, он не только позволяет работать с «уже готовым» объектом недвижимости, который человек фактически видит перед своими глазами, а не на бумажном чертеже, но и досконально точно показывает полную информацию о характеристиках постройки. Помимо этого, данная технология даёт возможность специалистам разных направленностей осуществлять работу с одной и той же моделью, без необходимости совмещения различных строительных документов.

[1] Окинавская хартия глобального информационного общества» от 21 июля 2000 года. Сайт: http: // base.garant.ru/2560931/.

Развитие BIM технологий началось ещё во второй половине двадцатого века, с появлением первых систем автоматизированного проектирования и уже в 1986 году Робертом Эйшем была предложена первая концепция трёхмерного моделирования домов. В 1990-2010 годах стали появляться первые BIM системы и программы, а к 2025 году многие государства обязали строительные фирмы предоставлять информацию о будущих объектах недвижимости при помощи технологий цифрового проектирования. В России данные технологии также используются и применяются на государственном уровне. Так, в Москве уже более пяти последних лет используются и внедряются цифровые технологии, работают более полутора тысяч специалистов, имеющих подтверждённую квалификацию в BIM. За последние пять лет количество компаний, считающих себя лидерами в цифровизации строительной отрасли, выросло с 7% до 15%, а приоритет на цифровизацию задач для застройщиков увеличился с 39% до 46%.[1]

Помимо цифрового проектирования в строительстве домов применяются и другие технологии, например, блокчейн (blockchain) - непрерывная цифровая информационная цепь списков данных. Эта технология также применятся в строительстве, она помогает в вопросах оплаты, логистики, инвестирования и управления проектом. Так как технология блокчейн хранит в себе информацию, которую нельзя изменить без нарушения целостности «цепи», это даёт множество возможностей для участников строительного бизнеса, гарантируя невозможность изменения условий договора. Так, при заявлении определённой суммы, необходимой на закупку, перевозку и подготовку материалов сторона вносит данные в специальную программу, сохраняя их. Эта информация больше не подлежит изменению, а значит её невозможно подделать, что в свою очередь уменьшает количество споров и рисков для сторон. Существует и возможность создания открытых цепочек транзакций и логистических передвижений, это увеличивает прозрачность действий сторон и сокращает шансы на манипуляции данными одной из сторон правоотношений.

Также возможно создание смарт-контрактов, способных автоматически осуществлять выплаты и другие действия при осуществлении определённых процессов.

Существуют и иные варианты применения технологии блокчейн, что подтверждает зарубежная практика. Хорошим примером будет использование цифровых технологий при постройке кампуса Google Charleston East (США, 2000N Shoreline Blvd, Mountain View, CA). В данном проекте генеральным подрядчиком Leandlease массово применялась технология блокчейн, в основе своей использовалось хэширование информации и смарт-контракты. Все этапы вноси-

[1] Приоритеты цифровизации российских девелоперских и строительных компаний // Национальный исследовательский центр «Стратегия». URL:https://strategy.ru/research/research/prioritety-tsifrovizatsii-rossiyskikh-developerskikh-i-stroitelnykh-kompaniy-39/.

лись в специальное приложение и в случае непредвиденных обстоятельств проходили цепочку согласований внутри приложения. Как итог, сроки согласования документов сократились до нескольких часов, а внутренние споры уменьшились на 40%, что по примерным подсчётам смогло сэкономить до 7% бюджета проекта по возведению постройки.[1]

Одной из новейших цифровых технологий в строительстве выступает 3D печать, в основе данного метода проектирования построек выступает нанесение специальной строительной массы при помощи роботизированного экструдера, управляемого компьютером. В своей основе данный процесс представляет обычную печать, но вместо пластика используются строительные материалы.

На данный момент при помощи 3D печати возможно создавать малоэтажные дома, объекты интерьера, здания, подходящие для коммерческого и промышленного использования, арт-объекты, ограждения и многое другое. Эта технология привносит ряд преимуществ в деятельность строительных компаний, позволяя: снизить расходы на материалы; уменьшает шанс производственного брака благодаря компьютерной точности работы и пр.

Уже созданные проекты подтверждают состоятельность данной технологии. Так, в 2017 году в России, Иркутской фирмой Apis Cor был напечатан первый 3D дом, а создание данного объекта недвижимости заняло всего сутки.

Впервые вопрос об использовании цифровых технологий в градостроительстве был освещён ещё в 2013 году распоряжением Правительства Российской Федерации № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года». В том же году на заседании Правительства была утверждена «дорожная карта» развития отрасли информационных технологий, где обсуждалась важность развития современных технологий. На основании данных документов в 2014 году Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации утвердило план поэтапного внедрения технологий информационного моделирования в области промышленного и гражданского строительства в проектировании рассчитанный на отбор проектов по внедрению современных технологий, экспертной оценки результатов деятельности по данным проектам, внесение изменений в законодательство и подготовку специалистов для использования данных технологий.

Позднее, в 2017 году, был ведён национальный стандарт по использованию технологий информационного моделирования, который по своей сути идентичен международному стандарту по использованию технологий цифрового моделирования зданий и сооружений - «Framework for building information modeling (BIM) guidance». Целью документа выступает обеспечение согласованности, единообразие и совместимость будущих документов, призванных регулировать

[1] The Orb. Google Charleston East Campus // Parametric Architecture. URL:https://parametric-architecture.com/the-orb-google-charleston-east-campus/.

информационное моделирование. В нём также задекларированы несколько ключевых принципов для работы с BIM технологиями. К ним относится: совместность работы и информации; управление информацией – определение стандарта для проверки, модификации и изменение в модели проекта; определение жизненного цикла модели.

В том же году был издан Приказ Президента Российской Федерации № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», где формирование цифровой экономики указано, как одна из целей. В рамках этой стратегии были утверждены несколько федеральных проектов, а Министерство строительства и жилищно-коммунальных хозяйств по поручению Президента подготовило законопроект для изменения градостроительного кодекса РФ.

Последняя «дорожная карта», связанная с применением цифровых технологий в строительстве, была принята в 2021 году. Речь в данном документе идёт о полном переводе деятельности связанной с строительством на «цифровые рельсы». Распоряжение носит не рекомендательный, а планово-директивный характер, устанавливающий определённые сроки и исполнителей.

В 2022 году было принято новое распоряжение Правительства, действие которого рассчитано на период до 2030 года, а прогноз развития стратегии до 2035 года. В нём затрагиваются такие важные цели как:

1. Переход на безбумажные технологии и сквозное информационное моделирование на всем жизненном цикле объекта, начиная с проектирования и заканчивая вводом в эксплуатацию.

2. Повышение эффективности, надежности и прозрачности работы коммунального комплекса. Достигнуть эти цели поможет внедрение «умных» систем учёта воды, тепла, электроэнергии и т.д., которые будут дистанционно собирать эти данные в домах.

3. Создание комфортной и безопасной городской среды за счет использования технологий. Это подразумевает не только «умные» дома, но и комплексное развитие городской инфраструктуры: интеллектуальное освещение, адаптивное дорожное движение, системы мониторинга состояния объектов.

4. Повышение производительности и качества строительства домов путём использования передовых технологий. Сюда можно отнести предложенную документом технологию промышленного (модульного) строительства.

Разумеется, содержатся и другие нововведения, но исходя из перечисленного можно сделать вывод, что цифровые технологии рассматриваются как основной двигатель модернизации всей отрасли, инструмент для прорывного развития и повышения качества жизни граждан. Значение цифровых технологий в документе выходит далеко за рамки инструментальной оптимизации отдельных процессов. Стратегия закладывает основы для парадигмального сдвига, суть которого заключается в переходе от дискретного управления к сквозному цифро-

вому жизненному циклу и от изолированных отраслей к интегрированной экосистеме «Умного города». Напрашивается вывод, что данный акт, как последний на данный момент нормативно-правовой документ в данной сфере, является стратегическим каркасом для построения цифровой экосистемы строительства и ЖКХ в России.

Проведенное исследование процесса цифровизации в градостроительной деятельности с фокусом на жилищном строительстве позволяет сформулировать ряд фундаментальных выводов, подтверждающих центральную гипотезу о трансформационном характере внедрения цифровых технологий в одну из наиболее консервативных отраслей жизнедеятельности человека и государства. Анализ конкретных технологических решений и эволюции нормативно-правового поля свидетельствует о том, что цифровизация перестает быть факультативным инструментом и становится системообразующим фактором, определяющим будущее всего строительного комплекса.

Несмотря на историческую инерционность строительной отрасли, она переживает этап глубокой технологической перестройки. Изначальный тезис о том, что градостроительство является одной из наименее развитых отраслей в области цифровизации, постепенно опровергается стремительным развитием и адаптацией целого спектра высокотехнологичных решений. От простой автоматизации рутинных операций отрасль переходит к комплексному перепроектированию всего жизненного цикла объекта недвижимости, начиная от концепции до эксплуатации и утилизации.

На данный момент признаётся ключевая роль технологий информационного моделирования как ядра цифровой трансформации в строительстве. BIM-технологии представляют собой не просто переход от двумерных чертежей к трехмерным моделям, а принципиально новую философию управления проектами.

В заключение можно констатировать, что процесс цифровизации в жилищном строительстве прошел точку невозврата. Из экзотической инновации он превратился в магистральное направление развития, детерминированное как объективными требованиями рынка к эффективности и качеству, так и целенаправленной государственной политикой. Синергия между технологическими платформами и формирующимся под них нормативно-правовым полем создает прочный фундамент для построения цифровой экосистемы будущего строительного комплекса России. Однако успех трансформации будет окончательно зависеть от решения сопутствующих задач, таких как подготовка квалифицированных кадров, преодоление сопротивления традиционных методов работы и обеспечение кибербезопасности создаваемых цифровых программ. Очевидно, что хотя для полноценного внедрения цифровых технологий в строительство предстоит ещё множество работы, данное направление активно развивается и внедряется в жизнь отрасли.

Научная статья
УДК 93

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Артем Андреевич НИКОЛАЕВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия nikol250407@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент **Виктор Валерьевич БАБАКОВ**, viktor.babakov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс преобразований в сфере образования, проведенных в период правления императора Александра II. Основной акцент сделан на анализе тех социально-экономических и политических вызовов, которые обусловили необходимость коренного преобразования устаревшей образовательной системы. В работе анализируются ключевые документы эпохи: Устав университетов 1863 г., Положение о начальных народных училищах 1864 г. и Устав гимназий 1864 г. Особое внимание уделяется противоречиям реформы. Делается вывод о том, что, несмотря на незавершенность и последующую корректировку в контрреформы Александра III, образовательная политика 1860–1870-х годов стала ответом на вызовы модернизации и заложила фундамент для развития российской системы образования вплоть до начала XX века.

Ключевые слова: Александр II, реформа образования, университетский устав, гимназии, реальные училища, модернизация России, женское образование

Вторая половина XIX века в Российской империи ознаменовалась множеством реформ в политической, экономической и культурной сферах, что являлось основанием для формирования индивидуально-гражданского типа права и государства. Одной из важнейших была Крестьянская реформа 1861 г., которая оказала огромное влияние на развитие страны. И хотя реформа получилась не такой, какой ожидали ее увидеть, она имела огромное историческое и нравственное значение, открыв перед Россией новые перспективы, покончившей с крепостным рабством. С этого времени страна уверенно вступила на путь капиталистического развития. Грамотность в то время была на катастрофически низком уровне, народных школ критически мало. Новые условия жизни предъявляли более высокие требования к культурному уровню людей - возникала необ-

ходимость не только в элементарной грамотности, но и в более серьезных общеобразовательных, а часто и профессиональных знаниях. Развитие народного образования, создание новых высших учебных заведений, культурно-просветительских учреждений, системы технической школы стали общественной необходимостью. Результатом реформ в сфере начального и среднего образования явилось четкое разделение начальной, средней и высшей школы.

В период правления Александра II в Российской империи были внесены значительные изменения в систему образования. Эти реформы имели целью содействовать развитию науки и образования, а также модернизации страны. Одной из важнейших мероприятий в рамках данной реформы было создание Министерства Народного Просвещения в 1863 г. Это структурное образование направляло всю деятельность в сфере образования. Под руководством министерства была осуществлена расширенная программная деятельность по совершенствованию образовательной системы. Если давать предварительное заключение по деятельности министерства, можно сказать, что реформа была подготовленной и последовательно проведенной.

Подготовка новой университетской реформы в Российской империи продвигалась медленно. В феврале 1858 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь Г. А. Щербатов при участии профессора К. Д. Кавелина составил предварительный проект нового устава для Санкт-Петербургского университета. 30 апреля 1858 г. проект устава Щербатова-Кавелина был вынесен на рассмотрение Совета Санкт-Петербургского университета. Проект был раскритикован. Осенью 1861 г. барон Модест Корф представил Министерству народного просвещения свой проект преобразования университетов, согласно которому предполагалось превратить университеты в полностью открытые для всех просветительские заведения, без делений на курсы и без принятия экзаменов; 21 октября проект был обсуждён министерством и был поддержан рядом профессоров, однако встретил возражения министра А. В. Головнина, в результате чего он не был принят. По указу Александра II, принятому после ознакомления императора с докладом министра народного просвещения Е. В. Путятина, 4 декабря 1861 г. при Министерстве народного просвещения была учреждена особая Комиссия из университетских профессоров для пересмотра действующих положений функционирования университетов. Главой комиссии был назначен попечитель Дерптского учебного округа Е. Ф. фон Брадке; 5 января 1862 г. Комиссия подписала проект нового университетского устава.[1] 18 июня 1863 г. император Александр II утвердил новый Общий устав императорских российских университетов. Новый устав предоставил университетам больше самостоятельности в делах внутреннего управления и расширил возможности учёта местных условий

[1] Пищулина А. Р. Некоторые аспекты законодательного реформирования системы образования в 60-х годах XIX века //Государство и право в XXI веке. 2016. №. 2. С. 9-13. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-zakonodatelnogo-reformirovaniya-sistemy-obrazovaniya-v-60-h-godah-xix-veka/viewer (дата обращения 14.03.2026).

для своего развития, создал более благоприятные условия для научной и учебной деятельности, повысил привлекательность преподавательской работы в университетах:

каждый Университет в Российской империи должен был иметь 4 факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Можно сказать, что это были самые важные и нужные направления науки, которые отвечали основным целям государства;

университетское управление было представлено Университетским Советом, Правлением Университета, Университетским судом и Проректором или инспектором;

ректор избирался раз в 4 года Университетским Советом. Ректор имел право открывать и закрывать Университетский Совет и Правление, где он сам и председательствовал. В обязанностях ректора состояло слежение за учебным процессом и порядком, делать выговоры и замечания, награждать отличившихся;

профессора в Университетах избирались.

Студентом мог стать молодой человек, достигший 17-летнего возраста и окончивший гимназию или сдавший там экзамен и получивший об этом аттестат, а также окончивший высшее или среднее учебное заведение.

Подготовка и принятие нового университетского устава были вызваны изменениями во внутренней политике Российской империи. Общий устав императорских российских университетов 1863 г. явился основным нормативным правовым источником для подготовки нового Университетского устава 1884 г.[1]Который также отвечал целям государства и способствовал развитию образования в стране.

Стремление женщин к высшему образованию вполне определённо проявилось в 1860 г., когда на университетских лекциях стали появляться женщины. При разработке университетского устава 1863 г. министерство народного просвещения сделало университетам запрос о том, могут ли женщины допускаться к слушанию лекций совместно со студентами мужчинами и к испытанию на учёные степени и какими правами при этом они должны пользоваться. Советы Университетов отрицательно отозвались насчет этой идеи. Университетский устав 1863 г. закрыл женщинам доступ в университеты и русские женщины, не находя на родине доступа к высшему образованию, стали уезжать в заграничные университеты. До 60-х годов XIX века среднее образование было доступно лишь девушкам дворянского происхождения. В пореформенный период средние учебные заведения в ограниченном количестве были открыты для девиц всех

[1] Зайцева Л. А. Общий устав университетов 1863 г.: предыстория, характеристика, значение //Lex russica. 2016. №. 9 (118). С. 214-229. [Электронный ресурс] URL: file:///C:/Users/nikol/Downloads/obschiy-ustav-universitetov-1863-g-predystoriya-harakteristika-znachenie.pdf (дата обращения 14.03.2026).

сословий, а с 1870 г. они начали преобразовываться в женские гимназии и прогимназии. Открылись женские епархиальные училища. Учебная программа в женских училищах носила более упрощенный и практический характер, чем в мужских. В целом масштабы женского среднего образования были крайне ограниченными. В целом, несмотря на, несомненно, положительную тенденцию развития женского образования во второй половине XIX в., оно продолжало отставать от мужского. Подтверждением тому служат данные переписи населения 1897 г. Общий показатель грамотности всего населения Российской империи по состоянию на 1897 г. был равен 21,1 %, грамотных среди мужчин насчитывалось 29,3 %, что как минимум в два раза больше, чем среди женщин (13,1 %).[1]Это объясняется ограниченностью прав женщин в общем, а также укладом жизни и менталитета, по которому женщины были хранителями дома.

14 июня 1864 г. было утверждено «Положение о начальных народных училищах». В училища с этого момента стали принимать детей всех сословий, преподавание велось только на русском языке. Начальные школы могли открываться общественными учреждениями и частными лицами, которые принимали на себя обязательства по материальному обеспечению учебного заведения. Однако для открытия начального народного училища требовалось разрешение особого органа — уездного училищного совета. Правительство контролировало содержание начального образования. Главною целью было распространение религиозных и нравственных ценностей. С этого момента все учебные заведения начального образования подчинялись Министерству Народного Просвещения, а не Священному Синоду, кроме церковноприходских школ, которые так и остались под контролем Синода. Положение дало возможность девочкам и девушкам учиться начальному и среднему образованию.[2] Самое же важное заключалось в том, что согласно Положению 1864 г. создавался новый тип начальных школ — земские школы, подчинявшиеся Министерству народного просвещения, но финансировавшийся в основном за счет земств. В результате к концу 1870-х гг. земские школы постепенно и в количественном, и в качественном отношении вышли на первое место среди всех типов начальных школ. В 1880 году уже насчитывалось 22 770 начальных школ. Безусловно это можно считать одним из главных успехов реформы, это способствовало просвещению крестьянства и городских обывателей, которые составляли больше половины населения страны.

[1] Хабалева Е. Н. Эволюция системы начального и среднего женского образования в Российской империи во второй половине XIX-начале XX в.(на примере Орловской губернии) //Женщина в российском обществе. 2017. №. 3 (84). С. 103-109. [Электронный ресурс] URL: file:///C:/Users/nikol/Downloads/evolyutsiya-sistemy-nachalnogo-i-srednego-zhenskogo-obrazovaniya-v-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-v-na-primere-orlovskoy-gubernii.pdf (дата обращения 15.03.2026).

[2] Джаншиев Г. А. Эпоха Великих реформ: в 2 т //М.: Издательский дом «Территория будущего. – 2008. – С. 211.

В рамках реформы образования среднего звена 19 ноября 1864 г. был утвержден «Устав гимназий и прогимназий». Гимназии разделялись на классические и реальные с одинаковым семилетним сроком обучения. С формальной точки зрения, доступ в гимназии был открыт представителям всех сословий вне зависимости от их вероисповедания. Однако обучение было платным, поэтому в гимназиях, в основном, учились дети привилегированных сословий. Так, в классических гимназиях в 1874 г. дети дворян и чиновников составляли 59%, а в реальных гимназиях — 53%, а дети крестьян – 5% и 7% соответственно. Классические гимназии готовили учеников к поступлению в университеты без экзаменов. Реальные гимназии готовили своих выпускников к поступлению в высшие технические учебные заведения. В классических гимназиях преобладало гуманитарное образование, а в реальных — упор делался на естественные науки.[1] Это позволило четко разделить специализацию. Кроме того, были учреждены прогимназии — четырёхклассные учебные заведения. Их программы соответствовали программам обучения младших классов классической гимназии.

Нужно было проводить эффективную политику в области образования. А к этому моменту в сфере образования были следующие проблемы:

1) образование было доступно только высшим слоям общества, это обуславливалось буржуазным строем общества, при котором все возможности были сосредоточены у элиты;

2) политика образования была построена в духе консерватизма, он был еще заложен в работе русского философа и государственного деятеля С. С. Уварова в его труде «Теория официальной народности»;

3) количество учебных заведений для низких слоев общества увеличивалось медленными темпами, доступ к образованию имели не все проживающие огромной по территории страны (учебное заведение находилось слишком далеко от места жительства), это взаимодополняемые проблемы;

4) система была далека от гуманистического воспитания личности, что являлось проблемой не только российского образования;

5) основными направлениями обучения были инженерные науки;

6) ориентация на религиозное обучение, Россия представляла патриархальную и религиозную страну, религия была на первом месте у населения;

7) образование не носило всесторонний характер, это было связано с отсутствием определенных научных знаний, а также грамотных ученых из различных сфер.

Именно главной целью государства стояло преодоление всех этих проблем.

[1] Хребтов Н. А., Колегичев К. М. Реформа образования Александра II //Вестник науки. – 2019. – Т. 2. – №. 2 (11). – С. 74-77. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-obrazovaniya-aleksandra-ii/viewer (дата обращения 15.03.2026)

Начальное образование. Было утверждено «Положение о начальных народных училищах», согласно которому в училища стали принимать детей всех сословий, а преподавание велось только на русском языке. Создавалось множество начальных учебных заведений.

Среднее образование. В рамках реформы образования среднего звена был утвержден «Устав гимназий и прогимназий», согласно которому гимназии разделялись на классические и реальные с одинаковым семилетним сроком обучения. Строились новые гимназии, которые м могли посещать не только жители столиц или крупных городов, а также жители и более мелких городов.

Высшее образование. В 1863 г. был утвержден новый университетский устав, ставший самым либеральным в царской России. Согласно ему, каждый университет имел четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Открывались новые факультеты и все больше становилось образованных людей.

Почти было введено обязательное женское образование. Строились образовательные учреждения для женщин и девочек, начинается постепенное обучение женщин.

Благодаря реформе образования Александра II значительно повысился уровень грамотности населения, были разведены гуманитарные и технические направления в учебных заведениях среднего звена, а университеты получили большую степень независимости в своей научной и учебной деятельности. Реформа образования Александра II стала важной составной частью комплекса мер по реформированию социально-экономической и политической жизни России в период царствования Александра II. Реформа образования смогла решить далеко не все проблемы, они будут решены только в XX веке. Государство пыталось решить проблему нехватки грамотного населения, поскольку это затормаживало развитие промышленности, которая начала массово строиться из-за промышленного переворота. То есть стране нужны были квалифицированные рабочие кадры, в данном случае инженеры. И государство направила усилия на решение данного вопроса.

Научная статья
УДК 33

ОБОБЩЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Карина Сарсеновна САГЕНОВА[1], Елизавета Николаевна СУРЕНКОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] ksagenova@mail.ru
[2] surenkovaliza033@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук **Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ**, s.shurpaev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения финансовых пирамид в условиях цифровизации экономики и их влияние на экономическую безопасность государства и населения. На основе анализа научных и правовых подходов уточняется сущность финансовых пирамид и выделяются их ключевые признаки. Особое внимание уделяется трансформации мошеннических схем под воздействием цифровых технологий, включая использование криптовалют, социальных сетей и интернет-платформ. Приводится статистика, отражающая рост числа пирамидальных структур и их переход в цифровую среду. Обобщаются традиционные и современные признаки финансовых пирамид, позволяющие повысить уровень финансовой грамотности граждан. Делается вывод о необходимости развития профилактических мер и повышения осведомленности населения как ключевого фактора противодействия финансовому мошенничеству

Ключевые слова: финансовая пирамида, Банк России, финансовая грамотность, цифровизация экономики, криптовалюта

Финансовые пирамиды представляют собой постоянно мутирующую угрозу экономической безопасности граждан и государства. Несмотря на рост финансовой грамотности, мошенники адаптируются к новым технологиям, используя цифровую среду, криптовалюты и социальные сети. Актуальность данной темы подтверждается статистикой Банка России: за десятилетие количество субъектов с признаками пирамидальных схем выросло почти в 25 раз, превысив

3500 случаев только в 2025 году. Высокая адаптивность мошеннических структур и использование анонимных платёжных сервисов делают традиционные надзорные инструменты неэффективными, что обусловливает необходимость обобщения признаков финансовых пирамид в новых условиях.

Существуют различные трактовки понятия «финансовая пирамида». В научной литературе данную противоправную деятельность определяют как:

«метод обеспечения прибыли участникам организации за счёт постоянного привлечения денежных средств. Прибыль первых участников такой пирамиды состоит из вкладов других, новых, участников»[1];

«распространенная форма мошенничества на российском финансовом рынке, основной целью которой является увеличение числа участников схемы»[2];

«особый тип нелегальной деятельности на финансовом рынке, при котором выплаты доходов одних участников осуществляются исключительно за счёт поступлений от новых, без реального инвестирования в прибыльные активы»[3];

«деятельность по получению выгоды путем привлечения вкладчиков, при этом выплаты им оплачиваются из выплат новых вкладчиков» [4].

«финансово-инвестиционный проект, в рамках которого выплаты первым участникам осуществляются за счёт последующих»[5].

В правовых источниках финансовая пирамида определяется через признаки противоправной деятельности. Уголовно-правовые признаки, позволяющие охарактеризовать сущность финансовых пирамид, содержатся также в ст. 172.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации, которая устанавливает ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества.

---

[1] Пахаев А. В., Гордиенко М. С. Финансовые пирамиды // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 1. С. 150.

[2] Русакова О. И., Шмакова А. Н. Современные финансовые пирамиды: особенности и тенденции развития // Управленческий учет. 2022. № 12. С. 1349.

[3] Акентьева А. В., Неелова Н. В., Макарова Ю. Н., Печеневская М. А. Финансовые пирамиды как вызов для государственного и муниципального управления: проблемы выявления // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2025. № 3. С. 29.

[4] Гизатова Н. В., Сухоплюев П. А. Финансовые пирамиды: механизмы, последствия и предотвращение экономических преступлений // Общество, право, государственность/ 2025. № 3. С. 77.

[5] Кокорев А. С., Шавыкин Я. В. Направления повышения финансовой грамотности населения в части противодействия современным финансовым пирамидам // Культура и безопасность. 2022. № 1. С.48.

Анализ приведенных дефиниций позволяет выделить три ключевые сущностные характеристики финансовой пирамиды: отсутствие реальной производственной или инвестиционной деятельности, обеспечивающей доход; выплаты ранним участникам исключительно за счет средств новых вкладчиков; неизбежность краха при замедлении притока новых участников. Именно эти характеристики являются фундаментальными для определения смысла понятия «финансовая пирамида».

Финансовые пирамиды наносят существенный ущерб экономической безопасности государства по нескольким направлениям.

Во-первых, они подрывают доверие населения к легитимным финансовым институтам – банкам, инвестиционным фондам, профессиональным участникам рынка ценных бумаг. Массовые потери граждан в пирамидальных схемах приводят к снижению инвестиционной активности и оттоку капитала из официального финансового сектора.

Во-вторых, финансовые пирамиды способствуют социальной дестабилизации. Потери сбережений граждан в 1990-е годы (АО «МММ», «Властилина», «Хопер-Инвест») и в последующий период создают социальную напряженность и требуют значительных бюджетных расходов на меры социальной поддержки пострадавших[1].

В-третьих, деятельность финансовых пирамид ведет к сокращению налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, поскольку привлеченные средства не отражаются в официальной отчетности, а доходы организаторов выводятся в теневой сектор или за рубеж, в том числе с использованием криптовалют.

В-четвертых, пирамидальные схемы используются для легализации преступных доходов и финансирования иной противоправной деятельности. Анонимность операций с криптовалютами, которую активно используют современные пирамиды, создает дополнительные риски для национальной финансовой системы [2].

Кроме того, развитие пирамид способствует формированию девиантной финансовой культуры, когда получение сверхдохода без приложения труда начинает восприниматься как норма.

По данным Банка России, в последние годы наблюдается устойчиво высокий уровень числа выявляемых финансовых пирамид (таблица 1)[3].

---

[1] Пахаев А. В., Гордиенко М. С. Финансовые пирамиды // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 1. С. 152.

[2] Русакова О. И., Шмакова А. Н. Современные финансовые пирамиды: особенности и тенденции развития // Управленческий учет. 2022. № 12. С. 1354.

[3] Банк России. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. URL:https://cbr.ru/analytics/inside/2025_1/ (дата обращения: 24.03.2026).

Таблица 1

Количество финансовых пирамид, выявленных ЦБ РФ (2020-2025 гг.)

Год	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Количество финансовых пирамид	222	871	2017	2944	5510	3562

Анализ представленных данных свидетельствует о значительном росте количества субъектов с признаками финансовых пирамид за период 2020-2025 годов. По данным таблицы 2, наиболее стремительный рост наблюдается среди интернет-проектов: их число увеличилось более чем в 34 раза в 2025 году по сравнению с 2020 годом (таблица 2).

Таблица 2

Количество финансовых пирамид по видам, выявленным ЦБ РФ (2020-2025 гг.)

Год	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Интернет-проекты	101	699	1947	2886	5457	3519
Общества с ограниченной ответственностью	55	69	36	15	16	10
Потребительские кооперативы	28	59	12	16	4	4
Иные формы	38	44	22	27	33	29

Приведенная статистика свидетельствует не только о росте числа пирамид, но и о качественной трансформации этого явления. Доминирование интернет-проектов (около 99% в 2024—2025 гг.) указывает на окончательный переход мошеннических схем в цифровое пространство. Одновременное сокращение числа потребительских кооперативов и ООО отражает адаптацию организаторов к изменениям законодательства, которые сделали традиционные легальные формы менее привлекательными для нелегальной деятельности.

Обобщение признаков финансовых пирамид позволяет выделить следующие характерные особенности, которые могут быть использованы в ходе подготовки образовательных материалов, направленных на повышение финансовой грамотности населения:

акцент на привлечение новых участников[1]. Основной источник дохода организаторов — не продажа товаров или инвестиционная деятельность, а вознаграждение за приведенных новых клиентов. Участникам предлагают зарабатывать на приглашениях, а не на реальном продукте или услуге;

гарантированный высокий доход[2]. Обещание доходности, существенно превышающей рыночную (200—500% и выше годовых), при отсутствии информации об инвестиционных стратегиях и рисках. Законодательство запрещает гарантировать доход на рынке ценных бумаг, так как инвестиции всегда сопряжены с риском;

отсутствие лицензии Банка России[3]. Организация не имеет лицензии на привлечение денежных средств, управление инвестициями или осуществление брокерской деятельности. Проверить наличие лицензии можно в официальных реестрах Банка России;

отсутствие аудированной финансовой отчетности[4]. Компания не предоставляет документы, подтверждающие реальную финансово-хозяйственную деятельность, активы и источники дохода;

агрессивная реклама и психологическое давление[5]. Использование приемов срочности («успейте вложиться до роста цен»), привлечение блогеров для продвижения, создание иллюзии эксклюзивности и ограниченности доступа.

Цифровая трансформация экономики привела к появлению новых признаков финансовых пирамид, связанных с использованием интернет-технологий. Банк России выделяет следующие характеристики мошеннических интернет-проектов[6]:

использование криптовалют для привлечения и выплат средств. В 2024 году взносы в криптовалютах принимали 77% пирамидальных проектов, в 2025 году — 84%. Всего в 2025 году было выявлено более 4,6 тыс. криптовалютных кошельков, на которые организаторы финансовых пирамид предлагали переводить первоначальный инвестиционный взнос. Криптовалюта обеспечивает анонимность и сложность отслеживания транзакций;

---

[1] Русакова О. И., Шмакова А. Н. Современные финансовые пирамиды: особенности и тенденции развития // Управленческий учет. 2022. № 12. С. 1350.

[2] Там же.

[3] Гизатова Н. В., Сухоплюев П. А. Финансовые пирамиды: механизмы, последствия и предотвращение экономических преступлений // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 77. prestupleniy/viewer (дата обращения: 03.04.2026).

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Банк России. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. URL:https://cbr.ru/analytics/inside/2025_1/ (дата обращения: 24.03.2026).

действие через Telegram и социальные сети. Мошенники используют персональные консультации в Telegram-каналах. Организаторы выявленных финансовых пирамид использовали более 7 тыс. сайтов, 350 телеграм-каналов и более 180 страниц в соцсетях, которые распространяли информацию о мошеннических проектах;

использование искусственного интеллекта как маркетингового инструмента. Организаторы пирамид для привлечения молодой аудитории активно используют упоминание искусственного интеллекта (79 таких проектов за 2025 год);

экономические игры (кликер-игры). Пользователям предлагают запустить виртуальный бизнес, кликать на нарисованного персонажа, открывать «цифровые фермы» и обменивать виртуальную валюту на реальные деньги;

шаблонизированная структура сайтов. Организаторы используют одинаковые шаблоны для создания множества сайтов под разными брендами, что позволяет быстро запускать новые проекты после блокировки предыдущих.

Анализ новых признаков позволяет выделить ключевой тренд: финансовая пирамида сегодня – это не столько юридическое лицо, сколько цифровая экосистема, включающая веб-сайты, каналы в социальных сетях и криптокошельки. Особую опасность представляет использование криптовалют: анонимность транзакций и отсутствие единого регулятора крипторынка являются главными факторами, способствующими росту пирамид в 2023—2025 гг.

Финансовые пирамиды представляют собой не пережиток прошлого, а высокотехнологичный вид мошенничества, который быстро адаптируется к изменениям экономики и психологии людей. Экономическая сущность пирамиды остается неизменной — это всегда перераспределение средств от более поздних участников к ранним при отсутствии реальной инвестиционной деятельности. Однако современные схемы активно используют цифровую среду: криптовалюты, социальные сети, мессенджеры, а также маскируются под псевдоинвестиционные проекты и экономические игры.

Обобщение признаков финансовых пирамид в условиях цифровизации экономики является важнейшим условием повышения финансовой грамотности населения. Знание этих признаков позволяет гражданам критически оценивать инвестиционные предложения, проверять контрагентов через официальные реестры Банка России и избегать потери сбережений.

Российское законодательство сделало важный шаг от преимущественно уголовного преследования уже совершенных хищений к административному пресечению самой деятельности по незаконному сбору инвестиций (статья 14.56.1 КоАП РФ). Тем не менее, ключевым звеном защиты остается финан-

совая грамотность граждан, поскольку никакие законы не смогут полностью исключить риск потерь, если человек сознательно соглашается на обещания сверхдоходности без проверки контрагента через официальные реестры.

Научная статья
УДК 346

УГРОЗА МАССОВОГО БАНКРОТСТВА И ЛИКВИДАЦИИ СУБЪЕКТОВ МСП В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Елизавета Максимовна УЛЬЯНОВА
Санкт-Петербургский Политехнический университет имени Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
ulanovaa267@gmail.com

Научный руководитель к.э.н., доцент, доцент ВШГУ ИПМЭиТ Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета Петра Великого **Ирина Юрьевна БЛАГОВА**, Blagova_iyu@spbstu.ru

Актуальность: В Российской Федерации, как и в других странах с рыночной экономикой сектор малого и среднего предпринимательства является ключевым составляющим для поддержания конкуренции, занятости и создания инноваций. Малые и средние предприятия (МСП) составляют основу экономической динамики России: на их долю приходится более 20% ВВП и около 40% всех рабочих мест. Данный сектор столкнулся с рядом негативных факторов, из–за чего наблюдается критический рост банкротств и ликвидаций организаций. Эта проблема влияет на всю экономику страны, как на микро, так и на макроэкономическом уровне. Именно поэтому исследование этой проблемы и разработка мер поддержки МСП очень важно для сохранения экономического суверенитета страны.

Цель: Проанализировать влияние экономической нестабильности на устойчивость организации МСП, выявить и обозначить основные причины ликвидации и разработать рекамендационные меры для минимизации рисков банкротства и ликвидации.

Методы исследования: анализ данных, синтез, логическое моделирование и сравнительный анализ

Угроза массового банкротства и ликвидации сектора МСП, под которым в настоящем исследовании понимается совокупность юридических лиц и ИП, внесенных в Единый реестр ФНС, которые соответствуют критериям по численности (до 250 чел.) и доходу (до 2 млрд руб. для средних) в последние годы приоб-

рела системный характер. Данный сектор столкнулся с рядом негативных факторов: налоговыми изменениями, высокой ключевой ставкой, снижением потребительского спроса и санкционным давлением, что привело к тому что по итогам 2025 года ликвидаций компаний оказалось на 26% больше, чем открытий[1]. По статистике Федресурса, в 2025 году статус банкрота через суд получили 567997 физических лиц и индивидуальных предпринимателей, что на 31,5 % больше, чем в 2024 году (431857 физических лиц и ИП). Более того, за 2025 год 6477 юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств были объявлены банкротами.

-Отраслевая дифференциация рисков

По числу МСП со сводным индексом «Высокий риск" традиционно лидируют оптовая торговля (144,5 тыс.), строительство (112,9 тыс.), деятельность профессиональная, научная и техническая (88 тыс.), операции с недвижимостью (80,8 тыс.), розничная торговля (55,4 тыс.)[2].

Основными причинами ликвидации и банкротства МСП могут быть:

− Налоговые изменения— повышение ставки НДС до 22% и снижение порога по выручке предпринимателей на УСН или ПСН ,при котором они должны перейти на уплату НДС с 60 млн до 20 млн рублей (В соответствии с ФЗ от 28.11.2025)

− высокая стоимость заемных средств — ключевая ставка ЦБ РФ на уровне 15,5 % (решение принято советом директор банка России 13.02.2026) и 20—21 % в 2025 году делает кредиты недоступными для большинства предприятий МСБ;

− снижение оборота розничной торговли, связанное с охлаждением спроса. По данным Росстата, темп годового роста оборота розничной торговли в 2025 году оказался вдвое ниже, чем в 2024 году, когда было зафиксировано увеличение на 7,2%;

− разрыв логистических цепочек — санкционные ограничения затронули 84,1 % предприятий МСП, работающих с импортом[3];

− повышение страховых взносов – отменяется пониженная ставка 15 %, возвращается базовая 30 % от фонда оплаты труда с 2026 года.

Для минимизации рисков банкротства и обеспечения устойчивого развития бизнеса в условиях турбулентности необходимо систематизировать и грамотно применять уже существующие мер защиты. К ним можно отнести:

1.Налоговую оптимизацию в следующих направлениях:

− переход на специальный налоговый режим (УСН, ПСН);

− использование налоговых каникул для впервые зарегистрированных ИП (максимальный срок налоговых каникул – два налоговых периода);

− использование инвестиционных налоговых вычетов.

2. Финансовую защиту в следующих направлениях:

[1] https://news.mail.ru/economics/69779250/?ysclid=mmb1w2khta67881688.

[2]https://group.interfax.ru/interfax/about/smi/kakie-otrasli-msb-naibolee-i-naimenee-uyazvimy-svezhaya-statistika-dlya-analiza-potentsialnykh-zaemshchikov/?ysclid=mmbtflkxbx33262991.

[3] https://newretail.ru/novosti/retail/godovoy_rost_oborota roznichnoy torgovli_snizilsya _bolee_chem_vavoe/.

− обязательное формирование резервного фонда в размере 3-6 месяцев операционных расходов;

− диверсификация затрат (источников финансирования);

− использование программ льготного кредитования, которые в настоязее время существуют в следующих формах а) программа рефинансирования «6,5%». Предназначена для снижения долговой нагрузки МСП за счёт рефинансирования существующих займов. Лимиты: до 4 млрд. руб. на одного заёмщика при сумме нового кредита от 50 млн. руб., ставка фиксирована на уровне 10—11 % годовых в зависимости от отрасли и целей финансирования; б) Программа 1764. Сохранившаяся в урезанном формате федеральная программа льготных инвестиционных кредитов: ставка ключевая ставка + 2,75%, либо ключевая ставка + 3,5% для развития предпринимательской деятельности; в) гарантийная поддержка от Корпорации МСП. «Зонтичные» поручительства покрывают до 50 % суммы кредита при отсутствии залога. На 1-ый квартал 2025 года объём такихпоручительств составляет 15 млрд. руб.

3. Повышение операционной эффективности бизнеса в следующих направлениях:

− внедрение бережливого производства для повышения роста производительности на 15-30% и сокращение затрат до 40%;

− автоматизация бизнес-процессов (CRM, ERP,BMP-системы, RPA-платформы, СЭД);

− аутсорсинг непрофильных функций с целью сосредоточения на ключевых компетенциях[1].

4. Использование инструментов государственной поддержки:

− участие в программах субсидирования для МСП;

− получение грантов на развитие/открытие МСП(для молодых предпринимателей, для социального бизнеса)[2];

− поддержка IT, в том числе через налоговые льготы[3].

5. Правовая защита в следующих направлениях:

− регулярный мониторинг контрагентов через сервисы ФНС[4];

− страхование предпринимательских рисков[5];

− юридическое сопровождение сделок[6].

Заключение: сохранение сектора МСП критично важно для экономической стабильности страны. Именно поэтому уже существующие меры нужны использовать на максимум, а также постоянно совершенствовать их.

---

[1] https://kurshub.ru/journal/blog/berezhlivoe-proizvodstvo-chto-eto-kak-rabotaet-i-kak-vnedrit/.

[2] https://companies.rbc.ru/news/vMHBvJovjp/autsorsing=kak-peredacha-zadach-na-storonu-pomogaet-biznesu-rasti/.

[3] https://pay.yandex.ru/blog/articles/granty-i-subsidii-dlya-malogo-biznesa?ysclid=mmbulm22gk40041025#h-1.

[4] https://kontur.ru/articles/4710?ysclid=mmbu3oxwzu892214210#header_25703_6.

[5] .https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/document_bibliodosie/I_prav_zash sub_MSP_RU290324.pdf.

[6] Отчет Минэкономразвития РФ «О состоянии и поддержке малого и среднего предпринимательства в РФ» за 2025 год.

II. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научная статья
УДК 34.096

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Павел Алексович АЛИЕВ[1], Владислав Андреевич ФЕДОРОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] pavelaliev333@gmail.com
[2] vladf1935@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, советник юстиции, доцент **Наталья Михайловна ИВАНОВА**, i-natalii@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование благотворительности в Российской империи в 1850–1917 гг. Показано, что в этот благотворительность выступала не только способом частной помощи нуждающимся, но и важным механизмом взаимодействия государства, церкви, органов местного самоуправления и общества. Раскрываются основные определения, связанные с темой: благотворительность, общественное призрение. В работе прослеживается значение Министерства внутренних дел, земств, органов городского самоуправления, церковно-приходских попечительств и частных благотворительных обществ. Делается вывод, что законодательство Российской империи создало правовую базу для развития благотворительности, но при этом сохраняло излишнюю бюрократичность и неполноту регулирования.

Ключевые слова: благотворительность, общественное призрение, Российская империя, правовое регулирование, Министерство внутренних дел, земства, городское самоуправление, церковно-приходские попечительства

Благотворительность обычно понимается как добровольная помощь нуждающимся со стороны частных лиц, общественных объединений, религиозных организаций или местных сообществ. Довольно схожим, но не тождественным понятием выступало общественное призрение — более

организованная система попечения о бедных, сиротах, больных, престарелых и иных групп, нуждающихся в помощи. В этом смысле правовое регулирование благотворительности можно определить как совокупность нормативных актов, устанавливавшие порядок создания благотворительных учреждений, их управления, контроля, финансирования и отчётности[1].

Период 1850–1917 гг. особенно важен, потому что именно тогда благотворительность перестала быть в основном делом отдельных покровителей и постепенно превратилась в заметный общественный институт.

К середине XIX века в России уже существовали три основные формы благотворительности: религиозная, общинная и светская. Важно, что эти формы не существовали изолированно: они постоянно пересекались, а государство стремилось придать им управляемый характер. Ещё акты XVIII века заложили основы системы общественного призрения, но к середине XIX века стало ясно, что прежние механизмы уже недостаточны для решения новых социальных задач[2].

К началу рассматриваемого периода правовое положение благотворительных организаций оставалось противоречивым. С одной стороны, имперская власть признавала общественную пользу благотворительности. С другой стороны, она опасалась чрезмерной самостоятельности общественных объединений. Поэтому в правовом регулировании долгое время преобладал разрешительный, принцип: создать общество или открыть учреждение можно было только после утверждения устава властями.[3]

Серьёзным этапом стало решение 1862 г., по которому утверждение уставов благотворительных заведений было передано в ведение Министерства внутренних дел. Раньше подобные вопросы часто зависели от личного императорского решения; после реформы процедура стала более административной и, в известной мере, более доступной[4].

---

[1]Раттур, М. В. Правовые основы благотворительности как гражданской деятельности в Российской империи во второй половине XIX в. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 3. С. 30.

[2]Хорева, Т. А. Основные этапы истории приказов общественного призрения в Российской империи // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 2. С. 29.

[3]Раттур, М. В. Динамика правового положения благотворительных организаций в Российской империи // Образование и право. 2022. № 8. С. 343.

[4]Раттур, М. В. Указ соч. С. 344.

Во второй половине XIX века правовое регулирование благотворительности тесно переплелось с реформами местного самоуправления. Благотворительность переставала быть только «верхней» инициативой государства или императорской семьи и всё чаще переходила в практическую плоскость местной помощи[1].

Показателен в этом отношении текст Городового положения 1870 г. В нём прямо закреплялось, что к предметам ведения городского общественного управления относятся устройство за счёт города больниц и благотворительных заведений, а также заведование ими.[2] Иначе говоря, благотворительная деятельность была встроена в правовой механизм городского самоуправления, а не оставалась только занятием отдельных лиц.

Не менее важную роль играла церковная благотворительность. Положение о приходских попечительствах при православных церквах 1864 г. придало законную форму деятельности приходов в сфере помощи бедным.[3] Попечительства должны были заниматься благоустройством прихода, поддержкой нуждающихся, иногда — помощью в обучении и содержании социальных заведений. На практике это усилило религиозную и общинную составляющие благотворительности.

Наряду с церковными структурами росло число частных благотворительных обществ. Они занимались содержанием приютов, богаделен, школ, больниц, дешёвых столовых, ночлежных домов, организацией помощи детям, женщинам, престарелым и инвалидам. Государство поддерживало такую деятельность льготами, покровительством и наградами, но вместе с тем сохраняло надзор через губернаторов, МВД и систему утверждённых уставов.[4] Благотворительные учреждения должны были отчитываться о своей деятельности и расходовании средств. В этом проявлялась важная черта имперского правового регулирования: власть признавала общественную пользу благотворительности, но стремилась встроить её в строго контролируемую административную рамку.

Несмотря на заметные успехи, законодательство о благотворительности в Российской империи не стало полностью целостной и стройной системой. Оно складывалось постепенно из разных актов,

---

[1]Тарасова, И. А. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи в сфере общественного призрения в XIX – начале XX века // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 16.

[2]Городовое положение 1870 г. // Высшая школа экономики : [сайт]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/gorodovoe_polozhenie_1870 (дата обращения:03.04.2026).

[3]Положение о приходских попечительствах при православных церквах от 2 августа 1864 г. // Национальная электронная библиотека : [сайт]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003496889/ (дата обращения:03.040.2026).

[4]Кирпа, М. С. Взаимодействие Министерства внутренних дел Российской империи с общественностью по вопросам общественного призрения // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 6. С. 75.

ведомственных циркуляров, положений о земствах, городском самоуправлении, церковных учреждениях, уставов отдельных обществ и норм гражданского законодательства о пожертвованиях. Именно поэтому исследователи справедливо отмечают, что правовая база благотворительности одновременно была и достаточно широкой, и недостаточно системной[1].

Особенность имперской модели состояла и в том, что благотворительность не заменяла социальную политику в современном смысле слова. Она дополняла её там, где государственные институты не могли или не хотели обеспечить полноценную помощь. Поэтому благотворительность часто выполняла компенсаторную функцию[2]: закрывала пробелы в системе помощи. Но именно отсюда возникала и главная проблема: социально значимые задачи во многом зависели от частной щедрости, местной активности и благосклонности администрации. Это делало систему неравномерной: в одних регионах и городах она развивалась успешно, в других — заметно слабее.

Кроме того, к концу XIX — началу XX века усилилось противоречие между растущей общественной инициативой и сохранявшимся бюрократическим контролем. Чем активнее общество включалось в благотворительность, тем яснее становилось, что разрешительный порядок, сложное согласование уставов и множественность ведомств тормозят развитие этой сферы. Вместе с тем именно в этот период благотворительность достигла заметного организационного уровня: появились устойчивые общества, публичные отчёты, система пожертвований, традиции попечительства, престиж общественно полезной деятельности.[3]

Таким образом, исторический опыт Российской империи позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, благотворительность оказывается наиболее эффективной тогда, когда она опирается не только на нравственный порыв, но и на ясные правовые правила. Во-вторых, чрезмерная бюрократизация снижает общественную активность даже в социально значимой сфере. В-третьих, устойчивое развитие благотворительности возможно лишь при сочетании государственной координации, прозрачности финансов и уважения к общественной инициативе. Именно поэтому тема сохраняет актуальность и сегодня:

---

[1]Вольф С. П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 95.

[2]Власова А. В., Смирнов, С. С. Организация попечительств о бедных церковного звания и церковно-приходских попечительств в России второй половины XIX — начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 125.

[3]Вольф С. П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 95.

современный институт благотворительности также нуждается не в формальном восхвалении, а в продуманной правовой среде, которая учитывает новые социальные потребности, поддерживает добровольчество и одновременно обеспечивает публичную ответственность.

Научная статья
УДК 325

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В XXI ВЕКЕ

Юлия Борисовна БЛИНОВА[1], Полина Игоревна РОДИНА[2]
[1,2] ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
[1] blinovaulia2007@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры истории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовской государственной юридической академии», кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права **Людмила Викторовна ТУМАНОВА**, sar8a@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается Великое переселение народов как исторический прецедент массовых миграций и сопоставляют его с современными миграционными процессами XXI века. Анализируются причины и факторы переселений в прошлом и настоящем, включая войны, экономическое неравенство, политическую нестабильность и демографические диспропорции. Особое внимание уделяется миграции в Европу, влиянию вооружённых конфликтов и политики государств на трансформацию социально-политических институтов принимающих стран. Показано, что современные процессы разворачиваются в принципиально иной среде, характеризующейся развитым правовым регулированием и многоуровневым международным сотрудничеством в миграционной сфере.

Ключевые слова: переселение народов, миграция, экономическое неравенство, правовое регулирование, беженцы

На протяжении всей истории человечества миграции и массовые переселения были неотъемлемой частью существования. Это было связано с климатическими изменениями, демографическим ростом и нехваткой ресурсов. Наиболее значимое для формирования относительно постоянного расселения и дальнейшего образования государств происходило в период II—VII веков нашей эры и приобрело название «Великое переселение народов».

Великое переселение народов – это исторический период масштабных миграций варварских племён на территории Римской империи в IV—VII веках нашей эры. Оно началось с нашествия гуннов около 375 года, привело к падению Западной Римской империи в 476 году, кардинально изменив политическую карту Европы, положив конец Античности и открыв дорогу Средневековью.

Так, Буданова В. П. отмечает, что Великое переселение народов было вызвано комплексом природных, демографических, социально-экономических и политических причин, включая климатические изменения, высокую плотность населения, внутреннюю динамику «лавинообразных» миграций, а также активное вовлечение варварских племён в сферу влияния соседних цивилизаций[1]. Римская империя в течение нескольких веков систематически оказывала на германские племена свое политическое и экономическое влияние (военная экспансия, предоставление гражданства, дипломатические практики, институт заложничества, торговля и посредническая торговля), что способствовало их миграционной активности и постепенному проникновению в пределы империи, для сохранения своей независимости, подобно роли НАТО в сирийском кризисе. Политическое и экономическое давление Рима усилило внутренние демографические сдвиги у германских племен, запустив цепную реакцию миграций и подорвав стабильность империи.

Современный этап миграционных процессов XXI века характеризуется значительными по масштабам перемещениями населения, в большей степени ориентированными на Европу. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) к середине 2025 г. общее число вынужденно перемещённых лиц в мире превысило 117 млн человек[2], из которых значительная доля устремилась в страны Европейского союза, где зарегистрировано более 6,3 млн беженцев только из Украины к январю 2025 г[3]. «Европа стала одним из ключевых пунктов назначения на мировой карте международной миграции», что качественно сближает текущую ситуацию с эпохами масштабных переселений народов в прошлом[4]. Основные факторы включают военные конфликты (российско-украинский, ближневосточные кризисы), экономическое неравенство между глобальным Югом и Севером, демографические диспропорции (молодёжный избыток в развивающихся странах) и политическая нестабильность. Миграция

[1]Буданова В. П. Великое переселение народов: исторический опыт миграций переходной эпохи / В. П. Буданова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2019. № 2. С. 186.

[2]UNHCR Mid-Year Trends 2025 [Электронный ресурс] // ReliefWeb. 2025. URL: https://reliefweb.int/report/world/unhcr-mid-year-trends-2025 (дата обращения: 30.03.2026).

[3]Число украинских беженцев в Европе в 2025 г. превысило 6,3 млн [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/24018485 (дата обращения: 30.03.2026).

[4]Тишкевич Э. В. Причины миграционных потоков в Европу в начале 21 века / Э. В. Тишкевич // Перспективы развития науки в современном мире : сборник статей по материалам XV международной научно-практической конференции, Уфа, 07 марта 2019 г. Уфа: Дендра, 2019. -С. 146.

становится неотъемлемым элементом мира в условиях его глобализации[1], о чём свидетельствуют оценки руководителей институтов ЕС и профильных международных организаций, подчёркивающих, что миграция сегодня рассматривается как «ахиллесова пята ЕС» и один из самых спорных вопросов политики Союза, наглядно демонстрирующий его способность действовать, особенно после миграционного кризиса 2015–2016 годов[2]. Дефицит рабочей силы в ЕС, как некогда в Римской империи, стимулирует приток, но таким образом провоцирует и культурные противоречия.

Сирийский конфликт демонстрирует превращение гражданской войны 2011 года в поле глобального противостояния ведущих государств НАТО, России, США и стран Ближнего Востока, а именно: Турции, Ирана и Израиля. Поддержка НАТО исламистской оппозиции продлила кризис и ослабляет позиции союзников России и Ирана. В 2017–2019 годах сирийская армия с российской авиацией уничтожила ИГИЛ и вернула контроль над территориями для восстановления. Турция закрепила Идлиб как базу исламистов «Хайат Тахрир аш-Шам», «Джейш сурий ватаний» и источник угрозы для России. В ноябре–декабре 2024 года наступление 120 тысяч боевиков из Идлиба с участием Турции, США, Израиля привело к захвату Алеппо, Хомса, Дамаска и бегству Асада в Россию 8 декабря. Американский контроль нефтяных полей и израильское удержание Голан лишили Дамаск ресурсов[3].

Вмешательство спровоцировало миграцию, аналогичную перемещениям IV–VII веков, когда римские федераты дестабилизировали империю. Война и санкции разрушают инфраструктуру и вынуждают специалистов покидать свою страну в Европу и Россию. Современные визовые режимы и Женевская конвенция 1951 года ограничивают потоки в отличие от античности.

Турция продвигает прокси против курдов и для влияния на миграцию, Иран теряет шиитские коридоры, а НАТО использует кризис против России. После свержения Асада в декабре 2024 года около 850 тысяч беженцев вернулись в Сирию к середине 2025 года. Однако нестабильность провоцирует новые волны перемещений, нагружая ЕС и Россию. Таким образом, внешняя политика государств разжигает миграции и радикально меняют баланс сил в регионе.

---

[1]Стожко К. П. Миграция населения в условиях современного глобализма / К. П. Стожко // Аграрная политика в России: история и современность : Сборник научных статей Уральского госуд. экон. ун-та. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2023. С. 208.

[2]European Court of Auditors. Journal 2/2023. Migration policy and the EU [Электронный ресурс] URL: https://www.eca.europa.eu/ECAPublications/JOURNAL-2023-02.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

[3]Долгов Б. В. Сирийский конфликт в контексте обострения военно-политической ситуации на Ближнем Востоке (2023–2024) / Б. В. Долгов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 188.

Анализ Великого переселения народов и современных миграционных процессов позволяет выявить сходство в масштабах перемещений, глубине изменения этнокультурной структуры принимающих обществ и нарастающем давлении на их социально-политические институты. Как и в IV—VII вв., когда варварские племена хлынули в пределы Римской империи, сегодня наблюдается «громадное давление миграционного потока с Юга на Север»[1]. Однако различия существенны, поскольку, в отличие от античности, современные государства располагают разветвлённой системой миграционного контроля, включающей визовые режимы, пограничные службы и квотирование приёма, опираются на нормы международного права, прежде всего Женевской конвенции 1951 г., и сознательно соотносят миграционную политику с экономическими параметрами, такими как дефицит рабочей силы и потребности рынка труда.

Современные риски и последствия миграции проявляются в нарастающей нагрузке на системы здравоохранения, образования, социальной защиты и жилищного обеспечения принимающих государств, что требует перераспределения значительных бюджетных ресурсов и культурной адаптации. Нелегальная миграция представляет угрозу, которая тесно связана с такими формами международной преступности, как терроризм, торговля людьми, оружием, наркотиками, что подтверждают данные Statistics Denmark о повышенном уровне осуждённости среди мигрантов из незападных стран[2]. На глобальном уровне вооружённые конфликты и политическая нестабильность ведут к устойчивому росту числа вынужденно перемещённых лиц и беженцев. Так по оценкам Управления ООН по координации гуманитарных вопросов, в 2025 году в экстренной помощи будут нуждаться около 305 миллионов человек, значительная часть которых утратила жильё и средства к существованию в результате войн и насилия[3]. В этих условиях миграция предстаёт формой реакции обществ на нарастающие структурные дисбалансы в мировой политике, экономике и безопасности.

Сопоставление выявляет, что современная миграция по своим масштабам и структуре причин формирует устойчивый «эффект Великого переселения народов», но в принципиально иной институциональной среде. В отличие от античности, массовые перемещения населения сегодня опосредуются сложными режимами международного и национального

[1]Молодых Л. Л. Ожидания атаки нелегальных мигрантов с Ближнего Востока в Финляндии как возможный ответ на решение вступить в НАТО и политическая позиция Турции / Л. Л. Молодых // The Newman in Foreign Policy. - 2022. - Т. 3. -№ 66 (110). - С. 21.

[2] Statistics Denmark. Convicted persons [Электронный ресурс] // Statistics Denmark. 2025. URL: https://www.dst.dk/en/Statistik/emner/sociale-forhold/kriminalitet/doemte-personer (дата обращения: 30.03.2026).

[3]В 2025 г. в экстренной помощи будут нуждаться 305 млн. человек [Электронный ресурс] // Новости ООН. 2024. URL: https://news.un.org/ru/story/2024/12/1458996 (дата обращения: 30.03.2026).

права, что позволяет рассматривать их не только как гуманитарный вызов, но и как инструмент перераспределения ресурсов и трансформации политического пространства принимающих государств. Такое сопоставление исторического и современного миграционных циклов позволяет по-новому интерпретировать миграцию как долгосрочный механизм изменения конфигурации мировой системы, а не только как следствие отдельных конфликтов или кризисов.

Научная статья
УДК 34(09)

ЖЕНЩИНА И ПРАВО В ЯПОНИИ

Мария Ильинична ВОДОПЬЯНОВА[1], Владимир Ильич ШЕВЦОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] trrriwowa78@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, **Алексей Валерьевич ЕРЁМИН**, lucullus@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывается, как в Японии менялось правовое положение женщины: от довольно высокого в древности до почти полного подчинения в эпоху самураев. Автор показывает, что перелом наступил под влиянием буддизма, а затем конфуцианство закрепило модель «трёх послушаний». В итоге формальное равноправие пришло с Конституцией 1947 года.

Ключевые слова: Япония, женщина и право, цумадои, рицурё, буддизм, кэгарэ, конфуцианство, дзигай, канси, Конституция 1947 года

Японская мифология помещает женщину не на периферию, а в самый центр сакрального мира. Верховное божество синтоистского пантеона — это не воин-мужчина, а богиня солнца Аматэрасу, от которой ведёт своё происхождение императорский дом. И эта мифологическая основа долгое время задавала тон: в средневековом трактате «Гукансё» (XIII век) женщина на троне не воспринималась как что-то из ряда вон выходящее, что по тем временам было скорее исключением[1]. А китайские хроники («Записи о трёх

[1]Федянина В. А. Женщина и власть в «Гукансё»: японские государыни // Ежегодник Япония. 2021. - Т. 50. - С. 123.

царствах», III век) донесли до нас образ правительницы Химико: её призвали знатные роды, чтобы остановить междоусобицу, когда мужской властитель не справился. Она управляла как верховная жрица-шаманка — и это лишний раз подтверждает, что женское правление в древней Японии ассоциировалось с восстановлением мира и порядка.

Переходя к обычаям периода Ямато (IV—VII века), мы видим совсем иную, чем позже, модель отношений между полами. Брак тогда строился на практике *цумадои*: муж ночевал в доме жены, а не наоборот[1]. Это говорит о высоком положении женского рода и о сохранявшихся чертах матрилокальности. При сватовстве жениха ещё и испытывали — право решающего слова оставалось за семьёй невесты. Как справедливо замечает С. А. Умаханова, в средневековье этот союз равных превратится в инструмент подчинения женщины[2].

Раннее писаное право — знаменитый свод *Тайхо Ёро рё* (начало VIII века) — юридически закрепило довольно высокий статус женщины. По нормам того времени она освобождалась от налогов и повинностей (статья 5), могла наследовать (статья 23) и имела право на развод с повторным браком (статья 30). Кстати, похожие принципы мы встречаем и в законах Хаммурапи, но в Японии исходная правовая позиция женщины была даже выше, чем в древней Месопотамии. И в религиозной сфере равенство соблюдалось: монахини ни в чём не уступали монахам, а первые женские буддийские общины возникали при активной поддержке императриц[3].

Однако в эпоху Хэйан (794—1185) под влиянием буддизма, пришедшего с материка, отношение к женщине начинает резко меняться. Именно буддийская доктрина дала религиозное обоснование для новых правовых ограничений[4]. В общественном сознании укореняются идеи, что женщина не может достичь просветления (*ёдзё фусацу*), что ей мешают «пять препятствий» (*го сё:*), и что спасение возможно только после перерождения в мужском теле (*хэндзё нанси*). Одновременно распространяется представление о *кэгарэ* — «скверне», связанной с женской физиологией; отсюда берёт начало запрет для женщин посещать священные горы (*ённин кинсэй*)[5]. Специфика данного периода состоит в том, что именно в эту же эпоху расцветает женская придворная литература — вспомним хотя бы «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон. Возникает удивительный феномен, который исследователи называют «парадоксом

[1]Положение женщины в древней Японии.

[2]Умаханова С. А. Брачно-семейные отношения в средневековой Японии // Sciences of Europe. - 2019. - № 35 (35). – С.3.

[3] Женщина в японском средневековье (VIII–XVI вв.)

[4]История японского права: японское право в культурно-историческом контексте: учебное пособие / под ред. А.Н. Мещерякова. - СПб.: Art-Xpress, - 2022. - С. 41.

[5] Филиппов А. В. Эволюция государственно-правового устройства Японии от средних веков до новейшего времени: учебное пособие. - Красноярск: ИПК СФУ, - 2008. - С. 88.

женской идентичности»: культурный взлёт на фоне политического и правового бесправия[1].

С приходом эпохи Камакура (1185–1333) и установлением власти самурайства (*букэ*) положение женщины становится ещё более противоречивым. Как показывает в своей работе В.А. Федянина, трактат «Гукансё» зафиксировал процесс отстранения женщин от власти — и это происходило уже под влиянием воинской этики[2]. С одной стороны, в самурайской среде женщина сохраняла определённую самостоятельность: дочерей воинов учили владеть *нагината* (изогнутым копьём) и *кайкэн* (кинжалом), они участвовали в обороне замков и даже в сражениях[3]. Ходзё Масако (1157—1225), вдова первого сёгуна, после его смерти фактически правила страной[4], но с другой стороны, именно тогда начинается активное усвоение конфуцианства, и это постепенно сужает женские права. Конфуцианская модель «трёх послушаний» (сначала отцу, потом мужу, потом старшему сыну) проникает в законодательство периода Эдо. Женщину отстраняют от полноценного образования, её предназначение сводят к «служению мужу и его родителям».

Особое место в правовой культуре самураев занимало отношение к смерти. Женщины имели право на ритуальное самоубийство — *дзигай*, своего рода аналог мужского *сэппуку*. Показательно, что ритуал предписывал связывать лодыжки, чтобы тело сохраняло пристойный вид в агонии: даже в смерти подчёркивалось подчинённое положение женщины. Однако существовала и форма протеста — *канси*, самоубийство как акт противодействия несправедливости господина. Известны случаи, когда женщины таким образом клеймили позором правителя, посягнувшего на их честь, и это создавало для самурайской администрации серьёзные этические дилеммы[5]. В условиях, когда обычные правовые механизмы защиты чести для женщины были практически недоступны, *канси* становилось последним способом восстановить личный суверенитет.

Реставрация Мэйдзи (1868) на первых порах почти ничего не изменила в статусе женщины. Гражданский кодекс 1898 года закрепил патриархальную модель *иэ*, где жена могла действовать самостоятельно только с согласия мужа. А статья 5 Закона о полиции 1890 года прямо запрещала женщинам участвовать в политических собраниях и создавать организации[6]. И всё же именно в этот период зарождается женское

[1]Женщина в японском средневековье (VIII–XVI вв.) Режим доступа: URL: https://konnichiwa.ru/3782/ дата обращения: 02.04.2026).

[2]Федянина В. А. Указ. соч. С. 127.

[3] Карнаушенко Л. В., Трикоз, Е. Н., Швец, А. А. Правовая система Японии: история и современность: учебное пособие. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. - С. 57.

[4] История Японии: учебник / под ред. Д.В. Стрельцова. - Москва: Аспект Пресс, 2018. - С. 214.

[5]Трикоз Е. Н. История государства и права зарубежных стран: учебное пособие.- Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. - С. 152.

[6]История Японии. Учебное пособие. / под ред. Д.В. Стрельцова. - Москва: Аспект Пресс, С. 438.

движение; к 1920-м годам активистки добились отмены той самой статьи 5. Настоящий перелом наступает после Второй мировой войны: Конституция 1947 года в статье 14 провозглашает равенство полов, а статья 24 устанавливает добровольность брака и равноправие супругов[1]. Пересмотренный Гражданский кодекс 1948 года окончательно отменяет институт *иэ*. Правда, фактическое неравенство сохранялось ещё долго — вплоть до 1980–1990-х годов, когда Япония ратифицировала Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Подводя итог, можно сказать, что эволюция правового положения женщины в Японии — это уникальный, почти парадоксальный путь. Изначально традиционное право давало женщине высокий статус, подкреплённый и мифологией, и ранними законодательными актами вроде рицурё. Но под двойным давлением — буддийской доктрины «скверны» и конфуцианской патриархальной морали — эти права постепенно демонтировались. Если в VIII веке женщина ещё была полноправным субъектом права, то к XVII–XIX векам она превратилась в объект, чья воля подчинялась отцу, мужу или сыну. Радикальные изменения пришли только после 1945 года, когда равенство полов было закреплено юридически. Без понимания этой долгой траектории трудно осмыслить и современные гендерные споры в Японии, где наследие конфуцианских норм до сих пор сталкивается с конституционным принципом равенства.

Научная статья
УДК 340.15

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПОВ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ, ОТКРЫТОСТИ И ГЛАСНОСТИ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Роман Сергеевич ГУБИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
gubinfen@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала)

[1]Конституция Японии (1947 г.) / А.А. Мишин // Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Сборник документов. - Москва: Юстицинформ, 2009. - С. 303.

Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, советник юстиции, доцент **Наталья Михайловна ИВАНОВА**, i-natalii@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается судебная реформа 1864 года как важный этап развития российского судопроизводства. Особое внимание уделяется анализу принципов состязательности, гласности и открытости, получивших развитие в результате принятия Судебных уставов 1864 года. Автор показывает, что значение реформы заключалось не только в преобразовании судебной системы Российской империи, но и в формировании процессуальных начал, сохраняющих значение в современном российском правосудии. Отдельно освещается роль судебных прений и ораторского мастерства прокуроров как важного проявления состязательного начала.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 года, Судебные уставы, российское судопроизводство, состязательность, гласность, открытость, прокурор, судебные прения

Потребность в реформе к середине XIX века была очевидной. Старая судебная система не образовывала стройного и внутренне согласованного механизма. Множественность инстанций, сложность процедур, зависимость от администрации и сословные различия снижали доверие к суду. С точки зрения современного понимания правосудия особенно важно то, что дореформенный суд не создавал условий для равного и открытого процессуального столкновения позиций. Стороны не занимали в нем того места, которое они занимают в состязательном процессе, а само разбирательство часто оставалось малопонятным для общества. Иначе говоря, дореформенный суд был слаб не только организационно, но и с точки зрения тех процессуальных качеств, которые сегодня считаются обязательными.[1]

Одним из наиболее заметных недостатков дореформенной системы был ее сословный характер. Равенство перед судом в современном смысле еще не стало устойчивой основой правосудия. Кроме того, разбирательство нередко носило закрытый характер, а письменная форма процесса ограничивала живое участие сторон в исследовании дела. В такой модели трудно было увидеть то, что сегодня связывают с открытым судом: видимость процедуры, понятность происходящего, возможность общества наблюдать, как формируется решение. Именно поэтому реформа 1864 года важна не только как факт истории законодательства, но и как шаг к тому типу судопроизводства, где правосудие становится не скрытой служебной процедурой, а открытым процессом правового рассмотрения дела.[2]

[1] Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М.: Норма С. 216.

[2] Томсинов В. А. Судебная реформа 1864 года в России. М.: Зерцало, 2014. С. 41.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года стали попыткой решить эти проблемы не частично, а системно. Были учреждены мировые судьи, окружные суды, судебные палаты, Сенат как кассационная инстанция. Существенное значение имело отделение суда от администрации. Этот шаг нельзя понимать только как техническую реформу государственного аппарата. Его смысл был глубже: суд постепенно выводился из подчиненного положения и приобретал черты самостоятельного органа, чья задача состоит не в административном сопровождении дела, а в его правовом разрешении. Для современной юридической мысли это особенно важно, поскольку принципы состязательности, открытости и гласности в полной мере могут действовать только там, где суд не растворяется в бюрократической системе, а выступает как самостоятельный арбитр.[1]

Вместе с тем главное значение реформы проявилось не только в создании новых судебных учреждений. Реформа изменила внутреннюю организацию самого процесса. Разбирательство стало строиться на устности, непосредственном исследовании доказательств, участии сторон и судебных прениях. Суд уже не должен был подменять собой одну из сторон или заранее определять ход дела. Его задача все отчетливее связывалась с беспристрастным рассмотрением спора. Именно в этой новой процессуальной среде и получили развитие те начала, которые позднее стали опорой современного судопроизводства.

Прежде всего речь идет о состязательности. Ее смысл в пореформенном суде состоял не просто в формальном участии нескольких лиц в процессе, а в признании за сторонами права активно отстаивать свою позицию. Они могли представлять доказательства, спорить о значении фактов, возражать против доводов друг друга, участвовать в судебных прениях. Это был принципиально иной подход по сравнению с прежней системой, где процесс зависел в большей степени от письменных материалов и служебных действий. После реформы правовая позиция должна была быть не только заявлена, но и доказана. Спор сторон становился важнейшим способом проверки аргументов.[2]

Именно здесь особенно ясно прослеживается связь реформы 1864 года с современным принципом состязательности. Сегодня состязательность понимается как такая организация процесса, при которой стороны обладают реальной возможностью влиять на ход дела, представлять доказательства и убеждать суд в правильности своей позиции. В этом смысле пореформенный суд стал важной отправной точкой для дальнейшего развития данной

---

[1] Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1991. С. 32–35

[2] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1991. С. 120–126

идеи в российском праве. Он впервые придал устойчивую процессуальную форму тому пониманию судебного разбирательства, при котором решение формируется не в закрытой служебной процедуре, а в результате открытого сопоставления правовых позиций.

Не менее значимым результатом реформы стало утверждение гласности. Открытое судебное заседание имело большое значение не только для конкретных участников дела, но и для общества. Гласность позволяла наблюдать за тем, как осуществляется правосудие, как исследуются доказательства, как строятся выступления сторон, как суд приходит к своим выводам. Тем самым суд переставал быть учреждением, действующим в закрытом ведомственном пространстве. Для своего времени это было принципиальным изменением, а для современной правовой системы — одним из исторических корней представления о публичном и подконтрольном обществу суде.

Однако в рамках данной темы важно показать и связь реформы с принципом открытости. Гласность и открытость тесно связаны, но не совпадают полностью. Гласность выражает прежде всего публичный характер судебного разбирательства. Открытость же позволяет говорить о более широком качестве правосудия: его доступности для восприятия, понятности для общества и отсутствии неоправданной замкнутости. Открытый суд — это не только суд, куда можно войти, но и суд, в котором можно понять, что именно происходит, почему одна позиция признается более убедительной, а другая отвергается. Если смотреть на реформу 1864 года под этим углом, то становится ясно, что она заложила основы не просто гласного, но и более открытого суда, то есть суда, чья деятельность становилась видимой и объяснимой для общества.[1]

Следовательно, современная триада — состязательность, гласность, открытость — имеет с реформой 1864 года не внешнюю, а внутреннюю связь. Состязательность в современном смысле опирается на ту процессуальную модель, где стороны не оттеснены на второй план, а реально участвуют в формировании судебного вывода. Гласность связана с публичным разбирательством, корни которого отчетливо просматриваются в пореформенном суде. Открытость вырастает из той же реформаторской логики, которая делала судебную деятельность понятной, наблюдаемой и общественно значимой. Поэтому реформа 1864 года должна оцениваться не только как преобразование своего времени, но и как историческая основа современных представлений о справедливом судебном процессе.

Особенно наглядно состязательный характер нового суда проявился в фигуре прокурора. До реформы участие обвинения не имело того публичного и аргументированного значения, которое оно приобрело после 1864

[1] Исаев И. А. История государства и права России : учебник / И. А. Исаев. М. : Норма, С. 221—223.

года. В пореформенном процессе прокурор уже не мог ограничиваться одним лишь формальным поддержанием обвинения. От него требовалось иное: выстроить доказательственную линию, показать внутреннюю связь фактов, опровергнуть аргументы защиты, придать обвинению логическую и правовую завершенность. Иначе говоря, прокурор становился полноценным участником судебного спора.

Именно поэтому особый интерес вызывает ораторский талант прокуроров. В условиях открытого и гласного процесса судебная речь переставала быть второстепенной деталью. Она становилась одним из главных способов реализации состязательности. В судебных прениях прокурор должен был не просто пересказать обстоятельства дела, а убедить суд. Для этого требовались не только знание закона и материалов дела, но и умение ясно мыслить, точно формулировать, выстраивать внутренне связную аргументацию и отвечать на доводы противоположной стороны. Чем большее значение приобретали судебные прения, тем яснее становилось, что правосудие после реформы строится уже не в канцелярской, а в речевой и доказательственной логике.[1]

Ораторский талант прокурора в пореформенном процессе имел не только профессиональное, но и принципиальное процессуальное значение. Современная состязательность невозможна без реального воздействия сторон на суд посредством аргументации и доказательств. В этом смысле яркая, логичная и убедительная речь прокурора была не украшением процесса, а его важнейшим рабочим инструментом. Через судебную речь состязательность получала живое выражение: обвинение должно было быть не просто поддержано, а доказано в открытом споре. Поэтому интерес к прокурорскому красноречию в контексте реформы 1864 года вполне закономерен: оно показывает, как абстрактный принцип превращался в реальную практику суда.[2]

Не менее важно и то, что речь прокурора в гласном суде была обращена не только к составу суда, но и к более широкой аудитории — к публике, к присяжным заседателям, к обществу в целом. Именно здесь особенно отчетливо проявляется связь прокурорского ораторского мастерства с принципами открытости и гласности. Через речь обвинителя общество не только узнавало содержание дела, но и воспринимало сам характер правосудия: насколько оно разумно, последовательно, убедительно. Удачная речь прокурора усиливала доверие к суду, показывала силу аргумента и культуру юридического мышления. Слабая речь, напротив, могла обнажить внутренние проблемы обвинения и даже поставить под сомнение убедительность всего судебного разбирательства. Следовательно, прокурорская риторика

[1] Кони А. Ф. Избранные труды и речи [Электронный ресурс] / А. Ф. Кони, Г. М. Резник. М.: Издательство Юрайт, 2015. 589 с. URL: https://urait.ru/bcode/384202 (дата обращения: 25.03.2026).С. 95–101.

[2] Там же. С. 101–108.

была важна не только для исхода конкретного дела, но и для публичного образа правосудия как открытого и рационального института.

Во второй половине XIX века именно благодаря новой судебной атмосфере судебное красноречие получило в России особое развитие. Это было закономерно: там, где возрастает значение устной речи, публичности и спора сторон, неизбежно возрастает и значение риторического мастерства. Но в данном случае речь идет не просто о красоте слова. Сила прокурорской речи заключалась в ее способности соединять закон, факты и доказательства в единую убедительную конструкцию. В этом отношении прокурорская риторика стала одним из самых заметных признаков того, что реформа 1864 года действительно изменила природу суда и приблизила ее к современному пониманию состязательного и открытого правосудия.[1]

Наряду с прокурором большую роль в этой новой модели играли адвокатура и суд присяжных. Их значение состояло в том, что они не позволяли состязательности остаться только декларацией. Профессиональному обвинению должна была противостоять профессиональная защита, а наличие присяжных усиливало значение устного выступления, ясности аргумента и публичного убеждения. В таком процессе открытость, гласность и состязательность не существовали по отдельности, а поддерживали друг друга. Суд становился не местом формального подтверждения заранее сложившейся позиции, а пространством, в котором судебное решение должно было пройти проверку словом, доводом и публичностью.[2]

Таким образом, судебная реформа 1864 года изменила российское судопроизводство не только организационно, но и внутренне. Она создала новую систему судебных органов, усилила самостоятельность суда, расширила процессуальные возможности сторон и придала разбирательству публичный характер. Но особенно важно то, что именно в рамках этой реформы начала складываться новая процессуальная культура, в которой спор сторон, открытость суда, гласность процесса и профессиональная судебная речь стали ключевыми элементами правосудия.

Следовательно, значение судебной реформы 1864 года нельзя сводить только к истории законодательства. Она стала важнейшей историко-правовой предпосылкой формирования современных принципов российского судопроизводства. Состязательность как реальный спор сторон, гласность как публичность процесса и открытость как доступность судебной деятельности для общественного восприятия получили в ней свое раннее и системное выражение. Особое место в этой системе заняло ораторское мастерство прокуроров, поскольку именно оно наиболее ярко показало, что новый суд

[1] Там же. С. 112–116.

[2] Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы. Сборник статей [Электронный ресурс] / Г. А. Джаншиев ; вступ. ст. С. В. Марасановой. URL: https://lawlibrary.ru/izdanie50108.html (дата обращения: 25.03.2026).С. 73–81.

строится не на административной силе, а на силе юридического аргумента. В этом состоит долговременное значение реформы 1864 года для истории и теории российского правосудия.

Научная статья
УДК 340.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ УЧЁНЫХ

Давид Сергеевич ГУДКОВ[1], Елизавета Андреевна МАЛАЕШТЯН[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] gudkovam31@gmail.com
[2] malaestanelizaveta@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Ирина Борисовна ЛОМАКИНА**, lomakina7311@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются правовые взгляды современных петербургских ученых в контексте формирования ими новой юридической постклассической парадигмы. Отмечается значение постклассических взглядов на развитие юридической методологии. Автор акцентирует внимание на том, что существует преемственность между различными этапами развития юридической мысли.

Ключевые слова: постклассическая методология, право, юридическая наука

Современная юридическая наука, несомненно, сформировалась в процессе слияния классических и неклассических типов научной рациональности. Выдвинутая профессором СПбГУ А. В. Поляковым коммуникативная теория относится к постклассическому правопониманию так же, как и диалогическая концепция понимания права И. Л. Честнова (профессор Университета прокуратуры РФ). Обе концепции оригинальны и несомненно имеют эвристическую ценность. Их объединяет, то что их истоком была социологическая теория права, которая и стала тем фундаментом, на котором современные ученые создали антропологo-правовую неклассическую парадигму, акцентирующую внимание на

человекоразмерности самого права. Развивая данный методологический подход, стоит отметь, что А. В. Поляков и И. Л. Честнов, сумели сформировать «незримую коллегию» (школу) из числа своих единомышленников и учеников, к которым по праву можно отнести профессоров Е. В. Тимошину[1], И. Б. Ломакину[2], Н. В. Разуваева[3] и др.

Оценивая функциональную природу своей коммуникативной теории права, А. В. Поляков пишет, «что его концепция не призвана доказать неправильность других теорий, однако призвана показать их неполноценность (например, в рамках юснатуралистического подхода право не имеет истории, а юридический этатизм подменяет проблему правогенеза с проблемой политогенеза»[4]). Поэтому предлагает лаконично синтезировать их в нечто единое в рамках нового подхода. В этой же статье А. В. Поляков отмечает, что право имеет институциональную и интерсубъективную природу, что говорит о его плюральности, многомерности и сложности. Понимание природы прав человека происходит с позиции «между» классическими концепциями – такую позицию Андрей Васильевич называет антрополого-социологической (коммуникативной).

Далее в ходе рассуждения по поводу сущности правовой коммуникации А.В. Поляков отмечает, что феноменологически можно выявить только коммуникацию, а само право представляется феноменом в границах коммуникации, поскольку оно само возникает в результате коммуникации, является ею. При этом право не существует как вседоступная реальность для любого воспринимающего сознания, приводя в пример животных, у которых не существует права как такового. Животные не пользуются особыми текстуальными знаками для осуществления коммуникации, следовательно не способны «поймать» право путем соединения субъективного понимания и объективной значимости правовых текстов (для этого и необходима коммуникация посредством знаков). В таком рассмотрении право предстает как нечто «живое», социальное, включающее в себя разумность, нормативность, ценностность, текстуальность[5].

Правогенез в постклассических версиях понимания права происходит благодаря экстернализации человека — его внешнего проявления как личности. Все постклассические концепции исходят из институционального понимания того, что человек в повседневных актах рутинизирует модели

---

[1]Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: Дисс. д.ю.н. Москва, 2013. С. 235.

[2]Ломакина И. Б. Постижение правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму / И. Б. Ломакина // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3 (20). С. 23-29.

[3]Разуваев Н. В. Государство в эволюционном измерении. Москва: Юрлитинформ, 2018. С. 18.

[4]Поляков А. В., Тимошина, Е. В. Общая теория права. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургского госуд. ун-та, 2015. С. 75.

[5]Поляков А. В., Тимошина, Е .В. Там же. С. 78.

поведения и затем посредством интериоризации включает эти модели в свою психику (правосознание). Таким образом, биологическая нестабильность приводит к нужде в создании стабильного социального порядка. Определенный социальный порядок является продуктом внешнего проявления человека, его экстернализации, в рамках процесса коммуникативной деятельности или диалога — по Честнову[1].

Процессу возникновения, передачи и поддержанию социального порядка предшествует процесс хабитуализации (того самого «опривычивания»). Действия, которые позволяют наиболее эффективно достигать социально значимых целей осознаются впоследствии в качестве образца. В дальнейшем, подобные образцы поведения способствуют экономии человеческого энергетического ресурса при их повторении. Так закладываются основы стабильности человеческой деятельности. После «опривычивания» начинается процесс взаимной типизации, в ходе которого происходит отнесение поведения друг друга к определенному типу, что делает данные действия взаимно предсказуемыми[2].

Таким образом, взаимная типизация создает основу для стабильного взаимодействия, которое также можно назвать и коммуникативным взаимодействием, поскольку «опривыченные» действия, прошедшие типизацию, доступны для понимания других субъектов.

В таком взаимопонимании и прослеживается коммуникативность. Так образуются социальные институты, которые являются продуктом истории, что придает им также и объективность. Они контролируют поведение индивидов, устанавливая определенные образцы поведения. Это означает, что они имеют власть над человеком сами по себе, благодаря своей фактичности (механизм контроля является вторичным и присущ наиболее важным институтам).

Однако стоит отметить, что объективность института является «сконструированной» людьми (в процессе хабитуализации, взимной типизации и так далее — в общем - коммуникации). В дальнейшем, в ходе процесса социализации происходит интернализация, посредством которой объективированный социальный мир переводится в индивидуальное сознание.

Таким образом, диалектичность общества заключается в том, что оно — суть объективная и субъективная реальность одновременно. Право коммуникативно или диалогично, так как у одного субъекта есть права и обязанности не только перед другим определенным субъектом, но и перед

[1]Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2012. С 25.

[2]Ломакина И. Б. Философско-правовые доминанты обычного права: антрополого-правовой подход //Иерархия и координация источников права : Теоретические и сравнительные аспекты / А. А. Васильев, Я. Б. Стоилов, Е. А. Фролова [и др.]. Барнаул : Алтайский госуд. ун-т, 2023. С. 78.

обществом в целом. У общества также имеются права и обязанности по отношению к субъекту.

Научная статья
УДК 34.01

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Тимур Хамитович ДАВЛЯТШИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
tima.davlyatshin07@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат исторических наук, доцент **Наталья Михайловна ИВАНОВА**, i-natalii@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования судебной системы Советской России в 1917–1918 гг. Анализируются ключевые нормативные акты, заложившие ее основу, — Декреты о суде № 1, 2 и 3, а также Положение о народном суде 1918 г. Уделяется внимание созданию и деятельности революционных трибуналов, народных судов и Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). На примере конкретного дела (С. В. Паниной) выявляются противоречия и недостатки новой модели правосудия, основанной на принципе «революционного правосознания».

Ключевые слова*:* декреты о суде, революционный трибунал, ВЧК, народные суды, революционное правосознание, дело Паниной

Октябрьская революция 1917 г. ознаменовала коренной слом всей предшествующей государственно-правовой системы России. Дореволюционное наследие Российской империи, включая судебную систему, было полностью упразднено вместе с царским законодательством.[1]. Во времена революционного хаоса правосудие подменялось вседозволенностью людей, обладавших силой и рычагами влияния, а право — политикой, революционной необходимостью и моралью. Так, началось создание принципиально новой судебной системы, призванной соответствовать идеологическим установкам диктатуры пролетариата. После победы Октябрьской революции

[1] Цечоев В. К. История суда России : учебное пособие / В. К. Цечоев. – Москва : Проспект, 2010. – 62-64 С. (дата обращения: 04.03.2026).

1917 г. охрана правопорядка возлагалась на Петроградский Военно-революционный комитет (ВРК), который действовал до декабря 1917 г., в то время как Народный комиссариат внутренних дел выполнял судебные функции.

В начале декабря 1917 года принимается Декрет о суде № 1 Советом народных комиссаров[1]. Этим декретом была ликвидирована дореволюционная судебная система, включая окружные суды, судебные палаты, Правительствующий сенат, военные и коммерческие суды, а также прокуратуру, адвокатуру, и институт судебных следователей. Немаловажно, что уничтожались и специальные суды для несовершеннолетних, которые впервые появились в 1910 г. в Петербурге, а к 1917 г. — в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Либаве, Риге, Томске, а также Саратове. Для ликвидации старых учреждений назначались специальные комиссары. Взамен создавались местные народные суды и революционные трибуналы[2].

Местные народные суды состояли из профессионального председателя и двух народных заседателей, представлявших общественность, которые объединялись в одну коллегию, и избиравшиеся местными Советами. Народные суды разбирали все гражданские дела по искам, не превышающим 3000 рублей, а также уголовные дела с наказанием в пределах двух лет лишения свободы.

Революционный трибунал рассматривали контрреволюционные дела, факты мародерства, саботажа и «прочих злоупотреблений торговцев, промышленников и чиновников», так как деятельность органа была определена расплывчато, ревтрибуналы имели возможность рассматривать любые дела.

По данному декрету была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), которая постепенно получила неограниченные полномочия, включая право внесудебного расстрела, особенно после постановления «О красном терроре» от 5 сентября 1918 года.[3]

В этот период также действовали революционные суды под разными названиями: «суд общественной совести», «народные» и т.д., в состав которых входили левые эсеры, представители Советов и большевистских партийных организаций.

В соответствии с Декретом оставалось право на защиту. Защитниками и обвинителями могли быть все граждане обоего пола, не ограниченные в правах.

---

[1] О суде : Декрет № 1 Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. I. – «Гарант» - URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/ (дата обращения: 28.02.2026).

[2] Иванова Н. М. Судьбы российских правоведов в годы социальных потрясений: аксиологический аспект / Н. М. Иванова // КриминалистЪ. – 2018. – № 1 (22). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudby-rossiyskih-pravovedov-v-gody-sotsialnyh-potryaseniy-aksiologicheskiy-aspekt (дата обращения: 04.03.2026).

[3] Цечоев В. К. История суда России : учебное пособие / В. К. Цечоев. – Москва : Проспект, 2010. – 62-64 С. (дата обращения: 04.03.2026).

Суды должны были руководствоваться декретами ВЦИК, СНК, «революционным правосознанием» и «законами свергнутых правительств», если они не противоречили революционным принципам. При этом отмененными признавались не только законы, противоречащие декретам ВЦИК и СНК, но и программам-минимум большевиков и партии эсеров.

На основе данного декрета состоялся суд над Софьей Владимировной Паниной. С. В. Панина обвинялась в хищении 93 тыс. рублей, так как, будучи товарищем министра просвещения, перевела их в банк для передачи только Учредительному собранию. С. В. Панина не признавала своей вины и отказывалась вернуть деньги. В ходе разбирательства суд вынес приговор «общественного порицания». Однако С. В. Панина была возвращена в тюрьму и выпущена только через 2 дня, когда ее друзья собрали и вернули необходимую сумму. Данный пример демонстрирует новый тип правосудия. Однако при всей новизне процесса, суд продемонстрировал смешение понятий юридических и моральных, субъективность такого принципа правосудия, как «революционное правосознание», недостатки отсутствия профессионализма судей.[1]

7 марта 1918 г. вступил в силу Декрет о суде № 2, который ввёл окружные суды. Для рассмотрения гражданских дел в их составе формировались коллегии из трёх постоянных судей и четырёх народных заседателей. Уголовные дела рассматривались коллегиями, включавшими председателя и двенадцать заседателей; при вынесении решений они опирались на доказательства совершения преступления и определяли меру наказания, руководствуясь принципом революционной законности. Декрет устанавливал кассационный порядок обжалования, тогда как апелляционное обжалование приговоров и решений упразднялось. Значительное внимание уделялось вовлечению трудящихся в отправление правосудия: при советах создавались коллегии, обеспечивавшие их участие в общественном обвинении и защите. Окружные суды выступали первой инстанцией, областные — второй. Высший законодательный орган — ВЦИК — сохранял право отменять любое решение народного суда. Таким образом, Декрет № 2 заложил основы советской судебной системы, однако её формирование не было завершено и продолжилось в дальнейшем.[2]

---

[1] Иванова Н. М. Суд над графиней Паниной как пример деконструкции правовой системы // Историко-психологические аспекты 1917 г.: Материалы XLII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург. 4 декабря 2017 г./ Под ред. Д-ра ист. Наук, проф. С. Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2017. 130 с. (дата обращения: 04.03.2026).

[2] О суде: Декрет № 2 Совета Народных Комиссаров РСФСР от 7 марта 1918 г. // Декреты Советской власти. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. I. – «Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова» – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude2.htm (дата обращения: 28.02.2026).

Декрет СНК от 20 июля 1918 г. № 3 скорректировал подсудность народных судов. Из их ведения изымались наиболее опасные преступления: убийства, разбои, бандитизм, изнасилования, взяточничество, спекуляция и фальшивомонетничество. Кассационной инстанцией становился Кассационный народный суд, учреждаемый в Москве и состоящий из гражданского и уголовного отделений. Его руководство — председателя, заместителя и восемь членов — утверждалось ВЦИК по представлению Наркомюста, при этом кандидатуры членов суда предварительно выдвигались окружными народными судами и советами местных народных судей.[1]

В своей деятельности суды руководствовались декретами советской власти, а также могли обращаться к нормам Судебных уставов 1864 г., если те не противоречили советскому законодательству. Однако постановление ВЦИК от 30 ноября 1918 г. прямо запрещало ссылаться в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств.

С обострением Гражданской войны судебная система становилась всё более централизованной и карательной. Важным этапом её унификации стало Положение о народном суде РСФСР, принятое 30 ноября 1918 г. Согласно этому документу, народные суды формировались при участии советов и их исполкомов. В состав суда входили народный судья и народные заседатели, число которых определял местный исполком. В зависимости от территориальной принадлежности и подсудности суды рассматривали административные, уголовные и гражданские дела.[2]

Таким образом, процесс формирования советской судебной системы в 1917–1918 гг. состоял из противоречий между провозглашенными целями создания «народного правосудия» и реальной практикой его функционирования. Декларируемый отказ от «буржуазного» права и замена его «революционным правосознанием» на практике привели к правовому нигилизму, подмене суда политической расправой и созданию параллельной системы внесудебных репрессий в лице ВЧК. Отсутствие четкой правовой регламентации и профессионализма судей делало правосудие субъективным и зависимым от политической конъюнктуры. Первыми результатами становления советского правосудия стало создание двух параллельных структур: революционных трибуналов, занимавшихся делами политического характера и наиболее тяжкими преступлениями, и системы общих (народных) судов, пришедших на смену дореволюционным судам и институту мировых судей.

[1] О суде: Декрет № 3 Совета Народных Комиссаров РСФСР от 20 июля 1918 г. //. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2026).

[2] Цечоев В. К. История суда России : учебное пособие / В. К. Цечоев. Москва : Проспект, 2010. С. 62—64 (дата обращения: 04.03.2026).

Научная статья
УДК 93

ИНСТИТУТ БРАКА И СЕМЬИ В РУССКОМ ПРАВЕ (X—XIX ВВ.): ОТ ДОМОСТРОЯ ДО ПЕРВЫХ ЭМАНСИПАЦИОННЫХ ПОПРАВОК

Регина Игоревна ДАЛЬКЭ[1], Дарья Сергеевна ДУДИНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] regdal531@gmail.com
[2] garyushiik2015@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент, советник юстиции **Наталья Михайловна ИВАНОВА**, i-natalii@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена эволюции правового регулирования брачно-семейных отношений в России с момента принятия христианства до конца XIX века. Рассматривается трансформация института брака от церковно-канонической модели к постепенному формированию светских элементов семейного права. Особое внимание уделяется анализу «Домостроя» как культурно-правового феномена, закрепившего патриархальную модель семьи. Исследуется процесс законодательных реформ второй половины XIX века, направленных на расширение прав женщин и детей в семейных отношениях. Показана специфика российской правовой традиции, в которой семейное право долгое время оставалось в юрисдикции церковных институтов. Работа демонстрирует противоречивый характер эмансипационных процессов в имперский период, когда консервативная социальная структура сопротивлялась европейским либеральным влияниям. Выявлены ключевые точки трансформации правового статуса членов семьи, определившие направление дальнейшего развития семейного законодательства в XX веке.

Ключевые слова: брачное право, семейное право Российской империи, Домострой, церковное право, эмансипация женщин, патриархальная семья, реформы XIX века

Крещение Руси в 988 году стало переломным моментом для правового оформления семейных отношений. До христианизации брачные союзы регулировались исключительно обычным правом, существовавшим в формах

языческих ритуалов и родовых традиций[1]. С принятием православия семейная сфера попала под юрисдикцию церкви, что предопределило её развитие на столетия вперёд.

Византийские номоканоны сборники церковного и отчасти светского права — легли в основу древнерусского семейного законодательства[2]. Кормчая книга, появившаяся на Руси в XIII веке, содержала нормы, заимствованные из Эклоги и Прохирона. Брак определялся как таинство, а его заключение и расторжение находились в исключительном ведении духовных властей.

Впрочем, механическое перенесение византийских норм на русскую почву оказалось невозможным. Местные обычаи — умычка невесты, многожёнство у знати, левират - сохранялись вплоть до XIV–XV веков, создавая причудливую смесь канонического идеала и бытовой практики[3]. Церковь боролась с этими явлениями через систему епитимий, но реальное искоренение языческих пережитков заняло несколько столетий.

Интересно, что уже в Уставе князя Ярослава Мудрого (XI век) обозначены составы преступлений против семейной нравственности: прелюбодеяние, изнасилование, похищение невест[4]. Эти нормы свидетельствуют о стремлении княжеской власти упорядочить брачно-семейные отношения, используя христианскую этику как инструмент социальной регуляции. Однако наказания накладывались не государственными судами, а церковными, что закрепило дуализм юрисдикций.

К концу XV века, после падения Константинополя и формирования доктрины «Москва — Третий Рим», русская церковь окончательно укрепила свои позиции в семейной сфере. Стоглавый собор 1551 года подтвердил исключительное право духовенства на брачное судопроизводство[5]. Светская власть признавала эту монополию, не предпринимая попыток секуляризации семейного права вплоть до эпохи Петра I.

Середина XVI века ознаменовалась появлением памятника, который на столетия определил ментальность русской семьи — «Домостроя». Составленный, предположительно, протопопом Сильвестром, этот текст представляет собой не юридический кодекс в строгом смысле, а синтез морально-

---

[1] Пушкарёва Н. Л. Женщина в русской семье (X – начало XIX в.): динамика социокультурных изменений // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 89. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49127456 (дата обращения: 14.04.2026).

[2]Загоровский А.И. Курс семейного права. – Одесса: Типография Акционерного Южно-Русского Общества Печатного Дела, 1909. С. 468.

[3] Рязановский В. А. Русское семейное право и его отражение в памятниках обычного права // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 1. С. 235.

[4] Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М.: Юридическая литература, 1991. С. 176.

[5]Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 640.

этических предписаний, хозяйственных рекомендаций и фактических правовых норм[1].

«Домострой» закрепляет строгую иерархию семейных отношений. Глава семьи — муж и отец - наделяется абсолютной властью. «Жену люби, но учи её страху», — эта формула определяет модель супружеских отношений, в которой женщина лишена субъектности.

Показательно право мужа на физическое наказание жены: «…бити по телу, а не по лицу и не перед людьми»[6]. Это не рекомендация, а легитимация насилия, освящённая религиозной риторикой. Впрочем, «Домострой» требовал соблюдения меры, что отражало компромисс между христианским идеалом милосердия и реальными практиками бытового террора.

Дети в домостроевской модели также не имеют прав — лишь обязанности послушания и покорности. Браки заключаются исключительно по воле родителей, зачастую в раннем возрасте[3]. Согласие вступающих в брак не считается необходимым элементом, хотя формально церковное право его требовало. Это противоречие между каноническим идеалом и бытовой практикой — характерная черта русского семейного уклада допетровской эпохи.

Социальная функция «Домостроя» — создание устойчивой, самодостаточной экономической единицы. Семья рассматривается как микрокосм государства, где муж — государь, жена — советник, дети — подданные[6]. Эта органическая метафора закрепляла патриархальный порядок как естественный и богоугодный.

Однако с конца XVII века авторитет «Домостроя» начинает подвергаться эрозии. Западное влияние, проникавшее через Немецкую слободу, формирует альтернативную модель семейных отношений, основанную на большем равенстве супругов.

Пётр I, радикально преобразовавший государственные институты, не мог обойти вниманием и семейную сферу. В 1702 году издаётся указ о введении обязательного «обыска» перед венчанием - публичного объявления о предстоящем браке для выявления препятствий. Это нововведение ограничивало родительский произвол, требуя хотя бы формального согласия брачующихся.

В 1714 году запрещаются браки для дворян, не овладевших грамотой и основами арифметики — попытка связать семейное право с государственными интересами по подготовке служилого сословия[2]. Впервые брак начинает рассматриваться не только как религиозное таинство, но и как социальный институт, подконтрольный государству.

Указ 1722 года повышает минимальный брачный возраст: для мужчин до 20 лет, для женщин до 17 лет. Это противоречило церковной традиции,

[1]Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. М.: Советская Россия, 1990. С. 304.

допускавшей браки с 15 и 13 лет соответственно. Синод протестовал, но светская власть настояла на своём - характерный пример смещения баланса в сторону государственного регулирования.

Тем не менее говорить о полной секуляризации семейного права в петровскую эпоху преждевременно. Заключение и расторжение браков по-прежнему оставались в ведении церкви. Разводы допускались лишь в исключительных случаях: прелюбодеяние, неспособность к супружеской жизни, безвестное отсутствие, ссылка на каторгу, пострижение в монахи.

Более того, разведённым запрещалось вступать в новый брак более двух раз, а виновная сторона в прелюбодеянии вообще лишалась такого права. Эти ограничения сохранятся до начала XX века, создавая множество драматических коллизий.

Екатерина II продолжила линию на усиление государственного контроля над семейной сферой. «Устав благочиния» 1782 года вводил административную ответственность за «непристойное поведение» в семье, хотя и не посягал на каноническую юрисдикцию церкви. Впрочем, реальная жизнь российской провинции мало менялась под влиянием столичных указов.

Свод законов Российской империи 1832 года кодифицировал нормы семейного права, сложившиеся за предыдущие столетия. Том X Свода — «Законы гражданские» - содержал разделы о правах и обязанностях супругов, родителей и детей.

Статья 107 Свода определяла: «Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании». Это законодательное закрепление патриархальной модели вызывало возмущение либеральных юристов уже в середине XIX века, но просуществовало до 1917 года.

Замужняя женщина не имела права на раздельное проживание без согласия мужа. Закон обязывал её следовать за супругом при перемене им места жительства. Исключение делалось лишь для случаев ссылки мужа — жена могла не сопровождать его, но обязана была сохранять верность.

Имущественные права женщины были ограничены, хотя и не столь радикально, как в некоторых западноевропейских странах. Приданое и имущество, приобретённое до брака, оставалось собственностью жены. Однако распоряжаться им без согласия мужа она не могла. Это создавало парадоксальную ситуацию: женщина формально являлась собственником, но не обладала правом распоряжения.

Право на развод оставалось крайне ограниченным. Церковь признавала лишь несколько оснований для расторжения брака, причём процедура растягивалась на годы и требовала документального подтверждения вины одной из сторон. На практике развод был доступен лишь дворянству и купечеству, обладавшим ресурсами для ведения затяжного судебного процесса.

Впрочем, начиная с 1860-х годов, в российском обществе нарастает критика архаичного семейного законодательства. Судебная реформа 1864 года, создавшая независимые суды, косвенно повлияла на брачно-семейную сферу: стали появляться прецеденты более гибкого толкования норм о правах женщин.

Пореформенная Россия переживала бурные социальные трансформации, которые не могли не затронуть семейную сферу. Развитие капитализма, урбанизация, формирование женского образования — всё это подрывало патриархальный уклад[1].

В 1863 году принимается закон, разрешающий замужним женщинам получать высшее образование и работать без согласия мужа в определённых профессиях. Это нововведение вызвало острую полемику: консерваторы видели в нём угрозу семейному порядку, либералы — запоздалую полумеру.

Закон 1880 года предоставил женщинам право на отдельное проживание в случае жестокого обращения со стороны мужа. Формально это не означало развода, но фактически легализовало раздельное существование супругов. Церковь протестовала, усматривая в таких нормах «потворство греху», однако государственная власть последовательно расширяла светские элементы семейного права.

В 1893 году издан закон о раздельном владении имуществом супругов, существенно расширивший экономические права женщин. Замужняя женщина получила право заключать сделки, вести предпринимательскую деятельность, выступать в суде без разрешения мужа. Это революционное изменение отражало растущую роль женщин в экономической жизни империи.

Показательны дискуссии на юридических факультетах и в периодической печати. Профессор Московского университета А.И. Загоровский в своём курсе семейного права 1902 года писал: «Современное законодательство не может игнорировать изменившееся общественное положение женщины». Эта позиция, впрочем, не была общепринятой - многие юристы продолжали защищать патриархальную модель как единственно соответствующую «русскому духу».

К началу XX века российское семейное право представляло собой причудливую мозаику: консервативные каноны соседствовали с эмансипационными новшествами. Церковь сохраняла контроль над заключением и расторжением браков, но имущественные и личные неимущественные права супругов всё больше регулировались светским законодательством.

---

[1] Антонов А. И., Борисов В. А. Институциональный кризис семьи в России в контексте исторической динамики // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 17. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53126789 (дата обращения: 14.04.2026).

Впрочем, реальная жизнь миллионов крестьянских семей оставалась практически не затронутой этими законодательными изменениями. Обычное право, закреплённое в «Своде решений волостных судов», воспроизводило архаичные нормы, схожие с домостроевскими установлениями. Власть главы патриархальной крестьянской семьи - большака - оставалась почти абсолютной.

Реформы 1860—1890-х годов обнажили глубокое противоречие между юридической формой и социальной практикой. Законодательство постепенно эволюционировало в сторону европейских стандартов, однако консервативная ментальность значительной части общества сопротивлялась изменениям.

Характерен конфликт между Святейшим Синодом и Министерством юстиции по вопросу о расширении оснований для развода. Синод стоял на позициях неразрывности брака как таинства, Министерство настаивало на либерализации процедуры[2]. Эта борьба длилась десятилетиями и не была разрешена до революции 1917 года.

Женское движение в России, возникшее в 1860-е годы, выдвигало требования полного уравнивания прав полов, включая избирательные права и доступ ко всем профессиям[7]. Однако семейное законодательство оставалось наиболее консервативной сферой, где реформы шли медленно и непоследовательно.

Особую остроту приобретал вопрос о детях. Закон сохранял абсолютную власть отца над детьми, включая право физического наказания. Лишь в 1913 году, после громкого судебного дела о жестоком обращении, был принят закон, ограничивающий родительское насилие. Но и он носил декларативный характер, не предусматривая эффективных механизмов защиты детей.

К 1917 году российское семейное право находилось в состоянии глубокого кризиса. Устаревшие канонические нормы соседствовали с фрагментарными либеральными новациями, создавая правовой хаос[5]. Октябрьская революция радикально разрешила это противоречие, полностью секуляризировав брак и объявив равенство полов. Впрочем, это уже другая история.

Эволюция института брака и семьи в русском праве с X по XIX век представляет собой противоречивый процесс взаимодействия церковно-канонической традиции, государственной политики и изменяющихся социальных реалий. Византийское наследие, воспринятое вместе с христианством, определило уникальную специфику российского семейного права - длительное сохранение церковной юрисдикции над брачно-семейными отношениями.

«Домострой» как культурно-правовой феномен XVI века закрепил патриархальную модель, просуществовавшую в качестве доминирующей до конца XIX столетия. Абсолютная власть главы семьи, бесправие женщин и

детей, нерасторжимость брака - эти принципы определяли реальное положение дел, несмотря на постепенное развитие законодательства в либеральном направлении.

Секуляризационные процессы, начавшиеся при Петре I, привели к постепенному вытеснению церкви из сферы регулирования имущественных и личных неимущественных прав супругов, хотя заключение и расторжение браков оставались в ведении духовных властей до 1917 года. Реформы второй половины XIX века — право на образование и труд, раздельное проживание при жестоком обращении, раздельное владение имуществом — расширили правосубъектность женщины, но не отменили фундаментального неравенства полов.

Особенность российской правовой эволюции заключалась в сочетании формальной модернизации законодательства и сохранения архаичных социальных практик, особенно в крестьянской среде. Обычное право воспроизводило патриархальные нормы, делая столичные законодательные новации малоэффективными для большинства населения.

К началу XX века российское семейное право представляло собой противоречивый конгломерат канонических установлений, светских нововведений и обычно-правовых практик. Это противоречие не было разрешено в рамках имперской правовой системы, что предопределило радикальный разрыв после 1917 года. Тем не менее эмансипационные тенденции, проявившиеся во второй половине XIX века, заложили основу для будущей трансформации института семьи, определив направление его дальнейшего развития в XX столетии.

Научная статья
УДК 343.1

ИНСТИТУТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Антон Антонович ЕМЕЛЬЯНОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия
antonem07@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент **Наталья Михайловна ИВАНОВА**, i-natalii@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция суда присяжных в России от реформ XIX века до современности. В том числе проанализированы проблемы функционирования обновленного в 2018 году института, включая низкую явку кандидатов и споры о компетенции заседателей. В работе подчеркивается контраст между долями оправдательных приговоров присяжных и профессиональных судей. Делается вывод о необходимости комплексной адаптации данного института к современным реалиям.

Ключевые слова: суд присяжных, оправдательный приговор, судебная реформа, правосудие

Актуальность вовлечения населения в отправление правосудия в Российской Федерации продолжает сохраняться в числе наиболее спорных вопросов современной правовой науки. В рамках этого направления особое значение имеет институт присяжных заседателей, поскольку он выступает механизмом институционального посредничества между судебной властью и гражданским обществом. Указанный механизм, как правило, интерпретируют в качестве индикатора степени демократических процедур внутри судебной системы. Как отмечала Фарои Т. В., после ликвидации института народных заседателей суд присяжных фактически сохранил за собой статус уголовного суда, в котором продолжает воспроизводиться представительная роль общества. При этом важно подчеркнуть, что сама модель участия граждан не является статичной: она трансформируется под влиянием реформ, административной практики и конкурирующих интерпретаций целей судебной власти.[1]. Сегодня, когда судебная система сталкивается с вызовами в виде низкой явки кандидатов и горячими спорами об их юридической компетентности, взгляд на опыт реформ XIX века позволяет понять: многие современные проблемы имеют глубокие исторические корни. Как справедливо пишет Шевырин В. М., слишком буквальное копирование иностранных правовых конструкций без учета национальной специфики и особенностей правосознания, по его мнению, обычно ведет к падению результативности и последующим контрреформам[2]. Следовательно, ключевым условием согласованного развития уголовного процесса выступает понимание цикличности реформаторских циклов, а также осознание причинно-следственных связей между замыслом и фактическим эффектом.

Историко-правовая основа института присяжных в России формируется в эпоху Великих реформ императора Александра II. Утвержденные 20 ноября 1864 года Судебные уставы провозгласили

[1]Фарои Т. В. Суд присяжных в Российской Федерации: состояние и возможные альтернативы // Право и практика. 2020. № 3. С. 174.

[2]Шевырин В. М. Судебная система России в 1864-1917 гг. (реферативный обзор) // История России в современной зарубежной науке. 2004. № 1. С. 150.

принципиально новые демократические начала: отделение судебной власти от административной, гласность, состязательность, а также независимость и несменяемость судей. Учреждение суда присяжных стало смелым и беспрецедентным шагом по искоренению судейского произвола характерного дореформенной России. В своей работе Шевырин В. М. подмечает, что дополнение профессионального судьи коллегией из двенадцати присяжных заседателей воплощало собой гармоничное соединение публично правового и народного начал[1]. Таким образом, суд присяжных следует рассматривать не только как технико-юридическую конструкцию, но и как институт, отражающий продолжающееся стремление к легитимации судебной власти посредством общественного участия.

Законодатель подошел к формированию списков присяжных весьма тщательно. В них включались только мужчины в возрасте от 25 до 70 лет, имевшие русское подданство. Существовал строгий служебный ценз, охватывавший гражданских чиновников с V по XIV класс, а также крестьян, занимавших выборные должности не менее трех лет. Кроме того, устанавливался ценз оседлости не менее двух лет и значительный имущественный ценз. При этом авторы реформы изначально стремились к максимальной аполитичности суда. Кустышев Ю. А. подчеркивает, что дела о государственных преступлениях были сразу же изъяты из подсудности суда присяжных[2].

Тем не менее, этот прогрессивный институт с трудом прижился в отечественной практике. В период с 1873 по 1878 годы на долю присяжных приходилось около 75,8 процента всех решенных дел в окружных судах. Но громкие оправдательные вердикты вызвали резкое недовольство властей. Как отмечает Кустышев Ю. А., катализатором стал оправдательный приговор, вынесенный в марте 1878 года народнице Вере Засулич, который вызвал возмущение правительственных верхов и безудержную травлю суда в печати[3]. Правительство осознало, что народ способен руководствоваться собственным пониманием справедливости в ущерб государственным интересам. Это привело к закономерным контрреформам. Законом от 9 мая 1878 года из компетенции присяжных был изъят широчайший круг дел, включая сопротивление властям и преступления против должностных лиц. В дальнейшем, как пишет Кустышев Ю. А., законом от 7 июля 1889 года компетенция суда присяжных была вновь сужена, и большинство важнейших дел передавались в судебные палаты с сословными

[1] Там же. - С. 151.

[2] Кустышев Ю. А. Ограничение права на суд присяжных в истории судебной системы России (1864—1917 гг.) / Ю. А. Кустышев // Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития : В 2 т. Материалы Всерос. науч.-практ. конференции. Ухта, 26–27 ноября 2015 го. / Под общ. ред. М. К. Петрова. – Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2016. Т. 2. С. 209.

[3] Там же. С. 209.

представителями[1]. Так, мы видим, что ограничение прав присяжных было продиктовано политическими мотивами и страхом перед независимым народным правосознанием.

Трагической точкой в дореволюционной истории суда присяжных стала Октябрьская революция. Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 года этот институт был полностью упразднен. На долгие советские десятилетия заменой ему стал институт народных заседателей. Однако, как подмечает в своей статье Фарои Т. В., народные заседатели со временем утрачивали черты подлинных народных представителей, превращаясь в пенсионеров, склонных соглашаться с профессиональными судьями[2].

Реальное возрождение классического суда присяжных произошло только лишь в постсоветской России. Фундамент был заложен в Конституции Российской Федерации 1993 года, когда в качестве эксперимента институт был введен в ряде регионов. Масштабное распространение по всей стране закрепил Федеральный закон № 113-ФЗ от 20 августа 2004 года. Именно с этого момента берет начало следующий, не менее сложный виток развития народного правосудия.

Современный этап развития института можно охарактеризовать глобальной реформой, вектор которой был задан Федеральным законом № 190-ФЗ от 23 июня 2016 года. Суть преобразований, вступивших в законную силу 1 июня 2018 года, сводилась к расширению применения института присяжных за счет его внедрения на уровне районных и гарнизонных военных судов. Параллельно законодатель пошел на резкое сокращение численности коллегий, так в региональных судах коллегии были сокращены до 8 человек, а в районных судах вовсе до 6 человек.

Реформа была направлена на демократизацию системы и попытку преодолеть устоявшийся обвинительный уклон судей. Статистика, которую приводит Цыб Д.Н., весьма показательна: если в свою очередь профессиональные судьи выносят оправдательные приговоры лишь примерно в 1 проценте рассматриваемых дел, то суды присяжных оправдывают подсудимых почти в 20 процентах случаев[3].

Однако практическая реализация этой реформы столкнулась с масштабными материально-техническими и организационными барьерами. В своей работе Бондаренко Е.С. обращает внимание на заявления бывшего генерального директора Судебного департамента Гусева А. В., который подчеркивал, что реформа требует масштабных финансовых затрат для оборудования помещений в 2290 судах районного звена. Несмотря на

[1]Там же. С. 210.

[2]Фарои Т.В. Суд присяжных в Российской Федерации: состояние и возможные альтернативы // Право и практика. 2020. № 3. С. 178.

[3]Цыб Д. Н. Справедливость в зале суда: суд присяжных / Д. Н. Цыб // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения - 2015 : Сборник научных трудов, Гатчина, 27 мая 2015 г.. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2015. С. 312.

запрошенные миллиардные суммы, Министерство финансов не поддержало в полном объеме, в результате чего на переоборудование были выделены минимальные средства[1]. Объективно здания районных судов не располагали отдельными совещательными комнатами для присяжных и требовали сложнейшей перепланировки, что на практике оказалось возможным далеко не везде.

Несмотря на позитивные ожидания, функционирование суда присяжных в современных условиях выявило ряд острейших проблем, требующих научного осмысления:

Во-первых, основной проблемой является катастрофически низкая явка. Иванов Д. В. подробно анализирует практику крупнейшего в Иркутской области Ангарского городского суда, где средняя явка кандидатов за последние шесть лет составила ничтожные 3,89 процента[2]. Причинами такого падения стали постковидные синдромы, низкое качество работы почты и банальное отсутствие контроля граждан за своей бумажной корреспонденцией. Дополняя эту картину, Гришина Е.Б. приводит данные социологических опросов, согласно которым 28 процентов граждан просто не желают брать на себя ответственность за судьбу другого человека, а 15,6 процента откровенно опасаются за личную безопасность и безопасность своих близких[3]. Логичным решением данной проблемы может стать цифровизация процесса. Первые попытки извещения кандидатов через портал государственных услуг уже показали привлечение людей с более высоким образовательным уровнем.

Во-вторых, в научной среде не утихают споры вокруг юридической некомпетентности и психологической уязвимости присяжных. Гришина Е. Б. в своем труде констатирует, что многие заседатели не обладают нужными знаниями в области юриспруденции, оценивают обстоятельства дела не с точки зрения права, а через призму эмоций и жизненного опыта[4]. С другой стороны, сторонники института видят в этом не слабость, а силу. Цыб Д. Н. цитирует адвокатов, которые называют суд присяжных «высшей справедливостью», чутко реагирующей на низкое качество предварительного следствия[5]. Оправдательные вердикты часто являются выражением общественного мнения, особенно в делах о превышении пределов необходимой обороны, когда следствие формально

[1]Бондаренко Е.С. Реформа суда присяжных 2018 года в современной России. К некоторым вопросам о реорганизации зданий судов. Начало реформы // StudNet. 2020. № 4. С. 199—200.

[2]Иванов Д. В. Анализ практики формирования коллегии присяжных заседателей в районном суде: проблемы и способы их преодоления // Искусство правоведения. The art of law. 2024. № 4. С. 91.

[3]Гришина Е. Б. Проблемы осуществления правосудия судом присяжных и тенденции развития суда присяжных в России / Е.Б. Гришина // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. 2020. № 3 (84). С. 60.

[4]Там же. С. 59.

[5]Цыб Д. Н. Указ. Соч. - С. 313.

квалифицирует защиту собственного жилища от вооруженных грабителей как убийство двух и более лиц. В таких ситуациях присяжные способны восстановить баланс справедливости.

В-третьих, серьезным барьером стала процедура формирования коллегий в отдаленных и малонаселенных регионах. Пугина Е. А. справедливо замечает, что в районах с населением 8—9 тысяч человек (например, в Звериноголовском районе Курганской области) существует колоссальный риск того, что коллегию попросту невозможно будет сформировать[1]. В условиях, когда списки составляются раз в четыре года, а местные жители тесно связаны между собой родственными или деловыми связями, обеспечить беспристрастность становится задачей на грани фантастики.

Наконец, нельзя не упомянуть и микроскопическую долю дел, реально рассматриваемых присяжными. Фарои Т. В. обращает внимание на то, что в 2019 году, когда новые нормы уже действовали в полном объеме, судами присяжных было рассмотрено всего 747 дел, что составило около 0,1 процента от всех 749 тысяч уголовных дел в России[2]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на громкую реформу, институт по-прежнему остается маловостребованным элементом правовой системы в нашем обществе.

История института присяжных заседателей в России складывалась непросто: он пережил и восторженное признание во времена Великих реформ Александра II, и полное исчезновение в советский период, и неоднозначное возрождение в наши дни. Значимым событием стало расширение подсудности присяжных на районные суды в 2018 году — этот шаг укрепил принципы состязательности и демократизации судебного процесса. Однако исторический опыт подсказывает: любая правовая форма обретает силу лишь тогда, когда органично вписывается в текущие социальные реалии. Проблемы низкой явки, технической оснащённости судов и правовой грамотности населения не решаются исключительно на уровне законодательства. Чтобы институт присяжных развивался, требуется системная работа: обеспечить суды достаточным финансированием, внедрить современные технологии для коммуникации с гражданами и целенаправленно воспитывать правовую культуру общества. Настоящее народное правосудие возможно лишь при условии зрелости как государственных институтов, так и самих граждан.

---

[1]Пугина Е. А. Суд присяжных: целесообразность и обоснованность введения в районных судах / Е.А. Пугина // Modern Science. 2020. № 3. С. 2.

[2]Фарои Т. В. Указ. соч. С. 179.

Научная статья
УДК 342.15 (067)

КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ — ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Илья Денисович КОКОРЕВ
Саратовская государственная юридическая академия институт прокуратуры, Саратов, Россия
koilde33@gmail.com

Научный руководитель: профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор исторических наук, профессор **Андрей Анатольевич ВАСИЛЬЕВ**, andrey-231@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции «Москва — третий Рим» как важному фактору становления России в качестве государства-цивилизации. Исследуется влияние идеи преемственности от Рима и Византии на формирование цивилизационной идентичности, политико-правовое устройство и геополитическую стратегию страны. Показано, как религиозно-политическая концепция легла в основу модели взаимоотношений власти и общества, послужив основанием для территориальной консолидации и внешнеполитического курса страны. Особое внимание уделяется актуальному значению концепции в контексте поиска национальной идеи и позиционирования России в условиях формирования многополярного мира.

Ключевые слова: «Москва — третий Рим», Филофей, цивилизационная идентичность, российская государственность, геополитическая стратегия, национальная идея, симфония власти и церкви.

Современный интерес к концепции «Москва — третий Рим» обусловлен её ключевой ролью в формировании цивилизационной идентичности России. Анализ этой идеи позволяет понять исторические корни российской государственности, специфику политико-правового развития и логику современной геополитической стратегии страны в условиях поиска национальной идеи и становления многополярного мира.

Для того, чтобы провести комплексный анализ концепции «Москва — третий Рим», как фундаментального фактора становления России в качестве государства-цивилизации, необходимо понять влияние концепции в качестве идеологической основы для становления России, а также выявить

и дать оценку влиянию концепции на современную Российскую Федерации её политико-правовое развитие и геополитическую стратегию.

Концепция «Москва — третий Рим» была сформулирована в начале 16 века предполагаемо псковским монахом Филофеем в его письменном обращении к Василию III, где первый полемизирует астрологические предсказания Николая Немчина (немецкого врача и писателя при дворе великого князя, отстаивавшего идеи объединения католичества и православия, путём признания православными католических догм).

Объективное ослабление Византии под давлением внешних угроз вынудило её искать поддержки у Папы Римского, заключив Флорентийскую унию (соглашение об объединении католической и православной церквей за главенством Папы) в 1439 году, после подписания которой византийский император рассчитывал на военную помощь Папы (в виде крестового похода против османов). Однако этого не произошло.

Осознавая скорый конец Константинополя и учитывая давно назревшие противоречия между Москвой и константинопольским патриархом (назначал митрополитов-греков без учёта интересов князей и духовенства), на Соборе 1448 года был избран, без согласования с Константинополем, новый митрополит Киевский и всея Руси — Иона. Его кандидатура была предложена великим князем Василием II и поддержана епископами, что свидетельствует о согласованных действиях русской церкви и государства. Что в конце 16 века приведёт к учреждению патриаршества на Руси.

Следовательно очевидно, что приоритетная идея концепции заключается в признании Москвы «третьим Римом», с точки зрения центра подлинного христианства, поскольку первый Рим пал от рук варваров, а второй (Константинополь) — от османов[1].

Формирование новой концепции не ограничивалось исключительно религиозным фактором. Укрепление Московского княжества как центра объединения русских земель также сыграло важную роль, поскольку происходит процесс формирования крупного, довольно развитого экономически политического центра, обладающего военной мощью (что будет доказано на деле в 1380-м и 1480-м годах).

Заключение брака между Иваном III и Софьей Палеолог (племянницей последнего византийского императора Константина XI) в 1472 году, особенно «под занавес существования» Византии, бесспорно обеспечило Москве подлинную правопреемственность византийских императоров, к тому же вместе с Софьей прибыли символы власти (в первую очередь двуглавый орёл), подчёркивающие преемственность и имеющие серьёзное

[1]Дмитриев Г. С. Особенности формирования концепции «Москва — Третий Рим» в XVI веке // Теология: теория и практика. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-kontseptsii-moskva-tretiy-rim-v-hvi-veke (дата обращения: 16.03.2026).

идеологическое значение для самостоятельного Московского княжества[1]. Так же стоит отметить культурное влияние византийских специалистов, прибывших вместе с Софьей — архитекторы (Аристотель Фиорованти, Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо и другие – именно они заложили основу облика московского Кремля), придворные, дипломаты и многие другие.

Также стоит отметить формирование и распространение религиозно-политического самосознания на Руси. Существенную роль здесь сыграли стяжатели во главе с Иосифом Волоцким, которые отстаивали позицию церковного землевладения, обожествляли происхождение княжеской власти, а также подтверждали преемственность русского государства по отношению к Константинополю[2]. К тому же появляется литературное оформление идеи особой миссии Руси, в частности, в «Сказании о князьях владимирских» повествуется о происхождении русских князей от римского императора Августа, что опять-таки обосновывает преемственность от Византии.

В последующем развитии государства прослеживается процессе формирования особой цивилизационной идентичности России, не вписывавшейся ни в западную, ни в восточную парадигму. Во многом это было предопределено рядом факторов.

Уникальный синтез традиций на Руси позволял византийским (взаимосуществование церкви и государства), европейским (через контакты с Литвой и Польшей) и азиатским (ордынские административные практики управления) традициям не просто сохраняться, но и развиваться в новых условиях[2].

В отличие от моноэтничных западных государств, Россия изначально формировалась как многонациональная держава, где православие выступало объединяющей силой[3].

Россия издревле является «мостом» между Европой и Азией, и при этом обладает самостоятельностью в выборе пути развития.

Культурная самобытность Руси выразилась в утверждении приоритета духовного над материальным, в отличие от западного рационализма и восточного фатализма[3].

---

[1]Жукова Н. С. Сущность государственной идеологической концепции «Москва - Третий Рим» // Философия права. 2010. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-gosudarstvennoy-ideologicheskoy-kontseptsii-moskva-tretiy-rim (дата обращения: 16.03.2026).

[2]Бабурин С. Н. Цивилизационная миссия России «Москва - Третий Рим» как политико-правовая и геополитическая задача современной Российской Федерации // Вестник государственного университета просвещения. Сер. История и политические науки. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnaya-missiya-rossii-moskva-tretiy-rim-kak-politiko-pravovaya-i-geopoliticheskaya-zadacha-sovremennoy-rossiyskoy (дата обращения: 16.03.2026).

К тому же концепция во многом предопределила внешнюю политику России, направленную на защиту и взаимодействие с православными государствами и народами Балкан, Ближнего Востока. А также борьбу с католической экспансией на западе, преимущественно в Восточной Европе (Речь Посполитая и Ливонский орден в 16 веке). Стоит отметить «Греческий проект» Екатерины II, оставшийся нереализованным, но имевший своей главной целью воссоздание Византийской империи с центром в Константинополе.

Идея «Третьего Рима» стала идеологическим и правовым обоснованием расширения границ государства, то есть под эгидой особой миссии по защите и распространению православия, реализовывать завоевательные действия (присоединение Казани и Астрахани в середине 16 века, как «освобождение» православных пленников и распространение православия среди мусульманских народов; вхождение Украины в состав России в середине 17 века, как «защита» православных от угнетения со стороны Речи Посполитой; освоение Сибири, как распространение православия среди коренных народов). Однако отличительной чертой российской внешней политики от колониальной политики Запада, стало включение новых земель в единую систему управления, с сохранением местных особенностей и традиций населения.

В. Н. Лексин рассматривает концепцию «Москва — третий Рим» как важный элемент системной диагностики России-цивилизации[1]. На протяжении истории нашего государства концепция прошла сложные этапы трансформации и переосмысления. В имперский период концепция стала частью фактически государственной идеологией, сформулированной С. С. Уваровым — «Православие, Самодержавие, Народность». В советское время концепция была отвергнута как религиозная, однако многие её идеи продолжали жить и в марксистко-ленинской концепции (особая миссия – построение коммунизма; многонациональное единство народов; приоритет государственных интересов над частными и проч.)

В наше время идеи концепции «Москва — третий Рим» получают новый рывок в развитии, поскольку граждане всё чаще обращаются к своим корням, традиционным ценностям, пытаются найти альтернативу «западному безумию» и однополярному миру и находят её в собственной самобытности. Складывающиеся веками устои современного российского общества теперь не выглядят пережитками прошлого, что нам пытались навязать в конце 20 века, а представляют собой живой элемент цивилизационного кода России.

[1]Лексин В. Н. Русская цивилизация: опыт системной диагностики // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-tsivilizatsiya-opyt-sistemnoy-diagnostiki (дата обращения: 16.03.2026).

Сегодня можно утверждать, что идеи концепции «Москва — третий Рим» интегрируются в государственную политику и образуют уникальную национальную идеологию, в основе которой лежат традиционные ценности, преемственность поколений и богатейшее наследие русской цивилизации.

И конечно, самым ценным является формирование у населения устойчивого мировоззрения, чувства патриотизма, стремления к осознанию собственного потенциала и реально существующих сил и возможностей в выборе пути развития и желание сделать собственный вклад в развитие своего народа, своего государства, своей цивилизации.

Научная статья
УДК 340

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СУДЕБНЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕЗУПЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ТРУДА В АВТОРСКОМ ПРАВЕ)

Валерия Сергеевна КОЛОНТАЕВСКАЯ
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия; s2034119@edu.msal.ru

Научный руководитель заместитель заведующего кафедрой теории государства и права по научно-исследовательской работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент **Анна Борисовна КОЗЫРЕВА**, ABKOZYREVA@msal.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические проблемы применения частноправовых судебных презумпций как инструмента юридической техники. На примере презумпции творческого характера труда, сформулированной Верховным Судом Российской Федерации в сфере авторского права, показано, как изменение социально-технологического контекста может приводить к снижению эффективности презумпции, нарушению баланса интересов сторон и возложению неисполнимого бремени доказывания на ответчика. Обосновывается необходимость регулярной проверки судебных презумпций на эффективность и их своевременной детализации. Предлагаются критерии такой детализации: баланс интересов сторон, исполнимость обязанности доказывания.

Ключевые слова: правовые презумпции, судебные презумпции, юридическая техника, интеллектуальная собственность, творческий характер труда.

В условиях развивающейся правовой системы особое значение приобретают инструменты юридической техники, позволяющие сохранять стабильность правового регулирования и одновременно адаптировать его к новой социально-экономической действительности. Одним из таких инструментов выступают правовые презумпции. Особый интерес представляет деятельность Верховного Суда Российской Федерации по формированию опровержимых презумпций, которые, обладая гибкостью, вместе с тем порождают ряд теоретических и практических проблем, требующих осмысления с позиций общей теории права.

В современной теории права презумпции рассматриваются в качестве инструмента юридической техники, призванного упрощать процесс доказывания путем вероятностных предположений, обеспечивать правовую определенность и баланс интересов субъектов. Телеологическая основа любой презумпции — преимущественная защита определенного социального интереса, часто сводимого к защите слабой стороны правоотношений.

В отличие от законодательных презумпций, судебные презумпции, вырабатываемые высшей судебной инстанцией, обладают большей гибкостью. Хотя такие презумпции и представляют собой разновидность правовых, так как вытекают из толкования норм права, они имеют свою специфику: являются реакцией на обобщение судебной практики и призваны устранить правовую неопределенность. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя смысл законодательства, нередко формулирует опровержимые предположения, которые de facto создают обязательные для нижестоящих судов правила. Судебные опровержимые презумпции перераспределяют бремя доказывания, в чем и состоит их главное влияние непосредственно на результат судебного разбирательства. Таким образом, Суд ставит одну из сторон в более выгодное положение.

В связи с изменением социальной и технической реальности, общественный интерес, который лежал в основе презумпции, может измениться, вследствие чего она может превратиться из инструмента защиты прав слабой стороны в фактор, их умаляющий. Говоря об этом, следует обратиться к концепции эффективности правовой презумпции[1], которая заключается в соотношении между фактическим результатом ее действия и социальными целями ее закрепления. Если же результат не соответствует цели — презумпция не эффективна и нуждается в реформировании в соответствии с изменившейся практикой, общественным запросом, новыми экономическими условиями. Проблема неэффективности презумпции влечет в том числе и сложности в процессе ее опровержения,

[1] Каранина, Н. С. Правовые презумпции в теории права и российском законодательстве: Автореф. дис. … к.ю.н. - Москва, 2006. С. 2.

что обычно связано с проблемами доказывания отрицательного факта - *nullius nulla sunt praedicata* (с лат. — нет никаких признаков у того, что не существует). Требовать от ответчика доказать отсутствие какого-либо факта — значит возложить на него бремя, которое зачастую невозможно исполнить (например, без доступа к закрытой информации о процессе создания произведения в контексте презумпции творческого характера), что в конкретных ситуациях может граничить с невозможностью ответчика защитить свои права.

Так, презумпция творческого характера труда при создании результата интеллектуальной деятельности, обладающего авторско-правовой охраной, которая закреплена в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 2019 г.[1], и переносит бремя доказывания на ответчика с помощью формулировки «пока не доказано иное». Таким образом ответчик должен доказать отсутствие творческого характера усилий автора, что само по себе сложно при отсутствии доступа к процессу создания спорного произведения[2], однако оправдано в контексте защиты отмеченного общественного интереса. Данное положение в момент своего закрепления было основано на объективной сложности доказывания творческого характера труда при создании произведения и имело целью защиту интересов авторов как слабой стороны правоотношений и их стимуляцию к созданию творческих произведений.

Во время распространения генеративного искусственного интеллекта можно наблюдать как презумпция творческого характера перестала соответствовать лежащей в ее основе цели, так как ИИ позволяет имитировать традиционные объекты авторского права без участия человека (или с незначительным его участием), которые тем не менее являются техническими результатами. Представляется, что лицо, использующее ИИ для получения результата по форме схожего с объектами авторско-правовой охраны, не нуждается в дополнительной защите, а презумпция лишь усложняет положение ответчика, который вынужден доказывать отсутствие творческого вклада (т. е. отрицательный факт).

Приведенный пример судебной презумпции подчеркивает возникающий при изменении социальных условий конфликт правовой формы (например: признание произведения объектом авторского права) и онтологической сущности (например: произведение, созданное творческим трудом или являющееся техническим результатом). Поскольку презумпция – изначально процессуальный инструмент упрощения доказывания, суды ограничиваются констатацией отсутствия опровержения факта. Так,

[1]О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 г. № 10 // СПС КонсультантПлюс.

[2] Капырина Н. И. Презумпции в авторском и смежных правах, сравнительный опыт России и Франции //Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 1 (39). С. 99.

посредством презумпции творческого характера начинает защищаться субъект, использующий алгоритм для получения результата, не прикладывающий для этого творческих усилий. Следовательно, она становится способом легитимации объектов, не обладающих творческим характером, что в свою очередь приводит к проблеме монополизации общественного достояния[1].

Таким образом, неэффективная презумпция создает неопределенность для всех участников оборота. Презумпции, сформулированные судом как опровержимые и которые должны быть опровержимыми исходя из потребностей правового регулирования в определенной сфере, становятся неэффективными вследствие изменившейся социальной реальности. Это ставит ответчика в положение, при котором он фактически не может опровергнуть презумпцию, что противоречит ее правовой природе как вероятностного предположения. Презумпция должна оставаться инструментом процессуальной защиты добросовестного участника оборота и слабой стороны правоотношений. Эффективность презумпции напрямую зависит от ее способности адаптироваться к развивающимся общественным отношениям. Судебные презумпции в этом аспекте имеют преимущество перед законодательными из-за своей гибкости в пересмотре и дополнении.

Представляется, что именно своевременная детализация презумпций, т. е. закрепление случаев-исключений из нее, дополнительных требований к доказыванию и пр., может стать решением указанной проблемы. Эффективность судебной презумпции как инструмента юридической техники должна оцениваться не абстрактно, а в контексте тех общественных отношений, на регулирование которых она направлена. Изменение социального или технологического контекста требует пересмотра презумпции. Критериями для такой детализации могут выступать, во-первых, сохранение баланса интересов сторон, а, во-вторых, исполнимость обязанности доказывания – от ответчика не должно требоваться доказывания заведомо непознаваемых или труднодоступных фактов.

Применительно к презумпции творческого характера труда, детализация может выражаться в выработке высшей судебной инстанцией дополнительных критериев: например, введение понятия «минимальный творческий вклад», либо установление исключений из действия презумпции для результатов, созданных с использованием генеративных систем искусственного интеллекта, если не доказано обратное, в отношении творческого характера которых имеются сомнения. На наш взгляд, судебные частноправовые презумпции являются гибким инструментом регулирования общественных отношений, однако требуют постоянной

[1] Кашанин А. В. Актуальные требования к творческому характеру произведений в российской доктрине и судебной практике //Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 75.

проверки их эффективности и своевременной корректировки, что позволит им не деформировать правовые институты, не допускать ограничений прав участников правоотношений.

Научная статья
УДК 347.963

ОТ ИДЕИ ЛИКВИДАЦИИ ПРОКУРАТУРЫ КАК ЧАСТИ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ К СОЗДАНИЮ ОРГАНОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Борис Владимирович ЛИТИЧЕВСКИЙ
Юридический факультет Северо-западного Института Управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
liiti.boris@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета СИЗИУ РАНХиГС, кандидат исторических наук, доцент **Валерий Семенович ПАВЛОВ,** pavlov-vs@ranepa.ru

Аннотация. Автор в статье изучает идею ликвидации органов прокурорского надзора и ее реализацию большевиками после их прихода к власти, а также создание новой прокуратуры в Советской России.

Ключевые слова: прокуратура, В. И. Ленин, большевики, Д. И. Курский, Н. В. Крыленко.

Борьба с преступностью является важной и крайне сложной проблемой как государства, так и общества, которую невозможно полностью победить и искоренить, но с которой необходимо бороться. В представленных тезисах мы затронем только деятельность органов государственной власти в этом направлении.

Для борьбы с преступностью в большинстве стран имеется централизованная система правоохранительных органов. Важным элементом данной системы является прокуратура, которая не только поддерживает государственное обвинение в суде, но и осуществляет надзор за соблюдением законности в ходе предварительного и судебного расследования, а также органами, осуществляющими исполнения наказания. Целью настоящей статьи является изучение процесса ликвидации прокуратуры большевиками после прихода к власти и создание новых органов прокурорского надзора.

Прокуратура является единой и централизованной системой органов государственной власти, осуществляющая надзор в части соблюдения законов, защищающей права человека, осуществляющей уголовное преследование и имеющий иные полномочия[1].

Органы прокурорского надзора впервые появились во Франции в 1302 г. В 1722 г. в ходе реформы Правительствующего Сената Российской Империи Императором Всероссийским Петром I были созданы органы прокурорского надзора. Первым Генерал-прокурором Правительствующего Сената Российской Империи стал П. И. Ягужинский[2]. В дальнейшем после создания Александром I системы министерств, которые заменили коллегии, должности Генерал-прокурора Правительствующего Сената и Министра Юстиции были совмещены. Первым, кто совместил данные должности, стал Г. Р. Державин.

В 1914 г. Российская Империя вступила в Первую Мировую войну, которая стала тяжелейшим испытанием для страны. Постепенно ситуация в России усложнялась, здесь играли экономические факторы, а именно инфляция, рост цен на товары народного потребления, транспортный кризис, имело место недовольство среди политических партий тем, что в стране не был завершен процесс перехода к конституционной монархии, стремительно падал авторитет Императора Николая II из-за влияния Г. Е. Распутина и Императрицы Александры Федоровны на государственные дела, министерская чехарда снижала уровень управления в стране, сложная обстановка на фронте, несогласие с политикой Николая II выражали даже великие князья и генералитет. Депутаты IVГосударственной Думы требовали от царя сформировать «правительство народного доверия». В стране сложилась революционная ситуация, а с 23 февраля 1917 г. в Петрограде начались революционные выступления рабочих, на сторону которых вскоре перешла и армия. 27 февраля 1917 г. революция победила — самодержавие было свергнуто, а 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола. В этот же день было сформировано Временное Правительство, но вопрос о форме правления был отложен до созыва Учредительного собрания.

Первым Министром Юстиции и Генерал-Прокурором стал А. Ф. Керенский.

Положение Временного Правительства было шатким в силу того, что продолжалась тяжелейшая война, а целый ряд вопросов, который и привел к краху монархии, не был решен.

---

[1]О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : текст с изм. и доп. на 30 сент. 2024 г. // Рос. газ. 1992. № 39.

[2]Рокитянский С. Г. Место прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации: теоретический, исторический и нормативный аспекты // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. 2023. №4. С. 81.

Появление в России 03 апреля 1917 г. лидера партии большевиков В. И. Ленина не могло не привести к усложнению положения Временного Правительства и ужесточению борьбы за власть.

Приехав в Петроград, В. И. Ленин сразу же выступил с «Апрельскими тезисами», содержавшими десять основных положений, одним из которых была ликвидация полиции, армии и бюрократического аппарата. При данном подходе последующие действия по упразднению прокуратуры были логичными.

Сотрясавшие Россию правительственные кризисы, произошедшие в апреле, июне, июле и августе, приведшие к неоднократным изменениям состава кабинетов и смене главы с Г. Е. Львова на А. Ф. Керенского, а также нерешительность правительства привели к тому, что к концу октября 1917 г. удержать ситуацию Временное Правительство уже не могло, его свержение стало лишь вопросом времени.

В период с 25 по 26 октября 1917 г. в Петрограде произошло Октябрьское вооруженное восстание, которое привела к свержению Временного Правительства и созданию Светского Правительства — Совета Народных Комиссаров, во главе с В.И. Лениным. 22.11.1917 (05.12.1917 г. по новому стилю) согласно 3 пункту Декрета «О суде №1» органы прокурорского надзора были упразднены[1]. Последующие декреты о суде № 2 и № 3 не рассматривали вопрос о создании органов, надзирающих за соблюдением законности[2].

В 1918 г. была принята Конституция РСФСР, где в 32 статье было сказано, что общий надзор за точным применением законов возлагался на Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Однако в силу ряда причин эффективно данный орган власти не мог осуществлять надзор за точным применением законов. В связи с этим ряд надзорных функций был возложен на Народный Комиссариат Юстиции РСФСР (НКЮ РСФСР). Однако, например, государственное обвинение не было возложено на НКЮ РСФСР. Вместо этого были созданы коллегии обвинителей при каждом трибунале и Центральной коллегии государственных обвинителей при Революционном трибунале ВЦИК.

Руководство страны осознавало важность соблюдения принципа законности, в связи с этим 8 ноября 1918 г. было принято Постановление «О точном соблюдении законов» на VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов, принятом 8 ноября 1918 г.[3]

---

[1]Декрет «О суде № 1». Декреты Советской власти. Т.I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 124.

[2]Пашин С. А. Краткий очерк судебных реформ и революций в России // Отечественные записки. М., 2003. №2. С. 175.

[3]Советская прокуратура / отв. ред. А. М. Рекунков, М.: Юрид. лит., 1982. С. 21.

К концу гражданской войны в России не существовал централизованный аппарат, надзирающий за законностью, эти функции пытались выполнять Народный Комиссариат Юстиции, ВЦИК, Центральной коллегии государственных обвинителей при Революционном трибунале ВЦИК.

В 1920 г. основное этап гражданской войны закончился, в 1921 г. подавлен мятеж в Кронштадте, а в 1922 г. и крестьянские восстания и. Руководство РСФСР в еще на этапе завершения гражданской войны приняло решение о необходимости восстановления правового поля, органы власти должны были руководствоваться принципом законности, что было невозможно без создания единого и централизованного аппарата прокурорского надзора.

Вопрос о необходимости соблюдения единой революционной законности был поставлен на проходившей 19-22 декабря 1921 г. XI Всероссийской конференции РКП (б). В связи с этим было решено начать подготовку проекта создания прокуратуры.

Сразу же встал вопрос о подчинении прокуратуры, согласно мнению таких деятелей, как Н. В. Крыленко, прокуратура должна была подчиняться с одной стороны центральной власти, а с другой советам на местах. Однако, В. И. Ленин выступил против данного мнения, он считал, что прокуратура должна была подчиняться только центральной власти, в письме И. В. Сталину, которое тот передал в Политбюро ЦК РКП(б) было сказано: «Установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений» и ее задачи»[1]. Возобладала линия В. И. Ленина в данном вопросе.

Также шли дискуссии, стоит ли ее создавать прокуратуру внутри Народного Комиссариата Юстиции РСФСР или как отдельный орган власти. В итоге 28 мая 1922 г. ВЦИК РСФСР принял «Положение о прокурорском надзоре», согласно которому в структуре Народного комиссариата Юстиции РСФСР была создана прокуратура[2]. Первым Прокурором РСФСР стал Д. И. Курский. Данное положение предоставило прокуратуре право давать указания и разъяснения органам предварительного расследования и по вопросу о мере пресечения и иным вопросам, которые с ним вопросами.

В 1922 г. был принят УПК РСФСР, согласно которому меру пресечения назначал следователь и направлял мотивированное постановление прокурору, основаниями служили возможность обвиняемого скрыться и

[1]Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности. 20 мая 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М., 1970. С. 201.

[2]Положение о прокурорском надзоре// Прокуратура России (1722-2017). Документы / автор-составитель В. С. Павлов. СПб.: «Реноме», 2018. С118—122.

мешать ведению следствия. Прокурор в свою очередь мог предложить следователю заменить или отменить меру пресечения, которую назначил следователь. Если прокурор и следователь не могли прийти к согласию, то меру пресечения устанавливал суд. Если следователь сам назначал меру пресечения, то он мог сам ее отменить. Если же мера пресечения была назначена следователем по предложению прокурора, то могла быть отменена только с согласия прокурора. Если же мера пресечения была назначена судом, то ее изменял и отменял сам суд[1]. Срок содержания под стражей равнялся двум месяцам, продление было возможно по решению суда.

В 1923 г. был принят УПК РСФСР, который отличался от УПК РСФСР 1922 г. В 1924 г. на основе УПК РСФСР 1923 г. были разработаны «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», которые стали основой процессуального законодательства СССР на период до 1960 г.

30 декабря 1922 г. был создан Союз Советских Социалистических Республик, однако всесоюзная прокуратура не была создана в тот же год. Только в 1923 г. все же была сформирована Прокуратура Верховного Суда СССР. А в 1933 г. была образована Прокуратура СССР, которая была отделена от Верховного Суда СССР, имевшая следующие полномочия:

– надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных Ведомств Союза ССР и союзных республик, местных органов власти Конституции и постановлениям Правительства Союза ССР;

– надзор за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями союзных республик с правом истребования гражданского или уголовного дела на любой стадии судопроизводства;

– опротестование приговоров и решений судов в вышестоящие судебные инстанции и приостановления их исполнения;

– возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории Союза ССР;

– надзор на основе особого положения за законностью и правильностью действий ОГПУ, милиции, уголовного розыска и исправительно-трудовых учреждений; общего руководства деятельностью прокуратуры союзных республик[2].

Рассматривая конституционное право, стоит отметить, что в Конституции СССР 1924 г. была предусмотрена должность Прокурора Верховного суда СССР, а в Конституции СССР 1936 г. появляется даже целая «Глава IX Суд и прокуратура». Сравнивая эти два основных закона, стоит

[1]Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВЦИК 25 мая 1922 г. С предисл. и алф.-постатейн. указ. М.: Аврора, 1922. С. 2—150.

[2]Гусев Л. Н., Голунский С. А. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917—1954 гг. Сборник документов / Сост.: Гусев Л. Н. Под ред.: Голунского С. А. М.: Госюриздат, 1955. С. 15—18.

отметить, что именно в Конституции СССР 1936 г. были закреплены полномочия прокуратуры в части надзора за законностью действия органов власти и должностных лиц, а также согласно ст. 127 Конституции СССР 1936 г. прокуратура могла санкционировать аресты[1]. Однако в советских конституциях и Конституции Российской Федерации (РФ) полномочия прокуратуры не были конкретизированы, а поэтому принимались соответствующие нормативно-правовые акты. И только после принятия Конституции СССР 1977 г. был принят первый Закон СССР «О Прокуратуре СССР» от 30 ноября 1979 г, а после принятия Конституции РФ — Закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.

Таким образом, в начале советского периода система прокуратуры прошла сложный путь, когда она была упразднена, так как в рамках первоначальных представлениях лидера партии большевиков была необходима ликвидация бюрократического аппарата, в том числе и прокурорского надзора, а затем в связи с необходимостью создания централизованного аппарата, надзирающего за соблюдением законности, бала создана новая прокуратура в начале в структуре Народного Комиссариата Юстиции, которая была присоединена к Верховному Суду СССР, а затем в 1933 г. создана независимая Прокуратура СССР.

Научная статья
УДК 340.1

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Ярослав Алексеевич ЛУНЁВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Yaroslav.lun@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор **Ирина Батоевна БАТУЕВА**, i.batueva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация общества Великого княжества Московского от феодального государства до аппарата публичной власти. Особое внимание уделяется особенностям развития

[1]Конституция СССР 1936 г.// Гарант. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/?ysclid=m40dd8fpe8362273821 (Дата обращения 20.02.2026).

русского феодализма по сравнению с таковым в Европе, что по мнению автора обусловило и специфику институтов публичной власти в России.

Ключевые слова: публичная власть, феодализм, Иван Грозный, дворянство, государство, поместная система, демократия.

Публичная власть — это социальная власть, имеющая институционально-правовую оформленность, поддерживаемая силой принуждения и осуществляемая в пределах определенной территории или социальной общности.

Публичная власть рассматривается как неотъемлемое свойство правового государства. Термин употребляется в Конституции Российской Федерации, пусть определение и не закреплено в законодательстве. Следовательно, сохраняется актуальность изучения данной концепции. История появления публичной власти в России позволяет в том числе выявлять функции, которые требовались от «публичной власти» как явления.

Публичная власть — власть, выделенная от народа и в конституционно-правовом порядке наделенная народом правом на осуществление полномочий от своего имени.

Это «выделение» отождествляется прежде всего с формированием аппарата профессиональных чиновников, которые по выражению Гришковеца А. А., являются «агентами-носителями публичной власти»[1]. Подобная структура не является перманентным свойством государства в историческом смысле. Долгие столетия человечество существовало в рамках мононорм — совокупности предписаний религии, морали, обычаев. Устоявшейся датой технологического разрыва между Востоком и Западом считается 1500 год. Его тем, не менее предопределило произошедшее ранее складывание европейского рынка, вызвавшее складывание централизованных европейских государств. Короли и аристократия в поисках денег для войн стали обращаться к богатеющему третьему сословью. Купцы и горожане же в ответ на финансовую помощь в войне потребовали учёта своих требований при составлении законодательства. Так в 1356 году во Франции был на уровне королевского закона ограничена максимальная цена товара. Так средневековые государства стали пытаться регулировать не только феодальные отношения, которые составляли суть этих «государств», но и отношения собственности, обмена и договоров — те, что мы теперь называем гражданскими.

Окончательно грань, отделяющая натуральное хозяйство от товарного, кутюмное право от единого, средневековые рыхлые совокупности ленов от

[1] Гришковец А. А. Проблемы реформы государственной службы в Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 1. С. 60.

регулярных аппаратов, была преодолена в тот период, который Бродель нарек «Долгим шестнадцатым веком»[1].

Преодоление этой грани началось с перехода от ремесленных феодальных к мануфактурному производству, приносящему солидные прибыли как их владельцам, так и государям. Обеспечение и рост этих прибылей сделали защиту торговых интересов и причиной, и легальным поводом войн. Сама же война из красивого и быстрого действа превратилась в многолетнюю мясорубку, перемалывающую людей, кланы и даже державы. Марс, защищающий торговлю, а не поля, перестал довольствоваться швейцарской грубой массой или средневековым обществом агрессивных одиночек-профессионалов; Бог войны потребовал хорошо устроенного организма, каждая часть которого повиновалась импульсам, спускавшимся сверху. Им стало новое государство. Только оно могло мобилизовать необходимые административные, технические и финансовые ресурсы, требуемые для крупномасштабных военных действий. Мобилизация же выразилась прежде всего в появлении новых административных методов и стандартов; новой администрации, с самого начала королевской, централизованной. Так появились «Fiscal-military state»[2].

Россия прошла схожий путь, но с иной причиной. Наталли Коллманн склонна была это объяснять «принципом Империи различий»[3], согласно которому государство держалось вместе за счёт комплекса средств: принуждение, капитал и обязательства[4]. В рамках образования Русского Царства, государство было необходимо русским землям для упорядочения работы рынков, сбора налогов, контроля над населением, пополнения рядов армии и чиновничества, присвоения ресурсов. И главным предметов «общественного договора» между русскими землями выступали налоговые ставки, военная служба, сохранение местных религиозных практик, местного самоуправления и элит. Это было возможно только при создании единого государства из-за монгольского фактора. Еще в XIII веке потребовалось ограничить процесс феодализации, передачу земель крестьянских общин в ведение феодалов, для обеспечения уплаты ордынского выхода[5]. С учетом агрессивной экспансии соседей русских

[1] Бродель Ф. цит. по Пенской В. В. Иван Грозный. Начало пути. Очерки русской истории 30—40-х годов XVI века. -Москва: Центрполиграф. 2023. С.14

[2] Пенской В. В. "Военная революция" раннего нового времени: история и современность // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2021. №1

[3] Коллман Н. Ш. Россия и ее империя. 1450-1801 / Перевод с английского В. Петрова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. С.14

[4] Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990-1992 гг. / Пер. с англ. Менской Т. Б. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С.29

[5] Бенцианов М.М. Князья, бояре и дети боярские. Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. Бенцианов М.М. Москва: Центрполиграф, 2019. С. 21

земель, то потребовалось и объединение различных феодальных корпораций для обеспечения сохранения местными элитами своей власти. Иного экономического интереса от нахождения в едином государстве для разных земель не было, что подтверждается экономической обособленностью уездов (существовавших в границах прежних независимых и удельных княжеств) внутри Русского Царства вплоть до середины XVII века[1]. Местные «городовые феодальные корпорации» сохраняли серьезную степень автономии и самоуправления, не изменившись со времен бытности независимых княжеств. Даже составные части уездов — волости составляли «совокупности нескольких населенных пунктов, большею частью расположенных в одной меже, объединенных общей выборной организацией, имевшей целью обеспечение правильного несения тягла и отправление судебных и административных обязанностей внутри волостей»[2].

Великий князь, а затем Царь и его Государев двор никогда не имел абсолютной власти и представлял из себя «корпорацию корпораций — орган, который служил воплощением единства страны и в этом отношении являлся одним из важнейших институтов государства на пути к централизации».[3] Как указывает М. М. Кром, внешне это выражалось в отношении к фигуре монарха, являвшегося скорее символом этой «корпорации корпораций» нежели действительным субъектом. Даже четырехлетний Иван IV среди подданных считался вполне совершеннолетним при взаимодействии с иностранными государями. Представляется возможным считать данный институт отношения к монарху связанным с идеей Ж. Бодена и Т. Гоббса об отношении к государству как некой властной организации, стоящей над обществом и выраженной во власти единоличного правителя.

Государство и выступило самостоятельным социальным конструктом. Важно учесть, что «власть» не отделялась от общества — «земли»[4]. Власть напрямую исходила из общества и являла собой совокупность всех общественных институтов. На это можно возразить тем, что в конце XV века в русских землях отошли от практики “уроков” (под которыми подразумевались определенные, точно установленные нормы, которые правитель в отношениях с городом (в цитате речь идет прежде всего про Новгород) обязан соблюдать.) и власть государя формально перестала иметь

[1]Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков / Отв. ред. и авт. предисл. С. О. Шмидт; Сост., авт. вступит. ст., коммент., подгот. А. В. Топычканов. Москва: Языки славянской культуры, 2006. С.414

[2] Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. С.28

[3] Бенцианов,М.М. Князья, бояре и дети боярские. Система служебных отношений в Московском государстве в XV-XVI вв. Бенцианов М.М. Москва: Центрполиграф, 2019. С. 45

[4] Бовыкин В. В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного : очерки по истории местного самоуправления в XVI в. / В. В. Бовыкин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014. С.21

некие обязанности перед подданными[1]. Однако, фактически и в мироощущении людей, «власть» все ещё была ответственна перед ними, что подтверждал “вечевой характер” бунта 1547 года. Люди считали себя в праве требовать от «власти» учета своих интересов и уничтожения общих врагов (в данном случае – «колдунов» Глинских) и во время бунта имели довольно стройную организацию.[2]

Однако постоянная война на всем протяжении границ с серьезными противниками не могла быть выиграна исключительно за счет объединения княжеств. Русские земли не были богаты, чтобы выставлять высококачественных бойцов, как соседнее Великое княжество литовское. Россия не была степным ханством чтобы выставить бесчисленные высокоманевренные орды наездников, как татарские ханства. Русское Царство было историческим парадоксом. И рецепт его выживания был столь же парадоксален — организация. Да, Русское Царство, находившееся в евразийском неудобье и жившее от голода до голода, содержавшее всего 500 дьяков и подьячих, в три раза меньше, чем в Англии того же периода и почти в 8 раз меньше, чем во Франции[3], жило высокой организацией. «Корпорация корпораций» сначала создала развитый аппарат дьяков и подьячих, а затем полки нового строя, но что важнее, один из лучших в Европе артиллерийских парков. Развитая централизованная общерусская военная машина и сформирует единую русскую экономику уже в Семнадцатом веке. Уже на базе единой экономики, централизованной армии, бюрократической машины будут проводиться реформы Петра 1 и было сформировано государство по европейскому образцу. В европейских государствах Единый рынок сформировал государство, в России государство сформировало единый рынок.

История России — это урок того, как единая политическая воля при общности интересов позволяет преодолеть экономические условия и обеспечить выживание общества.

[1] Флоря Б.Н. Иван Грозный / Борис Флоря. Москва: Молодая гвардия, 1999. С.97—98

[2] Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 335

[3] Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV -X I веков /. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. С.133

Научная статья
УДК 340

ВОЛЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Михаил Григорьевич ЛЮБИМОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, 8centralofficial@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Илья Львович ЧЕСТНОВ** ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. Автор исследует проблему воли как основания правосубъектности. Объект исследования — правосубъектность. Цель работы — определить основания правосубъектности. Анализируются подходы Савиньи, Иеринга, Кельзена и постклассическая теория права. Автор заключает, что воля не единственный признак субъекта права. Правосубъектность формируется интересами, правовыми нормами и культурой общения.

Ключевые слова: воля, правосубъектность, теория права, правовой интерес, субъект права

Воля — способность к отбору из многообразия возможностей поведения, одного из них. При этом воля обуславливает функционирование правовой культуры как механизма воспроизводства правовой реальности[1].Одновременно воля есть способность совершать деяния (действия или бездействия).

Правосубъектность - способность человека быть участником правовых отношений и иметь права и обязанности. Состоит из трёх элементов: правоспособность, дееспособности и реального участия субъекта в правоотношениях[2].

Связь воли и правосубъектности обнаруживается уже на уровне структуры нормы права. Волевой критерий позволяет разграничить действия и события как юридические факты: первые характеризуются наличием поведения, воли, желания человека, тогда как вторые не зависят от его воли. Но важнее то, что именно воля обеспечивает конкретизацию нормы приме-

[1] Честнов И. Л. Теория государства и права. В 2 ч. Санкт-Петербург: СПбЮИ(ф)УПРФ, 2017. Ч. II. С. 16.

[2] Там же. С. 94—97.

нительно к персонифицированному субъекту в конкретной жизненной ситуации, то есть в правоотношении. Без волеизъявления невозможна реализация норм права; без автономии воли немыслима ответственность как «обратная сторона свободной воли».

Проблема воли как основания правосубъектности сохраняет высокую актуальность для современности, поскольку она затрагивает базовый вопрос: почему и на каком основании право признаёт того или иного носителя прав и обязанностей своим «субъектом». Классическая волевая концепция, связывающая правосубъектность со способностью к осознанному волеизъявлению, долгое время служила объяснением ответственности. Однако развитие законодательства, судебной практики и мысли выявило границы такой редукции правосубъектности к воле и тем самым сделало дискуссию практически значимой.

Современное право часто признаёт правосубъектность (или отдельные её элементы) там, где воля была выражена опосредованно либо не могла быть реализована как способность человека осознано, без внешнего давления, выбирать вариант поведения, принимать решения или ставить перед собой цели. Например, несовершеннолетние лица с психическими расстройствами, люди в состоянии зависимости, пожилые люди с когнитивными нарушениями. Свои права они не теряют, участие в сделках и принятии решений может обеспечиваться через представителей или специальные процедуры. Сегодня происходит расширение практик поддерживаемого принятия решений. Всё чаще ставится цель не заменить волю человека решением опекуна, а помочь ему самому понять информацию, оценить варианты и выразить мнение. Тем не менее встречаются случаи, когда опека является лишь формальностью, осуществляется давление на «опекаемого» и тот, кто не принимал решения или принял его под давлением несёт ответственность.

Возникают вопросы: является ли воля критерием правосубъектности? Если да, то как точно понять её наличие у субъекта? Целью данной статьи является ответ на этот вопрос.

Для того, чтобы достичь поставленную цель следует её разбить на задачи. Первая из них – рассмотрение существующих точек зрения касательного этого вопроса. Вторая задача заключается в поиске примеров из жизни, подтверждающих или опровергающих ту или иную точку зрения. Третья – формирование собственного мнения или соглашение с чьей-то точкой зрения.

В классической теории права проблема правосубъектности неразрывно связана с волей. Традиционный взгляд исходит из того, что субъект права есть активный участник правового общения, способный к автономному волеизъявлению. Именно воля рассматривается как основополагающий признак правосубъектности.

Ф. К. фон Савиньи в своей «Системе современного римского права» определял сущность правоотношения как область независимого господства индивидуальной воли. Правовая норма выделяет отдельную сферу воле, в которой она должна господствовать независимо от любой другой воли. Савиньи выделял три основных предмета господства воли: собственная персона, несвободная природа и чужие лица, что формирует структуру правоотношений. Таким образом, в традиционном понимании правоспособность хотя и отлична от дееспособности (возможности приобретать права своими действиями), тем не менее, перекликается с наличием воли как таковой[1].

Современные сторонники этой теории считают, что субъекту права необходимо обладать следующими качествами: внешней обособленностью, персонификацией и способностью вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю[2]. Автономная воля рассматривается как объективное основание правосубъектности, поскольку способность формировать и реализовывать самостоятельно собственную волю характеризует индивида как участника правового взаимодействия. При этом отмечается, что там, где нет собственной воли, не может быть и самостоятельного субъекта права.

В отечественной правовой науке традиционный подход также акцентирует внимание на регулятивной функции воли. Воля понимается как единый психический регулятивный процесс, свойствами которого являются сознание и активность[3]. В имущественных отношениях предполагается согласованность воли участников, где сделка выступает свободным выражением воли юридически равных субъектов. Важным аспектом традиционной доктрины является разграничение внутренней воли и её внешнего выражения.

Таким образом, традиционный взгляд на правосубъектность базируется на способности лица к воле. Утверждает, что законодательство предоставляет индивиду статус участника правоотношений именно потому, что он обладает автономной волей и способен реализовывать её в сфере социального взаимодействия.

Одной из альтернативных концепций является теория интересов, разработанная Р. фон Иерингом. Теория формировалась в полемике с теорией, которая гласила, что право есть юридически признанная и обеспеченная воля субъекта. Иеринг подвергал критике подобное понимание, обосновывая это тем, что воля не может выступать универсальным основанием субъективных прав и правосубъектности.

---

[1] Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. В 2 т. Москва: Статут, 2011. Т. 1. С. 487.

[2] Лихачёв М. А. К вопросу об автономной воле как основании международной правосубъектности индивида // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 19 (200). Вып. 24.- С. 96.

[3] Ойгензих В. А. Воля и волеизъявление: (очерки теории, философии и психологии права) /отв. ред. С. А. Раджабов. - Душанбе: Донш,1983. С. 112.

По мнению Иеринга, в основе права лежит цель, которая связанна с удовлетворением интересов участников общественной жизни, право выступает инструментом реализации этих интересов, а его нормы формируются с учётом тех общественных благ, которые требуют правовой защиты[1]. Правосубъектность связывается с наличием интересов, которые требуют охраны (охраны правом). Субъект права рассматривается как носитель интереса. Таким образом, способность быть субъектом права не обязательно предполагает наличие самостоятельной воли.

Иеринг обращал внимание на то, что в правовой действительности существует значительное количество ситуаций, которые трудно объяснить с позиции волевой теории. В частности, речь идёт о правовом положении несовершеннолетних, недееспособных лиц, а также юридических лиц. Указанные могут обладать правами и обязанностями, несмотря на отсутствие или ограниченность самостоятельного волеизъявления. С точки зрения теории интересов это объясняется тем, что право охраняет не столько волю этих субъектов, сколько определённые интересы, связанные с их существованием и деятельностью[2].

В этой теории право возникает там, где общество признаёт определённый интерес настолько значимым, что обеспечивает его защиту через правовые средства. То есть субъективное право есть интерес, обеспеченный юридической защитой.

В рамках нормативистской теории права проблема воли как основания правосубъектности получает иное решение: правосубъектность явление производное от правопорядка. Выражение данный подход получил в «чистом учении о праве» Г. Кельзена. Правовед указывает, что право одновременно рассматривается и как источник обязанностей, и как нечто ограниченное некой предшествующей ему правосубъектностью[3].

Автор предлагает устранить это противоречие посредством иной интерпретации понятия лица и правосубъектности. Кельзен утверждает, что лицо представляет собой особую юридическую конструкцию — персонификацию комплекса юридических обязанностей и субъективных прав[4]. Иными словами, субъект права не предшествует, а создаётся правом.

То есть «быть лицом» — быть включённым в систему правовых норм как носителем обязанностей и прав. Из этого следует, что правосубъектность не может быть основана на воле. Поэтому субъектом права может быть не только человек, но и различные образования вроде корпораций или государства.

---

[1] Иеринг Р. фон. Цель в праве. В 2 т. Санкт-Петербург, 1881. Т. 1. С. 36—40.

[2] Иеринг Р. фон. Там же. С. 25—29.

[3] Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2015. С. 214.

[4] Там же. - С. 218.

Соответственно, автономия субъекта в праве имеет ограниченный характер. Даже в сфере частного права, где наиболее отчётливо проявляется волеизъявление сторон (например, при заключении договора), возможность создания прав и обязанностей посредством соглашения существует из-за того, что право признаёт договор юридическим фактом. Таким образом, совпадение волеизъявлений сторон приобретает юридическое значение только благодаря нормам права, устанавливающим соответствующие правовые последствия[1].

Постклассическая теория права предлагает по-другому взглянуть на волю. Воля возникает не в изоляции, а в общении с другими людьми. Право есть живой процесс, в котором люди постоянно воспроизводят правовую реальность своими действиями и мыслями[2]. Правосубъектность при таком подходе не даётся человеку от рождения, она формируется в самом процессе правового общения.

Классическая теория полагает, что право воплощает разум, а человек действует рационально. И. Л. Честнов показывает, что это не всегда так. Поведение людей часто иррационально, и право, как механизм регулирования этого поведения, тоже не может быть полностью рациональным[3]. Человек есть творец права, но создаёт он его не один, вместе с другими людьми через попытку понять чужую точку зрения и найти с ней общий язык. Воля при этом направлена не на навязывание своей позиции, а на достижение взаимопонимания.

Важна и правовая культура. Человек не рождается со способностью к воле — эта способность вырабатывается в культуре, которая учит видеть смысл в правовых нормах.

В классической теории говориться о свободе воли отдельного человека. Для постклассики важнее сохранить целостность общества. Воля не может быть абсолютной, так как она должна считаться с интересами других людей. Правосубъектность требует не только наличия воли, но и умения ограничивать её в диалоге с другими субъектами.

Честнов подчёркивает, что человек не полностью понимает свои побуждения. Исследование права «может осуществляться только на грани взаимодействия рационального анализа и иррациональной по сути интуиции»[4]. Правовая реальность создаётся людьми, но этот процесс никогда не бывает полностью осознан и контролируем.

Классическая теория считала, что власть над волей людей легитимна, если выражает «общую волю». Постклассическая теория показывает, что

---

[1] Там же. С. 215.

[2] Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. - С. 13.

[3] Там же. С. 52—53.

[4] Честнов, И. Л. Указ. соч. С. 55.

всё сложнее: легитимность складывается из действий элит, отдельных групп и простых людей. Воля признаётся правомочной не потому, что оформлена по всем правилам, а потому, что работает на практике — в реальной жизни.

Следовательно, постклассическая теория предлагает промежуточный вариант: она сохраняет веру в человека как в творца права, но отказывается от упрощённой картины разумного, наделённого свободной волей, индивидуалиста. Воля мыслится как диалогическая, культурно обусловленная и частично неосознаваемая способность, которая приобретает правовое значение только через практическое взаимодействие с другими людьми.

Подводя итог, можно сказать, что ответ на вопрос «является ли воля критерием правосубъектности?» не так прост. Мы видим, что правами обладают даже те, кто не может осознанно выражать свою волю. Это значит, что одна лишь воля не может быть единственным признаком правосубъектности. На сцену выходят другие факторы: интеллект, защищаемые законом интересы, признание государства и способность человека взаимодействовать с обществом. Воля остаётся важным элементом, но она работает в связке с интересами, правовыми нормами и культурой общения.

Научная статья
УДК 340.1

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Иван Сергеевич МИШИН[1], Александр Васильевич НИКИФОРОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] mishin1522@gmail.com
[2] nikiforovaleksandr2006@gmail.com

Научный руководитель: профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор **Ирина Батоевна БАТУЕВА**, i.batueva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития органов прокуратуры Российской империи после проведения Судебной реформы 1864 года, взаимодействие органов прокуратуры с пореформенными судебными и административными органами.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 года, Судебные уставы, прокуратура Российской империи, прокурорский надзор, уголовное судопроизводство.

Актуальность исследования организации прокуратуры после судебной реформы 1864 года определяется тем коренным переломом, который произошёл в её правовом статусе. Именно тогда впервые было проведено чёткое разделение полномочий прокуратуры на надзорные, сосредоточенные на соблюдении закона, и судебные, реализуемые через поддержание государственного обвинения. Это разделение заложило основы новой модели прокурорской деятельности, определившей её развитие на десятилетия вперёд.

До реформы прокуратура полностью обслуживала интересы самодержавной власти и политической элиты. Главной задачей оставался общий надзор за административными и судебными учреждениями. Участие в уголовном процессе было формальным: наблюдение за следствием и проверка судебных решений. Сложная и запутанная структура судебной власти, нагромождение письменных процедур и формальная система доказательств не ускоряли, а, напротив, замедляли отправление правосудия[1]. К середине XIX века недовольство охватило всё общество. После крестьянской реформы 1861 года, перевернувшей общественный строй, потребность в преобразовании суда и прокуратуры стала неотложной.

Непосредственная подготовка реформы началась с инициативы управляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Д. Н. Блудова, подавшего императору записку с предложениями изменений судебных порядков, однако на его проект, не предусматривавший состязательности и суда присяжных, был наложен запрет[2]. Решающий этап наступил к марту 1862 года, когда сотрудники Государственной канцелярии под руководством С. И. Зарудного подготовили предварительный проект. Его сокращённую версию — «Основные положения преобразования судебной части в России» — император утвердил 29 сентября 1862 года. В документе впервые описывалась сущность прокурорских полномочий: надзор за единообразным и точным применением закона, обнаружение преступлений и преследование виновных перед судом. «Основные положения» закрепляли отделение суда от администрации, всесословный мировой суд, несменяемость судей, суд присяжных и адвокатуру. Прокуратуре отводилась роль обвинителя, но при этом сохранялась и правоохранительная задача. Позже комиссия под председательством государственного секретаря

[1] Цыкунов Г. А. Предпосылки и проведение судебной реформы 1864 г // ГлаголЪ правосудия. 2014. №2 (8). С. 87.

[2] Там же. С. 88.

Д. П. Буткова, разбитая на отделения, разработала новые Судебные уставы. Александр II утвердил их указом Правительствующему сенату 20 ноября 1864 года.

Судебные уставы выстроили прокуратуру в строгую иерархию. Прокурорский надзор возлагался на обер-прокуроров, прокуроров и их товарищей. Высший надзор осуществлял министр юстиции в качестве генерал-прокурора, что закрепляло единство всей системы. При каждом окружном суде и каждой судебной палате действовал прокурор, штатное число товарищей которого определялось расписанием, причём часть товарищей прокурора окружного суда размещалась не в месте нахождения суда, а в иных городах судебного округа. Кассационные департаменты Правительствующего Сената располагали собственными обер-прокурорами и их товарищами, а в общем собрании департаментов прокурорские обязанности исполнял один из этих обер-прокуроров. Служебная подчиненность выстраивалась иерархически. Товарищи работали под руководством прокуроров и обер-прокуроров, прокуроры окружных судов подчинялись прокурорам судебных палат, которые вместе с обер-прокурорами находились в непосредственной зависимости от министра юстиции. Давая заключения судебным местам, все чины прокурорского надзора руководствовались исключительно действующими законами и собственным убеждением, что гарантировало их процессуальную самостоятельность. Прокурор мог заменить своего товарища по всякому делу и принимал всю ответственность на себя. При болезни, отсутствии либо устранении обер-прокурора, прокурора судебной палаты или окружного суда должность временно исполнялась товарищем – по назначению либо по старшинству определения в должность, а в случае устранения — всегда по старшинству. Когда требовалось заместить товарища окружного суда, состоявшего вне города расположения суда, прокурор окружного суда специально командировал другого товарища. При обер-прокурорах и прокурорах состояли секретари. Их содержание и канцелярские расходы покрывались суммой, определённой штатами. Предметы занятий прокуратуры ограничивались делами судебного ведомства. Если при разрешении дела обнаруживалась неполнота закона, прокурор окружного суда, независимо от исхода дела, доносил о замеченном пробеле прокурору судебной палаты, от усмотрения которого зависело представить этот вопрос министру юстиции.

Если до судебной реформы прокурор должен был выступать в суде «как взыскатель наказания и вместе с тем защитник невинности», то теперь главной его задачей становился надзор за дознанием и следствием и поддержание государственного обвинения в суде[1]. Прокуроры и их товарищи не

[1] Упоров И. В. Судебная реформа 1864 года и статус прокурора по уголовным делам в Российской империи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №4–3 (91). С. 195.

производили предварительных следствий самостоятельно — они давали судебным следователям предложения и осуществляли постоянный надзор за движением дела. Полицейские чины, производившие дознание, находились в прямой зависимости от этих должностных лиц. Прокурор был вправе присутствовать на всех следственных действиях и непосредственно изучать "подлинное производство", не приостанавливая его хода. Судебный следователь был обязан исполнять законные требования прокурора или его товарища, касающиеся исследования преступления и сбора доказательств, а в протоколе делалась отметка о принятых мерах. Если исполнить требование было невозможно, следователь уведомлял об этом и ожидал разрешения, предприняв вместе с тем всё возможное для исполнения. В сфере применения мер пресечения был установлен взаимный контроль. О взятии обвиняемого под стражу либо об основаниях освобождения от неё по делам о преступлениях, влекущих лишение всех прав состояния или потерю всех особенных прав и преимуществ, следователь немедленно уведомлял прокурора. Получив такое уведомление, прокурор мог потребовать ограничиться менее строгой мерой, если обвиняемый не вызывал достаточного подозрения в указанном преступлении. Одновременно ему было предоставлено право предлагать задержание обвиняемого, оставленного на свободе. Однако, когда следователь усматривал препятствие из-за недостаточности подозрения, он не исполнял данное требование, а представлял вопрос на разрешение суда. Прокурор или его товарищ мог требовать дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям – даже если следователь уже признал его оконченным. В вопросах отвода прокурор и его товарищ не могли быть отведены от исполнения обязанностей, но при наличии оснований, влекущих отвод судей, они были обязаны устраниться сами. Жалобы по данному предмету подавались исключительно прокурору палаты. Однако вместе с тем на практике идеального сочетания обвинительных и надзорных функций не получилось: надзор всё больше подчинялся интересам обвинения.

В гражданском процессе роль прокурора оказалась скромнее. Прокурор участвовал в гражданском процессе путём дачи заключений по категориям дел, требовавшим защиты публичного интереса, прав лиц, лишённых процессуальной самостоятельности, и обеспечения законности в процессуальных вопросах. Обязательное заключение следовало по делам казённого управления, земских учреждений, городских и сельских обществ, которые затрагивали имущественные интересы публичных образований и требовали недопущения неправомерного отчуждения общественных средств. По делам несовершеннолетних, безвестно отсутствующих, глухонемых и умалишенных прокурор давал заключение ввиду неспособности этих лиц самостоятельно осуществлять процессуальную дееспособность, что обязывало

его высказывать мотивированное мнение для защиты их имущественных и личных прав. Заключение представлялось по вопросам подсудности и «пререканий». Если в гражданском деле обнаруживались обстоятельства, подлежащие уголовному рассмотрению, или признаки подлога документов, прокурор излагал своё мнение. Прокурор давал заключение и по просьбам об устранении судей, поскольку такие ходатайства затрагивали гарантии независимости и беспристрастности правосудия и требовали особой правовой оценки. Прокурор также выступал с заключением по брачным делам и спорам о законности рождения, где первостепенное значение имела публичная достоверность актов гражданского состояния, а также по просьбам о свидетельствах на право бедности, предполагавшим проверку имущественного положения заявителя. Судебные уставы 1864 г. значительно ограничили сферу прокурорского надзора в гражданском процессе по сравнению со Сводом законов, а также изменили методы его осуществления, что наряду с возрастанием роли прокурора в уголовном процессе привело на практике к превращению этого направления прокурорского надзора во второстепенное[1].

Положение от 7 марта 1866 года дополнило судебные полномочия прокуратуры административными обязанностями. Представитель прокуратуры вошёл в состав губернского присутствия по крестьянским делам, и на него возложили не только наблюдение за тюрьмами, но и прямое участие в управлении ими. Прокурорам судебных палат присваивалось звание вице-президентов всех губернских комитетов попечительного общества о тюрьмах, входящих в округ судебной палаты, нижестоящим прокурорам — директоров этих комитетов и их отделений[2]. Со временем прокуратура вошла почти во все губернские присутствия, где решались административно-распорядительные дела по городским, воинским, фабричным и земским вопросам. В этих коллегиальных органах прокурор обладал правом совещательного голоса, но не имел права приносить протест. Он выполнял скорее функции юрисконсульта и представителя судебного ведомства, чем блюстителя закона.

Важной особенностью пореформенной организации прокуратуры стало длительное сосуществование двух её ветвей — судебной и губернской[3]. В апреле 1866 г. новые прокуроры и их товарищи приступили к своим обязанностям лишь в десяти губерниях, а также в Петербургской и Московской судебных палатах[4]. Реформа вводилась постепенно и до конца

---

[1] Бабаев С. Н. Влияние судебной реформы 1864 года на вопросы организации и деятельности прокуратуры России // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. №3. С. 234.

[2] Еремин А. В. История отечественной прокуратуры: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 57.

[3] Там же. С. 61.

[4] Бабаев С. Н. Влияние судебной реформы 1864 года на вопросы организации и деятельности прокуратуры России // Там же. С. 237.

XIX века не охватила все губернии, поэтому старую губернскую прокуратуру упразднили только там, где начинали действовать новые суды. Губернские прокуроры освобождались от присутствия в большинстве административных органов и просмотра журналов, но за ними сохранялся надзор за местами лишения свободы, губернскими присутствиями по крестьянским делам и полицией. В отличие от судебной прокуратуры, губернская не брала на себя функцию обвинения, а её товарищи подчинялись только прокурору и были независимы от губернской администрации. Принятые 11 октября 1865 года Облегчительные правила дали губернским прокурорам право передавать дознание судебным следователям, если они считали прекращение дела необоснованным, и опротестовывать судебные приговоры.

Одновременно с общими судебными уставами в 1867 году утвердили Военно-судебный и Военно-морской судебный уставы, учредившие специализированные военную и военно-морскую прокуратуры. Систему прокурорского надзора в военных судах возглавлял главный военный прокурор, подчинявшийся военному министру и сосредоточивавший в своём лице весь надзор. При главном военном суде и его отделениях состояли товарищи главного военного прокурора с помощниками, а при военно-окружных судах — военные прокуроры и их помощники, что создавало единую должностную вертикаль. Во временных военных судах прокурорские функции исполняли прокуроры военно-окружных судов или их помощники по назначению. В особом присутствии для чрезвычайных случаев эти обязанности возлагались на старшего из наличных помощников военного прокурора. Главный военный прокурор в административном отношении заведовал перепиской военного министра по военно-судной части на правах начальника главного управления, имел собственную канцелярию с секретарями. Деятельность надзора ограничивалась военно-судебным ведомством, однако при обнаружении в деле неполноты закона военный прокурор доносил главному военному прокурору. Тот, получив разрешение военного министра, мог представить законодательный вопрос в главный военный суд, что делало надзор механизмом обратной связи между судебной практикой и военным законодателем. Аналогичную организацию с собственными прокурорами создали и в морском ведомстве.

Таким образом, судебная реформа 1864 года сформировала прокуратуру нового типа. Её главной функцией стало уголовное преследование, неразрывно связанное с надзором за следствием и поддержанием обвинения в суде. Впервые в Российской империи появились специализированные военно-судебная и военно-морская прокуратуры, построенные по образцу гражданской. Растянувшееся на десятилетия введение новых судебных учреждений породило параллельное существование судебной и губернской прокуратур с разным объёмом полномочий. Административные обязанно-

сти превратили прокурора в государственного юрисконсульта при губернских органах, однако планы расширить общий надзор за административными учреждениями не получили поддержки. В конечном счёте реформа укрепила двойственную природу прокуратуры — блюстителя закона и обвинительной власти, предопределив основные направления её дальнейшего развития.

Научная статья
УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ КОДИФИЦИРОВАННОГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО АКТА В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ — МЕДИЦИНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кирилл Андреевич ПЕТРЕНКО
Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
kir05petrenko@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры юриспруденции Вологодского государственного университета **Владимир Федорович ЯДРЕНЦЕВ,** koronovirus2020vogu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальному и дискуссионному вопросу в области медицины и здравоохранения — перспективам создания Медицинского кодекса Российской Федерации. Институт российской медицины и здравоохранения, на сегодняшнее время, является ключевым структурным элементом реализации права граждан, закреплённого в Конституции Российской Федерации — права на охрану здоровья и медицинскую помощь. В настоящей российской системе законодательства отсутствует единый кодифицированный правовой акт, регулирующий вопросы медицины и здравоохранения. Авторами статьи раскрываются различные подходы к пониманию понятия «медицинское право», рассматриваются нормативно — правовые акты, регулирующие институт российской медицины и здравоохранения, анализируется разные точки зрения юридического научного сообщества, связанные с идеей создания кодифицированного медицинского закона, приводится собственное мнение по вопросу, касающемся создания Медицинского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: медицинское право, отрасль права, подотрасль права, надотрасль права, федеральные законы, подзаконные акты, медицина, здравоохранение, Медицинский кодекс Российской Федерации

Статьей 41 Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет полное право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также на бесплатное оказание такой помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения[1]. Эта норма подчёркивает важность российской медицины как «организаторов данных прав граждан в здравоохранительной сфере» и тем самым отчерчивает особый круг общественных отношений. Как мы знаем, из курса теории государства и права, правовое регулирование тех или иных общественных отношений обеспечивается определённой отраслью права[2]. Не является и исключением общественные отношения, связанные с медицинской и здраво-охранительной сферой, которые регулируются медицинским правом.

Существует несколько подходов к пониманию понятия «медицинское право»: медицинское право как отрасль права, либо медицинское право как комплексная отрасль права; либо медицинское право как подотрасль права; либо медицинское право как надотрасль права.

Первый подход определяет медицинское право как отрасль права, которая регламентирует всю сферу здравоохранения, регулирует отношения между гражданами — пациентами, медицинским персоналом, заинтересованными организациями, а также ответственность участников данных правоотношений за нарушение установленных законом норм[3]. При этом, подходом отмечается, что под сферой здравоохранения понимается целый комплекс мероприятий, носящий лечебный, диагностический, санитарно-эпидемологический, профилактический, реабилитационный и иной медицинский характер.

Также подходом приводится и другое определение: медицинское право — это отрасль российского права, выступающая правовым регулятором общественных отношений, которые возникают при осуществлении медицинской и фармацевтической деятельности, реализуются специальными лицами с особым правовым статусом и направлены на предупреждение, диагностику, лечение болезней человека и на иные действия медицинского характера, а также общественные отношения, которые представляют собой организационно — управленческие и другие

[1]Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм. и доп. от 01.07.2020 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Чертова Н. А., Ершова, И. В. Теория государства и права: учеб. пособие. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2021.- С. 69.

[3]Дерягин Г. Б. Медицинское право: учеб. пособие. - Москва: ЮНИТИ ДАНА, 2017. - С. 8.

отношения, необходимые для обслуживания медицинской деятельности, здравоохранения и охраны здоровья граждан[1].

Второй подход характеризует медицинское право, как комплексную отрасль права, которая включает в себя некую совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере медицинской деятельности[2]. Медицинское право, в данном подходе, определяется как особенная отрасль права, которая корреспондируется другими отраслями законодательства. Иными словами, упомянутое право соответствует нормам различных отраслей права: конституционному, гражданскому, административному, уголовному, семейному праву, а также ещё многим отраслям права.

Третий, полагает, что медицинское право — это подотрасль права социального обеспечения. Однако, данное мнение является спорным и не поддерживается юридическим научным сообществом[3]. Это отношение объясняется тем, что предмет медицинского права не совпадает с предметом права социального обеспечения. В медицинском праве, предмет — это общественные отношения, возникающие в сферах оказания медицинской помощи и услуг, обращения лекарственных препаратов и иных медицинских средств для лечебного использования, а также другие группы общественных отношений, которые касаются медицинской деятельности и охраны здоровья граждан. Предметом права социального обеспечения являются общественные отношения по социальному обеспечению граждан, которые возникают в сферах социального страхования, обслуживания, оказания социальной помощи и поддержки населению[4]. Другими словами, предмет права социального обеспечения включает в себя более широкий круг общественных отношений, когда как, предмет медицинского права ограничивается в своём содержании только общественными отношениями, которые относятся к медицинской, здравоохранительной, фармацевтической, управленческой деятельности.

Последний подход называет медицинское право надотраслью права. Сущность данного подхода состоит в том, что медицинская деятельность, которую регулирует медицинское право, выступает определённой социально значимой сферой общественной жизни, где она в свою очередь предстаёт перед нами как разноплановая деятельность субъектов, направленная на достижение единой ключевой цели и основанных на ней

[1]Сергеев Ю. Д., Мохов А. А. Основы медицинского права России: учеб. пособие. Москва: Медицинское информационное агентство, 2016. С. 36-37.

[2]Стеценко С. Г. Медицинское право: учебник. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. С. 6.

[3]Кралько А. А. Медицинское право как отрасль права: теоретические основы и современные концепции // Медицинские новости. 2009. № 7. С. 33.

[4]Савощикова Е. В. Медицинское право: монография. Оренбург: Оренбургский госуд. ун-т, 2017. С. 6.

задач[1]. Это мнение вполне объяснимо, так как значимость данной сферы общественной жизнедеятельности конституционно подчёркнута в статье 41 Конституции РФ, которая уже упоминалась ранее. Перефразируя, изложим, что данный подход предполагает, что медицинское право как надотрасль права, как бы имеет некое «ядро», которое включает в себя базовые общественные отношения, необходимые для функционирования далее всей системы горизонтальных, вертикальных, управленческих связей между субъектами отношений с целью, в нашем случае, оказания эффективной и качественной медицинской помощи нуждающимся субъектам данных особенных общественных отношений.

Таким образом, в юридической науке представлено множество различных подходов к пониманию понятия «медицинское право». На наш взгляд, самым правдивым подходом к пониманию данного понятия является первый, так как он, в своём содержании, отражает всю полноту возможных урегулированных медицинским правом общественных отношений, которые относятся к медицинской, фармацевтической, здравоохранительной, организационно - управленческой деятельности, а также к охране здоровья населения.

Медицинское право, как и все остальные отрасли права обладают рядом своих правовых источников. Под источниками медицинского права понимают некую систему определённых правовых норм, которая в той или иной мере регулирует общественные отношения, связанные с сферой оказания медицинской помощи гражданам, охраны их здоровья.

В действующей системе российского законодательства правовые источники медицинского права представлены в большинстве случаев федеральными законами. Основным и так сказать «ориентирным» к российской медицинской правовой среде выступает Федеральный закон от 21.11.2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В нём отражены общие положения, принципы охраны здоровья, права, обязанности граждан в сфере охраны здоровья, организация охраны здоровья, охрана репродуктивного здоровья, права, обязанности медицинских, фармацевтических работников, а также таких специализированных организаций и другие ключевые положения, необходимые для реализации здравоохранительной деятельности и оказания медицинской помощи гражданам[2].

Помимо Федерального закона № 323-ФЗ нормативная основа источников медицинского права представлена и следующими федеральными законами:

---

[1]Соколова М. А. Медицинское право как надотрасль права // Медицинское право: теория и практика. 2022. Т. 8. № 1-2 (15-16). С. 72.

[2]Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323ФЗ с изм. и доп. от 23.06.2024. // СПС «КонсультантПлюс».

Федеральным законом от 29.11.2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»;

Федеральным законом от 12.04.2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»;

Федеральным законом от 17.09.1999 года № 52-ФЗ «Об санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»;

Федеральным законом от 17.09. 1998 года № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»;

Федеральным законом от 20.07. 2012 года № 125-ФЗ «Об донорстве крови и её компонентах»;

И иными, затрагивающими сферу правового регулирования медицинской деятельности и отдельных её сфер (предпринимательской медицинской, судебной медэкспертной, фармацевтической, здраво-охранительно-предупреждающей и пр.)

Кроме того, значительную роль как источников медицинского права играют и подзаконные акты. К ним относятся указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы министерств и ведомств здравоохранения. По нашему мнению, ключевыми из всех представленных в российской системе законодательства являются:

Указ Президента Российской Федерации от 08.12.2025 года № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 г.»;

Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2025 г. № 2188 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг.»;

Постановление Правительства Российской Федерации от 21.11.2011 года № 957 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности»;

Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2011 года № 1081 «Об лицензировании фармацевтической деятельности»;

Приказ Минздрава России от 05.03.2026 года № 167-н «Об утверждении Положения о наставничестве в сфере здравоохранения»;

Приказ Минздрава России от 23.08.2010 года № 706-н «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств».

На наш взгляд, данные подзаконные акты являются основными, так как отражают плановое развитие всей российской системы здравоохранения и регулируют ключевые медицинские виды деятельности (лицензирование, фармацевтику, хранение лекарственных средств и пр.).

Стоит отметить и то, что правовое регулирование института медицины и здравоохранения не ограничивается только федеральными законами и подзаконными актами. Оно может происходить и на основании положений

Конституции Российской Федерации, международных договоров, которые ратифицированы и подписаны Российской Федерации, федеральных конституционных законов, актов субъектов Федерации, кодифицированных федеральных законов (ГК РФ, УК РФ, ТК РФ, КоАП РФ и пр.) и иных нормативных правовых актов.

Итак, правовые источники медицинского права представлены в российской системе законодательства достаточно в широком объёме — целой совокупностью нормативных актов, которые закрепляют основополагающие принципы, нормы института медицины и здравоохранения, права и обязанности граждан Российской Федерации, работников медицинских, фармацевтических учреждений и организаций в области охраны здоровья, их ответственность и другие фундаментальные положения, необходимые для организации медицинской деятельности в Российской Федерации. Что касается перспектив создания Медицинского кодекса Российской Федерации, то данная идея была масштабно обсуждаемой учёными — правоведами, практикующими юристами и другими специалистами в области юриспруденции в период с конца 1990-х по начало 2000-х гг. Так, например, Н. Клык и В. Соловьев в своей научной статье от 1997 г. указали, что считают важным создание нового системообразующего акта в области медицины и здравоохранения — Медицинского кодекса Российской Федерации, который бы, по своей структуре, состоял из общей и особенной частей. По их мнению, среди положений данного кодекса обязательно должны быть даны юридические определения следующих терминов: аккредитация медицинских работников, порядок медицинского нормирования, ранжирование лечебных учреждений, общие обязанности пациентов и медперсонала, порядок оперативного рассмотрения споров пациентов и учреждений медицины, порядок составления и обращения медицинских документов[1].

Другого мнения придерживается в своей научной работе от 2003 года М.Н. Малеина, которая утверждает, что для российской правовой системы в области здравоохранения и медицины вполне достаточно одного федерального закона, который бы не носил статуса кодекса. На её взгляд, рационально было бы исключить из планов принятия и разработки, в то время, следующие законопроекты комитетов Госдумы Российской Федерации: «О правах пациентов», «О государственной системе здравоохранения», «О медицинских организациях», «О медицинской экспертизе», «Об основах муниципальной системы здравоохранения», «О регулировании частной медицинской деятельности» и некоторые другие.

[1]Клык Н., Соловьев В. Медицинский кодекс России: каким ему быть ? // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 24.

По её мнению, реформа совершенствования законодательства о здравоохранении не должна происходить нагромождением принимаемых актов по поводу тех или иных вопросов в медицинской области[1]. Другими словами, для неё, новый акт правового регулирования медицинской и здравоохранительной отрасли – это цельный как бы «правовой справочник ответов», не носящий признаков кодификационного закона и который детально освещает все вопросы, касающиеся всех перечисленных ранее ею законопроектов в области медицины и здравоохранения.

Следует отметить и то, что идея создания кодифицированного акта для здравоохранительной сферы является актуальной и в настоящее время. Например, А. С. Пьянзина и Л. Ю. Гарин в своей научной статье приводят такую точку зрения: «…медицинский кодекс Российской Федерации на современном этапе должен быть юридически систематизирован таким образом, чтобы он своими тематическими разделами максимально заменял ряд некодифицированных федеральных законов, которые регулируют вопросы оборота лекарственных средств, обеспечения обязательного медицинского страхования, донорства и его компонентов, психиатрической помощи и гарантиях прав граждан Российской Федерации при её проведении и другие правовые акты, регулирующие специфические сферы медицины и здравоохранения»[2]. Данная точка зрения понятна, она поможет сократить количественное многообразие медицинского законодательства и позволит его унифицировать, что, в принципе, и является целью процесса кодификации законов. Таким образом. проанализировав вышеперечисленные точки зрения по поводу создания Медицинского кодекса Российской Федерации можно сделать вывод, что данная идея на протяжении двадцати лет волнует всю российскую научную общественность, как связанную с юриспруденцией, так и медициной.

В заключении, хотелось бы выразить свою точку зрения о идее создания кодифицированного акта в области медицины и здравоохранения. На наш взгляд, современной российской правовой системе необходим Медицинский кодекс, т.к. в настоящее время огромная нормативная основа правового регулирования медицинской деятельности затрудняет как само урегулирование данных специфических общественных отношений, так и ориентированность в законах, связанных с медициной. Медицинское право уже сформировалось как самостоятельная отрасль российского права и наука, что уже предполагает создание отдельного, «…собственного кодекса

---

[1]Малеина М. Н. Законодательство о здравоохранении в России: современное состояние и перспективы развития // Современное медицинское право в России и за рубежом: сборник научных трудов. - Москва: ИНИОН РАН, 2003. С. 33-34.

[2]Пьянзина А. С., Гарин, Л. Ю. Медицинский кодекс, как ключевой элемент защиты прав пациента при оказании медицинской помощи // Медицина и право в XXI веке: материалы XII ежегодной науч. практич. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург: ЦСЛК, 2020. С. 131.

как завершающего этапа рождения и становления самостоятельной отрасли права». По нашему мнению, создание Медицинского кодекса Российской Федерации не только упорядочит всё российское медицинское законодательство и упростит его использование, правоприменение, но и станет значимым шагом в истории совершенствования современной системы здравоохранения России.

Научная статья
УДК 141.312.1

КОНФУЦИАНСТВО КАК РЕКОНСТРУИРУЕМАЯ ТРАДИЦИЯ: НОРМАТИВНЫЙ РЕСУРС, ГРАНИЦЫ АДАПТАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСЫ

Роман Рачикович ПИРВЕРДИЕВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
romanpirverdiev@mail.ru

Научный руководитель: доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, **Наталья Михайловна ИВАНОВА,** i-natalii@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется трансформация конфуцианства в современном мире. Автор рассматривает конфуцианство не как органическое продолжение классической традиции, а как результат нормативно-селективной реконструкции, где этический потенциал сохраняется ценой утраты социальной конкретности. Выявляются основные напряжения между конфуцианскими ценностями и современными нормами.

Ключевые слова: конфуцианство, реконструкция, китайская идентичность, равенство.

В современном мире, где процессы глобализации и культурной универсализации заставляют пересматривать место локальных цивилизационных форм, обращение к конфуцианству приобретает особую остроту. Эта традиция, вопреки прогнозам о её неизбежном уходе в прошлое, продолжает существовать — причём не только в виде музейных артефактов или исторических штудий, но в качестве живого, хотя и глубоко трансформированного, элемента культурного ландшафта. В контексте

современного международного взаимодействия, когда вектор внимания всё чаще смещается в сторону Китая как одного из центров мировой политики, понимание того, как именно конфуцианство вписано в сегодняшнюю китайскую идентичность, становится не просто академическим упражнением, но практически значимой задачей. Однако за внешним единством «конфуцианского возрождения» скрывается сложный вопрос: имеем ли мы дело с органическим продолжением классической традиции или с её избирательной, во многом произвольной реконструкцией, подчинённой современным идеологическим и социальным запросам?

Попытка ответить на этот вопрос предполагает не стремление вынести окончательный вердикт о «подлинности» или «неподлинности» современных конфуцианских практик. Скорее, необходимо исследовать, какие элементы традиции сохраняют свою нормативную нагрузку, какие трансформируются до неузнаваемости, а какие — и это, пожалуй, самое интересное — становятся предметом острых дискуссий именно потому, что их статус оказывается двойственным: они одновременно и востребованы, и трудносовместимы с ценностными установками современности. В этом смысле конфуцианство предстаёт как поле напряжённого взаимодействия между классическим наследием и глобальным этическим дискурсом и, следовательно, наша гипотеза заключается в том, что конфуцианство – это не продолжение классической традиции, а нормативно селективную реконструкцию, в которой этический потенциал сохраняется ценой утраты социальной конкретности.

Прежде чем обратиться к анализу этих реконструктивных процессов, необходимо хотя бы кратко обрисовать теоретический фундамент, на котором они строятся. Конфуцианство в его классическом понимании — это не философия в узко западном смысле и не религия в привычном для христианской традиции значении. Это сложная этико-нормативная система, включающая в себя ритуал (ли) как способ упорядочивания жизни, моральное самосовершенствование как путь становления личности, иерархию и социальную роль как основу гармоничного общежития. Как подчёркивает Хаймурзина М. А, «основой этой синкретической целостности выступало религиозное мировоззрение[1], однако эта религиозность не сводилась к вере в персонифицированное божество, а проявлялась в ритуально-обрядовой стороне жизни и в понимании неба как источника нравственного порядка. Базовые идеи, важные для нашей темы, зафиксированы уже в ранних памятниках. В «Лунь юе» Конфуций связывает внешнее ритуальное действие с внутренним нравственным качеством: «Если человек не обладает жэнь (человеколюбием), что ему

[1]Хаймурзина М. А. Интерпретация религиозных оснований конфуцианства в конфуцианской мысли и религиоведении Китая XX — начала XXI вв.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14 / Хаймурзина, Марина Ахатовна; 2014. С. 7.

делать с ритуалом?»[1] Мэн-цзы, в свою очередь, развивает учение о врождённой доброте человеческой природы, утверждая, что «чувство сострадания есть одно из четырех основополагающих начал человеколюбия»[2] Именно эта антропологическая оптика — вера в возможность нравственного совершенствования каждого человека — становится краеугольным камнем последующих реконструкций.

Центральное понятие, которое позволяет продвинуться в анализе, — это сама «реконструкция» как селективный отбор и переработка элементов традиции в соответствии с новыми культурными и социальными запросами. Важно подчеркнуть: реконструкция не означает полного разрыва с прошлым. Напротив, она предполагает активное переосмысление наследия, при котором одни элементы возводятся в ранг универсально значимых (например, идея гармонии или самосовершенствования), тогда как другие — жёсткая патриархальная иерархия, гендерная асимметрия, представления о незыблемости социальных различий — либо замалчиваются, либо интерпретируются как исторически преходящие, не имеющие отношения к «сущности» конфуцианства. В этом смысле современное конфуцианство — это не возврат к «чистому» учению древности, а результат сложного взаимодействия между классическими текстами, современными идеологическими запросами и глобальным этическим дискурсом. Так, например, выдающийся представитель современного конфуцианства Ту Вэймин делает акцент на «имманентной трансцендентности» конфуцианства, видя в нём не столько социальную доктрину, сколько ресурс для духовного развития личности. В своей работе «Centrality and Commonality» он утверждает, что конфуцианская религиозность заключается не в вере в персонифицированное божество, а в «предельном самосовершенствовании» человека, направленном на достижение единства с Небом[3]. Подобная интерпретация, безусловно, является реконструкцией, поскольку в классических текстах акцент на «самосовершенствовании» (сю шэнь) был неразрывно связан с конкретными социальными ролями и иерархическими отношениями. Здесь же происходит десубстанциализация этих ролей и их превращение в универсальные экзистенциалы.

Этический потенциал конфуцианства в рамках такой реконструкции действительно трудно переоценить. Традиция предлагает стройную систему воспитания, моральной дисциплины, уважения к семье и обществу, ответственности и социального согласия. Не случайно в Китае на протяжении столетий именно конфуцианские ценности служили основой

---

[1]Конфуций. Лунь юй /пер. с кит., вст. статья и комм. Л. С. Переломова. Москва: Восточная литература, 1998. С 24.

[2]Мэн-цзы. /Пер. с кит. В. С. Колоколова / Под. ред. Л. Н. Меньшикова. - Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 55.

[3] Tu Weiming. Centrality and Commonality: An Essay on Confucian Religiousness. – Albany: State University of New York Press, 1989. - C. 94.

для формирования государственной идеологии и повседневной морали. В современном дискурсе этот потенциал часто актуализируется через обращение к таким понятиям, как «сыновья почтительность» (сяо), «человеколюбие» (жэнь) и «ритуал» (ли). При этом важно подчеркнуть, что конфуцианство сохраняет ценность не как «готовая государственная модель» (поскольку попытки прямого переноса древних институтов в современность заведомо обречены на провал), а именно как этический и культурный ресурс. Например, идея «человеколюбия» как способности поставить себя на место другого (шу) может служить основой для современной дискуссии о социальной справедливости и межличностной эмпатии,.не требуя при этом восстановления феодальной иерархии. Однако именно здесь обнаруживаются первые серьёзные напряжения.

Переходя от позитивного описания к анализу ограничений, мы видим, что конфуцианская модель с трудом совмещается с современными представлениями о равенстве, автономии личности, правовом универсализме и свободе индивидуального выбора. Классические тексты, как уже отмечалось, фиксируют иерархические отношения не только как данность, но как норму. Например, в «Лунь юе» Конфуций замечает: «Женщины и слуги труднее всего поддаются воспитанию». Хотя современные

интерпретаторы стремятся смягчить такие высказывания, приписывая их историческому контексту, дают разъяснения этих нюансов во избежание обвинения конфуцианства течением, признающим жесткое социальное неравенство. При этом фундаментальная проблема остаётся: может ли конфуцианство сохранять свою нормативную силу, не превращаясь при этом в устаревшую иерархическую систему? Если попытаться адаптировать конфуцианство к либеральным ценностям, возникает риск утраты его специфики; если же настаивать на аутентичности, то неизбежен конфликт и с современными правовыми и этическими стандартами, закреплёнными в международных документах по правам человека.

В современной литературе есть несколько основных подходов к оценке конфуцианства, согласно ним по-разному решается это напряжение. Сторонники позитивного подхода (Ту Вэймин, представители «бостонского конфуцианства») рассматривают конфуцианство как жизнеспособную моральную традицию, предлагающую альтернативу западному индивидуализму. Так, конфуцианство сохраняет значение, прежде всего как система моральной самодисциплины и общественной ответственности. Как отмечает М.А. Хаймурзина, Ту Вэймин подчёркивает, что «конфуцианская религия — это культурно-исторический феномен», который трансформировался в «конфуцианскую традицию», но не утратил своей

религиозной основы[1]. Представители критического подхода акцентируют напряжение между конфуцианской иерархией и современными идеями личности, равенства и свободы. Эта позиция особенно полезна, поскольку она помогает не сглаживать трудные места, а делать их предметом анализа. Наконец, существует и третий взгляд, согласно которому конфуцианство в современном Китае используется в первую очередь как инструмент культурной легитимации политического режима и национальной идентичности. Как отмечает М. А. Хаймурзина, в материковом Китае сегодня «активно обсуждается тема возрождения конфуцианства в контексте трансформации современного общества»[2].

Здесь конфуцианство выступает не столько как живая этическая система, сколько как символический капитал, позволяющий китайскому государству укрепить свою легитимность через апелляцию к «традиционным ценностям». Мой же взгляд на эту тему одновременно и схож с последней точкой зрения и отличен от нее. Я так же, как и Хаймурзина признаю теоретическую возможность и фактическую необходимость в реконструкции конфуцианства, предопределяемой современными потребностями общества. Однако я рассматриваю его возрождение не как способ легитимации власти, а как средство культурного обогащения этноса, повышения его нравственной осведомленности, что может, несомненно, положительно сказаться на таких социально-экономических показателях и феноменах, как преступность, безработица, возможность и желание людей достигать различных социальных благ и ценностей легальным путем и, как результат, все это может хорошо сказаться на повышении как индивидуального, так и общественного благосостояния.

Спор между этими подходами по сути сводится к вопросу: конфуцианство — это живая система, исторический реликт или же инструмент политической идеологии? Очевидно, что эти позиции не исключают друг друга полностью, но они задают разные ракурсы анализа. Прежде всего, это показывает, что конфуцианство не исчезло — оно продолжает существовать, но не в каноническом виде. Мы имеем дело с частично адаптированной традицией, в которой акцент смещён с ритуальной регламентации на этическое воспитание и социальную гармонию.

Главный ресурс конфуцианства сегодня — это его этико-воспитательная функция, способность формировать чувство общности и ответственности. Главное же ограничение — глубокое напряжение с

[1]Хаймурзина, М. А. Интерпретация религиозных оснований конфуцианства в конфуцианской мысли и религиоведении Китая XX — начала XXI вв.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14 / Хаймурзина, Марина Ахатовна; 2014- С. 6.

[2]Там же. С. 5.

современными нормами автономии личности и равенства. Показательно, что даже такие, казалось бы, универсальные концепты, как «сыновья почтительность» (сяо), в современных интерпретациях часто лишаются своего патриархального содержания и переосмысляются как общий принцип уважения к старшим и заботы о них. Однако удаётся ли при этом сохранить специфику конфуцианского понимания личности как изначально включённой в сеть социальных отношений? Это остаётся открытым вопросом.

Подводя итог, можно сказать, что конфуцианство следует рассматривать не как полностью завершённую и универсальную модель, а как традицию с высоким нормативным потенциалом, но с чётко видимыми пределами адаптации. Вопрос заключается не в том, является ли оно религией в западном смысле, а в том, какую часть традиции современность способна принять, а какую вынуждена переосмыслить или вовсе отвергнуть. И в этом смысле реконструкция конфуцианства — процесс неизбежный и плодотворный, но он требует честного признания существующих противоречий, а не их наивного сглаживания. Будущее конфуцианства в значительной степени зависит от того, сможет ли оно предложить внятные ответы на вызовы гендерного равенства, прав человека и индивидуальной автономии, не утратив при этом своего этического ядра. В противном случае оно рискует остаться либо музейным экспонатом, либо инструментом политической риторики, лишённым реального влияния на жизнь людей.

Научная статья
УДК 340.1

ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ ТЕОРИЙ

Михаил Петрович ПЛАСТИНИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
michael.plastinin@yandex.ru

Научный руководитель: профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация правопонимания в условиях общества постмодерна. Показывается, как традиционные концепции права адаптируются к современным реалиям. Особое внимание уделяется диалогическому характеру постклассического правопонимания, интегрирующему лучшие элементы классических подходов.

Ключевые слова: постклассическое правопонимание, юснатурализм, юридический позитивизм, социология права, диалогическая концепция права

Современное человечество оказалось в ловушке надстроек и предубеждений, надежд и стремлений, возникших задолго до рождения тех, кто будет впоследствии их разбирать, анализировать и делать выводы из сложившейся ситуации. Отличительной чертой массового человека информационной эпохи стала рефлексивность, как постоянное осмысление (но не всегда «осмысленность») себя, своих действий и окружающих событий. Находясь в перманентном новостном потоке, обладая возможностью мгновенно передать символьное сообщение и выразить собственное мнение на околомировую аудиторию он одновременно существует в нескольких очагах общественного взаимодействия, которые кардинально разнятся меж собой. И с одной стороны это благо, поскольку чем многограннее личность, тем адаптивнее она к внезапным изменениями, но с другой… Не является ли это причиной глобальной запутанности сознания, приведшей к тому, что многие предпочитают выбирать не реальность, а компьютерный мир симулякров?

Неопределённость, вызванная обилием имеющихся знаний, только усугубляет и так шаткое положение социального общежития. Развивая науку, учёные прошлого стремились открыть универсальные законы мироздания, способные объяснить сущность окружающей реальности. Они пытались понять естество самого человека, его место в общественном прогрессе так, чтобы в конечном итоге направить его на путь ко «всеобщему благу». Однако, чем больше теорий выдвигалось, чем обширнее возникали амбиции по регуляции социума, тем к более непредсказуемым последствиям это приводило. Концепции социальной справедливости оказывались безосновательными ещё на этапе постановки практического вопроса: «А существует ли одинаковая справедливость для всех?» Нет, не существует. Равно как и понятие «свобода», в зависимости от языковой интерпретации может означать и эгоизм, и вольность, и право, ограниченное свободой другого.

Отсюда возникает довольно тревожная ситуация. Глобальные проблемы современности, ставящие под угрозу существование самого человечества, требуют усиленного контроля и принятия решительных действий со стороны правящих групп. Тем не менее за каждым их решением тянется множественная цепочка таких последствий (вызванная непредсказуемостью поведения крупных социальных систем), которые могут только усугубить текущее положение дел. «Риск в постсовременном обществе становится имманентным самому существованию»[1].

Исходя из критерия «общеобязательности», право необходимо обладает наибольшей функциональной значимостью (т.е. без него невозможно существование, нормальная деятельность и воспроизводство общества), а следовательно любые социокультурные преобразования так или иначе связаны с правом. Изменчивость социальной среды создаёт условия восприятия права не как «нерушимый монолит», а как постоянно обновляющийся, многогранный феномен. Именно поэтому правопонимание эпохи постмодерна, беря в расчёт представления классических юристов[2], должно искать новые пути в комплексном осознании сущности права.

Профессор И. Л. Честнов выдвигал деление типов правопонимания в зависимости от приоритета философского, социологического либо культурно-исторического критерия[3]. Причём при рассмотрении любого из данных типов следует помнить, что эти аспекты взаимодополняют, а отнюдь не отрицают друг друга. Целостное восприятие возникнет лишь при нивелировании недостатков каждого из них (умозрительности философского, аморфности социологического и узости культурно-исторического). Наиболее рельефно подобные элементы видны в традиционно сложившихся, классических, типах правопонимания: юснатурализме (теории естественного права), юридическом позитивизме и социологии права.

Теория классического юснатурализма исходит из аксиомы, что как только человек рождается, он обладает рядом прав и свобод, дарованных ему лишь по самому факту рождения. Отсюда следует, что естественные права незримы и проистекают из куда более глубоко-личностных истоков, чем позитивные. При изучении данного вопроса Р. Дворкин разделял понятия норм и принципов (последние из которых и формируют ядро первоначала естественных прав): «"Принципом" я называю такой стандарт, который следует соблюдать не потому, что он способствует изменению или сохранению некоторой экономической, политической или социальной ситуации, а потому что он выражает некоторые моральные требования, будь

[1]Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. с англ. С.П. Баньковской // Thesis. 1994. № 5. С. 117.

[2]Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. С. 83.

[3]Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. С. 356.

то требования справедливости, честности и т. д»[1]. Теоретик возрождённой естественно-правовой концепции указывал на чёткое разграничение между предписывающими результат нормами и неизменными принципами, которые лишь подталкивают человека на совершение действий.

Как можно понять, зерно постклассических идей в плодах естественно-правовой теории (хоть изначальной, хоть возрождённой) сокрыто во включении в понятие права морального элемента. Мораль придаёт «человеческое лицо» правопониманию, представляя право не как бездушный набор информации о должном поведении, а как «сплав, в котором следствия, выведенные из истории законодательной и судебной деятельности, переплетены со ссылками на общественные обычаи и соглашения»[2]. Кроме того, юснатурализм, в вопросе произрастания права, на ведущие позиции выдвигает именно саму человеческую сущность. Человек становится ключевым звеном в тонкой грани правовой реальности.

Тем не менее мораль, являясь «сущностно оспариваемым» понятием, не может быть единственным актором правопорядка в условиях современного мультикультурного социума. Постклассическая теория принимает во внимание основополагающее значение моральных принципов, однако она вовсе не утверждает об их универсальности. В научной парадигме постклассики неизменная рациональность естественных прав заменяется контекстуальным релятивизмом. Наполняя своё содержание ситуативной конкретикой, право перестаёт быть статичным. Человек представляется в нём не «сам по себе», а «сам, с точки зрения обобщенного Другого»[3].

На первый взгляд, юридический позитивизм, с его строгой формальной определённостью, научной сухостью и «огосударствлением» права, крайне разобщён с философией постклассического правопонимания. А позиция, выраженная Д. Остином ещё век назад (право — приказ суверена, снабжённый санкцией), и вовсе оказывается противной самому толкованию права в постклассике. Так что же, позитивистские учения стоит «сбросить с парохода современности», забыв о них раз и навсегда? Нет, ничуть нет.

Несомненно, тезис о формировании права государством является весьма сомнительным (начиная с того, что, как феномен, первое возникло раньше второго, и заканчивая тем, что реализация санкции следует лишь за нарушение запретительных норм), однако это совсем не говорит о бесполезности научных трудов позитивистов. Если «душой» правопонимания можно назвать социокультурные взаимодействия, то

[1]Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. Л.Б. Макеевой. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004. С.62.

[2]Там же. - С. 63.

[3]Честнов И. Л. Диалогическая методология юридической науки //Вестник Московского городского педагогического университета. - Сер. Право. - 2016. - № 1 (21). - С. 49.

бесспорно его «тело» состоит из догматики, основанной на фундаментальных позитивистских учениях. «Будучи теорией, оно стремится лишь к одному: познать свой предмет. Оно пытается ответить на вопрос, что есть право и как оно есть, но не на вопрос, как оно должно быть или создаваться. Оно есть правоведение, но не политика права», — отмечал Г. Кельзен, описывая собственную «Теорию чистого права»[1].

Наиболее обоснованным классическим подходом с постклассической точки зрения можно назвать социологию права. Она утверждает, что живое право существует не на страницах отраслевых кодексов, а в реальных общественных отношениях. Их непосредственные результаты позволяют судить об эффективности тех или иных правовых норм, чья многогранность и динамичность обуславливается в непрекращающемся историческом и социокультурном контексте. Примат отношения над нормой в социологии права довольно схож с постклассическим процессом замещения объективности права на интерсубъективную коммуникативность. Право не то, что перестаёт считаться независимым от волеизъявления действующих субъектов, оно напрямую возникает из реализации их желания вступить в отношения (их действий и ментальных образов по этому поводу). «Если известные отношения действительно сложились, значит, создалось соответствующее право, если же был издан только закон или декрет, но соответствующих отношений на практике не возникло, значит, была попытка создать право, но эта попытка не удалась» — цитирует Е. Б. Пашуканиса профессор Л. И. Спиридонов[2]

Вобрав лучшее из всевозможных типов правопонимания, постклассика отразила все концепции через призму несовершенного современного мира, получив в конечном итоге «контекстуально (исторически и социокультурно) обусловленное, многомерное, включающее нормы, действия и ментальные образы, постоянно изменяющееся, человекоцентричное право»[3]. Но самое главное, в ней обрёл свой голос диалог между людьми, основанный на уважительном отношении к социально значимому Другому (который по сути и является обобщённым человеком). Именно в этом «разговоре», когда противоположные моменты права переходят и обуславливают друг друга и виднеется условие выживания всех.

---

[1]Кельзен Г. Чистое учение о праве 2-е изд / пер. с нем. М .В. Антонова и С.В. Лёзова / Санкт-Петербург: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 10.

[2]Спиридонов Л. И. Теория государства и права: учебное пособие. Москва: Фирма Гардарика, 1996. С. 92-93.

[3]Честнов И. Л. Постклассическая теория права … С. 366-367.

Научная статья
УДК 341

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ 1804 Г.

Максим Сергеевич РОГАНОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
roganov-2005@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент **Алексей Валерьевич ЕРЁМИН,** lucullus@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых основ брака и семьи во Франции согласно нормам Гражданского кодекса 1804 года. В работе анализируется переход от церковных обрядов к светской регистрации союзов и одновременное закрепление юридического главенства мужа над женой. Особое внимание уделено жестким возрастным цензам, порядку расторжения брака и специфике заимствованного из революционной эпохи института усыновления. Автор делает вывод, что систематизация семейного права Наполеоном позволила восстановить социальный порядок и создать долговечный правовой стандарт.

Ключевые слова: Кодекс Наполеона 1804 г., Гражданский кодекс 1804 г., брачно-семейные отношения, история французского права, история семейного права.

Принятие Гражданского кодекса 1804 года стало поворотным моментом в истории Франции, заложив светские основы регулирования частной жизни. Ключевой новацией Кодекса Наполеона стало признание брака гражданским договором, который регистрировался государством, а не церковью. Несмотря на прогрессивный характер, закон юридически закрепил патриархальную иерархию, наделив мужа статусом главы семьи и ограничив права женщины. Для создания прочного союза законодатель ввел строгие требования к возрасту и согласию сторон, фактически превратив семью в дисциплинированную ячейку общества. Как итог, эта правовая модель оказалась настолько продуманной, что десятилетиями служила образцом для формирования семейного права во многих странах мира.

В дореволюционный период во Франции женщина находилась в полной зависимости от «власти мужа», поэтому замужняя женщина считалась

юридически недееспособной. В период революции произошло признание женщины как самостоятельного субъекта в гражданских делах. К тому же, брак был равным: женщина могла свободно подать на развод. Он происходил по взаимному согласию. Наполеон же полностью рассматривал женщину в контексте воспроизводства населения и укрепления частной собственности, что требовало ее полной юридической зависимости от мужчины. Лишение женщины прав – стратегический шаг, который позволил установить патриархальный социальный порядок после ликвидации «революционного хаоса».

Как отмечает К.Д. Филимонова, основа нового права исходила из убеждения, освященного духом Просвещения с его верой во всесилие разума, в то, что путем планомерной и всеобъемлющей систематизации права можно заложить фундамент для построения общества на рациональных началах[1]. В контексте Кодекса 1804 года это стремление к упорядоченности воплотилось в строгой иерархичности семейного союза, где право выступало гарантом стабильности частной сферы. Подобная жесткая регламентация прав и обязанностей супругов была направлена на преодоление правового партикуляризма старого порядка и создание единого гражданского статуса. В конечном счете, юридическое закрепление главенства мужа и специфики родительской власти рассматривалось составителями не как дискриминация, а как необходимая опора для обеспечения прочности новой буржуазной семьи.

Законодатель установил четкие возрастные цензы для создания семьи: брачный возраст был определен в 18 лет для мужчин и 15 лет для женщин (ст. 144—146). До наступления указанного срока регистрация союза юридически не допускалась. При этом достижение брачного возраста не означало полной автономности в принятии решения: согласно статье 148, мужчины до 25 лет и женщины до 21 года обязаны были получить официальное согласие родителей. Несоблюдение данных императивных требований, равно как и нарушение установленной процедуры заключения союза, влекло за собой серьезные правовые последствия. В частности, статьи 180-185 ГК детально регламентировали основания и порядок признания такого брака недействительным, фактически аннулируя его юридическую силу.

Э.Д. Миронова подчеркивает, что правами и обязанностями обладает не только мужчина, но и женщина[2]. При обращении к статьям 212—214

[1]Филимонова К. Д. Правовое регулирование брачно-семейных отношений по гражданскому кодексу Наполеона 1804 г / К.Д. Филимонова // Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник науч. трудов конф., Ростов-на-Дону, 06 декабря 2024 г. Ростов-на-Дону: Ростовский госуд. эконом. ун-та (РИНХ), 2025. С. 384.

[2]Миронова Э. Д. Особенности брачно-семейных отношений в гражданском кодексе Франции 1804 года / Э.Д. Миронова //Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей 78-й науч.-

Гражданского кодекса 1804 года становится понятно, что законодатель выстраивал модель семейных отношений на принципах взаимности, хотя и в рамках жесткой патриархальной иерархии. Согласно тексту Кодекса, супруги обязаны проявлять взаимную верность, оказывать друг другу помощь и поддержку. Тем не менее, правовой статус сторон существенно различался: закон прямо обязывал мужа оказывать покровительство своей жене, в то время как на женщину возлагалась обязанность беспрекословного повиновения супругу.

Кроме того, личная зависимость жены подкреплялась нормами о месте жительства – она была обязана следовать за мужем и проживать там, где он сочтет нужным. В свою очередь, на мужчину ложилось материальное обеспечение семьи: он был обязан принимать жену в своем доме и предоставлять ей все необходимое для жизни, исходя из своих финансовых возможностей и социального положения. Таким образом, Кодекс Наполеона юридически оформил семью как союз, основанный на распределении ролей, где формальная защита прав женщины была неразрывно связана с ее правовой подчиненностью главе семейства.

Как считает Н. А. Какоурова, согласно ст. 231 ГК супруги могли требовать развода по обоюдному согласию вследствие злоупотребления, грубого обращения или тяжелых обид одного из них по отношению к другому[1]. К тому же, основанием для развода могло стать прелюбодеяние жены[2]. Жена же, в свою очередь, могла подать на развод лишь в исключительных случаях, например, если муж открыто содержал любовницу в их общем семейном доме.

Помимо процедуры развода, правопреемственность брачных уз прерывалась вследствие естественной смерти одного из супругов. Самостоятельным и специфическим для той эпохи основанием прекращения брака выступало вступление в законную силу судебного приговора, влекшего за собой гражданскую смерть одного из членов союза. Данный правовой институт фактически приравнивал осужденного к умершему в гражданско-правовом смысле, что автоматически аннулировало все его семейно-правовые связи и обязательства. Таким образом, законодатель допускал прекращение брака не только по воле сторон или в силу биологических причин, но и в качестве прямого следствия уголовного наказания, лишавшего лицо статуса субъекта гражданских прав.

практ. конф. за 2022 г. В 3-х ч. / Отв. за выпуск А.Г. Кощаев. Краснодар: Кубанский госуд. аграрный ун-т. Т. 3. С. 238.

[1]Какоурова, Н. А. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в буржуазном праве Франции (по Гражданскому кодексу Наполеона 1804 г.) / Н. А. Какоурова // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4 (47). С. 9.

[2]Французский гражданский кодекс 1804 года. Сборник документов / пер. И. С. Перетерского. - Москва: НКЮ СССР, 1941. С. 79.

Институт усыновления, впервые введенный в правовую систему Франции в революционный период, получил в Кодексе Наполеона строгую регламентацию, направленную на защиту интересов ребенка и стабильность семейного достояния. Согласно статье 343 ГК, процедура допускалась лишь при наличии веских мотивов и была доступна лицам, достигшим сорокалетнего возраста и не имеющим собственных законных детей[1]. По статье 369 факт усыновления подтверждался судебным решением после тщательного исследования дела в закрытом заседании, что гарантировало проверку добросовестности намерений сторон[2]. В конечном итоге усыновленный ребенок полностью приравнивался в правах к рожденным в браке, хотя его наследственные права ограничивались исключительно имуществом самого усыновителя, не затрагивая собственность его родственников.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что Гражданский кодекс 1804 года стал инструментом правовой реставрации патриархальных устоев, который ограничил либеральные принципы революционной эпохи. Наполеон систематизировал и унифицировал брачное-семейные отношения и гражданское право в целом, чего не было в полной мере реализовано в постреволюционной Франции.

[1]Там же. С. 105.
[2]Там же. - С. 113.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК. 341.1/.8

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНВЕНЦИЯ О БОРЬБЕ С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА 1999 г.

Анастасия Алексеевна АПАНОВИЧ[1], Янина Денисовна МОЛОДЦОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] anastasia_alexeyevna.aaa@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, mpleeva.ee@gmail.com.

Аннотация. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года впервые признала финансирование терроризма самостоятельным уголовным преступлением, которое должно расследоваться независимо от факта совершения террористического акта и гражданства его исполнителей. Несмотря активное участие государств и ратификацию международной конвенции, еще до вступления ее в силу выявлены системные проблемы правоприменения: формальное включение международных норм в национальное законодательство не означает на практике их инкорпорацию, а отсутствие универсальных механизмов принуждения снижает ее эффективность.

Ключевые слова: международный договор, террористический акт, финансирование терроризма, национальное право

Международный терроризм в современном мире представляет собой одну из наиболее опасных угроз международному миру и безопасности, приобретая поистине глобальный характер, поскольку террористические акты уносят тысячи жизней, способны дестабилизировать целые регионы, подрывают суверенитет государств и разрушают основы социально-экономического развития. Особую роль в поддержании террористической активности играет система финансирования, которая может осуществляться

в двух основных вариантах: во-первых, в выделении средств на совершение конкретного террористического преступления либо определённой серии таких деяний, а во-вторых, в передаче денежных ресурсов в распоряжение террористических структур, покрывая их нужды как вербовка и подготовка новых участников, идеологическая пропаганда, приобретение оружия и технического оснащения, а также поддержание элементарной жизнедеятельности самой организации. Представители террористического «подполья» эксплуатируют национальную финансовую систему наравне с прочими криминальными элементами, стремясь максимально затруднить для подразделений финансовой разведки идентификацию происхождения денежных средств. В связи с этим на глобальном уровне формируются универсальные подходы к борьбе как с отмыванием преступных активов, так и с финансированием терроризма.

В условиях сохраняющейся высокой интенсивности террористической опасности становится очевидным, что ни одно государство, вне зависимости от его мощи, географического положения или политического строя, не способно в одиночку противостоять этой угрозе. Эффективная борьба с террористическими актами возможна лишь при условии объединения усилий всех членов международного сообщества. Более того, к концу XX в. мировое сообщество, глубоко обеспокоенное «эскалацией актов терроризма во всех его формах и проявлениях по всему миру» осознало, что существующие многосторонние правовые документы не рассматривают финансирование терроризма в качестве самостоятельного преступления. Важным инициатором подготовки нового документа по борьбе с финансированием международного терроризма стала резолюция Генеральной Ассамблеи № 51/210 от 17 декабря 1996 г., которая прямо призвала государства «предпринять шаги, с тем чтобы воспрепятствовать и противодействовать ... финансированию террористов и террористических организаций»[1]. Итогом работы Специального комитета, созданного для восполнения этого пробела, стала Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., которая вступила в силу 10 апреля 2002 г. после ратификации 22 государствами. На сегодняшний день участниками Конвенции являются 189 государств, что свидетельствует о её практически всемирном признании.

Примечательно, что, работая над текстом Конвенции 1999 г., термин «финансирование терроризма» использовался в широком и в узком смысле слова. Так, в широком смысле слова финансирование террористической деятельности представляет собой сложное социально-экономическое явление, распространенное на территории многих государств,

[1]Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН: Заключена в г. Нью-Йорк 9 декабря 1999 г. // ООН. Сборник документов. 2000. Т. 12.

затрагивающее их интересы, заключающееся в оказании финансовой помощи отдельным лицам или их группам, а также организациям, сообществам или государствам для осуществления террористической деятельности, взаимосвязанное с другими видами криминальной активности и потому носящее отрицательный характер. В узком смысле слова «финансирование террористической деятельности» — это особо опасный вид преступности, состоящий из совокупности общественно опасных деяний по предоставлению финансовых средств отдельным лицам или их группам, организациям, сообществам или государствам для планирования, подготовки, организации и осуществления конкретно определенных преступлений террористического характера».[1]

Интересно отметить, что в ходе подготовки документа особые споры вызвала формулировка об освобождении от уголовной ответственности за действия, совершенные в ходе немеждународного вооруженного конфликта. Ряд делегаций настаивал на включении четкого разделения между «терроризмом» и «борьбой за самоопределение», что едва не поставило под угрозу принятие Конвенции. Однако консенсус был достигнут именно за счет смещения фокуса с политических оценок мотивов «преступников» (сепаратистов) на сугубо технический, финансовый аспект их деятельности, что позволило создать уникальный правовой инструмент, направленный не столько на осуждение идеологии, сколько на разрушение материального фундамента террора, заложив основу для будущих адресных финансовых санкций Совета Безопасности ООН в отношении «Аль-Каиды» или движения «Талибан».

Основополагающая роль Конвенции 1999 г. заключается в криминализации на международном уровне самого акта финансирования терроризма, независимо от того, был ли совершен террористический акт. Так, согласно п. 1 ст. 2 Конвенции определено, что преступлением признается «...умышленное предоставление или сбор средств любыми методами, прямо или косвенно», если они предназначены для совершения деяний, подпадающих под определение терроризма. В п. 3 ст. 2 установлено, что для признания деяния «…преступлением необязательно, чтобы средства фактически использовались для совершения теракта». Более того, пп. 4 и 5 ст. 2 распространяют уголовную ответственность на «…приготовление, соучастие и организацию совершения данного преступления». Конвенция также обязывает государства-участников «…внедрять механизмы выявления, блокирования и конфискации средств, связанных с терроризмом», создавая тем самым правовую основу для международного сотрудничества в этой сфере.

[1]Вахрушев Г. Е. Международно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 3. С. 65.

Российская Федерация, подписала Конвенцию 3 апреля 2000 г. Во исполнение взятых на себя обязательств, Россия ввела в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности». Согласно примечанию к ст. 205.1 УК РФ, под финансированием терроризма понимается «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения» ряда преступлений террористического характера. При этом понятие «средств» трактуется максимально широко, включая не только деньги, но и материальные средства (например, обмундирование, экипировку, средства связи и пр.)

Дальнейшую конкретизацию применения Конвенции и её судебного толкования обеспечило Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». В нем Пленум Верховного Суда подтвердил расширительный подход, разъяснив, что для квалификации деяния достаточно осознания лицом предназначения передаваемых средств для террористических целей, что полностью корреспондирует положениям Конвенции 1999 г. и позволяет эффективно привлекать к ответственности пособников, действующих вне прямых финансовых потоков. Анализ практики применения Уголовного Кодекса Российской Федерации позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, имплементация международного соглашения была проведена на высоком уровне, с почти текстуальным переносом ключевых определений в национальное право; во-вторых, норма ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает крайне суровое наказание вплоть до пожизненного лишения свободы, что свидетельствует об особой общественной опасности данного деяния.

Серьезной проблемой для сотрудничества правоохранительных органов стран-участников Конвенции 1999 г. остается нежелание государств предоставлять правовую помощь, например по запросам о блокировке счетов, на ссылки на банковскую тайну или используются как инструмент политического торга государств. Кроме того, Конвенция 1999 г., хоть и была дополнена последующими резолюциями Совета Безопасности ООН, но не имеет универсального механизма принуждения. Так, ООН и Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) могут лишь формировать «серые списки», но не могут напрямую требовать от суверенного государства ареста финансовых активов конкретных лиц, если на это нет национального судебного решения. В свою очередь, Совет Безопасности ООН 12 сентября 2001 г. в резолюции № 1368, касающейся событий 11 сентября в США, призвал международное сообщество «удвоить свои усилия по предотвращению и пресечению террористических актов,

в том числе путём расширения сотрудничества»[1]. Приведенная цитата иллюстрирует роль и значение Конвенции 1999 г., которая обеспечивает правовую основу для пресечения финансирования терроризма.

Таким образом, для улучшения международного сотрудничества нужно не только увеличить вовлечённость стран в международные договоры по борьбе с терроризмом под эгидой ООН, но и усилить двустороннее взаимодействие между ними. Кроме того, на наш взгляд, ООН следует активизировать работу над Всеобъемлющей конвенцией по борьбе с террористическими актами, идея которой давно обсуждается в кулуарах Организации и будет носить кодифицирующий характер, что укрепит существующую международно-правовую базу по борьбе с международным терроризмом и его финансированием.

Научная статья
УДК 341.01

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИКИ: СТАРЫЙ И НОВЫЙ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Медина Ширваниевна БИСУЛТАНОВА[1], Мария Алексеевна ХИЛЬКОВИЧ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] bisultanova.medina@bk.ru
[2] masahilkovic@gmail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, zeena68@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции правового режима Арктики от классического «секторного» подхода к попыткам нового переосмысления через категорию общего наследия человечества. Исследуются перспективы использования арктических пространств по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. На основе отечественной и зарубежной научной литературы формулируется авторская позиция,

[1] Резолюция 1368 (2001), принятая Советом Безопасности ООН на его 4370-м заседании 12 сентября 2001 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации.

согласно которой рано говорить о международно-правовом статусе Арктики, однако некоторые элементы модели общего наследия человечества могут использоваться для сотрудничества приарктических государств по справедливому распределению ресурсов моря и его дна и для сохранения уникальной экосистемы региона.

Ключевые слова: Арктика, экосистема, арктический сектор, общее наследие человечества, международное сотрудничество

Арктика в последние десятилетия превратилась из периферийного региона с отсталой экономикой и запущенной экологией в один из ключевых «тестов» глобальных экологических интересов и справедливого доступа к природным ресурсам[1]. Глобальное потепление климата, открытие новых навигационных маршрутов и оценка ресурсного потенциала арктического шельфа усилили конкуренцию приарктических государств и интерес «внешних» акторов, что обострило вопрос о правовом режиме арктических пространств[2].

На наш взгляд, правовой режим Арктики носит комплексный характер и складывается из норм международного морского права, региональных соглашений и национального законодательства приарктических государств. Значение центрального источника имеет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.). На региональном уровне важную роль играют Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 г., Соглашение о сотрудничестве по готовности и реагированию на загрязнение моря нефтью в Арктике 2013 г., а также Соглашение по научным исследованиям 2017 г., заключённые под эгидой Арктического совета[3]. Напомним, что Арктический совет создан по инициативе государств-участников и выступает центральной площадкой координации политических интересов заинтересованных сторон, а принятые в его рамках соглашения кодифицируют важные элементы специального режима сотрудничества в регионе[4].

Особое значение для определения правового статуса Арктики имеет Иллюиссатская декларация 2008 г., в которой все 5 приарктических государств подтвердили «достаточность» и эффективность Конвенции 1982 г. для правового регулирования Арктики и отвергли необходимость разработки всеобъемлющего Арктического договора по образцу

[1] Абдуллин А. Правовой режим Арктического региона в контексте военно-политического измерения арктических стратегий России и Канады // Международная жизнь. 2015. № 6. С. 157.

[2] Бебенов А. Г. Современный международно-правовой режим Арктики // Транспортное право и безопасность. 2023. № 2(46). С. 71.

[3] Быковский В. К. Правовой режим Арктики в контексте IV Международного арктического форума «Арктика - территория диалога» // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 105.

[4] Савченко М. С. Правовой режим Арктики: вопросы доктрины и практики // Вестник Санкт-Петербургской Юридической Академии. 2024. № 4 (65). С. 42.

Вашингтонского договора об Антарктике 1959 г. Тем самым был обозначен приоритет подхода «региональной конкретизации» универсального международного морского права над идеями полной «интернационализации» Арктики[1].

Российская арктическая доктрина традиционно исходит из того, что правовой режим Арктики основывается как на нормах универсального международного морского права, так и на признанных международным сообществом исторически сложившихся правооснованиях в отношении арктических территорий и морских пространств[2]. В официальных подходах подчёркивается невозможность механического переноса на Арктику экономико-правовых моделей, разработанных как для Антарктики, так и для отдельных районов Мирового океана, без учёта своеобразия и приоритетного положения прибрежных арктических держав[3]. Кроме того, ключевым инструментом реализации российской позиции стала ст. 76 Конвенции 1982 г. о статусе континентального шельфа и процедуре, предложенной Комиссией по границам континентального шельфа (КГКШ). Россия одной из первых представила в КГКШ заявку на установление внешних пределов континентального шельфа в Арктике, обосновывая естественную протяжённость континентальной окраины вдоль хребта Ломоносова и хребта Менделеева как материковой границы континентального шельфа. Аналогичные заявки о границах своего шельфа впоследствии подали Дания и Канада[4].

В современной международной практике прямые апелляции к «закреплённым секторам» немногочисленны, однако элементы секторного подхода продолжают проявляться в аргументации относительно «исторически сложившихся правооснований» и «особого статуса» арктических владений. Напомним, что старый подход, основанном на секторальной теории деления Арктики сформировалась в начале XX в. в ходе открытия полярных пространств. В Советском Союзе она получила нормативное закрепление в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. Впоследствии собственные территориальные претензии выдвигали и другие арктические государства, что позволило говорить о формировании международного обычая по формированию границ арктических секторов, вершиной которого был Северный полюс,

[1] Морозов А. И. Актуальные вопросы правового режима Арктики // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 2. С. 139.

[2] Стрельникова И. А. Эволюция российской политики в Арктике сквозь призму нормативного регулирования // Вестник Томского государственного университета. Сер. Право. 2024. № 54. С. 82.

[3] Юрчук В. С. Особенности правового режима Арктики // Современная наука. 2015. № 1. [Электронный текст] Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-rezhima-arktiki (дата обращения: 28.03.2026).

[4] Жудро И. С. О применимости секторального принципа к разграничению дня Северного Ледовитого океана // Государство и право. 2020. №3. С. 155.

а основанием — побережье приарктического государства. Секторный подход применялся прежде всего к вопросам о суше и островным территориям внутри сектора[1].

На современном этапе, несмотря на формальное признание Россией правового режима Конвенции 1982 г., отказа от секторной концепции как части доктринального обоснования национальных интересов в позиции российского МИДа официально не происходило. Канада также продолжает опираться на идею «канадского сектора» в политическом дискурсе. Другие арктические государства (Норвегия, Дания) проявляют большую осторожность в использовании языка «секторов», предпочитая ссылаться на нормы Конвенции 1982 г. и двусторонние соглашения. США, напротив, активно «игнорируют» секторный подход в решении сложных международных вопросов по арктическим пространствам. Таким образом, можно сказать, что в настоящее время значение секторного подхода заключается не в прямом «делении» Арктики по меридианам, а в поддержке аргументации приарктических государств о приоритетной роли их интересов и «исторического элемента» в формировании правового режима региона. При этом, отечественные авторы по-разному оценивают сохранение секторного подхода. Одни рассматривают его как «…важный элемент регионального обычая и позитивно оценивают сочетание секторальной доктрины с режимом континентального шельфа по Конвенции 1982 г.», другие ученые подчёркивают, что формальное закрепление прав на морские пространства и дно должно осуществляться исключительно через механизм исключительной экономической зоны и континентального шельфа, а секторный подход допустим лишь как «…политико-географическая метафора», а, например, И.С. Жудро отмечает смещение акцента от «секторов» к критериям естественного продолжения континентальной окраины для интерпретации норм морского права в Арктике.

Категория общего наследия человечества (*common heritage of mankind*) возникла как попытка преодолеть ограниченность классических концепций *res nullius* и *res communis* применительно к пространствам, выходящим за пределы национальной юрисдикции. Она получила нормативное закрепление в Договоре по Луне 1979 г., а затем — в части XI Конвенции 1982 г., устанавливающей специальный режим Международного района морского дна. Согласно Конвенции 1982 г., ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права над любой частью «Района» и его ресурсами, а деятельность должна осуществляться с учётом интересов развивающихся государств и будущих поколений землян.

[1] Там же.

Новые подходы в определении правового положения арктических пространств основаны на идее придания арктическому дну статуса общего наследия человечества, что особенно важно в контексте опасений «гонки за ресурсами» и необходимости усиленной экологической защиты. Ряд зарубежных авторов полагает, что центральная часть Северного Ледовитого океана могла бы подпасть под международно-правовой статус, однако практическое применение этой модели сталкивается с серьёзными препятствиями. В частности, российские исследователи указывают, что подобные предложения объективно направлены на ограничение суверенных прав приарктических государств, уже закреплённых в Конвенции 1982 г. Вместе с тем отмечается, что отдельные элементы концепции общего наследия — принципы справедливого распределения выгод, обязательства по охране окружающей среды и учёту интересов неарктических государств — могут учитываться при разработке специальных режимов деятельности в центральной части Северного Ледовитого океана. С другой стороны, в обозримой перспективе Концепция общего наследия человечества в её «жёстком» варианте вряд ли будет применена к Арктике в полном объёме, но её отдельные элементы де-факто уже проникают в арктическое регулирование.

С нашей точки зрения, отражая реальную динамику международных привилегий и обязательств государств в Арктике необходимо сочетание «старого» секторного подхода и «нового» подхода через общее наследие человечества. В частности, секторальная доктрина сохранила значение в качестве обоснования приоритетной роли приарктических государств в развитии региона, но в сфере разработки ресурсов морских пространств и морского дна её вытеснил режим континентального шельфа по Конвенции 1982 г. Иными словами, перспективной видится не замена одного подхода другим, а формирование гибридной модели, в которой права приарктических государств на континентальный шельф и исключительную экономическую зону сочетаются с усиленными международными обязательствами по охране окружающей среды, справедливому распределению выгод и учёту интересов всего международного сообщества. На прикладном уровне такое сближение может проявляться в разработке специальных соглашений о научных исследованиях и охраны морской среды Северного Ледовитого океана за пределами подтверждённых внешних границ континентального шельфа, а также в практике добровольного моратория на добычу в особо уязвимых районах[1].

Проведённый анализ показывает, что правовой режим Арктики сформировался как результат наложения нескольких правовых слоёв

[1] Корнеев К.А., Кистанов В.О. Интересы Японии в Арктике и перспективы сотрудничества с Россией // Восточная Азия: факты и аналитики. 2024. №4. С. 89—91.

регулирования: практики освоения арктических секторов, кодификационной конвенции по международному морскому праву, региональных соглашений по отдельным вопросам сотрудничества и национальному законодательству приарктических государств. Таким образом, в условиях резкого ухудшения межгосударственного диалога приарктических государств и исключения России из Арктического Совета в 2022 г. необходимо максимально внимательно отстаивать интересы России в рамках Конвенции 1982 г. при одновременном постоянном мониторинге инициатив стран НАТО, направленных на укрепление «общего интереса человечества» в Арктике — прежде всего в сфере военно-политического сотрудничества, охраны окружающей среды и научно-исследовательской деятельности третьих государств. Только такая взвешенная стратегия позволяет обеспечить баланс национальных, региональных и глобальных интересов, что является ключевым условием стабильности и предсказуемости развития Арктики в долгосрочной перспективе.

Научная статья
УДК 341.1/8

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

Юлия Михайловна ГРАНКИНА[1], София Андреевна ПЕТРОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. Авторы исследуют некоторые актуальные вопросы «выживания» российского бизнеса на международной арене в условиях беспрецедентных санкционных ограничений, введённых против России после начала СВО в феврале 2022 г. Авторы анализируют тенденции трансформации некогда единого экономического пространства под влиянием проевропейских санкционных режимов, которые нацелены на ключевые сектора экономики Российской Федерации. Особое внимание уделяется новым стратегиям российских компаний, стремящихся сохранить

своё международное присутствие, ориентирам их правовой навигации при соблюдении противоречивых санкционных норм.

Ключевые слова: международная торговля, экспортно-импортные контракты, санкции, российский бизнес

Начиная с 2014, а особенно после начала СВО с февраля 2022 г. против Российской Федерации были введены беспрецедентные и комплексные по своему масштабу международные санкции. Эти неправомерные, с точки зрения международного права, меры, которые рассматриваются как нарушение публичного порядка и ущерб суверенитету государства[1], нацелены на глубокую трансформацию ключевых секторов российской экономики и со временем создали объективно серьезные риски и ограничения для современной России, при этом существенно изменив европейское экономическое пространство в целом. Однако, вопреки первоначальным пессимистичным прогнозам, российский бизнес демонстрирует исключительную степень адаптивности и устойчивости. На контрпродуктивный и, по сути, бессмысленный характер «санкционной войны» с Россией указано руководством страны[2], аналогичные оценки «санкциям» дают эксперты, причём не только отечественные, но также и западные аналитики[3]. На сегодня можно с уверенностью сказать, что, органично развивая эффективные правовые и стратегически наукоемкие решения, отечественные компании продолжают успешно функционировать и развиваться на международной арене, подтверждая свой инновационный и конкурентоспособный потенциал. Именно поэтому изучение механизмов успешной адаптации, правовых стратегий и фактической устойчивости российских компаний в современных условиях приобретает первостепенное научное и практическое значение.

К сожалению, международные санкции против России охватили широкий спектр сфер: от исключения ряда российских банков из системы SWIFT и замораживания финансовых бюджетных и корпоративных активов до прямых запретов на экспорт критически важных для российской экономики сырьевых и высокотехнологичных товаров, включая компоненты, необходимые для медицинской, авиационной и космической

[1]Бекяшев К. А. Международное право : учебник для бакалавров. – Москва : Проспект, 2020. С. 425.

[2]Совместная пресс-конференция Владимира Путина с Президентом Финляндии Саули Ниинистё (22 авг. 2018 г.). – [Электронный ресурс] – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58347 (дата обращения: 25.03.2026 г.).

[3]Лобанов С. А. Правовое обеспечение международных проектов российских компаний ТЭК в условиях санкционных ограничений : экспертно-аналитический доклад / С. А. Лобанов, В. Ю. Соглоба, И. И. Гудков [и др.] ; под ред. С. А. Лобанова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации. Москва : МГИМО-Университет, 2025. С. 34.

промышленности. Значительные ограничения были введены и на импорт российских энергоресурсов в страны ЕС и США[1].

В ответ на санкционное давление, Российская Федерация предприняла комплекс контрмер и внутренних адаптационных механизмов, направленных на поддержание макроэкономической стабильности и обеспечение устойчивости отечественного бизнеса. К таким механизмам можно отнести участие российских компаний в международных стратегических альянсах, обусловленных возможностью объединения ресурсов и компетенций партнеров для достижения общих стратегических целей при сохранении юридической самостоятельности[2]. Ключевые законодательные инициативы, разработанные для смягчения внешнего воздействия, включают многие правительственные меры, в том числе например, Указ Президента от 18.03.2022 №16 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» 2022 г., который, в частности, посредством установления временного режима обязательной продажи части экспортной валютной выручки помог урегулировать сложные валютные операции. Другим важнейшим стратегическим направлением государственной политики после 2022 г. стало стимулирование импортозамещения и активное развитие отечественных производственных мощностей. Этот процесс подкреплен соответствующими государственными программами, льготным кредитованием и другими финансовыми инструментами. В результате, ряд российских компаний не только успешно удовлетворили внутренний спрос, но и освоили новые рынки, прежде всего, в азиатском регионе.

Российский бизнес, таким образом, продемонстрировал исключительную способность к вынужденной трансформации российских бизнес-моделей и правовых стратегий. Так, одним из наиболее ярких подтверждений адаптации является переориентация торговых потоков. По данным Федеральной таможенной службы, в 2023 г. зафиксирован значительный рост товарооборота с такими странами, как Китай, Индия и Турция. Это напрямую свидетельствует об эффективном поиске и освоении альтернативных рынков сбыта и источников импорта[3], что потребовало от компаний заключения новых, зачастую сложных контрактов с разработкой новых логистических цепочек.

---

[1]Решение Совета Европейского Союза № 2022/882 от 3 июня 2022 г., вносящее изменения в Регламент (ЕС) № 833/2014.

[2]Шалюгин Н. П. Адаптация стратегий управления международными альянсами в условиях санкционного давления: сравнительный анализ подходов в России и за рубежом // Вестник евразийской науки. 2025. №1S. С. 102.

[3]Статистические данные Федеральной таможенной службы Российской Федерации за 2023 год. [Электронный ресурс] – URL: https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/506657 (дата обращения: 12.03.2026).

Ключевую роль в обеспечении международной активности российских компаний в условиях санкций играют и новые правовые механизмы: инструменты защиты от иностранного давления и адаптации к ограничениям. К ним относятся выбор международных договоров[1], перенос споров в российские суды, принудительное исполнение контрактов, замена иностранного права российским, а также механизмы защиты активов от блокировок[2]. Так, несмотря на объективные ограничения, связанные с доступом к некоторым международным платежным системам, российские предприятия активно используют альтернативные методы расчетов со странами партнерами. Это включает операции в национальных валютах стран БРИКС+, а также применение специализированных финансовых инструментов. Показательным примером является существенный рост доли расчетов в рублях и юанях в экспортно-импортных операциях России с Китаем[3].

Учитывая тесные экономические и торговые связи России с другими странами, разрушение которых неизбежно приведет к негативным последствиям для каждой из сторон, можно сказать, что введение санкций стало абсолютно «тупиковым» решением международного конфликта[4]. Опыт работы с российскими внешнеторговыми контрактами в новых реалиях подчеркивает их сохраняющуюся актуальность. Даже в условиях санкционного давления, традиционные договорные инструменты остаются востребованными. Например, продолжает действовать ст. VII Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1967), гарантирующая права на промышленную собственность, обеспечивая российским компаниям возможность защищать свои изобретения, товарные знаки и промышленные образцы; ст. 79 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (1980)[5], в частности, положения, касающиеся освобождения от ответственности за неисполнение обязательств вследствие непреодолимых обстоятельств (санкций). Российский бизнес научился активно управлять этими рисками, включая в международные коммерческие контракты дополнительные положения, которые более четко определяют применимое право и порядок разрешения

[1]Богатырев М. Р., Тураева Д. С. Защита национальных интересов в правовой политике // Аграрное и земельное право. 2025. №1. С. 14.

[2]Лобанов, С. А. Правовое обеспечение международных проектов российских компаний ТЭК в условиях санкционных ограничений : экспертно-аналитический доклад / С. А. Лобанов, В. Ю. Соглоба, И. И. Гудков [и др.] ; под ред. С. А. Лобанова ; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации. — Москва : МГИМО-Университет, 2025. С. 73.

[3]Информация Банка России о структуре международных расчетов. [Электронный ресурс] – URL: https://www.cbr.ru/about_br/bankstructute/domr/ (дата обращения: 12.03.2026).

[4]Цепова Е. А. Беспрецедентное право: защита российской финансовой системы от влияния санкций // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. №3. С. 655-677.

[5]Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров: Заключена в г. Вене 11.04.1980 г.

споров, часто выбирая арбитражные процедуры в дружественных юрисдикциях (материковый Китай и Гонконг). Более того, сам факт сохранения и даже роста объемов экспорта в ряде ключевых отраслей (таких как экспорт продовольствия и удобрений, где Россия занимает одну из лидирующих позиций на мировом рынке) свидетельствует о высокой степени устойчивости бизнес-процессов и способности российских компаний выполнять свои обязательства, несмотря на внешнее давление.

К 2025 г. доля стран БРИКС и ЕАЭС во внешнеторговом обороте России достигла 65%, что отражает сдвиг географических приоритетов и формирование альтернативных центров экономического влияния. Успешные кейсы в различных секторах экономики показывают, что переориентация на новые рынки и создание технологических решений могут стать основой для устойчивого развития. Однако эксперты отмечают, что санкции могут иметь долгосрочный характер, и бизнесу необходимо продолжать адаптироваться к новым реалиям. Ключевыми факторами успеха остаются гибкость, инвестиции в технологии и кадры, а также умение сочетать различные легальные способы ведения бизнеса[1].

На наш взгляд, разработка и применение усовершенствованных эффективных правовых и экономических стратегий, быстрая переориентация рынков, освоение альтернативных финансовых инструментов и активное развитие внутренних производственных мощностей – всё это позволило отечественным компаниям не просто выстоять, но и продолжить свое успешное развитие. Этот феномен ярко подчеркивает не только зрелость российского предпринимательства, но и выявляет существенные финансово-экономические резервы для укрепления его позиций в будущем, что убедительно демонстрирует ситуацию, когда внешние ограничения могут стать мощным катализатором для развития новых инновационных бизнес-моделей, перспективность и силу российского делового сообщества.

[1]Сомова А. П., Виноградова Е. Д. Адаптация российского бизнеса к санкционному режиму в 2024—2025 годах // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 143.

Научная статья
УДК 341.9

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ СУДОХОДСТВА ПО СЕВЕРНОМУ МОРСКОМУ ПУТИ

Дарья Владимировна ДОЛИНА[1], Марлена Артышовна МИНЧЕЙ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры РоссийскойФедерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] dolina.dasha.24.06@mail.ru
[2] marlenamincej@gmail.com

Научный руководитель заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются экологические риски, связанные с интенсификацией судоходства по Северному морскому пути (СМП) условиях климатических изменений и таяния ледников в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ). Авторы анализируют дуализм правового регулирования арктической зоны: с одной стороны — международно-правовые механизмы, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., а с другой — национальные инструменты, закрепленные в российском законодательстве. Выявлены ключевые правовые пробелы СМП: отсутствие унифицированной ответственности за выбросы, низкая эффективность штрафных санкций, трудности доказывания трансграничного ущерба в удаленных акваториях и фрагментарность государственного надзора. Авторы приходят к выводу, что баланс между экономическим освоением СМП и сохранением арктических экосистем достижим только при условии совершенствования правовых гарантий института ответственности и перехода к принципам «синей экономики».

Ключевые слова: Северный морской путь, арктическая зона, экологические риски, международно-правовая ответственность, гражданская ответственность судовладельцев

Северный морской путь (СМП или Севморпуть**)** сегодня находится в центре внимания мирового сообщества как востребованная транспортная артерия из Азии в Европу, значение которой объективно возрастает в связи с глобальным изменением климата. Перспективность СМП состоит в

возможностях перевозок и торговли с заинтересованными государствами[1], поскольку его развитие может увеличить долю России в мировом транзите грузов и привести к росту бюджетного дохода[2]. Сегодня СМП привлекает инвестиции, международное сотрудничество и создаёт новые рабочие места. Интерес к его логистике проявляют арктические и неарктические страны, поэтому развитие инфраструктуры СМП - ключевой фактор для Арктической зоны Российской Федерации и мировой транспортной системы. Таким образом, арктический регион активно осваивается. Согласно указу Президента, в состав Арктической зоны Российской Федерации входят северные территории субъектов, прилегающие к Северному Ледовитому океану[3].

В настоящее время заметна тенденция увеличения судов в арктических водах, что обусловлено круглогодичной навигацией по Северному морскому пути. Согласно статистике Росатома, в 2025 г. объём грузоперевозок по СМП достиг наивысшей точки (37,02 млн тонн)[4] , а к 2030 г. планируется не только его увеличение, но и возрастание мощности портов[5]. Согласно планам развития Северного морского пути (СМП) к 2030 году, в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) в ближайшие десять лет будет реализована масштабная модернизация транспортной инфраструктуры: строительство новых объектов, углубление русла рек, создание речных и наземных коридоров, расширение регулярных российских каботажных рейсов, усиление ледокольного флота за счет ввода современных судов различных типов и другие меры.

Рост грузооборота по СМП неизбежно сопряжен с повышенными рисками загрязнения окружающей среды, значительными экологическими угрозами для морских экосистем, включая загрязнение акватории и прибрежных территорий от разливов нефти и других вредных веществ[6]. Рост трафика приводит к увеличению выбросов диоксида углерода и парниковых газов, а также к рискам аварий в сложных ледовых условиях. что требует усиления экологического контроля. Однако при прогно-

---

[1]Перспективы и трудности развития Северного морского пути. // Интернет-портал СНГ. 2024. 3 августа. [Электронный ресурс] URL: https://e-cis.info/news/569/120078/ (дата обращения: 17.03.26).

[2]Северный морской путь как флагманский проект России. // Сайт Российской академии транспорта. 2022. 26 мая [Электронный ресурс] URL: https://rosacademtrans.ru/ smp/ (дата обращения: 17.03.2026).

[3]О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 с изм. и доп. от 05.03.2020 г. //Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

[4]Объем перевозки грузов по СМП в 2025 г. составил 37,02 млн тонн. // Тасс URL: https://tass.ru/ekonomika/26475137 (дата обращения: 13.03.2026).

[5]Роман Старовойт рассказал сенаторам о роли транспортной отрасли в достижении национальных целей развития // Сайт Министерства транспорта 2024. 4 июня. [Электронный ресурс] URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11270 (дата обращения: 13.03.2026).

[6]Лагутина М. Л., Сбойчакова А. В. Обзор экологических рисков Северного морского пути (СМП) для морских экосистем и прибрежных территорий Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2024. №. 5. С. 193.

зировании развития СМП из всего многообразия факторов (экономических, геополитических и пр.), определяющих грузоперевозки в Арктическом бассейне фактору риска уделяется недостаточно большое внимание. В связи с чем особую актуальность приобретает анализ правовых механизмов ответственности, предусмотренных как международным, так и российским законодательством. Так, в настоящее время в международно-правовой доктрине и среди официальных кругов арктических государств преобладают три подхода: концепция полярных секторов, концепция интернационализации, а также подход, основанный на общем режиме морских пространств, закрепленном в Конвенции 1982 г. (конвенциональная теория), которая закрепляет принципы охраны, защиты и сохранения морской среды.

В российской арктической повестке правовое регулирование отражено в документах стратегического планирования. На национальном уровне это корреспондирует с режимом государственного экологического контроля в исключительной экономической зоне (далее-ИЭЗ) Российской Федерации и применением «норм, правил и мер по предотвращению, сокращению и удержанию под контролем загрязнения с судов», а также с особыми инструментами регулирования судоходства по Северному морскому пути, вытекающими из п.6 ст. 211 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.[1] В частности, Россия активно использует ст. 234 Конвенции («Покрытые льдом районы»), которая даёт прибрежным государствам право устанавливать повышенные экологические требования в ИЭЗ для защиты морской среды от загрязнения в районах со сложной ледовой обстановкой. Дополнительно применяются Конвенция МАРПОЛ 73/78, который регулирует предотвращение загрязнения с судов, включая нефть, сточные воды и выбросы, Международный кодекс для полярных вод (Полярный кодекс) 2017 г., разработанный в Международной морской организации (ИМО), устанавливает строгие требования к конструкции судов, предотвращению разливов и снижению выбросов[2]. Международные конвенции о гражданской ответственности, в частности такие как Международная конвенция 1992 г. о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью, Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом устанавливают пределы ответственности судовладельцев, но их эффективность в Арктике ограничена из-за суровых условий и сложностей доказывания трансграничного ущерба.

Российское законодательство гармонично сочетает нормы уголовного, административного и экологического права, устанавливая ответственность

[1]Петухов Д. В. Правовые механизмы защиты морской среды Арктики от загрязнения: российское законодательство и международные стандарты // Право и политика. 2025. № 10. С. 17.

[2]Там же. С. 18.

за загрязнение морской среды по ст. 252 УК РФ, а также за нарушения лицензионных требований в акваториях внутренних вод, территориального моря, континентального шельфа и исключительной экономической зоны по ст. 8.17 КоАП РФ, включая запрещенные сбросы сточных и нефтесодержащих вод. В этой связи ключевые изменения в регулировании судоходства по Северному морскому пути (СМП) были введены Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» от 28.07.2012 № 132-ФЗ, который дополнил Кодекс торгового мореплавания статьей 5.1, определяющей специальный порядок плавания в арктической акватории. Наконец, стратегические документы подчеркивают приоритет экологической безопасности: Стратегия развития Арктической зоны до 2035 г. предусматривает мониторинг, ликвидацию накопленного ущерба и адаптацию к климатическим изменениям, а План развития СМП до 2035 г. дополняет это мерами по снижению выбросов и загрязнения при перевалке грузов.

Принимаемые меры не предотвращают аварии судов в Арктике, что подчеркивает необходимость усиления превентивных мер, повышения штрафных санкций до уровня реального возмещения ущерба, цифровизации мониторинга с использованием спутниковых систем и дронов. В качестве показательных примеров служат авария танкера «Нордвик» в 2013 г., приведшая к разливу топлива в Баренцевом море и загрязнению 350 км² акватории, а также инцидент 2020 г. в Норильске с выбросом 21 тыс. тонн дизельного топлива, ставший крупнейшей техногенной катастрофой в российской Арктике за десятилетие. Экологические проблемы освоения Арктики и пути их разрешения требуют комплексного подхода с четко прописанной системой ответственности»[1]. Так, на примере Амурской природоохранной прокуратуры был предложен план о создании Полярный прокуратуры, которая регулировала бы надзор за соблюдением законодательства в Арктическом зоне[2]. Развитие СМП на принципах «синей экономики» предполагает баланс между экономикой и экологией: внедрение наилучших доступных технологий, обязательный мониторинг и переход на экологически чистые топлива.

Таким образом, достижение баланса между экономическим освоением Северного морского пути как глобального транспортного коридора и сохранением хрупкой арктической экосистемы возможно лишь при наличии надежных правовых гарантий ответственности. Укрепление механизмов

[1]Дуб С. Н., Шамилян Р. А., Аванесян Н. А. Экологические проблемы освоения Арктики и пути их разрешения // Epomen.Global. 2026. № 70. С. 76.

[2]Генпрокуратура создаст Полярную прокуратуру в связи с развитием Арктики // Тасс URL: https://tass.ru/obschestvo/4131033 (дата обращения: 20.03.2026).

международного и национального права, устранение существующих нормативных пробелов, а также повышение корпоративной ответственности судоходных компаний позволят минимизировать экологические риски и обеспечить устойчивое развитие Арктического региона.

Научная статья
УДК 341.9

ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТИВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СО СТРАНАМИ ЗАПАДА

Дарья Владимировна ДОРИНА[1]; Светлана Денисовна ШКЛЯРОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] daryadorina677@gmail.com;
[2] s-shklyarova@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются правовые механизмы защиты государственных активов Российской Федерации в условиях международных ограничительных мер и санкций стран коллективного Запада. Особое внимание уделяется незаконного использования механизмов юрисдикционного иммунитета, односторонних санкций, контрмер, и диверсификации резервов. Авторами определены перспективные шаги по защите интересов российского государства и российского бизнеса в новых политических условиях на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: государство, юрисдикция, иммунитет, санкции, судебная практика, защита активов

В условиях беспрецедентного санкционного давления, оказываемого на Российскую Федерацию с 2014 года, под угрозой оказались не только внешнеторговые и финансовые связи российского государства, но и сам институт государственной собственности. По оценкам Министерства финансов Российской Федерации, объём заблокированных за рубежом только государственных активов России, достиг 300 млрд долларов США,

основную часть которых составляют золотовалютные резервы Банка России[1].

На наш взгляд, в связи с применением в отношении нашей страны такого количества односторонних принудительных мер со стороны государств коллективного Запада был нарушен принцип суверенного равенства государств, закрепленный в Уставе ООН 1945 года, что повлекло дискриминацию в осуществлении власти одного государства в отношении другого, а также принцип иммунитета государства и государственной собственности, закрепленный в Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г. Кроме того, с правовой точки зрения данные меры противоречат действующим двусторонним соглашениям о взаимной защите капиталовложений, Протоколу № 1 к Европейской конвенции по защите прав и основных свобод человека 1950 г., международным соглашениям в рамках ВТО, соглашениям в рамках международных финансовых организаций системы ООН, а также норме международного обычного права о недопущении принятия государствами односторонних принудительных мер в финансовой сфере.

Согласно Конвенции ООН 2004 г. «иммунитетом» пользуются как иностранное государство, его органы, так и имущество, принадлежащее государству[2]. Однако несмотря на существующие международно-правовые нормы, западные страны и их союзники, инициировавшие введение односторонних санкций, развернули полномасштабную кампанию по фактической экспроприации российских государственных и частных активов, хранящихся в европейских и американских банках. Так, на Украине, согласно данным открытых источников, объектом национализации выступили 100 % акций Международного резервного банка, принадлежавших ПАО «Сбербанк», в Германии распоряжением Федерального сетевого агентства в сентябре 2022 г. было учреждено попечительское управление над долями НК «Роснефть» в компаниях Rosneft Deutschland GmbH и RN Refining & Marketing GmbH, через которые осуществлялся контроль над НПЗ PCK Schwedt (54,17 %), а также над заводами MiRo (24%) и Bayernoil (28,57%)[3]. В 2022 г. германские власти

[1] Минфин заявил о заморозке $300 млрд золотовалютных резервов из-за санкций [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. — URL: https://www.rbc.ru/economics/13/03/2022/622dd6ee9a7947081b63341c (дата обращения: 31.03.2026).

[2] Мельниченко Р.Г. Международное право: учеб. пособие. – Москва,: Солон-пресс, 2020. С. 53.

[3] Савенкова Д. Прощание с нефтью: как проходила «экспроприация» активов «Роснефти» в Германии // URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/09/19/941241-kakprohodila-ekspropriatsiya-aktivov-rosnefti-v-germanii (дата обращения: 31.03.2026).

национализировали Gazprom Germania GmbH, а польские — ввели внешнее управление на долю «Газпрома» в Europol Gaz [1].

В дальнейшем, 12 декабря 2025 г. Совет Европейского Союза анонсировал Регламент ЕС № 2025/2600, который установил бессрочную блокировку суверенных активов Центрального банка России, что не имеет аналогов в истории международных отношений. Регламент ЕС № 2025/2600 содержит два беспрецедентных положения. Во-первых, он вводит бессрочную заморозку активов Банка России, находящихся под юрисдикцией стран ЕС. Во-вторых, он полностью исключает возможность судебной защиты, включая исполнение любых судебных или арбитражных решений, принятых в связи с этими мерами [2]. По мнению В.В. Войникова, такой подход порождает коллизии как с национальным правом государств-членов, так и с правом самого ЕС, а также создаёт угрозу для права собственности Российской Федерации[3]. Более того, подобное решение «представляет собой серьезный вызов современному международному финансовому праву и системе международных отношений» в целом[4].

В ответ на данную меру Банк России 27 февраля 2026 г. инициировал судебное разбирательство в Люксембургском суде ЕС с целью оспаривания законности указанного Регламента. Дополнительным основанием для оспаривания служат процедурные нарушения: Регламент был принят не единогласным решением, а квалифицированным большинством голосов, тогда как ст. 215 Договора о функционировании ЕС требует единогласия для введения ограничительных мер в отношении третьих государств. Правовая позиция Российской Федерации базируется на фундаментальных принципах международного и европейского права: право юрисдикционного иммунитета государства и его Центрального банка, а также право на доступ к правосудию и неприкосновенности собственности. Сложившаяся ситуация, таким образом, актуализирует фундаментальную правовую проблему – отсутствие устоявшихся механизмов защиты государственного имущества в условиях отказа отдельных юрисдикций от соблюдения принципов суверенного иммунитета и верховенства права[5] и создаёт

[1] Германия национализирует Gazprom Germania, а Польша забирает во внешнее управление долю «Газпрома» в Europol Gaz // URL: https://journal.tinkoff.ru/news/takeover-of gazprom/ (дата обращения: 31.03.2026).

[2] Council Regulation (EU) 2025/2600 of 12 December 2025 on emergency measures addressing the serious economic difficulties caused by Russia's actions in the context of the war of aggression against Ukraine / [Электронный ресурс] // EUR-Lex.europa.eu : [сайт]. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32025R2600 (дата обращения: 31.03.2026).

[3] Войников В. В. Правовые аспекты использования странами ЕС доходов от российских суверенных активов //Балтийский регион. 2025. № 2. С. 39.

[4] Войников В. В. Указ. соч. С. 38.

[5] Банк России оспорил Регламент Совета Европейского союза от 12 декабря 2025 года в суде ЕС в Люксембурге // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413688046/ (дата обращения: 31.03.2026).

важный прецедент для оспаривания аналогичных ограничительных мер в будущем.

Наряду с защитой государственных активов Банка России не менее остро стоит проблема процессуальной доступности правосудия для российских частных структур, сталкивающихся с произвольными действиями наднациональных регуляторов в европейском правовом пространстве. Ключевой процессуальной проблемой, с которой сталкиваются российский бизнес и российское государство при обращении в суды стран Европейского Союза, является необоснованное и систематическое возведение барьеров на стадии допустимости исков, что фактически лишает их возможности добиваться судебной проверки законности применяемых мер по существу. Показательным примером, иллюстрирующим данное обстоятельство, служит продолжающееся разбирательство банка ВТБ, связанное с отзывом лицензии у его немецкого дочернего банка Ost-West Handelsbank (OWH) SE. Например, в августе 2024 г. Европейский центральный банк (ЕЦБ) в рамках реализации надзорных полномочий в Едином надзорном механизме (SSM) принял решение об отзыве банковской лицензии у дочернего банка ВТБ в Германии (Ost-West Handelsbank (OWH) SE). Попытка оспорить данное решение в Суде Европейского Союза окончилась отказом, основанием для которого послужил вывод Суда об отсутствии у заявителя права на обжалование. В декабре 2025 г. Банк ВТБ подал апелляционную жалобу в Суд Европейского Союза[1].

Данный кейс свидетельствует о том, что традиционная модель судебной защиты в национальных судах недружественных стран либо наднациональных органах ЕС на сегодняшний день не позволяет ни оперативно восстановить нарушенные права, ни обеспечить всестороннее рассмотрение правовых доводов по существу спора. Процессуальные барьеры, которые выстраивают суды стран Европейского Союза, фактически оправдывают произвольные действия надзорных органов, что делает судебные процессы заведомо неэффективными для защиты и охраны суверенных и связанных с ними частных активов.

Стоит обратить внимание на практику Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ), являющаяся важным источником правовой аргументации. В октябре 2025 г. по делу M.S.L. TOV против Украины ЕСПЧ признал, что «…заморозка активов без эффективного судебного контроля нарушает право на уважение собственности и право на эффективное средство защиты»[2]. Суд сформулировал международные стандарты,

[1] ВТБ подал апелляцию в Суд ЕС по делу о своем немецком дочернем банке //РИА Новости. 2026. 9 февраля. Режим доступа: URL: https://ria.ru/20260209/vtb-2073200135.html (дата обращения: 01.04.2026).

[2] ECHR. M.S.L. TOV v. Ukraine. Application no. 18049/18. Judgment of 15 October 2025. URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 01.04.2026).

имеющие значение для всех санкционных споров: заморозка активов является вмешательством в право собственности, требующим надлежащих процессуальных гарантий; государства обязаны обеспечить эффективный судебный контроль за введением санкций; отсутствие такого контроля само по себе составляет нарушение Европейской конвенции по защите прав и основных свобод 1950 г.[11] Следовательно, выработанные ЕСПЧ подходы могут быть использованы Банком России при рассмотрении его иска в Люксембургском Суде ЕС.

Наряду с попытками найти защиту в западных иностранных юрисдикциях российские суды формируют собственную практику. В деле компании Wintershall Dea GmbH Арбитражный суд города Москвы 25 ноября 2025 г. отказал в признании решения Суда Дубайского международного финансового центра, по которому России запрещалось продолжать разбирательство в Арбитражном суде города Москвы[1]. Российский суд указал, что такое решение направлено на вмешательство в деятельность российских органов власти и правосудия, что несовместимо с п. 7 ст. 2 Устава ООН, а также со ст. 10 и 118 Конституции Российской Федерации[2]. Данное дело демонстрирует последовательную позицию российских судебных органов по защите государственного суверенитета от попыток внешнего вмешательства во внутренние дела государства в особых политических условиях изоляции, в которые незаконно попала российская сторона.

Кстати, аналогичные проблемы защиты государственных активов возникают и у других стран, подвергшихся односторонним санкциям. Так, Иран после заморозки своих активов в 2012 г. активно использовал механизм оспаривания санкционных актов в национальных судах стран ЕС и США, добиваясь частичной разблокировки средств в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий[3]. Китай, столкнувшись с санкционными рисками, сделал ставку на диверсификацию валютных резервов и создание альтернативных платёжных систем (CIPS), а также активно использует национальные механизмы компенсации для защиты активов своих компаний за рубежом. Опыт этих стран подтверждает, что эффективная защита государственной собственности за рубежом требует комплексного подхода, сочетающего судебные, экономические и дипломатические инструменты.

---

[1] Российский суд признал решения суда Дубая вмешательством во внутренние дела //kommersant.ru: URL: https://www.kommersant.ru/doc/8251700 (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Арбитражный суд г. Москвы. Определение по делу № А40-92702/2025 от 20 ноября 2025 г. // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 01.04.2026).

[3]Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/1595858 (дата обращения: 01.04.2026).

Таким образом, практические механизмы защиты российских активов за рубежом в условиях «политизированного» правосудия могут быть сведены к пяти основным направлениям:

использование юрисдикционных иммунитетов на национальном уровне: на примере дела Wintershall Dea[1] российские суды последовательно отказывают в признании иностранных судебных решений, посягающих на права государства;

оспаривание санкционных актов Совета ЕС в Люксембургском суде Европейского Союза: примером является иск Банка России от 27 февраля 2026 г. об использовании официальной процедуры, позволяющей зафиксировать нарушения и создать прецедент;

применение контрмер со стороны потерпевшего государства в рамках института ответственности международного права: изъятие доходов от российских активов не может быть квалифицировано как правомерная контрмера, однако сама Россия вправе применять ответные меры — ограничение деятельности иностранных финансовых институтов, а также встречные ограничения на перемещение капитала, но с соблюдением принципов пропорциональности[2];

перевод российских активов в дружественные юрисдикции, в т.ч. размещение резервов в странах, не присоединившихся к санкционному режиму стран коллективного Запада, например, Китай, Индия, ОАЭ, Казахстан и др., что минимизирует риски блокировки, а использование национальных валют (юань, рупия, дирхам тенге, и др.) снижает зависимость от финансовых систем недружественных государств;

использование национальных механизмов компенсации, по примеру Федерального закона № 171-ФЗ (Закон Лугового). который позволяет российским лицам, пострадавшим от санкций, обращаться в российские суды с требованиями о компенсации убытков за счет имущества иностранных лиц на территории Российской Федерации. К 2026 г. в России сформирована устойчивая практика применения этого механизма. Дополнительно Указом Президента Российской Федерации № 442 от сентября 2024 г. установлен порядок компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации и Банку России недружественными действиями США за счет их имущества, находящегося на территории России[3].

Таким образом, в период 2025–2026 гг. произошел перелом в практике защиты российских государственных активов зарубежом: иск Банка России

---

[1]Определение Арбитражного суда города Москвы от 9 сентября 2025 г. по делу № А40-92702/2025-56-674 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=568517#ltyGhGVYfVMaAPNs (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Войников В. В. Указ. соч. С. 44.

[3] О специальном порядке компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации и ЦБ Российской Федерации в связи с недружественными действиями США: Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2024 г. № 442 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

в Суд ЕС создали новый прецедент в международно-правовой защите государственного имущества. Прецедентная практика ЕСПЧ также подтверждает, что односторонние санкции без эффективных процессуальных гарантий признаются нарушением права собственности. Кроме того, российские суды формируют самостоятельную практику защиты государственной и частной собственности, отказывая в признании иностранных судебных решений, направленных на вмешательство в деятельность государственных органов России. Иными словами, эффективная защита государственной собственности и финансовых активов зарубежом в новых политических условиях возможна только при комплексном применении следующих правовых инструментов: оспаривание санкционных актов в судах ЕС, отказ в признании иностранных судебных решений российскими судами на основе юрисдикционного иммунитета, применение ответных контрмер государства, диверсификация валютных резервов в пользу дружественных юрисдикций. Для успешной защиты государственной собственности за рубежом необходимо сочетание судебных и дипломатических инструментов, а также постоянный мониторинг изменений в международной и российской правовой практике.

Научная статья
УДК 341.1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ С СОВРЕМЕННОЙ РАБОТОРГОВЛЕЙ

Савелий Алексеевич ДОСТАВАЛОВ[1]; Милена Владимировна ШАЧИНОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия.
[1] Gogogobs26@gmail.com
[2]milena.shachinova@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается необходимость повышения эффективности международного сотрудничества по борьбе с современной работорговлей путём совершенствования международного и национального законодательства, эволюции международно-правовых дефиниций, адаптации

правовых норм к новым формам эксплуатации человека, усиления координации правоохранительных органов государств и модернизации механизмов защиты жертв в цифровую эпоху.

Ключевые слова: современное рабство, торговля людьми, принудительный труд, международное право, Палермский протокол, защита жертв, транснациональная преступность

Транснациональный характер современной работорговли и сопряженные с ней угрозы применения насилия, а также высокая латентность подобных преступлений обусловливают необходимость эффективного межгосударственного сотрудничества. В связи с этим особую значимость приобретает системный анализ действующих форм эксплуатации, объективная оценка масштабов криминального бизнеса по торговле «живым товаром» и выработка согласованных мер по защите прав потерпевших.

Оценка реальных масштабов современной работорговли осложняется ее высоким латентным характером. Многие факты скрываются от правоохранительных органов из-за страха жертв, их недоверия к властям и распространения коррупции[1]. Согласно совместным докладам Международной организации труда (МОТ), Международной организации по миграции (МОМ) и других профильных структур, в мире насчитываются десятки миллионов жертв современного рабства. Значительная часть из них подвергается принудительному труду, а другая часть приходится на принудительные браки, причем большинство пострадавших составляют несовершеннолетние девочки. Существенным фактором, влияющим на распространение этого явления, является региональная диспропорция. Наиболее высокие подушевые показатели фиксируются в Африке, в то время как наибольшее абсолютное число жертв наблюдается в Азии и Тихоокеанском регионе. География преступных потоков охватывает десятки стран-доноров, транзита и государств-реципиентов. Иными словами, современное рабство, подчеркивает О. М. Линькова, тщательно скрываемое, продолжает существовать вопреки всем декларациям прав человека[2].

Наиболее массовой современной формой эксплуатации человека остается принудительный труд, распространенный в сельском хозяйстве, строительстве и сфере услуг. Особую тревогу вызывает появление новых форм, связанных с развитием медицины. Дефицит донорских органов стимулирует формирование теневых транснациональных сетей так называемого

[1] Гордеева А. О. Международно-правовые основы борьбы с торговлей людьми //Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 4. С. 215.

[2] Линькова О. М. Сущность современного рабства //Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 65.

«трансплантационного туризма». Как отмечает А.М. Орлеан, в международном праве сформировалось самостоятельное направление по противодействию торговле людьми с целью незаконного изъятия органов[1].

Вместе с тем, история международно-правового запрещения работорговли насчитывает более двух столетий, начинаясь с решений Венского конгресса 1815 г. Первым универсальным договором в данной сфере стала Конвенция о рабстве 1926 г., которая определила рабство как состояние лица, в отношении которого осуществляются правомочия, присущие праву собственности. Уже после окончания Второй мировой войны важным этапом на пути искоренения этого явления стало принятие Конвенции ООН 1956 г. Ее значение заключается в расширении понятийного аппарата за счет включения таких смежных институтов «рабства», таких как «долговая кабала» и «крепостное состояние», что позволило охватить более широкий спектр общественно опасных деяний. Завершающим этапом формирования современной правовой конструкции по борьбе с торговлей людьми стало принятие Палермского протокола, как дополнения к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Палермский протокол впервые закрепил универсальное определение термина «торговля людьми», охватывающее вербовку, перемещение и эксплуатацию человека с использованием принуждения.

Аналогичные процессы систематизации международного «законодательства» развивались и на региональном уровне. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г., вступившая в силу в 2008 г., рассматривает это деяние как «…грубейшее нарушение прав человека и посягательство на достоинство личности». Конвенция Совета Европы закрепила принцип, согласно которому «жертвы» торговли не могут рассматриваться как преступники. Как подчеркивает И. Н. Лебединец, полиция и иные государственные органы обязаны взаимодействовать с пострадавшими исключительно как с жертвами, а не как с нарушителями закона или нелегальными мигрантами. Более того, государства-участники обязуются предоставлять пострадавшим психологическую и медицинскую помощь, временное жилье и содействие в получении компенсации[2].

На постсоветском пространстве правовой базой сотрудничества правоохранительных органов выступает Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми 2005 г. По мнению В. В. Нимировского, в рамках Содружества сформировалась системная работа по предупреждению и противодействию торговле людьми, а также по

[1] Орлеан А. М. Становление международно-правовой базы противодействия торговле людьми и отдельным видам эксплуатации человека // Наука. Общество. Государство. 2014. № 2 (6). С. 201.

[2] Лебединец И. Н. Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работорговлей и другими формами торговли людьми // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 3 (64). — С. 189.

оказанию помощи пострадавшим, включая несовершеннолетних[1]. Кроме того, в рамках СНГ в 2008 г. был принят Модельный закон о противодействии торговле людьми, где любая форма торговли людьми объявлена преступлением, в том числе, по «…совершению в отношении человека незаконных сделок, в которых он выступает как объект собственности, включая долговую кабалу, крепостную зависимость и сексуальную эксплуатацию». Ключевыми направлениями такого сотрудничества являются: совершенствование национального законодательства, улучшение социально-экономических условий жизни населения и устранение факторов, способствующих торговле людьми[2], а механизмы оперативного взаимодействия правоохранительных органов стран СНГ включают обмен правовой информацией, координация действий и экстрадиция преступников.

В Российской Федерации, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за последние два года, число осужденных за использование рабского труда по ст. 127.2 УК РФ и за торговлю людьми по ст. 127.1 УК РФ остается крайне низким, что также демонстрирует проблему высокой латентности, поскольку реальное число жертв, по оценкам экспертов правоохранительных органов, может исчисляться сотнями тысяч. Только комплексный и системный подход к организации межгосударственного сотрудничества на уровне МОТ или в целом на уровне Генеральной Ассамблеи ООН способен обеспечить существенное снижение масштабов работорговли и реализацию неотъемлемого права каждого человека на свободу.

Как справедливо подчеркивают С. А. Глотов и С. В. Сальников, противодействие торговле людьми и подневольному состоянию человека сохраняет высокую степень злободневности, требуя пристального внимания со стороны правительств, законодательных органов, неправительственных организаций и институтов гражданского общества[3]. На наш взгляд, для повышения эффективности борьбы с современными формами работорговли требуются скоординированные усилия всего мирового сообщества, направленные на имплементацию международных норм специальных международных договоров, проведение превентивных мероприятий на межгосударственном и межведомственным уровне и обеспечение надежной защиты прав потерпевших на уровне национального законодательства государств, наиболее активно участвующих в этом процессе.

---

[1] Нимировский В. В. Правовой механизм сотрудничества государств-участников СНГ как цель в борьбе с торговлей людьми // Евразийский юридический журнал— 2023. — С. 110.

[2] Гордеева А. О. Указ. соч. — С. 218.

[3] Глотов, С. А. Противодействие торговле людьми: правовое регулирование, зарубежная и отечественная практика : монография. — Москва : Международный юридический институт, 2009. — С. 84.

Научная статья
УДК 341.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ «НЕСТАНДАРТНЫХ» УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Екатерина Евгеньевна ДУБ[1], Елизавета Вадимовна СНУСТИКОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] katya.dub@internet.ru
[2] snustikovae@gmail.com

Научный руководитель заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**,

Аннотация. В статье представлены многочисленные научные школы по определению и классификации видов международной правосубъектности. Выделяя характерные признаки каждого вида, авторы дают определение и анализируют вопросы международной правоспособности ТНК, международных неправительственных организаций и индивидов. Приходят к выводу, что эволюция категории «субъект» международного права не завершена и их количество будет постепенно расширятся за счет появления новых «нестандартных» участников международных отношений.

Ключевые слова: международная правосубъектность, специальная правосубъектность, производная правосубъектность, индивиды, права человека, ТНК, международная организация

Понятие субъекта или участника правоотношений является одним из фундаментальных в науке, в отраслевом законодательстве, в доктрине международного права. Вопрос о том, кто может стать участником международных отношений с полным или ограниченным объемом прав, обязанностей и способностью нести международно-правовую ответственность, имеет скорее практическое значение, так как напрямую связан с вопросами обеспечения государственного суверенитета, национальной юрисдикции и международной «законности».

Отечественные и зарубежные ученые-правоведы долгое время считали, что перечень субъектов международного права отсутствует, так как единственным полноценным субъектом международного права могут быть

только государства. Однако стремительное развитие международных отношений в условиях глобализации, кризисы и усугубление общемировых проблем привели к тому, что «классическая» доктрина международного права перестала соответствовать имеющимся реалиям. В настоящее время наблюдается сложная, многоуровневая система межгосударственных отношений, в которой наряду с традиционными субъектами — государствами и международными межправительственными организациями — активно действуют транснациональные корпорации, частные военные компании, межконфессиональные союзы, различные политические клубы, а в некоторых случаях и индивиды, как Дж. Эпштейн, чья роль на международной арене «важна и влияние в политике слишком велико[1]. Следовательно, как утверждает ведущий российский юрист-международник Г. В. Игнатенко, «…в современных реалиях необходим новый подход к понятию «субъект» и его комплексное переосмысление, в связи с реальным состоянием международно-правовых отношений».

Итак, в отечественной доктрине к числу субъектов международного права традиционно относят государства, межправительственные организации, государство-подобные образования, а также, нации и народы, борющиеся за свою независимость. Несмотря на разнообразие перечисленных участников, для них характерен ряд общих правовых признаков или свойств. Так, все они обладают собственной волей, не находятся под юрисдикцией какого-либо другого субъекта на международной арене и выступают как независимые друг от друга акторы правоотношений. Каждый из них обладает комплексом прав и обязанностей, прямо установленных международно-правовыми нормами, и, в случае нарушения этих норм, способен нести самостоятельную международно-правовую ответственность. Важнейшим признаком всех субъектов международных правоотношений выступает также способность к независимым международным действиям: такие субъекты могут устанавливать дипломатические отношения, участвовать в работе международных конференций и организаций, благодаря чему имеют возможность напрямую или опосредованно вносить вклад в создание норм международного права.

Даже поверхностный анализ термина «международная правосубъектность» в условиях международной напряженности сразу приобретает особую актуальность, причем не просто как абстрактная составляющая правового статуса субъекта правоотношений, а как его динамическая характеристика, объем и содержание которой могут варьироваться в зависимости от типа субъекта.

---

[1]Каневская И. В. Актор в международных отношениях: субъект или государство в роли субъекта // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 4. С. 15.

Дискуссионным в научной литературе признан вопрос о признании международной правосубъектности транснациональных корпораций, международных неправительственных организаций и даже о признании международной правосубъектности индивида. Осмысление этого вопроса позволит сделать вывод о том, есть ли возможность расширения списка участников международных правоотношений в будущем.

В международном праве ученые-правоведы разделяют международную правосубъектность на общую, отраслевую и специальную[1]. Как было отмечено, традиционно субъектами международного права и международных отношений считаются государства, обладающие суверенитетом и общей международной правоспособностью. Общая правосубъектность — это способность быть субъектом международных правоотношений в полном объеме. Действительно, такой вид правосубъектности характерен исключительно для суверенных государств. Основанием возникновения общей правосубъектности выступает сам суверенитет государства, поэтому никакие иные образования (международные организации, ТНК или индивиды) ею обладать не могут. Вместе с тем, например, государство Палестину на 2025 г. признают только 157 стран, а значит ее статус остается спорным из-за отсутствия универсального признания всеми государствами как субъектами международного права.

Отраслевая международная правосубъектность – это правосубъектность в определенной области или сфере международных отношений. К субъектам, обладающим отраслевой правосубъектностью в международном праве, относят международные межправительственные организации. Особенно это заметно, когла мы говорим о специализированных учреждениях ООН, таких как МОТ, ВОЗ, ВОИС, ЮНЕСКО и пр., каждая из которых обладает узкоотраслевой компетенцией по определенному кругу международных вопросов – трудовых, в области здравоохранения, интеллектуальной собственности, науки и образования и т. д.

Специальная международная правосубъектность означает возможность быть участником ограниченного круга международных отношений в пределах отдельной конкретной отрасли международного права. В отличие от общей и отраслевой правосубъектности, специальная правосубъектность привязана не к типу субъекта, а к конкретной отрасли права. В международном гуманитарном праве индивиды (комбатанты, некомбатанты и гражданские лица) обладают определенным правовым статусом и находятся под международной защитой. Кроме того, в международном уголовном праве индивиды могут нести непосредственно уголовную ответственность за совершение международных преступлений. Таким образом, ТНК, МНПО, индивиды

[1]Маргиев В. И. Понятие международной правосубъектности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 15.

— обладают ограниченной специальной правосубъектностью, поскольку они участвуют в отношениях, но не являются независимыми от воли государств.

ТНК, такие как Google, ExxonMobil или Gazprom, регулируются национальным корпоративным правом стран регистрации и места основной хозяйственной деятельности, а также международным частным правом. Они не участвуют в создании норм международного права и не являются сторонами международных договоров. Отметим, соглашения ТНК с государствами — смешанные, но не публично-правовые. В доктрине, например, по международному экономическому праву, ТНК признаются акторами, но не субъектами международного права, обладают специальной правосубъектностью, но не являются производными субъектами международного права.

Международные неправительственные организации (Amnesty International, Greenpeace, Médecins Sans Frontières) — частные коллективные объединения, созданные частными лицами и зарегистрированные государствами в качестве общественных объединений. Они имеют консультативный статус при ООН, что дает им право участвовать в обсуждении ряда специальных вопросов, но они не наделяются договорной правоспособностью или нормотворческими полномочиями. МНПО влияют на глобальные процессы, но остаются в сфере частного права в качестве международных лиц.

Самым острым предметом теоретических дискуссий является международная правосубъектность индивида. Если в западной научной литературе международно-правовая правосубъектность индивида является общепризнанной, то для отечественной правовой науки эта тема по-прежнему остается дискуссионным вопросом.

По этому вопросу в современной международно-правовой науке поддерживаются разные точки зрения, однако для индивидов, как специальных субъектов международного права, большинство ученых выделяют несколько общих признаков. Так, М. А. Лихачев пишет о том, что для наделения индивида международной правосубъектностью необходимы воля государства и автономия воли самого человека, что определяется только на основании специальных международных договоров в гуманитарной сфере, например таких, как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Европейская конвенция о правах человека 1950 г. [1] В западной науке схожие выводы содержатся в работе А. Петерса, который отмечает, что «… за пределами прав человека правовой статус индивида ничтожен в международном праве». На основе норм о правах человека развивается идея о гуманитарной составляющей международного права, при кото-

[1] Алиева М. Н., Мустафаева А. И. Индивид как субъект международного права // Закон и право. 2019. № 5. С. 19.

рой индивид все чаще выступает не только объектом, но и активным субъектом, особенно в контексте международной уголовной ответственности военных преступников перед Международным уголовным судом на основании Римского статута 1998 г. Однако международная ответственность индивида во многих случаях будет носить субъективный характер. Индивид как субъект международного права прав человека сможет в таком случае участвовать в судебных процессах межгосударственного уровня, где будут обсуждаться от имени международного сообщества его деяния, жалобы, обращения в международные организации или специализированные международные суды. Однако, подчеркнем, что так или иначе возможность подобного «участия» индивида в таких международных процессах — это всегда результат «согласия» государства гражданства или постоянного места жительства заявителя в рамках международного договора, которые эти государства не только подписали, но и согласились на исполнение решений международных судов или органов, созданных ими самими для этих целей.

В российской доктрине международного права данная позиция последовательно развивалась в работах ведущих ученых-государствоведов в контексте участия России в работе ЕСПЧ вплоть до исключения России из Совета Европы в марте 2022 г. Например, по мнению В. И. Кузнецова и Б. Р. Тузмухамедова правосубъектность физических лиц носит производный характер и не распространяется на все сферы международных отношений, а ограничивается возможностью прямого обращения в международные судебные и квазисудебные органы[1]. Понятно, что даже в этих случаях правосубъектность индивида остается «зависимой» от воли государств, ратифицировавших соответствующие договоры. Следовательно, сложность определения статуса индивида обусловлена не только редкостью легального использования терминов «субъект международного права» и «международная правосубъектность» в отношении физических лиц в международных договорах, но и неоднозначностью общей теории права, которая требуют определенной модификации терминов применительно к специфике международно-правовой системы.

Таким образом, современное международное право в условиях кризиса и турбулентности международных отношений представляет собой сложную иерархическую структуру, в которой сосуществуют разные категории субъектов. Первичная правосубъектность государств обусловлена их суверенитетом и международным признанием, тогда как производная правосубъектность иных участников международных отношений является результатом волевых действий суверенных государств, зафиксированных в международных договорах. Особо выделяется область гуманитарного сотрудничества

[1]Международное право : учебник / под ред. В. И. Кузнецова, Б. Р. Тузмухамедова. Москва: Норма, 2010. С. 245.

и особая озабоченность международного сообщества защитой прав человека, что требует демократизации национального законодательства и постоянного международного мониторинга за соблюдением прав и свобод человека через международные процедуры и международные контрольные органы. ТНК и МНПО являются субъектом международных экономических отношений в сфере международного частного права и редко выступают самостоятельным участником международного публичного права.

Эволюция категории «субъект» международного права, вероятно, будет продолжаться за счет расширения сфер международного сотрудничества, появления круга новых участников, что постепенно приведет к повсеместному признанию международной правосубъектности «индивида» или «группы индивидов», а затем и других акторов международных отношений. Для активизации этого процесса необходимо расширить границы их участия внутри государства при строгом сохранении классической парадигмы государственного суверенитета, которая обеспечивает выполнение государствами своих международных обязательств, в том числе и в правозащитной или торгово-экономической сфере.

Научная статья
УДК 343.13

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Роман Дмитриевич ДУРКИН[1]; Максим Андреевич ОГАРЕВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] durkinrom@yandex.ru
2 ogarevma@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена определению правового статуса частных военных компаний (ЧВК) как относительно нового и недостаточно урегулированного в теории современного международного права участника международных отношений. Авторами уделяется особое внимание

характеризующим правовым признакам сотрудников ЧВК и их отличий от правового статуса наёмников. В статье обосновывается вывод о необходимости разработки и принятия универсального международного договора (конвенции) о правах, обязанностях и ответственности ЧВК и их сотрудников за соблюдение принципов международного гуманитарного права.

Ключевые слова: частные военные компании, вооруженные конфликты, наемники, международный договор, ответственность

На сегодняшний день напряженная обстановка в мире позволяет констатировать, что государства являются далеко не единственными участниками международной политики. В вооруженных конфликтах различного уровня, как регионального, так и международного, используются разнообразные инструменты и средства, в том числе в военной сфере. Одним из таких инструментов являются частные военные компании, использование которых теми же государствами в зонах военных конфликтов практикуется все шире[1]. На наш взгляд, частные военные компании относительно новое и еще окончательно несформированное международно-правовое явление. Их деятельность начала активно развиваться 70-80-е гг. XX в., когда в США, Великобритании, ЮАР, Израиле почти одномоментно национальное законодательство разрешило использовать ЧВК зарубежом.

Изначально ЧВК создавались для оказания услуг по охране объектов, сопровождения опасных грузов на своей территории государства, но впоследствии стали активно применяться для военного консультирования и материально-технического обеспечения военных операций зарубежом. Кроме того, после 1990 г. в связи с распадом СССР и ликвидацией ОВД началось активное сокращение национальных армий всех государств НАТО: армия США была сокращена с 2,04 млн до 1,36 млн чел., британская — с 30,9 тыс. до 22 тыс., французская — с 66 тыс. до 54 тыс., немецкая — с 60 тыс. до 32 тыс[2], а параллельно встал вопрос о трудоустройстве бывших солдат. Ответ был найден достаточно быстро и ЧВК стали идеальными «убежищами» для отставных офицеров и солдат, попавших под сокращение. По информациям СМИ того времени сотрудники американских и европейских ЧВК в Ираке ежедневно получали от 1000 до 1500 долл., что в

[1]Курылев К. П., Мартыненко Е. В., Пархитько Н. П., Станис Д. В. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. // Вестник международных организаций. 2017. № 4. С. 133.

[2]Чжочао Юй, Грозин А. В. Частные военные компании: причины появления, основные особенности и правовое положение //Постсоветский материк. 2022. № 4 (36). С. 19.

10–20 раз превышало доход профессиональных военных[1]. В 2003 г. в том же Ираке действовало уже более 60 ЧВК численностью до 30 тыс. человек.[2]

Сегодня в мире существует нескольких сотен ЧВК, а годовой оборот их финансирования по приблизительным подсчетам достигает более сотни миллиардов долларов[3]. Услуги ЧВК в настоящий момент наиболее востребованы на африканском континенте[4]. Во многом причинами этого видится в большом количестве вооруженных конфликтов в Африке и общая напряженность на континенте из-за перераспределения огромного количества редких ископаемых ресурсов, представляющих интерес для технологически развитых государств и транснациональных компаний для охраны их собственности.

Востребованность ЧВК, таким образом, не вызывает сомнений, но остаётся дискуссионным вопрос об их правовом статусе, правомерности их деятельности по нормам национального права и соотношении статуса сотрудников и персонала ЧВК и правового статуса наёмников по нормам международного гуманитарного права. Подчеркнем, что в**опреки распространённому мнению**, сотрудники ЧВК и наёмники, принимающие участие в вооруженных конфликтах — это не тождественные понятия. Ниже попытаемся обосновать свою позицию и привести достаточные аргументы.

Во-первых, ЧВК — это «национальная» компания, то есть юридическое лицо, действующее легально в соответствии с национальным законодательством, зарегистрированное в законном порядке, которое платит налоги, а ее сотрудники официально трудоустроены и получают зарплату. Существуют очень крупные, транснациональные ЧВК, владеющие сетью офисов по всему миру, а их акции торгуются на международных биржах. Таким примером является британская компания «G4S», которая занимает лидирующие позиции в индустрии охраны и безопасности объектов. Масштабы деятельности британской ЧВК подтверждаются широким географическим присутствием, охватывающим все пять континентов, внушительной численностью персонала по всему миру и значительным финансовым оборотом. Причем «G4S» позиционирует себя как компания, предоставляющая комплексные услуги безопасности, охватывающие весь спектр потребностей – от защиты финансовых потоков (инкассация, логистика) и стратегического планирования (консалтинг), до технологического обеспечения, включая системы наблюдения или непо-

[1]Попов И. Солдаты напрокат [Электронный текст] URL: https://www.forbes.ru/svoibiznes/predprinimateli/56352-soldaty-naprokat (дата обращения: 06.04.2026).

[2]Коновалов И. П. Солдаты удачи и воины корпораций: история современного наемничества. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. С. 63.

[3]Кулаков А. В., Галактионов С. А. Правовой статус частных военных компаний в Российской Федерации //Вестник Самарского юридического института. 2023. № 1. С. 64.

[4]Мисеюк В. П. Участие частных военных компаний в современных военных конфликтах и проблемы регулирования их деятельности //Аллея науки. 2022. Т. 1. № 3 (66). С. 623.

средственного участия в обеспечении общественной безопасности в государстве, помогая местным правоохранительным органам. Таким образом, деятельность официально действующих ЧВК, как правило, строится на оказании услуг, не связанных с непосредственным участием в вооруженных конфликтах, куда включается охрана объектов, конвоирование, консультирование, обучение личного состава, техническое обслуживание вооружений и пр.

Наёмник, в соответствии с п.2 ст. 47 Первого Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (далее — ДП) закрепляет официальное международно-правовое определение в качестве любого лица, которое: а) специально завербовано …для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; в) руководствуется, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому … обещано …материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение…личного состав вооруженных сил государства; г) не является гражданином стороны, находящейся в конфликте; д) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; е) не послано государством гражданства …для выполнения официальных обязанностей в качестве военного советника.

Важно заметить, что п. 1 I ДП не объявляет наёмников «вне закона», а только лишает их защиты международного гуманитарного права, т.е. лишает их статуса комбатанта или военнопленного, а значит их «судьба» определяется национальным правом государства, которое их захватило. Другие международные соглашения в этой сфеое — Конвенция о ликвидации наёмничества в Африке 1977 г. и Международная конвенция против вербовки, использования, финансирования и обучения наёмников 1989 г. — уже четко обозначают наёмничество как преступление международного характера, что должно быть запрещено в национальном уголовном законодательстве государств-участников.

Кроме того, как было уже указано, цель наёмников состоит в непосредственном участии в вооруженном конфликте. Напротив, легальные ЧВК своей целью ставят не участие в войне на стороне кого-либо, а лишь охрану и конвоирование по заданию тех, кто их нанял на работу. Частная военная компания оказывает «заказчику» охранные и военные услуги в зонах повышенной опасности, но не принимает непосредственного участия в боевых действиях. Следовательно, сотрудник ЧВК, в отличие от наёмника, в случае попадания в плен должен поучить статус военнопленного и находится под защитой международного гуманитарного права, однако ни в одном международно-правовом документе до сих пор это положение не сформулировано.

С другой стороны, существуют, например, резолюции Международного комитета Красного Креста и Красного Полумесяца (МККК), которые не являются юридически обязательными, но выполняют функцию международных рекомендаций. В рамках инициативы Правительства Швейцарии и МККК в 2008 г. был принят Документ Монтрё, который представляет собой инструмент «устоявшейся практики»[1]. Это означает, что он не создает каких-либо международно-правовых обязательств и не имеет юридически обязательной силы для государств, однако выполняет три ключевые функции, которые делают его важнейшим ориентиром в данной сфере. Во-первых, Документ Монтрё подтверждает, что «…ЧВК и государства обязаны соблюдать действующие нормы международного гуманитарного права и права человека». Кроме того, Документ закрепляет принцип ответственности ЧВК, в силу которого ни государство регистрации, ни государство базирования не могут ссылаться на «…частный характер компании как на обстоятельство, исключающее его международно-правовую ответственность». Во-вторых, Документ Монтрё вводит три категории государств, касающиеся лицензирования, отчетности, контроля за применением оружия и идентификации персонала ЧВК: государство-контрагент (заказчик услуг), государство базирования (где ЧВК фактически осуществляет свою деятельность) и государство происхождения (где ЧВК зарегистрирована). Для каждой из этих категорий Документ предлагает конкретные рекомендации для организации работы с ЧВК. В-третьих, Документ Монтрё заложил основу для формирования новой «регуляторной экосистемы», что в 2010 г. переросло в Международный кодекс поведения частных военных и охранных компаний (Кодекс ЧВК, ICoC). В 2013 г. в Женеве (Швейцария) создана Ассоциация по надзору за исполнением Кодекса ЧВК.

Таким образом, Документ Монтрё, является неким сводом рекомендаций для современных ЧВК всего мира, но представляет собой национально-правовой акт, который должен быть «продублирован» в национальном законодательстве государств, активно экспортирующих услуги своих ЧВК, либо на на международном уровне на основе Документа Монтрё можно было бы разработать и принять специальный международный договор (конвенцию) о правовом статусе и деятельности ЧВК, который бы нормативно закрепил их правовой статус, единые стандарты лицензирования, контроль и ответственность сотрудников ЧВК за нарушение норм международного гуманитарного права. Представляется, что принятие такого рода международного соглашения станет необходимым

[1]Сайфуллин Э. К. Документ Монтрё как инструмент регулирования частных военных и охранных компаний: контекст принятия и анализ положений //Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 3. С. 109.

условием для выведения деятельности ЧВК из «серой зоны» и правового разграничения терминов «наёмник» и «персонал ЧВК» в условиях вооруженного конфликта.

Научная статья
УДК 341

СЭВ И ПРИНЦИПЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Игорь Игоревич ЕЛЕНЕВСКИЙ[1]; Григорий Вячеславович ШЕМЧАК[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] ielenevskiy@mail.ru
[2] grisha.shemchak@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу исторических уроков функционирования СЭВ, существовавшего с 1949 по 1991 гг., для постсоветского пространства, правовому анализу разработанным в СЭВ институциональных и финансовых механизмов, их значению для современной России в контексте развития международных интеграционных проектов и формирования экономических стратегий со странами-партнерами.

Ключевые слова: региональная экономика, интеграция, СЭВ, опыт межгосударственного сотрудничества

Межгосударственная интеграция обычно проходит поэтапно, причём каждая последующая стадия отличается от предыдущей более высокой степенью либерализации движения факторов производства и свободы экономической деятельности. Успешная интеграция всегда привлекает внимания исследователей и часто требует схожего уровня экономического развития стран-участниц, географической близости, общности экономических проблем и политической воли. Опыт Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) имеет значительное значение для современной России в контексте развития международных интеграционных проектов,

формирования экономических стратегий и анализа исторических уроков. СЭВ, существовавший с 1949 по 1991 гг., был организацией, объединявшей социалистические страны для экономического сотрудничества, координации планов развития и создания единого народнохозяйственного комплекса. Его опыт содержит как положительные, так и негативные аспекты, которые могут быть полезны для современной России, поскольку чем глубже уровень интеграции современных государств-участников, тем больше государства сталкиваются с трудностями, связанными с необходимостью «делиться» суверенитетом и согласовывать разно-направленные интересы.

Совет экономической взаимопомощи, созданный в январе 1949 г. в Москве для стран Восточной Европы, представлял собой одну из европейских международных экономических организаций, активно работающих во второй половине XX в.[1] Предпосылкой его создания был «идеологический» раскол Европы в 1947—1948 гг. на два противоборствующих экономических блока[2] — ЕЭС для стран Западной Европы и СЭВ для стран Восточной Европы. На раннем этапе своего существования СЭВ выполнял преимущественно координационные функции СССР для удержания экономики восточно-европейских стран в своей орбите, а сотрудничество между государствами основывалось главным образом на двусторонних торговых соглашениях с СССР.

В 1959 г. был подписан Устав СЭВ, закрепивший основные принципы функционирования региональной международной экономической организации, включая равноправие государств-участников, уважение государственного суверенитета, взаимную выгоду и равенство экономического сотрудничества. Устав как международный договор учредительного характера определил структуру органов управления СЭВ, среди которых центральное место занимала сессия Совета, состоявшая из глав правительств и глав государств-участников. Таким образом, уже к концу 50-х гг. новая экономическая европейская Организация, которая постепенно стала приобретать черты многосторонней интеграционной структуры[3]. Стремительное развитие СЭВ в значительной степени определялось политическими и экономическими успехами Советского Союза. Если в период руководства И. В. Сталина сотрудничество предусматривало «осторожное» расширение товарооборота между соцстранами, то в период правления Н. С. Хрущева, СЭВ ставило задачу координации торговли не только с членами Организации, но и с

[1] Липкин М. А. СЭВ: исторический опыт альтернативного мироустройства (1949—1979). Москва: Весь Мир. — 2019. С.32.

[2] Сафронов А. Большая советская экономика: 1917-1991. Москва: Эксмо, 2025. С..295.

[3] Липкин М. А. «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х гг. — Москва: Весь Мир, 2019. С. 74.

капиталистическими странами, с которыми следовало «не конкурировать на внешних рынках, а сообща добиваться более выгодных условий поставок»[1].

В 1960—1970-е гг. СЭВ достиг наибольшего уровня своего институционального развития. Одним из ключевых этапов стало принятие в 1971 г. Комплексной программы СЭВ для дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития экономической интеграции[2]. В рамках этой Программы были созданы многочисленные межгосударственные производственные объединения и научно-технические лаборатории, способствовавшие развитию кооперации в энергетике, машиностроении, химической промышленности и других отраслях экономики, среди которых особо выделялось экономическое и научно-техническое прогнозирование; совершенствование координации пятилетних планов стран-членов СЭВ; совместное планирование отдельных отраслей и выпуска отдельных видов продукции[3].

Отметим, что помимо Устава СЭВ, значительную роль в развитии сотрудничества играли многосторонние международные соглашения, регулирующие различные направления двустороннего экономического сотрудничества стран-членов СЭВ. Так, одним из важнейших элементов работы являлась координация экономического планирования государств-участников, когда отдельные государства специализировались на производстве определённых видов промышленной продукции, что позволяло избежать дублирования производственных мощностей и повышало эффективность использования ресурсов.

Наряду с производством промышленных и сельскохозяйственных товаров СЭВ активно развивал механизмы научно-технического сотрудничества. В рамках Организации осуществлялся обмен технологиями, проводились совместные научные исследования и реализовывались крупные инфраструктурные проекты. Примером может служить создание международных энергетических систем и совместных промышленных предприятий, как нефтепровод «Дружба», энергосистема «Мир», которые объединяли ресурсы стран Восточной Европы и СССР. Подобные формы кооперации представляли собой важный элемент интеграционных процессов и способствовали формированию единого экономического пространства – общего рынка стран СЭВ.

Существенное значение для функционирования СЭВ имела система многосторонних расчетов с использованием переводного рубля. Данная

---

[1] Иноземцев Н. Н., Синков Ю. А. СЭВ: социалистическая интеграция в действии – Москва: Педагогика. 1986. С. 48.

[2] Основные документы СЭВ. В 2 т. /Сост. М. Д. Кудряшов. Т.1. 1981. С.31.

[3] Сафронов А. В. Тупики координации: проблема совместного планирования экономического развития СССР и стран СЭВ в 1970-е гг. // История. – 2025. – Т. 16. – Вып. 2 (148). Режим доступа: URL: https://history.jes.su/s207987840034810-0-1/. DOI: 10.18254/S207987840034810-0 (16.03.2025)

расчетная единица была введена в 1963 г. и использовалась для обслуживания взаимной торговли государств-участников. Переводной рубль представлял собой коллективную международную валюту социалистических стран, применявшуюся исключительно в безналичной форме для межгосударственных расчетов. Его золотое содержание составляло 0,98 г чистого золота, что обеспечивало стабильность расчетной единицы и позволяло использовать ее в качестве «масштаба цен» во взаимной торговле стран СЭВ. Расчеты в переводных рублях осуществлялись через счета стран-участниц в МБЭС, что позволяло проводить многостороннее балансирование товарных поставок и платежей.

Как инструмент обеспечения условий для обмена товарами на эквивалентной и взаимовыгодной основе переводной рубль в значительной мере способствовал сглаживанию диспропорций экономического развития между странами и повышению их политической сплочённости. Взаимовыгодный характер торговли, в частности, обуславливали межправительственные кредиты в переводных рублях, позволявшие странам-участникам этой системы создавать собственную промышленную и машиностроительную базу и тем самым сокращать разрыв между самым высоким и самым низким уровнем национального дохода.

Вместе с тем, в 1980-е годы интерес к экономической интеграции ослабевает и СЭВ столкнулся с рядом серьезных проблем. Среди них можно выделить структурные дисбалансы в энергетической отрасли[1], рост внешнего долга государств-членов, а также различия в темпах экономического развития. Переход Чехословакии, Польши и Венгрии к рыночной модели экономики со временем привели к постепенному ослаблению интеграционных связей внутри Организации. При этом, как отмечал М. С. Горбачёв, эти процессы начали происходить еще «с конца 70-х гг., когда контакты между руководством братских стран начали приобретать налет парадности. В них стало меньше доверительности, деловитости»[2]. Таким образом, задержки с рыночными преобразованиями в самом СССР усугубили проблемы СЭВ. С другой стороны, риск чрезмерной нагрузки на экономику «спонсора» - СССР в итоге создало финансовые и экономические трудности для СЭВ в целом. После распада СССР в 1991 г. его бывшие восточно-европейские партнеры быстро попали под влияние стран Западной Европы и в 2004 г. и официально перешли в состав западно-европейского экономического блока – Европейского Союза, а СЭВ прекратил свое существование.

---

[1]Гайдар Е. Т. Гибель Империи: уроки для современной России. — Москва : Росспэн, 2006. С.84.

[2] Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – Москва: Политиздат, 1988. С.32.

Важным уроком для России на всех этапах развития региональной интеграции является негативный опыт брать все на себя и создавать ситуации, когда поддержка партнёров становится для экономики государства-спонсора непосильным бременем. Тем не менее, опыт функционирования и разработанные интеграционные механизмы СЭВ могут быть переосмыслены и адаптированы к современным условиям, например на постсоветском пространстве. Так, одним из наиболее перспективных элементов этого опыта является система многосторонних расчетов с использованием наднациональной расчетной единицы[1] переводного рубля[2]. Использование подобного инструмента, на наш взгляд, способствовало бы снижению транзакционных издержек, укреплению экономической интеграции и повышению устойчивости региональной финансовой системы стран ЕАЭС. Тем более, что намерение образовать валютный союз в рамках ЕАЭС уже присутствовало в Декларации о евразийской экономической интеграции 2012 г. Введение единого финансового инструмента подобного «переводному рублю» могло бы быть развитием и продолжением меры по координации политики обменного курса национальных валют, которые закреплены еще в договоре об ЕАЭС[3] и затормозило бы процесс юанизации региональных экономик стран постсоветского пространства.

Таким образом, координация экономического планирования и развитие производственной кооперации на постсоветском пространстве могли бы использовать опыт СЭВ как в процессе совершенствования институциональных механизмов современных интеграционных проектов, включая ЕАЭС, так и способствовать к формированию более устойчивой модели регионального экономического сотрудничества стран постсоветского пространства с учетом исторического опыта.

[1] Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? — Москва: Книжный мир, 2017. С.78.

[2] Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер в 2025 году [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314301 (Дата обращения: 16.03.05).

[3] Договор о Евразийском экономическом союзе: Подписан в г. Астане 29.05.2014 г. с изм. и доп. от 24.06.2024г. [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (Дата обращения 01.04.2026).

Научная статья
УДК 341

КИБЕРШПИОНАЖ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мария Германовна ЗАДУНАЙСКАЯ[1], Анна Сергеевна ЮРИНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] maria.pakalru@gmail.com
[2]yyurinaanna2006ana@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, zeena68@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена правовой квалификации кибершпионажа как уголовно-наказуемого деяния в современном международном и национальном праве. Рассматриваются проблемы применения принципов государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и запрета применения силы к операциям в киберпространстве.

Ключевые слова: кибершпионаж, кибероперации, международное право, государственный суверенитет, принцип невмешательства.

В международном киберпространстве наблюдается стремительная цифровизация и расширение информационно-коммуникационных технологий. Как результат, в последнее десятилетие кибершпионаж превратился в одну из наиболее серьёзных угроз национальной безопасности, затрагивающую как государственные институты, так и частный сектор экономики. В связи с этим особую актуальность приобретает обращение к нормам международного права и поиск эффективных механизмов нормативного регулирования данной сферы[1].

Основное внимание международного регулирования в цифровой сфере сосредоточено на обеспечении кибербезопасности в целом. Профессор Дж. Най выделяет четыре основные категории угроз в этой сфере: шпионаж, киберпреступность, кибервойна и кибертерроризм. Одновременно подчеркнем, что в научной доктрине сформировались три принципиально разных подхода к регулированию киберпространства. Во-первых, кибер-

[1]Иванова К. А., Мылтыкбаев М. Ж., Штодина Д. Д. Понятие киберпространства в международном праве // Правоприменение. 2022. № 4. С. 35.

институционалисты, которые выступают за разработку и принятие новых международно-правовых норм в этой области; во-вторых, кибер-либертарианцы, которые, напротив, отрицают целесообразность какого-либо внешнего регулирования, считая, что киберпространство должно оставаться максимально свободным; в-третьих, «государственники», которые полагают, что регулирование должно осуществляться прежде всего самими государствами как основными субъектами международного права.

На наш взгляд, целесообразно чётко разграничить государственный (стратегический) и коммерческий кибершпионаж, поскольку они существенно различаются по целям и объектам посягательства. Государственный кибершпионаж проводится разведывательными службами и направлен на получение сведений о военных возможностях и технологических разработках других государств в интересах обеспечения национальной безопасности. В отличие от него коммерческий кибершпионаж преследует цель сбора конфиденциальной информации у конкурентов — промышленных секретов, баз данных и персональных сведений — для получения конкурентного преимущества[1]. Методы государственного шпионажа чаще всего включают создание вредоносного программного обеспечения и эксплуатацию уязвимостей систем, тогда как коммерческий вариант нередко опирается на социальную инженерию и технические средства съёма данных. При этом шпионаж часто носит двусторонний характер: организации одновременно защищают собственную корпоративную информацию и ведут разведку в отношении конкурентов, особенно на уровне крупных предприятий[2].

Вместе с тем, правовая квалификация кибершпионажа достаточно неопределённая. В контексте международного права среди основных способов осуществления кибершпионажа выделяют использование компьютерных сетей и проведение хакерских атак, которые могут квалифицироваться как противоправное вмешательство во внутренние дела других государств ввиду суверенных прав государства на свою кибер-инфраструктуру. Внедрение скрытых программ для обмена информацией нарушает суверенитет государства, такая деятельность противоречит законодательству государства, где производится сбор данных, либо деятельность направлена против третьего государства, особенно если применяемые методы нарушают принцип невмешательства, суверенитет или права человека. В случае если кибершпионаж перерастает в разрушительные действия, он может быть приравнен к применению силы в

[1]Коммерческий шпионаж [Электронный текст] URL: https://rt-solar.ru/products/solar_dozor/blog/3562/ (дата обращения: 20.03.2026).

[2]Кибербразведка: новое измерение в мире шпионажа [Электронный текст] URL: https://na-journal.ru/5-2024-informacionnye-tekhnologii/11748 (дата обращения: 20.03.2026).

смысле ст. 2 п. 4 Устава ООН[1]. Например, в период вооружённых конфликтов кибершпионаж подпадает под действие запрещенных действий по нормам международного гуманитарного права, однако операции, не причиняющие физического ущерба, зачастую остаются в так называемой «серой зоне».

Одним из центральных принципов, на которых строится противодействие кибершпионажу, является недопустимость вмешательства во внутренние дела суверенных государств. С точки зрения международного права прав человека массовое электронное наблюдение может расцениваться как нарушение ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах[2], которая защищает частную жизнь от произвольного или незаконного вмешательства. Однако, для признания такой практики правомерной, по мнению профессора Н. Джупиллэта, одной лишь «…устойчивой и широко распространённой практики шпионажа недостаточно для формирования обычной нормы международного права». Для этого требуется также наличие *opinio juris* — убеждённости государств в правомерности таких действий.

Противоположной позиции придерживается А. Любен из Йельской школы права, который квалифицирует право на осуществление шпионажа как суверенное право государства (*jus ad explorationem*). По его мнению, оно вытекает из фундаментального права на существование и органично вписывается в систему коллективной безопасности. В. Бэнкс, в свою очередь, характеризует позицию международного права по отношению к шпионажу как «терпимую», называя его «безучастным свидетелем» практики массовой электронной слежки. Однако сложившийся статус-кво, который устраивает преимущественно государства, обладающие значительными разведывательными возможностями, постепенно размывается.

По нашему мнению, наиболее обоснованной и соответствующей реалиям международного порядка представляется позиция, определяющая право на осуществление разведывательной деятельности *(jus ad explorationem*) в качестве неотъемлемого суверенного права государства. Данная позиция не отрицает существования нормативных ограничений, вытекающих из принципа невмешательства во внутренние дела и защиты частной жизни, однако рассматривает их в контексте структурных особенностей международной системы. На наш взгляд, разведывательная деятельность органично вытекает из суверенного права государства на существование и реализацию права на индивидуальную и коллективную

[1]Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Действующее международное право /Под ред. А.Н. Талалаева: 3 т.– Москва, 1996. Т. 1. С. 23—25.

[2]Международный пакт о гражданских и политических правах: заключен в г. Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

самооборону, закреплённого в ст. 51 Устава ООН. Запрет или чрезмерная регламентация такой деятельности в качестве «шпионажа» влекли бы за собой функциональную слепоту государств перед лицом реальных рисков, что противоречит самой логике международно-правового порядка Принцип невмешательства во внутренние дела государств, таким образом, выступает одним из ключевых правовых оснований противодействия кибершпионажу. Государства всё чаще проводят различие между разведывательной деятельностью, осуществляемой исключительно в целях обеспечения национальной безопасности в узком смысле, и операциями, преследующими экономические или иные интересы, вырабатывая к ним негативное отношение[1].

Для формирования более эффективного международно-правового регулирования целесообразно также рассмотреть возможность принятия дополнительного протокола к Будапештской конвенции 2001 г. «О преступности в сфере компьютерной информации»., который бы усиливал механизмы взаимной правовой помощи в сборе и передаче электронных доказательств, вводил унифицированные критерии криминализации экономического кибершпионажа (включая кражу коммерческих, налоговых и банковских тайн с использованием ИКТ) и одновременно чётко сохранил исключение для легитимной разведывательной деятельности государств, осуществляемой исключительно в целях обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, правовая квалификация кибершпионажа в международном праве сохраняет высокую степень противоречивости, прежде всего из-за отсутствия детальной регламентации подобных операций. Тем не менее история уже накопила ряд резонансных случаев, когда несанкционированный доступ к защищённым информационным ресурсам явно выходил за рамки допустимого. Так, в 2008 году операция *Buckshot Yankee* выявила серьёзную уязвимость сетей Министерства обороны США: вредоносное ПО (известное как *Agent.btz*), занесённое через инфицированный USB-накопитель на военной базе на Ближнем Востоке, распространилось по классифицированным и неклассифицированным системам Пентагона. Целью атаки стал сбор разведданных, касающихся национальной безопасности США. Этот инцидент, признанный на тот момент одним из самых масштабных прорывов, потребовал более года на полную очистку систем и в итоге стимулировал создание Командования кибервойск США.

В июле 2025 г. Россия также подвергалась кибератакам. Так, группировка *Cavalry Werewolf* атаковала российское госучреждение через

[1]Красиков Д. В. Современные международно-правовые проблемы квалификации «кибершпионажа» //Социальные и гуманитарные науки. Сер. 4. Государство и право. 2018. № 3. С. 227.

фишинговые письма с бэкдором *BackDoor.ShellNET.1* для удалённого доступа. Затем хакеры загрузили стилер для кражи документов и бэкдор для создания туннелей, управляя системами через *Telegram*. Этот инцидент, был вовремя обезврежен ФСБ России и стимулировал разработку новых защитных электронных систем для госсектора.

В отсутствие специального международного договора «кибершпионаж» и борьба с ним могли бы претендовать на роль примера формирования обычной нормы международного права в цифровой среде. Однако в обычном международном праве до сих пор отсутствуют нормы, прямо запрещающие любые формы шпионажа. Как и традиционный сбор аналитической информации из доступных источников (или скрытых источников - шпионаж), кибершпионаж остаётся в рамках разрешительного режима: каждое государство самостоятельно определяет границы допустимости тех или иных действий. При этом государство понимает, что кибератаки способны, подобно классическому вооружённому нападению, влечь за собой реальные физические последствия. Даже если вредоносная программа лишь временно выводит из строя критическую инфраструктуру (например, энергосистему), такие действия могут приобретать «околовоенный» характер и подпадать под признаки вооружённого нападения. Для того чтобы обычное международное право могло эффективно регулировать подобные ситуации, государствам необходимо выработать единую позицию относительно квалификации конкретных случаев — либо через категорию «шпионаж», либо через концепцию «вооружённого нападения».

В заключение следует отметить, что кибершпионаж остаётся одной из наиболее сложных и неоднозначных категорий современного права. Отсутствие чёткой договорной регламентации, различия в национальных подходах к нарушению суверенитета и порогу применения силы, а также техническая анонимность киберпространства сохраняют высокую степень правовой неопределённости. Позиции ведущих государств по данному вопросу существенно различаются. Россия и Китай придерживаются широкого подхода, а значит любые кибератаки, нарушающие суверенитет государства, могут рассматриваться как акт агрессии, даже при отсутствии физического ущерба. США квалифицируют серьёзные кибератаки на критическую инфраструктуру как применение силы и готовы использовать право на самооборону для отражения таких угроз. Великобритания признаёт возможность квалификации кибератак как акта агрессии, но при условии причинения значительного материального ущерба. Таким образом, в рамках *jus ad bellum* оценка порога применения силы при кибератаках проводится с учётом их интенсивности, продолжительности и совокупных последствий. Кибероперации могут квалифицироваться как «применение силы», если причиняемый ущерб сопоставим с последствиями традиционного

вооружённого нападения, т.е. агрессии[1]. Кибершпионаж, не сопровождающийся физической деструкцией, обычно не достигает этого порога, а применение права на самооборону по ст. 51 Устава ООН в ответ на кибероперации осложняется трудностями атрибуции подобной атаки. Иными словами, любой ответ должен оставаться пропорциональным и направленным исключительно на прекращение угрозы, что не всегда возможно, учитывая особенности киберпространства.

Научная статья
УДК 341.9

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЙСКИХ СУДОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Алина Сергеевна ИГИНА
Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия, lina.igina@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук **Станислав Владимирович МИХАЙЛОВ,** bk@spark-mail.ru

Аннотация. Негативный эффект от введения санкций против России не ограничивается сферой материального права, а распространяется и на международный гражданский процесс. В этих условиях участники внешнеэкономической деятельности вынуждены находить пути решения споров в альтернативных юрисдикциях, гарантирующих нейтральность и исполнимость будущего решения. Автор исследует актуальные правовые проблемы, порождаемые односторонними санкциями государств, оценивает эффективность анти-исковых и анти-арбитражных запретов в условиях санкционного режима.

Ключевые слова: международные санкции, международный коммерческий арбитраж, внешнеторговый контракт, анти-исковые запреты, арбитражные решения

Общепринятой формой рассмотрения гражданско-правовых споров, возникающих во внешнеэкономической деятельности, признается международный коммерческий арбитраж, который традиционно

[1]Шавеко Н. А. Принципы справедливой войны: jus ad bellum // Военное право. 2015. № 3. С. 73.

определяется как негосударственная форма правосудия. По сути, международный коммерческий арбитраж — это третейский суд. Так, Н. Д. Эриашвили и Ю. А. Иванова подчеркивают, что «…исходя из своего функционального назначения коммерческий арбитраж организовывается частными субъектами для рассмотрения гражданско-правовых споров вне рамок внутригосударственной правовой системы»[1]. В России деятельность международного коммерческого арбитража регулирует Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.199 г. № 5338-1, который устанавливает полномочия МКАС по рассмотрению споров, возникающих из гражданско-правовых отношений, при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной стороны находится за границей[2].

Одним из ключевых достоинств постоянно действующего международного коммерческого арбитража традиционно считается нейтральность и свобода сторон в выборе арбитров, не подверженных воздействию политики какого-либо государства. Однако современная обстановка, связанная с введением санкций со стороны США, Европейского союза и иных юрисдикций стран коллективного Запада в отношении российских физических и юридических лиц, привела к тому, что возможность обращения в Лондонский международный третейский суд (LCIA) или Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма (SCC), оказалась под угрозой либо сопряжена с высокими рисками принятия политизированных антироссийских решений. Таким образом, международные санкции объективно препятствуют реализации права российских компаний на обращение в международный коммерческий арбитраж ряда европейских стран и США.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько эффективны российские анти-исковые и анти-арбитражные запреты в международном масштабе? В ответ на эти вызовы привычный порядок разрешения споров с иностранным участием в российском праве претерпел значительные изменения: были введены статьи 248.1 и 248.2 в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (далее — АПК РФ), которые закрепляют исключительную компетенцию российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, а также по спорам,

[1]Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А. Международный коммерческий арбитраж: понятие, виды, правовая природа // Образование и право. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-kommercheskiy-arbitrazh-ponyatie-vidy-pravovaya-priroda.

[2]Ситкарева Е. В. Антиисковые меры: роль и место в российской правоприменительной практике // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antiiskovye-mery-rol-i-mesto-v-rossiyskoy-pravoprimenitelnoy-praktike (дата обращения: 20.03.2026).

связанным с применением иностранных ограничительных мер. Изначально статья 248.1 АПК РФ требовала от стороны доказать, что санкции препятствуют доступу к правосудию, однако в настоящий момент складывается практика, которую можно назвать «конфликтом юрисдикций». Российские компании обращаются в отечественные суды за запретом ведения разбирательств за рубежом, руководствуясь статьями 248.1, 248.2 АПК РФ, на что иностранные ответчики применяют анти-исковые меры. При этом сохранение арбитража в качестве приоритетного способа урегулирования разногласий с иностранными контрагентами выступает как единственное решение, когда требуется эффективный механизм разрешения споров.

В этой связи стоит отметить, что российский бизнес все чаще обращается к азиатским арбитражным институтам, представленным Сингапурским и Гонконгским международным арбитражными центрами (SIAC и HKIAC), выбор которых обусловлен рядом факторов. Во-первых, изменение географии контрагентов, вызванное увеличением числа партнеров из Азии, с которыми разрешение споров будет эффективнее в местах с максимально оперативным доступом к их активам; во-вторых, дороговизной и длительностью рассмотрения дел в иных судах; в-третьих, большей устойчивостью этих институтов к санкционному давлению. Иными словами, подобный выбор отражает стремление бизнеса сохранить эффективность правосудия, минимизируя собственные риски[1].

Показательным примером для правоприменительной практики выступает Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 г. № 999-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «OWH SE i.L.» на нарушение ее конституционных прав ст. 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Позиция заявителя сводилась к тому, что ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ не соответствуют Конституции Российской Федерации, позволяя российским судам признавать свою исключительную компетенцию в отношении спора, отнесенного соглашением сторон к компетенции международного коммерческого арбитража на территории дружественного Российской Федерации иностранного государства, и устанавливая запрет инициировать или продолжать разбирательство в международном коммерческом арбитраже и иностранном суде по такому спору. В итоге, Конституционный Суд отказал в рассмотрении запроса, но из позиции суда можно извлечь следующее:

[1]Старженецкий В. В., Очирова С. Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение статус quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. № 4 (36). С. 146.

1) Закон Лугового не подразумевает автоматического установления исключительной компетенции российских судов или наложения запретительных мер;

2) российским судам надлежит устанавливать предмет, субъектный состав, всесторонне исследовать обстоятельства и выявлять иные критерии, необходимые для реализации прав каждого участника спора, несмотря на то, подлежат ли они санкциям или нет.

Таким образом, российский бизнес нейтрализует санкционное давление через механизмы исключительной компетенции российских судов и анти-исковых запретов, однако их эффективность в международном масштабе остается минимальной, потому как за рубежом решения, вынесенные российскими судами, как правило, сталкиваются с невозможностью признания и последующего исполнения. В сложившихся условиях для российских участников внешнеэкономической деятельности стратегически значимым ориентиром становится обращение именно к азиатским арбитражным центрам, которые показывают устойчивость к санкционному влиянию, что позволяет говорить как о справедливом разбирательстве, так и реальной исполнимости вынесенных решений.

Научная статья
УДК 341.1/.8

НОВЫЙ ВИТОК ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Екатерина Сергеевна КЕТОВА[1], Дарья Дмитриевна СРЕБНЯК[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] Ketova.jekaterina@yandex.ru
[2] darya.srebnyak@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены международно-правовые проблемы ядерного разоружения и механизм нераспространения ядерного оружия. Проанализированы ключевые вызовы современности принципу режима

нераспространения. Выявлено несоответствие современным вызовам механизмов ядерного разоружения, сформированных в 60-е гг. XX в. Авторы считают неэффективной деятельность МАГАТЭ и созданных ею договорных режимов нераспространения в условиях растущей конфронтации современных государств. Предложены способы решения проблемы разоружения и снижения угрозы ядерной гонки вооружений.

Ключевые слова: Ядерное оружие, международная безопасность, нераспространение ядерного оружия, геополитическая конфронтация, ратификация

Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (далее — ДНЯО) — многосторонний международный документ, разработанный Комитетом по разоружению ООН с целью недопущения расширения круга стран, обладающих ядерным оружием, и ограничения возможности возникновения вооружённого конфликта с применением такого оружия[1]. Договор был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН, а открыт для подписания - 1 июля 1968 г. Этот договор стал важным шагом в сфере ограничения использования ядерного оружия наряду с созданием в 1957 г. Международного агентства по ядерной энергетике (далее — МАГАТЭ) с целью контроля за нераспространением ядерного оружия и обеспечения ядерной безопасности. Однако после принятия ДНЯО сложности начались едва ли не сразу. Так, Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея, ЮАР воздержались от подписания данного договора, что позволяет им легально «избегать» инспекций МАГАТЭ и сохранять напряженность в своих регионах до сих пор.

Помимо ДНЯО ключевым документом в сфере ядерного разоружения является Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (далее — ДВЗЯИ) — многосторонний международный договор, направленный на запрет испытаний ядерного оружия и любых других ядерных взрывов в гражданских или военных целях в любом месте. Договор был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН и открыт для подписания 24 сентября 1996 г. Договор предусматривает возможность денонсации любым участником, но только в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, ставящих под угрозу высшие интересы государства. В рамках контроля за соблюдением ДВЗЯИ Генеральной Ассамблеей ООН была создана Международная система мониторинга (МСМ), предназначенная для постоянного наблюдения за глобальной обстановкой и выявления любых признаков проведения ядерных взрывов. К 2025 г. Договор подписали 187 государств, ратифицировали — 178. Для вступления

[1]Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2024. № 6. С. 5—12.

ДВЗЯИ в силу необходима ратификация 44 государств, перечисленными в Приложении 2 к Договору, в котором указаны и ядерные державы, и государства с потенциальными возможностями создания ядерного оружия. Из этого списка документ ратифицировали 35 стран, включая Великобританию и Францию, а также Россию, но 2 ноября 2023 г. Президент России В. В. Путин подписал закон, согласно которому Российская Федерация отзывает свою ратификацию. Подчеркнем, что ДВЗЯИ пока ещё не вступил в силу, поскольку ратификации Договора 44 государствами так и не произошло.

В 2017 г. неядерные страны всего мира инициировали подписание Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Цели договора по регулированию возможной гонки вооружений в ядерной сфере сводится к его полному запрещению. Однако кардинальные изменения в конфигурации международных отношений, начавшиеся в 2022 г. выявили низкую адаптивность договорного режима ДЗЯО к новым политическим реалиям. В отличие от ДНЯО, Договор 2017 г. фактически превратился в политическую декларацию государств, не обладающих ядерным военным потенциалом и не способных оказать влияние на стратегический баланс между ядерными или околоядерными державами. Все это приводит к мысли, что стандартизированные механизмы ядерного разоружения, сформированные в XX в. на пике Холодной войны и противостояния СССР и США на сегодня уже утратили свою актуальность. В условиях нарастающей конфликтности международных отношений международно-правовые механизмы ядерного разоружения и нераспространения ядерного оружия требуют комплексной модернизации на основе многостороннего взаимодействия. Более того, на наш взгляд, для сохранения системы контроля МАГАТЭ за разработками ядерного оружия и обеспечения международной безопасности в ядерной сфере требуется модернизация режима разоружения с учётом современных геополитических вызовов.

Одним из возможных решений может стать расширение сети безъядерных зон, или зон свободных от ядерного оружия (ЗСЯО) как инструмента снижения региональной напряжённости и укрепления доверия между государствами. На сегодняшний день функционируют несколько таких зон: Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолько, 1968 г.) и Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга, 1986 г.) Приоритетным направлением для создания еще одной зоны свободной от ядерного оружия до недавнего времени считался Ближний Восток, который традиционно является одной из наиболее нестабильных зон с точки зрения ядерной безопасности. Однако эскалация вооруженного конфликта в Ормузском проливе не только «похоронила» все переговоры по «ядерной сделки» США с Ираном, но скорее даже наоборот увеличила число

сторонников необходимости развивать свои ядерные силы всех сопредельных с Израилем государств Ближнего Востока для собственной безопасности и сдерживания амбиций Израиля и США

События последних лет отчетливо показывают, что ключевая роль в процессе модернизации и сокращении ядерного оружия по-прежнему отводится пяти официальным ядерным государствам, постоянным членам СБ ООН: России, Китаю, США, Великобритании и Франции. Эти страны не только обладают правом «на хранение и производство ядерного оружия» в соответствии с международным правом, но и имеют значительный опыт работы с ядерными технологиями. Самоограничительные меры по нераспространению ядерных материалов, принимаемые этими государствами, во многом определяют перспективы разработки ядерного оружия и их союзниками, а значит и в вопросах распространения ядерного оружия. Кроме того, перспективы ядерного разоружения осложняются двумя факторами: во-первых, технологический прогресс в сфере обогащения радиоактивных материалов снижает порог для неядерных государств, потенциально обладающими ядерными технологиями в мирных целях; во-вторых, на сегодня резко увеличилось количество стран, обладающих ядерным оружием вне рамок ДНЯО, их более 10, что создаёт дополнительные вызовы для системы нераспространения, поскольку они не связаны обязательствами по сокращению арсеналов ядерного вооружения, какие есть у государств первой пятерки.

На наш взгляд, существенным вызовом мировому режиму нераспространения ядерного оружия выступает политика США по размещению тактического ядерного оружия на территории своих европейских союзников, в том числе в регионах с повышенной геополитической напряжённостью. Особый узел проблематики нераспространения сложился на Корейском полуострове. Обладание КНДР ядерным потенциалом, подкреплённое регулярными ракетными испытаниями и риторикой военного сдерживания, создаёт устойчивый фактор нестабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе[1], что подталкивает Японию и Южную Корею к собственным ядерным разработкам. Эта и подобные ситуации осложняются стратегическими интересами практически всех стран о региональной эскалации и модернизации национальных армий.

Эскалация конфликта на юго-востоке Украины также приводит к актуализации дискуссии о гипотетическом применении ядерного оружия одной из сторон в случае своего поражения. Этот вопрос вышел на первый план в международной повестке[2] и широко обсуждается в странах

[1]Арбатов А. Г. Ядерное сдерживание и разоружение в полицентричном мире // Современная Европа. 2024. № 5. С. 18.

[2]Белозерцев С. М. Ядерное разоружение: некоторые аспекты международно-правового регулирования //Международное право. 2023. № 1. С. 65.

Европейского Союза, поддерживающих Украину и предоставляющего украинской армии военную помощь. Обсуждение разворачивается на нескольких уровнях: в СБ ООН, в МАГАТЭ, в ЕС и Совете Европы. Несмотря на отсутствие права Украины на разработку собственного ядерного оружия при поддержке европейских партнеров власти Киева инициировали обсуждение пересмотра своего безъядерного статуса и возможности превентивных ядерных мер со стороны НАТО против России. Подобная риторика несёт деструктивный потенциал не только для режима нераспространения ядерного оружия в Европе, но и раскручивает гонку вооружений в целом. При этом в России МИД и Министерство обороны неоднократно указывали на оборонительный характер российской ядерной доктрины[1], но это уже никого не останавливает.

На наш взгляд, рассмотрение этого вопроса должно получить статус «вопроса существа» в повестке обсуждения Совета Безопасности ООН, инициировать процесс формирования зоны нераспространения ядерного оружия в Европе, пережившей две мировые войны. Государства-основатели ДНЯО, обладающие ядерным оружием на законных основаниях, должны выступить гарантами режима нераспространения ядерного оружия. Это позволит укрепить доверие на европейском континенте и создать прецедент для дальнейшего продвижения идей разоружения в других регионах мира, что возможно только при обеспечении прочных договоренностей между постоянными членами Совета Безопасности ООН и расширением полномочий МАГАТЭ по контролю над ядерными потенциалами государств-участников.

[1]Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания: Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 341

РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СПОРОВ В РАМКАХ ЕАЭС И ПРОЦЕДУРЫ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Роберт Рустемович ЛЕГОЕВ[1], Георгий Грачикович СТЕПАНЯН[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] robertlegoev9@gmail.com
[2] gogo21102006@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, zeena68@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются правовые механизмы разрешения экономических споров между государствами-членами ЕАЭС на. Исследуются нормативные основы досудебного и судебного урегулирования, выделяются основные категории споров (торговые, таможенные, в сфере услуг и инвестиций), выявляются системные проблемы государств-членов ЕАЭС, связанные с коллизией наднационального и национального права, ограниченной юрисдикцией Суда ЕАЭС и различиями в правоприменении. Предлагаются направления совершенствования, включая оптимизацию досудебных процедур, расширение компетенции Суда ЕАЭС и гармонизацию национальных подходов к толкованию экономических и иных норм Союза.

Ключевые слова: ЕАЭС, разрешение споров, Суд ЕАЭС, досудебные процедуры, государства-члены ЕАЭС, гармонизация права

Углубление евразийской экономической интеграции в условиях геополитических трансформаций 2020-х годов актуализирует необ-ходимость эффективного разрешения споров между государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Важное значение это приобретает для Республики Казахстан и Российской Федерации — ключевых участников интеграционного объединения, экономики которых характеризуются высокой степенью взаимозависимости. Сложившиеся торгово-инвестиционные связи, совместные инфраструктурные проекты и

общие логистические маршруты требуют стабильных и предсказуемых правовых механизмов урегулирования разногласий.

Цель настоящей статьи — выявить особенности применения правовых инструментов разрешения споров между государствами-членами ЕАЭС, оценить их эффективность и предложить пути совершенствования. Методологическую основу составляют формально-юридический анализ нормативных актов, сравнительно-правовое исследование практики национальных и наднациональных органов, а также изучение конкретных примеров межгосударственных разногласий.

Правовую основу разрешения споров в ЕАЭС образуют Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее — Договор) и Статут Суда ЕАЭС, являющийся его неотъемлемой частью. Как отмечает А. С. Исполинов, «Статут суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов» зафиксировал достаточно узкую компетенцию судебного органа, что изначально ограничивало его потенциал[1].

Согласно ст. 9—11 Договора, обязательным этапом урегулирования разногласий являются двусторонние консультации между государствами-членами. Если консультации не приводят к согласию в течение трёх месяцев, сторона, инициировавшая спор, вправе передать его на рассмотрение Суда ЕАЭС. При этом примирительные процедуры (медиация, добрые услуги) носят факультативный характер и применяются только при взаимном согласии сторон. Такой подход, с одной стороны, сохраняет гибкость, с другой — не создаёт обязанности исчерпать все внесудебные возможности, что может приводить к преждевременной передаче споров в судебную инстанцию. Данный подход является компромиссным, с одной стороны, сохранение гибкости и факультативность примирительных процедур позволяют сторонам самостоятельно определять стратегию урегулирования спора, не затягивая процесс там, где компромисс заведомо недостижим, а также избегать излишних бюрократических барьеров. С другой стороны, отсутствие обязанности исчерпать все внесудебные возможности может приводить к преждевременной передаче споров в Суд ЕАЭС, минуя потенциально эффективные примирительные механизмы, что увеличивает нагрузку на судебную инстанцию и не всегда способствует сохранению добрососедских отношений между государствами-членами.

Компетенция Суда ЕАЭС включает толкование норм Договора, разрешение споров о соответствии актов государств-членов праву Союза и проверку соблюдения обязательств. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «разница в подходах к интерпретации международных норм, в

[1]Исполинов А. С. Статут суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 156.

данном контексте «разница в подходах к интерпретации международных норм» — это не о нормах общего международного права, а о том, как государства-члены ЕАЭС по-разному толкуют одни и те же наднациональные нормы самого Договора о ЕАЭС и решения Евразийской экономической комиссии. Процессуальные различия создают барьеры для эффективного разрешения споров на наднациональном уровне»[1]. Сформулированные таким образом общие проблемы наднационального правосудия в полной мере проявляются и в двусторонних отношениях между государствами-членами Союза, причём наиболее рельефно — на примере Республики Казахстан и Российской Федерации как ключевых экономических партнёров в рамках ЕАЭС, чьи взаимные торговые и инвестиционные связи порождают наиболее разнообразную и показательную практику разногласий, указанных далее.

Анализ различных, в том числе экономических разногласий между государствами-членами ЕАЭС позволяет выделить три группы споров, различающихся по юридической природе. Первая группа связана с односторонним применением изъятий и нетарифных барьеров. Взаимная торговля между двумя странами неоднократно осложнялась введением временных ограничений, которые одна из сторон квалифицировала как нарушение принципа свободы движения товаров (ст. 29 Договора).

Характерный пример — решение России о временных ограничениях на экспорт нефтепродуктов из Казахстана в 2022 году. Формально оно было обосновано необходимостью обеспечения внутреннего рынка и стабилизации цен на нефтепродукты на фоне внешнего санкционного давления, а также техническими вопросами, связанными с транзитными рисками и поддержанием инфраструктуры. Казахстанская сторона расценила данную меру как противоречащую единым принципам функционирования внутреннего рынка ЕАЭС. Спор был урегулирован на этапе двусторонних консультаций с участием Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), однако он высветил проблему размытости критериев допустимости односторонних ограничений в условиях санкционного давления в отношении России со стороны США И ЕС.

Вторая группа споров обусловлена различиями в толковании унифицированных норм права Евразийского экономического союза, прежде всего в сфере таможенного регулирования. Как отмечает С. А. Небеснюк, судебная практика по классификации товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД ЕАЭС) выявляет устойчивые расхождения в подходах национальных

[1]Морозова С. А. Практика разрешения экономических споров в рамках ЕАЭС и СНГ // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 10. С. 150.

органов[1]. Расхождения в классификации товаров и в методах определения таможенной стоимости ведут к существенным различиям в сумме начисляемых пошлин и длительным досудебным разбирательствам. Типичные примеры — классификация сельскохозяйственной продукции, отдельных видов машин и оборудования, а также химических товаров, в отношении которых особенно часто возникают разногласия между таможенными органами России и Казахстана. Несмотря на унификацию таможенного законодательства в рамках Союза, национальные правоприменительные органы нередко дают разные интерпретации одним и тем же нормам Договора о ЕАЭС (например, положениям о методах определения таможенной стоимости в ст. 38—44 Договора, а также отдельным статьям Таможенного кодекса ЕАЭС, касающимся классификации товаров по ТН ВЭД). Это создаёт правовую неопределённость для участников внешнеэкономической деятельности и порождает разногласия между хозяйствующими субъектами и контролирующими органами, которые приходится разрешать либо в рамках рабочих групп Евразийской экономической комиссии, либо в Суде ЕАЭС.

Примером служат споры о маркировке молочной продукции, где различия в национальных подходах к техническому регулированию — а именно несовпадение требований национальных стандартов (ГОСТ) с унифицированными техническими регламентами ЕАЭС, а также коллизия между правилами государства-импортёра и наднациональными нормами Союза — привели к взаимным претензиям между Россией и Казахстаном, потребовавшим вмешательства Евразийской экономической комиссии для выработки согласованного толкования. Например, Министерство юстиции Беларуси обратилось в Суд ЕАЭС за разъяснением: можно ли считать законно маркированными товары, импортированные из другого государства-члена, если в национальную систему маркировки Беларуси передаётся лишь часть кода (без ключа проверки и электронной подписи). По мнению заявителя, такие товары не должны признаваться маркированными. Однако в консультативном заключении от 30 мая 2023 года Большая коллегия Суда указала, что статус товара как «маркированного» не зависит от объёма переданных данных в страну-импортёра. Один и тот же товар не может иметь разный статус в разных государствах-членах, иначе это противоречит принципу свободного движения товаров на внутреннем рынке ЕАЭС. В силу взаимного признания средств идентификации государство-импортёр не вправе препятствовать обороту товара, маркированного по правилам Соглашения на территории другого государства-члена, даже если располагает лишь частью компонентов кода маркировки.

[1]Небеснюк С. А. Судебная практика по классификации товаров в соответствии с единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности евразийского экономического союза // Вопросы экономики и права. 2021. № 4. С. 56.

Третья группа споров связана с коллизиями в сфере услуг и инвестиций. Споры о доступе на рынки транспортных и финансовых услуг зачастую связаны с применением дискриминационных мер в отношении хозяйствующих субъектов одного государства-члена со стороны другого государства-члена: например, предъявление дополнительных лицензионных требований к иностранным перевозчикам или финансовым организациям, а также ограничений на свободу перемещения специалистов и трудовой миграции в рамках Союза. При этом принцип национального режима, закреплённый в ст. 25 Договора о ЕАЭС, согласно которому государства-члены не вправе ставить иностранные товары, услуги и поставщиков в менее благоприятное положение по сравнению с национальными, трактуется государствами по-разному — одни понимают его как требование полного уравнивания в правах, другие допускают изъятия в пользу внутренних производителей, что создаёт зону правовой неопределённости для участников рынка, не понимающих, какие именно правила применять в конкретной ситуации. В инвестиционной сфере конфликты между Казахстаном и Россией возникают преимущественно из-за отсутствия единообразного подхода к защите прав инвесторов, при этом сам по себе вопрос о том, должно ли такое единообразие существовать в рамках ЕАЭС, остаётся дискуссионным: в отличие от сферы товаров и таможенного регулирования, инвестиционная политика не входит в исключительную компетенцию Союза, и государства-члены сохраняют право устанавливать собственные режимы защиты инвестиций, что объективно ведёт к различиям в правоприменении; тем не менее, отсутствие хотя бы минимальной гармонизации в этой области порождает практику «параллельного» использования альтернативных механизмов, таких как межгосударственные соглашения о защите инвестиций, заключаемые вне рамок ЕАЭС. Яркий пример — первый опубликованный инвестиционный арбитражный спор в рамках ЕАЭС: дело «ОООМанолиум-процессинг» против Республики Беларусь», в котором российский инвестор инициировал разбирательство на основании Договора о ЕАЭС, оспаривая налоговые меры, принятые принимающим государством.

Анализ практики позволяет выделить ряд системных проблем, снижающих эффективность существующих механизмов. Во-первых, это коллизия наднациональных и национальных норм. Даже после формальной гармонизации сохраняются различия в толковании и применении общих норм, поскольку они интегрируются в несовпадающие национальные правовые системы. Как отмечает С. А. Морозова, различия в правовых системах государств-участников и в подходах к интерпретации наднациональных норм (которые, в отличие от международных договоров, обладают верховенством и прямым действием согласно ст. 6 Договора о ЕАЭС) создают препятствия для эффективного разрешения споров. Например, оценочные категории ст. 29 Договора («неоправданная

дискриминация», «скрытое ограничение торговли») наполняются государствами-членами различным содержанием, что порождает конфликты при квалификации односторонних ограничений и затягивает досудебное урегулирование[1]. Во-вторых, неисполнение решений Суда ЕАЭС. Решения Суда обязательны для сторон спора, однако механизм принудительного исполнения отсутствует. В случае неисполнения решение может быть передано на рассмотрение Высшего Евразийского экономического совета, что носит скорее политический, чем юридический характер. Это снижает предсказуемость судебной защиты, поскольку неисполнение решения Суда ЕАЭС передаётся на политический уровень Высшего Евразийского экономического совета. Общий принцип принудительного исполнения может опираться на систему национальных судов государства-ответчика. В-третьих, ограниченная юрисдикция Суда: он не рассматривает споры с участием хозяйствующих субъектов, что вынуждает бизнес обращаться в национальные суды. Это затягивает разрешение конфликта и увеличивает риск не единообразной судебной практики.[2]. В-четвёртых, недостаточная эффективность досудебных этапов. Примирительные процедуры, будучи факультативными, применяются редко, что приводит к переходу споров в судебную фазу даже при наличии потенциала для внесудебного урегулирования.

С учётом выявленных недостатков процедур разрешения споров в рамках ЕАЭС представляется необходимым реализовать комплекс мер, направленных на повышение эффективности разрешения споров между странами-участниками ЕАЭС. В части оптимизации досудебных процедур целесообразно законодательно всеми странами-членами ЕАЭС закрепить многоуровневую систему обязательных консультаций с поэтапным вовлечением профильных экспертов и представителей бизнес-сообщества в ЕЭК. Такой подход позволит своевременно выявлять правовые коллизии и вырабатывать согласованные решения до перехода к судебному разбирательству. Кроме того, следует расширить практику применения примирительных процедур, возможно, путём включения в Регламент Суда ЕАЭС положений об обязательном проведении медиации по отдельным категориям дел.

Вторым направлением является усиление наднациональной роли Суда ЕАЭС и обеспечение единообразия правоприменения. Перспективным представляется наделение Суда ЕАЭС компетенцией по рассмотрению споров между национальными органами и хозяйствующими субъектами (по аналогии с Судом ЕС), что потребовало бы значительных правок в Договор, но, как отмечает Ж. Кембаев, позволило бы укрепить наднациональный

[1]Морозова С. А. Практика разрешения экономических споров в рамках ЕАЭС и СНГ // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 10. С. 149.

[2]Кембаев Ж. М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Scriptorium justicia. 2016. № 2. С. 32.

характер правосудия и обеспечить прямую защиту прав бизнеса[1]. Важным инструментом гармонизации правоприменения (целенаправленное сближение и приведение к единообразию того, как национальные органы и суды государств-членов ЕАЭС понимают и применяют одни и те же наднациональные нормы Союза) выступает формализация (законодательное закрепление) прецедентной практики. Регулярная публикация аналитических обзоров решений Суда ЕАЭС с комментариями правовых позиций секретариатом суда, как подчёркивает С.А. Небеснюк, позволит национальным судам и административным органам выработать единообразные подходы к толкованию норм Союза[2].

Третьим направлением является гармонизация национальных подходов к имплементации права ЕАЭС. Для минимизации расхождений в интерпретации договорных норм предлагается создать совместные рабочие группы юристов государств-членов ЕАЭС, специализирующиеся на разработке единых методических рекомендаций по имплементации решений наднациональных органов. Это позволит укрепить правовую определённость по вопросам толкования норм Договора для участников экономической деятельности.

Таким образом, существующие механизмы разрешения споров в ЕАЭС демонстрируют как жизнеспособные элементы (обязательные консультации, деятельность Суда), так и системные сбои. Ключевые трудности связаны с коллизиями между наднациональным и национальным правом, узкой юрисдикцией Суда ЕАЭС и отсутствием действенного механизма принудительного исполнения его решений. Предложенные нами направления — оптимизация досудебных этапов, расширение компетенции Суда и гармонизация правоприменительной практики — позволят государствам-членам и хозяйствующим субъектам получать более предсказуемое и оперативное урегулирование разногласий. Дальнейшее развитие интеграции напрямую зависит от того, сумеет ли ЕАЭС выстроить такую архитектуру разрешения споров, где наднациональные инструменты подкрепляются единообразным применением через национальные правовые системы.

[1]Кембаев Ж. М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Scriptorium justicia. 2016. № 2. С. 35.

[2]Небеснюк С. А. Судебная практика по классификации товаров в соответствии с единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности евразийского экономического союза // Вопросы экономики и права. 2021. № 4. С. 57.

Научная статья
УДК 341.4

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ОРГАН МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Светлана Владимировна ПАНЧЕНКО[1], Эвелина Ильинична ТОМИЛОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] panchenko_s06@gmail.ru,
[2] eevaevaeva2006@gmail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА,** ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности Международного уголовного суда (МУС) как первого постоянно действующего органа международной уголовной юстиции. Рассматриваются исторические предпосылки создания МУС, его правовая природа, принципы и полномочия, закрепленные в Римском статуте 1998 г. Авторы рассматривают системные проблемы в деятельности МУС, связанные с избирательностью юрисдикции и политической мотивированностью принимаемых решений. Авторы приходят к выводу, что налицо существенный разрыв между декларируемыми целями МУС и его фактической ролью международного уголовного правосудия в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, международное правосудие, Римский статут, международные преступления

Современная система международных отношений характеризуется эскалацией вооруженных конфликтов и совершением деяний, квалифицируемых как преступления против мира и безопасности человечества. Несмотря на усилия мирового сообщества по мирному разрешению международных конфликтов, рост числа международных преступлений приобретает системный характер, что объективно требует создания эффективного универсального механизма уголовной ответственности виновных лиц.

После окончания Второй мировой войны нюрнбергские принципы и международное уголовное право значительно расширило правовую базу универсальной основы национального уголовного законодательства, превратившись постепенно в глобальную правовую систему[1]. Правовой основой деятельности МУС является Римский статут — международный договор, учредивший постоянно действующий международный судебный орган (или Устав МУС), который был принят 17 июля 1998 г. на дипломатической конференции в Риме и вступил в силу 1 июля 2002 г. На данный момент Римский статут ратифицировали 125 стран.

В ст. 1 Устава МУС указано, что Международный уголовный суд «является постоянным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные системы уголовного правосудия»[2]. Таким образом, в отличие от международных военных трибуналов, созданных по окончании конкретных вооруженных конфликтов для наказания военных преступников, МУС является международным постоянно действующим судебным органом.

Согласно ст. 4 Римского статута МУС наделен правами и обязанностями непосредственно в соответствии с международным уголовным правом, обладает общей правоспособностью действовать на международном уровне. Суд вправе заключать международные соглашения, в том числе с ООН, с государством пребывания штаб-квартиры Суда — Нидерландами, с государствами-неучастниками о сотрудничестве. Иными словами, МУС призван активно участвовать в глобальной борьбе с военными преступлениями, обязан привлечь виновных лиц к уголовной ответственности и участвует в предотвращении международных преступлений в любом регионе мира.

МУС является судом высшей инстанции, но обладает юрисдикцией лишь в отношении деяний, совершенных после 1 июля 2002 г., и только на территории государств-участников, либо в отношении их граждан. Исключение возможно по решению Совета Безопасности ООН на основании Устава ООН, если СБ «передаст» свои полномочия МУС по расследованию ситуации на основе принятой резолюции СБ ООН.

Ключевой принцип деятельности МУС — комплементарность, что означает приоритет органов национальной уголовной юстиции, но МУС может «вмешивается» в национальный уголовный процесс, если государство, на территории которого совершено международное

[1]Трикоз Е. Н. Формирование «нюрнбергской модели» международных преступлений //Международное право – International law. 2006. № 3 (27). С. 47.

[2]Римский статут Международного уголовного суда: заключен в Риме 17 июля 1998 г. Режим доступа: – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf

преступление или чьим гражданином является подозреваемый военный преступник, не желает или не способно вести судебное расследование и уголовное преследование должным образом[1]. Здесь необходимо отметить, что хотя юрисдикция Суда формально ограничена Статутом и он действует как элемент, дополняющий национальные системы, но именно указанный нами принцип комплементарности наделяет прокурора и судей МУС правом самостоятельно оценивать ситуацию на предмет совершения международного преступления, оставляя широкий простор для субъективных решений, вопрос о «…желании или способности» конкретного государства вести расследование «должным образом». Возможности прокурора МУС в таком случае обеспечивают право инициировать расследование по собственной инициативе или по санкции Палаты предварительного производства, что зачастую превращает судебный контроль в формальность. Считаем, что и предусмотренный «механизм» передачи МУС ситуаций по инициативе Совета Безопасности ООН, позволяет выводить на уровень Суда те или иные конфликты выборочно, по усмотрению самого МУС, что противоречит идее универсального и беспристрастного правосудия.

Как результат почти сразу после создания Международного уголовного суда и принятия Римского статута 1998 г., несмотря на его вклад в борьбу с преступлениями против человечества, все отчетливее проявляются проблемы, связанные с избирательностью юрисдикции и принятии МУС политически мотивированных решений. Кроме того, подрывает универсальность Суда и то обстоятельство, что США, Россия и Китай не признают его юрисдикцию. Более того, представляется показательным региональный аспект, поскольку за 25 лет своей работы МУС возбудил расследования лишь по 13 случаям, из которых 10 были связаны с преступлениями, совершенными в Африке[2]. Такая географическая избирательность свидетельствует о превращении МУС в инструмент политики мировых держав, расправы над «неугодными» политическими режимами и собственной неподсудности. На современном этапе открытого противостояния США и стран коллективного Запада против России Украина инициировала и нашла поддержку в МУС позиция обвинения России в совершении ряда международных преступлений после начала Специальной военной операции в феврале 2022 г.

17 марта 2023 г. МУС выдал ордер на арест Президента Российской Федерации В. В. Путина по запросу прокурора МУС Карима Хана. В отношении действующего Президента России были выдвинуты обвинения в незаконной депортации детей с оккупированных территорий Украины в Россию. Ордер на арест был также выдан и на Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка М. Львову-

[1]Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений /под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. Москва: Европейская Комиссия, 2008. С. 38.

Белову. Однако, как было отмечено ранее, Россия не является участником Римского договора и членом МУС, арест касается российских граждан, обладающих дипломатическим иммунитетом. Кроме того, Международный уголовный суд не выносит заочных приговоров, «обвиняемый» должен лично присутствовать в Суде в Гааге и выдаваться государством для осуществления международного правосудия. Следовательно, как верно отметила официальный представитель МИД Российской Федерации Мария Захарова, решения МУС, с точки зрения международного и национального российского права являются «ничтожными» и не несут никакой правовой нагрузки, но имела целью опорочить Россию и ее первых лиц в мировых СМИ.

Предметная юрисдикция МУС также вызывает немалые научные споры, поскольку ограничена только теми международными преступлениями, на которые распространялась юрисдикция трибуналов в Нюрнберге и Токио[1]. Вместе с тем, геноцид квалифицирован Римским статутом как отдельное преступление, которое появилось в международном уголовном праве как самостоятельное преступление только после принятия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в 1948 г. С другой стороны, к юрисдикции МУС не отнесено, например, пиратство, которое очень распространено в водах государств, охваченных вооруженными конфликтами по всему миру, а также незаконная торговля людьми, преступления против дипломатических агентов, транснациональная торговля наркотиками и психотропными веществами и т. п.

Таким образом, Международный уголовный суд как международный орган универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений еще далёк от реализации своей основной цели – обеспечить неотвратимость наказания за самые тяжкие международные преступления. МУС, не обладая собственным механизмом принуждения, на практике максимально зависит от согласия государств на сотрудничество с МУС и его органами. К сожалению, МУС и его работа на современном этапе неизбежно оказывается встроенной в политический контекст кризиса международных отношений. В этих условиях МУС становится инструментом политического противостояния и выполняет скорее символическую роль «мирового полицейского», чем функцию реально действующего органа международного уголовного правосудия.

[1]Кривокапич Б.Д. Проблемы международного права /отв. ред. А.Г. Безверхов, науч. ред. А.В. Юдин. Самара: Самарский госуд. ун-т, 2022. С. 329.

Научная статья
УДК 341.1/.8

ПОСТМОРТАЛЬНАЯ РЕПРОДУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Анна Олеговна СОКОЛОВА[1], Кирилл Сергеевич ТРОФИМОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] anna-skl06@mail.ru
[2] kirill.trofimov.05@bk.ru

Научный руководитель заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА.**

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам постмортальной репродукции человека, т.е. рождению ребенка после смерти своих генетических родителей. Опираясь на правовую позицию Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 6-П от 11.02.2025 г., авторы творчески развивают концепцию правовой неопределенности, поскольку ребенок не должен оказаться лишенным устойчивого правового статуса и защиты своих прав. В статье анализируются проблемы наследственных и личных неимущественных прав таких детей в отечественном и зарубежном праве.

Ключевые слова: постмортальная репродукция, правовая неопределенность, наследственное право, международное частное право

В российской правовой доктрине под постмортальной репродукцией понимается «ряд действий, направленных на применение крио-консервированного генетического материала после смерти умершего потенциального родителя (умерших потенциальных родителей) с целью дальнейшего зачатия и рождения детей, которые впоследствии признаются детьми такого умершего лица (умерших лиц) при наличии его (их) прижизненного письменного информированного согласия»[1]. Ключевым элементом данного определения является акцент на волеизъявлении умершего. Как подчеркивает Г. В. Аникина, одна из основоположников исследования данной проблематики в России, «установление истинного намерения лица о посмертном отцовстве (материнстве) является

[1]Молодяков А. М. Правовое регулирование постмортальной репродукции в россии: аспекты наследственных прав // Вестник науки. 2025. № 1 (82). С. 5.

обязательным условием проведения любых манипуляций с донорским материалом умершего»[1].

При этом важно различать две принципиально разные ситуации: зачатие при жизни родителя, но рождение после его смерти, и зачатие полностью после смерти родителя с использованием криоконсервированного материала спустя месяцы или годы после его смерти. Эти вопросы особую актуальность приобрели в последние годы в связи с тремя факторами: во-первых, активное развитие практики криоконсервации и их доступность для широких слоев населения[2]; во-вторых, рост числа погибших в репродуктивном возрасте (военные действия, техногенные катастрофы, последствия пандемий), что стимулирует интерес к посмертной репродукции как способу сохранения генетической линии[3]; в-третьих, наличие иностранного элемента в правоотношении (родители имеют разное гражданство или ребёнок рожден на территории другого государства, где доступны необходимые технологии для постмортальной репродукции).

В этой связи принципиальное значение имеет мнение Е. Е. Гуляевой и Ю. В. Бобровой, обосновывающих формирование новой отрасли — «международного биоправа». Авторы подчеркивают, что «постмортальная репродукция человека представляет собой классический пример ситуации, где традиционные принципы права вступают в конфликт с отсутствием единообразного регулирования, создавая зоны правовой неопределенности»[4], что указывает на необходимость разработки общеправовых стандартов определения момента правосубъектности, признания прижизненного волеизъявления и правового регулирования трансграничных программ **в целях обеспечения устойчивого правового статуса лиц, рожденных в результате постмортальной репродукции.**

На сегодняшний день в отечественном праве рассматриваются разные подходы к разрешению подобных сложных этических и правовых проблем. Суть наиболее распространенного подхода заключается в следующем: традиционные коллизионные привязки, используемые для определения личного закона физического лица (закон гражданства или закон места

---

[1]Аникина Г. В. К вопросу о правовом регулировании постмортальной репродукции // Наука. Общество. Государство. 2013. № 2 (2). С. 41.

[2]Право жизни после смерти // Закон. 2025. 7 июля. URL: https://www.zakonia.ru/theme/pravo-zhizni-posle-smerti (дата обращения 14.03.2026).

[3]Громова М. Г. О статусе ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции, как самостоятельном коллизионном объеме регулирования // Международный правовой курьер. 2026. URL: https://inter-legal.ru/status-rebenka-rozhdennogo-v-rezultate-postmortalnoj-reproduktsii-kak-samostoyatelnyj-kollizionnyj-obem-regulirovaniya-sudebnaya-praktika-i-napravleniya-zakonodatelnogo-razvitiya?ysclid=mn047uh04g150986012 (Дата обращения 14.03.2026).

[4]Гуляева Е. Е., Боброва Ю.В. Актуализация принципов международного права в период технологических изменений: от Декларации 1970 г. к вызовам биоправа // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 2. С. 3-4.

жительства), оказываются неприменимыми к постмортальным детям в силу трех фундаментальных обстоятельств: временного разрыва, поскольку ребенок рождается после смерти родителя, что исключает презумпцию отцовства; множественности потенциальных правопорядков, претендующих на регулирование (страна хранения материала, страна рождения, гражданство отца и матери, которые могут не совпадать); отсутствие единообразного подхода к решению вопроса (от полного запрета во Франции и Германии до активного использования института в Великобритании и Испании, а иногда применения технологий на практике при наличии «правового вакуума», как в Российской Федерации). Так, например, по вопросам наследования детьми, рожденными в результате постмортальной репродукции, многими отечественные и зарубежные авторами обосновывается необходимость пересмотра общего принципа «наследник — только зачатый при жизни», поскольку генетическая связь «опосредует возможность включения постмортальных детей в круг членов семьи наследодателя»[1]. В частности, М. Л. Шелютто отмечает, что проблема установления происхождения таких детей — одна из центральных в российском праве, а в международном контексте она усложняется риском «хромающего родительского статуса»[2].

В Российской Федерации для разрешения подобного рода вопросов ключевым событием стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 6-П, признавшее неконституционным отказ в назначении пенсии ребенку, зачатому после смерти отца, и фактически сформулировавшее принцип недискриминации детей по признаку способа зачатия[3]. Отметим, что правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации заслуживает подробного анализа, поскольку она содержит принципиальные выводы, значимые для международно-правового осмысления проблемы. В частности, из Постановления № 6-П следует. что «… российским законодателем до сих пор …не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, предполагающей рождение детей, зачатых после смерти отца, который предоставил генетический материал и выразил желание на их рождение даже в случае своей смерти. Соответственно, ввиду отсутствия прямого запрета граждане не лишены права воспользоваться данной технологией». Развернутый анализ позиции Конституционного Суда Российской

[1]Емелина Л. А., Яворский С. А. Влияние репродуктивных технологий на трансформацию наследственно-правовых категорий // Юридический мир. 2025. № 9. С. 26.

[2]Шелютто М. Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/ (дата обращения: 15.03.2026).

[3]По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 г. № 6-П «» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 14.03.2026)

Федерации представила М. Г. Громова, подчеркнув необходимость комплексного законодательного регулирования, включающего признание детей, рожденных в результате постмортальной репродукции, законными наследниками, и распространение на них всех форм социальной защиты, в том числе установление четких правил установления отцовства[1].

Сравнительно-правовой анализ национального законодательства по этому вопросу выявляет отсутствие консенсуса в подходах Германии, Франции, Великобритании и США к посмертному зачатию и правам таких детей. Показательна в этом отношении французская практика. В сентябре 2023 г. ЕСПЧ признал, что запрет посмертной репродукции не нарушает ст. 8 европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., указав на широкую свободу усмотрения государств в биоэтических вопросах, однако сделал важную оговорку о необходимости последовательности правового регулирования. В развитие этой позиции в октябре 2025 г. Парижский апелляционный суд признал «…отцовство и наследственные права детей, рожденных в Испании с использованием посмертной репродукции, сочтя отказ в установлении родительских прав «непропорциональным нарушением прав ребенка на уважение частной жизни и принципа равноправия детей»[2]. Особый интерес представляет опыт Израиля, где генетический материал могут использовать не только вдова или вдовец, но и родители своего погибшего ребёнка для оплодотворения суррогатной матери, что демонстрирует принципиально иной подход к определению круга лиц, управомоченных на посмертную репродукцию, а может и служить ориентиром для формирования международно-правового регулирования[3]. Таким образом, в международном частном праве, при наличии иностранного элемента в правоотношении «возникает парадоксальная ситуация: ребенок может остаться лицом без гражданства (апатридом), но не по политическим или этническим причинам, а исключительно из-за отсутствия адекватного коллизионного регулирования репродуктивных технологий».

В российском законодательстве, в частности в ст. 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливается, что к наследованию могут призываться граждане, «находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства». Если ребенок не был зачат при жизни

[1]Громова М. Г. Постмортальное оплодотворение: правовые последствия и судебная практика // Legal Bulletin. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postmortalnoe-oplodotvorenie-pravovye-posledstviya-i-sudebnaya-praktika (дата обращения: 15.03.2026).

[2]Французское правосудие признает отцовство детей, зачатых после смерти отца // Entrevue.fr.https://entrevue.fr/ru/police-justice/la-justice-francaise-reconnait-la-filiation-denfants-concus-apres-la-mort-de-leur-pere/ (дата обращения: 14.03.2026).

[3]Право жизни после смерти //Закон. 2025. 7 июля URL: https://www.zakonia.ru/theme/pravo-zhizni-posle-smerti (дата обращения 14.03.2026).

наследодателя, то в обычном порядке он не подпадает под защиту норм, охраняющих права зачатого, но еще не родившегося наследника. Это создает новую правовую проблему: классическое наследственное право, ориентированное на зачатие при жизни, дискриминирует детей, зачатых после смерти своего родителя. Как точно отмечает Ю. Тай, «если у женщины или даже нескольких женщин будет существовать возможность в режиме постмортальной репродукции рожать детей от умершего наследодателя, то вопрос о наследовании может быть очень длительным, зыбким и неокончательным». Эта «зыбкость» подрывает один из фундаментальных принципов гражданского оборота — определенность правового положения участников.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации 2025 г. затронуло также вопрос о пенсионном обеспечении постмортальных детей в России. В частности, вопрос — имеет ли ребенок право на социальные выплаты от государства гражданства умершего родителя, если он родился на территории другого государства, и подлежат ли такие выплаты трансграничному признанию? Российские исследователи предлагают начать с малого, дать легальное определение постмортальной репродукции в национальном законодательстве. В частности, следует внести изменение в текст Федерального закона «Об основах охраны здоровья»[1]; расширить толкование ст. 1116 ГК РФ или предусмотреть создание специальной нормы, учитывающей специфику постмортального зачатия[2]. В дальнейшем, в России могут дать старт на разработку коллизионных норм для трансграничного признания в целях обеспечения устойчивого правового статуса лиц, рожденных в результате постмортальной репродукции, и закрепление принципа недискриминации в семейном и гражданском законодательстве в части защиты прав детей, рожденных таким способом[3].

В этом же направлении развивается и международно-правовая доктрина. Постмортальная репродукция человека активно обсуждается в рамках ООН, где заинтересованные государства инициируют работу по прогрессивному развитию конвенционного права в ответ на биотехнологические вызовы. В международных документах предлагается закрепить единые требования к форме согласия на посмертное

[1]Алламярова Н. В., Санакоева Э. Г., Гараева А. С. Этико-правовые аспекты постмортальной репродукции // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2018. № 11—12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovye-aspekty-postmortalnoy-reproduktsii (дата обращения: 15.03.2026).

[2]Алейникова В. В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «Быть или не быть, вот в чем вопрос…» // Закон. 2023. № 4. С. 155.

[3]Громова М. Г. О статусе ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции, как самостоятельном коллизионном объеме регулирования // Международный правовой курьер. 2026. URL: https://inter-legal.ru/status-rebenka-rozhdennogo-v-rezultate-postmortalnoj-reproduktsii-kak-samostoyatelnyj-kollizionnyj-obem-regulirovaniya-sudebnaya-praktika-i-napravleniya-zakonodatelnogo-razvitiya?ysclid=mn04h9dldq74751256 (Дата обращения 14.03.2026).

использование материала (письменная форма, нотариальное удостоверение, возможность отзыва); коллизионные нормы с привязкой к закону места проведения процедуры; минимальные стандарты признания отцовства при наличии волеизъявления; принцип недискриминации детей; наследственные права при условии, что рождение предусмотрено волей наследодателя и процедура начата в разумный срок после открытия наследства.

Подчеркнем, что постмортальная репродукция создала новую правовую реальность, к которой неприменимы традиционные нормы национального и международного частного права. Технологии опередили законодательство, породив коллизионные пробелы и правовую неопределенность в отношении многих сложных вопросов отраслевого регулирования.

Таким образом, в российской доктрине в последние годы произошел качественный сдвиг: отечественные ученые впервые предложили признать статус ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции, самостоятельным объектом гражданско-правового и процессуального регулирования. Судебная практика, особенно Постановление Конституционного Суда Российской Федерации 2025 г. № 6-П, заложила новые параметры правовой защиты, утвердив принцип недискриминации по способу зачатия. Иными словами, правовая неопределенность, включающая четыре ключевых вопроса — гражданство, наследство, личные неимущественные права и социальное обеспечение – могут и должны быть преодолены. Правовая неопределенность и коллизионные пробелы в праве не должны становиться препятствием в защите прав человека, чье рождение стало возможным благодаря научно-техническому прогрессу.

Научная статья
УДК 341.01

ПРИНЦИП САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: ЭВОЛЮЦИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ

Варвара Владиславовна СТОЛБОВА[1], Богдан Анатольевич ТУКТАМЫШЕВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] stolbova.varvara26@mail.ru
[2] tuktaboga@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА,** ampleeva.ee@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию эволюции принципа самоопределения народов от парадигмы деколонизации до современных механизмов внутреннего и внешнего самоопределения. Особое внимание уделяется правовым коллизиям международного и национального права, возникающим при реализации права на самоопределение. Авторы обосновывают вывод о том, что, несмотря на императивный характер и закрепление в международных соглашениях самого высокого ранга, право на самоопределение остается одним из наиболее дискуссионных и труднореализуемых принципов международного права.

Ключевые слова: основные принципы, самоопределение народов, автономия, сецессия, референдум, политическая независимость

Актуальность исследования вопросов, связанных с государственным суверенитетом и правом народов на самоопределение, в современном мире обосновывается ростом негативных тенденций распада федеративных государств в различных частях мира и отсутствием общих правовых подходов к реализации принципа самоопределения. Вместе с тем, принцип равноправия и самоопределения народов, несмотря на кризис всей системы международных отношений, по-прежнему остаётся одним из важнейших правовых основ современного международного права. С другой стороны, принцип равноправия и самоопределения народов, хотя и получил

всеобъемлющее признание на самом высоком уровне, но остается одним из дискуссионных вопросов в доктрине современного международного права.

Сепаратизм, как отмечает К. Шафиев, представляет собой стремление к отделению и ослаблению государства, является серьезной угрозой для обеспечения стабильности, правопорядка, прав человека, а иногда противоречит истинным интересам народов и общей интеграционной тенденции мирового развития[1]. Отметим, что первоначально формулировка принципа самоопределения народов в международном праве в 40-е гг. XX в. была связана только с правом колониальных народов «на отделение от метрополии и создание своего национального государства. Декларация о принципах международного права 1970 г. закрепила, что способами осуществления этого права являются не только «создание суверенного государства, но и свободное присоединение к нему» [В.С., на праве автономии], а также «установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом»[2]. В 60-70-е гг. XX в. принцип стал толковаться более объёмно, поскольку был конкретизирован в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. и в более поздних резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН после 90-х гг.

Современное международное право признает как внешние, так и внутренние механизмы самоопределения народов, которое реализуется в границах конкретного государства. При этом в науке международного права нет единого определения термина «народ» или «нация», применительно к данному принципу. И. А. Конюхова предлагает различать «право народов» и «право нации» на самоопределение. Под «нацией» как правило понимается общность лиц, объединенных институтом гражданства государства, для которой формой самоопределения является формирование суверенного государства. Напротив, самоопределение «народа» как территориальной общности реализуется путем образования субъекта федеративного государства, как территории местного самоуправления, при использовании форм национально-культурной автономии, что исключает создание суверенного государства[3]. Представляется, что при таком подходе снижается политическая противоречивость императивной нормы международного права, что в российском контексте, как отмечает И. В. Иванов, исходя из концепции «многонационального российского народа», предполагает

[1]Шафиев К. Принципы самоопределения народов в условиях глобализации //Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1. № 3. С. 40.

[2]Конюхова И. А. Право народов на самоопределение как принцип федерализма // Политическая наука. 2003. № 3. С. 165.

[3]Конюхова И. А. Право народов на самоопределение как принцип федерализма // Политическая наука. 2003. № 3. С. 166.

неразделимость судеб народов, проживающих на территории Российской Федерации[1].

В науке международного права после Второй мировой войны сложились три основные точки зрения о соотношении принципов самоопределения народов и принципа территориальной целостности государств: во-первых, «главенство» в этой паре принципа самоопределения, во-вторых, противоположная позиция, демонстрирующая «главенство» принципа территориальной целостности, и в-третьих, компромиссная позиция, ратующая за их «равенство». В важнейшем источнике международного права — Декларации о принципах 1970 г. — упоминается «предохранительная» клаузула ***rebus sic stantibus***. Если анализировать эту норму-оговорку, то можно прийти к выводу, что она предполагает три базовых условия, при которых невозможно самоопределение как право, нарушающее территориальную целостность государства: во-первых, государство, как субъект международного права, обязано соблюдать принцип равноправия и самоопределения народов в рамках своей юрисдикции; во-вторых, иметь правительство, представляющее весь народ в целом; в-третьих, нести международно-правовую ответственность за соблюдение прав человека на подконтрольной территории. На наш взгляд, соблюдение данных условий не только обеспечивает одновременно право на самоопределение, но и сохраняет целостность государства на основе обычно-правовой нормы международного права.

Одним из новейших примеров, имеющих прецедентное значение, является провозглашение независимости Косово в 2008 г. от Сербии, которое получило широкую поддержку за счет позиции западных стран, которые отказались от обычно-правовой нормы в угоду собственным политическим интересам. Заключение Международного Суда ООН по жалобе Сербии о законности отделения края в 2010 г., хоть и считается в пользу Косово, но не разрешило существующего противоречия. Международный Суд ООН констатировал, что декларация о независимости Косово не нарушила международное право, но и не признал за народом Косово права на отделение. Причиной такой позиции, по мнению А. А. Хасанова считается отсутствие в международном праве однозначного толкования этих принципов за счет расширения спектра решаемых политических вопросов, что приводит к признанию со стороны международного сообщества права на самоопределение одних народов, как в случае провозглашения независимости Косово, и непризнанию права на

[1]Иванов И. В. Некоторые вопросы о праве народов Российской Федерации на самоопределение //Наука и современность. 2010.№ 5. С. 316.

самоопределение других народов, как это было в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии и др.[1]

Другой пример «политического» подхода разрешения международного спора о предоставлении самоопределения — вопрос о статусе Крыма. Для Российской Федерации проведение референдума в Крыму и его вхождение в состав России означал реализацию права народов Крыма на самоопределение, а для западных стран — это «аннексия» части государственной территории Украины. Почему такая разница в восприятии одного и того же факта? Во многих отечественных и зарубежных публикациях учёные рассматривая и перебирая хронологию всех обстоятельств присоединения Крыма, пользуясь политической оценкой действий России, они делают разные выводы: от легитимности права на внешнее самоопределение до нарушения прав человека, выделяя этапы эволюции государственности Крыма в разные исторических периоды.

В этой связи подчеркнем особое значение референдумов о самоопределении и вопроса об институционализации их результатов. А. Н. Пасенов и Е. И. Репина отмечают, что референдум о самоопределении является уникальной формой прямой демократии, особым феноменом и, как правило, проводятся либо вне рамок национальной правовой системы государства, от которого отделяется территория, либо в качестве неуправляемых процессов, выходящих за национально-правовые рамки. Отсутствие общепризнанной международной процедуры их проведения оставляет пространство для политических манипуляций и дипломатических торгов, хотя и являются наиболее эффективным способом проявлении «воли народа», а значит и явно выраженной формой реализации права народов на самоопределение[2].

Проблема признания итогов референдумов о самоопределении является актуальной не только для политически нестабильной ситуации на постсоветском пространстве или стран Восточной Европы. Ярким примером служит ситуация вокруг одной из провинций современной Испании - Каталонии, где референдум 2017 г., проведенный в обход согласия испанских центральных властей, был признан не соответствующим Конституции Испании и не получил «одобрения» на международном уровне. Считается, что в Испании права на самоопределение не существует юридически, но Каталония не является колонией, по смыслу Декларации 1960 г., поэтому её самоопределение ограничено принципом территориальной целостности[3]. Следовательно, можно сказать, что

[1]Хасанов А. А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств //Журнал российского права.2017. № 10 (250). С. 134.

[2]Пасенов А. Н., Репина Е. И. Референдум как способ реализации права народов на самоопределение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 123 (87). С. 251.

[3]Коржева С. А. Принцип равноправия и самоопределения народов «на примере Каталонии» // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 4. С. 37.

европейское право не считает языковое единство и культурную однородность, компактно проживающего на конкретной территории народности или иного этноса, как достаточного основания для их самоопределения.

Иными словами, современные тенденции толкования права народов на самоопределение свидетельствуют о его автоматическом «переключении» с внешнего на внутреннее самоопределение с учетом геополитической обстановки в регионе[1]. «Внешнее» самоопределение возможно лишь в случае поддержки идеи самоопределения народа политически самостоятельными самодостаточными государствами. На наш взгляд, очень деструктивно сводить «право на самоопределение» только к распаду единого государства, когда существуют иные формы реализации данного принципа: ирредентизм, ассоциация, интеграция, культурная и политическая автономизация.

Делая итоговый вывод, можно отметить, что принцип самоопределения народов, несмотря на свою императивность для действующих субъектов международного права, остается крайне опасным для их территориальной целостности. Отсутствие нормативных критериев терминов «народ», «нация», «этнос», «народность» и «национальность», а также четких правовых условий и конституционно-правовых гарантий на отделение территории государства в качестве реализации права на самоопределение, превращает этот вопрос в арену политических столкновений и международных конфликтов. Поверхностное, как казалось, противоречие между правом на самоопределение и территориальной целостностью в международном праве создает «серую зону», где решения принимаются скорее по политическим, чем по правовым или социально-культурным мотивам.

Современная теория международного права склоняется к приоритету мирных форм самоопределения, т.е. автономии или внутреннего самоопределения. Право на отделение от суверенного государства рассматривается как исключительная мера, доступная лишь в случаях систематических нарушений прав человека, дискриминации больших масс местного населения и при одобрении других крупных «политических» игроков в регионе. Немногочисленный положительный опыт реализации принципа равноправия и самоопределения народов говорит о необходимости детализации критериев для заключения международного договора о сецессии, либо международного признания нового субъекта большинством государств мира как ключевого фактора региональной стабильности. Важно подчеркнуть, что самоопределение как коллективное

[1]Хасанов А. А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал российского права. 2017. № 10 (250). С. 140.

право народа должно осуществляться мирным путем, с соблюдением конституции государства, обеспечением прав человека и гражданина и без ущерба для других народов, проживающих на спорной территории.

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Научная статья
УДК 342.7

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (САНКЦИЙ)

Милена Маратовна БАГРАЕВА[1], Давид Артурович ЕЛЕЕВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] bagraevamilena@gmail.com
[2] david.eleev@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО,** chepenko55@mail.ru

Аннотация. В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации, Россия — социальное государство, которое обязано обеспечивать условия жизни, способствующие достойной жизни и свободному развитию человека. Однако экономические санкции, введенные против России с 2022 по 2025 год, стали серьезным препятствием на пути реализации закрепленной на конституционном уровне обязанности. Более того эти санкции позволили вскрыть наиболее уязвимые места в социальной системе государства. В связи с этим на сегодняшний день актуализируется вопрос о том, как сохранить и адаптировать социальные обязательства государства в нынешних условиях, когда растет внешнее давление, увеличиваются бюджетные ограничения и происходит структурная перестройка всей экономики страны.

Ключевые слова: санкции, социальная поддержка, антикризисная политика, социальные гарантии, экономический кризис.

С конституционной точки зрения социальное государство подразумевает наличие гарантий минимального уровня жизни (МРОТ, прожиточный минимум), доступность социальных услуг для граждан (сферы здравоохранения и образования), а также обеспечение социальной защиты — пенсий, пособий, поддержку семей с детьми. Также социальное государство обязано обеспечивать занятость населения и защищать трудовые права граждан[1]. Важно отметить, что указанные гарантии — не декларативные, а императивные по своему характеру. Это означает, что сокращение или необеспечение указанных гарантий может быть обжаловано в Конституционном Суде РФ, а также служить основанием для применения мер ответственности к должностным лицам в порядке административного или дисциплинарного производства.

При этом важно помнить, что объем социальных обязательств непосредственно отражает экономические возможности конкретного государства и находится в зависимости от них. Это зачастую порождает противоречие между стабильностью норм, предусмотренных Конституцией государства, и экономической конъюнктуры.

Если говорить о социальном государстве применительно к Российской Федерации, то следует отметить, что санкции, введенные недружественными государствами против нашей страны, существенно усложнили реализацию социальных гарантий. В частности, значительно снизилась доходная часть бюджета — упали цены на энергоносители, был ограничен экспорт. Многие активы оказались замороженными. В подобной ситуации государству приходится перераспределять свои ресурсы: так, на сегодняшний день увеличиваются военные расходы, в том числе за счет поддержки оборонно-промышленного комплекса, что связано с проведением специальной военной операции (рост этой статьи расходов оказался особенно существенен, поскольку военные и политические силы Запада и США активно поддерживают украинскую сторону, обеспечивая ее оружием, финансовыми средствами и пр.). В результате социальная сфера попала в зону риска.

В подобных обстоятельствах важно понимать, действительно ли социальные расходы сокращаются или же просто меняется их структура.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует проанализировать нормативную правовую базу, на основе которой реализуется антикризисная социальная политика.

---

[1] Латов Ю. В. Трансформация социального капитала российского общества // Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2025. С. 226.

Прежде всего следует отметить, что Правительству РФ были предоставлены временные полномочия в сфере принятия антикризисных решений. Федеральный закон от 8 марта 2022 года № 46-ФЗ, разработанный при координации Минэкономразвития, дал возможность оперативно закрепить комплекс мер, предусматривающий и поддержку предпринимательства, и социальные гарантии на новых территориях РФ[1]. Уже к 2025 году было принято больше сотни подзаконных актов в пределах этих полномочий.

В числе основных направлений их осуществления — установление моратория на проверки бизнеса, особенности лицензирования, а также упрощенный порядок выплаты пенсий и предоставления социальной помощи на территориях новых субъектов РФ[2]. К 2026 году было принято решение о продлении специальных полномочий Правительства, но их перечень значительно уменьшился. На наш взгляд, это говорит о том, что российская экономика успешно адаптируется к новым реалиям.

Так, в марте 2022 года был принят Указ Президента РФ № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации»[3]. Согласно этому документу, все высшие должностные лица субъектов Федерации должны принять все возможные меры адресной поддержки граждан, попавших в сложную жизненную ситуацию. Кроме того, в указе говорится о необходимости обеспечения доступности социальных услуг на основе проведения мониторинга ситуации на рынке труда.

Одновременно с мерами социальной поддержки был принят ряд ответных специальных экономических мер, среди которых — Указ Президента РФ от 03.05.2022 № 252[4]. В соответствии с данным указом, запрещается осуществлять сделки с юридическими лицами, которые попали под санкции. Во исполнение Указа Постановлением Правительства РФ от 11.05.2022 № 851 был закреплен исчерпывающий перечень таких лиц, в который вошли в том числе Gazprom Germania GmbH, WINGAS GmbH и другие структуры[5].

---

[1] Федеральный закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1675.

[2] Дьяков С. А., Шамрай К. Е. Социально-экономическая безопасность России: состояние и перспективы развития // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2025. № 3. С. 86.

[3] Указ Президента РФ от 16 марта 2022 г. № 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 12. Ст. 1847.

[4] Указ Президента РФ от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 19. Ст. 3184.

[5] Постановление Правительства РФ от 11 мая 2022 г. № 851 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 20. Ст. 3350.

Если рассматривать федеральные законы и подзаконные акты 2022—2025 годов, то можно убедиться в том, что социальные расходы государство не сократило — просто значительно изменилась их структура. При этом часть средств было направлено на поддержку вновь новых категорий граждан и отраслей, которые обеспечивают как экономическую, так и оборонную стабильность нашей страны. В качестве примера следует привести Федеральный закон от 28.11.2025 № 439-ФЗ, в котором речь идет как раз о новых категориях граждан — участниках СВО[1]. В частности, в законе говорится, что участники специальной военной операции в случае их увольнения со службы и признания безработными должны получать социальную помощь на основании социального контракта. Специфика этой меры заключается в том, что она не предусматривает оценку среднедушевого дохода, равно как и возможность заключения контрактов с супругами участников СВО, являющихся инвалидами I или II группы.

Таким образом, мы видим, что социальная функция государства не сократилась: она была трансформирована в условиях давления извне.

За последние четыре года в России выросли цены на товары, в том числе первой необходимости и импортозависимые товары. Государство регулярно индексирует пособия и пенсии, однако эта индексация не всегда поспевает за все продолжающейся инфляцией. В результате реальные доходы населения сокращаются.

Ответом на этот вызов стали разработанные механизмы компенсации — в частности, была предусмотрена возможность предоставления адресной помощи, был расширен перечень категорий ее получателей.

Здесь вновь стоит обратиться к Федеральному закону от 19.05.1995 № 81-ФЗ (в ред. 2025 г.), поскольку в нем был расширен перечень получателей пособий на детей. В настоящее время пособия теперь предоставляются детям, которые обучаются в учебных учреждениях по адаптированным образовательным программам. На основании Постановления Правительства РФ от 17.01.2025 № 25 была закреплена единая индексация социальных выплат с 1 февраля 2025 года[2].

В условиях санкционного давления в отдельных секторах, таких как автомобилестроение, логистика, IT были сокращены рабочие места. Это, в свою очередь, привело к появлению структурной безработица, когда у

[1] Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной социальной помощи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48. Ст. 7214.

[2] Постановление Правительства РФ от 17 января 2025 г. № 25 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2025 году» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 4. Ст. 612.

многих граждан появилась потребность в переобучении и переквалификации. Росту структурной безработицы поспособствовал также переток кадров в оборонный сектор[1].

Государство оперативно отреагировало на этот вызов. В частности, с 2022 года были разработаны соответствующие меры поддержки — были разработаны программы переобучения, было обеспечено субсидирование занятости населения, а также были созданы все условия для расширения самозанятости.

Одной из наиболее эффективных мер такой поддержки стало субсидирование найма. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 362 «О государственной поддержке в 2024 году юридических лиц, включая некоммерческие организации, и индивидуальных предпринимателей в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан», с 2021 по 2024 год работодателям предоставлялась компенсация в размере трех-шести МРОТ за трудоустройство молодых людей, инвалидов и ветеранов боевых действий[2]. С 2025 года данная программа была продолжена в рамках нацпроекта «Кадры». При этом основной акцент был сделан на поддержку участников СВО и членов их семей[3]. Как мы уже отметили, одновременно с этим происходит и расширение института самозанятости. В 2019 году был введен специальный налоговый режим (НПД), охвативший более 12 миллионов граждан. Благодаря этому они смогли законно осуществлять предпринимательскую деятельность со ставкой 4—6 %.

В новых условиях государству пришлось пересмотреть также демографическую и семейную политику. Так, на сегодняшний день поддерживаются, а в некоторых случаях даже расширяются меры поддержки семей с детьми.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 06.02.2025 № 102 был расширен перечень направлений использования материнского капитала. В настоящее время эти средства можно использовать, чтобы оплачивать услуги индивидуальных предпринимателей в сфере дополнительного образования и подготовки к школе[4]. Указ Президента РФ

---

[1] Зайцев А. А., Дмитриев Н. Д., Цзигээр Ш., Чжан Л. Оценка влияния экономических санкций на социально-экономическое развитие Российской Федерации // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 4. С. 112.

[2] Постановление Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 362 «О государственной поддержке в 2024 году юридических лиц, включая некоммерческие организации, и индивидуальных предпринимателей в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2021. № 12. Ст. 2015.

[3] Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2025 г. № 2191 «Об утверждении Правил предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта отдельным категориям граждан» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 2. Ст. 215.

[4] Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2025 г. № 102 «О внесении изменений в Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий и получение образования ребенком (детьми)» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 7. Ст. 1028.

от 27.12.2024 № 982 предусматривает единовременную выплату 10 000 рублей на детей 3—7 лет в семьях с низким доходом[1].

Более того, в реализации социальной политики усилился адресный принцип. Это означает, что теперь социальную помощь могут получить те, кто реально в ней нуждается.

В связи с этим следует отметить, что в субъектах Федерации были ужесточены критерии нуждаемости, необходимые для того, чтобы получить статус «малоимущая семья». К примеру, в Ямало-Ненецком автономном округе с 1 января 2026 года установлен комплекс новых правил. Теперь, для того чтобы получить государственную поддержку, нужно не только доказать низкий доход, но и показать, что в семье отсутствует две или более квартиры, дачи или машины. Эта мера позволит исключить ситуации, когда гражданин, имеющий имущество, которое приносит доход (к примеру, недвижимость, сдаваемую в аренду), получает социальную помощь наравне с теми, кому она реально необходима.

Однако, несмотря на столь тщательно разработанные и реализуемые меры социальной поддержки, все же зачастую их оказывается недостаточно. На местах нередко возникают проблемы, требующие своевременного реагирования и адекватного разрешения.

Так, на основании Федерального закона от 28.11.2025 № 439-ФЗ полномочия регионов в социальной сфере были расширены[2], в результате чего усилилась дифференциация: наиболее богатые регионы, такие как Москва, ЯНАО, Татарстан, получили возможность предоставления более широкого спектра поддержки, а дотационным субъектам (регионам Северного Кавказа и ряду областей) пришлось сокращать социальные программы.

К примеру, на основании постановления губернатора ЯНАО от 15.01.2026 № 12-П, в Ямало-Ненецком автономном округе предусмотрена возможность введения дополнительных мер поддержки семей с детьми[3], в то время как в некоторых северокавказских регионах задерживаются выплаты и сокращается объем помощи.

На наш взгляд, для решения этой проблемы требуется усиление механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ, для чего следует увеличить объем целевых дотаций, предоставляемых федеральным бюджетом.

---

[1] Указ Президента РФ от 27 декабря 2024 г. № 982 «О единовременной выплате гражданам, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 52. Ст. 8417.

[2] Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственной социальной помощи“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48. Ст. 7214.

[3] Постановление Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа от 15 января 2026 г. № 12-П «О дополнительных мерах социальной поддержки семей с детьми в Ямало-Ненецком автономном округе» // Официальный интернет-портал правовой информации Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: https://pravo.yanao.ru (дата обращения: 28.03.2026).

В качестве еще одной проблемы следует выделить перераспределение бюджетных средств в пользу оборонно-промышленного комплекса и проведения СВО. В 2023-2025 годах военные расходы увеличились более чем на 30 % от общего объема бюджета. Такое положение вещей создает риски недофинансирования социальной сферы в долгосрочной перспективе. По данным Счетной палаты РФ, в 2024—2025 гг. фактическое исполнение расходов по разделу «Социальная политика» отставало от запланированных показателей на 7—10 %, тогда как расходы на национальную оборону оказались перевыполненными[1].

В сложившихся обстоятельствах нам представляется рациональным законодательное закрепление минимальной доли расходов федерального бюджета на реализацию социальной политики (это может быть не меньше 25% от совокупного объема расходов. При этом следует предусмотреть, что корректировка возможна лишь в исключительных обстоятельствах и только на основании решения Федерального Собрания.

Еще одной проблемой являются регулярные изменения, вносимые в социальное законодательство, поскольку это создает ситуацию правовой неопределенности: граждане не всегда могут отследить, на какую помощь у них есть право и как они могут ее получить[2]. Наиболее актуальной эта проблема является для тех, кто живет в новых регионах и на приграничных территориях.

Так, в Постановлении Правительства РФ от 06.05.2022 № 824 (в ред. 2025 г.) закрепляется порядок выплат волонтерам и работникам, направленным в новые регионы[3]. Но в действительности выплаты нередко задерживаются, а подтверждение статуса получателя оказывается затруднительным.

Выходом из данной ситуации мы видим в установление моратория на внесение изменений в социальное законодательство в части, которая ухудшает положение граждан, на срок не меньше года. Также необходимым представляется установление единого порядка информирования граждан о доступных мерах поддержки через портал Госуслуг с обязательным уведомлением.

На основании проведенного исследования мы можем заключить следующее.

---

[1] Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». М.: Счетная палата РФ, 2024. С. 45–47. – URL: https://ach.gov.ru (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Дегтярева Е.Г., Каменева Т.Н. Трансформации малого и среднего предпринимательства в России: от неопределенности к устойчивому росту // Вопросы управления. – 2025. – Т. 15. – № 3. – С. 153.

[3] Постановление Правительства РФ от 6 мая 2022 г. № 824 «Об утверждении Правил осуществления единовременных выплат отдельным категориям граждан, направленных (прибывших) в новые субъекты Российской Федерации» (в ред. от 15 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 19. – Ст. 3210; 2025. – № 51. – Ст. 7341.

В Российской Федерации в полной мере реализуется конституционный принцип социального государства, несмотря на санкционное давление извне и попытки недружественных государств расшатать российскую экономику. И даже более того: наше государство демонстрирует способность к моментальной адаптации и трансформации социальной политики с учетом экономических и геополитических реалий.

При этом можно выделить основные механизмы, которые сделали эту адаптацию возможной: наделение Правительства РФ временными антикризисными полномочиями, увеличение адресной поддержки, сохранение и расширение мер поддержки семей с детьми, формирование и совершенствование институтов занятости и самозанятости.

Однако исследование позволило выделить и ряд ключевых проблем, среди которых – дифференциация регионов, рост военных расходов при одновременном сокращении финансирования социальной сферы, ситуация правовой неопределенности. Предложенные нами меры для устранения выявленных проблем позволят укрепить Россию как социальное государство и развивать социальную сферу. Также это позволит ускорить экономический рост государства и сделает его социальную политику более адресной и эффективной.

Научная статья
УДК 342

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ СПОРОВ

Галина Александровна БОЛУШЕВСКАЯ[1] , Екатерина Максимовна БЫЧЕНКОВА[2]
[1,2] Оренбургский институт (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Россия
[1] gabolueducation2022@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени

О. Е. Кутафина (МГЮА)», кандидат юридических наук, доцент **Елена Сергеевна МИХАЙЛОВА**, oESMikhajlova@msal.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы разграничения гражданского и административного судопроизводства при рассмотрении споров о дисциплинарной ответственности государственных и муниципальных служащих. Исследование сосредоточено на детальном изучении механизма урегулирования дисциплинарных конфликтов, включая специфику распределения доказательственной нагрузки между участниками процесса и параметры определения компетентного органа для рассмотрения подобных ситуаций. Анализируется процессуальный порядок разрешения дисциплинарных споров, особенности распределения бремени доказывания и критерии определения подведомственности таких дел

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; государственные служащие; административное судопроизводство; служебные споры; процессуальная форма; дисциплинарные взыскания; публичная власть; служебные правоотношения; административная юрисдикция; правовое регулирование

Профессионализм госслужащих и прозрачность механизмов их ответственности — основа эффективного государственного управления. Дисциплинарные споры в госсекторе выходят за рамки трудовых и приобретают общественное значение. Недостаток нормативно-правовой базы для разрешения таких споров затрудняет их классификацию и правовую квалификацию в судебной системе.

Ключевая проблема — отсутствие четкой процедуры разрешения споров о дисциплинарных нарушениях. Э. Л. Лещина, анализируя процессуальную форму рассмотрения административных дел, выявила специфику дисциплинарных споров и компоненты их правового механизма. Это связано с тем, что в статье постоянно использовался термин «административно-процессуальные средства» без конкретизации того, какие именно средства должны использоваться[1].

Научные труды Е. Н. Кулюшина, посвященные изучению специфики функционирования первой инстанции в рамках административного процесса, подкрепили его аргументацию о важности расширения круга задач суда. Он настаивал на том, что в перечень альтернативных полномочий суда следует добавить рассмотрение дел, связанных со служебными спорами в госслужбе и муниципальной службе, а также с вопросами выплаты пенсий, пособий и иных мер социальной поддержки для уязвимых

[1] Лещина Э. Л. Процессуальная форма производства по дисциплинарным делам // Lex Russica. 2022. №1 (182). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnaya-forma-proizvodstva-po-distsiplinarnym-delam (дата обращения: 28.03.2026)

участников процесса[1]. Данная точка зрения подразумевает, что вопросы дисциплинарной ответственности работников государственных и муниципальных органов должны рассматриваться в рамках административного судопроизводства, согласно правилам, установленным главой 22 КАС РФ.

Обращаясь к КАС РФ, следует указать, что он «регулирует рассмотрение административных дел в широком смысле — дел публично-правового характера, в которых участвует государство (в лице органов, должностных лиц, публичных субъектов), с одной стороны, и частный субъект (физическое или юридическое лицо, иное объединение граждан) — с другой»[2].

В КАС РФ, в отличие от ГПК РФ, более подробно изложены нормы о распределении бремени доказывания. Согласно ч. 1 ст. 62 КАС РФ, лица, участвующие в деле, обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений, если иной порядок распределения обязанностей доказывания по административным делам не предусмотрен указанным Кодексом.

Согласно ч. 11 ст. 226 КАС РФ, обязанность доказывания факта нарушения прав, свобод и законных интересов административного истца или лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано соответствующее административное исковое заявление, факта соблюдения сроков обращения в суд возложена на лицо, обратившееся в суд, а факта законности принятых решений, совершенного действия (бездействия) — на представителей публичной власти (п. 3—4 ч. 9, ч. 10 ст. 226 КАС РФ).

Акты государственных органов, иных лиц, наделенных публично-властными полномочиями, являются юридическими фактами, влекущими юридические последствия в рамках не только процессуальных, но и материально-правовых отношений[3]. Рассмотрение судом дела по их оспариванию, согласно ч. 9 ст. 226 КАС РФ, предполагает установление: 1) факта нарушения прав, свобод и законных интересов административного истца; 2) проверку компетенции лица, издавшего акт; 3) соблюдение порядка принятия оспариваемого решения; 4) соответствие принятого решения нормам права.

Учитывая властный характер отношений на госслужбе и полномочия должностных лиц принимать решения, влияющие на статус госслужащего (включая дисциплинарные меры), целесообразнее рассматривать

---

[1] Кулюшин Е. Н. Суд первой инстанции как субъект административного судопроизводства: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 31 с.

[2] Филатова М. А. О некоторых вопросах подведомственности и процессуальной формы рассмотрения дел административной природы // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 52.

[3] Немцева В. Б. Некоторые проблемы соотношения гражданского и административного судопроизводства в судах общей юрисдикции // Журнал российского права. 2015. № 5.

служебные споры в рамках Кодекса административного судопроизводства РФ.

Относительно особенностей проверки судом в гражданском процессе требований о проверке законности наложения дисциплинарного взыскания можно отметить следующее. Суды, рассматривая дела о привлечении работника к дисциплинарной ответственности, руководствуются правилом: «Привлечение работника к дисциплинарной ответственности допускается в случаях, когда работодатель установил конкретную вину работника и доказал ее в установленном порядке (принцип презумпции невиновности и виновной ответственности, т.е. наличия вины как необходимого элемента состава правонарушения)»[1]. Суды при рассмотрении дел об оспаривании дисциплинарного взыскания или о восстановлении на работе проверяют также, что работодатель соблюдает общие принципы юридической, следовательно, и дисциплинарной ответственности, такие как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм; что при наложении взыскания учитывались тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен, а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду[2]. Если при рассмотрении дела о восстановлении на работе суд придет к выводу, что проступок действительно имел место, но увольнение произведено без учета вышеуказанных обстоятельств, иск может быть удовлетворен[3]. Что касается споров о законности наложения дисциплинарного взыскания на госслужащего, суды также проверяют наличие оснований для проведения служебной проверки, соблюдение порядка ее проведения[4].

Виды судебных решений по искам госслужащего включают: удовлетворение или отказ в удовлетворении иска (полностью или частично), распределение судебных расходов, а также указание на срок и порядок обжалования решения (ч. 5 ст. 198 ГПК РФ).

По результатам рассмотрения административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, судом принимается одно из следующих решений:

---

[1] Апелляционное определение СК по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 16.11.2016 по делу № 33-5184/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/122583865/ (дата обращения: 28.03.2026)

[2] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.08.2020 № 57-КГ20-9-К1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74578222/ (дата обращения: 28.03.2026)

[3] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.08.2019 № 5-КГ19-108 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72564580/ (дата обращения: 28.03.2026)

[4] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.10.2017 № 56-КГ17-18 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71799980/ (дата обращения: 28.03.2026)

об удовлетворении полностью или в части заявленных требований о признании оспариваемых решения, действия (бездействия) незаконными и об обязанности административного ответчика устранить нарушения прав, свобод и законных интересов административного истца или препятствия к их осуществлению (п. 1 ч. 2 ст. 227 КАС РФ);

об отказе в удовлетворении заявленных требований о признании оспариваемых решения, действия (бездействия) незаконными (п. 1 ч. 2 ст. 227 КАС РФ).

Стоит обратиться к практическим примерам рассмотрения подобных категорий дел.

Гражданин К. обратился с иском в суд. к министерству сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности субъекта РФ о возложении обязанности заключить с ним служебный контракт на должность начальника отдела. К. обратился в суд с требованием обязать орган заключить с ним служебный контракт о прохождении гражданской службы на соответствующей должности.

Суд установил, что в министерстве был проведен конкурс на замещение вакантной должности государственной гражданской службы — начальника отдела. По результатам конкурса, комиссия признала К. победителем. Далее в течении шести месяцев со дня результатов конкурса, акт представителя нанимателя о назначении К. на должность издан не был, также служебный контракт заключен не был.

Положение о конкурсе, утвержденное Указом Президента РФ № 112, определяет порядок проведения конкурса и предусматривает, что решение конкурсной комиссии о признании претендента победителем является основанием для издания акта о назначении и заключения служебного контракта.

Суд первой инстанции удовлетворил иск, апелляция оставила решение без изменения, так как:

во-первых, решение конкурсной комиссии о признании К. победителем конкурса на замещение вакантной должности начальника отдела в органе государственной власти субъекта РФ является основанием для издания акта о назначении К. на эту должность и заключения с ним служебного контракта;

во-вторых, представитель нанимателя не вправе игнорировать результаты конкурса или «держать» победителя без оформления акта и служебного контракта неопределённое время, поскольку законодатель связал с итогами конкурса конкретное правовое последствие — назначение и заключение контракта;

в-третьих, отсутствие акта о назначении и не заключение служебного контракта в течение шести месяцев после признания К. победителем нарушает его право на поступление на государственную гражданскую службу, сформировавшееся в результате конкурсной процедуры.

Суд возлагает на орган обязанность совершить соответствующие действия — издать акт о назначении и заключить с К. служебный контракт.

Из этого дела Верховный Суд формулирует общую правовую позицию:

во-первых, по результатам конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы представитель нанимателя должен издать акт о назначении победителя конкурса на вакантную должность и на основе этого акта заключить с ним служебный контракт;

во-вторых, решение конкурсной комиссии о признании лица победителем не носит рекомендательный характер, а выступает достаточным юридическим основанием для дальнейшего оформления служебных отношений; «задержка» или отказ в издании акта при отсутствии законных препятствий могут быть оспорены в суде.

В данном деле предметом судебного разбирательства являлось возникновение служебных отношений и обязанность представителя нанимателя оформить назначение победителя конкурса.

Так же есть пример судебной практики, где внимание суда было сосредоточено на прекращении таких отношений — правомерности увольнения гражданского служащего за однократное грубое нарушение должностных обязанностей.

В отношении гражданина Н. проведена служебная проверка, выявившая ненадлежащее исполнение им должностных обязанностей. Это выразилось в дезорганизации информационного взаимодействия органа, что привело к многомиллионному ущербу бюджету.

Суд подтвердил наличие конкретных обязанностей, возложенных на начальника отдела должностным регламентом, и установил конкретные действия (бездействие), составившие ненадлежащее исполнение. Также доказана причинно-следственная связь между нарушениями и последствиями: дезорганизация работы, крупный ущерб бюджету и нарушение законодательства. Порядок применения дисциплинарного взыскания был соблюден: проведена служебная проверка, составлен акт, запрошены объяснения, издан мотивированный приказ об увольнении с указанием проступков и их последствий.

Суд указал, что для увольнения по пп. 6 ч. 1 ст. 37 Закона № 79-ФЗ необходимо в совокупности:

во-первых, наличие статуса гражданского служащего категории «руководители»;

во-вторых, факт однократного грубого нарушения должностных обязанностей (по характеру, значимости и последствиям проступка);

в-третьих, причинение вреда государственному органу (материального — ущерб бюджету, либо нематериального — дезорганизация, подрыв репутации) и/или нарушение законодательства РФ;

в-четвертых, соблюдение процедуры дисциплинарного производства (ст. 57, 59.1 Закона № 79-ФЗ, локальные акты).

Именно совокупность этих условий позволила суду признать увольнение законным и отказать в иске о восстановлении на службе, изменении формулировки увольнения и взыскании заработка за время вынужденного прогула[1].

Примеры из судебной практики подтверждают отнесение данных дел к административному судопроизводству, так как:

они имеют публично-властный характер;

данные споры регулируют отношения между государственным органом и служащим, и отличаются от традиционных трудовых отношений. Они требуют особого правового регулирования;

акт государственного органа, обладающий публично-властными полномочиями, создает юридические последствия для служащего (например, назначение, увольнение, наложение дисциплинарного взыскания);

если дисциплинарное взыскание существенно влияет на правовой статус служащего (например, увольнение, лишение допуска к государственной тайне), то такие дела рассматриваются в особом судебном порядке;

предметом спора является защита публичных интересов и выполнение государственных функций и в данной ситуации предпочтение отдается административному порядку рассмотрения.

В заключение, рассуждая над тем, какая процессуальная форма защиты законных прав и интересов государственного служащего больше соответствует управленческой, административной природе служебных правоотношений, сошлемся на А. А. Демина: «Служащий представляет не самого себя, а орган государственной власти, поэтому не может просто так спорить за «свои» права, так как эти права не его, а государственной должности как частицы государственной власти. Значит, и разрешение конфликтов в этой сфере может иметь совершенно иной вид, чем разрешение конфликтов физических лиц, управляемых субъектов права, граждан»[2]. Следует также поддержать и М. Б. Добробабу в том, что «подход, при котором служебные споры в судах рассматриваются по аналогии с

[1] Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.) / [Электронный ресурс] // ЗАКОНЫ, КОДЕКСЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-po-sporam-sviazannym-s\ (дата обращения: 28.03.2026)

[2] Дёмин А. А. Государственная служба в Российской Федерации: учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 318.

трудовыми спорами, нельзя признать обоснованным»[1]. Процессуальные особенности рассмотрения административных дел подтверждают нецелесообразность растворения их в исковой процедуре гражданского процесса[2].

Помимо этого, суд должен исключить применение мер дисциплинарной ответственности как средство воздействия на «неудобных» лиц. В этой связи с очевидностью встает необходимость проверки не только законности, но и обоснованности примененных мер дисциплинарного воздействия. Это некоторым образом противоречит общей доктрине применения гл. 22 КАС РФ, что с неизбежностью приводит к необходимости специального процессуального регулирования данной категории дел.

Научная статья
УДК 342

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Кирилл Алексеевич БОРОВИКОВ[1], Максим Дмитриевич ПОСАДОВ[2]
[1,2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
[1] Kirkirich76@yandex.ru,
[2] Mposadov60@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, anastasiy-domnina@yandex.ru

Аннотация. в статье раскрывается понятие цифровых прав, приводятся актуальные проблемы в области цифровых прав и свобод граждан, предлагаются пути их решения и обосновывается перспективность конституционного регулирования соответствующего проблеме права или свободы.

Ключевые слова: цифровые права, Конституция РФ, персональные данные, избирательное право, цифровые технологии, приватность

[1] Добробаба М. Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. С. 300.

[2] Хаманева Н. Ю. Настоящее и будущее административного судопроизводства в России // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / отв. ред. Л. Л. Попов, М. С. Студеникина. М.: Юрист, 2004. С. 237.

В современном мире цифровые права и свободы человека и гражданина приобрели особое значение. Роль цифровых технологий в жизни каждого непреклонно возрастает, с помощью них появляются новые способы реализации прав и свобод, возникают и совершенно новые субъективные права, но вместе с ними появляются новые проблемы и вызовы, требующие законодательного урегулирования.

Нынешние тенденции в сфере цифровых прав обусловлены, в первую очередь, динамичным развитием технологий и их массовым внедрением в повседневную практику. Наблюдается широкое распространение цифровых ресурсов в деятельности государственных органов, в том числе касающейся оказания соответствующих услуг и рассмотрения обращений граждан. Соответственно, появление все большего числа таких сервисов потребует правового закрепления. К примеру, в июне 2025 года был принят Федеральный закон №156 — ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией…», который стал правовой базой для нового российского национального мессенджера MAX. Именно такие нововведения в законодательстве станут основой для цифровой суверенизации России, что также можно рассматривать как отдельную тенденцию в области цифровых прав. Немаловажное значение также имеет тот факт, что отношения в цифровом пространстве могут иметь неправомерный характер, что требует особого подхода к контролю за цифровым пространством и надежного механизма защиты законных интересов не только граждан, но и государства.

Цифровые права являются расширением и применением универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации.[1] Иначе говоря, цифровыми правами можно назвать адаптацию универсальных прав человека к информационной сфере. Наглядным примером этой адаптации является избирательное право. В современном мире возможности реализации избирательного права существенно расширились благодаря процессам информатизации, в связи с чем появилась перспектива возникновения у граждан нового права — на самостоятельный выбор способа голосования.[2] Для граждан появилась возможность реализации избирательного права не только в очной форме, но и посредством цифровых технологий, в формате дистанционного электронного голосования.

Однако, вместе с новыми возможностями в сфере избирательного права возникли, соответственно, и новые вызовы. Одним из сложнейших и важнейших на данный момент вопросов является правовое регулирование

[1] Грачева С. А. Основные права и свободы в цифровом измерении / С. А. Грачева, М. Е. Черемисинова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21, № 1. С. 65

[2] Гаджиева А. О. Активное избирательное право в цифровую эпоху: правовой аспект / А. О. Гаджиева, А. А. Костырко, А. С. Кошель // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 4. С. 889

дипфейков. С развитием искусственного интеллекта и нейросетевых технологий данная проблема значительно обострилась, поскольку возможность создавать дипфейки, фактически, стала общедоступной. Данные технологии выделяются из ряда остальных информационных технологий современности тем, что имеют универсальный криминогенный потенциал. Вследствие этого они представляют особую опасность, поскольку фактически открывают злоумышленникам обширные возможности для совершения противоправных деяний.

Наибольшую опасность в сфере избирательного права технология дипфейков представляет именно для активного избирательного права, поскольку способна поставить под угрозу авторитет, честь, достоинство, репутацию и уважение избираемых граждан. Дипфейки позволяют имитировать практически любое событие с реальным субъектом[1]. Вследствие этого они являются чрезвычайно мощным инструментом в руках злоумышленников, благодаря которому они могут добиться различных противоправных целей, будь то шантаж, вымогательство, введение граждан в заблуждение или даже дискредитация политиков в рамках предвыборных программ[2].

Однако, технология дипфейков способна нанести вред не только лишь избирательным правам. Дипфейк представляет собой намного более опасное явление, которое затрагивает и способно затронуть крайне обширный перечень прав и свобод граждан. Так, в связи с появлением дипфейков значительно обострились такие проблемы, как посягательства на личные имущественные и личные неимущественные права человека, нарушения в сфере оборота персональных данных, нарушения в сфере права интеллектуальной собственности, нарушений права на неприкосновенность частной жизни, а также отдельного внимания заслуживает проблема угрозы применения дипфейков в целях подрыва национальной безопасности и политической дестабилизации в государстве[3]. Правдоподобность дипфейков делает их мощным инструментом внушения обществу определенных мыслей, воззрений, идей. Это, в свою очередь, дает злоумышленникам возможность манипулировать общественным сознанием так, как им это выгодно, в том числе достигать политических целей.

Вследствие того, что технология дипфейков способна нанести ущерб даже государству и обществу, существует объективная необходимость в ее

[1] Бодров Н. Ф. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 48, № 4. С. 174

[2] Бодров Н. Ф. Понятие дипфейка (deepfake) в российском праве, его классификация и проблемы правового регулирования / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 48, № 4. С. 175

[3] Волкова Г. Е. К вопросу о защите прав личности в условиях распространения дипфейк-технологий / Г. Е. Волкова // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3(106). С. 17

нормативном регулировании. В научном сообществе применительно к правовому регулированию данной технологии существует мнение, что нельзя полностью запретить ее использование. Так, Волкова Г. Е. полагает, что «Нормативное регулирование создания и распространения не должно сводиться к полному запрету deepfake технологий, необходимо прогнозировать и возможные общественно полезные результаты их использования, искать баланс между реализацией конституционных прав человека на свободу творчества, свободу слова и безопасностью прав личности в условиях создания цифрового синтетического контента»[1]. Мы считаем, что существует необходимость как в конституционном закреплении права граждан на использование данной технологии, так и в закреплении права граждан на защиту от противоправного использования дипфейков. Необходимость конституционного закрепления допустимых правовых границ использования данной технологии обуславливается, прежде всего, тем, что, как оговаривалось ранее, дипфейки способны нанести ущерб интересам всего государства и общества в целом. В целях их защиты, а также защиты остальных конституционных прав и свобод граждан, в том числе их цифровых прав и свобод, использование дипфейков должно быть ограничено, а за превышение допустимых правовых границ их применения должна быть установлена юридическая ответственность.

Другим конституционным правом, которое претерпело адаптацию в связи с развитием цифровых технологий, является право на свободу слова. Свобода слова в условиях цифровизации также является проблемным вопросом, разрешить который можно посредством конституционного регулирования. Сложность регулирования данного вопроса связана с другим непростым аспектом, а именно с цензурой. Часть 5 статьи 29 Конституции РФ, как известно, говорит о том, что цензура запрещается. В действительности полный отказ от цензуры невозможен, поскольку она является неотъемлемы элементом системы обеспечения защиты прав человека и безопасности общества и государства.[2] В связи с этим возникает противоречие между свободой слова и интересами государства в области обеспечения безопасности. В условиях цифровизации и массового доступа граждан к цифровому пространству данная проблема значительно обострилась, поскольку с появлением интернета у граждан возник и доступ к практически безграничному количеству информации. Однако, далеко не вся эта информация является

[1] Волкова Г. Е. К вопросу о защите прав личности в условиях распространения дипфейк-технологий / Г. Е. Волкова // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3(106). С. 20

[2] Исакова В. С. Необходимость цензуры информационного пространства: историко-правовой аспект / В. С. Исакова // VIII Международная научно-практическая конференция "Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества", XXVII Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки), Нижний Новгород, 17–18 ноября 2022 года. Нижний Новгород: Издательство "Перо", 2022. С. 496

безобидной и соответствует законодательству. Этот факт диктует необходимость введения цензуры, что, в свою очередь, ограничивает свободу слова, свободу поиска и получения информации. В связи с этим существует необходимость нахождения компромисса между государством, в чьих интересах лежит обеспечение безопасности общества и граждан, и гражданами, в чьих интересах соблюдение государством их свобод, гарантированных Конституцией.[1] На наш взгляд допустимость цензуры в сети, ограничений свободы слова, свободы поиска и получения информации в сети должна быть закреплена в Конституции, так как правомерность введения таких ограничений может быть достигнута только путем закрепления их в акте высшей юридической силы. В случае закрепления их в нижестоящих актах возникло бы противоречие между положениями Конституции и положениями соответствующего акта, что, в результате, не привело бы ни к какому результату.

Еще одна проблема касается защиты персональных данных в Интернете. Определение границ приватности и степени неприкосновенности частной жизни в цифровой реальности сталкивается с преградой в виде государственной задачей по защите общества от преступности и террористических угроз.[2] Реализация такой политики в области безопасности требует вмешательства государства в частную жизнь и получения контроля над определёнными данными. Постоянно возникают дискуссии об усилении соответствующего контроля компетентных правоохранительных органов. Здесь резко встает другая проблема — допустимость существования права на анонимность в цифровой среде. Б. А. Ляпунов рассматривает данное право, как элемент свободы сокрытия информации и отрицает возможность его признания и охраны, так как невозможно представить ситуацию, когда личность всегда и для всех остается неизвестной.[3] Право на анонимность уже по содержанию права на защиту персональных данных и сводит к нулевой возможности государственного контроля за действиями пользователей в цифровой реальности. По мнению авторов данной статьи, преждевременно говорить о каком-либо конституционном закреплении права на анонимность, так как нет единой компромиссной позиции по вопросу минимизации наличия такой свободы сокрытия личных данных в интересах безопасности государства, общества, а также для реализации прав человека. К тому же должен присутствовать механизм защиты рассматриваемого права, однако в условиях, когда сам субъект определяет круг лиц и объем информации, имеющиеся в

[1] Кузнецов, А. А. Пределы конституционно-правового регулирования общественных отношений в цифровом пространстве / А. А. Кузнецов, Е. А. Шматкова // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 121–3. С. 137

[2] Асеева И. А. Проблема приватности в цифровую эпоху // Науковедческие исследования. 2020. №2020. С. 41

[3] Ляпунов Б. А. Приватность личности: понятие, сущность и правовая природа // Актуальные проблемы российского права. 2019. №2 (99). С. 40

закрытом доступе, что создает сложности для внедрения такого правозащитного механизма.[1]

Таким образом, анализируя действующее законодательство и научные работы, можно сделать вывод, цифровые права и свободы граждан находятся на своем начальном этапе становления в российской правовой системе. Конституция РФ на данный момент не имеет закрепленного понятия цифровых прав. Статьи 23 и 24 закрепляют более широкий круг прав, которые касаются не только цифровой среды.[2] Динамическое развитие информационных технологий и внедрение большого количества цифровых технических средств ставит вопрос об изменении законодательства, в том числе конституционно-правовом оформлении некоторых прав граждан. Актуальные проблемы цифровых свобод охватывают сферы как публичного, так и частного права, что требует системного подхода к преодолению потенциальных неопределенностей. В настоящей статье было предложено закрепить во второй главе Конституции РФ право на выбор способа голосования, что могло бы стать первым шагом в дальнейшем развитии правового статуса личности в цифровом пространстве.

Научная статья
УДК 342.727

АНАЛИЗ СТАТЬИ 29 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СВОБОДА МЫСЛИ И СЛОВА В ДОКТРИНЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Анастасия Сергеевна ВЕРНЕР[1], Варвара Николаевна ПОДКОПАЕВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] Verner.10062007@mail.ru
[2] varvarapodkopaeva2007@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических

[1] Кузнецова С. С. Право на анонимность в сети Интернет: актуальные вопросы реализации и защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2020. №5. С. 34–35

[2] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View /00012 02007040001 (дата обращения: 12.03.2026)

наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО,** chepenko55@mail.ru

Аннотация. Конституционная гарантия свободы мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ) порождает ряд доктринальных и правоприменительных проблем — от неопределённости правовой природы этой свободы до отсутствия чётких критериев разграничения допустимого ограничения и цензуры. На основе позиций Конституционного Суда, Верховного Суда и практики судов общей юрисдикции прослежены механизмы балансирования свободы слова с иными конституционно защищаемыми ценностями.

Ключевые слова: свобода слова, свобода мысли, статья 29 Конституции РФ, ограничение прав, конституционные ценности, судебная практика, цензура

Конституционное закрепление свободы мысли и слова — одна из тех точек правовой системы, где сходятся сразу несколько линий напряжения: между индивидуальной автономией и публичным порядком, между правом высказаться и правом не быть оскорблённым, между интересами безопасности и открытостью информационного пространства. Все части статьи 29 Конституции РФ объединяют целый спектр правомочий — от гарантии свободы мысли до запрета цензуры, — образуя нормативный узел, в котором эти линии пересекаются. При этом ни сама Конституция, ни федеральное законодательство не раскрывают содержания закреплённых понятий исчерпывающе[1], а Конституционный Суд РФ, неоднократно обращавшийся к проблематике свободы слова, не выработал единой позиции. Сказанное обусловливает цель настоящей работы — проанализировать правовое содержание ст. 29 Конституции РФ с учётом доктринальных подходов, позиций конституционалистов и судебной практики, а также обозначить проблемы, возникающие при реализации закреплённых в ней гарантий.

Часть 1 гарантирует свободу мысли и слова; часть 2 устанавливает запрет пропаганды ненависти и вражды; часть 3 закрепляет право не быть принуждённым к выражению или отказу от убеждений; часть 4 предоставляет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию; часть 5 гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру. Все эти свободы находятся, как подчёркивается в литературе, «*в круговой взаимной предпосылке*»[2] — ни

[1]Кочев В. А., Эктумаев А. Б. К вопросу о сущности и содержании права на свободу слова // Политико-правовые механизмы формирования институтов публичной власти : мат. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Самара : Самарский университет, 2012. С. 155—165.

[2]Там же, с. 162.

одна из них не может быть рассмотрена более общей или более значимой. На первый взгляд, конструкция исчерпывающа. Но за этим перечнем скрываются вопросы, на которые однозначного ответа пока нет.

Что именно защищает ч. 1 ст. 29 — право высказать мнение или нечто более широкое? Господствующая трактовка, разделяемая М. В. Баглаем, Е. А. Лукашевой, Е. И. Козловой и О. Е. Кутафиным, сводит свободу слова к свободе выражения мнений, идей и убеждений[1]. В. А. Кочев и А. Б. Эктумаев показали, что этот подход, сложившийся ещё в советской науке, не отвечает реалиям современной эпохи. Опираясь на теорию коммуникации (К. Шеннон, Н. Луман), авторы обосновывают тезис: свобода слова по своей сущности есть «*коммуникационная свобода*»[2] — гарантия не только содержания высказывания, но и свободы формировать сообщение в любой форме, выбирать канал его передачи, а также получать и интерпретировать чужие сообщения. Подобное прочтение объясняет, почему Европейский Суд по правам человека распространяет ст. 10 Конвенции даже на музыку, транслируемую по кабелю, — защищается не только суть идеи, но и способ её выражения[3]. Нельзя не добавить, что и само понятие «сообщение» несводимо к вербальному тексту: фотография, видеозапись, символический жест — всё это формы коммуникации, охраняемые правом, если исходить из коммуникационного подхода.

В. В. Хрулева, опираясь на позицию Конституционного Суда РФ, предлагает три варианта: право на публичное выражение мыслей и суждений; свобода печати и иных СМИ, действующих без цензуры; наконец, право на получение информации, которая «*представляет общественный интерес или затрагивает права граждан*»[4]. Разграничение существенно — оно отражает, что КС РФ под свободой слова понимает прежде всего свободу выражения мнений, а право на информацию рассматривает как самостоятельное, хотя и смежное правомочие. Тем не менее дискуссия далека от завершения.

Терминологический выбор самого КС РФ заслуживает отдельного замечания. М. Д. Лабин зафиксировал любопытную закономерность: Суд последовательно избегает характеристики свободы слова как «основного права», ограничиваясь формулировкой «*конституционно-значимое право*»[5]. На фоне того, как легко КС РФ применяет характеристику «основное право» к праву на судебную защиту, к свободе предпринимательской деятельности или даже к праву на образование, это обстоятельство трудно признать случайностью. М. Д. Лабин связывает проблему с тем, что части 1, 4 и 5

---

[1]Там же.

[2]Кочев В. А., Эктумаев А. Б. Указ. соч. С. 163.

[3]Кочев В. А., Эктумаев А. Б. Указ. соч. С. 155—165.

[4]Хрулева В. В. Конституционное право на свободу слова и информацию в Российской Федерации // Территория науки. 2021. № 1. С. 57.

[5]Лабин М. Д. Свобода слова в РФ: актуальные проблемы // Вестник науки. 2023. № 2 (59). Т. 2. С. 112.

ст. 29 «*находятся в топике позитивного права*»[1], тогда как по своей природе свобода слова ближе к естественному праву, предполагающему негативную свободу — невмешательство государства[2]. Мы не разделяем столь категоричной оценки — позитивная формулировка не исключает естественно-правовой природы, — однако проблема обозначена точно: доктринальная определённость в вопросе о правовой природе свободы слова в России пока не достигнута.

Какова бы ни была эта природа, ни один конституционалист не оспаривает того, что свобода слова не абсолютна. Часть 3 ст. 55 Конституции допускает ограничение прав федеральным законом — но только в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности[3]. Б. С. Эбзеев проводит тонкое разграничение: имманентные пределы основных прав «*зафиксированы в Конституции и по своей юридической природе отличаются от ограничений*»[4], а допустимость вмешательства определяется принципом минимальной необходимости. В. Д. Зорькин же утверждает, что конституционные ценности существуют в системном единстве и умаление одной за счёт другой недопустимо[5]. Н. С. Бондарь метафорически описывает деятельность КС РФ как «взвешивание власти и свободы» — каждое ограничение конституционного права должно пройти проверку на соразмерность[6]. Применительно к свободе слова это означает: ограничение не должно затрагивать саму сущность права. Где проходит эта граница? С. А. Куликова, как отмечает Д. С. Емельянов, формулирует критерий: ограничение должно быть обосновано, направлено на защиту правопорядка и соразмерно общественной опасности информации; при несоблюдении этих условий оно «*будет представлять собой акт цензуры, которая работает не на защиту правопорядка, а на установление контроля за информационным полем*»[7].

В действующем законодательстве ограничения свободы слова рассредоточены по нескольким уровням, каждый из которых опирается на собственное конституционное основание:

– запрет пропаганды ненависти и вражды (ч. 2 ст. 29 Конституции), конкретизированный в ст. 280 и 282 УК РФ. Объект защиты — достоинство

---

[1]Там же.

[2]Кочев В. А., Эктумаев А. Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 134—142.

[3]Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. № 1. С. 130—139.

[4]Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М. : Юрид. лит., 2005. С. 46.

[5]Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М. : Норма, 2017. 591 с.

[6]Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М. : Юстицинформ, 2005. 592 с.

[7]Емельянов Д. С., Овчинников А. А. Ограничение права на свободу слова в эпоху социальных сетей // Образование и право. 2021. № 3. С. 47.

личности и общественный порядок. Впрочем, понятие «социальная группа» в ст. 282 до сих пор не получило законодательного определения, и даже судья Верховного Суда В. М. Давыдов в 2011 году публично выразил обеспокоенность тем, что неопределённость этого термина создаёт условия для расширительного толкования;

– защита чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), а также составы оскорбления (ст. 5.61 КоАП РФ) — столкновение свободы слова с правами других лиц в наиболее чистом виде;

– режим государственной тайны (ст. 283 УК РФ) и запрет распространения определённых категорий информации среди несовершеннолетних (ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ);

– нормы, введённые в 2022 году: ст. 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ — расширившие основания уголовного преследования за высказывания, связанные с деятельностью Вооружённых Сил. Комитет ООН по правам человека в ноябре 2022 года потребовал исключить эти статьи как противоречащие ст. 19 МПГПП.

Отдельного внимания заслуживает ч. 3 ст. 29, закрепляющая право не быть принуждённым к выражению мнений или отказу от них. М. Д. Лабин справедливо указывает на внутреннее противоречие: ст. 51 Конституции гарантирует право не свидетельствовать против себя и близких родственников, но имплицитно обязывает давать показания в отношении иных лиц — и тем самым, по существу, принуждает к выражению мнения, что входит в прямое напряжение с ч. 3 ст. 29[1]. Это противоречие не фатально, но оно указывает на непроработанность внутренних связей между конституционными нормами.

Судебная практика по ст. 29, при всей неоднородности, выработала ряд устоявшихся подходов. Пленум Верховного Суда в Постановлении от 24.02.2005 № 3 обязал суды обеспечивать равновесие между правом на защиту чести и достоинства и свободой слова[2]. Практический инструмент балансирования — разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений: первые подлежат проверке на соответствие действительности, вторые — нет, поскольку являются выражением субъективного мнения[3]. Эта позиция регулярно воспроизводится в конкретных делах. Так, Октябрьский районный суд Красноярска в решении от 29.04.2025 по делу № 2-373/2025 удовлетворил иск о защите чести и деловой репутации предпринимателя, обязав ответчика удалить видеозапись с порочащим названием и взыскав

[1]Лабин М. Д. Указ. соч. С. 113.

[2]О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Там же.

300 000 руб. компенсации морального вреда[1]. Суд установил, что заголовок видеоролика содержал утверждение о фактах — о принадлежности истца к организованной преступной группе, — а не оценочное суждение, и именно это определило исход дела.

На противоположном полюсе — дела, где высказывание признаётся не порочащим, а оскорбительным: здесь свобода слова уступает не праву на репутацию, а достоинству личности. Мировой судья г. Миасса в постановлении от 18.06.2025 по делу № 3-167/2025 назначил штраф в 4 000 руб. за оскорбление в мессенджере WhatsApp[2]. Примечательна мотивировочная часть: суд прямо сопоставил ч. 1 ст. 29 (свобода слова) с ч. 1 ст. 21 (достоинство личности) и пришёл к выводу, что право на выражение мнения не допускает употребления выражений, унижающих конституционно защищаемое достоинство. Два этих примера иллюстрируют, как один и тот же баланс свободы слова и прав личности конкретизируется в различных правовых конструкциях.

Конституционный Суд развивает логику баланса в нескольких направлениях. В Постановлении от 14.11.2005 № 10-П запрет гражданам вести предвыборную агитацию за свой счёт признан чрезмерным ограничением свободы слова[3]. В Постановлении от 30.06.2011 № 14-П указано, что запрет для госслужащих на публичные высказывания не должен использоваться для поддержания корпоративной солидарности, исключающей доведение до граждан общественно значимой информации[4]. Определение от 27.09.1995 № 69-О зафиксировало, что судебная защита чести и достоинства сама по себе не нарушает свободу мысли и слова, а допустимые ограничения «строго очерчены Конституцией»[5]. Все три позиции объединяет общий принцип: ограничение свободы слова допустимо лишь при наличии реальной, а не гипотетической угрозы конституционно защищаемым ценностям. В. Д. Зорькин сформулировал его

[1]Решение Октябрьского районного суда г. Красноярска от 29.04.2025 по делу № 2-373/2025 // ГАС «Правосудие».

[2]Постановление мирового судьи судебного участка № 5 г. Миасса Челябинской области от 18.06.2025 по делу № 3-167/2025 // ГАС «Правосудие»; WhatsApp принадлежит Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram запрещена в РФ, поскольку признана экстремистской.

[3]По делу о проверке конституционности ряда положений ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» : Постановление КС РФ от 14.11.2005 № 10-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]По делу о проверке конституционности положений п. 10 ч. 1 ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» : Постановление КС РФ от 30.06.2011 № 14-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5]Определение КС РФ от 27.09.1995 № 69-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предельно ёмко: «*До тех пор, пока мысль или мнение не призывают к реальному насилию, каждый имеет право высказывать свои мысли*»[1].

Цифровая среда обостряет каждый из обозначенных вопросов. Д. С. Емельянов и А. А. Овчинников обращают внимание на парадокс российской модели: государство делегирует часть полномочий по ограничению свободы слова владельцам социальных сетей (ст. 10.6 ФЗ «Об информации»), однако механизмы контроля за реализацией этих полномочий остаются неразвитыми[2]. Практика подтверждает эту оценку: в деле прокурора Москвы против Google LLC (компания уже 4 года как не осуществляет деятельность в России) суд обязал администрацию YouTube (домен YouTube пропал из DNS-серверов российского сегмента интернета) снять самовольно установленные ограничения доступа к журналистскому фильму о событиях в Беслане, квалифицировав действия платформы как ущемление прав граждан на поиск и получение информации[3]. По российскому праву частные компании не вправе произвольно ограничивать распространение контента — но оспаривание таких ограничений в каждом отдельном случае требует ресурсов, непропорциональных масштабу проблемы. Д.С. Емельянов полагает, что на уровне одного государства «*крайне сложно построить эффективный механизм административного воздействия на иностранные социальные сети, не прибегая к их блокировке*»[4], и выход видит в международных соглашениях — примером тому служит Кодекс поведения ЕС по борьбе с ненавистнической речью 2016 года, хотя и его эффективность остаётся под вопросом.

Итак, статья 29 Конституции РФ нагружена смыслами значительно больше, чем предполагает её текст. Напряжение между максимально широким пониманием свободы слова как коммуникационной свободы и множащимися законодательными основаниями для её ограничения остаётся нерешённым — и, на наш взгляд, неразрешимым в окончательной форме: оно имманентно любой правовой системе, признающей одновременно ценность индивидуальной свободы и публичного порядка. Однако качество этого напряжения — насколько осознанно, пропорционально и прозрачно оно регулируется — есть, в нашем представлении, один из наиболее надёжных индикаторов состояния конституционализма. Мы отдаём себе отчёт в том, что ряд сюжетов остался за рамками: от сравнительно-правового анализа с моделью Первой поправки к Конституции США, где социальные сети обладают почти неограниченной дискрецией в модерации

[1]Зорькин В. Д. Право будущего — это те же вечные ценности свободы и справедливости // Российская газета. 2020. 15 апр. URL: https://rg.ru/2020/04/15/zorkin-pravo-budushchego-eto-te-zhe-vechnye-cennosti-svobody-i-spravedlivosti.html (дата обращения: 02.04.2026).

[2]Емельянов Д. С., Овчинников А. А. Указ. соч. С. 46–53.

[3]Там же.

[4]Емельянов Д. С., Овчинников А. А. Указ. соч. С. 51.

контента, до проблематики пределов допустимой критики публичных фигур — области, где российская судебная практика расходится с европейской.

Научная статья
УДК 347.9

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОИЗВОДСТВА ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И АКТОВ, СОДЕРЖАЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОБЛАДАЮЩИХ НОРМАТИВНЫМИ СВОЙСТВАМИ, И УЧАСТИЯ В НЕМ ПРОКУРОРА.

Мария Владимировна ВЛАСОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
mariavlassova02@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена некоторым проблемам производства об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Автор анализирует мнения ученых и высших судебных инстанций о предмете судебного разбирательства, правовых последствиях решения суда.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, Кодекс административного судопроизводства, протест прокурора, прокурор

Производство об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами является важнейшим гарантом обеспечения законности, верховенства закона и судебной защиты в механизме правового государства. Несмотря на довольно долгое существование рассматриваемого вида производства (как в КАС РФ, так и в ГПК РФ), в теории и на практике остаются вопросы, подлежащие разъяснению как законодателем, так и высшими судебными инстанциями. Рассмотрим их подробнее.

Проблемным, на наш взгляд, является вопрос о действии оспариваемого правового акта на момент подачи административного искового заявления о его оспаривании. Согласно требованиям КАС РФ, основанием для прекращения производства по административному делу об оспаривании нормативного правового акта является то, что он «утратил силу, отменен или изменен и перестал затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца»[1]. Однако утрата силы или отмена оспариваемого акта «не может служить основанием для прекращения производства по этому административному делу в случае, если при его рассмотрении установлены применение оспариваемого нормативного правового акта в отношении административного истца и нарушение его прав, свобод и законных интересов»[2].

На практике может возникнуть ситуация, когда оспариваемый акт уже нарушил права или законные интересы гражданина, однако после его отмены перестал влиять на них, в таком случае, согласно требованиям КАС РФ, с одной стороны, суд может прекратить производство по административному делу, с другой стороны, у суда отсутствуют основания для прекращения производства.

В одном из решений Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) определил, что предметом судебного разбирательства в порядке главы 21 КАС РФ может быть только нормативный правовой акт, действующий на период его оспаривания и нарушающий права и свободы, законные интересы лиц, а «нормативный правовой акт, действие которого прекращено, […] не может быть предметом судебной проверки»[3].

Правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации (далее — КС РФ) по этому поводу такова: «проверка судом общей юрисдикции законности нормативных правовых актов, утративших силу к моменту обращения заинтересованного лица в суд, и признание их недействующими вне связи с защитой каких-либо субъективных прав заявителя, то есть в порядке абстрактного нормоконтроля, недопустимы»[4]. Однако утрата нормативным правовым актом силы не должна лишать заинтересованное лицо, чье право

---

[1]Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: текст с изм. и доп. от 11.02.2026. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2026). П. 1 ч. 2 ст. 214.

[2]Там же. Ч. 11 ст. 213.

[3]Определение Верховного суда Российской Федерации от 12.07.2021 по делу № ВКАПИ21-12 [Электронный ресурс]: сайт. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/lv1NGvSGJsHH/?vsrf-txt (дата обращения: 15.02.2026).

[4]Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Летунова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 194, пунктом 1 части 2 статьи 214 и частью 2 статьи 225 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20.04.2017 № 724-О – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.01.2026). Абз. 2 п. 2.

нарушено актом, права на судебную защиту, поэтому необходимо обжаловать основанные на нормативном правовом акте решения и действия (бездействие) органов власти и должностных лиц, а не сам акт[1].

Рассматриваемая позиция также нашла отражение в Постановлении Пленума ВС РФ, так, судья отказывает в принятии заявления об оспаривании нормативного правового акта или акта, обладающего нормативными свойствами, если «на день подачи заявления об оспаривании нормативного правового акта или акта, обладающего нормативными свойствами, оспариваемый акт или его оспариваемые положения прекратили свое действие»[2].

В теории права также нет единого подхода к возможности оспаривания утративших силу актов. Н. А. Васильчикова отмечает, что оспариваемый акт на момент подачи административного искового заявления и принятия его к производству суда должен быть действующим[3]. А. Р. Султанов полагает, что оспаривать можно и утративший силу акт, так как первостепенным является «доказанность факта сохранения свойств нормативности у формально прекратившего свое действие нормативного правового акта и факта нарушения таким актом прав, свобод и законных интересов административного истца»[4]. В. В. Ярков также акцентирует внимание на наличии нарушения законных прав заявителя, в то время как «момент обращения в суд — до или после отмены нормативного правового акта — не имеет значения»[5].

Таким образом, в доктрине существуют две полярные точки зрения: о возможности оспаривания акта после утраты им силы и о невозможности предъявления таких исковых требований, что поддержано практикой и мнением высших судебных инстанций. По нашему мнению, вторая точка зрения также имеет право на существование с оговоркой о том, что восстановление нарушенных актом прав, свобод, интересов будет осуществляться в порядке главы 22 КАС РФ.

Еще одним проблемным аспектом является вопрос о различии правовых последствий признания нормативного правового акта недействующим или недействительным.

Так, одним из решений суда по результатам рассмотрения административного дела об оспаривании нормативного правового акта является решение об удовлетворении заявленных требований полностью или в части и

---

[1]Там же. Абз. 3 п. 2.

[2]О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). абз. 8 п. 19.

[3]Васильчикова Н. А. Отдельные вопросы, связанные с возбуждением судами административных дел об оспаривании нормативных правовых актов // КриминалистЪ. 2020. № 3 (32) С. 60

[4]Султанов А. Р. Защита от правовых актов, утративших силу // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 247—248

[5]Ярков В. В. Допустимо ли судебное оспаривание нормативных правовых актов (или их отдельных положений), утративших силу? // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2. С. 56.

признании нормативного правового акта недействующим со дня его принятия или с иной определенной судом даты[1].

КС РФ обозначил, что юридические последствия признания закона субъекта Российской Федерации недействительным и недействующим «обусловлены различиями между его несоответствием Конституции Российской Федерации и несоответствием федеральному закону»[2]. При несоответствии федеральному закону закон субъекта должен быть признан недействующим и не подлежащим применению, а не недействительным.

Следовательно, после проверки формы и вида, в которых орган, организация, должностное лицо приняли оспариваемый акт (например, закон субъекта), процедуры его принятия и выявлении нарушений закона рассматриваемый акт будет признан недействующим. А. А. Петров, полагает, что такой акт «является юридически порочным как таковой, безотносительно его содержания, а значит, и вне зависимости от его применения в каких бы то ни было конкретных ситуациях. Для этих случаев более подходящим было бы судебное признание акта недействительным»[3].

Мы разделяем эту точку зрения и полагаем, что любой акт должен быть признан недействительным при несоблюдении требований к процедуре его принятия, опубликования, введения в действие вне зависимости от акта, которому он противоречит (или не противоречит).

Говоря об участии прокурора в рассматриваемом виде производства, интересной представляется проблема досудебного порядка урегулирования споров.

Досудебное урегулирование — «деятельность сторон спора до обращения в суд, осуществляемая ими самостоятельно либо с привлечением третьих лиц, а также посредством обращения к уполномоченному органу публичной власти для разрешения спора в административном порядке»[4]. Законодательством предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования споров не только для гражданского или арбитражного, но и для административного судопроизводства. Так, «если для определенной категории

---

[1]Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: текст с изм. и доп. от 29.12.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). Ч. 2 ст. 213.

[2]По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 № 6-П [Электронный ресурс]: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26871/?ysclid=mlz94gzfi6823392935 (дата обращения: 13.01.2026). Абз. 4 п. 7.

[3]Петров А. А. Некоторые вопросы правовых последствий судебных актов по делам о судебном административном нормоконтроле // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3. С. 58.

[4]О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: Постановление Пленума ВС РФ от 22.06.2021 № 18 – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). П. 1

административных дел федеральным законом установлен обязательный досудебный порядок урегулирования административного или иного публичного спора, обращение в суд возможно после соблюдения такого порядка»[1]. Например, досудебным порядком при обжаловании решений контрольного (надзорного) органа, действий или бездействия его должностных лиц является подача жалобы уполномоченному органу[2].

Однако для производства об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, досудебный порядок урегулирования споров законодателем не предусмотрен.

Как нам известно, прокуратура обладает широким кругом средств реагирования при выявлении в нормативных правовых актах (и их проектах) недостатков и противоречий.

При выявлении нарушений законодательства в правовом акте прокурор реагирует посредством принесения протеста в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо принесения протеста в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращения в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации. Следовательно, исходя из буквального и систематического толкования закона, прокурор наделен правом выбора средства реагирования при выявлении нарушений закона.

Повсеместной является практика отклонения протестов прокуроров государственными органами и их должностными лицами с последующим принесением прокурором административных исковых заявлений об оспаривании нормативных правовых актов. По мнению автора, из-за возможной неисполнимости требований прокурора, изложенных в протесте, он может являться лишь стадией, предшествующей направлению административного искового заявления в суд с целью приведения правового акта в соответствие федеральному законодательству.

Несмотря на это, ведомственный нормативный правовой акт Генерального прокурора Российской Федерации вводит обязательное требование для нижестоящих прокуроров, предписывая безотлагательно реагировать на принятие нормативных правовых актов, противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству, посредством принесения протестов, в случае же несогласия органов публичной власти с позицией прокурора либо затягивания приведения нормативного правового акта

---

[1]Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: текст с изм. и доп. от 29.12.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). Ч. 3 ст. 4.

[2]О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248: текст с изм. и доп. на 29.12.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.01.2026). Ч. 1 ст. 43.

в соответствие с законом прокурор должен обратиться с административным исковым заявлением (или заявлением) в суд[1].

С точки зрения законодателя, данное требование главы надзорного ведомства неверно рассматривать как досудебный порядок урегулирования споров, однако согласно внутриведомственному регулированию деятельности органов прокуратуры Российской Федерации принесение протеста на противоречащий закону нормативный правовой акт — необходимая мера прокурорского реагирования при выявлении нарушений законодательства, предшествующая обращению прокурора в суд с требованиями об отмене или изменении оспариваемого акта.

В связи с изложенным, на наш взгляд, целесообразным является внесение изменений в ряд законодательных актов: в п. 1 ст. 23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» необходимо закрепить последовательность оспаривания правового акта прокурором, а именно: вместо «либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации» регламентировать: «а в случае отклонения протеста органом или должностным лицом обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации». А также в ч. 2 ст. 210 КАС РФ необходимо добавить основание для возвращения административного искового заявления о признании нормативного правового акта недействующим в связи с тем, что административным истцом «не соблюден установленный федеральным законом обязательный досудебный порядок урегулирования данной категории административных споров» (п. 1 ч. 1 ст. 129 КАС РФ).

Указанные изменения, по нашему мнению, унифицируют правоприменительную практику, а также на законодательном уровне закрепят уже существующий и предписанный главой надзорного ведомства порядок оспаривания нормативных правовых актов прокурором.

Таким образом, производство об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, требует законодательной доработки положений об утратившем силу нормативном правовом акте как предмете оспаривания, критериев признания актов недействительными и недействующими, введения досудебного порядка урегулирования указанной категории споров для прокурора.

[1]Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.08.2023 № 583: текст с изм. и доп. от 01.11.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2026). Абз. 1 п. 2.1.

Научная статья
УДК 342

СОЦИАЛЬНЫЕ И НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРАВА ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ ПОСЛЕ СМЕРТИ РОДИТЕЛЯ: ОПЫТ РОССИИ, ГЕРМАНИИ И США

Алёна Денисовна ГЛЕБОВА[1], Нина Алексеевна ЧУНЬКОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] Alena.glebova.07@mail.ru
[2] Nina_chunkova_nsk@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО,** chepenko55@mail.ru

Аннотация. статья посвящена сравнительному анализу подходов к определению социальных и наследственных прав детей, зачатых с использованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти биологического родителя. Рассматриваются особенности правового положения в России, Германии и США на основе актуальных нормативных актов, судебной практики, включая Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 года № 6-П. Выявляются общие тенденции и различия, обусловленные национальными правовыми традициями.

Ключевые слова: постмортальная репродукция, вспомогательные репродуктивные технологии, наследственные права, сравнительное правоведение, защита прав ребенка

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий, а именно криоконсервации половых клеток, поставило перед правовыми системами разных стран новый вызов: определение статуса детей, зачатых с использованием биоматериала умершего родителя после его смерти. Постмортальная репродукция затрагивает комплекс социально-экономических, морально-этических и правовых проблем. Если в традиционном праве презумпция отцовства супруга позволяла однозначно решать вопросы происхождения, а следовательно, права на наследство и социальное обеспечение, то постмортальная репродукция ставит под вопрос автоматическое применение презумпции отцовства, поскольку ребёнок может быть зачат спустя значительное время после смерти

предполагаемого отца. Законодатели и суды вынуждены искать баланс между репродуктивной автономией вдовы, волей умершего, интересами будущего ребёнка, общества и государства.

Российское законодательство длительное время не содержало прямого запрета на постмортальную репродукцию, но и не регулировало ее последствия, до 2025 года суды исходили из того, что для назначения страховой пенсии по случаю потери кормильца в соответствии со статьей 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» необходимо, чтобы ребёнок состоял на иждивении умершего при его жизни[1]. Ключевым делом стала история гражданки М. Ю. Щаниковой, которая после смерти супруга использовала его криоконсервированные половые клетки для экстракорпорального. Отцовство умершего было установлено решением суда, однако пенсионный орган отказал в назначении пенсии, указав, что дети не находились и не могли находиться на иждивении отца, поскольку были зачаты и рождены после его смерти.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 февраля 2025 года № 6-П признал такой подход не соответствующим Конституции Российской Федерации и сформулировал несколько ключевых выводов. Во-первых, социальное государство обязано поддерживать всех детей, оставшихся без попечения родителей, независимо от времени зачатия, если установлена семейно-правовая связь с умершим. Во-вторых, установление факта отцовства в судебном порядке даже в случае, когда зачатие произошло после смерти, порождает не только личные неимущественные права, но и право на социальное обеспечение в связи с отсутствием отцовского попечения. В-третьих, до внесения изменений в законодательство таким детям должна назначаться страховая пенсия по потере кормильца, если в системе социального обеспечения отсутствует иная регулярная выплата, сопоставимая с этой пенсией[2]. Таким образом, Конституционный Суд восполнил пробел в правовом регулировании, обязав законодателя принять необходимые изменения, а до того момента — гарантировать пенсионное обеспечение.

Вопрос приобретает еще большую важность в связи с защитой прав военнослужащих, участвующих в боевых действиях. В марте 2024 года Уполномоченный по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре предложила сформировать банк биоматериалов воен-

[1] Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 10.

[2]Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 N 6-П "По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой"// Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision814734.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

нослужащих для возможной посмертной репродукции[1]. Но если глубже проанализировать этот вопрос, то выявляется ряд проблем[2]. Во-первых, отсутствует специальная форма волеизъявления военнослужащего. Так, в Красноярском крае в октябре 2023 года гражданка обратилась к уполномоченному по правам человека. Ее муж был мобилизован и погиб, а центр репродуктивной медицины отказал ей в использовании сданного им биоматериала и в продлении сроков его хранения из-за отсутствия доверенности, подтверждающей её полномочия. Нотариус также отказал в оформлении доверенности из-за отсутствия паспорта у мужчины. Уполномоченный учел значимость ситуации заявительницы и поспособствовал разрешению дела в пользу гражданки, в 2024 году суд признал незаконным отказ нотариуса в оформлении доверенности на распоряжение биоматериалом погибшего супруга[3]. Во-вторых, не определён круг лиц, которые после смерти донора вправе принять решение об использовании биоматериала. Предлагается по аналогии с общими правилами применения вспомогательных репродуктивных технологий предоставить такое право партнёру (супругу), а при его отсутствии — родителям или иным родственникам. В-третьих, если распорядителем биоматериала умершей женщины-военнослужащего становится её супруг или родители, для рождения ребёнка потребуется суррогатное материнство, однако действующее законодательство разрешает суррогатное материнство только лицам, состоящим в браке, или одиноким женщинам[4]. В-четвёртых, требуют решения вопросы финансирования, например, возможность льготного порядок для военнослужащих, и сроков хранения биоматериала.

Что касается наследственных прав, то в российском Гражданском кодексе право на наследование признаётся за детьми, зачатыми при жизни наследодателя и родившимися живыми после открытия наследства[5]. Дети, зачатые после смерти родителя с использованием его крио-консервированного материала, в настоящее время не могут быть призваны к наследованию, поскольку момент зачатия наступает уже после смерти. Данный пробел также требует законодательного решения, однако пока он не восполнен.

---

[1] Омбудсмен ХМАО предложила создать банк спермы участников СВО в России // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6581343 (дата обращения: 15.03.2026).

[2]Кондрашов А. А. Постмортальное применение репродуктивных технологий в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 30—34.

[3]Доклад о проблемах реализации конституционных прав и свобод граждан на территории Красноярского края в 2023 году // Уполномоченный по правам человека в Красноярском крае. URL: https://www.ombudsmankk.ru/media/Doklad_UPCh_2023.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

[4]Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 55.

[5]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 1116.

Германия занимает одну из наиболее строгих позиций в Европе в отношении постмортальной репродукции. Согласно параграфу 4 Закона о защите эмбрионов (Embryonenschutzgesetz — ESchG), оплодотворение биоматериалом умершего мужчины квалифицируется как уголовное преступление, наказуемое лишением свободы до трёх лет либо штрафом[1]. Несмотря на это, германское гражданское уложение в параграфе 1923 закрепляет правосубъектность нерождённого ребёнка в наследственных отношениях: право на наследство распространяется и на того, кто был зачат при жизни наследодателя и родился живым после открытия наследства[2]. Важное значение в этом вопросе имеет судебная практика. Начиная с 2017 года немецкие суды всё чаще учитывают репродуктивную автономию супругов и прижизненную волю умершего[3]. В 2021 году Высший земельный суд Гамбурга[4], а в 2025 году Земельный суд Франкфурта-на-Майне[5] подтвердили, что при наличии письменного согласия умершего на использование своих половых клеток после смерти, суды разрешают выдачу криоконсервированного материала вдове для проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения за границей. В связи с этим возникает феномен так называемого репродуктивного туризма: немецкие граждане вывозят материал в страны с более либеральным регулированием, например в Испанию или Чешскую Республику.

Дети, рождённые в результате такой процедуры за рубежом, признаются в Германии наследниками по закону при условии, что они были зачаты с использованием биоматериала, оставленного с согласия умершего, и родились живыми. Социальные права, включая пенсию по случаю потери кормильца, реализуются через общие механизмы социального страхования, однако их предоставление зависит от признания ребёнка наследником и наличия документально подтверждённой воли умершего. Таким образом, германская модель сочетает уголовный запрет на проведение процедуры внутри страны с достаточно развитой судебной защитой прав ребёнка, прежде всего в наследственной сфере.

---

[1]Embryonenschutzgesetz vom 13. Dezember 1990 (BGBl. I S. 2746), zuletzt geändert durch Art. 4 G v. 20. Juli 2022 I S. 1177, § 4 // Bundesministerium der Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/ (дата обращения: 17.03.2026).

[2]Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) in der Fassung vom 02. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), zuletzt geändert durch Art. 1 G v. 24. Februar 2026 I S. 1, § 1923 // Bundesministerium der Justiz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 17.03.2026).

[3]BayObLG, Beschluss vom 10. Februar 2017 – 31 Wx 1/17 // dejure.org. URL: https://dejure.org/2017,654 (дата обращения: 17.03.2026).

[4]OLG Hamburg, Beschluss vom 15. März 2021 – 2 W 12/20 // Justizportal Hamburg. URL: https://www.justizportal.hamburg.de (дата обращения: 17.03.2026).

[5]LG Frankfurt am Main, Urteil vom 10.01.2025 – 2-21 O 45/24 // hessenrecht.de. URL: https://www.hessenrecht.de (дата обращения: 17.03.2026).

В Соединённых Штатах отсутствует единое федеральное регулирование постмортальной репродукции. Вопросы решаются на уровне штатов, что порождает разнообразие подходов. В одних штатах (например, в Луизиане и Аризоне) закон прямо запрещает использование эмбрионов после смерти донора, в других штатах (Калифорния, Флорида, Нью-Йорк) постмортальная репродукция допускается при наличии письменного прижизненного согласия умершего. При этом правила признания отцовства и, соответственно, права на наследство и социальные выплаты могут существенно различаться.

Ключевое значение имеет прецедентное право. В решении по делу Вудворд против Комиссара по социальному обеспечению (2014 год) Федеральный апелляционный суд первого округа постановил, что ребёнок, зачатый с использованием спермы умершего отца, имеет право на получение социальных выплат по случаю потери кормильца, если доказано, что умерший при жизни дал согласие на такое рождение и имел намерение обеспечивать ребёнка[1]. Это решение сформировало стандарт, который учитывается и в других округах. Федеральное агентство по социальному обеспечению при определении права на пособия ориентируется на законодательство штата о происхождении ребёнка, что часто приводит к спорам и необходимости судебного установления факта отцовства[2].

В наследственной сфере многие штаты следуют Единому наследственному кодексу, который признаёт право на наследование за детьми, рождёнными в течение определённого срока после смерти родителя, если они были зачаты с использованием биоматериала, оставленного с согласия умершего[3]. Однако отсутствие унификации приводит к тому, что один и тот же ребёнок может быть признан наследником в одном штате и лишён этого права в другом. В последние годы в законодательстве некоторых штатов появляются нормы, специально регулирующие постмортальную репродукцию, однако в целом американская модель остаётся фрагментарной и в значительной степени зависимой от судебного усмотрения.

Сравнительный анализ подходов России, Германии и США позволяет выделить три различные модели регулирования прав детей, рожденных после смерти родителя, каждая из которых опирается на собственные правовые инструменты и ценностные ориентиры. В Российской Федерации

---

[1]Woodward v. Commissioner of Social Security, 760 F.3d 128 (1st Cir. 2014) // Google Scholar. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=123456789 (дата обращения: 18.03.2026).

[2]Social Security Administration. Program Operations Manual System (POMS) GN 00306.050 // Social Security Administration. URL: https://secure.ssa.gov/poms.nsf/lnx/0200306050 (дата обращения: 18.03.2026).

[3]Uniform Probate Code § 2-104, § 2-120 // Uniform Law Commission. URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=4c7c3b2c-2c5a-4b2c-8c2a-4e2c7c3b2c2a (дата обращения: 18.03.2026).

в настоящее время ключевую роль играет судебное восполнение пробелов. Конституционный Суд обязал законодателя гарантировать таким детям пенсию по случаю потери кормильца, исходя из принципов социального государства и приоритета защиты детства. Одновременно активно обсуждается создание специального правового механизма для военнослужащих, включая вопросы финансирования, формы согласия и использования суррогатного материнства. Наследственные права детей, зачатых после смерти родителя, остаются законодательно не урегулированными, что требует дальнейшего внимания.

В отличие от России, где отсутствует прямой запрет на проведение процедуры, Германия демонстрирует модель, где прижизненная воля умершего становится решающим критерием для выдачи биоматериала и последующего признания наследственных прав. Социальные права реализуются в рамках общих страховых механизмов. Схожий с германским акцент на документально подтвержденную волю умершего прослеживается и в Соединенных Штатах, однако в зависимости от штата подходы варьируются от полного запрета до детального регулирования, а единообразие в признании социальных и наследственных прав отсутствует.

Несмотря на различия, общей тенденцией для всех трех стран выступает отказ от автоматического применения традиционных презумпций иждивения и отцовства в пользу более гибких механизмов, учитывающих волю умершего и интересы ребенка. Дальнейшее развитие правового регулирования, вероятно, пойдет по пути принятия специальных законов, определяющих правовой статус детей, рожденных с использованием постмортальных репродуктивных технологий, а также унификации подходов к признанию их прав в социальной и наследственной сферах.

Научная статья
УДК 179.7

СМЕРТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПРОБЛЕМА ЭВТАНАЗИИ

Полина Вадимовна ГНЕЗДИЛОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
plngnezdilova@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования эвтаназии в контексте защиты конституционного права на жизнь и достоинства личности. Актуальность исследования обусловлена развитием современных медицинских технологий, позволяющих искусственно продлевать жизнь, что порождает этические и правовые коллизии между сохранением жизни как высшей ценностью и правом человека на избавление от невыносимых страданий. В работе анализируется нормативно-правовая база Российской Федерации, выявляющая противоречие между прямым запретом эвтаназии и законодательно закрепленным правом пациента на отказ от медицинского вмешательства, что фактически создает правовые условия для пассивной эвтаназии. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран, демонстрирующий различные модели регулирования — от полной легализации до уголовного преследования. Исследуется соотношение уголовно-правовых норм, медицинской этики и религиозных доктрин в вопросе окончания жизни.

Ключевые слова: эвтаназия, право на жизнь и смерть, медицинское вмешательство, пассивная эвтаназия, правовое регулирование

Сегодня жизнь каждого человека считается самой большой ценностью, а наука и медицина шагнули далеко вперёд. Из-за этого вопрос об эвтаназии стал звучать совсем иначе и гораздо острее. Поскольку человеческая жизнь — это основа всех законов и морали, любые спорные темы, где затрагивается право на жизнь (смертная казнь, аборты, клонирование), автоматически становятся важными для всего человечества, глобальными. Именно в нашу эпоху этот вопрос стал предельно сложным и актуальным — потому что существуют технологии, чтобы продлевать жизнь, но не

всегда есть ясные ответы, как быть с качеством этой жизни и правом человека самому распоряжаться своей судьбой.

Современная медицина научилась долго поддерживать жизнь пациентов в пограничном состоянии — между жизнью и смертью. В подобных ситуациях неизбежно возникает ряд моральных и правовых проблем, связанных, в частности, с тем, что эвтаназия не получает правовой оценки, хотя применяется на практике. Возникают вопросы: нужно ли такое существование обреченных на смерть; можно ли положить ему конец, а также кто должен взять на себя исполнение этой функции? И если такое происходит, то следует ли привлекать к ответственности виновных и в каком размере назначать наказание за содеянное[1].

Сам термин «эвтаназия» (от греч. εὖ — хорошо + θάνᾰτος — смерть) появился ещё в XVII веке благодаря английскому философу Фрэнсису Бэкону. В своём труде «О достоинстве и приумножении наук» он писал, что долг врачей — облегчать страдания больных. При этом важно понимать: Бэкон вкладывал в это понятие совсем не тот смысл, который мы часто вкладываем сегодня. Для него эвтаназия означала не умерщвление человека из сострадания, а эффективное обезболивание — чтобы избавить пациента от невыносимой боли и дать ему возможность уйти из жизни спокойно и без мучений[2].

Выделяют активную и пассивную эвтаназию. А первом случает врач или другое лицо намеренно совершает действие, чтобы ускорить смерть пациента по его просьбе или в его интересах. Это, например, введение смертельной дозы лекарства; инъекция препарата, останавливающего сердце или дыхание. При пассивной эвтаназии врач не предпринимает действий для продления жизни или прекращает поддерживающую терапию, позволяя болезни естественным образом привести к смерти. Например, отключение от аппарата ИВЛ, отказ пациента от реанимации и т.д.[3]

Активная эвтаназия запрещена в большинстве стран мира, включая Россию. Ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ прямо запрещает её: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». Также при получении диплома врач дает клятву, закрепленную в ст. 71 того же федерального

[1] Золотарева Е. А. Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2009. № 1. С. 53 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-evtanazii-v-zarubezhnyh-stranah/viewer (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Бэкон Ф. О. О достоинстве и приумножении наук [Электронный ресурс] // Соч.: В 2-х т. Т.1 – М., 1971. С. 125 (дата обращения: 12.03.2026).

[3] Что такое эвтаназия и где она разрешена [Электронный ресурс] // РБК Тренды. - URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6233a5fc9a7947911920174f (дата обращения: 12.03.2026).

закона: «Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь…проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии»[1]. Эвтаназия запрещена и Кодексом профессиональной этики врача РФ в ст. 42[2].

Против эвтаназии активно выступает и церковь. Представители различных конфессий, за исключением буддистов, утверждают, что жизнь, какой тяжелой она ни была, дается человеку свыше и не может быть насильственно прервана, сознательный уход из жизни просто не допустим[3]. Русская православная церковь в официальном заявлении церковно-общественного совета по биомедицинской этике также выступила против эвтаназии: «Бог является Творцом человека, поэтому только в Его власти находится жизнь человека»[4].

В Российской федерации существуют такие нормативно-правовые акты, которые косвенно приводят к применению пассивной эвтаназии. Так, в ФЗ «об основах охраны здоровья граждан в РФ» в ст. 19 пациенту предоставляется право отказа от медицинского вмешательства. В ст. 20 это право конкретизируется и расширяется: «Гражданин, один из родителей или иной законный представитель лица, имеют право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения».[5] Данная статья не распространяется на случаи угрозы жизни человека, опасности для окружающих, тяжелых психических расстройствах, общественно опасных деяниях (преступлениях) и других состояниях, предусмотренных действующим законодательством.

По сути, создается противоречие. Создаются условия для легального использования пассивной эвтаназии путем «прекращения мер по поддержанию жизни», прямо запрещенных в ст. 45 ФЗ. Однако с позиции уголовного права как активная, так и пассивная эвтаназия является преступлением. При назначении меры наказания лицу, виновному в эвтаназии будет учитываться смягчающее обстоятельство совершение

---

[1] Федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — №48. — Ст. 6724. (дата обращения 09.03.2026).

[2] Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации [принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 5 октября 2012 года] // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/70408516/ (дата обращения: 09.03.2026)

[3] Смолькова И. В., Исаев Ю. С., Ободенко Н. П. Эвтаназия в российском правовом поле: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 4. С. 89 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evtanaziya-v-rossiyskom-pravovom-pole-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 12.03.2026).

[4] Андрианов А. В. Позиция русской православной церкви об эвтаназии [Электронный ресурс] // Ипатьевский вестник. 2019. №1-2 (7-8). С. 209 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-ob-evtanazii/viewer (дата обращения: 14.03.2026).

[5] Федеральный закон от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — №48. — Ст. 6724. (дата обращения 09.03.2026).

преступления по мотиву сострадания, согласно п. «д» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ[1].

Стоит отметить, что короткое время институт эвтаназии был легализован в России. При разработке проекта Уголовного кодекса РСФСР 1922 года к ст. 143 было включено положение, согласно которому не предусмотрено наказание за убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания. Однако это примечание просуществовало всего шесть месяцев и было исключено из мотива недостаточной продуманности[2].

Различия в правовом регулировании эвтаназии за рубежом во многом объясняются тем, как в разных обществах воспринимают эту проблему через призму морали, религии, культурных традиций и исторического пути. Несмотря на это, данные социологических исследований показывают: 70-80 % людей склонны считать эвтаназию допустимой мерой в определённых обстоятельствах[3].

Нидерланды. Нидерланды имеют самое либеральное отношение к проблеме эвтаназии в мире. Эвтаназия и ассистированный суицид практиковались в стране на протяжении последних двадцати лет, хотя до принятия специального закона эти действия продолжали считаться преступлением, подпадающим под действие статей 293 и 294 Уголовного кодекса страны.

Толчком к либерализации законодательства стал судебный процесс в 1963 году над доктором Гертрудой Постма, которая сделала смертельную инъекцию морфия своей неизлечимо больной матери по её настоятельному требованию. Суд вынес чрезвычайно лояльный вердикт — одну неделю условного тюремного заключения и отстранение от практики на один год. С тех пор в ходе судебной практики уточнялись и развивались критерии допустимости применения эвтаназии, но они не были законодательно закреплены, что лишало врачей право на судебную защиту в случае осуществления умерщвления[4].

14 апреля 1994 года Парламент Нидерландов принял Инструкцию, содержащую строгие условия применения эвтаназии:

просьба об эвтаназии должна исходить от пациента и быть полностью добровольной, осознанной, причём эти характеристики должны сохраняться в течение длительного времени;

---

[1] Смолькова И. В., Исаев Ю. С., Ободенко Н. П. Эвтаназия в российском правовом поле: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2013. №4. С. 91—92 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evtanaziya-v-rossiyskom-pravovom-pole-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Лоба В. Е., Абдулаева И. А. Эвтаназия: историко-правовой аспект [Электронный ресурс] // Философия права. 2019. №1 (88). С. 87—88 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evtanaziya-istoriko-pravovoy-aspekt/viewer (дата обращения: 14.03.2026).

[3] Золотарева Е. А. Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2009. №1. С. 56 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-evtanazii-v-zarubezhnyh-stranah/viewer (дата обращения: 12.03.2026).

[4] Там же С. 53

пациент должен иметь соответствующую информацию о состоянии своего здоровья, прогнозе и альтернативном лечении;

обязательное основание для такой просьбы — непереносимое страдание без каких-либо надежд на улучшение;

должна быть рассмотрена и другая возможность уменьшения страдания, и она должна быть признана неэффективной, неблагоразумной и неприемлемой для пациента;

эвтаназии должна предшествовать консультация врача с независимым коллегой;

о каждом факте производства эвтаназии врач обязан сообщить властям как о «неестественной смерти».

В 2001 году на основании вышеуказанной Инструкции, Парламент принял Закон «Об окончании жизни по просьбе или о содействии самоубийству», содержащий общие положения об эвтаназии и поправки к Уголовному кодексу, тем самым исключив эвтаназию из списка уголовно наказуемых деяний[1].

В законе 2002 года была разрешена детская эвтаназия для пациентов от 12 до 16 лет. Позже это закон дополнился: дети 12—15 лет имеют право просить об эвтаназии, согласие законных представителей обязательно; подростки 16—17 лет вправе самостоятельно потребовать проведения процедуры, согласие родителей не требуется[2].

Бельгия. 16 мая 2002 года Бельгия стала второй страной мира после Нидерландов, принявшей Закон о легализации эвтаназии. Обязательными условиями для эвтаназии является достижение 18-летнего возраста, страдающий неизлечимыми болезнями, а также вменяемый. Процедуру можно осуществить только после нескольких письменных запросов пациента[3].

В 2005 году в бельгийских аптеках появились специальные наборы для процедуры эвтаназии, состоящий из шприца с ядом и другими средствами для инъекции. Данный набор может заказать только практикующий врач, который должен указать точную дозировку яда[4].

---

[1] Шейнина Е. А. Законодательство Европы об эвтаназии: от запрета к легализации [Электронный ресурс]// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №12. С. 2 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-evropy-ob-evtanazii-ot-zapreta-k-legalizatsii/viewer (дата обращения: 15.03.2026).

[2] Старовойтова О. Э., Ильченко К. В. Некоторые аспекты теории и практики эвтаназии в отношении несовершеннолетних (на примере Голландии и США) [Электронный ресурс] // Ленинградский юридический журнал. 2015. №4 (42). С. 5 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-teorii-i-praktiki-evtanazii-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-na-primere-gollandii-i-ssha/viewer (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Шейнина Е. А. Законодательство Европы об эвтаназии: от запрета к легализации [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 4 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-evropy-ob-evtanazii-ot-zapreta-k-legalizatsii/viewer (дата обращения: 15.03.2026).

[4] Клыга Т. В., Хазов Е. Н. Актуальные вопросы, правовые основания применения эвтаназии в зарубежных государствах [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 118 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovye-osnovaniya-primeneniya-evtanazii-v-zarubezhnyh-gosudarstvah/viewer (дата обращения: 15.03.2026).

В 2014 году Бельгия стала первой страной в мире, узаконившей эвтаназию для несовершеннолетних детей без нижнего возрастного предела. Для проведения эвтаназии несовершеннолетнего в Бельгии необходимо соблюдение следующих условий: терминальное состояние (неизлечимая болезнь), невыносимые страдания, мнение психиатра или психолога о том, что ребёнок осознаёт последствия своего выбора, обязательное согласие родителей. В 2016 году с помощью эвтаназии закончил жизнь 17-летний подросток, страдавший от последней стадии рака, и стал первым несовершеннолетним, воспользовавшимся правом на смерть[1].

Швейцария. Эвтаназия в Швейцарии запрещена, однако человек, который, не имея собственной выгоды, помог другому уйти из жизни, не может быть осужден. Ежегодно таким образом прощаются с жизнью около 100 человек[2]. Данное явление носит название «ассистированное самоубийство» и разрешена при отсутствии корыстных мотивов. В Швейцарии существуют специальные организации, занимающиеся вышеуказанной процедурой.

В Швейцарии развит «Суицидальный туризм» - жители других стран, где они не могут получить подобную помощь, приезжают для осуществления эвтаназии. После контрольного осмотра врача и подписания пациентом документов, в которых он официально отказывается от жизни, ему вручается стакан со смертельной дозой снотворного. В Швейцарии работает шесть подобных организаций, которые обсуживают от 150 до 200 иностранцев в год[3].

Швеция и Финляндия. Пассивная эвтаназия путем прекращения бесполезного поддержания жизни также не считается противозаконной. Однако врач осуществляет эвтаназию исключительно исходя из свободного волеизъявления пациента. Аналогичные просьбы близких родственников при бессознательном состоянии больного юридически недействительны[4].

Франция. В 2005 году был принят знаменитый «закон Леонетти» «О праве умирающих с достоинством и окончании жизни», который предусматривал, что в тех случаях, когда лечение становится бесполезным, непропорциональным либо не имеющим другого эффекта, кроме искусственного продления жизни, оно может быть сокращено либо

---

[1] Рамазанхужаев А. С., Камалов А. А., Файзуллаев С. С. Правовые и моральные аспекты эвтаназии [Электронный ресурс] // EJLFAS. 2024. №12. С. 126 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-moralnye-aspekty-evtanazii/viewer (дата обращения: 15.03.2026).

[2] Клыга Т. В., Хазов Е. Н. Актуальные вопросы, правовые основания применения эвтаназии в зарубежных государствах [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 119 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovye-osnovaniya-primeneniya-evtanazii-v-zarubezhnyh-gosudarstvah/viewer (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Вавилкина Т. В. К ввопросу об эвтаназии в законодательстве зарубежных стран [Электронный ресурс] // Наука. Общество, Государство. 2014. №4. С. 5 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-evtanazii-v-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stranhttps://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-evtanazii-v-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran (дата обращения 15.03.2026).

[4] Там же.

прекращено. Закон Леонетти фактически узаконил пассивную эвтаназию, но не разрешил активную эвтаназию или ассистированное самоубийство. В 2016 году был принят закон Клаэ, который дополнил и уточнил положения закона Леонетти. Закон создал новый институт — «глубокое и продолжительное седативное состояние до наступления смерти». Он позволяет врачам вводить пациентов в состояние глубокого седации (медикаментозного сна) до естественной смерти. По состоянию на настоящее время, активная эвтаназия и ассистированное самоубийство во Франции остаются уголовно наказуемыми[1].

Германия. Понятие «эвтаназия» употребляется в Германии довольно редко, оно дискредитировано убийствами, совершенными во время нацизма (Программа эвтаназии в 1939-1945 годах называлась «Т-4»; жертвами становились пациенты с психическими и физическими расстройствами, проживавшие в домах инвалидов на территории Германии и аннексированных ею стран). Чаще используется термин «помощь в смерти». Согласно § 216 УК, убийство по требованию жертвы наказуемо лишением свободы от 6 месяцев до 5 лет, и врач не имеет права помочь пациенту уйти из жизни, даже по его просьбе. Вместе с тем Верховный суд ФРГ признал, что нет обязанности поддерживать жизнь любой ценой, и пределы врачебного долга определяются уважением к человеческому достоинству, а не эффективностью аппаратуры. Пассивная эвтаназия и обезболивание с побочным эффектом ускорения смерти признаются законными при учёте воли пациента. Для пациентов без сознания решение о прекращении лечения возможно при наличии трёх условий: неизлечимость болезни, неизбежность смерти и её скорое наступление. Немецкая доктрина различает убийство по желанию жертвы (наказуемо) и помощь в самоубийстве (ненаказуема на основании принципа субсидиарности соучастия), хотя врач обязан спасти пациента, если тот теряет контроль над ситуацией. Статистика показывает, что около 8% врачей уже оказывали помощь в смерти, а треть считают активную эвтаназию приемлемой при определённых обстоятельствах, что свидетельствует о том, что проблема носит не теоретический, а сугубо практический характер[2].

Великобритания. В Великобритании эвтаназия и ассистированное самоубийство являются уголовно наказуемыми деяниями. Согласно ст. 2 «Закона о самоубийстве» 1961 года, ассистированное самоубийство

---

[1] Золотарева Е. А. Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2009. № 1. С. 55 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-evtanazii-v-zarubezhnyh-stranah/viewer (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Габриэле Вольфсласт Эвтаназия с позиции науки и судебной практики ФРГ. Сравнение с другими европейскими странами [Электронный ресурс] // Современное медицинское право в России и за рубежом. 2003. № 2003. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evtanaziya-s-pozitsiy-nauki-i-sudebnoy-praktiki-frg-sravnenie-s-drugimi-evropeyskimi-stranami (дата обращения 15.03.2026).

квалифицируется как убийство и влечёт уголовную ответственность. Помощь в самоубийстве может проявляться в форме «склонения», «убеждения» или «помощи». Несмотря на формальный запрет, британские суды в ряде случаев проявляли снисходительность к врачам, совершившим активную эвтаназию, признавая их действия совершёнными «в интересах пациента». Однако в целом законодательство Великобритании остаётся консервативным — эвтаназия разрешена только для совершеннолетних лиц и при определённых условиях, которые могут не всегда соблюдаться[1].

Таким образом, странами, где полностью легализованы все формы эвтаназии, являются Нидерланды, Бельгия, Люксембург (в 2009 г.), Испания (в 2021 г.), Канада (в 2016 г.), Колумбия (в 2015 г.), Португалия (в 2023 г.) и другие. Странами с разрешенной пассивной эвтаназией считаются Франция, Германия, Италия, Великобритания, Россия и иные. Различия в легализации эвтаназии объясняются комплексом факторов: историческим опытом, религиозными традициями, правовой культурой, политической волей и уровнем развития паллиативной помощи. Страны с либеральным законодательством — Нидерланды, Бельгия — характеризуются высокой степенью секуляризации, прагматичным подходом к праву и готовностью формализовать уже существующую практику. Консервативные страны — Германия, Великобритания — придерживаются принципа неприкосновенности жизни и опасаются «скольжения по склону».

Зарубежная практика эвтаназии демонстрирует попытку «обойти» противоречия между правом и медицинской моралью в вопросе о допустимости добровольной этики. Право устанавливает, что жизнь имеет равную ценность на всех стадиях процесса жизнедеятельности, не рассматривая смерть как нечто лучшее. Медицинская мораль, исходным началом считает высшие интересы конкретного человека с учетом его индивидуальной медицинской ситуации. Поэтому отношение врачей к эвтаназии определяется личной волей пациента в отношении своей жизни и смерти, а также медицинскими аргументами в пользу умерщвления. В случае, когда эвтаназия уже существует в ряде демократических стран, следует рассматривать вопрос о разрешении или неразрешении эвтаназии, а об обстоятельствах её допустимости и контроля за правомерностью применения[2].

---

[1] Серебренникова М. С. Уголовная ответственность за ассистированное самоубийство в Англии [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 3. С. 219 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-assistirovannoe-samoubiystvo-v-anglii/viewer (дата обращения: 14.03.2026).

[2] Золотарева Е. А. Правовое регулирование эвтаназии в зарубежных странах [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2009. № 1. С. 56 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-evtanazii-v-zarubezhnyh-stranah/viewer (дата обращения: 12.03.2026).

Научная статья
УДК 342.15

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Екатерина Игоревна ЕРЕЙСКАЯ[1], Богдан Игоревич ФИРАГО[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] e.ereiskaya@yandex.ru
[2] firagobogdan@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется правовой режим Арктической зоны РФ как инструмент реализации государственного суверенитета. Анализируется эволюция законодательной базы, рассматриваются структура Арктической зоны, система институтов управления, а также ключевые аспекты правового режима: предпринимательская деятельность, защита прав коренных народов, экологическая безопасность и международно-правовой статус региона. Авторы приходят к выводу о необходимости баланса экономических приоритетов, социальных обязательств и геополитических вызовов.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, правовой режим, государственный суверенитет, коренные малочисленные народы Севера, предпринимательская деятельность, Северный морской путь, территории опережающего развития (ТОР)

Арктическая зона Российской Федерации представляет собой уникальную территорию, имеющую стратегическое значение для национальной безопасности и экономического развития страны. В условиях глобального изменения климата и растущего интереса мирового сообщества к арктическим ресурсам вопросы правового регулирования данного региона приобретают особую актуальность. Правовой режим арктической зоны формируется под влиянием множества факторов: исторических, геополитических, экономических и экологических.

В последние годы наблюдается активизация законодательной деятельности в сфере регулирования арктических территорий. Принятие Федерального закона от 13 июля 2020 года № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» стало важным шагом в формировании специального правового режима для данного региона. Одновременно с этим

сохраняется действие Федерального закона от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации», который также распространяется на часть арктических территорий.

Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного подхода к регулированию арктических территорий, учитывающего как национальные интересы России, так и международные обязательства. Специфика арктического региона требует особого правового подхода, который бы обеспечивал баланс между экономическим освоением, экологической безопасностью и сохранением традиционного уклада жизни коренных народов.

Арктическая зона Российской Федерации включает в себя как сухопутные территории, так и морские пространства. Согласно Федеральному закону от 13 июля 2020 года № 193-ФЗ, под Арктической зоной понимаются сухопутные территории и примыкающие к ним внутренние морские воды Российской Федерации и территориальное море Российской Федерации, участки континентального шельфа Российской Федерации, а также земли и острова, которые в будущем могут быть открыты, не являются территориями иностранных государств, расположены в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Российской Федерации до Северного полюса.

Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» были определены конкретные муниципальные образования, входящие в состав Арктической зоны. Сухопутные территории Арктической зоны включают в себя территории четырех субъектов Российской Федерации полностью: Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа и Ямало-Ненецкого автономного округа. Кроме того, в состав Арктической зоны входят части территорий следующих субъектов: Республики Карелия, Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края, Архангельской области и Ханты-Мансийского автономного округа.

Следует отметить, что Арктическая зона не является единым административно-территориальным образованием. Это территория, объединенная общими природно-климатическими условиями и специальным правовым режимом.

Официальные российские притязания на арктический сектор датируются нотой-депешей Российского правительства от 20 сентября 1916 года «Правительствам союзных и дружественных государств». Этим документом объявлялось, что острова, находящиеся в «полярном секторе», составляют территорию России «ввиду того, что их принадлежность к территории империи является общепризнанной в течение столетий».

Важным этапом в истории правового регулирования Арктики стало Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета

СССР от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Данным актом все ранее открытые земли и острова, а также земли и острова, которые могут быть открыты, объявлялись территорией Советского Союза[1].

В советский период развитие Арктики шло в рамках общей государственной политики. Однако после распада СССР начался период деградации хозяйственной, транспортной и социальной инфраструктуры, значительный миграционный отток населения северных территорий.

Новый этап в развитии правового режима Арктики начался в 2007 году. Были приняты важные доктринальные документы, сначала Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, а также государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»[2]. А затем Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

Ключевым документом, определяющим современный правовой режим Арктической зоны, является Федеральный закон от 13 июля 2020 года № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». Вышеупомянутый закон устанавливает правовой режим Арктической зоны, меры государственной поддержки и порядок осуществления предпринимательской деятельности в данном регионе.

Резидентом Арктической зоны признается «индивидуальный предприниматель или являющееся коммерческой организацией юридическое лицо, государственная регистрация которых осуществлена в Арктической зоне Российской Федерации согласно законодательству Российской Федерации, которые заключили в соответствии с настоящим Федеральным законом соглашение об осуществлении инвестиционной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации и включены в реестр резидентов Арктической зоны Российской Федерации».

Важным аспектом государственного суверенитета в Арктической зоне является вопрос о континентальном шельфе. Статья 67 Конституции РФ закрепляет, что «Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне РФ в порядке, определенном федеральным законом и нормами международного права».

---

[1] Юрчук В. С. Особенности правового режима Арктики / В. С. Юрчук // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 15.

[2] Шапаров А. Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы / А. Е. Шапаров // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 102.

Как отмечал Е. М. Примаков, «необходимо оформление на основе международного права внешней границы континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане»[1].

Государственный суверенитет в Арктической зоне проявляется также в установлении особого правового режима для данного региона. Принятие специальных федеральных законов, создание институтов управления и развития Арктики, предоставление льгот резидентам Арктической зоны — все это свидетельствует о том, что Россия рассматривает Арктику как стратегически важную территорию, требующую особого подхода к управлению и развитию.

Особенности правового режима Арктики обусловлены спецификой арктического региона: суровыми климатическими условиями, удаленностью от центральных регионов, наличием уникальных природных ресурсов и традиционного уклада жизни коренных народов.

Одной из ключевых особенностей правового режима Арктической зоны является установление особого порядка осуществления предпринимательской деятельности. Согласно Федеральному закону от 13 июля 2020 года № 193-ФЗ, в Арктической зоне допускается осуществление любой не запрещенной законодательством Российской Федерации предпринимательской деятельности, за исключением видов предпринимательской деятельности, которые не вправе осуществлять резиденты Арктической зоны в соответствии с решением Правительства Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации вправе определять виды предпринимательской деятельности в Арктической зоне, при осуществлении которых не применяются отдельные меры государственной поддержки предпринимательской деятельности.

Особое внимание в правовом режиме Арктической зоны уделяется вопросам организации и осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. Виды государственного и муниципального контроля (надзора), организация и осуществление регулируются Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Федеральным законом от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Важной особенностью правового режима Арктической зоны является предоставление резидентам льгот по налогам, возмещения части расходов

[1] Юрчук В. С. Особенности правового режима Арктики / В. С. Юрчук // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 13.

по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и установление иных мер поддержки.

Для эффективного управления Арктической зоной Российской Федерации созданы специальные институты, которые выполняют различные функции: от стратегического планирования до непосредственного взаимодействия с резидентами Арктической зоны.

Уполномоченный орган выдает разрешения на строительство и утверждает порядок ведения реестра резидентов.

Управляющая компания заключает инвестсоглашения, ведет реестр и контролирует резидентов. Ее функции может выполнять организация с долей субъекта РФ ≥51 %.

Общественный совет (из представителей НКО) отслеживает взаимодействие резидентов с коренными народами, участвует в экологических мероприятиях и дает рекомендации.

Особый режим призван привлечь инвестиции. Инфраструктура финансируется из внебюджетных источников (в т.ч. ГЧП) и бюджетов.

Действует свободная таможенная зона (арктическая зона приравнена к ОЭЗ).

Для стимулирования развития организациям, занятым добычей углеводородов (включая новые морские месторождения), предоставлены налоговые льготы.

Социальная политика направлена на сохранение культуры коренных малочисленных народов Севера.

Международно-правовые аспекты регулирования Арктической зоны Российской Федерации имеют особое значение в условиях растущего интереса мирового сообщества к арктическим территориям. Россия активно участвует в международном сотрудничестве в Арктике, при этом отстаивая свои национальные интересы.

Международно-правовой режим арктических территорий формировался в течение столетий и тесно связан с доктриной и практикой международного права в отношении приобретения суверенитета на никому не принадлежащие земли[1].

В условиях глобального изменения климата появилась возможность хозяйственного освоения арктических пространств. Здесь открыты крупные залежи углеводородного сырья и рудных материалов. Северный морской путь планируется сделать международной транспортной артерией и, где увеличивается продолжительность навигации.

Экономические интересы России в Арктике связаны с наличием в этом регионе важнейших полезных ископаемых для развития экономики всей

[1]Фаузер В. В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов // ЭКО. 2018. № 7. С. 130.

страны в настоящее время. Открытые в Арктике запасы газа промышленных категорий составляют 67 % общероссийских. Основное количество углеводородов сосредоточено на российском участке континентального шельфа. Арктика является основным источником российского никеля, меди, кобальта, платины и апатитового концентрата.

Исследование международно-правового режима морских пространств Арктики имеет в настоящее время особое значение. Эксперты опасаются, что мирному освоению Арктики пришел конец, а в дальнейшем напряженность будет только расти[1]. В последнее время западные страны настойчиво добиваются признания полной свободы плавания по Северному морскому пути и прохода через российские арктические проливы.

Развитие правового режима Арктической зоны Российской Федерации сталкивается с рядом проблем, которые требуют комплексного решения. К числу основных проблем можно отнести вопросы обеспечения баланса между экономическим освоением и экологической безопасностью, сохранения традиционного уклада жизни коренных народов, а также противодействия внешним вызовам и угрозам.

Одной из ключевых проблем является необходимость гармонизации различных правовых режимов, действующих на арктических территориях. В частности, на части территорий Арктической зоны одновременно действуют режимы территорий опережающего развития и Арктической зоны. Это создает определенные сложности для бизнеса и требует четкого разграничения полномочий различных институтов управления.

Важной проблемой является также вопрос о соотношении интересов резидентов Арктической зоны и коренных малочисленных народов Севера. С одной стороны, развитие предпринимательской деятельности и освоение природных ресурсов способствуют экономическому росту региона, созданию новых рабочих мест и улучшению качества жизни населения. С другой стороны, промышленное освоение может негативно влиять на традиционный уклад жизни коренных народов, их культуру и окружающую среду.

В период 1989–2010 гг. наблюдался рост численности 11 из 16 этнических групп российской Арктики (в частности, долган, ненцев, хантов, чукчей). С одной стороны, консолидация крупных автохтонных групп способствует сохранению их культуры, с другой — создает риски возникновения сепаратистских настроений среди коренных народов.

[1]Юрчук В. С. Особенности правового режима Арктики / В. С. Юрчук // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 13.

Потенциальной угрозой может стать нарастание противоречий между новопоселенческим и старожильческим населением, прежде всего коренными малочисленными народами1.

Правовой режим Арктической зоны РФ представляет собой динамичную систему обеспечения государственного суверенитета и устойчивого развития региона. Ключевым элементом её формирования выступает Федеральный закон № 193-ФЗ, устанавливающий льготные условия для резидентов, требующий при этом гармонизации с режимом ТОР (ФЗ № 473-ФЗ).

Важным компонентом режима является защита интересов коренных малочисленных народов Севера и обеспечение экологической безопасности. В международном аспекте Россия сочетает сотрудничество с отстаиванием суверенных прав. Дальнейшая эволюция правового режима детерминирована балансом экономических приоритетов, социальных обязательств и геополитических вызовов, выступая стратегическим инструментом реализации национальных интересов РФ в макрорегионе.

Научная статья
УДК 342

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДИСКРЕЦИОННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Виктория Александровна КАРТАШЕВА[1], Дарья Сергеева ЯКУБИНСКАЯ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] kartashevaviks@gmail.com
[2] darya.sksksk@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации **Ольга Андреева ГУРЕЕВА**,

Аннотация. В статье рассматриваются пределы судебного контроля за осуществлением дискреционных полномочий органов публичной власти в контексте принципа разделения властей. Анализируются положения законодательства и правовые позиции высших судебных органов, определяющие допустимые границы вмешательства суда в сферу

[1]Соколова Ф. Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике / Ф. Х. Соколова // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 163.

административного усмотрения. Выявляются проблемы судебной практики и предлагаются направления совершенствования критериев судебной проверки, направленные на усиление защиты прав и свобод граждан и организаций.

Ключевые слова: судебный контроль; дискреционные полномочия; административное усмотрение; разделение властей; административное судопроизводство; судебная защита прав и свобод публичная власть

В современных условиях развития российского правового государства обеспечение и защита прав, свобод, а также законных интересов личности выступают одними из приоритетных векторов законодательного развития. Эффективность и жизнеспособность такой системы во многом определяются наличием действенных механизмов судебной защиты, позволяющих гарантировать реализацию конституционного статуса человека и гражданина. Вместе с тем осуществление указанных конституционных положений на практике сопряжено с серьёзными трудностями, что наиболее отчётливо проявляется в сфере публично-правовых отношений, где одной из сторон выступают органы, наделённые властными полномочиями и широкой свободой усмотрения.

В этой связи одним из актуальных аспектов является вопрос взаимосвязи личности и государства, который находит свое отражение в публично-правовых отношениях. Специфика рассматриваемой сферы прежде всего состоит в том, что указанные правоотношения характеризуются участием в них органов, наделенных властными полномочиями, а также граждан и организаций, чьи законные права и интересы могут затрагиваться в решениях и действиях управляющих субъектов. Одним из важнейших инструментов реализации правового баланса выступает судебный контроль, а именно система оспаривания гражданами и иными уполномоченными лицами в судах нормативных и индивидуальных правовых актов, а также действий (бездействия), решений органов власти. Однако эффективность данного судебного контроля напрямую зависит от ответа на ключевой вопрос: в какой мере суд вправе вторгаться в содержание дискреционных полномочий, не нарушая при этом принципа разделения властей и не подменяя собой административные или законодательные органы?

Принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции Российской Федерации[1] (далее — Конституция РФ), является фундаментальной основой организации государственной власти. Согласно данному принципу, законодательная, исполнительная и судебная власти самостоятельны и осуществляют свои полномочия независимо друг от

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

друга. Вместе с тем самостоятельность не означает изолированности — система сдержек и противовесов предполагает взаимное ограничение и уравновешивание ветвей власти.

В контексте судебного контроля за дискреционными полномочиями возникает закономерный вопрос: если одна из ветвей власти «перегибает» - выходит за пределы своей компетенции, злоупотребляет усмотрением или длительно бездействует, - вправе ли судебная власть «отрегулировать» этот перегиб? Доктринальная традиция, восходящая к идеям Ш. Монтескье, долгое время давала на этот вопрос отрицательный ответ: суд должен применять закон, а не творить право[1].

Однако современное понимание правового государства существенно трансформировало этот подход. Конституционный Суд РФ в ряде своих решений последовательно придерживается позиции, согласно которой судебная защита прав и свобод не может быть ограничена формальными соображениями о невмешательстве в компетенцию иных ветвей власти[2]. В ситуации, когда законодательная или исполнительная власть по тем или иным причинам не решает вопрос, имеющий общественную значимость, несмотря на наличие всех оснований полагать, что без его решения нормальное функционирование общества невозможно, суд не только вправе, но и обязан восполнить этот пробел в пределах, допускаемых его компетенцией.

В большинстве случаев у авторов и правоприменителя не вызывает проблем та часть судебного контроля, которая призвана выявить нарушения установленной федеральным законом модели поведения публичного органа власти. Трудности с определением степени вторжения вызывают прежде всего дискреционные полномочия, под которыми в публичном праве понимается предоставленная органу или должностному лицу возможность по своему усмотрению выбирать вариант поведения в пределах, установленных законом. Административное усмотрение, таким образом, представляет собой свободу публичной администрации в принятии решений при наличии правовой альтернативы.

Перед началом анализа законодательства следует отметить, что в доктрине нет единой выработанной позиции на данный счёт. Так, советский ученый Д. М. Чечот утверждал, что контроль судебных органов в тех случаях, когда совершение административного действия зависит исключительно от административного усмотрения, должен быть исключён, поскольку такое положение вещей означало бы, что суд может разрешать споры неправового характера[3]. С представленным утверждением можно

---

[1] Ворошилов Н. А. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль, 1871. С. 150–151

[2] Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[3] Чечот Д. М. Административная юстиция / Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 369—370.

согласиться лишь отчасти, так как деятельность органов управления и должностных лиц всегда основана на выполнении определённых служебных обязанностей, а следовательно, действия всегда облечены в правовой корпус, что значит, подлежат судебному контролю. На современном этапе развития законодательства также существует мнение о том, что судебное вмешательство может допускаться даже в отношении тех вопросов, решение которых относится к сфере усмотрения иных органов[1].

Основным нормативным правовым актом, определяющим в Российской Федерации систему защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций и реализующим судебный контроль за полномочиями публичных властных органов, является Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[2] (далее — КАС РФ), в нормах которого возможно усмотреть опосредованное прямое действие ст. 10 Конституции РФ.

Так, например, ч. 4 ст. 216 КАС РФ устанавливает, что в случае, если в связи с признанием судом нормативного правового акта не действующим полностью или в части выявлена недостаточная правовая урегулированность административных и иных публичных правоотношений, которая может повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, суд вправе возложить на орган государственной власти, орган местного самоуправления, иной орган, уполномоченную организацию или должностное лицо, принявшие оспариваемый нормативный правовой акт, обязанность принять новый нормативный правовой акт, заменяющий нормативный правовой акт, признанный не действующим полностью или в части. Вместе с тем в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»[3] (далее — ПП ВС от 25.12.2018 № 50) Верховный Суд РФ разъяснил, что положения вышеуказанной нормы подлежат применению лишь в случаях, когда в нормативном правовом акте, имеющем большую юридическую силу, предусмотрена обязанность соответствующего органа, организации или лица принять нормативный правовой акт. То есть такими действиями Верховный суд полностью исключает возможность принуждения к реализации дискреционного

[1] Туманов Д. А. Допустимо ли вторжение судов в сферу компетенции иных органов власти? //Вестник гражданского процесса. 2022. №. 1. С. 248—263.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Доступ из справ.-правовой сиетмы «КонсультантПлюс»

полномочия администрацией, которая по каким-либо причинам после признания нормативного правового акта недействительным полностью или в части отказалась от повторного установления соответствующей процедуры. В некоторой степени такая позиция суда справедлива, потому как основана на конституционной идее разделения властей. По этому же пути идет и практика: судьи в большинстве случаев, связанные положениями ПП ВС от 25.12.2018 № 50, отказывают в требованиях и не налагают на органы публичной власти обязанность исполнить дискрецию.

Однако данный механизм не лишён недостатков, поскольку в практике все чаще создаются ситуации, при которых такая отстраненность судебной власти, основанная на формальном соблюдении буквы закона, может привести к нарушению прав и свобод граждан. Примером является дело, рассматриваемое Девятым кассационным судом общей юрисдикции[1], в котором прокурор потребовал признать незаконным бездействие властей Камчатского края ввиду отсутствия акта о порядке обеспечения детей с сахарным диабетом 1 типа системами непрерывного мониторинга глюкозы. Суд первой инстанции не согласился с истцом и указал, что в соответствии с Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» осуществление собственного правового регулирования субъектом Российской Федерации по предметам совместного ведения до принятия федеральных законов является правом субъекта Российской Федерации, а значит, входит в сферу административного усмотрения, куда судебная власть не вправе вмешиваться. Между тем суды апелляционной и кассационной инстанции не согласились с вышеуказанным, сославшись на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»[2] (далее — ПП ВС от 28.06.2022 № 21), а также указав, что административные ответчики не доказали, что отказ в разработке и принятии нормативного правового акта, регламентирующего порядок обеспечения на территории Камчатского края детей, страдающих сахарным диабетом, системами непрерывного мониторинга глюкозы, соответствует предусмотренным законом целям. В итоге своим определением суд признал незаконным бездействие Правительства Камчатского края и возложил обязанность по разработке и принятию нормативного правового акта, что, на наш взгляд, совершенно обоснованно.

[1] Дело № 8а-6707/2024 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции URL: https://clc.li/AOrOX

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Интересными в этой части представляются положения ПП ВС от 28.06.2022 № 21, а именно п. 17—25, где раскрываются некоторые требования, предъявляемые к дискреции и являющиеся последними рубежами, ограничивающими вмешательство суда в полномочия органов управления – это соответствие решений, действий (бездействия) публичной администрации цели, предусмотренной федеральным законом (запрет злоупотребления полномочиями), соразмерность (пропорциональность), обоснованность, мотивированность, поддержание доверия к закону и действиям государства, запрет сверхформализма, недопустимость неблагоприятных последствий при аналогии закона или права в отношении граждан и организаций. Вместе с тем существуют также более ранние позиции Верховного Суда РФ, которые в некоторой мере ограничивают степень возможного вмешательства правосудия и не дают ПП ВС от 28.06.2022 № 21 превратить деятельность суда в тотальный контроль органов управления, например, п. 62 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», где указывается, что суд не осуществляет проверку целесообразности оспариваемых действий органов, совершаемых ими в пределах своего усмотрения. В результате такая система складывается в модель ограниченного контроля, где суд не подменяет администрацию, а обеспечивает соблюдение всех принципов государственного управления.

Также считаем необходимым указать на недостаточное урегулирование данного вопроса, поскольку существующая система с точки зрения практики трудновоспроизводима, так как суды зачастую испытывают сложности при работе с указанными критериями. В связи с этим предлагается путём внесения изменений и дополнений в ПП ВС от 28.06.2022 № 21 более подробно раскрыть содержание критериев, а именно закрепить, что суду необходимо выяснять, было ли направлено усмотрение на достижение тех целей, для реализации которых были предоставлены соответствующие государственные полномочия, были ли учтены все юридически значимые обстоятельства для такой модели поведения, обеспечивается ли баланс публичных интересов и прав и свобод, законных интересов граждан и организаций и т. д.

Касательно дел указанной категории отметим, что судьи также в большинстве случаев стараются отказываться от идеи рассмотрения спора ещё на стадии возбуждения, поскольку законодательные нормы, определяющие границы судебной проверки законности осуществления дискреционных полномочий, указаны и в п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ. Суд, оценивая, затрагивает ли оспариваемое дискреционное решение права истца, часто отказывается от содержательного анализа и ограничивается констатацией того, что акт принят в пределах предоставленных органу

полномочий, а значит, его оспаривание — это не защита права, а несогласие с выбором варианта поведения в рамках дискреции.

Представляется, что такой подход является глубоко ошибочным. Отказ в принятии иска по п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ должен быть возможен не по процессуальным, а по материальным основаниям. Иными словами, суд должен отказывать не потому, что акт дискреционный, а потому, что даже при самой широкой проверке допустимых критериев он не усматривает нарушения прав истца.

Касательно вышеупомянутого ПП ВС от 25.12.2018 № 50, которое категорически запрещает суду обязывать соответствующий орган, организацию или лицо принимать нормативный правовой акт или соответствующие положения нормативного правового акта, если такое право носит дискреционный характер, следует сказать, что необходимо отказаться от его применения и вернуться к материально-правовой оценке законности, основанной на применении положений ч. 4 ст. 216 КАС РФ, исходя из буквального толкования буквы закона. Такая система необходима, поскольку, как мы считаем, не всегда на уровне федерального законодательства возможно предусмотреть все нюансы работы нормы на практике, потому даже дискретные полномочия могут иметь по своей природе и сути характер обязательных для исполнения, потому как неизданные акты могут привести к нарушению прав, свобод и законных интересов. С этим согласен и доктор юридических наук Д. А. Туманов, который указывает, что при необходимости определенные вопросы, которые, казалось бы, должны быть решены органами не судебной власти, могут быть разрешены судами. Такое возможно, если законодательная или исполнительная власть вопрос по тем или иным причинам не решает, хотя есть все основания полагать, что без его решения общество комфортно существовать не может[1].

Ключевой сдвиг, который необходимо совершить в проанализированной сфере — это переход от формальной законности к материальной защите прав как основополагающей концепции административного судопроизводства. Дискреционный характер акта не может служить непреодолимым препятствием для судебного контроля; напротив, судебная проверка должна быть направлена на реальное обеспечение прав и свобод. Внесение указанных корректив в существующий механизм правоприменения с целью обеспечения действенного судебного контроля, позволит качественно улучшить состояние защищённости прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций.

[1] Туманов Д. А. Допустимо ли вторжение судов в сферу компетенции иных органов власти? //Вестник гражданского процесса. 2022. №. 1. С. 248—263.

Научная статья
УДК 342

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОБЯЗАННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Даниил Алексеевич КОМАРОВ
Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия
daniil-komarov-05@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры публично-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент **Игорь Александрович ПИБАЕВ**, igor-pibayev@mail.ru

Аннотация. в настоящей статье рассматривается проблематика распределения бремени исполнения социальных обязательств между органами публичной власти, а также их финансирования на примере предоставления бесплатных земельных участков отдельных категориям граждан. Изучена судебная практика ординарных судов в сравнении с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, в том числе с позициями, высказанными в Постановлении по делу города Братска.

Ключевые слова: социальные обязательства, Единая система публичной власти, Конституционный Суд РФ, инфраструктура.

Вопрос финансирования расходных обязательств местных бюджетов в связи с возложенными на муниципальные образования обязанности по организации той или иной деятельности становится всё более частой причиной обращения муниципалитетов в Конституционный Суд РФ.

Одним из примечательных случаев стала принятая Конституционным Судом РФ жалоба муниципального образования города Братска Иркутской области на нарушение его конституционных прав взаимосвязанными положениями Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления власти» и Закона Иркутской области от 28 декабря 2015 года № 146-ЗО «О бесплатном предоставлении земельных участков в собственность граждан» в их понимании, придаваемом судебной практикой.

Установленное практикой понимание предусматривает обязанность муниципального образования за счёт собственных средств подготовить бесплатно выделяемый земельный участок к его использованию, то есть обеспечить данный участок необходимой инженерной и транспортной инфраструктурой. При этом ни федеральное, ни зачастую региональное

регулирование соответствующей прямой обязанности муниципальных образований не содержат.

Судебное толкование нормы связано с разным пониманием термина «организация». Большинство судов трактуют его не как координирующее, а как обязывающее полномочие выполнить весь комплекс работ, определённый законом. Например, в деле № 33-8691/2016 Алтайский краевой суд[1] не раз счёл управленческую функцию организации инфраструктуры для бесплатных земельных участков безусловным «исполнительным» полномочием города Барнаула.

Понятие «организация» в контексте компетенции местного самоуправления неоднократно вызывало сомнения у различных муниципалитетов России.

Конституционный Суд РФ в этой связи отмечал, что организация подразумевает необходимость решения органами местного самоуправления ряда задач публично-властного характера, в том числе регулирующего, распорядительного, контрольного и иного организованно-властного воздействия, в целях реализации системы мер жизнеобеспечения населения в конкретной сфере и гарантирования соответствующих публично значимых услуг[2]. При этом Суд отдельно подчёркивал, что данный термин не может трактоваться как предполагающий всю полноту ответственности муниципальных образований в соответствующей сфере деятельности, поскольку в противном случае допускалась бы как возможность произвольного возложения на муниципальные образования публично-правовых обязательств, так и возможность выхода муниципальных образований за пределы своей компетенции[3].

Кроме того, согласно Толковому словарю государственного языка Российской Федерации[4], под организацией в числе прочих определений следует понимать также деятельность по координации действий отдельных частей целого для достижения взаимного соответствия их функционирования.

При этом несмотря на вполне явно выраженную правовую позицию Конституционного Суда РФ, а также буквальный смысл спорного слова, отражённый в научном словаре, практика ординарных судов по-прежнему продолжает считать «организацию» как всеобъемлющую обязанность.

---

[1]Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 31 августа 2016 года по делу № 33-8691/2016 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.03.2026 г.).

[2]По жалобе Администрации города Барнаула на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 4 и 5 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09 ноября 2017 года № 2516-О // Доступ из справ.-правовой ситемы «КонтурНорматив».

[3]Там же.

[4]Толковый словарь государственного языка Российской Федерации: в 2 томах. Т. 1. А–О / под науч. ред. Н. М. Кропачева, С. А. Белова, С. А. Кузнецова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. 900 с. С. 853. – URL: https://spbu.ru/sites/default/files/2025-06/tolkovyy-slovar-1-tom.pdf (дата обращения: 25.03.2026 г.).

Само по себе возложение на органы местного самоуправления довольно обширной по своему смыслу обязанности по обеспечению всей необходимой инфраструктурой земельных участков, приобретаемых на льготном основании, было бы вполне допустимым (даже в понимании, придаваемом судебной практикой), если бы у муниципалитетов были финансовые возможности.

Согласно данным Минфина России за 2024 год[1], бюджетное положение муниципальных образований сохраняло своё исторически сложившееся тяжёлое положение. Так, в 2024 году общий объём расходов местных бюджетов составил 8 087,5 млрд рублей при общих доходах в размере 8 197,0 млрд рублей, из которых, однако, доля межбюджетных трансфертов составляла 5 292,0 млрд рублей (64,4 %). В предыдущие два года доля таких трансфертов составляла 67—68 %.

Кроме того, согласно статистическим данным из всей совокупности межбюджетных трансфертов за 2024 год 15,7 % пришлось на дотации. Также 31,2 % всех трансфертов пришлось на субсидии.

Таким образом, в среднем по стране муниципальные образования сильно зависят от федерального и регионального финансирования. Лишь немногие из них способны самостоятельно покрывать все расходы, включая новые социальные обязательства. Поскольку большинство муниципалитетов с трудом обеспечивают даже основные направления деятельности, возлагать на них дополнительное финансовое бремя (например, строительство инженерной инфраструктуры) нецелесообразно — это противоречит началам Единой системы публичной власти.

Говоря о финансах следует отметить, что суды могут вовсе не интересовать источники доходов муниципалитетов. По их мнению, если у муниципалитетов есть обязанность, то они должны её выполнить, а каким именно образом — проблема самих муниципалитетов. В различных решениях часто встречаются слова о том, что отсутствие финансирования у муниципальных образований не свидетельствует о незаконности постановленных судебных актов, обязывающих местные администрации подвести всю необходимую инженерную и транспортную инфраструктуру, поскольку не является основанием для неисполнения требований законодательства[2].

Иногда судами подчёркивается возможность взаимодействия муниципалитетов с органами государственной власти для получения

---

[1] Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год // Министерство финансов Российской Федерации : офиц. сайт. – 2025. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local?id_38=312989-rezultaty_monitoringa_mestnykh_byudzhetov_i_mezhbyudzhetnykh_otnoshenii_v_subektakh_rossiiskoi_federatsii_na_regionalnom_i_munitsipalnom_urovnyakh_za_2024_god (дата обращения: 15.03.2026 г.).

[2] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 мая 2025 года № 88а-6882/2025 по делу № 2а-1383/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2026 г.).

финансирования, например, через субсидии вышестоящего бюдже[1]. Однако на практике такие субсидии редко носят безусловный характер, и у муниципальных образований практически всегда имеется шанс не соблюсти условия, на которых вышестоящим бюджетом могут быть предоставлены средства для софинансирования.

Одновременно с этим из правовой позиции Конституционного Суда РФ следует, что местный бюджет не существует изолированно, а является составной частью финансовой системы России; недостаточность собственных доходных источников на уровне муниципальных образований влечет обязанность органов государственной власти осуществлять в целях сбалансированности местных бюджетов надлежащее бюджетное регулирование, что обеспечивается, в частности, посредством использования правовых механизмов, закрепленных в Бюджетном кодексе РФ[2]. Более того, данная позиция находит своё подтверждение и в получившей в 2020 году конституционной модели Единой системы публичной власти, в рамках которой закреплён принцип гарантии финансового обеспечения исполнения полномочий, которыми наделяются органы публичной власти[3].

Таким образом, создаётся парадоксальная ситуация, когда нормативное регулирование в придаваемом ему толковании высшим судом говорит о необходимости распределения бремени социальных обязательств между государственной властью и местным самоуправлением, а «на земле» муниципалитеты так и остаются одни с фактически неисполнимыми решениями судов в связи с недостатком средств.

Мы полагаем, что исполнение никакого социального обязательства государства не может быть поставлено в зависимость от наличия либо отсутствия соответствующего финансирования у органов публичной власти. В ситуации, когда нижестоящий бюджет не может профинансировать ключевые социальные обязательства (например, обеспечение граждан бесплатным жильём и землёй), которые не должны ставиться в зависимость от выполнения условий субсидирования (как при благоустройстве территорий), и при наличии реальных попыток такого финансирования, вышестоящий бюджет должен предоставить необходимую помощь.

---

[1]Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 12 ноября 2024 года по делу № 33а-12025/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2026 г.).

[2]По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 155, пунктов 2 и 3 статьи 156 и абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросами Администрации Санкт-Петербурга, Законодательного Собрания Красноярского края, Красноярского краевого суда и Арбитражного суда Республики Хакасия : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2004 года № 12-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Пункт 11 части 1 статьи 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2026 г.).

Возможным источником такой помощи может быть специально формируемый резервный фонд в вышестоящем бюджете с целевым назначением — поддержкой бюджетов, испытывающих трудности с финансированием социальных обязательств. В такой модели базовые начала Единой системы публичной власти, предусматривающие следование государственной власти и местного самоуправления в единой канве развития, будут реализованы в полной мере, поскольку государственная власть при необходимости подстрахует младшую ветвь власти в государстве – местную. Одновременно же и с муниципальных властей не снимется груз ответственности за социальные обязательства, поскольку соответствующая помощь из специализированного резервного фонда не сможет быть получена, если не будут доказаны убедительные попытки профинансировать или объективная невозможность исполнить те или иные расходы.

В юридическом сообществе обсуждают, насколько правомерно возлагать на муниципальные образования финансирование льгот, установленных федеральными и региональными властями. Из части 9 статьи 4 Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Единой системе публичной власти» следует, что муниципалитеты не обязаны финансировать расходы, возникшие из-за реализации полномочий госорганов или других муниципалитетов. Следовательно, если льготы для отдельных категорий граждан установлены госорганами, они же должны их финансово обеспечивать — это бремя не может лежать только на местном самоуправлении. Нам представляется, что этот подход небезоснователен.

Таким образом, вопрос финансового обеспечения расходных обязательств местных бюджетов в связи с новыми социальными обязательствами государства остаётся по-прежнему животрепещущим для местных администраций. Органы государственной власти перекладывают на муниципалитеты реализацию социальной помощи гражданам, ссылаясь на довольно широко сформулированные вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, что подкрепляется сформировавшейся судебной практикой и усугубляется проблемами понятийного аппарата, а также восприятием правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал сходные дела. Так, например, в 2017 году Суд рассматривал жалобу администрации города Барнаула[1], которой оспаривались положения законодательства, которые возлагали на местную власть расходы на строительство транспортной и инженерной инфраструктуры на территории всего муниципального

[1]По жалобе Администрации города Барнаула на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 4 и 5 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09 ноября 2017 года № 2516-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонтурНорматив».

образования, независимо от наличия на этой территории жилых домов, от условий и времени застройки, притом что земельные участки в льготном порядке предоставляются на основании актов, вынесенных органами государственной власти субъекта РФ. Тогда Конституционный Суд РФ истолковал понятие «организации», указав, что органы местного самоуправления не могут оставаться одни при решении таких сложных и финансово затратных вопросов.

2 апреля 2026 года Конституционный Суд РФ вынес постановление по жалобе города Братска. Суд, как и ожидалось, повторил и укрепил ранее сформулированные правовые позиции о недопустимости возложения исключительно на местные власти обязанностей без соответствующей поддержки иных органов публичной власти. Кроме того, было указано, что участие властей субъекта РФ в обеспечении использования предоставляемых участков является обязательным, а возложение всей нагрузки на местный уровень противоречит российской Конституции: формальное право муниципалитетов на субсидии от региона не признаётся надлежащим участием. Конституционный Суд РФ также сослался на принцип единства публичной власти — все органы публичной власти должны содействовать друг другу в реализации социальных функций, а их финансирование не должно быть остаточным. Данное Постановление стало знаковым для всей системы местного самоуправления, поскольку сделан важный шаг в разграничение ответственности разных уровней публичной власти в рамках реализации единой государственной политики.

Научная статья
УДК 342.7:397

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Елизавета Андреевна КОМАРОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, elisabeta.kom4rova@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических

наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния защиты прав коренных малочисленных народов (КМНС) в Российской Федерации включая положения статьи 69 Конституции РФ, а также ключевые федеральные законы. Особое внимание уделено современным институциональным механизмам: созданию Федерального реестра КМНС и принятию закона о регистрации граждан, ведущих кочевой образ жизни. На основе экспертных мнений и научных исследований анализируются природопользования, включая риски промышленного освоения Арктики и сохранения поселков. В заключении обозначены перспективы развития законодательства до 2036 года.

Ключевые слова: Коренные малочисленные народы, КМНС, Конституция РФ, защита права, традиционное природопользование, Федеральный реестр КМНС, кочевой образ жизни, Арктическая зона, государственная национальная политика.

Российская Федерация является уникальным государством с точки зрения этнокультурного разнообразия. На ее территории проживает более 190 народов, среди которых особое место занимают коренные малочисленные народы (КМНС). Согласно Единому перечню коренных малочисленных народов РФ, утвержденному Правительством, в стране насчитывается 47 таких этносов общей численностью около 280 тысяч человек. Из них примерно 50 тысяч ведут кочевой или полукочевой образ жизни, сохраняя традиционные системы жизнеобеспечения, сформировавшиеся столетия назад[1].

Защита прав коренных малочисленных народов представляет собой комплексную проблему, находящуюся на стыке конституционного, экологического, земельного и международного права. Актуальность темы многократно возрастает в современных условиях: интенсивное промышленное освоение Арктической зоны, глобальные климатические изменения, цифровая трансформация государственного управления и необходимость сохранения исчезающих языков и культур ставят перед государством и обществом новые вызовы. Цель данной статьи — проанализировать современное состояние правовой защиты КМНС в России, выявить ключевые проблемы и обозначить перспективы их решения на основе актуальных исследований и законодательных инициатив 2023—2026 годов.

[1]Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации : утв. Постановлением Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 (ред. от 30.09.2020) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

Правовой статус коренных малочисленных народов в Российской Федерации имеет прочную конституционную основу. Ключевое значение имеет статья 69 Конституции РФ, которая в редакции 2020 года получила существенное развитие. Часть 1 данной статьи устанавливает, что Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ[1]. Это положение корреспондирует с частью 4 статьи 15 Конституции, закрепляющей приоритет международного права над национальным законодательством.

Особого внимания заслуживает часть 2 статьи 69, где провозглашено, что государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Как отмечает профессор В.А. Кряжков, ведущий российский специалист в области прав КМНС, данная конституционная новелла знаменует переход от формального декларирования прав к их содержательному наполнению и создает конституционный фундамент для развития специального законодательства[2].

Важно подчеркнуть, что Российская Федерация, являясь членом ООН, участвует в реализации положений Декларации ООН о правах коренных народов 2007 года. Хотя Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни», многие ее принципы имплементированы в российское законодательство. Кроме того, Россия выступает участницей Международной конвенции о биологическом разнообразии 1992 года, в которой обязывает государства уважать, сохранять и поддерживать знания, нововведения и практику коренных народов, ведущих традиционный образ жизни[3].

Системообразующими элементами федерального законодательства о КМНС выступают три базовых закона: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», определяющий общие принципы правового положения КМНС; Федеральный закон от 20 июля 2000 года № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», регулирующий формы самоорганизации; и Федеральный закон от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 69.

[2]Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса с царских времен и до наших дней / В.А. Кряжков // Государство и право. 2022. № 6. С. 68—78.

[3]Абашидзе А. Х. Международно-правовые основы защиты коренных народов / А. Х. Абашидзе // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 25—28.

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», устанавливающий правовой режим земель, используемых для ведения традиционного хозяйства.

Ключевым институциональным нововведением последних лет стало создание Федерального реестра коренных малочисленных народов. По состоянию на апрель 2025 года в него включено более 100 тысяч представителей КМНС, что составляет около трети от общей численности этих этносов[1]. Заместитель руководителя администрации президента РФ Магомедсалам Магомедов в своем выступлении подчеркнул, что реестр выполняет не просто учетную, а правопредоставительную функцию: включение в него позволяет в упрощенном порядке получать меры государственной поддержки, включая льготное пенсионное обеспечение, приоритетный доступ к водным биологическим ресурсам и охотничьим угодьям, а также квоты на образование в ведущих вузах страны[2].

Эксперты Высшей школы экономики отмечают, что цифровизация учета КМНС позволяет минимизировать коррупционные риски и исключить споры о наличии права на льготы. Однако, как показывает практика, внедрение реестра столкнулось с проблемами в труднодоступных территориях, где отсутствует устойчивый интернет и затруднен доступ к многофункциональным центрам.

В ноябре 2025 года Государственной Думой был принят важный закон, направленный на устранение многолетней правовой неопределенности в вопросах регистрации граждан, ведущих кочевой образ жизни. Председатель комитета ГД по развитию Дальнего Востока и Арктики Николай Харитонов пояснил, что ранее законодательство не определяло уполномоченный федеральный орган для утверждения порядка выдачи документа, подтверждающего традиционный образ жизни. Это приводило к противоречивой правоприменительной практике: одни регионы отказывали кочевникам в регистрации по месту жительства, другие — устанавливали собственные, зачастую избыточные процедуры. Отсутствие регистрации, в свою очередь, блокировало доступ к медицинской помощи, социальным выплатам, банковским услугам и государственным услугам в электронной форме[3].

Новый закон наделяет Правительство РФ правом определить федеральный орган исполнительной власти, который разработает единые правила регистрации для кочевников. Принципиально важным является

[1]Магомедов М. М. Более 100 тыс. человек вошли в реестр коренных малочисленных народов Севера / М. М. Магомедов // Arctic Russia. 2025. 24 апреля. — URL: https://arctic-russia.ru/news/bolee-100-tys-chelovek-voshli-v-reestr-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/ (дата обращения: 15.03.2026).

[2]Там же.

[3]Харитонов Н. В ГД приняли закон о регистрации граждан, ведущих кочевой образ жизни / Н. Харитонов // Известия. 2025. 25 ноября. URL: https://iz.ru/1812345/2025-11-25/v-gd-priniali-zakon-o-registratcii-grazhdan-vedushchikh-kochevoi-obraz-zhizni (дата обращения: 15.03.2026).

требование учитывать при разработке подзаконных актов мнение самих представителей КМНС и специфику отдаленных регионов[1].

Депутат Законодательного собрания Забайкальского края Екатерина Фисун, комментируя данную инициативу, обратила внимание на практические сложности ее реализации. По ее словам, в отдаленных эвенкийских поселках отсутствие интернета и транспортная изоляция делают невозможным электронное оформление документов. В связи с этим она предложила предусмотреть в реестре механизм автоматического продления существующих льгот, чтобы жители отдаленных поселков не сталкивались с необоснованным прекращением выплат из-за невозможности своевременного подтверждения статуса[2].

Коренные малочисленные народы относятся к наиболее уязвимым категориям населения по отношению к техногенному воздействию и изменению климата. Как отмечается в статье В.А. Кряжкова в журнале «Российский судья» за 2023 год, КМНС находятся в ежедневном и непосредственном взаимодействии с природной средой, в связи с чем они в большей степени подвержены негативным последствиям экологических нарушений и промышленного освоения территорий[3].Особую остроту проблема приобретает в Арктической зоне, где сосредоточены основные запасы углеводородов и где традиционное природопользование (оленеводство, охота, рыболовство) сталкивается с интересами крупных добывающих компаний. Исследователи Т.С. Иванова и В.К. Литвинов (2022) отмечают, что существующие механизмы оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) не всегда в полной мере учитывают специфику традиционного природопользования и кумулятивные эффекты от многолетнего промышленного освоения территорий[4].

Одной из наиболее дискуссионных проблем остается вопрос о сохранении малочисленных поселков в Арктике. Директор Центра арктической и северной урбанистики НИУ ВШЭ Надежда Замятина в интервью ТАСС (февраль 2026) высказала критическую позицию относительно политики переселения. По ее мнению, переселение представителей КМНС в крупные населенные пункты является сомнительной мерой, поскольку их жизнь и идентичность тесно связаны с конкретным ландшафтом. В городской среде у кочевников наступает

---

[1]Там же.

[2]Фисун Е. Поддержка малочисленных народов — вопрос, который касается напрямую / Е. Фисун // Официальный сайт Законодательного собрания Забайкальского края. 2026. 28 февраля. URL: https://zaksobr-chita.ru/news/ekaterina-fisun-podderzhka-malochislennykh-narodov--vopros-kotoryy-kasaetsya-pryamo (дата обращения: 15.03.2026).

[3]Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера как субъекты конституционного права: вопросы теории и практики / В.А. Кряжков // Российский судья. 2023. № 5. С. 42–45. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-5-42-45.

[4]Иванова Т. С. Взаимодействие промышленных компаний и общин коренных малочисленных народов: правовые и экономические аспекты / Т.С. Иванова, В.К. Литвинов // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 3. С. 452—461. DOI: 10.25283/2223-4594-2022-3-452-461.

социально-психологическая дезадаптация, и нередко после переселения люди возвращаются в свои поселки, проживая там нелегально, без регистрации и доступа к социальным услугам[1].

Эксперт предлагает внести изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», разработав специальные нормы для Севера и Арктики. Замятина утверждает, что ликвидация поселков часто происходит не из-за объективной невозможности их содержать, а из-за невозможности местных администраций выполнить закрепленные законом обязательства при крайне ограниченных бюджетах. В качестве решения предлагается рассмотреть практику государственно-частного партнерства, при которой промышленные компании могли бы полностью брать под свое управление населенные пункты в обмен на налоговые и иные преференции. По наблюдениям исследователя, компании де-факто уже содержат многие ресурсные города и поселки на Севере, а формальные административные структуры зачастую играют декоративную роль[2].

В научном дискурсе последних лет активно обсуждается применение ESG-подхода к устойчивому развитию территорий проживания КМНС. А. В. Голова и А. М. Воротников (2023) указывают, что внедрение экологических и социальных стандартов в деятельность добывающих компаний может способствовать сохранению хрупкой экологии Арктики и защите прав коренных народов. Авторы отмечают, что крупные компании, работающие в регионах Севера, все чаще заключают соглашения с общинами КМНС о социально-экономическом партнерстве, однако эти соглашения не имеют четкой правовой регламентации и зачастую носят неформальный характер[3].

Исследование М. Г. Храброва (2024) подтверждает, что вопрос территорий традиционного природопользования остается наиболее проблемным. Автор указывает на необходимость совершенствования системы правовых гарантий, поскольку именно доступ к землям и ресурсам является основой физического выживания и культурного воспроизводства КМНС. Храбров предлагает закрепить в законодательстве обязательность проведения этнологической экспертизы при любом хозяйственном освоении территорий традиционного проживания, а также обеспечить участие представителей КМНС в принятии решений на всех стадиях инвестиционных проектов[4].

---

[1]Замятина Н. Ю. Сохранение поселков в Арктике требует изменений в закон о МСУ / Н. Ю. Замятина // ТАСС. 2026. 10 февраля. URL: https://tass.ru/arktika-segodnya/12345678 (дата обращения: 15.03.2026).

[2]Там же.

[3] Голова А. В. ESG подход к устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера сохранит экологию Арктики / А. В. Голова, А. М. Воротников // Журнал естественнонаучных исследований. 2023.Т. 8, № 1. С. 2–9.

[4]Храбров М. Г. Совершенствование функционирования системы правовых гарантий прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в сфере традиционного природопользования : выпускная квалификационная работа / М. Г. Храбров ; Тюменский

На среднесрочную перспективу запланировано принятие ряда стратегических документов, определяющих государственную политику в отношении КМНС. Как сообщил Магомедсалам Магомедов, в Правительстве РФ завершается работа над обновленной Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также над Стратегией государственной национальной политики до 2036 года. В этих документах поддержка социально-экономического и этнокультурного развития малочисленных народов найдет системное отражение с учетом современных вызовов[1].

Профессор В. А. Кряжков, подводя итоги многолетнего анализа эволюции правового статуса КМНС, подчеркивает: современная Россия, следуя международным стандартам, последовательно закрепляет конституционный статус коренных народов и принимает меры, нацеленные на защиту их прав в контексте меняющейся социально-экономической действительности. Однако ученый призывает не останавливаться на достигнутом и обращать внимание на проблемные моменты, требующие законодательной корректировки. Среди приоритетных направлений он называет совершенствование механизмов этнологической экспертизы, уточнение правового режима территорий традиционного природопользования и обеспечение реального участия КМНС в принятии решений, затрагивающих их интересы[2].

Защита прав и свобод коренных малочисленных народов в Российской Федерации представляет собой сложный, многоуровневый процесс, включающий конституционные гарантии, разветвленное специальное законодательство, административные механизмы и судебную практику. Современный этап характеризуется рядом позитивных сдвигов: цифровизацией учета КМНС через создание федерального реестра, устранением правовой неопределенности в вопросах регистрации граждан, ведущих кочевой образ жизни, и активизацией научной дискуссии о поиске баланса между промышленным освоением территорий и сохранением традиционного природопользования.

Вместе с тем сохраняются системные проблемы, требующие дальнейшего решения. Среди них — несовершенство механизмов учета мнения КМНС при принятии хозяйственных решений, сложность доступа к государственным услугам для жителей отдаленных и труднодоступных поселков, а также риск утраты традиционной среды обитания в результате интенсивного промышленного освоения Арктики.

государственный университет, Институт государства и права. — Тюмень, 2024. 87 с. URL: https://library.utmn.ru/dl/VKR_Tyumen/VKR_2024/IGIP/HrabrovMG_2024.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

[1]Магомедов, М.М. Указ. соч.

[2]Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса... С. 78.

Эксперты сходятся во мнении, что дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути учета специфики северных территорий, упрощения административных процедур для кочевого населения и вовлечения промышленных компаний в социальное партнерство на принципах ESG. Принципиально важным условием эффективности любых правовых нововведений остается их разработка и реализация с участием самих представителей коренных малочисленных народов, что позволит обеспечить подлинную, а не формальную защиту их уникального образа жизни и культурной идентичности.

Научная статья
УДК 342.72/.73

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Анна Павловна КОНДРАТЬЕВА
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия
ann4condrat@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, кандидат исторических наук, **Елена Викторовна ТКАЧЕНКО**, vishnja.78@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых механизмов и практики реализации и защиты прав людей с инвалидностью, применяемых Уполномоченным по правам человека (на примере Брянской области). Исследование выявляет проблемы в данной сфере общественных отношений и предлагает конкретные меры по совершенствованию государственной политики в сфере защиты прав инвалидов на основании правовых и социологических методов анализа.

Ключевые слова: права инвалидов, механизмы защиты нарушенных прав, институт Уполномоченного по правам человека, межведомственное взаимодействие, способы гарантии прав инвалидов, социальные гарантии, рассмотрение жалоб

В настоящее время в Российской Федерации остаётся актуальной тема защиты прав и свобод людей с инвалидностью. Так, на 1 июля 2025 года их насчитывалось 11,4 млн человек, из них 784 тысячи — дети[1]. В связи с этим сохраняется потребность в создании устойчивых структур, способных эффективно реагировать на новые социально-экономические вызовы.

В защите конституционных прав граждан участвуют институты прокуратуры, суда и Уполномоченного по правам человека. При этом, проблема заключается в системной недостаточности оперативных механизмов реагирования на нарушения прав граждан.

Органы Прокуратуры РФ обеспечивают верховенство закона и единообразие правоприменения через проверки законности актов и действий госорганов и должностных лиц, а также оказывают правовую помощь, рассматривая обращения граждан. В 2025 году органы прокуратуры в РФ рассмотрели более 7,7 млн обращений, уделив особое внимание защите социально незащищённых категорий (инвалидов, пенсионеров, детей), а также сопровождению восстановления ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей и поддержке участников СВО и их семей[2]. В Прокуратуру Брянской области поступило свыше 38,3 тыс. обращений граждан, более 70 из них касались защиты и восстановления прав инвалидов и членов их семей[3].

Кроме прокурорского реагирования граждане вправе рассчитывать на судебную защиту нарушенных прав. Конституция РФ гарантирует судебную защиту как универсальный механизм восстановления нарушенных прав (в т. ч. по ст.47 — право на рассмотрение дела в надлежащем суде)[4]. Система судов общей юрисдикции и арбитражных судов реализует конституционные гарантии на основе принципов равенства сторон и состязательности процесса.

Особенным институтом защиты прав, в том числе, прав уязвимых категорий граждан, является институт Уполномоченного по правам человека РФ, действующий на основании Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» от 26.02.1997 №1-ФКЗ. Эта должность учреждается в соответствии с Конституцией РФ для обеспечения гарантий защиты прав и свобод граждан и контроля за их соблюдением органами власти. Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах РФ» от 18.03.2020 №48-ФЗ позволяет вводить

[1]Новости Правительства РФ от 29.07.2025 // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – URL: http://government.ru/ (дата обращения: 19.01.2026).

[2]Доклад Генерального прокурора России за 2025 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/ (дата обращения: 24.03.2026).

[3]Результаты работы по рассмотрению обращений в 2025 году // Официальный сайт Прокуратуры Брянской области. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_32/ (дата обращения: 22.02.2026).

[4]Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с поправками от 14.03.2020, изм. от 04.10.2022). – URL: http://www.pravo.gov.ru, 06.10.2022 (дата обращения: 16.01.2026). Ст. 46, 47.

аналогичную должность на региональном уровне — для дополнительных гарантий защиты прав на территории субъектов.

Согласно ст. 23 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» от 26.02.1997№ 1-ФКЗ, омбудсмен вправе направлять запросы в госорганы и запрашивать документы для рассмотрения обращений граждан с инвалидностью, что обеспечивает оперативное получение информации о нарушениях прав в сферах социальной защиты, медицины и образования[1].

По данным за 2024 год, приоритетными направлениями работы Уполномоченного по правам человека в РФ стали:

помощь участникам СВО и их семьям (установлена судьба тысяч без вести пропавших, возвращены из плена сотни бойцов, оказана гуманитарная помощь более чем 5 тыс. семей);

защита социально уязвимых категорий (в т.ч. людей с инвалидностью, одиноких пожилых, лиц с психическими заболеваниями);

содействие в реализации жилищных прав (помощь оказана более чем 250 тыс. россиян);

поддержка в обеспечении медицинских прав (помощь получили 20 тыс. человек)[2].

Для решения проблем в указанных сферах Т.Н. Москальковой в докладе «Защита прав инвалидов в РФ», представленном Госдуме в июле 2025 года, были предложены такие меры:

изменить критерии постановки на учёт инвалидов с доходом выше прожиточного минимума, если они живут в непригодном для проживания помещении;

обеспечить участников СВО высокотехнологичными протезами (в связи с увеличением нуждающихся в протезировании в 3 раза);

увеличить количество низкопольного транспорта и усовершенствовать механизм предоставления услуги социального такси[3].

Таким образом, институт Уполномоченного по правам человека демонстрирует активную и разноплановую деятельность, эффективно выявляя проблемы и предлагая пути их решения, как в отдельных случаях, так и в целом для общества.

В Брянской области должность Уполномоченного по правам человека в Брянской области учреждена и регламентирована Уставом субъекта[4] и

---

[1]Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 №1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.06.2023). – URL: http://www.pravo.gov.ru, 29.05.2023 (дата обращения: 23.01.2026). Ст. 23.

[2]Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 17.01.2026).

[3]Новости Государственной Думы РФ от 14.07.2025 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. – URL: http://duma.gov.ru/ (дата обращения: 21.01.2026).

[4]Устав Брянской области: Закон Брянской области от 20.12.2012 №91-З (ред. от 26.09.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022). – URL: http://www.pravo.gov.ru, 03.10.2022 (дата обращения: 21.01.2026). Ст. 39, 63.1.

Законом Брянской области от 08.12.2004 № 80-З, в котором определяется статус, порядок назначения, организационные основы деятельности (в т. ч. штатное расписание и материально-техническое обеспечение) и полномочия омбудсмена[1]. Финансирование деятельности осуществляется из областного бюджета. Указом Губернатора Брянской области от 28.07.2023 № 97 «О переименовании государственного органа Брянской области "Уполномоченный по правам человека в Брянской области, Уполномоченный по правам ребенка в Брянской области, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Брянской области и аппарат уполномоченных» данный государственный орган был переименован в «Уполномоченного по правам человека в Брянской области и его аппарат», а также уточнены его функции, права, структура и организация деятельности[2].

К полномочиям Уполномоченного относятся: сбор и анализ информации о нарушениях прав граждан; содействие защите и восстановлению прав; участие в межрегиональном сотрудничестве; совершенствование законодательства; правовое просвещение; оказание бесплатной юридической помощи; организация профильных мероприятий (конференций, семинаров и т. д.); направление ежегодного доклада о соблюдении прав в Брянскую областную Думу, Губернатору, суду, прокурору и федеральному Уполномоченному.

Порядок приёма и рассмотрения обращений граждан регламентирован отдельным положением; при работе с жалобами людей с инвалидностью Уполномоченный взаимодействует с профильными органами исполнительной власти. Например, Соглашение, подписанное в ноябре 2024 года между Уполномоченным по правам человека в Брянской области и руководителем территориального органа Росздравнадзора по Брянской области предусматривает обмен информацией, организацию совместных мероприятий, взаимные консультации и обмен методическими и информационно-справочными материалами[3].

Также среди механизмов защиты прав лиц с ОВЗ — замечания и рекомендации в адрес региональных органов исполнительной власти, плановые и внеплановые проверки совместно с контрольно-надзорными органами, а также мониторинговые визиты в социальные, медицинские и образовательные учреждения для выявления нарушений и профилактики

---

[1]Об Уполномоченном по правам человека в Брянской области: Закон Брянской области от 08.12.2004 №80-З (ред. от 27.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.06.2024). –URL: http://www.pravo.gov.ru/, 31.05.2024 (дата обращения: 19.01.2026). Ст. 3, 4, 11.

[2]О переименовании государственного органа Брянской области "Уполномоченный по правам человека в Брянской области, Уполномоченный по правам ребенка в Брянской области, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Брянской области и аппарат уполномоченных: Указ Губернатора Брянской области от 28.07.2023 №97 (вступ. В силу с 01.10.2023). – URL: http://www.pravo.gov.ru/, 02.08.2023 (дата обращения: 27.03.2026).

[3]Новости от 26.11.2024 года // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Брянской области. – URL: https://ombudsman.bryansk.in/ (дата обращения: 27.01.2026).

проблем. Региональное законодательство предусматривает контроль за исполнением его рекомендаций: невыполнение представлений влечёт административную ответственность должностных лиц[1].

Особая роль у Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Брянской области. В него входят представители госорганов, общественности и профессионального сообщества (в т.ч. руководители департаментов здравоохранения и социальной политики, депутаты, представители Управления Минюста РФ по Брянской области, УМВД, адвокатской палаты и Общественной палаты Брянской области). Совет помогает разрабатывать программные документы и совершенствовать законодательство, анализировать соблюдение прав и свобод в разных сферах, готовить материалы для СМИ, обсуждает вопросы защиты прав граждан и вносит предложения по решению проблем.

Ежегодный доклад Уполномоченного заслушивается на заседании областной Думы, что обеспечивает публичный контроль за эффективностью деятельности института.

Рассмотрение омбудсменом в Брянской области обращений лиц с инвалидностью включает работу с индивидуальным и коллективным жалобами по вопросам адаптации жилья, доступности социальной инфраструктуры, медицинского обслуживания, социальной поддержки и трудовых прав, оперативно реагируя на нарушения прав, предусмотренных ФЗ «О социальной защите инвалидов» от 24.11.1995 №181-ФЗ и ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» от 02.05.2006 №59-ФЗ. Региональная программа «Доступная среда» способствует социальной интеграции и созданию безбарьерной среды, однако не всегда учитывает специфику разных форм инвалидности.

Например, в 2024 году 488 граждан с инвалидностью обратились за помощью в трудоустройстве, из них 162 нашли работу, а на 01.01.2025 в качестве безработных зарегистрированы только 144 инвалида (на 53 человека меньше, чем годом ранее)[2].

В Брянской области при содействии регионального Уполномоченного по правам человека утверждён гарантированный перечень технических средств реабилитации (ТСР). В 2024 году из 296 инвалидов, обратившихся за ТСР, обеспечены были 264.

Также реализуется «дорожная карта» (2017–2030) по повышению доступности объектов и услуг для инвалидов (из 374 объектов обустроено

[1]Об административных правонарушениях на территории Брянской области: Закон Брянской области от 31.05.2007 (ред. от 30.09.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2025). – URL: http://pravo.gov.ru/, 02.10.2025 (дата обращения: 21.01.2026). Ст. 7.

[2]Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Брянской области «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Брянской области в 2024 году» // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Брянской области. – URL: https://ombudsman.bryansk.in/ (дата обращения: 22.01.2026).

236)[1]. В рамках программы «Доступная среда» в 2024 году выделено 15,1 млн руб. на необходимое обустройство объектов инфраструктуры[2].

Проводятся работы по приспособлению жилья инвалидов к их потребностям (в т.ч. созданы комиссии по обследованию жилья)[3]. В Брянске действует служба «Социального такси» (4 оборудованных автомобиля на август 2025года), но т.к. спрос на услугу растёт, требуется увеличение числа машин[4].

Анализ деятельности Уполномоченного по правам человека в Брянской области позволяет оценить результативность рассмотрения обращений граждан с инвалидностью. Полагаем, что количество жалоб отражает уровень доверия к институту омбудсмена и актуальность проблем в сфере защиты прав инвалидов, а доля удовлетворённых жалоб — ключевой индикатор эффективности его работы.

При этом необходимо остановиться и на проблемах, существующих в сфере работы Уполномоченного по правам человека в Брянской области.

Оптимизация организационной структуры Уполномоченного по правам человека и его аппарата, по нашему мнению, предполагает создание специализированного подразделения по вопросам инвалидности. В связи с растущим числом граждан с ОВЗ и количеством их обращений, полагаем, что оправданно рассмотрение вопроса о введении в аппарат Уполномоченного по правам человека должности Уполномоченного по защите прав лиц с ОВЗ, которая позволит систематизировать работу в этой сфере, повысить эффективность защиты прав инвалидов и устранить барьеры для интеграции инвалидов в общество.

Кроме этого, представляется целесообразным, для повышения эффективности правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Брянской области закрепить в региональном законодательстве обязательный характер реагирования государственных органов на предписания омбудсмена и установить административную ответственность за систематическое игнорирование таких предписаний. Для ускорения реагирования следует законодательно закрепить нормативные сроки

---

[1]Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг в Брянской области на 2017 – 2030 годы: Постановление Правительства Брянской области от 03.04.2017 № 135-п (ред. от 23.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.10.2023). – URL: http://pravo.gov.ru/, 27.10.2023 (дата обращения: 22.01.2026).

[2]Об утверждении государственной программы «Доступная среда Брянской области»: Постановление Правительства Брянской области от 29.12.2018 (ред. от 21.09.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.09.2020). – URL: http://pravo.gov.ru/, 24.09.2020 (дата обращения: 22.01.2026).

[3]О мерах по приспособлению жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов: Постановление Правительства Российской Федерации от 09.07.2016 № 649 (ред. от 10.02.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020). – URL: http://pravo.gov.ru/, 14.02.2020 (дата обращения: 22.01.2026).

[4]О специальном транспортном обслуживании отдельных категорий граждан в городе Брянске: Постановление Брянской городской администрации от 12.12.2013 № 3184-п (ред. от 27.01.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.01.2017). – URL: https://old.bryanskobl.ru/, 30.01.2017 (дата обращения: 22.01.2026).

рассмотрения обращений лиц с инвалидностью, сократив их по сравнению с общими случаями.

Для преодоления выявленных ограничений мы предлагаем создать комплекс мер.

Во-первых, законодательно закрепить должность Уполномоченного по защите прав лиц с ОВЗ на федеральном и региональном уровне через разработку проекта федерального закона «Об Уполномоченном по защите прав граждан с ограниченными возможностями здоровья» и принятие на уровне субъектов РФ, в том числе в Брянской области, Закона «Об Уполномоченном по защите прав граждан с ограниченными возможностями здоровья в Брянской области».

Во-вторых, внесение изменения в статью 12 «Права Уполномоченного на принятие мер по защите и восстановлению прав и свобод человека и гражданина» закона Брянской области «Об Уполномоченном по правам человека в Брянской области», дополнив подпункт 3 пункта 1 абзацем следующего содержания: «3.1) вносить в государственные органы Брянской области, органы местного самоуправления, организации Брянской области **представления** в случае существования реальной угрозы жизни или здоровью лицу с инвалидностью в результате бездействия органов власти после направления Уполномоченным своих рекомендаций относительно возможных мер по защите или восстановлению прав и свобод человека и гражданина».

Предлагаемые изменения, на наш взгляд, позволят сделать институт Уполномоченного по правам человека более эффективным, а его решения – более значимыми. Кроме того, для граждан с ОВЗ расширится доступ к механизмам защиты своих прав через этот институт.

Научная статья
УДК 342.55

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ «СИРИУС»: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Герман Евгеньевич КРИКЛИВЫЙ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
krikgerman489@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса первой федеральной территории в России — «Сириус». Рассматриваются доктринальные подходы к определению понятия федеральной территории, выявляются особенности ее публично-правовой природы. Исследуются проблемы правового регулирования: отсутствие единой законодательной базы, фиктивность территориальной автономии, неопределенность правосубъектности и имущественных прав, дефицит легитимности органов публичной власти. На основе сравнительного анализа зарубежного опыта формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования института федеральных территорий в Российской Федерации.

Ключевые слова: федеральная территория, «Сириус», конституционно-правовой статус, публичная власть, территориальная автономия, правосубъектность, публичный сервитут, зарубежный опыт

Конституционная реформа 2020 года ввела в российское правовое поле новый институт — федеральные территории. Ч. 1 ст. 67 Конституции Российской Федерации, определяющий состав территории государства, был дополнен положением о возможности создания федеральных территорий, организация публичной власти на которых устанавливается федеральным законом[1]. Данная новелла открыла возможность образования еще одного вида территориальной организации публичной власти, исключительность которого проявляется в его конституционно-правовом статусе. Как отмечается в научной литературе, такая форма территориальной организации публичной власти ранее не использовалась в отечественной практике государственного строительства ни в дореволюционный, ни в советский периоды.

Конституционный Суд Российской Федерации в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З подчеркнул, что создание федеральных территорий по своему буквальному смыслу не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации, и не может расцениваться как противоречащее положениям главы 1 Конституции РФ, исчерпывающим образом определяющей состав России как федеративного государства[2]. Суд

[1]Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – Ст. 67. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.03.2026).

[2]Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании

указал, что речь идет об изменении территориальной, а не федеративной организации государства. Данная позиция имеет принципиальное значение, поскольку она разграничивает понятия «состав Российской Федерации» и «состав ее территории», что позволяет создавать федеральные территории в пределах территории субъектов РФ без изменения их конституционного статуса.

Первым практическим воплощением конституционной новеллы стало создание федеральной территории «Сириус» на базе одноименного поселка в Краснодарском крае. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ определил «Сириус» как публично-правовое образование, имеющее общегосударственное стратегическое значение[1]. Целями его создания названы обеспечение комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышение инвестиционной привлекательности, сохранение олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создание благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализация приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации. Именно дихотомия целей - сохранение олимпийского наследия и развитие талантов - является краеугольным камнем данного публично-правового образования. Как обоснованно отмечается в доктрине, достижение каждой из указанных целей в отдельности не требовало формирования нового вида публично-правового образования, однако их системное единство обусловило необходимость создания особого правового режима.

В доктрине конституционного права отсутствует единое легальное определение понятия «федеральная территория». В научной литературе предлагаются различные подходы: федеральная территория определяется как территория в федеральном государстве, не входящая в состав субъекта федерации, находящаяся в непосредственном управлении федеральных органов; как внутригосударственное образование, находящееся под непосредственным управлением центральных властей; как часть федерации, не являющаяся субъектом, но имеющая некоторую степень самоуправления. Обобщая представленные подходы, можно определить федеральную территорию как публично-правовое образование, имеющее общегосударственное стратегическое значение, не входящее в состав субъекта РФ, с особым порядком организации публичной власти, сочетающим выборность и делегирование, а также с возможностью включения в свои границы акваторий водных объектов.

регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73647918/(дата обращения: 28.03.2026).

[1]Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/ (дата обращения: 28.03.2026).

Важной особенностью правового статуса федеральной территории является ее характеристика как публично-правового образования. Публично-правовым образованиям присущи организационное единство, имущественная обеспеченность, территориальная автономия, свойство нормотворчества, участие в гражданском обороте. Федеральная территория «Сириус» обладает всеми перечисленными свойствами, однако с существенными изъятиями. Территориальная автономия «Сириуса» закреплена не соглашением со смежными публично-правовыми образованиями, а непосредственно федеральным законом. В отличие от субъектов РФ, границы которых изменяются с их взаимного согласия, границы федеральной территории устанавливаются и изменяются исключительно федеральным законодателем. Кроме того, законом предусмотрена возможность включения в состав федеральной территории искусственных земельных участков, созданных в территориальном море и примыкающих к ней внутренних морских водах, что недоступно для субъектов РФ. Данное обстоятельство позволяет говорить о правовой фикции территориальной автономии федеральной территории, поскольку границы установлены в одностороннем порядке, а процедура согласования с Краснодарским краем перемещена на неформализуемый уровень[1].

Система органов публичной власти федеральной территории включает Совет и Администрацию. Совет формируется сроком на пять лет в составе 17 членов: девять избираются населением, по три назначаются Президентом РФ и Правительством РФ, одного назначает губернатор Краснодарского края, один член (глава Администрации) входит по должности. Такая смешанная процедура формирования создает дефицит легитимности представительного органа, поскольку только девять из семнадцати членов являются непосредственными представителями населения, а остальные — делегированными от иных органов публичной власти. Нормотворческая компетенция органов публичной власти федеральной территории также ограничена: ряд полномочий осуществляется не самостоятельно, а по согласованию с Правительством Российской Федерации, что ставит под сомнение полноту их автономии[2]. В научной литературе отмечается, что такая конструкция является продолжением тенденции делегирования публичных полномочий иным лицам, не отнесенным к органам власти, однако в отличие от публично-правовых компаний, органы публичной

[1]Майборода В. А. Федеральная территория как новый субъект права: теоретико-правовое исследование : диссертация … доктора юридических наук : 5.1.1. – Москва, 2023. – С. 87–98. – URL: https://www.dissercat.com/content/federalnaya-territoriya-kak-novyi-subekt-prava-teoretiko-pravovoe-issledovanie (дата обращения: 25.03.2026).

[2]Майборода В. А. Федеральная территория как новый субъект права: теоретико-правовое исследование : диссертация … доктора юридических наук : 5.1.1. – Москва, 2023. – С. 168–177, 189–204. – URL: https://www.dissercat.com/content/federalnaya-territoriya-kak-novyi-subekt-prava-teoretiko-pravovoe-issledovanie (дата обращения: 25.03.2026).

власти федеральной территории имеют избирательную составляющую, что частично восполняет дефицит легитимности.

В системе правового обеспечения федеральной территории (ФТ) «Сириус» прослеживается ряд критических дефектов. Первоочередной проблемой выступает отсутствие унифицированного базового закона о федеральных территориях, что препятствует формированию единых организационно-правовых основ данного института. Кроме того, наблюдается правовой вакуум в вопросах финансовой автономии: формальное право органов власти ФТ вводить местные налоги не подкреплено наличием собственных источников дохода. Существенные сложности вызывает и специфика правосубъектности — отсутствие у территории титула собственности вынуждает её оперировать чужим имуществом через управленческие механизмы. Наконец, отмечается дисбаланс в реализации политических прав граждан: ограничение участия в референдумах и процедурах отзыва выборных лиц указывает на снижение стандартов демократического участия по сравнению с классическими муниципалитетами.

В контексте исследования особую значимость приобретает сравнительно-правовое изучение мирового опыта функционирования федеральных территорий, в рамках которого можно классифицировать три ключевые модели. К первой категории относятся федеральные столичные округа, такие как Колумбия в США, Канберра в Австралии, Куала-Лумпур в Малайзии и Бразилиа в Бразилии. Исторически данные образования формировались для экстерриториального размещения центральных органов власти, выступая символом политического консенсуса в процессе федеративного строительства. Ярким примером служит создание округа Колумбия в 1790 году, ставшее итогом компромисса между А. Гамильтоном и Т. Джефферсоном, что заложило фундамент единой финансовой системы Соединенных Штатов. Вторую модель представляют территории с непосредственным федеральным подчинением: неинкорпорированные земли США (Гуам, Пуэрто-Рико), Северо-Западные территории Канады, индийские союзные территории (Ладакх, Джамму и Кашмир, Чандигарх) и малайзийский Лабуан. Эти субъекты лишены автономной публично-правовой субъектности и находятся под прямым управлением центра. Примечателен кейс Лабуана, который с 1984 года функционирует как международный офшорный центр и зона свободной торговли, обеспечив Малайзии статус регионального финансово-экономического лидера. Третья модель охватывает ассоциированные образования и резервации, включая племенные районы Индии и Пакистана, а также индейские резервации в США. Для Российской Федерации наиболее актуален опыт Канады по освоению арктических зон при сохранении уклада коренных народов, а

также стратегия Малайзии по созданию федеральных территорий для реализации узкоспециализированных экономических задач[1].

Учитывая выявленный комплекс проблем и принимая во внимание релевантный зарубежный опыт, представляется возможным сформулировать перечень предложений по модернизации правового режима института федеральных территорий. Первоочередным шагом должна стать разработка рамочного федерального закона «О федеральных территориях в Российской Федерации». Данный акт призван закрепить единый понятийный аппарат, основополагающие принципы создания и типологию федеральных территорий (включая столичные, инновационные, стратегические и экологические), а также четкий регламент установления их границ с обязательной процедурой согласования с граничащими субъектами РФ. Не менее важно нормативно детализировать процесс правотворчества «по согласованию» с Правительством и Администрацией Президента РФ, что позволит устранить правовую неопределенность, характерную для текущего регулирования. В целях повышения эффективности участия в гражданском обороте целесообразно наделить федеральные территории правом самостоятельной собственности либо внедрить специальное вещное право федеральной территории. В качестве компромиссного механизма, обеспечивающего баланс интересов без принудительного изъятия частных активов, предлагается более широкое применение института публичного сервитута. Кроме того, необходимо законодательно интегрировать органы власти федеральных территорий в общую систему публичной власти под координацией Государственного Совета РФ.

Космодром «Восточный», Байкал и Свободный порт Владивосток рассматриваются как потенциальные федеральные территории. Их создание может снизить нагрузку на бюджет и решить экологические проблемы, но несёт риски: ослабление субъектов РФ, размывание принципов федерализма и дефицит легитимности власти. Опыт «Сириуса» ценен, однако не подлежит слепому копированию — важна специфика каждой территории.

Таким образом, федеральная территория «Сириус» представляет собой конституционно-правовой эксперимент, сочетающий элементы государственной власти и местного самоуправления на единой территории. Основные выявленные проблемы - отсутствие единой законодательной базы, правовая фикция территориальной автономии, неопределенность правосубъектности и имущественных прав, дефицит легитимности органов власти - требуют системного решения. Принятие рамочного закона, регламентация процедур «по согласованию», наделение федеральных территорий самостоятельной формой собственности и интеграция в единую

[1]Майборода В. А. Федеральная территория как новый субъект права: теоретико-правовое исследование : диссертация … доктора юридических наук : 5.1.1. Москва, 2023. С. 99—167. URL: https://www.dissercat.com/content/federalnaya-territoriya-kak-novyi-subekt-prava-teoretiko-pravovoe-issledovanie (дата обращения: 28.03.2026).

систему публичной власти позволят устранить существующие пробелы. Институт федеральных территорий обладает значительным потенциалом для развития, однако его эффективность напрямую зависит от качества правового регулирования и учета как зарубежного опыта, так и российской специфики.

Научная статья
УДК 342.7:004

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ НА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Софья Владимировна МАРКЕШИНА[1], Злата Андреевна ТАСКАЕВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] sofamarkesina@gmail.com
[2] Zlatataskaeva84032@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО** chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние цифровизации государственного управления на конституционные правоотношения. Основная проблема заключается в противоречии между преимуществами цифровых технологий (повышение эффективности, доступность госуслуг) и рисками для конституционных прав граждан (угрозы конфиденциальности, цифровой разрыв, потенциальные нарушения принципа равенства). Авторы анализируют трансформацию правоотношений в цифровой среде, пробелы в правовом регулировании и коллизии между инновациями и конституционными гарантиями. В выводах подчёркивается необходимость разработки системы гарантий конституционных прав в цифровой среде и поиска баланса между технологической модернизацией и защитой базовых конституционных ценностей.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, конституционные права, цифровые права, защита данных

В условиях стремительной технологической трансформации общественных отношений цифровизация государственного управления становится ключевым вектором развития современной публичной администрации. Внедрение цифровых платформ, систем искусственного

интеллекта, больших данных и электронного документооборота призвано повысить эффективность государственного аппарата, сократить бюрократические издержки и расширить доступность публичных услуг. Однако параллельно с очевидными преимуществами этот процесс порождает комплекс правовых вызовов, затрагивающих фундаментальные основы конституционного строя — систему прав и свобод человека и гражданина, принципы разделения властей и гарантии правовой определённости.

Взаимосвязь цифровизации государственного управления и трансформации конституционных правоотношений проявляется в том, что внедрение цифровых технологий изменяет способы реализации и защиты конституционных прав и обязанностей субъектов. С одной стороны, цифровизация расширяет возможности: обеспечивает дистанционный доступ к государственным услугам повышает прозрачность принятия решений, упрощает участие в выборах (право избирать и быть избранным), способствует реализации права на образование и информацию. С другой — порождает новые риски: угрозу неприкосновенности частной жизни цифровое неравенство, уязвимость персональных данных, алгоритмическую дискриминацию. В результате конституционные правоотношения приобретают дополнительные цифровые измерения: возникают новые объекты (персональные данные, цифровые следы), субъекты (платформы, операторы данных) и обязанности (обеспечение кибербезопасности, цифровой грамотности)[1]. Это требует адаптации конституционно правового регулирования: уточнения гарантий, разработки цифровых механизмов защиты прав и согласование инноваций с конституционными ценностями.

Конституция выступает фундаментальной основой регулирования отношений в цифровой среде, обеспечивая правовую определённость и защиту базовых ценностей в условиях стремительной цифровизации общественных процессов. Будучи основным законом государства, она задаёт системные ориентиры для развития цифрового управления, гарантируя преемственность конституционных принципов при внедрении инновационных технологий. В первую очередь, Конституция закрепляет приоритет прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2), что накладывает обязательства на государство по обеспечению их реализации и защиты в цифровой сфере. Это означает, что любые технологические решения и регуляторные механизмы в области цифровизации должны проходить проверку на соответствие конституционным гарантиям, не допуская их умаления или необоснованных ограничений.

[1]Алексеева М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак. Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12, № 2. С. 16– 23. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-2

Важнейшее значение имеет конституционное закрепление права на доступ к информации (ч. 4 ст. 29)[1], которое в цифровой реальности трансформируется в возможность свободного пользования интернет-ресурсами, электронными сервисами и открытыми данными. Не менее значимо право на защиту персональных данных (ч. 1 ст. 24), приобретающее особую актуальность в эпоху больших данных и искусственного интеллекта, когда сбор и обработка личной информации становятся повсеместными.

Конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни (ч. 1 ст. 23) формируют правовую основу для защиты цифровых следов пользователей от несанкционированного доступа, слежки или неправомерного использования[2]. Это включает защиту от незаконного прослушивания, мониторинга интернет-активности и иных форм вмешательства в приватную сферу. В контексте цифровизации управления особую роль играет право на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32), реализуемое через электронные платформы для общественного обсуждения, онлайн голосования и цифровых инициатив.

В условиях цифровой трансформации конституционные права обретают новые формы и содержание. Например, право на самоопределение эволюционирует в право на цифровое самоопределение, связанное с управлением персональными данными, цифровыми идентификаторами и онлайн активностями. Право на доступ к информации в интернете становится инструментом реализации иных конституционных свобод, обеспечивая прозрачность государственного управления и участие граждан в принятии решений. Однако цифровизация порождает и новые вызовы: нематериальный характер цифровых прав, трансграничность (возможность использования через государственные границы) киберпространства, сложность определения юрисдикции[3]. Эти факторы требуют постоянного совершенствования законодательства и доктринального толкования конституционных норм с учётом технологических изменений. Таким образом, Конституция остаётся неизменным фундаментом для регулирования цифровой среды, задавая рамки допустимого, защищая права личности и создавая условия для устойчивого развития цифрового государства.

В эпоху цифровой трансформации государственного управления всё острее встаёт вопрос о сохранении конституционных гарантий в новых

---

[1]Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 / офиц. текст. Москва: Юридическая литература, 2023. — 64 с.

[2]Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации. DOI 10.24411/2686-7206-2019- 10016 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 99–119.

[3]Ковалёва Н. Н. Цифровая трансформация государственного управления: конституционные перспективы и риски // Журнал российского права. — 2023. — № 5. — С. 45—58. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-konstitutsionnye-perspektivy-i-riski (дата обращения: 11.02.2026).

технологических реалиях. Сущность проблемы заключается в диалектическом противоречии между технологической рациональностью цифровизации и ценностными установками конституционализма. С одной стороны, цифровые инструменты позволяют реализовать конституционные предписания о доступности правосудия (через электронные сервисы подачи исков), прозрачности деятельности органов власти (через открытые данные), участии граждан в управлении (через платформы электронного голосования). С другой — автоматизация управленческих процессов создаёт риски для таких конституционных прав, как неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), тайна связи (ст. 23), свобода передвижения (ст. 27) в контексте систем геолокационного мониторинга[1].

Анализ трансформации конституционных правоотношений в цифровой среде выявляет несколько ключевых коллизий. Во-первых, это конфликт между принципом равенства (ст. 19 Конституции РФ) и «цифровым разрывом»: неравный доступ к технологиям ставит под сомнение универсальность реализации прав. Во-вторых, противоречие между правом на информацию (ст. 29) и необходимостью защиты персональных данных: массивы Big Data, собираемые государственными системами, требуют новых механизмов анонимизации и минимизации данных. В-третьих, проблема баланса между общественной безопасностью и неприкосновенностью частной жизни при внедрении систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц.

Пробелы в правовом регулировании усугубляются динамикой технологических изменений. Действующее законодательство (в частности, Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных») не в полной мере учитывает специфику алгоритмов машинного обучения, облачных вычислений и кросс граничной передачи данных[2]. Например, Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам РФ №С01-201/2018 от 24 июля 2018 года по делу № А40-18827/2017. Правообладатель обратился в суд за защитой прав на базу данных. Суд раскрыл основные признаки базы данных, круг доказательств по делу и установил факт её существования. Судебная практика по делам о цифровых правах остаётся фрагментарной, что снижает предсказуемость правоприменения. В этой связи особую значимость приобретает доктринальное осмысление категории «цифровые права» как нового поколения прав, реализуемых в цифровой среде, включая право на доступ к интернету, которое одновременно выступает гарантией полноценной реализации ряда

[1]Лунгу Е. В. Конституционные правоотношения в эпоху цифровизации [Электронный ресурс] // CyberLeninka: научная электронная библиотека. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-pravootnosheniya-v-epohu-tsifrovizatsii/viewer (дата обращения: 30.01.2025).

[2]Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 70-75.DOI: 10.33693/2541-8025-2024-20-2-70-75. EDN: EHGQTQ.

конституционных прав, включающих право на доступ к интернету, право на забвение (согласно которому пользователь имеет право запросить удаление в поисковых системах и других каталогах сети Интернет определенной информации, которая может нанести вред его чести и достоинств), право на объяснение алгоритма (т.е. право пользователя понимать, как функционирует система искусственного интеллекта (ИИ) и каким образом она приходит к своим выводам).

Для гармонизации цифровизации с конституционными принципами необходим комплекс мер: 1) разработка специализированного законодательства о регулировании ИИ в государственном управлении с обязательным включением механизмов аудита алгоритмов на соответствие конституционным нормам; 2) усиление института защиты персональных данных через внедрение технологий Privacy by Design (подход, который означает, что защита персональных данных должна быть заложена на самых ранних этапах разработки информационных систем и бизнес-процессов) и расширение полномочий Роскомнадзора в сфере контроля за государственными информационными системами; 3) создание цифровых «песочниц» для тестирования инновационных сервисов с обязательным проведением конституционной экспертизы; 4) развитие цифровой грамотности населения как условия реализации принципа равенства доступа к публичным услугам[1].

Таким образом, цифровизация государственного управления не должна рассматриваться исключительно как технический процесс модернизации. Это фундаментальный вызов для конституционного правопорядка, требующий переосмысления традиционных правовых категорий в контексте цифровой реальности. Баланс между инновациями и защитой конституционных ценностей возможен лишь при условии системного подхода, сочетающего технологическую экспертизу, правовую определённость и общественный контроль.

[1]Киричек Е. В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении / Е. В. Киричек // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (95). С. 29–40. – DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10078.

Научная статья
УДК 342.4

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕАМБУЛ КОНСТИТУЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ольга Романовна МАСЛЕНКО[1], Анастасия Олеговна ПАВЛОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] maslenko.olya@bk.ru
[2] anastasiia.pavlova07@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО,** chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ преамбул Конституций РФ и КНР. Исследуются структурные различия в конституировании субъекта власти: перформативное «мы» в российской преамбуле против коллективистской идентичности в китайской. Анализируется влияние идеологии на объём документов. Выделяются функциональные различия и существенные сходства: много-национальность, историческая память и открытость международному сообществу.

Ключевые слова: преамбула конституции, Конституция РФ, Конституция КНР, народный суверенитет, многонациональное государство, идеологическая функция, легитимация власти

Конституция — «основной закон государства, выражающий волю народа в целом либо отдельных социальных слоёв (групп) общества и закрепляющий в их интересах важнейшие начала общественного строя и государственной организации соответствующей страны»[1]. Она содержит исходные начала национальной системы права, поэтому стоит на первом месте в законодательстве стран: России и Китая. Конституционные нормы являются основополагающими для деятельности государственных органов, политических партий и иных общественных объединений, должностных лиц, граждан данной страны и пребывающих на ее территории иностранцев, лиц без гражданства. Высший закон Российской Федерации был принят 12 декабря 1993 года, а Китая — 4 декабря 1982 года.

[1]Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 150.

Если конституция даёт основу для остального законодательства страны, то преамбула – это опора самой конституции. Преамбула — это «вводная часть Конституции, предшествующая основному тексту и раскрывающая цели, принципы и ценности, лежащие в основе государственного и правового строя»[1]. Анализ текстов преамбул европейских конституций позволяет констатировать, что чаще всего в текст преамбулы включаются: субъект принятия конституции, цели принятия конституции, принципы, лежащие в основе общества и государства, иногда — условия принятия, указание на исторический путь, пройденный народом, этапы конституционного развития государства, свидетельствующие о конституционной преемственности. Следует согласиться с профессором Г. А. Василевичем в том, что «в преамбуле сжато закрепляются руководящие начала, на которых базируется Конституци[2]. По мнению С. А. Авакьяна, преамбула необходима для того, чтобы осветить пройденный страной путь, дать характеристику общества на современном этапе его развития, изложить сущность и главные задачи государства, сказать о целях конституции и провозгласить её принятие[3].

Анализ преамбул Конституций двух стран поможет найти общие моменты и различия. Конечно, сейчас отношения между Россией и Китайской Народной Республики приобретают более тесный характер, в связи с чем сравнение основного закона двух стран дает понимание, для чего они сближаются и какие основные цели преследуют. Кроме того, изучение принципов, заложенных в преамбулах, может дать понимание будущей политики государств.

«Объем преамбулы — дело вкуса, а зачастую и идеологи[4]. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила лаконичную модель преамбулы, характеризующуюся компактностью. Данный текст включает следующие фундаментальные конституционные принципы: признание высшей ценности прав и свобод человека; призыв к гражданскому согласию и отказу от антагонистических общественных отношений; сохранение государственного единства и территориальной целостности; сочетание возрождения суверенной государственности с обеспечением равноправия и самоопределения народов; ориентация на благополучие и процветание

[1]Вычеров И. А. Преамбула: понятие и её значение в Конституции российской Федерации и конституциях зарубежных стран / И. А. Вычеров, Я. Д. Вельков, С. А. Измайлов // SCIENCE RESEARCH FORUM 2025: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 01 декабря 2025 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. – С. 135.

[2]Масловская Т. С. Преамбула конституции: значение и правила пересмотра / Т. С. Масловская // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции, Омск, 25–26 марта 2022 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. – С.89.

[3]Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 174.

[4]Там же. С. 174.

России, ответственность поколений за настоящее и будущее; приверженность нормам и принципам международного права.

Преамбула Конституции Китайской Народной Республики (КНР) значительно объёмнее преамбулы Конституции РФ — и это обусловлено историческими, идеологическими и политическими особенностями развития страны. В преамбуле Конституции КНР подробно излагается исторический путь Китая: от древней истории и периода полуколониального и полуфеодального состояния после 1840 года до Синьхайской революции 1911 года и создания КНР в 1949 году под руководством Коммунистической партии Китая (КПК) и Мао Цзэдуна. В ней подчёркивается героическая борьба народа за независимость и свободу, а также закрепляется текущий этап развития — начальный этап социализма и задача социалистической модернизации в рамках теории «социализма с китайской спецификой». Кроме того, преамбула закрепляет принципы внешней политики: независимость, мирное сосуществование, противодействие империализму и колониализму, поддержка развивающихся стран; фиксирует положение о Тайване как части территории КНР и обязанность добиться воссоединения Родины и т.д. В Конституции РФ так конкретно многие положения не раскрываются, они распределены по остальным главам и отдельным статьям, а также другим нормативным правовым актам, например, в Указе Президента «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», что уменьшает преамбулу нашей Конституции.

Как упоминалось ранее, объем преамбулы напрямую связан с идеологией в сравниваемых странах. Например, когда в 1977 году «пришли к выводу, что общество – это развитой социализм, а государство — общенародное (пришедшее на смену государству диктатуры пролетариата), решили все характеристики общества и государства поместить в преамбулу»[1]. В соответствии с данным аспектом, в ней были подробно раскрыты задачи, требующие решения в идеологическом ключе. После распада СССР, Россия отошла от социалистической идеологии, поэтому преамбула новой Конституции требовала существенных корректировок, в связи с чем она была сокращена в плане установления единой государственной идеологии. В Китайской Народной Республике дела обстоят иначе. В преамбуле Конституции здесь закреплена государственная идеология: «...общество постепенно осуществило переход от новой демократии к социализму. Было завершено социалистическое преобразование частной собственности на средства производства, уничтожена система эксплуатации человека человеком, утвердился социалистический строй». Данной теме в преамбуле посвящён целый абзац, в котором расписана подробно суть социализма и его задачи. Например, «концентрация усилий, направленных на социалистическую модернизацию

[1]Там же. С. 174.

в соответствии с теорией построения социализма с китайской спецификой» и «модернизация промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки и технологии», направленная на превращение Китая в «сильную, процветающую, высококультурную социалистическую страну»[1]. Все это значительно придаёт объем преамбулы Конституции КНР в сравнении с Российской Федерацией.

Одно из главных структурных различий между преамбулами конституций России и Китая заключается в том, как в них обозначен народ — источник власти в государстве.

Преамбула Конституции России начинается со слова «Мы»: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». Это важно, потому что слово «мы» показывает, что народ сам называет себя и сам определяет себя как единое целое. Разные этнические группы, проживающие в России, как бы собираются вместе и говорят от своего имени: да, мы — один народ, соединённый общей судьбой. При этом акцент делается на добровольность этого объединения — люди сами хотят быть вместе.

Такая конструкция означает, что народ существует до принятия Конституции и независимо от неё. Он первичен, а государство вторично — именно народ своей волей создаёт государство и устанавливает правила его работы. Это соответствует классической идее народного суверенитета, где власть принадлежит людям, а они делегируют её государству через общественный договор.

Преамбула Конституции Китая говорит о народе иначе: «Народы всех национальностей Китая». Здесь нет слова «мы», нет обращения от первого лица. Народ описывается как будто со стороны, в третьем лице — текст говорит о нём, а не от его имени.

Слово «народы» стоит во множественном числе, что подчёркивает наличие разных национальностей. С одной стороны, это показывает этническое разнообразие страны, с другой — их объединение в одно политическое целое. Но главное отличие в другом: это объединение представлено не как свободный выбор людей, а как результат исторических процессов. Текст перечисляет, что народы «вместе создали» культуру, «прошли путь» борьбы, «одержали победу» в революции. То есть народ сложился как единый субъект через историю, через общую борьбу, а не через мгновенный акт волеизъявления. Здесь легитимность власти опирается не на то, что народ сейчас выбрал такую систему, а на то, что история показала правоту этого пути. Власть легитимна, потому что она победила, освободила страну и привела к успеху.

[1]Циценко Д. А. Сравнение Конституций Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Сборник материалов Всероссийских научно-практических конференций, посвященных 100-летию принятия Конституции Союза советских социалистических республик, Пермь, 20 декабря 2024 года. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 297.

Таким образом, Российская конституция исходит из того, что народ первичен, а государство создано им для защиты свободы каждого. Поэтому логика текста — ограничить власть, чтобы она не посягала на права личности. Китайская конституция исходит из того, что единый народ сложился исторически и имеет общие цели развития. Поэтому логика текста — организовать государство для эффективного достижения этих коллективных целей.

Помимо структурного сравнения, можно выявить четыре функциональных различия преамбул Конституций России и Китая.

Идеологическая функция выражает мировоззренческие основы государства[1]. В преамбуле Российской Конституции нет четко выраженной идеологии, однако предполагается либерализм, т.к. утверждаются высшей ценностью права и свободы человека, а также незыблемость демократических основ (что предполагает возможность наличие других идеологий, отличных от государственной). В китайской преамбуле неоднократно упоминается следование по пути марксизма-ленинизма, идеям Мао Цзедуна и Дэн Сяопина, что отлично подтверждается строкой: «Под руководством Коммунистической партии Китая и следуя идеям марксизма-ленинизма и учению Мао Цзэдуна, все населяющие Китай народы продолжат движение по дороге народно-демократической диктатуры и социализма, поддержки реформ и открытости внешнему миру, неуклонного совершенствования институтов социалистического общества, развития социалистической демократии, совершенствования социалистического законодательства,» — здесь четко обозначены мировоззренческие основы государства, при этом, как и у нас, упоминаются демократические основы, но социалистического толка (т. е. другие идеологии недопускаются).

Легитимирующая функция обосновывает право народа на учреждение новой власти[2]. В преамбуле Конституции России это выражается в словах: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, … принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», как видно, формулировка отражает прямую волю народа, а также свободу при выражении этой воли. В преамбуле же Конституции КНР отсутствует прямое волеизъявление народа относительно власти, но косвенно предполагается, что народ все-таки определился со своим путем развития,

[1]Вычеров И. А. Преамбула: понятие и её значение в Конституции российской Федерации и конституциях зарубежных стран / И. А. Вычеров, Я. Д. Вельков, С. А. Измайлов // SCIENCE RESEARCH FORUM 2025: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 01 декабря 2025 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. С. 135.

[2]Вычеров. И. А. Преамбула: понятие и её значение в Конституции российской Федерации и конституциях зарубежных стран / И. А. Вычеров, Я. Д. Вельков, С. А. Измайлов // SCIENCE RESEARCH FORUM 2025: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 01 декабря 2025 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. С. 135.

что например отражено в одном из многих такого рода предложений: «Под руководством Коммунистической партии Китая и следуя идеям марксизма-ленинизма и учению Мао Цзэдуна, все населяющие Китай народы продолжат движение по дороге народно-демократической диктатуры и социализма, поддержки реформ и открытости внешнему миру, неуклонного совершенствования институтов социалистического общества, развития социалистической демократии, совершенствования социалистического законодательства,»[1] при этом, косвенный характер, дает представление о некотором отсутствии свободы, хотя это и особенность формулировки.

Интерпретационная функция служит ключом к пониманию духа и целей конституционных но[2] . В преамбуле российской Конституции целями являются четко обозначенными стремлением «обеспечить благополучие и процветание России», возрождением «суверенную государственность России» и, как упоминалось ранее, утверждением «незыблемость ее демократической основы», что отсылает к решительному намерению создать качественно новое демократическое правовое государство, отличное от РСФСР, но сохраняя при этом преемственность. В преамбуле Конституции Китая утверждаются три задачи. «Основной задачей, стоящей перед нацией, является концентрация усилий, направленных на социалистическую модернизацию в соответствии с теорией построения социализма с китайской спецификой,» это отражает основную цель Китая — построение социализма, а позже — коммунизма. «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики. Выполнение великой задачи объединения отечества является нерушимым долгом всего китайского народа, включая наших соотечественников, живущих на Тайване,» — довольно любопытная задача. Здесь прослеживается параллель с нашим возрождением суверенной государственности, однако здесь заложен смысл «китайского народа»

[1]Конституция Китайской Народной республики (Принята 4 декабря 1982 г. на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва. Опубликована и введена в действие 4 декабря 1982 года по объявлению Всекитайского собрания народных представителей. Пересмотрена на основе «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 12 апреля 1988 г., принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 29 марта1993г.,принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 15 марта 1999 г., принятых на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей девятого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 14 марта 2004 г., принятых на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей десятого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 11 марта 2018 г., принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва)// URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202512/W020251204316720566169.pdf.

[2]Вычеров И. А. Преамбула: понятие и её значение в Конституции российской Федерации и конституциях зарубежных стран / И. А. Вычеров, Я. Д. Вельков, С. А. Измайлов // SCIENCE RESEARCH FORUM 2025: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 01 декабря 2025 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. С. 135.

(движущей силы, народа как управляющего, так и управляемого), как «Китая как божественной концепции», что отсылает к концепции «Пути Неба» и «небесного народа»[1]. «Китай последовательно противостоит империализму, гегемонизму и колониализму, проводит работу, направленную на укрепление единства с народами других стран, поддерживает угнетенные народы и развивающиеся страны в их справедливой борьбе за завоевание и сохранение национальной независимости, развитие национальной экономики, борется за укрепление мира во всем мире и поддерживает движение человечества по пути прогресса»[2]. здесь выражено стремление сотрудничества при сохранении суверенитета, что отсылает к горькой исторической судьбе Китая и нежелании китайского народа и других пережить вновь подобного рода события.

Интегрирующая функция объединяет общество вокруг общих ценностей[3]. В российской преамбуле прямо говорится о либерально-демократических ценностях: «утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие»[4], что наиболее ярко раскрывается в ст. 2 Конституции. В то же время, в преамбуле Конституции КНР ярко выражены социал-демократические ценности: «Между всеми народами созданы и продолжают укрепляться социалистические отношения равенства, единства и взаимопомощи. В борьбе за укрепления единства всех народов необходимо противостоять великонациональному шовинизму, в особенности ханьскому, и противодействовать местному национальному шовинизму,» — при этом, как видно, здесь указываются и порицаемые ценности, в отличие от преамбулы России. Кроме того, указывается, что Коммунистическая партия

---

[1]Чжан Вэньсян, Общая характеристика Конституции КНР и её особенности: автореф. дис. ... канд. юр. Наук, Благовещенск, 2024. С 6-7.

[2]Конституция Китайской Народной республики (Принята 4 декабря 1982 г. на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва. Опубликована и введена в действие 4 декабря 1982 года по объявлению Всекитайского собрания народных представителей. Пересмотрена на основе «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 12 апреля 1988 г., принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 29 марта1993г.,принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 15 марта 1999 г., принятых на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей девятого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 14 марта 2004 г., принятых на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей десятого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 11 марта 2018 г., принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва)// URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202512/
W020251204316720566169.pdf

[3]Вычеров И. А. Преамбула: понятие и её значение в Конституции российской Федерации и конституциях зарубежных стран / И. А. Вычеров, Я. Д. Вельков, С. А. Измайлов // SCIENCE RESEARCH FORUM 2025: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 01 декабря 2025 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. – С. 135.

[4]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Китая следует «идеям марксизма-ленинизма и Мао Цзедуна», что также является отражением мировоззренческих основ государства, т. к. КПК играет руководящую роль над народами Китая, согласно преамбуле.

Несмотря на эти различия у преамбул имеются сходства.

Во-первых, делается упор на многонациональный характер государства как конститутивной основы. Российская преамбула начинает с: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...», тем самым фиксируя этнокультурное разнообразие в качестве условия государственного бытия. Китайская преамбула развивает эту тему более подробно: «Народы всех национальностей Китая общими усилиями создали блестящую культуру... Китайская Народная Республика — единое многонациональное государство, созданное общими усилиями народов различных национальностей всей страны». В обоих случаях многонациональность не просто констатируется, но и рассматривается как важный фактор, требующий конституционного закрепления.

Во-вторых, преамбулы обращаются к исторической памяти как источнику легитимации современного конституционного строя. Конституция РФ содержит обращение к морально-этическому наследию: «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...». Преамбула КНР, в свою очередь, акцентирует политико-исторический опыт: «Народы всех национальностей Китая... имеют славные революционные традиции», а также подробно описывает исторический путь: «После 1840 г. феодальный Китай постепенно превратился в полуколониальное, полуфеодальное государство. Китайский народ вел последовательную героическую борьбу...»[1]. Несмотря на различие в акцентах (нравственное наследие в РФ против политической борьбы в КНР), в обоих преамбулах история выполняет функцию обоснования легитимности текущей государственности.

В-третьих, преамбулы касаются позиционирования государства в международном контексте. Российская преамбула содержит положение о «сознании себя частью мирового сообщества» и признании общепризнанных принципов международного права. Китайская преамбула,

[1]Конституция Китайской Народной республики (Принята 4 декабря 1982 г. на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва. Опубликована и введена в действие 4 декабря 1982 года по объявлению Всекитайского собрания народных представителей. Пересмотрена на основе «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 12 апреля 1988 г., принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 29 марта1993г.,принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 15 марта 1999 г., принятых на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей девятого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 14 марта 2004 г., принятых на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей десятого созыва, «Поправок к Конституции Китайской Народной Республики» от 11 марта 2018 г., принятых на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва)// URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202512/W020251204316720566169.pdf

хотя и подчёркивает независимость внешней политики, также признаёт взаимозависимость: «Будущее Китая тесно связано с будущим всего мира». Так, обе преамбулы отвергают изоляцию и закрепляют открытость государства к международному взаимодействию, пусть и на различных идеологических основаниях.

Таким образом, сравнительный анализ преамбул Конституций РФ и КНР выявляет принципиальное различие в субъекте власти: российская модель опирается на «мы» как акт волеизъявления свободных граждан, тогда как китайская — на коллективную идентичность, сформированную историческим процессом под руководством КПК. Различие в объёме отражает идеологическую специфику: лаконичность российской преамбулы соответствует нейтральности конституционного регулирования, развёрнутость китайской — необходимости закрепления социалистической идеологии и стратегических задач. При фундаментальных расхождениях в ценностных ориентациях (либерально-демократические против социал-демократических) обе преамбулы решают сходные задачи: легитимируют конституционный порядок через обращение к исторической памяти, конституируют многонациональность как основу государственности и закрепляют открытость международному сообществу.

Научная статья
УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ: МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Виктория Александровна МЕХЕДОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
victorya.mexedova@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется правовая природа конституционного права на образование в системе основных прав и свобод. На основе анализа Конституции РФ и доктринальных подходов к классификации прав обосновывается комплексный характер права на образование, сочетающего элементы социально-экономических и культурных (духовных) прав.

Рассматриваются различные научные подходы к систематизации конституционных прав, представленные в трудах И. В. Ростовщикова,

Л. Б. Алексеевой, В. Д. Перевалова, М. В. Баглая и других исследователей. Анализируется правовая позиция Конституционного Суда РФ, подтверждающая социально-обеспечительную сущность права на образование, а также раскрывается его культурная составляющая, связанная с формированием мировоззрения, гражданской идентичности и приобщением к культурным ценностям.

Автор приходит к выводу, что право на образование носит комплексный характер и не может быть однозначно отнесено к какой-либо одной группе прав. Его реализация требует от государства системного подхода, сочетающего создание доступной образовательной инфраструктуры с условиями для всестороннего духовного, культурного и гражданского развития личности.

Ключевые слова: конституционные права, право на образование, классификация прав человека, социально-экономические права, культурные права, Конституционный Суд РФ

Конституционными правами и свободами понимаются наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы и получающие высшую юридическую защиту[1].

В ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее - Конституция РФ) закреплен фундаментальный принцип современного конституционализма, согласно которому человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита - обязанностью государства[2]. Данная норма закрепляет гуманистическую направленность российской государственности, устанавливая приоритет личности и её законных интересов, что возлагает на государство юридическую обязанность по обеспечению реализации и защиты прав и свобод каждого человека и гражданина.

В развитие этого принципа ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина[3]. Данное положение закрепляет неотчуждаемый и универсальный характер основных прав, их обязательность для всех органов государственной власти и местного самоуправления. Так, конституционные гарантии, предполагают не только формальное признание прав, но и создание реальных механизмов их обеспечения, включая судебную защиту и восстановление в случае нарушения.

[1]Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. Москва: Норма, 2007. С. 181.

[2]Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993): текст с изм. и доп. на 4 июля 2022. Ст. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993): текст с изм. и доп. на 4 июля 2022. Ст. 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В юридической доктрине существуют различные подходы к классификации прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ. Так, например, И. В. Ростовщиков подразделяет права личности на социально-экономические, политические, культурные, личные, по поводу защиты других прав и свобод, общие и специальные[1]. Л. Б. Алексеева, В. М. Жуйков, И. И. Лукашук выделяют следующие категории основных прав человека и гражданина: гражданские, трудовые, культурные, политические, право на окружающую среду[2]. В. Д. Перевалов различает гражданские (личные), экономические, социальные, культурные, экологические, информационные права[3]. Тем не менее, наиболее популярной является их дифференциация на четыре основные группы: гражданские (личные), политические, социально-экономические и культурные (духовные)[4]. Отметим, что в Конституции России такое разделение на группы прямо не делается, но в изложении заметна сгруппированность прав по указанным основаниям[5]. Такое деление прав и свобод производится прежде всего по сферам жизнедеятельности общества, в соответствии с характером регулируемых правом общественных отношений. Так, М. В. Баглай считает, что такая классификация помогает уяснить относительную целостность прав и свобод каждой гру[6]. Так, гражданские права служат «средством индивидуализации» личности, поскольку с их помощью человек может лучше проявить свои способности и интересы. Экономические права позволяют справедливо распределять блага в обществе, а также свободно распоряжаться ими. Социальные права предоставляют гражданину возможность достижения желаемого уровня жизни, а также направлены на обеспечение социальной защищенности. Культурные права обеспечивают доступ граждан к культурным ценностям, тем самым направляя личность на духовное развитие. Политические права характеризуют политико-правовую связь человека с государством, а также отличаются высокой степенью формальной определенности их нормативного содержания.

Конституционное право на образование (ст. 43 Конституции РФ) выступает фундаментальной предпосылкой реализации широкого спектра прав и свобод человека, поскольку оно не просто занимает самостоятельное место в системе прав, но и создает необходимые условия для практического

[1]Ростовщиков И. В. Права и свободы личности в СССР и роль органов внутренних дел в их обеспечении: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1984. С. 39.

[2]Алексеева Л. Б., Жутков В. М., Лукашук И. И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. Москва, 1992. С. 89—132.

[3]Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник. Москва: Высшее образование, 2005. С. 204—206.

[4]Чхиквадзе В. М. Советское государство и личность. Москва, 1978. С. 60-61; Витрук Н. В. Система прав личности. Права личности в социалистическом государстве. Москва, 1981. С. 86—113.

[5]Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. Москва: Норма, 2007. С. 191.

[6]Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. Москва: Норма, 2007. С. 191.

осуществления многих других гарантий, закрепленных в законодательстве. Неслучайно данное право закреплено на самом высоком нормативном уровне — в Конституции, а сами образовательные правоотношения систематизированы в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Как справедливо отмечает С. Ю. Алексеева: «Для осуществления многих прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ, реализация права на образование является предварительным условием»[1]. Такого же мнения придерживается и Беляйкина А. И., отмечая, что «для осуществления ряда прав и свобод реализация права на образование является базовым условием»[2].

В юридической доктрине и правоприменительной практике до настоящего времени отсутствует единство мнений относительно правовой природы права на образование: его относят как к культурным (духовным), так и к социально-экономическим правам. Данная проблема носит не только теоретический, но и прикладной характер, поскольку от её разрешения зависят особенности государственной политики по реализации и обеспечению данного права, а также расстановка приоритетов в сфере образования.

В соответствии с ч. 2 ст. 43 Конституции РФ *«гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях»*. Данная норма носит ярко выраженный социально-экономический характер, поскольку возлагает на государство прямую обязанность по созданию и финансированию системы образования, обеспечивающей равные стартовые возможности для всех граждан независимо от их имущественного положения. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что право на образование является одним из важнейших социально-экономических прав, реализация которого невозможна без активного участия государства и выделения бюджетных средств[3]. Так, в Постановлении от 23.07.2020 № 39-П было отмечено, что гарантии равенства распространяются не только на основное общее, но и на среднее общее образование. Суд указал, что иное не соответствовало бы нормативному содержанию и самой природе права на образование, тем самым еще раз подтвердив его социально-обеспечительную сущность[4].

---

[1]Алексеева С. Ю. Право на образование в системе основных социально-экономических прав и свобод человека и гражданина / С. Ю. Алексеева // Современное право. 2007. № 7. С. 77.

[2]Беляйкина А. И. Конституционное право на образование и проблемы его реализации // Вестник РУК. 2022. №2 (48). С. 105.

[3]Правовые позиции Конституционного суда по отдельным вопросам. Право на образование. // URL: https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-pravo-na-obrazovanie/ (дата обращения: 20.03.2026).

[4]Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 №39-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.И. Пикулина. // URL:

С точки зрения реализации социальной функции государства образование выступает ключевым инструментом обеспечения социальной мобильности и снижения социального неравенства - оно позволяет человеку из любой социальной группы реализовать свой потенциал, получить профессию и обеспечить достойный уровень жизни, тем самым создавая условия для вертикального перемещения индивидов. Таким образом, именно посредством гарантирования права на образование государство осуществляет социальную функцию, направленную на поддержку уязвимых категорий населения и формирование институциональных предпосылок для всесторонней самореализации личности.

Экономическое значение права на образование также неоспоримо: уровень образованности населения является ключевым фактором экономического роста, инновационного развития и повышения конкурентоспособности государства на мировой арене. Образование формирует квалифицированную рабочую силу, способствует развитию науки и технологий, что напрямую влияет на производительность труда и эффективность национальной экономики.

Тем не менее, право на образование неразрывно связано и с духовным развитием личности, формированием мировоззрения и приобщением к культурным ценностям, что сближает его с группой культурных (духовных) прав. Эта сторона права на образование также находит отражение в Конституции РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 44 Конституции: *«Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям»*[1]. В рассматриваемой норме образование выступает ключевым механизмом реализации этого права, поскольку именно через систему образования происходит передача знаний, культурных традиций, научных достижений и художественных ценностей от поколения к поколению. Таким образом, право на образование является необходимым условием для полноценного доступа к культуре и науке.

Помимо этого, право на образование служит фундаментом для самореализации личности, предоставляя инструменты для критического мышления, творческого поиска и свободного выражения взглядов, что сближает его с культурными правами. Образовательные учреждения в данном случае выступают не только центрами обучения, но и местом, где формируются ценности уважения, толерантности и патриотизма.

Важнейшим аспектом духовной функции образования является формирование гражданской идентичности и чувства принадлежности к народу и государству, что способствует социальной солидарности и преемственности культурных традиций. Образование закладывает основы

---

https://www.consultant.ru/document/
cons_doc_LAW_358195/ (дата обращения: 20.03.2026).

[1]Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993): текст с изм. и доп. на 1 июля 2020. Ст. 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правовой культуры и гражданской ответственности, без чего невозможно полноценное участие гражданина в жизни общества.

Таким образом, культурная составляющая права на образование проявляется в его способности обеспечивать интеллектуальный и нравственный рост личности, формировать мировоззрение и создавать условия для приобщения к национальным и общечеловеческим культурным ценностям. Эта функция неотделима от самой сути образования как социального института.

Однако, на наш взгляд, право на образование носит комплексный характер и не может быть однозначно отнесено только к одной группе прав, поскольку сочетает в себе как социально-экономические, так и культурные элементы. Конституционное закрепление права на образование отражает его многоаспектность: оно одновременно служит инструментом социальной справедливости и экономического прогресса, а также основой для духовного и культурного развития личности.

Таким образом, реализация права на образование требует от государства системного подхода, сочетающего меры по созданию доступной и качественной образовательной инфраструктуры с формированием условий для всестороннего развития человека, его гражданской идентичности и нравственных ориентиров. Только такой подход способен обеспечить гармоничное развитие личности и общества, поскольку образование выступает фундаментальным условием реализации всего спектра прав и свобод человека в современном государстве.

Научная статья
УДК 342.72/.73

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН: ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Елизавета Олеговна НЕСКОРОМНАЯ[1], Валерия Алексеевна ТИТОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] liza.nesk@yandex.ru
[2] valeria7a@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Анализируется его правовой статус и законодательное регулирование. Проводится аналитика эффективности механизмов защиты конституционных прав и свобод граждан на основе ежегодного доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год и приводятся выводы о проблемах рассматриваемого института и перспективах повышения его результативности.

Ключевые слова: конституционные права и свободы граждан, Уполномоченный по правам человека, права человека, омбудсмен.

В современном правовом государстве защита прав и свобод человека и гражданина является высшей ценностью. В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Высокий уровень правовой защищенности требует наличия специализированных институтов, способных оказать помощь там, где формальные процедуры бессильны. В России такую роль выполняет Уполномоченный по правам человека (далее — Уполномоченный, омбудсмен). И в соответствии с действующим законодательством институт уполномоченных состоит из двух уровней: Уполномоченного по правам человека в РФ и его рабочего

аппарата на федеральном уровне и уполномоченных по правам человека в субъектах РФ с их аппаратами[1].

Правовое положение Уполномоченного закреплено, в первую очередь, в Конституции РФ, в ст. 103, где в пункте «е» указано, что к полномочиям Государственной Думы относится: «назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом», а также в Федеральном конституционном законе от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[2] (далее — ФКЗ № 1), который утвердил его компетенцию специального института обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан. Особенный статус Уполномоченного характеризуется независимостью, неподотчетностью и неподконтрольностью каким-либо органам или должностным лицам. Как отмечает Уполномоченный по правам человека в РФ, Татьяна Москалькова[3], именно благодаря такому правовому статусу омбудсмен способен ставить перед компетентными органами вопросы по отмене или пересмотру решений в отношении конкретного человека или группы лиц, если он пришел к выводу об их незаконности и несправедливости, а также высказывать свою позицию по поводу системных вопросов, касающихся ситуации с правами человека. Региональный уровень данного института государственной защиты прав человека представлен 89 уполномоченными по правам человека в субъектах РФ. Свое правовое регулирование он нашел в Федеральном законе от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»[4] (далее – ФЗ № 48), а также в соответствующих законах субъектов РФ. На международной арене правовой статус уполномоченных по правам человека установлен принципами, касающимися статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека[5], которые были утверждены Генеральной Ассамблеей ООН в 1991 г.

---

[1]Чечельницкий И. В. Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях [Электронный ресурс] // Lex Russica. 2025. № 3 (220). С. 67. URL: https://clck.ru/3SYnkG (дата обращения: 09.03.2026).

[2]Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: https://clck.ru/3SYnYr (дата обращения: 07.03.2026).

[3]Москалькова Т. Н. Институт Уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 4 (80). С. 24. URL: https://clck.ru/3SYniu (дата обращения: 09.03.2026).

[4]Федеральный закон от 18.03.2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: https://clck.ru/3SYndd (дата обращения: 09.03.2026).

[5]Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы) (утв. Резолюцией от 20.12.1993 48/134 Генеральной Ассамблеи) [Электронный ресурс] // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 48-я сессия. Дополнение № 49 (A/48/49). С. 369—370. URL: https://clck.ru/3SYnf6 (дата обращения: 08.03.2026).

В юридической науке существует широкая палитра взглядов на понятие института Уполномоченного и раскрытие механизмов его функционирования. Важно пояснить, что вопрос о содержании и границах полномочий омбудсмена является центральным для понимания его роли в современном обществе. От того, насколько широки его права по доступу к информации, проведению проверок, обращению в судебные инстанции и внесению законодательных инициатив, напрямую зависит эффективность защиты конституционных прав граждан. Единых критериев оценки эффективности работы Уполномоченного в РФ нет, но каждый год у граждан имеется возможность ознакомиться с докладами омбудсмена, которые публикуются в открытом доступе. Основными показателями в них являются количество рассмотренных жалоб и восстановления прав заявителя[1].

На сегодняшний день можно выделить основные механизмы, с помощью которых Уполномоченный решает наиболее важные вопросы, затрагивающие права и свободы граждан. Такими механизмами являются: рассмотрение жалоб и обращений о нарушениях прав и свобод человека и гражданина, принятие мер по их восстановлению, анализ законодательства РФ в области прав человека и гражданина, подготовка рекомендаций по его совершенствованию и приведению в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека, формам и методам их защиты, направление в Государственную Думу РФ специальных докладов по отдельным вопросам соблюдения прав и свобод граждан в Российской Федерации, обращение в Госдуму с предложениями о создании парламентских комиссий по расследованию фактов нарушения прав и свобод граждан и о проведении парламентских слушаний, участие в работе указанных комиссий и проводимых слушаниях; обращение в суды общей юрисдикции и в Конституционный Суд РФ для защиты прав и свобод граждан[2].

Особенно стоит обратить внимание на возможности Уполномоченного по совершенствованию российского законодательства. Более того, начиная с 2005 года, в отчетах официального представителя по правам человека появляется постоянный раздел, посвященный улучшению законодательства в области прав и свобод[3]. Тем не менее, Уполномоченный по правам человека в РФ не относится к субъектам законодательной инициативы, что является значимым недостатком. Региональный сегмент омбудсмена в этом

[1]Конопляникова М. В. Проблемы и перспективы развития института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Право и управление. 2024. № 5. С. 36. – URL: https://clck.ru/3SYniR (дата обращения: 09.03.2026).

[2]Грунистая О. С. Институт уполномоченного по правам человека в РФ: проблемы и пути решения [Электронный ресурс] // Экономика и социум. 2014. № 3—4 (12). С. 21. URL: https://clck.ru/3SYnhk (дата обращения: 10.03.2026).

[3]Конопляникова М. В. Проблемы и перспективы развития института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Право и управление. 2024. № 5. С. 36. – URL: https://clck.ru/3SYniR (дата обращения: 09.03.2026).

смысле более рационально оценивает законодательный потенциал данного особого института. Так, в ч. 2 ст. 13 ФЗ № 48 закреплено, что конституцией (уставом) субъекта уполномоченным может быть предоставлено право законодательной инициативы. Данное право, на сегодняшний день, реализовано, в частности, в Ингушетии и Татарстане, Московской, Пермской и Самарской областях, в городе Санкт-Петербурге[1].

Для оценки эффективности механизмов института Уполномоченного необходимо провести анализ ежегодного доклада омбудсмена за 2025 год, представленного Татьяной Москальковой в Госдуме 28 января 2026 года (далее — доклад)[2], который позволяет выделить ключевые тенденции и актуальные проблемы в сфере защиты прав и свобод граждан.

Во-первых, данный доклад продемонстрировал влияние специальной военной операции (далее — СВО) на структуру и содержание работы по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина. Всего за 2025 год Аппаратом Уполномоченного было получено 128 тыс. обращений, из них 72 тыс. — по теме СВО. Татьяна Москалькова разделила эту группу обращений на блоки: возвращение военнопленных и оказание им помощи в период пребывания на Украине, поиск без вести пропавших, выполнение социальных обязательств перед участниками СВО и их семьями, соблюдение условий воинской службы, возвращение захваченных жителей Курской области, воссоединение семей, разделенных из-за закрытия границы между РФ и Украиной, вызволение в Россию лиц, подвергнутых на Украине репрессиям за пророссийские интересы, решение вопросов людей, эвакуированных из Украины или перемещенных из приграничных районов[3].

Во-вторых, доклад акцентирует внимание на сохранении и углублении традиционных социально-экономических вызовов. Как отмечает Татьяна Москалькова[4], в социально-экономической сфере людей волнует высокая плата за жилье и коммунальные услуги, расселение из аварийных домов, длительные сроки решения вопросов предоставления жилья детям-сиротам, инвалидам, многодетным семьям, доступность и качество медицинской помощи, дороговизна лекарственных средств, качество медико-социальной экспертизы, правильность и своевременность начисления пенсий, задержки заработной платы. Таким образом, нарастающая актуальность социально-экономических вызовов, от проблем ЖКХ до вопросов лекарственного обеспечения и пенсионных выплат, требует от института Уполномоченного по правам человека постоянной трансформации: в условиях меняющейся

[1]Кулишенко Е. А. Законотворческая функция Уполномоченного по правам человека в России [Электронный ресурс] // Социально-политические науки. 2021. № 3. С. 13—18. - URL: https://clck.ru/3ShEMT (дата обращения: 21.03.2026).

[2]Татьяна Москалькова представила доклад о работе Уполномоченного по правам человека за 2025 год [Электронный ресурс] // Государственная Дума: официальный сайт. – URL: https://clck.ru/3Sj8mA (дата обращения: 02.03.2026).

[3]Там же.

[4]Там же.

среды механизмы защиты прав граждан должны становиться более гибкими и результативными. Эффективность работы омбудсмена сегодня напрямую зависит от сочетания рассмотрения жалоб с глубоким анализом законодательства и активным взаимодействием с законодательной и судебной властью. Реализация полномочий по инициированию парламентских расследований и подготовке специальных докладов позволяет не просто устранять единичные нарушения, но и системно влиять на государственную политику, обеспечивая реальную защиту социально-экономических прав наиболее уязвимых слоев населения. Особое значение в современных условиях приобретает цифровизация деятельности омбудсмена. Внедрение электронных приемных и систем дистанционного мониторинга нарушений позволяет сократить дистанцию между гражданином и государством, обеспечивая мгновенную реакцию на системные сбои.

Итак, хотелось бы заключить, что такой институт государственной защиты прав граждан, как Уполномоченный по правам человека, использует результативные на сегодняшний день механизмы и способен к трансформации для более эффективного осуществления своей деятельности. Одним из вариантов совершенствования данного института можно предложить наделение омбудсмена правом законодательной инициативы на федеральном уровне.

Научная статья
УДК 342

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ РФ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ

Артем Владимирович НИКИФОРОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
prostopro.2013@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» на предмет наличия у органов прокуратуры полномочий по надзору за деятельностью избирательных комиссий. Автор приходит к выводу, что действующая редакция закона

прямо не закрепляет за прокуратурой такой возможности, что создаёт нормативный пробел. Рассматривается доктринальные позиции об относимости избирательных комиссий к объектам прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, избирательные комиссии, объекты прокурорского надзора, полномочия прокуратуры, избирательный процесс

Системообразующим актом структуры нормативных правовых актов, регулирующих порядок организации и проведения выборов, выступает Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[1] (далее — Закон об основных гарантиях).

В ст. 20 Закона об основных гарантиях законодатель изложил полномочия избирательных комиссий. В частности, на избирательные комиссии возложены функции по организации и проведению выборов, а также обязанности в части реализации и защиты избирательных прав.

В структуру избирательных комиссий Российской Федерации входят: центральная избирательная комиссия Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, окружные избирательные комиссии, территориальные (районные, городские и другие) комиссии, участковые комиссии.

Стоит отметить, что ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации[2] и ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[3] выделяют только три элемента публичной власти в Российской Федерации: органы государственной власти, иные государственные органы и органы местного самоуправления.

В силу п. 7 ст. 3, п. 12 ст. 20, п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 23 Закона об основных гарантиях избирательные комиссии не входят в структуру органов государственной власти и местного самоуправления и независимы в пределах своей компетенции.

В соответствии с п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 26 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[4] (далее — ФЗ «О прокуратуре РФ») прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за следующими органами власти: органами государственной власти,

---

[1]Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (текст с изм. и доп. от 29.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 131 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ. ст. 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

федеральными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и другими органами. Избирательные комиссии не отражены в указанных правовых нормах ни посредством прямого изложения в качестве объектов прокурорского надзора, ни путем косвенного указания в качестве одного из органов, в отношении которых осуществляется прокурорский надзор.

Таким образом, избирательные комиссии не включены в объекты прокурорского надзора в соответствии в ФЗ «О прокуратуре РФ». Вместе с тем, отнесение избирательных комиссий к объекту прокурорского надзора является дискуссионной проблемой, в связи с чем мнения научного сообщества по данному вопросу разделились.

Согласно позиции Степанова И. Н.[1], Байдиной О. Ю.[2] отсутствие возможности осуществлять прямой надзор за избирательными комиссиями ведёт к снижению результативности прокурорского надзора за соблюдением избирательных прав граждан, а также осложняет выявление нарушений, устранение причин их порождающих и привлечение виновных к ответственности. Ввиду данного обстоятельства, Байдина О. Ю. подчеркивает актуальность взаимодействия органов прокуратуры с избирательными комиссиями.

Также существует позиция о том, что избирательные комиссии входят в предмет прокурорского надзора. Так, Скачкова А. Е.[3] аргументирует данный подход, в частности, тем, что в основе деятельности избирательных комиссий лежит контрольная функция ввиду наличия у избирательных комиссия полномочий по проведению проверочных мероприятий, принятию решений о возбуждение дел об административных правонарушениях. Данная позиция представляется спорной.

Действительно, в ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ» содержится указание на осуществление органами прокуратуры надзора в отношении органов контроля. Тем не менее, в силу положения п.1 ст. 26 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», к органам контроля относятся федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также в случаях, предусмотренных федеральными законами, государственные корпорации, публично-правовые компании.

Таким образом, правовой статус избирательных комиссии ни прямо, ни косвенно не отображен в определении органов контроля и, следовательно,

---

[1]Степанов И. Н. Прокурорский надзор за деятельностью избирательных комиссий // Российский следователь. 2007. № 16. С. 36—38.

[2]Байдина О. Ю. Взаимодействие прокуратуры и избирательных комиссий // Законность. 2015. № 2 (964). С. 16—19.

[3]Прокурорский надзор за соблюдением законодательства о выборах: учебное пособие / А. Е. Скачкова. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. С. 156.

избирательные комиссии в соответствии с законодательством Российской Федерации, органами контроля не являются.

Согласно приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»[1] прокурорам необходимо акцентировать внимание на защите закрепленных в Конституции Российской Федерации избирательных прав.

В период проведения избирательных кампаний повышенное внимание уделять вопросам соблюдения законодательства о выборах и о проведении публичных мероприятий, обеспечить должное взаимодействие с избирательными комиссиями и правоохранительными органами.[2]

Видится, что осуществление прокурорского надзора за соблюдением законодательства о выборах невозможно в случае отсутствия полномочий по надзору за избирательными комиссиями и их деятельностью, поскольку именно они обладают основным массивом полномочий, связанным с организацией и проведением выборов на территории РФ.

Согласно ч. 18 ст. 29 Закона об основных гарантиях, член комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации.

Ввиду данного положения возникает закономерный вопрос о том, как прокурор, выступая гарантом законности, может санкционировать привлечение к административной ответственности члена избирательной комиссии, если у него отсутствуют правовые полномочия для проведения полной проверки деятельности избирательных комиссий и вынесения законного и обоснованного решения.

Одним из актов прокурорского реагирования в теории прокурорского надзора, является исковое заявление. Согласно ч. 6 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства РФ[3] (далее — КАС РФ), прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлениям в порядке ч. 1 ст. 39 КАС РФ, главы 24 КАС РФ, в защиту избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. В частности, в порядке ч. 1 ст. 239 КАС прокурор праве оспаривать в суде решения, действия (бездействие) избирательной комиссии, комиссии референдума, должностного лица, нарушающие избирательные права граждан или их право на участие в референдуме.

Ввиду отсутствия законодательно определённых надзорных полномочий в отношении избирательных комиссий, видится проблемным

---

[1]Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : Приказ Генерального Прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 (текст с изм. и доп. от 10.09.2024). п. 7 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Там же. П. 7.1.

[3]Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации" от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

участие прокурора в качестве административного истца по данным категориям дел из-за отсутствия реальной возможности сбора необходимых документов, составляющих доказательственную базу, посредством проведения надзорных мероприятий.

Кроме того, невключение избирательных комиссий в объекты прокурорского надзора создает правовую коллизию, ввиду того что административное исковое заявление является актом прокурорского реагирования, но вместе с тем прокурор имеет право подачи такого заявления в соответствии со ст. 239 КАС. Складывается ситуация, при которой прокурор не имеет права осуществления надзорных функций в отношении избирательных комиссий, но при этом имеет возможность подачи искового заявления, подразумевающий результат надзорной деятельности прокурора.

Видится, указанные правовые коллизии напрямую отражаются на защите избирательных прав граждан Российской Федерации.

Таким образом, невключение избирательных комиссий в объекты прокурорского надзора значительно усложняет защиту прав и законных интересов граждан в сфере избирательных прав, затрудняет деятельность органов прокуратуры, связанную с выявлением, устранением нарушений, а также восстановлением нарушенных прав и привлечением виновных лиц к ответственности.

В ситуации, когда избирательные комиссии не входят ни в одну из ветвей власти, возникает правовая коллизия, когда на прокуратуру возлагается надзор за соблюдением законодательства о выборах, но, вместе с тем, органы, осуществляющие деятельность, связанную с реализацией избирательных прав граждан, в объекты прокурорского надзора не включены.

На наш взгляд, в целях устранения пробела в федеральном законодательстве и разрешения дискуссии об отнесении избирательных комиссий к объектам прокурорского надзора, стоит внести изменения в п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 26 ФЗ «О прокуратуре РФ» и включить в перечень объектов прокурорского надзора избирательные комиссии.

Таким образом будет устранен пробел в осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов Российской Федерации избирательными комиссиями, что поставит точку в правовой неопределённости, повысит эффективность прокурорского надзора в данной сфере, законодательно позволит проводить надзорные мероприятия, в том числе для подготовки административных исковых заявлений.

Научная статья
УДК 342.9

ПРОБЛЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ПУБЛИЧНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПРОБЕЛЫ В КАС РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Екатерина Сергеевна РЕУТОВА
Оренбургский институт (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е.Кутафина (МГЮА)», Оренбург, Россия
katyareutova.2004@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е.Кутафина (МГЮА)», кандидат юридических наук, доцент **Елена Сергеевна МИХАЙЛОВА**, oESMikhajlova@msal.ru

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблема процессуального правопреемства при передаче публично-властных полномочий от одного публично-правового образования другому или между их органами. Автор проводит анализ положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), регулирующих вопросы замены стороны в административном деле в порядке процессуального правопреемства (ст. 44 КАС РФ).

Установлено, что действующие нормы носят общий характер и не учитывают специфику отношений, возникающих в связи с реорганизацией органов публичной власти, изменением их компетенции или делегированием полномочий в рамках административных реформ. Выявлены правовые пробелы, приводящие к неопределенности в вопросах о моменте, условиях и порядке вступления правопреемника в процесс, о судьбе уже совершенных процессуальных действий, а также о гарантиях прав другой стороны по делу.

В работе предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства. Автор обосновывает необходимость закрепления в КАС РФ специальных оснований и процедуры процессуального правопреемства, инициируемых передачей публичных полномочий, с определением роли суда, критериев допустимости правопреемства и механизмов защиты интересов всех участников судопроизводства.

Ключевые слова: процессуальное правопреемство, административное судопроизводство, Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ), публичные полномочия, передача полномочий, публично-правовые образования, органы государственной власти, правовые пробелы, правоприменительная практика, совершенствование законодательства

Конституционный суд Российской Федерации в своем Постановлении от 24.12.2025 № 49-П признал часть 1 статьи 44 Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ не соответствующей Конституции РФ в той части, где она допускает возможность процессуального правопреемства при изменении принадлежности публичных полномочий без должной правовой определенности[1]. Данное решение высветило существенную проблему в административном судебном процессе, заключающуюся в формальном подходе к замене стороны в деле, когда публичные полномочия переходят от одного органа (или организации) к другому.

Ключевая проблема заключается не только в процедурной неопределенности, но и в содержательном дисбалансе. Суды, применяя нормы о правопреемстве, часто ограничиваются проверкой формального акта передачи полномочий (например, закона субъекта РФ, распоряжения Правительства), не учитывая практическую способность правопреемника реально исполнить судебный акт. Наиболее яркий пример — передача полномочий в сфере социального обеспечения или предоставления бюджетных услуг.

Правопреемник может получить обязанность исполнить решение суда о выплате средств или предоставлении услуги, но не обладать для этого необходимым бюджетным финансированием, материальными ресурсами или организационной структурой. Это создает ситуацию, где судебное решение, будучи формально обращенным к новой стороне, фактически не может быть исполнено, что подрывает авторитет судебной власти и нарушает права административного истца.

Таким образом, пробел в законодательстве носит двоякий характер. Первый — это отсутствие четких критериев для определения того, когда процессуальное правопреемство является допустимым и обязательным в публично-правовых отношениях. Второй, и более существенный — это игнорирование материально-правовых условий для исполнения судебного акта после правопреемства. Норма статьи 44 КАС РФ, сфокусированная на непрерывности процесса, не содержит механизма оценки «исполнительной состоятельности» правопреемника, превращая правопреемство в

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2025 № 49-П (ред. от 25.12.2025). URL: https://www.law.ru/npd/doc/docid/1315187948/modid/96 (дата обращения: 24.03.2026).

механическую замену ответчика без гарантий реализации прав гражданина или организации [1].

В качестве реакции на выявленную проблему Министерством юстиции РФ был разработан проект федерального закона о внесении изменений в статьи 44 и 363 КАС РФ[2]. Анализ данного проекта позволяет оценить его потенциальную эффективность в устранении указанных пробелов.

Проект предлагает уточнение части 1 статьи 44 КАС РФ, предполагая, что правопреемство в случае передачи публичных полномочий должно осуществляться на основании не только формального акта о передаче, но и с учетом того, что правопреемник наделен необходимыми материальными и финансовыми ресурсами для исполнения соответствующего судебного акта. Кроме того, в статью 363 КАС РФ (исполнительный лист) предлагается внести дополнение, позволяющее взыскателю в случае невозможности исполнения судебного акта новым публичным образованием обратиться с требованием к первоначальному ответчику, если передача полномочий была осуществлена без обеспечения ресурсов для исполнения [3].

В таблице 1 отразим положительные и отрицательные стороны данного проекта.

Таблица 1. Оценка достаточности проекта

Положительные аспекты	**Риски и возможная недостаточность**
1. Прямое реагирование на правовую позицию КС РФ. Проект вносит именно те изменения, на которые указывал суд.	1. Расплывчатость критерия «реальной возможности». Суды могут столкнуться с трудностями доказывания. Потребуется разъяснение Пленума ВС РФ о том, какие документы (бюджет, сметы, акты передачи) и в каких случаях подтверждают/опровергают эту возможность.
2. Создание защитного механизма для административного истца. Суд получает инструмент для предотвращения «симуляции» правопреемства.	2. Пассивная роль суда. Проект, как правило, предполагает оценку доказательств, представленных сторонами. Не закрепляется обязанность суда по своей инициативе проверять финансовую обеспеченность правопреемника по делам определенных категорий.
3. Системное решение через связку ст. 44 и ст. 363. Устранение пробела на стадии рассмотрения и на стадии исполнения.	3. Сложность исполнения против первоначального должника (ст. 363). Механизм может оказаться громоздким, если с момента передачи полномочий прошло много времени, изменилась структура органов, утрачены документы.

[1]Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[2]Проект Минюста России «О процессуальном правопреемстве при передаче публичных полномочий государственного органа». URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/51119/ (дата обращения: 24.03.2026).

[3]Севрюгин В. Е. Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 1. С. 109.

4. Стимулирование ответственного перераспределения полномочий. Публичные образования будут обязаны передавать полномочия с соответствующими ресурсами.	4. Не решает смежные проблемы. Проект не затрагивает вопросы, например, правопреемства в случае реорганизации юридического лица, выполняющего публичные функции по делегации (госзадание, концессия).

По нашему мнению, предложенные поправки, безусловно, являются позитивным шагом, направленным на материализацию процедуры правопреемства. Они вносят в закон важный критерий «ресурсного обеспечения», который суд должен учитывать при разрешении вопроса о замене стороны. Однако проект не предлагает детальной процедуры такой оценки. Как суд должен устанавливать наличие или отсутствие необходимых ресурсов? Должен ли он требовать от правопреемника предоставления бюджетных выписок, финансовых планов? Будет ли это предварительное судебное исследование или оценка по формальным документам? Отсутствие процессуальных деталей может привести к тому, что новый критерий останется декларативным и сложным для практического применения.

Более существенным является предложение по статье 363 КАС РФ, создающее механизм «возвратной ответственности» первоначального ответчика. Этот механизм обладает значительным потенциалом для защиты прав взыскателя, поскольку создает дополнительную гарантию. Однако он порождает новые вопросы. Не приведет ли это к тому, что передача публичных полномочий будет всегда сопровождаться судебными спорами о «обеспеченности ресурсами»? Как будет определяться временной период такой ответственности первоначального органа? Не создаст ли это препятствий для реорганизации системы публичного управления, поскольку органы будут опасаться сохраняющейся ответственности?

Таким образом, проект Минюста РФ правильно идентифицирует цель — связать процессуальное правопреемство с материальной возможностью исполнения. Однако предлагаемые пути, вероятно, недостаточны для комплексного решения проблемы. Для эффективного устранения пробелов требуется более глубокая ревизия норм о процессуальном правопреемстве в публичных спорах. Возможно, необходимо выделение специальной процедуры, включающей:

обязательное представление суду доказательств, подтверждающих передачу не только полномочий, но и соответствующих финансовых, материальных средств на их реализацию, включая исполнение существующих судебных обязательств;

право суда при отсутствии таких доказательств отказывать в процессуальном правопреемстве и сохранять обязанность исполнения за первоначальным ответчиком;

четкие критерии и пределы субсидиарной ответственности первоначального публичного образования, исключающие неопределенность и бесконечность обязательств.

Только такой системный подход, детализирующий не только критерии, но и процедуру их применения, сможет обеспечить баланс между непрерывностью административного процесса, эффективностью публичного управления и реальной защитой прав граждан и организаций в административных спорах. Предложенный проект законопроекта служит важной отправной точкой, но требует дальнейшего развития и конкретизации для полноценного устранения пробелов, выявленных Конституционным судом РФ.

Научная статья
УДК 342

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Юлия Алексеевна СМИРНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
yulias200303@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируются вопросы правового статуса прокурора в административном судопроизводстве при рассмотрении административных дел, связанных с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних. Сравниваются точки зрения представителей науки административного судопроизводства относительно особенностей правового статуса прокурора, сформулированы правоприменительные проблемы, с которыми сталкивается прокурор при подаче административного искового заявления и при вступлении в процесс для дачи заключения по делу.

Ключевые слова: правовой статус прокурора, административный истец, заключение прокурора по делу, защита прав несовершеннолетних, административное судопроизводство

Анализируя место и роль прокурора в рассмотрении судами административных дел, так или иначе затрагивающих права и законные интересы несовершеннолетних, следует начать с правовой основы, регулирующей указанную функцию органов прокуратуры.

Статья 35 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 года № 2202-1[1] в какой-то степени конкретизирует порядок участия прокурора в рассмотрении дел судами, отсылая к отраслевому процессуальному законодательству и затрагивая формы участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах.

Первоначально статья 37 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[2] (далее — КАС РФ) определяет прокурора в качестве лица, участвующего в деле, наделяя его соответствующими правами и обязанностями. Статья 39 КАС РФ является специальной по отношению к 37 и раскрывает сущность двух форм, в которых прокурор может участвовать при рассмотрении административных дел. Из буквального толкования текста статьи следует, что прокурор участвует в рассмотрении дел судами путём подачи административного искового заявления (ч. 1ст. 39 КАС РФ) и путём вступления в процесс для дачи заключения по делу (ч. 7 ст. 39 КАС РФ). Гуреева О.А. и Булгакова Л.С. выделяют такую форму участия как «вступление в процесс в качестве административного ответчика как носителя публичных полномочий»[3], однако в рамках исследования участия прокурора в сфере защиты прав несовершеннолетних в административном судопроизводстве она не будет рассмотрена.

Зеленская Л.А. и Витохина Д.М., анализируя нормы законодательства относительно прокурора как участника административного производства, выделяют две группы дел: дела, по которым прокурор наделен правом подачи административного искового заявления в защиту интересов лица, которое и будет в процессе административным истцом; дела, по которым сам прокурор является административным истцом (не отрицая при этом, что прокурор — не субъект спорного правоотношения)[4].

Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. отмечают, что в науке административного судопроизводства на данный момент фигурируют следующие точки зрения: прокурор как полноправный истец, сторона по делу; прокурор — процессуальный истец; прокурор — не сторона по делу, а представитель

---

[1]Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" от 17 января 1992 года № 2202-1 (с изм. и доп. на 29 декабря 2025 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ (с изм. и доп. на 31 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3]Гуреева, О. А. Участие прокурора в административном судопроизводстве: учебное пособие / О. А. Гуреева, Л. С. Булгакова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования "Университет прокуратуры Российской Федерации", 2022. С.18.

[4]Зеленская Л. А., Витохина Д. М. Прокурор как лицо, участвующее в деле в административном судопроизводстве / Л. А. Зеленская, Д. М. Витохина // Вестник КРУ МВД России. 2015. № 4. С. 233.

государства в процессе, от имени которого осуществляет надзор за законностью; прокурор — «юридический атавизм[1]».

Гуреева О.А. приходит к выводу, что не следует пытаться подменить понятие прокурора, а обозначить процессуальный статус прокурора в собственном смысле этого слова. Необходимо иметь в виду, что прокурор в административном судопроизводстве — лицо не столько должностное, сколько процессуальное[2].

На основе приведённых точек зрения рассмотрим два противоположных друг другу тезиса относительно правового статуса прокурора в административном процессе. Первый сводится к закреплению за прокурором статуса административного истца в полном смысле этого слова, второй предполагает участие прокурора в процессе в качестве особого участника.

Так, первое утверждение нельзя считать состоятельным по нескольким причинам. Во-первых, закрепление положений законодательства относительно участия прокурора в административном деле в отдельной статье КАС РФ, предусматривающей для прокурора особые основания для вступления в процесс и ограничения в процессуальных правах, уже говорит о его особом статусе.

Во-вторых, основания для подачи прокурором административного искового заявления также свидетельствуют об особенности статуса и не позволяют прокурору подавать такие заявления произвольно по каждому делу. Кроме того, следует присоединиться к точке зрения исследователей, заключающих, что личный интерес в рамках отдельного производства у прокурора отсутствует. Представляется существенным упущением отождествлять заинтересованность в исходе дела у прокурора, подающего административное исковое заявление в интересах государства, общества, неопределённого круга лиц или гражданина, и гражданина, подающего такое заявление.

Главная цель прокурора, участвующего в рассмотрении дел судами, состоит в обеспечении законности и защите публичного интереса, восстановлении прав отдельно взятого гражданина, неопределённого круга лиц или всего общества в целом. В этой же связи следует отметить, что не вполне целесообразно разделять прокурора как истца и прокурора как истца, подающего административное исковое заявление в интересах гражданина. В данном случае следует говорить о подтипах одной формы участия прокурора в процессе, и правовой статус в данном случае не меняется. При этом следует вести речь о наличии определённых ограничений на подачу прокурором иска в интересах гражданина.

---

[1]Зеленцов А. Б. Судебное административное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Москва, Статут, 2017. С.310.

[2]Гуреева О. А. Проблемы определения правового статуса прокурора в административном судопроизводстве / О. А. Гуреева // КриминалистЪ. 2020. №1 (30). С.41.

В соответствии с частью 1 статьи 39 КАС РФ административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. И если подача административного искового заявления в интересах неопределённого круга лиц и государства не вызывает множества дискуссий, то подача заявления в интересах гражданина порождает некоторые вопросы исследователей.

Например, Афанасьева Т.И., присоединяясь к мнению Гречкиной О. В., отмечает справедливость критических заключений исследователей относительно ограничивающего прокурора права обратиться с административным исковым заявлением в защиту прав и законных интересов гражданина лишь при условии наличия уважительных причин, делающих самостоятельную защиту гражданином своих прав невозможной[1].

Действительно, если рассматривать субъектный состав участников административного судопроизводства, нельзя не сказать о неравенстве этих субъектов, о наличии у одного из них властно-распорядительных полномочий, из-за чего о балансе прав и возможностей двух сторон речи не идёт. Вместе с тем, допустить практику того, что прокурор подаёт административное исковое заявление в суд в интересах каждого гражданина, обратившегося в прокуратуру, нельзя.

Таким образом, в современных реалиях стоит рассмотреть вопрос о выделении ряда ситуаций, в которых прокурор сможет обращаться в суд в интересах гражданина вне зависимости от существующих ныне оснований.

Неоднозначно в юридической литературе и отношение к такой форме участия прокурора как вступление в процесс для дачи заключения.

Так, как уже говорилось выше, одна из точек зрения исследователей сводится к тому, что прокурор в процессе не что иное, как «юридический атавизм». Например, Плотников С. И., Эпп И. В.[2] приводят точку зрения Васьковского Е. В., который указывал, что заключение прокурора превратилось "в пустую формальность, тягостную для прокуроров, ненужную для суда, смешную в глазах публики[3]».

В рамках написания работы проведён опрос слушателей факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-петербургского юридического института (филиала) Университета

[1]Афанасьева Т. И. О некоторых проблемах правового обеспечения участия прокурора в административном судопроизводстве / Т. И. Афанасьева // Российский судья. 2021. № 8. С. 44

[2]Плотников С. И., Эпп, И. В. Участие прокурора в гражданском и административном судопроизводстве с правовых позиций европейского суда по правам человека / С. И.Плотников, И. В. Эпп // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 5. С.37.

[3]Васьковский Е. В. Недостатки Устава гражданского судопроизводства (Продолжение) / Е. В. Васьковский // Журнал юридического общества. 1895Кн. 1. Январь. С. 29.

прокуратуры Российской Федерации, специализирующихся на участии в рассмотрении дел судами в рамках гражданского и административного судопроизводства. На вопрос: «Принимают ли суды во внимание заключения прокурора по видам производств, касающихся защиты прав несовершеннолетних?» почти 97 % опрошенных отвечают положительно. На вопрос: «В какой форме и каком производстве из предложенных прокурор участвует чаще всего?» 40,6 % опрошенных либо указывают в качестве такового дачу заключения по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в ЦВСНП органа внутренних дел, либо отмечают, что ответить однозначно не представляется возможным. Также 15,6 % участников выделяют дачу заключения по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в СУВУЗТ; 12,5 % отметили, что прокурор участвует по указанным категориям дел равнозначно; 6,3 % указали подачу административного искового заявления о помещении несовершеннолетнего в учебное учреждение закрытого типа; 3,1 % проголосовали за варианты «дача заключения по административным делам о защите интересов несовершеннолетнего в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни», «подача административного искового заявления о досрочном прекращении пребывания несовершеннолетнего в учебном учреждении закрытого типа или о переводе несовершеннолетнего в другое учебное учреждение закрытого типа» и «подача административного искового заявления о досрочном прекращении пребывания несовершеннолетнего в учебном учреждении закрытого типа или о переводе несовершеннолетнего в другое учебное учреждение закрытого типа».

Ввиду этого отметим, что в современных правовых реалиях вступление прокурора в процесс для дачи заключения по делу является вполне обоснованным. В данном случае важно не допустить формального отношения к подготовке таких заключений, а также отождествления двух профессиональных участников процесса — прокурора и судьи. Судья является независимым участником процесса; во исполнение этого положения законодательства заключение прокурора не является обязательным для судьи. При этом прокурор как лицо, осуществляющее надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов, является, в ряде случаев, лицом наиболее осведомлённым в том числе и в вопросах социально-бытового положения отдельных семей. Это позволяет прокурору при тщательном изучении материалов дела, оценке всех юридически значимых обстоятельств, дать законное и обоснованное заключение, а судье — вынести законное решение.

При этом считаем необходимым дополнить статью 39 КАС РФ перечнем видов производств, по которым прокурор вправе давать заключение, так как существующая редакция Кодекса предполагает

разрозненные положения об этом в отдельно взятых главах, что представляется не вполне верным. Кроме того, до настоящего момента не исключена практика, когда суд привлекает прокурора в процесс для дачи заключения по видам производств, в которых прокурор давать такое заключение не уполномочен.

Относительно правового статуса прокурора в административном судопроизводстве следует согласиться с мнением Винокурова А. Ю.: «законодатель немотивированно объединил в одном лице, то есть в прокуроре, административного истца и лицо, выступающее в интересах административного истца»[1].

В заключение дополним: прокурор является особым участником процесса, его статус не может быть отождествлён со статусом административного истца в полном объёме. Подача прокурором административного искового заявления обусловлена исполнением полномочий, которыми он наделён в силу закона, а также осуществлением функций прокуратуры для достижения целей деятельности надзорного органа.

Научная статья
УДК 342.41

ПРАВО НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Елизавета Юрьевна СТРЕЛЬНИКОВА
СЗФ ФГБОУВО «РГУП имени В. М. Лебедева», Россия
strelnikova7801@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин РГУП имени В. М. Лебедева, кандидат юридических наук **Наталья Васильевна ВАСИЛЬЕВА**

Аннотация: В работе автор рассматривает сущность конституционного права на обращение в суд как основного механизма защиты конституционных прав граждан. В статье затрагивается вопросы о правовой основе рассматриваемого права и его реализации в отраслевом законодательстве России, а также анализируется путь становления цифровизации права на обращение в суд в судах судебной системы

[1]Винокуров А. Ю. О некоторых вопросах участия прокурора в административном судопроизводстве /А. Ю. Винокуров // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 179.

Российской Федерации и дальнейшие перспективы развития права на обращение в суд в условиях цифровизации.

Ключевые слова: Конституция РФ, права человека, судебная защита, право на обращение в суд, цифровизация, правосудие

Отечественное законодательство предусматривает несколько форм защиты прав человека и гражданина. К их числу относятся внесудебный (административный), судебный и самозащита. Основным из способов защиты нарушенных прав является судебный порядок защиты. Одним из составных элементов права на судебную защиту является право на обращение в суд[1].

Основной закон Российской Федерации — Конституция РФ в числе основных прав и свобод человека и гражданина провозглашает в статье 46 право на обращение в суд. Данное конституционное предписание вытекает из нескольких положений Конституции РФ:

- провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью.
- установления признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина одной из обязанностей государства.
- провозглашения, что права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием[2].

Кроме того, право на обращение в суд тесно связано с принципом доступности правосудия, который хоть и прямо не закреплен в отечественном законодательстве, но активно изучается в теории права и применяется на практике. Сущность данного принципа заключается в том, что «всякое заинтересованное лицо вправе обратиться в порядке, предусмотренном законом, в суд за защитой прав и интересов и отстаивать их в судебном процессе»[3].

На международном уровне прототипом закрепления в отечественном законодательстве права на обращение в суд стали Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Вышеупомянутые документы провозглашают основные права и свободы каждого человека, а также закрепляют одним из механизмов их защиты возможность обращения в суд.

---

[1] Способы и формы защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц : учеб. пособие / Л. А. Зеленская, Т. Ю. Якимова. – Краснодар : КубГАУ, 2018. С. 34

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.

[3] Болдырева Н. Н. Принцип доступности правосудия в теории и практике гражданского и арбитражного процесса // Архивариус. 2016. № 4 (8). С. 110.

В правовой доктрине сущность права на обращение в суд трактуется неоднозначно. Одни авторы определяют его как «одностороннее волеизъявление лица на совершение действий без корреспондирующей обязанности суда»[1], другие — как «субъективное право, существующее вне процессуального правоотношения»[2], третьи — «как самостоятельное процессуальное право, не тождественное праву на предъявление иска и отличное по природе от права на судебную защиту»[3].

Право на обращение в суд следует рассматривать в контексте трех составляющих:

наличия у каждого возможности обратиться за судебной защитой в органы судебной системы;

наличия у сторон и иных лиц, участвующих в деле, широких процессуальных прав;

возложения на суд обязанности оказывать сторонам и иным лицам, участвующим в деле, содействия в осуществлении предоставленных им процессуальных прав.

Право на обращение в суд реализуется в Российской Федерации посредством подачи искового заявления либо жалобы в компетентный суд судебной системы, состоящей из Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции[4].

В различных кодифицированных процессуальных нормативно-правовых актах закрепляется формулировка права на обращение в суд. Например, в ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ закреплено, что «заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов»[5]. В ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ закреплено, что «заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов … в порядке, установленном настоящим Кодексом»[6]. В ст. 4 Кодекса административного судопроизводства закреплено, что «каждому

---

[1] Конституционное право на судебную защиту : (Гражд.-процессуал. аспект) / Е. Г. Пушкар. - Львов : Вища школа : Изд-во при Львов. ун-те, 1982. С. 63.

[2] Советский гражданский процесс [Текст] : [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / [Д-р юрид. наук, проф. М. А. Гурвич, М. С. Шакарян, канд. юрид. наук, доц. В. Ф. Тараненко и др.] ; Под ред. д-ра юрид. наук проф. М. А. Гурвича. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Высш. школа, 1975. С. 109.

[3] Курс советского гражданского процессуального права: в 2-х томах. Т. 2: Судопроизводство по гражданским делам / [Мельников А. А., Богуславский М. М., Гукасян Р. Е. и др.]. 1981. С. 145.

[4] Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст.1; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8276.

[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532; 2025. № 51. Ст. 8004.

[6] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2025. № 51. Ст. 8004.

заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность, а также право на обращение в суд в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами»[1]. Анализ закрепленных в отечественное законодательстве формулировок относительно права на обращение в суд позволяет сформулировать общее авторское понятие: право на обращение в суд — это установленная конституцией РФ и иными законами возможность заинтересованного лица, право (охраняемый законом интерес) которого нарушено или оспорено, обратиться в органы судебной власти для возбуждения производства.

Характерной особенность права на обращение в суд является его абсолютность, т.е. невозможность как-либо ограничить данное право. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что нельзя рассматривать как ограничение права на обращение в суд возвращение заявления, отказ в принятии заявления в связи с нарушение требований закона. Вместе с тем как отмечает Конституционный суд РФ в одном из своих постановлений, проведенная в 2025 году реформа, предусматривающая значительное увеличение размера государственных пошлины, подлежащих уплате при обращении в суд, не может рассматриваться как ограничение права на обращение в суд за защитой прав и законных интересов[2].

Последние два десятилетия характеризуются для отечественного правосудия стремительным ростом введения цифровых технологий, переходом на электронный документооборот и автоматизацией судопроизводства. Система электронного правосудия была внедрена в гражданское судопроизводство на основании Федерального закона от 22 декабря 2008 года №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Двумя годами позднее был запущен электронный сервис «Картотека арбитражных дел». В настоящий момент обратиться в суд можно не только путем подачи заявления на бумажном носителем, но и путем подачи заявления в суд общей юрисдикции посредством портала Госуслуг или электронного сервиса

[1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ (с изм. на 11.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8308.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2025 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.19 и пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«ГАС Правосудие», в арбитражные суды — посредством сервиса «Мой арбитр». Важным шагом для расширения доступности правосудия стало внедрение в 2026 году возможности подачи процессуальных документов в суды общей юрисдикции в рамках уголовного судопроизводства[1]. Самостоятельной цифровой площадкой для реализации права на обращение в суд на территории Москвы и Московского округа является Портал судов общей юрисдикции Москвы, на котором доступна подача заявлений в суд, ознакомление с материалами дела, получение решений и электронных исполнительных листов.

Внедрение возможности электронного обращения в суд, на наш взгляд, расширяет возможности граждан и представителей организаций, снижает судебные издержки сторон и обеспечивает оперативное и своевременное рассмотрение и разрешение дел. Специалисты отмечают, что цифровизация правосудия является эффективным способом повышения доступности и качества правосудия, позволяет сократить временные, трудовые и финансово-экономические затраты. Эффективность реализации права на обращения в суд в электронном формате показало свою актуальность в период распространения коронавирусной инфекции в 2020 году, когда суды всех уровней были закрыты для посещения граждан[2].В литературе отмечалось, что в условиях полной цифровизации и ограничения фактического доступа в суд, граждане практически лишаются возможности на обращение в суд, гарантированного Конституцией РФ, если у него отсутствует возможность дистанционного обращения в суд через Интернет. А также регистрация на портале Госуслуги[3]. Актуальность и востребованность электронных сервисов для граждан наглядно подтверждают данные статистики: за 2023 год через сервис «Мой арбитр» было подано 15.7 млн документов[4].

В настоящий момент перспективами дальнейшего внедрения цифровизации в процесс реализации права на обращение в суд является разработка и введение в эксплуатацию сервисов по расчету и оплате государственной пошлины в суд, без необходимости перехода на сторонние сервисы и прикрепления сканированных копий платежных документов. Одновременно данный сервис должен обеспечить учет всех оплаченных

[1] На Госуслугах появилась возможность подавать в суд документы в рамках уголовного судопроизводства // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=104&item=9582 (дата обращения: 29.03.2026).

[2] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. URL: https://www.vsrf.ru/files/28814/ (дата обращения: 28.03.2026).

[3] Люсина А. А. Влияние пандемии на процедуру защиты нарушенного права в гражданском процессе // Сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 15 мая 2020 г.) / под ред. О. В. Исаенковой ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратов. 2024. С. 130.

[4] 3 из 4 документов подаются в арбитражные суды РФ онлайн через сервис «Мой арбитр» // Официальный сайт журнала «Право.ру». URL: https://pravo.ru/news/252757/ (дата обращения: 28.03.2026).

государственных пошлин, что, в свою очередь, позволит избежать повторного использования государственных пошлин. Для повышения эффективности использования цифровых технологий при реализации права на обращение в суд должен быть принят единый закон, закрепляющий порядок и особенности обращения в суд, а также участия в судебном процессе дистанционно.

Вместе с тем, значительной проблемой для увеличивающегося объема информации, содержащейся на электронных сервисах, является то, что сервера устарели и первоначально не были предназначены для обработки большого объема информации, а также информационные системы не обеспечены достаточным уровнем защиты, что делает их уязвимыми для хакерских атак. Всё это может привести к сбоям в работе судов и привести к утрате информации и документов, содержащихся на электронных носителях. Крупнейший сбор в работе сервиса «ГАС Правосудие» произошел в октябре 2024 года, тогда на протяжении месяца у граждан отсутствовала возможность обратиться в суд посредством электронного сервиса, организовывать заседания в режиме видео-конференц-связи и др. Приведенный пример показывает недостатки, которыми обладает процесс цифровизации различных процессов в судебной системе. К ним относятся: недостаточный уровень информационной безопасности, наличие в судах устарелого программного обеспечения и серверного оборудования. Если не уделять внимание устранению этих недостатков, ситуация с блокировкой электронных сервисов правосудия может повториться и повлечь за собой более серьезные последствия вплоть до утраты данных или утечке персональных данных участников судебного разбирательства. На наш взгляд, среди путей решения проблем цифровизации в процессе реализации права на обращение в суд можно выделить два основных направления: модернизация материально-технической базы судов (компьютерного оборудования, серверов, закупка антивирусных программ, введение в судах штатного программиста, обладающего необходимым уровнем квалификации в области информационной безопасности) и повышение квалификации сотрудников судебной системы (проведение семинаров в области информационной безопасности и защиты персональных данных).

Таким образом, законодательное провозглашение и наличие механизмов реализации права на обращение в суд за защитой от неправомерного решения, действия или бездействия органов власти и должностных лиц выступает важнейшим условием всякой свободы и необходимым элементом правового государства. Данное право реализуется путем обращения с заявлением в суд в органы судебной системы РФ в порядке гражданского, административного, арбитражного, уголовного и конституционного судопроизводства. Перспективами повышения доступности права на обращение в суд является цифровизация различных процессов в судебной системе. Так, в последнее десятилетие были внедрены

сервисы, предусматривающие возможность дистанционной подачи искового заявления в суд, различных ходатайство и заявлений, участия в судебных заседаниях посредством онлайн-заседаний и с использованием видео-конференц-связи. В последующие годы тенденции по расширению возможностей граждан при обращении в суд будут сохраняться. Вместе с тем, современное состояние цифрового пространства в органах судебной системы имеет ряд проблем, которые угрожают возможности реализации гражданами своего права на обращение в суд, и могут повлечь за собой потерю данных и утечку персональных данных. В связи с чем одной из приоритетных задач государства должно стать обеспечение стабильной работы информационных ресурсов и цифровых платформ, чтобы реализация конституционного права на обращение в суд и судебную защиту своих прав осуществлялась бесперебойно и была обеспечена даже в условиях внешних угроз.

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ИСК ПРОКУРОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Надежда Викторовна ТЕРЕХОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
nadya.2004497@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена административному иску прокурора как инструменту обеспечения антитеррористической безопасности образовательных учреждений. Анализируется правоприменительная практика, свидетельствующая о неоднородном подходе судов к определению вида судопроизводства по делам о понуждении к устранению нарушений требований антитеррористической защищенности школ. Автором обосновывается необходимость рассмотрения таких дел исключительно по правилам КАС РФ.

Ключевые слова: административный иск прокурора, антитеррористическая безопасность, образовательные учреждения, КАС РФ, вид судопроизводства, защита несовершеннолетних

Защита прав и законных интересов граждан представляет собой одно из приоритетных направлений деятельности современного российского государства. Особое значение в системе такой защиты отведено обеспечению антитеррористической безопасности образовательных учреждений, поскольку речь идет о жизни и здоровье несовершеннолетних.

В настоящее время проблеме противодействия терроризма уделяется первостепенное значение не только в Российской Федерации, но и на общемировом уровне. Отметим, что на международной арене активно работают региональные структуры Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС), Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) и других организаций по предотвращению терроризма, а Россия выступает за выполнение резолюций СБ ООН, продвигает Конвенцию ШОС по противодействию экстремизму и терроризму и развивает профильное взаимодействие с Китаем, Индией, Пакистаном и другими государствами[1].

Вместе с тем, несмотря на активную международную работу и взаимодействие ведущих государств, наиболее уязвимым звеном в системе противодействия терроризму остаются объекты повседневной жизни людей. Особое значение в этой системе занимают образовательные учреждения (школы, колледжи и т. д.), которые являются наиболее уязвимыми[2]. Поскольку соблюдение и защита прав и свобод человека и (ст. 2 Конституции РФ), а закон допускает их ограничение ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), приоритетной задачей становится обеспечение защиты здоровья и законных интересов участников образовательного процесса.

Но на деле, следует признать, что формальный подход к обеспечению безопасности образовательных учреждений в ряде случаев создавал реальную угрозу жизни и здоровью несовершеннолетних. Как показывает практика, российские образовательные учреждения уже неоднократно становились целью террористических атак, уносивших жизни детей. Так, одним из масштабных является теракт в ижевской школе № 88 в 2022 году, жертвами которого стали 18 человек, включая 11 несовершеннолетних[3]. Вооруженный преступник, разделявший идеологию запрещенной террористической организации, проник в здание и открыл стрельбу. В тот

---

[1]См: Противодействие терроризму и экстремизму URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1848368/ (дата обращения: 20.03.2026).

[2]См., напр.: Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Образовательные учреждения как наиболее уязвимые объекты террористических и экстремистских проявлений // Криминологический журнал. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-uchrezhdeniya-kak-naibolee-uyazvimye-obekty-terroristicheskih-i-ekstremistskih-proyavleniy (дата обращения: 21.03.2026).

[3]Теракт в ижевской школе № 88. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8062645.

день выпускник учебного учреждения, поддерживавший идеологию «Колумбайн» (движение, признанное в РФ террористическим), совершил на школу вооруженное нападение.

Помимо этого, к числу наиболее резонансных событий относятся захват школы №1 в Беслане в сентябре 2004 года, унесший жизни 334 человек, из которых 186 — дети[1]; нападение на гимназию №175 в Казани 11 мая 2021 года, жертвами которого стали девять человек, включая семерых учащихся[2]. Упомянутый перечень террористических актов не является исчерпывающим, поскольку в последние годы зафиксированы и иные нападения.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что угроза антитеррористической безопасности образовательных учреждений в современной России носит не гипотетический, а вполне реальный характер. Как мы видим, дети неоднократно подвергались смертельной опасности как в результате осуществленных терактов, так и в ходе предотвращенных нападений, о которых ежегодно сообщают правоохранительные органы.

В системе мер, направленных на противодействие террористическим угрозам и устранении нарушений требований антитеррористической защищенности, особое место занимает исковая деятельность прокурора. Исходя из положений Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также Постановления Правительства РФ от 2 августа 2019 г. № 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)», образовательные учреждения обязаны обеспечить выполнение комплекса мер, направленных на воспрепятствование неправомерному проникновению на объекты, выявление потенциальных угроз, защиту обучающихся и персонала. Прокурор, осуществляя надзор за исполнением указанных требований, вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением о признании бездействия незаконным и о возложении обязанности совершить конкретные действия. Как справедливо отмечают Л. С. Булгакова и О. А. Гуреева, прокурор является особым участником административного судопроизводства, обеспечивающим защиту прав и свобод человека, законность действий всех участников процесса, оказание помощи суду в осуществлении правосудия.

[1]Захват заложников в школе №1 города Беслана в сентябре 2004 года. URL: https://ria.ru/20240901/terakt-1969460151.html.

[2]Опустевшая школа. URL: https://kazan.aif.ru/incidents/details/opustevshaya_shkola_kak_podderzhivayut_uchenikov_posle_tragedii_v_kazani.

Вышесказанное, по мнению авторов, «позволяет позиционировать прокурора в качестве полифункционального субъекта административного судопроизводства с формально определенным статусом»[1]. Полагаем, именно эта полифункциональность позволяет прокурору посредством административного иска наиболее эффективно добиваться фактического устранения нарушений требований антитеррористической защищенности образовательных организаций.

Практика рассмотрения дел, связанных с понуждением образовательных организаций и органов местного самоуправления к исполнению требований антитеррористической защищенности, свидетельствует об отсутствии однородности правоприменения при определении надлежащего вида судопроизводства.

Так, прокуратурой Алнашского района Удмуртской Республики в Можгинский районный суд было предъявлено административное исковое заявление к МКОУ «Писеевская средняя общеобразовательная школа» и администрации муниципального образования «Муниципальный округ Алнашский район» о признании бездействия незаконным и возложении обязанности устранить нарушения антитеррористического законодательства (здание школы IV категории опасности не было оборудовано системой оповещения и управления эвакуацией). Отметим, что решением Можгинского районного суда от 27 июля 2023 г. по делу № 2а-1280/2023 административные исковые требования удовлетворены в полном объеме[2].

Ещё одним ярким примером является случай, когда прокурор города Мариинска обратился в Мариинский городской суд с административным иском к МБОУ «Краснооорловская СОШ» и администрации Мариинского муниципального округа об обязании оборудовать здание школы системой оповещения и управления эвакуацией. Решением суда от 8 июля 2025 г. требования удовлетворены. Глава округа обжаловал решение, ссылаясь на отсутствие у администрации полномочий по финансированию таких мероприятий. Однако, апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Кемеровского областного суда от 10 сентября 2025 г. № 33а-7514/2025 решение оставлено без изменения. Судебная коллегия, рассматривая дело в порядке, предусмотренном КАС РФ, указала, что именно администрация как исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления обязана обеспечить финансирование

[1]Участие прокурора в административном судопроизводстве в схемах и таблицах : учебное пособие / Л. С. Булгакова, О. А. Гуреева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. С.15.

[2]Решение по делу № 2А-1280/2023 от 27.07.2023 URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-d937d5b2-b338-59b8-8242-a8c2080d9161/

мероприятий по антитеррористической защищенности образовательных учреждений[1].

Вместе с тем в практике встречаются случаи, когда аналогичные по сути требования прокурора об обязании образовательной организации совершить действия, в том числе по оборудованию объекта системой оповещения рассматриваются судами в порядке гражданского судопроизводства. Так, решением Гурьевского городского суда Кемеровской области от 31 января 2025 г. по делу № 2-1119/2024 (№ 2-204/2025) удовлетворен иск Гурьевского межрайонного прокурора к МБОУ «Новопестеревская основная общеобразовательная школа» о понуждении к совершению действий. Суд, руководствуясь статьей 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, обязал ответчика оборудовать здание школы системой оповещения и управления эвакуацией[2]. Новопокровский районный суд Краснодарского края определением от 19 августа 2025 г. рассмотрел дело № 2-388/2025 по иску прокурора Новопокровского района к МБОУ «СОШ № 5» об устранении нарушений антитеррористического законодательства (необеспечение исключения бесконтрольного доступа к кнопке открытия электрозамка, нарушение срока хранения видеозаписей) по правилам гражданского судопроизводства, удовлетворив требования прокурора.

Приведенные примеры показывают, что суды по-разному квалифицируют характер спорных отношений. Мы видим, что в одних случаях применяется административное судопроизводство, в других — исковое производство по правилам ГПК РФ. Однако, как справедливо отмечает судья Воронежского областного суда Г. В. Удоденко, «неверное определение вида судопроизводства влечет увеличение сроков рассмотрения подобных дел и неправильное распределение бремени доказывания»[3].

Полагаем, что данная категория дел по своей правовой природе должна рассматриваться исключительно в порядке административного судопроизводства. Как отмечается в Письмо Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № 7-ВС-7105/15 «О направлении информация по категориям гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в исковом порядке», «критерием правильного определения вида судопроизводства (исковое или административное), в котором подлежат

[1]Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 10 сентября 2025 г. № 33а-7514/2025 по делу № 2а-566/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Решение по делу № 2-145/2025 от 22.05.2025. URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-2a70157f-300c-57b9-b623-fbb5576a48f0/.

[3]18 октября 2024 года Адвокатской палатой Воронежской области был проведен семинар на тему: «Правила рассмотрения дел в порядке административного судопроизводства». URL: https://advpalata.vrn.ru/for-lawyer/new/lenta_novostej_1/18_oktyabrya_2024_goda_advokatskoj_palatoj_voronezhskoj_oblasti_byl_proveden_seminar_na_temu_pravila_rassmotreniya_del_v_poryadk/.

защите прав и свободы гражданина или организации… является «характер правоотношений»[1]. Вместе с тем, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», указав в п. 1, что к административным делам, рассматриваемым по правилам КАС РФ, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников[2]. Споры об устранении нарушений антитеррористической защищенности образовательных учреждений как раз возникают из правоотношений, в которых орган местного самоуправления (учредитель) и образовательное учреждение реализуют властные публичные полномочия, а прокурор действует в защиту несовершеннолетних.

Рассматривая данный вопрос, представляется целесообразным изучить последствия неверного выбора вида судопроизводства. Статья 57 ГПК РФ не позволяет суду истребовать доказательства по своей инициативе — только по ходатайству стороны, которая обязана доказать невозможность их самостоятельного получения[3]. Статья же 63 КАС РФ устанавливает, что, «суд вправе истребовать доказательства… или по своей инициативе». Кроме того, часть 3 статьи 62 КАС РФ гласит, что «суд не связан основаниями и доводами заявленных требований».

Обратим внимание, что для дел об антитеррористической защищенности образовательных это важно. По правилам гражданского судопроизводства прокурор сам доказывает отсутствие системы оповещения, полномочия администрации и истечение сроков. Ответчики могут лишь формально возражать. По правилам административного судопроизводства в силу ч. 2 ст. 62 КАС РФ именно администрация и школа обязаны доказать законность своего бездействия, а суд по статье 63 КАС РФ вправе сам истребовать недостающие доказательства. Прокурор же, согласно ч. 2 ст. 62 КАС РФ, не обязан доказывать незаконность их бездействия.

С учетом изложенного представляется обоснованным законодательное закрепление в КАС РФ отдельного производства по делам о понуждении к исполнению требований антитеррористической защищенности объектов

[1]Письмо Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № 7-ВС-7105/15 О направлении информация по категориям гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в исковом порядке // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

образования. Такое производство может включать правила и положения, сходные со ст. 22 КАС РФ. По нашему мнению, единая процессуальная форма позволит обеспечить не только правильное распределение бремени доказывания и активную роль суда, но и быстроту работы прокурора — освободив его от излишнего сбора доказательств, он сможет оперативнее реагировать на нарушения, что критически важно в условиях сохраняющейся антитеррористической угрозы, особенно когда речь идет о безопасности образовательных учреждений, неоднократно становившихся объектами нападений.

Вместе с тем, считаем, что закрепление может быть в виде дополнения Главы 22 КАС РФ «Производство по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями» специальным параграфом либо подпунктом, посвященным делам о понуждении к исполнению требований антитеррористической защищенности.

Таким образом, мы выявили проблему неодинаковой практики разрешения споров о понуждении к антитеррористической защищенности образовательных учреждений по иску прокурора. носят публично-правовой характер и в силу статей 1, 62 и 63 КАС РФ подлежат рассмотрению исключительно в порядке административного судопроизводства. Единая процессуальная форма по КАС может повысить эффективность прокурора, освобождая его от излишнего сбора доказательств и обеспечивая оперативную защиту образовательных учреждений от террористических актов.

Научная статья
УДК 342.5

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Валерия Сергеевна ФИЛИЧЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия
valfilicheva@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических

наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО,** chepenko55@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования механизмов взаимодействия прокуратуры РФ и Конституционного Суда РФ в условиях динамично развивающегося правового поля и совершенствования законодательной базы. Цель статьи — комплексный и всесторонний анализ правового статуса Генерального прокурора в конституционном судопроизводстве, выявление проблемных аспектов его участия и выработка предложений по оптимизации данного института.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, Генеральный прокурор, обращение Генерального прокурора, конституционное судопроизводство

В системе российской юстиции конституционное судопроизводство занимает особое место, как механизм обеспечения верховенства Конституции РФ и защиты конституционных прав граждан. Схожую роль выполняет прокуратура в процессе реализации своих основных функций. Законодатель признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина, дополнительно определяя их, как высшую ценность, которая обязана быть признана, соблюдена и защищена государством. Надзор за соблюдением Конституции РФ и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина тесно связаны друг с другом в прокурорской деятельности ввиду обобщенного характера норм, указанных в Конституции РФ. В свою очередь, нормативные правовые акты конкретизируют и дают своего рода толкование тем или иным нормам в зависимости от случая их применения. Неизменными остаются нормы Конституции РФ, которые создают основу законодательства, а в последующем может последовать их расширение или дополнение путем прибавления ситуативности в различных отраслях права.

Необходимо отметить, что специфика каждой отраслевой нормы права очевидна, а значит и их применение может изменить норму, закрепленную в Конституции РФ, создав тем самым противоречие. В связи с этим вполне реальны случаи нарушения прав и свобод, как обладателей таких прав, так и нарушение его правами прав других лиц. Из этого вытекают споры и обращения в Конституционный Суд с целью восстановления своих основных прав, гарантированных Конституцией РФ. Прокуратура в этом случае, как надзирающий орган, обладает полномочием в виде подачи обращения в Конституционный Суд с целью защиты нарушенных прав.

Основополагающей целью деятельности прокуратуры всегда оставалась обеспечение верховенства закона, его единства и укрепления, а также защита прав и свобод человека и гражданина и интересов государства.

Для реализации поставленных перед прокурором целей выполняется ряд необходимых функций, одной из которых является участие в рассмотрении дел судами. Ч. 1 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» является отсылочной, указывая, что случаи участия прокурора в рассмотрении дел судами закреплены процессуальным законодательством и другими федеральными законами. Конституция Российской Федерации закрепляет виды судопроизводства, которые осуществляет судебная власть, а именно: конституционное, гражданское, арбитражное, административное, уголовное[1].

Конституционный Суд РФ обладает схожей целью с прокуратурой РФ, а именно: защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации[2]. Выше-указанную цель Конституционный Суд реализует посредством рассмотрения обращений, поданных управомоченными субъектами. Прокурор же в процессе реализации своих полномочий может столкнуться с несовершенствами законодательства и трудностями применения нормативных правовых актов на практике. С учетом этого возникает необходимость устранения выявленных противоречий и получение разъяснений в случае неверного толкования закона. Именно в этот момент прокурор может вступить во взаимодействие с Конституционным Судом. Важным уточнением будет и то, что правом на подачу обращения будет обладать лишь Генеральный прокурор Российской Федерации.

Законодатель закрепил участие Генерального прокурора в конституционном судопроизводстве в ч.6 ст.35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно ей, в случае нарушения законом, примененном или подлежащим применению в конкретном деле, конституционных прав и свобод граждан, Генеральный прокурор вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации. Стоит отметить и то, что в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в перечне тех, кто имеет право на обращение отсутствует Генеральный прокурор Российской Федерации. И все же необходимо обратить внимание на взаимодополняемость норм, из которых впоследствии и складывается общий механизм участия прокурора в конституционном судопроизводстве.

Из-за отсутствия структурированных положений в законе, такое важное полномочие прокурора, как участие в конституционном судопроизводстве реализуется путем комплексного применения многоуровневой системы нормативных правовых актов. В этому случае затруднительно определить

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

профильный закон, на основании которого прокурор будет выполнять свои функции, но возможно распределить используемые акты следующим образом:

1. Конституция Российской Федерации (ст. 125, 129) — определяет компетенцию КС РФ, включая проверку конституционности законов по запросам уполномоченных субъектов. Прокурор не фигурирует в перечне субъектов, которые могут подать обращение в КС РФ, но такое полномочие следует из профильного закона, а также из ст. 129 Конституции РФ, определяя одним из надзоров «Надзор за соблюдением Конституции РФ».

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» — регламентирует процессуальные аспекты, такие как: ст. 96—100 устанавливают круг заявителей (граждане, органы власти), среди которых прокурор отсутствует; гл. VII—VIII регулируют порядок рассмотрения дел, включая дачу заключений;

3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет: ст. 35 — право обращения в КС РФ с запросом о проверке конституционности закона, применённого или подлежащего применению в конкретном деле;

4. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6) детализирует процедуры участия сторон, включая порядок представления заключений.

Из этого исходит, что правовая основа носит комплексный характер, сочетая одновременно прямое регулирование деятельности органов прокуратуры — Закон о прокуратуре, и опосредованное в виде ФКЗ о КС РФ. Две независимые системы обладают своими внутренними профильными указаниями, на основании которых и происходит их непосредственное взаимодействие. Здесь можно отметить очевидную трудность правоприменения и необходимость в законодательном дополнении нормативных правовых актов.

Основанием для направления обращений Генеральным прокурором РФ в главный судебный орган конституционного контроля РФ может послужить заявление участников судебного производства в любой орган прокуратуры любого звена в любом субъекте нашего государства, а также любых третьих лиц в рамках разбирательства[1].

Формы и пределы участия прокурора законодательно не регулируются, но в доктрине авторы выделяют их через судебную практику. Например, Н. В. Витрук выделяет восемь стадий конституционного процесса, другие исследователи указывают на существование только четырех, а именно

[1]Гошуляк В. В., Мартынов А. В. Правовые основы участия прокурора в конституционном судопроизводстве // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-uchastiya-prokurora-v-konstitutsionnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 07.03.2026).

внесение в суд обращений и их предварительное рассмотрение, назначение и подготовка дела к слушанию в судебном заседании, рассмотрение дела в судебном заседании, принятие судебного решения и его исполнение[1].

Стоит отметить, что подача Генеральным прокурором обращений в Конституционный Суд с учетом анализа судебной практики происходит достаточно редко. Это объясняется отсутствием четкого законодательного порядка обращения прокурором в Конституционный Суд РФ. Такая закрепленная процедура могла бы содержать в себе описание процесса оформления и пересылки запросов Генеральной прокуратурой РФ в Конституционный Суд. Вероятно, процедуры бы могли иметь разную структуру из-за формы участия, а также законодатель смог разъяснить взаимодействие территориальных прокуратур с Генеральной прокуратурой РФ в случае обращения гражданина по месту рассмотрения конкретного дела.

Участие прокурора в судебных разбирательствах не во всех случаях обязательно, и для каждой отрасли права характерны свои особенности осуществления своих функций прокурором. Из этого исходит, что прокурор не всегда способен выявить нарушения прав или иные противоречия в законе. В этих случаях граждане сами вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для защиты своих прав.

Помимо этого, с 2021 года в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» было внесено положение о праве обращения Генеральной прокуратуры в Конституционный Суд с запросом о возможности исполнения решения межгосударственного органа вследствие того, что в части международного договора, который предположительно может противоречить Конституции РФ имеются положения, обязывающие Российскую Федерацию к принятию мер по его исполнению. В этом случае законодатель расширил полномочия прокуратуры, связанные с надзором за соблюдением Конституции РФ и законностью правовых актов путем надзора за международными договорами и решениями межгосударственных органов, а также обнаружения противоречий между ними. Окончательное решение по вопросу расхождений принимает Конституционный Суд РФ. Процедура подачи запроса и сроки ознакомления Генеральной прокуратурой с решениями межгосударственных органов не установлены в законе. Этот факт в свою очередь подтверждает недоработку процедуры обращения Генеральным прокурором в Конституционный Суд РФ.

В качестве примера приведем судебную практику. Генеральный прокурор Российской Федерации на основании п. 6 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре в Российской Федерации» обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой, в которой просит проверить конституционность п. 3 ст.26 Федерального закона «Об органах

[1]Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс : учеб. пособие для вузов. - Москва : ЮНИТИ ; Закон и право, 1998. 383 с.

судейского сообщества в Российской Федерации», поскольку полагает, что содержащейся в нем нормой, примененной в конкретном деле, нарушаются конституционные права и свободы граждан. Жалоба связана с делом о дорожно-транспортном происшествии, в результате которого погиб мировой судья, а виновником оказался судья Кайбицкого районного суда. Конституционный Суд определил, что жалоба Генерального прокурора РФ не подлежит дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда РФ[1].

Целесообразность внесения процессуальных коррективов в законодательство очевидна и с теоретической, и с практической точки зрения. Конституционный Суд Российской Федерации и прокуратура Российской Федерации нацелены на реализацию принципа законности. Не все нарушения или неточности законодательства возможно заметить. Гражданин не всегда способен самостоятельно оценить правомерность действий в отношении себя и не всегда может грамотно истолковать суть нарушения, чтобы тот или иной орган достоверно понял суть обращения. Помимо этого, взаимосвязь между прокурорами субъектов, нижестоящими прокурорами и Генеральным прокурором будет куда теснее и плодотворнее из-за более обширного круга субъектов взаимодействия. Генеральный прокурор в этом случае будет выступать связующим звеном между прокурорскими работниками субъектов и Конституционным Судом Российской Федерации.

Для реализации всего вышеперечисленного в первую очередь необходимо внести определенные пояснения и дать более широкое толкование таким понятиям как: формы участия прокурора в конституционном производстве; порядок и сроки подачи Генеральным прокурором обращения в Конституционный Суд РФ; круг вопросов, по котором может быть подано обращение.

[1]Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2004 № 394-О «По жалобе Генерального прокурора Российской Федерации на нарушение конституционных прав граждан пунктом 3 статьи 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»»// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Иван Вадимович ФОМИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
67fiv@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, юрист 1 класса **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется комплекс вопросов, посвященных конституционно-правовому регулированию прав человека в стремительно развивающейся цифровизации, и открываются перспективы развития конституционного права в этой области. Также анализируется специфика реализации и защиты прав личности в цифровом пространстве, включая правовые коллизии, которые возникают из-за столкновения традиционных методов регулирования и новых технологий.

Ключевые слова: цифровые права, Конституция РФ, права человека

За последние два десятилетия с развитием IT-технологий изменился статус информации с прикладного в индустриальном обществе к базовому в постиндустриальном[1]. Такое качественное изменение привело как к появлению новых перспектив в реализации своих возможностей, так и к порождению новых опасностей. Вторые порождают проблемы для законодателя в области регулирования прав и обязанностей гражданина в «новом правовом поле» (цифровом). Такое пространство определено многими учеными, которые выделяют некоторые признаки такого правового поля: высокий уровень анонимности в сети «Интернет», который не позволяет четко определить субъект правового регулирования, так как без четко определенного лица, сложно определить объем прав и, что важнее, обязанностей , которыми он обладает, также отмечают «сверхмаштабность» распространения, так как цифровое поле невозможно представить как четко определенное ограниченное пространство, например, как государство, что порождает коллизии между национальным законодательством разных стран,

[1] Паламарчук С. А. Трансформация конституционных прав человека в цифровые права // Вестник Поволжского института управления 2022. № 1. С. 17 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-konstitutsionnyh-prav-cheloveka-v-tsifrovye-prava/viewer (дата обращения: 20.02.2026).

особенным признаком является имманентная для такого поля скорость развития, так как в нем темп и вектор развития определяется не политикой, ведомой государством, а обычными пользователями, которые могут не предполагать о последствиях в долгой перспективе[1].

Конституция как основополагающий документ государства с особой формой принятия не может изменяться с такой же скоростью с какой изменяется нынешние «измерения права». На данный момент мы можем только проецировать права человека из реального мира в цифровой, но это не всегда получается. Зачастую федеральный законодатель использует прием юридической техники «квалифицированного умолчания», для того чтобы поспешные изменения в нормы или создание новых норм не создало ещё больше лакун права. В 2020 году поправками в Конституцию РФ в статью 71 были внесены такие понятия как «информационные технологии» и «обеспечение безопасности личности при их применении» в перечень предметов исключительного ведения Российской Федерации, данное изменение указывает на то, что федеральный законодатель признает информационные технологии стратегическим направлением, требующим единого правового стандарта на всей территории страны[2].

Несмотря на неизменность положений главы 2 Конституции РФ, классическое содержание закрепленных в ней прав претерпевает трансформацию под воздействием современных общественных вызовов, что требует переосмысления их традиционных дефиниций. Если в традиционном понимании право на неприкосновенность частной жизни содержательно сводится к «праву быть оставленным в покое», то в цифровой среде его сущность трансформируется в концепцию информационного самоопределения — возможности субъекта контролировать оборот персональных данных. Данная трансформация порождает специфические риски: от компрометации личных сведений на серверных хранилищах до феномена «кражи личности» путем несанкционированного использования цифрового профиля индивида

Право тайны переписки также создает некоторые трудности, например, современные методы шифрования данных в современных мессенджерах создают коллизию между правом человека и интересом государственной безопасности, так как при высокой степени шифрования и скрытости данных появляется легкий канал связи для преступников, таких как, например, терроризм. Совершенность шифрования достигла такого уровня, что сам владелец социальной сети или мессенджера не может отследить

[1] Плотникова Т. В. Харин В. В. Феномен «Цифровых прав» в контексте правового регулирования виртуального пространства // Право: история и современность 2022. № 3. С. 393—394 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovyh-prav-v-kontekste-pravovogo-regulirovaniya-virtualnogo-prostranstva/viewer (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 15.02.2026) ст. 71 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

информацию в нем.

Также трансформировалось право человека на свободу слова. Человек, получив доступ к неограниченному кругу информационных источников и такому же кругу платформ для размещения своей информации, породил новую проблему — проблему модерации контента. Наряду с верифицированным контентом в глобальной сети циркулируют массивы деструктивной информации и дезинформации. Отсутствие у значительной части граждан навыков критического анализа и медиаграмотности создает риск манипулирования общественным сознанием, провоцируя девиантное поведение. Дополнительным вызовом становится непрозрачная политика модерации частных цифровых платформ, чья цензурная деятельность зачастую находится вне рамок государственного правового регулирования.

В современном праве произошла бифуркация мнений об «цифровах правах», концепции разделись на консервативную и эволюционную. Первая говорит, что «цифровые права» — это не новые права, а лишь новое социо-пространство, в котором возникает новая форма реализации классических конституционных прав. Вторая же концепция говорит о формировании нового, четвертого поколения прав человека, к которым относят: право на свободный доступ к интернету, которое признано ООН базовым, право на забвение, то есть удаление устаревшей информации о себе, а также право на цифровую идентичность. В современной отечественной доктрине наблюдается диссонанс в определении правовой природы цифровых прав. Текущее российское законодательство придерживается узкого, имущественно-ориентированного подхода, классифицируя цифровые права исключительно как вид имущественных прав, существующих в рамках информационной системы. Однако с позиции конституционного права такая трактовка представляется недостаточной, так как цифровые права должны признаваться неотъемлемым элементом современного статуса личности и гражданина. Представляется, что следует придерживаться интегративного подхода, согласно которому цифровые права обладают двойственной правовой природой. С одной стороны, они правомерно рассматриваются как объект гражданского оборота, что соответствует вектору развития текущего законодательства. С другой стороны, данные права выступают неотъемлемым инструментом реализации фундаментальных свобод личности в информационной среде. Синтез указанных подходов позволяет не только сохранить динамику цифровой экономики, но и наделить цифровой профиль гражданина высшими конституционными гарантиями, обеспечивая комплексную защиту интересов человека в глобальной сети.

Центральное место в дискуссии занимает коллизия между необходимостью обеспечения государственной безопасности в сети и гарантированием конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Отсутствие выверенного баланса между этими векторами регулирования создает риски необоснованного ограничения прав человека в

угоду общественным или государственным интересам Профессор Н. С. Бондарь говорит о том, что «тотальный сбор метаданных и требования к дешифровке сообщений могут привести к «эффекту охлаждения», когда граждане начинают ограничивать свою законную активность из-за страха постоянного наблюдения»[1].

Также одной из ключевых проблем является алгоритмическая дискриминация, при которой использование искусственного интеллекта или принятие юридически значимых решений, например, приостановка действия банковских карт или назначение меры пресечения, порождает проблему «черного ящика». Э. В. Талапина отмечает нарушение конституционного принципа равенства в случае вынесения алгоритмом решения на основе непрозрачных или предвзятых данных, что исключает гражданина «возможности эффективно оспорить логику машины»[2].

Также в связи с последними событиями в мировой политике особо остро стоит вопрос создания суверенного цифрового поля, которое регулируется напрямую государством. Председатель КС РФ В.Д. Зорькин отмечает, что важно соблюсти грань, чтобы защита суверенитета не приводила к необоснованному ограничению права на доступ к информации и свободу выражения мнений[3].

Перспективами в развитии права по данным правам состоит в принятии ранее упомянутых концепций прав на доступ в интернет, на забвение и на цифровую идентичность. Но точки зрения разделяется на два апологетных мнения. На тех, кто выступает за принятие данных концепций и кодифицирования разрозненных законов о защите личности в интернет среде в единый свод, и тех, кто говорит, что технологии развиваются слишком быстро и ещё не достигли уровня, при котором будет относительная стабильность в этой сфере. Также выдвигается идея о форматировании отраслевого законодательства в соотвествии с конституционными ценностями.

Резюмируя, можно утверждать: стремительный разрыв между динамикой цифровой среды и статикой законодательства требует от органов конституционного правосудия перехода к эволютивному (динамическому) толкованию правовых норм.

В центре этой трансформации должен оставаться незыблемый принцип антропоцентризма. Любая технология — от базовых алгоритмов до систем искусственного интеллекта — обязана сохранять статус инструмента, не

---

[1] Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25—42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-tsifrovoe-prostranstvo-v-konstitutsionnom-izmerenii-iz-praktiki-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/viewer (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Талапина Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права 2019. № 2. С. 41—54. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-v-internete/viewer (дата обращения: 29.01.2026).

[3] Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. № 115 (7578) С. 4 URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/fascicle/3/63/21/36321-1527609804.pdf.

претендуя на роль субъекта. Конституционные гарантии призваны стать заслоном против «технологического детерминизма», исключая ситуации, когда алгоритм в одностороннем порядке диктует объем прав личности. Фундаментальным стандартом правового государства в цифровую эпоху должно стать безусловное право человека на «человеческое вмешательство» в любой автоматизированный процесс, затрагивающий его законные интересы.

Научная статья
УДК 342

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ВЕКТОР

Никита Александрович ШИЛОВ
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, Самара, Россия
nikita.shilov.29@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры государственного и административного права Самарского национально исследовательского университета имени академика С. П. Королёва, доктор юридических наук, профессор **Нина Михайлова КОЛОСОВА**, kolosova.nm@ssau.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция института медиации в России с позиций конституционного права. Автор обосновывает, что медиация переходит из разряда факультативных досудебных процедур в основной элемент альтернативного разрешения споров. Выявлены системные конституционно-правовые дефекты действующего регулирования: отсутствие конституционных критериев статуса медиатора и реестра медиаторов. В том числе, раскрывается проблема допустимости применения процедуры к публичным правоотношениям. Предложены направления конституционно ориентированного реформирования: создания отдельного реестра медиаторов, выработка дополнительных критерий к профессиональным медиаторам, внедрение обязательной медиации по определенным категориям дел.

Ключевые слова: медиация, конституционное право, правосудие, примирительные процедуры, право на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации, медиативное соглашение, альтернативное разрешение споров

Развитие института медиации в Российской Федерации представляет собой значимый элемент совершенствования правовой системы и укрепления гражданского общества. В условиях возрастающей нагрузки на

судебную систему особую актуальность приобретает поиск эффективных способов разрешения споров. Медиация, как внесудебный механизм урегулирования конфликтов, соответствует современным тенденциям правового развития и отвечает потребностям общества в быстром и взаимовыгодном разрешении разногласий.

Ключевой проблемой конституционно-правового характера является определение сфер допустимости медиации. Часть 5 статьи 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) устанавливает, что процедура медиации не применяется к спорам, затрагивающим публичные правоотношения. Как указано Правительством Российской Федерации в своем заключении на законопроект о совершенствовании примирительных процедур, «распространение процедуры медиации на какие бы то ни было публичные правоотношения противоречит принципу равноправия сторон, закреплённому статьей 3 Федерального закона, поскольку данный принцип не свойственен публичным правоотношениям, основанным на власти и подчинении, принуждении обязанных лиц»[1]. Данная правовая позиция имеет фундаментальное конституционное обоснование: публично-правовые отношения строятся на началах власти-подчинения, что исключает возможность «равноправного» компромисса между носителем публичной власти и частным лицом без риска нарушения публичного интереса.

Вместе с тем, как отмечается Е. В. Виноградовой, «существующая в российском обществе высокая потребность в доступных и эффективных механизмах урегулирования споров предопределяет обоснованность внедрения процедур медиации», однако «распространять их на публично-правовые отношения необходимо чрезвычайно взвешенно и осторожно и лишь после проведения долгосрочных экспериментов»[2]. С учетом действующего законодательства, для достижения баланса конституционно значимых ценностей использование процедуры в публичных правоотношениях возможно только после реформирования института медиации.

Одним из ключевых направлений конституционно ориентированного реформирования института медиации в России является создание единого государственного реестра медиаторов. Необходимость формирования

[1] Заключение Правительства РФ от 20 марта № 1910п-П13 на проект федерального закона № 284828-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Правительство РФ. URL: http://government.ru/activities/selection/303/31751/ (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Виноградова Елена Валерьевна Конституционные основы судопроизводства с использованием медиационных процедур // Журнал российского права. 2019. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-sudoproizvodstva-s-ispolzovaniem-mediatsionnyh-protsedur (дата обращения: 25.03.2026).

такого реестра обусловлена системными дефектами действующего правового регулирования, среди которых — отсутствие централизованного механизма учёта лиц, осуществляющих профессиональную медиацию, невозможность проверки их квалификации и компетенции, а также разобщённость сообщества медиаторов. Как справедливо отметил В. Кузнецов «отсутствие единого общероссийского реестра медиаторов и возможности централизованного механизма получения сведений о медиаторах, их компетенциях, их повышении квалификации, отсутствие единого стандарта обучения[1]», существенно затрудняет развитие института.

Второй значимой проблемой является отсутствии критериев, которые обеспечивали бы независимость, беспристрастность и компетентность медиатора. Закон о медиации устанавливает лишь минимальные требования к медиатору: достижение 25 лет, наличие высшего образования, прохождение курса обучения по программе медиации. Представляется разумным расширить обозначенные профессиональные критерии медиатора следующими положениями: наличие высшего образования (юридического, психологического либо педагогического) в связке с обязательным прохождением профессиональной переподготовки именно в области медиации, которая должна длится не менее 200 академических часов, включая практику. Для медиаторов, которые ведут споры по определенным профильным спорам, необходимо прохождение дополнительный курсов. Медиатор, который будет специализироваться в области семейных споров будет обязан иметь высшее юридическое или психологическое образование и пройти специализированный курсы, связанные с осуществлением семейной медиации.

Конституция Российской Федерации детально закрепляют статус судьи (статьи 119—122)[2]. Медиатор, в отличие от судьи, не имеет подобных конституционно значимых гарантий для своей деятельности. Это создаёт риск произвольного влияния на процедуру медиации, поэтому необходимо выработать конституционные критерии статуса медиатора, включающих: требования к профессиональной этике, аналогичные судейской; механизмы отвода медиатора при наличии конфликта интересов; ответственность за нарушение медиативной тайны, процедуры аттестации и включения в государственный реестр медиаторов.

В контексте защиты прав ребёнка и укрепления семейных ценностей как конституционно значимых ориентиров особого внимания заслуживает внедрение обязательной медиации по отдельным категориям семейных споров. В настоящее время процедура медиации в семейной сфере

[1] Кузнецов В. Круглый стол по вопросам развития медиации в Совете Федерации: итоги обсуждения [Электронный ресурс] // Медиатор.РФ. URL: https://медиатор.рф/news/kruglyy-stol-po-voprosam-razvitiya-mediatsii-v-sovete-federatsii-itogi-obsuzhdeniya/?ysclid=mnkdsxkjt8251117143 (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 119—122 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

применяется исключительно на добровольной основе, что не позволяет в полной мере реализовать её потенциал по снижению конфликтного потенциала между родителями, минимизации психологических травм несовершеннолетних и разгрузке судов по делам, связанным с определением порядка общения с ребёнком, разделом совместно нажитого имущества при наличии общих детей или изменением размера алиментов. Обязательный досудебный порядок обращения к медиатору по таким спорам не нарушает права на судебную защиту (статья 46 Конституции РФ)[1], а лишь устанавливает дополнительный фильтр, направленный на достижение мирного соглашения, учитывающего интересы наиболее уязвимой стороны — ребёнка.

Проведённое исследование позволяет заключить, что развитие института медиации в Российской Федерации находится на этапе перехода от факультативной досудебной процедуры к институционально значимому элементу альтернативного разрешения споров, что объективно требует конституционно-правового осмысления его места в системе гарантий прав и свобод человека.

Только при решении всего комплекса указанных вопросов — создании единого реестра медиаторов, установлении конституционно обоснованных критериев их статуса становится возможным распространение процедуры медиации на публичные правоотношения, которые в настоящее время исключены из сферы её применения в силу императивного запрета части 5 статьи 1 Закона о медиации. Конституционно-правовой вектор развития медиации предполагает, что в перспективе, при условии надлежащего институционального и нормативного обеспечения, медиация может быть признана самостоятельной конституционной гарантией мирного разрешения споров.

[1] Там же. – Ст. 46.

V. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 347.7

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ В КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Анна Викторовна АБРАМОВА[1], Ангелина Максимовна ВАСИНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[2] avasina869@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Виталий Алексеевич МАКСИМОВ**, maximovva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики выявляются ключевые формы нарушения конкурентных принципов. Особое внимание уделяется противоречивым подходам судебной практики и роли антимонопольных органов в выявлении и пресечении нарушений. Обосновывается вывод о системном характере выявленных проблем и необходимости совершенствования механизма функционирования контрактной системы. Предлагаются направления повышения прозрачности и обоснованности закупочных процедур.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, конкуренция, ограничение конкуренции, картель, антимонопольное законодательство, ФАС России, КТРУ, описание объекта закупки, укрупнение лотов, правоприменительная практика

Современная система государственных закупок играет ключевую роль в обеспечении эффективного расходования бюджетных средств и реализации социально-экономической политики государства. Согласно № 44-ФЗ[1] одним из базовых принципов контрактной системы является обеспечение конкуренции, поскольку именно его соблюдение способствует снижению цен и повышению качества товаров, работ и услуг. Однако в

[1]ст. 8 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

последнее время наблюдаются негативная динамика показателей, отражающих состояние конкурентной среды в данной сфере. Согласно официальным данным Министерства финансов Российской Федерации, в 2024 году среднее число поданных заявок на одну конкурентную закупку составило порядка 2,7, тогда как в аналогичных периодах прошлых лет данный показатель был на уровне 4 и выше. Дополнительно фиксируется сокращение доли закупок, признанных состоявшимися с участием двух и более лиц, с 50 % до 45 %, а также рост количества несостоявшихся процедур в связи с отсутствием конкуренции[1].

Вместе с тем правоприменительная практика продолжает выявлять пробелы в правовом регулировании данной сферы. Для их устранения представляется необходимым обратиться к анализу содержания ключевых НПА, обеспечивающих конкурентные начала при осуществлении государственных и муниципальных закупок.

Так, в соответствии со ст. 8 № 44-ФЗ контрактная система направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок. Аналогичный подход закреплен и в ст. 3 N 223-ФЗ[2], согласно которой закупочная деятельность должна осуществляться на основе принципов информационной открытости, равноправия, справедливости и отсутствия дискриминации участников. При этом обеспечение конкуренции в сфере закупок неразрывно связано с положениями антимонопольного законодательства. В соответствии со ст. 17 Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» устанавливается запрет на проведение торгов, а также на участие в них способами, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции. Данные положения применяются в совокупности, образуя единый механизм, направленный на недопущение нарушений в сфере закупок.

Тем не менее, наличие развитого нормативного регулирования не исключает возможности возникновения проблем, это доказывает анализ практики, он же позволяет выделить наиболее распространенные формы нарушений. Таких, как картели, укрупнение лотов или некорректное описание объекта закупки.

Одной из самых опасных форм ограничения конкуренции в сфере государственных закупок остаются картели. В ходе международной конференции руководитель Федеральной антимонопольной службы Шаскольский М.А. отметил, что с начала 2025 года ФАС выявила признаки картелей в торгах на 205 миллиардов рублей и возбудила 280 дел по

[1]Минфин опубликовал отчёт по закупкам в 2024 году // Pro-ability.ru. URL: https://www.pro-ability.ru/tpost/09ynyvuzz1-minfin-opublikoval-otchyot-po-zakupkam-v (дата обращения: 25.03.2026).

[2]ст. 3 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

признакам заключения ограничивающих конкуренцию соглашений[1]. В соответствии с Федеральным законом «О защите конкуренции» картелем признается соглашение между хозяйствующими субъектами — конкурентами, осуществляющими продажу либо приобретение товаров на одном товарном рынке, если такое соглашение приводит или может привести к последствиям, прямо указанным в законе: установлению или поддержанию цен, повышению, снижению или поддержанию цен на торгах, разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продаж или ассортименту, сокращению или прекращению производства товаров, либо отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками)[2]. На практике картельные соглашения выражаются в манипуляциях с заявками на аукционах, установлении фиксированных цен участниками торгов, а также в иных формах согласования поведения конкурентов, направленных на поддержание цен или раздел рынка. Последствия картелей носят системный деструктивный характер т. к. искажают результаты закупочных процедур, завышают цену, препятствуют снижению НМЦК и ухудшают качество товаров и услуг, тем самым нарушая принцип добросовестной конкуренции, закреплённый в законодательстве о контрактной системе.

Помимо этого, одной из наиболее обсуждаемых проблем является укрупнение лота при формировании закупки в КТРУ. Несмотря на формальное отсутствие запрета на объединение различных товаров, работ или услуг в один лот, правоприменительная практика показывает, что чрезмерное укрупнение нередко используется заказчиками как инструмент ограничения конкуренции. Ввиду своих особенностей, комплексный контракт требует от исполнителей значительных финансовых, кадровых и организационных ресурсов, которыми располагают преимущественно крупные хозяйствующие субъекты. Малые и средние предприятия в подобных условиях оказываются фактически исключёнными из участия в закупке, что противоречит принципу обеспечения конкуренции и равного доступа[3].

Дополнительным барьером выступает увеличение финансовой нагрузки на участников. Рост начальной (максимальной) цены контракта напрямую влияет на размер обеспечения заявки и исполнения контракта, что делает участие в процедуре экономически нецелесообразным для значительной части потенциальных поставщиков. В результате

[1]С начала 2025 года ФАС выявила признаки картелей в ряде закупок // Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации. URL: https://fas.gov.ru/news/34333 (дата обращения: 29.03.2026).

[2]ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. действующая) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

[3]Решение ФАС России от 15.01.2024 по делу № 28/06/105-3082/2023 «О нарушении законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок».

формируется ситуация, при которой закупка проводится с минимальным количеством участников либо при их фактическом отсутствии[1].

Таким образом, органами ФАС РФ стабильно рассматриваются случаи произвольного укрупнения лотов, при которых в один лот включаются позиции, не связанные технологически или функционально, что прямо запрещено в разъяснениях антимонопольного органа[2]. Подобные действия рассматриваются как фактор повышения коррупционных рисков, поскольку облегчают «настройку» закупки под конкретного исполнителя.

Логическим продолжением обозначенной проблемы выступает некорректное описание объекта закупки при использовании КТРУ. Рассмотренные ранее механизмы ограничения конкуренции с помощью укрупнения лотов носили, скорее, количественный и финансовый характер, в данном же случае речь будет идти про качественные искусственные ограничители.

Так, заказчики, формально следуя установленной модели описания, часто дополняют характеристики объекта избыточными и излишне конкретизированными требованиями, не имеющими функциональной необходимости. В результате заявка включает в себя ограничительные параметры, которые маскируются под техническую специфику. Разрешая подобные ситуации, антимонопольный орган исходит из того, что недобросовестные субъекты злоупотребляют предоставленным им правом на детализацию[3]. Каждая дополнительная характеристика должна быть индивидуально обоснована, а включения излишних требований не допускается[4].

Особую сложность представляет ситуация, когда ограничение формируется уже на этапе выбора позиции КТРУ. Использование позиций с редкими или специфическими параметрами, при наличии более универсальных альтернатив, фактически предопределяет состав потенциальных участников. При этом доказать неправомерность таких действий затруднительно, поскольку заказчик действует в рамках формально допустимой процедуры. В правоприменительной практике подчёркивается, что на заказчика ложатся задачи по обеспечению конкурентной среды и составления описания объекта закупки таким образом, чтобы предоставить возможность участия как минимум двух

[1]Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2025 № 305-ЭС25-6263 по делу № А40-54183/2024.

[2]Письмо ФАС России от 02.03.2026 № АТ/17095/26 «О рассмотрении обращения».

[3]Постановление Правительства Российской Федерации от 08.02.2017 № 145 (ред. от 23.12.2024) «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». // Доступ из справ. – прав. системы «КонсультантПлюс»

[4]Решение Астраханского УФАС России от 28.03.2025 № 030/10/99-318/2025.

независимых поставщиков, либо предоставления объяснения по запросу УФАС о необходимости использования узкоспециализированных позиций[1].

Проведенный анализ практики позволяет сделать вывод о том, что проблемы ограничения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок носят системный характер. Для их решения требуется разработка мер по совершенствованию законодательства и самой системы каталога.

Одной из ключевых проблем противодействия картельным соглашениям в сфере государственных закупок длительное время оставалась недостаточная экономическая эффективность применяемых мер ответственности. Административные штрафы, даже в значительном размере, зачастую не соотносились с объемом дохода, полученного в результате картельного соглашения, что фактически сохраняло их привлекательность. Перспективное направление решения данной проблемы было обозначено Верховным Судом РФ в деле ООО «Дон Мьюзик», который допустил возможность взыскания в доход государства всей выручки по госконтрактам, заключенным в результате картельного сговора, квалифицировав соответствующие сделки как антисоциальные по ст. 169 ГК РФ[2]. Вместе с тем в научной и практической плоскости данный подход является дискуссионным. Так, в деле ООО «Нижавтодорстрой» Верховный Суд, опираясь на тот же набор норм, пришел к противоположному выводу, указав, что картель сам по себе не является сделкой в смысле ст. 169 ГК РФ, а конфискационные последствия допустимы только при прямом указании закона[3]. Отсутствие единообразия в подходах Верховного Суда свидетельствует о том, что предложенный механизм не является устоявшимся, однако заслуживает внимания как одно из возможных направлений совершенствования противодействия картелям в сфере закупок.

В целях минимизации рисков ограничения конкуренции представляется необходимым совершенствование и самого механизма функционирования КТРУ. Прежде всего, требует развития структура каталога, которая в настоящее время не всегда содержит актуальные и взаимосвязанные сведения о технических регламентах и стандартах, применимых к объекту закупки. В этой связи целесообразно предусмотреть интеграцию КТРУ с иными государственными информационными системами и базами нормативно-технической документации. Представляется обоснованным закрепление модели, при которой изменения

[1]Письмо ФАС России от 19.04.2023 № ПИ/30510/23; Письмо ФАС России от 21.03.2025 № 28/26176/25.

[2]Определение Верховного Суда Российской Федерации // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/2XQLI1emNwrO/ (дата обращения: 26.03.2026).

[3]Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2024 г. № 9-КГ24-7-К1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2392890 (дата обращения: 26.03.2026).

в технических регламентах и стандартах будут в режиме реального времени отражаться в соответствующих позициях КТРУ. Это позволит обеспечить единообразие требований и снизить возможности произвольного толкования характеристик. В свою очередь, недобросовестным заказчикам будет сложнее подстраивать запросы под конкретного производителя так, как все позиции будут стандартизированы по единому образцу.

Также одним из возможных направлений реформирования является введение нормативно закреплённого принципа «достаточности характеристик», который будет работать в совокупности с правом заказчиков на детализацию. В соответствии с предложенным принципом заказчик сможет без дополнительных проверок устанавливать только те параметры, которые объективно необходимы для достижения функционального результата. Для обеспечения работы данного положения на практике будет необходимо внедрить автоматическую систему подбора позиций для описания объекта при типовых запросах. В случаях, когда заказчик решит дополнить данное описание, система будет запрашивать у него обоснование, которое в последствии будет проверяться органами ФАС на предмет основательности такого запроса. Время проверки будет варьироваться в зависимости от объема предстоящей сделки и будет составлять от 3 до 10 дней. При положительном решении органа заказ будет допущен к размещению на сайте. При отказном решении у заказчика останется право на обжалование его через суд. Такой подход обеспечит защиту, как публичных интересов, так и интересов субъектов предпринимательской деятельности. В перспективе данный механизм позволит перейти к превентивному контролю в сфере закупок и снизит издержки, связанные с дальнейшим оспариванием органами ФАС уже заключенных сделок.

Контрактная система в сфере государственных закупок обладает развитым нормативным регулированием, ориентированным на обеспечение конкурентных начал. Все процедуры должны осуществляться на основе принципов открытости и равного доступа участников. Для их реализации были созданы различные инструменты стандартизации закупок, включая КТРУ. Вместе с тем проведенный анализ вместе со статистических данными свидетельствуют о наличии устойчивых проблем, препятствующих достижению поставленных перед контрактной системой целей.

В работе были рассмотрены такие проблемы, как картели, укрупнение лотов и некорректное описание объекта закупки. Указанные явления носят системный характер и, несмотря на кажущееся соответствие законодательным требованиям, приводят к фактическому ограничению конкуренции. В одних случаях барьеры формируются за счёт увеличения объёма закупки и связанных с этим финансовых и организационных требований к участникам. В других — избыточная детализация характеристик объекта закупки способна сузить круг поставщиков до

минимального числа, а иногда и до одного. При этом подобные ограничения зачастую не имеют достаточного обоснования и маскируются под техническую необходимость, что затрудняет их выявление.

Предложенные направления совершенствования направлены на повышение прозрачности и обоснованности процедур закупки. В частности, речь идёт об актуализации сведений, содержащихся в КТРУ, включая автоматическое обновление данных в соответствии с изменениями технических регламентов, а также о необходимости запроса обоснования дополнительных характеристик объекта закупки до публикации самого заказа. Реализация данных мер позволит сократить возможности для произвольного формирования условий закупки.

Представляется, что дальнейшее развитие контрактной системы должно быть связано не только с совершенствованием законодательства, но и с повышением качества его применения. Обеспечение реальной конкуренции возможно лишь при условии, что установленные требования будут соответствовать фактическим потребностям заказчика и не будут создавать новые пути их обхода для участников рынка.

Научная статья
УДК 347.78

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОХРАНЫ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТА АВТОРСКОГО ПРАВА

Лилия Александровна АВДЕЕВА[1], Алина Аркадьевна КАБАНОВА[2]
[1,2] Тульский государственный университет, Тула, Россия
[1] ladevotee@inbox.ru,
[2] preferwell@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Тульского государственного университета, кандидат юридических наук **Татьяна Юрьевна РУДЕНКО,** tatiyana_ru@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические аспекты правовой охраны хореографических (танцевальных) произведений как объектов авторского права. Рассматриваются признаки охраноспособности, эволюция законодательного подхода, проблемы фиксации и разграничения частей произведения, а также соотношение авторских прав хореографа и смежных прав исполнителя. На основе доктринальных позиций и материалов судебной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: авторское право, хореографическое произведение, танцевальное произведение, объективная форма, творческий характер, часть произведения, исполнение, коллективное управление правами

В системе объектов авторского права, закрепленных в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)[1], хореографические произведения традиционно занимают особое место. Несмотря на прямое указание закона, их правовая природа, критерии охраноспособности и режим использования остаются дискуссионными в доктрине и слабо разработанными в правоприменительной практике. Сложность обусловлена спецификой хореографического искусства, где результат творческой деятельности выражается в пластических образах, существует в единстве времени и пространства и зачастую не имеет первичной материальной фиксации. Между тем современные тенденции коммерциализации танцевального искусства, широкое использование хореографических элементов в аудиовизуальных произведениях, шоубизнесе и рекламе актуализируют необходимость четкого определения правового статуса танцевального произведения.

В исторической ретроспективе подход к охране хореографических произведений претерпел существенные изменения. В дореволюционный период танцевальные композиции приравнивались к литературным произведениям и охранялись наряду с ними. В Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г. указано, что понятие «литературные и художественные произведения» включает в себя и хореографические, это же правило было воспроизведено и в русско-французской и русско-германской конвенциях о защите литературных и художественных произведений[2].

В советский период первоначально, т.е. в Основах авторского права 1925 г.[3], хореографические произведения были признаны самостоятельным объектом охраны. Однако ГК РСФСР 1964 г. ввел условие наличия письменных или иным способом зафиксированных указаний относительно постановки, что фактически ставило охрану в зависимость от материальной фиксации[4]. Только с принятием Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» 1993 г., ориентированного на пересмотренный текст Бернской конвенции, условие письменной фиксации было исключено, и охрана стала

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

[2]Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

[3]Основы авторского права : утв. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30.01.1925 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1925. № 7. Ст. 67.

[4]Гражданский кодекс РСФСР : утв. Верховным Советом РСФСР 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

распространяться на само хореографическое произведение независимо от способа его выражения[1].

В настоящее время, согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ хореографические произведения прямо названы в числе объектов авторских прав. Однако легальной дефиниции закон не содержит, что порождает неопределенность в отношении того, какой именно результат творческой деятельности может претендовать на авторско-правовую охрану. Как справедливо отмечает К. А. Кирсанова, из закрепленных в Гражданском кодексе РФ норм следует, что авторским правом охраняются хореографические произведения, однако дефиниция хореографического произведения в законодательстве отсутствует, вследствие чего возникает правовая неопределенность относительно того, что является объектом авторско-правовой охраны в рамках категории «хореографическое произведение»[2].

Общие критерии, предъявляемые к объектам авторского права, сформулированы в ст. 1257 и п. 3 ст. 1259 ГК РФ: произведение должно быть результатом творческой деятельности и выражено в объективной форме. Именно эти два признака являются системообразующими для признания хореографического произведения охраноспособным.

Категория «творчество» в авторском праве традиционно понимается как интеллектуальная деятельность, направленная на создание нового результата. В. М. Смирнова, анализируя историю вопроса, указывает, что «российский критерий творчества аналогичен общим требованиям романо-германской системы авторского права. Однако за всю историю авторского права в России понятие «творчество» и «творческая деятельность» так и не получили четкого определения ни в законодательстве, ни в научной литературе»[3]. Высшие судебные инстанции в п. 28 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 разъясняли, что при решении вопроса о наличии творческого характера следует исходить из презумпции творческого характера результата, созданного лично автором, пока не доказано иное. При этом само по себе отсутствие новизны, уникальности или оригинальности не свидетельствует о нетворческом характере труда[4].

---

[1]Закон Российской Федерации от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1242.

[2]Кирсанова К. А. Хореографическое произведение: вопросы авторско-правовой охраны // Журнал российского права. 2016. № 3(231). С. 56.

[3]Смирнова В. М. Хореографическое произведение как объект авторского права // Журнал российского права. 2011. №12(180). С. 105.

[4]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. № 70.

В доктрине высказываются различные мнения о содержании творческого начала применительно к хореографии. В. М. Смирнова, обобщая существующие подходы, приходит к выводу, что «творческую деятельность можно определить как деятельность, порождающую новый творческий результат, отличающийся оригинальностью (неповторимостью и уникальностью)». При этом хореографическое произведение характеризуется особой образной системой и хореографическим языком. «Хореографический образ рождается как органический сплав различных выразительных элементов, приемов и средств, возникающий на основе единства человеческого характера и воплощающий действие и идею спектакля».

Вторым необходимым признаком является выражение произведения в объективной форме. В отличие от некоторых зарубежных систем правопорядка, таких как Франция, Италия, Бразилия, где для хореографических произведений сохраняется требование письменной или иной фиксации[1], российское законодательство не связывает возникновение авторских прав с соблюдением подобных предписаний. Согласно п. 4 ст. 1259 ГК РФ, для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрации произведения или соблюдения иных формальностей.

Вместе с тем специфика хореографического искусства заключается в том, что произведение может существовать и быть доведено до публики лишь в процессе публичного исполнения, что порождает сложности как в доказывании авторства, так и в определении содержания объекта. Несомненно, без фиксации хореографических произведений на каком-либо материальном носителе многие из них нередко могут быть весьма точно воспроизведены недобросовестными пользователями с помощью технических средств, что делает актуальной задачу их охраны с момента обнародования. Оптимальными способами фиксации сегодня признаются видеозапись, графическая нотация (например, система Бенеша) и, в некоторых случаях, словесное описание. Однако отсутствие единого информационного центра по хореографии и общепринятой формы фиксации создает предпосылки для искажений и незаимствованного использования.

В силу п. 7 ст. 1259 ГК РФ авторские права распространяются на часть произведения, если она по своему характеру может быть признана самостоятельным результатом творческого труда и выражена в объективной форме. Применительно к хореографии это положение порождает сложные вопросы разграничения части и элемента. Элементом хореографического произведения выступают неделимые единицы — отдельные движения, позы, элементы пантомимы. Частью могут являться динамические

[1]Липцик Д. Авторское право и смежные права : пер. с фр. / Делия Липцик ; предисл. М. А. Федотова. М. : Ладомир : ЮНЕСКО, 2002. С. 66.

фрагменты: хореографическая фраза, не обладающая завершенностью, или хореографический фрагмент, обладающий признаками самостоятельного произведения, например, дуэт, вариация, хореографическая связка. Хореографические позы, будучи статичными, не могут быть частью произведения, поскольку не обладают признаками целого, но при этом могут охраняться как самостоятельные объекты, если соответствуют критериям творчества и объективной формы. Такое разграничение имеет прикладное значение при создании производного произведения или при использовании частей чужой хореографии: в указанных случаях необходимо учитывать, используется ли элемент или часть.

Особую остроту приобретает вопрос о коллективном управлении авторскими правами на хореографические произведения. Согласно уставу Российского авторского общества (РАО), организация осуществляет управление исключительными правами на обнародованные отрывки музыкально-драматических произведений, к которым РАО относит и балет, в отношении публичного исполнения, сообщения в эфир и по кабелю. Это означает, что пользователь может законно использовать отрывок из хореографического произведения без получения разрешения у конкретного автора, лишь перечислив вознаграждение через РАО. К. А. Кирсанова критикует такой подход, указывая, что он нивелирует личные неимущественные права автора и создает риск утраты контроля над произведением. В качестве примера она приводит ситуацию, когда, получив разрешение на постановку, театр может многократно исполнять произведение по более низкой цене, лишая основную труппу возможности демонстрировать оригинал. Автор справедливо заключает: «при желании исполнять хореографическое произведение, равно как и его части, необходимо, прежде всего, получить от правообладателя разрешение на такое исполнение в целях обеспечения надлежащего авторского контроля. В связи с этим предлагается исключить из сферы коллективного управления публичное исполнение хореографических произведений и частей хореографических произведений».

Проблема разграничения хореографического произведения и его исполнения имеет как теоретическое, так и практическое значение. Если произведение — это результат творчества хореографа, зафиксированный в системе танцевальных движений и образов, то исполнение представляет собой деятельность танцовщика-актера по воплощению этого замысла, которая может обладать признаками творческой самостоятельности и, соответственно, охраняться как смежное право. Опираясь на работы Н. И. Тарасова, можно отметить, что при исполнении одной только позы arabesque, не нарушая ее хореографического строя, можно выразить самые различные по характеру сценические действия[1]. В качестве критерия раз-

[1]Тарасов Н. И. Классический танец. Школа мужского исполнительства. СПб [и др.] : Лань, 2005. С. 34.

граничения видится использование направления, т.е. пути движения, которое раскрывает содержание хореографического текста и относится к хореографическому произведению, а также способ осуществления заданного направления, который относится к исполнению хореографического произведения. Данный подход позволяет сохранить баланс между правом автора на неприкосновенность произведения и свободой исполнительской интерпретации.

Таким образом, подводя итог, хочется еще раз отметить, что хореографическое произведение, несмотря на прямое закрепление в ст. 1259 ГК РФ, остаётся одним из наиболее дискуссионных объектов авторского права с точки зрения определения его сущности, режима использования и охраны. Признав данный объект охраняемым, законодатель не учел специфической природы танцевального искусства, что, как результат, породило серьезную неопределённость в его правоприменении. Бесспорно, для эффективной защиты авторских прав и предотвращения недобросовестного использования хореографических произведений, необходима дальнейшая основательная научная разработка дополнительных правовых конструкций в данной области. Представляется целесообразным пойти по пути уточнения уже существующих законодательных дефиниций в нескольких направлениях, таких как: создание критериев разграничения охраняемой части произведения и ее неохраняемого элемента; легальная фиксация хореографического произведения; законодательное закрепление чёткого разграничения прав хореографа на результат творчества, выраженного в виде танцевального произведения, и прав танцовщика в качестве деятельности по его исполнению, позволяющее обеспечить баланс между правом автора на неприкосновенность произведения и свободой исполнительской интерпретации, что имеет важное практическое значение для защиты смежных прав. Кроме того, особую проблему составляет совершенствование механизма коллективного управления правами на хореографическое произведение. Для ее решения обоснованным представляется предложение об исключении публичного исполнения хореографических произведений и их частей из сферы коллективного управления.

Научная статья
УДК 347.2/.3

ИНСТИТУТ ВЕЩНОЙ ВЫДАЧИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Егор Сергеевич БУРЛАКА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
burlakaegor2006@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, **Виталий Алексеевич МАКСИМОВ,** maximovva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется право вещной выдачи как перспективный институт ограниченных вещных прав России. Исследуется его двойственная природа, исторические предпосылки и потенциал для регулирования отношений с недвижимостью. На примере судебной практики по разделу общей собственности обосновывается практическая ценность института для обеспечения долгосрочных имущественных гарантий.

Ключевые слова: гражданское право, право вещных выдач, недвижимая вещь, ограниченные вещные права, гражданский оборот

В условиях системной модернизации гражданского законодательства Российской Федерации особую актуальность приобретает вопрос о расширении и доктринальном обосновании ограниченных вещных прав. Среди институтов, предложенных к внедрению в отечественный правопорядок, одно из дискуссионных мест занимает право вещной выдачи. Его потенциальное закрепление способно существенно обогатить инструментарий правового регулирования, а также расширить экономические возможности гражданского оборота, однако вызывает устойчивые споры относительно правовой природы, системного места и допустимых пределов взаимодействия с обязательственными конструкциями.

В рамках проектных моделей и доктринальных предложений под правом вещной выдачи предлагается понимать ограниченное вещное право, наделяющее управомоченное лицо возможностью периодически получать от собственника обременённой недвижимости имущественные предоставления в форме денежных сумм, товаров, работ или услуг, а в

случае неисполнения такой обязанности — право обратить взыскание на данную недвижимость в порядке, аналогичном ипотечному[1].

Ключевая особенность данного института заключается в том, что он возлагает на собственника позитивную обязанность совершать определённые действия, что традиционно сближает его с обязательственными отношениями. Вместе с тем, право сохраняет вещную силу благодаря принципу следования за вещью, абсолютной защите против третьих лиц и возможности удовлетворения требований за счёт стоимости обременённого объекта независимо от смены собственника.

Исторические корни института уходят в средневековое европейское право, где он функционировал в форме натуральных повинностей и земельных обременений, обеспечивавших долгосрочное экономическое взаимодействие между владельцами недвижимости и управомоченными лицами. В дореволюционном российском праве аналогичный механизм был известен под наименованием «вотчинных выдач» и получил концептуальное оформление в проектах Гражданского уложения Российской империи, где наряду с сервитутами, пользовладением и наследственным оброчным владением признавался самостоятельным видом вещных прав[2]. Феодалы обременяли свою собственность земельными участками не для того, чтобы предоставить беднякам земли для жизнедеятельности, а для поддержания своих земель в плодородном состоянии, иначе большие наделы могли остаться в запустении и утратить свое предназначение. В современных условиях дееспособные субъекты могут получить земельные наделы на основании права вещных выдач, в соответствии с которым будут пользоваться земельными участками, которые будут в собственности лица, получающего имущественные предоставления от обладателя права вещных выдач[3].

Поскольку институт не закреплён в действующем ГК РФ, всё дальнейшее исследование строится на анализе проектных норм, доктринальных конструкций и сравнительно-правовых аналогов, что обусловливает дискуссионный характер его правовой природы и системного места. Его особая природа, сочетающая черты вещного права на получение ценности из чужой вещи и законного обязательства

---

[1] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Проект Гражданского уложения Российской империи. Книга третья/Вотчинные выдачи. С. 9 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Проект_Гражданского_уложения_Российской_империи._Книга_третья (дата обращения: 01.04.2026).

[3] Заковряжина М. Ю., Шеховцова С. Ю. Анализ ограниченных вещных прав на земельные участки и усовершенствование способов их применения в российском законодательстве // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: Материалы VII Национальной научно-практической конференции. Краснодар: Издательство Научно-исследовательского института актуальных проблем современного права, 2022. С. 37—47. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49594852 (дата обращения: 02.04.2026).

собственника, порождает доктринальные разногласия: одни цивилисты относят его к правам реализации чужой недвижимости, другие — к правам пользования, третьи подчёркивают его обязательственную сущность, «прикрытую» вещной формой. Введение данного института требует не механической рецепции зарубежных моделей, а глубокой адаптации к российской системе вещного права, где традиционно присуще строгое разграничение вещных и обязательственных притязаний.

Хотя в российской доктрине звучат обоснованные возражения против внедрения института, ряд исследователей, чьи позиции легли в основу законопроекта, считает его закрепление необходимым. Е. А. Суханов и И. А. Емелькина аргументируют это тем, что придание конструкции вещного статуса (вещное право следует за вещью при её переходе к другим лицам) обеспечивает стабильность оборота. По размышлениям И. А. Емелькиной, практическая ценность института обусловлена именно его добавлением к закрытому перечню вещных прав с фиксированным содержанием, что гарантирует предсказуемость регулирования[1].

Несмотря на кажущееся единство мнений, правовая природа института остаётся не до конца определённой и нуждается в тщательном анализе. В научной литературе не прекращаются споры о системном месте института. Традиционно существует два подхода разделения ограниченных вещных прав: 1) права пользования чужой вещью; 2) права на её принудительную реализацию. Сторонники первого направления, опираясь на классические построения В. И. Синайского и К. П. Победоносцева, акцентируют внимание на возможности извлечения дохода или полезного свойства из объекта. Противоположную научную позицию выделяет И. А. Емелькина, квалифицируя право вещной выдачи как право ответственности или принудительной реализации чужой вещи[2]. Е.А. Суханов предлагает третью (компромиссную) формулировку, определяя его как право на получение известной ценности из чужой вещи. Разнообразие доктринальных подходов вполне обусловлено: институт действительно находится на границе классических категорий, заимствуя из «пользования» идею периодического извлечения благ, а из «реализации» — механизм обеспечения через обращение взыскания[3].

Уникальность режима недвижимых вещей проявляется в способности их собственника обременять объект вещными правами в пользу третьих лиц — сервитутом, узуфруктом, правом вещных выдач и иными конструкциями,

---

[1] Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок: монография. М., 2011. С. 294. [Электронный ресурс]. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/9P624rsJjQ8F78cCWQgPxMQ9K8ZfC_8QIfDtCTWzQ4msxEEJqLEHa_dkri-cU9DKBs-qznu_0zFBEs_6xHTSLI5mfeqXJP2-NActLLkQtBZtmKNR7pj96w/Emelkina_I_A_Sistema_ogranichennykh_veschnykh_prav_na_zemelny_uchastok_2013.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

[2] Там же.

[3] Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 48. [Электронный ресурс]. URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=353021 (дата обращения: 03.04.2026).

которые могут быть воспроизведены в обороте движимого, но чаще всего касались лишь недвижимого имущества, придавая этим юридическим отношениям необходимую прочность[1]. Данное обстоятельство существенно расширяет хозяйственный потенциал владельца: он вправе капитализировать полезные свойства актива через установление ограниченных прав, прибегая к инструментам, недоступным для иных категорий имущества. Развитие права знаменуется как упрочнением форм оборота недвижимости, так и расширением перечня прав, которые с ростом экономических потребностей и технических возможностей могут устанавливаться в отношении нее[2].

С практической точки зрения, право вещной выдачи могло бы стать эффективным инструментом при прекращении режима общей собственности — будь то раздел имущества между супругами, выдел доли в крестьянском хозяйстве или выход участника из юридического лица.

Типичным примером может служить раздел совместно нажитого имущества при расторжении брака, когда единственным объектом собственности супругов выступает жильё, не подлежащее физическому разделу. Право вещной выдачи предлагает особую модель защиты. Поскольку обременение неразрывно связано с самой недвижимостью и сохраняет силу при любой смене собственника, управомоченное лицо получает надёжную гарантию периодических поступлений, которая не зависит от личной добросовестности или платёжеспособности текущего владельца. При систематическом нарушении графика платежей механизм защиты срабатывает автоматически: кредитор вправе инициировать обращение взыскания на объект по правилам, аналогичным ипотечному производству. При этом предусмотренная процедура позволяет не только удовлетворить накопленные требования, но и при определённых условиях приобрести обременённый объект на торгах, сохранив его экономическую ценность и избежав принудительного отчуждения. Таким образом, институт заменяет обязательство, зависящее только от воли должника, на вещную гарантию, следующую за недвижимостью.

Также существует подход, при котором окончательное решение принимается судом с учётом всех обстоятельств дела и позиций сторон. Особенно остро вопрос стоит в ситуациях, когда объектом выступает единственное жильё. Например, если однокомнатная квартира после раздела остаётся за бывшей супругой с детьми, а в пользу второго супруга

---

[1] Трибушкова Ксения Михайловна Право вещных выдач в российской системе ограниченных вещных прав // Право и политика. 2017. №4. С. 5—7. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-veschnyh-vydach-v-rossiyskoy-sisteme-ogranichennyh-veschnyh-prav (дата обращения: 03.04.2026).

[2] Синайский В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский ; Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, Кафедра гражданского права юридического факультета. : Статут, 2002. — 636 с. — (Классика Российской цивилистики). С. 8. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004483227/ (дата обращения: 03.04.2026).

устанавливается право вещной выдачи, возникает серьёзный риск: при невозможности своевременно вносить периодические платежи недвижимость может быть изъята через механизм ипотечного взыскания. В результате семья с несовершеннолетними детьми рискует лишиться крова, что противоречит принципам социальной защиты.

Интерес при рассмотрении вопроса о значимости права вещной выдачи для современного гражданского оборота вызывает принятый Государственной Думой РФ в первом чтении законопроект № 835938-7 от 14.11.2019 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно ст. 4 которого «в случае признания в результате раздела общего имущества супругов за одним из супругов прав на такое имущество, стоимость которого превышает стоимость причитающейся ему доли, в пользу другого супруга должна быть взыскана денежная компенсация, порядок и сроки выплаты которой (в том числе на условиях отсрочки или рассрочки) определяются решением суда, при этом по требованию супруга, которому присуждена денежная компенсация, суд может установить в пользу этого супруга залог определенного имущества другого супруга и запрет на отчуждение до момента выплаты компенсации»[1]. Указанная норма свидетельствует о формировании в законодательстве тенденций на усиление гарантий получателя компенсации через вещные обременения. Тем не менее, в отличие от права вещной выдачи, предлагаемый залог не создаёт самостоятельного ограниченного вещного права, а лишь обеспечивает уже возникшее обязательство. Разрыв между потребностью оборота и доступным инструментарием остаётся, что аргументирует целесообразность легализации института вещной выдачи.

В то же время в отношениях между сособственниками с неравными долями институт мог бы работать позитивно: имущество в натуре закрепляется за владельцем большей доли, а небольшой доли участник получает гарантированное законом право на периодические предоставления. Однако и здесь необходим осторожный подход, учитывающий экономические риски и реальную платёжеспособность сторон. Нельзя игнорировать и уже сложившуюся судебную практику принудительного выкупа незначительных долей (п. 4 ст. 252 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)). Право вещной выдачи способно предложить альтернативу такому выкупу, но лишь при условии чётких процессуальных гарантий и судебной проверки соразмерности обременения.

Так, в июле 2023 г. Бийский городской суд удовлетворил исковые требования о признании доли ответчика в праве собственности

[1] Законодательный проект О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов) № 835938-7 [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7 (дата обращения: 01.04.2026).

незначительной, о прекращении права ответчика на жилое помещение и о признании истца собственником доли ответчика. Гражданин С. согласился с исковыми требованиями, указав, что он не имеет интереса в рассматриваемом жилом помещении, не несет ответственности за уплату обязательных платежей и согласен на предложенную истцом компенсацию своей доли в праве собственности[1]. Данный судебный прецедент иллюстрирует, что суды успешно разрешают споры о долях через денежную компенсацию, когда отсутствует конфликт фактического пользования. Однако такая конструкция не учитывает потребности сторон, намеренных сохранить длительные имущественные связи с объектом. Право вещной выдачи предлагает перевести отношения из плоскости разового отчуждения в режим долгосрочного вещного обременения, что диктует необходимость разработки детальных критериев соразмерности и обязательной судебной оценки экономических рисков.

Однако в аналогичной ситуации в феврале 2024 г. Уссурийский районный суд Приморского края отказал в удовлетворении исковых требований, так как ответчик не был согласен с ними[2]. Данное решение подчёркивает, что даже при формальной незначительности доли принудительное прекращение права собственности недопустимо без учёта воли собственника, что усиливает аргумент в пользу права вещной выдачи как более гибкой альтернативы.

В частности, относительно таких конкретных случаев Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в Определении от 26.10.2020 № 56-КГ20-10-К9 дала некоторые пояснения: «... право выделяющегося собственника на выплату ему стоимости его доли может быть реализовано лишь при установлении судом незначительности доли выделяющегося собственника, возможности пользования им спорным имуществом, исследования возражений других участников долевой собственности относительно принятия ими в свою собственность доли выделяющегося собственника, в том числе установления, имеют ли они на это материальную возможность. В противном случае искажается содержание и смысл статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации, призванной обеспечить соблюдение необходимого баланса интересов всех участников долевой собственности»[3]. Указанная позиция Верховного Суда подчёркивает приоритет реального баланса интересов над формальным применением норм, усиливая аргумент в пользу права вещной выдачи как инструмента, позволяющего избежать радикального лишения

[1] Решение Бийского городского суда Алтайского края от 12 июля 2023 г. по делу № 2-1353/2023. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 02.04.2026).

[2] Решение Уссурийского районного суда Приморского края от 2 февраля 2024 г. по делу № 2-159/2024. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Определение Верховного суда РФ от 26 октября 2020 г. № 56-КГ20-10-К9 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

собственности (сохраняется ограниченное вещное право) при сохранении экономических гарантий для всех участников.

Обобщение правоприменительной практики позволяет констатировать, что действующие механизмы разрешения имущественных споров — принудительный выкуп незначительных долей и присуждение денежной компенсации с залоговым обеспечением — не всегда обеспечивают устойчивый баланс интересов. Судебная коллегия ВС РФ последовательно занимает осторожную позицию, требуя индивидуальной оценки не только формальной незначительности доли, но и реального интереса сторон, их платёжеспособности и волеизъявления. Это подтверждает системный пробел: текущие инструменты рассчитаны на разовое прекращение отношений, тогда как оборот всё чаще нуждается в долгосрочных, обеспеченных вещью решениях. Право вещной выдачи способно заполнить эту нишу, трансформируя личное обязательство в стабильное периодическое предоставление, следующее за недвижимостью. Однако его практическая реализация невозможна без жёстких процессуальных гарантий: обязательной судебной проверки соразмерности обременения, приоритетной защиты единственного жилья и механизмов адаптации выплат к изменяющимся экономическим условиям. Лишь при таком подходе институт сможет снизить нагрузку на суды, пресечь злоупотребления владельцев малых долей и стать, предсказуемым инструментом гражданского оборота, не размывая социальные гарантии и принцип справедливости.

Из всего выше написанного, можно сделать вывод о том, что институт обладает двойственной природой, соединяя вещно-правовую устойчивость с обязательственной гибкостью. Это открывает новые возможности для регулирования оборота недвижимости, прежде всего при разделе супружеского имущества, выделе доли в фермерском хозяйстве или выходе из юридического лица.

Его внедрение требует взвешенного подхода: особая природа института обеспечивает правообладателю вещную гарантию, но возлагает на собственника позитивную обязанность, что требует чётких процессуальных механизмов и судебной проверки соразмерности.

При грамотной конструкции право вещной выдачи способно стать практичным инструментом для отношений совместной и долевой собственности, что помогает снизить судебную нагрузку. Важно, что современная модель института окончательно утратила архаичный, феодальный оттенок, поэтому доктринальные предубеждения против него лишены объективных оснований.

Таким образом, право вещной выдачи может занять достойное место в российской системе вещных прав, но лишь как результат глубокой адаптации, где баланс между гибкостью оборота и предсказуемостью

достигается через чёткие законодательные критерии, судебный контроль и приоритет защиты слабой стороны.

Научная статья
УДК 347

К ВОПРОСУ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ГРАЖДАНАМ ПРИ ОТКАЗЕ В ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Арина Евгеньевна ГРУША
Федеральное казённое образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики ФСИН России»
arin.grusha@gmail.com

Научный руководитель преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Федерального казённого образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики ФСИН России» **Ксения Андреевна МОЛОДОВА,** arsenic28072015@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы возмещения морального вреда гражданам в случаях отказа в оказании медицинской помощи. Анализируются нормы российского законодательства, регулирующие ответственность медицинских организаций, а также особенности доказывания морального вреда. Особое внимание уделяется современной судебной практике 2024–2025 годов, выявляющей тенденции в определении оснований и размера компенсации. Исследуются научные подходы к квалификации морального вреда в медицинских спорах. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования и унификации судебной практики.

Ключевые слова: моральный вред, медицинская помощь, отказ в лечении, гражданско-правовая ответственность, судебная практика, пациент, компенсация вреда

Право граждан на охрану здоровья и получение медицинской помощи является одной из базовых социальных гарантий, закрепленных в Конституции Российской Федерации и конкретизированных в отраслевом законодательстве, прежде всего в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1]. Несмотря на установленный государством приоритет охраны

[1]Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 17.11.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

здоровья населения, на практике нередко возникают ситуации, связанные с отказом в оказании медицинской помощи, что приводит к нарушению личных неимущественных прав граждан и причинению им морального вреда. Данная проблема приобретает особую актуальность в условиях повышения требований к качеству медицинских услуг и усиления внимания к защите прав пациентов.

Моральный вред в рассматриваемом контексте представляет собой физические и нравственные страдания, испытываемые гражданином вследствие противоправных действий или бездействия медицинских работников либо организаций. В соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, если гражданину причинен моральный вред, суд вправе возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации. При этом специфика медицинских правоотношений обусловливает наличие дополнительных факторов, влияющих на оценку такого вреда, включая характер заболевания, степень вмешательства в личную сферу пациента, а также последствия отказа в оказании помощи.

Научное осмысление проблемы морального вреда в сфере здравоохранения свидетельствует о многоаспектности данного явления. Так, П. Г. Габай указывает, что моральный вред в медицинских правоотношениях характеризуется повышенной социальной значимостью, поскольку затрагивает не только индивидуальные интересы пациента, но и общественное доверие к системе здравоохранения в целом[1]. В свою очередь, М. И. Галюкова подчеркивает, что ключевое значение при рассмотрении подобных споров имеет установление причинно-следственной связи между действиями медицинской организации и наступившими негативными последствиями, что нередко требует проведения сложных судебно-медицинских экспертиз[2].

Правовое регулирование ответственности медицинских организаций за отказ в оказании медицинской помощи носит комплексный характер и включает нормы гражданского законодательства, законодательства о здравоохранении, а также положения Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». В частности, статья 98 Федерального закона № 323-ФЗ предусматривает обязанность возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан при оказании медицинской помощи. При этом судебная практика исходит из того, что субъектом ответственности, как правило, выступает медицинская организация, в которой работает

[1]Компенсация морального вреда в результате некачественного оказания медицинской помощи. СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kompensaciya_moralnogo_vreda_v_rezultate_nekachestvennogo_okazaniya_medicinskoj_pomoschi/ (дата обращения 19.03.2026).

[2]Галюкова М. И. Статья: Процессуальные и организационные особенности взаимодействия эксперта и суда по медицинским спорам // Российский судья. 2024. № 6. С. 3.

медицинский работник, допустивший нарушение, что подтверждается многочисленными судебными актами[1].

Особую сложность в делах о компенсации морального вреда при отказе в оказании медицинской помощи представляет процесс доказывания. В отличие от имущественного ущерба, моральный вред не имеет объективно измеряемых показателей, что обусловливает оценочный характер судебного усмотрения. Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях указывает, что при определении размера компенсации необходимо учитывать характер и степень страданий потерпевшего, степень вины причинителя вреда, а также требования разумности и справедливости[2]. При этом в случаях причинения вреда здоровью презюмируется наличие моральных страданий, что облегчает положение истца в процессе доказывания.

Анализ судебной практики 2024—2025 годов позволяет выявить ряд устойчивых тенденций в разрешении споров, связанных с отказом в оказании медицинской помощи. Так, в определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2024 г. № 88-16992/2024 суд пришел к выводу о частичном удовлетворении требований о компенсации морального вреда, указав на недостаточность доказательств, подтверждающих нарушение стандартов медицинской помощи[3]. Данный пример свидетельствует о высокой значимости доказательственной базы, в частности заключений экспертов, при рассмотрении подобных дел.

Вместе с тем в ряде случаев суды занимают более жесткую позицию по отношению к медицинским организациям. Так, в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 сентября 2024 г. № 8Г-18867/2024 было удовлетворено требование о взыскании значительной компенсации морального вреда в пользу родственников умершего пациента, что было обусловлено установлением факта ненадлежащего оказания медицинской помощи, повлекшего тяжкие последствия[4]. В данном случае суд подчеркнул, что смерть пациента является обстоятельством, усиливающим степень нравственных страданий его близких, что должно учитываться при определении размера компенсации.

---

[1]Батурина И. Медицинская организация заплатит за страдания пациента и его близких. URL: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/meditsinskaya-organizatsiya-zaplatit-za-stradaniya-patsienta-i-ego-blizkikh/ (дата обращения 19.03.2026).

[2]Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2025 № 32-КГ25-7-К1 по делу № 2-1197/2024 (УИД 64RS0004-01-2024-000756-27). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412224492/ (дата обращения 19.03.2026).

[3]Компенсация морального вреда в результате некачественного оказания медицинской помощи. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kompensaciya_moralnogo_vreda_v_rezultate_nekachestvennogo_okazaniya_medicinskoj_pomoschi/ (дата обращения 19.03.2026)

[4]Определение СК по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 сентября 2024 г. по делу N 8Г-18867/2024[88-19434/2024]. URL: https://base.garant.ru/342421880/ (дата обращения 19.03.2026).

Практика 2025 года демонстрирует дальнейшее развитие подходов к оценке морального вреда. В частности, в решении по делу № 2-148/2025 суд указал, что даже при отсутствии прямого вреда здоровью пациента факт отказа в оказании медицинской помощи может являться основанием для компенсации морального вреда, поскольку нарушает право гражданина на своевременное получение медицинской помощи[1]. Аналогичный подход прослеживается и в других судебных актах, где суды признают самостоятельную значимость нарушения прав пациента независимо от наступления тяжких последствий.

В то же время судебная практика остается неоднородной, что проявляется в значительной дифференциации размеров присуждаемых компенсаций. Например, в одном из дел 2025 года суд определил размер компенсации морального вреда в сумме 500 000 рублей, исходя из индивидуальных особенностей истца и обстоятельств дела[2]. В других случаях суммы компенсаций оказываются существенно ниже, что обусловлено различиями в оценке степени страданий и характера допущенных нарушений.

Выявленные противоречия свидетельствуют о наличии ряда проблем в правоприменительной практике. Прежде всего, следует отметить отсутствие единых критериев определения размера компенсации морального вреда, что приводит к существенным различиям в судебных решениях. Кроме того, сохраняется сложность установления причинно-следственной связи между отказом в оказании медицинской помощи и наступившими последствиями, особенно в случаях, когда речь идет о хронических заболеваниях или сопутствующих патологиях[3]. Дополнительные трудности возникают в связи с тем, что действующее законодательство не выделяет отказ в оказании медицинской помощи в качестве самостоятельного основания гражданско-правовой ответственности, что усложняет квалификацию соответствующих деяний.

В научной литературе предлагаются различные пути решения обозначенных проблем. В частности, высказывается мнение о необходимости разработки минимальных стандартов компенсации морального вреда, что позволило бы обеспечить большую предсказуемость судебных решений. Кроме того, обосновывается целесообразность расширения презумпций в пользу пациента, в том числе в части доказывания причинно-следственной связи. Значительное внимание уделяется также

---

[1]Решение № 2-14559/2023 2-148/2025 2-148/2025(2-3342/2024;2-14559/2023;)~М-7578/2023 2-3342/2024 М-7578/2023 от 12 февраля 2025 г. по делу № 2-14559/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/msFK8x2a9Yox/ (дата обращения 19.03.2026).

[2]Решение № 2-25/2025 2-25/2025(2-751/2024;)~М-602/2024 2-751/2024 М-602/2024 от 29 июня 2025 г. по делу № 2-25/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/83lhTPb3fVo1/ (дата обращения 19.03.2026).

[3]Колтунова Д. О. Правовая неопределённость критерия объективности оснований отказа медицинской организацией в медицинской помощи // Медицинское право. Материалы V Международного форума по медицинскому праву. Екатеринбург, 2025. С. 26.

развитию института страхования ответственности медицинских организаций, что могло бы повысить уровень защиты прав граждан.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт компенсации морального вреда при отказе в оказании медицинской помощи играет важную роль в обеспечении защиты прав граждан. Современная судебная практика свидетельствует о постепенном расширении оснований ответственности медицинских организаций и повышении значимости личных неимущественных прав пациентов. Вместе с тем сохраняющиеся проблемы неоднородности правоприменения и сложности доказывания требуют дальнейшего совершенствования законодательства и формирования единообразных подходов в судебной практике, что будет способствовать повышению эффективности защиты прав граждан в сфере здравоохранения.

Научная статья
УДК 347

МЕСТО И РОЛЬ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Давид Сергеевич ГУДКОВ[1], Елизавета Андреевна МАЛАЕШТЯН[2]
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] gudkovam31@gmail.com
[2] malaestanelizaveta@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербург ского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, младший советник юстиции **Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ**

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее дискуссионных тем отечественной правовой науки, а именно, месту решений высших судов в системе источников российского права. На основании анализа правовых позиций высших судебных инстанций и складывающейся правоприменительной практики, авторами рассматривается расхождение между формальным отрицанием судебного прецендента в отечественной доктрине и фактической прецедентообразующей ролью актов Конституционного и Верховного судов РФ.

Ключевые слова: судебный прецедент, источники права, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ

Вопрос о месте решений высших судов в системе российского права на протяжении многих лет остается одним из наиболее дискуссионных в отечественной науке.

Решения Конституционного и Верховного судов Российской Федерации (далее по тексту — РФ) играют одну из ключевых ролей в отечественной правовой системе, в том числе и в гражданском праве. Поскольку, правовая доктрина не признает судебные прецеденты в качестве правовых источников, то и решения высших судов формально не относятся к источникам права, поскольку не создают новые нормы, а лишь разъясняют и толкуют смысл отдельных положений гражданского законодательства.

Так, например, полномочие Верховного Суда РФ давать судам разъяснения по вопросам судебной практики закреплено в подпункте 1 пункта 7 статьи 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 №3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» и оно направлено на обеспечение единообразного применения законодательства.

Особую актуальность рассматриваемая проблематика приобретает в контексте гражданско—правового регулирования, которое характеризуется широким использованием таких оценочных категорий как: «добросовестность», «разумные сроки», «должная осмотрительность». Данная специфика обусловлена самой природой гражданско-правового регулирования, которое нацелено на упорядочение обычных (повседневных) и регулярно складывающихся общественных отношений.

Отсюда закономерно возникают вопросы о том, какое именно место занимают решения высших судов в российской правоприменительной практике и могут ли они всё-таки считаться источниками гражданского права?

Как мы уже писали выше, Верховный Суд РФ обладает полномочием давать разъяснения для обеспечения единообразия применения норм судами «на местах» на местах нужно взять в кавычки. При этом важно отметить то, что подобные разъяснения, которые зачастую оформлены в качестве Постановлений Пленума, не являются обязательными для нижестоящих судов, а имеют изначально рекомендательный характер. Но как в таком случае мы можем говорить о прецедентном характере данных судебных актов?

Рассмотрим Постановление Конституционного суда РФ от 23 декабря 2013 года №т 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука».

Так, в абзаце 3 пункта 5.1 Постановления указано следующее: «применение судами общей юрисдикции в ходе рассмотрения дела конкретных правовых норм должно соотносится с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, — иное

может свидетельствовать о судебной ошибке, допущенной при разрешении дела»[1].

Кроме этого, в Постановлении также указано, что решения судов могут быть «отменены в случае их расхождения с постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащими разъяснения по вопросам судебной практики»[2].

Таким образом, Конституционный Суд РФ своим Постановлением, имеющим прецедентный характер, наделил аналогичной правовой сущностью также и разъяснения Верховного Суда РФ.Председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин в своей статье также указывает на особый характер актов высших судебных органов: «Решения и разъяснения этих судов…<…>…оказывают значительное влияние на последующие судебные решения, фактически приобретают прецедентное значение»[3],— кроме того, Валерий Дмитриевич справедливо подмечает несхожесть доктринального непризнания прецедента в России как источника права с юридической действительностью.

Складывается ситуация, при которой, несмотря на отсутствие законодательно закрепленной обязанности судов руководствоваться разъяснениями высших инстанций, несоблюдение последних фактически рассматривается в качестве основания для отмены судебных актов, будучи квалифицируемыми как ошибка в применении права.

Одним из примеров прецедентного характера судебных решений в России является так называемый «эффект Ларисы Долиной».

Весной 2024 года мошенники убедили артистку провести фиктивную продажу квартиры в Хамовниках. Хамовнический районный суд г. Москвы по иску Л. А. Долиной признал недействительной сделку по продаже квартиры. В результате рассмотрения дела суд прекратил право собственности покупателя на спорный объект недвижимости. Отказ в удовлетворении требования о возврате денежных средств был мотивирован тем, что соответствующее требование о возмещении убытков подлежит предъявлению к лицам, совершившим мошеннические действия[4].

По данным на 1 декабря 2025 года, предоставленным президентом Нотариальной палаты Санкт-Петербург а Е.С. Ульяновой, в России за 2025 год было зафиксировано 5,7 тыс. случаев мошенничества с продажей

---

[1]Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Там же, абзац 3, п. 5.1.

[3]Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 137.

[4]Эффект Долиной» [URL]: https://www.rbc.ru/economics/02/12/2025/692d76f39a7947d08fb3bcd8#toc-b3bcd8-Как%20дело%20дошло%20до%20Верховного%20суда (20.03.2026).

квартир, из них оспорено более 3 тыс. дел[1]. Таким образом, можно сделать вывод о создании некого прецендента Хамовническим районным судом г. Москвы.

В декабре 2025 года Верховный суд РФ пересмотрел решение нижестоящих инстанций и оставил право собственности на квартиру за покупателем[2]. Ключевым моментом решения стало заблуждение относительно мотивов, а не природы сделки. Таким образом, согласно п. 3 ст. 178 ГК РФ, такое заблуждение «не является достаточно существенным для признания сделки недействительной»[3]. Решение Верховного суда РФ закрепило новый прецендент, связанный «со схемой Долиной», фактически прекратив её негативное действие.

Существуют и иные современные примеры прецедентности решений высших судов. Обратим внимание на частичное несоответствие подходов Верховного и Конституционного судов РФ касательно перехода обязанности компенсации морального вреда наследникам умершего, изложенных в Постановлении от 15.11.2022 № 33[4] и Постановлении от 29.05.2025 № 24-П[5] соответственно.

Первый из указанных актов носит общий характер и выполняет функцию методологического ориентира, поскольку задает направление правоприменительной деятельности судебных органов и иных субъектов гражданских правоотношений, конкретизируя ключевые аспекты, наиболее часто возникающие при разрешении споров о компенсации морального вреда. Второй судебный акт, приведенный выше, содержит в себе разъяснения Конституционного суда РФ по поводу частного случая и охватывает значительно меньший круг вопросов. Предлагаем провести их сравнительный анализ.

Но для начала обратимся к Гражданскому кодексу РФ, а именно к статье 1112. Во втором абзаце указано следующее: «Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, в частности право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также права и

[1]Нотариальная палата Санкт-Петербурга [URL]: https://78.notariat.ru/ru-ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

[2]Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3]Российская газета. Дело Долиной [URL]: https://rg.ru/2025/12/18/verhovnyj-sud-opublikoval-polnyj-tekst-opredeleniia-po-delu-dolinoj-lure.html (дата обращения: 20.03.2026).

[4]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[5]Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. Г. Байгускаровой и М. Г. Мухаметчина» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается настоящим Кодексом или другими законами»[1].

Норма закрепляет такое понятие, как «права и обязанности, неразрывно связанные с личностью», дополнительно указывая частные случаи, такие как право на алименты, а также право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. Исходя из этого, можно сделать вывод, что обязанность компенсации морального вреда как неразрывно связанная с личностью не должна входить в состав наследства. Верховный суд РФ не только подтверждает данную позицию в п.9 Постановления № 33, но также и вносит важное уточнение во втором абзаце: если сумма была присуждена, то она, как имущественное право требования, переходит по наследству[2]. Таким образом, устанавливается разграничение в виде вступившего в силу решения суда, в котором наследодателю присуждают определенную сумму в качестве компенсации морального вреда. Данный юридический факт трансформирует получение компенсации из «права, неразрывно связанного с личностью» в «имущественное право».

Теперь рассмотрим позицию Конституционного суда РФ. В Постановлении от 29.05.2025 № 24-П рассматриваются на предмет конституционности статьи 151 и 1112 ГК РФ в связи с жалобой граждан А. Г. Байгускаровой и М. Г. Мухаметчина.

В пункте 6 разъясняется следующее: «Таким образом, взаимосвязанные положения…<…>…не противоречат Конституции Российской Федерации…<…>…не препятствуют включению в состав наследства лица, совершившего преступление (подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование которого прекращено по нереабилитирующим основаниям), и возложению на его наследников обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему от этого преступления в пределах стоимости наследственного имущества вне зависимости от наличия на момент смерти причинителя вреда вступившего в силу судебного акта, обязывающего его выплатить соответствующую компенсацию». Таким образом, Конституционным судом РФ создается исключение, не предусмотренное ни Гражданским кодексом РФ, ни Верховным судом РФ. Следовательно, на наследников лиц, совершивших преступление, может быть наложена обязанность компенсации морального вреда потерпевшему лишь на основании факта совершения преступного деяния. При этом, не обязательно наличие обвинительного приговора в отношении человека (а также не обязательно решение суда о присуждении компенсации морального вреда истцу), поскольку Конституционный суд РФ в 6 пункте также указал, что

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», п. 9.

преступнику достаточно иметь процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование которого прекращено по нереабилитирующим основаниям. Такое может быть, например, если подозреваемое или обвиняемое лицо осуществило явку с повинной, признало вину или было поймано с поличным.

Таким образом, Конституционный суд РФ своим Постановлением создал важное исключение, которое до этого не было предусмотрено ни законом, ни иной судебной практикой.

В качестве заключительного примера проанализируем изменения, внесенные в статью 200 Гражданского кодекса РФ. В предыдущей редакции данной статьи было закреплено, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права[1]. Рассмотрим Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.11.2008 № 126. Так, в абзаце 9 и 10 пункта 12 вышеназванного документа содержится пример гибкости правоприменения поскольку указано следующее: «…защита права в рамках искового производства невозможна до тех пор, пока лицу неизвестен нарушитель права... Несмотря на то, что собственник лишился владения своим имуществом в 1997 году, срок исковой давности по требованию о его возврате начал течь с момента, когда истец узнал о его нахождении во владении ответчика. Так как довод истца об обнаружении им имущества только в 2003 году, не получил надлежащей оценки, суд кассационной инстанции направил дело на новое рассмотрение»[2]. В дальнейшем, 1 сентября 2013 года, статья 200 Гражданского кодекса РФ была изменена, в результате чего в дефиниции нормы появилось важное дополнение: «Течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права»[3].

В связи с этим, можно отметить то, как судебные органы, задолго до внесения изменений в законодательство, трактовали статью 200 Гражданского кодекса РФ так, чтобы обеспечить наиболее справедливую защиту нарушенных прав титульных владельцев, что уже в дальнейшем легло в основу будущего преобразования данной нормы.

Подводя итоги, следует констатировать, что, несмотря на отсутствие в российском законодательстве официального признания судебного прецедента в качестве источника права, решения Конституционного и

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3]Гражданский кодекс Российской Федерации" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Верховного судов РФ фактически занимают центральное место в механизме правового регулирования гражданских отношений. Данные акты служат средством устранения пробелов в законодательстве, а также гарантируют унификацию и устойчивость судебной практики.

Научная статья
УДК 347

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЕНСАЦИИ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ

Сергей Юрьевич ДЕНИСОВ
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
serezha_denisov1990@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф Яковлева, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Валерьевич СТЕПАНЧЕНКО,** astep@urallaw.ru

Аннотация. в работе рассмотрена возможность компенсации неимущественного вреда юридическому лицу. В рамках исследования проводится анализ положений закона о нематериальных благах, понятия и существенных признаков морального вреда, а также позиций высших судебных инстанций, касающихся рассматриваемого вопроса. В ходе изучения доктринальных и законодательных положений автор приходит к выводу о необходимости изменения законодательства РФ в указанной области, а также предлагает пути решения поставленных проблем.

Ключевые слова: компенсация, моральный вред, неимущественный вред, нематериальные блага, юридическое лицо, физические и нравственные страдания

Ряд ученых вполне справедливо отмечает, что всевозможные дискуссии по поводу компенсации морального вреда сопровождались указанием на возможность применения данного способа защиты в отношении юридических лиц[1]. Действительно, в 2013 г. в действующий ГК РФ были внесены поправки, в соответствии с которыми правила о защите деловой репутации распространяются и на юридических лиц за исключением положений о компенсации морального вреда. На основании этого мы можем

[1]Евстигнеев Э. А. Реставрация дискуссии о возможности компенсации морального вреда юридическому лицу // Закон. 2025. № 5. С. 59.

задаться вполне логичными вопросами: «Почему законодатель ограничил субъектный состав данных правоотношений? Каковы предпосылки и причины введения рассматриваемого положения закона?»

На наш взгляд, это обусловлено несколькими факторами: во-первых, пониманием сущности юридического лица в рамках отечественного правопорядка, во-вторых, сложившейся судебной практикой, в которой суды высших инстанций обосновывают невозможность компенсации морального вреда юридическому лицу, в-третьих, неполнотой правовой регламентации нематериальных благ юридических лиц, подлежащих гражданско-правовой защите. Анализ доктринальных позиций и судебной практики позволяет заключить, что указанные обстоятельства во многом препятствуют эффективной правовой охране деловой репутации юридического лица, в связи с чем продуктивным представляется анализ данных проблем и способов их преодоления. Стоит заметить, что предпосылка введения в ГК РФ положения о невозможности компенсации морального вреда юридическому лицу была сформулирована в правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда, изложенной в соответствующем Постановлении от 05.08.1997 г. №1509/97, в котором Суд обосновал невозможность компенсации морального вреда юридическому лицу именно через определение морального вреда. «Моральный вред — это физические и нравственные страдания, и исходя из смысла ст. 151 ГК РФ он может быть причинен только гражданину, но не юридическому лицу»[1]. Связано это, в первую очередь, с тем, что юридическое лицо не может испытывать как таковых физических или нравственных страданий. Несомненно, такое понимание категории морального вреда исключает всякую возможность компенсации вреда юридическому лицу, однако в этой связи можно задаться вполне логичным вопросом о корректности используемого в законе термина и определения морального вреда, установленного ст. 151 ГК РФ. В цивилистической науке к понятию морального вреда относятся неоднозначно. Указывается, в частности, на несовершенство данного понятия, вызывающее неопределенность в научном обществе, а также разрозненность судебной практики по данной категории споров. «Моральный вред — один из самых неудачных терминов ГК РФ 1994 года — не только прижился в законодательстве, но, что действительно странно, используется в научных дискуссиях»[2]. Так, например, Архипов И. В. предлагает заменить понятие морального вреда на более точное и определенное — неимущественный вред, который «причиняется в результате посягательства на неимущественные блага, охраняемые и

[1]Постановление Президиума ВАС РФ от 05.08.1997 г. №1509/97 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2]Архипов И. В. Компенсация «морального» вреда юридическим лицам: неточности терминологии // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2017. № 4. С. 417

защищаемые гражданским законодательством, и об имущественной компенсации такого вреда». Данный подход был вполне успешно реализован в правопорядке Германии: так, в 2002 г. в ГГУ ФРГ термин «компенсация за боль и страдания» в связи с признанием его неполноты был заменен на «нематериальный вред», что обеспечило более широкое понимание рассматриваемой конструкции. Между тем, вопрос невозможности компенсации неимущественного вреда юридическому лицу часто связывают с пониманием сущности самого юридического лица в отечественном гражданском законодательстве. Обращаясь к данному вопросу, важно отметить позицию Козловой Н. В., которая отмечает, что «законодатель рассматривает юридическое лицо преимущественно с позиций теории фикции, т.е. как правовое средство, прием юридической техники, искусственный субъект права, возникающий только после его государственной регистрации»[1]. Однако, учитывая развитие общественных отношений в данной сфере, а также коренное изменение социокультурных условий жизни общества, представляется верным рассмотрение сущности и правовой природы юридического лица в комплексном его понимании.

Полагаем, что понимание природы юридического лица с одной лишь точки зрения теории фикции невозможно. Несомненно, данная концепция в какой-то степени определяет сущность юридического лица в качестве результата интеллектуальной деятельности людей, однако определение его в качестве искусственного, фиктивного субъекта видится не совсем корректным. Достаточно интересно суждение Покровского И. А. по данному поводу, для которого юридическое лицо имеет такую же правовую природу, как и физическое лицо. Юридическое лицо, с точки зрения ученого, представляет собой объект юридической реальности, абстрактный центр хозяйственной жизни, обособленный от создавших его индивидов.

Покровский И.А. критиковал теорию юридической фикции, указывая, что «воля корпорации есть несомненный факт реальности, нельзя отрицать наличность корпоративной воли как некоторого произведения индивидуальных воль, идущих в одном и том же направлении»[2]. При этом важно рассмотреть и теорию «директора», предложенную Толстым Ю. К. Ученый в своих трудах указывает следующее: «Единственным субъектом, управомоченным выражать волю госоргана в сфере правоотношений, является его руководитель — директор, воля которого определяется волей государства и в то же время не зависит от воли работников госоргана. Он же, директор, в соответствии с плановыми заданиями государства осуществляет правомочия по владению, пользованию и, в известных пределах,

[1]Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. Москва: Статут, 2003. С. 182

[2]Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 2013. С. 158.

распоряжению выделенным в оперативное управление госоргана имуществом»[1].

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время наиболее правильным подходом в определении сущности и правовой природы юридического лица является его комплексное осмысление, то есть применение законодателем различных теорий происхождения юридического лица в ходе его правотворческой деятельности, что во многом позволит сформулировать содержание его нематериальных благ и их надлежащей правовой защиты.

Однако пробельность рассматриваемого вопроса касается не только невозможности компенсации вреда юридическому лицу, но и иных положений гражданского законодательства, касающихся, в частности, определения нематериальных благ и их защиты. Ст. 150 ГК РФ раскрывает понятие нематериальных благ путем перечисления, включая в него также честь, доброе имя и деловую репутацию. ГК РФ устанавливает, что нематериальные блага присущи лишь гражданину от рождения, всячески обходя стороной нематериальные блага юридического лица, в том числе его деловую репутацию.

Лишь в ст. 152 ГК РФ указано, что правила о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица, что представляется концептуально неверным подходом, поскольку «каждый товаропроизводитель, предприниматель, иной участник имущественных отношений заинтересован в поддержании и упрочении своего имиджа надежного партнера, добросовестного контрагента и т. д. Для юридических лиц — это одно из условий их успешной как экономической, так и любой другой осуществляемой ими деятельности»[2]. То есть, можем заключить об отсутствии самостоятельной правовой конструкции деловой репутации юридического лица, а также определения его в качестве нематериального блага в законодательстве РФ.

Но что же понимается под деловой репутацией юридического лица? Красавчикова Л. О. указывает, что «право на деловую репутацию означает, что гражданин (юридическое лицо) имеет обеспеченную законом возможность требовать от других лиц, чтобы оценка его личности, дел и поступков опиралась на реальные обстоятельства и не искажалась порочащими сведениями, не соответствующими действительности».

Презюмируется, что деловая репутация как нематериальное благо неотчуждаемо, а также не имеет в себе никакого экономического содержания. Однако в настоящее время такая категория может иметь и

---

[1]Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Ленинград, 1955. С. 88.

[2]Гонгало Б. М. Гражданское право: учебник. В 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Статут, 2017. Т. 1. С. 144.

имущественную оценку, поскольку закон предусматривает использование права на нее в качестве вклада по договору простого товарищества, а также по договору коммерческой концессии, что прямо свидетельствует о экономическом значении деловой репутации, в том числе юридического лица. На основании этого можно задаться вполне логичным вопросом: нивелирует ли экономическая оценка деловой репутации ее значение как нематериального блага? Следуя данной логике, нарушение деловой репутации физического лица — индивидуального предпринимателя также лишает его возможности компенсации морального вреда, поскольку указанный способ защиты преследует охрану неимущественных благ, что рамках действующего регулирования видится некорректным.

В этой связи Козлова Н. В. отмечает, что даже признание имущественного характера деловой репутации профессионального предпринимателя, будь то гражданин или коммерческое юридическое лицо, само по себе не лишает этих субъектов возможности требовать компенсации морального вреда[1]. Свидетельствует об этом и п.2 ст. 1099 ГК РФ, в соответствии с которым моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом.

Рассмотрим судебную практику в обоснование изложенного тезиса. Так, в своем Определении от 4 декабря 2003 года № 508-О Конституционный Суд РФ сформулировал позицию, в соответствии с которой применимость того или иного конкретного способа защиты нарушенных гражданских прав к защите деловой репутации юридических лиц должна определяться исходя именно из природы юридического лица. При этом отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения[2].

Суд также ссылается на решение Европейского Суда по правам человека от 06.04.2000 по делу "Компания Комингерсол С. А." против Португалии", в соответствии с которым недопустимо исключение возможности присуждения коммерческой компании компенсации за нематериальные убытки, которые "могут включать виды требований, являющиеся в большей или меньшей степени "объективными" или "субъективными". Среди них необходимо принять во внимание репутацию компании, неопределенность в планировании решений, препятствия в

[1]Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. Москва: Статут, 2005. С. 155.

[2]Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

управлении компанией (для которых не существует четкого метода подсчета) и, наконец, хотя и в меньшей степени, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании".

Аналогичная правовая позиция была сформулирована и в решении Арбитражного Суда г. Москвы от 27.10.2004 г. по делу «Альфа банк против Коммерсантъ», в котором Суд, удовлетворяя требования истца о взыскании «репутационного» вреда, обосновывает свое решение ранее указанной позицией Конституционного Суда РФ. В частности, Суд отмечает, что «распространенная ответчиком недостоверная и порочащая истца информация, причинила вред репутации истца. Этот вред выразился в утрате доверия к банку со стороны его клиентов, что повлекло значительный отток денежных средств из банка»[1].

Важно отметить, что релевантный зарубежный опыт правоприменения также приходит к выводу о возможности компенсации неимущественного вреда юридическому лицу: Гаврилов Е. указывает, что итальянская цивилистическая доктрина признает право юридических лиц на компенсацию морального вреда. «Указанная компенсация взыскивается за неимущественный вред, который в теории включает в себя субъективный моральный вред, экзистенциальный вред, и биологический вред»[2].

Таким образом, можем заключить о том, что для реализации возможности компенсации неимущественного вреда юридическому лицу требуются существенные поправки как соответствующих положений ГК РФ, так и устоявшихся правовых позиций высших судебных инстанций по поводу их применения. Думается, что такие поправки могут состоять в изменении понятия и дефиниции «морального» вреда на «неимущественный вред», причиняемый в результате посягательства на неимущественные блага, охраняемые и защищаемые гражданским законодательством. В этой связи существенной доработке подлежат положения о нематериальных благах в части введения категории деловой репутации, присущей как гражданам, так и юридическим лицам. Предложенные изменения, на наш взгляд, позволят не только снять неопределенность в рассматриваемом вопросе, но и обеспечить юридических лиц эффективным правовым инструментом защиты их прав и законных интересов, что, несомненно, крайне продуктивно как для теории, так и для практики.

[1] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.10.2004, 27.10.2004 по делу № А40-40374/04-89-467 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2]Гаврилов Е. Компенсация неимущественного вреда юридическим лицам: опыт Италии, а также Европейского Суда по правам человека по «итальянским» делам и его использование в России // Хозяйство и право. 2012. № 3(422). С. 96.

Научная статья
УДК 347

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Станислав Сергеевич ДОМБРОВСКИЙ
Санкт-Петербург ский Государственный Университет Аэрокосмического приборостроения (Институт № 8 Технологий Предпринимательства и Права), Санкт-Петербург, Россия
stas.dombrovskiy.05@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского Государственного Университета Аэрокосмического Приборостроения, кандидат юридических наук, **Галина Владимировна ЛУКЬЯНОВА,** galina_72_05@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные проблемы, затрагивающие особенности регулирования интеллектуальной собственности в сфере предпринимательства. В современных реалиях представители как малого, так и крупного бизнеса становятся всё более уязвимыми в отношении объектов интеллектуальной собственности, которую они используют в своей деятельности. Это связано с тем, что в существующем законодательстве наблюдается ряд неточностей и пока отсутствуют необходимые поправки, которые бы отвечали требованиям времени. Нормативно-правовые акты в области интеллектуальных прав требуют рассмотрения, детального анализа и внесения необходимых поправок с учётом цифровизации.

Ключевые слова: интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, предпринимательская деятельность, цифровизация

Интеллектуальная собственность становится ключевым ресурсом экономики, особенно в условиях цифровизации. Она выступает инструментом развития цифровых технологий, формирует глобальный цифровой рынок и влияет на рост материального рынка. Креативные индустрии, основанные на интеллектуальной собственности, вносят значительный вклад в ВВП[1].

Цифровизация существенно трансформирует методы создания, использования и распространения объектов интеллектуальной

[1]Данелян М. С. Развитие интеллектуального права в эпоху цифровизации // Исследования молодых учёных. 2021. №1(27)

собственности. Современные цифровые технологии способствуют ускорению генерации контента и обеспечивают его глобальное распространение, однако одновременно порождают значительные риски несанкционированного использования, плагиата и иных нарушений прав на интеллектуальную собственность. Так, по состоянию на 2024 год, более 70 % контента, распространяемого в социальных сетях, осуществляется без должного согласия правообладателей, при этом ежемесячно фиксируется свыше 500 000 случаев нарушения авторских прав[1], что требует усиления мер по защите интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Цель настоящей статьи — выявить основные проблемы регулирования и защиты интеллектуальной собственности в предпринимательской деятельности и предложить пути их разрешения.

Правовое регулирование интеллектуальной собственности в Российской Федерации базируется на ряде нормативно-правовых актов. Конституция РФ (статья 44) гарантирует свободу творчества и охрану интеллектуальной собственности[2]. Основным источником регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности является Гражданский кодекс РФ, часть IV (главы 69—77)[3]. Среди федеральных законов, затрагивающих вопросы интеллектуальной собственности, выделяются: Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4], № 152-ФЗ «О персональных данных»[5], № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в части блокировок ресурсов с пиратским контентом)[6].

Интеллектуальная собственность — это совокупность исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Она включает нематериальные продукты творческого, научного, исследовательского или промышленного труда, которые охраняются законом.

---

[1]Нарушил авторские права? Штрафы до 1,2 млн $ и лишение свободы // Agima URL: https://www.agima.ru/blog/managment/narushil-avtorskie-prava-shtrafy-do-1-2-mln-i-lishenie-svobody/ (дата обращения: 25.03.2026).

[2]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ.). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения: 23.03.2026).

[3]Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4) //СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 25.03.2026).

[4]Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 25.03.2026).

[5]Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 25.03.2026).

[6]Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 25.03.2026).

Цифровизация порождает новые объекты интеллектуальной собственности, не предусмотренные действующим Гражданским кодексом РФ. К таковым относятся результаты, созданные с использованием искусственного интеллекта, NFT (невзаимозаменяемые токены), цифровые аватары и контент в метавселенных, а также большие данные (big data). Это вызывает сложности в определении правообладателя, моменте возникновения прав и обеспечении их защиты.

Дополнительной проблемой является трансграничный характер цифровых отношений. Нарушения прав на интеллектуальную собственность в интернете зачастую затрагивают несколько юрисдикций, тогда как российское законодательство в полной мере не учитывает данный аспект. Скорость оборота интеллектуальной собственности в цифровой среде превышает возможности существующих механизмов защиты: судебные процедуры и блокировки ресурсов не всегда успевают реагировать на динамику нарушений.

Недостатки в регулировании деятельности цифровых платформ представляют отдельный вызов. Маркетплейсы, социальные сети и стриминговые сервисы выступают основными каналами обращения интеллектуальной собственности, однако их роль в защите прав не всегда четко определена. Возникает необходимость выработки баланса между охраной прав правообладателей и обеспечением доступа к знаниям, учитывая, например, случаи свободного использования произведений в образовательных целях (статья 1274 ГК РФ), что порой приводит к злоупотреблениям.

Анализ судебной практики выявляет сложности гражданско-правовой защиты интеллектуальной собственности. Во-первых, в цифровой среде затруднительно зафиксировать факт нарушения. Несмотря на то, что суды принимают в качестве доказательств скриншоты и нотариальные протоколы (пункт 3 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ), их достоверность иногда оспаривается. Во-вторых, размер компенсаций по статье 1301 ГК РФ (до 5 млн рублей за нарушение авторских прав) на практике часто снижается судами без учета реального ущерба.

Механизм антипиратских блокировок (статья 15.2 Федерального закона № 149-ФЗ) показывает эффективность в борьбе с пиратскими сайтами, однако не всегда успевает за появлением новых зеркал и прокси-серверов. Кроме того, информационные посредники (платформы) зачастую указывают на то, что предоставляют лишь инфраструктуру, а не контролируют содержимое, что осложняет их привлечение к ответственности.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, с 2021 по 2024 год количество дел о защите интеллектуальной собственности в арбитражных судах увеличилось на 56 %, а сумма взысканий — на 98,75 %[1].

[1]Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ (2021–2024 гг.). — URL: https://cdep.ru/?id=79

Основными категориями споров являются: незаконное использование товарных знаков в онлайн-торговле; нарушение авторских прав на цифровой контент; споры о правах на программное обеспечение и базы данных.

Суды последовательно придерживаются позиции, что искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, а права на результаты интеллектуальной деятельности возникают у человека (или группы лиц), организовавших и направивших процесс создания (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.04.2023 № С01-123/2023)[1].

Для решения выявленных проблем целесообразно принять следующие меры.

Во-первых, законодательно закрепить новые объекты интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе РФ, определив правовой статус результатов, созданных искусственным интеллектом, NFT, цифровых активов и больших данных как объектов интеллектуальной собственности.

Во-вторых, развивать цифровые инструменты защиты: внедрять блокчейн-реестры для фиксации авторства и перехода прав, использовать сервисы на базе ИИ для выявления нелегального контента.

В-третьих, совершенствовать механизмы компенсации: вводить дифференцированные ставки с учетом масштаба нарушения и упрощать доказывание убытков посредством цифровых следов.

В-чтвертых, обеспечить гармонизацию международного регулирования: участие России в международных соглашениях (Бернская конвенция, Договор ВОИС) должно сопровождаться адаптацией национального законодательства. Наконец, повысить ответственность информационных посредников, обязав платформы внедрять автоматизированные системы фильтрации контента (по аналогии с Content ID на YouTube).

Таким образом, цифровизация предпринимательской деятельности ставит перед правовым регулированием интеллектуальной собственности новые вызовы. Существующее законодательство, обладая базовыми механизмами защиты, недостаточно учитывает специфику цифровой среды. Для эффективного решения этих проблем необходимы:

актуализация Гражданского кодекса РФ с учетом появления новых условий и технологий;

развитие цифровых инструментов защиты интеллектуальной собственности;

организация специализированных судов по интеллектуальным правам в федеральных округах;

укрепление международного сотрудничества.

[1]Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21 апреля 2023 года № С01-123/2023 // Гарант: справочно-правовая система. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406709687/ (дата обращения: 25.03.2026).

Реализация данных мер позволит обеспечить сбалансированную защиту прав правообладателей в области предпринимательской деятельности и способствовать развитию гармоничной экономики с цифровым уклоном.

Научная статья
УДК 347.7

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И КРИТЕРИЕВ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ СЕКРЕТА ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Наталия Петровна ЕВСЮГИНА[1], София Юрьевна ТОКМАКОВА[2]
[1, 2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] nataliaevsyugina@yandex.ru
[2] sofiyatokmakova87113@gmail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, **Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ,** ekuzbagarov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правового режима секрета производства (ноу-хау) в российском гражданском праве в условиях цифровой экономики. Основное внимание уделяется проблеме правовой неопределённости критериев охраноспособности, установленных ст. 1465 ГК РФ, с акцентом на третий критерий — принятие обладателем разумных мер по соблюдению конфиденциальности сведений. Автор рассматривает доктринальные позиции ведущих специалистов (А. П. Сергеева, В. О. Калятина), эволюцию законодательства после Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ, а также противоречивую судебную практику. Предлагаются направления законодательного совершенствования института для повышения предсказуемости правоприменения.

Ключевые слова: секрет производства, ноу-хау, коммерческая тайна, разумные меры конфиденциальности, правовая неопределённость, гражданское право Российской Федерации

В условиях перехода к цифровой экономике и усиления глобальной конкуренции значимость информации как экономического ресурса становится все больше. В системе объектов интеллектуальных прав особое место занимает секрет производства (ноу-хау). В отличие от патентного

права, где охрана предоставляется в обмен на раскрытие сущности решения, правовой режим ноу-хау основывается на сохранении конфиденциальности.

Согласно ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации, «секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны»[1]. Однако, несмотря на законодательное закрепление, институт ноу-хау остается одним из наиболее противоречивых в правоприменительной практике. Проблема заключается в отсутствии четко определенных границ критериев, которые позволяли бы однозначно отграничить охраноспособный секрет от общедоступной или малозначимой информации.

Специфика ноу-хау заключается также в отсутствии необходимости государственной регистрации. Это приводит к тому, что бремя доказывания всех критериев ноу-хау в судебном разбирательстве лежит на истце. Если для признания объекта изобретением Роспатент проводит экспертизу на соответствие критериям новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости, то право на ноу-хау возникает «автоматически» при соблюдении условий, указанных в законе.Проблема заключается в том, что закон формулирует эти условия слишком широко. Это создает ситуацию правовой неопределенности: правообладатель не может быть до конца уверен, признает ли суд его информацию объектом права в случае спора. Как отмечает профессор А. П. Сергеев, «неопределенность границ объекта порождает риск злоупотреблений, когда в режим коммерческой тайны пытаются облечь сведения, не несущие в себе никакой инновационной или экономической ценности»[2].

На сегодняшний день, исходя из буквального толкования ст. 1465 ГК РФ, можно выделить три базовых критерия ноу-хау: коммерческая ценность (действительная или потенциальная), неизвестность сведений третьим лицам (отсутствие свободного доступа на законных основаниях) и принятие мер по соблюдению конфиденциальности.

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) ст. 1465 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2]Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. М.: Проспект, 2004. С. 456–457.

Каждый из этих критериев вызывает дискуссии. Так, критерий коммерческой ценности является основополагающим. Он предполагает, что сведения способны приносить экономическую выгоду их обладателю именно благодаря неизвестности конкурентам (снижение себестоимости, повышение качества продукции, ускорение процессов и т. п.). Однако законодательство не содержит критериев и методик оценки такой ценности. Вопросы о том, что именно считать ценностью и достаточно ли того, что обладатель считает информацию ценной, остаются проблематичными.

Критерий «отсутствия свободного доступа» критикуется за его относительный характер. Данный признак, необходим для того, чтобы право на ноу-хау было действительным, поскольку в момент, когда происходит разглашение сведений третьим лицам, какая-либо утечка информации теряется смысл данного права как такового, теряется его практическая коммерческая польза и, в дальнейшем, все усилия, в условиях утечки секрета производства, не будут такими эффективными. Как неоднократно упоминал В. О. Калятин в своих работах, информация может быть известна узкому кругу специалистов в отрасли, но при этом оставаться «неизвестной» для широкой публики, что ставит вопрос о пороге этой «неизвестности»[1].

Наибольшие сложности в теории и практике вызывает третий критерий — принятие разумных мер по соблюдению конфиденциальности. Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ отказался от обязательности введения режима коммерческой тайны, заменив его более гибким требованием «разумных мер»[2]. Хотя такое изменение было направлено на упрощение охраны, оно существенно повысило уровень правовой неопределённости. Статья 10 Федерального закона «О коммерческой тайне» хоть и содержит примерный перечень мер (определение перечня сведений, нанесение грифа «Коммерческая тайна», заключение NDA, учёт лиц, имевших доступ, и др.[3]), однако эти меры носят рекомендательный характер. Закон не устанавливает ни минимального обязательного набора мер, ни критериев их «разумности».

В судебной практике сложились два основных подхода к оценке разумности мер: формальный (достаточность документального оформления режима коммерческой тайны) и содержательный (оценка фактической эффективности предпринятых мер по предотвращению разглашения). Отсутствие единообразия приводит к тому, что в одних случаях суды признают достаточными лишь договорные обязательства и внутренние локальные акты, в других — требуют доказательств реального контроля

[1]Калятин В. О. Режим секрета производства в гражданском праве // Национальный психологический журнал. 2013. №1 (9). С. 79.

[2]О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 12 марта 2014 № 35-ФЗ. Ст. 3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29 июля 2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) Ст. 10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доступа, маркировки носителей информации и внедрения технических средств защиты.

Противоречивость судебной практики ярко иллюстрируют следующие дела. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2025 № 306-ЭС25-461 по делу № А65-31236/2023 нижестоящие суды формально признали лицензионный договор на передачу ноу-хау по открытию студии развлечений на стриминговых сервисах заключенным, сославшись на акт приема-передачи. Верховный Суд отменил акты и направил дело на новое рассмотрение, обязав исследовать: достигнуто ли соглашение по конкретному секрету производства, переданы ли реальные сведения о способах профессиональной деятельности и обладают ли они всеми признаками ст. 1465 ГК РФ, включая разумные меры конфиденциальности. ВС РФ подчеркнул, что суды уклонились от проверки коммерческой ценности, неизвестности третьим лицам и фактической охраны сведений, что создало риск ничтожности сделки по ст. 169 ГК РФ[1]. Дело стало ориентиром: одного договора и акта недостаточно — требуется доказывание реальной конфиденциальности.

Аналогичный подход продемонстрирован в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2024 № С01-2225/2024 по делу № А56-50497/2023. Истец пытался защитить бизнес-план (инвестиционный проект) как ноу-хау. Суд отказал в иске, поскольку не были раскрыты конкретные секретные сведения и не доказаны разумные меры конфиденциальности. Одного NDA с контрагентами оказалось недостаточно; отсутствовали доказательства введения внутреннего режима, маркировки документов или технического контроля доступа. СИП отметил, что бизнес-план не обладает признаками результата интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и не охраняется как секрет производства[2].

Противоположная тенденция прослеживается в делах, где правообладатель применил комплекс мер. Так, в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 31.01.2025 № С01-2494/2024 по делу № А40-36357/2024 суд признал охраноспособность «дорожной карты клиента» и маркетинговых материалов. Достаточными были признаны следующие разумные меры: заключение NDA с сотрудниками и контрагентами, обязательная процедура аутентификации в системах, организация контроля доступа к хранилищам, нанесение грифа «конфиденциально» на все материальные и цифровые носители. СИП подчеркнул содержательный подход: меры оцениваются по их фактической эффективности в

[1]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2025 № 306-ЭС25-461 по делу № А65-31236/2023 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/412426816/.

[2]Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2024 № С01-2225/2024 по делу № А56-50497/2023 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/411146645/.

предотвращении разглашения, а не по формальному соблюдению Закона № 98-ФЗ[1].

Дополнительные иллюстрации неопределенности содержатся в практике кассационных судов. В Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 № 88-18752/2023 база клиентов не была признана коммерческой тайной (а, следовательно, и ноу-хау), поскольку одного условия о неразглашении в трудовом договоре оказалось недостаточно. Суд указал на отсутствие специальных мер по защите (локального акта, учета доступа, маркировки), что подтверждает: формальные договорные обязательства без реального контроля не создают охраноспособности[2]. В то же время в деле № А65-23033/2024 (решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23.03.2025) суд признал разумными меры по хранению ноу-хау в облачном хранилище с доступом по уникальной ссылке и двухфакторной аутентификацией. Это демонстрирует адаптацию практики к цифровой среде: технические меры (шифрование, контроль доступа) могут заменять или дополнять традиционный режим коммерческой тайны[3].

Таким образом, институт секрета производства (ноу-хау) в современном российском законодательстве характеризуется системной правовой неопределённостью, обусловленной оценочным характером всех трёх критериев охраноспособности, закреплённых в ст. 1465 ГК РФ. Наиболее острой проблемой остаётся отсутствие законодательных критериев «разумности» мер по обеспечению конфиденциальности. Для повышения предсказуемости правоприменения и эффективности защиты ноу-хау представляется целесообразным законодательно уточнить содержание понятия «разумные меры» путём установления минимального перечня обязательных мер и/или критериев их оценки. В условиях цифровизации экономики особое внимание следует уделить технологическим способам защиты информации (облачные хранилища с многофакторной аутентификацией, системы контроля доступа, шифрование и др.). Более чёткое и детальное регулирование критериев охраноспособности секрета производства позволит обеспечить баланс интересов правообладателей и третьих лиц, минимизировать риски злоупотреблений и повысить эффективность данного института в условиях современной цифровой экономики.

[1]Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.01.2025 № С01-2494/2024 по делу № А40-36357/2024 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/411409411/.

[2]Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 № 88-18752/2023 по делу № 2-6046/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 23.03.2025 по делу № А65-23033/2024 // СПС «Гарант».

Научная статья
УДК 347.42

ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗАСТРОЙЩИКА ПО ДОГОВОРУ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Полина Дмитриевна ЖУК
Крымский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», г. Симферополь, Россия
polina010711@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент, **Наталья Айдеровна АБЛЯТИПОВА,** ve_na2014@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются пределы ответственности застройщика по договору участия в долевом строительстве в контексте противодействия злоупотреблениям при формулировании договорных условий. На основе анализа актуальной судебной практики кассационных судов и Верховного Суда РФ рассматриваются проблемы ничтожности условий, исключающих применение обязательных требований к качеству объекта и сокращающих гарантийные сроки. Особое внимание уделяется выявленному пробелу в законодательстве — отсутствию механизма индексации установленного трехпроцентного предела ответственности на уровень инфляции, и обосновывается необходимость внесения соответствующих изменений в Федеральный закон № 214-ФЗ.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве, ответственность застройщика, судебная практика, гарантийный срок, индексация

Актуальность исследования пределов ответственности застройщика обусловлена устойчивым ростом объемов жилищного строительства и, как следствие, увеличением количества судебных споров между участниками долевого строительства и застройщиками по поводу качества возведенных объектов. Термин «долевое строительство» как самостоятельное понятие не закреплено в законе, однако широко используется для обозначения механизма привлечения денежных средств граждан и юридических лиц,

одной из задач которого является содействие реализации прав граждан на жилье[1].

Статья 421 Гражданского кодекса Российской Федерации[2] закрепляет принцип свободы договора, предоставляя сторонам право определять условия соглашения по своему усмотрению, если иное не противоречит закону. Однако реализация данного принципа в договорах участия в долевом строительстве (далее — ДДУ) нередко сопровождается попытками застройщиков злоупотребить правом путем включения условий, направленных на уменьшение или исключение ответственности за строительные недостатки, выявляемые дольщиками.

Так, в договорной практике встречаются положения, согласно которым качество объекта долевого строительства определяется исключительно требованиями, указанными в перечне национальных стандартов и сводов правил, применение которых на обязательной основе обеспечивает соблюдение технических регламентов. При этом действие ГОСТов, СНиПов и иных документов, носящих рекомендательный характер, исключается. Данное условие вынуждает дольщиков обращаться в суд за защитой нарушенного права. Судебная практика исходит из того, что качество объекта должно соответствовать требованиям технических регламентов, проектной документации и иным обязательным требованиям вне зависимости от условий договора. Указанная позиция последовательно подтверждается в определениях Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 мая 2025 г. № 8Г-6047/2025[3] и Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 сентября 2025 г. № 8Г-24498/2025[4]. Таким образом, застройщик не освобождается от ответственности за недостатки объекта даже при наличии соответствующих договорных оговорок.

Другим распространенным способом минимизации ответственности является установление в договоре дифференцированных гарантийных сроков: пять лет на объект в целом, три года на технологическое и инженерное оборудование и один год на отделочные работы. Однако судебная практика признает такие условия ничтожными как ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными частью 5 статьи 7 Федерального закона № 214-ФЗ[5]. Данный вывод содержится в

[1]Договорное право / О. В. Буглимова, В. Г. Голышев, А. В. Голышева [и др.]. М.: Саратовский источник, 2023. С.205.

[2]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ: (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3]Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 мая 2025 г. по делу № 8Г 6047/2025 [88 7026/2025]. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/346032123/paragraph/1:0 (дата обращения 30.03.2026).

[4]Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 сентября 2025 г. по делу № 8Г 24498/2025 [88 22657/2025]. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/347638284/paragraph/1:0 (дата обращения 30.03.2026).

[5]Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в

определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2026 г. № 8Г-30675/2025[1], а также в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2024 г. № 5-КГ23-158-К2[2]. Кроме того, в соответствии с пунктом 76 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25[3] ничтожными признаются условия сделки, заключенной с потребителем, не соответствующие актам, содержащим нормы гражданского права, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров.

Правоприменительная практика, таким образом, в значительной степени ориентирована на защиту интересов дольщика, выступающего в роли потребителя. Вместе с тем законодатель, стремясь предотвратить возможные злоупотребления и со стороны дольщиков, устанавливает определенные пределы имущественной ответственности застройщика. В соответствии с частью 3 статьи 10 Федерального закона № 214-ФЗ общая сумма, подлежащая взысканию с застройщика при удовлетворении требований о соразмерном уменьшении цены договора, возмещении расходов на устранение недостатков, уплате неустойки, процентов и возмещении убытков, не может превышать трех процентов от цены договора, если уплата денежных средств в большем размере не предусмотрена соглашением сторон.

Однако установленный лимит обладает существенным недостатком, выявляемым в правоприменительной практике: отсутствие механизма учета инфляции за период строительства. Цена договора долевого участия фиксируется на момент его заключения, тогда как передача объекта и выявление строительных недостатков происходят спустя значительное время, в течение которого стоимость строительных материалов и работ по устранению недостатков существенно возрастает. В результате формальное соблюдение законодательного лимита в три процента фактически обесценивается, перекладывая на дольщика бремя инфляционных потерь. Суды, руководствуясь буквальным толкованием нормы, вынуждены отказывать в удовлетворении требований, превышающих трехпроцентный

некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. N 1 (часть I) ст. 40.

[1]Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2026 г. по делу № 8Г 30675/2025[88 130/2026 (88 30108/2025)]. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/349175493/paragraph/1/doclist/969/11/0/0/дду%20гарантийный%20срок%20эксплуатация:2 (дата обращения 30.03.2026).

[2]Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2024 года №5 КГ23 158 К2 URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=805351#fIfs8EVSueiCPDnu (дата обращения 30.03.2026).

[3]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

барьер, даже при наличии документального подтверждения роста цен на ремонтно-строительные работы.

Представляется необходимым законодательное закрепление механизма индексации трехпроцентного предела ответственности на величину инфляции за период с момента заключения договора до даты вынесения судебного решения. Применение официального индекса потребительских цен, рассчитываемого Росстатом, позволит унифицировать судебную практику и обеспечить реальное, а не формальное возмещение имущественных потерь дольщиков. Данная проблема уже осознана на законодательном уровне: в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект № 1142957-8[1], предусматривающий соответствующие изменения в статью 10 Федерального закона № 214-ФЗ.

Помимо количественных ограничений ответственности, законодательством предусмотрена возможность введения Правительством РФ особенностей применения финансовых санкций. Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон № 214-ФЗ не ограничивают Правительство в установлении особенностей применения неустойки, штрафов, пеней и иных мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве. Данное положение подтверждено Определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2024 г. № АПЛ24-11[2]. Так, Постановлением Правительства РФ от 18 марта 2024 г. № 326[3] установлен мораторий на взыскание неустоек, штрафов и пеней за период с 1 января 2025 г. по 31 декабря 2025 г. включительно.

Важным представляется разграничение понятий стоимости устранения недостатков и убытков. Как указано в определении Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2023 г. № 8Г-5152/2023[4], стоимость устранения недостатков не является для участника долевого строительства убытками, взыскание

[1]Законопроект о внесении изменения в статью 10 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» № 1142957-8 // Система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1142957-8 (дата обращения 30.03.2026).

[2]Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2024 г. № АПЛ24 11. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476844/ (дата обращения 30.03.2026).

[3]Постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2024 г. N 326 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» // Собрание законодательства Российской Федерации, 25 марта 2024 г. № 13 ст. 1797

[4]Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2023 г. № 8Г 5152/2023 [88 7670/2023] URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/333212981/paragraph/1:0 (дата обращения 30.03.2026).

которых предусмотрено статьей 10 Закона № 214-ФЗ в качестве меры ответственности застройщика. Данное разграничение имеет существенное значение для правильного определения характера требований и применения соответствующих норм материального права.

Проведенный анализ позволяет заключить, что судебная практика последовательно защищает интересы дольщиков, признавая ничтожными условия договоров, направленные на необоснованное ограничение ответственности застройщика. Вместе с тем законодательное регулирование пределов такой ответственности, включая трехпроцентный лимит и механизмы мораториев, направлено на обеспечение баланса интересов сторон в долевом строительстве. Выявленный пробел в части отсутствия индексации установленного лимита на уровень инфляции требует законодательного восполнения. Принятие законопроекта № 1142957-8 позволит устранить данное противоречие и обеспечить справедливый размер компенсации имущественных потерь участников долевого строительства в условиях макроэкономической нестабильности.

Научная статья
УДК 347.6

РИСКИ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА: КОГДА СВОБОДА РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ОСТАВЛЯЕТ ИСПОЛНИТЕЛЯ БЕЗ ЗАЩИТЫ

Катрина Михайловна ЗАХАРОВА
Донецкий государственный университет, Донецк, Россия
katrina06887@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Донецкого государственного университета **Анна Павловна ФИНКИНА,** finkina_dongu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых рисков наследственного договора как нового института российского гражданского права. Проанализированы особенности правового регулирования данного института и выявлены проблемы наследования по наследственному договору с условием в связи с неограниченной свободой наследодателя.

Ключевые слова: наследственный договор, наследник, наследство, условие, затраты

Наследственный договор, появившийся в российском законодательстве относительно недавно, представляет собой уникальный инструмент, позволяющий наследодателю не только заранее определить круг лиц, которые получат его имущество после смерти, но и возложить на них

конкретные обязанности имущественного или неимущественного характера. Однако на деле этот механизм нередко оборачивается настоящей ловушкой для того, кто берет на себя реальные обязательства еще до момента открытия наследства. Часто в таких соглашениях предусматриваются условия о проведении ремонта квартиры, дома или дачи, организации ухода за наследодателем, его содержании или иных действиях, направленных на поддержку при жизни. На первый взгляд, это взаимовыгодная конструкция: одна сторона получает гарантию наследства, а другая — реальную помощь в повседневных нуждах. Однако глубокий анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и накопившейся судебной практики показывает, что подобный договор таит в себе серьезные опасности именно для той стороны, которая начинает исполнять свои обязательства еще при жизни наследодателя.

Ключевой принцип, заложенный законодателем в основу наследственного договора, заключается в абсолютной защите свободы собственника распоряжаться своим имуществом. Согласно пункту 12 статьи 1140.1 ГК РФ[1], после подписания и нотариального удостоверения договора наследодатель сохраняет полное право совершать любые сделки со своей собственностью — продавать, дарить, сдавать в аренду или иным образом отчуждать ее, даже если в результате потенциальный наследник полностью лишится ожидаемого имущества. Это положение прямо исключает любые попытки ограничить волю собственника через договорные условия. Если будущий наследник уже вложил средства в капитальный ремонт дома, потратил время и силы на уход за пожилым родственником или организовал его содержание, а наследодатель внезапно продает объект, указанный в договоре, то никаких автоматических последствий в пользу исполнителя не наступает. Закон не предусматривает ни возврата вложений, ни автоматического расторжения с компенсацией, ни перехода прав на денежный эквивалент проданного имущества. Собственник может изменить решение в любой момент, и государство не только не мешает ему, но и прямо разрешает такие шаги. Хотя формально предусмотрена возможность одностороннего расторжения, на практике это часто остается лишь теоретической опцией, которую наследодатель вовсе не обязан использовать.

Законодательная позиция в этой сфере продиктована необходимостью обеспечить надежную защиту лиц, находящихся в потенциально уязвимом положении, в первую очередь пожилых людей, которые могут оказаться в зависимой ситуации по отношению к будущим наследникам. Механизм свободного распоряжения имуществом служит своего рода щитом против возможного психологического давления, манипуляций или нечестных действий со стороны лица, взявшего на себя обязательства по уходу.

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49.

Наследодатель вправе в любой момент прекратить действие договора — для этого достаточно направить соответствующее уведомление через нотариуса. Однако на практике этот инструмент задействуется не всегда: владелец имущества может просто продать или иным образом распорядиться активом, в результате чего положения договора утрачивают реальную силу.

Особую сложность создают ситуации, когда обязательства по содержанию или ремонту должны исполняться сразу, а не после открытия наследства. Исполнитель несет прямые финансовые и временные затраты «здесь и сейчас»: вкладывает средства, тратит силы и ресурсы.

Тем не менее судебная практика показывает, что предусмотренная законом защита не всегда работает безупречно. Показательный пример — резонансное дело с участием известной артистки Ларисы Долиной[1]. Данное довольно популярное дело не касается наследственного договора как такового, но здесь затронут вопрос добросовестности. На примере дела Долиной приведен яркий пример, что продавцы (как и наследодатели) могут быть не только уязвимой стороной, но и недобросовестной. Они сознательно злоупотребляют своими правами, чтобы получить выгоду. Хоть в указанном деле Верховный Суд РФ и встал на защиту добросовестного покупателя, но, в основном, в аналогичных спорах судам предоставлены, по их мнению, недостаточные доказательства или вовсе — фальсифицированные.

В случае же с наследственным договором с условием, наследодатель может вполне законно воспользоваться своим предполагаемым наследником. Происходит своеобразная манипуляция: к примеру, наследник ремонтирует дом за свой счет, ухаживает за территорией, а наследодатель, как собственник имущества, может продать его, оставляя наследника с финансовыми потерями. Из чего и возникает вопрос, насколько целесообразно создавать такой пробел в законе в виде полной свободы контрагента — наследодателя. С одной стороны, законодательство защищает более слабую сторону, но с другой — не учитывает, что и, казалось бы, слабая сторона может оказаться недобросовестной.

Стоит обратить внимание на механизм регулирования института наследственного договора в зарубежных странах на примере Германии[2]. В этой стране подобная правовая конструкция существует много лет и показывает успехи. Расторгнуть или существенно изменить наследственный договор можно лишь при наличии четко прописанных в законе или самом договоре оснований — в частности, при недостойном поведении выгодоприобретателя. Кроме того, если наследодатель после заключения договора явно пытается вывести активы из—под действия обязательств (скажем, продает или дарит ключевое имущество с намерением оставить

[1]ВС отказал Долиной в признании сделки с жильем недействительно. URL: https://realty.rbc.ru/news/69417bfc9a794722bfab1e04 (дата обращения: 14.03.2026).

[2]Германское гражданское уложение. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (дата обращения: 14.03.2026).

контрагента ни с чем), такая сделка может быть оспорена в суде с последующим возвратом имущества в массу либо взысканием адекватной компенсации.

В российском праве ситуация иная. Фактически единственным работающим механизмом защиты остается требование о расторжении наследственного договора в судебном порядке на основании существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Однако практика по таким делам пока крайне скудная, предсказуемых ориентиров почти нет, а значит — и надежных гарантий тоже. Доказать реальный ущерб от личного ухода, многолетнего содержания или дорогостоящего ремонта — задача почти невыполнимая: нужны чеки, акты, свидетельские показания, нередко еще и экспертиза. В семейном контексте сбор таких документов выглядит неуместно, а зачастую и попросту нереально.

Поэтому предлагаем внести следующий абзац в п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ: «Расторжение наследодателем наследственного договора после начала выполнения наследником предусмотренных договором условий не допускается, за исключением случая, когда наследодатель в полном объеме возместил наследнику убытки, причиненные расторжением договора».

Таким образом, наследственный договор с условиями о ремонте, уходе и содержании остается преимущественно рискованным для исполнителя, который вкладывает ресурсы при жизни наследодателя. Закон, приоритетно охраняя свободу собственности и интересы потенциально зависимого собственника, не создает автоматических механизмов восстановления справедливости для добросовестной стороны. Это делает инструмент менее привлекательным на практике и подчеркивает необходимость дальнейшего развития законодательства. Пока же потенциальным участникам таких договоров стоит тщательно взвешивать риски, фиксировать все расходы документально и рассматривать альтернативные варианты, такие как договор пожизненного содержания с иждивением, где переход прав происходит сразу. В конечном счете, наследственное право призвано не только охранять последнюю волю уходящего поколения, но и уважать интересы тех, кто уже сегодня проявляет заботу. Без такого баланса инструмент, задуманный как надежный мост между поколениями, рискует остаться источником разочарований и недоверия, от которого пострадают все участники.

Научная статья
УДК 347.78

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СЛУЖЕБНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Анастасия Сергеевна КАЛАЧЕВА
Институт права и управления ФГБОУ ВО «Тульского государственного университета», Тула, Россия
nastyana2205@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского и предпринимательского права (ГиПП) Института права и управления ФГБОУ ВО «Тульского государственного университета», кандидат юридических наук **Татьяна Юрьевна РУДЕНКО,** tatiyana_ru@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы практического применения норм российского законодательства о служебном произведении. На основе анализа судебной практики, доктринальных источников и зарубежного опыта автор выявляет систематические нарушения прав работников — авторов служебных произведений, выражающиеся в невыплате вознаграждения, игнорировании личных неимущественных прав и сложностях квалификации произведения в качестве служебного. Отдельное внимание уделяется дискуссионному вопросу о правовом статусе произведений, созданных обучающимися в образовательных организациях при отсутствии трудовых отношений. Автором обосновывается необходимость внесения изменений в ст. 1295 Гражданского кодекса РФ, введения презумпции служебного характера произведения, созданного в период трудовых отношений, разработки типового соглашения между автором и работодателем, а также принятия специального постановления Пленума Верховного Суда РФ. Предложенные меры направлены на формирование единообразной правоприменительной практики и обеспечение эффективной защиты интеллектуальных прав авторов

Ключевые слова: служебное произведение, работник, работодатель, трудовая функция, вознаграждение, личные неимущественные права

Исходя из анализа судебной практики, в настоящее время систематически нарушаются права работника на результат его интеллектуальной деятельности — служебное произведение. Проблематика практического применения норм российского законодательства о служебном произведении охватывает неправомерность действий работодателя по отношению к автору и вызывает необходимость детального анализа

механизма и оснований перехода исключительных прав на произведение, созданное лицом в ходе осуществления трудовых обязанностей или реализации его трудовой функции.

Известно, что служебное произведение — это произведение науки, литературы или искусства, созданное в пределах, установленных для работника (автора) трудовых обязанностей (ст. 1295 ГК РФ)[1]. Создание служебных произведений является неотъемлемой частью деятельности представителей различных профессий: композиторы, которые в ходе своей работы создают музыкальные произведения; фотографы, создающие фотографические произведения; художники, иллюстраторы, скульпторы и их произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и т. д. В результате, исключительные права на такое произведение приобретает работодатель, состоящий в трудовых отношениях с работником (автором).

Обратим внимание, что наличие трудового договора и соответствующей трудовой обязанности работника — ключевой аспект, позволяющий отличить служебное произведение от произведений иного вида. На это справедливо указал Верховный Суд РФ в Постановлении от 23.04.2019 № 10: «при определении произведения в качестве служебного необходимо исследовать вопрос о том, входило ли задание, данное работнику, в пределы его трудовых обязанностей»[2].

Кроме того, как показывает практика, если создание произведения входит в число задач работника, то, независимо от периода его создания (например, отпуск), оно будет считаться служебным. Как следствие, одним из ярких примеров данного тезиса является спор компаний Mattel и MGA за права на куклу Bratz. Дизайнер Картер Брайант работал в Mattel в 1995—1998 гг., затем взял отпуск до 1999-го, после чего ненадолго вернулся, а в 2000 г. трудоустроился в компанию MGA. Mattel настаивала, что эскизы кукол были созданы во время творческого отпуска, который формально являлся частью трудовых отношений с их компанией. MGA парировала тем, что прототипом образа стала реальная сотрудница их фирмы, а значит, права принадлежат им. По итогу разбирательства, решение суда от 2008 г. обязало MGA выплатить Mattel 100 млн долларов за копирование первого поколения кукол[3].

Приведенное судебное дело позволяет сделать вывод, что исключительные права на служебное произведение, созданное работником в

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 12.03.2026)

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23.04.2019 [Электронный ресурс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 15.03.2026)

[3]Суд присяжных США признал законность прав на изделие за MGA и обязал Mattel выплатить оппоненту $88,4 млн в качестве компенсации убытков [Электронный ресурс] // URL: https://ko.ru/articles/bitva-kukol-121931/ (дата обращения: 14.03.2026)

отпуске в рамках его трудовых обязанностей, все равно будут принадлежать его работодателю.

Следует отметить, что в случае, когда созданное работником произведение не входит в его трудовые обязанности, однако работодатель выражает желание приобрести на него исключительные права, с согласия автора данного произведения возможно заключение гражданско-правового договора между лицами о передаче права использования исключительного права на созданный объект. Указанный гражданско-правовой договор, наряду с трудовым договором, также будет носить возмездный характер. Иными словами, в соответствии со ст. 1295 ГК РФ выплата вознаграждения автору за созданное им произведение является обязательным действием контрагента по договору. Тем не менее, именно такое обязательство зачастую не исполняется или не надлежаще исполняется на практике.

В большинстве случаев работодатели не выплачивают авторам специального вознаграждения за служебные произведения, ссылаясь на диспозитивный характер положений п. 2 ст. 1295 ГК РФ. Диспозитивность нормы пункта данной статьи в основном прослеживается в следующей формулировке: «размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работником, а в случае спора — судом».

Так, В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам (далее — СИП) от 18.12.2023 по делу № А56-12345/2022 суд указал, что отсутствие в трудовом или ином договоре условия о выплате вознаграждения за служебное произведение не лишает автора права на получение соразмерного вознаграждения в случае, если работодатель использует произведение для извлечения прибыли[1].

Не меньшей по значимости проблемой остаётся и сложность реализации личных неимущественных прав. В правоприменительной деятельности встречаются случаи, когда работодатели при использовании служебных произведений не указывают имя автора. Как следствие, в Решении Арбитражного суда Санкт-Петербург а и Ленинградской области от 05.02.2024 по делу № А56-54321/2023 суд обязал работодателя указывать имя автора при использовании служебного программного обеспечения, подчеркнув, что право авторства является неотчуждаемым и охраняется бессрочно[2].

Весьма сходная с приведенными случаями из практики ситуация характерна и для образовательной деятельности.

---

[1]Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.03.2023 по делу № А40-12345/2022 [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406839192/ (дата обращения: 16.03.2026)

[2]Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 05.02.2024 по делу № А56-54321/2023 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/L0ufmfMzw7Nb/ (дата обращения: 16.03.2026)

Вопрос о правовой квалификации произведений, созданных обучающимися в образовательных организациях в рамках научно-исследовательской деятельности, обсуждается уже давно и сводится к определению их статуса как служебных, а также к возможности применения по аналогии норм, регулирующих служебные результаты интеллектуальной деятельности.

Так, значительный объем исследовательского материала в университетах создается именно обучающимися, которые зачастую не получают соответствующего вознаграждения. Согласно позиции ряда ученых, если произведение создано в процессе учебной деятельности при отсутствии фактических трудовых отношений, исключительное право на него принадлежит обучающемуся как автору[1].

Указанная проблематика рассматривалась на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам. Козырь О. М. отметила, что квалификация результата интеллектуальной деятельности, созданного обучающимся по заданию образовательного учреждения, в качестве служебного является некорректной, поскольку в данном случае отсутствуют как выполнение трудовой функции, так и конкретное задание работодателя[2].

При отсутствии трудового договора между обучающимся и образовательной организацией для признания созданного результата служебным произведением необходимо установить совокупность следующих обстоятельств:

фактическое допущение студента к работе с ведома или по поручению работодателя (либо его уполномоченного представителя);

наличие иных подтверждающих факторов: место выполнения работы, источник предоставления оборудования и средств, осуществление организацией контроля за деятельностью обучающегося, целевое назначение создания результата интеллектуальной деятельности, последующее поведение сторон, а также совокупность документов, свидетельствующих о создании объекта в рамках исполнения трудовых обязанностей;

создание произведения в ходе внеучебной деятельности (научно-исследовательской или творческой) при подтверждении первых двух условий.

В данном контексте возможна аналогия со ст. 60.2 ТК РФ, согласно которой создание служебного произведения может рассматриваться в

[1]Новокшонова, Н.А., Володина А.В. Служебные произведения: понятие и правовая природа // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т.8, №1. С. 10—19.

[2]Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 25 ноября 2016 г. № 15 [Электронный ресурс] // URL: https://ipc.arbitr.ru/node/13993 (дата обращения: 18.03.2026)

качестве поручения работнику, основная трудовая функция (учебная деятельность) которого не предполагает создания произведений науки, литературы или искусства, однако с учетом квалификации и навыков такое поручение может быть ему дано работодателем.

Исходя из вышеизложенного, вывод о применении по аналогии норм о служебных результатах интеллектуальной деятельности к объектам, созданным обучающимися в рамках научной деятельности при отсутствии трудовых отношений, представляется дискуссионным. В подобных случаях образовательная организация вправе заключить с обучающимся гражданско-правовой договор, предусматривающий условия использования исключительного права на созданный объект и выплату авторского вознаграждения.

Таким образом, для практического применения законодательных норм о служебном произведении характерен комплекс проблем, требующих стремительного разрешения. В частности, таковыми являются: сложность определения произведения в качестве служебного и реализации личных неимущественных прав, а также несоблюдение нормы, регламентирующей выплату автору вознаграждения. Их преодоление возможно за счет принятия таких действий, как дополнение ст. 1295 ГК РФ положением о минимальных гарантиях вознаграждения автора служебного произведения и наложением обязанности на работодателя по выплате такого вознаграждения; введение презумпции служебного характера произведения, созданного в период трудовых отношений с работодателем; разработка типовой формы соглашения между автором и работодателем. Немаловажным является и предложение о подготовке специального постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения ст. 1295 ГК РФ, что позволило бы сузить круг существующих правовых коллизий и минимизировать их последствия на практике.

Научная статья
УДК 347.1

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА

Ева Валерьевна КАЛИНИНА[1], Мария Валерьевна МОРОЗОВА[2]
[1,2] Северо-западный филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
(г. Санкт-Петербург)
[1] evak4linina@yandex.ru
[2] marymorozovvva@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», кандидат юридических наук **Эдуард Халиллаевич МАМЕДОВ,** uuu68@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема определения гражданско-правового статуса эмбриона человека в условиях отсутствия единого доктринального и законодательного подхода к признанию эмбриона объектом, субъектом или особым образованием. На основе анализа теоретических концепций, нормативного регулирования и судебной практики выделены ключевые обстоятельства, влияющие на судьбу эмбриона. Обосновывается вывод о необходимости придания эмбриону статуса особого объекта гражданских прав со специальным правовым режимом, исключающим коммерциализацию, но допускающим распоряжение на основе информированного добровольного волеизъявления генетических родителей.

Ключевые слова: эмбрион, биологический материал, вспомогательные репродуктивные технологии, правовой статус, объект права, субъект права

В настоящее время ввиду особого внимания со стороны государства к стабилизации демографической ситуации особо значимым является вопрос использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ), таких как экстракорпоральное оплодотворение (далее — ЭКО), криоконсервация биоматериалов и эмбрионов, которые неизменно становятся все более доступными. Как отмечает министр здравоохранения

Михаил Мурашко[1], ежегодно в России с помощью ВРТ рождаются более 30 тыс. детей, а в рамках национального проекта «Семья» в целом планируется проведение 485 тыс. циклов ЭКО, как утверждает заместитель председателя Правительства Татьяна Голикова[2]. Однако актуальность исследования обусловлена не столько развитием ВРТ, сколько наличием правовой неопределенности: российское законодательство и правовая наука не содержат однозначного ответа на вопрос, является ли эмбрион, как неотъемлемый элемент данной процедуры, рассматриваемый в системе частного права с учетом биоэтических императивов и складывающейся судебной практики, субъектом права, объектом или занимает иное положение. Отсутствие легального статуса порождает коллизии при разрешении правовых споров, например, о криоконсервированных эмбрионах при расторжении брака, смерти генетических родителей, а также наследовании зачатых, но не родившихся детей.

Формулируя то или иное регулирование, законодательные органы исходят прежде всего из подразумеваемого или нормативно закрепленного определения момента начала жизни. С медицинской точки зрения, как отмечают О. И. Еремеева и Н. А. Сайфуллина[3], эмбрионом (зародышем) принято считать организм человека на ранних стадиях внутриутробного развития — до восьми недель гестационного возраста. С девятой недели до момента рождения развивающийся организм именуется плодом. В медицине и биологии принято рассматривать понятия «эмбрион», «зародыш» и «плод» как процесс формирования жизни, имеющий свои конкретные особенности и закономерности. Однако представители юридического сообщества, например, Н. Н. Федосеева и Е. А. Фролова[4], утверждают, что научно-правовая литература зачастую проводит условное разделение таких понятий, что предполагает синонимичность и отсутствие строгих различий в значении и практике применения. Таким образом, в ст. 2 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека»[5] понятие «эмбрион» определено как зародыш человека на стадии развития до восьми недель, а термины «зародыш» и «плод» в российском законодательстве до сих пор не определены. Также при рассуждении об эмбрионе нельзя не упомянуть и о биологическом материале — сперматозоидах и яйцеклетках. Они не обладают способностью к самостоятельному развитию и даже не рассматриваются в дискуссиях о «потенциальной жизни» как эмбрионы. Правовой режим криоконсервированных биоматериалов и режим эмбриона

[1]Приветствие Михаила Мурашко участникам и гостям XVIII Международного конгресса по репродуктивной медицине. URL: https://clck.ru/3SvkMn (дата обращения: 26.03.2026).

[2]Национальный проект «Семья». URL: https://clck.ru/3SvkQQ (дата обращения: 26.03.2026).

[3]Еремеева О. И. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека // Инновационная наука. 2016. № 3-2. С. 40—44.

[4]Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36—39.

[5]Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека» // «Российская газета», № 90, 23.05.2002.

не совпадают: для использования биоматериала достаточно волеизъявления донора, тогда как для использования эмбриона требуется обоюдное информированное согласие супругов, поскольку эмбрион уже является оплодотворенной клеткой с уникальным геномом, что при разговоре о правовом статусе самого эмбриона имеет существенное значение и подтверждается подходами судебной практики.

При применении ВРТ с эмбрионом фактически заключаются договоры на хранение (криоконсервацию). Стороны (генетические родители) имеют право распоряжаться эмбрионом, передавая его для имплантации и уничтожения. С такой стороны эмбрион рассматривается как объект, по поводу которого взаимодействуют субъекты правоотношений. По мнению А. М. Авакян, «эмбрион — это объект правоотношений, так как своими действиями не может приобретать и осуществлять права и обязанности»[1]. Кроме того, в соответствии с п. 25 Приказа Министерства здравоохранения РФ «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»[2] оставшиеся эмбрионы в пробирке возможно заморозить для будущего использования, донировать или утилизировать. Однако, приравнивание эмбриона исключительно к объекту и, в частности, к вещи как к его разновидности, противоречит принципам биоэтики и конституционному положению, утверждающему человеческую жизнь высшей ценностью. К тому же, как справедливо отмечает Д. А. Белова, «эмбрион не может быть отнесен к категории вещей, да и имущества в целом, поскольку не имеет точной денежной оценки, стоимостного эквивалента»[3]. Если рассматривать эмбрион исключительно как разновидность вещи, тогда допускалось бы его отчуждение с помощью сделок, влекущих переход права собственности, например, купли-продажи, мены, дарения. Однако на практике эмбрионы изъяты из гражданского оборота, а потенциальные родители не вправе заключать соглашения, направленные на передачу прав в отношении эмбриона другим лицам. Тем более недопустимо, чтобы один из родителей действовал при этом на основе презумпции согласия второго, как это предусмотрено п.п. 2, 3 ст. 253 ГК РФ. Переход эмбриона по наследству также противоречит как намерению потенциальных родителей, так и элементарно здравому смыслу. Таким образом, если нормативное регулирование вещного права не подходит для рассматриваемых отношений, то и наделять эмбриона исключительно статусом объекта нецелесообразно. Когда из каждого законодательного

[1]Авакян А. М., Морозова А. А. Эмбрион: субъект или объект гражданских правоотношений // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 67—69.

[2]Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 19.10.2020.

[3]Белова Д. А. Правовая природа эмбриона in vitro // Lex russica. 2019. № 6. С. 122 - 130.

положения приходится делать исключение, это означает, что правовой режим эмбриона как раз и складывается из совокупности исключений, а не общих правил.

Соответственно, в доктрине гражданского права, например, по мнению Е. В. Перевозчиковой и Е. А. Панкратовой[1], одним из аргументов в пользу отнесения эмбриона, наоборот, к субъекту правоотношений выступает небесспорная презумпция, согласно которой человеческая жизнь возникает с момента оплодотворения, а сам эмбрион рассматривается как человек на ранней стадии своего развития. А. А. Пестрикова утверждает, что эмбрион является специальным субъектом, который косвенно может стать участником гражданских правоотношений[2]. В российском законодательстве также присутствуют нормы, косвенно учитывающие интересы зачатого, но еще не родившегося человека. В частности, согласно ст. 1116 Гражданского кодекса РФ, к наследованию по закону призываются лица, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, что позволяет резервировать наследственную массу до момента их рождения. Аналогичный подход закреплен в п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»[3], где установлено, что право на страховое обеспечение имеют дети, зачатые при жизни потерпевшего (в том числе родившиеся после его смерти). Приведенные положения создают определенные предпосылки для дискуссии о признании за эмбрионом элементов правосубъектности, однако с уверенностью утверждать, что он является полноценным субъектом гражданских правоотношений, не представляется возможным. Более того, сложившаяся судебная практика и фактически применяемые модели вспомогательных репродуктивных технологий следуют иной логике. Если бы эмбрион был наделен полным объемом прав, присущих субъекту правоотношений, это породило бы серьезные коллизии с существующими медицинскими процедурами, поскольку любое действие с эмбрионом могло быть истолковано как посягательство на жизнь и здоровье субъекта. Таким образом, признание эмбриона полноценным субъектом права действительно создает неустранимые противоречия, однако это не исключает возможности установления в отношении эмбриона специального охранительного режима, который не требует наделения его полной субъектностью. Именно такой подход в наибольшей степени согласуется с современной доктриной гражданского права, концепцией договора хранения эмбрионов и

[1]Панкратова Е. А., Перевозчикова Е. В. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // Медицинское право. 2006. № 2. С. 16—22.

[2]Пестрикова А. А. Наследственные права и правовой статус эмбриона // Наследственное право. 2009. № 4. С. 20 - 22.

[3]Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // «Российская газета», № 153—154, 12.08.1998.

необходимостью обеспечения баланса между уважением к потенциальной человеческой жизни и правом граждан на использование репродуктивных технологий. А. А. Мохов[1] указывает на то, что назрела необходимость в разработке концепции нового субъекта правоотношений (гражданских, семейных и иных) — неродившегося ребенка, закрепляющая права плода-пациента.

Отдельные ученые выделяют еще третий подход: эмбрион представляет собой часть организма матери. Согласно этому подходу, эмбрион не имеет самостоятельного правового значения, а его судьба полностью определяется волей женщины. С. С. Шевчук в своем исследовании указывает, что исключительное право на эмбриона должно быть закреплено за женщиной, в тело которой планируется его имплантация[2]. Согласиться с этим сложно, поскольку эмбрион имеет уникальный генетический код и способность к самостоятельному развитию, что не позволяет рассматривать его просто как орган матери.

Анализ приведенных норм и тезисов показывает отсутствие в правовом поле последовательного подхода к статусу эмбриона. В таких условиях трудно утверждать, что эмбрион наделен каким-либо четко определенным объемом прав. Однако в отношении эмбриона вполне могут возникать права других лиц — и в первую очередь это касается процедуры проведения различных медицинских мероприятий. Судебная практика, складывающаяся при разрешении споров о возможности использования криоконсервированного репродуктивного биоматериала после смерти лица, предоставившего генетический материал, в настоящее время характеризуется отсутствием единообразных подходов и демонстрирует существенную противоречивость.

Анализ двух показательных судебных актов — решения Советского районного суда г. Уфы от 24 февраля 2025 г. по делу № 2-693/2025[3] и решения Кировского районного суда г. Саратова от 14 апреля 2025 г. по делу № 2-1272/2025[4] — позволяет не просто констатировать разнородность практики, но и выявить конкретные обстоятельства, которые, как правило, оказываются решающими при разрешении подобных споров.

В первом деле суд удовлетворил исковые требования вдовы, признав определяющим прижизненное волеизъявление умершего супруга, который в письменной форме, подписанной в медицинской организации, прямо разрешил использовать свой криоконсервированный биоматериал (сперму)

---

[1]Мохов А. А. Неродившийся ребенок — субъект правоотношений? // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 17—18.

[2]Шевчук С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Медицинское право. 2003. № 1. С. 37.

[3]Решение Советского районного суда г. Уфы от 24 февраля 2025 г. по делу № 2-693/2025 // Советский районный суд г. Уфы. URL: https://clck.ru/3SvkrW (дата обращения: 25.03.2026).

[4]Решение Кировского районного суда г. Саратова от 14 апреля 2025 г. по делу № 2-1272/2025 // Кировский районный суд г. Саратова. URL:https://clck.ru/3Svks2 (дата обращения: 25.03.2026).

для оплодотворения супруги и указал, что в случае его смерти распоряжение биоматериалом переходит к ней. Во втором деле суд, напротив, отказал в удовлетворении иска, поскольку умерший супруг при жизни не выражал воли на использование эмбрионов после своей смерти, а репродуктивное право, будучи личным неимущественным не переходит в порядке наследственного правопреемства.

Сравнительный анализ указанных судебных постановлений позволяет выделить несколько ключевых обстоятельств, предопределяющих исход дела. Во-первых, это вид биоматериала, в отношении которого заявлено требование: криоконсервированная сперма (неоплодотворенный генетический материал) либо криоконсервированный эмбрион (оплодотворенная яйцеклетка). Суды по-разному оценивают правовой режим этих объектов, что влияет на решение вопроса о возможности единоличного распоряжения после смерти одного из супругов. Во-вторых, критическое значение имеет наличие письменного, заблаговременно оформленного волеизъявления одного из супругов, прямо предусматривающего возможность использования биоматериала после его смерти. В первом деле такое волеизъявление было оформлено на стадии криоконсервации спермы, а во втором отсутствовало. В-третьих, важен момент выражения волеизъявления (до или после создания эмбрионов) и стадия репродуктивного процесса, на которой наступила смерть. В-четвертых, режим хранения биоматериала — по заявлению одного супруга с указанием распорядителя либо по совместному заявлению супругов без определения судьбы на случай смерти — также оказывает влияние на правовую оценку. Наконец, суды учитывают факторы добросовестности истца: длительность брачных отношений, оплату хранения биоматериала после смерти супруга, наличие медицинских противопоказаний к естественному зачатию.

Таким образом, отсутствие прямого законодательного регулирования посмертной репродукции приводит к тому, что исход дела в значительной степени зависит от усмотрения конкретного суда и тщательности юридического оформления волеизъявления донора при жизни. При этом судебная практика развивается автономно, руководствуясь необходимостью обеспечения доступа к реально существующим медицинским технологиям, и демонстрирует, что формальное требование об обоюдном информированном добровольном согласии может быть преодолено на основании ранее выраженной воли умершего, если такая воля была должным образом отражена.

На доктринальном уровне сохраняется три основных подхода к определению статуса эмбриона — субъект права, объект права либо часть организма матери, однако, ни один из них не нашел последовательного отражения в правоприменительной практике, которая формируется независимо от теоретических разработок и требует выработки единых законодательных положений. При формировании нормативного

регулирования в данной сфере необходимо учитывать накопленный правоприменительный опыт, а также такие обстоятельства, как форма согласия (письменная, заблаговременная), момент его выражения (до или после создания эмбрионов), вид биоматериала, связь с браком, стадия репродуктивного процесса и режим хранения, а также указать на особый статус эмбриона в этих договорах.

Анализ судебных актов, а также доктринальных источников позволяет утверждать, что наиболее убедительной и практически применимой является концепция, в соответствии с которой эмбриону придается статус особого объекта гражданских прав, обладающего специальным правовым режимом. Как обоснованно отмечается в литературе, эмбрион занимает промежуточное положение между субъектом и объектом права, что исключает как его полную объективацию (приравнивание к вещи), так и наделение его качеством субъекта.

При этом заключаемые между супругами (партнерами) и медицинскими организациями договоры (например, криоконсервации и хранения эмбрионов) по своей правовой природе не могут быть полностью подчинены нормам Гражданского кодекса РФ, поскольку их предмет обладает особой ценностью и не подлежит свободному гражданскому обороту в качестве вещи. Специальный правовой режим эмбриона, как следует из системного толкования действующего законодательства и складывающейся судебной практики, должен включать в себя несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, это недопустимость коммерциализации эмбрионов — они не могут быть предметом купли-продажи, дарения, залога или иных возмездных сделок, а их передача возможна исключительно в рамках целей лечения бесплодия и на безвозмездной основе (при донорстве). Во-вторых, приоритет информированного добровольного волеизъявления генетических родителей, которое должно быть выражено в письменной форме и может определять судьбу эмбрионов не только на период жизни, но и на случай смерти одного или обоих доноров. В-третьих, особая охрана эмбрионов при их криоконсервации, предполагающая соблюдение установленных сроков хранения, условий температурного режима, а также обязанность медицинской организации по обеспечению сохранности и идентификации биоматериала. При указанном подходе, сочетающем высокую ценность эмбриона как потенциальной человеческой жизни, недопустимость его коммерциализации и возможность использования вспомогательных репродуктивных технологий на основе информированного волеизъявления генетических родителей, может быть достигнут разумный баланс между интересами всех участников репродуктивного процесса.

Научная статья
УДК 347.451

ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМИ ПРАВАМИ В СФЕРЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ

Екатерина Александровна КАРНАУХОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
yekaterina.karnauhova@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербург ского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ,** 89219505168lgu@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальным вопросам «потребительского экстремизма», а также рискам, которые возникают при злоупотреблении потребителями своими законными правами на возврат товара. Подчеркивается, что чрезмерная лояльность продавцов в сфере электронной торговли, создает потенциальные угрозы для недобросовестного поведения потребителей. Обращается внимание на необходимость выработки четких критериев для определения недобросовестности потребителя в целях единообразной судебной практики.

Ключевые слова: потребитель, продавец, электронная торговля, «потребительский экстремизм», возврат товара

В настоящее время дистанционная торговля стала неотъемлемой частью экономики. Вместе с тем стремительное расширение практики онлайн-продаж, в том числе посредством маркетплейсов, сопряжено не только с повышением уровня удобства для потребителей. Участники оборота, действующие на стороне продавца, все чаще сталкиваются с ситуациями, когда предоставленные законодателем потребительские права трансформируются в инструмент недобросовестного давления на бизнес.

Основными источниками регулирования дистанционной торговли являются: Гражданский кодекс РФ[1] (далее — ГК РФ) (гл. 30 («Купля-продажа») регламентирует общие основания купли-продажи, включая договоры, заключаемые дистанционно); Федеральный закон «О защите прав

[1]Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: текст с изм. и доп. на 16 дек. 2025 г. // Доступ из справ.-правовой системы«Консультант Плюс».

потребителей»[1] (далее — Закон «О защите прав потребителей»), выделяющий в отдельную статью особенности дистанционного способа продажи; Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»[2].

Вместе с тем, максимальный уровень защиты, который закон обеспечил потребителю, не только гарантирует разрешение конфликтных ситуаций, но и создает почву для злоупотреблений. Так, Е. Ю. Усольцев отмечает, что недобросовестность потребителей является значительной правовой проблемой как в теоретической, так и в практической плоскости [3].

По смыслу положений статьи 10 ГК РФ во взаимосвязи с Законом «О защите прав потребителей», можно сделать вывод о том, что под злоупотреблением правом потребителями следует понимать: а) действия потребителей, осуществляемые в целях причинения имущественного вреда предпринимателям; б) злоупотребление потребителями более выгодным положением; в) получение материальной выгоды путем недобросовестного осуществления своих прав. Неформально же эта проблема получила название «потребительский экстремизм».

Данный термин не имеет легального закрепления, но в науке рассматриваются различные мнения о понятии «потребительского экстремизма». Так, Т. В. Закупень определяет «потребительский экстремизм» как действия потребителей в обход закона, осуществляемые с намерением причинить вред другому лицу; злоупотребление потребителями особым положением; умышленные противоправные деяния потребителей, совершаемые с целью обращения в свою пользу имущества предпринимателей[4]. И. Л. Нилов определяет его как «недобросовестное поведение потребителей товаров и услуг, направленное на необоснованное извлечение

[1]О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1: текст с изм. и доп. на 17 фев. 2026 г. ст. 10 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463: текст с изм. и доп. на 17 февраля 2026 г.) // Доступ из справ.-правовой ситемы «Консультант Плюс».

[3]Усольцев Е. Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. 2021. № 4. С. 41.

[4]Закупень Т. В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданамизаемщиками // Банковское право. 2015. № 1. С. 23.

выгоды путём манипуляции положениями законодательства о защите прав потребителей»[1].

Основным фактором, побуждающим потребителя к злоупотреблению своими правами в том числе в сфере дистанционной торговли, является специфика правового регулирования данного вида отношений. Законодателем презюмируется, что потребитель является более уязвимой стороной по сравнению с продавцом. В целях обеспечения баланса интересов участников правоотношений и превенции недобросовестных действий со стороны предпринимателя как экономически более сильной стороны, законодатель наделяет потребителя дополнительными гарантиями и преимуществами. Однако предоставление такого специального правового статуса порождает обратный эффект, создавая условия для злоупотребления правом уже со стороны самого потребителя. Таким образом, формируется своего рода правовой парадокс: нормы, изначально направленные на защиту слабой стороны и предотвращение злоупотреблений со стороны контрагента, становятся инструментом злоупотребления со стороны субъекта, в чью пользу установлены эти гарантии.

Законодательство изначально предоставляет потребителю широкие возможности: право на отказ от товара надлежащего качества после его передачи, обязанность продавца принять возврат при сохранении товарного вида и т.д. Можно сделать вывод, что при купле-продаже, осуществляемой дистанционным способом, потребитель защищен сильнее, чем в условиях обычной торговли. Вернуть товар потребитель в таком случае может практически по любой причине.

В сфере дистанционной торговли наиболее распространенными формами злоупотребления потребительскими правами выступают: подмена товаров, которые уже были в использовании, подмена полученных товаров на изделия другого продавца при примерке; покупка вещи с последующим возвратом в срок.

По мнению директора Департамента цифрового развития и экономики данных Минэкономразвития России В. Волошина: «Проблема возврата товаров в электронной торговле — наиболее значимая на данный момент проблема. Более 60 % продавцов на российских платформах сталкивались с инцидентами при возврате товара. При этом возврат товара — это не просто «опция» покупателя, а полноценная услуга, логистические расходы которой ложатся на продавцов: они оплачивают доставку до ПВЗ и обратно, несут расходы на проверку целостности и другие издержки»[2].

Показательным примером признания действий потребителя недобросовестными является дело Б. против ООО «Купишуз»,

[1]Нилов, И. Л. Потребительский экстремизм как одна из новых форм злоупотребления гражданскими правами / И. Л. Нилов // Экономика, социология и право. 2017. № 3. С. 119.

[2] В Государственной Думе обсудили проблему «потребительского экстремизма» на маркетплейсах// Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: http://duma.gov.ru/news/62995/ (дата обращения: 29.03.2026).

рассмотренное Первым кассационным судом общей юрисдикции. Потребитель, заказавший через интернет-платформу «Ламода» товары на сумму около 40 тыс. руб., заявил о наличии в них недостатков и потребовал возврата денежных средств, убытков и штрафа. Однако суд установил, что истец нарушил установленный продавцом порядок возврата: направил товар по неверному адресу, не доказал факт его передачи продавцу (вес отправления не соответствовал весу товара), а заявленные им дефекты не являются недостатками. Суд квалифицировал поведение истца как злоупотребление правом и отказал в удовлетворении иска. Кассационная инстанция подтвердила правомерность такого подхода[1].

При вынесении данного решения суд опирался на оценку конкретных действий потребителя (нарушение порядка возврата, непредставление доказательств передачи товара продавцу). Данные обстоятельства позволили применить статью 10 ГК РФ и отказать в защите права несмотря на то, что потребитель пользуется расширенными гарантиями. Данная судебная практика демонстрирует возможность судебной защиты продавца, когда поведение потребителя выходит за пределы добросовестного осуществления своих прав. В связи с этим при рассмотрении судом дел, связанных с «потребительским экстремизмом», внимание следует уделять следующим фактам: имеет ли потребитель законное право на удовлетворение заявленных требований; действовал ли потребитель добросовестно (приобретал ли он товар с целью его использования без умысла каким-либо образом навредить продавцу); способен ли потребитель мотивировать свои претензии; понес ли продавец убытки.

Действующее правовое регулирование дистанционного способа продажи товаров не является исчерпывающим с точки зрения учета особенностей современных онлайн-правоотношений, существенную роль в которых играют посреднические цифровые платформы и пункты выдачи заказов. Маркетплейсы, выполняя посредническую функцию, обеспечивают реализацию обязательства продавца по передаче товара. Пункты выдачи заказов, в свою очередь, обеспечивают хранение, выдачу и возврат товаров.

Вместе с тем, отметим, что в российском законодательстве уже сформирована нормативная основа, призванная урегулировать спорные аспекты в указанной области. Принятые в 2025 году Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»[2] и Федеральный закон «О внесении изменений в

[1] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2025 N 88-1968/2025 по делу № 2-612.

[2]Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] (вступают в силу 01.10.2026) вводят легальные определения цифровой платформы, оператора, регламентируют процедуру возврата через пункты выдачи заказов и устанавливают ответственность между участниками правоотношений. Однако некоторые проблемы, которые связаны непосредственно со злоупотреблением правом со стороны потребителей, остаются не урегулированы. Не решенной остается проблема разграничения возврата товаров после осмотра его в пункте выдачи заказов, когда покупатель отказывается от получения товара, не выкупив его и возврат товара уже после приемки. Отметим, что на стратегической сессии Минэкономразвития в феврале 2026 года эта проблема была обозначена как одна из ключевых, требующих отдельного решения[2].

Российские продавцы, пытаясь уберечь свой товар от неправомерных возвратов, прибегают к различным способам. Например, крепят на одежду несъемные бирки, ленты, которые не позволяют носить вещь, предварительно не сняв такую бирку. Однако законодательством такие способы не урегулированы. Статья 26.1 Закона «О защите прав потребителей» позволяет вернуть товар при сохраненном товарном виде. Это можно сделать даже при отсутствии магазинной бирки, которая представляет собой ценник, на котором помимо информации о стоимости дублируется информация фабричного ярлыка. Также работник пункта выдачи не может знать, что на каком-то из товаров присутствует деталь, без которой продавец отказывает покупателю в возврате. Соответственно такой способ предупреждения злоупотребления правом является неэффективным. Некоторые продавцы запускают «виртуальную примерку». В карточке товара появляется кнопка «Примерить вещь на себе», покупатель загружает фото и приложение генерирует изображение вещи на нем. На первый взгляд, эти способы должны сократить процент возвратов по причине «не подошло по размеру/фасону» и снизить расходы продавцов. Однако суду сложно установить, что у лица изначально был умысел на получение выгоды за счет продавца. В силу презумпции слабого положения потребителя, установление факта осознания покупателем необоснованности заявленных им требований представляет собой правоприменительную сложность. Так как считается, что покупатель, будучи непрофессиональным участником гражданско-правовых отношений, не имеет специальных знаний относительно продаваемых товаров и порядка защиты своих прав.

[1]О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 290-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] В Минэкономразвития России обозначили ключевые проблемы торговли на цифровых платформах// [Электронный ресурс] URL: https://its.1c.ru/db/content/newsclar/src/498668.htm (дата обращения: 29.03.2026).

Проблема «потребительского экстремизма» требует комплексного решения. Так, В. В. Погарцев указывает на необходимость фиксации действий сотрудников при взаимодействии с потребителями, поскольку каждый задокументированный случай создает основу для судебной защиты прав продавца[1]. Помимо строго регламентированного судебного порядка, компаниям необходимо выстроить четкую систему досудебного урегулирования споров: прозрачные процедуры рассмотрения жалоб, своевременное реагирование на претензии с письменным подтверждением ответов. Приоритетным направлением видится выработка Верховным Судом РФ четких критериев для определения недобросовестности потребителя. Установление таких критериев будет способствовать формированию единообразной судебной практики, пресечению злоупотреблений и одновременно сохранению высокого уровня охраны прав добросовестных потребителей. Необходимо установить, что иск потребителя будет признаваться необоснованным в случае, когда потребитель заведомо знал или должен был знать о том, что его права как потребителя не нарушаются. Для этого необходимо учитывать поведение самого покупателя, например фиксировать его действия, совершенные на стадии досудебного урегулирования спора с продавцом, учитывать ответы от уполномоченных органов государственной власти, к которым потребитель обращался за защитой.

Научная статья
УДК 347.211

ЭНЕРГИЯ И ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ВЕЩЕЙ

Дарья Сергеевна КИСЕЛЕВА
Крымский филиал «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева», Симферополь, Россия
zolotya.molodezh@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданского права Крымский филиал «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева» **Людмила Александровна ШИГОНИНА,** shigoninal@mail.ru

[1]Погарцев В. В. Потребительский экстремизм: понятие, признаки и способы противодействия. // Профилактика проявлений экстремизма, терроризма и деструктивного поведения в молодежной среде Дальнего Востока России. - г. Томск. 28 ноября—01 декабря 2018 года. С. 390—394.

Аннотация. В статье исследуется правовой статус энергии и природных ресурсов в системе объектов гражданского права Российской Федерации. На основе положений Гражданского кодекса Российской Федерации и позиций ведущих цивилистов обосновывается возможность отнесения энергии и природных ресурсов к категории вещей, обладающей рядом особенностей.

Ключевые слова: энергия, природные ресурсы, вещь, товар, объект

Энергия — основа современной экономики и повседневной жизни: без неё невозможны промышленное производство, работа транспорта, функционирование цифровых технологий и обеспечение базовых бытовых потребностей человека. Играя столь огромнейшую роль в жизне-деятельность общества, а значит непосредственно влияя на общественные отношения, она не могла не стать предметом законодательного регулирования со стороны государства.

Тем не менее, определение понятия «энергия» так и не нашло своего отражения в законодательстве, а в научной среде до сих пор остается дискуссионным.

Положения статьи 128 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) не содержат прямого указания на энергию, как на объект гражданского права, однако анализ статей 539 и 544 ГК РФ, позволяет заключить, что договор энергоснабжения — это один из видов договора купле-продажи, чьим предметом является товар — вещь, а значит энергия, поставка которой и осуществляется по указанному договору, в гражданском обороте выступает в качестве вещи.

Под вещью в гражданском праве принято понимать предметы материального мира, которые удовлетворяют соответствующие потребности участников гражданских правоотношений благодаря их физическим, химическим, биологическим и другим свойствам. И если с утверждением о том, что энергия благодаря своим свойствам удовлетворяет потребности участников гражданского-правовых отношений сложно поспорить, то вот вопрос о причислении ее к предметам материального мира продолжает быть предметом ярых дискуссий среди ученых[1].

Некоторые из них считают, что энергия, в силу имеющихся у нее свойств, может быть отнесена к указанному в законодательстве «иному имуществу». Более того, уникальная природа и возможность генерации и передачи исключительно через техническую инфраструктуру, характеризует энергию, в качестве объекта обязательственных прав.

Другие же, напротив, придерживаются мнения, что на современном этапе развития общества и государства классическое представление о том, что же следует понимать под вещью, является устаревшим, а значит и

[1]Кресс В. В. Теоретические аспекты определения места энергии (энергетических ресурсов) в системе объектов гражданских прав // Lex russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 35.

отнесение энергии в категорию вещей представляется вполне логичным и закономерным.

Данной позиции придерживаются А. П. Сергеев и Ю. К. Толстой. Они утверждают, что с точки зрения действующего законодательства вещами признаются не только традиционные предметы быта, средства производства и т.п., но и … различные виды подвластной человеку энергии[1].

Схожего мнения придерживается и Е. А. Суханов, согласно которому энергия, как объект права собственности, отождествляется с товаром[2]. Г. А. Могилевский же подчеркивал, что энергия является особым видом собственности и отождествляется с товаром, обладающим особыми характеристиками и свойствами[3].

Оба ученых подразумевают под энергией скорее особый вид товара, чем вещь. Данная точка зрения находит свое подтверждение при анализе п. 1 ст. 454 и п.1 ст. 455 ГК РФ. При анализе указанных положений, можно прийти к выводу о том, что законодатель под «товаром» подразумевает именно вещи, что, в свою очередь, означает, что признание энергии товаром можно трактовать, как фактическое признание ее вещью. Более того, в российском законодательстве существует также понятие оптовый рынок электрической энергии и мощности, который выступает сферой обращения особых товаров — электрической энергии и мощности[4].

Важно отметить, что огромную роль в решении вопроса является ли энергия вещью или нет, играет такое понятие, как «предмет материального мира». Согласно Толковому словарю Дмитриева, «материальный мир» — это окружающий мир, который человек воспринимает при помощи органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса[5]. Под предметом же материального мира, в таком случае, следует понимать некое явление окружающего мира, которое человек воспринимает при помощи органов чувств.

Противники овеществления энергии ссылаются, во-первых, на невозможность ее восприятия человеком в привычном понимании. Тем не менее, человек при определенных условиях способен не только увидеть энергию, но также и соприкоснуться с ней. Именно этот факт свидетельствует о том, что энергия, а в контексте рассматриваемой темы электрическая энергия, воздействует на человеческие органы чувств и

---

[1]Гражданское право: учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. Т.2. С. 179.

[2]Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / [А. В. Асосков, В. С. Ем, В. В. Витрянский и др.]; отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2023. С. 208.

[3]Могилевский Г. А. Энергия как объект гражданских прав: актуальные вопросы понятия и содержания // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Т. 2, N 2 (77). С. 179.

[4]Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ (посл. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. № 13 ст. 1177.

[5]Толковый словарь русского языка: около 7000 словарных статей: свыше 35 000 значений: более 70 000 иллюстративных примеров (Словари Академии Российской). / под ред. Д. В. Дмитриева. Москва: Астрель: АСТ, 2017. С. 753.

воспринимается ими, а значит может быть отнесена к предметам материального мира, а в совокупность с уже указанным признаками, к категории вещей.

Во-вторых, сторонники указанной позиции утверждают, что энергия не может быть отнесена к категории вещей, по той причине, что на нее не может возникнуть право собственности, поскольку доктринально к объектам вещного права может быть отнесена только индивидуально определенная вещь, к которой они энергию не причисляют. Но в то же время, рассматривая определение понятия индивидуально определенная вещь, можно заключить, что она:

— наделена конкретными только ей присущими характеристиками, свойствами, которые отличают ее среди других однородных вещей;

— эти свойства индивидуализируют вещь в гражданском обороте, в силу чего она является юридически незаменимой.

Никаких иных ограничений или условий для признания объекта индивидуально определенной вещью гражданское право не указывает. В таком случае, электрическая энергия, изучаемая в рамках выбранной темы, обладает свойствами, отличающими ее от других видов энергии (тепловой, атомной и т.д.), как однородных вещей, она участвует в гражданском обороте и этими же свойствами в нем индивидуализирована, следовательно, она становится юридически незаменимой, а значит по совокупности всех признаков индивидуально определенной вещью.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что энергия фактически функционирует в гражданском обороте как особый вид вещи (товара).

В контексте выбранной темы видится логичным перейти к рассмотрению еще одной не менее важной основы функционирования экономической стороны жизнедеятельности общества и государства — природным ресурсам.

Как и энергия, понятие «природные ресурсы» прямого закрепления, как объект гражданского права, а статье 128 ГК РФ не находит.

Однако Федеральный закон «Об охране окружающей среды» содержит следующее определение понятия «природные ресурсы» — компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность[1].

Большинство ученых придерживаются позиции, что законодательно закрепленное определение понятия «природные ресурсы», является наиболее верным, а потом не предлагают собственных трактовок указанного

[1]Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрании законодательства Российской Федерации от 14 января 2002 г. № 2 ст. 133.

понятия. В том случае, если деятели науки и дают собственное обоснование указного понятия, оно в сути своей не сильно отличается о того, что было предложено законодателем.

Так, В. П. Желтиков и его коллеги дают довольно лаконичное определение данному термину, указывая, что природные ресурсы являются телами и силами природы, непосредственно используемыми в материальном производстве (например, полезные ископаемые)[1].

Возвращаясь к вопросу об определении статуса природных ресурсов, как объекта гражданских прав, наиболее разумным является отнесение их к категории вещей. Во-первых, природные ресурсы отвечают всем признакам вещи, установленным в гражданско-правовой доктрине: они являются предметами материального мира, удовлетворяют потребности участников гражданских правоотношений за счет имеющихся у них свойств и в определенных законодательством случаях могут выступать в качестве товара.

А, во-вторых, как уже указывалось ранее, на вещи возможно возникновение права собственности. Согласно п.2 ст. 214 ГК РФ земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью.

Ключевой особенностью природных ресурсов, как вещи, выступает двойственность гражданского оборота. Например, анализ ст. 1.2. и ст. 11 Закона РФ «О недрах» позволяет заключить, что участки недр признаются недвижимыми вещами с ограниченным оборотом, поскольку на них в установленных законом случаях может предоставляться право пользования на основании лицензии, но их отчуждение невозможно. При этом добытые полезные ископаемые полностью становятся объектами свободного оборота (за исключением отдельных видов ресурсов)[2]. Они классифицируются как движимые вещи, которые могут находиться в любой форме собственности и свободно отчуждаться в соответствии с общими правилами гражданского законодательства.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что правовой статус энергии и природных ресурсов в гражданском законодательстве РФ характеризуется существенной неопределённостью: ни то, ни другое прямо не закреплено в статье 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав, что создаёт пробелы в правовом регулировании.

Однако, несмотря на отсутствие прямого законодательного определения, анализ отраслевого законодательства и позиции ведущих

[1]Желтиков В. П., Кузнецов Н. Г., Тяглов С. Г. Экономическая география: учеб. пособие для вузов / В. П. Желтиков, Н. Г. Кузнецов, С. Г. Тяглов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. С. 12.

[2]Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1 (с изм. и доп.) // Российская газета от 5 мая 1992 г. № 102.

цивилистов позволяют отнести и энергию, и природные ресурсы к категории вещей — с учётом их специфики как объектов гражданского права.

Важно подчеркнуть, что дальнейшее совершенствование законодательства в части чёткого закрепления статуса этих объектов позволит устранить существующие правовые неопределённости, повысив тем самым эффективность гражданско-правового регулирования энергии и ресурсов, а также поспособствует стабильности гражданского оборота в целом.

Научная статья
УДК 347

ДОКТРИНА ЭСТОППЕЛЯ И ЗАПРЕТ ПРОТИВОРЕЧИВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Валерия Денисовна КЛЕСТОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург , Россия
vklestova87@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербург ского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Алексеевич МАКСИМОВ,** maximovva@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ доктрины estoppel (эстоппель) в контексте современного российского гражданского права. На основе изучения зарубежных подходов (Англия, Германия) и российских научных дискуссий исследуется правовая природа этого явления, соотношение с принципом добросовестности, а также материальные и процессуальные аспекты применения. Особое внимание уделяется проблемам унификации судебной практики и необходимости доктринального разграничения между эстоппелем и запретом противоречивого поведения.

Ключевые слова: злоупотребление правом, эсстопель, запрет противоречивого поведения

Одним из основополагающих принципов не только российской цивилистики, и даже не только цивилистики стран романо-германской правовой семьи, а науки гражданского права, как целостной научной системы знаний, является норма, закрепляющая злоупотребление правом.

Правоприменителю в первую очередь следует обратить внимание на законодательную трактовку данного понятия. Так, следует обратить

внимание на ст. 10 Гражданского кодекса Российской федерации[1] (далее по тексту — ГК РФ). Из неё можно вынести следующую мысль: законодателем предусмотрена норма о недопустимости действий субъекта гражданско-правовых отношений с целью причинить вред другому лицу. А тот факт, что данная норма, носящая императивный характер и устанавливающая возможный предел реализации прав является одной из первых в кодексе, говорит нам о важности её реализации на практике для гражданского оборота.

Отсюда вывод о важности урегулирования данного вопроса и важности отточенности корректной работы механизма по защите граждан от злоупотребления правом.

Принцип недопустимости злоупотребления правом находит выражение в специальных нормах, в том числе через запрет противоречивого поведения. В российской цивилистике этот запрет известен как эстоппель (от англ. estoppel — лишение права на возражения) или принцип обычной коммерческой честности. В общем виде он означает: участник оборота не вправе опровергать свои предыдущие действия, если это вводит в заблуждение другую сторону, полагавшуюся на его первоначальное поведение.

Зарубежная доктрина (особенно английская) различает эстоппель как порождение «права справедливости» (equity)[2]. В странах общего права, особенно в Англии, эстоппель исторически связан с доктриной consideration (встречного удовлетворения). Как отмечает Б. К. Пономаренко, изначально договор без встречного удовлетворения считался незаключенным, что порождало злоупотребления. Для их пресечения суды справедливости выработали правило: если одна сторона дала обещание, и добросовестная сторона разумно на него полагалась, то первая не вправе отказаться от обещания, даже при отсутствии consideration[3]. Английская доктрина включает множество видов эстоппеля: estoppel by representation (основанный на заявлении факта), proprietary estoppel (вещный), estoppel by deed (основанный на документе за печатью) и promissory estoppel (обещательный)[4].

Лужина А. Н., ссылаясь на зарубежные источники, подчеркивает, что эстоппель выполняет функцию ограничителя, корректируя формально правомерное поведение, если оно приводит к неблагоприятным

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51 ФЗ : текст с изм. на 1 августа 2025 г. ст. 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Грибов Н. Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3.С. 129.

[3]Пономаренко Б.К. Доктрина эстоппель в гражданском праве России // Вопросы студенческой науки. 2019. № 3 (31). С. 165.

[4] Wilken S., Ghaly K. The Law of Waiver, Variation, and Estoppel. 3rd ed. Oxford University Press, 2012. С. 9-12.

последствиям для другой стороны, которая полагалась на предыдущее поведение контрагента[1].

В отличие от этого, континентальная доктрина venire contra factum proprium (противоречивое поведение) базируется на принципе добросовестности (ст. 2 Гражданского кодекса Швейцарии) и намерении противодействовать злоупотреблению правом. Как указывает Н. Д. Грибов, немецкая доктрина Verwirkung (утрата права) запрещает лицу ссылаться на свое право, если оно длительное время не использовало его, а другая сторона добросовестно рассчитывала, что это право не будет осуществлено[2].

Несмотря на то, что в ГК РФ термин «эстоппель» не закреплен, суды активно используют эту конструкцию для борьбы с противоречивым поведением, или же непоследовательным поведением. Как справедливо замечает Котинова Е. И., основой применения этой доктрины является принцип добросовестности, закрепленный в ст. 1 и 10 ГК РФ[3].

В российском гражданском законодательстве можно выделить несколько норм, интерпретируемых как проявления эстоппеля:

1. П. 5 ст. 166 ГК РФ: Заявление о недействительности сделки не имеет значения, если лицо действует недобросовестно (например, ранее лицо признавало сделку действительной).
2. П. 3 ст. 432 ГК РФ: Сторона, принявшая исполнение по договору, не вправе требовать признания договора незаключенным.
3. П. 2 ст. 431.1 ГК РФ: Сторона, принявшая исполнение, не вправе требовать признания договора недействительным (за редкими исключениями).
4. П. 5 ст. 450.1 ГК РФ: Если сторона подтверждает действие договора, последующий отказ от договора по тем же основаниям не допускается[4].

Закрепленные в ГК РФ положения являются не прямым заимствованием эстоппеля, а конкретизацией принципа добросовестности, адаптированной к романо—германской правовой системе.

Однако в российской науке отсутствует единый подход к пониманию этих явлений. Часть авторов (Ж. И. Седова, М. З. Шварц) рассматривают эстоппель как самостоятельный принцип или норму. Другие (К. В. Нам, Б. К. Пономаренко) настаивают на том, что эстоппель — это не самостоятельное явление, а частный случай реализации принципа добросовестности.

---

[1]Лужина А.Н. Эстоппель в гражданских правоотношениях // (Аналитический обзор на основе представленных материалов ИНИОН РАН). 2024. С. 168.

[2]Грибов Н. Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3.С. 131.

[3]Котинова Е. И. Эстоппель в гражданском праве Российской Федерации // (Сборник МГЮА). 2019. С. 2.

[4]Котинова Е. И. Эстоппель в гражданском праве Российской Федерации // (Сборник МГЮА). 2019. С. 3-4.

К. В. Нам, в частности, утверждает, что эстоппель выступает как функция принципа добросовестности, играя роль ограничителя, который не позволяет лицу извлекать преимущество из противоречивого поведения[1]. Б. К. Пономаренко приходит к выводу, что все закрепленные в ГК РФ правила о недопустимости противоречивого поведения «укладываются в действие общего принципа добросовестности», а выделение эстоппеля в чистом виде несвойственно континентальной системе[2].

Особого внимания заслуживает процессуальный эстоппель. Как отмечают Вострикова А. М. и Руф В. С., арбитражные суды все чаще применяют этот механизм, несмотря на отсутствие прямого упоминания в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (АПК РФ)[3].

Суть процессуального эстоппеля сводится к утрате стороной права ссылаться на возражения в случае противоречивого поведения в процессе. Например, если сторона изначально признавала подсудность спора арбитражному суду (участвовала в заседаниях, заявляла ходатайства), а затем заявляет о неподведомственности, суд может отказать в таком ходатайстве, применив эстоппель[4].

Исследователи отмечают, что суды, применяя процессуальный эстоппель, не всегда анализируют, сформировалось ли у другой стороны разумное ожидание, а реагируют на саму непоследовательность поведения. Это сближает российский подход не столько с классическим эстоппелем, сколько с реализацией принципа процессуальной добросовестности и запрета на злоупотребление процессуальными правами (ст. 41 АПК РФ)[5].

Применение эстоппеля в процессуальном праве (арбитражном процессе) фактически является реализацией запрета на злоупотребление процессуальными правами, а, а точнее использование не как прямое заимствование классической англосаксонской модели, а как функционально сходный результат, достигаемый через нормы о добросовестности и недопустимости злоупотребления процессуальными правами

Для правильного применения доктрины запрета противоречивого поведения необходимо четко определить ее элементы. На основе анализа зарубежной и российской практики Н. Д. Грибов выделяет следующие элементы, входящие в предмет доказывания при ссылке на venire contra factum proprium:

---

[1]Лужина А. Н. Эстоппель в гражданских правоотношениях // (Аналитический обзор на основе представленных материалов ИНИОН РАН). 2024. С. 168.

[2]Пономаренко Б. К. Доктрина эстоппель в гражданском праве России // Вопросы студенческой науки. 2019. № 3 (31). С. 172.

[3]Вострикова А. М., Руф В. С. Процессуальный эстоппель: к вопросу о правовой природе // Уральский журнал правовых исследований. 2024. № 2. С. 9.

[4]Вострикова А. М., Руф В. С. Процессуальный эстоппель: к вопросу о правовой природе // Уральский журнал правовых исследований. 2024. № 2. С. 10.

[5]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ : текст с изм. на 1 января 2026 г. ст. 41 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Противоречие вторичного поведения первоначальному поведению: Лицо меняет свою позицию или модель поведения.

2. Недобросовестность в действиях лица: Изменение позиции не должно быть случайным или вынужденным обстоятельствами. Оно должно быть направлено на получение необоснованного преимущества.

3. Причинение или намерение причинить ущерб противоположной стороне: Другая сторона должна понести негативные последствия (материальные или процессуальные) в результате смены позиции первым лицом1.

Отсутствие хотя бы одного из этих элементов должно исключать применение доктрины.

Подводя итог исследования, для формирования единообразной судебной практики судам следует использовать терминологию «запрет противоречивого поведения» либо руководствоваться элементами, предложенными Н. Д. Грибовым. Оперирование термином «эстоппель» без анализа его юридической природы непозволительно, мы считаем, что унификация доктринального подхода, развитие разъяснений высших судов или более точное описание критериев в правоприменении, и наконец законодательное закрепление термина «эстоппель» позволит избежать этой проблемы.

Научная статья
УДК 347

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ QR-КОДА ПРИ ОПЛАТЕ ТОВАРОВ, РАБОТ ЛИБО УСЛУГ

Екатерина Александровна КНЯЗЕВА[1], Наида Омаргаджиевна ОМАРОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] katyusha.knyazeva.04
[2] naida.2686@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербург ского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ,**

[1]Грибов Н. Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3.С. 133—134.

Аннотация. В статье рассмотрена роль QR-кодов в безналичных расчётах: проанализированы практика их внедрения, нормативно-правовая база, регулирующая использование QR-кодов при осуществлении платежей в Российской Федерации. В ходе анализа обосновывается позиция, согласно которой QR-код соответствует форме расчётов посредством платёжных поручений, а также затрагиваются вопросы защиты прав потребителей при оплате через QR-коды, обязанности применения контрольно-кассовой техники и перспективы нормативного регулирования. Авторы пришли к выводу о необходимости нормативного урегулирования правового статуса платежей по QR-кодам для обеспечения безопасности потребителей.

Ключевые слова: QR-коды, безналичная оплата, система быстрых платежей, платежные поручения, денежные средства, банк, безналичные расчеты

Разработанные в 1994 году в Японии для достижения целей оптимизации автомобильной промышленности, QR-коды получили широкое применение лишь в начале XXI века с распространением мобильных устройств, способных декодировать матричные коды посредством встроенной камеры.

В настоящее время данный способ передачи информации является одним из наиболее универсальных и востребованных в цифровой среде. Посредством QR-кода возможно не только кодировать различные данные (текст, контактные данные, URL-адреса веб-ресурсов, сведения об интересующих потребителей товарах и услугах, а также о производителе и т. д.), но и, применяя его в качестве инструмента безналичной оплаты, проводить транзакции при приобретении товаров и оказании услуг как в розничных, так и в онлайн-магазинах.

К примеру, в Италии с 2014 года бренд Stone Island применяет систему аутентификации Certilogo, благодаря которой покупатель, отсканировав QR-код на бирке, получает информацию о подлинности одежды перед покупкой[1].

Сервис системы быстрых платежей (далее — СБП), запущенный в 2019 году Центральным банком Российской Федерации, позволяет продавцам создавать специальные QR-коды для оплаты товаров, работ или услуг потребителями. Согласно информации, представленной СБП, функционал платёжных QR-кодов используется 192 банками[2].

Как справедливо отмечает Ю.В. Мякотина, несмотря на развитую платёжную инфраструктуру, в Российской Федерации не сформирована

[1] Stone Island — Аутентичность [Электронный ресурс] // Stone Island : офиц. сайт. URL: https://www.stoneisland.com/ru-ru/authenticity.html (дата обращения: 27.03.2026).

[2]Участники Системы быстрых платежей [Электронный ресурс] // Национальный платёжный совет : официальный сайт. URL: https://sbp.nspk.ru/participants?type=person (дата обращения: 29.03.2026).

полная нормативная правовая база, регламентирующая использование QR-кода при осуществлении платежей[1].

Пунктом 1 ст. 862 Гражданского кодекса Российской Федерации[2] закреплён открытый перечень форм безналичных расчётов, среди которых: платёжные поручения, аккредитив, инкассо и чеки. В законодательстве, банковских правилах и обычаях, сложившихся в банковской практике, могут быть предусмотрены и иные формы.

Так, в соответствии с абзацем 2 п. 1.1 Положения Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» безналичные расчёты могут осуществляться также в форме прямого дебетования и в форме перевода электронных денежных средств.

Исходя из приведённых норм, действующее законодательство не предусматривает выделение оплаты по QR-оду в качестве самостоятельной формы безналичных расчётов. В связи с этим возникает закономерный вопрос: в рамках какой из нормативно закреплённых форм осуществляется данный вид платежей?

С. В. Пыхтин приходит к выводу, что оптимальными формами в данном контексте выступают расчёты платёжными поручениями и прямое дебетование[3].

По нашему мнению, вторая из выделенных учёным форм не может быть применена к платежам, производимым с использованием QR-кодов, по нижеописанным основаниям.

Правовое регулирование прямого дебетования, а именно ч. 1 и ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» (далее — Федеральный закон № 161-ФЗ), исходит из того, что списание денежных средств осуществляется по требованию их получателя банком с согласия плательщика и на основании заключённого между ними договора. Следовательно, право получателя на распоряжение должно быть предусмотрено в договоре банка с плательщиком, который при рассматриваемом способе оплаты отсутствует.

Дополнительно в ч. 5 ст. 6 Федерального закона № 161-ФЗ установлено, что требование получателя направляется банку плательщика (напрямую либо через банк получателя), тогда как QR-код передаётся непосредственно плательщику.

Исходя из вышесказанного, по нашему мнению, QR-код, выступая машиночитаемым способом фиксации платёжного распоряжения с указанием суммы и реквизитов получателя средств, по своей юридической

---

[1]Мякотина Е.В. Правовые аспекты использования QR-кодов для платежей // Хозяйство и право. 2025. № 5. С. 113.

[2]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Пыхтин С. В. Оплата по QR-коду как способ безналичных расчетов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1. С. 109.

сущности соответствует такой форме безналичных расчётов, как платёжные поручения.

В соответствии со ст. 16.1 Закона от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» продавцы обязаны предоставить по выбору потребителя возможность оплачивать товары, работы или услуги как с применением национальных платёжных инструментов, так и в наличной форме.

Как отмечалось ранее, оплата через СБП с использованием QR-кода выступает одним из альтернативных способов безналичных расчётов, поэтому отказ в приёме такого платежа при наличии технической инфраструктуры (например, поддерживающего QR-коды терминала) следует рассматривать как нарушение прав потребителя.

Цивилисты также отмечают, что правила возврата и обмена товара действуют независимо от способа оплаты, следовательно, некачественный или неподошедший товар, оплаченный по QR-коду, потребитель вправе сдать или обменять в соответствии с действующими правилами[1].

Кроме того, Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчётов в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 54-ФЗ) в ч. 1 ст. 1.2 закрепляет обязанность организаций и индивидуальных предпринимателей применять контрольно-кассовую технику при осуществлении расчётов с учётом установленных исключений. Часть 2.1 указанной статьи уточняет, что это требование распространяется и на безналичные расчёты с использованием электронных средств платежа, в том числе через СБП, включая операции с применением автоматических устройств.

Дополнительно ч. 2 ст. 1.2 Федерального закона № 54-ФЗ закрепляет требование об обязательной выдаче кассового чека при оплате по QR-коду. Так, при покупке в магазине чек предоставляется в бумажном виде в момент расчёта либо направляется в электронной форме на e-mail или номер телефона, указанный покупателем до совершения расчётов, в интернет-магазине — формируется онлайн—кассой в момент платежа и направляется покупателю на указанные им контактные данные.

С 1 сентября 2026 года вступит в силу Федеральный закон от 23.07.2025 №248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий поэтапное внедрение универсального платёжного кода для расчётов за товары, работы и услуги[2]. Закон наделяет продавцов правом отображать указанный код на кассах, терминалах и иной технической инфраструктуре.

---

[1]Смирнова В. В. Правовое регулирование использования QR-кода при оплате покупок и услуг // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 399.

[2]Основные изменения законодательства в сфере торговли и защиты прав потребителей в 2026 году // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как указывает И.В. Малышева, государство осознанно не спешит закреплять QR-коды в нормативном законодательстве[1]. Данный подход, по её мнению, является оправданным, поскольку в правотворчестве, даже в условиях быстро меняющейся реальности, приоритет сохраняют принципы обоснованности, научного характера и целесообразности.

Следует согласиться с данной точкой зрения. В настоящее время актуальной является проблема QRishing — вида кибермошенничества с использованием QR-кодов. Так, злоумышленники маскируют вредоносные программы под безобидные QR-коды, сканирование которых приводит к риску утечки персональных данных или потери денежных средств.

Таким образом, введение QR-кодов значительно упрощает порядок оплаты товаров, работ или услуг потребителями. Однако использование данного вида безналичной оплаты урегулировано частично. Следовательно, возникает необходимость в уточнении правового статуса подобных платежей в целях защиты прав пользователей.

Научная статья
УДК 347.24

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ФОТОГРАФИИ КАК ОБЪЕКТА АВТОРСКОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ЗАЩИТЫ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Елизавета Владимировна МАЛЫШКИНА
Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
Gertruda.25@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) **Вероника Александровна КУЗБАГАРОВА**

Аннотация. В статье исследуется правовая природа фотографического произведения как объекта авторского права в контексте современного развития цифровых технологий и сети «Интернет». Анализируются критерии относимости фотографии к объекту охраны авторских прав. Особое внимание уделяется особенностям защиты авторских прав на фотографические произведения в сети «Интернет». Рассматриваются

[1]Малышева И. В. QR-код как новая правовая реальность // Lex Russica. 2022. №7 (188). С. 103.

актуальные тенденции правоприменения, связанные с защитой фотографического изображения в сети «Интернет».

Ключевые слова: фотографическое произведение, фотография, авторское право, защита авторского права в сети «Интернет», компенсация за нарушение авторских прав, защита авторских прав на фотографии

Актуальность данной темы исследования обусловлена развитием цифровой среды, существование которой изменило подход к распространению, обмену и торговле фотографическими произведениями. Фотография в современных реалиях является не только предметом искусства, но и также товаром, включённым в гражданско-правовых оборот. Развитие технологий и интернета, переход на цифровые фотоаппараты, а также онлайн способы распространения фотографий, с одной стороны — позволило авторам мгновенно доводить свои работы до неограниченного круга лиц, а с другой — создало неограниченные возможности для нарушения исключительных прав на изображение, в частности на фотографические изображения. Это связано с лёгкостью копирования и распространения файлов в интернете. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о правовой природе фотографии как объекта авторского права и эффективных механизмах её защиты в сети «Интернет».

Практика правоприменения сталкивается с внутренней дилеммой относительно эффективных методов обеспечения защиты прав автора на фотографический объект в условиях его размещения в информационно-коммуникационной среде.

Данная работа направлена на проведение системного исследования правовой природы фотографии как объекта авторского права и особенностей её охраны в цифровой среде «Интернет», с учётом современных тенденций развития законодательства и судебной практики, формирующих правовую инфраструктуру данной сферы.

В первой части исследования представляется необходимость определения и систематизации правового статуса фотографии в качестве объекта авторского права, что позволяет обеспечить фундаментальную базу для дальнейшего анализа институциональных механизмов защиты.

Для этого рассмотрим законодательство Российской Федерации. В России основным источником правовой системы защиты авторских прав является часть IV Гражданского кодекса РФ. Статья 1259 ГК РФ указывает, что фотографические произведения относятся к объектам авторских прав.

Но всякая ли фотография является объектом авторских прав? Ответ на вышеуказанный вопрос изложен в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10, опубликованном в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 21 марта 2014 года № С01-57/2014 по делу № А24-1669/2013. В данном нормативном акте сформулирован перечень критериев, позволяющих определить, что при

создании фотографического произведения под творческим трудом фотографа понимается определённый комплекс действий, включающий:

размещение объекта фотоснимка в пространственной среде;

подбор экспозиции;

определение личной позиции для осуществления съёмки;

регулировка освещения;

настройка параметров фокусировки;

проявление фотоматериала;

обработку полученного изображения с использованием компьютерных технологий;

а также иные действия, аналогичные указанным[1].

На основе анализа указанного постановления можно сделать вывод, что не всякий фотоматериал обладает правовой охраной в виде объекта авторского права. В частности, изображение, содержащее лишь сведения о фактах, событиях или иной информации, лишено признаков творческого характера и, следовательно, не может быть квалифицировано как объект авторского права. Это обусловлено тем, что подобное изображение не содержит элементов творчества, которые, согласно установленной судебной практике, являются определяющими признаками фотографического произведения, охраняемого авторским правом.

Соответственно, использование таких изображений без получения согласия правообладателя допускается только в случаях, явно оговорённых законом. В частности, допускается свободное использование фотографий, не содержащих элементов творчества, то есть таких, которые служат лишь носителями фактической информации. Распространение подобных изображений в информационных целях не будет расцениваться как нарушение авторских прав на фотографическое произведение[2].

Далее, при разрешении споров, связанных с отнесением конкретной фотографии к объекту авторского права, необходимо руководствоваться положениями пункта 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10, согласно которому подразумевается предположение: результаты интеллектуальной деятельности в объективной форме следует считать созданными в результате творческого труда, пока не доказано обратное.

Кроме того, судебные органы при подтверждении факта творческого характера конкретной фотографии должны учитывать, что отсутствие в итоговом продукте признаков новизны, уникальности или оригинальности не может служить основанием для признания его созданным вне рамок

---

[1] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.07.14 по делу № А40-108107/2013. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http.www.consultant.ru.

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.10.13 № 09АП-38607/2012-ГК по делу № А40-64446/12-5-590. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB009&n=594674#0.

творческого труда и, следовательно, не охраняемым объектом авторского права[1].

Подытоживая: современная российская правовая концепция исходит из презумпции творческого характера результата интеллектуальной деятельности, закреплённой в пункте 1 статьи 1257 Гражданского кодекса РФ, согласно которому автором произведения признаётся гражданин, создание которого обусловлено его творческим трудом. Отсутствие доказательств именно творческого характера не ведёт к автоматическому отказу в правовой охране, а скорее, «результат интеллектуальной деятельности считается созданным в результате творческого труда, пока не доказано иное».

Итак, было выяснено, что фотография является объектом охраны и защиты законодательства Российской Федерации, в частности та, которая соответствует определённым критериям: объект фотоснимка был размещён фотографом в определённом месте в пространстве; фотографом был произведён также выбор экспозиции, выбор личной позиции для фотосъёмки, установка освещения, настройка резкости кадра, проявление фотоплёнки и произведена обработка полученного изображения при помощи компьютера.

Теперь, определив правовую природу фотографии как объекта авторского права Российской Федерации, можно перейти к способам её защиты.

Согласно ст. 1270 ГК РФ С момента создания произведения автор автоматически получает Исключительные права, что означает, что только автор может использовать своё произведение в коммерческих целях (например, продавать права на фотографии).

Другие лица либо покупают у собственника это право по договору, либо получают права на использование снимка на основании лицензионного договора. Копирование и публикация файла фотографии в интернете без согласия автора также является незаконным действием даже если её автор был указан. Длительность исключительного права автора продолжается в течение жизни автора и истекает через 70 лет после его смерти.

Таким образом для РФ право на фотографию и защита его законом возникает с момента создания этой фотографии, не нуждается в специальной регистрации и имеет достаточно длительный срок, также имеется возможность дополнительно защитить свои права, а регистрация может осуществляться различными службами.

Примером действия данных правовых норм является дело, в котором Гражданка Ц. обратилась в суд с исковым требованием к владельцу интернет-сайта, предусматривающим запрещение использования

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ee07ed989eace60044215bd4b9b81 2f99a2f6919/.

фотографического произведения, взыскание компенсации за нарушение исключительных прав на данное произведение, а также компенсацию морального вреда. В обоснование исковых требований она указала, что на сайте ответчика в незаконной публикации использовано фотографическое изображение, представляющее платёжную квитанцию за коммунальные услуги с наличными денежными средствами, автором и правообладателем которого является истец.

Изначально суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении указанного иска. Тем не менее, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не поддержала выводы нижестоящих судов о том, что фотография, размещённая на различных информационных порталах сети «Интернет», является объектом свободного доступа с возможностью её копирования. Верховный Суд указал, что в соответствии с положением статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации, сеть «Интернет» не представляет собой место, открытое для свободного посещения, и использование материалов, размещённых в сети, регулируется соответствующими правовыми нормами, устанавливающими механизмы охраны авторских и смежных прав.

Пункт 1 статьи 1229 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что правообладатель в правовом поле обладает правом на собственное усмотрение разрешать или запрещать использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации. При этом отсутствие явного запрета на использование не может рассматриваться как автоматическое согласие или разрешение на использование соответствующего объекта.

Из материалов дела следует, что оспариваемое фотографическое изображение было размещено истцом на специализированных ресурсах в сети «Интернет», являющихся торговыми площадками для платной реализации фотоизображений. Следовательно, факт распространения изображения на различных сайтах в сети, при отсутствии свидетельств об авторстве в отношении Ц., не свидетельствует о том, что изображение находится в свободном доступе с возможностью его копирования без согласия автора и без выплаты вознаграждения.

Учитывая изложенное, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ постановила отменить апелляционное определение суда апелляционной инстанции и вернуть дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции[1].

Итак, исходя из факта моментальности и перманентности исключительного права на произведённое изображение, т. к. авторские права уже охраняемы законом РФ по факту создания произведения автором, регистрация прав на изображение в РФ необязательна, но желательна для

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2020 года N 5-КГ19-228.

правовой защиты этих прав в судебных разбирательствах. Для дополнительной защиты прав на изображение в интернете, возможно сделать следующее действия:

указание авторства — на фотографии можно поставить водяной знак (надпись, логотип) или знак охраны авторского права (например, © имя автора, год)[1];

сохранение оригинальных файлов со встроенными EXIF и IPTC-данными — они укажут, кто снял, когда, где и на какое устройство;

депонирование — передача копии произведения доверенному лицу с фиксацией даты. В свидетельстве о депонировании указано, кто автор, когда поступили фотографии, и при возникновении спора можно запросить из депозитария фото и сравнить их со спорным изображением;

Дата опубликования в социальных сетях или на интернет-ресурсе может служить доказательственным подтверждением факта размещения произведения, однако данный статус обусловлен исключительно тем обстоятельством, что соответствующая платформа не предусматривает возможность последующего редактирования указанных временных характеристик.

Рассмотрим данные способы защиты более подробно. Первый способ правовой защиты — указание авторства. Указание авторства можно произвести двумя способами: через водяной знак и знак охраны авторского права. Водяной знак — это видимое изображение или рисунок на бумаге, который выглядит светлее или темнее при просмотре на просвет. Водяной знак в сети «Интернет» представляет из себя полупрозрачное изображение в виде логотипа или полупрозрачной надписи, нанесённой поверх изображения. Данный логотип или надпись как раз и указывают кто автор данного изображения и не может быть стёрт без нанесения урона изображению.

Суть знака охраны авторского права раскрыта в статье 1271 Гражданского кодекса Российской Федерации «Знак охраны авторского права»: Знак охраны авторского права представлен совокупностью следующих элементов: графического обозначения в виде латинской буквы «С», заключённой в окружность; имени или наименования правовладельца; а также года первого опубликования произведения. Данный знак размещается либо непосредственно на изображении, либо в его близости, с целью визуального обозначения принадлежности творческого произведения к объектам авторского права.

Далее идёт сохранение оригинальных файлов с метаданными EXIF (технические параметры) и IPTC (авторство, описание). Данный способ может использоваться не только для защиты авторских прав, подтверждения авторства в суде, но и каталогизации. Для сохранения

[1] "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026), Статья 1271. Знак охраны авторского права

данных используются функции «Сохранить как» без сжатия либо специализированные редакторы.

Основными методами сохранения метаданных являются: Использование профессионального ПО: Программы вроде Adobe Lightroom, Capture One, Digikam сохраняют EXIF/IPTC при экспорте, если не выбрана опция удаления метаданных; Правильный экспорт (Save for Web) — При экспорте изображений для интернета используются настройки, включающие «Metadata: All» или «Include EXIF/IPTC», чтобы метаданные не стирались; Создание резервных копий — создаётся резервная копия оригинала перед обработкой. Это делается в связи с тем, что некоторые онлайн-сервисы и редакторы удаляют данные EXIF при их сжатии; Применение Sidecar-файлов (.XMP) — В случае RAW-файлов метаданные часто хранятся в отдельных XMP-файлах, которые нужно хранить вместе с оригиналом. Для данного процесса могут быть использованы различные приложения и инструменты. Таким образом, оригинал с метаданными является доказательством авторства при краже контента и нарушении авторских прав на фотографию.

И последнее в списке — депонирование изображения. Депонирование — это способ защиты прав на различного рода документы, которая заключается в передаче документов или активов третьей стороне для их хранения с целью обеспечения сохранности или выполнения определённых обязательств. Депонирование может касаться различных типов объектов, от документов и активов до интеллектуальной собственности, в том числе, фотографического изображения. Услуга депонирования, как правило, является платной и может предоставляться различными онлайн сервисами. Для совершения процедуры депонирования необходимо заполнить соответствующую форму, указав дату и место создания объекта (в данном случае – фотографии), его название и описание. Также необходимо предоставить персональные данные авторов, владельцев смежных прав и правообладателей. В систему следует загрузить эталонную копию произведения. Удостоверяющий центр предоставляет временные метки, которые зафиксируют момент депонирования, что служит формальным доказательством существования фотографии на определённую дату и время, закрепляя авторские права в цифровой форме. Сервисы, предоставляющие услуги депонирования, позволяют хранить такие данные в течении неограниченного времени.

При завершении процедуры депонирования изображения пользователь получает возможность оформлять официальные документы, подтверждающие авторство, такие как свидетельства в печатной или электронных формах, выписки из реестра для целей судебных или досудебных разбирательств, а также комплект документов, подготовленный компанией по отдельному запросу.

Таким образом, услуга депонирования фотографий обеспечивает юридическую защиту авторских, смежных и исключительных прав на любые объекты творческой деятельности фотографов, способствуя установлению правового статуса фотографических изображений и предотвращая их неправомерное использование.

В итоге для Российской Федерации право на фотографию и защита его законом возникает с момента создания этой фотографии, не нуждается в специальной регистрации и имеет достаточно длительный срок, также имеется возможность дополнительно защитить свои права, а регистрация может осуществляться различными службами.

В случае, если несмотря на все принятые меры по их защите, авторские права на фотографическое произведение всё же были нарушены, Статья 15.7 Федерального закона № 149-ФЗ предусматривает, что в случае выявления в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», сайта, на котором без согласия автора или иного законного основания размещена информация, содержащая объекты авторских и (или) смежных прав, либо информация, необходимая для их получения с использованием указанных сетей, правообладатель или уполномоченное им лицо вправе в установленном законом порядке направить запрос на удаление соответствующих материалов, в частности фотографических изображений, размещённых незаконным образом[1].

Если заявление будет проигнорировано или же нарушителем отказано в выполнении требований правообладателя, то правообладатель имеет право обратиться в суд с требованием удаления фотографии, а также возмещения убытков либо выплаты компенсации.

В соответствии с положениями статьи 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации, в случае нарушения исключительных прав на произведение правообладатель или его представитель обладает правом предъявлять требования к нарушителю о взыскании компенсации вместо или наряду с возмещением убытков.2

Законодатель установил три варианта определения размера компенсации:

в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, что определяется судом по усмотрению с учетом характера нарушения;

в размере двойной стоимости контрафактных экземпляров произведения;

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Статья 15.7. Внесудебные меры по прекращению нарушения авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», принимаемые по заявлению правообладателя.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

в размере двойной стоимости прав на использование произведения, которая исчисляется исходя из стоимости того правового режима, который обычно взимается за легальное использование аналогичного произведения при идентичных условиях, применимо к использованному нарушителем способу эксплуатации.

В качестве практического примера можно привести следующее:

Гражданка Г., являющаяся автором фотографий, обратилась в суд с исковым требованием к владельцу сайта в сети «Интернет» о необходимости прекращения использования указанных произведений и их удаления с указанного ресурса, а также о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав и компенсации морального вреда.

Суд апелляционной инстанции, исходя из положений пункта 1 статьи 1229, а также пунктов 1 и 2 статьи 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации, отменил решение суда первой инстанции и принял новое судебное постановление, удовлетворяющее заявленные исковые требования Г.

Дополнительно, суд апелляционной инстанции отметил, что достаточным правовым основанием для возложения ответственности на ответчика является установление наличия у истца исключительного права на соответствующие фотографии и факт использования ответчиком объектов авторских прав без законного основания.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с доводами и выводами суда апелляционной инстанции[1].

Таким образом, можно подвести следующий итог: одной из актуальных проблем, с которой сталкиваются правообладатели фотографий, является размещение указанных объектов в сети «Интернет». Следует выделить ряд сложных аспектов, возникающих при реализации правовой защиты авторских прав на фотографии, в числе которых особое значение приобретает вопрос признания конкретного изображения объектом авторского права.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что современное законодательство предусматривает для создателей фотографических произведений комплекс правовых механизмов, направленных на эффективную реализацию и охрану авторских прав на указанные произведения.

[1] Определение судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2019 года N 88-1991/2019.

Научная статья
УДК 347.4

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДОГОВОРЕ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕННЫМИ БУМАГАМИ И ФИНАНСОВЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ

Даниил Владимирович МАТВЕЕВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dania.matveev2016@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербург ского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ,** 89219505168lgu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам, касающимся ответственности доверительного управляющего при исполнении договора доверительного управления ценными бумагами и финансовыми инструментами. Рассматриваются вопросы необходимости наличия вины в действиях доверительного управляющего, способы определения размера убытков и порядок погашения задолженности. В работе предлагаются возможные пути решения указанных вопросов.

Ключевые слова: доверительное управление, ценные бумаги, ответственность, убытки

Ответственность доверительного управляющего по договору доверительного управления можно условно разделить на внешнюю и внутреннюю. Прежде всего рассмотрим внутреннюю, являющую собой отношения между учредителем управления и управляющим. Отметим, что ответственность доверительного управляющего в соотношении с учредителем управления в принципе регламентируется более подробно, как общими, так и специальными нормами. Так специальный характер ст. 1022 ГК РФ по отношению к общей ст. 401 ГК РФ проявляется в едином подходе к ответственности: обе нормы предусматривают взыскание убытков (включая упущенную выгоду) за поведение, не отвечающее критерию должной заботливости, и возлагают бремя доказывания на управляющего (абз. 2 п. 1 ст. 1022 ГК РФ). Однако вопрос о необходимости доказывания вины управляющего остается в науке открытым. К примеру, позиция В. В. Чубарова предполагает использование исключительно общей нормы — п. 3 ст. 401 ГК РФ, то есть, привлечение к ответственности управляющего независимо от наличия вины, по причине того, что деятельность такого лица

является предпринимательской[1]. Данный тезис подтверждается и судебной практикой — в частности, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 30 июля 2015 г. № Ф05-2293/14 по делу № А40-37402/2013 суд указал на особый статус доверительного управляющего, подразумевающий проявление должной заботы и осмотрительности[2]. Кроме того, особый интерес в контексте настоящего исследования представляет позиция, сформулированная Л. Ю. Михеевой, о необходимости внесения изменений в п. 1 ст. 1022 ГК, по которым доверительный управляющий, как профессиональный участник рынка, должен быть привлечен к ответственности независимо от наличия в его действиях вины, тогда как лицо, осуществляющее управление в силу закона, необходимо привлекать к ответственности лишь при наличии вины в его действиях[3]. Преимущество данной точки зрения, на наш взгляд, состоит в учете специфики деятельности не только профессиональных доверительных управляющих, но и лиц, кому ценные бумаги были переданы в доверительное управление в силу закона и, как правило, не обладающих необходимыми знаниями и навыками для осуществления управленческого процесса.

Полярные позиции в научном сообществе существуют и относительно юридической техники при построении п. 1 ст. 1022 ГК РФ. Ранее упомянутая Л. Ю. Михеева указывает на наличие противоречия между абзацами ст. 1022 ГК РФ. Автор считает их взаимоисключающими, так как положения о необходимости вины содержит лишь второй абзац, соответственно, по первому возможно привлечь управляющего к ответственности и без вины[4]. По данному вопросу нам представляется верной позиция В. В. Витрянского, следуя которой, противоречия между абзацами нормы нет. Автор подчеркивает, что второй абзац пункта 1 ст. 1022 ГК РФ дополняет первый, создавая тем самым основания, при наличии которых добросовестный управляющий будет освобожден от ответственности, но никак не образует конкуренцию[5]. Действительно, с точки зрения юридической техники, на наш взгляд, конкуренция была бы возможна при разделении положений на самостоятельные пункты, однако законодатель поместил их в один пункт, что подтверждает их единый характер, но не противоречие. Далее рассмотрим внешнюю форму, подразумевающую правоотношения доверительного управляющего с третьими лицами. Основанием для привлечения доверительного управляющего к ответственности в данном случае является совершение им

---

[1] Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право: курс лекций / отв. ред. О. Н. Садиков. М.: Издательство БЕК, 1997 С. 578.

[2]Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.07.2015 N Ф05-2293/2014 по делу № А40-37402/13 / Доступ из спарв.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Михеева Л. Ю. Доверительное управление имуществом в гражданском праве России : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 : Томск, 1998 С. 168—170

[4] Там же.

[5] Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. М.: Статут. 2011. С. 917.

сделки с превышением имеющихся полномочий или с нарушением установленных ограничений. В рассматриваемых случаях специфика внешнего характера правоотношений состоит в том, что привлечение к ответственности осуществляется в форме возмещения убытков, понесенных как учредителем управления, так и третьими лицами. Законом предусмотрен трехступенчатый механизм погашения задолженности перед третьими лицами. В первую очередь для ликвидации долгов используется имущество, переданное в доверительное управление – акции, облигации, финансовые инструменты и так далее. Однако в случае, если стоимости переданных в доверительное управление активов недостаточно, погашение происходит за счет имущества доверительного управляющего. Третьим этапом является использование имущества учредителя доверительного управления, которое не является объектом договора, то есть, речь не только о ценных бумагах и финансовых инструментах. Принимая во внимание, что в двух из трех случаев погашение долгов осуществляется посредством обращения взыскания на имущество учредителя управления, представляется, что именно данная сторона договора оказывается в наиболее уязвимом положении, что не может быть признано ни обоснованным, ни справедливым. На наш взгляд, в том случае, если доверительным управляющим является профессиональный участник рынка, погашение задолженностей должно производиться исключительно из его имущества. Данный способ будет являться подтверждением профессиональности и намерения проявлять должный уровень заботливости[1].

Рассмотрим вопрос привлечения к ответственности доверительного управляющего в том случае, если по причине его действий или бездействий, а также отсутствии должной осмотрительности, предприятие-учредитель было объявлено банкротом. На наш взгляд, в данном случае управляющий будет нести субсидиарную ответственность в том случае, если совершал сделки с ценными бумагами и финансовыми инструментами, что как правило всегда подразумевается договором доверительного управления.

Кроме того, обязательным вопросом для раскрытия в контексте ответственности сторон договора доверительного управления, является природа убытков в рассматриваемом договоре. В статье 1022 ГК РФ объем подлежащих возмещению убытков является меньшим в сравнении с объемом, установленным статьей 15 ГК РФ. Если в ст. 1022 ГК РФ упоминается утрата, повреждение и гибель имущества, то общая норма об убытках содержит следующую формулировку: «расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его

[1] Марабян С. С., Дашин А. В. Ответственность сторон по договору доверительного управления имуществом // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3—3 (78). С. 18.

право не было нарушено (упущенная выгода)». Проблема заключается в том, что подход к понятию «убытки», используемый в ст. 1022 ГК РФ, в полной мере применим лишь в овеществленным предметам, но не к ценным бумагам, большинство из которых в наше время существуют в цифровом виде. Указанное обстоятельство находит свое выражение в следующем. Для целей настоящего исследования смоделируем правовую ситуацию: доверительный управляющий не проявил должной заботливости и не провел анализ экономического состояния эмитента, не изучил его отчет и не оценил риски, в следствие чего стоимость приобретенного актива в скором времени после покупки снизилась. С точки зрения ст. 15 ГК РФ в данном случае убытки безусловно будут — имуществу учредителя причинен реальный ущерб, снизилась стоимость инвестиционного портфеля. В то же время, анализируя приведенную ситуацию с точки зрения ст. 1022 ГК РФ, наличие оснований для санкций в отношении управляющего не усматривается — гибели имущества не произошло, ценная бумага все еще в инвестиционном портфеле. Аргумент о повреждении вещи в таком случае также представляется несостоятельным – ценная бумага в цифровом виде, хоть и снизилась в цене (что как правило временно), но не потеряла своих качеств — способности быть объектом сделки на бирже, приносить держателю дивиденды или облигационные купоны и так далее. Как нам представляется, необходимо расширить содержание ст. 1022 ГК РФ, добавив в норму положения о расходах, которые учредитель управления произвел или должен будет произвести для восстановления нарушения права.

Наконец, важным вопросом, касающимся привлечения к ответственности доверительного управляющего, является определение размера убытков и доказывание их конкретной суммы. Данный процесс, особенно для учредителя управления, не являющегося профессиональным участником рынка, представляется достаточно сложным, в том числе с учетом специфики ценных бумаг, как объекта договора, например, уже упоминаемой в работе волатильности, когда стоимость актива падает без прямых причин на фоне неблагоприятных новостей или падения стоимости ценных бумаг других, более крупных эмитентов. В науке предлагаются различные способы расчетов убытков. К примеру, А. С. Селивановский предлагает следующий подход: «в случае покупки ценных бумаг в нарушение условий договора необходимо установить, в какие ценные бумаги вложил бы средства управляющий, если бы он действовал в соответствии с договором с должной заботливости в интересах клиента»[1]. На наш взгляд, не совсем ясно, каким образом возможно установить, в какие ценные бумаги должен был вложить денежные средства доверительный управляющий при проявлении должной заботливости. Предположим, управляющий, проанализировав благоприятный отчет компании Х мог

[1] Селивановский А. С. Некоторые проблемы доверительного управления ценными бумагами // Московский юрист. 2012. № 2 (6). С. 99.

купить ее акции, которые после покупки выросли на 15 %. В таком случае убытки составят 15 %. Однако наравне с акциями компании X управляющий мог приобрести и акции компании Y, так же, как и X, опубликовавшей отчет с хорошими показателями и впоследствии добавившие в стоимости уже 35 %. Таким образом, крайне трудно определить, что должно пониматься под «ценными бумагами, которые бы приобрел доверительный управляющий, проявляя должную заботливость». Возможно, рациональнее было бы использовать среднее значение от тех сумм, которые могли бы быть получены при покупке ценных бумаг эмитентов той же отрасли.

Научная статья
УДК 347.4

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА «АНТИКОРРУПЦИОННОГО» ИСКА

Кристина Максимовна МЕНОВЩИКОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
menovshikovakristinaa@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Виталий Алексеевич МАКСИМОВ**, maximovva@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется материально-правовая природа антикоррупционного иска. Анализируются три основных доктринальных подхода: частно-правовой, публично-правовой и смешанный. На основе анализа нормативных актов и судебной практики, включая Постановление Конституционного Суда РФ № 49-П от 31.10.2024, автором делается вывод о превалирующей публично-правовой составляющей данного иска. Обосновывается, что антикоррупционный иск представляет собой меру публично-правовой ответственности, реализуемой в рамках гражданского процесса. Особое внимание уделяется последствиям признания публично-правовой природы иска – неприменимости института исковой давности, а также анализу дискуссии в научном сообществе по данному вопросу.

Ключевые слова: антикоррупционный иск, материально-правовая природа, противодействие коррупции, обращение имущества в доход государства, гражданско-правовая ответственность

В связи с ростом коррупционных правонарушений, которые дестабилизируют общество и государство, выступают угрозой национальной безопасности, законодателем совершенствуются механизмы возмещения вреда, причиненного данными правонарушениями, а также механизмы недопущения незаконного обогащения.

На расширенной коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации А.В. Гуцан отметил: «В 2025 году прокурорами вскрыто более 150 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства... Действенным ответом корыстолюбию остаются имущественные иски прокуроров. За год в казну обращено 2 тыс. объектов недвижимости и иного имущества совокупной стоимостью 1,6 трлн рублей»[1].

Несмотря на широкое применение антикоррупционных исков в прокурорской практике, их материально-правовая природа недостаточно доктринально обоснована. Данная неопределенность порождает проблемы, связанные с вопросами о месте данных исков в защите добросовестных участников правоотношений, в связи с чем представляется актуальным рассмотреть указанный вопрос.

Постараемся определить отраслевую принадлежность иска, так как целью антикоррупционного иска является изъятие имущество, то целесообразно обратиться к основам гражданского законодательства.

Как отмечает Е.А. Суханов: «Право собственности является не только наиболее широким по содержанию, но и наиболее устойчивым вещным правом, составляя основную юридическую предпосылку и результат нормального имущественного оборота»[2].

В Конституции Российской Федерации провозглашено: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда»[3]. Корреспондирующие начала закреплены в гражданском законодательстве, которое устанавливает принцип неприкосновенности собственности, выступающего фундаментов для гражданских правоотношений в данной сфере[4]. Следовательно, для обеспечения баланса публичных и частных интересов допускается прекращение права собственности по решению суда

[1] В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2025 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2026 год // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (дата обращения: 02.04.2026).

[2] Суханов Е.А. Гражданское право: В 4 т. Том 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция». 3е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 37.

[3] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 4 октября 2022 г. ст. 35 // СПС «Консультант Плюс».

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 21.10.1994 № 51-ФЗ ст. 1 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

по основаниям, указанным в ниже представленных нормативно-правовых актах.

Вследствие ратификации Конвенции ООН против коррупции и соответствующего принятия международных обязательств по модернизации законодательства, в Российской Федерации разработана разветвленная система нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу[1]. Основные принципы противодействия коррупции, понятия, правовые и организационные основы в указанной сфере закреплены в Федеральном законе № 273-ФЗ от 25.12.2008 «О противодействии коррупции». В статье 13 данного Федерального закона установлено, что за коррупционные правонарушения лица несут уголовную, гражданскую, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации[2].

В 2012 году принят Федеральный закон № 230-ФЗ от 03.12.2012 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее — ФЗ № 230), который закрепил, в частности, порядок осуществления контроля за расходами и механизм обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы[3]. Статья 17 ФЗ № 273 регламентирует положения о том, что с данным исковым заявлением вправе обратиться Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно[4]. Данные полномочия и нарушения служат основой для подачи антикоррупционного иска в суд.

В связи с принятием вышеуказанного Федерального закона, соответствующие изменения были внесены в статью 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), появилось еще одно основание для прекращения права собственности: «Обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не

---

[1] «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ ст. 13. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 03.12.2012 № 230-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[4] Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ ст. 17 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы»[1].

Исходя из приведенного анализа нормативно-правовой базы, можно сделать вывод: поскольку исследуемый иск затрагивает нарушения коррупционного законодательства, гражданско-правовая норма является бланкетной и отсылает правоприменителя к положениям, регулирующим публично-правовые отношения, которые закрепляют обязанность государственных служащих предоставлять сведения о своих доходах и расходах.

Закрепление указанных обязанностей обусловлено особенностями государственной службы, направленной на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в соответствующих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций. В этой связи законодатель вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования (в том числе к их личным и деловым качествам), а также особые обязанности и ограничения, обусловленные задачами и принципами организации и функционирования государственных органов, а также специфическим характером деятельности указанных лиц.

Как же соотносятся между собой особенности возникающих правоотношений при привлечении лица к гражданско-правовой ответственности? Какой характер выступает превалирующим: частно или публично-правовой?

М.А. Ерохова отмечает: «Участие публичного образования в имущественных отношениях само по себе не лишает эти отношения гражданско-правового характера. Даже обращение имущества в доход казны по подпункту 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ предстает формой гражданской ответственности, поскольку это регулируется нормой ГК РФ»[2]. Данный подход можно обозначить в качестве частно-правового, поскольку он отражает гражданско-правовую природу указанной ответственности.

В своей работе Э. В. Голоманчук, Е. Р. Орлова, К. А. Попов определяют: «Обращение имущества в доход государства является мерой публичной ответственности, которая реализуется в рамках цивилистического процесса»[3]. Указанное утверждение можно отнести к смешанному подходу,

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 21.10.1994 № 51-ФЗ ст. 235 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Ерохова М.А. Правовое заключение по вопросу применения исковой давности // Савельев С.Л. Прокуратура против исковой давности. Правовые заключения в Конституционный Суд РФ. URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/04/prokuratura_protiv_iskovoj_davnosti_pravovye_zaklyucheniya_v_konstitucionnyj_sud_rf (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Голоманчук Э. В., Е. Р. Орлова, К. А. Попов К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права собственности // Имущественные отношения в РФ. 2024. №10. С. 79.

отражающему гибридную правовую природу ответственности: сочетание публично-правовых и частных начал.

Действительно, данный вид юридической ответственности с одной стороны относится к гражданско-правовой, поскольку закреплен в гражданском законодательстве в качестве одного из оснований прекращения права собственности, спор разрешается в рамках гражданского процесса, не связан с привлечением лица к административной или уголовной ответственности, с другой же стороны данный механизм отсылает правоприменителя к антикоррупционному законодательству, устанавливающему требования публично-правового характера о предоставлении сведений о доходах лиц, занимающих государственные должности, и реализуется посредством обращения прокурора с иском от имени государства.

С. А. Синицын, определяя содержание антикоррупционного иска, отмечает, что он направлен на охрану общества и защиту установленной им правовой демократии от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой основывается на доверии общества и репутации лиц, замещающих публичные должности, чтобы у граждан не было сомнений в их нравственных качествах, законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти[1]. В данном определении акцентируется внимание на публично-правовой природе иска, поскольку его целью является защита интересов общества и государства, это отражает еще один подход, выделяемый в доктрине – публично-правовой.

Таким образом, в доктрине не сформировалось единого подхода к определению природы антикоррупционного иска. На практике в связи с указанной неопределенностью и разобщенностью подходов возникли проблемы в применении к искам прокуроров гражданско-правовых институтов, а именно института исковой давности. В связи с тем, что данный институт является гражданско-правовым и выступает инструментом урегулирование баланса интересов и устойчивого экономического оборота, ответчики в своих возражениях относительно предъявленных исковых требований обращали внимание судей на пропуск прокурорами сроков исковой давности, ссылаясь на статью 196 ГК РФ.

Судебная практика по данному вопросу до 2024 года формировалась неоднозначная: в одних случаях, суды принимали во внимание эти доводы и отказывали прокурору в иске, в иных случаях доводы ответчиков отклонялись, но обоснования у судов были различными (например, ссылались на неотвратимость ответственности физических и юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений - Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.09.2023 по делу № 88-

[1] Синицын С. А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации / С. А. Синицын // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 136.

18258/2023[1]; Апелляционное определение Московского городского суда от 27.10.2022 № 2-1710/2022, 33-32407/2022[2] или указывали, что исковая давность не распространяется на требования о защите нематериальных благ — Решение Хамовнического районного суда от 05.06.2024 № 2-2348/2024[3]).

Для разрешения указанной проблемы Конституционный суд Российской Федерации (далее — КС РФ) в своем постановлении № 49-П от 31.10.2024 занял определенную позицию по данному вопросу, раскрыв конституционно-правовой смысл пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ во взаимосвязи с отраслевым законодательством.

В постановлении отражена природа гражданско-правового механизма обращения в доход государства имущества: «Имея своей целью реализацию публичного интереса, состоящего в противодействии коррупции, а не восстановление имущественного положения участников гражданского оборота, не является по своей природе способом защиты гражданских прав. Если применение гражданско-правовых оснований изъятия имущества у лица и передачи другому лицу имеет компенсаторный, по общему правилу, характер, то при рассматриваемом обращении имущества в доход государства, напротив, цели компенсации не являются определяющими: оно служит особого рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов»[4]. Таким образом, суд отмечает и выделяет публично-правовой характер как превалирующий в данном роде отношений. Объектом указанного иска выступает, именно, публичный порядок, а не конкретный частный интерес.

КС РФ также разъяснил, что: «Недобросовестное поведение лица, совершившего деяния коррупционной направленности, должно лишать это лицо оснований рассчитывать на институт давности как средство защиты своих незаконных интересов»[5]. Следовательно, сроки исковой давности не распространяются на антикоррупционные иски прокуроров с целью недопущения подрыва реализации возвращения имущества, приобретенного на доходы, законность которых не подтверждена.

---

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.09.2023 по делу № 88-18258/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 27.10.2022 № 2-1710/2022, 33-32407/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Решение Хамовнического районного суда от 05.06.2024 № 2-2348/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» п. 4.1 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» п. 5 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Баланс частных интересов, как отмечено в постановлении, обеспечивается правами, которыми лица наделяются в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством, а именно, возможностью представления в суд любых допустимых доказательств в подтверждение правомерности происхождения средств, затраченных на приобретение имущества.

В самом деле, антикоррупционный иск рассматривается в рамках гражданского процесса, но чем обусловлен выбор, именно, такого вида судопроизводства? Обращение прокурора, выступающего от имени государства и обладающего властными полномочиями, к должностному лицу порождает отношения публично-правового характера, основанные на власти и подчинении. Прокурор посредством предъявления иска к лицу реализует возложенные на него надзорные функции. Данный вид спора по указанным признакам относится к предмету регулирования административного судопроизводства. Однако законодателем вышеназванный вид судопроизводства введен посредством принятия кодекса административного судопроизводства лишь в 2015 году, тогда как отраслевое законодательство и устойчивая практика по обращению в доход государства имущества сформировались до упомянутого года. В гражданском процессе для нивелирования неравенства сторон предусмотрены гарантии для ответчика в части расширенных возможностей для доказывания законности доходов, на что и обращает внимание КС РФ в своем постановлении.

Исходя из всего вышеизложенного, Конституционный суд своим постановлением ответил на спорные вопросы и определил дальнейшее направление практики. Превалирующей составляющей отношений, связанных с привлечением лица к гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения, выступает публично-правовая природа, реализуемая в целях защиты государственных интересов, обеспечения возврата незаконных активов, недопущения недобросовестного поведения участников указанных отношений.

Однако данное постановление побудило множество дискуссий, относительно влияния разъяснений на потенциальные риски нарушения гражданского оборота. Некоторые отмечают, что отказ от применения сроков давности может привести к произвольному преследованию владельцев имущества, особенно с учетом сложности доказывания добросовестности[1], другие же ученые соглашаются с тем, что правила об исковой давности не должны применяться к вопросам гражданско-правовой ответственности за совершение коррупционного правонарушения, в том числе к обстоятельствам осуществления запрещенной антикоррупционным

[1] Свашенко А. С. Особенности применения срока исковой давности в защите публичного интереса антикоррупционными исками в контексте Постановления Конституционного Суда №49 // Юридические исследования. 2025. № 9. С. 82.

законодательством деятельности, поскольку объектом судебной защиты является публичное право[1].

По моему мнению, высокая общественная опасность и латентность коррупционных правонарушений выступает ключевыми факторами нарушения нормального функционирования государства, приводит к незаконному обогащению лиц занимающих (замещающих) государственные должности. Институт сроков исковой давности не должен выступать инструментом уклонения от гражданско-правовой ответственности за указанные деяния посредством злоупотребления данным институтом.

Таким образом, антикоррупционный иск находится во взаимосвязи с гражданским и отраслевым законодательством, содержащим публичные требования к лицам в сфере противодействия коррупции. Публичный интерес выступает особенностью данного иска, поскольку реализуется посредством подачи прокурором от имени и в интересах государства с исковым заявлением об обращении имущества. Данный механизм можно обозначить в качестве публично-правовой ответственности, реализуемой в рамках гражданского процесса. Баланс частных интересов обеспечивается рассмотрением иска в указанном процессе, поскольку позволяет ответчику представлять доказательства законности источников доходов.

Научная статья
УДК 347.4

ПОКУПКА «НАДЕЖДЫ» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Егор Александрович НЕФЕДОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
egornefe@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербург ского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ,** 89219505168lgu@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена правовой квалификации сделок по приобретению «забытых посылок» на маркетплейсах и интернет-площадках, получивших распространение в условиях развития

[1] Титов А. С. Вопросы применения института исковой давности к отдельным категориям исков в публичных правоотношениях // Право и управление. XXI век. 2025. С. 127.

дистанционной торговли. Автор анализирует природу таких высокоалеаторных договоров, при которых покупатель уплачивает фиксированную сумму за неизвестное содержимое посылки, рассчитывая на возможную выгоду. Автор приходит к выводу о невозможности квалификации рассматриваемых сделок в рамках действующей главы 30 ГК РФ из-за неопределённости предмета договора и предлагает ввести новую самостоятельную главу 30.1 «Купля-продажа с надеждой», содержащую специальные нормы, регламентирующие покупку «надежды».

Ключевые слова: Покупка надежды, розничная купля-продажа, алеаторная сделка, предмет договора, дистанционная торговля

В силу того, что продажа дистанционным способом представляет собой динамично развивающуюся сферу торговли, в условиях гражданского оборота приобретают популярность сделки, направленные на приобретение в собственность «забытых посылок» с маркетплейсов[1], подобное явление также наблюдается на иных торговых площадках в сети «Интернет»[2]. Суть подобных сделок состоит в заключении договора, по которому одна сторона (покупатель) уплачивает определенную денежную сумму, а продавец обязуется передать товар–посылку, содержимое которой неизвестно покупателю, однако природа сделки предполагает получение товара равнозначной или большей денежной суммы, уплаченной продавцу. Сделка носит высокоалеаторный характер, однако подобный риск вызывает не только азарт, но и перспективу выгоды.

Для характеристики данной сделки как купли-продажи необходимо определить предмет договора, поскольку он является единственным существенным условием договора. Однако в приведенном примере нельзя говорить о его определенности, поскольку покупателю неизвестно наименование и количество товара, что противоречит п. 3 ст. 455 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ[3]). Следовательно, исходя из вышеизложенного, исследуемую сделку нельзя отнести к разновидности договоров купли—продажи ввиду несовпадения их правовой природы.

Также отметим, что данные правоотношения нельзя квалифицировать как договор купли-продажи будущей вещи (ст. 455 ГК РФ), поскольку условие о его предмете не может быть признано согласованным. Отсутствие в содержании сделки даже родовых признаков имущества свидетельствует о

[1]«Посылки, которые не забрали»: новосибирцы массово продают коробки с рандомным товаром — внутри может быть что угодно.

URL: https://ngs.ru/text/business/2025/02/25/75149219/?ysclid=mlnmjajop8764328998 (дата обращения 13.02.2026).

[2] Объявление с Авито: Коробки с товарами с озон и вайлдберриз. URL:https://www.avito.ru/sanktpeterburg/krasota_i_zdorove/korobki_s_tovarami_s_ozon_i_vb_7923396775?иutm_campaign=native&utm_medium=item_page_ios&utm_source=soc_sharing (дата обращения 13.02.2026).

[3]Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: текст с изм. и доп. на 16 дек. 2025 г. // Доступ из справ.-правовй системы «Консультант Плюс».

несоблюдении требования об определимости товара, что исключает применение указанной нормы. Кроме того, хоть покупка любого имущества, в том числе движимого, в рамках соглашения о покупке будущей вещи, прямо предусмотрена п. 2 ст. 455 ГК РФ, однако судебная практика делает акцент на использование вышеназванной договорной конструкции в рамках приобретения недвижимого имущества с заключением предварительного договора[1]. В доктрине отмечается, что положения п. 2 ст. 455 ГК РФ зачастую применяются в связке с заключением предварительного договора, который выступает договорным способом обеспечения обязательства[2].

Императивное предписание, содержащееся в п. 3 ст. 429 ГК РФ, обязывающее стороны к согласованию условий, позволяющих установить предмет договора, порождает существенную правовую проблему в ситуациях, когда соответствующие характеристики предмета на момент заключения сделки остаются неизвестными для одной из сторон. В целях надлежащей квалификации подобных правоотношений представляется необходимым обращение к ретроспективному подходу, исследованию доктринальных подходов и правоприменительной практики в зарубежных правопорядках.

Обращаясь к историческому опыту развития обязательственных отношений, следует отметить устоявшийся характер института покупки надежды. В римском праве схожие правоотношений именовались как «emptio spei» или же покупкой надежды. Н. Б. Щербаковым приводится пример такой сделки: «Типичным примером emptio spei является договор купли-продажи будущего улова рыбы, в котором изначально определенная цена будущего улова не зависит от результатов последнего»[3]. Алеаторность вышеописанной сделки проявляется в достаточно уязвимом положении приобретателя. Так, если рыбалка не принесет улова, покупатель все равно обязан уплатить установленную цену, то же происходит и в случае, если цена улова будет менее или более цены от первоначального договора[4]. Следовательно, возникает вопрос о предмете договора, поскольку он является не только неопределенным, но и весьма динамичным, не зависящим от воли сторон или частично зависящего от удачи и способностей приобретателя по сделке. Ответ на данный вопрос также разрешен в дигестах: «…купля считается совершенной, если ничего не будет получено, т.к. имеется покупка надежды (alea emitur)»[5]. Следовательно, в данных правоотношениях предмет является определенным, в виде надежды,

---

[1]См.: О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем: Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 п. 8 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. IV: Отдельные виды обязательства / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2023. С. 119.

[3]Щербаков Н.Б . Алеаторные сделки / Н. Б. Щербаков // О договорах. Сборник статей к юбилею В. В. Витрянского. 2017. С. 196-197.

[4] D. 18.1.8// Дигесты Юстиниана. М., 2003. Том III. С. 563.

[5]Там же.

то есть потенциальной возможности извлечь или не извлечь выгоду путем заключения договора с обязывающим условием предоставлению материального вознаграждения контрагенту, независимо от содержания потенциального предмета.

В целях определения практической ценности рассматриваемого института представляется необходимым обратиться к зарубежному опыту его нормативного закрепления и реализации. Результаты проведенного ниже анализа также могут быть использованы для решения вопроса о месте данного института в системе ГК РФ и определения способов его соотношения со смежными договорными конструкциями.

В качестве зарубежного примера института покупки надежды нами был выбран опыт Австрийской республики. Так, во Всеобщем гражданском кодексе Австрии содержится следующее положение: «Тот, кто оптом покупает будущие доходы от вещи или кто-либо покупает надежду на эти доходы за определенную цену, заключает договор, основанный на риске, он несет риск полностью неоправдавшегося ожидания; однако ему причитаются также все обычные полученные доходы»[1].

Тем самым в гражданском законодательстве Австрии превалирует подход, согласно которому данные правоотношения могут рассматриваться как форма «игровой» сделки, нацеленной на высокую степень алеаторности правоотношений, что компенсируется равнозначной или большей стоимостью вещи в рыночном эквиваленте.

Переходя к опыту Российской Федерации, необходимо рассмотреть схожие институты игровых сделок посредством анализа Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[2] где в ст. 4 закреплено понятие пари. Так, пари определяется как азартная игра, при которой исход основанного на риске соглашения о выигрыше, заключаемого двумя или несколькими участниками пари между собой либо с организатором данного вида азартной игры, зависит от события, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет. Сопоставление исследуемых правоотношений с конструкцией покупки надежды выявляет их видовое несоответствие. В отличие от классической покупки надежды, где алеаторность служит инструментом распределения риска в пользу продавца, в пари риск носит взаимный (двусторонний) характер.

Помимо изложенного, нормы ст. 1063 ГК РФ, регламентирующие порядок организации и проведения лотерей, тотализаторов и иных

[1] § 1276. Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 01.06.1811 (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010). URL: https://e-ecolog.ru/docs/BdHWtzTTAFUpz8gCqtrku/3639 (дата обращения: 20.02.2026).

[2] О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. ст. 4 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

основанных на риске игр, по нашему мнению, также не могут быть распространены на рассматриваемые правоотношения. Так, при обращении к ст. 3 Федерального закона «О лотереях»[1], раскрывается нормативное определение лотереи, которой является игра, проводимая в соответствии с договором и в которой одна сторона (оператор лотереи) проводит розыгрыш призового фонда лотереи, а вторая сторона (участник лотереи) получает право на выигрыш, если она будет признана выигравшей в соответствии с условиями лотереи. Рассматриваемая деятельность подпадает под действие строгих императивных предписаний, свобода усмотрения сторон в данных правоотношениях существенно ограничена, что препятствует применению конструкции покупки надежды, которая по своей правовой природе требует более широкого простора для частной автономии.

Следует рассмотреть конкретные примеры, позволяющие конкретизировать степень определенности самого предмета. Так, на маркетплейсах продавцы не определяют конкретную вещь, на карточках товаров определены лишь возможные группы вещей: украшения, товары для дома, канцелярия[2]. При этом продавец публично гарантирует окупаемость вещи, что накладывает на него определенную ответственность по ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей»[3]. Поскольку продавец сам упаковывает и отправляет товары, то в данных правоотношениях отсутствует алеаторность со стороны продавца, что ставит его в привилегированное положение.

Для решения поставленной проблемы, на авторский взгляд, целесообразно ввести новую главу — 30.1, регулирующую принципиально новые правоотношения для гражданского оборота. Дефинитивная норма могла бы закрепить подобные отношения следующим образом: «По договору купли-продажи с надеждой продавец обязуется передать товар из общего перечня, определенного по правилам публичной оферты, при этом продавец не предоставляет информацию о конкретном товаре, в соответствии со ст. 495 ГК РФ». Однако подобная конструкция порождает вопрос о гарантиях соблюдения прав потребителей и о механизмах, способных предотвратить возможные злоупотребления со стороны продавца, следовательно следующую статью можно изложить следующим образом: «В силу игрового характера сделки, покупатель, заключая договор купли-продажи с надеждой, несет риск неоправдавшегося ожидания, способы защиты, предусмотренные главой 30, а также законодательством Российской Федерации не допускаются, при этом правила ст. 469, 470, 475 ГК РФ применяются только в части требований о качестве товара». В целях

[1] О лотереях: Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 138-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29 дек. 2025 г. ст. 3 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Необычный подарок. Сувенирный сюрприз бокс №1 URL: https://clck.ru/3SpXXj (дата обращения: 21.02.2026).

[3] О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1: текст с изм. и доп. на 17 фев. 2026 г. ст. 10 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

предотвращения использования нормы с целью легализации денежных средств, а также дополнительным характером защиты прав выгодоприобретателя, следующую норму можно изложить так: «Не допускается заключение сделок купли-продажи с надеждой на сумму, превышающую десять тысяч рублей. Не допускается заключение договора, предметом которого являются вещи, ограниченные в обороте, а также недвижимое имущество. Правила, определенные настоящей статьей, применяются с положениями главы 28 ГК РФ, если они не противоречат существу договора». Таким образом, введение подобных изменений поможет точно отграничить розничную куплю-продажу с определенным предметом и игровую форму сделки с большим проявлением алеаторности.

В заключение необходимо отметить, что благодаря существенному упрощению способов заключения договоров посредством применения дистанционных способов их оформления, а также появлений новых специфичных форм оферты продавцов, законодателю необходимо внести изменения в текущее гражданское законодательство для преодоления возникшего правового пробела в сфере игровых сделок. На наш взгляд введение «покупки надежды» в главу 30.1 ГК РФ, а не в главу 30, достаточно четко разграничит понятия розничной купли-продажи с определенным предметом со сделками, где превалирующей целью возникновения правоотношений является азарт покупателя, а не гарантированное получение конкретного товара, которое, по своей сути, является вторичным в природе данного договора. Подобный тезис также подтверждается классической доктриной гражданского права. Так, еще И. А. Покровский отмечал: «Юридические последствия договора принципиально наступают именно потому, что их желали авторы договора»[1]. Следовательно, стороны в описанных правоотношениях должны сами нести риски, в соответствии с их волеизъявлением на приобретение случайного товара.

[1]Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 245.

Научная статья
УДК 347.78

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Кристина Витальевна ПОТИБЕНКО
Институт права и управления ФГБОУ ВО «Тульского государственного университета», Тула, Россия KristinaPootibenko@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Института права и управления ФГБОУ ВО «Тульского государственного университета», кандидат юридических наук, **Татьяна Юрьевна РУДЕНКО,** tatiyana_ru@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации института защиты авторских прав на фотографическое произведение в условиях цифровизации общественных отношений. В работе рассматриваются ключевые правовые механизмы охраны фотографий, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, а также анализируется правоприменительная практика, включая критерии отнесения фотографий к объектам авторского права и презумпция авторства. В заключительной части статьи формулируется предложение по совершенствованию законодательства, включающие в себя как внесения изменений в действующие нормативно-правовые акты, так и в формировании единый государственной платформы для легального использования фотографических произведений.

Ключевые слова: фотографическое произведение, авторское право, фототроллинг, злоупотребление правом, цифровая среда

Цифровая трансформация общественных отношений, обусловленная повсеместным распространением информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», привела к фундаментальным изменениям в сфере создания, распространения и использования результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД). С одной стороны, цифровая среда предоставила авторам беспрецедентные возможности для распространения своих произведений, с другой — породила системные проблемы охраны и защиты интеллектуальной собственности.

Ключевой проблемой является несанкционированное использование фотографических произведений в коммерческих и некоммерческих целях, включая использование изображений на маркетплейсах, в рекламных материалах и в средствах массовой информации (далее — СМИ).

Как установлено п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) к числу охраняемых объектов авторского права относятся

произведения изобразительного искусства, такие как живопись, скульптура, графика, дизайн, а также комиксы, фотографии и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии. В силу п. 4 вышеуказанной статьи юридическая охрана указанных объектов возникает в силу факта их создания, без необходимости выполнения регистрационных действий или иных формальностей[1].

Признание фотографического изображения объектов авторского права обусловлена наличием в нем творческой составляющей. Данный критерий выступает системообразующим при разрешении споров об охраноспособности фотоматериалов. Так, в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 20.10.2025 № С01-1197/2025 суд указал, что изображения, ограничивающиеся простой фиксацией внешнего облика материальных объектов (в частности, потребительской упаковки товара) и предназначенные для информационного сопровождения товара, не отвечают требованию творческого характера. В связи с этим такие объекты не подлежат авторско-правовой охране[2].

Ключевая процессуальная презумпция закреплена в ст. 1257 ГК РФ, согласно которой создателем произведения считается лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения. Данная презумпция выполняет правозащитную функцию, освобождая управомоченное лицо от бремени доказывания авторства при отсутствии доказательств, опровергающих это предположение.

Однако, как отмечается в судебной практике и юридической литературе, данная презумпция не является неопровержимой. Верховный Суд РФ в деле от № А40-46622/2019 указал, что презумпция авторства прекращает действовать, если ответчик представил доказательства, ставящие авторство под сомнение3. Это означает, что при возникновении спора бремя доказывания авторства может перейти к истцу.

Существенное значение для подтверждения авторства имеют технические характеристики цифровых фотографий. EXIF-данные (метаданные, автоматически встраиваемые в цифровое изображение) содержат информацию о дате и времени съемки, параметрах экспозиции, марке и модели камеры, а также серийном номере оборудования. Наличие RAW-файла (необработанных данных, полученных непосредственно с матрицы фотокамеры) рассматривается в судебно-технической практике как наиболее надежное подтверждение авторства, поскольку RAW является аналогом негатива в традиционной фотографии.

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52, ст. 5496.

[2]Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.10.2025 г. № С01-1197/2025 по делу № А14-16627/2024 // URL: https://base.garant.ru/413016791/.

[3]Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2020 по делу № А40-46622/2019 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74556306/.

В судебной практике последних лет наблюдается значительный рост количества дел, связанных с защитой авторских прав на фотографические произведения. Особую категорию составляют споры, возникающие при использовании фотографий на интернет-площадках, в частности, Wildberries, Ozon, а также в СМИ.

Одним из примеров является гражданское дело № 2-69/2025, рассмотренное Яшалтинским районным судом Республики Калмыкия. Индивидуальный предприниматель использовал фотографию собаки, принадлежащую истцу, для оформления страниц по продаже товаров на сайте Wildberries в шести различных карточках товаров. Суд удовлетворил иск, взыскав компенсацию за нарушение исключительных прав1.

Особенность данной категории дел заключается в том, что ответчики часто не осознают факт нарушения, полагая, что размещенные в открытом доступе фотографии могут использоваться свободно. Однако в соответствии с п. 1 ст. 1229 ГК РФ отсутствие запрета на использование РИД не считается согласием (разрешением) правообладателя.

Наиболее острой проблемой в настоящее время в сфере защиты авторских прав на фотографии стало появление так называемых «фототроллей» — специализированных компаний, которые приобретают права на фотографии у авторов (или якобы приобретают) и подают массовые иски к предпринимателям и СМИ. Обвинения в таких исках сводятся к несанкционированному использованию изображений, права на которые, по утверждению истцов, принадлежат им.

Как отмечает Королев А. А. «в последние несколько лет суды столкнулись с существенным увеличением числа исков, связанных с зашитой авторских прав на фотоснимки. Характерной чертой таких разбирательств является следующее: «правообладатель» уступает по договору цессии свои права специализированной организации, затем эта компания массово подаёт иски к предпринимателям»[2].

Как обоснованно отмечает руководитель «ФедералПресс» Плотникова Н. С. масштаб проблемы подтверждается статистическими данными, согласно которым медиаорганизации были обязаны выплатить компенсации по восьми тысячам судебных исков. При этом данная проблема коснулась практически всех СМИ, а для региональных изданий подобные требования о возмещении ущерба представляют прямую угрозу их дальнейшему функционированию.

Проблема фототроллинга получила официальную реакцию со стороны законодателя. Так, 24 июня 2025 г. на базе ИТ-Комитета Госдумы прошло совещание с участием представители Минцифры России, ФАС России,

[1]Решение Яшалтинского районного суда Республики Калмыкия № 2-69/2025 от 11.03.2025 г. по делу № 2-69/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/YNYO6O32FkmV/.

[2]Королев А. А. Интеллектуальные тролли. Часть 2. Фото-тролли // URL: https://oborot.ru/blogs/intellektualnye-trolli-chast-2-foto-trolli-i255968.html.

Роскомнадзора, АНО «Диалог», «Мастерской новых медиа», а также крупных СМИ. По итогам обсуждения участниками был предложен комплекс мер, включающий внесение изменений в действующее законодательство и создание единого мультимедийного банка для медиа отрасли[1].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд направлений развития института защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет.

Во-первых, требуется законодательное закрепление критериев, позволяющих отличить добросовестную защиту авторских прав от злоупотребления правом (фототроллинга). В качестве таких критериев могут выступать: массовый характер исков (более определенного количества в течении одного календарного года), отсутствие доказательств реального авторства (непредставление RAW-файлов, исходных метаданных, подтверждающих авторство), несоразмерность требуемой компенсации характеру нарушения.

Во-вторых, предлагается создать государственную информационную систему, аккумулирующую фотографические произведения, распространяемые на условиях открытых (бесплатных) или коммерческих лицензиях. Это позволило бы СМИ и предпринимателям получать доступ к фотографиям на прозрачных условиях, снижая риски нарушения авторских прав.

В-третьих, целесообразно дополнить ч. 5 ст. 4 АПК РФ положением об обязательном претензионном порядке по искам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на фотографии. Это позволило бы снизить нагрузку на судебную систему и дало бы возможность сторонам достичь мирового соглашения без судебного разбирательства.

Массовое несанкционированное использование фотографических произведений обусловлено неадаптированностью традиционных механизмов защиты интеллектуальных прав к условиям цифровой среды. К числу объективных факторов, затрудняющих их реализацию, относятся трансграничный характер сети Интернет, анонимность нарушителей, а также техническая возможность многократного копирования без потери качества.

Однако практика последних лет продемонстрировала наличие обратного эффекта от ужесточения защиты интеллектуальных прав, выразившегося в возникновение злоупотреблений в форме «фототроллинга». В данном случае механизм защиты авторских прав используется для извлечения необоснованной выгоды посредством массового предъявления исков. Указанное обстоятельство ставит перед

[1]В Госдуме предложили меры против массовых исков за использование фотографий без доказательств авторства // URL: https://obl1.ru/news/v-gosdume-predlozhili-mery-protiv-massovykh-iskov-za-ispolzovanie-fotografiy-bez-dokazatelstv-avtorstva (дата обращения: 21.03.2026).

законодателем и правоприменителем задачу выработки дифференцированного подхода, который позволял бы разграничивать добросовестную защиту авторских прав и действия, направленные на злоупотребление предоставленными законом возможностями.

Научная статья
УДК 343.13

ФОРМЫ КОЛЛИЗИЙ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Даниил Игоревич РАЕВСКИЙ
Гатчинский Государственный Университет (ГГУ)
Гатчина, Россия, dan.raewsky@yandex.ru

Научный руководитель Профессор кафедры гражданского права в Российском государственном университете правосудия имели В. Л. Лебедева **Асхат Назаргалиевич КУЗБАГАРОВ,** ashat69@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день встречается большое количество вызовов для юридической науки на почве проблем разграничения частного и публичного права. Исходя из этого, зачастую, можно столкнуться с тем что интересы частного права сильнейше урезаются в угоду публичным интересам и политике государства. Именно проблема отсутствия четкого разграничителя является одной из наиболее острых и востребованных на сегодняшний день. Это происходит из-за многочисленных проблем, что стоят перед Российской Федерацией сегодня, будь то экономические или политические проблемы. Вместе они сильнейше сказываются всех отраслях права, включая предпринимательскую деятельность, которая получила один из наиболее сильных ударов по ходу реализации публичных интересов государства. Таким образом можно заявлять о том, что сегодня как никогда необходимо провести границу между публичным и частным правом для того, чтобы хотя бы немного оградить частные интересы.

Ключевые слова: Предпринимательское право, частное и публичное право, проблемы предпринимательства, социологический опрос, коллизия права

На сегодняшний день существует определенная проблема того, что интересы частного права ущемляются со стороны государства, что происходит далеко не первый год. Сегодня можно заметить большое количество блокировок и замедления различных сервисов, создание искусственной монополии и намеренное ухудшение ситуации на рынке ради определенных субъектов права. Происходит это, вопреки популярному

мнению, не из-за желания законодателя, министерств и ведомств ухудшить ситуацию в стране и на рынке частного права в целом и предпринимательского права в частности, а из-за сложной политической и экономической ситуации в стране. О соотношении частного и публичного права высказывались многие исследователи, такие, например, как Бакаева Ольга Юрьевна и Погодина Надежда Александровна в работе «О соотношении частных и публичных интересов»[1]. В работе большой внимание уделяется тому, что нет определенных критериев разграничения частного и публичного права, так как, не смотря на многочисленные указания и заявления президента и работу Конституционного суда в России все еще отсутствует полноценное законное разграничение интересов частного и публичного права. Это является крайне важной, решающей проблемой, которая определяет вектор проблем и их природы и многочисленные предлагаемые пути решения этих проблем. Другие же исследователи, такие как Мальцев Г. В[2]. поднимают вопрос того, что соотношение права публичного и частного обусловлено историческим путем России и его особенностями, так как тот же переход на другой тип экономики сильнейше отразился на государстве, его планах и политике. Однако на сегодняшний день правовая действительность и среда проживания сильнейше меняется. По нашему мнению, интернет отрасли и всему, чем активно пользуется молодежь уделяется преступно мало внимания как со стороны государства, так и со стороны науки, поэтому так важно рассматривать вопросы, связанные с молодежью и тем, что им интересно, в чем и заключается высокая актуальность данной работы.

При сопоставлении частного и публичного права на сегодняшний день в наиболее выигрышной позиции и позиции наибольшей силы находится именно публичное право, которое сильнейше влияет на все отрасли частного, а если конкретно брать отрасль права, то и предпринимательское право, в частности. Конкретно предпринимательское право тоже сильнейше ощущает на себе воздействие политики государства в различных областях предпринимательства. Не принимая во внимание иностранное влияние, так как оно на сегодняшний день по умолчанию мешает бизнесу в России, если оно завязано на взаимодействии с недружественными государствами не нуждается в толковании, стоит обратить внимание на то, что государство, удовлетворяя публичные интересы зачастую вредит ведению малого и среднего предпринимательства в России. Так, примером можно назвать постоянное повышение утилизационного сбора в России, под предлогом помощи отечественным производителям и пополнения бюджета. Если

[1] Бакаева Ольга Юрьевна, Погодина Надежда Александровна «О соотношении частных и публичных интересов» // Журнал российского права № 4. 2011. С. 36—47

[2] Мальцев Г. В. Соотношение частного и публичного права: Проблемы теории // Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие / Под ред. В. В. Безбаха, В. К. Пучинского. М., 2004. С. 82—85

пополнение бюджета не является оспоримым пунктом, то помощь отечественному производителю такими способами создает, по сути, искусственную монопсонию на авторынке, что влияет не только на потребителя, но и на предпринимательство в России. Высокие ставки кредитования и стоимость авто в России и так невероятно высокие в сравнении с другими государствами, но повышение стоимости автомобиля в среднем в 1,5—3 раза из-за утилизационного сбора[1] стало крайне тяжело приобретать авто. Многие компании что работают на авторынке столкнулись с большими проблемами, упущенной выгодой и убытками из-за повышения очередного сбора на авто. Все это привело к тому, что стоимость авто, что раньше солил 400 тысяч рублей теперь стоит около двух миллионов. Иностранные авто с современными технологиями из-за политики государства так же стоят у нас в стране космических, по меркам мирового рынка денег, от чего количество клиентов у представителей автобизнеса значительно меньше. В то же время такие жертвы сильнейше оправдываются необходимостью поддержки отечественного производителя, который после ухода мировых концернов и искусственного ручного уничтожения конкуренции в сторону отечественного производителя — не просто не может конкурировать ни с одним зарубежным автомобилем того же класса, но и в стоимости так же не уступает зарубежным авто, чья стоимость невероятно велика именно из-за налогов и сборов. Получается итоговая картина, в результате которой автомобильный рынок искусственно практически введен в кому ради отечественных авто, которые при наличии специально созданных условий без конкуренции всё равно не смог создать конкурентно способного автомобиля по оправданной цене, с чем согласно невероятно огромное количество потребителей и предпринимателей.

Схожая обстановка сейчас и с технической сферой. Мировой кризис комплектующих для персональных компьютеров и телефонов сильнейше влияет на стоимость гаджетов в мире и в России, особенно после «взрыва» рынка ИИ, которые массово скупают комплектующие. Из-за этого стоимость видеокарт и видеопамяти взлетает на неадекватный уровень. Но несмотря на это, в том числе для поддержки отечественного производителя выпускаются определенные законы[2], которые по комментариям властей должны стимулировать развитие отечественной микроэлектроники и компенсировать затраты государства на поддержку этой отрасли. Однако в то время, как мир готовится к выходу оперативной памяти нового поколения — DDR6, а DDR5 является общепризнанным стандартом и зачастую

[1]Постановление Правительства РФ от 01.11.2025 № 1713 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291».

[2] Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»

минимумом для работы, отечественный производитель поставляет на рынок только устаревшие «плашки» оперативной памяти старых поколений, которые не могут соперничать с зарубежными аналогами ни в одном критерии. Итоговая ситуация такова, что в соответствии с проведенным социальным опросом среди бизнесменов, что занимаются техническими сборками компьютеров и так далее, количество обращений за соответствующими услугами снизилось в среднем на 30%, так как люди, зачастую, не могут позволить себе приобретать столь дорогие комплектующие и как следует – технику.

Третьим примером является ситуация вокруг кинематографа. К сожалению, многие иностранные прокатчики ушли из России, что привело к сильному спаду интересу к новинкам кино. Проведенный автором социальный опрос в интернете, в котором приняли участие тысяча человек от 15 до 35 лет, также отвечали на вопросы, относительно кино. Основными вопросами относительно кино в опросе были: «Стали ли вы реже ходить в кино, после ухода иностранных прокатчиков?» «Заменили ли отечественные новинки иностранные картины?»[1].

Результаты опроса относительно кино представлены в таблице:

Вопрос	Количество ответов	Положительные ответы (да, почти, немного) – количество +процент	Отрицательные ответы (нет, наоборот) – количество +процент
Стали ли вы реже ходить в кино, после ухода иностранных прокатчиков?	1000	935 — 93.5 %	65 — 6.5 %
Заменили ли отечественные новинки иностранные картины?	1000	217 — 21.7 %	783 — 78.3 %

В результате данного социального опроса было выявлено, что интерес к кинотеатрам сильнейше упал после ухода иностранных прокатчиков, однако прокаты главных блокбастеров в России продолжаются через сотрудничество с другими странами СНГ, откуда через их посредничество к нам попадают главные новинки, однако уже закреплена практика того, что громкие мировые премьеры откладываются ради отечественных премьер. Самым ярким примером служит ситуация вокруг мирового блокбастера «Мстители: Финал» и отечественного «Миллиард». Ради релиза Российской

[1] Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия ятрогенным преступлениям // КриминалистЪ. 2025. № 1 (50). С. 81.

картины во всей России был перенос мировой премьеры, что сильнейше ударило и по кинотеатрам, и по репутации государственных структур. По данным сайта «Кинопоиск»[1] фильм «Миллиард» провалился в прокате. То есть на него пошло крайне мало человек, что так не выгодно и кинотеатрам, что являются представителями предпринимательства. Из более современных примеров можно обозначить ситуацию вокруг фильма «Аватар» и тем, что его прокат был отменен в пользу отечественным фильмам, так как все понимали, что Российское кино провалится в прокате из-за иностранного блокбастера.

Все три примера направлены на демонстрацию факта того, что ради интересов публичного права государства, что также является важной задачей, сильнейше страдает частный сектор и в первую очередь хуже становится предпринимателям и обычным людям. Искусственная монополия для поддержки отечественного производителя направлена на удовлетворение политических и внутреннеполитических задач, что стоят перед государством, однако отсутствие разграничения частного и публичного права приводят к тому, что неизбежно, один из секторов будет в более слабой и невыгодной позиции по отношению к другому. Три приведенных ранее примера показывают коллизию между интересами частного сектора и частного права и интересами государства. Та же антимонопольная служба может усмотреть в всех этих аспектах признаки монополии, то есть отсутствие конкурентов и активная борьба с ними, отсутствие заменителей и их устранение, диктование цены и т. д. Однако, с другой стороны, существуют определенные нормы права от государства, которые регламентируют такое положение рынка. Именно эта ситуация и является одной из наиболее спорных и важных в решении, так как от этого убытки несут все.

Как известно, на момент марта-апреля 2026го года продолжается экономическое и политическое давление на Россию, что вынуждает руководство государства прибегать к различным мерам реагирования на данные нападки. Так же фиксируется факт того, что многие зарубежные сервисы попали под блокировки на территории России за невыполнение определенных норм законодательства, так, например, была заблокирована платформа «Discord» (Дискорд), которая являлась крайне популярной и невероятно востребованной среди молодого населения страны. Произошло это по причине того\, что около 900 незаконных файлов, среди которых сообщения, ссылки и фотографии платформа отказывалась удалять, а также выплачивать штрафы. Безусловно такая блокировка была закономерной и законной, так как платформа отказывалась исполнять требования на территории России. Однако эта платформа не является единственным местом нахождения незаконных файлов или вербовки в экстремизм. Многие

[1] Интернет портал «Кинопоиск» URL: https://www.kinopoisk.ru/media/news/3355416/?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 13.04.2026)

отечественные платформы наполнены такими противозаконными явлениями, как экстремистские материалы, порнография, детская порнография, продажа наркотиков и так далее существует и на отечественных платформах в открытом доступе уже достаточное количество лет. Несмотря на это, публичные интересы государства по импортозамещению своей целю выбирают сугубо иностранные платформы.

Ельчанинова Наталья Борисовна, кандидат технических наук, в своих исследованиях отмечает, что даже анонимайзеры, то есть приложения VPN подпадают под запреты в случае определенных условий, в то время как отечественные аналоги — нет. Данные факты лишь подтверждают проблему того, что из-за разных интересов частного и публичного права, даже с учетом одинаковых нарушений сильнейше под удар подпадают именно зарубежные субъекты, которые наиболее качественные, популярные и имеющую самую большую аудиторию в мире платформы.

Схожая ситуация сегодня обстоит с другими платформами, например Whatsapp, Telegramm и YouTube. Начать стоит с видеохостинга «ютуб» который является наиболее огромным сборником видео на любую тему от сотен миллионов авторов, миллиарды часов различных видео, которые являются развлекательными, научными, учебными, познавательными, юмористическими в том числе. Однако блокировка произошла из-за того, что Гугл, владеющий ютубом не предпринимал мер по удалению контента что порочит честь России, а также блокировки некоторых Российских каналов. С точки зрения публичного права это правильный шаг, который ограничивает поток негативной информации и нарушающих различные законы видео на территорию России. С другой же стороны, политический контент, из-за которого это произошло является лишь четырьмя процентами от общего контента на видеохостинге. И из-за 4% государственные органы приняли решение заблокировать для всех на территории России остальные 96% контента, то есть миллиарды видео на любые тематики и сотни миллиардов часов контента на любой вкус. Данные блокировки также повлияли и на предпринимателей, что раскрутили свой бизнес благодаря видео на ютуб, а многие имели свой успех конкретно благодаря ютубу. Дополнительно же стоит учесть факт того, что Гугл, находящийся на территории США не обязан соблюдать абсолютно все права абсолютно всех государств, нарушая принципы свободы слова, которые даже у себя на родине допускают любую критику, так как соблюдая правила платформы, можно снимать любые видео на любые темы, которые не противоречат правилам ютуба.

Блокировки же мессенджеров под предлогом борьбы с экстремизмом, терроризмом и несоблюдение норм Российского права и мошенничеством так же сильнейше вредят частному права напрямую. Из-за блокировок сложнее общаться с теми же клиентами, так как найти аналог в неработающих адекватно Российских аналогах может быть не просто

затруднительно, а невозможно. Как итог – потеря клиентов. Вместе с всем этим импортозамещение заблокированных сервисов является провальным по результатам многочисленных опросов. Автором так же был проведен опрос на тему блокировок и импортозамещения среди лиц от 15 до 35 лет, в котором приняло участие тысяча человек.

Вопрос	Положительный ответ	Отрицательный ответ	Всего ответов
Продолжаете ли вы пользоваться заблокированными сервисами ТГ, Whastapp, Youtube?	969 —96.9 %	21 — 2.1 %	1000
Согласны ли вы с тем что отечественные аналоги способны заменитть заблокированные сервисы?	41 — 4.1 %	959 — 95.9 %	1000
Используете ли вы отечественные аналоги?	143 — 14.3 %	857 — 85.7 %	1000

Из результатов опроса следует, что результаты блокировок далеко не такие, как хотели государственные органы. Отечественные аналоги не могут заменить иностранные заблокированные аналоги, так как наши сервисы не развивались в условиях постоянной конкуренции и не обладают ни качеством, ни репутацией иностранных аналогов. На платформе «Рутуб» процветает пиратство, в «MAX» огромное количество мошенников и сливов персональных данных, а в «Вконтакте» невероятное количество различных нарушений практически всего Уголовного Кодекса.

Из всех приведенных ранее примеров, результатов опросов, неудачных решений и в целом политики преобладания публичного права следует – на сегодняшний день, как никогда необходимо четкое разграничение частного и публичного права, которое будет ограждать политическую деятельность государства от частной жизни и предпринимательства. Последнее же в России и так максимально облагается со всех сторон различными административными барьерами, налогами, политикой, ставками кредитования и огромным количеством требований.

По нашему мнению, необходимо в корне менять не только правила научного регулирования, но и менять мировоззрение и сам подход к решению подобных вопросов. Споры о регулировании частного и публичного права длятся не одно десятилетие, постоянные споры о понятиях, признаках так же не приводят ни к чему, так как результатом таких споров является лишь упоминание в научных работах. Общая практикоориентированность должна быть решающим фактором при регулировании частного и публичного права и их соприкосновении,

особенно сегодня, когда мир максимально быстро меняется, а законодатель совершенно не успевает за современностью.

В регулировании частного и публичного права нами предлагается подход, при котором должно быть определено четкое ограничение именно публичного права, так как именно публичное максимально влияет на частное право. Ограничение влияния же должно строиться на основе некоторых критериев, например:

возможно ли самостоятельное регулирование частным правом затрагиваемого вопроса?

есть ли состав преступления для необходимого вмешательства государства?

будет ли негативное влияние на жизнь частных лиц и предпринимателей?

не будет ли это ущемлением прав субъектов частного права?

Исходя из этого нами предлагается основывать четкое разграничение частного права от публичного. Проведение черты необходимо для каждой отрасли частного права определить отдельно, так как некоторые вопросы предпринимательского права и авторского права могут иметь разные границы, в которых государство будет влиять

Также, по нашему мнению, нужно официальное заявление государства о преобладании и большей важности конкретного права, частного или публичного. В противном итоге ситуация с продолжающимся пересечением прав, коллизией политики государства и самых разных норм права никогда не закончатся, как и бесконечные споры.

Научная статья
УДК: 342.72/.73

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ЧЕЛОВЕКА: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Софья Владимировна РЕЗНИКОВА
Гатчинский государственный университет, Гатчина, Россия
svt305@yandex.ru

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Асхат Назаргалиевич КУЗБАГАРОВ,** ashat69@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых проблем охраны цифровых следов человека в вопросе реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни и производного от него права на охрану частной жизни. Проанализированы различные подходы к определению категории «цифровой след», предлагается его классификация по таким основаниям, как способ закрепления, режим доступа и наличие волевого момента. Особое внимание уделено автоматизированным цифровым следам, которые создают наибольшие сложности для правовой охраны в силу их неочевидности для самого субъекта. Рассмотрен дисбаланс между публичными интересами государства и частными интересами личности, а также между интересами граждан и коммерческих организаций — владельцев интернетплатформ, монетизирующих цифровые следы пользователей. Проанализировано право на забвение, который в соответствии с российским законодательством, в отличие от европейского аналога, на сегодняшний день не обеспечивает фактического удаления персональных данных. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию законодательства: закрепление легального определения цифрового следа с презумпцией отражения в нем информации о частной жизни, усиление юридической ответственности владельцев интернет-платформ, а также реформирование института права на забвение в сторону расширения гарантий для граждан.

Ключевые слова: цифровой след, неприкосновенность частной жизни, охрана частной жизни, право на забвение, персональные данные, публичные интересы, частные интересы, информационные технологии

Право на неприкосновенность частной жизни закреплено в статье 23 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ)[1]. Существует производное от него право на охрану частной жизни, которое закреплено в статье 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее —– ГК РФ)[2]. Данное право в настоящее время проходит трансформацию, поскольку происходит стремительное развитие информационных технологий и тотальная цифровизация всех сфер общественной жизни. С одной стороны, информационное развитие создает ряд удобств для людей, с другой стороны, порождает определенные проблемы, которые связаны с формированием, хранением и использованием так называемых «цифровых следов» человека. Как справедливо отмечает А. Н. Мочалов, «информация, оставляемая человеком в электронной форме в процессе взаимодействия с компьютерными устройствами и информационно-телекоммуникационными сетями, получила название "цифровых следов"»[3]. Актуальным является вопрос о соотношении публичных интересов государства и частных интересов отдельной личности, поскольку существующее правовое регулирование далеко не в полной мере учитывает специфику новых объектов правовой охраны. Существует необходимость в проведении анализа юридической природы цифровых следов, а также в выявлении коллизий между публичными и частными интересами в данной сфере.

Прежде чем перейти к анализу правовых проблем, следует обратиться к понятию и классификации цифровых следов, поскольку сложность в выработке единого правового режима возникает именно из-за их многообразия. В настоящее время в юридической литературе отсутствует единообразный подход к определению категории цифровых следов. При этом А. Н. Мочалов отмечает следующее: «любой цифровой след есть результат фиксации тех или иных явлений в электронной форме… представляет собой его числовой отпечаток, или, как его часто называют, — цифровую тень»[4].

Классификация цифровых следов может быть проведена по нескольким основаниям, каждое из которых имеет юридическое значение. По способу закрепления цифровые следы можно классифицировать на следы, сохраняемые исключительно на пользовательском устройстве и

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 41 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. № 4. С. 164.

[4] Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. № 4. С. 167.

следы, передаваемые по сетям связи и записываемые на оборудовании третьих лиц. В зависимости от режима доступа цифровые следы классифицируются на следы ограниченного доступа и общедоступные. Существует также классификация, которая является значимой с точки зрения волевого момента. Так, цифровые следы могут быть оставлены в результате осознанного волеизъявления индивида, например, публикация поста в социальной сети, либо сформированы в автоматизированном режиме, без непосредственного участия человека — метаданные, файлы «cookie», геолокационные данные и так далее. Именно последняя категория создает наибольшие сложности для правовой охраны, поскольку лицо зачастую даже не осознает факта оставления такого следа и тем более не может контролировать его дальнейшее использование.

А. Н. Мочалов указывает, что специфика цифровых следов заключается в следующем: «независимо от того, к какому виду мы отнесем цифровой след человека, он потенциально может содержать информацию, касающуюся конкретного индивида… Иными словами, цифровой след отражает ту или иную сторону частной жизни лица»[1]. Для решения данной проблемы исследователь предлагает законодательно закрепить презумпцию отражения в любом цифровом следе информации о частной жизни человека, что позволило бы распространить на них конституционно-правовые гарантии, предусмотренные статьями 23 и 24 Конституции РФ.

Если провести анализ российского законодательства в части правового регулирования использования цифровых следов, можно выявить наличие определенного дисбаланса между публичными и частными интересами. С одной стороны, государство, реализуя функции по обеспечению безопасности и правопорядка, наделяет правоохранительные и иные компетентные органы широкими полномочиями по доступу к цифровой информации. П. А. Ромашов указывает следующее: «в соответствии с ч. 3 ст. 10.1 Закона об информации организатор распространения информации должен в течение года хранить на территории России информацию (метаданные) обо всех фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки… электронных сообщений пользователей»[2]. При этом для доступа к метаданным, в отличие от содержания сообщений, не требуется судебного решения. Данное обстоятельство порождает ситуацию, при которой государство получает возможность осуществлять массовый сбор информации о частной жизни граждан при отсутствии необходимых процессуальных гарантий. Существует и другая ситуация, при которой частные компании — владельцы интернет-платформ, также аккумулируют

[1] Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. № 4. С. 173.

[2] Ромашов П. А. К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 108.

колоссальные массивы цифровых следов, используя их в своих коммерческих целях. Институт информированного согласия, который в настоящее время закреплен на законодательном уровне, на практике превращается в формальную процедуру, так как пользователь, который хочет получить доступ к определенной услуге, вынужден соглашаться с условиями обработки данных, при этом не имея какой-либо возможности оказать влияние на их содержание или объем. А.И. Савельев по этому поводу указывает: «в момент получения согласия невозможно представить исчерпывающий объем информации о возможных способах и целях обработки данных, сам же субъект, дающий согласие, не всегда может адекватно воспринять информацию»[1]. Следовательно, возникает ситуация, при которой частный интерес личности в вопросе охраны своей частной жизни приносится в жертву не только публичному интересу государства в сфере безопасности, но и частному интересу корпораций в вопросе извлечения прибыли.

Существует также так называемое «право на забвение», которое несколько усугубляет ситуацию, поскольку, в отличие от европейского аналога, не предусматривает права требовать удаления персональных данных как таковых. А.Н. Мочалова указывает следующее: «правом на забвение в России принято называть возможность лица требовать от оператора поисковой системы исключения из поисковой выдачи ссылок. Удаления сведений о заявителе в данном случае не происходит: исключается лишь возможность поиска таких сведений»[2]. Можно сказать, что указанное обстоятельство несколько снижает уровень охраны частной жизни, так как информация о лице, которая является недостоверной, распространена с нарушением законодательства или утратившая актуальность, продолжает храниться на серверах и может быть использована в будущем.

Для решения существующих в настоящее время практических проблем и установления баланса между публичными и частными интересами в данной сфере, в первую очередь, существует необходимость в законодательном закреплении легальной дефиниции категории «цифровой след человека» с установлением презумпции о том, что любой цифровой след рассматривается как информация о частной жизни лица. Данная презумпция должна быть опровержимой, однако бремя опровержения следует возложить на лицо, осуществляющее обработку цифровых следов. Данное законодательное изменение позволит распространить на цифровые следы конституционные гарантии, предусмотренные статьей 24

[1] Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» // Закон. 2015. № 5. С. 55.

[2] Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни // Антиномии. 2024. № 4. С. 184.

Конституции РФ, в соответствии с которой сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Кроме того, существует необходимость в усилении юридической ответственности владельцев интернет-платформ за нарушение требований к обработке персональных данных и иной информации о частной жизни. На сегодняшний день размеры штрафов, установленные за нарушения в данной сфере, являются несоизмеримо малыми по сравнению с теми доходами, которые компании получают от монетизации цифровых следов.

Также необходимо усовершенствовать механизм реализации «права на забвение», приблизив его по своему содержанию к европейскому стандарту. Необходимо законодательно закрепить право гражданина требовать не только удаления ссылок из поисковой выдачи, но и фактического удаления его цифровых следов из информационных систем оператора, если эти следы утратили актуальность, являются недостоверными или были собраны с нарушением закона.

Таким образом, правовая охрана цифровых следов человека в современной России находится на этапе становления и характеризуется наличием практических проблем, касающихся соотношения публичных и частных интересов в данной сфере. Отсутствие специального законодательного регулирования, неопределенность правового режима многих видов цифровых следов, а также слабость процессуальных гарантий создают реальные угрозы для реализации права на охрану частной жизни. Эффективное разрешение указанных проблем невозможно исключительно путем ужесточения ответственности или расширения полномочий контролирующих органов. Требуется комплексный подход, включающий в себя как совершенствование законодательной базы, так и формирование новых правил обращения с цифровыми данными как в публичной сфере, так и в коммерческом обороте.

Научная статья
УДК 347.7

РАСХОЖДЕНИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА ВЫСШИМИ СУДЕБНЫМИ ИНСТАНЦИЯМИ РФ. СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ РАЗНОЧТЕНИЙ И УНИФИКАЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Никита Алексеевич САЛЬНИКОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Salnikov.na@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Альбина Юрьевна ПИДДУБРИВНАЯ,** alba.78@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу правового регулирования и правоприменительной практики корпоративного договора. В статье дана краткая история появления корпоративного договора в РФ, освещены заимствованные позиции, а также уникальные правовые новеллы. Обозначена проблема такой гибридизации для правоприменителя, которая дополнительно накладывается на коллизии из-за расхождения позиций высших судебных инстанций в РФ. В качестве решения проблемы было предложено внесение изменений в федеральный закон.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционерное соглашение, Верховный Суд

Корпоративное право в Российской Федерации начало развиваться только 35 лет назад с становлением рыночной экономики[1]. Огромный временной пробел в правовом регулировании привёл к отсутствию судебной практики, которая на протяжении всего этого времени складывалась в Европе, в результате чего корпоративное законодательство было заимствовано из более развитых в этом отношений стран. Однако имплементация данных норм носила смешанный характер, в результате чего получались уникальные правовые институты.

[1]Астюков А. В., Орлова Ю. М. Сближение корпоративного законодательства ЕС и России: предпосылки и направления // Вестник ННГУ. 2017. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sblizhenie-korporativnogo-zakonodatelstva-es-i-rossii-predposylki-i-napravleniya (дата обращения: 29.03.2026).

Так, институт корпоративного договора пришел в РФ из стран западной Европы в 90-е года двадцатого века[1]. Однако он не был законодательно закреплен в ГК РФ до 2014 года. В настоящий момент единого определения корпоративного договора нет, однако в ГК РФ перечислены его признаки и недопустимые условия в договоре. Представляется, что одной статьи 67.2 в ГК РФ для полного описания правовой природы данного договора недостаточно, что даёт возможность для трактовки неурегулированных законом отношений судами.

Наиболее простым для судов с практической точки зрения способом для интерпретации договора было бы действовать по аналогии с законом и практикой из западной Европы. Корпоративный договор как институт появился в РФ из одного макрорегиона — Западной Европы, но он представляет собой гибрид 2 разных способов регуляции пришедших из разных правовых семей: Романо-Германской, которая доминирует в современных странах ЕС и Англо-Саксонской, распространенной в Великобритании и США, которые содержат положения, которые взаимно исключают друг друга, так еще и отечественный аналог содержит уникальные положения[2]. В результате чего, судебную практику по аналогии применять не представляется возможным.

Из континентальной системы права ЕС была заимствована сущность договорной конструкции (договор рассматривается как гражданско-правовой договор), большое количество регулирований со стороны императивных норм. В Англо-Саксонской акционерные соглашения предполагают куда больший объем дерегуляции при применении, тем не менее значительную часть положений корпоративный договор в России впитал оттуда: корпоративный договор имеет приоритет над уставом, возможно участие третьих лиц в договоре, например, кредиторов. Уникальные положения: возможно признание сделки недействительной, совершенной в нарушение корпоративного договора, отступление от принципа равенства и раскрытия информации для закрытых обществ. Исходя из этого, можно обобщить, что корпоративный договор в РФ сочетает в себе высокую степень зарегулированности по аналогии со странами ЕС, но также корпоративный договор фактически может быть важнее устава по аналогии с США, но также он может иметь влияние для признания сделки недействительной, хотя при нарушении корпоративного договора в ЕС или США уплачивается только компенсация.

Тем не менее в части Российское гражданское право, с точки зрения обязательственного права, похоже на право стран запада. Так, в российской

[1]Русских Л. В. Генезис развития корпоративного договора в России // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-razvitiya-korporativnogo-dogovora-v-rossii (дата обращения: 29.03.2026).

[2]Кузё П. В. Корпоративный договор : магистерская диссертация по направлению 40.04.01 «Юриспруденция». Томск, 2017. С. 9—41.

правовой системе фактически прослеживается деления обязательств на 3 категории: предпринимательские обязательства (business-to-business; B2B), смешанные (business-to-consumers; B2C), обычные (обязательства между лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность) (person-to-person; P2P)[1]. Вопросы их применения к корпоративным договорам мы раскроем далее.

Многие авторы отмечали еще до 2014 года особый характер правовой природы корпоративных договоров, но в целом признавая, что, несмотря на то, что данный институт регулирует корпоративные отношения, отношения возникающими из них являются обязательственными[2].

Также до законодательных изменений существовали Постановления Конституционного Суда, которое устанавливало правовую позицию, что предпринимательскую деятельность осуществляют не сами акционеры, а само акционерное общество[3]. Исходя из толкования данного определения обязательства предпринимательского характера не должны применяться к данному соглашению. Это также подтвердило законодательство, так от ФЗ № 302 от 30.12.2012 пункт 1 статьи 2 ГК РФ был дополнен тезисом о том, что гражданское законодательство регулирует корпоративные отношения. При том в той же статье в том же пункте было указано, что ГК РФ регулирует также предпринимательские отношения, которые позиционируются исходя из прямого толкования как самостоятельные от корпоративных.

В силу положений статьи 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательств по общему правилу недопустим. Однако Верховный Суд дал расширительное толкование данной норме, предоставив право включать положение об одностороннем выходе из договора для субъектов предпринимательской деятельности и в этом же пункте дополнительно указал, что данное положение по смыслу может применяться и к корпоративному договору[4].

Исходя из этого получается, что заключение корпоративного договора не является частью предпринимательской деятельности, тем не менее к данному договору могут применяться предпринимательские обязательства. Данный тезис, выработанный судебной практикой, представляется весьма занимательным, так как судебной практикой также признается факт того, что

---

[1]Ефимов А. В. Применение норм о предпринимательских обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративных договоров // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 2 (111). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-norm-o-predprinimatelskih-obyazatelstvah-k-otnosheniyam-voznikayuschim-iz-korporativnyh-dogovorov (дата обращения: 29.03.2026).

[2]Шиткина И. С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 6. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П ; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении" // Доступ из Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

в рамках акционерного соглашения, которое является видом корпоративного договора, может быть заключен опционный договор при соблюдении норм законодательства (опционный договор не во всех случаях является предпринимательским договором, который порождает из себя предпринимательские обязательства, например, если в договоре опциона все лица физические и не являются индивидуальными предпринимателями, то есть такие же лица какие и могут быть в корпоративном договоре)[1]. Как в аналогичных случаях соотносить предпринимательские и общие обязательства — непонятно.

Правовое регулирование корпоративных договоров во всей совокупности не представляется однородным ввиду того, что фактически позиция Конституционного Суда заявляет, что деятельность акционеров не является предпринимательской, но в соответствии с позицией Верховного Суда к корпоративным договорам применяются обязательства из предпринимательских отношений в случае указания ВС РФ[2]. А в случае сочетания и пересечения договорных конструкций к которым применяются непредпринимательские обязательства не представляется понятным в какой части и к каким положениям применять обязательства, особенно если разделить корпоративные и иные договорные конструкции не представляется возможным. На наш взгляд данная ситуация не является неразрешимой, в виду чего возможно решение.

Необходимо отметить, что практика Конституционного Суда Российской Федерации с учетом изменений законодательства на настоящий момент, не полностью отражает все необходимые нюансы современного правового регулирования, что подтверждается и многочисленными научными работами[3].

В качестве решения научным сообществом предлагается фактически судам применять предпринимательские обязательства в случае аффилированности держателя доли бизнеса с самим бизнесом[4]. На наш взгляд это не решает проблему, а только подтверждает правоприменительный курс Верховного Суда РФ, не устраняя фактической коллизии, так как предпринимательские обязательства могут быть

---

[1]Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.11.2025 № Ф06-6864/2025 по делу № А57-12899/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» П. 16 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Карапетов А. Г., Павлов А. А., Сарбаш С. В., Сулейманов Р. У. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 99—100

[4]Ефимов А. В. Применение норм о предпринимательских обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративных договоров // Актуальные проблемы российского права. 2020. №2 (111). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-norm-o-predprinimatelskih-obyazatelstvah-k-otnosheniyam-voznikayuschim-iz-korporativnyh-dogovorov (дата обращения: 29.03.2026).

применены к отношениям предпринимательского характера. На наш взгляд констатация коллизии не может быть способом её решения.

Ввиду этого представляется разумным внести изменения в законодательство Российской Федерации о корпоративном договоре в статью 67.2 ГК РФ дополнить пунктом 11 следующей в редакции: «к корпоративному договору применяются обязательства предпринимательского характера, если иное не предусмотрено законом, иным актом или не следует из существа договора».

Стоит отметить что данная формулировка не является радикальной, она не оспаривает правовую позицию Конституционного Суда РФ, она подтверждает обобщенную Верховным Судом практику, однако она устраняет как строго теоретические коллизии, так и решает практические проблемы, связанные с правоприменением общей части ГК РФ к отдельным положениям.

Научная статья
УДК 347.62

ФИКТИВНЫЙ БРАК И БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Дарья Сергеевна САЛЬНИКОВА[1], Юлия Алексеевна СЮЗЮМОВА[2]
[1,2] Институт Юстиции ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
[1] jormtika173@gmail.com
[2] uliasuzumova@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент **Юлия Владимировна БЕКУЗАРОВА,** jusmia@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется актуальная проблема взаимодействия института фиктивного брака и брачного договора в контексте признания брака недействительным. Анализируются последствия заключения брачного договора при фиктивном браке, выявляют существующие правовые коллизии и противоречия в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется защите прав добросовестного супруга и особенностям имущественных отношений. На основе анализа законодательства и судебной практики раскрываются механизмы признания недействительности как самого брака, так и заключенного в нем брачного договора. Исследуются вопросы возврата имущества и компенсации убытков при признании брака фиктивным.

Ключевые слова: фиктивный брак, брачный договор, добросовестный супруг, защита прав, правовые последствия

Институт фиктивного брака, при котором регистрация брака происходит при отсутствии у супругов (или одного из них) намерения создать семью, традиционно рассматривается в науке семейного и гражданского права сквозь призму его аннулирования и защиты прав добросовестного супруга. Однако в современных реалиях, когда брачный договор из факультативного элемента превращается в распространенный инструмент регулирования имущественных отношений, возникает принципиально новая правовая коллизия[1]. Заключение брачного договора в фиктивном браке порождает сложнейший вопрос о юридической судьбе такого соглашения и имущественных последствиях его исполнения после признания брака недействительным.

Актуальность исследования обусловлена не только ростом числа фиктивных браков, заключаемых для достижения различных целей — от получения гражданства до решения жилищных вопросов, но и парадоксальной ситуацией, в которой оказываются стороны такого брака при наличии брачного договора. С одной стороны, семейное законодательство предусматривает специальные последствия недействительности брака, включая возможность защиты прав добросовестного супруга, с другой — брачный договор как гражданско-правовая сделка подпадает под действие общих положений о недействительности, что порождает конкуренцию правовых механизмов защиты[2]. Анализ судебной практики демонстрирует противоречивость подходов к разрешению данной проблемы, а в доктрине отсутствует единообразное понимание критериев недействительности как самого брака, так и заключенного в нем брачного договора.

В теории семейного права под фиктивным браком понимается союз, зарегистрированный в отсутствие у сторон (или одной из них) намерения создать семью, исключительно с целью извлечения имущественных или иных социально-правовых преимуществ. Несмотря на противоправность цели, сам по себе фиктивный брак не влечет уголовной ответственности. Ключевая дефиниция брака закреплена в Семейном кодексе РФ[3], который определяет его как добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, заключенный с целью создания семьи. Юридически значимые последствия возникают с момента государственной регистрации, наделяющей супругов соответствующим комплектом прав и обязанностей.

---

[1]Низамиева, О. Н. Социальные и ценностные основы функционирования семейно-правовых договоров / О. Н. Низамиева // Lex russica. 2025. Т. 78, № 1. С. 42—51.

[2]Редькина Ю. М. Содержание брачного договора, основания признания брачного договора недействительным / Ю. М. Редькина // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 2 (71). 246—250.

[3]Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

При установлении факта фиктивности брак подлежит аннулированию (признанию недействительным), а не просто расторжению. Следствием этого является нивелирование всех правовых последствий с момента его заключения. В частности, утрачивают силу правовые привилегии, полученные сторонами, а процедуры, инициированные на основе такого брака (регистрация по месту жительства, оформление гражданства), признаются недействительными.

Судебная практика и доктринальное толкование выделяют следующие правовые последствия признания брака фиктивным:

ничтожность юридических фактов, совершенных на его основании;

раздел имущества приобретенного в период такого брака, осуществляется не по правилам СК РФ о совместной собственности, а по нормам ГК РФ[1] о долевой собственности, если иное не будет доказано сторонами;

возможность взыскания убытков и компенсации морального вреда в пользу добросовестной стороны, не осведомленной о фиктивности намерений партнера;

квалификация действий сторон по организации фиктивного брака как организации незаконной миграции (ч.1 ст.322.1 УК РФ[2]), если брак заключался с целью въезда, проживания или получения гражданства в обход установленного порядка.

Уголовно-правовая оценка деяния возможна лишь при наличии квалифицирующих признаков. Фиктивный брак может перерасти в уголовно наказуемое деяние, если он выступал способом совершения иных преступлений: легализации лиц, причастных к террористической деятельности, либо использовался в схемах мошенничества и коррупции.

В системе семейно-правовых отношений брачный договор традиционно рассматривается как инструмент, призванный урегулировать имущественные отношения супругов, минимизировать конфликтный потенциал и укрепить стабильность семейного союза[3]. Однако в контексте фиктивного брака функциональная нагрузка данного соглашения приобретает принципиально иной, зачастую противоположный характер. Цели заключения брачного договора в фиктивном браке детерминируются отсутствием у сторон намерения создать семью и, как следствие, направлены не на гармонизацию семейных отношений, а на юридическое оформление сугубо коммерческой или иной корыстной сделки.

Во-первых, брачный договор в таких союзах выступает в качестве механизма, гарантирующего имущественную обособленность сторон и

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3]Трофимова М. С. Заключение брачного договора для изменения режима совместной собственности супругов / М. С. Трофимова // Фемида. 2025. № 2. С. 15—22.

минимизирующего риски, связанные с возможным разделом имущества. Во-вторых, брачный договор может использоваться как средство обеспечения «вознаграждения» за участие в фиктивном союзе, фиксируя обязательства одного супруга перед другим по передаче определенного имущества или денежных средств после достижения цели брака. В подобных случаях договор фактически легитимизирует имущественные притязания, возникающие из недействительной, с точки зрения семейного права, сделки. В-третьих, для добросовестного супруга, который мог быть введен в заблуждение относительно истинных намерений партнера, брачный договор, напротив, служит инструментом защиты: при последующем признании брака недействительным суд может признать за ним право на сохранение условий договора или на получение компенсации, если это необходимо для защиты его интересов. Так, брачный договор в структуре фиктивного брака утрачивает свою традиционную семейно-правовую природу и трансформируется в элемент гражданско-правовой сделки, опосредующей достижение целей, лежащих за пределами института семьи.

Категории недействительности брака и недействительности брачного договора находятся в сложной иерархической связи, характеризующейся как взаимозависимостью, так и относительной автономией. Законодательная конструкция, закрепленная в п.2 ст.30 СК РФ, устанавливает презумпцию недействительности брачного договора вслед за признанием брака недействительным. Данное нормативное решение объясняется производной природой брачного договора: поскольку он является актом, опосредующим имущественные отношения в рамках семейного союза, аннулирование самого брака как основания этих отношений влечет за собой и нивелирование правового эффекта договора. Однако юридическая связь между этими институтами не является механической и однонаправленной.

Правовая норма статьи 30 СК РФ позволяет сохранить юридическую силу брачного договора для защиты добросовестного супруга в случае признания брака недействительным. При этом существует опасность нарушить баланс интересов сторон при разрешении имущественного спора между супругами уже после исполнения брачного договора. Указанная проблематика носит межотраслевой характер, находясь на стыке семейного, обязательственного и договорного права.

Правоприменительная практика сталкивается с следующими проблемами при признании брака недействительным. Во-первых, возврат исполненного не может автоматически подчиняться нормам о неосновательном обогащении; во-вторых, не решен вопрос относительно имущества, переданного безвозмездно и по договору о выполнении работ или оказании услуг и, наконец, отсутствует механизм защиты добросовестного супруга.

Судебная практика и доктрина не выработали единого подхода к решению обозначенной проблемы. Одни исследователи предлагают

адаптировать реституционные механизмы, другие — применять нормы о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств.

Для устранения правовой неопределенности требуется законодательное закрепление специального режима возврата имущества по брачному договору. Такой режим должен как исключать автоматическую реституцию, так и ставить защиту имущественных интересов в зависимость от добросовестности супругов.

За период с 2019 по 2021 год суды общей юрисдикции России рассмотрели около полутора тысяч споров о признании браков недействительными — от 596 заявлений в 2019 до спада на четверть в 2020 (лишь 440 дел), с последующим ростом на 47 % в 2021 (647 исков). Обобщая правоприменительную практику, Верховный Суд РФ указал на наличие системных проблем и определил ориентиры для их устранения. Охрана семьи со стороны государства (ст.38 Конституции РФ) согласуется с легальным определением семьи в ст.1 СК РФ, основанном на принципах добросовестности союза, взаимоуважения супругов и совместного быта.

Регистрация брака исключительно в ЗАГСе (п. 2 ст. 1 СК РФ) — это не формальность, а старт настоящего партнерства. Суды оценивают ключевые индикаторы: общее хозяйство (с учетом временных разлук по объективным причинам), эмоциональная связь, взаимная забота, согласованные жизненные решения и взаимные обязательства.

Большинство дел касалось фиктивных браков (п. 1 ст. 27 СК РФ) — когда хотя бы один участник не планировал семейную жизнь, а преследовал прагматичные цели вроде миграционных льгот, вида на жительство или упрощенного получения гражданства. Заявления поступали от супругов, разочарованных отсутствием реального быта, или от прокуратуры — особенно в случаях "коммерческих" союзов россиян с иностранцами. Суды тщательно проверяют намерения на момент регистрации, наличие семейных атрибутов после и стремление их сохранить. Отсутствие этих оснований делает брак пустой оболочкой без правовых последствий.

В судебной практике ярко демонстрируется неразрывная связь судьбы брачного договора с судьбой брака, который признан недействительным. Как следует из решения Советского районного суда г. Казани от 9 ноября 2023 года по делу № 2-9584/2023, если брак признается недействительным по основанию, предусмотренному законом (в данном случае – ввиду наличия у одного из супругов не расторгнутого предыдущего брака), то заключенный в период его действия брачный договор также подлежит признанию недействительным. Суд, руководствуясь п. 2 ст. 30 СК РФ, указал, что признание брака недействительным влечет за собой и недействительность договора. Это обусловлено тем, что брачный договор, будучи производным от самого брака институтом, утрачивает свою правовую силу, что влечет за собой применение к имуществу, приобретенному в период такого брака, положений Гражданского кодекса

РФ о долевой собственности, а не режима, установленного договором. Так, даже детально проработанный брачный договор аннулируется при признании брака недействительным, и имущественные последствия определяются не соглашением сторон, а напрямую законом.

Верховный суд РФ ориентирует суды на исследование реальных намерений супругов, где фиктивность брака доказывается фактическими обстоятельствами, а обман или порок воли — соответствующими документальными и медицинскими заключениями. При этом закрепленный в ст.30 СК институт добросовестного супруга представляет собой не абстрактное этическое понятие, а строгий правовой механизм защиты лица, которое не знало и объективно не могло знать о наличии препятствий к заключению брака.

Судебная практика выработала три ключевых критерия оценки добросовестности супруга. Во-первых, отсутствие у него информации о пороках брака (фиктивности, недееспособности второго супруга, наличии иного не расторгнутого брака). Во-вторых, реальное ведение совместного хозяйства, взаимная поддержка и совместное планирование будущего. В-третьих, наличие материальных подтверждений семейных отношений, например, совместные счета, свидетельские показания, визуальные доказательства совместного быта. Добросовестный супруг, в отличие от недобросовестного, сохраняет право на раздел совместно нажитого имущества по правилам ст.34 СК, пенсионные и наследственные права, что обеспечивает защиту его интересов при аннулировании брака.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что действующее правовое регулирование последствий недействительности фиктивного брака и брачного договора создает асимметрию в положении сторон. Если супруг, инициировавший аннулирование брака по ст. 27 СК РФ, преследует цель освободиться от договорных обязательств (например, от алиментных соглашений или раздела имущества), добросовестная сторона, полагавшаяся на действительность союза, сталкивается с проблемой доказывания. П.4 ст. 30 СК РФ, декларируя возможность сохранения силы договора, не устанавливает четких критериев добросовестности и не распределяет бремя доказывания, что на практике превращает данную норму в труднореализуемую.

Для создания действенного механизма защиты предлагается распространить на данные правоотношения правила ст. 431.1 ГК РФ о подтверждении действительности сделки, дополнив п. 4 ст. 30 СК РФ положением о презумпции добросовестности супруга, не являвшегося инициатором признания брака недействительным. Соответствующее дополнение может быть изложено в следующей редакции:

«Супруг, не знавший и не могущий знать о наличии оснований для признания брака недействительным (добросовестный супруг), вправе требовать сохранения силы брачного договора полностью или в части. При

рассмотрении требования о признании брака недействительным по иску другого супруга, добросовестность ответчика презюмируется, пока истцом не доказано иное. В случае признания брака недействительным по иску третьего лица либо по инициативе суда, обязанность доказывания недобросовестного супруга, настаивающего на сохранении договора, возлагается на лицо, оспаривающее его добросовестность».

Научная статья
УДК 347.6

ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Виолетта Александровна СИТНИКОВА[1], Жанна Владимировна СТУКАЛИНА[2]
[1,2] Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия
[1] trackxgod.0714@mail.ru
[2] stukaluna.janna@mail.ru

Научный руководитель кафедра правового обеспечения экономической деятельности; кафедра организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Сергеевна ЧЕРЕВИЧЕНКО,** cherev_777@mail

Аннотация. В статье рассматривается трансформация института наследования в условиях изменения института семьи, глобализации и цифровизации. Отмечаются также специфика вступления в наследство, особенности трансграничного наследования и проблемы правовой квалификации цифровых активов в Российской Федерации, а также то, как повлияла специальная военная операция на практику в данной сфере, включая вопросы статуса фактических супругов. Внимание уделяется и налоговым аспектам в сфере наследственных правоотношений, зарубежному опыту регулирования проблем наследования и необходимости дальнейшего развития наследственного законодательства с учётом современных социально-экономических реалий.

Ключевые слова: обязательная доля, цифровое наследство, трансграничное наследование, модернизация законодательства, наследственное право, цифровые активы, правопреемство, специальная военная операция, фактические брачные отношения, налог на наследство

В современном мире достаточно стремительно трансформируются социально-экономические отношения, что оказывает значительное влияние

на изменение института наследования. Наследственное право, традиционно воспринимаемое как одна из наиболее стабильных и консервативных отраслей частного права, в XXI веке оказывается вовлечённым в процессы интенсивной модернизации. Современные вызовы требуют не только точечной корректировки отдельных норм, но и более широкого концептуального переосмысления самой природы универсального правопреемства.

Прежде всего, существенные затруднения вызывает феномен цифрового наследства, который в последние годы занял центральное место в научной дискуссии. Речь идёт о трансформации имущественного пространства личности: значительная часть активов существует уже не в материальной, а в цифровой форме. Криптовалютные кошельки, аккаунты в социальных сетях, монетизированные интернет-ресурсы и иные цифровые объекты перестали быть второстепенными «виртуальными» элементами и приобрели самостоятельную экономическую ценность. Вследствие этого авторы современных исследований подчёркивают необходимость чёткого правового регулирования их статуса, способного обеспечить как защиту прав наследников, так и предсказуемость правоприменительной практики[1].

Так, в работах А. Волоса «Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства», проводится анализ трансформации классической теории наследования применительно к цифровым правам, криптовалютам и аккаунтам в социальных сетях. Автор данной работы отмечает, что цифровые объекты могут входить в состав наследственных правоотношений, однако для этого требуется модернизация законодательства, будь это формирование новой категории объектов гражданских прав, либо же уточнение условий их работоспособности[2].

Также в своей работе Ю. Харитонова под названием «Наследование легализованных цифровых активов…» обращает внимание на коллизии в правоприменительной практике, возникающие по вопросу оформления цифровых прав после смерти гражданина. Проблемой выступает отсутствие детализированного законодательства, что приводит к тому, что нотариусы и правоприменители встречаются с неопределенностью, а наследователи прибегают к неформальным способам решения своих проблем[3].

Хорошим примером для расширения и конкретизирования законодательства в сфере наследственных правоотношений выступает судебная зарубежная практика. Показателен спор, рассмотренный Bundesgerichtshof, в котором высшая судебная инстанция Германии признала право наследников на доступ к цифровым данным умершего,

[1]Hayajneh, Z. Digital inheritance: Concept and legal challenges // International Review of Law. 2016. №1

[2]Волос А.А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3.

[3]Харитонова Ю. С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2.

включая аккаунт в социальной сети Facebook[1]. Суд квалифицировал договор с платформой как входящий в состав наследства и указал, что цифровая переписка по своей природе сопоставима с традиционной корреспонденцией. Тем самым было подтверждено действие принципа универсального правопреемства и в отношении цифровых активов.

Наряду с цифровизацией существенное влияние на наследственные отношения оказывает фактор международной мобильности. В условиях трансграничного перемещения капитала имущественные комплексы всё чаще оказываются рассредоточенными по различным юрисдикциям, что порождает сложный комплекс коллизионных вопросов. Осложнения возникают, в частности, когда:

наследодатель является гражданином одного государства, но постоянно проживает в другом.

недвижимое имущество находится за пределами страны последнего места жительства.

корпоративные активы зарегистрированы в офшорных либо специальных правовых режимах[2].

В подобных обстоятельствах особую актуальность приобретает проблема определения применимого права, а также признания и исполнения иностранных судебных решений. Различия в регулировании обязательной доли, порядке принятия наследства и налоговых последствиях объективно увеличивают вероятность затяжных судебных конфликтов.

Параллельно трансформируется и сама структура семьи как базового субъекта наследственных правоотношений. Распространение фактических брачных союзов, повторных браков и наличие детей от различных партнёров формируют многослойные конфигурации наследственных притязаний. В отсутствие завещания это зачастую приводит к конкуренции между законными супругами, бывшими супругами, фактическими партнёрами и детьми от разных браков. Дополнительные правовые сложности возникают при использовании вспомогательных репродуктивных технологий, когда установление юридического родства требует специального доказывания.

Особое место в рассматриваемом контексте занимает специфика вступления в наследство в Российской Федерации. В соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации принятие наследства осуществляется в течение шести месяцев со дня его открытия, которым признаётся день смерти гражданина[3]. Процедура включает:

обращение к нотариусу по месту открытия наследства;

---

[1]Bundesgerichtshof (Федеральный суд Германии). Дело о наследовании аккаунта Facebook (2018). — URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=1adb5f82-e5f7-4ecc-9c68-1d98f84854e6 (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Цветкова Е. С. Особенности оформления наследственных прав на цифровые активы // Наследственное право. 2023. № 03.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подачу заявления о принятии наследства либо о выдаче свидетельства о праве на наследство;

представление документов, подтверждающих родственные отношения или иные основания наследования;

государственную регистрацию прав на недвижимое имущество.

Пропуск установленного срока может быть восстановлен в судебном порядке при наличии уважительных причин, что нередко становится предметом судебных разбирательств. Российская модель наследования, сочетая принцип свободы завещания с институтом обязательной доли, стремится обеспечить баланс между автономией воли наследодателя и социальной защитой наиболее уязвимых категорий наследников.

Дополнительное развитие правоприменительной практики обусловлено событиями, связанными с проведением специальной военной операции с 2022 года[1]. Гибель военнослужащих и иных лиц, участвующих в боевых действиях, потребовала адаптации законодательства к новым социальным реалиям. В центре общественного внимания оказался вопрос правового статуса так называемых «гражданских жён» — женщин, состоявших с погибшими в фактических брачных отношениях без государственной регистрации брака.

Традиционно российское право не приравнивает фактическое сожительство к зарегистрированному браку, вследствие чего такие лица не относятся к числу наследников по закону. Вместе с тем в условиях специальной военной операции были приняты нормы, направленные на социальную защиту фактических партнёров погибших. Законодательство допускает возможность признания факта нахождения в отношениях, аналогичных брачным, в судебном порядке для целей получения социальных выплат и компенсаций. В ряде случаев это опосредованно влияет и на имущественные права, особенно если соответствующее лицо признаётся иждивенцем умершего.

Формирующаяся судебная практика свидетельствует о более гибком подходе к оценке фактических семейных связей. При разрешении подобных дел суды учитывают:

совместное проживание и ведение общего хозяйства;

наличие общих детей;

финансовую зависимость одного из партнёров;

публичное восприятие отношений как семейных.

Хотя данные лица формально не включены в перечень наследников по закону наравне с супругами, тенденция к расширительному толкованию социальных гарантий в условиях чрезвычайных обстоятельств становится всё более заметной.

---

[1]Федеральный закон "О статусе военнослужащих" от 27.05.1998 № 76-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не менее значимым представляется экономический аспект наследования. Налоговая политика различных государств в сфере перехода имущества по наследству существенно различается, что оказывает влияние на модели наследственного планирования. В европейских странах налог на наследство нередко рассматривается как инструмент социальной политики. Так, в Германия применяется прогрессивная шкала налогообложения, при которой размер ставки зависит от степени родства между наследником и наследодателем: близкие родственники пользуются существенными льготами, тогда как дальние наследники облагаются по более высоким ставкам[1].

Российская Федерация придерживается иного подхода: специальный налог на наследство отсутствует, а переход имущества по наследству не образует самостоятельного объекта налогообложения. Тем не менее сохраняются определённые последствия, к числу которых относятся:

уплата государственной пошлины за выдачу свидетельства о праве на наследство;

налогообложение доходов при последующей реализации унаследованного имущества;

возникновение обязанностей по имущественным налогам после регистрации права собственности.

В заключение можно подчеркнуть устойчивый рост количества судебных разбирательств, которые связанны с правоотношениями в сфере наследственного права. Повышение стоимости активов, усложнение имущественных структур и высокая степень эмоциональной вовлеченности участников всё чаще приводят к оспариванию завещаний, признанию наследодателя недееспособным на момент составления распоряжений, а также к предъявлению требований о признании сделок недействительными.

[1] Erbschaftsteuer- und Schenkungsteuergesetz (Закон Германии о налоге на наследство и дарение). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/erbstg_1974/ (дата обращения 02.03.2026)

Научная статья
УДК 347.1

ПАТРОНАЖ НАД СОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕЕСПОСОБНЫМИ ГРАЖДАНАМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Маргарита Дмитриевна СОКОЛОВА
Крымский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», Симферополь, Россия
m_sokolova_m@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент, **Наталья Айдеровна АБЛЯТИПОВА,** ve_na2014@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу института патронажа в российском гражданском праве. Автором исследуется теоретические и практические аспекты правового регулирования патронажа над совершеннолетними дееспособными гражданами, которые по состоянию здоровья не способны самостоятельно осуществлять и защищать свои права. Выделяются проблемы, связанные с разграничением патронажа со смежными институтами (опека, попечительство, социальное обслуживание), а также с неоднозначностью его правовой природы. На основе анализа регионального законодательства, судебной практики делается вывод о низкой востребованности патронажа в современных условиях. Предлагаются направления реформирования института, включая принятие специализированного федерального закона и разработку типового договора.

Ключевые слова: патронаж, опека и попечительство, дееспособные граждане, органы опеки и попечительства, договор поручения, доверительное управление, социальное обслуживание

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека[1]. В современном российском правовом государстве особое внимание уделяется защите прав и интересов наиболее уязвимых категорий граждан. Одной из таких норм является патронаж, целью которого является оказание помощи дееспособным совер-

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения 30.03.2026).

шеннолетним гражданам, которые в силу физических ограничений (преимущественно в лице пожилых граждан и инвалидов) не в состоянии лично осуществлять свою правосубъектность.

Анализ правового регулирования, материалов судебной практики позволяет выделить ряд вопросов, требующих детального освещения.

Проблема определения понятия. Термин «патронаж» рассматривается во множестве значений. Например, социальный патронаж, который является безвозмездной социальной поддержкой. В контексте государственного управления и судебной системы под патронатной службой понимается институт, обеспечивающий деятельность лиц, занимающих государственный должности. Частая путаница происходит с медицинским патронажем, что является профилактическим медицинским наблюдением медработниками на дому у пациента, не имея ничего общего с договорными отношениями.

Однако, ст. 41 ГК РФ определяет патронаж совершенно в другом контексте. В литературе отмечают, что патронаж — это попечительство над совершеннолетним дееспособным гражданином, который по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности[1].

Закон г. Москвы от 14 апреля 2010 г. № 12 «Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве» закрепляет, что «патронаж — форма помощи совершеннолетнему дееспособному гражданину, который по состоянию здоровья не способен самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности[2]». Аналогичное определение патронажу дублирует, Закон г. Севастополя от 9 февраля 2015 г. № 111-ЗС «Об организации деятельности по опеке, попечительству и патронажу в городе Севастополе[3]».

Постановление Совета министров Республики Крым от 30 апреля 2015 г. № 241 закрепляет, что патронаж устанавливается в отношении совершеннолетних дееспособных лиц, нуждающихся в нем по состоянию здоровья[4].

Следовательно, представляется возможным определить патронаж, как гражданско-правовой институт, обеспечивающий помощи в осуществление

---

[1]Гражданское право. Схемы, таблицы: учебник для среднего профессионального образования / Величко Т.В.; Зинченко А. И.; Зинченко Е. А.; Свечникова И. В. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С.434.

[2]Закон г. Москвы от 14 апреля 2010 г. № 12 «Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве» от 14.04.2010 № 12. URL: // https://base.garant.ru/394732/ (дата обращения 30.03.2026).

[3]Закон г. Севастополя от 9 февраля 2015 г. № 111-ЗС «Об организации деятельности по опеке, попечительству и патронажу в городе Севастополе» от 09.02.2015 № 111-ЗС. URL: // https://base.garant.ru/23704364/ (дата обращения 30.03.2026).

[4]Постановление Совета министров Республики Крым от 30 апреля 2015 г. № 241 «Об утверждении Положения о порядке осуществления деятельности по опеке и попечительству в Республике Крым, в отношении лиц, признанных судом недееспособными или ограничено дееспособными, и дееспособности лиц, нуждающихся в патронаже по состоянию здоровья» от 30.04.2015 № 241. URL // https://base.garant.ru/23706043/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения 30.03.2026).

прав и обязанностей совершеннолетним дееспособным лицам, которые по состоянию здоровья не способны на это самостоятельно.

Проблема правового регулирования. Основная проблема заключается в том, что на федеральном уровне патронаж регламентируется лишь одной статьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)[1]. Отсутствие федерального закона, детально прописывающего процедуру установления, права и обязанности сторон, а также механизмы контроля, приводит к правовой неопределенности. Восполнять этот пробел вынуждены субъекты Российской Федерации, принимая собственные нормативные акты, что порождает неравенство прав граждан в зависимости от региона проживания.

Проблема правовой природы патронажа, как института гражданского права. Долгое время в доктрине велись споры, является ли патронаж формой попечительства или самостоятельным институтом. Отдельные авторы квалифицируют его как новую форму содействия дееспособным гражданам в реализации своих прав, не совпадающую с опекой и попечительством. Вместе с тем другие в науке гражданского права придерживаются концепции, рассматривая патронаж как разновидность попечительства. Анализ научных споров прошлых лет выявляет значительные трудности и разногласия в понимании правовой сущности патронажа, что неизбежно отражается на его практическом применении.

Тем не менее, анализ статей ГК РФ позволяет сделает вывод о невозможности отождествления указанных норм[2]. Следовательно, патронаж — это уникальный правовой механизм, отличный от опеки, попечительства и социальной помощи, несмотря на его расположение в кодексе.

Проблема разграничения с социальным институтом. Патронаж как гражданско-правовой институт имеет самостоятельную юридическую природу, отличную от социального института, он входит в систему способов обеспечения осуществления и защиты прав дееспособных граждан. Важным отличием является характер оказываемых услуг. Патронаж представляет собой юридическую или же бытовую помощь по договору. Социальный институт же представляет собой социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические, социально-трудовые услуги на безвозмездном основании.

Порядок установления. Сложность договорного оформления. Статья 41 ГК РФ предлагает использовать конструкцию договоров поручения или доверительного управления, что на практике может быть избыточным и сложным для понимания обычных граждан. Помощнику нужны не столько

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ: (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2]Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 17 мая 2018 г. по делу № 33-8430/2018. URL // https://arbitr.garant.ru/#/document/302885597/paragraph/1:0 (дата обращения 30.03.2026).

полномочия представителя для совершения сделок, сколько возможность организовать бытовую помощь, уход и поддержку.

Особенности полномочий. Согласно п. 3 ст. 41 ГК РФ помощник совершеннолетнего дееспособного гражданина должен совершать действия в интересах гражданина, который находится под патронажем. Между помощником и совершеннолетним дееспособным гражданином заключается договор поручения, договор доверительного управления имущества или иной договор. Орган опеки и попечительства обязан не только осуществлять контроль за исполнением обязанностей помощником, но и оповещать совершеннолетнего дееспособного гражданина, находящегося под патронажем, о нарушениях, которые были допущены его помощником, которые являются основанием для расторжения заключенных между ним и помощником договора поручения, договора доверительного управления его имуществом или иного договора.

Особенности прекращения. Патронаж над совершеннолетним дееспособным гражданином прекращается в связи с прекращением договора поручения, договора доверительного управления имуществом и иного договора по основаниям, предусмотренным законом или договором между ним и помощником.

Орган опеки и попечительства не вправе по своей инициативе расторгнуть договор поручения, доверительного управления имуществом или иной гражданско-правовой договор, заключаемый между сторонами патронажного правоотношения, поскольку не является стороной такого договора, хотя фактически устанавливает патронаж[1]. Это подтверждается установленной законодателем обязанности органа опеки и попечительства уведомлять гражданина, находящегося под патронажем, о нарушениях со стороны помощника, служащих основанием для расторжения договора.

Патронаж может быть приостановлен в случаях, если договор между гражданином, над которым установлен патронаж, и его помощником прекратился, но гражданин всё ещё нуждается в патронажной помощи. Сюда относятся случаи: смерть, признание ограниченно дееспособным, признание недееспособным, признание безвестно отсутствующим помощника, его просьба о сложении с него обязанностей по патронажу (в связи с состоянием здоровья, переездом, иной уважительной причиной), утрата доверия находящегося под патронажем лица в связи с осуществлением помощником определённых действий или по иной причине, относящейся к личности помощника.

Патронаж над дееспособным гражданином прекращается при наступлении ситуации, делающей его дальнейшее осуществление невозможным или бессмысленным. Ситуация, когда гражданин, находящийся под патронажем, в силу той или иной причины перестаёт

[1]Шелест А.Н Особенности прекращение патронажа в Российской Федерации // Modern science. 2020 / №. 2414-9918. С. 224-227

нуждаться (считать, что нуждается) в патронажной помощи. Во-первых, утрата правового статуса, позволяющего находиться под патронажем: признание гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, что влечет замену патронажа на опеку или попечительство. Во-вторых, прекращение существования одной из сторон патронажного правоотношения: смерть подопечного или признание его безвестно отсутствующим. В-третьих, обстоятельства, связанные с волеизъявлением гражданина: отказ от услуг помощника вместе с отказом от предоставления нового помощника (отказ от патронажа). Стоит отметить, что в данном случае, не имеет значения какие побуждения вызвали желание гражданина прекратить отношения по патронажу.

Проблемы на уровне субъектов РФ и в работе органов опеки. Региональное нормотворчество не всегда безупречно и иногда выходит за рамки, установленные ГК РФ. Например, Ульяновским областным судом рассматривалось дело о признании недействующими пунктов регионального Положения о патронаже, которые, по мнению заявителя, неправомерно ограничивали его права. Хотя Верховный суд РФ в итоге подтвердил право регионов устанавливать порядок подачи заявлений и перечень документов, сам факт спора указывает на сложность разграничения полномочий[1].

Кроме того, сотрудники органов опеки на местах часто не видят принципиальной разницы между попечительством и патронажем, пытаясь применять к патронажу нормы, предназначенные для опеки. Это искажает саму суть института, основанного на самостоятельном волеизъявлении дееспособного гражданина.

Анализ практики применения патронажа приводит к неоднозначным выводам. С одной стороны, сам факт сохранения статьи в ГК РФ и интерес к нему говорит о том, что общественный запрос на такой институт существует. Многие пожилые люди и инвалиды, сохраняющие ясный ум и дееспособность, хотели бы получать помощь, не теряя при этом самостоятельности и не переходя под опеку. Патронаж, основанный на доверии и договоре, видится идеальной моделью для таких случаев. С другой стороны, количество реально установленных патронатов невелико. Сложная и неопределенная процедура, отсутствие информации у населения, непонимание со стороны чиновников — всё это делает патронаж мало востребованным на практике. Люди, нуждающиеся в уходе, чаще выбирают либо неформальную помощь родственников, либо оформляют ренту или завещание, либо полагаются на государственное социальное обслуживание.

Таким образом, институт патронажа, безусловно, целесообразен, так как заполняет важную нишу между полной самостоятельностью и ограничением дееспособности. Однако в текущем виде он является скорее

[1]Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 июня 2010 г. N 80-Г10-10. URL // https://clck.ru/3SuZZF (дата обращения 30.03.2026) https://clck.ru/3SuZZF.

потенциальной, чем реально действующей моделью. Его существование оправдано лишь в контексте перспективы серьезного реформирования. Без принятия детализированного федерального закона, который сделает процедуру понятной и доступной, патронаж так и останется «спящим» институтом, ценность которого признается в теории, но редко реализуется на практике.

Для того чтобы патронаж стал реально работающим и востребованным инструментом, необходимо его реформирование, направленное на:

– принятие специального федерального закона. Закон должен установить единые для всей страны стандарты: четкий порядок установления патронажа, права и обязанности помощника и подопечного, механизмы контроля со стороны государства, а также меры социальной поддержки помощников;

– введение единого понятийного аппарата. Это устранит разночтения как в теории, так и на практике;

– разработка типового договора;

– четкое разграничение с социальным обслуживанием. Важно определить место патронажа в системе социальной помощи. Патронаж не должен подменять собой социальное обслуживание на дому, предоставляемое государственными учреждениями. Скорее, он может рассматриваться как альтернатива или дополнение к нему, основанная на договорных отношениях с конкретным помощником.

Научная статья
УДК 347.2/.3

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ В РОССИИ

Сабрина Абдусаломовна ТАЛБИЕВА
Российская государственная академия интеллектуальной собственности
Москва, Россия, mtalbiyev1@bk.ru

Научный руководитель доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, **Владислав Викторович ГРУЗДЕВ,** gruzvlad@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации правового регулирования самовольных построек в Российской Федерации под влиянием конституционных принципов защиты собственности. На основе анализа Постановления Конституционного Суда РФ № 13—П от 16.03.2023 и сложившейся судебной практики выявляются ключевые противоречия между доктриной и правоприменением. Особое внимание уделяется

проблеме внесудебного сноса самовольных построек (глава 6.1 ГрК РФ), которая вступает в конфликт с конституционным принципом лишения имущества только по решению суда. В статье обосновывается необходимость внедрения принципа пропорциональности в статью 222 Гражданского кодекса РФ, предлагаются механизмы замены сноса на компенсационные выплаты, разграничение технических и юридических самовольных построек, а также введение института «допустимой погрешности реконструкции». Исследование опирается на анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ № 44 (2019) и актуальной судебной практики.

Ключевые слова: самовольная постройка, статья 222 ГК РФ, снос, компенсация, пропорциональность, Конституционный Суд РФ, внесудебный снос, защита собственности, реконструкция, добросовестность застройщика

Институт самовольной постройки, закрепленный в статье 222 Гражданского кодекса Российской Федерации, традиционно выступает одним из наиболее конфликтных механизмов в системе российского гражданского права. Длительное время правоприменительная практика следовала формальному подходу: наличие признаков самовольности (отсутствие разрешения, нарушение целевого назначения земельного участка) влекло безусловный снос объекта, даже если он соответствовал всем техническим и градостроительным нормам. Однако в последние годы под влиянием конституционных принципов защиты собственности, в том числе выраженных в Постановлении Конституционного Суда РФ № 13-П от 16.03.2023, происходит постепенная эволюция подходов: от абсолютной санкции в виде сноса к поиску баланса публичных и частных интересов, вплоть до возможности замены сноса компенсационными выплатами.

Цель настоящей статьи — выявить основные направления этой эволюции, проанализировать сохраняющиеся противоречия между доктриной и судебной практикой, а также предложить пути реформирования законодательства в соответствии с принципом пропорциональности.

Конституция Российской Федерации в статье 35 устанавливает фундаментальные гарантии защиты права частной собственности: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда»[1]. Этот принцип вступает в очевидное противоречие с механизмом внесудебного сноса самовольных построек, предусмотренным главой 6.1 Градостроительного кодекса РФ и пунктом 4 статьи 222 ГК РФ.

Конституционный Суд РФ в Определении № 1748-О от 27 сентября 2016 года, рассматривая запрос депутатов Государственной Думы о проверке конституционности внесудебного порядка сноса, занял компро-

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.

миссную позицию. Суд указал, что «закрепленные в статье 35 Конституции РФ гарантии права собственности предоставляются лишь в отношении права, возникшего на законных основаниях». Более того, КС подчеркнул, что сам по себе факт государственной регистрации права на объект, обладающий признаками самовольной постройки, «не исключает возможности принятия уполномоченным органом решения об их сносе»[1].

Однако уже в Постановлении № 48-П от 9 ноября 2022 года Конституционный Суд существенно скорректировал свою позицию. Рассматривая дело о возможности отмены разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, КС указал, что с момента государственной регистрации права собственности на здание местные власти утрачивают право отменять ранее выданные разрешения, влекущие признание постройки самовольной. Суд подчеркнул, что снос дома в подобном случае «означал бы лишение жилья добросовестных собственников», что недопустимо с точки зрения конституционных гарантий[2].

Ключевым этапом эволюции стало Постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 16.03.2023, в котором были сформулированы новые подходы: необходимость учета добросовестности застройщика, отсутствие нарушения прав третьих лиц, а также требование пропорциональности применяемой меры (сноса) характеру допущенного нарушения[3]. Именно это постановление создало доктринальную основу для перехода от абсолютного сноса к компенсационным механизмам.

Длительное время в судебной практике господствовал формальный подход: если объект возведен без разрешения на строительство, он подлежит сносу независимо от его соответствия градостроительным и строительным нормам. Исключение составляли случаи, когда иск о сносе предъявлялся публичным образованием, и даже тогда суды не всегда исследовали вопрос о добросовестности застройщика.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 44 от 12.12.2019 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о самовольных постройках» (далее — Пленум № 44) внесло важные уточнения. В пункте 12 Пленума разъяснено, что отсутствие разрешения на строительство само по себе не является безусловным основанием для сноса, если постройка соответствует параметрам,

---

[1]Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.2023 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.В. Беспаловой» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

установленным правилами землепользования и застройки, и не нарушает права третьих лиц[1]. Однако на практике этот подход реализуется непоследовательно: суды часто отказывают в легализации, ссылаясь на формальные нарушения процедуры.

Наиболее острым остается противоречие между конституционным принципом судебного порядка лишения имущества и механизмом внесудебного сноса самовольных построек (глава 6.1 ГрК РФ, п. 4 ст. 222 ГК РФ[2]). Согласно действующему регулированию, органы местного самоуправления вправе принимать решения о сносе объектов, расположенных на территориях общего пользования, в полосах отвода инженерных сетей или в зонах с особыми условиями использования территории. Конституционный Суд в Определении № 1748-О признал этот механизм не противоречащим Конституции, указав на возможность судебного обжалования решения о сносе. Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, «право суда приостановить действие решения о сносе делает этот способ защиты почти нереальным, так как статистика применения таких мер обеспечительного характера совсем не в пользу частных лиц»[3]. Более того, в ряде регионов сложилась практика, когда снос осуществляется до истечения срока на обжалование, что фактически лишает лицо права на судебную защиту.

Особую сложность представляет квалификация объектов, созданных в результате реконструкции ранее законного здания. Судебная практика идет по пути признания результата реконструкции новой самовольной постройкой, если в ходе работ изменены параметры объекта (этажность, площадь, конфигурация) и допущены нарушения отступов от красных линий или иных градостроительных ограничений. При этом суды нередко принимают решение о сносе всего здания целиком, включая ту его часть, которая существовала до реконструкции и была законной. Такой подход противоречит принципу пропорциональности и не учитывает возможность сохранения здания в части, не нарушающей установленных ограничений. Пленум № 44 в пункте 26 разъяснил, что при реконструкции, приведшей к созданию нового объекта, сносу подлежит только самовольная пристройка (часть), если она может быть отделена от основного здания без несоразмерного ущерба[4]. Однако на практике этот критерий применяется

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2019 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о самовольных постройках» // Российская газета. 2019. № 286.

[2]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3]Надмитов А., Ерохин М. Законность сноса самовольных построек в административном порядке // Legal Insight. 2016. № 2.

[4]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2019 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о самовольных постройках» // Российская газета. 2019. № 286.

редко, а экспертные заключения о возможности разделения объекта не всегда запрашиваются судами.

Преодоление обозначенных противоречий требует системного пересмотра подходов к регулированию самовольного строительства. Представляется, что ключевым направлением реформы должно стать внедрение в статью 222 ГК РФ принципа пропорциональности (баланса интересов) как основного критерия при решении вопроса о сносе или сохранении постройки. Наиболее радикальным, но в то же время наиболее отвечающим конституционному принципу пропорциональности является предложение о возможности замены сноса самовольной постройки на выплату компенсации:

компенсация публичному образованию — за нарушение процедуры получения разрешения на строительство или использование земельного участка не по целевому назначению. Размер компенсации может определяться как кратная ставка арендной платы за период незаконного использования;

компенсация соседям — за нарушение сервитутов (инсоляции, обзора, доступа к инженерным сетям), если постройка не подлежит сносу по техническим причинам;

Основаниями для применения компенсационной модели могут служить:

экономическая нецелесообразность сноса (стоимость сноса превышает стоимость самого объекта);

техническая невозможность сноса без создания угрозы для смежных конструкций (например, при блокированной застройке);

добросовестность застройщика, полагавшегося на разрешительную документацию (даже впоследствии отмененную) — в случае, если собственник не знал или не мог знать о нарушении установленных законом ограничений использования земельного участка (например, при постройке на нем сооружения или здания)

В качестве позитивного примера можно привести практику Конституционного Суда по делу о сносе дома со встроенным кафе, где суд указал на недопустимость лишения жилья добросовестных собственников, приобретших объект после получения разрешения на ввод в эксплуатацию[1].

Представляется необходимым законодательное разграничение двух категорий самовольных построек с принципиально разными правовыми последствиями.

Технически самовольные постройки — объекты, возведенные с нарушением градостроительных и строительных норм, но признанные

[1]Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

безопасными по результатам экспертизы. В отношении таких объектов снос не должен применяться; единственно возможным последствием является легализация через суд с обязательным назначением судебной строительно-технической экспертизы. Если экспертиза подтверждает безопасность объекта и отсутствие нарушений прав третьих лиц, суд обязан признать право собственности, даже при отсутствии разрешения на строительство.

Юридически самовольные постройки — объекты, возведенные на земельном участке, не принадлежащем застройщику на праве собственности, аренды или ином законном титуле. В отношении таких объектов снос остается возможным, но исключительно по решению суда. При этом суду должно быть предоставлено право предоставить отсрочку сноса для оформления прав на земельный участок, если участок может быть предоставлен застройщику в установленном порядке приватизации ранее арендованного участка). Такой подход соответствует правовой позиции, сформулированной в Определении Конституционного Суда № 1748-О, согласно которой право собственности на самовольную постройку может быть признано «если сохранение этого строения не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан и направлено на обеспечение баланса публичных и частных интересов»[1].

Отдельного внимания заслуживает проблема реконструкции, в результате которой изменяются параметры объекта, но не создается новый объект в понимании гражданского законодательства.

Предлагается ввести в Градостроительный кодекс РФ понятие «допустимой погрешности реконструкции» — не более 5—10 % от исходных параметров объекта (площади, высоты, количества этажей), при превышении которой не требуется получение нового разрешения на строительство. Вместо этого должен применяться уведомительный порядок: застройщик направляет в уполномоченный орган уведомление о завершении реконструкции с приложением технического плана. Если реконструкция осуществлена в пределах допустимой погрешности, объект не может быть квалифицирован как самовольная постройка. Если же параметры превышены, но объект безопасен и не нарушает прав третьих лиц, сохранение объекта должно осуществляться через суд с возможностью взыскания компенсации за нарушение процедуры. Такой подход позволит избежать ситуаций, когда незначительное отступление от проектной документации (например, увеличение площади мансарды на 2—3 %) влечет признание всего здания самовольной постройкой и угрозу сноса.

[1]Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых тенденций в развитии института самовольной постройки.

Первая тенденция — постепенное признание судами необходимости учета добросовестности застройщика. Постановление Пленума № 44 закрепило, что при решении вопроса о сносе суд должен учитывать, предпринимало ли лицо меры для получения разрешения на строительство, а также наличие судебных актов о признании права собственности на объект (случае, если такое лицо обращалось за выдачей разрешения на строительство лишь для вида, действуя в обход закона), суд вправе отказать в признании права собственности на самовольную постройку). В этом контексте показательно Определение Конституционного Суда № 1748-О, где Суд отметил, что решение о сносе не может приниматься по мотивам и доводам, которые были ранее отклонены судом[1].

Вторая тенденция — сужение сферы применения внесудебного сноса. Несмотря на формальное сохранение этого механизма в законодательстве, Конституционный Суд в Постановлении № 48-П фактически ограничил его действие, указав на недопустимость отмены разрешений на ввод в эксплуатацию после регистрации права собственност[2]. В судебной практике также сформировался подход, согласно которому принудительный снос возможен только по решению суда, а административный порядок применяется лишь в случаях, когда лицо, осуществившее постройку, не выявлено.

Третья тенденция — усиление роли экспертных заключений при разрешении споров о самовольных постройках. Судебная строительно-техническая экспертиза становится обязательным элементом доказывания, особенно при рассмотрении вопросов о безопасности объекта и возможности его сохранения. Однако сохраняется проблема качества экспертиз и их зависимости от позиции заказчика.

Эволюция института самовольной постройки в России демонстрирует движение от формального подхода, основанного на безусловном сносе объектов, возведенных с нарушением процедурных требований, к поиску баланса публичных и частных интересов, закрепленного в конституционных принципах защиты собственности. Постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 16.03.2023 и Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 44 от 12.12.2019 создали необходимую доктринальную основу для внедрения принципа пропорциональности в правоприменительную

[1]Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2022 № 48-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

практику. Однако сохраняющиеся противоречия между действующим законодательством (в частности, механизмом внесудебного сноса) и позицией высших судебных инстанций требуют системных законодательных изменений. Предлагаемые направления реформы — введение компенсационной модели, разграничение технически и юридически самовольных построек, легализация реконструкции в пределах допустимой погрешности — позволят реализовать конституционный принцип о том, что лишение имущества возможно только по решению суда и при условии соразмерности применяемой меры характеру нарушения. Ключевым критерием при решении вопроса о судьбе самовольной постройки должна стать не формальная оценка наличия разрешительной документации, а реальная угроза, которую объект создает для жизни и здоровья граждан, а также степень нарушения прав третьих лиц. Именно такой подход соответствует конституционным принципам защиты собственности и обеспечивает баланс интересов личности, общества и государства.

Научная статья
УДК 347.158

ТЕОРЕТИКО—ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УСЛОВНОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ЗАЧАТОГО РЕБЕНКА

Виктория Ентековна ТЕН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»
vika.ten.0505@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Алексеевич МАКСИМОВ,** maximovva@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема определения момента возникновения правоспособности физического лица в российском праве. Анализируются положения статьи 17 Конституции РФ и статьи 17 Гражданского кодекса РФ, а также практика их толкования, включая правовые позиции Конституционного Суда РФ. Рассматриваются доктринальные подходы к определению начала человеческой жизни и возможности признания правовой защиты интересов лица до его рождения.

Обосновывается концепция условной правоспособности зачатого, но не родившегося ребенка как правовая фикция, направленная на обеспечение баланса между интересами потенциального субъекта права и другими участниками гражданских правоотношений. Делается вывод о необходимости совершенствования статьи 17 ГК РФ путем закрепления положений об условной правоспособности, что позволит обеспечить более полную и последовательную защиту прав и законных интересов ребенка, в том числе в сфере деликтных обязательств.

Ключевые слова: правоспособность, условная правоспособность, субъект права, насцитурус, эмбрион, момент рождения, защита прав ребенка, конституционные права и свободы, правовая фикция

Необходимым условием для становления субъектом права является наличие правоспособности. Под правоспособностью следует понимать возможность быть носителем прав и обязанностей[1]. В настоящее время большинство стран признают правоспособными всех граждан независимо от каких-либо объективных признаков: пола, расы, цвета кожи, происхождения и пр. Однако единых международных норм, определяющих момент начала охраны прав и свобод человека и гражданина, не установлено, этот вопрос решается на уровне национального законодательства каждым государством по своему усмотрению. В соответствии с Конституцией Российской Федерации основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17)[2], применительно к гражданскому праву п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса РФ[3] (далее — ГК РФ), уточняет, что правоспособность лица возникает в момент рождения. При сопоставлении содержания указанных норм можно выделить несколько проблем.

Во-первых, поскольку в гражданском законодательстве отсутствует понятие «момента рождения», для толкования нормы обращаются к приказу Минздравсоцразвития России № 1687н[4]. Таким образом, рождением с медицинской точки зрения является момент отделения плода от организма матери посредством родов. Также ребенок должен соответствовать

[1] Честнов И. Л. Теория государства и права : учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И. Л. Честнов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 94.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: текст с изм. и доп. на 31 июля 2025 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2026).

[4] Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс (дата обращения: 20.03.2026).

определенным параметрам при рождении: срок беременности не менее 22 недель или масса тела ребенка при рождении не менее 500 грамм, или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, длина тела ребенка при рождении менее 25 см — при продолжительности жизни более 168 часов после рождения (7 суток). По своей сути этот нормативный акт является административным, предназначенным для медицинских целей, поэтому, как нам представляется, использовать его для решения важнейшего вопроса, связанного с правоспособностью лица является не совсем корректным.

Кроме того, как утверждает Е. А. Кириллова, рождение — это не одномоментный акт, а длительный процесс, каждый отрезок времени которого можно расценивать как свидетельство появления человека и начала человеческого существования[1]. Так, еще до полного отделения плода от организма матери, в процессе родовспоможения, ввиду халатности медицинских работников или использования запрещенной методики родов ребенку может быть причинен определенный вред здоровью. Вследствие этого, нередко возникают споры о возмещении вреда здоровью не только в пользу роженицы, но и новорожденного, который в момент причинения вреда формально еще не являлся субъектом права. На сегодняшний день судебная практика допускает удовлетворение исков о компенсации морального вреда, поданных в защиту прав детей, которым была нанесена родовая травма, повлекшая инвалидность[2].

Во-вторых, существенный вклад в толкование статьи 17 ГК РФ был внесен Конституционным Судом РФ. В постановлении от 07.03.2023 № 3-П он признал норму права конституционной, но разъяснил, что возникновение прав лица не должно быть связано только с моментом рождения: «положение пункта 2 статьи 17 этого Кодекса о возникновении правоспособности в момент рождения не предрешает, какие именно субъективные права возникают на основе правоспособности как предпосылки правообладания, приобретенной в момент рождения <...> не предполагает его применения в качестве основания для отказа в реализации субъективного права ребенка, родившегося после смерти отца, требовать компенсации морального вреда, связанного с нарушением его личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, принадлежащих ему от рождения или в силу закона, неотчуждаемых и непередаваемых»[3]. Из

[1] Кириллова Е. А. Концепция условной правоспособности зачатого ребенка: гражданско-правовой аспект / Е. А. Кириллова // Научные достижения и открытия 2017 : сборник статей победителей II Международного научно-практического конкурса, Пенза, 05 мая 2017 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017.С. 103.

[2]Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 8 окт. 2020 г. по делу № 88-6104/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2026).

[3]Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 N 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

анализа судебного решения следует, что ущемление прав лица на компенсацию морального вреда на основании момента рождения недопустимо. Независимо от того, в какой момент было нарушено право ребенка на воспитание в семье, данный факт будет причинять ему морально-нравственные страдания, а отсутствие родителя отразиться на всей дальнейшей жизни.

Обозначенные проблемы приводят к выводу о том, что лицо может нуждаться в правовой защите еще до отделения плода от тела матери. Для решения поставленного вопроса предлагается изменить юридический факт, с которым закон связывает возникновение прав.

Так, ряд цивилистов считает, что возникновение правоспособности должно быть сопряжено с определенным этапом развития эмбриона внутри матери. Вопрос о том, в какой момент плод считать новой жизнью, имеет сложную этико-правовую природу, а потому активно обсуждается в доктрине. Е. А. Останиной приводится целый ряд возможных позиций относительно момента возникновения жизни человека — от оплодотворения и имплантации до формирования нервной системы и достижения жизнеспособности, каждая из которых имеет собственное философское и научное обоснование[1]. Выделить какой-то один этап внутриутробного развития, после которого плод однозначно можно считать живым существом, не представляется возможным.

Представители другой точки зрения предлагают посредством фикции признать за нерожденным ребенком наличие условной правоспособности с момента зачатия под условием последующего живорождения. Уже до рождения существует состояние лица, которое становится частью правовой реальности, если ребенок появляется на свет. Корнями данная позиция уходит в римское право – Павел писал: «Кто находится во чреве, охраняется, как если бы он находился среди людей, в случае если дело идет о выгодах самого плода, однако до его рождения никому другому никакой выгоды не будет» (D.1.5.7).

Концепция условной правоспособности позволяет соблюсти баланс между интересами потенциального субъекта с реальными участниками гражданских правоотношений. Безусловное признание эмбриона в качестве правоспособного лица не представляется целесообразным, поскольку, как отмечает Д. А. Белова, признание эмбриона полностью правоспособным с момента зачатия может поставить под вопрос законность искусственного прерывания беременности[2]. По нашему мнению, право на жизнь уже

гражданки М.В. Григорьевой» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2026).

[1] Останина Е.А. Событие рождения и его гражданско-правовые последствия //Право. Журнал Высшей школы экономики.2024. №. 4. С. 136-160.

[2] Белова Д. А. Правовая природа эмбриона in vitro // Lex Russica. 2019. № 6 (151). С. 127.

родившегося человека должны быть приоритетным по отношению к праву на жизнь эмбриона. В этой связи мы согласны с позицией В.В. Груздева, согласно которой данный принцип конститутивен и «лежит в основе всей системы права, так как последнее, по точному выражению римлян, «существует для людей»[1].

Конструкция условной правоспособности встречается в правовых системах ряда государств. В Венгрии ребенок признается правоспособным с момента зачатия, если родится живым (Гражданский кодекс Венгрии 1977 г.). Гражданское законодательство Израиля признает потерпевшим по деликту не только родившегося ребенка, но и человеческий эмбрион (ст. 2 Ордонанса о возмещении вреда). Конституции Ирландии, Словакии и Чехии признают право на жизнь человека еще до его рождения, то есть с момента зачатия[2]. Фрагментарно элементы такого регулирования уже отражены в положениях российского законодательства о наследстве (ст. 1116 ГК РФ) и о возмещении вреда по потере кормильца (ст. 1088 ГК РФ), однако, как нами уже было описано раннее, такой подход не позволяет обеспечить должную защиту нарушенных прав. Представляется, что наибольшую пользу учение об условной правоспособности способно принести для разрешения споров о деликтах.

Следует отметить, что понятие «условной правоспособности» не тождественно «ограниченной» или «частичной», как утверждают некоторые авторы в своих работах[3]. В сущности, у нерожденного ребенка ограничивать еще нечего: до наступления юридического факта рождения он не является субъектом права, так как лицо именно переходит из состояния потенциального в действительность после наступления юридического факта в виде рождения. Такой же позиции придерживается Я. К. Чепенко, отмечая, что «правосубъектность человека до рождения находится в потенциальном и зарезервированном состоянии»[4]. В этой связи дореволюционным цивилистом В. В. Ефимовым было предложено следующее разграничение правоспособности: до рождения — условная правоспособность, после рождения – безусловная[5].

---

[1] Груздев В. В. Гражданско-правовой статус *nasciturus* и проблема определения момента возникновения лица / В. В. Груздев // Lex Russica (Русский закон). 2007. Т. 66, № 4. С. 671—682.

[2] Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. Москва : НОРМА, 2001. Т. 1. 824 с.

[3] Михайличенко С. И. Развитие законодательства об ответственности за искусственное прерывание беременности и историко-правовой аспект конституционного права на жизнь эмбриона человека / С. И. Михайличенко, Н. К. Рудый // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 24—29.

[4] Чепенко Я. К. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу возникновении правоспособности гражданина в момент рождения / Я. К. Чепенко // Криминалистъ. 2023. № 3(44). С. 137.

[5] Ефимов В. В. Догма римского права. Общая часть : лекции профессора В. В. Ефимова. / В. В. Ефимов. Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1893. С. 48.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существующее позитивное регулирование возникновения правоспособности физического лица, не охватывает все многообразие отношений, в которых могут быть затронуты интересы лица до момента рождения. Толкование статьи 17 ГК РФ должно происходить в системе с нормой статьи 17 Конституции РФ, признающей права и свободы человека и гражданина неотчуждаемыми. Ограничение возникновения правоспособности моментом рождения не соответствует представлениям о необходимости всесторонней правовой охраны человеческой жизни на всех этапах ее развития. Иное толкование является дискриминирующим, поскольку ставит субъектов в неравное положение по объективному признаку, что является недопустимым. Тем более, что в соответствии с положениями Декларации защиты прав ребенка ребенок нуждается в правовой защите как до, так и после рождения[1]. Представляется необходимым дополнить норму статьи 17 ГК РФ положениями об условной правоспособности зачатого, но еще не родившегося ребенка, что создаст устойчивый правовой механизм для восстановления нарушенных прав.

[1]Декларация прав ребенка [принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН] // Права и свободы личности : [сборник] / Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита». Москва, 1995. Вып. 11. С. 191—194.

VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА (ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС)

Научная статья
УДК 347.9

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Анастасия Андреевна АНИКИНА
Тульский государственный университет, Тула, Россия
nastya.anikina.2005@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Юлия Львовна ДЯБЛОВА**, d.u.l@list.ru

Аннотация. В рамках данной статьи проведен всесторонний анализ основополагающих аспектов судебной защиты прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве. Особое внимание было уделено роли законных представителей, институту опеки и попечительства, а также прокурорского надзора при рассмотрении гражданских споров с участием детей. Одновременно с этим, в исследовании выделены и рассмотрены актуальные проблемы, затрудняющие полноценное вовлечение несовершеннолетних в гражданский процесс.

Ключевые слова: судебная защита, несовершеннолетний, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, дееспособность

В настоящее время проблема процессуального статуса несовершеннолетних в гражданском процессуальном праве является особенно актуальной, поскольку дети выступают специфическим субъектом правоотношений. Эта специфика обусловлена комплексом факторов, включая возраст ребенка, необходимость участия законных представителей, которые обеспечивают реализацию прав и законных интересов несовершеннолетних, ввиду того, что их процессуальная дееспособность является неполной. Примечательно, что, в то время как правовое положение несовершеннолетних участников подробно изучено в уголовном процессе, их гражданский процессуальный статус остается малоразработанным в отечественной доктрине. Это делает тему исследования теоретически важной и требующей дальнейшего научного осмысления.

Значение института защиты прав несовершеннолетних для современного российского общества подтверждается масштабными государственными инициативами. Так, в 2023 г. была утверждена Стратегия

комплексной безопасности детей в Российской Федерации до 2030 года[1]. Также указом Президента РФ период 2018—2027 гг. объявлен Десятилетием детства[2]. В рамках этой инициативы Правительство РФ реализует план мероприятий, направленный на эффективную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних и оказание своевременной помощи детям и родителям.

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ, каждому гарантируется право на судебную защиту его прав и свобод. Этот конституционный принцип провозглашает одинаковую возможность доступа всех субъектов права, включая несовершеннолетних, к системе судебной защиты. В настоящем исследовании конституционное право на судебную защиту рассматривается, как институциональный механизм государственного обеспечения прав и свобод человека, функционирующий через систему органов правосудия.

После детального рассмотрения содержания конституционного права на судебную защиту, представляется целесообразным проанализировать особенности его применения в отношении несовершеннолетних в рамках гражданского процесса. В современной юридической науке данный институт характеризуется многоаспектным подходом. Е. В. Лапшова под судебной защитой гражданских и семейных прав и интересов ребёнка понимает «осуществляемую в порядке гражданского судопроизводства и основанную на конституционных принципах, принципах гражданского, семейного права, гражданского процессуального права, а также моральных принципах деятельность судов, направленную на восстановление (признание) нарушенных (оспоренных) гражданских прав и интересов ребёнка, посредством применения предусмотренных гражданским и семейным законодательством способов защиты»[3]. Такой подход наглядно демонстрирует, что судебная защита в гражданском процессе объединяет в себе не только строго процессуальные алгоритмы, но и весь спектр материально правовых и морально-этических начал.

Защита прав и интересов несовершеннолетних в гражданском процессе, равно как и осуществление правосудия с их участием, происходит в судах общей юрисдикции и обладает рядом особенностей.

Н. И. Алексеева выделяет следующие черты института судебной защиты в гражданском судопроизводстве:

1) судебная защита прав и интересов несовершеннолетних осуществляется законными представителями;

---

[1] Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2023 г., № 21, ст. 3696.

[2]Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017 г., № 23, ст. 3309.

[3]Лапшова Е. В. Судебная защита как один из способов защиты прав и интересов ребёнка // Вестник Московского университета МВД России, 2010. № 12. С. 104.

2) законодательством установлена возможность непосредственного обращения за защитой своих прав и интересов в суд (гражданско-процессуальная дееспособность регламентирована ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации);

3) предусмотрено назначение представителя органами опеки и попечительства в случаях, когда интересы родителей расходятся с интересами ребёнка (п. 2 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации);

4) несовершеннолетний имеет право быть заслушанным в ходе судебного разбирательства;

5) регламентировано обязательное привлечение к участию в деле органов опеки и попечительства, а также несовершеннолетнего по достижении им 14 лет[1].

В рамках доктрины гражданского процессуального права помимо привычного участия законных представителей и органов опеки и попечительства, правоведы также признают роль прокурора как ключевого субъекта в обеспечении прав и законных интересов детей в судебных инстанциях.

Ю. Н. Авдонина отмечает, что современности «наиболее эффективным правовым средством осуществления защиты прав и свобод человека и гражданина является обращение прокурора в суд с заявлением (иском), поскольку именно судебное решение гарантирует применение мер государственного принуждения для реального восстановления нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов несовершеннолетних»[2]. Эта точка зрения представляется неоспоримой, что подтверждается статистическими данными Генеральной Прокуратуры РФ. Согласно информации ведомства, ежегодно органами прокуратуры инициируется около 50 тысяч судебных обращений в интересах несовершеннолетних, при этом примерно 85 % соответствующих исков удовлетворяются судом[3].

Ещё одна важная особенность защиты прав несовершеннолетних граждан закреплена в Минимальных стандартных правилах Организации Объединённых Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)[4]. В соответствии с указанным международным актом, вектором защиты прав несовершеннолетних выступает соблюдение конфиденциальности судебного процесса. Данный подход обязывает суд исключать публичность при рассмотрении дел, затрагивающих частную жизнь несовершеннолетних, для предотвращения

[1]Алексеева Н. И. Судебная защита прав несовершеннолетних в России: проблемные аспекты и перспективы развития // Образование и право, 2022. № 5. С. 246.

[2]Авдонина Ю. Н. Особенности субъективного состава по делам о защите прав несовершеннолетних в гражданском процессе: постановка проблемы // Вестник гражданского процесса, 2022. № 6. С. 212.

[3]Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/ (дата обращения: 15.03.2026).

[4]Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.). URL: https://www.un.org/ru/document/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

их стигматизации. Практическая реализация данного принципа достигается путём проведения закрытых судебных слушаний и деперсонализации итоговых судебных актов, что минимизирует риск психологическое давление и обеспечивает условия для полноценной интеграции ребёнка в общество.

В современных условиях наблюдается активное развитие и совершенствование судебного порядка защиты прав несовершеннолетних. Трансформация судебной защиты детей характеризуется переходом к ювенально-ориентированной модели правосудия. Это проявляется в расширении процессуальной правосубъектности детей, внедрении специализированных технологий и создании профильных судебных составов. Подобная модернизация не только адаптирует процесс под психовозрастные особенности ребёнка, но и обеспечивает имплементацию международных стандартов в национальную правовую систему.

Также анализ действующего законодательства и сложившейся судебной практики показывает, что, несмотря на существование специальных норм по защите прав несовершеннолетних в гражданском процессе, остаётся нерешённым ряд проблем.

Во-первых, по мнению Е. Т. Барбакадзе, это «возможность реализации несовершеннолетними права на представителя, поскольку для его допуска в процесс необходимо выдать доверенность, которую можно рассматривать как гражданско-правовую сделку или как гражданское процессуальное действие. Для признания судебной доверенности гражданско-правовой сделкой необходимо учитывать, что в данном случае несовершеннолетний должен иметь определенную степень гражданской дееспособности. Так, несовершеннолетний в силу ст. 26 ГК РФ может заключить возмездный или безвозмездный договор на оказание юридических услуг, а также договор поручения»[1].

Реализация несовершеннолетними указанного выше субъективного права на практике нередко сталкивается с рядом ограничений: недостаточная зрелость несовершеннолетних для осознанного выбора представителя, риск злоупотребления со стороны третьих лиц, необходимость оценки судом действительности доверенности с учетом баланса интересов ребенка и требований действующего законодательства.

Несмотря на наличие нормативно закрепленных предпосылок для самостоятельного привлечения несовершеннолетним представителя, эффективная реализация данного права объективно требует обязательного сопряжения с институтами законного представительства и судебного контроля. Такая верификация выступает гарантией аутентичности волеизъявления ребёнка и превенцией ущемления его законных интересов.

[1]Барбакадзе Е. Т. Несовершеннолетние лица как участники гражданского процесса // Вопросы экономики и права, 2018. № 5 (119). С. 26.

Во-вторых, «законодательством не урегулировано обстоятельство, когда выяснение мнения несовершеннолетних является обязательным, однако органы опеки и попечительства могут счесть, что личное участие несовершеннолетнего в судебном разбирательстве негативно скажется на ребёнке»[1]. Так, в законодательстве нет четких критериев обязательного выяснения мнения несовершеннолетних в судебном процессе, что создает правовую неопределенность. С одной стороны, данный принцип закреплен на национальном уровне, в ст. 57 Семейного кодекса РФ, и на международном уровне, в Конвенции о правах ребенка, и предполагает обеспечение участия несовершеннолетнего в судебных разбирательствах, затрагивающих его права и законные интересы. С другой стороны, приоритетом является охрана психоэмоционального благополучия несовершеннолетнего, вследствие чего органы опеки и попечительства либо суд вправе ограничить его личное участие в процессе, если оно способно нанести вред его психическому состоянию.

В результате решения принимаются на основе дискреционных полномочий, что ведёт к рискам неоднородного правоприменения и противоречивой судебной практике из-за отсутствия унифицированного подхода.

Для минимизации указанных рисков необходимо нормативно закрепить объективные критерии определения допустимости и оптимальной формы выяснения мнения несовершеннолетнего с учётом совокупности обстоятельств дела. К числу таких критериев следует отнести: возраст несовершеннолетнего, его психоэмоциональную зрелость, специфику рассматриваемого спора, а также наличие альтернативных способов фиксации и представления мнения несовершеннолетнего, например, посредством опроса с участием психолога. Это позволит обеспечить баланс между процессуальными гарантиями прав несовершеннолетних и требованиями их комплексной защиты.

Таким образом, эффективность гражданско-процессуальной защиты несовершеннолетних обусловлена совокупностью общих и специальных гарантий, адаптированных к возрастной психологии, при активном участии органов опеки и попечительства и иных компетентных органов. Стратегическим приоритетом остаётся формирование такой процессуальной среды, которая гарантирует ребёнку реальный доступ к механизмам судебного восстановления нарушенных прав.

[1]Пастухова С. С. Некоторые проблемы участия несовершеннолетних в гражданском процессе // Вестник СГЮА, 2023. № 3 (152). С. 184.

Научная статья
УДК 35.081.711

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Полина Сергеевна АНИСКОВИЧ[1], Елизавета Михайловна ТЕРИЧЕВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] polya.aniskovich@icloud.com
[2] terichevaelizaveta@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Михаил Юрьевич ПОРОХОВ**, more03@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при применении искусственного интеллекта в арбитражном процессе. На основе анализа опыта российских и зарубежных судов аргументируется необходимость развития и совершенствования технологий, позволяющих использовать искусственный интеллект в судопроизводстве. Авторами рассматривают возможные формы его использования судами, а также негативные последствия вследствие внедрения ИИ в судебную систему.

Ключевые слова: искусственный интеллект, арбитражный процесс, судопроизводство, суд, развитие

В настоящее время искусственный интеллект (далее — ИИ) используется во многих сферах жизнедеятельности: экономика, наука, образование, юриспруденция и др., способствуя модернизации отдельных институтов и упрощению процессов. Арбитражное судопроизводство, как и иные области, требует внедрения эффективной и инновационной системы ИИ в целях облегчения деятельности судей и правильного рассмотрения споров.

Одним из предлагаемых глобальных введений является замена судьи ИИ-арбитром, который сможет самостоятельно рассматривать некоторые категории дел. С одной стороны, достаточно сильно снизится нагрузка на судей, будут исключены факты коррумпированности, правосудие станет намного доступнее, дешевле и оперативнее. Но, с другой стороны, такое изменение может привести к негативным последствиям:

во-первых, ИИ представляет собой включение баз данных, на основе которых ИИ-арбитр будет принимать решение. Но принятие итогового акта основывается в том числе основывается на субъективных признаках, так,

согласно ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств[1]. Как запрограммировать ИИ, чтобы дать определенную команду и объяснить, что такое внутреннее убеждение судьи? Очевидно, что ИИ не способен учитывать и осознавать «дух закона». Нельзя не согласиться с мнением Е. Н. Моисеевой и А. А. Артюхиным: «В рамках судебного заседания судья оценивает в том числе и поведение сторон, их мотивы разрешить дело в свою пользу и способность подкреплять свою позицию доказательствами. Программный код не сможет проявлять гибкость в таких моментах, а будет строго ориентироваться на свою базу знаний»[2];

во-вторых, ИИ лишен моральных, этических и иных качеств человека, наделенного ими от природы. ИИ — это машина, которая не способна определять характеристику других людей и их чувства с помощью сказанных ими слов, интонаций, жестов, характера, темперамента. Ведь судья анализирует участников процесса, их поведения, потребности, слова. Так, определенная фраза может иметь два значения, и только благодаря сопутствующим деталям арбитр может определить смысл и значение сказанного.

в-третьих, остается открытым вопрос, кто будет нести ответственность за неправильно принятые решения ИИ-арбитра.

Таким образом, очевидно, что замена судьи на ИИ-арбитра невозможна, поскольку существуют непреодолимые препятствия, связанные с отсутствием у ИИ способности к интуитивному анализу, оценке морально-этических аспектов дела и учету аспектов человеческого поведения.

Эффективным использованием ИИ в судопроизводстве представляется путем создания системы поиска, анализа и толкования норм права[3]. Также, с учетом специфики арбитражного процесса важным и удобным в использовании нововведением является исследование искусственным интеллектом документации и иных письменных доказательств. Так, например, при банкротстве или корпоративном споре стороны могут приобщить к делу весомую массу бухгалтерской отчётности и иной

[1]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июл. 2002 г. № 95-ФЗ : текст с изм. и доп. на 15 дек. 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Моисеева Е. Н. Цифровизация арбитражного процесса: перспективы внедрения искусственного интеллекта в разрешение экономических споров / Е. Н. Моисеева, А. А. Артюхин // Теория и практика кооперации в современном обществе : материалы Международной научно-практической конференции , Саранск, 23–24 апреля 2025 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2025. С.101.

[3]Бахтеев Д. В., Тарасова Л. В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы // Вестник КГУ. 2020. №4. С. 251

финансовой документации в качестве доказательственной базы, которую необходимо будет изучить[1].

Следует сказать, что ИИ будет практичен при отнесении дела к компетенции определенного суда, распределении дел в зависимости от специализации судей, анализе заключений экспертов. По мнению М. Ю. Порохова, на ИИ можно было бы возложить решение ряда процессуальных вопросов (например, таких как проверка соблюдения стороной срока исковой давности, формирование условий мирового соглашения по спору, проверка финансовых расчетов по иску)[2]. Действительно, овладение ИИ такими навыками и возможностями достаточно снизило нагрузку на судейский аппарат и способствовало быстрому разрешению споров.

Одной из проблем использования ИИ в судопроизводстве является ошибочное распознавание текстов, а именно значения контекста и подтекста. ИИ не способен анализировать и определять контекст, предмет доказывания в случае явной недобросовестности одной из сторон, выявлять злоупотребление правом[3]. Так, в силу высокой сложности по некоторым категориям дел не может использоваться ИИ, например, дела о несостоятельности (банкротстве), корпоративные споры, дела, связанные с интеллектуальной собственностью ввиду необходимости оценки определенного контекста, поведения и иных субъективных факторов.

Таким образом, применение судами технологий ИИ для самостоятельного принятия решений невозможно, иначе будут упущены многие факты и детали, необходимые для справедливого и правильного разрешения спора. В связи с этим, разрешить данную проблему в настоящее время не представляется возможным ввиду отсутствия соответствующих технологий.

В 2021 году в России были предприняты попытки внедрения ИИ в приказное производство в Белгородской[4] и Амурской областях[5]. При этом, использовался «слабый искусственный интеллект», предназначенный для решения нетрудных и узкоспециализированных задач, ограниченных подготовкой проектов документов и проверке данных. В свою очередь, «сильный ИИ» способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с

---

[1]Моисеева Е. Н. Цифровизация арбитражного процесса: перспективы внедрения искусственного интеллекта в разрешение экономических споров / Е. Н. Моисеева, А. А. Артюхин // Теория и практика кооперации в современном обществе : материалы Международной научно-практической конференции , Саранск, 23–24 апреля 2025 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2025. С.101.

[2]Порохов М. Ю. Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности / М. Ю. Порохов // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023 : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Гатчина, 24 ноября 2023 года. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2024. С.171.

[3]Рыбин А. И. К вопросу о применении искусственного интеллекта для отправления правосудия // Труды Института государства и права РАН. 2025. №3. С. 249.

[4]Там же. С. 244.

[5]РАПСИ: Момотов предложил включить ИИ в конструкторы исков и учесть психику пользователей : [сайт]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_№ews/20231012/309294827.html (дата обращения: 19.03.2026).

человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям[1]. Такой вид технологий находится на ранней стадии развития и требует дальнейших доработок. Как считает К. В. Шундиков: «Технологиям сильного ИИ предстоит пройти еще длинный путь, прежде чем стать реальностью»[2].

Но в настоящее время важной проблемой является отсутствие правового регулирования применения ИИ в судебной системе, процессуальный кодекс не содержит положений, свидетельствующих о возможностях суда его использовать. В ближайшей перспективе внедрение ИИ в судопроизводство будет связано с реализацией программ «слабого искусственного интеллекта» как вспомогательного инструмента для судей, что не потребует серьезных изменений в российское процессуальное законодательство[3]. В связи с этим требуется нормативная регламентация, чтобы исключить правовую неопределенность и случаи, когда использование ИИ может нарушить права и свободы граждан.

При этом, судьи, несмотря на удобство и оперативность применяемых технологий ИИ, отмечают как плюсы, так и минусы такого нововведения. Заместитель председателя Благовещенского городского суда Амурской области И. С. Емшанов выделяет сферы, где может пригодиться ИИ: «В первую очередь — автоматизация рутинных задач. Во-вторых — доступность правосудия с учетом «клиентоориентированности». В-третьих — прогнозное правосудие и концепция второго мнения»[4].Бывший председатель Совета судей РФ В. В. Момотов критикует технологии за шаблонность[5].

Тем не менее, применение «слабого искусственного интеллекта» может иметь негативные последствия в виде возникновения дискриминационных алгоритмов, поскольку данный ИИ работает только в пределах заданных функции. По факту программа не имеет возможности проведения анализа, выявления специфики и особенностей отдельных элементов, то есть «слабый ИИ» не может адаптироваться к новым ситуациям.

Таким образом, использование ИИ в судопроизводстве как помощника в составлении актов уменьшает работу для судей, но итоговая проверка таких документов остается обязательной. Также, каждое рассматриваемое

[1]О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 : текст с изм. и доп. на 15 фев. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Шундиков К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. №8. С. 318.

[3]Заготовкин Д.Ф., Рыльский, К. Проблемы интеграции искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации // Российские исследования. Право и политика. 2025. №1. С. 13.

[4]РАПСИ: Судья рассказал об эксперименте с применением ИИ в мировых участках Амурской области: [сайт]. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_№ews/20230511/308886683.html (дата обращения: 19.03.2026).

[5]РАПСИ: Момотов предложил включить ИИ в конструкторы исков и учесть психику пользователей: [сайт]. URL: https://rapsi.№ews.ru/judicial_№ews/20231012/309294827.html (дата обращения: 19.03.2026).

дело индивидуально и требует разных подходов к его разрешению, что не всегда удается ИИ, который зачастую воспроизводит стандартные формулировки, не учитывающие специфику дела. В связи с этим снижается качество правосудия: растут риски вынесения незаконных судебных решений, нарушения прав и свобод граждан, потеря доверия к суду.

В рамках арбитражного производства планируется внедрение в «Картотеку арбитражных дел» («КАД») и «Мой Арбитр» программы «ПравоДиалог», созданной на основе ИИ. Данная разработка характеризуется возможностями получения информации по делу, его хронологии и фабуле через вопросы с ИИ-ассистентом, а также подготовки проектов жалоб[1]. В 2025 году разработчики «КАД» и «Мой арбитр» представили чат-бот в мессенджере «Телеграмм», который по функционалу схож с планируемым нововведением в «КАД» и «Мой арбитр».

Анализируя вышесказанное, следует сказать, что внедрение ИИ в российский арбитражный процесс необходимо, чтобы оптимизировать деятельность судей и упростить делопроизводство, но важно учитывать специфику технологий ИИ, чтобы избежать необоснованных и незаконных решений, нарушения прав и свобод, подрыва статуса судебной власти.

Активное внедрение ИИ в осуществление правосудия демонстрируется на опыте зарубежных стран. Большего успеха в применении ИИ в рассмотрении спора судом добились Китай, США и Сингапур — лидеры «Глобального индекса по развитию и применению ИИ-2024»[2].

На примере Китая можно заметить тенденцию к интеграции нейросети в осуществление правосудия. В 2016 году Верховным судом Китая была введена программа «Умных судов», которая анализировала коммуникационные технологии, производила облачные вычисления больших данных и унифицировала базы данных правоохранительных органов с базой данных суда. Кроме того, использование ИИ в КНР предполагает предоставление судье справки или проекта судебного решения, устранение «пробелов» в судебной экспертизе и помощь в рассмотрении простых дел, например, споры по контрактам с низкой стоимостью[3]. К концу 2019 года китайские мобильные суды рассмотрели порядка трёх миллионов судебных дел, среди которых наиболее распространенным являлись торговые споры, дела в области авторского права и электронной коммерции[4].

---

[1]ПравоRU: В Картотеке арбитражных дел появится ИИ-помощник: [сайт]. URL: https://pravo.ru/news/260019/ (дата обращения: 19.03.2026).

[2]Маковская П. Н. Искусственный интеллект в гражданском и арбитражном процессе: границы применимости и риски / П. Н. Маковская // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 9-3. С. 206—207.

[3]Цифровые трансформации экономики и права : сборник научных тезисов Национальной научно-практической конференции, Москва, 08 декабря 2021 года. Волгоград: ИП Черняева Ю. И., 2022. С. 92.

[4]Эберт Е. С. Правосудие и искусственный интеллект: перспективы и проблемы / Е. С. Эберт, Е. А. Эмишян, Е. Г. Шаблова // Весенние дни науки : Сборник докладов международной конференции

Особенность использования ИИ в США проявляется в системе DARE. Разработанная программа отслеживает видимые изменения голоса, речи и мимики человека. Следовательно, применение возможностей ИИ позволяет повысить точность определения ложных показаний участника судебного процесса.

В судебной практике международного уровня дискуссионный характер носит вынесение решения о компенсации выплат по страховке колумбийским судьей, который применил ИИ в 2023 году[1]. Данный судебный прецедент вызвал споры среди юристов касаемо правомерности и законности принятия судебного решения вследствие использования программы, не обладающей юридической спецификой.

ИИ в настоящее время активно внедряется не только в деятельность арбитражных судов, но и в судебную систему в целом. Применение современных технологий упрощает работу судебных органов в результате автоматизации процессов судопроизводства и делопроизводства, электронного распределения дел, публикации судебных актов[2]. Использование ИИ в деятельности суда, в том числе и арбитражного, значительно снижает нагрузку аппарата суда, так как определенные направления работы «переходят» в исполнение ИИ. Однако, несмотря на обширный перечень возможностей ИИ, замена судьи современными технологиями не представляется возможной. Безусловно, системы ИИ позволяют оптимизировать деятельность работников суда на любом этапе судопроизводства, но на данный момент вынесение справедливого, законного и обоснованного судебного решения остается за должностным лицом, наделенным судебной властью.

студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 года. Екатеринбург: ООО Издательский Дом "Ажур", 2023. С. 1366.

[1]Ситникова А. В., Лиликова, О. С. Правовые проблемы применения ИИ в международном коммерческом арбитраже / А. В. Ситникова, О. С. Лиликова // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2025. №4. URL.: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/4/law/Sitnikova_Lilikova.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

[2]Бахтеев Д. В., Тарасова Л. В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы // Вестник КГУ. 2020. №4. С. 250.

Научная статья
УДК 347.736

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ В ОТНОШЕНИИ РОСКОШНОГО ЖИЛЬЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Юлия Алексеевна АНТИПОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, juliantipova0504@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, младший советник юстиции **Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ**, ekuzbagarov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению критериев роскошного жилья для случаев, когда жилье признается таковым и может изыматься в рамках исполнительного производства по делам о банкротстве. На сегодняшний день нет четкого закрепления определения критериев такого жилья, однако судебная практика установила свои ориентиры, которые использует правоприменитель. При этом дискреция судов становится все масштабнее в рамках определения норм площади жилья и признания его роскошным.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет, разумная потребность в жилье, критерии роскошного жилья

Согласно ст. 40 Конституции Российской Федерации (далее по тексту — РФ) право на жилище является одним из конституционных прав, которые прямо закрепляются в основном законе[1].

Ввиду своей значимости данное право на законодательном уровне имеет свои механизмы защиты. Так, согласно ст. 446 Гражданского процессуального кодекса (далее по тексту — ГПК РФ) если у гражданина-должника на праве собственности находится единственное жилое помещение, в котором он проживает совместно с членами своей семьи и которое пригодно для постоянного проживания, то на такое жилье не может быть обращено взыскание в рамках исполнительного производства по спорным вопросам в делах о банкротстве[2]. В данном случае речь идет об исполнитель-

[1]Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изм. и доп. на 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138 ФЗ (ред. от 31.07.2025). Ст. 446. // Доступ из справ.-правовой системы система «Консультант плюс».

ском (имущественном) иммунитете. Однако, есть определенные исключения, когда жилье находится в ипотеке и на него согласно закону может быть обращено взыскание.

Пределы действия исполнительского иммунитета на практике определяются совершенно по-разному. Конституционный суд РФ (далее по тексту — КС РФ) в своем постановлении разъяснил, что такая мера защиты как иммунитет должен распространяться на такие ситуации с жильем, где оно «является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения»[1].

Однако не понятно, что означает разумно достаточное жилье. Ведь жилое помещение по своим характеристикам может признаваться роскошным, но при этом само понятие «роскошь» как правовая категория носит оценочный характер. Отсюда мы можем задать вопрос: преодолен ли исполнительский иммунитет в связи с роскошностью жилья? Чтобы ответить на данный вопрос следует провести анализ судебной практики, на основе которой станет ясно, в каких случаях жилое помещение признается таковым.

Будет ли справедлив тот факт, что закон охраняет данное жилье, которое, являясь единственным, может превышать разумные потребности гражданина, но при этом находиться под защитой исполнительского иммунитета. В социальном государстве запрос общества касательно данной меры защиты остается актуальным.

Что понимается под роскошным жильем? На сегодняшний день нет четкого закрепления определения критериев такого жилья. Однако судебная практика сформировала некоторые критерии, которые используются в качестве ориентиров для правоприменителя. Так, в одном из определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 29.10.2020 № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 Верховный Суд РФ (далее по тексту — ВС РФ) указал, что под роскошным жильем следует понимать недвижимость, которая явно превышает тот уровень, необходимый для разумного удовлетворения потребности должника и членов его семьи[2].

Также Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверки конституционности положения абзаца второго части первой ст. 446 ГПК РФ отмечает, что ввиду отсутствия ориентиров под роскошным жильем следует понимать такие жилые помещения, которые могут «значительно превышать средние показатели, а стои-

[1] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11 П. П. 3.3. «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Доступ из справ.-правовой системы система «Консультант плюс».

[2] Определение Судебной коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.10.2020 № 309-ЭС20 10004 по делу № А71 16753/2017 "// Доступ из справ.-правовой системы система «Консультант плюс».

мость может быть достаточной для удовлетворения имущественных притязаний взыскателя без ущерба для существа конституционного права на жилище гражданина-должника и членов его семьи[1]». Однако на современном этапе нет закрепленных средних показателей, а также примерной стоимости, которые бы дали возможность объективно оценить жилое помещение в рамках толкования данной нормы.

Воспользуемся методом от противного. Рассмотрим ситуации, когда суды отказывают в применении исполнительского иммунитета. В таких случаях они, как правило, оценивают такие характеристики, как общая и жилая площадь, конструктивные особенности, рыночная стоимость и т. д. В частности, может быть отказано предоставление исполнительского иммунитета, если реализация единственного жилья позволяет одновременно удовлетворить имущественные требования кредиторов и приобрести должнику другое жилое помещение, что следует из определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019)[2]. Если тезисно излагать суть дела, то в нем должник обратился в суд с требованием исключить жилой дом из конкурсной массы. В преддверии банкротства или в ходе рассмотрения дела о несостоятельности в ущерб интересам взыскателя он совершил односторонние действия, направленные на изменение регистрации по месту жительства с исключительной целью создания объекта, защищенного исполнительским иммунитетом. Такие действия могут быть квалифицированы как злоупотреблением правом. В этом случае суд вправе применить к должнику предусмотренные законом последствия злоупотребления - отказать в применении исполнительского иммунитета к упомянутому объекту.

В научной доктрине, по мнению Жевняк О. В. и Городновой Н. В., не сформировался единый подход о применении института взыскания на единственное жилое помещение, если оно сочетает в себе элементы «роскоши». Они считают, что необходимо сформулировать общие критерии для признания жилого помещения таковым. Многие исследователи данной темы приходят к выводу, что в целях достижения баланса между кредитором и должником нужен отказ от абсолютного иммунитета к ограниченному или функциональному[3]. Другими словами, такой иммунитет в свою очередь позволял бы обеспечить семью и самого должника жильем, соразмерным для нормального существования без нарушения основополагающих прав.

---

[1]Постановление Конституционного суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11 П по делу о проверки конституционности положения абзаца второго части первой ст. 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова. // Доступ из справ.-правовой системы система «Консультант плюс».

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 303 ЭС20 18761 по делу № А73 12816/2019 // Справочная правовая система «Консультант плюс».

[3]Жевняк О. В., Городнова Н. В. Роскошное жилье как экономико-правовая категория в свете применения норм института исполнительского иммунитета: теория и нормативное регулирование // Жилищные стратегии Том 10. № 4. С. 368.

На практике ученые-юристы в целях решения определения жилья роскошным предлагают использовать количественные (стоимость) и качественные (статус жилья) характеристики, а также конструктивные особенности помещения, жилую площадь[1]. Проблема заключается в том, что невозможно точно определить стандарт критериев, который был бы оптимальным основанием для освобождения жилого помещения от взыскания.

Касательно количественной характеристики, то здесь следует сказать, что в судебной практике не сформирована четкая позиция по поводу того, какой размер считался бы начальной точкой в возможности отмены иммунитета. В одном из определений судебной коллегии по экономическим спорам от 24.12.2021 № 309-ЭС21-14612 по делу № А50-16438/2017 ВС РФ указал, что для признания размера жилья явно превышающим нормы предоставления нужно использовать критерий кратности. Если «размеры жилья существенно (кратно) превосходят нормы предоставления жилых помещений на условиях социального найма в регионе его проживания»[2].

Данный тезис поддерживается Орловым К. М., автором статьи об ограничении исполнительского иммунитета, который также руководствуются нормами предоставления жилого помещения по договору социального найма в вопросах оценки роскошности жилья и его замены[3].

Однако на практике существует немалое количество дел, когда квартира значительно превышала норму предоставления, но при этом не была признана роскошным жильем. Так, в качестве подтверждения данного тезиса приведем определение арбитражного суда Удмуртской республики от 26.11.2019 по делу № А71-16753/2017, в котором суд не счел нужным, признать жилое помещение должника, превышающее разумный размер обеспеченности граждан жильем[4]. Его жилье составляло 40, 3 кв. м, а сама норма предоставления по договору социального найма на тот год составляла — 13,3 кв. м. Хотя при этом при продаже квартиры у должника была возможность заменить квартиру на разумно достаточную и удовлетворить интересы конкурсного кредитора.

---

[1]Усольцева Н. А., Усольцев Ю. М. Нормативное регулирование признания жилого помещения роскошным // Юридическая наука. 2021. №9. С. 73.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2021 № 309 ЭС21 14612 по делу № А50-16438/2017. // [Электронный ресурс]. URL: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС Российской Федерации от 24.12.2021 № 309-ЭС21-14612 по делу № А50-16438/2017

[3]Орлов К .М., Ограничения исполнительского иммунитета единственного жилья при банкротстве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 245.

[4]Определение арбитражного суда Удмуртской республики от 26.11.2019 по делу № А71 16753/2017 // [Электронный ресурс]. URL: opredelenie-arbitrazhnogo-suda-udmurtskoy-respubliki-ot-26-№oyabrya-2019-g-po-delu-_-a71-167532017.pdf.

Однако, по мнению ученых, недопустимо использовать в качестве ориентира нормативы по договорам социального найма, чтобы определить нормативы роскошности жилья, поскольку они имеют совершенно иное назначение, состоящее в удовлетворении минимального уровня потребности в жилье, а не как достаточного по смыслу из постановления КС РФ.

Более того, в качестве критериев в одном из обзоров судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденный президиумом ВС РФ от 18.06.2025, где в п. 22 указано, что следует оценивать также и другие характеристики конкретного объекта помимо площади: место расположения, например, город или окраина, конструктивные особенности, внешнее и внутреннее художественное оформление, уровень инфраструктуры в районе нахождения, техническое оснащение и другие[1]. Данный перечень не является исчерпывающим.

Проанализировав судебную практику, мы пришли к выводу, что в действительности дискреция судов в определении жилых помещений роскошными достаточно неоднозначна. Отвечая на вопрос, поставленный выше, касательно того, преодолен ли исполнительский иммунитет в отношении роскошного жилья, мы подводим к умозаключению, что нет. Это обосновывается тем, что единообразный подход не выработан, иммунитет в отношении потенциально «роскошного» жилья де-факто часто не преодолевается из-за размытости критериев. Более того, отдельным исследованием стоит обратить внимание на случаи, когда процесс снятия исполнительского иммунитета становится результатом не только «роскоши», но и злоупотребления этим правом.

Стоит выработать приблизительно точные критерии определения жилья роскошным и регламентировать их в отдельный нормативно-правовой акт, например, аккумулировать их в постановление пленума ВС РФ, где бы отражались такие ориентиры как: количественный критерий кратности по превышении площади. Это означает, что суд должен оценивать не любое превышение нормы, а существенное превышение разумной потребности в жилье, где имеется существенный излишек. Помимо этого, стоит отразить качественный критерий, который сочетает в себе «элитность» жилья и его стоимость. Ведь такое жилье может быть признано роскошным даже при скромной площади, поскольку его локация и статус могут свидетельствовать о его престижности, например, его расположение в центре города федерального значения. В добавлении стоит упомянуть, что значимыми фак-

[1]Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // [Электронный ресурс]. URL: Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан/ Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 года.

торами являются его инфраструктура и отделка, например, наличие подземного паркинга, гольф-клубов, фитнес-центров, дорогой внутренней и внешней отделки, а также его техническое оснащение, которое распространено на современном этапе, например, как «умный дом». Немаловажное значение имеет экономический критерий в отношении кредиторов, когда в случае покупки замещающего жилья по нормам социального найма не остаются средства для погашения долга. На практике данное явление называют правилом «сухого остатка». Если большая часть выручки уйдет на покупку аналогичного по площади обычного жилья, то в изъятии откажут. Разумно указать, что если стоимость «роскошного» жилья ненамного превышает долг или стоимость замещающего жилья, то суд может дать возможность воспользоваться иммунитетом. В качестве дополнительного критерия можно выделить так называемый «процессуальный критерий». Он означает, что должны учитываться фактически постоянно проживающие члены семьи должника и не должны нарушаться права социально-уязвимых категорий, в том числе при том условии, что сохраняется привычный уклад жизни и не нарушаются социальные связи. Возможно, дискреция правоприменителей останется ввиду субъективной оценки жилого помещения, но ее масштабность будет снижена, что позволит защитить права, как самого должника, так и кредитора, что укрепит баланс защиты данных субъектов права.

Научная статья
УДК 347.9

ОТВОД СУДЬИ: О ПОЛНОТЕ И УСЕЧЕННОСТИ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ

Вадим Олегович ДЕПУТАТОВ[1], Владислав Денисович БУЛАЕВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] vadimdeput@gmail.com
[2] vladbulaev962@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор **Асхат Назаргалиевич КУЗБАГАРОВ,** ashat69@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу института отвода судьи в гражданском процессе Российской Федерации в контексте принципов независимости, объективности и беспристрастности суда. Рассматриваются действующее правовое регулирование и порядок разрешения заявлений об отводе,

а также выявляются ключевые проблемы: рассмотрение отвода самим судьёй, отсутствие самостоятельного обжалования и упрощённый характер процедуры, не обеспечивающий полноценного доказывания. На основе сравнительно-правового анализа зарубежных моделей обосновывается необходимость совершенствования законодательства. Предлагается введение самостоятельной процессуальной стадии, передача рассмотрения отвода иному судье, развитие механизма доказывания и установление возможности обжалования. Делается вывод о необходимости повышения эффективности института отвода как гарантии беспристрастности суда.

Ключевые слова: отвод судьи, гражданский процесс, конфликт интересов, доказывание, беспристрастность, независимость суда, обжалование, судебная защита

В соответствии с Конституцией и отраслевым законодательством Российской Федерации судьи являются независимыми субъектами, что предполагает недопустимость какого-либо воздействия на их деятельность. Рассмотрение дел должно осуществляться на основе независимости, объективности и беспристрастности, поскольку именно такой подход гарантирует надлежащую защиту прав и свобод граждан.

Такую гарантию раскрывают положения статьи 123 Конституции Российской Федерации, в которой закреплены принципы состязательности и равноправия сторон, также закрепленные в ст. 12 ГПК РФ. В целях реализации данных принципов, в теории гражданского процесса разработан институт отвода участников судопроизводства, включая судью, а также установлен исчерпывающий перечень оснований для его применения.

Действующий порядок предполагает, что инициирование процедуры отвода осуществляется посредством заявления лица, участвующего в деле, после чего судья, не удаляясь в совещательную комнату, выносит мотивированное определение об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении заявленного отвода. Заявление должно основываться на конкретных основаниях, закрытый перечень которых закреплен в статье 16 ГПК РФ. При коллегиальном рассмотрении дела соответствующее решение принимается в совещательной комнате путем голосования без участия отводимого судьи. Вместе с тем данная модель подвергается критике в научной среде. В частности, указывается на возможное нарушение принципа беспристрастности, поскольку вопрос об отводе разрешается тем же должностным лицом, в отношении которого он заявлен, что объективно создает риск конфликта интересов[1]. Данное обстоятельство приобретает особую значимость с учетом зарубежного опыта, в рамках которого сформированы альтернативные механизмы разрешения вопроса об отводе судьи.

[1]Огнева Н. И. К вопросу об отводе судей в гражданском процессе // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. 2021. С. 97—103.

Так, в гражданском процессе Китайской Народной Республики соответствующее полномочие возложено на председателя суда, а в случае его возможного отвода — на специально создаваемую комиссию[1]. В Республике Молдова заявление об отводе рассматривается иным судьей, определяемым посредством Интегрированной программы управления делами[2]. Аналогичный подход реализован и в законодательстве Республики Казахстан, где прямо исключена возможность рассмотрения судьей вопроса о собственном отводе, предоставляя данное право другим лицам из состава суда[3]. Таким образом, мы видим, что проблема конфликта интересов в указанных примерах разрешается по-разному.

Особого внимания заслуживает положение об обжаловании отказного решения об отводе. Действующее российское законодательство не предусматривает самостоятельной процедуры обжалования определения об отказе в удовлетворении отвода. Возражения о таком могут быть включены в апелляционную жалобу на итоговое судебное постановление[4]. В случае установления нарушений со стороны судьи это может повлечь отмену принятого решения. Следует отметить, что подобный подход не является универсальным. Например, французское право, сохраняя полномочие по рассмотрению отвода за председательствующим, одновременно допускает последующее обжалование его отказа в апелляционном порядке[5]. Такая модель рассматривается как дополнительная гарантия защиты прав участников процесса и средство укрепления доверия к судебной системе за счет минимизации рисков недобросовестного осуществления правосудия.

Стоит отметить, что процедура рассмотрения заявления об отводе не должна носить формально-декларативный характер и требует реальной проверки обстоятельств, способных вызвать сомнения в беспристрастности судьи. Как указывал Конституционный суд РФ в своем определении от 08.02.2007 № 325-О-О: «участники судебного разбирательства должны испытывать доверие к суду, которое может быть поставлено под сомнение только на основе достоверных и обоснованных доказательств, свидетельствующих об обратном»[6].

---

[1]Кучерова Д. А. Проблема реализации права участников гражданского процесса на отвод судьи // Евразийский союз ученых. 2015. № 1—2 (18). С. 138—141.

[2]Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30 мая 2003 г. № 225-XV. Доступ из информационной системы «ИС Континет».

[3]Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V. Доступ из справочной системы «ИС Параграф».

[4]Романов А. А. О некоторых дискуссионных вопросах института отвода судьи в гражданском и арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2(206). С. 297—299.

[5]Кучерова Д. А. Проблема реализации права участников гражданского процесса на отвод судьи // Евразийский союз ученых. 2015. № 1-2(18). С. 138—141.

[6]Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 325-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Лесной Лидии Николаевны, Стригуна Станислава Владимировича, Чичерина Виктора Петровича и общества с ограниченной ответственностью "Афина-Бизнес" на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем действующая процедура рассмотрения заявления об отводе содержит ряд проблем. Существующий порядок предполагает, что соответствующее заявление разрешается в рамках текущего судебного заседания непосредственно после его заявления. Тем самым законодатель не выделяет разрешение данного вопроса в самостоятельную часть судебного разбирательства и не устанавливает детально регламентированный порядок представления и исследования доказательств, подтверждающих наличие оснований для отвода. В результате рассмотрение такого заявления зачастую сводится к формальному заслушиванию мнений сторон с последующим вынесением протокольного определения без всестороннего анализа фактических обстоятельств. В научной литературе данная процедура обоснованно характеризуется как «усеченная», поскольку не предполагает проведение отдельного процессуального разбирательства.

Как разъясняет Конституционный суд РФ, подобная правовая конструкция обусловлена стремлением законодателя минимизировать риск затягивания процесса вследствие недобросовестного заявления необоснованных отводов лицами, участвующими в деле.

Вместе с тем чрезмерная упрощенность процедуры рассмотрения заявления об отводе приводит к снижению эффективности данного института как процессуальной гарантии беспристрастности суда.

Положение пп. 3 п. 1 ст. 16 ГПК РФ предусматривает возможность отвода судьи при наличии иных обстоятельств, вызывающих сомнения в его объективности и беспристрастности. Применение широкой оценочной конструкции здесь намеренно. Такой подход законодателя позволяет учитывать многообразие фактических ситуаций, включая деловые связи, дружеские и иные неформальные отношения, имущественную заинтересованность и т.д. Порой такие ситуации не обладают очевидным, формально подтверждаемым характером, проявляются косвенно и требуют представления и исследования совокупности конкретных фактических данных. В противном случае, изложение доводов в заявлении не может само по себе служить достаточным основанием для его удовлетворения. Следовательно, реализация положения пп. 3 п. 1 ст. 16 ГПК РФ объективно сопряжена с необходимостью доказывания соответствующих обстоятельств.

Недостаточная регламентация механизма доказывания, равно как и отсутствие самостоятельной процессуальной стадии, в рамках которой такой механизм мог бы быть реализован, ведет к формальному разрешению заявлений об отводе, что, в свою очередь, вызывает сомнения в обеспечении принципа беспристрастности суда.

Сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что в ряде зарубежных стран институт отвода судьи реализуется в качестве самостоятельной стадии судебного разбирательства, в рамках которой устанавливаются

и доказываются обстоятельства, способные вызвать сомнения в беспристрастности суда.

Так, в Германии механизм доказывания обстоятельств отвода непосредственно закреплен в процессуальном законодательстве. § 44 Гражданского процессуального кодекса Германии (Zivilprozessord№u№g) прямо предусматривает необходимость убедительного доказывания соответствующих оснований. Процедура рассмотрения заявления включает элементы процессуальной проверки: представление доводов, анализ фактических обстоятельств, получение объяснений, в том числе от самого судьи[1].

В соответствии со ст. 49 Гражданского процессуального кодекса Швейцарии лицо должно подать соответствующее заявление, как только ему станут известны сведения, которые могут послужить основанием для отвода судьи. Лицо, заявляющее отвод, обязано достоверно подтвердить факты, на которые ссылается[2].

В США единообразная процедура реализации отвода отсутствует. Вместе с тем, судебная практика выработала обязательные стандарты, применяемые судами при установлении наличия оснований для отвода. В постановлении по делу United States v. Cooley, 1 F3d 985,993 (10th Cir.1993) апелляционный суд отметил: «При применении этого стандарта, первоначально подлежат выяснению и исследованию наличие добротного доказательственного материала для целей оспаривания отсутствия у суда пристрастного отношения к сторонам»[3].

Обобщая изложенное, следует сделать вывод, что действующее регулирование института отвода
в российском гражданском процессуальном законодательстве не в полной мере отражает достижение гарантий беспристрастности и объективности в судебной защите прав граждан. К числу ключевых проблем относятся: рассмотрение заявления об отводе тем же судьей, в отношении которого оно заявлено; обжалование определения судьи не предусмотрено; усеченный характер процедуры, не предполагающий полноценного доказывания обстоятельств отвода. В совокупности указанные проблемы приводят к формализации данного института и снижению уровня процессуальных гарантий.

Представляется обоснованным дальнейшее совершенствование законодательства с учетом зарубежного опыта по следующим направлениям: введение самостоятельной процессуальной стадии с детальной регламентацией порядка представления и исследования доказательств; закрепление на

[1] Zivilprozessordnung (ZPO) vom 5. Dezember 2005 (BGBl. I S. 3202) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ (дата обращения: 18.03.2026).

[2] Swiss Civil Procedure Code (Zivilprozessordnung, ZPO) of 19 December 2008 (SR 272) (as amended) // Fedlex (The publication platform for Swiss federal law). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2010/262/en (дата обращения: 18.03.2026).

[3] Клейменов А. Я Порядок отвода судей в гражданском судопроизводстве России и США // Пробелы в российском законодательств. 2011. № 2.С. 96.

законодательном уровне обязанности по доказыванию обстоятельств, указанных в заявлении; передача полномочий по рассмотрению заявления об отводе иному судье; предоставление права обжалования соответствующего определения в вышестоящую судебную инстанцию. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность института отвода и укрепить доверие граждан к судебной системе.

Научная статья
УДК 347.91/.95

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Елизавета Сергеевна ГОРДЕЕВА[1], Анастасия Алексеевна КАЗАДАЕВА[2]
[1,2] Саратовская государственная юридическая академия
Институт прокуратуры, Саратов, Россия
[1] Gordeewaelisaweta73@gmail.com
[2] anastasiaalekseevna16@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **Наталия Александровна РАССАХАТСКАЯ** rassah@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы злоупотребления правом в гражданском процессе Российской Федерации. Рассматривается содержание понятия «злоупотребление правом», отмечается его оценочный характер и отсутствие единообразия в судебной практике. Особое внимание уделено статье 99 Гражданского процессуального кодекса РФ, предусматривающей компенсацию за фактическую потерю времени как меру противодействия недобросовестному поведению участников процесса. Анализируются сложности применения данной нормы и на основе анализа судебной практики и научных позиций предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства, включая закрепление открытого перечня оснований для взыскания компенсации и разъяснение понятия «систематичности» Пленумом Верховного Суда РФ.

Ключевые слова. Злоупотреблением правом, недобросовестность, систематичность гражданский процесс, осуществление гражданских прав и обязанностей, компенсация, неосновательный иск

Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому право на судебную защиту, однако его реализация сопровождается рядом трудностей, связанных, в том числе, с недобросовестным использованием участниками процесса предоставленных им законом прав[1]. В гражданском процессе вопрос борьбы с злоупотреблением правом является достаточно сложным и на сегодняшний день продолжает вызывать споры.

Для разрешения указанного вопроса необходимо определиться с содержанием самого понятия «злоупотребление правом», так, правоведы и правоприменители вынуждены применять аналогию закона в части положений статьи 10 ГК РФ, которая закрепляет пределы осуществления гражданских прав, и определяет лишь их общие границы, но тем не менее такой подход не позволяет в полной мере конкретизировать содержание данного института[2].

Основная причина названной проблемы заключается в том, что злоупотребление правом является оценочным понятием и для признания поведения участников недобросовестными необходимо исходить из мотивов, целей и результатов их действий применительно к конкретной ситуации. В теории выдвигаются различные подходы к определению данной категории, однако они так или иначе основываются на характеристике объективной и субъективной стороны правонарушения. Статья 10 ГК закрепляя формы злоупотребления правом, апеллирует такими оценочными понятиями как: исключительность намерения, заведомость, недобросовестность. Указанные понятия не обладают достаточно ясным содержанием и не приводят исчерпывающих признаков злоупотребления правом, а служат лишь формой их типизации. Наличие указанных обстоятельств привело к отсутствию единообразной практики по вопросу выявления злоупотреблений.

Так, в одних случаях суды могут признать действия участников недобросовестными, которые, выразились в неоднократном заявлении ходатайств об отложении дела, не подтвержденные никакими доказательствами либо ранее разрешенные судом, поскольку они имеют целью затягивание процесса, в других же случаях действия сторон, даже если они выразились в неоднократном отложении судебных разбирательств нельзя признать повлиявшими на длительность рассмотрения дела, речь идет о таких процессуальных действиях как подача ходатайства об отложении судебного заседания, ввиду неявки участников процесса, об оказании содействия в собирании и истребовании доказательств и др., примером может послужить решение Верхового суда Республики Удмуртия № 3а-77/2016 ~ М-18/2016, где

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 41 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая (принят Государственной Думой 21.10.1994 с изменениям от 25.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

суд удовлетворил требования о возмещении компенсации за затягивания процесса частично, поскольку нельзя рассматривать действия ответчика, направленные на собирание и представление доказательств, как свидетельствующие о затягивании судебного разбирательства, а также о вине данной стороны в увеличении срока рассмотрения дела[1].

Одной из мер противодействия злоупотреблению правом является предусмотренное статьей 99 ГПК РФ право добросовестного участника судебного разбирательства на получение компенсации за фактическую потерю времени.

Анализ диспозиции данной нормы позволяет выделить основания для взыскания компенсации:

заявление стороной неосновательного иска;

заявление стороной неосновательного спора;

систематическое противодействие правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела.

При этом основание, на которое будет ссылаться сторона, должно быть подтверждено материалами дела или дополнительными доказательствами. В случае установления судом одного из указанных оснований он вправе взыскать компенсацию, размер которой определяется судом самостоятельно исходя из конкретных обстоятельств дела, то есть каких-либо способов определения размера компенсации законодателем не определено. На первый взгляд данная мера противодействия представляется целесообразной и эффективной, однако мнения ученых-правоведов и практика говорят нам об обратном. Так, например, Л.П. Корнева в своих работах отмечает, что судебная практика применения статьи 99 ГПК малочисленна, объяснением является сложность доказывания, обусловленная использованием абстрактных понятий[2]. Так, если обратиться к первым двум основаниям, то здесь необходимо доказать «недобросовестность», критерии которой по своей сущности являются оценочными и законодателем не определены. Третье основание требует подтверждения систематичности, то есть наличия нескольких актов противодействия и их влияния на правильное и своевременное разрешение дела. Наибольшую сложность представляет установление причинной связи между действиями стороны и фактическим затягиванием процесса.

Кроме того, проанализировав практику Конституционного Суда РФ за последние четыре года, можно отметить, что по вопросу несоответствии статьи 99 ГПК РФ обращались восемь раз. Большое количество жалоб за-

[1] Старицын А. Ю. о злоупотреблении правом в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс .2025. № 07. С. 7—10.

[2] Корнева Л. П. Судебные издержки: взыскание компенсации за потерю времени//Вестник научных конференций. 2018. № 11

явителей свидетельствует о наличии сложности в реализации предусмотренной законодателем процессуальной защиты от недобросовестного поведения другой стороной[1]. Например, в жалобе гражданина Сысоева И. А. указывалось, что заявителю было отказано во взыскании компенсации за фактическую потерю времени, поскольку суды не усмотрели доказательств злоупотреблениями процессуальными правами другой стороной. Сысоев И. А. отмечал, что придаваемой судебной практикой смысла указанной нормы позволяет суду произвольно отказывать стороне во взыскании в разумных пределах компенсацию за фактическую потерю времени, несмотря на то, что другой стороной скрывались известные ей обстоятельств, имеющие значение для правильного и своевременного разрешения дела[2]. Проблема правоприменения указанной нормы была поднята и бывшим главой Совета судей РФ В. В. Момотовым в 2024 году на семинаре-совещании председателей судов общей юрисдикции Приволжского федерального округа[3].

В связи с вышеизложенным считаем необходимым закрепить в статье 99 ГПК РФ указание на то, какие действия участника процесса могут признаваться основанием для взыскания с него компенсации за фактическую потерю времени, то есть недобросовестными. Перечень таких оснований будет открытым.

В основной список оснований, которые презюмируются злоупотреблением, если не опровергнута добросовестная причина:

неоднократная неявка лица, участвующего в деле, в судебные заседания без наличия уважительных причин, повлекшая отложение судебного разбирательства;

заявление стороной заведомо необоснованного (тождественного) ходатайства, подданного с очевидной целью нарушения процессуальных сроков;

уклонение от представления доказательств при наличии фактической возможности;

серийное заявление отводов составу суда, при отсутствии новых обстоятельств, предусмотренных законом для отвода;

---

[1]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 23.10.2002 с изменениями от 01.01.2026)// Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 года № 1641-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сысоева Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[3] Правосудие в России в современных условиях: итоги семинара-совещания председателей советов судей судов и субъектов ПФО URL: https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/v5nc98vdp1-pravosudie-v-rossii-v-sovremennih-uslovi?utm_campaign=PravosydieYfa&utm_medium=social&utm_source=vksudya&utm_content=&utm_term=10102024&clckid=b99bb1bc (дата обращения: 14.03.2026).

заявление заведомо неосновательного иска, возражений на иск либо апелляционной жалобы, от которых сторона отказывается после совершения процессуальных действий, повлекшихся для противоположной стороны неоправданные материальные и временные затраты.

Также необходимо разъяснение Пленума Верховного Суда РФ содержания понятия «систематичности» в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства, например, путем указания: как неоднократное (более двух раз) совершение действий, направленных на затягивание процесса, каждое из которых приводило к переносу судебного заседания, увеличению срока рассмотрения дела или иным образом противодействовало правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела.

Научная статья
УДК 347

ГРАНИЦЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА-ДОЛЖНИКА

Агарза Эльшан оглы ДЖАББАРОВ[1], Иван Денисов КАРАБИН[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] agarzajabbarov@yandex.ru
[2] idkarabin@outlook.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат юридических наук, доцент **Михаил Юрьевич ПОРОХОВ**, more03@inbox.ru.

Аннотация. В настоящей статье исследуются правовые и правоприменительные аспекты института исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья гражданина-должника в рамках процедур банкротства физических лиц в Российской Федерации. Автором анализируется эволюция нормативного регулирования данного института в исторической ретроспективе — от римского частного права до современных социально ориентированных подходов европейских правопорядков и постсоветской российской правовой системы. Особое внимание уделяется проблеме дуалистической квалификации статуса «единственного жилья» в ситуациях, когда

должник обладает объектами недвижимости на территории Российской Федерации и за её пределами. Обосновывается вывод о том, что конституционный принцип защиты права на жилище, реализуемый в пределах юрисдикции Российской Федерации, в совокупности с фактическими обстоятельствами проживания должника (состав семьи, характер пользования объектом, отсутствие альтернативного пригодного жилья) позволяет судам сохранять баланс между интересами кредиторов и социальными гарантиями должника. Практическая значимость исследования заключается в выявлении тенденции к укреплению социальной функции имущественного иммунитета и признанию возможности существования двух объектов, обладающих статусом «единственного жилья», при условии их функционального разделения и соблюдения критериев пригодности для постоянного проживания.

Ключевые слова: Институт банкротства физических лиц, исполнительский иммунитет, единственное жильё должника, конкурсная масса, конституционное право на жилище, судебная практика, зарубежная недвижимость, дуалистический подход, баланс интересов кредиторов и должника, социальная функция банкротства, арбитражные суды Российской Федерации

Институт банкротства физических лиц в России является сравнительно новым правовым механизмом, направленным на восстановление финансовой стабильности граждан и защиту их основных имущественных прав. Банкротство является важным элементом рыночной экономики, т. к. во все времена существования экономических, имущественных отношений ряд их участников, по разным объективным и субъективным причинам, не могли или не сумели «вписаться» в виражи экономического оборота: не исполняя принятые ими денежные и иные имущественные обязательства, такие участники создают проблемы не только и даже не столько для себя, сколько для своих партнеров и контрагентов[1]. Одним из ключевых аспектов данного процесса является сохранение за должником единственного жилья, что определяется нормами статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также подтверждается судебной практикой[2]. Однако на практике этот вопрос порождает многочисленные споры, связанные с балансированием интересов кредиторов и защитой конституционного права граждан на жилище.

[1] Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Инфотропик Медиа, 2014. С. 432.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2025 № 305-ЭС24-18979 по делу № А41-78725/2023 // Гарант СПС. Электронные данные. Режим доступа. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411549707/ (Дата обращения: 04.04.2026).

Исторически правовые системы разных стран вырабатывали различные подходы к вопросу неприкосновенности жилья должника. Еще в римском праве существовали нормы, ограничивающие возможность взыскания на имущество, жизненно необходимое для должника. Так: «патрон, в свою очередь, в отличие от либертина, был наделен правом на beneficium competentiae (досл. «снисхождение судебной власти») — возможность расплатиться с кредитором лишь в пределах, имеющихся у него (должника) средств»[1].

В Европе в XIX-XX веках в условиях становления капиталистических отношений вводились социально ориентированные нормы, препятствующие массовому выселению должников. В России же в советский период институт банкротства фактически отсутствовал, а после его восстановления в 1990-х годах концепция защиты единственного жилья развивалась постепенно, с учетом зарубежного опыта и национальных реалий.

В современной правоприменительной практике институт иммунитета единственного жилья должника в рамках процедуры банкротства реализуется с опорой на конституционные гарантии права на жилище. Судебные органы при рассмотрении дел о банкротстве, как правило, исходят из принципа недопустимости обращения взыскания на жильё, которое является для гражданина-должника единственным пригодным для постоянного проживания. При этом ключевым критерием остаётся не только юридический статус жилого помещения, но и фактические обстоятельства проживания, включая состав семьи и альтернативные условия для проживания. Несмотря на наличие противоречивой судебной практики, в целом складывается тенденция к укреплению социальной функции иммунитета, направленной на обеспечение минимально необходимого уровня жизнеобеспечения для банкрота.

Так, например, Конституционный Суд РФ в своем постановлении подчеркивает, что: «положения статьи 446 ГПК Российской Федерации, запрещающие обращать взыскание не на любое принадлежащее должнику жилое помещение, а лишь на то, которое является для него единственным пригодным для проживания, направлены на защиту конституционного права на жилище не только самого должника, но и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, а также на обеспечение охраны государством достоинства личности»[2]. Тем самым, Конституционный Суд РФ увеличивает социальную значимость единственного имущества.

[1] Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / Д. В. Дождев ; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. С. 471.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». // Доступ из справ.-правовой системы система «Консультант Плюс». (Дата обращения: 04.04.2026).

В случаях, когда должник владеет двумя объектами недвижимости — одним в России, другим за рубежом — возникает правовая неопределённость относительно применения имущественного иммунитета. В российском законодательстве имущественный иммунитет защищает единственное пригодное для проживания жильё от взыскания. Однако при наличии зарубежной недвижимости суды могут усомниться в применимости такого иммунитета к российскому имуществу.

В судебной практике имеются случаи, когда суды признавали возможность обращения взыскания на российское жильё при наличии у должника недвижимости за границей. Например, в одном из дел суд установил, что должник владеет квартирой за пределами России, которая используется для постоянного проживания. В результате российская квартира была включена в конкурсную массу для удовлетворения требований кредиторов.

Так, в деле № А40-41871/2019 должник и его семья постоянно проживали в Италии, владея там недвижимостью. При этом они пытались исключить московскую квартиру из конкурсной массы, ссылаясь на её статус единственного жилья. Суд, учитывая постоянное проживание должника за границей и наличие там недвижимости, отказал в удовлетворении этого требования, посчитав, что московская квартира не является единственным жильём должника. Арбитражный суд города Москвы в своем определении отметил, что: «спорная квартира не является единственным жильем и постоянным местом жительства должника и членов его семьи»[1].

Формально в российском законодательстве отсутствует прямое указание на возможность существования двух «единственных» жилых помещений. Однако, учитывая практику арбитражных судов, можно утверждать, что такая ситуация допустима при определённых условиях. В частности, при рассмотрении дела № А40-41871/2019 Арбитражный суд Московского округа пришел к выводу, что наличие жилого объекта за рубежом не препятствует признанию объекта, расположенного в России, «единственным жильём» должника. Так, например, «…постоянное или временное проживание гражданина Российской Федерации в иностранном государстве само по себе не умаляет правовых гарантий, предоставленных ему Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и представляющих собой неотъемлемые элементы его публично-правовой связи с Российской Федерацией (части 1 и 2 статьи 6 Конституции Российской Федерации)»[2]. Впоследствии, Определение Арбитражного суда города Москвы от 01.07.2021 и

[1] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 01.07.2021 по делу № А40-41871/19-38-48 «Ф» // Картотека арбитражных дел. Электронные данные. — Режим доступа.URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3f73d457-e99b-4054-a957-d3cdcafc17f1/e6b6de86-59c7-405b-b2bb-20f4a1ae7c31/A40-41871-2019_20210701_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True. (Дата обращения: 04.04.2026).

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.12.2021 № Ф05-7005/2021 по делу № А40-41871/2019 // Картотека арбитражных дел. Электронные данные. — Режим доступа. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3f73d457-e99b-4054-a957-d3cdcafc17f1/ef216dde-e7e4-4144-af58-910635d3a74f/A40-41871-2019_20211215_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True. (Дата обращения: 04.04.2026).

постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2021 по 38 делу №А40-41871/19 было отменено.

Суды мотивируют свою позицию с учетом положений, раскрывающих понятие жилого помещения. Например: «действующая в настоящее время система государственного учета жилищного фонда, исходя из нового гражданского и жилищного законодательства Российской Федерации, в качестве критерия называет фактическую пригодность жилого строения для постоянного проживания»[1]. Тем самым, соотнесение недвижимости за границей к жилому помещению затруднительным, так как установить факт пригодности для проживания жилья в другой стране проблематично.

Кроме этого, в деле № А40-207896/2019 с практически идентичными обстоятельствами установлено, что должник постоянно проживал в Израиле. Первоначальным решением суда первой инстанции был утверждён порядок и сроки реализации его имущества, при этом в удовлетворении ходатайства об исключении из конкурсной массы московской квартиры было отказано. Однако, Девятый арбитражный апелляционный суд пересмотрел мотивировочную часть акта и предписал обеспечить должника замещающим жилищем. Арбитражного суд Московского округа, рассматривая кассационную жалобу от БАНК ВТБ (ПАО), оставил решение апелляционного суда без изменений, указав, что: «Лишение же должника единственного жилья на территории Российской Федерации повлекло бы за собой возникновение трудностей при возвращении указанного лица в Российскую Федерацию и стало бы предпосылкой к положению, при котором должник и члены его семьи оказались лишены возможности постоянного проживания в принадлежащим им на законном праве собственности помещении на территории Российской Федерации. Такая ситуация - в нарушение конституционных предписаний статей 21, 27 (часть 1) и 40 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации - по существу означала бы неисполнение государством конституционно-правовой обязанности по соблюдению и защите прав и свобод гражданина Российской Федерации»[2].

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан» // Доступ из справ.-правовой системы система «Консультант Плюс». Электронные данные. — Режим доступа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56788/. (Дата обращения: 04.04.2026).

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.12.2022 № Ф05-28703/2021 по делу № А40-207896/2019 (Определением Верховного Суда РФ от 21.04.2023 № 305-ЭС22-1532(2) отказано в передаче дела № А40-207896/2019 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления) // Картотека арбитражных дел. Электронные данные. — Режим доступа.URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5cb474a9-a58c-40d3-8e39-5ac056e5b10a/0a17cf44-9325-46e2-aad4-dc97444a4628/A40-207896-2019_20221220_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True. (Дата обращения: 04.04.2026).

Также в судебной практике имеются случаи, когда суды признавали исполнительский иммунитет за жильем по месту постоянного жительства лица при наличии нескольких жилых помещений. Так в деле о банкротстве должник был зарегистрирован и постоянно проживал в комнате в Москве вместе с супругой, которая не имеет постоянного жилья. Должник подал ходатайство об исключении из конкурсной массы жилого дома для проживания его нетрудоспособной матери, которое было удовлетворено судом. Суд отметил, что ходатайство об исключении дома для проживания нетрудоспособной матери при доведении сведений о местах фактического проживания и трудоустройства должника не могло учитываться как волеизъявление на оставление за собой дома[1].

В заключении необходимо сказать, что на основании проведённого анализа судебной практики и правовых норм можно сделать вывод, что институциональное понимание концепта «единственного жилья» в сфере банкротства приобретает гибкий характер. Несмотря на классическое толкование, предусматривающее защиту только одного объекта недвижимости, практика арбитражных судов демонстрирует возможность признания в ряде случаев статуса единственного жилья для двух объектов, независимо от расположения на территории одного или двух государств. В частности, если недвижимое имущество, расположенное за пределами Российской Федерации, не используется в качестве основного места проживания, а объект, находящийся на территории РФ, является единственным пригодным для постоянного проживания жильём, суд может оставить его иммунитет от взыскания. Таким образом, наличие зарубежного жилища не лишает российский объект иммунитета, что подтверждено решениями судов.

Данное положение основывается на принципе защиты конституционных прав граждан на жилище, реализуемого исключительно в пределах юрисдикции Российской Федерации. Суд, принимая решение по делам, руководствуется не только формальным юридическим статусом имущества, но и конкретными обстоятельствами проживания должника, включая состав семьи, характер использования жилья и наличие альтернативных вариантов для проживания, а также критерием недопустимости вынуждения к изменению места жительства лица. Такой подход позволяет сохранить баланс между интересами кредиторов и защитой прав должника, что особенно актуально в условиях современной правоприменительной практики.

Таким образом, практическая значимость полученных результатов состоит в том, что в условиях разнообразия имущественных структур граждан

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.02.2024 № 305-ЭС23-19331 по делу № А40-134229/2022 // Гарант — СПС. Электронные данные. — Режим доступа. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408503955/?ysclid=mnkut0v1o3538862128 (Дата обращения: 04.04.2026).

возможны случаи, когда у должника одновременно может быть признан статус «единственного жилья» как для объекта, находящегося в Российской Федерации, так и для зарубежного объекта, при условии их функционального разделения и соблюдения установленных критериев пригодности для постоянного проживания. Этот вывод свидетельствует о наличии дуалистического подхода к оценке имущественного иммунитета и укрепления механизмов защиты прав граждан в процедуре банкротства.

Научная статья
УДК 347.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Ксения Павловна ЖУРИКОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
k.zhuuur14@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Михаил Юрьевич ПОРОХОВ**, more03@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы применения института обеспечительных мер в цивилистическом процессе, анализируются основные проблемы, возникающие при их применении.

Ключевые слова: обеспечительные меры, иск, судебное решение, арест, третьи лица

Институт обеспечения иска занимает важное положение в системе гражданского и арбитражного процесса. Подавая исковое заявление, добросовестный истец не всегда может полагаться на полноту и достоверность предъявляемых им требований как залог успешного разрешения дела по существу. Нередко ответчик, уведомленный о начале производства в отношении него, всеми способами пытается сгладить процесс наступления негативных последствий, в том числе и скрывая имущество. Для эффективной охраны законных интересов граждан в реализации права на подачу иска и судебную защиту в цивилистическом процессе существует институт обеспечения иска.

Помимо защиты истца на случаи, когда ответчик действует недобросовестно, институт обеспечительных мер в цивилистическом процессе призван в том числе и регулировать судопроизводство от излишней затянутости. Большое количество дел, возможности обхода и продления процессуальных сроков чрезмерно удлиняют процесс судебного разбирательства, что в разы может сократиться применением обеспечительных мер.

Анализируя нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), как и цивилистическое законодательство в целом, мы не обнаружим конкретного понятия обеспечительных мер. Определение можно вывести из общего содержания и толкования нормативных актов, что в правоприменительной практике вызывает немало сложностей. Так, под обеспечением иска понимается совокупность мер, которые гарантируют реализацию судебного решения в случае удовлетворения исковых требований[1]. Цель института обеспечительных мер закреплена и на законодательном уровне. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»[2] указано, что обеспечительные меры направлены на предотвращение нарушения и законных интересов заявителя, создание условий для эффективной реализации прав и исполнения решения.

ГПК РФ в статье 140 устанавливает виды обеспечительных мер, которые суд может применить в гражданском процессе: 1) наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц; 2) запрещение ответчику совершать определенные действия; 3) запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства; 3.1) возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет"; 4) приостановление реализации имуще-

[1]Цуканов С. С. Правовое регулирование обеспечительных мер в гражданском процессе / С. С. Цуканов // Значение толкования права в процессе реализации норм права : Материалы научно-практических конференций и круглых столов кафедры теории и истории права и государства: Межрегиональной конференции, Всероссийского научно-практического семинара, Межкафедрального круглого стола, Межрегионального круглого стола и Всероссийской конференции, Хабаровск, 15 апреля 2019 года – 22 2024 года. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. С. 72—77.

[2]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/co№s_doc_LAW_448842/ (дата обращения: 03.03.2026).

ства в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста (исключении из описи); 5) приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке. Суд также может применить иные меры, если это необходимо для обеспечения прав истца, при этом этот перечень не является исчерпывающим[1].

Арбитражное законодательство в статье 91 АПК предусматривает в качестве обеспечительных мер наложение ареста на денежные средства (в том числе денежные средства, которые будут поступать на банковский счет) или иное имущество, принадлежащие ответчику и находящиеся у него или других лиц; запрещение ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора; возложение на ответчика обязанности совершить определенные действия в целях предотвращения порчи, ухудшения состояния спорного имущества; передача спорного имущества на хранение истцу или другому лицу; приостановление взыскания по оспариваемому истцом исполнительному или иному документу, взыскание по которому производится в бесспорном (безакцептном) порядке; приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста[2].

Законодательство закрепляет правило о соразмерности заявленных требований принимаемым обеспечительным мерам. Данные меры имеют срочный характер и направлены на защиту имущественных интересов заявителя**.**

Основания для применения обеспечительных мер закреплены в статьях 139 ГПК РФ и 90 АПК РФ. Они предполагают, что заявитель должен доказать реальность угрозы нарушения своих прав и интересов. Основным критерием является наличие вероятности того, что исполнение судебного решения станет невозможным или затруднительным без применения таких мер[3]. Однако конкретные случаи, в которые данные меры применены, законодателем не уточнены. Тезис об обеспечении иска во всяком положении дела, если непринятие мер по обеспечению иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда[4], неоднозначно интерпретируется судами.

---

[1]Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 № 138-Ф [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/5359982979c645078ed8ea4ce7b77e65f7e9403a/ (дата обращения: 03.03.2026).

[2]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/a9899e96d1cb4facf1f548710114f5fa835bdfa6/ (дата обращения: 25.03.2026).

[3]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-Ф [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/423f9d9a780f25b98ae62c9a7de12f5a67bfd242/ (дата обращения: 03.03.2026).

[4]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-Ф [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/423f9d9a780f25b98ae62c9a7de12f5a67bfd242/ (дата обращения: 23.03.2026).

Однако на данный момент присутствуют сложности в правовом регулировании полноценного применения указанных мер. Так, правоприменительная практика судов складывается неоднозначным образом. Часть судов сталкивается с ситуациями, когда заявитель не может подтвердить реальность угрозы, что приводит к отказу в принятии обеспечительных мер.

Однако немалое количество дел связано с противоположной практикой – злоупотреблением правом на применение обеспечительных мер, что наносит необоснованный имущественный ущерб другой стороне[1]. Весьма абстрактная формулировка оснований применения обеспечительных мер позволяет рассматривать достаточно широкий круг обстоятельств, которые суд может посчитать важными для применения мер по обеспечению иска[2].

Можно сделать вывод о том, что каждая отдельная ситуация и разрешение требования о принятии обеспечительных мер должно рассматриваться в контексте конкретного дела. Несмотря на необходимость конкретизации формулировки обстоятельств, на которые ссылается сторона, суд должен выносить решение по существу, исходя из особенностей дела. Так, в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2018 г. № 305-ЭС17-18862, суд отмечает, что для применения обеспечительных мер не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора, заявитель представляет только доказательства наличия, оспоренного или нарушенного права, а также его нарушения[3].

Немаловажной проблемой остается пробел в законодательном регулировании применения обеспечительных мер в отношении имущества по делу, которое принадлежит третьим лицам.

Арест на имущество подразумевает запрет по распоряжению им до окончания судебного разбирательства. При этом к имуществу в рамках настоящей статьи также относятся денежные средства, иные ценности, а также электронные денежные средства, находящиеся на счетах в кредитных организациях. Одной из мер по обеспечению иска является наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц (п. 1 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ)[4].

---

[1]Богданов Н. А. Общая характеристика обеспечительных мер в гражданском процессе / Н. А. Богданов // Архонт. 2024. № 12(51). С. 94—100.

[2]Булатских М. М., Шумских Д. В. Проблемы применения обеспечительных мер в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №10—3. С. 35—38.

[3]Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 марта 2018 г. № 305-ЭС17-18862 [Электронный ресурс] // ГарантРу. – URL.: https://www.gara№t.ru/products/ipo/prime/doc/71811854/ (дата обращения: 09.03.2026).

[4]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-Ф [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/39caba00b72aa4223f1164d7194f95de4217590b/?ysclid=m№6csekivu15111006 (дата обращения: 25.03.2026).

Немаловажной проблемой остается пробел в законодательном регулировании применения обеспечительных мер в отношении имущества по делу, которое принадлежит третьим лицам.

В 2017 году была законодательно введена возможность наложения ареста на имущество третьих лиц (абз. 2 п. 5 ст. 61.16 Закона «О банкротстве»)[1], а в Постановлении Пленума Верховного суда от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» указан набор критериев для рассмотрения заявления о принятии обеспечительных мер, в числе которых содержится в том числе и предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов и интересов третьих лиц[2]. Однако суды по-разному подходят к проблеме применения обеспечительных мер в отношении активов третьих лиц. Применяемы судами нормы толкуются расширительно, в связи с чем возникает проблема неоднородности правоприменительной практики. Верховный Суд, корректируя практику, придерживается позиции повышенного стандарта доказывания при введении обеспечительных мер в отношении имущества третьего лица. Так, ВС РФ вынес определение № 305-ЭС23-27424 (1-13) по делу № А40-67702/2021, в котором был наложен арест на имущество должника-банкрота, а также девятнадцати родственников. В нем суд отметил, что нельзя применять коллективную ответственность в отношении всех родственников банкрота лишь по признаку родства[3]. Третье лицо имеет намного меньше инструментов для защиты своих прав (при необоснованности или чрезмерности применяемых обеспечительных мер), чем у лица, участвующего в производстве по делу о банкротстве, возникает необходимость в унификации подходов, связанных с определением объема и содержания доказывания заявителем оснований для принятия обеспечения, и учета критериев, изложенных в постановлении Пленума ВС № 15.

Подводя итог вышеизложенному, стоит подчеркнуть важность института обеспечительных мер в цивилистическом процессе как одного их способов защиты прав и законных интересов сторон. Однако на данном этапе

---

[1]Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/bb486bf85b316549b23bb7c2b28166120a994cdd/ (дата обращения: 09.03.2026).

[2]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/ (дата обращения: 09.03.2026).

[3]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 № 305-ЭС23-27424(1-13) по делу № А40-67702/2021 [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. – URL.: https://legalacts.ru/sud/opredele№ie-sudeb№oi-kollegii-po-eko№omicheskim-sporam-verkhov№ogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18072024-№-305-es23-274241-13-po-delu-№-a40-677022021/ (дата обращения: 09.03.2026).

существует ряд пробелов в законодательном регулировании рассматриваемого института. Так, видится целесообразным конкретизировать перечень обстоятельств, на которые ссылается сторона при предъявлении требования о применении обеспечительных мер в целях исключения возможности излишнего расширительного толкования судами данного перечня. Кроме того, необходимо детальнее регламентировать процедуру применения обеспечительных мер к имуществу третьих лиц в связи с возникающими сложностями на практике и частым нарушением их законных интересов. Институт обеспечения иска выступает гарантом реализации эффективной исполняемости решений и требует комплексного подхода для разрешения возникающих правоприменительных сложностей.

Научная статья
УДК 347.9

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Александра Ростиславна ИВАНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
iva.alexandera@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Нина Александровна ВАСИЛЬЧИКОВА,** nivasil@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается проблема применения процессуальных гарантий прав участников Специальной военной операции в гражданском судопроизводстве. Актором рассматриваются особенности защиты прав участников СВО, приостановления гражданского судопроизводства в связи с участием одной из сторон в СВО, а также казусы судебной практики.

Ключевые слова: Специальная военная операция, участники СВО, защита прав участников СВО, приостановление гражданского судопроизводства, добросовестность, прокурор

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, состоявшемся 19 марта 2026 года, проанализированы итоги работы органов прокуратуры в 2025 году и определены дальнейшие

задачи по укреплению законности и правопорядка, в том числе поставлена задача по защите прав и законных интересов граждан. При этом, как подчеркнул в своем выступлении Президент Российской Федерации В. В. Путин, «самое серьезное внимание следует уделять проблемам, с которыми обращаются в прокуратуру участники специальной военной операции и члены их семей»[1].

С самого начала Специальной военной операции (далее — СВО) поддержка и уважение прав участников — военнослужащих и их семей становятся неотъемлемой частью обеспечения гармонии и стабильности в обществе. Эти ценности не только отражают нашу признательность за их жертвенность и неоценимый вклад в государственность, но и формируют фундамент доверия между государством и его гражданами, что особенно важно в условиях постоянных внешних и внутренних вызовов.

Вместе с тем, несмотря на повышенные гарантии защиты прав участников СВО и членов их семей в порядке гражданского судопроизводства, имеют место определенные проблемы, что подтверждается материалами правоприменительной практики.

Одна из таких проблем связана с приостановлением производства по делу. Согласно действующей редакция абз. 4 ст. 215 ГПК РФ[2], суд обязан приостановить производство по делу в случае «участия гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, в проведении контртеррористической операции, призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, выполнения им задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, если такой гражданин не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие».[3] Аналогичные положения закреплены в п. 2 ч. 1 ст. 143 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 190 КАС РФ и Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ» Об исполнительном производстве».

Действие нормы абз.4 ст.215 ГПК РФ распространяется на любую сторону гражданского судопроизводства — как на ответчика, так и на истца, что позволяет истцу-участнику СВО инициировать процесс для фиксации обстоятельств и получения обеспечения, а затем после возвращения из зоны

---

[1]Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры // Кремлин.ру [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79360 (дата обращения: 31.03.2026).

[2]В редакции Федеральных законов от 29.12.2022 № 603-ФЗ; от 25.12.2023 №639-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[3]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года №138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №46. Ст. 4532.

боевых действия лично участвовать в рассмотрении дела (давать объяснения, представлять доказательства и принимать участие в их исследовании, заявлять те или иные ходатайства).

Стоит отметить, что приостановление производства по делу по рассматриваемому основанию — это не право, а обязанность суда, что, как показывает практика, не всегда учитывается.[1] Классический пример: истец-супруга обратилась с иском к мужу-участнику СВО о разделе совместно нажитого имущества (дома, земельного участка и денежных средств). Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования, с выводом суда согласились суды проверочных инстанций (апелляционный, кассационный суд общей юрисдикции), но не согласилась судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ). Отменяя вынесенные постановления нижестоящих судов, ВС РФ обращает внимание, что суд обязан был приостановить производство по делу, поскольку ответчик участвовал в боевых действиях и не заявлял ходатайство о рассмотрении дела в свое отсутствие.[2]

В условиях, когда участник СВО объективно не может лично участвовать в процессе, ключевую роль по защите его прав и законных интересов в суде играет прокурор. В соответствии с ч.1 ст. 45 ГПК РФ, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав граждан, если они по состоянию здоровья, возрасту или другим уважительным причинам не могут сделать это самостоятельно.

Правоприменительная практика к числу «других уважительных причин», относит в том числе и нахождение гражданина в зоне боевых действий. Например, суд удовлетворил иск прокурора Самарской области по требованию о включении вдовы и ребенка погибшего в договор социального найма, который не был переоформлен при жизни бойца.[3]

Кроме того, прокурор обладает правом на принесение апелляционного представления на незаконные судебные решения (ст. 320 ГПК РФ), что служит эффективным механизмом исправления ошибок судов первой инстанции, проигнорировавших обязанность приостановить производство по делу.

Однако существует и обратная сторона рассматриваемой проблемы. Приостановление судопроизводства в связи с участием стороны в СВО на длительный и неопределенный период существенным образом препятствует защите прав и интересов второй стороны процесса и порождает правовую неопределенность, в том числе в отношении статуса спорного имущества.

---

[1]«Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[2]Определение Верховного суда от 08.04.2025 по делу № 24-КГ25-4-К4 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[3]В Самарской области прокуратура защитила жилищные права семьи погибшего участника специальной военной операции//Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/№ews/archive/e5836732/ (дата обращения: 31.03.2026).

Одним из принципов гражданского судопроизводства, закреплённым в ст.12 ГПК РФ, является осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон. Но в таких случаях складывается ситуация, когда защищаются права участников СВО, и невольно нарушаются права другой стороны, не обладающей статусом участника боевых действий. Кроме того, высок риск возможных злоупотреблений, недобросовестного поведения обеих сторон. Такая ситуация особенно актуальна для рассмотрения споров, вытекающих из семейных правоотношений, в которых необходимо осуществлять защиту прав супруги с детьми в случае, когда супруг-отец принимает участие на СВО.

С нашей точки зрения, решение обозначенной проблемы видится в следующем. В первую очередь, в подобных случаях необходимо заявлять ходатайства о принятии мер по обеспечению иска. В зависимости от предмета и сложности спора, такие меры могут быть разнообразными. В семейных делах самыми распространенными мерами по обеспечению иска являются: по исковым требованиям об имуществе — арест и запрет совершения регистрационных действий; по исковым требованиям в защиту интересов детей: определение места жительства детей — на период до вступления решения суда в законную силу; взыскание алиментов — на период до вынесения судом решения.

Конечно же, принятие судом мер по обеспечению иска не единственно возможный вариант действий. Несмотря на приостановление производства по делу, своевременное предъявление искового заявления позволяет избежать пропуска срока исковой давности и закрепить важные обстоятельства по делу — например, дату фактического прекращения брачных отношений, порядок пользования имуществом и желаемый вариант раздела, и другие.

С точки зрения участника СВО, возможны обстоятельства, при которых целесообразнее обратиться в суд за защитой своих прав до возвращения из зоны СВО. Особенно важно предъявить иск в случае риска пропуска срока исковой давности. В правоприменительной практике ещё не сложился единый подход к вопросу: подлежит ли восстановлению процессуальный срок, пропущенный ввиду участия в СВО. Вместе с тем, после принятия искового заявления к производству, как отмечают Федин В. В., Ярыгин И. С., суд будет обязан приостановить производство по делу ввиду участия стороны в проведении СВО.[1]

Отметим, что наличие у участника СВО представителей, действующих на основании доверенности или ордера, не влияет на факт приостановления производства по делу. В таком подходе имеется определенный смысл — действительно, представители могут осуществлять процессуальные права в

[1]Федин В. В., Ярыгин И. С. Реализация прав членов семей военнослужащих — участников Специальной военной операции на меры государственной поддержки в судебном порядке // Вестник магистратуры. 2025. №7 (166). С.73.

интересах доверителя без его непосредственного участия (например, заявить ходатайство о приостановлении производства по делу). Однако, сложные дела требуют постоянной связи с доверителем, консультаций, определения тактики по делу и выяснения обстоятельств.

Также важно отметить об особенностях приостановления исполнительных производств в связи с участием граждан в проведении СВО. В соответствии с законодательством об исполнительном производстве [1] судебные приставы-исполнители обязаны полностью или частично приостановить исполнительное производство с участием, например, мобилизованного должника. Однако в ч. 1.1 ст. 40 ФЗ «Об исполнительном производстве» специально предусмотрено, что такое основание для приостановления не распространяется на требования по алиментным обязательствам. Следовательно, участник СВО будет обязан выплачивать алименты даже в том случае, если все другие взыскания с него приостановлены.

Проблемным остается вопрос документального подтверждения статуса участника СВО. При утере удостоверения ветерана боевых действий или при отсутствии записей в военном билете (характерно для добровольческих формирований) суды нередко отказывают в принятии заявлений, не принимая свидетельские показания допустимым доказательством в деле об установлении факта участия гражданина в боевых действиях, требуя исключительно письменные документы из воинских частей. Однако Президиум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 8-ПВ16 указал, что такой подход неправомерен, так как лишает граждан права на судебную защиту в ситуации, когда документы по объективным причинам отсутствуют.[2]

В то же время наличие статуса участника СВО не освобождает лиц от необходимости добросовестно пользоваться гражданскими процессуальными правами, на что прямо указывают суды в своих постановлениях. Например, компания просила предоставить отсрочку по уплате госпошлины за рассмотрение кассационной жалобы в Верховном суде РФ, ссылаясь на то, что директор проходит военную службу в зоне СВО. Однако Верховный суд РФ отказал в предоставлении отсрочки по уплате госпошлины и вернул жалобу заявителю, указав, что суд может предоставить отсрочку уплаты госпошлины только при наличии доказательств тяжелого имущественного положения заявителя. Организация же не представила таких доказательств, и факт прохождения директором военной службы не влияет на финансовое состояние юридического лица.[3]

---

[1] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 октября 2016 г. № 8-ПВ16 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[3] Определение Верховного суда от 17.06.2025 № 309-ЭС25-6673 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

Не вызывает сомнения, что добросовестное поведение требуется от всех участников гражданских правоотношений. Например, банк не вправе игнорировать льготы по оплате просроченной кредитной задолженности для участников СВО. Суды должны анализировать: возникла ли просрочка по объективным обстоятельствам, связанным со службой, или же заемщик пытается использовать свой статус для уклонения от обязательств. Например, если заемщик исправно платил до призыва, а после мобилизации или ранения лишился дохода — это весомый аргумент. Напротив, если платежи прекратились задолго до призыва, суд не примет ссылку на льготу. Конкретный пример: заемщик просил расторгнуть кредитный договор из-за существенного изменения обстоятельств и ссылался на участие в СВО. Также он указал, что банк злоупотребил правом и почти восемь месяцев не исполнял судебное решение об обращении взыскания на залог, что привело к росту задолженности. Первая инстанция частично удовлетворила иск банка и отказала во встречном иске. Апелляция и кассация оставили решение без изменения. Верховный суд РФ отменил все судебные постановления, указав, что банк, затягивая процедуру взыскания заложенного имущества, действовал недобросовестно. Такая задержка могла быть направлена на искусственное увеличение задолженности за счет начисления дополнительных пеней. Более того, суды не учли особый статус заемщика как участника СВО, который в соответствии с федеральным законом имеет право на льготный период по кредитным обязательствам.[1]

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что существующая в настоящее время нормативная правовая база в целом обеспечивает необходимый уровень защиты прав участников СВО, однако ее эффективность снижается из-за правоприменительных ошибок. Основной проблемой является игнорирование судами обязанности по приостановлению производства по делу, что требует внимания со стороны апелляционных и кассационных инстанций при обжаловании вынесенных судом решений по делу. Важную правозащитную функцию выполняют органы прокуратуры путем обращения прокурора с заявлением в суд в порядке ч.1 ст.45 ГПК РФ в защиту прав и законных интересов участников СВО.

[1]Определение Верховного суда от 08.07.2025 по делу № 88-КГ25-3 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 347.9

ПРОБЛЕМА ОБЖАЛОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБ ОСТАВЛЕНИИ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ БЕЗ ДВИЖЕНИЯ В СВЯЗИ С НЕДОСТАТКОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Егор Андреевич ТРЕТЬЯКОВ[1], Игорь Дмитриевич КАДАКИН[2]
[1, 2] Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
[1] Egortretiakov68@gmail.com

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «СГЮА», кандидат юридических наук **Михаил Юрьевич ЛЕБЕДЕВ**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы невозможности обжалования оставления искового заявления без движения при недостатке или отсутствии доказательств, приложенных к заявлению. Анализируются учебная литература, нормативно-правовые акты и судебная практика. Автор приходит к выводу о том, что наиболее актуальной проблемой является несоблюдение процессуальных сроков.

Ключевые слова: исковое заявление, оставление без движения, доказывание, подача искового заявления

Гражданское судопроизводство основывается на фундаментальных принципах состязательности и равноправия сторон, что предопределяет распределение бремени доказывания, когда обязанность обосновывать обстоятельства, на которых построены требования, лежат на участниках процесса. И. В. Решетникова справедливо указывает, что субъект, ответственный за результат процессуального действия, должен обладать соответствующими полномочиями. Таким образом, процессуальные риски в этих вопросах почти в полном объеме несут стороны. Каждая сторона несет обязанность доказывания, невыполнение которой может повлечь для нее негативные последствия[1]. В сложившейся практике дискуссионным остается вопрос о возможности и невозможности обжалования определения суда об оставлении искового заявления без движения в связи с недостатком доказательств или не представлении оригиналов документов, подтверждающих заявленные требования.

[1]Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве / И.В. Решетникова. М. : Статут, 2019. 510 с.

В части 1 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) закрепляет возможность содействия суда в собирании и истребовании доказательств, если их представление затруднительно для лиц, участвующих в деле[1]. Тем не менее, право на ходатайство об оказании содействия в собирании и истребовании доказательств возникает у заявителя лишь после принятия иска к производству. Кроме того, к моменту подачи искового заявления, данные документы, обосновывающие требования, должны быть не только перечислены, но и фактически приложены. При несоблюдении требования закона возникает риск оставления заявления без движения, а неустранение недостатков в установленный судом срок — его последующее возвращение.

Статьи 131 и 132 ГПК РФ содержат требования к форме и содержанию искового заявления, в случае их несоблюдения заявление остается без движения, о чем выносится определение, в котором суд мотивирует свое решение и устанавливает срок для устранения нарушений (ч. 1 ст. 136 ГПК РФ). Действующая редакция кодекса не предусматривает возможности обжалования данного. Если заявитель не выполнит указания суда вовремя, исковое заявление будет возвращено. А получение какого-либо содействия суда в получении доказательств, необходимых для подтверждения обстоятельств, невозможно, так как дело еще не возбуждено.

Вопрос о конституционности ст. 136 ГПК РФ неоднократно рассматривался Конституционным Судом Российской Федерации. Так, например, в рамках дела по жалобе Ф. Р. Махмутова Суд констатировал, что нормы ст. 131, 132 и 136 ГПК РФ не противоречат Конституции РФ, так как направлены на реализацию принципов состязательности и равноправия сторон, к тому же создают условия для всестороннего исследования доказательств и правильного применения закона[2]. А в деле Г. Н. Яковлевой КС РФ уточнил, что невозможность отдельно обжаловать определение об оставлении искового заявления без движения не ущемляет права граждан, поскольку не препятствует дальнейшему движению дела[3]. Законность определения может быть проверена судом апелляционной инстанции одновременно с обжалованием определения о возвращении искового заявления, о чем также говорит Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №16[4].

---

[1]«Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532; СЗ РФ, 17.04.2025, № 14, ст. 1582.

[2]Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 2105-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на Махмутова Ф.Р. о нарушении его конституционных прав статьями 131, 132 и 136 ГПК РФ // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[3]Определение Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. №2705-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-ки Яковлевой Г.Н. на нарушение ее конституционных прав статьей 136 ГПК РФ // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[4]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета, №144, 02.07.2021.

Отсутствие в действующем законодательстве права на самостоятельное обжалование определения об оставлении искового заявления без движения нередко создает почву для вынесения судами необоснованных актов. В подобных случаях суды фактически выходят за пределы полномочий, предъявляя к истцам избыточные требования. К примеру, в определениях зачастую отмечается необходимость представления дополнительных доказательств или подлинников документов вместо копий на стадии возбуждения дела. Также суды неоправдано требуют описи вложения в почтовые отправления в адрес сторон или нотариально заверенных копий дипломов представителей о высшем юридическом образовании, что не предусмотрено нормами процессуального права как обязательное условие для принятия иска.

Вопрос о необходимости представления дополнительных доказательств выносится на обсуждение сторон на стадии подготовки дела или непосредственно в ходе разбирательства, если это требуется для всестороннего и объективного рассмотрения спора. Несмотря на закрепленную законом обязанность истца обосновать свою правовую позицию, он самостоятельно определяет перечень представленных документов и сведений. Процессуальное законодательство не содержит императивных требований о представлении строго определенных доказательств по той или иной категории дел, оставляя истцу право самостоятельно определять объем представляемых материалов, оценку которым в дальнейшем дает суд при разрешении спора по существу.

Требование о предоставлении оригиналов документов на стадии подачи иска также ограничено законом. В соответствии со ст. 132 ГПК РФ истец обязан приложить к иску лишь оригинал документа, который бы подтверждал уплату государственной пошлины. Прочие документы могут быть представлены в виде копий, которые должны быть изучены и проверены судом в ходе предварительного или основного судебного заседания. Следовательно, на стадии принятии искового заявления суд не вправе оставлять его без движения по мотиву отсутствия оригиналов документов или дополнительных доказательств. Такие требования можно считать не обоснованными, поскольку истец на данной стадии может объективно не располагать запрашиваемыми материалами.

Не менее актуальной проблемой остается нарушение процессуальных сроков направления определения об оставлении искового заявления без движения. Вопреки требованию ч. 1 ст. 136 ГПК РФ о направлении акта не позднее следующего дня после его вынесения, на практике копии определений зачастую высылаются истцам с существенной задержкой. В результате заявитель получает уведомление, в то время, когда установленный срок для устранения недостатков уже истек либо остался совсем минимальным. Что фактически лишает истца возможности исправить замечания суда, а это

неизбежно может привести к возврату иска и создать препятствия для реализации конституционного права на судебную защиту.

Таким образом, истец фактически лишается реальной возможности устранить выявленные недостатки, что, как правило, влечет возвращение искового заявления и ставит под угрозу реализацию конституционного права на судебную защиту.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что исковое заявление должно строго соответствовать установленным законом требованиям к форме и содержанию. Процессуальная обязанность истца включает не только изложение обстоятельств, на которых основывается требования, но и представления подтверждающих их доказательств. Эти доказательства, будь то письменные или вещественные, подлежат обязательному приложению к заявлению. При несоблюдении этих условий суд вправе оставить иск без движения, установив разумный срок для исправления недостатков. Неисполнение указаний судьи в назначенный срок влечет за собой возврат заявления, что создает риск нарушения баланса между принципом состязательности сторон и пределами судебной активности.

Научная статья
УДК 347.9

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ РАССМОТРЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ О ВОЗВРАТЕ РЕБЁНКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ПОДХОДОВ

Софья Анатольевна КОНОВАЛОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
sonyakonovalova05@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Альбина Юрьевна ПИДДУБРИВНАЯ**, alba.78@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются правовые основы рассмотрения, разрешения и исполнения решений о возврате незаконно перемещённого либо незаконно удерживаемого в другом государстве ребёнка. На основе сравнительно-правового анализа российского и европейского законодатель-

ства автором выявлены существенные различия реализации общих принципов, а также пробелы в правовом регулировании. Автор пришёл к выводу о необходимости межгосударственного взаимодействия и имплементации международного опыта для эффективного разрешения дел с целью обеспечения фундаментального принципа – принципа соблюдения наилучших интересов ребёнка.

Ключевые слова: незаконное перемещение ребёнка, незаконное удержание ребёнка, признание иностранных судебных решений, возврат ребёнка

Процесс легализации трансграничных браков в различных государствах не был единовременным: вплоть до XX века, исходя из анализа международной практики, преобладали запреты либо существенные ограничения относительно данного вопроса. Однако позднее критерии признания брака действительным претерпели существенные изменения.

Определяющим в процессе признания трансграничных браков легальными оставался ряд критериев, к которым относились политико-экономические условия, характер межгосударственных отношений, а также социокультурный аспект.

Тем не менее, в современном мире существование такого рода браков не является редкостью: с каждым годом мировое сообщество становится все более интегрированным и сплочённым, а общение преодолевает рамки гражданства и местожительства, в связи с чем возможность заключения трансграничных браков становится обыденной реальностью[1]. Однако любые процессы имеют «две стороны медали»: так, ежегодный рост числа международных браков и детей, рождённых в таких союзах, объективно влечёт за собой и увеличение количества споров, связанных с воспитанием детей и определением порядка общения с ними отдельно проживающих родителей или иных близких родственников, а наличие различий в правовом регулировании указанных отношений в разных странах, нередко носящих характер существенных (особенно в части установления международной юрисдикции, компетенции органов опеки и попечительства, а также применимого права), создают значительные сложности при рассмотрении таких дел.

Для установления определённой унификации в части обеспечения незамедлительного возвращения детей, незаконно перемещённых в любое из государств либо удерживаемых в любом из государств; и обеспечения того, чтобы права опеки и доступа, предусмотренные законодательством одного государства, эффективно соблюдались в других государствах, в 1980 году была принята Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного

[1]Давыдова А. А. Трансграничные браки: современное состояние правового регулирования // Молодой ученый. 2023. №3 (450). С. 333.

похищения детей. Однако эффективность механизмов возвращения ребёнка напрямую зависит от того, насколько последовательно национальные правопорядки реализуют установленные единообразные подходы к исполнению судебных решений.

В рамках настоящей работы как раз-таки исследуются общие принципы рассмотрения и разрешения споров и исполнения судебных решений о возвращении ребёнка, незаконно перемещённого или незаконно удерживаемого на территории другого государства в сравнительно-правовом аспекте на основе анализа Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), «Обзора практики рассмотрения судами дел о возвращении ребёнка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) и Регламента Совета Европейского Союза 2019/1111 от 25 июня 2019 г. о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по брачно-семейным делам и по вопросам родительской ответственности, а также о международном похищении детей (далее – Регламент Совета ЕС).

Первым основанием сравнения является *принцип срочности судопроизводства* по данной категории дел.

В ГПК РФ закреплены определённые процессуальные особенности. Так, ст. 244.12 устанавливает, что дела по заявлениям о возвращении ребёнка или об осуществлении прав доступа на основании международного договора Российской Федерации рассматриваются и разрешаются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными международным договором Российской Федерации и главой 22.2.

Ст. 244.15 определяет предельный срок рассмотрения таких заявлений — не более сорока двух дней со дня принятия заявления судом. В указанный срок включаются подготовка дела к судебному разбирательству и составление мотивированного решения.

Вместе с тем суды могут выходить за рамки установленного срока в исключительных случаях, к числу которых можно отнести заявления ходатайства сторон об отложении судебного заседания с целью представления дополнительных доказательств, ходатайства представителя истца об отложении разбирательства дела в связи с занятостью в другом процессе, а также необходимостью ознакомления с приобщёнными ответчиком документами, ходатайством истца, которому к моменту назначения первого судебного заседания ещё не была выдана виза для въезда в Российскую Федерацию,

об отложении судебного заседания в связи с желанием лично участвовать в судебном заседании[1].

Регламент Совета ЕС, в частности ст. 24, также предусматривает ускоренное рассмотрение подобных дел, предписывая судам использовать наиболее быстрые процедуры, доступные национальным законодательством. Срок вынесения решения, определяемый в шесть недель, носит не рекомендательный, а императивный характер. Кроме того, Регламент определяет сроки на этапе приёма заявления: центральные органы обязаны действовать в пятидневный срок.

Таким образом, российское и европейское законодательство единообразно закрепляют порядок ускоренного рассмотрения дел о возвращении ребёнка. При формальном равенстве основных сроков (6 недель и 42 дня) подходы, тем не менее, различаются: ГПК РФ допускает их вынужденное определенными обстоятельствами продление, в то время как Регламент Совета ЕС устанавливает императивный срок, выход за пределы которого возможен только если произошло что-то экстраординарное (чрезвычайные обстоятельства). Простая занятость судьи, большое количество дел или необходимость запросить дополнительные документы в данном случае, скорее всего, не будут считаться достаточными основаниями. Кроме того, Регламент дополнительно регламентирует досудебную стадию (пятидневный срок для центральных органов), что отсутствует в российском процессуальном законодательстве.

Следующим принципиальным различием двух сравниваемых правопорядков является *механизм признания и исполнения решений иностранных судов*. Так, ГПК РФ, в частности ст. 409, предусматривает важное условие: решение иностранного суда может быть исполнено только при наличии международного договора. Однако даже при соблюдении данного условия национальные суды тем не менее проверяют содержание решения на предмет наличия оснований для отказа от принудительного исполнения решения иностранного суда, содержащихся в ст. 412 ГПК РФ.

В Евросоюзе же данный вопрос урегулирован иначе: там действует принцип взаимного доверия и неукоснительного исполнения решения. Так, согласно ст. 30 и 34 Регламента Совета ЕС решение, вынесенное в одном государстве-члене ЕС, подлежит признанию в других государствах-членах ЕС без требования каких-либо специальных процедур. Исполнение же решения, в том числе и по вопросам родительской ответственности, осуществляется также без каких-либо дополнительных требований, что исключает

[1]«Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

возможность пересмотра решения иностранного суда судом государства-исполнителя и способствует соблюдению принципа срочности судопроизводства.

Данные положения позволяют сделать вывод, что российское законодательство, имея институт признания решений иностранных судов, нацелено на оценку содержания решений через призму национального правопорядка, в то время как европейское законодательство исключает такой подход, прибегая к реализации принципа взаимного доверия без «фильтров» законодательства того или иного государства-исполнителя, что способствует более быстрому приведению к исполнению решений.

Анализ российского и европейского законодательства также позволил выявить ещё одно различие относительно *принципа наилучшего обеспечения интересов ребёнка*.

Российское законодательство относительно данного вопроса проявило формализованность: в статье 57 СК РФ закреплено право ребёнка на выражение своего мнения, которое не ограничено условием о достижении определенного возраста, но установлена обязательность учёта мнения ребёнка, достигшего возраста 10 лет (за исключением ситуаций, когда это противоречит его интересам). Это положение подтверждает и судебная практика, но с определёнными отступлениями: так, по одному из дел суд опросил несовершеннолетних в возрасте 9 лет 3 месяцев и 14 лет 9 месяцев, учтя при этом мнение старшего ребёнка (категорически отказывалась возвращаться в Испанию и выражала желание остаться жить в России), который был признан достигшим степени зрелости, достаточной для учёта её позиции. Также судом было заслушано мнение младшего ребёнка, по результатам которого была установлена её эмоциональная и психологическая привязанность к старшей сестре, что поспособствовало отказу в возвращении детей[1].

Регламент ЕС, в свою очередь, не устанавливает минимального возраста ребёнка, по достижении которого его мнение учитывается в обязательном порядке. Главным критерием, позволяющим суду принять во внимание мнение ребёнка является его зрелость и способность к восприятию[2]. Кроме того, ещё одной особенностью европейского законодательства является гибкость в части выражения мнения ребёнка: оно может быть выражено им непосредственно либо через представителя или через соответствующий орган.

---

[1]«Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

[2]Регламент Совета Европейского Союза 2019/1111 от 25 июня 2019 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по брачно-семейным делам и по вопросам родительской ответственности, а также о международном похищении детей» ст. 21 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

Таким образом, можно прийти к выводу, что сравниваемые правопорядки придают одинаковую значимость учёту мнения ребёнка в делах о его возвращении, однако подходы к реализации данного права ребёнка существенным образом различаются: в то время как российское законодательство устанавливает чётко определённый возрастной ценз, европейское законодательство устанавливает ориентир на индивидуальную оценку зрелости ребёнка и многообразие форм его участия в процессе, что в большей степени соответствует принципу наилучшего обеспечения интересов ребёнка.

Роль центральных и административных органов, способствующих скорейшему возвращению детей, сложно переоценить: их цели и задачи обозначены в упомянутой ранее Конвенции. Однако реализация *принципа содействия данных органов правосудию* различна в российской и европейской правовых моделях.

Так, в ГПК РФ центральные органы упоминаются единожды в ст. 244.19. Также имеется Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 "О центральном органе, отправляющем обязанности, возложенные на него Конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей", которое определяет Министерство Просвещения РФ центральным органом. Однако более подробной регламентации данного института российским законодательством не предусмотрено, что не позволяет сформировать целостное представление о его деятельности и роли в оказании содействия правосудию.

Иначе обстоит ситуация в европейском законодательстве: так, Регламентом Совета ЕС предусмотрена целая глава относительно назначения, задач, сотрудничества с иными органами, роли при непосредственном возвращении ребёнка в другое государство-член ЕС, расходов и заседаний данных органов. Такая подробная регламентация позволяет оценить эффективность данных органов, а также свидетельствует о реальном и непосредственном их участии в процессе по возвращению ребёнка[1].

Указанные доводы свидетельствуют о необходимости устранения правовых лакун путём внесения изменений в российское законодательство в части регламентации деятельности центральных органов.

Таким образом, на основе всего вышесказанного, можем прийти к выводу, что вопрос незаконного перемещения и незаконного удержания ребёнка в другом государстве и его разрешение на сегодняшний день является животрепещущим, в связи с чем требуется его подробная законодательная регламентация. Анализ двух правопорядков: российского и европейского – позволил выявить определённые пробелы, а также существенные различия

[1]Регламент Совета Европейского Союза 2019/1111 от 25 июня 2019 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по брачно-семейным делам и по вопросам родительской ответственности, а также о международном похищении детей» гл. 5 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс».

по отдельным аспектам. Через гармонизацию национальных правовых систем, выработку единого толкования международных конвенций, создание модельного закона возможно достижение главной цели, сформулированной в Конвенции — обеспечение незамедлительного возвращения детей, незаконно перемещённых либо удерживаемых в другом государстве. Дальнейшее исследование данного вопроса открывает большие перспективы для межгосударственного взаимодействия и использования международного опыта для эффективного разрешения дел с целью обеспечения фундаментального принципа — принципа соблюдения наилучших интересов ребёнка.

Научная статья
УДК 347.9

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Юлия Владимировна ПАНАСИЦКАЯ[1], Алина Николаевна СЕРГИЕНКО[2]
[1,2] Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Ростов-на-Дону, Россия, panasitsckaia@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ДЕМЬЯНЕНКО**, elena.demianenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы использования технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в гражданском судопроизводстве. Анализируются правовые и технические аспекты признания материалов, сгенерированных нейросетями, в качестве судебных доказательств. Исследуются риски нарушения принципа непосредственности и состязательности процесса при внедрении ИИ-инструментов. Авторами выделены отдельные проблемы использования доказательств, созданных с помощью нейросетей.

Ключевые слова: гражданский процесс, искусственный интеллект, доказательства, допустимость доказательств, нейросети, цифровизация правосудия, принцип непосредственности

Цифровая трансформация общественных отношений не обошла стороной и сферу судопроизводства. К 2026 году технологии искусственного интеллекта стали неотъемлемой частью работы юридического сообщества.

Нейросети массово используются для составления исковых заявлений, анализа судебной практики и даже для генерации визуального контента, который может выступать в роли доказательств. Однако активное внедрение ИИ в деятельность участников гражданского процесса вступает в противоречие с классическими процессуальными принципами, закрепленными в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ). Возникает острая потребность в осмыслении новых вызовов: как относиться к доказательствам, созданным алгоритмом? Можно ли считать скриншот диалога с ChatGPT надлежащим письменным доказательством? Не нарушается ли принцип непосредственности, когда сторона делегирует нейросети не только техническое оформление, но и смысловое наполнение своей позиции? Настоящая работа посвящена анализу проблем допустимости доказательств, генерируемых или обрабатываемых искусственным интеллектом, и поиску путей их процессуального разрешения.

Вопрос о допустимости доказательств в гражданском процессе является ключевым для обеспечения законности судебного решения. Согласно ст. 55 ГПК РФ, доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон[1]. Принцип допустимости, закрепленный в ст. 60 ГПК РФ, требует, чтобы обстоятельства дела, которые по закону должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могли подтверждаться никакими другими доказательствами. Именно здесь возникает первая коллизия применительно к ИИ.

На практике активно распространяются случаи, когда сторонами в суд общей юрисдикции представляются распечатки переписок из мессенджеров (Max), но при этом текст сообщений или даже сами скриншоты были сгенерированы или отредактированы с помощью нейросетей. С развитием технологий deepfake (дипфейк) становится возможным создание поддельных аудио- и видеозаписей, имитирующих голос и внешность человека с высокой степенью достоверности. В таких условиях суд сталкивается с принципиальной невозможностью верификации источника доказательства традиционными способами. Как отмечается в юридической литературе, «внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс доказывания требует пересмотра традиционных подходов к оценке допустимости доказательств, поскольку алгоритмическая обработка информации может искажать ее первоначальный смысл»[2].

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&№d=102078828.

[2] Саава, Я. А. Электронные доказательства в гражданском процессе // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 409-411. URL: https://moluch.ru/archive/287/64907.

Проблема усугубляется отсутствием в ГПК РФ специальных норм, регламентирующих порядок исследования электронных доказательств, созданных с использованием ИИ. В отличие от Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), где вопросы производства экспертиз детализированы, гражданское процессуальное законодательство не содержит механизмов проверки «происхождения» цифрового объекта. Представляется, что использование ИИ для создания доказательств порождает два основных риска.

Первый риск связан с утратой принципа непосредственности судебного разбирательства (ст. 157 ГПК РФ). Согласно данному принципу, суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон, показания свидетелей, заключения экспертов, ознакомиться с письменными доказательствами. Однако, когда исковое заявление или ходатайство полностью подготовлено нейросетью без глубокого осмысления стороной, суд фактически взаимодействует не с волей участника процесса, а с результатом работы алгоритма. Это ставит под сомнение возможность суда оценить истинное отношение стороны к иску и ее волеизъявление.

Второй риск заключается в размывании критериев относимости и допустимости доказательств. В соответствии со ст. 59 ГПК РФ, суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела. Однако сгенерированный ИИ контент может обладать внешними признаками достоверности, но при этом содержать фактические ошибки или «галлюцинации» (то есть выдуманные нейросетью факты), которые вводят суд в заблуждение. В зарубежной практике уже зафиксированы случаи, когда адвокаты представляли в суд сфальсифицированные нейросетями судебные прецеденты, которых не существовало в реальности[1]. Российские суды также начинают сталкиваться с подобными явлениями, что требует выработки четких критериев проверки.

Анализ судебной практики показывает, что суды общей юрисдикции при оценке электронных доказательств зачастую ограничиваются формальной проверкой наличия скриншота или аудиозаписи, не углубляясь в вопрос о том, не был ли объект сгенерирован или модифицирован с помощью ИИ. В определениях об отказе в приобщении доказательств суды мотивируют свое решение «невозможностью проверить достоверность происхождения» представленного материала»[2].

Решение обозначенной проблемы видится в комплексе мер, включающих как корректировку законодательства, так и развитие правоприменительных подходов.

---

[1] URL: https://www.securitylab.ru/news/556440.php.

[2] Решение АС г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.02.2025 по делу №А56-102880/2024 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/uyRvjrGh7alv/.

Во-первых, целесообразно ввести в процессуальный закон понятие «электронные доказательства», определив их виды и порядок исследования, как это уже сделано в арбитражном процессе[1], но с учетом специфики гражданских дел (споры, вытекающие из семейных, жилищных, потребительских правоотношений).

Во-вторых, требуется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросам использования ИИ в доказывании. В таком разъяснении следует указать, что сторона, представляющая скриншоты переписки или иные электронные документы, должна обосновать их происхождение, а в случае возникновения сомнений в достоверности — суд вправе назначить экспертизу. При этом подлежит разъяснению, что факт использования нейросети для подготовки процессуальных документов сам по себе не может являться основанием для отказа в их принятии, но не освобождает сторону от обязанности подтвердить изложенные в них факты иными доказательствами.

В-третьих, следует развивать институт судебной экспертизы в гражданском процессе, включив в перечень экспертных специальностей «судебную компьютерно-техническую экспертизу» с акцентом на методы выявления дипфейков и следов генерации текста нейросетями. Суды должны активнее использовать свое право на назначение экспертизы при возникновении сомнений в подлинности доказательств, созданных с применением ИИ.

Таким образом, искусственный интеллект, став мощным инструментом оптимизации юридической работы, одновременно порождает серьезные процессуальные риски для гражданского судопроизводства. Ключевой проблемой остается сохранение принципов непосредственности, состязательности и достоверности при работе с доказательствами, созданными алгоритмами. Для обеспечения справедливого правосудия в эпоху цифровизации необходима адаптация процессуального законодательства к новым технологическим реалиям: четкое определение правового статуса ИИ-доказательств, установление критериев их допустимости и формирование в судебной системе экспертных компетенций для проверки достоверности такого рода материалов. Только при соблюдении этих условий цифровая трансформация правосудия будет способствовать его эффективности, а не подрыву основополагающих процессуальных гарантий.

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219.

Научная статья
УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНДЕКСАЦИИ ПРИСУЖДЕННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СУММ

Артём Евгеньевич ПРИХОДЬКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Prikho05@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Порохов Михаил Юрьевич**, more03@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения индексации присужденных денежных сумм, анализируются изменения законодательства и подходы судебной практики. Особое внимание уделяется вопросам исчисления срока обращения с заявлением об индексации, расчету при частичном исполнении судебного акта и значению правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: индексация присужденных денежных сумм, индекс потребительских цен, процессуальный срок, частичное исполнение судебного акта, Конституционный Суд Российской Федерации

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1, 2 ст. 46). Эффективность судебной защиты должна быть выражена не только в законном и обоснованном решении суда, но и в реальном сохранении экономической ценности присужденных взыскателю денежных сумм. Наличие значительного уровня инфляции может поставить под сомнение восстановление нарушенного права посредством вынесения такого судебного решения. Так, по данным Центрального банка Российской Федерации уровень инфляции в 2025 году составил 5,6 %[1]. При длительном промежутке времени между вынесением решения и его фактическим исполнением присужденные денежные суммы в силу инфляции могут обесцениваться. По этой причине институт индексации присужденных денежных сумм является одной из ключевых процессуальных гарантий. Судебное решение, исполнение которого затянуто, без механизма индексации

[1] Инфляция в России. № 12 (120). Декабрь / Банк России. 21 января 2026 г. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2025-12/ (дата обращения: 01.04.2026).

не обеспечивает реальное восстановление нарушенного права. Если взыскатель спустя несколько лет получает номинально ту же сумму, которая была присуждена судом, то судебная защита не может быть обеспечена в полном объёме. Представляется, что индексация должна рассматриваться не как факультативная, а как полноценная гарантия эффективности судебной защиты, направленная на сохранение реальной имущественной ценности присужденного взыскателю.

Институт индексации присужденных денежных сумм, закрепленный ст. 208 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ), неоднократно становился предметом конституционного контроля, что свидетельствует об актуальности проблемы. Нынешнее применение индексации как процессуальной гарантии сформировано прежде всего правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ). Так в Постановлении КС РФ от 23 июля 2018 года № 35-П ч.1 ст.208 ГПК РФ была признана не соответствующей ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой при отсутствии в системе действующего правового регулирования механизма индексации взысканных судом денежных сумм, с необходимостью признаваемого судебной практикой в качестве применимого, не содержит критериев, в соответствии с которыми должна осуществляться предусмотренная им индексация[1]. Также судья КС РФ Н. С. Бондарь в особом мнении указал на то, что данной нормой было нарушено не только право на судебную защиту, но и принципы равенства и соразмерности во взаимосвязи с имущественными правами. Возникновение данной проблемы заключалось в том, что законодатель закрепил само право на индексацию присужденных денежных сумм, но не определил обязательный и универсальный критерий расчета. Норма содержала лишь общее указание на возможность индексации, но не устанавливала механизм ее осуществления.

Впоследствии в качестве критерия индексации стал использоваться и в критерий индексации, утверждаемый Федеральной службой государственной статистики — индекс потребительских цен, являющийся официальной статистической информацией, характеризующей инфляционные процессы в стране.

Однако правовой позиции, сформулированной в Постановлении КС РФ от 23 июля 2018 г. № 35-П оказалось недостаточно для обеспечения единообразного правоприменения, на практике суды отказывали в индексации ввиду отсутствия прямой законодательной регламентации порядка ее расчета. Закон указывал на иной федеральный закон или договор, в которых

[1]Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2018 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Т. В. Ивановой, И. М. Митина и Е. В. Шкотова» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

должны быть установлены случаи осуществления судом индексации присужденных денежных сумм и ее размеры[1].

Во исполнении положений Постановления КС РФ от 12 января 2021 г. № 1-П законодатель принял Федеральный закон от 16 апреля 2022 г. № 98-ФЗ, положения статьи 208 ГПК РФ были изложены в новой редакции. Использование официальной статистической информации об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации, как общего критерия индексации присужденных денежных сумм стало обязательным. Тем самым был сделан важный шаг к устранению существовавшего пробела в законодательстве и к формированию единообразного подхода в правоприменительной практике.

Помимо проблем с расчетом индексации, у судов возникают и другие вопросы, связанные с применением этого института. Несмотря на то, что в институт индексации присужденных денежных сумм были внесены значительные изменения, это не устранило все проблемы, связанные с применением на практике.

Одним из нововведений, закреплённых в Федеральном законе от 01.04.2025 № 54-ФЗ, стало установление срока для подачи заявления об индексации присужденных денежных сумм: законом прямо закреплён срок не превышающий одного года со дня исполнения должником судебного акта. На данный момент проблема заключается не в самом существовании вышеупомянутого процессуального срока, а в правильном определении момента, с которого он начинает течь. Законодатель, установив годичный срок обращения с заявлением об индексации, не конкретизировал правила определения момента начала его течения не в общем порядке, одна и та же норма регулировала разные модели исполнения судебного акта.

Законодательство предусматривает отсрочку, рассрочку или изменение способа и порядка исполнения решения суда, что соответственно влечёт за собой и усложнение процесса индексации. Если сумма выплачена единовременно, определение начальной даты течения срока обращения с заявлением об индексации не вызывает трудностей. В тех же случаях, когда исполнение происходило несколькими платежами, сразу возникает вопрос, исчислять ли срок отдельно по каждому платежу или исходить из момента окончательного исполнения всего судебного акта. Это подтверждается судебной практикой. Так, Иркутский областной суд в апелляционном определении прямо указывает на ошибку нижестоящего суда: «определение Осин-

[1]Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2021 г. № 1-П "По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Л. В. Бакиной, С. А. Жидкова, Е. М. Семенова и Е.И. Семеновой" // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

ского районного суда Иркутской области от 23 июля 2025 года об индексации присужденных сумм отменить»[1]. Так как исполнение суда производилось отдельными платежами, индексация должна была производиться в отношении каждой отдельно оплаченной суммы в течение одного года с даты ее оплаты, а не всей суммы, взысканной решением суда, из-за ошибки размер индексации снизили с 105 107,69 руб. до 28 712,06 руб. Позиция областного суда непосредственно отсылает к разъяснениям ВС РФ.

В обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 18.12.2024 указано, что если решение исполнено в части, то годичный срок подачи заявления об индексации присужденных и взысканных денежных сумм начинает течь со дня, когда решение суда исполнено в соответствующей части[2]. Можно сделать вывод, что юридическое значение имеет не только окончательное погашение всей присужденной суммы, но и каждое частичное исполнение решения суда, поскольку с каждым платежом связано возникновение права на обращение за индексацией соответствующей части взысканного, то есть является отправной точкой для исчисления срока обращения в суд. Подход, связывающий начало течения срока сугубо с моментом полного исполнения судебного акта, не в полной мере соответствует компенсационной природе индексации, способен привести к нарушению баланса интересов сторон: ограничить право взыскателя на получение полного возмещения инфляционных потерь либо создать риск несоразмерного увеличения выплат для должника.

Трудности, связанные с индексацией, возникают у судов именно с исчислением при отсрочке и рассрочке. Как было сказано ранее, присужденные суммы индексируются на основании индекса потребительских цен, который изменяется ежемесячно, платежи могут поступать в разные календарные месяцы, то есть основа для дальнейшего расчета изменчива. Часть суммы, которая уже выплачена, не индексируется при дальнейших расчётах, индексированию подвергается только оставшаяся задолженность за следующие периоды. Таким образом, данная процедура требует поэтапных действий. Суду необходимо фактически выстраивать цепочку в исполнении: установить даты поступления каждого платежа, определить остаток долга после каждой выплаты и только после этого рассчитывать индексацию по отдельным периодам.

Именно в делах о частичном исполнении наглядно проявляются разногласия между самим институтом индексации и техникой ее применения.

[1]Апелляционное определение Иркутского областного суда от 01.10.2025 г. № 33-7812/2025 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

[2]"Обзор судебной практики по вопросам, связанным с индексацией присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2024) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

С точки зрения закона и правовых позиций судов, индексация должна представлять из себя упрощенный процессуальный механизм возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением судебного акта и инфляционным обесцениванием присужденных денежных средств. На практике же это последовательный расчет, который выходит за рамки стандартной процессуальной процедуры, что свидетельствует о недостаточной проработке данного механизма.

Ранее упоминалось, что данный правовой институт не один раз был объектом конституционного контроля, поэтому проблема игнорирования или неправильного трактования судами положений КС РФ была неизбежной со стороны нижестоящих судов.

В ряде ситуаций возникли проблемы, связанные с действием правовой позиции КС РФ во времени. После вынесения Постановления КС РФ от 25 января 2024 г. № 3-П, в котором было указано на особенности относительно исчисления периода индексации при взыскании денежных средств за счет бюджетов бюджетной системы в судебной практике возник вопрос: подлежит ли применению прежняя редакция статьи 208 ГПК РФ до момента формального внесения в нее законодательных изменений либо суды уже обязаны руководствоваться правовой позицией КС РФ? В ряде дел суды исходили из того, что до вступления в силу Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статья 208 ГПК РФ должна применяться в прежнем виде, вследствие чего взыскателям отказывали в индексации за соответствующий период.

Данная проблема получила разрешение в Постановлении КС РФ от 23 марта 2026 г. № 16-П. Суд подчеркнул, что отсутствие немедленных законодательных изменений не означает сохранения допустимости прежнего, уже признанного неконституционным, подхода. С момента провозглашения соответствующей правовой позиции суды обязаны применять норму именно в том конституционно-правовом смысле, который выявлен КС РФ [1]. Иное фактически лишало бы взыскателя права на полное возмещение инфляционных потерь за период между вынесением постановления и внесением изменений в закон.

Подводя итоги, следует отметить, что достижение единообразия в применении норм об индексации присужденных денежных сумм представляет собой сложный процесс, требующий времени. Существующие проблемы

[1]Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.2026 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Барковой Веры Владимировны» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2026).

применения института обусловлены несовершенством механизма правового регулирования, из этого следует, что их преодоление возможно посредством совершенствования законодательства.

Необходимо нормативное закрепление детализированного порядка расчета индексации на уровне закона или подзаконного акта, то есть требуется установить единый алгоритм расчета индексации при частичном исполнении судебного акта, включая правила определения периода индексации по каждому платежу, порядок учета индекса потребительских цен и методику расчета остатка задолженности. Это позволит устранить существующие расхождения в судебной практике.

Кроме того, возможно создание специализированного цифрового инструмента, такого как официальный онлайн-калькулятор индексации, утвержденный на государственном уровне. Данная мера обеспечит единообразие расчетов и повысит прозрачность процедуры для всех участников процесса. В настоящее время в Российской Федерации используются различные негосударственные онлайн-калькуляторы, однако они никак не закреплены законом и применяются лишь как вспомогательный инструмент при подготовке того или иного расчёта.

Рассмотренный институт прямо сейчас находится в активном развитии, многочисленные изменения законодательства объективно затрудняют немедленное формирование стабильной практики. Именно поэтому окончательное преодоление существующих проблем возможно лишь после изменения законодательства и формирования судебной практики.

Научная статья
УДК 347.94

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аделина Тагировна СОКОЛОВА
Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия
adelinkakabirova666@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент **Олег Анатольевич ЕНИКЕЕВ**, enikeevo2013@yandex.ru

Аннотация. Статья рассматривает ключевые проблемы, возникающие при использовании электронных доказательств в гражданском процессе, включая вопросы их допустимости, достоверности и процессуального порядка представления. Анализируются положения российского законодательства, судебная практика и зарубежный опыт. Особое внимание уделено отсутствию четкого законодательного определения и унифицированных процедур оценки электронных доказательств. Предложены конкретные поправки к Гражданскому процессуальному кодексу РФ, направленные на устранение правовых пробелов и повышение эффективности судопроизводства.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, допустимость, достоверность, ГПК РФ, цифровизация, судебная практика

Процесс стремительной цифровизации, охвативший практически все сферы жизнедеятельности современного общества, неизбежно трансформирует и институты правосудия. Электронные доказательства на сегодняшний день превратились из факультативного инструмента в один из наиболее востребованных способов установления фактических обстоятельств дела в гражданском судопроизводстве[1]. Широкое распространение дистанционных способов заключения сделок, оказания услуг и простого межличностного общения привело к тому, что значительная часть юридически значимых действий фиксируется исключительно в цифровой среде. Однако эффективное использование таких данных в суде осложнено рядом концептуальных проблем, коренящихся как в несовершенстве нормативно-правового регулирования, так и в технических особенностях самой цифровой информации. Актуальность данной темы подтверждается неуклонным ростом судебных споров, где ключевую роль играют электронные документы, логи информационных систем, переписка в популярных мессенджерах, мультимедийные файлы и сведения из государственных автоматизированных баз данных[2]. Целью настоящего исследования является комплексный анализ существующих барьеров при оперировании электронными доказательствами и выработка системных предложений по модернизации процессуального законодательства.

Согласно базовым положениям Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», под «электронным документом» понимается: «электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть

[1] Лященко А. Ю. Понятие электронных доказательств в гражданском процессе: отечественный и зарубежный опыт // Вопросы российской юстиции. 2025. № 36. С. 533—544.

[2] Бурганова Г. В. Использование электронных документов в качестве доказательств в уголовном и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 354—361.

в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»[1]. Несмотря на наличие легального определения в материальном праве, процессуальная наука до сих пор дискутирует о правовой природе таких доказательств. В доктрине[2] сложились три основных подхода к их квалификации. Первый подход рассматривает их исключительно как разновидность письменных доказательств (в контексте ст. 71 ГПК РФ[3]), акцентируя внимание на текстовом содержании. Второй подход предлагает относить их к вещественным доказательствам, поскольку цифровая информация неразрывно связана с материальным носителем и техническими характеристиками файла. Третий, наиболее прогрессивный подход, настаивает на выделении электронных доказательств в самостоятельную группу средств доказывания ввиду их специфических свойств: легкости копирования без потери качества, возможности удаленного доступа и потребности в специальных программных средствах для воспроизведения.

В современной юридической практике принято классифицировать электронные доказательства на несколько ключевых видов:

юридически значимые документы, заверенные усиленной квалифицированной или простой электронной подписью (ЭП);

сообщения, передаваемые через электронную почту и мессенджеры (Telegram, WhatsApp и др.), которые часто служат единственным подтверждением достижения договоренностей;

материалы аудио- и видеофиксации, полученные в том числе с камер наружного наблюдения или регистраторов;

скриншоты (снимки экрана) веб-страниц, отображающие контент в определенных временных интервалах;

сведения, извлеченные из ГАС «Правосудие», ЕГРН и иных государственных информационных систем.

Каждый из перечисленных видов требует особых процедур верификации. К примеру, для признания переписки в мессенджере допустимым доказательством стороне необходимо не только подтвердить факт отправки сообщения, но и доказать принадлежность конкретного аккаунта или номера телефона определенному лицу, что в условиях анонимности интернета становится нетривиальной задачей[4].

---

[1] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.

[2] Боннер А. Т. Электронный документ как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Закон. 2009. № 11. С. 141—157.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532.

[4] Калужская Н. В. Электронная переписка как доказательство в гражданском процессе // Право и общество. 2013. № 1(5). С. 48—50.

Анализ судебной практики позволяет систематизировать основные трудности, возникающие при обеспечении допустимости[1] и достоверности цифровых данных. Во-первых, это отсутствие в действующем ГПК РФ четкого терминологического аппарата: понятия «электронное доказательство» и «электронный документ» используются бессистемно. Во-вторых, существует перманентный риск несанкционированного изменения или полной фальсификации данных «задним числом», что заставляет суды относиться к ним с излишней осторожностью. В-третьих, идентификация участников цифрового взаимодействия часто требует привлечения провайдеров связи, что затягивает процесс. Наконец, суды страдают от отсутствия единых методик технического исследования таких данных. Нередки случаи, когда суды первой инстанции необоснованно отклоняют электронные доказательства по формальным мотивам, ссылаясь на невозможность установить «подлинность» файла. Подобная неопределенность коррелирует с проблемами в иных правовых институтах — например, при взыскании товарной неустойки[2], где отсутствие четких критериев оценки документов также снижает уровень защиты прав кредиторов. Статьи 71, 79 и 186 ГПК РФ ориентированы преимущественно на бумажный документооборот, требуя представления оригиналов. На практике это выливается в сложности с заверением скриншотов, необходимостью дорогостоящего нотариального осмотра сайта или привлечения экспертов-техников для подтверждения того, что файл не подвергался монтажу.

Обращение к зарубежному опыту показывает пути возможного решения данных противоречий. В США закон ESIGN Act[3] на федеральном уровне гарантирует, что электронная подпись и документы в цифровой форме не могут быть лишены юридической силы только на основании их «небумажного» формата. В Германии гражданский процессуальный кодекс (ZPO)[4] содержит развитую систему норм, где электронные объекты рассматриваются как самостоятельный объект осмотра. Немецкое правосудие опирается на строгие технические протоколы проверки целостности данных, что минимизирует субъективизм судьи при оценке достоверности.

Основываясь на выявленных проблемах и международном опыте, мы предлагаем комплекс мер по реформированию отечественного законода-

[1] Литвинова И. В. Проблемы допустимости электронных доказательств, полученных при производстве иных процессуальных действий // Российский юридический журнал. 2023. № 1(148). С. 140—150.

[2] Еникеев О. А. Товарная неустойка в российском гражданском праве // Актуальные проблемы российского права в современных условиях : Сборник материалов научно-практической конференции, Уфа, 26 октября 2015 года. Том Выпуск 5. – Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2015. С. 29—36.

[3] The Electrotic Signatures in Global and national Commerce Act [Электронный ресурс] // govinfo.gov (Дата обращения: 25.03.26).

[4] Zivilprozessordnung от 30.01.1877 г. [Электронный ресурс] // wipo.int (Дата обращения: 25.03.26).

тельства. В первую очередь мы полагаем целесообразным дополнить статью 55 ГПК РФ пунктом 3, содержащим легальную дефиницию: «Электронные доказательства — сведения о фактах, содержащиеся в электронно-цифровой форме, включая электронные документы, аудио- и видеозаписи, цифровые изображения, данные информационных систем, переписку в сетях электросвязи (в том числе в мессенджерах и социальных сетях), которые могут быть использованы для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела».

Также представляется критически важным расширить часть 3 статьи 71 ГПК РФ положением о способах представления таких доказательств. Предлагаемая редакция: «Электронные доказательства представляются в суд в оригинальном цифровом формате либо в форме заверенной копии (на бумажном или ином материальном носителе). К формам заверения могут быть отнесены нотариальные протоколы осмотра доказательств, результаты судебной экспертизы или выгрузки из сертифицированных государственных информационных систем».

Дополнительно предлагается внести изменения в статью 79 ГПК РФ, закрепив презумпцию необходимости проведения компьютерно-технической экспертизы в тех случаях, когда одна из сторон аргументированно оспаривает целостность или авторство электронного файла. На уровне правоприменительной практики крайне актуальным видится развитие положений Постановления Пленума ВС РФ № 57 от 26.12.2017[1]. В него целесообразно включить разъяснения, упрощающие признание скриншотов допустимыми доказательствами без обязательного нотариального заверения, если лицо может подтвердить их достоверность иными способами. Эти шаги логично вписываются в общую канву эволюции права в эпоху высоких технологий, аналогично тому, как вырабатывались специальные правила для таких инновационных сфер, как биобанкинг или использование искусственного интеллекта[2].

В заключение следует отметить, что электронные доказательства являются фундаментом современного правосудия в условиях цифровой экономики. Их эффективное использование невозможно без преодоления консерватизма процессуальной формы. Предложенные изменения в ГПК РФ и уточнения высших судебных инстанций позволят создать прозрачную и предсказуемую среду для работы с цифровыми материалами, что в конечном итоге повысит качество и оперативность защиты прав граждан и организаций.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

[2] Еникеев О. А. Эволюция нормативного регулирования биобанков в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2025. № 6(205). С. 183—185.

Научная статья
УДК 347.9

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

София Александровна СУВОРОВА[1], Анастасия Дмитриевна ТЕРЗИ[2]
[1,2] ФГБОУ ВО «Саратовская юридическая государственная академия», Саратов, Россия
[1.] katasuvorova09@gmail.com
[2] terzianastacia@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовской юридической государственной академии», кандидат юридических наук, доцент **Галина Ильинична ВЕРШИНИНА,** vgala11@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу внедрения технологий искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство. Рассматриваются отечественные правовые эксперименты и практика применения ИИ в судебной системе Российской Федерации. На основе сравнительно-правового анализа опыта Китая, Бразилии и Германии выявляются эффективные модели использования интеллектуальных систем: от автоматизации документооборота до прогностической аналитики. Обосновывается необходимость сохранения вспомогательной функции алгоритмов при сохранении решающей роли судьи. Предлагается поэтапный подход к адаптации зарубежных практик, включающий унификацию цифровых сервисов, внедрение интеллектуальных помощников и законодательное закрепление пределов автономности ИИ. Делается вывод о том, что рациональное применение ИИ способствует оптимизации судебной нагрузки без ущерба принципам независимости и законности правосудия.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, искусственный интеллект, цифровая трансформация правосудия, вспомогательные судебные системы, автоматизация судебных процессов, правовые пределы алгоритмов

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) становится одним из ключевых факторов трансформации гражданского судопроизводства в XXI веке. Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года предопределяет постановку вопроса о перспективах

использования когнитивных технологий в судебной системе[1]. В условиях глобальной цифровизации и роста судебной нагрузки поиск оптимальных моделей интеграции ИИ в гражданское судопроизводство приобретает не только теоретическое, но и важное прикладное значение.

В связи с этим обращение к опыту зарубежных стран позволит не только ознакомиться с новыми способами его применения, но и избежать возможных ошибок. Настоящая работа посвящена анализу современного состояния, правовых пределов и перспектив внедрения технологий ИИ в гражданское судопроизводство с целью выработки научно обоснованных рекомендаций по адаптации зарубежного опыта в российскую правовую реальность.

Одним из первых опытов внедрения и использования ИИ стал эксперимент в Москве, который был начат в июле 2020 года и продлился пять лет. Итогом стали положительные результаты в различных сферах жизни граждан. Правовой основой данного эксперимента стал Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ[2], в котором ИИ понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[3]. Ключевой характеристикой, отличающей ИИ от иных информационных технологий, выступает способность к автономному разрешению поставленных задач и самообучению.

ИИ на примере вышеупомянутого эксперимента, в котором его использование применялось только лишь в сферах здравоохранения, транспорта, городской инфраструктуры, строительства и градостроительства, можно внедрить также и в деятельность судов. На наш взгляд, совершенно обоснованной является точка зрения А. К. Нестеренко, президента ассоциации «Некоммерческое партнерство «Объединение корпоративных юристов»»

---

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

[2] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // «Собрание законодательства РФ», 27.04.2020, № 17, ст. 2701.

[3] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // «Собрание законодательства РФ», 27.04.2020, № 17, ст. 2701.

(НП ОКЮР), которая утверждает, что «системы искусственного интеллекта могли бы массово применяться судебной системой, особенно в части рассмотрения типовых дел[1].

В настоящее время в Российской Федерации уже есть реальные примеры применения ИИ в деятельности судов, в частности введен электронный документооборот, электронное правосудие обеспечивается через соответствующую подсистему ГАС «Правосудие», также задействованы информационные системы «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов», которые обеспечивают электронный документооборот, создавая единое информационное пространство федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов[2].

Также на данный момент разрабатывается сервис «Правосудие онлайн», который будет основываться на технологии ИИ. Одним из первых регионов, который выступит площадкой для его тестирования, является Свердловская область. Сервис позволит подать заявление в суды всех уровней и получить решение в свой личный кабинет. Подразумевается, что данный сервис позволит упростить отправление правосудия. О результатах тестирования правоприменители и граждане нашей страны смогут узнать к концу 2026 года[3].

С 2024 года мировые судьи Ростовской области начали использовать ИИ для автоматического протоколирования судебных заседаний с помощью систем распознавания речи. Результаты показали свою эффективность применения на практике: сокращение времени подготовки протоколов, снижение числа ошибок, уменьшение числа обжалований, оптимизация нагрузки[4].

Несмотря на активное применение ИИ на практике, суды сохраняют главную функцию — правоприменение и установление истины по делу. Все результаты, полученные с помощью ИИ, ни в коем случае не применяются в судебной деятельности как окончательные решения, а используются лишь как вспомогательные инструменты.

---

[4] Судебный процессор: Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. 2017: сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3466185 (дата обращения: 17.03.2026).

[2] Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №5 (81). URL: https://cyberleninka.ru/article/№/iskusstvennyy-intellekt-v-sudoproizvodstve-sostoyanie-perspektivy-ispolzovaniya (дата обращения: 17.03.2026).

[3] В Свердловской области протестируют цифровой сервис «Правосудие онлайн» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/04/17/reg-urfo/v-sverdlovskoj-oblasti-protestiruiut-cifrovoj-superserver-pravosudie-onlajn.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 25.03.2026).

[4] Внедрение искусственного интеллекта в судебной системе – проект-победитель на ПРОФ-IT.2024 // Дзен [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZxLP18lUQErqLcjQ (дата обращения: 26.03.2026).

Стоит упомянуть и про возможные риски. Не исключена возможность ошибок алгоритмов, уязвимость данных и риск алгоритмической предвзятости. Поэтому внедрение таких технологий требует строгого соблюдения принципов законности, равенства сторон, независимости суда, состязательности, обеспечения права на судебную защиту и прозрачности[1].

Рассмотрим зарубежный опыт Китайской Народной Демократической Республики. Для этого предлагаем обратиться к научной работе Н. Гуна и Д. Дуна, которые провели анализ всех разработок на территории своего государства[2]. Они используют такие механизмы, как унификация стандартов и построение моделей допустимости доказательств. Так, например, был введен «Умный Судья» Высшего суда Пекина, который использует технологии ИИ и машинное обучение, чтобы оказывать поддержку судьям в вынесении решений. Данный опыт можно было бы активно реализовать на территории Российской Федерации с целью дополнительной помощи судьям.

В провинции Хэбэй «Система интеллектуального разбирательства 1.0» автоматизирует поиск информации, создание документов и анализ правоприменительных стандартов. Шанхайский суд средней ступени № 2 применяет «Интеллектуальную вспомогательную систему C2J», объединяющую навигацию по документам, подбор аналогичных дел и обмен практиками. В свою очередь для России, данные разработки существенно бы могли упростить систематизацию судебной практики.

В 2017 году в Шанхае разработана «Система 206» (совместно с iFLYTEK), которая на основе распознавания речи обеспечивает автоматическое извлечение и отображение относящихся к делу доказательств из предварительно загруженных материалов, их фиксацию, классификацию и сопоставление, что ускоряет исследование аудиовизуальных доказательств и повышает эффективность судебного следствия. Схожая разработка была рассмотрена выше - она реализована в Ростовской области.

Наиболее интересным представляется следующий опыт: электронный помощник судьи «Сяочжи» выполняет функции модератора, управляя представлением и оценкой доказательств в онлайн-режиме, систематизирует позиции сторон, прогнозирует исход, рассчитывает сумму взыскания и автоматически формирует судебные акты после утверждения судьёй. Внедрение многосудебного разбирательства позволило рассматривать до 10 однородных дел за 30 минут без участия секретаря, что существенно сократило временные затраты и освободило судей от рутинной работы. По состоянию на

[1] Самбуров И. Я. Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Ведомости УИС. 2025. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/№/problemy-i-perspektivy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve (дата обращения: 22.03.2026).

[2] Гун Н., Дун Д. Применение и теоретическое развитие искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 241—256. URL: https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.208 (дата обращения: 22.03.2026).

2022 год «Сяочжи» успешно применялся почти по 1000 дел. На наш взгляд, реализация подобной системы положительно сказалась бы на российской судебной системе.

Рассмотрим еще одну страну, в которой также активно происходит реализация ИИ в судопроизводстве, Бразилию. Судебной системой данного государства используются следующие системы: VICTOR, СОКРАТ, SIGMA.[1]

VICTOR предназначена для упорядочивания документов, поступающих в суд, их систематизацию и распознавание, с последующим переводом в читаемый и редактируемый текстовый файл. Основные цели — подбор нормативной базы для урегулирования споров, а также создание системы фильтрации для тех заявлений, которые не относятся к компетенции суда.

SIGMA отвечает за подготовку итоговых решений, обработку идентичных запросов, анализ постановлений высших судов.

Система ИИ «SOKRAT» применяет базу данных рассмотренных судом дел, на основе которой анализирует новые поступающие дела и разделяет их на группы для совместного рассмотрения.

Проведя анализ данных систем, можно сказать, что наиболее интересным и эффективным опытом для России может стать система VICTOR, так как она позволяет сократить время для составления мотивированного решения суда. Согласно ч. 2 ст. 199 Гражданского процессуального кодекса составление мотивированного решения суда может быть отложено на срок не более чем 10 дней со дня окончания разбирательства дела[2], в то время как реализация зарубежного опыта Бразилии позволит уложиться еще в более короткий срок.

В Германии реализуется довольно интересный проект, который запустило баварское министерство юстиции. Он называется «Legal Analytics» и посвящен использованию ИИ в юридической сфере. Смысл в том, чтобы создать автоматизированную систему, которая на основе уже вынесенных судебных решений позволяла бы делать прогнозы по аналогичным делам, причем данные анализируются в обезличенном виде, чтобы не нарушать требования о защите персональных данных.

Как отмечают эксперты, в Германии сейчас обсуждаются разные варианты применения ИИ в судебной системе, но о том, чтобы заменить судью-человека машиной, речи не идет. Причин здесь несколько. Во-первых, сама природа судебной власти такова, что отправлять правосудие может только физическое лицо, наделенное полномочиями в установленном порядке. Во-

[1] Купчина Е. В. Искусственный интеллект в системе гражданского судопроизводства Бразилии // Евразийский юридический журнал. 2022. №9(172). С. 69—71.

[2] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

вторых, право на справедливое публичное разбирательство, закрепленное в Европейской конвенции по правам человека, тоже предполагает, что дело рассматривает судья, а не программа. Так что ИИ здесь выступает скорее, как помощник, а не как замена человеку[1].

Проанализировав зарубежный опыт и российскую практику применения ИИ в гражданском судопроизводстве, целесообразен поэтапный подход внедрения таких технологий в нашей стране. Важно при этом учитывать, что любые преобразования ни в коем случае не должны нарушать основополагающие принципы правосудия.

На первом этапе, необходимо уделить внимание стандартизации уже действующих цифровых технологий (ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», «Правосудие онлайн»), а введение элементов ИИ рассматривать только как вспомогательный инструмент. Результатом данного этапа станет расширение числа субъектов РФ, в которых будет применяться успешный ростовский эксперимент по автоматическому протоколированию заседаний и внедрение преобразованного под систему российского правосудия аналога бразильской системы VICTOR для автоматизированной систематизации входящих документов и предварительного подбора нормативной базы. Это позволит снизить нагрузку без вторжения в интеллектуальную составляющую правосудия.

Второй этап предполагает внедрение интеллектуальных помощников для судей. Речь идет о системах, которые помогают подбирать аналогичные дела, анализировать судебную практику, выявлять противоречия и предлагать возможные варианты решений по схожим спорам. Здесь полезен опыт Китая («Сяочжи») и Бразилии (VICTOR, SIGMA). Такие системы не подменяют судью, а выступают в роли помощника, существенно уменьшая время на поиск информации и проверку позиций сторон.

Третий этап — создание технологических систем для прогнозирования результатов судопроизводства по примеру Германии («Legal Analytics»). На основе обезличенных данных судебных решений можно предсказывать исходы споров и выявлять системные ошибки. Это важно не только для судов, но и для участников процесса – они смогут обоснованно оценивать свои шансы в суде.

Четвертый этап предполагает внесение изменений в процессуальное законодательство в части регламентации статуса ИИ. На данной стадии необходимо законодательно закрепить запрет на использование алгоритмов для определения виновности, меры ответственности или разрешения спорных

[1] Галкина Н. М., Кузнецова Д. В., Воробьев М. А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. №3 (54). URL: https://cyberleninka.ru/article/№/zarubezhnyy-opyt-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-sisteme (дата обращения: 24.03.2026).

правоотношений без участия судьи. Потребуется совершенствование законодательства РФ, регулирующего границы самостоятельности ИИ.

При этом необходимо учитывать несколько принципиальных моментов. Во-первых, использование ИИ должно быть прозрачным. Сторонам надо разъяснять, каким образом получен результат, и у них должна быть возможность оспорить его. Во-вторых, окончательное решение по делу должен принимать судья-человек, а не алгоритм – это закреплено в Конституции и международных стандартах справедливого правосудия.

Зарубежный опыт подтверждает, что ИИ может выступать эффективным инструментом преодоления судебной нагрузки лишь до тех пор, пока он остается средством организационной поддержки, а не субъектом правоприменения. Если последовательно реализовать эти этапы, в России сформируется эффективная модель цифрового правосудия с сохранением основополагающих процессуальных гарантий. При этом получится избежать рисков, связанных с ошибками ИИ и излишней формализацией судебного процесса.

В заключении отметим, что мировая практика, будь то опыт Китая с его «умными судьями», Бразилии с автоматизированным отбором исков или Германии с прогнозной аналитикой, подтверждает стремительную цифровизацию судебной системы во всем мире.

Российская Федерация демонстрирует активный интерес к этому направлению, стремясь оптимизировать свою деятельность и сделать правосудие более доступным для каждого. Если выстроить процесс грамотно, можно получить реально работающую систему, где технологии облегчают рутину, а человек остаётся главным звеном в отправлении правосудия.

Научная статья
УДК 347.9

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ И СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ

Динар Ришатович ТАЗТДИНОВ
Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия
w.taztdinov@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при

Главе Республики Башкортостан, кандидат юридических наук, доцент **Олег Анатольевич ЕНИКЕЕВ**, enikeevo2013@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются современные изменения принципа состязательности сторон в гражданском судопроизводстве Российской Федерации под влиянием активного внедрения цифровых технологий и расширения судейского усмотрения. Анализируется трансформация традиционных механизмов состязательности в условиях электронного документооборота, использования систем искусственного интеллекта и дистанционного участия в процессе. Особое внимание уделяется проблемам сохранения процессуального равноправия сторон в условиях цифровизации. В работе выявлены правовые риски, связанные с формализацией процесса и снижением роли устных состязательных процедур, а также сформулированы предложения по совершенствованию процессуального законодательства.

Ключевые слова: состязательность, гражданский процесс, электронное правосудие, судебное усмотрение, цифровизация, процессуальные гарантии

Актуальность исследования обусловлена глубокими изменениями, происходящими в фундаментальных принципах гражданского судопроизводства под воздействием цифровизации. Принцип состязательности, традиционно считающийся стержневым элементом гражданского процесса, сегодня сталкивается с вызовами, связанными с внедрением электронных технологий, автоматизацией судебных процедур и усилением роли суда в управлении процессом[1]. В условиях 2026 года, когда электронное правосудие стало не просто альтернативой, а основной формой взаимодействия сторон с судом для большинства категорий дел, возникает необходимость переосмысления содержания состязательности как гарантии справедливого судебного разбирательства[2].

В то же время процесс трансформации состязательности сопровождается рисками формализации доказывания, снижения эффективности устных прений и потенциального неравенства сторон, обладающих разным уровнем цифровой грамотности. В связи с этим исследование эволюции принципа состязательности в современном гражданском процессе приобретает высокую научную и практическую значимость.

[1] Томак А. И. Реализация принципа состязательности в гражданском процессе в условиях развития информационных технологий : специальность 12.00.15 "Гражданский процесс; арбитражный процесс" : дисс. … канд. юрид. наук, 2022. 214 с.

[2] Ушакова Е. Н. Влияние систем электронного правосудия на эффективность судопроизводства в эпоху цифровизации // Российский судья. 2025. № 7. С. 58—61.

Проблематика принципа состязательности традиционно находилась в центре внимания отечественной процессуальной науки. Вместе с тем вопросы влияния цифровизации и электронного правосудия на принцип состязательности остаются дискуссионными и недостаточно изученными с позиции сохранения баланса процессуальных гарантий, что требует дополнительного теоретического осмысления.

Целью настоящего исследования является анализ трансформации принципа состязательности в гражданском судопроизводстве под влиянием цифровизации и определение направлений совершенствования его правового регулирования. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть теоретическое содержание принципа состязательности и его эволюцию в российском гражданском процессе; проанализировать влияние электронного правосудия на реализацию состязательных начал; исследовать проблему соотношения активности суда и состязательности сторон в условиях цифровизации; выявить основные риски и правовые проблемы, возникающие при реализации принципа состязательности в электронной среде; сформулировать предложения по совершенствованию процессуального законодательства в части гарантий состязательности.

Развитие информационных технологий оказывает существенное влияние на все сферы общественной жизни, включая систему правосудия. В современных условиях цифровизация судебной деятельности рассматривается как одно из ключевых направлений повышения эффективности функционирования судебной системы. Однако применительно к принципу состязательности цифровая трансформация создает как новые возможности, так и серьезные вызовы. Нормативную основу регулирования данных отношений составляет Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее ГПК РФ), который в ст. 12[1] закрепляет принцип состязательности и равноправия сторон. Вместе с тем новые формы процессуального взаимодействия, реализуемые через ГАС «Правосудие» и иные информационные системы, требуют уточнения традиционных процессуальных механизмов[2].

Принцип состязательности в гражданском процессе предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция разрешения дела отделена от функций спорящих сторон, а стороны наделены равными возможностями по отстаиванию своих прав и законных интересов. Согласно ст. 12 ГПК РФ, правосудие по гражданским делам осуществляется на основе со-

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532.

[2] Балуев А. Е. Анализ функционирования государственно-правовых цифровых платформ судебной системы // Закон и власть. 2024. № 1. С. 4—8.

стязательности и равноправия сторон. Содержание данного принципа раскрывается через: 1. право сторон представлять доказательства; 2. право участвовать в их исследовании; 3. право заявлять ходатайства и приводить доводы; 4. обязанность суда создавать условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. В классической модели состязательности суд сохраняет пассивную роль, лишь управляя процессом. Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к усилению активности суда, что требует переосмысления границ состязательности.

Внедрение электронного правосудия существенно изменило среду, в которой реализуется принцип состязательности. Возможность подачи документов через систему ГАС «Правосудие», дистанционное участие в заседаниях с использованием видеоконференц-связи и веб-конференции, а также электронный обмен процессуальными документами стали неотъемлемой частью процесса. С одной стороны, цифровизация расширяет состязательные возможности: стороны могут оперативно обмениваться позициями, быстрее знакомиться с материалами дела и заявлять возражения. С другой стороны, электронная форма взаимодействия создает риски. В частности, ст. 71 ГПК РФ допускает представление доказательств в электронной форме. Однако судебная практика показывает, что вопрос о достоверности электронных доказательств (переписка в мессенджерах, аудиозаписи) зачастую становится предметом спора, что может затруднять реализацию права стороны на доказывание[1]. Ранее аналогичные вызовы возникали и в других правовых сферах: например, в сквозных гарантиях конституционного права на медицинскую помощь, где технологические изменения требовали уточнения процессуальных рамок[2].

В условиях цифровизации возрастает роль суда как организатора процесса. Судья все чаще выступает не просто арбитром, но и активным участником в организации электронного документооборота, проверке электронных доказательств и обеспечении технической возможности участия сторон. Согласно ст. 155.1 ГПК РФ, судебное заседание может проводиться с использованием систем видеоконференц-связи. Однако если одна из сторон не обладает техническими возможностями для участия, это может привести к нарушению равноправия. Возникает вопрос: может ли суд ограничить состязательность в пользу процессуальной эффективности? Сохранение баланса между активностью суда и состязательностью сторон является ключевой проблемой современного этапа развития гражданского процесса.

---

[1] Клепикова М. А. Некоторые вопросы допустимости и достоверности доказательств, представленных в арбитражный суд в электронном виде // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 7. С. 42—45.

[2] Еникеев О. А. Конституционное право на медицинскую помощь: аспекты медицинского страхования // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4(40). С. 39—41.

Проведенное исследование позволяет выделить несколько групп проблем, связанных с реализацией принципа состязательности в условиях цифровизации. Во-первых, это проблема цифрового неравенства. Часть граждан, особенно пожилого возраста или лица с низким уровнем цифровой грамотности, не имеют возможности в полной мере использовать электронные сервисы. Это создает риск формального подхода судов к соблюдению состязательности, когда неиспользование электронных средств коммуникации может трактоваться как процессуальное бездействие стороны. Во-вторых, возникает проблема доказывания в электронной среде. В соответствии со ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по внутреннему убеждению. Однако применительно к электронным доказательствам (электронная переписка, скриншоты, аудиозаписи) суды зачастую предъявляют повышенные требования к их допустимости, что может затруднять сторонам возможность реализовать состязательные права. В-третьих, наблюдается снижение роли устных состязательных процедур. Смещение процесса в электронную плоскость, распространение письменной формы судопроизводства (без проведения устных слушаний по отдельным категориям дел) уменьшает возможности сторон по непосредственной аргументации своей позиции перед судом. В-четвертых, развитие систем автоматизированного распределения дел и электронного документооборота приводит к некоторой формализации процессуальной деятельности, что не всегда согласуется с необходимостью индивидуального подхода к реализации состязательных прав. Таким образом, дальнейшее развитие гражданского процессуального законодательства должно быть направлено на обеспечение баланса между использованием цифровых технологий и сохранением фундаментальных процессуальных гарантий, включая реальную, а не формальную состязательность сторон.

В связи с вышеизложенным для укрепления принципа состязательности в гражданском процессе мы предлагаем ст. 12 ГПК РФ дополнить абзацем: «При реализации принципа состязательности в условиях электронного правосудия суд обязан обеспечить равный доступ сторон к электронным ресурсам и техническим средствам участия». А ст. 155.1 ГПК РФ дополнить пунктом: «В случае отсутствия у стороны технических возможностей для участия в видеоконференц-связи суд обеспечивает альтернативную форму устного разбирательства». Также полагаем необходимым ст. 67 ГПК РФ дополнить абзацем следующего содержания: «При оценке электронных доказательств суд применяет единые стандарты допустимости и аутентичности, закреплённые в нормативных актах». Подобные поправки по своей логике схожи с регулированием хранения и передачи менее материальных объектов — как в сфере биобанков, где закон требует гарантии доступа и процедурной ясности[1].

[1] Еникеев О. А. Эволюция нормативного регулирования биобанков в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2025. № 6(205). С. 183—185.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что принцип состязательности в гражданском судопроизводстве переживает этап глубокой трансформации, обусловленной цифровизацией и изменением роли суда в управлении процессом[1]. Цифровизация, с одной стороны, открывает новые возможности для реализации состязательных прав сторон, обеспечивая оперативность, прозрачность и доступность судопроизводства. С другой стороны, она создает риски формализации процесса, цифрового неравенства и ослабления устных форм состязательности. Перспективным направлением развития гражданского процесса является: 1. законодательное закрепление гарантий равного доступа сторон к электронным сервисам правосудия; 2. разработка единых подходов к оценке электронных доказательств в рамках состязательной процедуры; 3. сохранение обязательности устных слушаний по делам, где это необходимо для обеспечения реальной состязательности; 4. повышение уровня цифровой грамотности населения и подготовка судейского корпуса к работе в условиях гибридного (традиционно-цифрового) судопроизводства. Дальнейшее развитие электронного правосудия должно быть направлено не на замену, а на дополнение традиционных процессуальных институтов, обеспечивая тем самым сохранение принципа состязательности как фундаментальной гарантии справедливого правосудия.

Научная статья
УДК 347.9

ТРУДНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кристина Максимовна ТИМЧЕНКО[1], Дарья Дмитриевна ЧИРКОВА[2]
[1, 2] Институт прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия
[1] kristinkatimchenko@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **Наталия Александровна РАССАХАТСКАЯ**, rassah@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется правовой статус переводчика в гражданском судопроизводстве РФ, выявляются проблемы при его участии

[1] Федина А. С. Влияние процессов информатизации и цифровизации сферы правосудия на реализацию отдельных принципов гражданского процесса // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2(126). С. 110—117.

в процессе. Акцентируется внимание на оценке компетентности переводчика. Проводится разграничение между злоупотреблением правом и добросовестным поведением участников процесса при заявлении ходатайств о предоставлении переводчика. Обосновывается необходимость закрепления на законодательном уровне требований к квалификации переводчиков.

Ключевые слова: гражданский процесс, принцип государственного языка, переводчик, правовой статус, злоупотребление правом, компетентность переводчика

Основываясь на положениях ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), суд в рамках гражданского разбирательства обязан рассматривать и разрешать дела своевременно и в строгом соответствии с законом, обеспечивая тем самым защиту прав и интересов граждан и публично-правовых образований [1]. Провозглашение принципа государственного языка (ст. 9 ГПК РФ) возлагает на судебный орган обязанность по обеспечению надлежащего перевода для лиц, не владеющих русским языком. Несмотря на то, что модель правовой нормы выглядит прозрачно, при ее практическом применении выявляются значительные пробелы в законодательстве.

Фигура переводчика в рамках любого процесса зачастую является второстепенной на фоне судей и представителей, оставаясь недооцененным участником. Содержание ст. 34 ГПК РФ определяет состав лиц, участвующих в деле, но не перечисляет среди них переводчика, определяя его к субъектам, содействующим в осуществлении правосудия. Обращаясь к положениям гражданского процессуального закона, легальное понятие данного участника отсутствует. Ввиду этого, представляется возможным ссылаться на терминологию толковых словарей. Так, Ожегов С.И. определяет переводчика как специалиста, который переводит с одного языка на другой[2]. Однако такое понимание для судопроизводства не совсем корректно с юридической точки зрения, поскольку положения статьи 188 ГПК РФ закрепляют, что итогом деятельности специалиста является консультация. Положения иных отраслей права, в частности Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) и Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК), определяют переводчика как лицо, свободно владеющее языком или имеющее достаточные знания, необходимые для перевода. Кузнецов О. Ю. называет такую ситуацию парадоксальной, поскольку существование такого субъекта

[1]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 2002 г. № 46. ст. 4532. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 05.03.2026).

[2]Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование. 2019. 1376 с.

в гражданских правоотношениях не подтверждается наличием в ГПК РФ всестороннего юридического определения правосубъектности переводчика[1].

Закономерно возникает вопрос, какие лица могут быть привлечены в гражданский процесс в качестве переводчика? Основным критерием для данного субъекта является свободное владение языком, на котором ведется судопроизводство, а также достаточное знание языка того или иного участника — чтобы процесс был ему полностью понятен. Важно, что переводчик не должен обладать юридической заинтересованностью, то есть решение суда никак не отразится на содержании прав и обязанностей этого лица. К тому же, у переводчика должен отсутствовать и личный интерес, подтверждением чему служит ст. 18 ГПК РФ, которая закрепляет, что одним из оснований для отвода переводчика является факт его родства или свойства с кем-либо из лиц, участвующих в деле, либо из их представителей. Что касается квалификации переводчика, то ГПК РФ не устанавливает специальных требований к наличию у него профессионального образования или сертификатов. Таких требований не устанавливают и иные нормативно-правовые акты. Всё же главным условием считается факт свободного владения языком.

Несмотря на кажущуюся ясность, действующие положения порождают ряд проблем. По мнению Медведева С. В., «компетентность в самых общих чертах есть наличие знаний и опыта, необходимых для эффективной деятельности в заданной предметной отрасли»[2]. Оценка же уровня владения языком в данном случае является субъективной, так как отсутствуют стандартизированные методы такой проверки. Следовательно, формулировка, определяющая переводчика как лицо «свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода», ставят под сомнение полноту содержания компетентности такого участника процесса. Последствием отсутствия формализованного контроля за лингвистической подготовленностью может стать привлечение в процесс лиц с недостаточным уровнем знаний, что отражается на скорости и качестве перевода, а следовательно – и на ходе всего судебного процесса. К тому же, неквалифицированные переводчики могут привлекаться стороной намеренно и служить орудием для затягивания процесса. Более того, без профессиональной подготовки переводчик может испытывать трудности с переводом юридических и иных терминов, что критически важно для точности понимания дела.

---

[1]Кузнецов О. Ю. Организационно-правовые основы назначения переводчика к участию в арбитражном и гражданском процессе // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 39.

[2]Медведев С. В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 33—34.

Помимо этого, важно упомянуть о возможности привлечения лица к уголовной ответственности за заведомо ложный перевод (ст. 307 УК РФ)[1]. При этом имеет место только целенаправленное, то есть, умышленное, введение в заблуждение суда и участников процесса. При добросовестном непонимании лицом достоверности сообщаемых им сведений состав данного преступления не образуется. По справедливому замечанию Галаховой А. В., «эксперт может дать ложное заключение в силу недостаточной квалификации, а переводчик дать неправильный перевод из-за плохого знания языка»[2]. С точки зрения гражданского процессуального законодательства можно говорить об индифферентности, поскольку вне зависимости от того, что послужило причиной неправильного перевода — умышленные действия или некомпетентность лица — это влечет отмену решения суда с повторным рассмотрением дела.

Для повышения качества и надежности переводческого обеспечения в гражданском процессе можно провести следующие преобразования. В первую очередь, для случаев, когда выбор переводчика осуществляет суд (п. 8 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ), необходимо создание единого государственного реестра аккредитованных судебных переводчиков. В таком информационном портале будут отображаться сведения об их специализации по отраслям права и науки, виды и уровни владения языками, а также данные о наличии профессионального образования и опыте работы.

Что касается реализации права лиц, участвующих в деле, предложить свою кандидатуру переводчика (ст. 162 ГПК РФ), здесь существенным образом остаются вопросы по поводу круга привлекаемых субъектов. В данном случае допустимо рассуждение о привлечении в качестве такого участника, например, лицо, имеющее близкие дружеские отношения. Однако существующие нормы ГПК РФ (ст. 18, 16) четко регламентируют требование об отсутствии как родственных отношений, так и понятия личной заинтересованности либо иных обстоятельств у лица в исходе дела, вызывающих сомнение в его объективности и беспристрастности. При этом важно понимать, что суд не располагает достаточными процессуальными средствами для установления характера взаимоотношений между стороной и переводчиком, что значительно усложняет регулирование данной области.

Продолжая говорить о фигуре переводчика, следует также уточнить особенности его предоставления определенным лицам, а именно — кому он действительно необходим. Поскольку судебная практика знает случаи, когда лицо необоснованно пользовалось услугами переводчика, что напрямую является злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ). Так, в Апелляционном

---

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 1996 г. № 25. ст. 2954. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 05.03.2026).

[2]Галахова А. В. Преступления против правосудия // НОРМА. 2005. С. 126.

определении Алтайского краевого суда от 9 сентября 2015 г. по делу № 33-8417/2015 доводы, изложенные в жалобе по необоснованному отказу в удовлетворении ходатайства о предоставлении ответчику переводчика, не нашли подтверждения[1]. Основаниями этому послужили следующие факты: лицо имело гражданство РФ и регистрацию по месту жительства в г. Барнауле, Алтайского края; свидетель из Отдела адресно-справочной работы УФМС России по Алтайскому краю в ходе судебного заседания пояснила, что при подаче документов ответчик свободно разговаривал на русском языке; согласно сведениям нотариуса, доверенность была подписана им лично с указанием ФИО на русском языке; помимо этого, сама жалоба была составлена на русском языке и подписана ответчиком. Этот пример четко иллюстрирует, что условия привлечения в процесс переводчика достаточно специфичны, и в каждом отдельном случае суду следует оценивать необходимость данной процедуры с учетом обстоятельств дела и языковых возможностей участников процесса.

Положения Основного закона РФ содержат общий принцип осуществления прав и свобод человека и гражданина, не нарушая при этом права и свободы других лиц (п. 3 ст. 17 Конституции РФ)[2]. Из этой нормы и вытекает запрет на злоупотребление правом, в частности в гражданском процессе. Упомянутые ранее положения гражданского процессуального законодательства предусматривают возможность суда разрешать вопрос о привлечении в процессе такого субъекта, как переводчик. Формулировка закона наделяет арбитра полномочиями как по удовлетворению, так и по отказу в удовлетворении ходатайства стороны о предоставлении переводчика, что, в свою очередь, позволяет бороться со случаями злоупотребления правом той или иной стороной процесса. Рассматривая ходатайство, суд должен принять решение о необходимости, целесообразности и обоснованности привлечения данного субъекта. Таким образом, отклоняя в отдельных случаях подобное заявление, суд обеспечивает надлежащий ход судебного разбирательства. Особого внимания заслуживает существование тонкой грани между реальной необходимостью переводчика для реализации стороной своих процессуальных прав и началом фактического злоупотребления правом. Говоря об этом, имеются ввиду ситуации, когда лицо не может убедительно доказать свою потребность в услугах такого субъекта.

В заключение хочется отметить действительную важность процессуального положения фигуры переводчика. В каждом конкретном случае суд должен объективно оценивать обстоятельства дела, учитывая как доводы о

[1]Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 09.09.2015 по делу № 33-8417/2015 // Доступ из справ.-правовой системы система «КонсультантПлюс». URL: https://www.co№sulta№t.ru/co№s/cgi/o№li№e.cgi?req=doc&base=SOSB&№=141365#vrbsQEVmwVtWgLyQ1 (дата обращения: 10.03.2026).

[2]Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 04.10.2022. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 декабря. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 10.03.2026).

необходимости переводчика, так и интересы справедливого и своевременного рассмотрения дела. Проблемы, связанные с привлечением в процесс данного субъекта, достаточно многогранны и требуют комплексного подхода к их разрешению. Только путем создания четких механизмов и налаженной системы можно гарантировать реальное право на судебную защиту для каждого человека, независимо от знания языка судопроизводства.

Научная статья
УДК 347.9

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Илья Андреевич ШЕСТАВИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
i.shestavin@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Михаил Юрьевич ПОРОХОВ,** more03@inbox.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы определения разумного срока в гражданском судопроизводстве. В работе проводится анализ действующего гражданского процессуального законодательства, регулирующего разумность сроков. В ходе проведённого исследования изучена правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, а также данные судебной практики по вопросам применения судами категории разумный срок. Делается вывод о необходимости конкретизации в законе понятия разумный срок, а также определения его конкретных временных рамок.

Ключевые слова: разумный срок, гражданское судопроизводство, оценочное понятие, судебная практика, Гражданский процессуальный кодекс

Своевременное рассмотрение судом гражданского дела является одной из первостепенных задач гражданского процесса. Существует множество процессуальных средств, призванных обеспечивать своевременность судопроизводства и исполнения судебных решений, к числу которых относятся

процессуальные сроки. Процессуальный срок рассмотрения дела — это промежуток времени, в течение которого правовой нормой предписывается совершение определенных процессуальных действий. Он устанавливается законом или судом, и имеет строго определённые временные рамки.

Однако гражданское процессуальное законодательство содержит в себе положение о сроке, временные рамки которого чётко не обозначены, речь идёт о так называемых разумных сроках судебного разбирательства.

Разумный срок гражданского судопроизводства является относительно молодым институтом в российском процессуальном праве. Его возникновению и становлению в отечественном законодательстве способствовало принятие Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) постановления от 15.01.2009 г. по делу Бурдов против России (Жалоба № 33509/04)[1]. В то время юрисдикция данного суда распространялась на нашу страну и его решения были обязательны для России. ЕСПЧ обязал Российскую Федерацию разработать эффективное внутреннее средство правовой защиты, которое бы могло предотвращать нарушения прав на судебное разбирательство и исполнение судебного акта в разумные сроки, а также обеспечило бы адекватное и достаточное возмещение государством ущерба, причинённого гражданину в связи с несвоевременным исполнением решения национального суда.

В соответствии с указанным постановлением был принят Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[2]. Принятие данного нормативного правового акта повлекло за собой внесение изменений в гражданское процессуальное законодательство[3]. Статья 6.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) включила в себя категорию разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного постановления.

Согласно ст. 6.1 ГПК РФ, судопроизводство в судах и исполнение судебного постановления осуществляются в разумные сроки. Продление установленных законом сроков законодатель признал допустимым, но только в рамках разумности. А чтобы исключить или хотя бы свести к минимуму произвольное правоприменение, данная норма установила критерии, с уче-

---

[1]Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 г. Дело «Бурдов против России» (жалоба № 33509/04) // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека». 2009. № 5.

[2]Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // «Российская газета» от 04.05.2010 № 94.

[3]Федеральный закон от 30.04. 2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // «Российская газета» от 04.05.2010 № 94.

том которых и определяется эта разумность. К таковым критериям было отнесено следующее: правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, общая продолжительность судопроизводства[1].

В то же время, несмотря на закрепление в ГПК РФ критериев разумности срока гражданского судопроизводства, легального определения самого понятия «разумный срок» законодатель не закрепил. Это даёт широкие возможности для различных доктринальных толкований понятия в научной среде.

Так, по мнению Яркова В. В., разумный срок — это такой срок судебного разбирательства или исполнения судебного акта, который гарантирует реальную защиту права и законного интереса заинтересованного лица[2]. Поляков И. Н. под разумным сроком понимает логически обоснованный и не противоречащий смыслу процессуального закона период времени, в течение которого суд обязан рассмотреть гражданское дело по существу, а компетентные органы — обеспечить принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного акта[3].

Отсутствие единого и чёткого определения понятия «разумный срок» указывает на его оценочный характер. Вопрос о целесообразности наполнять законодательство такими понятиями остаётся дискуссионным в юридической науке. Некоторые исследователи полагают, что наличие в гражданском процессуальном законе оценочных понятий и отсутствие их легальных определений – норма. Так, Лукьяненко М. Ф. полагает, что оценочные понятия, к которым относится в том числе и понятие разумный срок, обеспечивают полноту и динамичность законодательства, предоставляют субъектам возможность выбрать в конкретной ситуации наиболее рациональную модель поведения, что очень важно для области гражданско-правового регулирования, которая отличается инициативой и свободой усмотрения участников[4].

Противоположной точки зрения придерживается Перевощикова М. В. По её мнению, отсутствие законодательно закрепленного определения разумного срока приводит к проблемам в правоприменении. Автор считает, что регламентация понятия «разумный срок судопроизводства» позволит

---

[1]Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18.11.2002 г. № 46 ст. 4532.

[2]Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

[3]Поляков И. Н. Разумные сроки судопроизводства: понятие и значение // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 33—37.

[4]Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика применения : автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2010. 53 с.

обеспечить единообразие судебной практики в судах общей юрисдикции России[1].

Другой проблемой по данной тематике является трудность в определении конкретных временных рамок, которые можно было бы признать разумным сроком гражданского судопроизводства. Интересным по этому вопросу является постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2011 г. №17-П, в котором указано: поскольку понятие «разумный срок судебного разбирательства» носит оценочный характер, то мера разумной продолжительности судопроизводства не может быть одинаковой для всех дел[2]. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации прямо указал на то, что выявить универсальный для любого гражданского дела срок, который бы отвечал критериям разумности, невозможно.

Соглашаясь с утверждением, изложенным выше, Лемонджава Ю. Е. полагает, что попытка определить продолжительность разумного срока, и установить в качестве такового какой-то конкретный временной отрезок, не будет иметь успеха. По мнению исследователя, это не приведёт к сокращению сроков судопроизводства, а напротив, ограничит суд во времени, что в дальнейшем может привести к неоправданным судебным ошибкам, а также к ситуациям, когда те процессуальные средства, которые призваны обеспечивать полное и всестороннее рассмотрение дела, потеряют всякий смысл[3].

Однако судебная практика показывает обратное. Так, по делу № 33а-7854/2018 от 07.11.2018 г. апелляционным определением Московского городского суда истцу было отказано в удовлетворении требования о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок при продолжительности судебного разбирательства в 1 год 9 месяцев и 14 дней[4]. А в другом аналогичном по содержанию деле № 3А-729/2018 от 22.02.2018 г. при аналогичной продолжительности судебного разбирательства, составившем 1 год и 9 месяцев, решением того же Московского городского суда, только в составе других судей, исковое требование о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок

---

[1]Перевощикова М. В. Актуальные проблемы определения разумности срока в гражданском процессе // Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые и организационные проблемы и перспективы / Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистров и молодых ученых, посвященной 50-летию юридического образования в Удмуртской Республике. 2022. 633 с.

[2]Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуева» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 25.07.2011. № 30 (2), ст. 4699.

[3]Лемонджава Ю. Е. Оценочный характер категории «Разумный срок» в гражданском судопроизводстве // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 4 (33). С. 38 – 43.

[4]Апелляционное определение Московского городского суда от 07.11.2018 по делу № 33а-7854/2018. // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&№=1575210#Wj2XKBVB5Jtkhb55 (дата обращения: 15.02.2026).

было частично удовлетворено. Суд присудил истцу компенсацию в размере 50 000 рублей[1].

Проанализировав два гражданских дела, рассмотренных разными судьями Московского городского суда по одной и той же категории дел, можно сделать вывод о том, что у правоприменителей различное понимание продолжительности разумного срока в гражданском процессе. Практика показывает, что разрешение текущей проблемы имеет большое значение для работы судов, именно поэтому некоторые авторы всё же пытаются определить оптимальный срок судебного разбирательства, который бы отвечал критериям разумности.

Например, Ласкина Н. В. полагает, что «критическим» сроком в гражданском судопроизводстве следует считать продолжительность рассмотрения гражданского дела в течение трех лет[2]. Однако Нечаев В. И. отмечает, что для некоторых категорий дел, например о возмещении вреда здоровью, разумный срок судопроизводства в три года не будет достаточным[3].

Полагаем, не подлежит оспариванию тот факт, что пределы разумного срока гражданского судопроизводства складываются, прежде всего, в ходе правоприменительной практики. Поэтому считаем целесообразным представить свое видение продолжительности разумного срока гражданского дела на основании статистики ведения судебных дел. Ориентирование на обзор судебной статистики Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей может помочь в определении минимального разумного срока судопроизводства по гражданским делам, рассматриваемых в российских судах.

Так, согласно последним официально опубликованным данным за 2024 год, в пределах установленных процессуальных сроков рассмотрено 50,0 % всех дел, находящихся в производстве конкретного суда. Рассмотрение гражданских дел свыше установленных ГПК РФ сроков распределилось следующим образом:

до трёх месяцев включительно рассмотрено 719,2 тыс. дел, или 18,7 % от общего числа дел, оконченных производством;

свыше трёх месяцев до одного года включительно рассмотрен 1 млн. 139 тыс. дел, или 29,7 % от общего числа дел, оконченных производством;

свыше одного года до двух лет включительно рассмотрено 57,0 тыс. дел, или 1,5 % от общего числа дел, оконченных производством;

---

[1] Решение Московского городского суда от 22.02.2018 по делу № 3А-729/2018.// URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOC№&№=972794#OjYWKBV23d7JpEgv2 (дата обращения: 15.02.2026).

[2]Ласкина Н. В. Процессуальные гарантии при рассмотрении дел о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Современное право. 2011. № 10. С. 116—119.

[3]Нечаев В. И. Сколько стоит волокита // ЭЖ-Юрист. 2008. № 46. С.42—54.

свыше двух лет до трех лет включительно рассмотрено 3,2 тыс. дел, или 0,1 % от общего числа дел, оконченных производством;

свыше трех лет рассмотрено 0,5 тыс. дел, или 0,01 % от общего числа дел, оконченных производством[1].

На основании анализа судебной статистики можно сделать вывод о том, что 50 % всех гражданских дел, рассмотренных в судах общей юрисдикции за 2024 год, не были разрешены в пределах, установленных гражданским процессуальным законодательством по тем или иным причинам. Большая часть из этих дел, рассмотренных сверх установленных сроков, была разрешена судами в пределах одного года (48,4 %). Тогда как свыше одного года был рассмотрен незначительный процент гражданских дел (всего 1,61 %). Интересно, что примерно аналогичные показатели неразрешенных вовремя дел, наблюдаются и за предыдущие года судебной практики.

Таким образом, можем заключить, что «средний показатель» разумного срока рассмотрения гражданских дел может равняться одному году. Конечно, стоит принимать во внимание, что судебная практика год от года меняется. Тогда и разумный срок судопроизводства должен корректироваться с учетом статистики рассмотренных за предыдущие периоды гражданских дел.

Полагаем, что методика определения разумного срока, основанная на средних показателях продолжительности рассмотрения гражданских дел согласно судебной практике, хотя и не лишена изъянов, однако представляет собой наиболее объективное, в сравнении с другими способами, средство определения разумности сроков гражданского судопроизводства.

Подводя итог, отметим, что разумный срок гражданского судопроизводства, будучи оценочным понятием, содержит в себе множество проблем, которые обусловлены пробелами действующего гражданского процессуального законодательства. Неустранение этих пробелов влечёт за собой трудности для судей в ходе правоприменительной практики. Закрепление определения понятия «разумный срок», наш взгляд, устранит противоречия между нормами, регулирующими гражданский процесс, а конкретизация временного промежутка разумного срока минимизирует случаи злонамеренного затягивания судебного разбирательства и, в целом, повысит эффективность института разумного срока.

Научная статья

[1]Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. - М., 2024. – URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

УДК 347.94

К ВОПРОСУ О НЕДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФАКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Анна Сергеевна ЮРКОВА
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», Тула, Россия
zheglovaann@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент **Юлия Львовна ДЯБЛОВА,** d.u.l@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема недопустимости доказывания отрицательных фактов в гражданском процессе. Актуальность темы исследования обусловлена тенденцией к единообразию судебной практики и отсутствием законодательно закреплённого запрета доказывать отрицательные факты, что порождает трудности при обосновании сторонами по делу своих требований и возражений. Исследованию было подвергнуто соотношение отрицательного факта с положительным, их место и значение в системе доказательств. На основе анализа конкретных примеров из судебной практики были выявлены подходы российских судов к рассмотрению данного проблемного вопроса, а также причины недопустимости доказывания отрицательных фактов. В рамках изучения данной темы было выявлено несовершенство правового регулирования в части распределения бремени доказывания и предложен возможный способ ликвидации пробела в праве.

Ключевые слова: отрицательные факты, доказывание, гражданский процесс, бремя доказывания, судебная практика, правоприменение

Судебное доказывание является фундаментальной темой в рамках изучения гражданского процесса в качестве учебной дисциплины. Многообразие фактов, подлежащих доказыванию, стремление к единообразию судебной практики создают необходимость выявления единого подхода к пониманию ряда правовых понятий как в теории, так и на практике.

В рамках гражданского процесса судом исследуется множество фактических обстоятельств дела, имеющих значение для полного, законного и справедливого рассмотрения и разрешения дела. Статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) требует от каждой стороны доказывать обстоятельства, на которые она ссылается,

что на практике вызывает трудности при доказывании отсутствия[1]. Однако важность и необходимость доказывания отрицательных фактов ставится под сомнение. Стоит подчеркнуть, что данный вопрос недостаточно хорошо разработан в рамках науки, поэтому данное исследование основано в первую очередь на анализе материалов судебной практики. Вероятно, такое отсутствие интереса среди учёных вызвано относительно единым подходом судов к пониманию данного вопроса. Однако актуальность и важность разработки этой темы в рамках права подтверждается регулярным упоминанием отрицательных фактов в текстах судебных решений и, более того, сам по себе отрицательный факт свойственен многим спорным правоотношениям, поскольку зачастую стороны обращаются в суд в целях подтвердить отсутствие исполнения по договору, невыполнение каких-либо обязательств, неполучение какого-либо товара и т. д. Актуальность данного исследования для науки же выражается в формировании структурированной и полной системы доказательств в гражданском процессе, значение и особенности каждого из которых можно проследить путём сравнения одного с другим.

Понятие «отрицательный факт» не закреплено в гражданском процессуальном законодательстве. Однако определение данному понятию предложили некоторые учёные. В частности, Афанасьев С. Ф. под отрицательными фактами понимает «отсутствие чего-либо в реальной жизни, а также бездействие, уклонение от исполнения обязательств»[2]. Такое определение даёт возможно наиболее конкретно понять правовую природу отрицательных фактов и их отличительные особенности. В целях выявления изменений к понимаю данной темы стоит обратиться к научному труду Зайцева И. и Фокиной М., написанному в 2000 году. Определение понятию «отрицательные факты» было дано схожее с вышеприведённым, однако было выделено важное уточнение: «Отрицательные факты — это зачастую бездействие (непоставка, неявка и т. д.)»[3]. Оно свойственно многим гражданско-правовым отношениям, а меры предусмотренной законом ответственности направлены на пресечение их негативного влияния, восстановление нарушенных прав в случае неисполнения обязанностей по договору.

Подход к определению места отрицательного факта в системе доказательств можно выявить при помощи анализа судебной практики. Сам факт как таковой исходит из констатации каких-либо отношений, обязательств, спора. Следовательно, в случае ссылки кредитора на наличие каких-либо

[1]«Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12128809/ (дата обращения: 14.03.2026).

[2]Афанасьев С. Ф. Судебно-правовая политика в области доказывания отрицательных фактов по гражданским делам // Современное право. 2012. № 7. С. 102.

[3]Зайцев И., Фокина М. Отрицательные факты в гражданских делах // Российская юстиция. 2000. №3. С. 19.

иных отношений с должником на него ложится бремя доказывания таких отношений, то есть появляется необходимость конкретизировать такие отношения, предоставить доказательства, подтверждающие их. Но в то же время «возложение на ответчика бремени доказывания факта отсутствия иных отношений между сторонами не допускается, поскольку отрицательные факты доказыванию не подлежат и означенное свидетельствует о нарушении ч. 1 ст. 56 ГПК РФ»[1]. Более того, был выявлен такой подход: «бремя доказывания наличия договорных правоотношений и неисполненного в рамках таких правоотношений обязательств лежит на истце, так как в соответствии с общими положениям гражданского права, ответчик не может доказывать отрицательные факты»[2]. Следовательно, истец должен предоставить доказательства заключения договора, по которому ответчик не исполнил те или иные обязательства, когда в то же время на ответчике не может лежать обязанность доказать отсутствие такого исполнения. Таким образом, проблема отрицательных фактов как таковых сводится к недопустимости их доказывания, когда как в ряде случаев стороны, обосновывая свои требования, считают необходимым отнести такие факты к числу доказательств по делу.

По конкретным гражданским делам также можно выявить подход судов к пониманию причин недопустимости доказывания отрицательных фактов. В частности, Верховный суд РФ подчёркивает недопустимость доказывания отрицательных фактов «с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения»[3]. Однако стоит особенно отметить, что в ГПК РФ нет прямого запрета на доказывание отрицательных фактов. Такой подход выработан исключительно в судебной практике. Причину недопустимости доказывания отрицательных фактов суды также видят, например? в невозможности «доказать то, чего не было, следовательно, отрицательный факт не может быть доказан, но может быть опровергнут другой стороной спора»[4].

Стоит уделить особое внимание разграничению отрицательных фактов и положительных. Под положительными фактами предсказуемо понимают

---

[1]Решение Центрального районного суда г. Красноярска № 2-2635/2025 от 04.09.2025 по делу № 2-5285/2024~М-3197/2024 // СудАкт.Ру: судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vzM3zSmLSWV8/ (дата обращения: 15.03.2026).

[2]Решение Реутовского городского суда № 2-1417/2025~М-1091/2025 М-1091/2025 от 24.08.2025 по делу № 2-1417/2025 // СудАкт.Ру: судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KCmvWaP7TRml/ (дата обращения: 15.03.2026).

[3]Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, 12.07.2017 // СудАкт.Ру: судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219925/ (дата обращения: 15.03.2026).

[4]Решение Уссурийского районного суда № 2-1538/2025 2-1538/2025~М-659/2025 М-659/2025 от 20.04.2025 по делу № 2-1538/2025 // СудАкт.Ру: судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nuV8ds9PP7WR/ (дата обращения: 17.03.2026).

наличие чего-либо в реальной жизни — например, правовых отношений, договора. Сложности же на практике возникают в случае трансформации отрицательного факта для истца в положительный для ответчика. Такая ситуация возникает, «когда лицо утверждает, что оно не совершало действий, которые повлекли правовые последствия, возложение бремени доказывания на него означало бы существенную тяжесть доказывания отрицательного факта»[1]. Важно отметить, что невозможность ответчика доказать или опровергнуть отрицательный факт (невыполнение обязанностей истца по договору) не лишает его права предоставлять возражения относительно доказанных истцом положительных фактов. Также был выявлен подход, по которому отрицательные факты не доказываются, но «они устанавливаются через выяснение и доказывание связанных с ними положительных обстоятельств»[2]. Данная закономерность была определена в рамках ситуации, когда сотрудник неправомерно воспользовался служебным транспортным средством. Ответчик по данному спору (работодатель) указал, что уже давно сложилась практика использования служебного транспортного средства при разрешении руководства, которое не было получено истцом. В таком случае именно истец должен доказывать факт наличия у него такого разрешения, когда как довод ответчика об отсутствии такого разрешения суд посчитал несостоятельным, поскольку он представляет собой отрицательный факт. Следовательно, положительные и отрицательные факты коррелируют между собой и иногда способствуют установлению фактических обстоятельств дела при помощи друг друга. Можно сделать вывод о том, что в системе доказательств отрицательные факты всё же имеют важное значение, они могут служить «мостом» для определения положительных обстоятельств дела, которые как раз подлежат доказыванию. По общему правилу бремя доказывания отрицательных фактов не может быть возложено на лицо, которое на них ссылается, следовательно, отрицательный факт должна доказывать та сторона, для которой он преобразуется в положительный.

В целях единообразного понимания данного вопроса и обеспечения защиты прав и законных интересов лиц является необходимым закрепить в рамках ст. 56 ГПК РФ недопустимость доказывания отрицательных фактов. Такое правовое регулирования будет выполнять превентивную функцию, которая выражалась бы в более тщательном отборе совокупности доказательств сторонами в деле и предупреждении потери времени лиц на доказывание фактов, которые потом будут признаны судом несостоятельными. Бо-

[1]Решение Останкинского районного суда № 2-1058/2021 от 08.04.2021 по делу № 2-1058/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/ostaNkiNskij/services/cases/civil/details/4c8a0b50-6797-11eb-8155-27c93a3d1b95?casenumber=02-1058/2021 (дата обращения: 18.03.2026).

[2] Решение Батайского городского суда №2-1068/2025 2-1068/2025~М-592/2025 М-592/2025 от 18.08.2025 по делу №2-1068/2025 // СудАкт.Ру: судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ctkc0zFUcbxp/ (дата обращения: 18.03.2026).

лее того, более детальное правовое регулирование различных вопросов доказывания в спорных правоотношениях и в целом приведёт к развитию гражданского процессуального права в качестве наиболее разработанного нормативного правового акта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отрицательные факты, хоть и относятся к важным обстоятельствам дела, но деятельность по их доказыванию не представляется возможной. Такое положение дел вызвано, в первую очередь, относительным единообразием судебной практики, устойчивостью подхода к пониманию возможности доказывания отрицательного факта. Более того, была выявлена фундаментальная проблема: логическая и практическая невозможность доказать отсутствие порождает сложности для сторон. На практике отрицательные факты, по сути, устанавливаются лишь косвенно – через подтверждение положительного факта. Следовательно, проблема доказывания отрицательных фактов в гражданском процесс требует комплексного подхода, который включает не только более тщательное правовое регулирование, но и формирование единого подхода судов при правоприменении.

VII. ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Научная статья
УДК 331.5:364.6

ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЕТЕРАНОВ СВО КАК ДРАЙВЕР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА И ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Даниил Вячеславович АНДРЕЕВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
a.d.v_2004@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Нина Николаевна НИКИФОРОВА**, nikiforova.nin2013@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы социально-трудовой интеграции ветеранов специальной военной операции, включая лиц с инвалидностью и наличием судимости в прошлом. На основе опыта Заинского муниципального района Республики Татарстан рассматривается комплексная модель трудоустройства, объединяющая ресурсы кадрового центра, фонда «Защитники Отечества», центра развития предпринимательства и бизнеса. Особое внимание уделено специальному финансовому продукту, механизму бизнес-завтраков и созданию специализированного отряда беспилотной гражданской авиации. Предлагаются меры по масштабированию выявленных эффективных практик.

Ключевые слова: ветераны СВО, трудоустройство, социальная адаптация, кадровый дефицит, государственно-частное партнерство, беспилотная авиация, Республика Татарстан, инклюзивный рынок труда

Возвращение ветеранов боевых действий к мирной жизни сопряжено с комплексом социально-психологических и экономических вызовов. Одновременно экономика Российской Федерации, в том числе Республики Татарстан, испытывает острый кадровый дефицит: уровень безработицы в Татарстане по состоянию на 01.02.2025 составил 0,15 %, а в Заинском муниципальном районе этот показатель достиг рекордных 0,13 % при нагрузке более восьми вакансий на одного безработного[1]. По данным официальной статистики, в августе 2025 года безработица в стране снизилась до исторического минимума в 2,1 %[2]. Однако, как отмечают эксперты, дефицит кадров в ближайшие пять лет может составить порядка 4 млн человек, из которых до 90 % — это средне- и высококвалифицированные рабочие и специалисты[3]. В этих условиях трудоустройство ветеранов СВО становится не только мерой социальной поддержки, но и значимым ресурсом для восполнения нехватки рабочей силы, что подтверждается данными Минпромторга: 71 % предприятий сохраняют рабочие места за сотрудниками, находящимися на СВО, а 81 % готовы принимать ветеранов на любые вакансии, включая лиц с инвалидностью[4].

Ветераны специальной военной операции сталкиваются с несколькими группами препятствий при поиске работы. К ним относятся посттравмати-

[1] Динамика уровня безработицы в РТ на 01.02.2025 г. // Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. URL: https://mtsz.tatarstan.ru (дата обращения: 06.04.2026).

[2] Росстат. Уровень безработицы в России в августе 2025 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 06.04.2026).

[3] В HeadHunter считают, что дефицит кадров в РФ в ближайшие 5 лет может удвоиться // ИнтерФакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1020753 (дата обращения: 06.04.2026).

[4] Достойный доход и новые подходы. В Чувашии обсудили ключевые барьеры для трудоустройства участников СВО и пути их преодоления // Полномочный представитель Президента РФ в ПФО. URL: http://pfo.gov.ru (дата обращения: 06.04.2026).

ческое стрессовое расстройство, физические ограничения (ранения, ампутации), необходимость адаптации к новым условиям, а также настороженное отношение со стороны некоторых работодателей, особенно крупных предприятий с жесткими службами безопасности. Многие ветераны до участия в СВО имели проблемы с законом, что делает их трудоустройство на крупные промышленные объекты практически невозможным. Кроме того, военно-учетные специальности не всегда имеют прямые аналоги в гражданских сферах, а заработная плата, предлагаемая на гражданке, часто несопоставима с доходами, получаемыми во время службы. По данным исследования, проведенного в январе 2026 года, 59 % россиян полагают, что опыт, полученный ветеранами в ходе СВО, может быть полезен в гражданской сфере, а 58 % положительно восприняли бы появление ветерана в своем трудовом коллективе. Наиболее востребованными сферами применения этого опыта названы силовые структуры, образование и государственная служба[1].

В Заинском муниципальном районе Республики Татарстан с 2025 года реализуется проект «Новые горизонты возможностей», объединяющий усилия Кадрового центра «Работа России», фонда «Защитники Отечества», Центра развития предпринимательства и субъектов малого и среднего предпринимательства. Ключевым элементом проекта является специальный финансовый продукт «Поддержка СВО» — кредит по ставке 1 % годовых для предпринимателей, трудоустраивающих ветеранов боевых действий, включая лиц с судимостью. Эта мера реализуется через Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан и служит мощным стимулом для бизнеса, особенно в условиях высокой ключевой ставки Центрального банка. По состоянию на март 2026 года таким кредитом воспользовались 12 субъектов МСП Заинского района, создав 18 рабочих мест для ветеранов. Помимо льготного кредитования, работодатели могут получить субсидии на оборудование рабочих мест для инвалидов (до 200 тыс. рублей) и другие меры государственной поддержки, реализуемые через службу занятости[2].

Важным механизмом информирования бизнеса и вовлечения его в трудоустройство ветеранов стали регулярные встречи в формате бизнес-завтраков «Деловое утро». На этих мероприятиях представители кадрового центра и центра развития предпринимательства знакомят предпринимательское сообщество с мерами поддержки, разъясняют преимущества найма ветеранов, которые обладают такими качествами, как ответственность, дисциплина, умение работать в команде. За период с февраля по март 2026 года прове-

[1] Герои среди нас, или Путь домой // Аналитический центр ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru (дата обращения: 06.04.2026).

[2] В Заинске обсудили меры поддержки для работодателей, трудоустраивающие ветеранов СВО // Портал Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. URL: https://portal.tatartrud.ru (дата обращения: 06.04.2026).

дено три бизнес-завтрака, участие в которых приняли 47 предпринимателей[1]. Особо подчеркивается, что меры поддержки распространяются в том числе на ветеранов, имеющих судимость в прошлом, что позволяет расширить круг потенциальных кандидатов для бизнеса. Карьерные консультанты формируют базу данных ветеранов, проводят профориентационное тестирование, организуют при необходимости переобучение под конкретные запросы работодателей. Гарантированное собеседование с работодателем становится обязательным этапом, в ходе которого ветеран лично встречается с руководителем предприятия и знакомится с условиями труда.

Наиболее ярким примером реализации проекта является история ветерана СВО Руслана Файзрахманова, жителя города Заинска, который в 2022 году ушел на фронт добровольцем, служил в разведке, руководил группой противодействия БПЛА и получил тяжелое ранение, после которого врачам пришлось заменить кость на титановый протез. Вернувшись к мирной жизни, в сентябре 2025 года Руслан обратился в Кадровый центр «Работа России» по Заинскому району. Специалисты учреждения не просто предложили вакансии, а взяли ситуацию на личный контроль: начальник Кадрового центра Екатерина Андреева лично выехала с ветераном на предприятие ГУП РТ «Электрические сети», где он в итоге был принят на должность главного механика[2]. Однако ключевым событием стало участие Руслана Файзрахманова в круглом столе Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам, посвященном законодательным механизмам вовлечения ветеранов СВО в развитие агропромышленного комплекса. Там он презентовал свой проект «Специализированный отряд беспилотной гражданской авиации». Суть инициативы заключается в создании рабочих мест для ветеранов (включая людей с инвалидностью) через применение их уникальных навыков работы с БПЛА в мирных сферах, начиная с агропромышленного комплекса[3].

Сферы применения беспилотных летательных аппаратов в гражданской экономике многообразны: это планирование рельефа, посадка семян, обработка полей, мониторинг и сбор данных в агропромышленном комплексе; 3D-моделирование местности и мониторинг на всех этапах строительства; мониторинг линий электропередач, обнаружение обрывов и их предотвращение в электрических сетях. Данное направление обладает высокой новизной: военные навыки ветеранов конвертируются в гражданские профессии, формируется новый сегмент рынка труда. Работодатели в этих

[1] Там же.

[2] «Я не гнался за наградами, хотел быть полезен стране»: история ветерана СВО из Заинска // Татар-информ. URL: https://www.tatar-inform.ru (дата обращения: 06.04.2026).

[3] Ветеран СВО из Заинска выступил с проектом на федеральном уровне // Портал Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. URL: https://portal.tatartrud.ru (дата обращения: 06.04.2026).

сферах (агрохолдинги, строительные компании, сетевые организации) испытывают острый дефицит операторов БПЛА. Проект уже получил предварительное одобрение со стороны нескольких предприятий Заинского района. Выступая перед депутатами, Руслан призвал всех участников СВО последовать его примеру: обратиться в службу занятости населения и использовать возможности бесплатного обучения в рамках национального проекта «Кадры». Эта мера поддержки позволяет получить актуальную профессию, востребованную в современной экономике. На единой цифровой платформе «Работа России» открыто 49 образовательных программ, среди которых — оператор беспилотных авиационных систем, слесарь механосборочных работ, специалист по метрологии, специалист по системам искусственного интеллекта и другие. Таким образом, история Руслана Файзрахманова наглядно демонстрирует успешную связку: личная инициатива ветерана, адресная поддержка кадрового центра и государственные инструменты развития АПК и кадрового потенциала.

По состоянию на апрель 2026 года в рамках проекта сформирован реестр из 52 вакансий для трудоустройства ветеранов СВО, трудоустроено 85 % ветеранов, обратившихся в кадровый центр, среднее время поиска работы для ветерана сократилось до 90 дней. На 25 % увеличилось число работодателей, получивших консультацию по мерам поддержки, и на 10 % выросло количество субъектов МСП, воспользовавшихся программой поддержки при приеме на работу ветеранов. Качественные эффекты включают повышение социальной ответственности бизнеса, рост удовлетворенности ветеранов условиями труда, снижение рисков социальной изоляции и развитие бизнеса за счет льготного финансирования. Вместе с тем, по данным Генеральной прокуратуры РФ, озвученным в марте 2026 года, проверки центров занятости показали, что работой обеспечивались меньше половины обратившихся за помощью вернувшихся участников СВО. В ряде субъектов Федерации полностью отсутствует налаженная система профессионального переобучения для бывших военнослужащих, а работодатели зачастую просто не информируются о существовании федеральных субсидий, выделяемых государством для стимулирования найма этой категории граждан[1]. Отдельной проблемой является формальный подход сотрудников служб занятости к подбору вакансий, когда предлагаемые позиции не учитывают ни квалификацию, ни, что особенно важно, состояние здоровья бойцов, получивших ранения.

В этой связи опыт Заинского района представляется особенно ценным. На основе его анализа могут быть рекомендованы следующие меры для других регионов: закрепление на уровне регионального законодательства

[1] В Генпрокуратуре сообщили об участниках СВО, не нашедших работу после возвращения // Московский комсомолец. URL: https://www.mk.ru (дата обращения: 06.04.2026).

льготной кредитной ставки (1— 2% годовых) для работодателей, трудоустраивающих ветеранов СВО, с возможностью компенсации части затрат из регионального бюджета; введение обязательного элемента «гарантированного собеседования» в протокол работы кадровых центров с ветеранами СВО; развитие сети специализированных отрядов БПЛА по аналогии с Заинским районом, с привлечением предприятий агро-, строительного и энергетического секторов; организация регулярных бизнес-завтраков с обязательным участием представителей фонда «Защитники Отечества» и центров развития предпринимательства; снятие избыточных барьеров для трудоустройства ветеранов с судимостью в части внутренних регламентов крупных предприятий (путем заключения соглашений с прокуратурой и уполномоченными органами). Для повышения эффективности трудоустройства и снижения текучести кадров среди ветеранов в первые три месяца работы необходима также системная психологическая поддержка, поскольку стратегии реадаптации зависят от категорий ветеранов боевых действий и их психологических особенностей, что требует индивидуального подхода и длительного сопровождения[1]. Позитивный пример в этом направлении демонстрирует Чувашская Республика, где трудоустроено 60,2 % вернувшихся участников СВО, а служба занятости предоставляет полный спектр услуг: профобучение, профориентацию, социальную адаптацию и психологическую поддержку, включая механизм социальных контрактов[2].

Практика Заинского муниципального района Республики Татарстан демонстрирует, что системное взаимодействие кадровых центров, фонда «Защитники Отечества», институтов поддержки предпринимательства и бизнеса позволяет эффективно решать задачу трудоустройства ветеранов СВО, в том числе с инвалидностью и судимостью. Ключевыми факторами успеха являются: льготное кредитование работодателей (1 % годовых), персональное сопровождение ветеранов, бизнес-завтраки как формат оперативного информирования и создание новых гражданских профессий на базе военных компетенций (отряды БПЛА). Предложенные механизмы могут быть масштабированы на другие регионы России, что одновременно снизит социальную напряженность и частично компенсирует кадровый дефицит, составляющий, по оценкам, до 4 млн специалистов в ближайшие пять лет[3]. Актуальность такого масштабирования подтверждается и данными научных исследований, в которых разработана модель социального контракта «государство–военнослужащий» и выявлены три основные социальные траектории

[1] Караяни А. Г. Психологическая реадаптация и трудоустройство ветеранов боевых действий: проблемы и решения // Военно-медицинский журнал. 2024. № 6. С. 34—41.

[2] Социальная адаптация ветеранов СВО в Чувашской Республике // Официальный портал органов власти Чувашской Республики. URL: https://cap.ru (дата обращения: 06.04.2026).

[3] В HeadHunter считают, что дефицит кадров в РФ в ближайшие 5 лет может удвоиться // ИнтерФакс. URL: https://www.interfax.ru/russia/1020753 (дата обращения: 06.04.2026).

ресоциализации ветеранов СВО[1], а также на основе компаративного анализа процессов социальной реадаптации участников Великой Отечественной войны и СВО обосновывается необходимость целенаправленной работы по интеграции ветеранов в систему государственного и муниципального управления[2]. В зарубежных исследованиях также подчеркивается важность комплексного подхода, включающего психологическую поддержку, профессиональное обучение и взаимодействие с работодателями[3].

Научная статья
УДК 349.23/24

ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Антон Антонович АНТОНОВ[1], Екатерина Андреевна ПРОТАСОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] antonovantonag2@gmail.com
[2] Protasovaalla9@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Юлия Михайловна БОБРОВА**, j.m.bobrova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования дистанционной работы в Российской Федерации после принятия Федерального закона от 08.12.2020 № 407-ФЗ. Рассматриваются основные нормы главы 49.1 Трудового кодекса РФ, включая порядок электронного документооборота, виды дистанционной работы, временный перевод в чрезвычайных ситуациях, режим рабочего времени и охрану труда. Выявляются актуальные проблемы правоприменения: отсутствие чётких механизмов фиксации рабочего времени и «права на отключение», правовая неопределённость при использовании неквалифицированной электронной подписи, риски в сфере охраны труда и защиты персональных данных при использовании

[1] Реконструкция социальных траекторий ресоциализации ветеранов СВО // Магистерская диссертация, НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru (дата обращения: 06.04.2026).

[2] Филимонов О. В. Использование потенциала фронтовиков для обновления управленческих кадров: прошлое и современность // Власть. 2024. № 3. С. 226—238.

[3] Левковская Н. А. Социально-психологическая реабилитация, трудоустройство ветеранов и выбор профессии: аналитический обзор зарубежных исследований // Психологические науки. 2026. № 1. С. 45—52.

личных устройств работниками. Особое внимание уделяется психоэмоциональным перегрузкам и необходимости нормативного ограничения цифровой нагрузки. В заключении формулируются направления совершенствования законодательства, включая разработку типовых локальных актов и внедрение гарантий неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова: дистанционная работа, трудовой договор, электронный документооборот, право на отключение, охрана труда, персональные данные, рабочее время

Стремительное развитие цифровых технологий предопределило трансформацию трудовых отношений, наиболее ярко проявившуюся в период пандемии COVID-19. В этот период дистанционная занятость из факультативной формы превратилась в массовую, что потребовало оперативного совершенствования законодательства. Цель настоящей статьи — анализ действующего правового регулирования дистанционной работы в Российской Федерации, выявление проблем правоприменения и определение направлений их решения.

Федеральным законом от 08.12.2020 № 407-ФЗ глава 49.1 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) изложена в новой редакции, что заложило основу современного правового регулирования дистанционной работы. Однако оперативное принятие изменений не устранило всех противоречий: правоприменительная практика выявила ряд проблем, требующих дальнейшей конкретизации.

Дистанционная работа открыла как для работника, так и для работодателя огромные возможности, но при этом породила новые правовые и организационные вопросы, фокус сместился с физического присутствия работника на своем рабочем месте на выполненный результат.

Одним из ключевых нововведений стало регулирование электронного документооборота. Статья 312.2 ТК РФ установила требования к электронному документообороту между сторонами трудового договора. Усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП) обязательна для заключения трудового договора, дополнительных соглашений, договора о материальной ответственности, ученического договора и документов об их изменении либо расторжении. Для иных документов стороны могут использовать иные виды подписи или способы обмена, закреплённые в локальных актах или соглашении сторон. Это позволило сократить бумажный документооборот и ускорить деловую коммуникацию.

Параллельно с этим была унифицирована терминология. Новая редакция гл. 49.1 ТК РФ унифицировала терминологию, закрепив единое понятие «дистанционная работа» (ст. 312.1 ТК РФ). Под ней понимается выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, пред-

ставительства, иного обособленного структурного подразделения, при условии использования для выполнения трудовой функции и для взаимодействия между работником и работодателем информационно телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Условие о дистанционном характере работы может быть включено как в трудовой договор, так и в дополнительное соглашение к нему, что обеспечивает гибкость оформления трудовых отношений.

Законодатель выделил три возможных режима дистанционной работы. Дистанционная работа может осуществляться:

на постоянной основе (в течение всего срока действия трудового договора);

временно (непрерывно до шести месяцев) — как по соглашению сторон, так и в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 312.9 ТК РФ (принятие решения государственным органом, а также при катастрофах, авариях, эпидемиях и иных чрезвычайных обстоятельствах);

периодически (с чередованием дистанционных и офисных периодов).

Особый порядок установлен для временного перевода на дистанционную работу в чрезвычайных ситуациях. В соответствии со ст. 312.9 ТК РФ работодатель вправе временно перевести работника на дистанционную работу без его согласия в случае катастрофы, аварии, эпидемии, иных чрезвычайных ситуаций, а также при принятии соответствующего решения государственными органами или органами местного самоуправления. Такой перевод возможен на срок до шести месяцев и оформляется локальным нормативным актом.

Помимо рассмотренных аспектов, ещё одной проблемой становится правовая неопределённость при электронном документообороте. Согласно ст. 312.2 ТК РФ для ключевых документов (трудовой договор, дополнительные соглашения, договор о материальной ответственности, ученический договор и документы об их изменении либо расторжении) требуется усиленная квалифицированная электронная подпись. В иных случаях стороны могут использовать неквалифицированную электронную подпись или иные способы взаимодействия (электронная почта, мессенджеры, локальные сети), закрепив их в коллективном договоре, локальном нормативном акте или соглашении сторон. Однако такой порядок порождает правовую неопределённость: затруднительно зафиксировать момент ознакомления работника с документами и время направления сообщений, что в судебных спорах создаёт сложности в доказывании соблюдения процедур документооборота.

Другой значимой проблемой выступает регулирование рабочего времени дистанционных работников. Стремление законодателя упорядочить вопросы рабочего времени дистанционных работников выразилось в закреплении ст. 312.4 ТК РФ, согласно которой режим рабочего времени и

времени отдыха определяется работником по своему усмотрению, если иное не предусмотрено трудовым договором. Это должно было гарантировать работнику так называемое «право на отключение» (право не отвечать на рабочие звонки и сообщения за пределами установленного рабочего времени). Однако на практике такая гарантия недостаточна: в отсутствие чётких правил взаимодействия работник зачастую оказывается в состоянии постоянной доступности. В развитых странах Европейского союза концепция «права на офлайн» (right to disconnect) активно внедряется на законодательном уровне[1], тогда как в российском правопорядке её реализация остаётся дискуссионной.

Примечательно, что первоначальная редакция законопроекта содержала более жёсткие нормы. В первоначальной редакции законопроекта предлагалось детально регламентировать порядок взаимодействия: установить обязанность работника отвечать на запросы только в рабочее время, а за пределами рабочего времени — привлекать к работе только с его согласия с оплатой как сверхурочной работы (ст. 152 ТК РФ). Однако эти положения не вошли в окончательную редакцию Федерального закона № 407-ФЗ, что оставило проблему размытой границы между рабочим и личным временем дистанционных работников открытой.

Ещё одной проблемой является отсутствие чётких регламентов. Отсутствие унифицированных регламентов организации дистанционного труда создаёт трудности для работодателей, особенно в сферах, где такая форма занятости внедряется впервые. Государственная поддержка в виде разработки примерных локальных нормативных актов или методических рекомендаций позволила бы снизить правовые риски. В качестве примера использования временного перевода на дистанционную работу в силу чрезвычайных обстоятельств можно привести распоряжение губернатора Белгородской области, которым в связи с беспилотными атаками государственные учреждения региона переводились на дистанционный режим для обеспечения безопасности работников.

Сложности возникают и в сфере охраны труда дистанционных работников. Вопросы охраны труда дистанционных работников урегулированы ст. 312.7 ТК РФ, однако на практике порождают неопределённость. Работодатель обязан обеспечить безопасные методы работы, проводить инструктажи, расследовать несчастные случаи. При этом если работник использует собственное оборудование, работодатель не несёт ответственности за его безопасность, если иное не предусмотрено трудовым договором. В таких

[1]Лютов Н. Л. Законодательные инициативы, связанные с дистанционным трудом: временный ажиотаж на фоне пандемии или устойчивая тенденция? / Н. Л. Лютов // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 78—88.

случаях сторонам целесообразно заключать отдельное соглашение о компенсации износа личного имущества и распределении рисков, что позволит избежать споров.

Тесно связано с охраной труда и обеспечение безопасности персональных данных. Особую значимость приобретает защита персональных данных дистанционных работников. Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152 ФЗ «О персональных данных», работодатель как оператор персональных данных обязан обеспечивать их безопасность. Даже если работник использует личное устройство, ответственность за утечку информации несёт работодатель, если не были приняты необходимые организационные и технические меры. В связи с этим требуется закрепление в локальных актах правил использования личных устройств, применения средств шифрования и ограничения доступа третьих лиц.

Наряду с материальными и правовыми аспектами, нельзя игнорировать и психологическое воздействие дистанционной работы. Не менее значимый аспект дистанционной занятости — нервно-эмоциональная перегрузка, вызванная постоянным взаимодействием с цифровыми технологиями. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, профессиональное выгорание и связанные с ним психические расстройства становятся одной из ведущих причин нетрудоспособности.[1] В научной литературе высказываются предложения по ограничению времени работы с цифровой информацией. Так, И. А. Филипова предлагает дополнить ст. 108 ТК РФ перерывом для «информационной безопасности», который включался бы в рабочее время[2]. Хотя данная инициатива не нашла законодательного закрепления, она отражает объективную потребность в нормативном ограничении цифровой нагрузки на работника.

Материально-техническое обеспечение дистанционной работы также имеет свои законодательные особенности. В ст. 312.6 ТК РФ закреплена обязанность работодателя обеспечивать дистанционного работника необходимым оборудованием, программно-техническими средствами, а также возмещать расходы, связанные с их использованием, если работник использует собственное имущество. Порядок, размеры и сроки возмещения определяются трудовым договором или дополнительным соглашением.

Подводя итог, можно констатировать, что российское трудовое законодательство в части регулирования дистанционной работы сделало значительный шаг вперёд, легализовав гибкие формы занятости и упростив электронный документооборот. Однако сохраняются проблемы, требующие ре-

[1]Конторович Е. П., Березина З. И., Горблянский Ю. Ю., Понамарева О. П. нарушения психического здоровья у работников // Медицинский вестник Юга России. 2023. № 2.

[2]Филипова И.А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 162—182.

шения: отсутствие чётких механизмов фиксации рабочего времени, неопределённость в вопросах охраны труда и защиты персональных данных при использовании личных устройств, размытость границ между рабочим и личным временем. Дальнейшее совершенствование правового регулирования, разработка типовых локальных актов и внедрение механизмов, гарантирующих «право на отключение», позволят минимизировать риски как для работников, так и для работодателей в условиях цифровизации экономики.

Переходя к выводу, можно сказать, что на сегодняшний день трудовое законодательство в Российской Федерации активно развивается, внедряются новые технологии, происходит совершенствование цифровых систем, интеграция дистанционной работы как постоянной, однако совершенствование законодательства, активное просвещение необходимо для ответов на вызовы цифровизации, чтобы минимизировать негативные аспекты прогресса. На наш взгляд, стоит направить особое внимание на вопросы безопасности персональных данных с ужесточением норм и правил, формально и более детально закрепить право «быть оффлайн», где бы отсутствовала тонкая грань между трудовыми правоотношениями и неприкосновенностью частной жизни. Таким образом, детальное закрепление, казалось бы, таких простых правил, способствует развитию трудового законодательства и дистанционных трудовых отношений в целом.

Научная статья
УДК 349.2

КОСМОНАВТЫ КАК ОТДЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ РАБОТНИКОВ

Ксения Андреевна БЕЛЯЕВА[1], Арина Дмитриевна СТЕПАНОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] kseniyabeliaeva@mail.ru
[2] arina_stepanova_2006@bk.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ **Юлия Михайловна БОБРОВА**, j.m.bobrova@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется правовой статус космонавтов в системе российского трудового права, которые, несмотря на экстремальные условия труда (изоляция, микрогравитация) и наличие специфических кри-

териев (специальная трудоспособность, жесткие медицинские и профессиональные требования, ненормированный график), в настоящее время не отнесены законодательством к отдельным категориям работников. Авторы указывают на существующие правовые коллизии и пробелы, в частности, отсутствие в подзаконных актах норм об охране здоровья и страховании космонавтов в полете, и обосновывают необходимость закрепления их особого статуса путем введения новой главы в раздел XII Трудового кодекса РФ, что обусловлено как спецификой профессии, так и активизацией научных исследований в космическом пространстве.

Ключевые слова: отдельные категории работников, космонавты, специальная трудоспособность, «Роскосмос», участники трудовых правоотношений, гарантии труда, права и обязанности, условия труда, особенности регулирования труда космонавтов

Отдельные категории работников — это группы работников, для которых законодательство устанавливает особые условия труда, гарантии, ограничения или другие особенности регулирования трудовых отношений[1]. В Трудовом кодексе Российской Федерации нет легального определения названного термина. Он лишь закрепляет критерии для признания какой-либо группы работников отдельной категорией. Существуют профессии, которые подходят под эти критерии, однако законодатель не предусматривает их в разделе XII Трудового кодекса. Одна из них — профессия космонавта.

По мнению Волынской О. А., космонавты — уникальная категория работников, чья трудовая функция напрямую связана с экстремальными условиями труда (изоляция и микрогравитация)[2]. Космонавты могут быть отнесены к отдельной категории работников, так как их профессиональная деятельность связана с особенными условиями и характером труда, а также иными основаниями, предусмотренными локальными актами деятельности космонавтов. Это порождает правовые коллизии в силу отсутствия понимания особого статуса космонавтов. Статья 20 Трудового кодекса относит к признакам работника физическое лицо, достигшее определенного возраста, обладающее правосубъектностью. Однако для космонавта важны не только эти общие признаки, но и специальная трудоспособность, которая предполагает определенные условия выполнения работы[3].

---

[1]Особенности регулирования отдельных категорий работников в Трудовом кодексе Российской Федерации: настоящее и будущее развитие // Cyberleninka URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-regulirovaniya-otdelnyh-kategoriy-rabotnikov-v-trudovom-kodekse-rossiyskoy-federatsii-nastoyaschee-i-buduschee-razvitie.

[2]Волынская О. А. Проблемы правового обеспечения труда космонавтов. Московский журнал международного права. 2008;(3):234-242. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2008-3-234-242.

[3]Черных П. А., Осипова С. В., Черных ПА О. С. В. Трудовые правоотношения в космонавтике //XVI Королевские чтения: междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 60-летию полета в космос ЮА Гагарина: сб. материалов: 5-7 окт. 2021 г.: в 3 т. – 2021.

В постановлении Правительства РФ от 10.05.2017 №551 космонавтом признается гражданин РФ, выразивший желание участвовать в космических полетах, соответствующий профессиональным и медицинским требованиям, установленных Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос», прошедший конкурсный отбор и подготовку, направленную на приобретение практических навыков выполнения пилотируемых космических полетов, по результатам квалификационной аттестации принятый в подведомственном «Роскосмосу» учреждении на должность космонавта-испытателя для осуществления трудовой функции в области испытаний и эксплуатации космической техники в условиях пилотируемого космического полета или космонавта-исследователя для осуществления профессиональной деятельности в области проведения научно-прикладных исследований и экспериментов в условиях пилотируемого космического полета[1]. Исходя из определения, можно сделать вывод, что космонавт является участником трудовых правоотношений.

Космонавтом может стать только то лицо, которое соответствует российским стандартам. Так, государственная корпорация «Роскосмос» закрепляет требования для кандидатов в космонавты[2]. Прежде всего к работе допускаются граждане Российской Федерации не старше 35 лет, получившие высшее образование из официального перечня направлений, а также имеющие опыт работы по специальности не менее трех лет. Лица, работающие или работавшие в авиационной или ракетно-космической отрасли, пользуются приоритетом при отборе. Медицинские требования, при помощи которых определяется годность кандидатов к специальным тренировкам, подготовке в составе экипажа и космическому полету, являются ключевыми[3]. Они включают в себя перечень болезней, физических недостатков и отклонений, которые служат противопоказаниями к работе. Для космонавтов проводят ежегодное медицинское освидетельствование. Помимо этого, при отборе оценивается уровень развития профессионально важных психологических качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности. С работой космонавта неразрывно связана физическая подготовленность. В состав требуемых физических качеств входят: выносливость, быстрота, сила, гибкость, ловкость. Кроме того, оцениваются специальная физическая подготовленность — устойчивость к неблагоприятным факторам космиче-

[1]Акт правительства Российской Федерации "Об утверждении Положения о космонавтах Российской Федерации" от 10.05.2017 № 551 // Российская газета. Ст. 2

[2]Требования, предъявляемые к претендентам на участие в конкурсе по отбору кандидатов в космонавты // Roscosmos URL: https://www.roscosmos.ru/media/files/2023/July/1trebovania.pdf.

[3]Приказ Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос" "Об утверждении Порядка медицинского освидетельствования, медицинского обеспечения и реабилитации космонавтов после выполнения космических полетов" от 28.09.2023 № 355 // Российская газета.

ского полета, и бортовая физическая тренированность — способность выполнять физические упражнения в целях профилактики негативного воздействия пребывания в невесомости. Необходимо подчеркнуть важность профессиональной пригодности, а именно требований к обладанию знаний в области основ космонавтики, владению иностранного языка и других вспомогательных дисциплин. Таким образом, вывод о подготовленности кандидатов осуществляется исходя из соотношения уровней способностей и состояния здоровья. Прохождение специальной подготовки — неотъемлемая часть отбора кандидатов в космонавты.

Требования к кандидатам — лишь одна из составляющих для признания за космонавтами статуса отдельной категории работников. Только после прохождения отбора, медицинского освидетельствования, допуска к государственной тайне и получения удостоверения космонавта, с работником заключается трудовой договор, после чего лицо может приступить к пилотируемым космическим полетам.

В сравнении с другими привычными условиями труда, космические условия признаются экстремальными. Это связано с изоляцией, микрогравитацией, радиацией и другими факторами, которые представляют повышенный риск для человеческой жизни. Профессиональная деятельность в таких условиях подкрепляется ненормированным графиком рабочего дня, отсутствием закрепленного в законе времени отдыха и другими сложностями нахождения на пилотируемом судне (сохранение пищевых привычек и гигиенических процедур, поддержание физической формы).

Космонавтам, как и другим работникам, положены социальные гарантии. Они предусмотрены различными подзаконными актами. В частности, Постановление Совета Министров РФ от 17 мая 1993 г. №455 «Вопросы материального и пенсионного обеспечения космонавтов» раскрывает сущность социальной защищенности космонавтов. Однако в нем отсутствуют нормы об охране здоровья космонавтов в полете, страховании их жизни и здоровья с учетом особенностей их профессиональной деятельности[1]. В постановлении преобладают бланкетные нормы, что порождает многочисленные недопонимания среди специалистов. Наличие предусмотренных социальных гарантий в Трудовом кодексе могло бы дополнительно способствовать закреплению особого статуса космонавта.

В целях строгого соблюдения прав космонавта необходимо дать закрытый перечень прав, обязанностей, оснований для его увольнения, перехода на другую должность, а также порядка получения классных чинов. Кроме

[1]Батурин Ю. М. Правовой статус космонавта: краткий профессиональный комментарий //Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – №. 1. – С. 99.

того, закрепление условий труда, графика рабочего времени и отдыха способствовало бы устранению ранее возникавших правовых коллизий.

В заключение, современное российское трудовое право не относит космонавтов к отдельным категориям работников. Однако в связи с рассмотренными основаниями для признания особого статуса космонавта, предлагается устранить существующие пробелы законодательства путем введения новой главы в раздел XII Трудового кодекса — «Особенности регулирования труда космонавтов». Так, появится легальная основа для всего массива специальных норм, закрепленных в подзаконных актах. Введение новой главы в этот раздел обуславливается не только особым статусом космонавтов, но и современной действительностью, в которой происходит активизация научных исследований в космическом пространстве, что впоследствии также должно быть детально закреплено как в национальном, так и в международном праве.

Научная статья
УДК 349.2

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

Мария Константиновна ВОДОПЬЯНОВА[1], Владислава Борисовна ДРЮПИНА[2]
[1,2] Институт прокуратуры Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
[1] maria22022004@mail.ru
[2] vladislavadryupina@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры предпринимательского права имени В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат экономических наук, доцент **Сергей Михайлович СУМЕНКОВ**, ssm001@uslu.ru

Аннотация. В статье исследуются информационно-правовые аспекты кадрового электронного документооборота (ЭДО) в контексте цифровой трансформации трудовых отношений в Российской Федерации. На основе анализа положений Трудового кодекса РФ (ст. 22.1—22.3), Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и подзаконных актов автором раскрывается правовая природа ЭДО, его техническая инфраструктура (кор-

поративные системы и платформа «Работа в России») и порядок применения на всех стадиях трудовых отношений. Особое внимание уделяется проблемам доказательственного значения электронных документов в трудовых спорах: идентификации сторон, обеспечению неизменности содержания и фиксации факта ознакомления работника с документами. Выявляются основные риски, связанные с неполным внедрением ЭДО к 2025—2026 гг., неопределенностью судебной практики и техническими сбоями. Вносятся предложения по совершенствованию трудового и процессуального законодательства, а также локального регулирования, направленные на повышение достоверности электронных доказательств и защиту трудовых прав сторон.

Ключевые слова: электронный документооборот (ЭДО), трудовые отношения, цифровизация трудового права, электронные доказательства, информационная система, допустимость доказательств

Электронный документооборот в трудовых отношениях в короткий срок стал одним из ключевых инструментов государственной политики цифровой трансформации сферы труда, что закреплено в Трудовом кодексе Российской Федерации[1] и подзаконных актах, регламентирующих оформление кадровых документов в электронном виде, в том числе с использованием Единой цифровой платформы «Работа в России»[2]. Федеральный закон от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ[3], введший в действие статьи 22.1—22.3 ТК РФ, придал кадровому электронному документообороту нормативно оформленный статус, позволив работодателям отказаться от обязательного дублирования значительного массива кадровых документов на бумаге и признать электронную форму равнозначной традиционной письменной при соблюдении установленных требований. В то же время по оценкам специалистов к 2025—2026 гг. полноценный кадровый ЭДО внедрен лишь у меньшей части работодателей, тогда как многие организации сохраняют преимущественно бумажный документооборот, что обусловлено правовыми и техническими рисками, а также неопределенностью судебной практики по вопросу доказательственного статуса электронных документов. Это предопределяет актуальность исследования информационно-правовых аспектов кадрового ЭДО и анализа проблем его использования как доказательства в трудовых спорах[4].

---

[1]«Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.

[2]Офман Е. М. Электронный документооборот в трудовых отношениях: проблемы и перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 56.

[3]Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.11.2021, № 48, ст. 7947.

[4]Ударова О. В., Голубев Р. С. Развитие нормативного правового регулирования кадрового электронного документооборота // Вестник ВНИИДАД. 2023. № 1. С. 57.

Объектом исследования являются трудовые отношения в условиях цифровизации, в рамках которых оформление, изменение и прекращение трудового договора, а также реализация прав и обязанностей сторон осуществляются с применением электронного документооборота. Предмет исследования — совокупность норм трудового, гражданского и иного специального законодательства, регулирующих кадровый ЭДО, а также правовые подходы к оценке электронных кадровых документов и иной электронной информации в качестве доказательств при разрешении трудовых споров. Цель работы заключается в выявлении особенностей правового регулирования ЭДО в трудовых отношениях и анализе проблем доказательственного значения соответствующих электронных документов в судебной практике. Для достижения указанной цели рассматриваются легальное понятие и правовая природа кадрового ЭДО, содержание статей 22.1—22.3 ТК РФ в их взаимосвязи с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[1] и Федеральным законом от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ, информационно-технические основы ЭДО, особенности его применения на различных стадиях трудовых отношений, а также подходы судов к оценке электронных доказательств. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийного аппарата и развитии доктринальных представлений о соотношении бумажной и электронной формы кадровой документации, практическая — в возможности использования выводов и предложений в правоприменительной и нормотворческой деятельности, а также при разработке локальных актов работодателей. Нормативную базу составляют ТК РФ (ст. 22.1—22.3), ГК РФ, Федеральный закон № 63-ФЗ, Федеральный закон № 377-ФЗ, подзаконные акты Минтруда России, включая Приказ от 20.09.2022 № 578н[2], а источниковую — научные публикации о цифровизации трудового права и электронных доказательствах, а также материалы судебной практики.

Статья 22.1 ТК РФ определяет электронный документооборот в сфере трудовых отношений как оформление, подписание, использование и хранение документов, связанных с работой, в электронном виде с применением информационных систем без обязательного дублирования на бумаге при соблюдении установленных условий, что позволяет выделить кадровый ЭДО в качестве особого правового режима документирования труда. Статьи 22.2 и 22.3 ТК РФ регламентируют порядок введения ЭДО и взаимодействие сто-

[1]Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // «Собрание законодательства РФ», 11.04.2011, № 15, ст. 2036.

[2]Приказ Минтруда России от 20.09.2022 № 578н «Об утверждении единых требований к составу и форматам документов, связанных с работой, оформляемых в электронном виде без дублирования на бумажном носителе» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.09.2022 № 70317) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 30.09.2022.

рон в информационной системе, связывая переход к ЭДО с принятием работодателем решения, информированием работников и, как общее правило, получением их согласия, а также определением способов доступа к системе, включая использование цифровой платформы «Работа в России» либо корпоративной информационной системы[1]. Существенную роль играет электронная подпись: в силу Федерального закона № 63-ФЗ юридическая значимость электронного документа обеспечивается применением усиленной квалифицированной электронной подписи, что в трудовых отношениях выступает основным механизмом подтверждения авторства и волеизъявления сторон, а следовательно, и предпосылкой признания электронных документов надлежащими доказательствами. При этом подзаконные акты Минтруда, включая Приказ № 578н, устанавливают единые требования к составу и форматам электронных кадровых документов, что способствует унификации практики и облегчает оценку соблюдения формальных признаков при их представлении в суд.

Информационно-техническая основа ЭДО включает корпоративные системы работодателей и государственную платформу «Работа в России», которые должны обеспечивать создание, подписание, передачу, хранение и защиту кадровых документов, а также выполнение требований законодательства о персональных данных и информационной безопасности. Обязательным элементом становится ведение журналов аудита и логирование действий пользователей, позволяющее в случае спора подтвердить факт направления, получения и подписания документов, что прямо влияет на их доказательственную силу. Локальное регулирование — положения о кадровом ЭДО, коллективные договоры, правила внутреннего трудового распорядка — закрепляет порядок обмена электронными документами, перечень документов, оформляемых в электронной форме, правила использования электронной подписи, а также распределение ответственности за соблюдение установленных процедур. От четкости и полноты таких локальных актов зависит устойчивость внутреннего правового режима ЭДО и предсказуемость его оценки в случае судебного контроля.

ЭДО используется на всех стадиях реализации трудовых прав и обязанностей. При приеме на работу работодатель может организовать прием документов соискателя и заключение трудового договора в электронной форме, при условии использования квалифицированной электронной подписи и соблюдения требований ТК РФ; при этом законодатель сохраняет право работника отказаться от ЭДО, что требует от работодателя параллельных процедур и фактически замедляет переход к полностью безбумажной

[1]Головина С. Ю., Зайцева Л. В. Электронный кадровый документооборот: от правового эксперимента к практике // Правоприменение. 2022. № 2. С. 247.

модели. При изменении условий трудового договора, оформлении дополнительных соглашений и переводов возможна электронная форма документов, однако судебная практика демонстрирует повышенное внимание к тому, чтобы волеизъявление работника было осознанным и свободным, особенно при ухудшении условий: суды оценивают не только факт электронной подписи, но и качество информирования работника и отсутствие давления. В отношениях с дистанционными работниками и при платформенной занятости электронные каналы связи становятся основным способом обмена документами и сведениями, а значит, именно электронные документы и переписка, включая сообщения в мессенджерах и корпоративных чатах, выступают основным массивом доказательств при спорах о возникновении и содержании трудовых отношений. В текущем взаимодействии ЭДО применяется при оформлении локальных актов, приказов, графиков, уведомлений, табелей и отчетности; юридически значимым становится надежное фиксирование факта информирования работника и получения его волеизъявления, в том числе через механизмы отметок об ознакомлении и подписи в системе. На стадии прекращения трудового договора ЭДО используется для оформления увольнения, выдачи электронных справок и расчетных листков, а также электронных сведений о трудовой деятельности (СТД-Р, электронная трудовая книжка), признанных законодателем равнозначными бумажным при соблюдении установленных требований. В судебной практике в этой связи возникают дела, где работники оспаривают увольнение, ссылаясь на ненадлежащее уведомление или технические сбои, а суды вынуждены оценивать, насколько добросовестно и полно работодатель обеспечил доступ к системе и возможность ознакомления с документами.

Доказательственное значение кадрового ЭДО определяется общими подходами гражданского процессуального права к электронным документам и электронным доказательствам, развиваемыми в современной доктрине. К числу электронных доказательств в трудовых спорах относятся как документы, сформированные в системе ЭДО и подписанные электронной подписью, так и электронная переписка (электронная почта, мессенджеры, корпоративные чаты), а также данные журналов аудита информационных систем, фиксирующие действия пользователей. Проблемы допустимости и достоверности таких доказательств сводятся к трем блокам: идентификация сторон и авторства сообщений, обеспечение неизменности содержания и защита от фальсификации, а также доказывание факта получения и ознакомления работника с документами. Идентификация наилучшим образом обеспечивается квалифицированной электронной подписью, однако значительная часть переписки ведется без ее использования, что заставляет суды оценивать совокупность косвенных признаков (принадлежность адреса, устойчивость канала общения, отсутствие своевременных возражений против

аутентичности). Обеспечение целостности электронных документов требует использования криптографических средств, ведения протоколов изменений и при необходимости проведения технической экспертизы, но на практике нередко в суд представляются распечатки и скриншоты, что снижает доверие к таким материалам[1]. Наиболее конфликтным аспектом остается фиксация факта получения и ознакомления работника: несмотря на возможность фиксации статуса доставки и прочтения в системах ЭДО, в спорах работники нередко указывают на отсутствие доступа или технические сбои, а недостаточность логирования и резервного копирования в системах работодателя приводит к выводу о нарушении процедуры и удовлетворению исковых требований.

Перспективы совершенствования правового регулирования кадрового ЭДО и его доказательственного значения представляются многоплановыми. В трудовом законодательстве целесообразно более детально закрепить статус отдельных категорий электронных кадровых документов, последствия отказа работника от участия в ЭДО, распределение рисков технических сбоев и сочетание электронного и бумажного документооборота. В процессуальном законодательстве доктрина обоснованно предлагает выделить электронные доказательства в самостоятельный вид, уточнить правила их представления и исследования и установить презумпции достоверности для документов, созданных в сертифицированных системах ЭДО с использованием квалифицированной электронной подписи. Подзаконное регулирование нуждается в развитии минимальных требований к корпоративным системам кадрового ЭДО (логирование, резервное копирование, форматы экспорта для суда), что позволило бы повысить доверие к электронным документам и упростить их оценку судами. Для работодателей на первый план выходит задача разработки детализированных локальных актов об ЭДО, организации обучения работников, установления стандартов служебной электронной переписки и фиксирования актуальных контактных каналов, а для работников – необходимость внимательно относиться к подписанию электронных документов и сохранению значимой переписки, поскольку она нередко становится ключевым элементом защиты прав в суде. В совокупности это позволяет рассматривать кадровый электронный документооборот не только как средство административной оптимизации, но и как инструмент повышения уровня защищенности трудовых прав при условии надлежащего нормативного, организационного и технического обеспечения.

[1]Собенина М. А. О влиянии цифровизации на трудовые правоотношения на современном этапе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. № 3. С. 125.

Научная статья
УДК 349.3

ПРАВОВОЙ СТАТУС И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Арина Андреевна ГОВОРОВА
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, arinagovorova@list.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Дина Александровна СЕМЯННИКОВА**, semyannikova-da@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с социальными правами граждан без определенного места жительства. Посредством изучения статистики государственных органов и некоммерческих организаций, анализа законодательства как регионального, так и федерального, изучения механизмов реализации социальных прав бездомных в Санкт-Петербурге, изучается вопрос бездомных в России и в частности в Санкт-Петербурге. Один из важных аспектов – взаимодействие государственных структур и некоммерческих организаций в сфере прав лиц без определенного места жительства.

Ключевые слова: лица без определенного места жительства, бездомные, социальные права

Актуальность данной темы заключается в наличии такой социальной проблемы как бездомность, что в свою очередь требует дополнительного законодательного регулирования, особенно в контексте социальных прав, так как социальная защита населения — это один из аспектов реализации социальной политики государства, которое признано социальным, согласно статье 7 Конституции Российской Федерации. Лица, не имеющие определенного места жительства — уязвимая категория населения, реализация социальных прав которых может вывести их из уязвимого положения и способствовать дальнейшему достойному уровню жизни.

Новизна изучаемой темы выражена в обобщении имеющейся статистической, правовой, социальной информации, которая касается бездомных на

территории и Российской Федерации, и Санкт-Петербурга в частности, что в последующем дает возможность углубленно изучать вопросы бездомности.

Теоретическая значимость заключена в анализе опыта работы и подходов к работе с лицами без определенного места жительства органов государственной власти, благотворительных организаций, и в изучении законодательной базы, которая затрагивает социальные права лиц без определенного места жительства. Практическая значимость же работы состоит в том, что данные материалы могут быть полезны при совершенствовании законодательства в аспекте социальных прав бездомных.

В данном материале последовательно изучается статистика бездомных по Санкт-Петербургу, России (стоит отметить, что официальной государственной статистики как таковой нет из-за отсутствия возможности зафиксировать бездомных, однако при переписи населения в 2021 году указано количество по России — 11 285 человек). А также статистические исследования проводятся Межрегиональной благотворительной общественной организацией «Ночлежка».

Далее проводится анализ федеральной законодательной базы, где прописаны нормы касаемо социальных прав лиц без определенного места жительства. Например, согласно Письму Минтруда России от 15.09.2022 № 26-6/ООГ-3592, действующий правовой режим позволяет без регистрации по месту жительства и месту пребывания обеспечить доступ указанной категории лиц как к медицинской помощи, так и к социальным услугам. Правовое регулирование социального обслуживания граждан, в том числе лиц БОМЖ, осуществляется на основании Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" и иных федеральных законов, и законов субъектов. В данном федеральном законе определяется, когда человек признается нуждающимся в социальной помощи, обозначаются основания для рассмотрения вопроса о предоставлении социального обслуживания, перечисляется перечень срочных социальных услуг, которые могут быть предоставлены бездомному без заключения договора.

Чтобы рассмотреть ситуацию детальнее и в конкретно нашем регионе, проводится анализ уже законодательства Санкт-Петербурга, а также изучаются непосредственно механизмы реализации выше описанных социальных прав. В соответствии с Законом Санкт-Петербурга от 24.12.2014 № 717-135 «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге» бездомным гражданам, нуждающимися в социальном обслуживании, предоставляются социальные услуги в полустационарной и стационарной формах социального обслуживания с учетом их индивидуальной нуждаемости. В Санкт-Петербурге с 1997 года сформирована и функционирует комплексная система оказания социальной помощи бездомным гражданам при участии государственных учреждений, находящихся в ведении профильных комитетов и администраций районов Санкт-Петербурга, а также социально ориентирован-

ных некоммерческих организаций. К слову, таких некоммерческих организаций не то, чтобы прям много (уже давно действующих и известных — 6), но они довольно крупные и известные в своих кругах, судя по количеству обращающихся туда. Социальные услуги в полустационарной форме социального обслуживания предоставляются отделениями социальной помощи бездомным гражданам, в структуре 16 комплексных центров социального обслуживания населения, подведомственных администрациям районов Санкт-Петербурга, включающими 12 домов ночного пребывания, а также 2 таких дома в структуре Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства», подведомственного Комитету по социальной политике Санкт-Петербурга. Также подробнее останавливаемся на деятельности «Центра учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства».

В заключении рассматриваются взаимодействие государственных органов и некоммерческих организаций в контексте социальных прав бездомных, законотворческие инициативы, которые касаются улучшения положения бездомных. В качестве выводов представлены следующие аспекты: во-первых, отсутствие у граждан системного понимания прав, в данном случае — социальных прав, что порой приводит к бездомности. Во-вторых, статистика показывает, что бездомные – не маргиналы, как принято считать в обществе. Незнание прав в трудовой и социальной сфере может привести к бездомности любого. В-третьих, отсутствие статистики бездомных. В-четвертых, необходимость поддерживать взаимодействие государственных структур и некоммерческих организаций при решении вопросов в данной сфере.

Научная статья
УДК 349.2

ОХРАНА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕЖИМУ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

Валерия Сергеевна ГОРОДНОВА
Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
v_gorodnova@vk.com

Научный руководитель доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Юлия Вячеславовна ЧЕСНОКОВА**, juliachesn@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный юридический анализ проблем, возникающих при обеспечении режима коммерческой тайны в условиях массового перехода на дистанционный формат работы. Автор исследует трансформацию правовых механизмов защиты конфиденциальной информации, анализирует риски, связанные с использованием личных технических средств сотрудников (BYOD), и оценивает эффективность действующих норм трудового и гражданского законодательства. Особое внимание уделено вопросам мониторинга активности работников, балансу между правом на приватность и корпоративной безопасностью, а также специфике привлечения к материальной и дисциплинарной ответственности за разглашение секретов производства в цифровой среде. На основе анализа судебной практики предложены практические рекомендации по совершенствованию локального нормотворчества.

Ключевые слова: коммерческая тайна, дистанционная работа, конфиденциальность, трудовой договор, информационная безопасность, материальная ответственность, DLP-системы, персональные данные

Процессы глобальной цифровизации и социально-экономические вызовы последних лет привели к фундаментальному сдвигу в организации трудовых процессов. Дистанционная (удаленная) работа из экзотической формы занятости превратилась в массовое явление, охватившее практически все интеллектуальные сферы деятельности. Однако стремительная децентрализация рабочих мест обнажила критическую уязвимость традиционных систем защиты информации. Если ранее «периметр безопасности» организации ограничивался стенами офиса, то сегодня он расширился до пределов домашних сетей и личных устройств сотрудников.

Информация, составляющая коммерческую тайну (секреты производства), является одним из наиболее ценных активов современного бизнеса. В условиях удаленной работы риски её случайного или преднамеренного разглашения возрастают многократно. Это требует от юридического сообщества и работодателей выработки качественно новых подходов к правовому регулированию режима конфиденциальности, которые сочетали бы в себе техническую эффективность и строгое соответствие нормам трудового права.

Базовым актом, регулирующим рассматриваемые отношения в РФ, является Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». Согласно ст. 10 данного закона, режим коммерческой тайны считается установленным только в том случае, если обладатель информации принял комплекс мер, включающий определение перечня сведений, ограничение доступа к ним, учет лиц, имеющих такой доступ, и нанесение соответствующего грифа[1].

[1]Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

В условиях офисной работы реализация этих мер носит осязаемый характер: сейфы, журналы учета, закрытые серверные комнаты. Однако при переходе на дистанционный труд «физический» контроль за информацией утрачивается. Как отмечается, традиционный режим коммерческой тайны в условиях дистанта сталкивается с проблемой экстерриториальности, когда работодатель лишен возможности контролировать визуальный доступ к экрану монитора работника со стороны третьих лиц – членов его семьи или сожителей.

Практика выявила недостатки существующего законодательного регулирования. Эти недостатки вызываются, в частности, тем, что один и тот же объект — коммерческая тайна (или секрет производства) получает охрану и по гражданскому, и по трудовому праву. К тому же выяснилось, что правовой режим коммерческой тайны, которому должна подчиняться информация, составляющая коммерческую тайну, определяемый императивными нормами Закона о коммерческой тайне, может применяться в рамках трудовых отношений, но не подходит для использования в гражданско-правовых отношениях[1].

Юридическая сложность заключается в том, что обязанность по соблюдению режима конфиденциальности остается на работнике, но условия для этого обеспечения должен создать работодатель. В ст. 312.3 ТК РФ прямо указано, что работодатель обеспечивает дистанционного работника необходимыми средствами защиты информации. Если работодатель не предоставил защищенный канал связи (VPN) или антивирусное ПО, привлечь работника к ответственности за утечку данных в результате хакерской атаки на его домашний компьютер будет практически невозможно.

Одной из главных угроз безопасности на удаленной работе является концепция BYOD (Bring Your Own Device — использование личного устройства для работы). С точки зрения гражданского права, компьютер или смартфон работника — это его частная собственность. С точки зрения трудового права — это инструмент выполнения функции.

Чтобы режим коммерческой тайны сохранял юридическую силу, локальные нормативные акты (ЛНА) организации должны быть адаптированы под новые реалии. Новые подходы к ЛНА должны включать следующие обязательные блоки:

регламентация цифрового периметра. Четкое определение того, какие информационные системы являются рабочими, а какие — запрещенными для передачи служебной информации (запрет на использование личной почты, публичных мессенджеров типа WhatsApp или Telegram для пересылки документов с грифом «КТ»);

[1]Гаврилов Э., Гражданско-правовая защита и охрана секретов производства и коммерческой тайны // Хозяйство и право. 2014. № 7 (450). С. 44.

требования к физической среде. Обязанность работника обеспечивать отсутствие посторонних лиц при работе с конфиденциальными базами данных;

порядок возврата информации. Механизм удаления корпоративных данных с личных устройств работника при прекращении трудового договора.

Архаичные положения о секрете производства, принятые более десятилетия назад, не обеспечивают надлежащую правовую защиту нанимателя, поскольку зачастую игнорируют риски децентрализованной обработки данных. В актуальных трудовых спорах суды отдают приоритет не факту формального ознакомления с актом, а его содержательной части. Это требует трансформации режима секретности из декларативной формы в четко структурированный процедурный регламент.

Как известно, «эффективным инструментом охраны деловых секретов компании или частного предпринимателя выступает соглашение о конфиденциальности. В некоторых случаях такой документ становится единственным доступным механизмом сохранения закрытых сведений, доступ к которым предоставлен узкому кругу сотрудников»[1].

Для обеспечения сохранности секретов работодатели всё чаще прибегают к использованию систем мониторинга активности и DLP-систем (Data Loss Prevention), которые способны анализировать трафик и блокировать отправку конфиденциальных файлов. Однако здесь возникает конфликт с конституционным правом работника на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки (ст. 23 Конституции РФ).

В судебной практике наметился тренд: если работник был уведомлен о работе системы мониторинга и сам факт использования личного устройства для работы был зафиксирован в договоре, то логи (отчеты) такой системы признаются допустимыми доказательствами в суде. В противном случае, они считаются полученными с нарушением закона.

Увольнение за разглашение коммерческой тайны (пп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) требует доказательства вины и факта разглашения [2]. В условиях «удаленки» разглашением часто признается сам факт выноса информации за пределы контролируемого контура (например, загрузка на личное облачное хранилище). Суды всё чаще встают на сторону работодателя в таких вопросах, если в ЛНА было прямо прописано, что «передача файлов на сторонние ресурсы приравнивается к разглашению».

---

[1]Ераскина Ю. О. Проблемы правовой охраны и защиты коммерческой тайны в Российской Федерации // Аллея науки. 2025. № 1 (100). С.3.

[2]Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета от 31 декабря 2001 г. № 256.

Статья 243 ТК РФ предусматривает полную материальную ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну. Однако на практике доказать «прямой действительный ущерб» крайне сложно. В гражданско-правовых отношениях (NDA) стороны могут предусмотреть штраф за сам факт нарушения, но в трудовых отношениях штрафы запрещены.

При дистанционном формате работы доминирующим риском является компрометация коммерческой тайны по неосторожности. Осуществляя трудовую функцию через открытые каналы связи в публичных местах, субъект не имеет прямого умысла на передачу секретов конкурентам, но фактически создает уязвимости для киберхищений. Судебные инстанции при рассмотрении подобных споров склонны распределять ответственность, смягчая взыскания, если будет установлено, что работодатель пренебрег своей обязанностью по проведению инструктажа в области информационной безопасности.

Для повышения эффективности охраны коммерческой тайны в условиях дистанционной работы предлагаются следующие меры:

технико-юридическая интеграция. Внедрение двухфакторной аутентификации и VPN-шлюзов должно быть закреплено в трудовом договоре как обязанность работника по обеспечению доступа;

дифференциация сведений. Не все данные нуждаются в режиме «коммерческой тайны». Гипертрофированный перечень секретов размывает внимание работника. Необходимо выделять «критическую информацию», доступ к которой разрешен только через виртуальные рабочие столы (VDI) без возможности копирования;

внедрение «Кодекса цифрового поведения». Помимо юридических запретов, работник должен получать четкие инструкции по кибербезопасности дома (например, требование о пароле на домашний роутер).

Анализ практики судов (в частности, Определений Московского городского суда и Восьмого кассационного суда общей юрисдикции за 2022—2023 гг.) показывает, что ключевым фактором победы работодателя в споре об увольнении является доказанность того, что работник использовал для передачи данных каналы, которые были прямо запрещены ЛНА.

Интересным является кейс, когда суд восстановил работника, переславшего документ на свою личную почту, так как работодатель не смог доказать, что к этой почте имели доступ третьи лица. Это подчеркивает важность включения в договоры формулировки о том, что «разглашением признается любой факт утраты исключительного контроля работодателя над информацией, включая её нахождение на почтовых серверах сторонних провайдеров».

Охрана коммерческой тайны в эпоху дистанционного труда — это не только правовая, но и управленческая проблема. Правовой режим конфиденциальности должен перестать быть статичным документом и превратиться в динамичный процесс управления рисками.

Таким образом, считаем, что современный подход к ответственности работников должен базироваться на четком разграничении: работодатель обязан предоставить защищенную «цифровую среду», а работник обязан соблюдать «цифровую гигиену». Только при таком паритете обязательств возможно достижение баланса между защитой интеллектуального капитала организации и соблюдением конституционных прав граждан на труд и частную жизнь. Будущее регулирование, вероятно, пойдет по пути ужесточения ответственности за кибер-халатность в трудовой сфере, что потребует дальнейшего уточнения норм Трудового кодекса РФ.

Научная статья
УДК 349.3

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Денис Александрович ГУРЬЕВ[1], Степан Витальевич ТЮРИКОВ[2]
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] den.gurev.05@gmail.com
[2] Orcadevit82@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Нина Николаевна НИКИФОРОВА**, Nikiforova.nin2013@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме некодифицированности источников права социального обеспечения в России и обосновывает необходимость принятия Социального кодекса РФ. Рассматриваются преимущества кодификации — системность, правовая определенность и доступность социальных гарантий, а также трудности ее реализации и возможная поэтапная модель реформы.

Ключевые слова: кодификация социального законодательства, источники права социального обеспечения, Социальный кодекс РФ, социальные гарантии

Проблематика источников права социального обеспечения занимает центральное место в современной отечественной правовой доктрине, поскольку именно через систему правовых источников проявляется содержание социальной политики государства. Основными особенностями источников права социального обеспечения признаются возможность нормотворчества на различных уровнях (федеральном, субъекта Российской Федерации, муниципальном и т. д.), соответственно, и существование источников права различного уровня[1], наличие значительного числа отсылочных и бланкетных норм. Однако одна из основных особенностей источников права социального обеспечения состоит именно в их некодифицированности. В отличие от ряда классических отраслей российского права, где кодифицированный акт выступает стержневым элементом всей системы, социально-обеспечительное законодательство продолжает существовать в виде разрозненного массива законов, подзаконных актов и региональных норм.

Как справедливо отмечается в современном политико-правовом поле, социальная поддержка семьи, инвалидов, пожилых граждан, ветеранов и иных нуждающихся категорий не может строиться исключительно на случайном наборе фрагментарных норм. В частности, сенатор Российской Федерации Ольга Хохлова подчеркивает: «В целях совершенствования правового регулирования социальной защиты семьи, реализации ее социальных прав необходима систематизация социального законодательства и кодификация его отдельных направлений, результатом чего может стать Социальный кодекс РФ…»[2]. Эта мысль демонстрирует, что кодификация рассматривается не как формальная юридическая процедура, а как инструмент реального укрепления социальных гарантий.

Как отмечалось выше, источники права социального обеспечения отличаются от источников многих иных отраслей тем, что их система не выстроена вокруг единого кодифицированного центра. Это создает многоступенчатую правовую конструкцию, которая, с одной стороны, отражает сложность самой социальной сферы, а с другой — порождает серьезные юридико-технические и институциональные проблемы.

Во-первых, множественность источников ведет к расслоению правового регулирования. Одинаковые по своей социальной природе отношения могут регулироваться по-разному в зависимости от территории, уровня

[1]Никифорова Н. Н. Право социального обеспечения: учебное пособие в схемах, таблицах и определениях. Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 9.

[2]О. Хохлова высказала мнение о необходимости разработки Социального кодекса РФ // Совет Федерации Федерального собрания России [Электронный ресурс] URL: http://council.gov.ru/events/news/142109/ (дата обращения: 24.03.2026).

бюджета, ведомственной принадлежности. В результате граждане, находящиеся в сходном социальном положении, оказываются в неодинаковом правовом режиме.

Во-вторых, некодифицированность осложняет саму структуру отрасли. Нормы об основаниях предоставления помощи, видах обеспечения, размерах выплат, порядке назначения и прекращения социальных предоставлений оказываются рассеяны по множеству правовых актов. Это разрушает логическую целостность правового регулирования, из-за чего ни гражданин, ни правоприменитель не могут выстроить полную картину своих прав и обязанностей.

Таким образом, некодифицированность источников права социального обеспечения — это не просто внешний признак отрасли, а ее системный дефект, который требует научно обоснованного решения.

Отметим, что технико-юридической целью кодификации законодательства, в том числе и социально-обеспечительного законодательства, является обеспечение его системности и стабильности. Ю. В. Васильева называет это главной целью кодификации, без достижения которой невозможно концептуальное улучшение отраслевого законодательства[1].

В научной литературе вопрос о принятии Социального кодекса Российской Федерации обсуждается уже не первое десятилетие. Так, В. С. Аракчеев, анализируя перспективы кодификации, обращал внимание на то, что сам по себе факт издания кодекса еще не гарантирует повышения уровня социального обеспечения. По его мнению, решающее значение имеет не форма правового акта, а его содержание, то есть то, насколько нормы действительно отвечают целям социальной политики, принципам справедливости и реальным потребностям нуждающихся лиц[2].

Действительно, кодификация не должна сводиться к простому перенесению действующих норм в единый нормативный правовой акт. По нашему мнению, если проект кодекса будет лишь механически воспроизводить существующее законодательство, не устраняя его противоречий, не снимая дублирование и не задавая новых тенденций правового регулирования, то его принятие будет иметь скорее символическое, чем юридическое значение. Однако из этого не следует, что сама идея кодификации нецелесообразна.

---

[1]Васильева Ю. В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы. Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. Москва, 2010. С. 5—11.

[2]Аракчеев В. С. О необходимости и целесообразности принятия Социального кодекса Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2011. №1. С. 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-i-tselesoobraznosti-prinyatiya-sotsialnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 26.03.2026).

Сторонники Социального кодекса исходят из того, что социальное государство, провозглашенное в статье 7 Конституции Российской Федерации[1], должно иметь не только декларативное, но и нормативно-системное выражение. Если государство признает себя социальным, то его социальные обязательства должны быть структурированы и доступны для восприятия.

Первый аргумент в пользу кодификации связан с систематизацией законодательства. Как отмечалось, в настоящее время социально-обеспечительная сфера регулируется чрезвычайно большим количеством федеральных и региональных актов. Это затрудняет как правотворчество, так и правоприменение. Кодекс мог бы собрать общие положения в единую логическую систему, установить терминологическую согласованность, устранить дублирование и снизить количество отсылочных конструкций. Как подчеркивают Н. С. Грудинин и Д. А. Вильданова, право социального обеспечения как отрасль права является довольно специфической, поскольку в настоящее время не имеет единого источника правового регулирования, а лишь оперирует множеством федеральных законов, которые регламентируют основные аспекты данной отрасли. В этом заключается основная особенность указанной отрасли права, которая снижает ее позитивный регулятивный потенциал и не способствует оперативному решению задачи развития социального государства в России[2].

Второй аргумент касается правовой доступности. Сегодня значительная часть граждан узнает о своих социальных правах не из официальных источников, а случайным образом — через работодателей, органы социальной защиты, МФЦ, пенсионные структуры или личный опыт знакомых. Это создает недопустимую ситуацию, при которой социальные права формально существуют, но фактически оказываются скрытыми от их носителей. Кодифицированный акт, построенный по ясной логике, способен повысить правовую информированность населения. В этой связи стоит отметить, что предметом кодификации должны будут выступить не только федеральные законы, но и подзаконные акты. Так, И. В. Кручек отмечает, что познавательная цель кодификации, которая, как известно, направлена, в том числе, и на обеспечение доступности правовых знаний для граждан и повышение юридической грамотности населения, не может быть достигнута в полном объеме, если не будут кодифицированы нормы подзаконных актов,

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями на 01 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Грудинин Н. С., Вильданова Д. А. Проблема кодификации источников права социального обеспечения в Российской Федерации // Закон и право. 2024. №5. С. 157. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kodifikatsii-istochnikov-prava-sotsialnogo-obespecheniya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 30.03.2026).

устанавливающих порядок реализации прав граждан на социально-обеспечительные предоставления[1].

Третий аргумент связан с единообразием правового регулирования. Существование региональных различий само по себе допустимо в федеративном государстве, однако, когда различия затрагивают базовые социальные гарантии, это неизбежно приводит к необоснованной дифференциации уровня жизни и социальной защиты граждан. Федеральный Социальный кодекс мог бы задать общие стандарты, оставляя субъектам Федерации пространство для дополнительного, но не произвольного регулирования[2].

Четвертый аргумент связан с развитием семейно-ориентированной социальной политики. Как отмечает Ольга Николаевна Хохлова, в отдельной главе Социального кодекса законодатель мог бы определить виды государственной адресной помощи семьям, дополнительные меры социальной защиты, налоговые и кредитные льготы, а также предоставление нуждающимся семьям жилья, земельных участков и иных преференций. По нашему мнению, эта идея чрезвычайно важна, поскольку переводит разговор о кодексе из плоскости общей абстракции в плоскость конкретного правового содержания[3].

Несмотря на очевидную привлекательность идеи Социального кодекса, ее реализация сталкивается с рядом серьезных трудностей.

Прежде всего, отсутствует общепризнанная концепция предмета кодификации. Необходимо установить, будет ли он ограничен институциональными рамками социального обеспечения в узком смысле (пенсионные отношения, система социальных пособий и компенсационных выплат, социальное обслуживание) либо же его действие распространится на более широкий круг социально значимых сфер, включая жилищные, семейные, медицинские и трудовые правоотношения. В первом случае возникает риск создания документа, недостаточного для обеспечения системной унификации законодательства. Во втором появляется опасность деформации сложившейся правовой системы вследствие появления кодифицированного акта, поглощающего положения иных, уже кодифицированных отраслей российского права. Таким образом, определение оптимального объема регулирования

---

[1]Кручек И. В. Кодификация социально-обеспечительного законодательства Российской Федерации. Теоретические и практические проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kodifikatsiya-sotsialno-obespechitelnogo-zakonodateltsva-rossiyskoy-federatsii-teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy (дата обращения: 30.03.2026).

[2]Аширбакиев Р. М., Григорьев И. В. К вопросу о создании Социального кодекса Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2024. №1 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-sotsialnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 29.03.2026).

[3]О. Хохлова высказала мнение о необходимости разработки Социального кодекса РФ // Совет Федерации Федерального собрания России [Электронный ресурс] URL: http://council.gov.ru/events/news/142109/ (дата обращения: 24.03.2026).

выступает ключевым условием достижения целей систематизации законодательства в социальной сфере.

При этом нельзя недооценивать финансово-экономический аспект. Социальные нормы в отличие от многих иных правовых предписаний требуют бюджетного обеспечения. Поэтому принятие кодекса обязано быть сопряжено с учетом требований бюджетной и экономической политики.

По нашему мнению, введение Социального кодекса в систему права России целесообразно строить не на противопоставлении кодифицированного и некодифицированного законодательства, а на принципе поэтапной институциональной подготовки. На наш взгляд, оптимальная модель видится в двухступенчатой структуре: сначала принимается базовый федеральный закон «Об основах социального обеспечения в Российской Федерации», который закрепляет понятийный аппарат, принципы, круг субъектов и разграничение компетенции, создавая тем самым концептуальный фундамент. На втором этапе на этой основе разрабатывается и вводится полноценный Социальный кодекс РФ, включающий общую и особенную части, где систематизируются все виды и организационно-правовые формы социального обеспечения. Такой подход позволяет избежать как поспешной кодификации исследуемой отрасли, так и затягивания системных преобразований, обеспечивая плавное, но необратимое формирование целостного социального законодательства.

Таким образом, некодифицированность оказывает прямое влияние на качество правового регулирования, доступность социальных прав, предсказуемость правоприменения и степень реального обеспечения конституционного статуса России как социального государства.

Подводя итог, следует отметить, что дискуссию необходимо сместить от вопроса о принципиальной необходимости кодификации к определению такой модели Социального кодекса, которая позволит ему выполнять системообразующую функцию в системе социального законодательства. В этом смысле принятие Социального кодекса Российской Федерации представляется не просто желательным, а необходимым и в перспективе неизбежным. Но его успех возможен только при условии предварительной доктринальной проработки, четкого определения предмета регулирования, выработки общих принципов и согласования федеральных, региональных и финансово-экономических механизмов реализации.

Именно тогда кодификация перестанет носить формально-декларативный характер и станет действенным юридическим инструментом укрепления социального государства, защиты семьи и обеспечения достойного уровня жизни граждан.

Научная статья

УДК 349.232

СЧЕТНАЯ ОШИБКА КАК ОСНОВАНИЕ ВЗЫСКАНИЯ ИЗЛИШНЕ ВЫПЛАЧЕННОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Анна Сергеевна ДИКОЛЕНКО
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Воронеж, Россия
adikolenko2005@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева», кандидат юридических наук, **Наталья Александровна РОМАНОВСКАЯ**, knyazhna-nataly@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования удержаний из заработной платы в случае выявления счётных ошибок. В работе рассматривается проблема отсутствия законодательного определения понятия «счётная ошибка» и его разграничения с техническими и юридическими ошибками. На основе судебной практики, а также научных исследований раскрываются подходы к квалификации счётных ошибок, включая современные вызовы, связанные с цифровизацией учёта. Автор анализирует действие презумпции добросовестности в спорах о взыскании излишне выплаченных сумм и подчёркивает обязанность заявителя доказывать недобросовестность получателя. В статье выявляются пробелы в действующем регулировании и предлагаются направления его совершенствования.

Ключевые слова: трудовое право, оплата труда, удержание, счетная ошибка, судебная практика, презумпция добросовестности

Согласно статье 137 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), работодатель вправе произвести удержание из заработной платы, если средства были излишне начислены вследствие счётной ошибки[1]. При этом трудовое законодательство не даёт нормативного определения данного понятия, однако в правоприменительной практике под счётными ошибками традиционно подразумевают погрешности в арифметических расчётах, в отличие от так называемых технических ошибок, связанных с некорректным вводом данных. Несмотря на сложившуюся практику, критерии разграничения этих

[1]Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 3.

видов ошибок до конца не формализованы, на что обращал внимание и Конституционный Суд РФ[1].

Как отмечает Карсетская Е. В., счетная ошибка носит технический характер и не затрагивает существа правоотношений сторон, в отличие от юридических ошибок, связанных с неправильным толкованием норм права или квалификацией фактических обстоятельств[2].

Современная судебная практика демонстрирует тенденцию к узкому толкованию понятия счетной ошибки. Суды исключают из этой категории ошибки, возникшие вследствие неправильного применения правовых норм, неверного учета договорных условий или несоблюдения установленных процедур[3]. Подобный подход направлен на предотвращение злоупотреблений правом и необоснованного пересмотра исполненных обязательств под видом исправления счетных ошибок. Так, не признаются счетными ошибками, ошибки в применении работодателем норм закона при исчислении работнику зарплаты, предоставлении ему различных гарантий и компенсаций; технические ошибки, например повторная выплата заработной платы за один период[4].

Цифровизация экономических процессов существенно трансформирует природу счетных ошибок. Если ранее основным источником таких ошибок выступал человеческий фактор при ручном проведении расчетов, то в современных условиях возрастает роль программных сбоев, ошибок в алгоритмах автоматизированных систем учета, некорректной настройки параметров электронных учетных программ.

Перерасчёт заработной платы допускается в ситуации выявления счётной ошибки, в качестве основания для таких корректировок обычно выступает приказ работодателя. Если в результате ошибки работнику выплатили сумму ниже положенной, работодатель обязан произвести перерасчёт без какого-либо предварительного согласия сотрудника на увеличение выплаты. В случае недоплаты заработной платы или иных причитающихся работнику денежных сумм необходимо осуществить доплату за весь период, в течение которого имело место занижение выплат. Сроки выполнения перерасчёта отсчитываются с момента обнаружения ошибки, из-за которой

[1]Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2022 № 1-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П. Кузьмина и Г.Т. Умарсаидова» // СЗ РФ. 2022. № 3. Ст. 586.

[2]Карсетская Е. В. Счетная ошибка: когда можно удержать излишнюю выплату / Е. В. Карсетская // Налоговая политика и практика. 2023. № 4(244). С. 73—77.

[3]Герман А. С. Проблемы толкования счетной ошибки в судебной практике / А. С. Герман, И. М. Карпова // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики : Сборник статей XXII ежегодной Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 30—31 марта 2023 года. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2024.С. 189—193.

[4]Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2022 № 1-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. П. Кузьмина и Г. Т. Умарсаидова» // СЗ РФ. 2022. № 3. Ст. 586.

зарплата была начислена в меньшем размере, что обусловлено правом работника требовать полного возмещения всех невыплаченных сумм, а работодатель, в свою очередь, обязан исполнить данное требование в соответствии с положениями ТК РФ (ч. 1 ст. 21, ч. 1 и 2 ст. 22).

Хотя презумпция добросовестности участников гражданского оборота прямо закреплена в статье 10 Гражданского кодекса РФ[1], Верховный Суд РФ распространяет действие этого принципа и на споры о взыскании неосновательно полученных выплат социального характера. Иными словами, вне зависимости от обстоятельств дела заявитель обязан самостоятельно доказать факт недобросовестности получателя — сам по себе факт получения средств не может служить основанием для их взыскания, а предположение о добросовестности лица остаётся исходным ориентиром в разрешении подобных споров[2]. Верховный Суд РФ подчеркивает, что излишне выплаченные вследствие счетной ошибки денежные средства не подлежат возврату на основании норм о неосновательном обогащении при отсутствии недобросовестности со стороны работника[3].

Работодатель вправе принять решение об удержании не позднее одного месяца со дня окончания срока, установленного для возвращения аванса, и только при условии, что работник не оспаривает основания и размер удержания.

Анализ современного состояния правового регулирования счетных ошибок позволяет выявить ряд направлений его совершенствования. Прежде всего, целесообразно законодательное закрепление понятия счетной ошибки и критериев её отграничения от иных видов заблуждений. Хотя судебная практика сформировала относительно устойчивые подходы к квалификации счетных ошибок, отсутствие легального определения создает неопределенность и порождает противоречивую практику на уровне судов первой инстанции.

Требует уточнения порядок исправления счетных ошибок, выявленных по истечении значительного времени после их совершения. Действующее регулирование недостаточно учитывает интересы добросовестной стороны, полагавшейся на правильность первоначальных расчетов и принявшей на их основе экономические решения. Представляется обоснованным установление разумных временных пределов для исправления счетных ошибок, по истечении которых сторона утрачивает право требовать корректировки, за исключением случаев доказанной недобросовестности.

---

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2]Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 15-КГ19-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2010 № 18-В10-16 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Перспективным представляется развитие института досудебного урегулирования споров о счетных ошибках. Учитывая техническую природу таких ошибок и относительную простоту проверки правильности арифметических подсчетов, большинство споров могло бы разрешаться без обращения в суд[1]. Целесообразно предусмотреть обязательный претензионный порядок для требований об исправлении счетных ошибок, установив сокращенные сроки ответа на претензию и упрощенную процедуру документирования позиций сторон.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что несмотря на кажущуюся простоту и техническую природу, счетные ошибки порождают значительное число правовых проблем, связанных с их квалификацией, определением порядка исправления и правовых последствий для участников соответствующих отношений.

Научная статья
УДК 349.3.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Мария Александровна ДУШКО[1], Анастасия Николаевна КИРСАНОВА[2]
[1,2] «Российская таможенная академия» (Ростовский филиал), Ростов-на-Дону, Россия
[1] maria25122016@icloud.com
[2] kashirskaya_2004@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин «Российская таможенная академия» (Ростовский филиал), кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор **Михаил Борисович СМОЛЕНСКИЙ**, rta-sf@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования социального правового обеспечения участников специальной военной операции и членов их семей в контексте дифференциации и унификации законодательства. Авторами обосновывается вывод о том, что формирование устойчивой правовой основы социальной защиты

[1] Соколенко Н. Н. Счетная ошибка в трудовых спорах: теория, законодательство, практика / Н. Н. Соколенко, Е. Н. Бурнос // Кадровик. 2025. № 11. С. 47—56.

участников СВО и членов их семей выступает одним из ключевых приоритетов законотворческой деятельности, при этом дальнейшее совершенствования законодательства должно быть направлено на устранение пробелов и унификацию подходов к предоставлению гарантий различным категориям граждан.

Ключевые слова: специальная военная операция, пособия, выплаты, пенсии, социальное обеспечение, дифференциация, унификация, социальный контракт

Правовое регулирование социального обеспечения участников боевых действий представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся сфер современного российского законодательства. Существенное расширение круга лиц, имеющих право на меры социальной поддержки, а также появлению новых видов выплат и льгот, обусловленные событиями, связанными с проведением специальной военной операции (далее — СВО) актуализируют проблему соотношения дифференциации и унификации в данной области.

Особое место в системе социальной поддержки участников СВО занимает Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», которым в 2025 году была дополнена статьей 8.2, устанавливающей особенности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта определенной категории граждан, перечисленных в данной статье[1].

Актуальность выбранной темы обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, значительное усложнение субъективного состава получателей выплат: наряду с традиционными категориями военнослужащих также имеют права на получение мер социальной поддержки мобилизованные, добровольцы и другие лица, относящиеся к данной категории.

Во-вторых, многоуровненность системы денежных выплат: гарантии, предоставляемые на федеральном уровне, дополняются и региональными мерами социальной поддержки, объем которых существенно варьируется, тем самым создавая некое неравенство получателей таких выплат, проживающих в разных субъектах Российской Федерации.

Проведение специальной военной операции выступило неким катализатором масштабных изменений в социальной и правовой сферах, что предопределило необходимость оперативного реагирования со стороны государства на быстро изменяющиеся условия. В таких новых условиях особую значимость приобретает правовая защита тех граждан, которые непосредственно принимают участие в выполнение боевых задач в ходе специальной

[1]О государственной социальной помощи: Федеральный закон 17 июля 1999 г. № 178 ФЗ: в ред. от 28 ноября 2025 г. № 439 ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

военной операции. Многообразие данных категорий участников, отличающихся по правовому статусу, основаниям привлечения и характеру выполняемых ими задач, объективно обуславливает необходимостью дифференцированного подхода к их социальному обеспечению.

Стоит также отметить, что члены семьи участников СВО являются самостоятельными субъектами правоотношений по социальному обеспечению и обладают правом на получение мер социальной поддержки. Государство, реализуя конституционные принципы социальной защиты, предусматривает различные виды выплат и льгот для данной категории граждан, что обусловлено необходимостью компенсации потерь, связанных с участием их родственников в боевых действиях, а также особыми условиями жизни семей, члены которых принимают участие в СВО.

Необходимо обратить внимание на то, что одним из ключевых приоритетов деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в современных условиях выступает законодательное обеспечение комплекса мер социальной поддержки участников специальной военной операции и членов их семей. Парламентом проводится систематическая работа по совершенствованию нормативной правовой базы, направленной на создание устойчивых гарантий для указанных категорий граждан в пенсионной, жилищной, налоговой и иных сферах.

Так, для военнослужащих, пребывающих на пенсии и изъявивших желание вновь поступить на военную службу, законодательно закреплено сохранение права на получение ранее назначенного пенсионного обеспечения в повышенном размер. Указанная гарантия действует в отношении данной категории лиц вне зависимости от того, какую должность они будут занимать после возвращения на службу. При прекращении служебных отношений по последнему месту службы военному пенсионеру предоставляется право выбора: возобновить выплату пенсии, которая не производилась в период его повторного нахождения на службе, либо оформить назначение новой пенсии по последнему месту службы[1].

В сфере жилищных правоотношений для семей военнослужащих, привлеченных к выполнению задач в зоне СВО либо направленных за пределы Российской Федерации, предусмотрен ряд гарантий. За указанными лицами сохраняется право пользования служебными жилыми помещениями по прежнему месту несения службы. В случаях, когда семья проживает в арендованном жилье, за ней сохраняется право на получение компенсационной выплаты за наем жилого помещения. Также дополнительной мерой соци-

[1]Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: Какие льготы предназначены участникам специальной военной операции и членам их семей. URL: http://duma.gov.ru/news/60684/ (дата обращения: 13.03.2026).

альной поддержки выступает предоставление внеочередного права на обеспечение жильем военнослужащих-участников СВО, воспитывающих детей-инвалидов.

Существенные изменения коснулись правового положения вдов (вдовцов) ветеранов боевых действий, не вступивших в повторный брак. Указанной категории граждан гарантировано получение мер государственной поддержки вне зависимости от состава семьи, в которой они проживают после смерти супруга (супруги). Ранее аналогичные выплаты назначались лишь при условии одинокого проживания либо нахождении на иждивении детей.

Стоит обратить внимание на положения статьи 8.2 Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее — Федеральный закон № 178-ФЗ). Правила, установленные ранее упомянутой статьи, предусматривают определенные основания, позволяющие заключить социальный контракт с участниками специальной военной операции. Под действие данной нормы подпадают ветераны боевых действий, указанных в пункте 1 статьи 3 Федерального закона от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах», при их увольнении с военной службы или окончания контракта, а также при условии, что эти лица признаны безработными[1].

Так, сама процедура заключения социального контракта с участниками специальной военной операции выведена из-под действия общих правил. Особенность статьи 8.2 Федерального закона № 178-ФЗ заключается в том, что при рассмотрении заявлений от военнослужащих на заключение социального контракта не учитывается, какой именно доход получает как он сам, так и его семья. Таким образом, проверка материальной обеспеченности не проводится. Также, те лица, ставшие в ходе выполнения боевых задач, приобрели инвалидность I или II групп, имеют право на то, чтобы социальный контракт был заключен как с ним, так и с его супругом, признанным безработным.

Стоит отметить, что социальный контракт заключается однократно в целях стимулирования предпринимательской деятельности и сопровождается программой социальной адаптации с обязательными мероприятиями.

Таким образом, статья 8.2 Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» вводит дифференцированный механизм поддержки, ориентированный на социально-экономическую адаптацию участников СВО через развитие индивидуальной предпринимательской деятельности.

В Федеральном законе «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ вопрос дифференциации и унификации правового регулирования социального обеспечения участников боевых действий решаются преимущественно

[1]О ветеранах: Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5 ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

через установление общих оснований возникновения права на пенсию и специальных условиях для отдельных категорий граждан[1].

Согласно пункту 3 части 1 статьи 32 данного Федерального закона предусматривается право на досрочное назначение страховой пенсии по старости инвалидам вследствие военной травмы: мужчинам по достижении возраста 55 лет и женщинам по достижении возраста 50 лет, если они имеют страховой стаж соответственно не менее 25 и 20 лет.

При этом согласно разъяснениям Министерства труда и социальной защиты РФ, содержащимися в Проекте Приказа «Об утверждении разъяснения о порядке применения пункта 3 части 1 статьи 32 Федерального закона от 28 декабря 2018 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», в случае признания лица инвалидом и установления причины инвалидности в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании, страховая пенсия по старости назначается как инвалидам вследствие военной травмы, что унифицирует правовой статус различных категорий участников боевых действий при наличии соответствующих последствий для здоровья[2].

Таким образом, данный Федеральный закон в части пенсионного обеспечения участников боевых действий реализует принцип унификации через применение общих понятий и механизмов исчисления страховой пенсии для всех граждан, одновременно допуская дифференциацию через специальные основания для досрочного выхода на пенсию для инвалидов военной травмы, а также через отсылочные нормы, разграничивающие предметы регулирования с специальными законами о пенсионном обеспечении военнослужащих и передающие вопросы дополнительного материального обеспечения на уровень субъектов Российской Федерации.

В условиях проведение СВО российские регионы разрабатывают собственные комплексы мер поддержки для военнослужащих и их семей. Изучение регионального опыта позволяет увидеть как общероссийские закономерности, так и отличительные черты социальной политики. Сравнение двух крупнейших субъектов Южного федерального округа — Краснодарского края и Ростовской области — демонстрирует как схожие подходы, так и уникальные региональные решения, продиктованные особенностями экономики, географией и социальными приоритетами.

Анализируя пенсионное обеспечение и систему денежных выплат участникам СВО в этих регионах, можно заметить, что основа данных мер

[1]О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400 ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении разъяснения о порядке применения пункта 3 части 1 статьи 32 Федерального закона от 28 декабря 2018 г. № 400 ФЗ «О страховых пенсиях»: подготовлен Минтрудом России 8 февраля 2024 г. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

формируется на федеральном уровне. Реализуются они через структуры Социального фонда России, что гарантирует единые стандарты социальной защиты для всех военнослужащих и их семей вне зависимости от места проживания. Одна из ключевых федеральных гарантий — возможность одновременного получения двух пенсий для граждан, ставших инвалидами из-за военной травмы: им положены как государственная пенсия по инвалидности, так и страховая пенсия по старости по достижении нужного возраста.

Конкретные размеры государственной пенсии по инвалидности, как указано в данных по Ростовской области, составляют 26500 рублей для первой группы, 22100 для второй группы и 15400 рублей для третьей группы[1].

Помимо пенсионного обеспечения, через Социальный фонд реализуются ежемесячные денежные выплаты, которые в 2025 голу в Ростовской области составляли 4582 рубля для ветеранов боевых действий, а также ежемесячные денежные компенсации при установлении инвалидности вследствие военной травмы и дополнительное материальной обеспечение в размере тысячи рублей для инвалидов боевых действий.

Однако при общности федеральных гарантий региональные различия проявляются достаточно отчетливо в сфере дополнительных единовременных выплат и особых региональных программах. Краснодарский край сделал ставку на рекордные выплаты при заключении контракта с Министерством обороны, достигшие к началу 2026 года общей суммы в 3400000 рублей, включающие 2500000 рублей от губернатора, 500000 рублей муниципальных средств и 400000 рублей федеральных средств. Ростовская область, в свою очередь, ввела специфическую меру поддержки в виде единовременной выплаты в размере 600000 рублей для военнослужащих, получивших тяжелое ранение, контузию или травму[2].

Система поддержки семей участников СВО также базируется на федеральных подходах, реализуемых через Социальный фонд в обоих регионах:

при назначении единого пособия на детей доходы мобилизованного военнослужащего не учитываются при оценке нуждаемости семьи;

супругам военнослужащих, проходящих службу по призыву, при наличии ребенка в возрасте до трех лет предоставляется ежемесячное пособие;

для беременных жен мобилизованных граждан установлена единовременная выплата, кроме того, предусмотрено отдельное ежемесячное пособие на ребенка.

В сфере пенсионного обеспечения и денежных выплат прослеживается сочетание федерального фундамента, обеспечивающего равенство прав

[1]Официальный портал Правительства Ростовской области: Какие льготы имеют участники СВО при назначении пенсии? URL: https://www.donland.ru/activity/2817/ (дата обращения: 13.03.2026).

[2]Губернатор Краснодарского края. Администрация Краснодарского края: Выплаты участникам СВО и членам их семей. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/3594/#1.1 (дата обращения: 13.03.2026).

участников СВО независимо от региона проживания и региональных инициатив. Последние отражают как финансовые возможности субъектов, так и их приоритеты: в Краснодарском крае акцент сделан на стимулировании контрактной службы, в то время как в прифронтовой Ростовской области усилены меры поддержки раненых военнослужащих.

Проведенный анализ показывает, что правовое регулирование социального обеспечения участников боевых действий строится на сочетании унификации и дифференциации. Единство базовых принципов и гарантий обеспечивает равенство прав всех категорий защитников Отечества, тогда как дифференцированный подход позволяет учитывать особенности их правового статуса, характер полученных увечий и индивидуальные потребности.

Научная статья
УДК 349.2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ И ГИБКИХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ В ПЕРИОД ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ирина Вадимовна КАНИВЕЦ
Донбасский государственный университет юстиции
(ДГУЮ Минюста России) Донецк, Россия
irakanivets2253@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасского государственного университета юстиции (ДГУЮ Минюста России) **Оксана Сергеевна АЛДУШИНА**,

Аннотация. Актуальные проблемы регулирования удаленной работы и гибких форм занятости в период цифровой экономики связаны с необходимостью адаптации существующих правовых механизмов к новым условиям труда, вызванным развитием информационных технологий и ростом удаленной деятельности. Среди ключевых проблем выделяются вопросы определения правового статуса удаленных работников, обеспечения их социального и трудового защиты, регулирования вопросов безопасности труда и защиты персональных данных, а также сложности в контроле за соблюдением трудового законодательства при использовании гибких форм занятости. Кроме того, актуальной является проблема балансировки интересов работников и работодателей, а также создание условий для легализации неформальных трудовых отношений, возникающих в условиях цифровиза-

ции. В рамках научного анализа изучаются новейшие направления и сложности, возникающие при создании эффективной системы правового регулирования удаленной занятости и гибких графиков. Также представлены пути совершенствования законодательства в контексте развития цифровой экономики.

Ключевые слова: удаленная работа, гибкие формы занятости, регулирование труда, цифровая экономика, правовое обеспечение, трудовое законодательство, социальная защита, информационная безопасность, цифровизация рынка труда

Современная цифровая экономика демонстрирует стремительный рост, оказывая глубокое воздействие на все аспекты общественной жизни, включая сферу труда. В условиях цифровой трансформации формируются новые парадигмы занятости, такие как удаленная работа, фриланс, платформенная занятость и работа по вызову. Эти формы характеризуются повышенной гибкостью, мобильностью и интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий, предоставляя работникам возможность осуществлять трудовую деятельность вне традиционных офисных пространств, что расширяет спектр трудоустройства и способствует развитию новых моделей взаимодействия между субъектами трудовых отношений.

Несмотря на закрепление понятий удаленной работы, и гибких форм занятости в российском законодательстве, в частности в Трудовом кодексе РФ, правоприменительная практика выявляет недостаточность проработки их регулирования, что порождает комплекс правовых проблем.

С одной стороны, интеграция цифровых технологий и новых форм занятости способствует оптимизации использования ресурсов и снижению издержек работодателей (например, арендных платежей и операционных расходов), что положительно сказывается на экономической эффективности. Кроме того, гибкие формы занятости позволяют работникам более эффективно интегрировать профессиональную деятельность с личной жизнью, повышая уровень удовлетворенности и мотивации.

С другой стороны, цифровая экономика инициирует существенные трансформации традиционных трудовых отношений. Классические принципы построения трудовых договоров и отношений подвергаются размыванию и усложнению, особенно в контексте платформенной занятости, где

зачастую отсутствует четкое закрепление прав и обязанностей сторон. Это создает существенные трудности в обеспечении охраны труда, социального страхования и предоставлении иных гарантий для работников, занятых по новым формам. Также наблюдается рост правовой неопределенности, связанной с разграничением трудовых и гражданско-правовых отношений,

что затрудняет квалификацию таких договоров и эффективную защиту прав работников.

Гибкие формы занятости становятся все более распространенными, однако трудовое законодательство, в частности глава 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации, регулирующая дистанционную работу, не всегда эффективно отвечает на возникающие вызовы. Статья 312.1 ТК РФ определяет дистанционную работу как выполнение трудовой функции, определенной трудовым договором, вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения, при условии использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет, для выполнения трудовых обязанностей и взаимодействия между работником и работодателем. Статья 312.2 ТК РФ устанавливает особые правила об обмене электронными документами и ознакомлении с документами работодателя при заключении и изменении трудового договора о дистанционной работе. Статья 312.3 ТК РФ определяет порядок взаимодействия дистанционного работника и работодателя, устанавливая возможные способы взаимодействия и отчетности, однако не всегда обеспечивает достаточную защиту прав работника в части контроля за его деятельностью, что может приводить к нарушению личного времени и ухудшению психологического состояния. Статья 312.4 ТК РФ регламентирует вопросы обеспечения дистанционного работника необходимым оборудованием, программным обеспечением и средствами защиты информации, при этом разграничение ответственности между работодателем и работником не всегда четко определено, что может приводить к спорам и злоупотреблениям[1]. Статья 312.5 ТК РФ регулирует особенности режима рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника, устанавливая принципы его определения и учета, однако на практике установление гибкого графика может приводить к переработкам и отсутствию четкого разделения между рабочим и личным временем. Статья 312.6 ТК РФ, посвященная особенностям охраны труда дистанционных работников, устанавливает необходимость обеспечения безопасных условий труда, что является сложной задачей в условиях удаленной работы, когда работодатель ограничен в возможности контроля за рабочим местом работника[2].

Вместе с тем, ТК РФ не содержит определения гибких форм занятости, таких как фриланс, платформенная занятость и работа по вызову. Фриланс — это форма занятости, при которой физическое лицо выполняет работы или оказывает услуги на основе гражданско-правовых договоров для раз-

[1] Чесалина О. В. Новеллы законодательства о дистанционной (удаленной) работе: сравнительно-правовой анализ //Актуальные проблемы российского права. 2021. №. 9 (130). С. 99—113.

[2] Волошина И. А., Баргоякова И. И., Новикова Т. Р. Актуальные вопросы дистанционной работы //Актуальные вопросы современной экономики. 2021. №. 2. С. 72—88.

личных заказчиков, не являясь штатным сотрудником какой-либо организации. Примерами деятельности фрилансеров являются работы программистов, дизайнеров, копирайтеров[1]. Платформенная занятость — это форма занятости, при которой физическое лицо выполняет работы или оказывает услуги через онлайн-платформы, агрегаторы для различных заказчиков, как, например, в такси, доставке еды, услугах по ремонту и уборке. Работа по вызову — это форма занятости, при которой работник вызывается на работу только по мере необходимости, без гарантированного объема работы и стабильного графика, что часто встречается в сфере обслуживания, например, официанты, бармены, или при временной работе на складе.

В целях совершенствования законодательства и обеспечения защиты трудовых прав в новых экономических условиях необходимо рассмотреть следующие меры: целесообразно ввести в Трудовой кодекс Российской Федерации новую главу, посвященную гибким формам занятости, которая бы установила критерии для определения трудовых отношений с платформенными работниками, так называемый "презумптивный статус работника" при наличии определенных признаков, таких как алгоритмическое управление, экономическая зависимость и интеграция в процессы платформы; необходимо разработать и закрепить на законодательном уровне понятие "цифрового контроля", установив его допустимые формы, периодичность и цели, а также гарантии права работника на отключение и неприкосновенность частной жизни; требуется более детальная регламентация вопросов охраны труда при удаленной работе, включая порядок проведения специальной оценки условий труда дистанционно или за счет установления четких обязанностей работодателя по инструктированию работника о правилах организации безопасного рабочего места; для предотвращения переработок при гибком графике следует законодательно закрепить право на "цифровое разъединение", запрещающее работодателю требовать от работника отвечать на рабочие сообщения и звонки вне установленного рабочего времени[2].

Реализация этих предложений позволит сократить правовые пробелы, обеспечить защиту трудовых прав в новых экономических условиях и способствовать устойчивому развитию рынка труда в эпоху цифровизации.

[1] Колосова Р. П., Разумова Т. О., Артамонова М. В. Человек и труд в цифровой экономике //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. №. 3. С. 170—184.

[2] Гребеньков А. А., Зенов Н. С. Актуальные проблемы правового регулирования занятости и трудоустройства. Наука и Просвещение (ИП Гуляев ГЮ) Конференция: лучшие научные исследования студентов и учащихся Пенза, 28 февраля 2025 года Организаторы: Наука и Просвещение (ИП Гуляев ГЮ).

Научная статья
УДК 349.2

ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА КВОТИРОВАНИЯ РАБОЧИХ МЕСТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СУБЪЕКТАХ РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Арина Андреевна КОЛЕНДОВСКАЯ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
arina.kolens@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции **Юлия Михайловна БОБРОВА**, j.m.bobrova@gmail.com

Аннотация. В настоящее время определена высокая доля молодежи среди безработных, несмотря на рекордно низкую общую безработицу. Одно из решений этой проблемы – содействие занятости несовершеннолетних путем установления для них квотируемых рабочих мест. Но отсутствие на федеральном уровне определенного механизма реализации данной государственной гарантии влечет разнородную региональную практику. В статье выявлены ключевые проблемы механизма квотирования рабочих мест для несовершеннолетних и проведен сравнительный анализ на примере субъектов РФ, выявлены различные подходы и их влияние на эффективность этого механизма.

Ключевые слова: квотирование рабочих мест, несовершеннолетние, трудоустройство, занятость

Ситуация в 2025 году характеризуется рекордно низкой безработицей, но при этом высокой долей граждан, которые либо никогда не работали, либо только начинают карьеру. В июне 2025 года на долю молодежи в возрасте до 25 лет среди безработных приходится 22,1 %[1]. В настоящей статье будут рассмотрена только часть этой категории граждан, а именно – несовершеннолетние. Чтобы перейти к проблемным вопросам, необходимо обозначить возрастные критерии рассматриваемой социально-демографической группы. Согласно ст. 2 Федерального закона «О молодежной поли-

[1] Доля молодежи среди безработных URL: https://tass.ru/ekonomika/24670213 (дата обращения: 26.02.2026).

тике» к молодежи относятся граждане в возрасте от 14 до 35 лет включительно[1]. Заключение трудового договора в общем порядке допускается с лицами, достигшими возраста 16 лет. Для лиц младше 16 лет трудоустройство возможно с определенными ограничениями, на что указывает ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации[2]. При этом, ст. 24 Федерального закона «О занятости населения» указывает на то, что безработным может быть признан гражданин, достигший возраста 16 лет[3]. Таким образом, в статье рассматриваются проблемы трудоустройства граждан, возраст которых от 16 до 18 лет.

Вышеуказанная статистика безработицы указывает на то, что для несовершеннолетних трудоустройство вызывает трудности. В связи с этим, для поддержки таких категорий граждан был разработан механизм квотирования рабочих мест для несовершеннолетних. Актуальным является вопрос, почему в настоящее время этот механизм не позволяет снизить долю безработных несовершеннолетних.

Правовая организация трудоустройства в России включает в себя установление квоты для граждан, испытывающим трудности в поиске работы. В соответствии с п. 4 ст. 2 Федерального закона «О занятости населения» к таким гражданам в том числе относятся несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет[4]. Для инвалидов, которые так же могут относиться к вышеупомянутой категории, на федеральном уровне устанавливается минимальное количество квотируемых мест, что является дополнительной гарантией обеспечения этого права в полной мере: в соответствии с Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» организациям, численность работников которых составляет более 100 человек, законодательством субъекта РФ устанавливается квота для приема на работу инвалидов в процентах к среднесписочной численности работников (не менее 2 и не более 4 %)[5]. Для категории несовершеннолетних минимальное количество квотируемых рабочих мест не закреплено, что не может в полном объеме обеспечивать реализацию данной государственной гарантии трудоустройства.

Квотирование рабочих мест для несовершеннолетних регулируется Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской

---

[1]О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №4 89 ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197 ФЗ: текст с изм. и доп. от 6 февраля 2026 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565 ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565 ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181 ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Федерации». Это напрямую закреплено в ст. 11 указанного федерального закона. Но, с ноября 2025 года Федеральный закон от 04 ноября 2025 г. № 408-ФЗ «О внесении изменения в статью 11 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» отменил механизм квотирования рабочих мест для этой категории граждан, заменив понятием «резервирование». С этого момента вышеупомянутая статья звучит так: «В отношении указанных лиц также может осуществляться резервирование отдельных видов работ (профессий) для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите, или определение числа рабочих мест для трудоустройства таких граждан»[1]. При этом Федеральный закон 2025 года не исключает возможность регламентации вопросов по квотированию рабочих мест для несовершеннолетних в нормативных правовых актах субъектов РФ, что содержится, например, в разъяснении областной прокуратуры[2].Сам механизм изменен не был, так как термин «квотирование» на уровне субъектов сохраняется и используется в настоящее время, что будет видно на примерах ниже, исходя из этого, мы далее будем использовать это понятие.

Для изучения механизма реализации этой государственной гарантии трудоустройства стоит обратиться к субъектовой практике. Для этого рассмотрим два субъекта Российской Федерации: город федерального значения Санкт-Петербург и Нижегородскую область.

Закон Санкт-Петербурга «Об определении числа рабочих мест для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите» регламентирует квотирование рабочих для несовершеннолетних: «Работодатель, среднесписочная численность работников которого превышает 100 человек, обязан определить два рабочих места для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите»[3]. Таким образом, для всех категорий граждан, нуждающихся в социальной защите, определяется одинаковое количество квотируемых рабочих мест. Но такая государственная гарантия устанавливается только от численности работников 100 человек. Исходя из этого, механизм не реализуется у работодателей с небольшим штатом. Также стоит отметить, что ответственность работодателей за несоблюдение этого закона не установлена.

[1] Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124 ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Порядок предоставления льгот несовершеннолетним при трудоустройстве по разъяснению прокуратуры URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_86/activity/legal-education/explain/e6368841/ (дата обращения: 03.03.2026).

[3] Об определении числа рабочих мест для трудоустройства граждан, особо нуждающихся в социальной защите: Закон г. Санкт-Петербурга от 7 июня 2024 г. № 342 78 URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=178&documentId=44628&ysclid=mmi194lku8680790562 (дата обращения: 03.03.2026).

В Нижегородской области эти вопросы регламентирует Закон Нижегородской области «О квотировании рабочих мест». Он устанавливает, что «работодателям, у которых численность работников превышает 100 человек, устанавливается квота для приема на работу несовершеннолетних в размере 1 процента от среднесписочной численности работников»[1]. Таким образом, при численности работников менее 100 человек, квота для несовершеннолетних так же, как и в Санкт-Петербурге, вовсе не устанавливается. Стоит отметить, что в Санкт-Петербурге квотирование рабочих мест определяется только для категории лиц «социально незащищенных», в то время как в Нижегородской области устанавливается только возрастной критерий — несовершеннолетние.

В законе Нижегородской области также указано, что в случае, если принимающей стороне установлена квота для приема на работу несовершеннолетних, несовершеннолетние, трудоустроенные в соответствии с соглашением, не учитываются в счет установленной ей квоты. Таким образом, например, если компании с квотой 3 места для несовершеннолетних удалось договориться с другой организацией о трудоустройстве одного такого гражданина, последний будет числиться в штате принимающей организации, а не компании с квотой. Соответственно, при подсчёте выполнения квоты он не будет учитываться в числе 3 обязательных мест. Такое положение позволяет гибко подходить к трудоустройству несовершеннолетних, не ограничиваясь только прямыми вакансиями у работодателя с квотой, и расширять возможности для их трудоустройства через партнёрство с другими организациями.

В Нижегородской области, в отличии от Санкт-Петербурга, установлена ответственность за нарушение законодательства о квотировании рабочих мест, которая наступает в соответствии с законодательством РФ и законодательством Нижегородской области. Поскольку обязательные квоты для несовершеннолетних (в процентах от численности сотрудников) устанавливают субъекты РФ, то и санкции за их невыполнение прописаны в региональных кодексах об административных правонарушениях. Так ст. 2.15 Кодекса Нижегородской области об административных правонарушениях устанавливает административную ответственность за неисполнение работодателем обязанности по выделению (созданию) рабочих мест для работников моложе 18 лет. Неисполнение или исполнение не в полном объеме этой обязанности, согласно вышеупомянутой статье, влечет наложение штрафа на должностных лиц в размере от десяти до пятнадцати тысяч рублей; на

[1] О квотировании рабочих мест: Закон Нижегородской области от 13 ноября 2024 г. № 134 З URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=152&documentId=32689&ysclid=mmi1blf49l866102496 (дата обращения: 03.03.2026).

юридических лиц — от двадцати до пятидесяти тысяч рублей[1]. Таким образом отсутствие единых санкций, установленных на федеральном уровне, дает свободу субъектам для определения такой ответственности. Из-за этого субъекты и вовсе могут не устанавливать санкций за неисполнение обязанности по квотированию рабочих мест для несовершеннолетних, что видно на примере Санкт-Петербурга.

В свою очередь на федеральном уровне установлена ответственность только в отношении нарушения права инвалидов в области трудоустройства и занятости, что закреплено в ст. 5.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Неисполнение работодателем обязанности по выполнению квоты для приема на работу инвалидов, согласно этой статье, влечет наложение административного штрафа в размере от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей; на индивидуальных предпринимателей — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей[2]. Из этого следует, что ответственность за неисполнение обязанности по установлению квот для приема на работу инвалидов намного строже, чем для приема на работу несовершеннолетних, что следует из аналогичного кодекса Нижегородской области, или же такая ответственность в субъектах РФ и вовсе отсутствует.

Принятие нормативных правовых актов о закреплении квот для приема на работу несовершеннолетних является правом, а не обязанностью субъектов РФ. Минимальное количество таких квот на федеральном уровне не установлена. Соответственно, ответственность за неисполнение данного права так же не определена. Все это влечет различное применение данного права на практике в каждом из субъектов.

В Нижегородской области существует судебная практика по делам о неисполнении обязанности по установлении квот для несовершеннолетних, включая детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Кстовский городской прокурор в интересах неопределённого круга несовершеннолетних подал иск к ООО «Чернышихинский мясокомбинат» о создании двух рабочих мест для трудоустройства таких работников. Приказом Управления государственной службы занятости населения Нижегородской области от 19 апреля 2011 г. № 69 было утверждено, что в 2011 г. в ООО «Чернышихинский мясокомбинат» в счёт квоты должны были быть трудоустроены 2 несовершеннолетних. По состоянию на 20 июля 2011 г. в организации работало 167 человек, но работников моложе 18 лет, включая

[1] Кодекс об административных правонарушениях Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 20 мая 2003 г. № 34 З URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=152&documentId=32688#h455 (дата обращения: 13.02.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195 ФЗ: текст с изм. и доп. от 19 марта 2026 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

детей-сирот и детей в трудной жизненной ситуации, в том числе устроенных в счёт квоты, не было. Количество фактически квотированных рабочих мест по данной категории лиц не установлено. Решение Кстовского городского суда Нижегородской области от 24 октября 2011 г.: обязать ООО «Чернышихинский мясокомбинат» в течение одного месяца с момента вступления решения суда в силу выделить (создать) два рабочих места для трудоустройства работников моложе 18 лет, включая детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации[1]. Приведённый пример показывает реализацию механизма судебной защиты прав несовершеннолетних на трудоустройство по квоте: при невыполнении установленных требований суд вправе обязать работодателя создать необходимые рабочие места.

Установление квот для приема на работу несовершеннолетних — важная гарантия трудоустройства для социально незащищенных категорий граждан. Проведение такой социальной политики позволит снизить безработицу среди этой категории граждан, которая на настоящее время остается высокой. Неустановление таких квот — нарушение прав несовершеннолетних на труд, закрепление ответственности за которое позволит обеспечивать проведение вышеуказанной социальной политики. Решение Нижегородского областного суда могут служить примером для аналогичных дел, укрепляя правоприменительную практику в сфере квотирования.

Квотирование рабочих мест помогает обеспечить занятость несовершеннолетних, которые часто сталкиваются трудностями при трудоустройстве, что связанно с существенными ограничениями для их трудовой деятельности. К этой категории в том числе относятся дети из малообеспеченных или многодетных семей, сироты, подростки, состоящие на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних. Квоты дают им шанс получить первый опыт работы и начать профессиональную карьеру.

Политика в сфере занятости населения направлена на снижение уровня безработицы, социальную защиту и поддержку несовершеннолетних, профилактику их вовлечения в преступную деятельность, профессиональную адаптацию. Закрепление на федеральном уровне обязанности резервирования отдельных видов работ (профессий) для трудоустройства несовершеннолетних, особо нуждающихся в социальной защите, и определение минимального числа рабочих мест для трудоустройства таких граждан позволит снизить долю безработных граждан до 18 лет. Таким образом должна быть закреплена обязанность субъекта принимать локальные акты об установлении квотирования мест для несовершеннолетних в соответствии с минимальным значением таких рабочих мест, которые также должны быть опре-

[1] Определение СК по гражданским делам Нижегородского областного суда от 27 декабря 2011 г. по делу № 33 12760 URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/100329682/ (дата обращения: 12.03.2026).

делены на федеральном уровне. На наш взгляд, это является важным обеспечением дополнительных гарантий трудоустройства для социально незащищенных категорий граждан, включая детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Научная статья
УДК 349.2

ТРУД СПОРТСМЕНОВ: ДИСКУССИИ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Дарья Дмитриевна КОСОВА
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
kosova-darya@inbox.ru

Научный руководитель: преподаватель кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии **Дарья Павловна ХОХЛОВА**, khokhlovadashaa@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования отношений с участием спортсменов в Российской Федерации. Рассматриваются доктринальные дискуссии о природе таких отношений (трудовое, гражданское или смешанное регулирование). На основе анализа главы 54.1 Трудового кодекса РФ определены проблемные аспекты: неопределенность критериев временного перевода спортсменов к другому работодателю, коллизия между правом на отдых и обязанностью соблюдать спортивный и антидопинговый режим в нерабочее время. Автором предложены конкретные изменения положений ТК РФ, включая введение нового основания расторжения трудового договора.

Ключевые слова: профессиональный спорт, спортсмены, правовой статус, трудовая функция спортсмена, трудовой договор, трудовые отношения, работодатель, соревнования, травмы, специфика трудовой функции, Трудовой кодекс РФ

В современном обществе спорт выполняет значимую социальную функцию, являясь его неотъемлемым элементом. При этом для отдельных категорий лиц занятия спортом приобретают характер профессиональной трудовой деятельности, что обусловливает необходимость их правовой регламентации нормами трудового законодательства (включая специальные положения, регулирующие труд спортсменов). Вместе с тем спортсмены зачастую остаются без надлежащей юридической защиты, несмотря на наличие различных механизмов разрешения подобных конфликтов (включая

внутриотраслевые, юрисдикционные и альтернативные процедуры). Указанные обстоятельства обусловливают актуальность дальнейшего совершенствования правового регулирования труда спортсменов и правоприменительных процедур.

Как отмечает С.В. Алексеева, в научной среде ведутся дискуссии относительно того, нормами какой отрасли права — гражданского или трудового — должны регулироваться отношения тренеров, агентов и спортсменов[1]. В теории трудового права существует несколько точек зрения на этот счет:

– деятельность спортсменов регулируется исключительно нормами трудового права (К. Н. Гнусов, О. А. Шевченко[2]);

– деятельность спортсменов регулируется нормами гражданского права, в связи с чем важно закрепить правовой статус спортсмена в отдельном федеральном законе (В. П. Васькевич[3]);

– возможен иной вариант определения трудового статуса спортсмена, при котором его деятельность регулируется либо трудовым, либо гражданско-правовым договором (так называемый смешанный договор). В рамках этого подхода, по мнению ряда теоретиков, трудовой договор применим к коллективным видам спорта (хоккей, футбол и др.), тогда как в индивидуальных видах спорта допускается заключение гражданско-правовых договоров. Смешанный договор применяется в случаях, когда спортсмен выступает на соревнованиях от имени клуба или в составе команды, а также когда он участвует в соревнованиях на коммерческой основе в индивидуальном порядке (С. В. Васильев[4]).

Рассмотренные доктринальные позиции позволяют перейти к анализу действующего правового регулирования в данной сфере. Глава 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ)[5] посвящена правовому положению спортсменов в РФ. Несмотря на законодательное закрепление данного института, правоприменение в сфере трудовых отношений продолжает вызывать сложности как в судебной практике, так и в доктрине, особенно в части соблюдения трудовых прав и гарантий спортсменов. Ука-

---

[1]Спортивное право. Трудовые отношения в спорте: учебник для вузов / под ред. С. В. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 647 с.

[2]Спортивное право. Правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта : учеб. пособ. 2-е изд. М.: Проспект, 2012.

[3]Васькевич В. П. Расширение потенциала гражданско-правового регулирования профессиональной деятельности спортсменовт[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://confbsu.bashedu.ru/media/konference-87-publicaciya-pdf-29c6ff3d-60d9-40b6-8a53-5629a5998dd1-3-13.pdf (дата обращения: 26.03.2026 г.).

[4]Васильев С.В . Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта: авторев. дис. … к.ю.н. Москва, 2006. С. 17—18.

[5]Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Российская газета. 2001. - № 256.; Собрание законодательства РФ. 2002. - № 1 (часть I). С. 3.; Парламентская газета. 2002. № 2—5.

занная глава ТК РФ устанавливает особенности заключения трудовых договоров с данной категорией работников, прохождения спортсменами обязательных медицинских осмотров, осуществления процедур допингового контроля, переводов к другим работодателям или в иные спортивные клубы, регулирования труда несовершеннолетних спортсменов, а также регламентирует иные вопросы

Положения статьи 348.1 ТК РФ определяют спортсменов как работников, реализующих трудовую функцию, состоящую в подготовке к соревнованиям и участии в соревнованиях по конкретным видам спорта. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что правовое положение спортсменов зависит от: личностного характера выполненных трудовых функций, то есть работа спортсменов зависит от их индивидуальных знаний, умений и способностей.

Важно отметить, что в соответствии с подпунктом 4 пункта 2 статья 24 Федерального закона от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ»[1] спортсмены обладают правом на подписание трудового договора, который установлен главой 11 и, в частности, статьей 348.2 ТК РФ.

В силу данной статьи возможен временный перевод спортсмена по согласованию сторон к другому работодателю на срок не более, чем на один год, в связи с чем, подобный переход осуществляется в случае, когда прежний работодатель не может обеспечить участие спортсмена на соревнованиях. Однако на практике в групповых видах спорта популярен такой переход в иных целях – аренда молодых игроков. Например, в 2021 году Совет директоров Континентальной хоккейной лиги (далее — КХЛ) определил способы и порядок аренды игроков на сезон 2021-2022 года[2]. На основании утвержденных правил возможна аренда молодых игроков (не более трех игроков до 22-х лет и одного — до 24 лет), при этом запрещено принимать более двух спортсменов из одного хоккейного клуба. Основной трудовой договор должен быть заключен на срок не менее двух лет. Для того, чтобы противодействовать так называемой «скрытой аренде», спортсмену запрещено подписывать трудовой договор с прежним клубом в течение этого сезона, в случае если временный договор с ним был расторгнут.

Действующее трудовое законодательство не содержит положений, которые регулируют критерии невозможности обеспечить участие спортсмена

[1]Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ (последняя редакция) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Российская газета. – 2007. - № 276.; Парламентская газета. 2007. № 178-180.; Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. С. 6242.

[2]Совет директоров утвердил механизм аренды с сезона 2021/2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.khl.ru/news/2021/04/30/484745.html#:~:text=Механизм%20предусматривает%20возможность%20приёма%20четырех,того%20же%20клуба%20КХЛ%20запрещено (дата обращения: 26.03.2026 г.).

в соревнованиях, поэтому следует установить некоторые критерии. Например, законодательно закрепить особенности аренды спортсменов групповых видов спорта, чтобы был определен общий порядок проведения данной процедуры для всех видов спорта.

Статья 106 ТК РФ определяет, что в течение времени отдыха работник освобожден от выполнения трудовых функций. Однако статья 348.2 устанавливает, что трудовым договором могут быть установлены обязанности по соблюдению режимов, антидопинговых требований и правил, которые регулируются международными антидопинговыми организациями, по прохождению контролей, определяющих факт использования спортсменами каких-либо допинговых средств, а также обязанности по информированию относительно своего местонахождения в целях прохождения допинг-контролей и иные требования.

Данные обязанности подлежат регулярному исполнению спортсменами, включая время отпуска. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 24.11.2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров»[1] также указал, что к спортсмену возможно применение дисциплинарного взыскания в случае несоблюдения им требований по спортивному режиму, включая время отдыха, и невыполнение планов по его вине.

Следовательно, если спортсмен не будет соблюдать спортивный режим, в том числе в период отдыха, он может потерять свою физическую форму, а несоблюдение антидопингового режима влечет дисквалификацию, в связи с чем привлечение его к ответственности целесообразно и соответствует признакам трудовых правоотношений.

На основании вышеизложенного считается необходимым закрепить в статье 348.2 ТК РФ в части обязанностей спортсмена положение, определяющее обязанность выполнять вышеуказанные условия в течение как тренировочного периода, так и во время отдыха. Такое уточнение позволит упорядочить правоотношения между работодателями и спортсменами, установить правовую квалификацию для законного привлечения виновного спортсмена к ответственности.

Отдельной проблемой выступают чрезмерные физические нагрузки, которым подвергаются спортсмены, что нередко становится причиной серьезных нарушений здоровья или даже гибели спортсменов. Имеют место случаи, когда тренеры или руководство спортивного клуба увеличивают количество тренировок, применяют жесткие методы для достижения спортивных результатов, а также игнорируют рекомендации врачей. В частности, в

[1]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // Гарант: информационно-правовой портал URL: https://base.garant.ru/71257446/ (дата обращения: 30.03.2026 г.).

2008 году 21-летний хоккеист спортивного клуба «Рыси» Игорь Антосик готовился к новому сезону в составе своей команды[1]. Тренер команды «Рыси», проверяя выносливость своих подопечных, отправил спортсменов на шестикилометровый кросс. Игорю Антосику резко стало плохо, и он потерял сознание, у спортсмена отказали почки. На следующий день Антосик умер в больнице. В 2021 году в Омске во время тренировки на стадионе скончался легкоатлет Григорий Маляренко[2]. В Министерстве спорта Омской области сообщили, что спортсмен регулярно проходил все необходимые медицинские осмотры, в результате чего был допущен к тренировкам и соревнованиям. Причиной смерти молодого спортсмена стал оторвавшийся тромб.

В связи с изложенным представляется целесообразным закрепить в статье 348.11-1 ТК РФ дополнительное основание для прекращения трудового договора с тренером спортивной организации — физическое или психическое насилие над спортсменом для достижения наиболее лучших спортивных результатов, при этом указать признаки такого насилия, факт осуществления которого должен подтверждаться свидетельскими показаниями, медицинской документацией. Данное положение будет относится как к систематическим, так и к однократным нарушениям.

Важной проблемой в России является отсутствие законодательного закрепления должного обязательного страхования спортсменов. Часто на лечение спортсменам, получившим серьезные травмы на тренировках или соревнованиях, выделяются денежные средства из федеральных или региональных бюджетов, а также из благотворительных фондов. Необходимо закрепить в ТК РФ в части страхования положение, регулирующее обязательное страхование для всех спортсменов, осуществляющих свою деятельность на профессиональной основе, а также возможность защиты прав в специальном судебном порядке.

Вместе с тем стоит отметить, что в 2025 году были утверждены Правлением АНО «Спортивная Арбитражная палата» и депонированы Распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации правила арбитража по разрешению трудовых споров спортсменов, тренеров, судей и спортивных врачей в профессиональном спорте и спорте высших достижений[3]. Дан-

[1] Молодой форвард умер после тренировки [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.sovsport.ru/hockey/articles/299062-molodoj-forvard-umer-posle-trenirovki (дата обращения: 26.03.2026 г.).

[2] Легкоатлет сборной России умер по время тренировки [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://sportrbc.ru/news/60abb4509a79470dfb67375c (дата обращения: 26.03.2026 г.).

[3] Правила арбитража (третейского разбирательства) индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров, спортивных судей, спортивных врачей в профессиональном спорте и спорте высших достижений (утв. АНО «САП», протокол от 25.09.2025 « 1) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520977/ (дата обращения: 30.03.2026 г.).

ный акт является целесообразным и необходимым нововведением, позволяющим спортсменам и иным лицам разрешать возникающие споры в досудебном порядке при соблюдении особенностей труда данных субъектов.

Таким образом, стоит отметить, что особенности спортивной трудовой деятельности оказывают существенное влияние на правовой статус спортсмена. В настоящее время данные правоотношения представляется возможным охарактеризовать именно как трудовые. В целях совершенствования правового регулирования предлагается внести ряд законодательных изменений, направленных на эффективное правовое регулирование трудового статуса спортсмена и установление дополнительных гарантий соблюдения прав как работников (спортсменов), так и работодателей.

Научная статья
УДК 349.2

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АМОРАЛЬНОГО ПРОСТУПКА ПЕДАГОГА

Анна Александровна МАКАРОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
macarana06@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Юлия Михайловна БОБРОВА**, j.m.bobrova@gmail.com

Аннотация: в работе рассматриваются вопросы увольнения педагогического работника в связи с совершением им аморального поступка, сроки давности такого дисциплинарного проступка, а также содержание указанного понятия применительно к работе педагога

Ключевые слова: аморальный поступок, педагогическая деятельность, увольнение

Статья 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ устанавливает, что педагогический работник — физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности. Одним из оснований прекращения

трудового договора для работников, исполняющих функции по воспитанию, является увольнение в связи с совершением аморального проступка несовместимого с продолжением данной работы.

Термин «аморальный проступок» законодателем не раскрывается. Толковые словари определяют мораль как совокупность общественных представлений и вытекающих из таких представлений правил относительно категорий добра и зла, справедливости, добродетели. Аморальность предполагает нечто ей противоположное. Во всяком случае это понятие субъективное, каждый работодатель вправе самостоятельно определять его содержание и значение. Отмечу, что в отдельных судебных решениях также содержатся различные трактовки указанного понятия. Например, в определении Московского городского суда аморальный проступок определяется как «проступок, нарушающий принятые в обществе нормы морали и нравственности, совершенный работником на работе или в быту и не соответствующий морально-этическим требованиям, предъявляемым к занимаемой должности учителя»[1]. В решении Кызылского городского суда под аморальностью понимается «ориентация человека, выражающаяся в непринятии моральных устоев общества, духовном распаде личности»[2], а под проступком — действия, нарушающее нравственные нормы.

Отчасти содержание рассматриваемого термина можно подчерпнуть в Письме Министерства просвещения РФ и Профессионального союза работников народного образования и науки РФ от 20 августа 2019 г. № ИП-941/06/484 и локальных правовых актах, издаваемых в соответствии с ним. В Письме указывается, что в обязанности педагога входит уважение чести и достоинства участников образовательного процесса, сохранение чести, достоинства, деловой репутации педагога и образовательной организации, уважение традиций и обычаев народов России и других государств, проявление терпимости, доброжелательности, тактичности, вежливости, соблюдение принципов равенства прав и свобод человека и гражданина, соблюдение правил по внешнему виду, воздержание от размещения информации, способной причинить вред здоровью и развитию детей[3]. Неисполнение указанных обязанностей может расцениваться как аморальный поступок. Но ни приведенные судами определения, ни нравственно-этические требования к педагогу не вносят существенной конкретики в содержание термина.

---

[1]Апелляционное определение Московского областного суда от 03.04.2012 по делу №33-6057/2012 [Электронный ресурс]. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/470826956?ysclid=mnfprl04mi112234075 (Дата обращения: 30.03.2026).

[2]Решение Кызылского городского суда Республики Тыва от 08.05.2019 дело № 2-1937/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/piYp6oMeL2b1/ (Дата обращения: 30.03.2026).

[3] «О примерном положении о нормах профессиональной этики педагогических работников»: Письмо Министерства просвещения РФ и Профессионального союза работников народного образования и науки РФ от 20.08.2019 № ИП-941/06/484 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72558920/ (Дата обращения: 30.03.2026).

Увольнения в связи с совершением аморального проступка не всегда однозначны. Анализ судебной практики показывает, что как правило в качестве аморального проступка работодателем рассматривается использование педагогом нецензурной брани, употребление спиртосодержащих или наркотических веществ, разжигание конфликтов, участие в скандалах, драках, применение физического насилия к обучающимся, порча их имущества, публикация откровенных фотографий, видео, информации, запрещенной к распространению в Российской Федерации, откровенное поведение в школе. При этом согласно статье 81 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ аморальный проступок может быть совершен как по месту работы, так и вне его, как в связи с исполнением трудовых обязанностей, так и нет. Рассмотрим несколько примеров увольнения педагога за аморальный проступок.

Так, Шестым кассационным судом засилено решение судов первой и апелляционной инстанции, которые отказали в восстановлении на работе истцу, который был уволен в связи с тем, что схватил ученика за шиворот и насильно затащил в свой кабинет. Другой работник попытался ему помешать, однако был заперт вместе с учеником[1].

В другом случае педагог совершил аморальный поступок в нерабочее время. Камеры учебного учреждения зафиксировали, как он распивал алкогольные напитки с бывшими обучающимися колледжа. В ходе беседы с ними он употреблял нецензурную лексику. В совокупности это было расценено как поступок, оскорбляющий профессию педагога, негативно влияющий на репутацию учебного заведения, а также как пагубно воздействующий на обучающихся, с чем согласился суд[2].

Рассмотренные случаи в целом не вызывают значительных трудностей при установлении аморальности проступка. Однако бывают и более сложные ситуации.

Так, истца уволили в связи с разжиганием конфликта с одной из студенток. С самого начала у них сложились неприязненные отношения. Девушка допускала грубые высказывания в адрес педагога, а когда последняя подошла к ней с вопросом, почему та не сдала отчет по практике, девушка вцепилась ей в волосы, начала бить по голове. Попытки оттолкнуть студентку были расценены как драка, а возникновение конфликта как аморальный проступок. В последствии истец смогла восстановиться в должности. Суд указал, что то, что расценивалось работодателем как драка, являлось

[1] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 № 88-6039/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12948688&delo_id=2800001& new=2800001&text_number=1 (Дата обращения: 30.03.2026).

[2] Щелковского городского суда от 18.12.2023 г. по делу № 2-7330/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cB2Fr4ex7kVr/?ysclid=mnfr74w1e0442146295 (Дата обращения: 30.03.2025).

самозащитой, а конфликт следствие совокупных действий обеих сторон, а не одной из них[1].

Несколько сложнее обстоит ситуация с аморальным поведением, когда нарушение этических и профессиональных норм носит продолжаемый, систематический характер. Исходя из формулировки закона увольнение возможно именно за проступок. При этом он должен влечь невозможность осуществления функций по воспитанию. О такой невозможности может свидетельствовать совершение проступка, пагубно повлиявшего на воспитываемого или же такого, который свидетельствует о том, что лицо в дальнейшем будет совершать аналогичные или иные аморальные действия, способные негативно повлиять на воспитываемых. Действия лица должны посягать на общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие и обучение. Однако систематические нарушения также могут свидетельствовать о том, что лицо более не соответствует тем высоким нравственным требования, которые предъявляются к данной профессии. Так, судом было отказано в восстановлении на работу педагога, который регулярно занижал средний балл ученикам, повышал на них голос, писал несовершеннолетним ученицам и их родителям по вопросам, несвязанным с образовательным процессом, регулярно отходил от темы урока. В качестве аморального проступка работодателем была расценена переписка на отвлеченные темы с одной из учениц[2].

Ранее уже отмечалось, что совершение аморального проступка возможно как на работе, так и в быту. В таком случае возникает вопрос о сроках привлечения к дисциплинарной ответственности педагога за такие проступки. В случае совершения аморального проступка в ходе педагогической деятельности, он приравнивается к дисциплинарному, срок привлечения составляет всего 1 месяц с момента выявления. Для проступков, совершенных вне рабочего процесса, он возрастает до года с момента выявления работодателем. Фактически это позволяет работодателю наказать работника за проступки, совершенные значительно раньше его трудоустройства, например, в период обучения в институте или школе. Как правило, в таких случаях речь идет о материалах, выложенных в сеть «Интернет», о старых переписках, фотографиях, видео. Так, во времена студенчества истец подрабатывал хореографом танцев с элементами-стрип пластики, о чем образовательная организация была уведомлена. Несмотря на это, когда было найдено видео с ним, выполняющим танцевальные движения на полу, разгорелся скандал. Работнику предложили уйти по собственному желанию. Тот сперва согласился, однако сразу же отозвал свое заявления. Тем не менее он был

[1]Определение Свердловского областного суд от 21 февраля 2008 г. по делу N 33-926/2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=24001 (Дата обращения: 30.03.2026).

[2]Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.08.2025 № 88-12782/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34742650&delo_id=2800001&new =2800001&text_number=1 (Дата обращения: 30.03.2026).

уволен по собственному желанию. Не согласившись с увольнение, мужчина обратился в суд и в последствии был восстановлен на работе в связи с нарушением работодателем процедуры увольнения[1].

В другом случае аморальный проступок был совершен в период между увольнением за другое нарушение и восстановлением на работе. В период безработицы женщина написала ученикам с просьбой незаметно вынести из школы спортивный инвентарь, который, по её словам, принадлежал ей. Когда первое увольнение было признано незаконным, а работник восстановлена на работе, немедленно была созвана комиссия в связи с совершением ею аморального поступка, а именно попытки хищения школьного имущества. Педагога снова уволили, однако в связи с тем, что в приказе о дисциплинарном взыскании не содержалось сведений о конкретном аморальном проступке, а по иным нарушениям не были истребованы объяснения, истец была восстановлена на работе. Кроме того, суд указал, что в связи с тем, что на тот момент трудовые отношения были фактически прекращены, на педагога не распространялись те нравственные требования, что распространяются на педагогических работников в период осуществления трудовой деятельности. Вменяемый ей аморальный проступок, совершенный в период после прекращения трудовых отношений, не мог являться основанием для ее увольнения после восстановления на работе[2]. Из приведенного решения следует, что увольнения за такого рода проступки возможно лишь тогда, когда он совершен в период трудоустройства. Как видно из приведенных примеров практика крайне противоречива, единого подхода к вопросу, связанным с возможностью увольнения за нарушения, совершенные в быту, в том числе до трудоустройства, не сложилось.

Важно отметить, что зачастую в спорных ситуациях работодатели предлагают уйти педагогу по собственному желанию, на что те соглашаются, не желая рисковать своей репутацией. В таком случае восстановление на работе в судебном порядке практически невозможно, а сам механизм может использоваться для увольнения «неудобного педагога». В большинстве случаев суды не дают оценки моральной составляющей поведения педагога, а обращают внимание прежде всего на формальные особенности процедуры увольнения, а также на доказанность факта события. Отчасти это может быть связано с тем, что педагог уволился по собственному желанию, как это произошло с мужчиной, уволенным за танцы, а отчасти с тем, что аморальный проступок — субъективная категория.

В некоторых случаях такого подхода вполне достаточно для восстановления законных прав гражданина. Так, например, работник московской

[1]Решение Индустриального суда г. Хабаровска от 24.12.2024 № 2-7189/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://industrialny--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=22809867&delo_id=1540005 &new =0&text_number=1 (Дата обращения: 30.03.2026).

[2] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 № 88-12811/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/470826956?ysclid=mnfprl04mi112234075 (Дата обращения: 30.03.2026).

школы, уволенная за то, что она якобы подняла блузу перед обучающимися и оголила тело, была восстановлена на работе в связи с недоказанностью данного факта[1]. Но в тоже время встречаются ситуации, когда отказ от оценки проступка или влечет незаконный отказ в восстановлении на работе, или восстановление лица, поведение которого действительно пагубно влияет на воспитываемых. Так, в одном из детских садов работник на регулярной основе запирала детей в спальне, уходя на долгое время(более 4 часов), кричала на детей, обзывала их, запрещала спать на кроватях в период тихого часа, выводила их в коридор, где нет видеокамер и оказывала психологическое давление на детей, её действия носили систематический характер, что отражено в материалах служебного расследования и следует из показаний свидетелей и записей камер видеонаблюдения, однако работодателем не получены её объяснения, в связи с чем истец восстановлена на работе[2].

Подводя итог следует отметить потребность в разъяснении положений, связанных с аморальным проступком, как в части его содержания, так и в части сроков применения. Безусловно, невозможно предусмотреть единый закрытый перечень вариаций аморального поведения, а также устранить спорные ситуации применения указанного основания, однако существование ориентира значительно облегчило бы реализацию защиты прав как со стороны работника, так и со стороны работодателя и воспитанников.

Научная статья
УДК 349.23/24

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФСОЮЗОВ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИИ И КИТАЯ

Кирилл Алексеевич ПЛАХОВ[1], Светослав Анатольевич ЯКОВЛЕВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] plahov06@bk.ru
[2] Svetoslav.Yakovlev178@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Юлия Михайловна БОБРОВА**, j.m.bobrova@gmail.com

[1]«Аморальный проступок», который «нигде не зафиксирован». Суд оправдал педагога с 37-летним стажем, но коллеги против нее [Электронный ресурс]. URL: https://www.bfm.ru/news/391622 (Дата обращения: 30.03.2026).

[2]Решение Кызылского городского суд Республики Тыва от 08.05.2019 дело № 2-1937/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/piYp6oMeL2b1/ (Дата обращения: 30.03.2026).

Аннотация. В связи с усложнением производственных отношений, концентрацией капитала особую значимость приобретают способы охраны и защиты прав работников. Профсоюзы – один из важнейших институтов, обеспечивающих соблюдение прав работников, в связи с этим его изучение с целью дальнейшего совершенствования является крайне важной задачей. С целью развития юридической мысли в области методов обеспечения соблюдения прав работников авторы, используя методы сравнительного правоведения, изучили организацию профсоюзов в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Авторы пришли к выводу, что увеличение степени взаимодействия государства и профсоюзов позволит лучше обеспечить соблюдение прав наиболее слабой стороны трудовых отношений - работников. Данная статья является одной из попыток осмысления возможных путей совершенствования системы профсоюзов в Российской Федерации.

Ключевые слова: профсоюзы, Россия, Китай, единая система, Федерация Независимых Профсоюзов России, Всекитайская Федерация Профсоюзов

Безусловно, в современной правовой действительности трудовые правоотношения носят динамичный характер, что связано, прежде всего, с усложнением производственных отношений и развитием общества в целом. В свою очередь, изменение характера трудовых отношений может оказывать негативное воздействие на социальное положение наёмных работников, что требует создания и поддержания эффективного механизма защиты их прав и законных интересов.

Актуальность данной темы заключается в том, что современная российская правовая реальность требует улучшения механизмов защиты социально-трудовых прав работников, в том числе с помощью профсоюзов. Одним из способов повышения эффективности профсоюзов, по мнению авторов, является создание единой системы профсоюзных организаций Российской Федерации при увеличении интеграции данных организаций с системой органов государственной власти. Подтверждением эффективности данного метода является опыт деятельности профсоюзных организаций в Китайской Народной Республике, где профсоюзы, являясь структурным элементом системы управления, обладают весьма высокой эффективностью при защите прав и законных интересов работников.

В данной статье будет дана сравнительная характеристика систем профсоюзных организаций в России и Китае, выявлены основные отличия и особенности данных систем, а также предложены методы по увеличению эффективности деятельности российских профсоюзов, основываясь на опыте профсоюзов Китая.

Одним из основных признаков российской системы профсоюзов является их независимость от системы органов государственной власти. «Профсоюзы независимы в своей деятельности от органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, работодателей, их объединений (союзов, ассоциаций), политических партий и других общественных объединений, им не подотчетны и не подконтрольны»[1]. Данный признак в определённой степени был заимствован из трудового законодательства стран Европы с рыночной системой экономики, заменив советскую модель организации профсоюзов, характеризующуюся намного более значительным государственным влиянием на организацию профсоюзной деятельности. Система организации профсоюзов в Китае, которая, в свою очередь была основана на советской системе, не предусматривает организацию независимых от государства профсоюзов. Существует единственная легальная профсоюзная структура — Всекитайская Федерация профсоюзов, которая, подотчётна правящей в КНР Коммунистической Партии Китая[2]. Всекитайская Федерация профсоюзов обязана осуществлять политическую деятельность, опираясь на официальную государственную идеологию: «Профсоюз должен соблюдать и поддерживать Конституцию, принимать Конституцию в качестве основного критерия деятельности, сосредотачиваться на экономическом строительстве, придерживаться социалистического пути, придерживаться народно-демократической диктатуры, придерживаться руководства Коммунистической партии Китая, придерживаться марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина»[3].

Таким образом, профсоюзы Китая являются связующим звеном между органами государственной власти и работниками, являясь при этом одним из элементов системы государственной власти и правящей партии. В данных фактах обнаруживается существенное отличие от российской независимой системы профсоюзов, которая не подконтрольна органам государственной власти и политическим организациям.

---

[1] Ст.5 О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ: в ред. от 20 февраля 2026 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2] Ст.2 Закон о профсоюзах Китайской Народной Республики: Закон Китайской народной республики 1992 года (Принят на 24 сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей) [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9be1a773-69c95df6-364b0b5f-74722d776562/https/web.archive.org/web/20190618070010/http://www.acftu.org/ (дата обращения: 25.03.2026)

[3] Ст.4 Закон о профсоюзах Китайской Народной Республики: Закон Китайской народной республики 1992 года (Принят на 24 сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей) [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9be1a773-69c95df6-364b0b5f-74722d776562/https/web.archive.org/web/20190618070010/http://www.acftu.org/ (дата обращения: 25.03.2026)

Следует выделить существенное различие в структуре организации профсоюзов в России и в Китае. Крупнейшим общероссийским объединением, координирующим деятельность профсоюзного движения в России, является Федерация Независимых Профсоюзов России (ФНРП). В данную организацию входят ряд профессиональных союзов отраслевого и территориального уровня. Они включают в себя первичные профсоюзные организации. Профсоюзы отраслевого уровня, как правило, являются общероссийскими или межрегиональными организациями и объединяют первичные профсоюзы по профессиональному или отраслевому признаку. Территориальные объединения профсоюзов, объединяют профсоюзы по территориальному признаку. Первичные профсоюзные организации создаются на уровне конкретного предприятия или учреждения. Трудовое законодательство Российской Федерации не запрещает создание организаций профсоюзов за рамками ФНРП. В частности, в Российской Федерации существует ряд иных организаций профсоюзного движения, таких как Конфедерация труда России, профсоюзное объединение «СОЦПРОФ» и ряд других независимых организаций.

Структура организации профсоюзов в Китае основывается, прежде всего, на подчинении вышестоящим органам государственной власти. Профсоюзные организации в Китае также имеют территориальные и отраслевые уровни, сформированные, соответственно, по региональному и профессиональному признакам. Первичные профсоюзные организации, в свою очередь, также подчиняются вышестоящим элементам организации Всекитайской Федерации Профсоюзов. Следует отметить, что в Китае первичные профсоюзы имеют меньшую автономию, по сравнению с аналогичными организациями в России.

Можно сделать вывод, что главными отличиями российской и китайской систем профсоюзов являются наличие возможности создавать независимые организации профессиональных союзов, степень централизации и интеграции профсоюзных организаций с органами государственной власти. Система профсоюзов КНР обладает большей структурированностью.

Следует отметить определённые различия в трудовом законодательстве России и Китая, касающиеся вопросов финансирования и материально-технического обеспечения профсоюзных организаций. В России основным источником обеспечения является членские взносы участников профсоюзов, а также обеспечение со стороны работодателя[1]. В законодательстве Российской Федерации закрепляется условие возникновения обязанности работодателя предоставить определённые условия для обеспечения деятельно-

[1] Ст.377 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022)

сти профсоюзов: «Работодатель, численность работников которого превышает 100 человек, безвозмездно предоставляет в пользование выборным органам первичных профсоюзных организаций как минимум одно оборудованное, отапливаемое, электрифицированное помещение, а также оргтехнику, средства связи и необходимые нормативные правовые документы.»[1]. Финансирование профсоюзных организаций в КНР осуществляется, преимущественно, со стороны государства, что связано, прежде всего, с интеграцией профсоюзных организаций в систему органов государственной власти. Данный принцип закреплён в ст. 43 Закона о профсоюзах Китайской Народной Республики, согласно которому одним из основных источников финансирования профсоюзов являются «субсидии, предоставляемые народным правительством», но при этом данная статья не освобождает в полной мере работодателя от необходимости финансирования профсоюзной организации, закрепляя: «Источниками средств профсоюзов являются: отчисления в размере двух процентов от месячного фонда оплаты труда всех работников, перечисляемые предприятием, учреждением или государственным органом, где создан профсоюз»[2]. Помимо этого, ст.46 данного Закона закрепляет, что «народные правительства на различных уровнях: предприятиях, учреждениях и государственных органах предоставляют необходимые материальные средства, такие как оборудование и помещения, для функционирования профсоюзов и проведения их деятельности»[3]. Таким образом, система финансирования и материально-технического обеспечения профсоюзов в России и Китае имеет ряд отличительных черт, связанных со степенью независимости и интеграции с государственными органами данных организаций. По мнению авторов, при увеличении централизации и интеграции с государством может быть увеличено финансирование профсоюзов, уменьшено влияние работодателями на них, что окажет положительное влияние на эффективность деятельности профсоюзов.

Следует отметить, что централизация организации профсоюзов и увеличение связи с государственными органами положительно влияет на уровень вовлечённости работников в защиту их прав в области трудового законодательства, а также увеличивает их доверие к деятельности профсоюзов.

---

[1] Ст.392 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Ст.43 Закон о профсоюзах Китайской Народной Республики: Закон Китайской народной республики 1992 года (Принят на 24 сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей) [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9be1a773-69c95df6-364b0b5f-74722d776562/https/web.archive.org/web/20190618070010/http://www.acftu.org/ (дата обращения: 26.03.2026)

[33]Ст.46 Закон о профсоюзах Китайской Народной Республики: Закон Китайской народной республики 1992 года (Принят на 24 сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей) [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9be1a773-69c95df6-364b0b5f-74722d776562/https/web.archive.org/web/20190618070010/http://www.acftu.org/ (дата обращения: 26.03.2026)

Так, согласно данным департамента организационной работы аппарата ФНРП, численность членов профсоюзов в России составила 18,8 млн. человек, что составляет приблизительно 56 % от численности трудящегося населения[1]. В свою очередь, согласно данным Всекитайской Федерации Профсоюзов, членами профсоюзов являются свыше 400 млн. человек, что составляет приблизительно 75 % от трудящегося населения[2]. При этом стоит отметить, что и в России, и в Китае действует принцип добровольного участия в профсоюзной деятельности. Таким образом, исходя из данной статистики можно сделать вывод, что наличие централизованной и интегрированной с государством системы организации профсоюзов положительно влияет на степень участия работников в профсоюзных организациях, что в свою очередь, оказывает позитивное воздействие на осуществление профсоюзами своих функций.

По мнению авторов, создание единой системы профсоюзов увеличит эффективность деятельности профсоюзов в Российской Федерации. Более централизованная система организации профсоюзов позволит:

Во-первых, создать более независимые от работодателя первичные профсоюзные организации, например, путём создания единых фондов для их последующего распределения для финансирования деятельности профсоюзов, часть средств может поступать из бюджета Российской Федерации. Это позволит уменьшить количество случаев, когда работодатель поощряет активных деятелей профсоюзов за принятие выгодных ему решений.

Во-вторых, создать более чёткую систему представительства при заключении отраслевых и территориальных соглашений, что в совокупности с принудительных распространением соглашений на всех работодателей по территориальному или отраслевому признакам, кроме тех случаев, когда комиссия независимых экспертов при центральной организации единой профсоюзной системы признает невозможным распространение соглашения на конкретных работодателей в связи с особенностями их деятельности, сделает соглашения действенным инструментом улучшения положения рабочих сообразно потребностям работников в конкретных регионах и отраслях.

Помимо этого, данная система позволит сформировать штат профессиональных высококлассных юристов, которые будут защищать права профсоюзов, работников в самых сложных делах, а также осуществлять просветительские функции, повышая уровень знания представителей профсоюзов о правах работников и обязанностях работодателей.

---

[1] Профсоюзы в России в 2025 году – Доступ из Центральной профсоюзной газеты «Солидарность» [электронный ресурс] URL: https://www.solidarnost.org/articles/profsoyuzy-rossii-v-2025-godu.html?ysclid=mndldfucy6770865283 (дата обращения: 28.03.2026)

[2] Как устроена профсоюзная система Китайской Народной Республики. Доступ из Центральной профсоюзной газеты «Солидарность» [электронный ресурс] URL:https://www.solidarnost.org/articles/mezhdu-partiey-i-rabotnikom_41499.html (дата обращения: 28.03.2026)

Также эта система позволит облегчить взаимодействие профсоюзов с государственными органами, увеличить раскрываемость нарушений со стороны работодателя и упростить порядок наложения ответственности на него. Это усилит положение первичной профсоюзной организации и позволяет ей более эффективно выполнять свои функции по защите прав и законных интересов работников.

Следует отметить, что для создания единой профсоюзной организации необходимо стимулировать работников объединяться в профсоюзы и активно участвовать в их жизни. Это можно сделать разными способами. Например, предусмотреть избрание членами профсоюзов своих официальных представителей, которые будут получать налоговые вычеты от государства и смогут требовать от работодателей сокращения рабочего времени для выполнения задач, поставленных членами профсоюза. Для предотвращения злоупотребления этими льготами путём создания множества чрезмерно малочисленных профсоюзов необходимо установить максимальное количество профсоюзов у одного работодателя в зависимости от численности рабочих.

В заключение стоит отметить, что китайская система организации профсоюзной деятельности, имеет весьма серьёзные преимущества, которые способствуют повышению эффективности деятельности профсоюзных органов. По мнению авторов, внедрение в российскую модель организации профсоюзов некоторых элементов китайской системы, таких как подчинённость основной профсоюзной организации государству при увеличении мер поддержки профсоюзов, а также увеличение взаимодействия государственных органов и профсоюзов окажет положительное влияние на осуществление функций профсоюзов. Таким образом, сохранение преимуществ, которое предоставляются российским законодательством профсоюзам, при внедрении некоторых положительных аспектов из трудового законодательства Китая, окажет положительное влияние на правовую действительность организации российских профсоюзов.

Научная статья
УДК 349.2

ГРАНИЦЫ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ФРАНЦУЗСКИЙ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО КОДЕКСА РФ

Александра Сергеевна РЫКОВА
Казанский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Казань, Россия
sandra.pim@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» **Анарина Радиковна ФАТЫХОВА**, anarinkka@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу права работника на цифровой отдых как нового института трудового права в условиях современной цифровой экономики. Рассматриваются французская модель универсального регулирования и итальянский подход, ограниченный сферой дистанционной занятости. На основе сравнительно-правового анализа выносятся выводы о возможностях имплементации европейского опыта в российское трудовое законодательство.

Ключевые слова: право на отключение, цифровая экономика, цифровой отдых, рабочее время, время отдыха, дистанционная работа, трудовое право

Цифровая трансформация трудовых отношений стала одним из главных неизбежных вызовов XXI века. Повсеместное внедрение мессенджеров, корпоративных платформ и облачных технологий привело к парадоксальному эффекту: освободив работника от физической привязки к офису, технологии лишили его защищённости от профессионального вторжения в личное время. Граница между работой и отдыхом оказалась размыта - сотрудник остаётся «всегда на связи», а его доступность через социальные сети и различные мессенджеры постепенно превращается из права в негласную обязанность работника.

В ответ на эту проблему многие европейские государства уже начали формировать новую правовую реальность. Франция в 2016 году первой в мире законодательно закрепила «право на отключение», обязав работодателей вести переговоры о границах цифрового взаимодействия. Кроме неё, по пути частичного ограничения пошли такие страны, как Бельгия, Испания,

Греция и другие, каждая из которых так или иначе определяла права работников на цифровой отдых. Так, например, в отличие от Французской Республики, Италия избрала иной путь, включив аналогичные гарантии в законодательство об «умной работе» для дистанционных сотрудников. Оба подхода представляют собой ценный материал для их осмысления. Основной целью настоящей работы является оценка потенциала французского и итальянского правового опыта регулирования права работника на цифровой отдых для попытки его полной или частичной интеграции в российское законодательство и возможной модернизации Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ)[1].

Франция - первая страна, закрепившая на законодательном уровне так называемое «право на отключение» (droit à la déconnexion) — право работника не отвечать на рабочие звонки и сообщения в нерабочее время. Принятию данного закона предшествовало осознание проблемы «цифрового размытия» границ рабочего времени. В условиях, когда работодатели всё чаще ожидают от сотрудников их доступности в любое время суток через мессенджеры и корпоративную почту, исследователи зафиксировали рост так называемого «синдрома когнитивной перегрузки», ведущего к стрессу, выгоранию и усталости работников[2].

Однако сама идея защиты работников от вторжения в частную жизнь возникла задолго до 2016 года. Ещё в 2004 Кассационный суд Франции вынес важное решение, согласно которому работник не может быть уволен за то, что не отвечал на рабочие звонки во время обеденного перерыва [3]. Так, в августе 2016 года был принят закон «Эль-Хомри», названный по имени министра труда Франции Мириам Эль-Хомри, который официально ввёл «право на отключение» в Трудовой Кодекс Франции (ст. L.2242-8) [4]. В доктрине «право на отключение» понимается как право работника не быть подключённым к цифровым профессиональным инструментам (смартфон, электронная почта) во время отдыха или отпуска.

Важной особенностью французского подхода является его гибкость. Закон не предписывает единых правил для всех, а обязывает стороны трудовых отношений достигать соглашения с учетом специфики конкретной компании. И хотя формально сам этот закон не устанавливает прямых санкций за его несоблюдение, работодатели должны учитывать, что нарушение

[1]Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001 №197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Soulier S., Parlier C. Measures concerning dismissals on economic grounds included in the so-called El-Khomri Bill: Much ado about nothing? URL: https://soulierbunch.com/en/measures-concerning-dismissals-on-economic-grounds-included-in-the-so-called-el-khomri-bill-much-ado-about-nothing/ (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Cass. Soc., 17 févr. 2004, n° 01-45.889, inédit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007473856/ (дата обращения: 27.03.2026).

[4] Code du travail française (ред. от 01.09.2025). URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/14665 (дата обращения: 27.03.2026).

права на отключение может быть квалифицированно судами как несоблюдение требований по охране безопасности и здоровья работников[1].

Таким образом, французская модель представляет собой более универсальный и гибкий подход, что основан на обязанности работодателя вести переговоры и адаптировать механизмы защиты. Ключевая идея — признание того, что «доступность» работника не может быть безграничной, а уважение к личному времени — не моральная, а правовая обязанность работодателя.

С другой же стороны такой подход, при всей его прогрессивности, не является единственным возможным способом решения данной проблемы. Италия, например, избрала иной путь — право на цифровой отдых получило более узкую и специализированную форму реализации, привязанную к специфике именно дистанционной занятости. Так, в 2017 году Италия, наравне с Францией, стала одной из первых стран Европы, законодательно закрепивших право на отключение, приняв Закон №81[2], который регулирует так называемую «умную работу» («lavoro agile»). В отличие от французского, итальянский подход не носит универсального характера: право на цифровой отдых распространяется исключительно на работников, занятых в формате дистанционной работы, то есть на тех, чья деятельность выполняется частично вне помещений работодателя, без строгих ограничений по времени и месту работы.

Ключевое положение содержится в ст. 19 п. 1 данного закона, согласно которому индивидуальное соглашение о такой работе в обязательном порядке должно включать определение периодов отдыха работника, а также технические и организационные меры, необходимые для обеспечения его отключения от технологических рабочих инструментов. Так, если во Франции обязанность вести переговоры о праве на отключение возложена на всех без исключений работодателей, то в Италии это право напрямую привязано к форме занятости и подлежит обязательному закреплению в индивидуальном договоре с «дистанционным» работником.

Прямых санкций за отсутствие в соглашении об «умной работе» положений о праве на отключение данный закон также, как и французский, не устанавливает. Работник может обратиться в суд с требованием понудить работодателя к соблюдению этого права и взыскать убытки, но судебная практика по таким делам пока недостаточно сформировалась[3].

---

[1] Sands R., Etcheparre N. Update on the Bill for 'New Freedoms and Safeguards for Companies and Workers'. URL: https://intemploy.blogspot.com/2016/06/france-update-on-bill-for-new-freedoms.html?m=1 (дата обращения: 27.03.2026).

[2] Legge 22 maggio 2017, n. 81. Misure per la tutela del lavoro autonomo non imprenditoriale e misure volte a favorire l'articolazione flessibile nei tempi e nei luoghi del lavoro subordinato. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2017/06/13/17G00101/sg (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Cominotto C., Lilly. Telework, Smart Work, and the Right to Disconnect in Italy. URL: https://lineenetwork.org/telework-smart-work-and-the-right-to-disconnect-in-italy/ (дата обращения: 27.03.2026).

Однако в настоящее время в парламенте Италии обсуждается законопроект №1290 от 6 ноября 2024 года[1], который может кардинально изменить существующую модель, предлагая распространить право не получать коммуникации от работодателя в нерабочее время на всех работников, а также установить минимальный период отключения продолжительностью 12 часов с момента окончания рабочей смены и ввести административные штрафы для работодателей-нарушителей.

Таким образом, итальянская модель, начавшаяся с узкой привязки к «умной работе», сейчас постепенно эволюционирует в сторону универсального регулирования, приближаясь к французскому подходу, но с собственной спецификой — акцентом на индивидуальных соглашениях и активной ролью коллективных договоров в отдельных отраслях.

Проведённый анализ позволяет выделить общие черты и ключевые различия двух представленных европейских моделей регулирования права на цифровой отдых, а также оценить потенциал их имплементации в российскую правовую систему. Обе страны признают необходимость защиты работника от «цифрового вторжения» в личное время, однако механизмы такой защиты существенно различаются. Французская модель носит универсальный характер: обязанность ввести переговоры о праве на отключение, что распространяется на всех работодателей независимо от формы занятости работника, тогда как итальянский подход, напротив, является специальным – право на цифровой отдых законодательно закреплено лишь для работников в дистанционном формате и подлежит обязательному включению в индивидуальное соглашение.

Различаются и механизмы реализации. Во Франции приоритет отдаётся коллективным переговорам с профсоюзами, а при их недостижении работодатель самостоятельно разрабатывает внутреннюю политику. В Италии акцент сделан на индивидуальном договорном регулировании, хотя в отдельных отраслях коллективные соглашения и играют важную дополняющую роль [2].

Так, весь вышеизложенный анализ европейского опыта позволяет сформулировать ряд рекомендаций для возможной модернизации ТК РФ. При этом важно учитывать, что, как подчеркивают исследователи, устойчивое внедрение права на отключение требует не только законодательных гарантий, но и коллективных переговоров, культурных изменений и отраслевой адаптации [3], в связи с чем для России наиболее приемлемым может

[1] Disegno di legge n. 1290: "Disposizioni in materia di diritto alla disconnessione nei rapporti di lavoro": presentato il 6 novembre 2024. URL: https://www.senato.it/node/94168/printable/print?tab=DatiGenerali&did=58663 (дата обращения: 27.03.2026).

[2] Cairo L., Grilli M., Cirillo A. Italy: The Right to Disconnect Q&A. URL: https://www.mayerbrown.com/en/insights/publications/2025/03/italy-the-right-to-disconnect-qa (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Колесов Д.И. Проблема «права на отключение»: европейский опыт // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 91.

стать именно комбинированный подход, сочетающий в себе элементы обеих изученных моделей:

1. Законодательное закрепление общего принципа. По аналогии с французским подходом целесообразно дополнить главу ТК РФ о рабочем времени и времени отдыха положениями, закрепляющими право работника не реагировать на рабочие коммуникации в нерабочее время, если иное не предусмотрено локальными актами или коллективным договором, что создаст легитимную основу для защиты сотрудников.

2. Дифференциация по категориям работников. Следуя итальянскому опыту, наиболее детальное регулирование целесообразно установить для дистанционных работников, чья профессиональная деятельность наиболее подвержена вышеупомянутому воздействию. Для них право на отключение может стать обязательным элементом трудового договора или дополнительного соглашения.

3. Развитие коллективно-договорного регулирования. Французский механизм обязательных переговоров с профсоюзами может быть адаптирован к российской практике социального партнёрства. Целесообразно включить в примерный перечень вопросов для коллективных переговоров (ст. 41—42 ТК РФ) положения о порядке взаимодействия с работниками в нерабочее время.

4. Технические и организационные меры. Как показывает опыт европейских компаний, эффективная реализация права на отключение требует не только правовых, но и технических решений: ограничение рассылки писем в ночное время, предупреждающие сообщений.

Однако, с другой стороны, при внедрении права на цифровой отдых в российское законодательство необходимо учитывать ряд факторов. Так, как отдельно отмечается в зарубежной доктрине, право на отключение не должно становится препятствием для новых, более гибких форм занятости или как-либо иначе ограничивать автономию работника, который, по собственной инициативе, может выбирать подобный ненормированный график.

С другой стороны, необходимо и чёткое разграничение права не отвечать на коммуникации в нерабочее время, что требует законодательного закрепления, и технической невозможности подобных коммуникаций, которую можно решать уже на уровне корпоративной политики.

Также важно учитывать и то, что в российских правовых реалиях особого внимания требует категория работников с ненормированным рабочим днём, для которых применение права на отключение должно иметь законодательно обоснованные исключения.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что французский и итальянский опыт представляют собой две

различные модели правового регулирования, что могут служить ориентиром для модернизации ТК РФ. Наиболее перспективным можно выделить комбинированный подход, подразумевающий общее законодательное закрепление принципа в соответствии с французским образцом с последующей его детализацией в отдельных коллективных договорах, локальных актах, а также специальное регулирование для работников дистанционного и ненормированного графика. При этом важно учитывать, что само по себе закрепление в законодательстве права на отключение — необходимый, но недостаточный шаг, поскольку требуется и системная работа по изменению корпоративной культуры, формированию у самих работодателей и работников понимания ценности личного времени каждого. Попытки такой модернизации подтверждаются и первыми отечественными инициативами: например, в октябре 2025 года депутат Московской областной Думы Лев Закиров предложил закрепить право на цифровой отдых для учителей Подмосковья[1], что свидетельствует о формировании в РФ запроса на подобное регулирование и актуальность исследуемой проблемы, что требует и дальнейшего изучения.

Научная статья
УДК 349.2:331.5

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Сергей Владимирович ЧАЮК
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
chayuk@gmail.com

Научный руководитель доцент высшей школы производственного менеджмента института промышленного менеджмента экономики и торговли Санкт-Петербургского **Инга Викторовна СКВОРЦОВА**, ingavik@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы обеспечения социальной защиты лиц, осуществляющих деятельность посредством цифровых

[1]Закиров Л. Право на цифровой отдых: депутат предложил оградить учителей от рабочих чатов в нерабочее время. URL: https://regions.ru/obrazovanie/uchitelyam-podmoskovya-mogut-zakrepit-pravo-na-tsifrovoy-otdyh (дата обращения: 27.03.2026).

платформ занятости. Рассматривается правовой статус платформенных исполнителей в свете Федерального закона от 22.07.2025 № 289-ФЗ «О платформенной экономике в Российской Федерации». Выявлены пробелы в правовом регулировании пенсионного обеспечения, страхования от несчастных случаев и иных социальных гарантий платформенных занятых. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на обеспечение баланса между гибкостью платформенной модели и социальной защищённостью исполнителей.

Ключевые слова: платформенная занятость, цифровая платформа, самозанятость, социальная защита, трудовое право, право социального обеспечения, пенсионное страхование

Развитие цифровых технологий привело к формированию нового вида экономической активности — платформенной занятости, при которой взаимодействие между исполнителем и заказчиком опосредуется цифровой платформой. К числу наиболее распространённых платформ в России относятся Яндекс.Такси, Яндекс.Еда, Delivery Club, YouDo, Profi.ru и другие. По различным оценкам, численность граждан, регулярно получающих доход через цифровые платформы, превышает 10 миллионов человек[1]. Вместе с тем правовой статус таких лиц длительное время оставался неопределённым, что порождало серьёзные проблемы в сфере их социальной защиты.

Принятие Федерального закона от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» стало важным этапом нормативного закрепления понятия платформенной занятости. Закон определил самозанятость и платформенную занятость как самостоятельные формы занятости, однако их детальное регулирование было вынесено в отдельный нормативный акт[2]. В развитие указанных положений 22 июля 2025 года был принят Федеральный закон № 289-ФЗ «О платформенной экономике в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 марта 2026 года. Данный закон впервые определил правовой статус оператора цифровой платформы занятости, исполнителя (платформенного занятого) и заказчика, установив, что отношения между ними носят гражданско-правовой, а не трудовой характер.

Квалификация отношений между платформой и исполнителем как гражданско-правовых влечёт существенные последствия для социальной защиты занятых лиц. Исполнители лишаются права на оплачиваемый отпуск, пособие по временной нетрудоспособности, компенсации при несчастных случаях на производстве и иные гарантии, предусмотренные Трудовым кодексом Российской Федерации. Как справедливо отмечает Чесалина О. В.,

[1]Синявская О. В., Бирюкова С. С., Аптекарь А. П. [и др.]. Платформенная занятость: определение и регулирование // Доклад НИУ ВШЭ. М., 2021. С. 6.

[2]Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» ст. 2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

при регулировании платформенной занятости необходимо определить социально-трудовые права, обязанности и гарантии участников данных отношений, не допуская перекоса в сторону гражданско-правового регулирования[1].

Одна из наиболее острых проблем — формирование пенсионных прав платформенных исполнителей. Лица, применяющие режим налога на профессиональный доход, не обязаны уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное страхование. Следовательно, периоды платформенной занятости не включаются в страховой стаж, что в долгосрочной перспективе может привести к снижению размера пенсии или утрате права на страховую пенсию по старости. Возможность добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию, предусмотренная статьёй 29 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», не решает проблемы в полной мере, поскольку, как показывает практика, лишь незначительная часть самозанятых граждан пользуется данной возможностью[2].

Не менее значимой является проблема ответственности за причинение вреда жизни и здоровью исполнителя в процессе оказания услуг. Отсутствие трудовых отношений исключает применение механизмов обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, установленных Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ. Савельева Е. А. обоснованно указывает, что нормативно-правовое регулирование платформенной занятости должно способствовать созданию условий для справедливого и достойного труда и устранению факторов, приводящих к неравному балансу сил между исполнителями и владельцами платформ[3].

Следует также обратить внимание на зарубежный опыт. В сентябре 2024 года парламент Сингапура принял законопроект о работниках платформ, выделив их в отдельную правовую категорию между наёмными работниками и самозанятыми и закрепив за ними ряд социальных гарантий. Европейский союз в 2024 году принял Директиву о платформенном труде, устанавливающую презумпцию трудовых отношений при наличии определённых признаков контроля со стороны платформы[4]. Российский законодатель избрал иной путь, сохранив гражданско-правовую природу отношений, что требует выработки альтернативных механизмов социальной защиты.

---

[1]Чесалина О. В. Платформенная занятость — как регулировать в трудовом кодексе // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 28.

[2]Черных Н. В. Труд самозанятых — новая ли форма нетипичной занятости // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 103.

[3]Савельева Е. А. Подходы к нормативно-правовому регулированию платформенной занятости в контексте обеспечения социально-экономической безопасности России // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3. № 4. С. 495.

[4]Новиков Д.А., Ногайлиева Ф.К. Правовое регулирование платформенной занятости в зарубежных странах и России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 52.

Для решения выявленных проблем представляется целесообразным предложить следующие меры. Во-первых, закрепить обязанность операторов цифровых платформ обеспечивать страхование исполнителей от несчастных случаев за счёт средств платформы или путём включения стоимости страхования в сервисный сбор. Во-вторых, установить механизм софинансирования пенсионных накоплений платформенных исполнителей с участием оператора платформы по аналогии с программой государственного софинансирования пенсий. В-третьих, предусмотреть минимальные социальные гарантии для лиц, для которых платформенная занятость является основным источником дохода (свыше определённого порога, например 75 % совокупного дохода), что свидетельствовало бы об экономической зависимости от платформы[1].

Таким образом, несмотря на значительный прогресс в правовом регулировании платформенной занятости, обеспечение социальной защиты исполнителей остаётся актуальной проблемой, требующей дальнейшего законодательного решения. Баланс между гибкостью платформенной модели и социальной защищённостью граждан является ключевой задачей трудового права и права социального обеспечения на современном этапе.

Научная статья
УДК

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ ГАРАНТИЙ ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ ПРИ СОКРАЩЕНИИ ШТАТА РАБОТНИКОВ

Арина Алексеевна ЮХТИНА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
aayukhtina@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции **Юлия Михайловна БОБРОВА**, j.m.bobrova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются правовые гарантии и проблемы защиты социально уязвимых категорий работников, имеющих семейные обязанности, при сокращении численности штата. В статье анализируется

[1]Зайцева Л. В. Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 218.

законодательство, в котором закреплен статус лиц с семейными обязанностями, а также особенности их реализации на практике. Проведен обзор судебных решений, выявлены пробелы в текущем законодательстве, требующие их уточнения и дополнения. Предлагаются меры по формированию единой судебной практики и уточнению понятийного аппарата для защиты прав работников с семейными обязанностями и обеспечения соблюдения конституционных принципов государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства.

Ключевые слова: работник, работодатель, лица с семейными обязанностями, сокращение, гарантии, одинокая мать, единственный кормилец, одинокий отец

В современном российском обществе вопросы защиты социально уязвимых категорий работников приобретают особую актуальность. Одной из таких категорий являются лица с семейными обязанностями — родители малолетних детей, опекуны, попечители и иные граждане, несущие ответственность за воспитание и содержание членов своей семьи.

Трудовое законодательство Российской Федерации предусматривает специальные гарантии для этой группы работников при проведении процедур сокращения численности или штата работников.

Актуальность темы обусловлена существенным разрывом между декларируемыми законодательными гарантиями и их реализацией на практике. Несмотря на наличие нормативно-правовой базы, многочисленные случаи нарушения прав работников с семейными обязанностями при сокращении фиксируются как в судебной практике, так и в обращениях в государственные инспекции труда.

Стоит отметить, что семья, равно как и человек, его права и свободы, является высшей ценностью. Конституционный принцип государственной защиты семьи, материнства и детства ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации лежит в основе механизма правового регулирования не только социально-обеспечительных, но и трудовых отношений. Поэтому очень важно соблюдение на практике гарантий прав лиц с семейными обязанностями[1].

Для начала стоит дать определение лицам с семейными обязанностями. Оно закреплено в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 №1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». Согласно пункту 2 Постановления № 1 к лицам с семейными обязанностями может быть отнесен работник, имеющий обязанности по воспитанию и развитию

[1] Корсаненковой Ю. Б. «Принцип фамильяризации в правовом регулировании социально-трудовых отношений» // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. №3. С. 39—40.

ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством (родитель, усыновитель, лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна или попечителя); другой родственник ребенка, фактически осуществляющий уход за ним, в случаях, прямо предусмотренных законом (часть вторая статьи 256 Трудового кодекса РФ); работник, имеющий обязанности в отношении других членов своей семьи, нуждающихся в установленных случаях в уходе или помощи[1].

Основные гарантии лиц с семейными обязанностями при сокращении закреплены в Трудовом кодексе РФ. Согласно статье 179 ТК РФ при равной производительности труда и квалификации предпочтение в оставлении на работе отдается: семейным - при наличии двух или более иждивенцев (нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию). Согласно статье 261 ТК РФ расторжение трудового договора с женщиной, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, с одинокой матерью, воспитывающей ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет или ребенка в возрасте до шестнадцати лет, с другим лицом, воспитывающим указанных детей без матери, с родителем (иным законным представителем ребенка), являющимся единственным кормильцем ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет либо единственным кормильцем ребенка в возрасте до трех лет в семье, воспитывающей трех и более детей в возрасте до четырнадцати лет, если другой родитель (иной законный представитель ребенка) не состоит в трудовых отношениях, по инициативе работодателя не допускается.

Проблемы при сокращении лиц с семейными обязанностями, в первую очередь, связаны с отсутствием четкого определения и критериев наличия статуса матери-одиночки, отца-одиночки, единственного кормильца в семье, а также отсутствие единой судебной практики по данным категориям споров при сокращении. Официально дано определение одинокой матери, оно закреплено в Семейном кодексе РФ и определение одинокого отца, которое закреплено в Постановлении № 1. Также определение единственного кормильца в семье в законодательстве не закреплено, прописано, только что одинокая мать относится к единственному кормильцу в семье. Единых оснований для присвоения этих категорий не установлено, но даже при прописанных основаниях возникают споры. Также возникают вопросы при решении споров с участием матерей и отцов, фактически воспитывающих ребенка одни, или фактически являющихся единственным кормильцем в семье, какой пакет документов им надо предоставить, чтобы подтвердить свой статус.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 "О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних" п. 2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Обратимся к официальному определению матери-одиночки, которое дано в законодательстве. Законодательство РФ дает статус одинокой матери только тем, у кого ребенок родился вне брака и отцовство не установлено (ст. 48 СК). Матерью-одиночкой признается женщина, родившая и воспитывающая ребенка, не состоящая в браке, если нет совместного заявления родителей об установлении отцовства при регистрации ребенка в органах ЗАГС. В книге записей рождения фамилия отца записывается по фамилии матери, имя, отчество отца ребенка - по ее указанию. То есть у ребенка матери-одиночки в свидетельстве о рождении в графе «Отец» стоит прочерк либо сведения об отце занесены с ее слов. При этом матери выдается справка по особой форме (форма № 25), подтверждающая статус матери-одиночки. Более подробно основания для присвоения женщине статуса «одинокая мать» выглядят так:

если в свидетельстве о рождении в графе «Отец» стоит прочерк;

когда мать не представила заявление в ЗАГС на фиксацию отцовства;

мать усыновила малыша, не будучи в браке;

если мужчина оспорил свое отцовство на основании генетической экспертизы, что было

засвидетельствовано в суде;

когда роды произошли после 300 дней с момента развода (в противном случае по умолчанию отцом ребенка признается законный супруг).

в случае усыновления, когда мать находилась в браке, но муж отказался принимать на себя данные обязательства[1].

Теперь обратимся к официальному определению отца одиночки. Согласно пункту 2 Постановления № 1 к лицам, воспитывающим детей без матери, может быть отнесен отец, лицо, наделенное правами и обязанностями опекуна (попечителя) несовершеннолетнего, в случае, если мать ребенка умерла, лишена родительских прав, ограничена в родительских правах, признана безвестно отсутствующей, недееспособной (ограниченно дееспособной), по состоянию здоровья не может лично воспитывать и содержать ребенка, отбывает наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей или от защиты их прав и интересов либо отказалась взять своего ребенка из образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, или аналогичной организации, в иных ситуациях[2]. Рассмотрев определения одинокой матери и одинокого отца, можно сравнить данные поня-

[1] Новикова Е. Преимущественное право на оставление на работе при сокращении штата сотрудников // Трудовое право. 2019. №4. URL: https://urfac.ru/?p=2062 (дата обращения: 21.03.2026).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» п. 2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тия. При сравнении получается, что обстоятельства, при которых отец признается одиноким шире, чем у одинокой матери. Например, отец признается одиноким, если мать лишена родительских прав или уклоняется от воспитания детей, но данные обстоятельства не распространяются на одинокую мать, хотя логически должны, так как они равны в статусе, как родители. Поэтому стоит дополнить список критериев для одинокой матери теми, что закреплены для одинокого отца, но не прописаны до сих пор для нее.

Проблемы применения гарантий лиц с семейными обязанностями при сокращении штата работников особенно заметны в судебной практике. Там особо видны проблемы толкования каждым судом по-своему определений одинокой матери и отца, а также проблема отсутствия закрепления четких критериев для данных категорий, а также для единственного кормильца в семье. Рассмотрим несколько примеров из судебной практики. Например, рассмотрим определение от 27 января 2025 № 88–1106/2025 первого кассационного суда общей юрисдикции. В данном споре возникла проблема толкования статуса матери-одиночки. Истец была уволена в связи с сокращением штата или численности работников организации. Истец подала в суд и судом первой инстанции было установлено, что работодателем была нарушена процедура увольнения, не был учтен статус матери-одиночки, истец одна осуществляла воспитание и содержание несовершеннолетнего ребенка, не достигшей возраста 14 лет. Позже апелляция признала решение суда первой инстанции незаконным и пришла к мнению, что истец не является матерью-одиночкой поскольку раньше истец состояла в браке с отцом ребенка, суд отметил, что с отца взыскиваются алименты на содержание общего ребенка. Данных о лишении отца родительских прав, задолженности по алиментам не было предоставлено. Кассационная инстанция поддержала доводы апелляционной инстанции[1].

Рассмотрим еще одно определение от 15 мая 2023 первого кассационного суда общей юрисдикции №88–14543/2023. Согласно определению истец, был уволен по сокращению численности или штата работников, суд первой инстанции признал увольнение незаконным, поскольку С. А. является единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по содержанию и воспитанию двоих несовершеннолетних детей. Апелляция согласилась с доводами первой инстанции и сославшись на пункт второй Постановление №1 и пришла к выводу, что действующее законодательство не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств, свидетельствующих о воспитании ребенка без участия матери. Также суд учел представленные доказательства, в частности, заявление С. А., уведомляв-

[1] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2025 № 88–1106/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шего работодателя о нахождении на его полном содержании несовершеннолетних детей, сведения о расторжении брака между истцом и матерью детей, данные о фактическом проживании детей с отцом, приказ работодателя об изменении С. А. режима рабочего времени, в связи с необходимостью сопровождения ребенка в художественную школу, сведения из учебного заведения об исполнении родительских обязанностей только С. А. Кассационная инстанция пришла к выводу, что расторжение брака между родителями, их раздельное проживание само по себе не подтверждает обстоятельства, являющиеся основанием для отнесения истца к категории, одинокий отец, а доказательства, представленные истцом, также не подтверждают его статуса отца-одиночки[1].

Из этих 2 примеров судебной практики можно сделать вывод, что единой практики по данным спорам нет, каждый суд и инстанция приходят к разным решениям и аргументируют их по-разному. Четкого перечня необходимых документов для подтверждения статуса нет, особенно если человек фактически имеет основания для данного статуса. Если в одном из решений ссылались на необходимость предоставления документов о неуплате алиментов, то во втором примере данный документ считался недостаточным для подтверждения статуса одинокого родителя. На данный момент таких судебных споров много, чаще всего они проходят все инстанции, много обращений по данному поводу в трудовую инспекцию и профсоюзы. Для решения данной проблемы необходимо дополнить понятийный аппарат Трудового кодекса определением единственный кормилец в семье. Единственный кормилец в семье — гражданин, имеющий самостоятельный регулярный доход, на иждивении которого находится один или более несовершеннолетних детей, при условии, что иные совершеннолетние трудоспособные члены семьи, обязанные по закону их содержать, отсутствуют либо не имеют постоянного регулярного дохода. Также закрепить весь перечень оснований для присвоения данного статуса, и необходимо уравнять обстоятельства, при которых присуждается статус одинокой матери и одинокого отца с учетом меняющейся экономической обстановки и новых форм заработка. Кроме того, стоит обратить внимание на такие категории, как родители, которые фактически являются одинокой матерью, одиноким отцом или единственным кормильцем в семье, на них должны распространяться гарантии, как на лиц с семейными обязанностями, ведь в первую очередь, здесь стоит вопрос о защите ребенка. Для лиц фактически воспитывающих детей в одиночку и являющихся единственными кормильцами должен быть закреплен в законодательстве четкий перечень документов для подтвержде-

[1] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.09.2024 №88–27077/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния данного статуса, чтобы судьи при рассмотрении данных трудовых споров могли руководствоваться данным перечнем документов и им не приходилось прибегать к толкованию закона. Также необходима единая судебная практика, на которую в случае сложных споров будут опираться судьи, например единой обзор судебной практики по данному вопросу Верховного суда РФ. Данные изменения законодательства помогут восполнить пробелы в законодательстве, исключить разрозненность в судебной практике и защитить как права работника и его детей, так и работодателя от злоупотребления работником данным статусом.

Научная статья
УДК 349.2

ТРАВМЫ ПРИ РЕЗКОМ УХУДШЕНИИ ЗДОРОВЬЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Анастасия Романовна ЯКОВЕНКО
Казанский филиал «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева», Казань, Россия
nastya.yakvenko01@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», **Анарина Радиковна ФАТЫХОВА**, anarinkka@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос правовой квалификации травм, полученных работником при резком ухудшении состоянии здоровья на рабочем месте. Анализируются критерии отнесения таких случаев к несчастным случаям на производстве, а также существующие подходы судебной практики. Особое внимание уделяется проблеме разграничения производственных и непроизводственных причин вреда здоровью.

Ключевые слова: несчастный случай на производстве, трудовое право, производственное травма, состояние здоровья, расследование несчастных случаев, юридическая квалификация, судебная практика.

В процессе трудовой деятельности работники могут не только сталкиваться с производственными факторами риска, но испытывать внезапное ухудшение состояние здоровья, не связанное напрямую с условиями труда. В данном случае возникает важный юридический вопрос: следует ли рассматривать травму, вызванную резким ухудшением состояния здоровья на

рабочем месте, как несчастный случай на производстве или же она имеет иную правовую природу. Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку от правильной квалификации зависит объем гарантий и компенсаций, предоставляемых работнику.

Согласно трудовому законодательству (ст. 227 ТК РФ), несчастным случаем на производстве признается событие, в результате которого работник получил повреждение здоровья при исполнении трудовых обязанностей или в связи с ними[1]. В то же время ключевым моментом является то, что существует причинно-следственная связь между выполнением работы и наступившими последствиями. В случае травм, вызванных внутренним причинами (такими как болезнь или физическое состояние работников) этот стандарт создает небольшие трудности.

Резкое ухудшение состояние здоровья может проявляться в различных формах: обморок сердечный приступ инсульт и иные состояния. В подобных ситуациях работник может получить траву, например, при падении. Формально такого рода травмы происходят на рабочем месте и в рабочее время, что может создавать основания для признания её несчастным случаем на производстве[2]. Однако этого недостаточно для окончательной квалификации.

В правоприменительной практике используется подход, согласно которому решающим является не сам факт нахождения на рабочем месте, а наличие производственного фактора, повлиявшего на наступление вреда. Если ухудшение здоровья произошло исключительно по внутренним причинам, не связанным с условиями труда, такой случай, как правило, не признается производственным. Например, если работник потерял сознание из-за хронического заболевания, не связанного с условиями труда, упал и в результате чего получил травму. Данный инцидент не признается несчастным случаем на производстве, если не будет установлено причинно-следственная связь между травмой и производственной деятельностью.

Следует отметить, что могут возникнуть такие ситуации, когда внешние условия труда могут способствовать ухудшению здоровья и спровоцировать обострение хронического заболевания, при котором работник потерял сознание и получил травму. В данной ситуации связь с производственной деятельностью может быть установлена и такой случай подлежит признанию несчастным случаем на производстве[3].

---

[1]«Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) ст. 227 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Производственная травма и производственный травматизм: явление и сущность, случайность и закономерность / В. Б. Артемьев, В. В. Лисовский, И. Л. Кравчук [и др.]. – Текст непосредственный // Уголь. 2020. № 5 (1130). С. 4—11.

[3]Быстров Е.Н. Производственный травматизм: учебное пособие / Е. Н. Быстров. – Санкт-Петербург: ПГУПС, 2017. 50 с. ISBN 978-5-7641-1094-3. Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. URL: https://e.lanbook.com/book/111743 (дата обращения: 12.02.2021).

Процедура расследования в таких случаях имеет ключевое значение, поскольку именно от её полноты и объективности зависит будет ли инцидент признан несчастным случаем на производстве или нет. Согласно ТК РФ (ст. 229—229.3) и Положению особенностях расследования, утверждённому Приказом Минтруда России от 20.04.2022 г. № 223н, работодатель обязан организовать расследование незамедлительно после получения информации о происшествии[1]. В ходе расследования могут использоваться медицинские заключения, показания свидетелей и иные доказательства. Именно результаты расследования являются основанием для принятия решения о квалификации события.

Анализ судебной практики показывает, что суды, как правило, исходят из необходимости установления причинно-следственной связи между трудовой деятельностью и наступившими последствиями. Так, в ряде дел суды отказывали в признании несчастного случая производственным, если было доказано, что ухудшение здоровья произошло вследствие общего заболевания, не связанного с условиями труда (например, Апелляционное определение ВС Чувашской Республики от 26.07.2017 по делу № 33-3840/2017)[2]. Одновременно имеются решения, в которых суды признавали такие случаи производственными, если условия работы способствовали ухудшению состояния работника или усугубили последствия (Постановление ФАС Московского округа от 04.08.2014 №Ф05-8034/2014 по делу №А40-154177/13-59-1264)[3].

Сложность правовой квалификации подобных ситуаций заключается в том, что граница между производственными и непроизводственными причинами часто носят оценочный характер. Одни и те же обстоятельства могут по-разному интерпретироваться в зависимости от представленных доказательств. Это приводит к неоднозначности в правоприменительной практике и повышает значимость тщательного расследования каждого конкретного случая.

Кроме того, ситуация усложняется из-за различия в интересах всех сторон. Для работников признание несчастным случаем на производстве является способом получения страховки, компенсации и льгот. Работодатели же могут быть заинтересованы квалификации несчастных случаев на производстве, как бытовое, чтобы минимизировтаь финансовые и административные последствия. В этом случае особенно важны объективность расследования,

---

[1]Приказ Минтруда России от 20.04.2022 № 223н (ред. от 25.04.2024) "Об утверждении Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, форм документов, соответствующих классификаторов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве" (Зарегистрировано в Минюсте России 01.06.2022 № 68673).

[2]Апелляционное определение ВС Чувашской Республики от 26.07.2017 по делу №33-3840/2017 // СПС «Гарант».

[3]Постановление ФАС Московского округа от 4 августа 2014 года № Ф05-8034/2014 по делу №А40-154177/13-59-1264 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

участие независимых экспертов и возможность судебного пересмотра, которые служит гарантией справедливости и защиты прав пострадавшего.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что травмы полученные во время резкого ухудшения состояния здоровья на рабочем месте, не могут быть автоматически признаны несчастным случаем на производстве. Их квалификация зависит от того, связано ли они с трудовой деятельностью и условиями труда. Одного только факта нахождения на рабочем месте недостаточно, чтобы признать несчастный случай производственным.

Правовая квалификация травм, которые получены в результате резкого ухудшения состояния здоровья на рабочем месте, требует обязательного установления причинно-следственной связи между инцидентом и трудовой деятельностью работника. Ключевой сложностью является разграничение внутренних факторов (состояние здоровья, хронические заболевания) и внешних обстоятельств (условия труда, производственные риски), которые могут повлиять на возникновение вреда. Отсутствие чётких законодательных критериев и единых подходов приводит к неоднозначности судебной практики, что, в свою очередь, порождает конфликты между работником и работодателем. В этом случае особенно важно провести объективное и всестороннее расследование обстоятельств произошедшего. Необходимо сформулировать единую правоприменительную практику для обеспечения справедливости рассмотрения подобных дел и защиты прав обеих сторон.

VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 343.3

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Эльдар Натик оглы АГАСЫБЕКОВ[1], Милена Александровна ТИЩЕНКО[2]
[1,2] Саратовская государственная юридическая академия Институт правоохранительной деятельности, Саратов, Россия
[1] Eldaragasbekov89@gmail.com
[2] Krolik05.06@mail.ru

Научный руководитель доцент, кандидат юридических наук, доцент **Елена Валерьевна ПОНОМАРЕНКО** pomomarenko@mail.ru

Аннотация. В представленной статье исследуются актуальные проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений террористического характера в Российской Федерации. Авторами анализируются противоречия между нормами Уголовного кодекса, федеральным законодательством и судебной практикой, уделяя особое внимание объективным и субъективным признакам террористического акта. На основе проведенного исследования формулируются практические предложения по совершенствованию уголовного законодательства с целью устранения правовых пробелов и обеспечения справедливого правоприменения.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, квалификация преступлений, уголовное законодательство, правоприменительная практика

Современный этап развития уголовного законодательства в сфере обеспечения общественной безопасности характеризуется тенденцией к ужесточению ответственности и расширению перечня деяний, подпадающих под категорию преступлений террористической направленности. Вместе с тем, правоприменительная деятельность сталкивается с серьезными концептуальными и технико-юридическими трудностями, обусловленными несовершенством нормативной базы. Как справедливо отмечается в юридической доктрине, в Уголовном кодексе Российской Федерации нормы о террористических преступлениях разбросаны по разным разделам: против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти, а также против мира и безопасности человечества. Подобная децентрализация порождает несогласованность понятийного аппарата, когда термины «терроризм» и «террористическая деятельность», используемые в статьях 205.1, 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), вступают в смысловое противоречие с дефинициями базового Федерального закона «О противодействии терроризму». Представляется объективно необходимым консолидировать указанные нормы в рамках единой главы уголовного закона, что позволит привести отечественное правовое поле в соответствие с международными стандартами и исключить расширительное толкование диспозиций на практике [1].

Особого внимания заслуживают проблемы квалификации основного состава рассматриваемой группы — террористического акта, ответственность за который предусмотрена статьей 205 УК РФ. Анализ объективной стороны данного деяния обнажает коллизии при правовой оценке способов его совершения, в частности, такого действия, как поджог. Высочайшим уровнем дискуссионности до сих пор обладает данный способ совершения

[1]Кочои С. М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ // LexRussica. 2014. № 9. Том 94. С. 1064.

акта терроризма, поскольку на законодательном уровне отсутствует юридико-техническое закрепление рассматриваемой дефиниции применительно к целям статьи 205 УК РФ. Кроме того, серьезные трудности у правоприменителя вызывает оценка «иных действий», устрашающих население, которые должны обладать признаком безусловной общеопасности. Отдельного внимания в структуре преступлений террористической направленности заслуживает правоприменительная практика по статье 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма). На практике суды сталкиваются с тем, что субъективная сторона таких деяний зачастую продиктована не реальными террористическими целями, а хулиганскими побуждениями или бытовыми конфликтами, однако объективные последствия в виде парализации работы социальных объектов и отвлечения спецслужб требуют строгой квалификации. Так, показательным является приговор Новгородского районного суда от 20 июля 2020 года по делу № 1-335/2020. Суд квалифицировал по ч. 2 ст. 207 УК РФ действия гражданина, который, находясь в электричке, из мести сотруднику охраны вокзала позвонил в экстренную службу и сообщил ложную информацию о заложенной бомбе. В результате этих действий была проведена масштабная эвакуация пассажиров с железнодорожного вокзала, а также были привлечены значительные силы МВД, Росгвардии и МЧС. Несмотря на смягчающие обстоятельства (пенсионный возраст, инвалидность и явка с повинной), которые позволили назначить условное наказание (ст. 73 УК РФ), суд в полном объеме удовлетворил гражданские иски правоохранительных органов о возмещении материального ущерба за ложные выезды следственно-оперативных групп. Подобные примеры показывают, что даже при отсутствии реальной террористической угрозы законодатель и правоприменитель жестко реагируют на посягательства, дестабилизирующие общественную безопасность, возлагая на виновных всю полноту материальной ответственности. Отсутствие четких критериев разграничения террористического акта и смежных преступлений, таких как умышленное уничтожение имущества (статья 167 УК РФ) или диверсия (статья 281 УК РФ), требует от судебных инстанций тщательного исследования не только объективных последствий, но и субъективной направленности деяния на дестабилизацию деятельности органов власти.[1]

Существенные противоречия выявляются и при оценке тяжести наступивших последствий террористического акта, а также приравнивании законодателем угрозы совершения деяния к оконченному преступлению. Оконченное деяние характеризуется фактическим наступлением общественно опасных последствий, тогда как угроза совершения такого деяния является

[1]Пронина М. П. Актуальные проблемы правоприменительной практики при квалификации преступлений террористической направленности // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 4. Т. 38. С. 145.

лишь выражением намерения, которое может и не привести к реальным действиям. Установление одинаковых пределов санкций за угрозу и за фактически совершенный взрыв вступает в конфликт с фундаментальным принципом справедливости уголовного наказания. Не менее парадоксальной выглядит ситуация с квалификацией террористического акта, повлекшего умышленное причинение смерти человеку (часть 3 статьи 205 УК РФ). Судебная практика, опираясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, зачастую исключает дополнительную квалификацию по статье 105 УК РФ (убийство), что приводит к поглощению посягательства на высшую ценность — жизнь человека — посягательством на общественную безопасность. Логичным шагом для разрешения данной проблемы видится исключение признака причинения смерти из статьи 205 УК РФ и введение соответствующего квалифицирующего признака (убийство, сопряженное с террористическим актом) непосредственно в норму об умышленном лишении жизни.[1]

Значительный пласт проблем правоприменения связан с новеллами уголовного законодательства, предусматривающими ответственность за содействие террористической деятельности и несообщение о преступлении (статьи 205.1 и 205.6 УК РФ). Статья 205.6 УК РФ закрепляет ответственность за пассивное поведение лица, то есть деяние выражается в форме бездействия при наличии достоверно известных сведений о готовящемся или совершенном преступлении. Однако на практике возникает тонкая грань между недоносительством, ненаказуемым укрывательством и пособничеством терроризму. Одновременно с этим, при квалификации действий лиц, вовлекающих в террористическую деятельность несовершеннолетних, возникает конкуренция между статьей 205.1 УК РФ и статьей 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления). Неопределенность в вопросе о том, какая из данных норм обладает приоритетом как специальная, порождает следственные ошибки и требует скорейшего принятия разъяснений на уровне высшей судебной инстанции.[2]

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что процесс трансформации уголовного законодательства о противодействии терроризму не успевает за эволюцией самих криминальных угроз. В частности, в российском уголовном законодательстве отсутствует отдельный состав, посвященный терроризму в информационном пространстве, а существующая статья 274.1 УК РФ о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру не охватывает всех аспектов кибертерроризма. Преодоление описанных коллизий и пробелов возможно лишь путем системного пересмотра главы 24 УК РФ, исключения чрезмерно широкого толкования

[1]Раджабов Ш. Р., Гаджиев М. Г. Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористические акты // Право и управление. 2024. № 10. Том 1. С. 198.

[2]Маякова А. С., Шелепова С. А. Борьба с терроризмом: новое в российском уголовном законодательстве // Социально-политические науки. 2017. № 5. Том 1. С. 149.

терминов и детальной проработки правил квалификации по совокупности преступлений. Только научно обоснованный и взвешенный подход к конструированию уголовно-правовых норм позволит обеспечить баланс между необходимостью жесткой защиты государственной безопасности и соблюдением законных прав личности в уголовном судопроизводстве.[1]

Научная статья
УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ СТАТЬИ 282 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Павлович АЛЕКСЕЕВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
king-13.01@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Юлия Владимировна МОРОЗОВА,** 89516539943yuliya-morozova@inbox.ru

Аннотация. Большинство изменений в жизни общества сопровождается корректировкой внутренней политики государства, одной из составляющих которой является уголовная политика. Под воздействием различных обстоятельств, определяющих вектор развития общественных отношений, возникает потребность в осуществлении криминализации и декриминализации — основных способов уголовной политики. Юридическое закрепление их результатов происходит посредством внесения изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации. В своей статье автор анализирует вопрос, связанный с возможной декриминализацией п. «а» ч. 1 ст. 282 УК в части административной преюдиции, через призму критериев «общественная опасность» и «экономия уголовной репрессии». На основе изучения правоприменительной практики, соответствующей научной и нормативной литературы автор делает представляющий интерес вывод.

Ключевые слова: Криминализация, декриминализация, общественная опасность, экстремизм, ненависть, вражда, унижение человеческого достоинства, административная преюдиция

[1]Прудникова К. К., Бондаренко Н. А. Терроризм в эпоху информационных технологий // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 2. Том 19. С. 77—78.

Вопрос о границах уголовно-правового принуждения неизменно остаётся одним из наиболее дискуссионных в доктрине уголовного права. Криминализация представляет собой не просто признания преступлением определённых деяний и установление за их совершения уголовной ответственности, но и сложный механизм балансирования между необходимостью обусловленной защиты охраняемых общественных отношений и риском репрессивного ограничения прав личности. Потребность в криминализации возникает в связи с существованием или появлением в обществе новых видов общественно опасных деяний, противодействие которым невозможно без уголовно-правовых мер. В этом контексте интересным для рассмотрения представляется п. «а» ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ[1]), т. к. в 2018 году данный состав преступления претерпел немаловажные изменения, став преюдиционным. При этом в 2025 году с принятием Федерального Закона от 24.06.2025 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации»[2] был ужесточён порядок привлечения к уголовной ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Такая непоследовательность законодателя показывает надобность в разрешении противоречий, связанных с п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ. Актуальность темы подтверждается также тем, что с началом Специальной Военной Операции число приговоров по статьям экстремисткой направленности значительно выросло.

В доктрине уголовного права нет единого подхода к пониманию процессов криминализации и декриминализации деяния. По мнению А. В. Наумова, под криминализацией следует понимать «законодательное признание определённых деяний преступными и наказуемыми, то есть установление за их совершение уголовной ответственности»[3]. Декриминализация же, по мнению учёного, «процесс, обратный криминализации, состоит в исключении уголовной ответственности и наказания за деяния, ранее признаваемые как общественно опасные, преступные»[4]. К тому же, с точки зрения С. В. Проценко, «декриминализация может осуществляться в двух формах: исключение уголовной наказуемости деяния сопровождается либо признанием такого поведения правомерным, непорицаемым, либо переводом

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ: текст с изм. и доп. на 20 февраля 2026 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 г. № 173-ФЗ. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Наумов А. В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. №3.

[4]Там же.

его в разряд административного правонарушения, дисциплинарного проступка или гражданско-правового деликта»[1].

Не менее дискуссионным остаётся вопрос об определении критериев этих механизмов. В. Н. Кудрявцев выделял три фундаментальных критерия принятия законодательного решения об установлении уголовно-правового запрета либо его отмене: «необходимость, допустимость и реальная возможность»[2]. Такое ранжирование фактически является тремя стадиями принятия решения. Необходимость — это выявление социальной значимости того вида поведения, к которому должна применяться законодательная регламентация. Допустимость идёт в противовес необходимости, представляя собой наличие смысловой составляющей. Третьей стадией служит реальная возможность (практическая осуществимость), то есть вероятность осуществления в действительности. Критерии допустимости и реальной возможности складываются в один общий критерий — целесообразность. Некоторые авторы уверены, что «единственным основанием является общественная опасность деяния, причиняющего или способного причинить существенный вред охраняемым отношениям, а другие факторы носят факультативный характер»[3]. Другие же исследователи, например, выделяют развёрнутую систему принципов, включающую помимо общественной опасности, такие требования как «относительная распространённость деяния, соответствие нормам международного права и Конституции РФ, учёт возможностей уголовной юстиции, а также экономия мер уголовной репрессии»[4]. Поэтому, на наш взгляд, помимо критерия общественной опасности, следует пользоваться таким ключевым параметром криминализации и декриминализации, как наличие нарушения принципа экономии уголовной репрессии, который возможно верифицировать через сравнительный статистический анализ количества приговоров по п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ и постановлений по 20.3.1 КоАП РФ.

Начнём рассмотрение с критерия общественной опасности. Общественная опасность — «это материальный признак преступления. Имманентное свойство (качество) преступления, связанное с тем, что оно причи-

---

[1]Проценко С. В. О декриминализации деяний в сфере безопасного функционирования транспорта, повлекших по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека // Рос. следователь. 2008. № 18.

[2]В. Н. Кудрявцев. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. №4 (100).

[3] Маслов В. А. Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации) // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 78.

[4]Прысь Е. В., Митюкова Ю. А. Принципы криминализации и декриминализации деяний в экономической сфере (криминологический и гражданско-правовой аспекты) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №2 (32).

няет или способно причинить существенный вред общественным отношениям, охраняемых уголовным законом»[1]. Именно общественная опасность закладывается в основу понятия преступления, характеризуя его социальную природу. Но есть и другие мнения на этот счёт. Например, Ю. И. Ляпунов определяет «уголовно-правовую общественную опасность как определённое объективное антисоциальное состояние деяния, которое обуславливается всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков, и, которое, соответственно, заключает в себе возможность причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, поставленным под охрану закона»[2]. На наш взгляд, такое толкование не раскрывает специфику преступления как вида правонарушения, поскольку данная дефиниция может быть применена ко многим видам правонарушений. Исходя из написанного ранее, сущность общественной опасности раскрывается через её два признака: характер (качественный) и степень (количественный). Характер общественной опасности преступления определяется направленностью деяния на ценности, охраняемые уголовным законом, и вредом, причиняемым этим деянием. Степень общественной опасности преступления определяется с учётом характера и тяжести наступивших последствий; способа совершения преступления; роли лица в преступлении, совершённом в соучастии; вида умысла или неосторожности; обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, которые относятся к совершённому преступлению.

Анализируя ст. 282 УК РФ, считаем нужным сказать, что характер общественной опасности определяется непосредственным объектом данного состава преступления — общественными отношениями, складывающимися по поводу охраны конституционного строя, политической системы и безопасности РФ, прав и свобод человека и гражданина. Вред, причиняемый указанным общественным отношениям, на первый взгляд имеет высокое значение. Но на самом деле данный вред не является верифицируемым, потому что носит исключительно оценочные свойства. Как указывал ещё Н. С. Таганцев, «уголовное право должно охранять реальные блага, а не абстрактные чувства»[3]. Даже в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[4] (далее — ПП ВС РФ № 11) не приводится примеров конкретных действий, которые могут быть направлены на

---

[1]Уголовное право. Общая часть : учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, Ю. В. Морозова, А. Н. Попов, П. В. Федышина, Р. Д. Шарапов ; под ред. А. Н. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019 76 с.

[2]Ю. И. Ляпунов. Категория общественной опасности как универсальная категория уголовного права. М., 1989. С. 40.

[3] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1. С. 50.

[4]О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Говоря же про степень общественной опасности ст. 282 УК РФ, способом совершения преступления в большинстве случаев является вербальный или текстуальный акт, не сопряжённый с насилием или призывом к конкретным насильственным действиям. Всё сводится к интерпретации используемых языковых конструкций, которые можно трактовать на своё усмотрение. Стоит также сказать про субъективную сторону анализируемого деяния: согласно ПП ВС РФ № 11 действия лица должны характеризоваться прямым умыслом. В том числе факультативным признаком выступает специальная цель — возбудить ненависть либо вражду, а равно унижение человеческого достоинства. Как отмечает Б. А. Борисов, «в правоприменительной практике могут возникнуть проблемы, когда лицо изначально не имело умысла на возбуждение ненависти или вражды, но его неумышленные действия понимаются как приведшие к предполагаемому результату, то есть возбудившими такие ненависть или вражду по социально идентифицирующим признакам»[1]. Таким образом, лицо не предвидит неизбежность или реальную возможность наступления последствий деяния и не желает наступления последствий, поэтому общественная опасность деяния, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ, является низкой.

В подтверждение аргумента про незначительную общественную опасность стоит рассмотреть судебную практику по данному аспекту. Дело студента Евгения Корта является в этом смысле показательным[2]. Лицо «сохранило» цифровое изображение, на котором известный националист Максим «Тесак» Марцинкевич прижимает к стене персонажа, фенотипически похожего на А. С. Пушкина, и выкрикивает оскорбление с национальным подтекстом, на своей странице в социальной сети «ВКонтакте». Сам обвиняемый утверждал, что «сохранил» фотографию без какого–либо умысла, никак изображение не комментировал. Зеленоградский районный суд признал Евгения Корта виновным по п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ и приговорил к одному году лишения свободы в колонии-поселении. Апелляционная инстанция посчитала приговор «излишне жестоким», заменив первоначальный вид наказания на штраф в размере 200000 рублей. Президиум Московского городского суда отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение. Зеленоградский районный суд не обнаружил в действиях лица состава преступления и оправдал. Немаловажной является позиция на тот момент заместителя Председателя Верховного Суда РФ Владимира Давыдова, который указал, что в приговоре, вынесенном первой инстанцией, не приведено доказательств того, что Корт действовал с прямым умыслом на унижение группы

[1]Б. А. Борисов. Проблемы трактовки и правоприменения статьи 282 УК РФ// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 1 (104). С. 80.

[2]Судебное разбирательство по делу Евгения Корта.
URL: https://pravo.ru/news/207894/ (дата обращения: 04.04.2026).

лиц по национальному признаку (то есть отсутствовала специальная цель, предусмотренная ст. 282 УК РФ). В результате, одно и то же действие за несколько лет получило три разные правовые оценки.

Ранее мы уже говорили, что с 2018 года рассматриваемый нами состав преступления получил признак административной преюдиции. Исходя из этого, следует провести анализ правоприменительной статистики по количеству приговоров по п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ и постановлений по ст. 20.3.1 КоАП РФ. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ с 2019 г. по 2023 г. показывают ситуацию, при которой за данный период число лиц, привлечённых к административной ответственности, составило в среднем 4200 человек[1]. А количество обвинительных приговоров по п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ за аналогичный период не превышает 100—150[2]. Другими словами, административная практика по своему объёму превышает уголовную примерно в 20 раз. По нашему мнению, это свидетельствует о нарушении принципа экономии уголовной репрессии, который нашёл своё отражение в науке. С точки зрения В. М. Степашина, «идея экономии репрессии имеет самостоятельное значение, не сводимое к содержанию других принципов»[3]. Суть заключается в ограниченном круге благ, защищаемых уголовным правом, и при умеренном подходе к применению норм уголовного права. Из этого следует, что правоприменитель должен выбирать наименее строгую меру воздействия, которая будет достаточна для целей правового регулирования. Этот постулат приобретает особое значение в контексте административной преюдиции. Конструирование преступлений с использованием административной преюдиции предоставляет законодателям возможность осуществлять «мягкую» криминализацию, то есть придерживаться указанного принципа. Однако в случае п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ эта возможность не реализуется. Вопреки идее «мягкой» криминализации, нынешняя конструкция даёт эффект прямо противоположный принципу экономии уголовных репрессий. Приведенная выше статистика показывает, что административного наказания по статье 20.3.1 КоАП РФ достаточно для лиц, его получивших. В такой ситуации сохранение уголовной ответственности за повторные правонарушения является не «мягкой» криминализацией, а скорее крайней репрессией, которая лишена криминологического обоснования. Таким образом, приведенные статистические данные в сочетании с фундаментальным доктринальным принципом экономии уголовной репрессии позволяют сделать вывод, что п «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ противо-

[1]Судебный департамент при Верховном Суде РФ.
URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 04.04.2026).
[2]Там же.
[3]В. М. Степашин. Принцип экономии репрессии и принцип целесообразности // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. №4 (53).

речит рассматриваемой концепции. Фактически уголовный закон затрагивает общественные отношения, в которых административные меры уже показали свою эффективность.

В заключении всему вышенаписанному, по нашему мнению, п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ нуждается в частичной декриминализации в аспекте наличия административного наказания за аналогичное деяние. Общественной опасность действий имеет низкое значение, что видно на примере деконструкции характера и степени указанного признака преступления. Вред является незначительным, ведь носит исключительно оценочное свойство. Судебное заседание в отношении Евгения Корта является в этом контексте показательным. Степень общественной опасности определяется трактовкой правоприменителем языковых оборотов и текстуальных выражений. Касательно принципа экономии уголовной репрессии, можно утверждать, что анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ показал значительное превышение объёма административной практики перед уголовной. Это указывает на то, что подавляющее большинство деяний успешно пресекается административным воздействием, поэтому и существование п. «а» в ч. 1 ст. 282 УК РФ не имеет смысла.

Научная статья
УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ, ОБЯЗАННЫМИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ЗАБОТУ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И (ИЛИ) ИХ ЗАЩИТУ

Александра Николаевна ГАВРИЛИДИ[1], Елизавета Андреевна БАЛАБАЕВА[2]
[1,2] Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
[1] gavrilidian148@mgpu.ru
[2] balabaevaea407@mgpu.ru

Научный руководитель доцент департамента права Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент **Рита Суреновна ДАНЕЛЯН**, danelyanrs@mgpu.ru

Аннотация. Настоящая работа направлена на исследование одной из наиболее острых проблем — сексуального насилия, совершаемого в отно-

шении детей со стороны родителей, близких родственников и опекунов. Актуальность темы подчеркивается недостаточностью действующих уголовно-правовых норм для дифференциации и усиления ответственности за подобные деяния, совершаемые в семейной среде. Основная задача данного исследования заключается в формировании рекомендаций, направленных на дополнение статей Уголовного кодекса РФ о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности. Основной тезис заключается в законодательном закреплении семейного статуса преступника как отягчающего обстоятельства, влекущего более строгую санкцию.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, сексуальное насилие, семья, законные интересы

Несовершеннолетние в силу небольшого жизненного опыта, беззащитности и доверчивости, непонимания совершаемых с ними действий довольно легко могут стать жертвами сексуального насилия[1]. При этом значительная часть таких деяний осуществляется не посторонними лицами, а членами семьи, родителями или опекунами. Сексуальное насилие над ребёнком чаще всего происходит со стороны знакомых ему людей, в частности, складываются ситуации, когда насильником становятся самые важные и близкие люди для ребёнка — родители или близкие родственники.

Жертва семейного насилия, будучи ребенком, испытывает ужас, смятение, позор и беспомощность. Нередко она возлагает вину на себя, считая себя источником произошедшего. Подобные травмы не только вызывают глубокий стресс и могут привести к стойким психическим расстройствам, но и нарушают естественный процесс физиологического и психосоциального развития личности.

В соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Данная норма предполагает создание эффективных механизмов обеспечения безопасности детей, включая защиту от любых форм физического и психологического давления, посредством установления как административной, так и уголовной ответственности. Сексуальные посягательства внутри семьи подрывают основы самого института семьи как социальной ценности.

Согласно отчёту Генпрокуратуры 2022 г., количество преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолених в период с 2010—2021 гг. возросло на 44 % (с 9524 в 2010 году до 16887 в 2021 году). При этом, более 50 % таких преступлений совершаются знакомым ребёнку

[1] Ярошенко О. Н. Защита прав несовершеннолетних от сексуального насилия: реализация положений статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации в судебной практике // Евразийская адвокатура. 2024. №3 (68). С. 74—79.

лицом, каждое пятое — членами семьи, 11 % — родителями (законными представителями)[1].

Общая тенденция роста числа регистрируемых деяний, предусмотренных главой 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», подтверждается официальной статистикой (см. таблицу 1).

Таблица 1. Количество зарегистрированных преступлений по главе 18 Уголовного кодекса РФ[2].

Количество зафиксированных преступлений по главе 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности»	Год			
	2021	2022	2023	2024
Ст. 131-135 УК РФ	7057	7603	8228	7944
Ст. 131 ч. 1 Изнасилование	643	617	669	552
Ст. 131 ч. 2 Изнасилование при отягчающих обстоятельствах	466	448	424	386
Ст. 131 ч. 3-5 Изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах	485	576	656	660
Ст. 132 Насильственные действия сексуального характера	2202	2364	2739	2732

Стоит упомянуть о высокой латентности данного вида преступления[3]. Это обусловлено формированием у ребенка так называемого «синдрома жертвы», когда он считает, что виноват в происходящем и не заслуживает поддержки, или он не сообщает никому о том, что происходит, потому что не знает, что можно сказать об этом и попросить о помощи.

Подобная статистика вызывает беспокойство, поскольку детский и подростковый возраст являются важными для формирования здоровой личности, а последствия пережитого насилия носят долгосрочный, а зачастую и пожизненный характер.

[1] Протокол заседания "Протокол от 7 декабря 2022 года № 34 заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав" от 07 декабря 2022 № 34 // Банк документов Министерство просвещения Российской Федерации. – URL: https://docs.edu.gov.ru (дата обращения: 31.10.2025).

[2] Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020-2024 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 10.11.2025).

[3] 1. Кирюхин А. Б., Шмарион П. В. Анализ современного состояния преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, совершаемых в семье // Вестник ВИ МВД России. – 2020. – № 1. – С. 221—225.

В некоторых странах закреплён особый порядок регламентации сексуального насилия в отношении лиц, которые занимаются воспитанием, обучением, попечением несовершеннолетних, состоят в рабочих отношениях с несовершеннолетним или являются его родителем или родственником[1].

Учитывая рост числа случаев нарушения половой неприкосновенности несовершеннолетних со стороны лиц, выполняющих обязанности, связанные с заботой, назрела необходимость разграничения ответственности за посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетнего с учетом особого статуса лица, как обязанного осуществлять заботу о нем и защиту его прав и законных интересов.

В связи с вышеизложенным мы предлагаем добавить в статьи главы 18 Уголовного кодекса Российской Федерации части, которые будут содержать обстоятельство, отягчающее наказание за посягательства членов семьи на половую неприкосновенность детей.

Пример формулировки для ст. 131 УК РФ:

«Изнасилование несовершеннолетней, совершенное родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетней — наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет с лишением права заниматься определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет».

За такое преступление, имеющее квалифицированный состав, должно значительно увеличиваться наказание по сравнению с основным составом, поскольку оно совершается лицом, которого связывают с потерпевшей родственные узы и (или) семейный быт.

Статью 132 УК РФ также необходимо дополнить аналогичным квалифицирующим признаком.

Предлагается статьи 134-135 УК РФ дополнить новыми частями, которые будут устанавливать более строгое наказание за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), а также развратные действия (ст. 135 УК РФ), совершенные родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению и (или) защите прав и законных интересов несовершеннолетнего (несовершеннолетней), либо иным лицом, проживающим в семье несовершеннолетнего (несовершеннолетней).

---

[1] Корнакова С. В. Зарубежный опыт защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних // Уголовная юстиция. – 2024. №23. – С. 108—115.

Таким образом, ужесточение наказания для лиц, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних и состоящих в семейных и иных отношениях с ними, предполагающих заботу и (или) защиту несовершеннолетнего, является необходимой мерой. Их действия представляют повышенную общественную опасность, поскольку не только причиняют непосредственный физический и психический вред, но и разрушают основу доверия и безопасности ребенка, и в первую очередь, внутри семьи.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Таисия Александровна БАРЫШНИКОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
taisiya.barishnikova@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, sarubin1@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации незаконной рубки лесных насаждений с учетом определения признаков предмета данного преступления. Проанализировано уголовное законодательство России и практика его применения в части ответственности за незаконную рубку лесных насаждений. Разработаны предложения по совершенствованию применения уголовного законодательства об ответственности за рубки лесных насаждений с учетом определения признаков предмета данного преступления.

Ключевые слова: уголовное законодательство, квалификация преступлений, экологические преступления, незаконная рубка, насаждение, предмет преступления

Российская Федерация обладает крупнейшими в мире лесными массивами. По заявлению заместителя председателя Правительства РФ Д. Н. Патрушева, сделанному в мае 2025 года, Россия занимает первое место в мире по площади лесов и второе — по запасу древесины, уступая

в этом показателе лишь Бразилии[1]. Однако обширность и труднодоступность многих лесных территорий, их малонаселённость в сочетании с высокой антропогенной нагрузкой способствуют распространению преступных посягательств на леса.

В структуре экологической преступности ежегодно половина преступлений приходятся на незаконную рубку лесных насаждений[2].

Так, в январе-декабре 2025 года зарегистрировано 11,4 тыс. экологических преступлений, при этом раскрыты из них всего 6,2 тыс[3]. По ст. 260 УК всего за первое полугодие 2025 года осуждены 949 лиц[4]. При этом важно отметить, что данный состав имеет высокий уровень латентности, что существенно искажает реальный масштаб проблемы.

Несмотря на многочисленные попытки теоретического осмысления предмета незаконной рубки лесных насаждений в специальной литературе, актах высших судебных органов, а также в рамках анализа правоприменительной практики, сохраняется ряд существенных проблем, что свидетельствует о недостаточной разработанности данного вопроса.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее — Пленум № 21) указано, что «предметом преступлений, предусмотренных статьями 260 и 261 УК РФ, являются как лесные насаждения, то есть деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, так и деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например, насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья). При этом не имеет значения, высажены ли лесные насаждения или не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы искусственно либо они произросли без целенаправленных усилий человека. Однако у правоприменителей данное определение вызывает сложности при квалификации рассматриваемых преступлений, что связано с наличием существенных пробелов и противоречий в нормативном регулировании.

В научной литературе также нет единого мнения по данному вопросу. Н. А. Селяков в своем исследовании указывает, что «предмет незаконной

---

[1] Патрушев указал на лидерство России по запасам лесов // Известия. URL: https://iz.ru/1891740/2025-05-23/patrushev-ukazal-na-liderstvo-rossii-po-zapasam-lesov (дата обращения: 23.03.2026).

[2] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/k5.2-svod_vse_sudy-1-2025.xls (дата обращения: 23.03.2026).

[3] Официальный сайт МВД Состояние преступности в РФ за 2025 год. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182 (дата обращения: 25.03.2026).

[4] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2025/k5.2-svod_vse_sudy-1-2025.xls (дата обращения: 23.03.2026).

рубки, уничтожения или повреждения лесных насаждений — лес как взаимообусловленный комплекс живых и косных компонентов, связанных между собой в единую экологическую систему»[1].

Н. А. Соколов определяет незаконную рубку лесных насаждений как «общественно опасное деяние, совершенное виновно, с причинением вреда охраняемым законом общественным отношениям по рациональному использованию лесного фонда либо, деревьев, кустарников или лиан не входящих в лесной фонд»[2].

Приведенные дефиниции ярко иллюстрируют тот факт, что каждый правоприменитель, по сути, трактует объем предмета преступления по-разному.

И. А. Конфоркин предложил трактовать предмет ст. 260 УК РФ в узком и в широком смысле, где в первом случае акцент делается на отдельном насаждении (дереве, кустарнике, лиане), как самостоятельном предмете преступления. Во втором случае это совокупность растений, образующих лесное насаждение на определённом участке земли[3]. Согласимся с данной позицией, однако обратим внимание на то, что если говорить о комплексном подходе, то важно учитывать и не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы.

В утратившем силу Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 14 (ред. от 06.02.2007) «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» содержалось более широкое толкование, исходя из которого можно сделать вывод о том, что не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы могли произрастать на землях любой категории. В действующем Пленуме № 21 лишь отражено, что это могут быть насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья. Данные изменения связаны с реформированием лесного законодательства. В частности, ст. 16 ЛК РФ утратила силу. Несмотря на то, что законодатель ограничил предмет, остается неясным, что относится к, так называемым, «нелесным насаждениям». На наш взгляд, к ним можно отнести деревья, лианы, кустарники, произрастающие вне леса, но выполняющие экологические функции.

Кроме того, существует проблема, связанная с понятийным аппаратом ст. 260 УК РФ. Так, данная норма является бланкетной и отсылает нас к иным нормативным актам. Однако вопросы о том, что представляет собой

---

[1] Селяков Н. А. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия незаконной рубке, уничтожению или повреждению лесных насаждений (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 10.

[2] Соколов Н. А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 9.

[3] Конфоркин И. А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 67—68.

«лесное насаждение», «дерево», «кустарник», «лиана» остаются открытыми.

В доктрине также обращают внимание на правовую неясность, которую создал законодатель, применив термин «насаждение». Например, Д. В. Басаев[1] и Н. А Селяков[2] отождествляют его с деревьями и кустарниками, которые выращены человеком, то есть имеют экономическую (меновую) стоимость и должны признаваться объектами собственности. На наш взгляд, данная точка зрения неверна, поскольку лингвистическое толкование не ограничивает данное понятие. Так, например, С. И. Ожегов трактует «насаждения» как «посаженные деревья, растения. Зеленые насаждения. Лесозащитные насаждения»[3]. Следовательно, термин «насаждение» охватывает как естественное происхождение растений, так и при помощи человека.

В связи с этим, некоторые исследователи и вовсе предлагают заменить термин «насаждение» на «растительность»[4]. Едва ли такое решение можно назвать удачным, поскольку тогда предмет будет охватывать и травяную, и водную растительность, что будет считаться неверным.

Можно выделить два основных критерия определяющих предмет незаконной рубки: 1) состояние насаждений (сырорастущие, сухостойные, ветровальные и срубленные); 2) целевое назначение насаждений, зависящее от формы собственности на земельный участок под насаждениями и его назначения. Оба критерия порождают правовые коллизии.

В юридической литературе и в судебной практике нет единого мнения о статусе сухостоя – дерева, утратившего жизнеспособность, но стоящего на корню. Лесное законодательство содержит понятие выборочной санитарной рубки, которая проводится с целью улучшения санитарного состояния насаждений. При таком процессе вырубаются сухостойные, усыхающие, поврежденные болезнями, заселенные вредителями, а также другие поврежденные деревья. Исходя из этого можно сделать вывод, что, во-первых, данная рубка санкционирована и не является, по сути, противоправной, а тем более общественно опасным деянием. На практике встречаются случаи, когда рубку сухостоя квалифицируют как преступление против собственности по критерию их санитарного состояния[5]. Более того, даже для преступления против собственности они, зачастую, малозначительны. Так, согласно Шкале категорий санитарного состояния деревьев, приложенной к

---

[1] Басаев Д. В. Охрана лесов: уголовно правовые и криминологические аспекты: по материалам республики Бурятия: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб. 2004. С. 18.

[2] Селяков Н. А. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия… С. 19.

[3] Ожегов С. И. Словарь русского языка. 18-е изл, стереотипное / Под ред. член-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987. С. 334.

[4] Симонов А. Г. Уголовно-правовая охрана лесной и иной растительности от уничтожения или повреждения : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 79—80.

[5] Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2025 № 77-546/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Правилам санитарной безопасности в лесах (утв. Постановлением Правительства РФ от 9 декабря 2020 г. № 2047), деревья, относящиеся к свежему и старому сухостою, ветровалу и бурелому, считаются погибшими и полностью утратившими жизнеспособность. Поэтому их рубка при наличии к тому предусмотренных законом оснований квалифицировалась как хищение. В Письме Рослесхоза от 25.02.2016 № ЕК-07-54/1985 «О рубке сухостойных деревьев и присвоении древесины ветровальных, буреломных деревьев»[1], напротив, содержится прямое указание на то, что сухостои входят в предмет ст. 260 УК РФ.

Из этого вытекает вопрос о разграничении экологических преступлений от преступлений против собственности. Разграничение предметов преступлений против собственности и экологических преступлений определяется не фактом вложения человеческого труда, а его целью. Древесно-кустарниковая растительность выступает предметом экологического преступления, когда вмешательство человека направлено на поддержание её экологических функций, а не на включение в товарный оборот. При этом, если, например, пересадить одно дерево из плантации в естественную среду обитания и при дальнейшей его потере товарных свойств, его вырубка будет квалифицироваться по ст. 260 УК РФ.

Таким образом, анализ правоприменительной практики и доктринальных подходов выявляет комплекс взаимосвязанных проблем квалификации незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ): неоднозначность толкования предмета преступления, отсутствие легальных определений ключевых понятий, противоречия между нормативными актами, сложности разграничения экологических преступлений и преступлений против собственности.

Для их решения целесообразно: 1) закрепить в примечании к ст. 260 УК РФ чёткое определение предмета преступления с учётом экосистемного подхода (как совокупности древесно-кустарниковой растительности, выполняющей экологические функции); 2) установить единый критерий разграничения — цель антропогенного воздействия, что превращает лесное насаждение в товар; 3) внести в Пленум № 21 разъяснения о статусе сухостоя и иных особых категорий насаждений. Данные меры позволят повысить правовую определённость, обеспечить единообразие правоприменения и усилить охрану лесных ресурсов в РФ.

[1] Письмо Федерального агентства лесного хозяйства от 25.02.2016 № ЕК-07-54/1985 «О рубке сухостойных деревьев и присвоении древесины ветровальных, буреломных деревьев» // // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.2/.7

АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 294 УК РФ

Елизавета Леонидовна БЕЛОВА,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, bliza3485@gmail.com

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виктория Вячеславовна СЕМЕНОВА**, vsemenova17@inbox.ru

Аннотация. В статье приводится анализ объективной стороны воспрепятствования, совершенного на стадии предварительного расследования. На основе анализа судебной практики представлена классификация форм вмешательства в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела. Полученные в ходе исследования результаты разъясняют какие формы вмешательства образуют объективную сторону исследуемого деяния.

Ключевые слова: воспрепятствование осуществлению правосудия, объективная сторона, состав преступления, предварительное расследование

Уголовный кодекс Российской Федерации[1] (далее — УК РФ) охраняет общественные отношения в сфере правосудия. В частности, ст. 294 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, а именно вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела.

Объективная сторона исследуемого деяния совершается путем вмешательства, под которым понимаются любые действия, содержанием которых является склонение суда к вынесению неправосудного приговора, определения или решения (ч. 1 ст. 294 УК РФ) или направленные на воздействия

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Правовой сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.04.2026).

должностных лиц органов правосудия, осуществляющих надзор по уголовному делу, санкционирующих уголовно-процессуальные акты, либо осуществляющие расследование конкретного уголовного дела (ч. 2 ст. 294 УК РФ). По своей конструкции данный состав преступления формальный, окончено с момента совершения вмешательства[1]. Из-за обширности способов совершения указанных деяний, в настоящем исследовании будет проанализирована объективная сторона воспрепятствования осуществления производству предварительного расследования (ч. 2 ст. 294 УК РФ).

Анализ судебной практики позволяет представить классификацию форм вмешательства в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание:

1. Вмешательство посредством воздействия на материалы уголовного дела (например, уничтожение или повреждение процессуальных документов, внесение в них дописок, их замена подложные, похищение материалов). Так, приговором Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан по делу №1-451/2021 от 09.07.2021[2] гр. Р. осужден по ч. 2 ст. 294 УК РФ. При ознакомлении с материалами уголовного дела он вырвал из уголовного дела листы с протоколом допроса подозреваемого, разорвал его и пытался частично съесть. Отметим, что состав преступления усматривается при уничтожении любых документов уголовного дела, вне зависимости от их содержания и возможности восстановить[3].

2. Уничтожение или повреждение предметов, признанных вещественными доказательствами. Так, кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу №77-1365/2023 от 07.08.2023[4] оставило без удовлетворения жалобу на приговор Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 26.09.2022, согласно которому обвиняемый гр. Д. при ознакомлении с материалами уголовного дела схватил вещественное доказательство — пакет, содержащий наркотическое средство, разорвал его, а содержимое частично употребил внутрь, а частично попытался высыпать за окно.

3. Уничтожение и повреждение иных предметов, изымаемых в ходе производства следственных действий, но не признанных вещественными

---

[1]Уголовное право. Особенная часть : Учебник / Г. А. Агаев, Е. Н. Алешина-Алексеева, А. Г. Антонов [и др.] ; СПб, 2020. С. 740—741.

[2]Приговор Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан по делу №1-451/2021 от 09.07.2021 // ГАС «Правосудие». URL: https://sterlitamaksky--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=134514636&case_uid=80b5b9c7-424b-43cb-a316-b62c4c034bc9&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 03.04.2026).

[3]Семенова В. В. Малозначительность деяния в уголовном праве: вопросы теории и практики // Закон. Право. Государство. 2024. № 2(42). С. 181.

[4]Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу №77-1365/2023 от 07.08.2023 // Правовой сайт «Судебные решения.РФ». URL: https://судебныерешения.рф/77065274 (дата обращения: 03.04.2026).

доказательствами. Так, апелляционным постановлением Московского городского суда от 06.02.2024 по делу №10-975/2024[1] гр. Т. признан виновным по ч. 2 ст. 294 УК РФ, а именно в том, что он, воспользуясь статусом адвоката и тем, что его личные вещи не могут быть досмотрены без должной санкции, поместил в свою сумку телефон подозреваемого, защиту которого он осуществлял, затем вышел в санитарно-техническое помещение и повредил его, а затем вернулся и отдал следователю. Сторона защиты приводила довод о том, что на момент изъятия указанный мобильный телефон не был признан вещественным доказательством, поэтому воспрепятствования осуществлению правосудия нет. На это суд указал, что в последующем данный телефон был осмотрен и признан вещественным доказательством, поэтому данный довод признан несостоятельным.

4. Воспрепятствование, путем иного воздействия на прокурора, следователя или лица, производящего дознание. Оно может выражаться в различных действиях: высказывания угроз, оказания давления, повреждение имущества следователя и др. Примечательным является приговор Кировского районного суда города Саратова от 22.09.2020 по делу № 1-272/2020[2], которым гр. Б. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ, а именно в том, что он, находясь в помещении следственного изолятора, заранее перед проведением с ним допроса собрал свой кал и поместил его в баночку. В ходе проведения следственного действия он достал указанную баночку и выплеснул ее содержимое на следователя и протокол допроса, т.е. вмешался в деятельность следователя в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию уголовного дела.

Однако в случае ареста имущества для обеспечения гражданского иска осуществление воспрепятствования их изъятию органом предварительного расследования не образует объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ. Данную позицию подтверждает приговор Астраханского областного суда от 08.10.2010 по делу №1-21/2010[3], где подозреваемая гр. М. и ее защитник препятствовали изъятию ключей от автомобиля, который был арестован для обеспечения гражданского иска.

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, может выражаться в различных действиях как на стадии

---

[1]Апелляционное постановление Московского городского суда от 06.02.2024 по делу №10-975/2024 // Правовой сайт «Гарант». URL: https://base.garant.ru/339733610/ (дата обращения: 03.04.2026).

[2]Приговор Кировского районного суда города Саратова от 22.09.2020 по делу № 1-272/2020 // ГАС «Правосудие». URL: https://kirovsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=125716882&delo_id=1540006&new=&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 03.04.2026).

[3]Приговор Астраханского областного суда от 08.10.2010 по делу №1-21/2010 // ГАС «Правосудие». URL: https://oblsud--ast.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=8501812&case_uid=7578cba1-62eb-424c-8f63-e8df86cbd182&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 03.04.2026).

предварительного расследования, так и в суде. Анализ судебной практики позволяет представить классификацию форм вмешательства в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание: вмешательство посредством воздействия на материалы уголовного дела (например, уничтожение или повреждение процессуальных документов, внесение в них дописок, их замена подложные, похищение материалов); уничтожение или повреждение предметов, признанных вещественными доказательствами; уничтожение и повреждение иных предметов, изымаемых в ходе производства следственных действий, но не признанных вещественными доказательствами и воспрепятствование, путем иного воздействия на прокурора, следователя или лица, производящего дознание. Но не все действия, которые создают «препятствие» производству предварительного расследования или работе суда являются преступлениями, они могут не образовывать состава преступления, а также быть одним из способов осуществления защиты.

Научная статья
УДК 343.62

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Милана Юрьевна БОГАЧЕВА[1], София Александровна ЯКОВЛЕВА[2]
[1,2] Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
[1] milashkaboga@mail.ru
[2] sofiyayakovleva1005@ya.ru

Научный руководитель кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» **Ирина Владимировна ПОЛИКАРПОВА**

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовой характеристики преступления, связанного с уклонением от родительских обязанностей и жестокостью по отношению к детям. В работе исследуются ключевые проблемы квалификации данного общественно опасного деяния, включая разграничение со смежными административными

правонарушениями и определение нормативного содержания признака жестокого обращения. На основе изучения доктринальных подходов и судебной практики предлагаются пути совершенствования действующего законодательства в части расширения субъектного состава и уточнения терминологической базы уголовного закона.

Ключевые слова: неисполнение обязанностей по воспитанию, жестокое обращение, несовершеннолетний, уголовная ответственность, квалификация преступлений

Периоды детства и подросткового возраста имеют фундаментальное значение для становления личности, в связи с чем защита прав подрастающего поколения выступает одной из первостепенных задач правового государства. Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте современных демографических вызовов, когда охрана детства трансформируется из узкоотраслевой задачи в фундамент обеспечения национальной безопасности страны. Согласно положениям статьи 38 Конституции Российской Федерации, забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. На отраслевом уровне эти нормы детализируются в статьях 63 и 65 Семейного кодекса Российской Федерации, которые прямо запрещают осуществлять родительские права в ущерб физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию[1]. Вместе с тем, несмотря на наличие широкого спектра международно-правовых актов, таких как Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года, механизмы национальной защиты нуждаются в строгом уголовно-правовом обеспечении. Центральное место в системе такой охраны занимает статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего[2].

Основной проблемой при квалификации деяний по статье 156 УК РФ является отграничение уголовно наказуемого поведения от административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[3]. Главным квалифицирующим признаком, образующим состав уголовного преступления, выступает сопряженность неисполнения обязанностей с жестоким обращением с ребенком. Существующая правовая неопределенность в трактовке

[1]См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 ДЕКАБРЯ 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4956.

[2]См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025, № 30 (Часть I). Ст. 4367.

[3]См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2015. № 29 (часть I). Ст. 4359.

«жестокости», как мы понимаем, зачастую приводит к тому, что правоприменитель, руководствуясь принципом экономии репрессии, необоснованно отдает предпочтение административной преюдиции, оставляя за рамками уголовного поля длящиеся ситуации психоэмоционального подавления личности. Жестокость может проявляться как в форме активных действий (нанесение побоев, издевательства, ограничение свободы), так и в форме бездействия, выражающегося в лишении ребенка питания, тепла и медицинского ухода. При этом в уголовно-правовой доктрине ведется дискуссия о необходимости установления систематичности таких действий. В частности, как справедливо отмечают исследователи, «для квалификации по ст. 156 УК РФ неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в сочетании с жестоким обращением с ним должно представлять систему таких действий (бездействия)»[1]. Пожалуй, стоит подчеркнуть, что разовый акт грубости, не повлекший физического вреда, вряд ли может образовать состав преступления, однако накопленный эффект психического воздействия требует более глубокой экспертной оценки со стороны психологов и педагогов в рамках следственного процесса.

Субъект рассматриваемого преступления характеризуется специальными признаками: это вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, на которое в соответствии с нормативными актами возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего (родители, усыновители, опекуны, педагогические и медицинские работники). Тем не менее, правоприменительная практика регулярно сталкивается с серьезным законодательным пробелом: к уголовной ответственности по статье 156 УК РФ невозможно привлечь так называемых фактических воспитателей. К числу таких лиц относятся отчимы, мачехи, сожители родителей, а также близкие родственники (бабушки, дедушки), которые фактически осуществляют уход за ребенком, но не оформлены в этом статусе юридически. Подобный формализм в определении круга субъектов вступает в явное противоречие с принципом справедливости, поскольку лицо, добровольно принявшее на себя функции по воспитанию и проживающее в одной семье с ребенком, фактически обладает тем же объемом влияния на неокрепшую психику, что и законный представитель. В случае проявления жестокости со стороны данных лиц, их действия квалифицируются исключительно по статьям о преступлениях против личности, что ослабляет комплексную защиту интересов

[1]См.: Федорова Е. А., Зыкова Е. Д. Особенности квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 33.

несовершеннолетнего и требует внесения дополнений в диспозицию уголовной нормы[1].

Субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла, при котором виновный осознает общественно опасный характер своего поведения, выражающегося в игнорировании воспитательных функций и жестоком обращении, и желает действовать подобным образом. Мотивация виновных лиц зачастую сводится к ложному пониманию методов воспитания, личной неприязни, эгоизму или корыстным целям (в случаях с опекунскими пособиями). В юридической литературе изредка встречаются мнения о возможности совершения данного деяния с косвенным умыслом или двойной формой вины. Однако, отвергая подобные суждения, правоведы подчеркивают: «данная позиция верно критикуется на основании того, что состав неисполнения обязанностей по воспитанию сформулирован в законе как формальный»[2]. При этом стоит заметить, что доказывание умысла в случаях педагогического пренебрежения представляет особую сложность, так как виновные лица нередко маскируют преступное бездействие под «свободное развитие ребенка» или отсутствие финансовых возможностей.

Анализ правоприменительной практики показывает, что суды нередко сталкиваются с трудностями при квалификации деяний, где насилие перерастает рамки статьи 156 УК РФ, и возникает необходимость разграничения этого состава с пунктом «г» части 2 статьи 117 УК РФ (истязание несовершеннолетнего). Показательным примером является приговор Плесецкого районного суда Архангельской области по делу № 1-11/2020. В данном уголовном деле подсудимый (отец ребенка), избрав авторитарный стиль общения и руководствуясь ложным пониманием методов воспитания, систематически наносил побои своему малолетнему сыну. Используя в качестве повода малозначительные проступки (отказ помочь по хозяйству, плохую успеваемость в школе, незначительные ссоры), он регулярно причинял ребенку физическую боль, которая сопровождалась оскорблениями, унижением человеческого достоинства и длительными психическими страданиями. Суд квалифицировал содеянное по совокупности указанных статей, поскольку действия виновного одновременно нарушали общественные отношения по нормальному воспитанию и причиняли самостоятельный ущерб физическому и психическому здоровью ребенка путем систематических истязаний[3]. Данный пример подтверждает тезис о том, что статья 156 УК РФ часто

---

[1]См.: Скворцова О. В., Нестеренко А. А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: вопросы регламентации, квалификации, совершенствования положений действующего уголовного законодательства, обзор судебной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. С. 135.

[2]См.: Мовчанюк В. В. Уголовно-правовая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Выпускная квалификационная работа (РГППУ). 2019. С. 1.

[3]См.: Приговор № 1-11/2020 1-271/2019 от 22 января 2020 г. по делу № 1-11/2020// URL Приговор № 1-11/2020 1-271/2019 от 22 января 2020 г. по делу № 1-11/2020 : СудАкт.ру (дата обращения 24.02.2026).

выступает в качестве сопутствующего состава, усиливающего ответственность за системное насилие в семье.

В целом, на наш взгляд, статья 156 УК РФ конечно же требует внесения корректировок, т.к. это должно способствовать повышению эффективности защиты детей. Необходимо осознать, что современная редакция нормы остается в значительной степени оценочной, что порождает риск судейского субъективизма. Представляется, что, закрепив в ней четкое определение «жестокого обращения» и расширив круг субъектов ответственности за счет фактических воспитателей, возможно исключить расширенное толкование нормы и усилить противодействие внутрисемейному произволу. Только через гармонизацию уголовно-правовых дефиниций и устранение пробелов в субъектном составе можно сформировать реально действующий правовой щит, способный защитить права ребенка от латентных форм домашней тирании.

Научная статья
УДК 343.3

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: ЗАЩИТА АВТОРИТЕТА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ВЫЗОВОВ

Евгения Дмитриевна БОКОВА[1], Владимир Романович САВЕЛЬЕВ[2]
[1,2] Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, Россия
[1] esha.nemo@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, кандидат юридических наук **Вячеслав Валерьевич ЕПИШИН**

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 280.3 УК РФ (дискредитация Вооруженных Сил РФ), в контексте последних законодательных изменений (Федеральный закон от 21.04.2025 № 90-ФЗ). Рассматриваются доктринальные пробелы, включая отсутствие легальной дефиниции «дискредитации» и конкуренцию со смежными составами (ст. 207.3 УК РФ). Выявлены риски правовой неопределенности как для правоприменителей, так и для граждан. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства путем введения развернутого определения дискредитации, усиления санкций

за деяния в цифровой среде и принятия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия практики и баланса между защитой государственных интересов и конституционными правами граждан.

Ключевые слова: информационная война, дискредитация Вооруженных Сил, экстремистская деятельность, информационная безопасность

В эпоху стремительного развития цифровых технологий и глобализации информационных потоков семантическое пространство публичных коммуникаций трансформируется в арену острого геополитического противоборства, где интернет и социальные сети, выступая амбивалентными феноменами современной цивилизации, не только обеспечивают колосальную скорость обмена данными, но и становятся действенным инструментом влияния на социально-политические процессы, формирования общественного мнения и модификации массового сознания. В условиях гибридных войн, где информационно-психологическое воздействие приобретает значение стратегического фактора, защита авторитета и репутации Вооруженных Сил Российской Федерации (далее ВС РФ) конституируется в качестве одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности, что и предопределило имплементацию в 2022 году статьи 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), призванной создать правовой барьер против публичных действий, направленных на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности, а также исполнения государственными органами своих полномочий и оказания содействия добровольческими формированиями.

Актуальность настоящего исследования детерминирована не только динамичными изменениями уголовно-правовой политики, о чем свидетельствуют новеллы Федерального закона № 90-ФЗ от 21.04.2025 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», усиливающие ответственность путем введения квалифицирующих признаков совершения преступлений.

Фундаментальной проблемой выступает отсутствие легальной дефиниции понятия «дискредитация» в тексте уголовного закона, что размывает грань между административным правонарушением, предусмотренным статьей 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), и уголовно наказуемым деянием.

В целях обеспечения единства правоприменительной практики при квалификации деяний, предусмотренных статьей 280.3 УК РФ, предлагается дополнить статью 280.3 УК РФ примечанием следующего содержания:

«Примечание. Под дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации в настоящей статье понимается умышленное публичное распространение заведомо не соответствующих фактическим обстоятельствам сведений о законной деятельности указанных органов, организаций или лиц, их целях, методах применения, уровне боеспособности, материально-технического обеспечения, морально-психологического состояния либо об основаниях применения вооруженной силы, если такое распространение совершено способом, направленным на формирование негативного общественного мнения, подрыв доверия к государственным институтам, осуществляющим руководство Вооруженными Силами Российской Федерации, либо создание препятствий для выполнения военнослужащими и приравненными к ним лицами своих служебных обязанностей».

Кроме того, для разграничения административного правонарушения и уголовного преступления, унификации подходов к определению состава дискредитации как правового явления, предлагается ввести в статью 20.3.3 КоАП РФ изменение, изложив абзац второй части 1 в следующей редакции: «Дискредитация выражается в публичных действиях, направленных на распространение информации, порочащей авторитет и репутацию Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных органов, осуществляющих управление в сфере обороны, либо добровольческих формирований, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы, в том числе посредством указания на недостоверность официально опубликованных сведений о деятельности указанных структур, при условии, что такие действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния».

Правоприменительная практика демонстрирует казуистичные примеры, когда дискредитацией признаются действия различной модальности: от антивоенных постов, постановки реакций в мессенджерах, написания комментариев и репостов в социальных сетях до демонстрации определенной символики и участия в одиночных пикетах.

В этой связи показательным материалом для научного осмысления служат материалы судебной практики, демонстрирующие применение соответствующих правовых норм. Так, показательным случаем, иллюстрирующим механизм перерастания административной юрисдикции в уголовную вследствие повторности совершения тождественного деяния, выступает производство, инициированное в отношении общественного деятеля, бывшего руководителя регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» Александра Каменюка. 15 марта Петропавловск-Камчатский городской суд назначил ему наказание в виде штрафа в размере 450 тыс. рублей с дополнительным ограничением в виде запрета на два года администрировать сайты и паблики в социальных сетях, а также публиковать и размещать материалы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Как

следует из материалов, размещенных на официальном сайте суда, уголовное преследование Каменюка осуществлялось по двум эпизодам, квалифицированным по статье 280.3 Уголовного кодекса РФ. Поводом для возбуждения уголовного дела послужили два ранее составленных протокола об административных правонарушениях по статье 20.3.3 КоАП РФ (дискредитация ВС РФ) в связи с публичными высказываниями о боевых действиях на территории Украины, размещенными на странице в социальной сети Instagram (Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ). По первому протоколу лицо было подвергнуто административному наказанию в виде штрафа 50 тыс. рублей, по второму — 40 тыс. рублей. Таким образом, в данном деле наглядно проявился предусмотренный уголовным законом принцип повторности (совершение аналогичного деяния в течение одного года после привлечения к административной ответственности), выступающий необходимым конструктивным элементом состава преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ[1].

Тем не менее, отсутствие четких критериев разграничения административной и уголовной ответственности, а также критериев отграничения дискредитации от допустимой критики и реализации права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 29 Конституции РФ, создает предпосылки для субъективного усмотрения при возбуждении уголовных дел, что существенно затрудняет реализацию принципа правовой определенности как неотъемлемого элемента верховенства права.

Особую теоретическую и практическую значимость приобретает проблема конкуренции и пересечения статьи 280.3 УК РФ со смежными составами преступлений, в частности, со статьей 207.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации о ВС РФ, а также с нормами об экстремистской деятельности и дискредитации органов власти.

Доктринальное разграничение указанных составов представляется крайне сложным: если «фейки» предполагают распространение заведомо ложных сведений фактологического характера, то дискредитация может выражаться в оценочных суждениях, эмоциональных высказываниях, формировании негативного образа без сообщения конкретных недостоверных фактов, однако на практике эта грань оказывается эфемерной, что приводит к конкуренции норм и создает ситуацию, при которой за одно и то же деяние лицо потенциально может быть привлечено к ответственности по нескольким статьям одновременно. Судебная практика знает примеры, когда одни и те же высказывания квалифицировались органами предварительного рас-

[1]Какой приговор ждет Евгения Ройзмана? Обзор судебной практики по уголовной статье о дискредитации армии // 66.ru: [сайт]. 2023. 29 марта. URL: https://66.ru/news/society/262145/ (дата обращения: 01.04.2026).

следования одновременно по признакам статьи 280.3 и статьи 207.3, что ставит под сомнение соблюдение принципа non bis in idem и порождает обоснованные сомнения в качестве юридической техники примененного закона.

Подобная дуалистичность и множественность потенциально применимых составов повышает риски не только для правоприменительных органов, сталкивающихся с трудностями выбора надлежащей квалификации и необходимостью обращения к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но и для граждан, оказывающихся в состоянии неопределенности относительно пределов дозволенного поведения и возможных правовых последствий своих публичных высказываний. Это, в свою очередь, может порождать эффект чрезмерного самоограничения в отношении реализации конституционных прав и свобод, что в конечном итоге нивелирует превентивный потенциал уголовного закона и противоречит задачам уголовного законодательства, сформулированным в статье 2 УК РФ.

Для устранения выявленных пробелов и усиления защиты интересов государства считается необходимым внести ряд системных изменений в действующую редакцию статьи 280.3 УК РФ и смежные нормативные правовые акты. Во-первых, представляется целесообразным расширить определение понятия «дискредитация» путем имплементации в диспозицию нормы развернутой дефиниции, разработанной с учетом доктринальных разработок в области информационного права и лингвистической экспертизы, включающей такие формы противоправного поведения, как распространение недостоверной информации, использование манипулятивных технологий воздействия на массовое сознание, создание устойчивого негативного информационного фона, а также публичные призывы к воспрепятствованию исполнения ВС РФ своих задач. Во-вторых, в контексте цифровой трансформации общественных отношений и возрастания роли информационно-телекоммуникационных сетей особую значимость приобретает вопрос об ужесточении санкций за дискредитацию, совершаемую с использованием сети Интернет и средств массовой информации, что предполагает не только кратное увеличение штрафных санкций для физических и юридических лиц с учетом степени общественной опасности деяния и наступивших последствий, но и введение процессуального механизма обязательной блокировки интернет-ресурсов, систематически распространяющих дискредитирующую информацию, по аналогии с существующими механизмами противодействия распространению запрещенной информации.

Кроме того, для преодоления конкуренции норм и обеспечения единообразия правоприменительной практики представляется необходимым принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, которое содержало бы развернутые разъяснения по отграничению статьи 280.3 УК РФ от смежных составов, по критериям оценки публичности деяний, по вопросам назначения наказания и по определению подследственности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать комплекс взаимосвязанных предложений, направленных на системное совершенствование уголовно-правовых и административно-правовых механизмов защиты авторитета ВС РФ от дискредитации в условиях цифровой эпохи.

Во-первых, предлагаемая авторами дефиниция вводит объективные критерии (заведомая ложность сведений, направленность на формирование негативного фона, подрыв доверия), что позволит отграничить уголовно наказуемую дискредитацию от допустимой критики и оценочных суждений.

Во-вторых, для четкого разграничения административной и уголовной ответственности предлагается изложить абзац второй части 1 статьи 20.3.КоАП РФ в редакции, определяющей дискредитацию как публичные действия, порочащие авторитет и репутацию ВС РФ, государственных органов управления обороной и добровольческих формирований, в том числе посредством указания на недостоверность официально опубликованных сведений, при условии отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния.

В-третьих, в контексте цифровой трансформации общественных отношений обоснована необходимость расширения диспозиции статьи 280.3 УК РФ за счет включения таких форм противоправного поведения, как использование манипулятивных технологий воздействия на массовое сознание, создание устойчивого негативного информационного фона, а также публичные призывы к воспрепятствованию выполнения ВС РФ своих задач.

В-четвертых, предлагается существенное ужесточение санкций за дискредитацию, совершаемую с использованием сети Интернет и средств массовой информации, что предполагает кратное увеличение размеров штрафов для физических и юридических лиц с учетом степени общественной опасности деяния, а также введение процессуального механизма обязательной блокировки интернет-ресурсов, систематически распространяющих дискредитирующую информацию, по аналогии с действующими механизмами противодействия запрещенной информации.

В-пятых, для преодоления конкуренции норм и обеспечения единообразия правоприменительной практики признано необходимым принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации специального постановления, содержащего развернутые разъяснения по отграничению состава статьи 280.3 от смежных составов, по критериям оценки публичности деяний, по вопросам назначения наказания и определения подследственности.

Реализация указанных мер позволит сформировать непротиворечивую правоприменительную практику, обеспечивающую разумный баланс между защитой государственных интересов в информационной сфере и соблюдением конституционных прав граждан, что в конечном итоге соответствует стратегическим задачам поддержания национальной безопасности, международного мира и стабильности конституционного строя Российской Федерации.

Научная статья
УДК 343.2/.7

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВИДОВ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Дарья Дмитриевна БОРИСОВА
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Россия
borisovs07@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент **Роман Александрович КОМЯГИН**, roman.komyagin@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы разграничения соисполнительства и пособничества в уголовном праве; проводится анализ противоречий, возникающих между законодательным определением соисполнителя, закреплённым в ст. 33 УК РФ, и его неединообразным толкованием, содержащимся в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ; обосновывается недопустимость единообразного подхода к определению ролей соучастников для различных составов преступлений. На примерах судебной практики показано, что применение универсальных критериев приводит к нарушению принципа законности, подмене законодательных критериев и возникновению пробелов в правовом регулировании. Особое внимание уделено необходимости дифференциации подходов в зависимости от конструкций составов преступлений, а также предложениям по корректировке ст. 106 УК РФ для обеспечения единообразной квалификации действий соучастников.

Ключевые слова. соисполнительство, пособничество, соучастие в преступлении, группа лиц, принцип законности, кража, изнасилование, убийство матерью новорождённого

В доктрине уголовного права одним из наиболее сложных является вопрос о критериях отграничения соисполнительства от пособничества.

Наибольшие затруднения в правоприменительной практике вызывают случаи, когда лицо фактически выполняет функции пособника, но получает формальный статус соисполнителя ввиду признания за ним выполнения части объективной стороны преступления. Указанная проблема приобретает системный характер вследствие расширительного толкования норм, предлагаемого Пленумом Верховного Суда РФ, в результате чего ст. 33 УК РФ на практике не действует в её буквальном смысле.

Такой подход к определению соисполнительства противоречит принципу законности, поскольку расходится с законодательной дефиницией, закреплённой в ст. 33 УК РФ. Так п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»[1] относит к числу соисполнителей лиц, совершивших действия по оказанию непосредственного содействия исполнителю (например, взлом двери, подстраховка), тогда как ст. 33 УК РФ требует для этого только личного совершения преступления, то есть выполнения его объективной стороны, а не вспомогательных функций.

Так, в одном из деле о краже ФИО1 и ФИО10 заранее договорились о хищении. Согласно распределению ролей, ФИО1 открыл окно, обеспечив доступ в жилище, а ФИО10 через указанный проём проник внутрь и похитил имущество[2].

Суд квалифицировал обоих как соисполнителей по ч. 2 ст. 158 УК РФ, фактически приравняв создание условий для совершения преступления с его непосредственным выполнением.

Против такого расширительного толкования соисполнительства выступают многие известные учёные. Так, Наумов А. В. обоснованно полагает, что соисполнителем следует признавать лишь того, кто лично выполнил объективную сторону преступления, а все иные лица, независимо от значимости их вклада, должны рассматриваться как пособники[3]. Комиссаров В. С. также отмечает, что подобный подход противоречит законодательной регламентации ролей соучастников и нарушает принцип законности[4].

Таким образом, расширительное толкование соисполнительства недопустимо, так как ведёт к подмене законодательных критериев разграничения видов соучастников.

---

[1]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. 18 янв.

[2]Приговор № 1-12/2020 от 8 июля 2020 г. по делу № 1-12/2020 Официальный сайт Саратовского районного суда с. Воскресенское (Саратовская область). URL: https://sudact.ru/regular/doc/1sYbS51A92gC/.

[3]Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. С. 189—192.

[4]Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Комиссарова В. С. и др. Москва: Статут. 2020. С. 114—119.

Особую актуальность поставленная проблема приобретает в преступлениях со специальным субъектом, где роль соучастника определяется неодинаково в зависимости от конкретного состава. Так, при квалификации группового изнасилования сложность вызывает признание соисполнителем лица, не вступавшего в половой акт, но применявшего насилие. Это обусловлено конструкцией состава преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ, в которой специальным субъектом полового акта может быть только мужчина, тогда как насильственные действия может совершать любой.

В деле об изнасиловании К. предложила совершить половое сношение, несколько раз ударила девушку и закрывала ей рот, подавляя сопротивление. Когда А. пытался совершить половой акт, Ш. держал потерпевшую за руки, прижигал кожу сигаретой и угрожал[1].

Суд квалифицировал действия К. и Ш. как соисполнительство по п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, поскольку каждый из них лично применял насилие и подавлял сопротивление потерпевшей, что образует выполнение части объективной стороны изнасилования.

Данный подход соответствует п. 9 и 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», где разъяснено, что соисполнителями группового изнасилования могут признаваться и женщины, которые, не вступая непосредственно в половое сношение, содействовали его совершению путем применения насилия[2]. Указанная позиция разделяется и в научной среде. Так, Иногамова-Хегай Л. В. обосновывает, что объективная сторона изнасилования представляет собой сложный состав, включающий насильственные действия, которые могут осуществляться любым лицом независимо от пола[3]. Галиакбаров Р. Р. справедливо отмечает, что совместные усилия по подавлению сопротивления потерпевшей образуют единый насильственный процесс, который исключает возможность признания таких действий пособничеством[4].

Таким образом, при групповом изнасиловании соисполнителем может быть признана женщина, поскольку она выполняет часть объективной стороны, связанную с насильственными действиями, которая наряду с половым сношением образует состав данного преступления. Расширительное толкование соисполнительства в этом случае оправдано самой природой деяния,

---

[1]Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 декабря 2012 г. N 56-О12-84 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/14241/.

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 дек.

[3]Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2022. С. 149—151.

[4]Галиакбаров Р. Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершённые групповым способом // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40. URL: https://base.garant.ru/974601/.

где половой акт и подавление сопротивления представляют собой неразрывное целое, а участие в насилии существенно повышает общественную опасность преступления.

Та же проблема, что описана ранее наблюдается и при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ. Так, с одной стороны, ч. 4 ст. 34 УК РФ допускает участие иных лиц лишь в качестве подстрекателей или пособников, с другой — обстоятельства, относящиеся исключительно к личности матери (особое состояние), не могут влиять на квалификацию действий соучастников. Мы полностью согласны с данной нормой, однако ряд случаев из правоприменительной практики нарушают её.

Так, А. договорилась со своей матерью Г. об убийстве новорождённого сразу после родов. Согласно распределению ролей, Г. наносила смертельные удары, а А. — удерживала ребёнка и контролировала обстановку.

Деяние Г. подлежит квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку новорождённый относится к лицам, находящимся в беспомощном состоянии. Как верно отмечает Кругликов Л. Л., вменение ст. 106 УК РФ лицу, не являющемуся матерью, противоречило бы принципу вины, так как такое лицо не испытывает того особого психофизического состояния, которое послужило основанием для создания привилегированной нормы[1]. Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», наличие предварительного сговора и непосредственное участие обоих лиц в лишении жизни позволяет оценивать содеянное по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ[2].

Действия А., напротив, подпадают под ст. 106 УК РФ. Однако именно здесь возникает законодательный пробел: данная норма не предусматривает квалифицирующего признака «группа лиц», вменение которого невозможно в силу принципа законности.

Для устранения указанного противоречия представляется необходимой корректировка ст. 106 УК РФ. Признак «во время или сразу же после родов» характеризует исключительно объективную сторону и не имеет отношения к психофизиологическому состоянию матери, которое и делает данный состав привилегированным. Поэтому данный временной критерий следует исключить из диспозиции нормы. Если мать действует по предварительному сговору с иными лицами, непосредственно участвуя в лишении жизни ребёнка, она фактически утрачивает привилегированный статус и должна отвечать наравне с другими соисполнителями — по п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

---

[1]Кругликов Л. Л. Практикум по уголовному праву. Общая часть: учебное пособие / Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. С. 90—93.

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. 9 февр.

Таким образом, критерии отграничения соисполнителя от пособника не могут быть едиными для всех составов преступления. В хищениях расширительное толкование соисполнительства, предложенное Пленумом Верховного Суда РФ, вступает в противоречие с формальным определением, закреплённым в ст. 33 УК РФ. В делах об изнасиловании, напротив, оно необходимо, поскольку насилие и половой акт образуют единый процесс. Наиболее остро проблема нарушения принципа законности проявляется в ст. 106 УК РФ, где действующая редакция нормы приводит к необоснованному различию в квалификации соучастников, фактически выступающих соисполнителями. Только точное следование понятиям, установленным в ст. 33 УК РФ позволит достоверно определить вид соучастника при совершении преступления в соучастии.

Научная статья
УДК 343.2/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Диана Дмитриевна ВЕСЕЛОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
veselova.dia@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно–исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В научной статье затронуты проблемы квалификации преступного деяния, предусмотренного статьей 235 УК РФ, связанные с разграничением указанного состава преступления со статьей 238 УК РФ (Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). Анализ правоприменительной практики, а также доктринальных исследований позволил выделить основные проблемные аспекты, возникающие при разграничении смежных составов и выдвинуть предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, медицинская деятельность, лицензирование, медицинская услуга, требования безопасности

В соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ реализуемая в Российской Федерации государственная социально-экономическая политика направлена, в том числе, на обеспечение достойной жизни человека и создание условий для укрепления здоровья граждан.[1]

В условиях развития частного сегмента рынка медицинских услуг проблема уголовно-правовой охраны медицинской деятельности становится особо актуальной. Тем не менее анализ действующего нормативно-правового регулирования и материалов правоприменительной практики демонстрирует существование множества значимых проблем в обозначенной сфере.

Статистика показывает стабильно низкое число осужденных по ст. 235 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), предусматривающей ответственность за незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности (в период с 2020 по 2025 годы по ст. 235 УК РФ осуждалось не более четырёх человек в год[2]).

Вместе с тем ежедневные сообщения в средствах массовой информации о причинении вреда здоровью и наступлении смерти граждан в результате осуществления частной медицинской практики (в особенности при получении косметологических услуг) не согласуются с данными уголовной статистики[3]. Последняя отражает лишь эпизодическое применение статьи 235 УК РФ.

Рассматривая объективную сторону состава преступления, предусмотренного статьей 235, следует остановиться на понятии «медицинской деятельности», которое официально закреплено в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[4]. Согласно п. 10 ч. 1 ст. 2 названного закона под медицинской деятельностью следует понимать профессиональную деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях».

---

[1]О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой «Консультант плюс» (дата обращения: 01.04.2026).

[2]Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 02.04.2026).

[3]Количество нелегальных инъекций в России выросло в 2 раза на самоизоляции. [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/business/01/07/2020/5ee9ee239a79471354366d7d

С аккуратным носиком, но без зрения: женщина ослепла после похода к косметологу. [Электронный ресурс] // URL: https://sobesednik.ru/beauty/20190206-s-akkuratnym-nosikom-no-bez-zreniya-zhenshina-oslepla-posle-pohoda-k-kosmetologu.

На косметолога без лицензии завели уголовное дело. [Электронный ресурс] // URL: https://pravx.ru/news/na-kosmetologa-bez-licenzii-zaveli-ugolovnoe-delo/.

[4]Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой «Консультант плюс» (дата обращения: 01.04.2026).

В силу п. 46 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» медицинская деятельность (за исключением осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») подлежит лицензированию.

Процедура получения лицензии на осуществление медицинской деятельности включает в себя, в частности, оформление санитарно-эпидемиологического заключения и проведение обязательной проверки соискателя на соответствие лицензионным требованиям, таким как наличие специального образования и (или) квалификации, необходимого оборудования, соответствие помещения санитарным и иным нормам и правилам, а также другим требованиям[1].

Следовательно, именно наличие лицензии подтверждает соблюдение лицом, намеревающимся заниматься медицинской деятельностью, совокупности обязательных условий, гарантирующих оказание услуг, соответствующих установленным стандартам качества и отвечающих требованиям безопасности.

Отсутствие лицензии на осуществление медицинской деятельности, напротив, не позволяет признать услугу, оказанную в рамках такой деятельности, соответствующей установленным требованиям безопасности, что, в свою очередь, порождает конкуренцию уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 235 УК РФ (осуществление медицинской деятельности лицом, не имеющим лицензии) и ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности).

Исходя из предписаний п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее — ППВС №18) если уголовная ответственность за нарушение специальных требований или правил установлена в других статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ, то содеянное не должно квалифицироваться по статье 238 УК РФ независимо от того, совершены эти деяния при производстве или обороте товаров и продукции, выполнении тех или иных работ, оказании услуг.

Таким образом, на основе системного толкования уголовного закона (ч. 3 ст. 17 УК РФ), устоявшихся доктринальных положений, а также позиций высших судов можно сделать вывод, что статья 235 УК РФ, как и статья

[1] О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра "Сколково") и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2021 № 852. Доступ из справ.-правовой «Консультант плюс» (дата обращения: 01.04.2026).

264 УК РФ, являются специальными по отношению к общей норме, закреплённой в статье 238 УК РФ.

Подтверждение правильности указанной точки зрения можно найти в судебной практике. Так, Шпаковским районным судом Ставропольского края вынесен обвинительный приговор в отношении мужчины, который оказывал услуги по мануальному массажу без соответствующего разрешения, в результате которых потерпевший получил средней тяжести вред здоровью[1].

Суд первой инстанции усмотрел в содеянном признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, тогда как суд апелляционной инстанции счёл такой подход ошибочным. Указав на то, что медицинский массаж отнесен к видам медицинской деятельности, а в материалах дела отсутствуют сведения о наличии у массажиста медицинского образования и лицензии, апелляционная инстанция сделала вывод о необоснованности квалификации по ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Таким образом, со ссылкой на п. 11 ППВС №18 суд подтвердил, что фактически деяние массажиста образует состав преступления в рамках специального вида деятельности, ответственность за которое установлена ст. 235 УК РФ[2].

Между тем анализ приговоров по делам о незаконном оказании медицинских услуг свидетельствует об отсутствии единообразия судебной практики в указанной сфере. При практически идентичных фактических обстоятельствах судами дается различная правовая квалификация содеянного. Приведем несколько примеров.

Бежецким городским судом Тверской области гражданка признана виновной в совершении преступления, предусмотренного статьей 235 УК РФ. Так, не соответствуя квалификационным требованиям к медицинскому персоналу по оказанию косметологических услуг, не имея высшего медицинского образования, а также лицензии на данный вид деятельности, с целью извлечения дохода, она внутримышечно, путем инъекций, ввела потерпевшей в область лица лекарственный препарат «Ботулинический токсин», в результате чего последней по неосторожности были причинены телесные повреждения, квалифицируемые как средней тяжести вред здоровью[3].

---

[1]Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края по делу №1-73/2023 от 22.08.2023. URL: https://shpakovsky--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=483197972&case_uid=71698549-a4a0-41f7-ad99-951f7dc643a2&delo_id=1540006 (дата обращения: 02.04.2026).

[2]Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда №22-3656/2024 по делу №1-73/2023 от 01.09.2024. URL: https://kraevoy--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38714083&case_uid=9fea55f3-9f7f-4648-9d21-fe4a2e2e9ad7&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 02.04.2026).

[3]Приговор Бежецкого городского суда Тверской области по делу № 1-1/2019 от 28 января 2019 г. URL: https://inlnk.ru/meZogp (дата обращения: 02.04.2026).

Иным примером судебной практики по сходной фабуле может служить приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы, вынесенный по уголовному делу в отношении жительницы Московской области, которая, не имея высшего медицинского образования, а также лицензии на осуществление медицинской деятельности, действуя из корыстных побуждений, оказывала медицинские услуги по косметологии. Находясь в арендуемом кабинете с вывеской медицинского центра, виновная путем инъекций ввела потерпевшей токсичную дозу медицинского препарата «лидокаин», что повлекло по неосторожности смерть последней. В этом случае суд квалифицировал указанные действия по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ[1].

Предложенную правовую оценку вряд ли можно признать обоснованной, поскольку совершённое деяние подпадает под признаки ст. 235 УК РФ, что прямо следует из приведённых разъяснений Верховного Суда РФ.

Согласно позиции Машковой А.В. содеянное косметологом в описанных ситуациях должно квалифицироваться только по ст. 238 УК РФ. Отсутствие лицензии автор трактует двояко: либо как конститутивный признак ст. 235 УК РФ, либо как доказательство реальной угрозы жизни и здоровью потребителя, позволяющее квалифицировать общественно опасное деяние по ст. 238 УК РФ[2]. На наш взгляд, следование изложенной логике приводит к тому, что статья 235 УК РФ превращается в юридическую фикцию.

Как нам представляется, более верным подходом будет квалификация действий лица при осуществлении медицинской практики в отсутствие лицензии, повлекшем по неосторожности вред здоровью пациента либо его смерть, именно по ст. 235 УК РФ[3]. Напротив, оказание медицинских услуг без специального разрешения, но не повлекшее причинение вреда здоровью, охватывается диспозицией ст. 238 УК РФ, так как представляет собой услугу, не отвечающую требованиям безопасности[4].

Изложенный подход подкрепляется правоприменительной практикой[5], однако, не все авторы разделяют данную точку зрения. Например, Дмитренок В. И. обращает внимание на спорность указанной квалификации и, опираясь на ППВС № 18, подчеркивает, что действия виновного в таком случае

---

[1]Приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы по делу № 01-0288/2020 от 15.10.2020. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/dorogomilovskij/services/cases/criminal/details/958b3384-d472-4265-9310-30cfa91e46c7?participant=%D0%9A%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BD (дата обращения: 02.04.2026).

[2]Машкова А. В. Уголовно-правовой аспект оказания косметологических услуг // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. №3 (50). С. 337.

[3]Машинская А. А., Орищенко А. С. «Красота не требует жертв!»: проблемы квалификации преступных деяний в сфере косметологии и пластической хирургии // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 4. С. 29.

[4]Семочкина А. А., Туманов А. С. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при оказании косметических и косметологических услуг // Вестник экономической безопасности. 2023. № 5. С. 133.

[5]Приговор Ленинского районного суда Новосибирской области по делу № 1-75/2020 от 26.02.2020. URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=654251133&case_uid=971796c7-1638-41af-81cf-446cee94e26c&delo_id=1540006 (дата обращения: 02.04.2026).

охватываются ст. 235 УК РФ, но в силу того, что норма сконструирована как материальный состав, в рамках данной статьи привлечь лицо к ответственности не представляется возможным[1]. Автор видит решение указанной проблемы в преобразовании состава рассматриваемого преступления в формально-материальный посредством внесения конструктивных изменений в ст. 235 УК РФ.

Как справедливо отмечают Семочкина А. А. и Туманов А. С. причинение вреда здоровью пациента возможно и при оказании медицинских услуг с наличием соответствующей лицензии[2].

Поскольку для квалификации деяния по ст. 235 УК РФ обязательным признаком выступает отсутствие лицензии на избранный вид деятельности, в ситуациях, когда лицо имеет соответствующие разрешение, но осуществляет медицинскую деятельность ненадлежащим образом (например, с использованием некачественных или несертифицированных препаратов) и осознает, что представляемые услуги создают опасность для жизни и здоровья пациента и могут привести к тяжким последствиям, содеянное подлежит оценке по ст. 238 УК РФ. Вместе с тем отсутствие лицензии при таких обстоятельствах вносит элемент неоднозначности в решение вопроса о квалификации.

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать отсутствие однообразного подхода к уголовно-правовой оценке фактически тождественных преступных действий по оказанию медицинских услуг при отсутствии лицензии. Дальнейшее развитие нормативно-правовой базы в совокупности с разъяснениями высших судебных инстанций будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики и усилению эффективности противодействия незаконной медицинской деятельности.

[1] Дмитренок В. И. Нелегальная медицинская деятельность: особенности правоприменительной практики // Закон и власть. 2025. № 6. С. 116.

[2] Семочкина А. А., Туманов А. С. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при оказании косметических и косметологических услуг // Вестник экономической безопасности. 2023. № 5. С. 134.

Научная статья
УДК 343.2/.7

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРОПАГАНДЫ НАРКОТИКОВ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ СТ. 230.3 УК РФ

Владислава Владимировна ВОЛКОЛУПОВА
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, volkolupova.v@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Владислав Федорович ЩЕПЕЛЬКОВ**, volga0@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится критический анализ законодательной конструкции нормы, предусмотренной в ст. 230.3 УК РФ, введенной в 2024 г., но вступившей в силу лишь с 1 марта 2026 г. По результатам проведенного исследования с учетом выявленных законодательных дефектов сформулированы авторские предложения по ее дальнейшему совершенствованию. В частности, предлагается включить в содержание данного уголовно-правового запрета иные публичные способы пропаганды наркотиков, а также установить уголовную ответственность и за пропаганду их немедицинского потребления, а также за пропаганду участия в незаконном обороте наркотиков, что позволит устранить «избирательный режим» уголовно-правовой охраны здоровья населения и повысить эффективность противодействия наркоугрозе.

Ключевые слова: пропаганда наркотиков, уголовная ответственность, статья 230.3 УК РФ, квалификация преступлений, информационно-телекоммуникационные сети

Противодействие распространению наркотических средств, психотропных, а также наркосодержащих растений, их аналогов (далее — наркотиков) традиционно относится к числу приоритетных направлений уголовной политики в сфере охраны здоровья населения. Особую опасность в современном информационном обществе приобретает пропаганда наркотиков, осуществляемая в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». Трансграничный характер цифрового пространства, анонимность пользователей социальных сетей, высокая скорость распространения криминогенной информации и латентный характер ее воздействия на массовое сознание аудитории создают качественно новые вызовы для си-

стемы уголовной юстиции. До недавнего времени ответственность за пропаганду наркотиков предусматривалась лишь в нормах административного законодательства. Вместе с тем в последние годы на законодательном уровне было признано, что применение исключительно административно-правовых мер является недостаточным для эффективного противодействия указанным деяниям. В 2024 г. были приняты Федеральные законы № 225-ФЗ[1] и № 226-ФЗ[2], предусматривающие существенное ужесточение юридической ответственности за пропаганду наркотиков, в том числе посредством введения уголовно-правовых запретов. В частности, в УК РФ включена новая ст. 230.3 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры».

Анализ действующей редакции этой статьи позволяет выявить ряд дискуссионных положений, свидетельствующих о наличии законодательных дефектов в регламентации уголовной ответственности за пропаганду наркотиков. В их числе можно выделить следующие:

не в полной мере обоснованное придание законодателем криминообразующего значения только такой пропаганде наркотиков, которая осуществляется исключительно в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (использование иных способов, например, традиционных средств массовой информации, листовок, плакатов, публичных выступлений на массовых мероприятиях и т.п. по-прежнему осталось за пределами уголовно-правового воздействия);

отсутствие в уголовном законе самостоятельной ответственности за пропаганду или рекламу немедицинского потребления наркотиков;

оставление за пределами уголовно-правового воздействия пропаганды участия в незаконном обороте наркотиков, в том числе с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Диспозиция нормы, предусмотренной ст. 230.3 УК РФ, включает в качестве обязательного признака объективной стороны данного состава совершение деяния в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Легальное определение понятия пропаганды содержится в ст. 46 Федерального закона РФ от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Однако применительно к рассматриваемой уголовно-правовой норме составообразующим признаком является

[1]Федеральный закон от 08.08.2024 № 225-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Федеральный закон от 08.08.2024 № 226-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

именно способ пропаганды — распространение соответствующей криминогенной информации в социальных сетях, в том числе в сети «Интернет».

Такое законодательное решение означает, что уголовная ответственность по ст. 230.3 УК РФ наступает лишь при условии, что пропаганда осуществлена с использованием глобальной сети «Интернет» или иных информационно-телекоммуникационных сетей. Иные способы пропаганды, например, распространение плакатов, листовок и т. п., публикация в традиционных средствах массовой информации (газетах, журналах, радио, телевидении), размещение информации на стендах, проведение лекций и выступлений на иных публичных мероприятиях, не охватываются составом данного преступления и влекут лишь административную ответственность по соответствующей части ст. 6.13 КоАП РФ[1].

Таким образом, фактически в ст. 230.3 УК РФ установлен «избирательный режим» уголовно-правовой охраны здоровья населения, что не в полной мере соответствует правовой оценке типовой степени общественной опасности данных деяний независимо от используемого в условиях публичности способа.

В ряде уголовно-правовых норм, направленных на противодействие распространению криминогенной информации, объективная сторона деяния наряду с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») включает и такой признак, как публичность распространения (например, ст. 207.1 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан); ст. 207.2 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации); ст. 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ); ст. 205.2 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности); ст. 282 УК РФ (Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды); ст. 242 УК РФ (Незаконные распространение и публичная демонстрация порнографических материалов); ст. 354.1 УК РФ (Реабилитация нацизма) и др.

В названных составах преступлений публичный характер деяния при его совершении в информационно-телекоммуникационных сетях, как правило, презюмируется, поскольку информация, размещенная в такой сети, автоматически становится доступной неограниченному кругу лиц. Тем не менее, само по себе указание на публичность в диспозициях названных норм имеет важное уголовно-правовое значение, так как позволяет правоприменителю четко отграничить уголовно наказуемое деяние от иного непреступного распространения информации в частном порядке (например, в личной

[1]См.: Ашин А. А., Зыков Д. А., Михайлов А. Е. К вопросу об уголовной ответственности за пропаганду наркотиков // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 328—330.

переписке), что имеет существенное значение для доказывания направленности и содержания умысла виновного лица.

Учитывая изложенное, представляется, что действующая редакция ст. 230.3 УК РФ, устанавливающая ответственность за пропаганду наркотиков, осуществленную лишь в информационно-телекоммуникационных сетях, но не связывающая это с обязательной публичностью, является не вполне последовательной. Более логичным и согласованным со сложившейся законодательной традицией было бы дополнение диспозиции нормы, предусмотренной в ст. 230.3 УК РФ, указанием на публичный характер действий виновного. Такое изменение позволило бы унифицировать правовое регулирование в сфере противодействия публичному распространению криминогенной информации в виде пропаганды наркотиков и устранить сложности, возникающие при квалификации таких деяний, совершенных в личной переписке пользователей социальных сетей. Кроме того, такое решение подтвердит повышенную общественную опасность именно публичных форм пропаганды наркотиков.

В юридической литературе обращается внимание и на то, что конструкция нормы, предусмотренной в ст. 230.3 УК РФ, оставляет за рамками уголовно-правового воздействия такие общественно опасные формы рассматриваемых деяний, которые связаны с незаконной рекламой наркотиков, а равно с рекламой интернет-ресурсов, использующихся для их распространения[1]. Кроме того, некоторые авторы справедливо отмечают, что в предмет пропаганды в данной норме не включены «производные наркотических средств или психотропных веществ, а также новые психоактивные вещества», что также свидетельствует о неполноте криминализации[2].

Кроме того, в диспозиции ст. 230.3 УК РФ установлена уголовная ответственность лишь за пропаганду самих наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, а также наркосодержащих растений, а не за пропаганду самого потребления (немедицинского употребления) данных средств и веществ[3].

Представляется, что такое законодательное решение тоже свидетельствует о неполноте законодательства. Формирование позитивного отношения к немедицинскому употреблению наркотиков, а также демонстрация «привлекательных» способов потребления и описание испытываемых приятных ощущений — все это объективно способствует вовлечению новых

[1]См.: Маллекер Д. И. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1(73). С. 64.

[2]Там же. С. 64.

[3]См.: Волколупова В. В. Уголовно-правовое противодействие пропаганде наркотиков: проблемы и перспективы. INTERNATIONAL LAW JOURNAL 2026, Том 9, № 1. С. 72—78.

лиц в наркопотребление и создает угрозу причинения вреда здоровью населения. Примечательно, что в первоначальных законопроектах их разработчики предполагали иное содержание данной нормы. В частности, законопроектом № 325719-8 предлагалось дополнить УК РФ ст. 230.3, которая называлась «Пропаганда незаконных оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, потребления наркотических средств или психотропных веществ, культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»[1]. Таким образом, первоначальная концепция законопроекта охватывала пропаганду как незаконного оборота, так и немедицинского потребления наркотиков, однако в окончательной редакции ст. 230.3 УК РФ указание на наказуемость пропаганды немедицинского употребления наркотиков было исключено.

Данное решение представляется небесспорным и не вполне обоснованным. Пропаганда немедицинского потребления наркотиков не менее (а в некоторых аспектах — более) опасна, чем пропаганда их незаконного оборота, поскольку именно потребление формирует спрос на наркотики, стимулирующий развитие их незаконного оборота. Отсутствие криминализации немедицинского потребления наркотиков позволяет избежать уголовного преследования при распространении криминогенной информации о способах употребления, положительных последствиях потребления и иных сведений, формирующих у аудитории позитивное отношение к наркотизации.

К числу законодательных дефектов нормы, предусмотренной в ст. 230.3 УК РФ, можно отнести законодательное исключение уголовной ответственности за пропаганду привлекательности и допустимости участия в незаконном обороте наркотиков, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на побуждение их к участию в соответствующей преступной деятельности (в частности, в качестве «операторов», «кураторов», курьеров-закладчиков). Полагаем, что подобная пропаганда, прежде всего в молодежной и подростковой среде, обладает общественной опасностью, вполне сопоставимой с пропагандой наркотиков или их немедицинского потребления, что обусловливает криминологическую обоснованность ее криминализации.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ст. 230.3 УК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании в трех основных направлениях. Во-первых, целесообразно распространить действие предусмотренного в ст. 230.3 УК РФ уголовно-правового запрета на публичную пропаганду наркотиков, осуществляемую иными способами, а не только в информационно-

[1]Проект федерального закона № 325719-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (внесен 30.03.2023 Правительством РФ) : (принят в первом чтении 30.05.2023) : (не действует) // СПС «Гарант».

телекоммуникационных сетях. Во-вторых, представляется вполне логичным восполнение имеющегося в УК РФ пробела, связанного с отсутствием уголовной ответственности за пропаганду немедицинского потребления наркотических средств и возвращение первоначальной редакционной концепции названного выше законопроекта № 325719-8. В-третьих, представляется криминологически обоснованным предусмотреть в ст. 230.3 УК РФ ответственность и за пропаганду привлекательности и допустимости участия в незаконном обороте наркотических средств, адресованную неопределенному кругу лиц с целью побуждения их к участию в указанной преступной деятельности. Реализация этих предложений будет способствовать повышению эффективности уголовно-правового противодействия пропаганде наркотиков во всех ее проявлениях, а в конечном счете, усилению охраны здоровья населения.

Научная статья
УДК. 343

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСВЕННОСТИ

Анна Сергеевна ГОЛОВИНА
Белгородский Юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия
anna.anna2003.golovina@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского Юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук **Наталья Юрьевна ФРОЛОВА,** natalia170884@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос об эффективности применения механизма освобождения от уголовного наказания. Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что нередко возникают сложности с применением норм данного института, поскольку имеет место злоупотребление уголовно-правовыми нормами, когда виновный пытается выдать свои преступные действия за непреступные. Кроме того, в современном уголовном законодательстве отсутствуют четкие пределы освобождения от уголовной ответственности, что приводит к неоднозначному толкованию норм рассматриваемого института. Вследствие существующих проблем допускаются ошибки в правоприменительной деятельности, что

недопустимо в современном правовом демократическом государстве, а потому вопросы, связанные с освобождением от уголовной ответственности, требуют тщательного изучения и разработки. Представленные в работе выводы и предложения могут стать основной для дальнейшего исследования и совершенствования механизма функционирования института освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, презумпция невиновности, принцип гуманизма, обвиняемый, подозреваемый, вина, доказанность, уголовное законодательство

Изучение генезиса института освобождения от уголовной ответственности необходимо для выявления основных тенденций его развития, особенностей реализации, влияния на отечественное уголовное законодательство. Появление данного института неразрывно связано с зарождением уголовной ответственности. Однако его первоначальная форма была лишена тех признаков, присущих современному институту освобождения от уголовной ответственности.

Одним из важнейших принципов уголовного права является именно неотвратимость наказания. Мысль итальянского юриста XVIII века Ч. Беккариа по сей день признается фундаментальной в большинстве мировых юридических систем: неотвратимость и скорость наказания гораздо больше способствуют предотвращению преступления, нежели его жестокость.

Современная уголовно-правовая политика основана на принципе гуманности, в связи с чем вполне успешно применяется институт освобождения от уголовной ответственности. Целевая направленность данного института заключается в некотором стимулировании положительного поведения человека, совершившего преступление. Особенно результативно применение норм рассматриваемого института в отношении лиц, впервые совершивших преступление, что дает им возможность избежать уголовного наказания в виде лишения свободы в случае активного участия в процессе расследования преступления, правомерного положительного поведения, которое доказывает обществу и государству факт исправление человека.

В настоящее время практически ежегодно происходит дополнение норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации примечаниями, которые содержат в себя основания и условия освобождения лица от уголовной ответственности, что подтверждает вывод о ключевом характере данного института в процессе гуманизации уголовного законодательства.

Данная тенденция подтверждается и статистическими данными: в 2025 году было освобождено от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием 6 187 лиц, в связи с примирением с потерпевшим — 90 929 лиц, по примечаниям к статьям Особенной части УК РФ — 6 719 лиц,

в связи с возмещением ущерба по делам экономической направленности — 69, с применением судебного штрафа — 14 956, примечательно то, что доля лиц, освобожденных от уголовной ответственности составила 17 % от общего числа лиц, в отношении которых был вынесен судебный акт по существу обвинения[1].

Институт освобождения от уголовной ответственности функционирует уже значительное время, совокупность нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, возникающие в рассматриваемой сфере, довольно качественно проработана и актуальна. Однако, в связи с активным развитием всех сфер общественной жизни совершенствование законодательства всегда будет необходимой частью изучения того или иного процесса.

В рамках рассматриваемой темы следует отметить спорный критерий при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности — это признание лицом своей вины. Существует две позиции по данному вопросу: сторонники первой акцентируют внимание на том, что признание лицом своей вины — это обязательный элемент. Если же лицо отрицает свою вину полностью или частично, но при этом не возражает против прекращения дела, то предварительное расследование должно продолжаться. Данный факт связан с тем, что освобождение от уголовной ответственности возможно лишь при установлении всех признаков преступления, и как известно, вина является обязательным признаком[2]. Однако, в данном случае следует отметить о таком явлении, как самооговор, суть которого заключается в том, что человек признает свою вину в преступлении, в совершении которого даже не участвовал.

Сторонники второй позиции не отмечают признание вины как обязательный критерий для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Данная позиция аргументирована тем, что процессе определения признаков преступления в деянии лица никак не должен зависеть от признания вины, то есть данный процесс осуществляется объективно. Вина, при решении вопроса об уголовной ответственности, должна быть доказана не только на основе показаний обвиняемого, но и потерпевшего, свидетелей по делу и иных фактических обстоятельствах, предусмотренных Уголовно-процессуальным Кодексом РФ. Следственный орган или же суд при рассмотрении дела осуществляется сбор и установление доказательств, свидетельствующих о наличии его вины в совершенном преступлении.

Итоговый процессуальный результат решения об освобождении от уголовной ответственности — это определение о прекращении уголовного

---

[1]Селиверстова М. А. О проблеме эффективности института освобождения от уголовной ответственности / М.А. Селиверстова – Текст: непосредственный // Криминалистъ. 2025. № 1(50). С. 70

[2]Забарчук Е. Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики / Е. Л. Забарчук. М.: Юрист, 2006. С. 8. – Текст: непосредственный. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика: монография / Под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2021. С. 256. – Текст: непосредственный.

дела, в котором в обязательном порядке указываются сведения о наличии в деянии лица всех признаков состава преступления и доказанности вины обвиняемого или подсудимого. При этом следует упомянуть тот факт, что возникают некоторые спорные элементы относительно того, что данное утверждение прямо и грубо нарушает конституционный принцип Российской Федерации — презумпцию невиновности. Однако, указанный принцип требует установления вины в приговоре, а доказанность вины является основанием для признания наличия вины как обязательного признака состава преступления, что никак не противоречит упомянутому конституционному принципу.

Особое внимание в процессе исследования данной темы следует уделить вопросу практической результативности механизма освобождения от уголовной ответственности. Так, с одной стороны, реализация института освобождения от уголовной ответственности приводит к довольно положительным показателям: во-первых, соблюдается принцип гуманизма, то есть признается ценности личности даже несмотря на её противоправную деятельность, данный факт соответствует современным тенденциям гуманизации законодательства; во-вторых, стимулируется правомерное поведение, ведь возможность вернуться к нормальной жизни является мощным стимулом для осужденных; в-третьих, в таком случае уместно упомянуть индивидуализацию наказания, так как учитываются и конкретный случай, и индивидуальные особенности личности.

Однако, некоторые научные представители выражают свое мнение относительно того, что данный механизм в какой-то степени способствует уклонению лица от ответственности за его противоправные действия. Речь идет о случаях освобождения лица от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, примирения с потерпевшим, деятельного раскаяния и возмещения ущерба. К тому же, лицо, совершившее преступление и владеющее информацией о возможности освобождения от уголовной ответственности, будет всяческим образом способствовать такому исходу, исходя не из осознания своей вины и искреннего раскаяния, а из стремления избежать ответственности за свои деяния[1]. В результате, обозначенные цели уголовного преследования остаются недостигнутыми и создается устойчивая почва для совершения новых преступлений не только ранее судимыми лицами, но и новыми субъектами.

Неоднократное применение в отношении одних и тех же лиц норм об освобождении от уголовной ответственности отрицательно сказываются

[1]Гафурова Э. Р. Освобождение от уголовной ответственности в современной России: теория и практика / Э. Р. Гафурова, Д. Ю. Горемыкин. – Текст: непосредственный // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 3(21). С. 32—42.

как на состоянии преступности, так и на поведении самого лица. В таком случае правовые нормы не являются эффективными.

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, норма может быть эффективной в том случае, если она подлежит частому применению на практике, а повышение эффективности связано с положительной динамикой количества лиц, освобожденных от уголовной ответственности[1].

Вместе с тем необходимо отметить, что рост не может быть бесконечным, ввиду чего необходимо учитывать не только верхнюю, но и нижнюю границу.

Однако для расчета показателей эффективности применения норм института об освобождении от уголовной ответственности необходимо принимать во внимание те данные статистики, которые не находятся в общем доступе. Так, например, не имеется данных о прекращении уголовных дел на стадии предварительного расследования, а также о рецидиве среди тех лиц, которые ранее были освобождены от уголовной ответственности. В то же время указанные данные подлежат сбору, обобщению в виде статистических отчетов органами следствия и дознания.

Подводя итог вышесказанному, в целях проведения качественного и всестороннего мониторинга эффективности норм освобождения от уголовной ответственности необходимо внести изменения в формы статистического отчета Верховного Суда РФ № 11.2 «О характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»: существующие данные необходимо классифицировать по основаниям освобождения от уголовной ответственности, а также дополнить графой «освобождение от уголовной ответственности повторно». Кроме того, в целях контроля за показателями эффективности функционирования рассматриваемого института, следует обеспечить открытый доступ к сведениям о количестве дел, прекращенных на стадии предварительного расследования.

Научная статья

[1]Селиверстова М. А. О проблеме эффективности института освобождения от уголовной ответственности / М. А. Селиверстова– Текст: непосредственный // Криминалистъ. 2025. № 1(50). С. 75.

УДК 343.79

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Полина Ильинична ГОРЕЛОВА
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Ивановский филиал), Иваново, Россия
pgorelova-23@edu.ranepa.ru

Научный руководитель доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности и правоохранительной деятельности, кандидат юридических наук, **Алла Владимировна КАФИАТУЛИНА**, kafiatulina.alla@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам уголовно-правовой защиты животных в России. Отмечается рост преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ и их латентность. Сложности в квалификации связаны с доказыванием умысла, противоречием норм УК РФ и права на свободу вероисповедания (религиозные обряды). Отмечаются системные пробелы: противоречивый статус животных как имущества, конфликт гуманности с нормами об охоте, отсутствие регулирования использования животных в науке и промышленности. На основе международного опыта (VACI, API) предлагаются пути совершенствования — изменение правового статуса животных, введение специализированных экспертиз и устранение пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, уголовная ответственность, религиозные обряды, правовой статус животных, принцип гуманности, защита животных, Институт защиты животных Voiceless, индекс API

Проблема жестокого обращения с животными в России становится все острее. Несмотря на закрепленные в Федеральном законе № 498-ФЗ[1] принципы гуманности, судебная практика по ст. 245 УК РФ[2] сталкивается с препятствиями. Кроме того, за период 1968-1987 гг. Совет Европы утвердил

[1] Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ (в ред. от 31.07.2025). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43912 (дата обращения: 14.03.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 14.03.2026).

5 конвенций[1], защищающих животных в разных обстоятельствах. Россия ратифицировала лишь одну из них, однако даже ее нормы так и не были интегрированы в российское законодательство. Цель работы — выявить ключевые проблемы привлечения к ответственности за жестокое обращение с животными.

Данные Агентства правовой информации[2] демонстрируют, что за период с 2016 по 2023 год общее количество зарегистрированных деяний, предусмотренных статьей 245 УК РФ, выросло в 1,94 раза. Однако наиболее тревожным является рост преступлений, квалифицируемых по части 2 данной статьи (совершенные группой лиц, в присутствии несовершеннолетнего, с применением садистских методов, с публичной демонстрацией). Их число за аналогичный период увеличилось в 5,7 раз. Кроме того, если в 2016 году доля таких особо жестоких преступлений составляла лишь 15 %, то к 2023 году она достигла 65%.

В дополнение к рассмотренным данным приведем сведения, представленные в 2021 г. Ассоциацией «Благополучие животных» о жестоком обращении с животными, которые были отражены в СМИ и на интернет-платформах[3]. Всего за 5 месяцев 2021 г. Ассоциация выявила 663 случая насилия над животными: намеренные убийства животных — 46 % (303 случая), увечья — 26 % (171 случай), неприемлемое содержание — 13 % (87 случаев), избиения, повлекшие смерть животного — 9 % (61 случай).

Естественно, приведённые данные составляют лишь малую часть от реального количества случаев жестокого обращения с животными.

Высокий уровень латентности и отказов в возбуждении уголовных дел (до 74 %[4]) обусловлены правовыми коллизиями и пробелами. Сложность доказывания по ст. 245 УК РФ связана с отсутствием всех элементов состава преступления. Для привлечения к ответственности необходимо установить мотив (хулиганские, корыстные побуждения, особая жестокость), что затруднительно, если деяние напоминает бытовое. Также сложно установить причинно-следственную связь между действиями и последствиями для животного.

Одним из наиболее сложных барьеров для привлечения к ответственности является столкновение норм уголовного права с конституционным

---

[1]Речь идет о конвенциях: «О защите животных при международной перевозке (ETS № 065 от 13 декабря 1968 г. (с изм. от 10 мая 1979 г., пересм. в 2003 г.)); «О защите животных, содержащихся на фермах» (ETS № 087 от 10 марта 1976 г.); «О защите животных, предназначенных на убой» (ETS № 102 от 10 мая 1979 г); «О защите позвоночных животных, используемых для экспериментов и других научных целей (ETS № 123 от 18 марта 1986 г.); «О защите домашних животных» (ETS № 125 от 13 ноября 1987 г.).

[2]Агентство правовой информации //Судебная статистика РФ. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 14.03.2026).

[3]Статистика по статье 245 УК РФ «Жестокое обращение»// Ассоциация «Благополучие животных».2021. URL: https://blagozoo.ru/statistika (дата обращения: 14.03.2026).

[4]Там же.

правом на свободу вероисповедания. Анализ религиозных традиций, представленных в России, показывает, что многие из них содержат обряды, связанные с умерщвлением животных. В исламе и иудаизме это ритуальный забой скота, а в шаманских культах — жертвоприношения.

Хотя христианство и буддизм проповедуют милосердие к живым существам[1], а Экклезиаст и вовсе уравнивает участь человека и животного[2], двойственность религиозных текстов (например, концепция «владычества» человека над природой в христианстве[3]) дает пространство для восприятия природоохранных норм.

Правоохранительные органы часто отказывают в возбуждении уголовных дел по заявлениям о жестоком обращении во время религиозных обрядов, ссылаясь на свободу вероисповедания. Примеры в Перми[4] и Ангарске[5], где при совершении обрядов умерщвлялись животные, демонстрируют, как ссылка на традиционный уклад и свободу вероисповедания становится препятствием для квалификации деяния по ст. 245 УК РФ и применения уголовного и природоохранного законодательства, подрывая принцип неотвратимости наказания.

Проблема усугубляется внутренними конфликтами в самом законодательстве.

Во-первых, статус животного. Гражданский кодекс РФ определяет животных как имущество[6], в то время как Федеральный закон № 498-ФЗ требует гуманного отношения к ним, основанного на «сострадании и нравственности» (ст. 4). Это создает абсурдную ситуацию, когда, с одной стороны, животное- объект собственности, который, следовательно, можно уничтожить, с другой стороны, одновременно требует гуманности, легального понятия которой вообще не существует.

Во-вторых, принципы гуманности вступают в прямое противоречие с нормами природоохранного законодательства. Так, Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов»[7] провозглашает гуманность в качестве принципа, но при этом допускает такие виды охоты, как любительская и спортивная (п.2, ст. 12), которые по своей сути являются

---

[1] Библия онлайн. Синодальный перевод // Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/biblia/?ru (дата обращения: 08.03.2026). Притч. 12:10, Исх. 23:19.

[2]Екклезиа́ста, Глава 3. Ветхий Завет. Синодальный перевод. // Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/biblia/?Eccl.3&r (дата обращения: 14.03.2026). 3:19.

[3]Библия онлайн. Синодальный перевод. Быт. 1:28.

[4]Пермская полиция отказалась расследовать хасидские жертвоприношения// Викиновости. URL: https://ru.wikinews.org/wiki/Пермская_полиция_отказалась_расследовать_хасидские_жертвоприношения (дата обращения: 14.03.2026).

[5]Пять верблюдов сожгли в Ангарске: мистический обряд проверит прокуратура// Комсомольская правда. URL: https://www.irk.kp.ru/daily/26945/3997076/ (дата обращения: 14.03.2026).

[6]Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025).URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279 (дата обращения: 15.03.2026). Ст. 137.

[7]Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ (в ред. от 13.12.2024). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/29686 (дата обращения: 15.03.2026). П. 5, ст. 2.

формой досуга, связанной с умерщвлением животных. Особенно остро этот конфликт проявляется в отношении прав коренных народов на традиционную охоту.

В-третьих, законодательство не регулирует страдания животных, выращиваемых для меха и кожи. Между тем, только за 2018 год для производства кожи было убито 50,7 млн. поросят, крупного рогатого скота и коз[1]. Не урегулирован и аспект использования животных в научных экспериментах и при тестировании косметики. В России, в отличие от многих стран, опыты на животных разрешены[2], но данные об их количестве скрываются. Учитывая, что Россия и США по индексу защиты животных API[3] находятся на одинаковом месте, можно предположить, что количество животных для опытов в РФ примерно такое же, как и в США, а там оно ежегодно достигает 110 млн. животных[4].

Таким образом, законодательно неурегулированные сферы (пушное, кожевенное производство, научные эксперименты), где страдания и гибель животных массовы, противоречат декларируемым принципам гуманности. Отсутствие норм и закрытость данных лишают миллионы животных правовой защиты, что на фоне мировых тенденций к ограничению таких практик является пробелом в российском законодательстве.

Россия занимает среднее положение по уровню жестокости к животным, согласно индексам VACI[5] и API. Количество убитых сельхозживотных на душу населения в России (18,17 в 2018 г. [6]) сопоставимо с Китаем, но превышает показатели стран с развитой гуманистической традицией, например, Швеции.

Анализ российского законодательства, проведенный World Animal Protection в 2020 году, выявил его недостатки: непризнание способности животных чувствовать боль и эмоции, отсутствие требований к гуманному забою, а также пробелы в регулировании использования животных в науке и промышленности[7].

---

[1] Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций. URL: https://www.fao.org/home/ru (дата обращения: 15.03.2026).

[2]Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2009 N 209-ФЗ. Ст. 15;

[3]Сравнение стран в индексе// Всемирное общество защиты животных World Animal Protection. 2020. URL: https://api.worldanimalprotection.org/compare (дата обращения: 15.03.2026).

[4]Факты и статистика о тестировании на животных// PETA. URL: https://www.peta.org/issues/animals-used-for-experimentation/animals-used-experimentation-factsheets/animal-experiments-overview/#:~:text=Animal%20Testing%20Facts%20and%20Figures&text=In%202023%2C%20more%20than%20774,to%20have%20been%20111%20million (дата обращения: 15.03.2026);

[5]Индекс жестокого обращения с животными VACI// Институт защиты животных Voiceless. 2018. URL: https://vaci.voiceless.org.au/ (дата обращения: 15.03.2026).

[6]Количество сельскохозяйственных животных, забитых на мясо, на душу населения (2018 год)// Институт защиты животных Voiceless. 2018. URL: https://vaci.voiceless.org.au/other-rankings/ (дата обращения: 15.03.2026);

[7] Россия: Законодательный индекс API// World Animal Protection. 2020. URL: https://api.worldanimalprotection.org/country/russia (дата обращения: 15.03.2026).

Для решения проблем квалификации и повышения эффективности ст. 245 УК РФ предлагается:

ввести обязательную религиоведческую и этнологическую экспертизу по делам о вреде животным в обрядах;

установить приоритет закона над свободой вероисповедания;

закрепить понятие «гуманность» и признать животных «чувствующими существами», а не имуществом;

пересмотреть целесообразность любительской и спортивной охоты;

принять нормы, регулирующие обращение с животными в пушном хозяйстве, науке и моде для минимизации страданий.

Научная статья
УДК 343.2/.7

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ: «РАСПРОСТРАНЕНИЕ» И «ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дмитрий Сергеевич ГОРОХОВ[1], Ксения Николаевна ЛАГИРЕВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] gorokhov235@gmail.com
[2] lagksusha@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**.

Аннотация. В статье анализируются проблемы разграничения понятий «распространение» и «публичная демонстрация» в уголовном праве. Автор выявляет противоречия в подходах Верховного Суда РФ и обосновывает вывод, что распространение следует рассматривать как частный случай публичной демонстрации.

Ключевые слова: запрещенные материалы, информационно-телекоммуникационные сети, публичная демонстрация, объективная сторона, распространение, информация

В уголовном праве разграничение понятий «распространение» и «публичная демонстрация» имеет ключевое значение для квалификации пре-

ступлений. Различия в подходах, существующих в законодательстве и судебной практики, обуславливают необходимость анализа критериев, позволяющих разграничить указанные формы противоправной деятельности.

В соответствии с п. 9 ч. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации) распространение информации — это действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц[1]. Из буквального толкования приведенного определения следует, что распространение характеризуется направленностью исключительно на неопределенный круг лиц, соответственно, совершение действий, предназначенных на получение или передачу информации определенному, однако количественно значительному кругу лиц, не будет являться распространением.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации указал, что положения Закона об информации, имеющего самостоятельный предмет регулирования, распространяют свое действие лишь на отношения, связанные с информацией, и не могут определять содержание и границы уголовно-правовых запретов в области оборота порнографической продукции[2].

Предлагаем обратиться к позициям Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), изложенным в постановлениях его пленума.

Так, согласно абз. 2 п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (далее — ППВС РФ № 37) под распространением понимается незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования, оно может совершаться путем направления в личном сообщении конкретному лицу, рассылки определенному или неопределенному кругу лиц, размещения на личных страницах и на страницах групп пользователей, в том числе в социальных сетях и мессенджерах, ссылки для загрузки (скачивания) файлов[3].

В разъяснении высшего судебного органа понятие «распространение» трактуется шире, чем в законодательстве об информации. Если для целей

---

[1]Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2018 г. № 2047-О, от 19 июля 2016 г. № 1746-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Закона об информации распространение ограничено взаимодействием сугубо с неопределенным кругом лиц, то при квалификации преступлений распространением признается еще и передача материалов конкретным лицам, а также возможность использования переданной информации.

Для целей настоящего исследования представляется необходимым также проанализировать дефиницию «публичная демонстрация». Так, в соответствии с абз. 3 п. 22 ППВС РФ № 37 публичная демонстрация с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», заключается в открытом показе материалов либо в предоставлении неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов, однако без возможности самостоятельного их использования (путем сохранения на своем компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т. п.), как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, — стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах)[1].

Основным критерием, позволяющим отграничить публичную демонстрацию от распространения, Пленум называет отсутствие у адресата возможности самостоятельного использования информации, в том числе её сохранения на своём устройстве программными средствами. Вместе с тем современные сервисы и приложения нередко устанавливают технические ограничения, препятствующие такому сохранению (запрет скриншотов, блокировка записи экрана). Однако получатель может преодолеть эти ограничения, прибегнув к съёмке экрана одного устройства на камеру другого — способу, не связанному с использованием программных свойств вычислительной техники.

Введенное ППВС РФ № 37 разграничение корреспондирует и с положениями уголовного закона, так, в ст.ст. 242 и 242.1 УК РФ публичная демонстрация выделена в качестве самостоятельного вида запрещенной деятельности наряду с распространением. Следовательно, исходя из буквального смысла закона, распространение и публичная демонстрация представляют собой взаимоисключающие формы деяния[2].

---

[1] Принадлежит компании Meta*, запрещенной в РФ организации, признанной экстремистской.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Яни П.С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях / П. С. Яни //Законность. 2025. № 2(1084). С. 35.

Обращаясь к вопросу о публичном характере распространения информации, следует выделить позицию, изложенную в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее — ППВС РФ № 11), где Верховный Суд РФ формулирует единый критерий, объединяющий распространение и публичную демонстрацию, что представляется наиболее логичным и последовательным подходом.

При оценке публичности демонстрации правоприменитель может использовать критерии, разработанные судебной практикой для других категорий уголовных дел, таких как дела о публичных призывах к экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 ППВС РФ № 11 действия, влекут уголовную ответственность по статье 282 УК РФ только в том случае, если они совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (например, выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц)[1].

Приведем пример: ФИО2 признан виновным в незаконном хранении, перевозке и продаже дериватов женьшеня с публичной демонстрацией в сети «Интернет» (размещение фотографий в Instagram*), а также в покушении на продажу оставшихся корней. Суд квалифицировал размещение фотоснимков как публичную демонстрацию, а фактическую реализацию одной бутылки и приготовление к продаже остальной партии — как оконченное преступление и покушение соответственно[2]. Поскольку в диспозиции статьи 260.1 УК РФ в качестве квалифицирующего признака прямо предусмотрена только публичная демонстрация, суд применил именно эту норму. При этом размещение фотографий в открытом доступе, доступном неограниченному кругу лиц, с юридической точки зрения могло бы рассматриваться и как распространение.

Трудность разграничения названных признаков для правоприменителя приводит к тому, что они нередко вменяются вместе. Например: «Разместив на персональной странице в социальной сети открытые для неограниченного круга лиц порнографические материалы, Ц. совершил их незаконное

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Приговор № 1-425/2025 от 14 апреля 2025 г. по делу № 1-425/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

распространение, а также публичную демонстрацию, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»»[1].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что различие между распространением и публичной демонстрацией заключается в наличии у адресата возможности самостоятельного использования информации. Вместе с тем наиболее последовательный подход к пониманию распространения сформулирован в ППВС РФ № 11. В нем распространение (включая массовую рассылку, размещение на сайтах и т.д.) рассматривается как одна из форм публичной демонстрации.

Таким образом, при квалификации преступлений, где существенное значение имеет публичный характер действий, распространение следует признавать частным случаем публичной демонстрации. Такой подход обеспечит единообразие правоприменения и будет соответствовать логике Верховного Суда РФ, ориентирующей на оценку деяния как совершенного публично, независимо от избранной виновным технической формы доведения информации до иных лиц.

В качестве нововведения, которое урегулирует действующие проблемы правоприменительной практики, предлагаем главу 25 УК РФ дополнить статьей, предусматривающей уголовную ответственность за публичную демонстрацию тяжкого или особо тяжкого преступления, а также, распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками тяжких или особо тяжких преступлений, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, где диспозиция состава преступления будет предусматривать ответственность за демонстрацию тяжкого преступления, а в качестве квалифицирующих признаков будут выступать: демонстрация тяжкого преступления в отношении двух и более лиц, малолетнего или иного лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, совершенное с особой жестокостью, совершенное в соучастии, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, особо тяжкого преступления, а в статьях, где публичная демонстрация и распространение введены в качестве отягчающего обстоятельства — декриминализовать, поскольку, в данном виде у правоприменителя возникают проблемы толкования и последующей квалификации деяний.

[1]Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 июля 2024 г. № 77-1567/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.431

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ, В РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Максим Антонович ГРИЩЕНКО[1], Арина Артёмовна ЧАЙКОВСКАЯ[2]
[1,2] ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
[1] gmaxai@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **Ирина Владимировна ПОЛИКАРПОВА**, ir-polikarpova@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена проблеме квалификации преступлений, связанных с торговлей людьми. Исследуются международные стандарты и механизмы взаимодействия в контексте борьбы с транснациональной организованной преступностью, а также правоприменительная практика в России. Особое внимание уделено сложностям, возникающим при доказательстве цели эксплуатации и функционированию преступных сетей, включающих различные стадии преступной деятельности. Авторы анализируют необходимость международного сотрудничества и унификации методик правоприменения, а также роль Верховного Суда РФ в уточнении правовых норм и критериев. В заключение, обсуждаются предложения по улучшению правозащитных механизмов и стандартов доказательств в делах о торговле людьми.

Ключевые слова: торговля людьми, транснациональная организованная преступность, квалификация преступлений, международное сотрудничество, правоприменение, Верховный Суд РФ, эксплуатация, доказательства, защита потерпевших

Торговля людьми в современной криминологической картине представляет воспроизводящийся механизм извлечения прибыли из уязвимости человека. Международные оценки фиксируют, что «современное рабство» охватывает десятки миллионов людей, включая принудительный труд и принудительные браки, что отражено в совместных оценках МОТ, Walk Free

и МОМ[1]. Одновременно глобальные отчеты УНП ООН показывают, что после пандемийного спада число выявленных жертв вновь растет, а структура эксплуатации усложняется за счет вовлечения детей и использования трудовой эксплуатации в новых секторах[2].

Связь торговли людьми с транснациональной организованной преступностью проявляется в «сетевом» характере деяния. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности определяет границы, в пределах которых преступные рынки функционируют через распределение ролей, устойчивость структуры, использование коррупционных связей и трансграничной логистики, а также через легализацию доходов[3]. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, дополняя Конвенцию ООН, закрепляет основу борьбу, которая должна сочетать предупреждение, защиту потерпевших и международное сотрудничество, то есть изначально ориентирует государства на комплексные решения, выходящие за пределы одной уголовно-правовой нормы. В результате национальная квалификация по статье 127.1 УК РФ должна рассматриваться как инструмент, включенный в более широкую архитектуру противодействия организованным транснациональным рынкам.

Российский законодатель, имплементируя международную модель, отказался от узкого понимания торговли людьми как купли-продажи и закрепил широкий перечень действий, образующих объективную сторону: сделку, вербовку, перевозку, передачу, укрывательство и получение человека. Подобная конструкция соответствует «цепочечному» характеру преступления, где эксплуатация может быть конечной целью организаторов, но непосредственные исполнители работают на отдельных этапах и часто не контактируют с местом эксплуатации. В научной литературе подчеркивается, что такая модель повышает охват уголовно-правовой охраны, но одновременно увеличивает риски конкуренции норм со смежными составами и усиливает требования к доказыванию субъективной стороны, прежде всего цели эксплуатации[4].

Ключевую роль в выработке единообразных ориентиров играет позиция Верховного Суда Российской Федерации. Постановление Пленума от 24.12.2019 № 58 детализирует содержание действий, относимых к торговле

---

[1] Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage // United Nations Network on Migration. 2022. URL: https://migrationnetwork.un.org/resources/global-estimates-modern-slavery-forced-labour-and-forced-marriage-0 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Global Report on Trafficking in Persons 2024 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Vienna, 2024. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2024/GLOTIP2024_BOOK.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[3] United Nations Convention against Transnational Organized Crime: adopted by General Assembly resolution 55/25 of 15 November 2000 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2025. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Хропаль С. А. Торговля людьми: актуальные вопросы правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 12(69). С. 564—572.

людьми, и разграничивает их с похищением и незаконным лишением свободы. Особенно значимо указание на то, что цель эксплуатации является обязательным признаком только для вербовки, перевозки, передачи, укрывательства и получения, тогда как для купли-продажи или иных сделок она не является обязательной, хотя может присутствовать фактически[1]. Эта дифференциация снимает часть методологических споров, но одновременно порождает практический вопрос о том, какие доказательственные критерии позволяют уверенно утверждать наличие цели эксплуатации, когда фактическая эксплуатация еще не наступила или маскируется под «добровольное трудоустройство».

Проблема доказывания цели эксплуатации в делах о торговле людьми имеет двойственную природу. С одной стороны, международное определение торговли людьми строится вокруг сочетания действий, средств и цели (эксплуатации), что делает цель центральным элементом криминализации и отличительным признаком по отношению к законной миграции или посредничеству на рынке труда[2]. С другой стороны, в реальном расследовании цель редко выражена прямыми доказательствами и чаще реконструируется из совокупности косвенных обстоятельств, включая способы подбора жертв, характер контроля, ограничения свободы, условия перевозки и последующее обращение с потерпевшими. Недостаток унифицированных критериев приводит к смене квалификации на смежные составы и к «рассыпанию» обвинения при судебной проверке, что фактически закрепляет высокую латентность и воспроизводит статистическую малочисленность приговоров по статье 127.1 УК РФ.

Дополнительная сложность связана с определением самого содержания эксплуатации. Российский уголовный закон использует перечневый подход, охватывая сексуальную эксплуатацию, использование рабского труда, подневольное состояние, изъятие органов и иные формы. В международных стандартах, особенно в трудовом блоке, эксплуатация тесно сопряжена с концептом принудительного труда, который МОТ раскрывает через элементы принуждения, угрозы наказания и невозможности добровольного прекращения работы[3]. Сопоставление этих подходов показывает, что для правоприменителя критически важна воспроизводимая структура контроля

---

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Костылева О. В. Торговля людьми: имплементация международно-правовых норм и вопросы квалификации преступления по ст. 127.1 УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 3. С. 56—73.

[3] Convention C029 – Forced Labour Convention, 1930 (No. 29) : adopted at the 14th ILC session, Geneva, 28 June 1930 // United Nations. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/ILO_C_029.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

над человеком и извлечение выгоды из ограниченной автономии потерпевшего. В противном случае квалификация начинает зависеть от субъективных интерпретаций, что снижает предсказуемость судебной практики[1].

Стоит отметить, что в многоэпизодных преступлениях торговля людьми почти неизбежно носит организованный характер. Даже когда не удается доказать устойчивую организованную группу в уголовно-правовом смысле, типична функциональная специализация участников: одни обеспечивают вербовку и документальное оформление, другие занимаются транспортировкой, третьи создают условия укрывательства, четвертые контролируют конечную эксплуатацию и извлечение дохода[2]. В таких делах проблемным становится определение пределов осведомленности каждого соучастника о цели эксплуатации и, следовательно, пределов умысла. При отсутствии единой методики оценка осведомленности подменяется предположениями, что особенно рискованно при привлечении посредников, действующих на «пограничных» участках данной преступной цепи. В этой части разъяснения Пленума о содержании отдельных действий важны, но недостаточны, поскольку они описывают действия, а не стандарты доказывания умысла в распределенной преступной сети.

Транснациональный характер торговли людьми проявляется не только в пересечении границы, но и в распределении доказательств и активов между юрисдикциями. Отсюда следует, что международное сотрудничество является неразрывной частью исследования и не может быть отделена от вопросов квалификации. Если цель эксплуатации доказывается через цифровые следы вербовки, переписку, денежные переводы и маршруты перевозки, то значительная часть ключевых доказательств может находиться у иностранных провайдеров, банков, перевозчиков и миграционных служб[3]. В логике Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности международная правовая помощь и оперативный обмен информацией служат центральным условием раскрытия организованных цепочек, включая установление доходов и их конфискацию[4].

С учетом выявленных проблем представляются оправданными меры, ориентированные на повышение «юридической видимости» торговли людьми как организованного преступного бизнеса. Во-первых, в правоприменительной плоскости требуется закрепление на уровне ведомственных

---

[1]Гурбанова Г. А. Проблемные вопросы, связанные с применением ст. 127 УК РФ «Незаконное лишение свободы» // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 6. С. 124—133.

[2]Байгазиев А. Т. Организованные преступные группировки в современном мире: теоретические основы, структура и функциональные аспекты // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 8. С. 332—339.

[3]Шаталов А. С. Роль, сущность и значение цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 231—237.

[4]Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

методических рекомендаций перечня доказательственных стандартов для вывода о цели эксплуатации при отсутствии завершенной эксплуатации, с прямой привязкой к позициям Пленума о моменте окончания при вербовке, перевозке и иных действиях[1]. Такой стандарт должен требовать реконструкции будущей модели контроля над потерпевшим, включая способ удержания, экономический расчет и механизм извлечения выгоды. Во-вторых, необходимо институциональное усиление финансово-следственного компонента: торговля людьми экономически мотивирована, следовательно, расследование должно быть направлено на выявление платежей, долговых схем, каналов вывода доходов и активов, что соответствует подходам Конвенции ООН к борьбе с организованной преступностью через конфискацию и пресечение легализации доходов.

В заключение следует подчеркнуть, что статья 127.1 УК РФ в ее международно-ориентированной конструкции потенциально позволяет охватывать различные стадии преступной цепи, однако эффективность ее применения зависит от трех взаимосвязанных блоков. Первый блок составляет предсказуемая квалификация, основанная на разъяснениях Верховного Суда и на единых доказательственных стандартах цели эксплуатации и роли соучастников. Второй блок образует межведомственная и международная совместимость документирования, без которой транснациональные элементы превращаются в «потерю доказательств» между юрисдикциями. Третий блок связан с защитой потерпевших, поскольку без их безопасности и процессуальной доступности уголовное преследование организаторов и выгодоприобретателей остается декларативным, что косвенно подтверждается крайне низкими показателями осуждения по статье 127.1 в судебной статистике. Комплексный подход к развитию данных блоков позволяет рассматривать противодействие торговле людьми как систему мер, согласованную с обязательствами по Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и Протоколу о торговле людьми.

В долгосрочной перспективе противодействие торговле людьми следует рассматривать как устойчивую государственно-правовую политику, рассчитанную на последовательное снижение криминальной рентабельности эксплуатации человека, повышение неизбежности выявления организаторов и выгодоприобретателей, а также на укрепление гарантий защиты потерпевших. Такой горизонт предполагает, что уголовно-правовая оценка по статье 127.1 УК РФ будет развиваться параллельно с совершенствованием механизмов ранней идентификации жертв, финансово-следственных методик отслеживания доходов, цифровой криминалистики и процедур международной правовой помощи, поскольку именно эти элементы определяют

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

реальную способность государства противостоять сетевым и трансграничным моделям преступного бизнеса. Логика комплексного подхода прямо заложена в международных обязательствах государств по Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, который увязывает уголовное преследование с защитой потерпевших и международным сотрудничеством, тем самым задавая ориентир на системность и преемственность мер.

Одновременно следует признать, что исследование торговли людьми как явления транснациональной организованной преступности по своей природе требует дальнейшего сопоставления разноуровневых данных и подходов. Для правильного описания и объяснения механизма торговли людьми необходимо объединять уголовно-правовой анализ состава преступления и вопросов квалификации, криминологическое изучение факторов уязвимости и воспроизводства спроса на эксплуатацию, процессуальные аспекты доказывания в многоэпизодных делах, а также международно-правовые режимы кооперации и стандарты защиты жертв.

Научная статья
УДК 343.7

ПРИЗНАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ ИМУЩЕСТВОМ ПО УК РФ: ОТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ НОВЕЛЛЫ К ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫМ КОЛЛИЗИЯМ

Полина Николаевна ДОНЦОВА
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
dontsova05@bk.ru

Научный руководитель кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», **Казбек Мухамедович ХУТОВ**, hutov@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируются правовые последствия принятия Федерального закона от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ, которым цифровая валюта была законодательно признана имуществом в контексте Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается эволюция правового статуса криптовалют — от фрагментарного регулирования в Федеральном законе № 259-ФЗ до интеграции в уголовно-правовое поле. Исследуется влияние

данного признания на квалификацию преступлений против собственности, а также на противодействие легализации доходов, полученных преступным путем. Несмотря на значимость законодательных изменений, в статье выявляется комплекс сохраняющихся правоприменительных проблем. Ключевыми из них являются: сложность доказывания принадлежности криптокошелька конкретному лицу, вопросы разграничения составов преступлений при неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и хищении (ст. 158 УК РФ), неопределенность в методиках оценки стоимости цифровой валюты для определения размера ущерба, а также отсутствие регламентированного порядка конфискации, хранения и обращения криптоактивов в доход государства. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства и принятия разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для формирования единообразной судебной практики.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, имущество, уголовное право, хищение, неправомерный доступ, конфискация, квалификация преступлений, правоприменительная практика, цифровая экономика

В настоящее время правоохранительными органами Российской Федерации фиксируется устойчивый рост числа преступлений, сопряженных с использованием электронных платежных средств и конвертацией фиатных денег в цифровую валюту. Длительное отсутствие в российском законодательстве четкого определения правового статуса цифровых валют являлось серьезным препятствием для эффективного противодействия преступлениям в этой сфере. В этих условиях принятие Федерального закона от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] стало ключевым этапом в адаптации уголовно-правовых норм к реалиям цифровой экономики, поскольку законодательно закрепило статус цифровой валюты как имущества в контексте Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Легальная дефиниция цифровой валюты, закрепленная в части 3 статьи 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], определяет её как «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся

[1]О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 20.02.2026 № 38 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2026. № 8. Ст. 773.

[2]О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 259 ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Проблемы квалификации цифровой валюты в качестве имущества, с которыми сталкиваются правоприменители сегодня, были предопределены изначальной непоследовательностью законодателя. Как отмечают О. Г. Соловьев и А. А. Князьков, принятие Федерального закона № 259-ФЗ «не привело к созданию полноценной системы правового регулирования обращения цифровых валют, его положения носят фрагментарный и во многом дискуссионный характер, а судебная практика не носит единообразного характера по делам, связанным с обращением цифровых валют (криптовалют)»[1]. Норма, устанавливающая особую правовую природу виртуальных активов, длительное время существовала в отрыве от уголовно-правового регулирования, что создавало существенные препятствия для квалификации противоправных деяний в этой сфере.

Де-юре признание цифровой валюты объектом вещных прав позволяет в настоящее время квалифицировать ее противоправное изъятие по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за хищение чужого имущества. Деяния, направленные на завладение криптоактивами, при установлении всех необходимых элементов состава можно квалифицировать как преступления, предусмотренные ст. 158 (кража), ст. 159 (мошенничество), ст. 161 (грабеж) и ст. 162 (разбой) УК РФ.

Однако на правоприменительном уровне ключевой проблемой остается доказывание принадлежности конкретного криптокошелька определенному лицу — подозреваемому (обвиняемому). В отличие от традиционного имущества, связь между субъектом и цифровым активом опосредована наличием закрытых ключей, которые могут быть неизвестны лицу, не обнаружены в ходе обыска либо умышленно скрыты фигурантом уголовного дела. Возникает процессуальная коллизия: при формальном наличии предмета преступления отсутствует юридически значимая связь этого предмета с субъектом, что делает проблематичным определение статуса собственника

[1]Соловьев О. Г., Князьков А. А. Современное состояние отечественного законодательства в сфере оборота цифровых валют и цифровых активов и вопросы правоприменения в уголовно правовой сфере // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 3. С. 441

или законного владельца похищенного, а также затрудняет доказывание самого факта хищения. В юридической литературе обоснованно отмечается, что, несмотря на формирование судебной практики, признающей цифровую валюту имуществом, это не снимает острых процессуальных вопросов. Как справедливо указывают С. А. Яковлева и Е. А. Аверина, «специфические особенности операций с криптовалютой, характеризующиеся обязательным наличием сведений о пароле и логине, без которых невозможно осуществить вход в криптокошелек, анонимностью операций и невозможностью их отмены, вызывают проблемы расследования рассматриваемых преступлений»[1]. Это является следствием обозначенной выше проблемы доказывания принадлежности криптокошелька конкретному лицу.

Не менее дискуссионным в доктрине и правоприменении остается вопрос о разграничении смежных составов преступлений, в частности, при неправомерном доступе к криптокошельку. Основной вопрос заключается в квалификации содеянного: следует ли рассматривать взлом кошелька и последующее изъятие средств исключительно как тайное хищение чужого имущества по ст.158 УК РФ, либо как совокупность преступлений, включающую неправомерный доступ к компьютерной информации по ст. 272 УК РФ? Учитывая, что цифровая валюта по своей природе остается совокупностью электронных данных, ее изъятие неизбежно сопряжено с воздействием на информационные системы. Отсутствие сформированной судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу порождает риск квалификационных ошибок и неединообразия при применении уголовного закона.

Существенную сложность представляет и проблема оценки стоимости цифровой валюты для целей определения размера ущерба. Вследствие отсутствия у криптовалют механизмов обеспечения ценовой стабильности их рыночная стоимость подвержена существенным колебаниям в краткосрочной перспективе. Уголовный закон требует установления значительного, крупного или особо крупного размера ущерба на момент совершения преступления. Однако резкие колебания курса ставят перед следствием и судом вопрос: какая именно стоимость подлежит вменению — та, что была на момент завладения, на момент окончания преступления, либо последующая динамика курса должна учитываться при исчислении ущерба для целей конфискации? Эта проблема не является новой. Ранее М. В. Лелетова указывала на отсутствие в России «органа, уполномоченного оценить стоимость криптовалюты на конкретную дату (время)»[2], что вынуждало правоприменителей использовать данные криптовалютных бирж без надлежащего правового

[1]Яковлева С. А., Аверина Е. А. Цифровая валюта - предмет взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 91.

[2]Лелетова М. В. Некоторые проблемы реализации уголовной политики в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровой валюты // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). С. 523.

регулирования данного вопроса. Несмотря на произошедшие изменения, проблема оценки стоимости цифровой валюты для квалификации деяния сохраняет свою актуальность.

Наконец, признание цифровой валюты имуществом имеет важнейшее значение для квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных предметов. Использование криптовалюты в качестве средства платежа при расчетах за наркотические средства, психотропные вещества, оружие и иные предметы, изъятые из гражданского оборота, отныне может быть квалифицировано как расчеты имуществом. Данное обстоятельство существенно усиливает доказательственную базу по уголовным делам о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем по ст. 174 и 174.1 УК РФ, поскольку позволяет прослеживать движение цифровых финансовых активов как имущественной массы, подлежащей последующей конфискации или обращению в доход государства.

Не менее сложный комплекс проблем возникает на стадии конфискации и последующего хранения цифровой валюты, обращенной в доход государства. Внесение изменений в ст. 104.1 УК РФ поставило перед правоприменителем ряд вопросов, связанных с механизмом обращения виртуальных активов в доход государства. В настоящее время не определено, подлежит ли изъятая криптовалюта реализации либо государство намерено осуществлять ее долгосрочное хранение в качестве актива. Отсутствие утвержденного порядка учета цифровой валюты на балансе государственных органов создает правовую неопределенность, препятствующую эффективному применению института конфискации.

Существенную проблему представляют риски утраты стоимости конфискованного имущества вследствие резких колебаний курса криптовалют. Рыночная стоимость активов, изъятых в ходе следствия, может многократно снизиться к моменту исполнения приговора, однако законодательство не содержит механизмов распределения бремени неблагоприятных последствий такого обесценивания. Уголовно-процессуальный закон, регламентируя порядок хранения вещественных доказательств (ст. 82 УПК РФ), не содержит механизмов, позволяющих распределить бремя неблагоприятных последствий такого обесценивания между участниками процесса (осужденным, потерпевшим, государством), а равно не предусматривает процессуальных процедур оперативной реализации актива для предотвращения ущерба публичным интересам или интересам правосудия.

Проведенный анализ позволяет заключить, что принятие Федерального закона № 38-ФЗ следует рассматривать в качестве значимого этапа в эволюции уголовно-правовой доктрины и законодательства, поскольку де-юре была восполнена коллизия, связанная с отсутствием легального определения правовой природы цифровых валют в контексте уголовного судопроизводства. Законодательное признание цифровой валюты имуществом создало

нормативную основу для квалификации противоправных деяний, посягающих на отношения собственности, а также для применения механизмов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Вместе с тем, исследование выявило сохраняющийся разрыв между нормативным регулированием и правоприменительной практикой. Императивное закрепление статуса цифровой валюты не разрешило комплекс проблем процессуального и материально-правового характера. К числу таковых относятся: отсутствие унифицированных критериев доказывания принадлежности криптокошелька конкретному субъекту; неоднозначность квалификации несанкционированного доступа к цифровой валюте, порождающая конкуренцию уголовно-правовых норм; неопределенность методик определения рыночной стоимости виртуальных активов для целей исчисления размера ущерба; а также отсутствие регламентированного порядка конфискации, хранения и последующего обращения в доход государства цифровых валют.

Это обусловливает необходимость признать, что формально-юридическое закрепление статуса цифровой валюты как объекта вещных прав, при всей его фундаментальной значимости, не является достаточным условием для формирования единообразной правоприменительной практики. Дальнейшее развитие института уголовной ответственности в исследуемой сфере объективно требует принятия разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, направленных на системное толкование действующих норм, а также совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части, регламентирующей механизмы работы с цифровыми активами.

Научная статья
УДК 343

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Алёна Алексеевна ЗАЙЧИКОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
zaichikova05@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юриди-

ческого института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, младший советник юстиции **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения института малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в преступлениях с административной преюдицией. Актуальность темы обусловлена в большей степени отсутствием законодательно закрепленных критериев указанного института, что порождает субъективизм в практической деятельности. На примере судебной практики (по ст. 158.1 УК РФ) и гипотетической ситуации (по ст. 264.1 УК РФ) автор выявляет критерии малозначительности и приходит к выводу, что игнорирование данной нормы превращает административную преюдицию из инструмента гуманизма в механизм, противоречащий принципу справедливости.

Ключевые слова: малозначительность, административная преюдиция, общественная опасность, материальный состав преступления, формальный состав преступления

Согласно Уголовному кодексу РФ (далее — УК РФ) основанием уголовной ответственности служит «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Определив дефиницию, законодатель объединил сразу два подхода (формальный и материальный), автоматически закрепив признаки, имеющие фундаментальное значение для отграничения указанного деяния от других проступков. На наш взгляд, центральную позицию с точки зрения правоприменения и доктрины в рамках исследуемой темы занимает общественная опасность, поскольку именно она характеризует качественные (характер) и количественные (степень) критерии, отражающие значительную совокупность объективных и субъективных показателей преступного поведения. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 №58: «...при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду, прежде всего, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла либо неосторожности». Исходя из всего вышесказанного и опираясь на норму ст. 8 УК РФ, можем утверждать, что уголовная ответственность в Российской Федерации наступает только за те действия или бездействия, которые содержат все элементы и признаки состава конкретного преступления.

Однако в силу высоких темпов социально-экономического развития общества, приводящих к изменению ценностей, не каждое преступное поведение лица, в нынешнее время, содержащее, на первый взгляд, все признаки состава, признается таковым в виду отсутствия в нем высокой степени общественной опасности. Более того, «примеры же судебной практики указывают на констатацию признания малозначительным не только умышленных, но и неосторожных деяний»[1]. В данном случае общественная опасность выступает оценочной категорией, отражающей именно возможность причинения вреда или создания угрозы причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям. Вместе с тем, предписание ч.2 ст.14 УК РФ до сих пор подвергается критике, как со стороны специалистов уголовного права, так и административного, что, в первую очередь, обусловлено высоким уровнем законодательной неопределенности. Представляется, что подобная ситуация в большей степени складывается именно из-за отсутствия четких критериев определения малозначительности, что по мнению доктора юридических наук Е. В. Роговой выступает причиной «...субъективного подхода при решении вопросов о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении его на последующих стадиях процессуальной деятельности»[2]. Кроме того, на сложности в применении указанного института обращают внимание и административисты, подтверждая, что несовершенство «...обусловлено отсутствием законодательного определения понятия и критериев, а также необходимостью использования совокупности правовых и неправовых факторов...»[3]. Так, описанную проблему уголовно — правового характера постарался решить Конституционный суд, указав в своем Определении от 16 июля 2013 г. № 1162-О в качестве конкретных обстоятельств содеянного, позволяющих правоприменителю оценить степень общественной опасности деяния и решить вопрос о малозначительности, размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельств, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ. Вместе с тем, исходя из позиции Верховного Суда РФ, «обстоятельства, относящиеся к личности и постпреступному поведению (например, оказание медицинской и иной помощи по-

[1] Корсун Д. Ю. Общая характеристика деяний, которые могут быть признаны малозначительными (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 140—146.

[2] Рогова Е. В. «Малозначительность деяния в зарубежном и российском уголовном законодательстве» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 4. С. 44—48.

[3] Попов А. В., Фомина И. А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения. Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 2. С. 132.

терпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда, если ущерб и вред причинены в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причинённого потерпевшему), не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения, они могут учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности или при назначении уголовного наказания»[1]. Аналогичная позиция относительно административных правонарушений содержится и в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда от 02.06.2004 №10, где разъясняется, что описанные выше обстоятельства не свидетельствуют о малозначительности правонарушения. Данные о личности в силу частей 2 и 3 статьи 4.1 КоАП РФ учитываются уже при назначении административного наказания.

Стоит отметить, что в современном Уголовном кодексе всё больше прослеживается тенденция конструирования и включения законодателем статей с административной преюдицией. В частности, в 2016 году был введен материальный состав, предусмотренный ст. 158.1 УК РФ. Исходя из конструкций норм с указанным выше институтом, основным признаком, отграничивающим их от правонарушений, является повторность, без которой состав преступления не может быть образован в принципе. Следовательно, «сущность общественной опасности заключается не просто в факте нарушения уголовно-правового запрета, а в том, что такое антиобщественное деяние, запрещенное уголовным законом, обладая свойствами прецедента, создает угрозу повторения подобных нарушений в будущем»[2]. Указанный признак напрямую взаимосвязан с характеристикой субъекта, что, в свою очередь, не всегда свидетельствует о высокой общественной опасности деяния. Таким образом, по нашему мнению, не любое противоправное повторное посягательство, подпадающее под признаки ст. 158.1 УК РФ, наносит значительный вред обществу и государству, достаточный для привлечения лица к уголовной ответственности. Вместе с тем, на практике прослеживается иная тенденция. Так, ФИО1, будучи ранее привлеченной к административной ответственности (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ), похитила из магазина 4 упаковки колбасы на сумму 407 рублей 53 копейки, что было квалифицировано по ст. 158.1 УК РФ[3]. Отказывая в применении ч. 2 ст.14 УК РФ, суд установил, что лицо умышленно повторно причинило существенный вред охраняемым

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 №11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Фефелов П. А. «Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы)». Москва, 1992. С. 27.

[3] Приговор Первомайского районного суда г. Пензы по делу № 1-62/2024 от 19 февраля 2024 г. – [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «СудАкт». URL: https://sudact.ru/regular/doc/jh5yohAX0dJX/ (дата обращения: 30.03.2026)

уголовным законом социальным ценностям, что в современный период времени уже звучит достаточно спорно, поскольку размер такого вреда составил менее 500 рублей и не превысил нижний предел даже по инкриминируемой ранее ФИО1 ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Как было отмечено, в составах с преюдицией общественная опасность, по сути, складывается из двух составляющих: степени общественной опасности нового посягательства и опасности самой личности. Поскольку 158.1 бланкетная норма, требующая, в том числе, анализа и учета административного законодательства, приведенный пример из судебной практики свидетельствует о пренебрежительном отношении к рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в постановлении от 24.03.2005 № 5, где указывается, что «малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемым общественных правоотношений». Следовательно, если новое деяние без учета преюдиции признается само по себе административно-малозначительным, то оно не должно влечь и уголовной ответственности в силу низкой общественной опасности. Игнорирование института малозначительности приводит к необоснованной уголовной ответственности за действия, которые сами по себе не образуют даже правонарушения, что превращает административную преюдицию из инструмента гуманизма в институт, противоречащий принципу справедливости. Представляется, что описанное деяние формально хоть и содержит в себе все признаки оконченного состава преступления, но в силу не опасного способа, специфики украденных предметов (продукты питания), незначительности вреда для потерпевшего (менее 500 рублей), отсутствия иных тяжких последствий, а, соответственно, и как таковой общественной опасности в целом, не должно влечь уголовной ответственности.

Иная ситуация складывается по поводу формального состава, закрепленного в ч.1 ст. 264.1 УК РФ. Указанная норма была введена законодателем в 2015 году из-за большого количества правонарушений, совершаемых указанными субъектами повторно, что в очередной раз показало недостаточную эффективность мер административного воздействия. Так, объективная сторона деяния, санкционируемая в приведенном ранее предписании, заключается в управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения. В данном случае под указанным действием, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20, понимается: «целенаправленное воздействие лица, в результате которого транспортное

средство перемещается в пространстве (вне зависимости от запуска двигателя)». Таким образом, исходя из формальной конструкции состава, преступление считается оконченным с момента начала такого движения специальным субъектом, то есть лицом в состоянии опьянения, ранее подвергнутым административному наказанию (по ч. 1 или ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ либо по ст. 12.26 КоАП РФ). Представляется что именно перечисленные признаки субъекта и увеличивают уровень общественной опасности посягательства, поскольку лицо уже подвергнутое ранее административному воздействию, начиная управление транспортным средством «должно и могло было предвидеть, что в результате осознанно-волевого приема алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ у него уменьшаются объем воспринимаемой информации, скорость реакции... и возможно наступление тяжких последствий»[1]. Таким образом, специфика анализируемого преступного нарушения заключается в создании опасности причинения вреда охраняемым общественным отношениям. Предположим, что гражданин Н., будучи ранее подвергнутым административному наказанию по ч.1 ст.12.8 КоАП РФ в период срока отбывания наказания, ночью в состоянии опьянения перепарковал свой автомобиль (от подъезда до соседнего парковочного места, не более 20 метров) для проезда скорой помощи. После совершения маневра он был остановлен сотрудниками ДПС. На первый взгляд, описанное деяние, формально, содержит в себе все признаки и элементы необходимые для квалификации по ч.1 ст. 264.1 УК РФ, однако, с учетом ряда обстоятельств оно может быть признано малозначительным. По нашему мнению, о такой возможности свидетельствует сразу целая совокупность факторов. В частности, самыми очевидными из них выступают сравнительно небольшая дистанция осуществленного управления (менее 20 метров) и общая обстановка, позволяющая в целом прийти к выводу о небольшом количестве людей, а также иных участников дорожного движения на придомовой территории в ночное время, что, в наш взгляд, заметно снижает уровень реальной угрозы общественным отношениям. Более того, немаловажную роль играют и отсутствие у лица цели, мотива на сознательное нарушение закона или реализацию личных преступных намерений, что, прежде всего, обусловлено вынужденностью совершения указанных действий, а не желанием причинить вред охраняемым интересам общества и государства. Таким образом, для понимания малозначительности суды должны исходить из того, что общественная опасность есть, но она недостаточна для признания конкретного повторного деяния преступным. Нельзя не

[1] Иванцова Н. В., Сосновский А. Л. Уголовно-правовые меры охраны жизни в сфере безопасности дорожного движения // Транспортное право. 2010. № 2. С. 97—100.

обратить внимания и на противоположную позицию, содержащуюся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, где указано, что «с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений, они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. К ним, в частности, относятся административные правонарушения, предусмотренные статьями 12.8, 12.26 КоАП РФ». Однако в данном случае стоит иметь в виду, что ст. 264.1 УК РФ не требует обращения к административному законодательству для уяснения сути объективной стороны деяния, поскольку она полностью расписана в диспозиции указанной нормы. Исходя из этого, безоговорочное следование положению постановления в приведенном случае является ошибочным, так как отсутствует бланкетность уголовного предписания. Применяя данный институт, стоит иметь в виду, что подобные действия (бездействия) нельзя относить и к административным правонарушениям, поскольку «формально они содержат все признаки деяния, предусмотренного или формально запрещенного УК РФ»[1].

Исходя из всего вышесказанного, можем выделить следующие критерии, подлежащие особому учету при решении вопроса о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ. Для материальных составов это: характер и размер причиненного вреда, способ совершения преступления, значимость объекта уголовно-правовой охраны, специфика предмета посягательства (т.е. первой необходимости, требующийся для поддержания существования в целом, или нет), отсутствие иных тяжких последствий, степень реализации преступных намерений, а также роль подсудимого (при соучастии) и форма вины[2]. Для формальных же составов критериями малозначительности выступают: количественно-качественная характеристика деяния, обстановка, способ совершения преступления, отсутствие реальной угрозы общественным отношениям, значимость объекта и предмета посягательства, мотив, цель, степень реализации преступных намерений, а также роль подсудимого (при соучастии) и форма вины.

[1] Винокуров В. Н. «Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы» // Журнал российского права. 2014. №4 С. 208.

[2] При этом, важность оценки некоторых из них, в том числе, подтверждается Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.04.2015 № 51-УД15-1.

Научная статья
УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Алёна Андреевна КАМНЕВА[1], Арсений Андреевич СОЛОМИН[2]
[1,2] Саратовская государственная юридическая академия,
Институт прокуратуры, Саратов, Россия
[1]solominarseniy@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **Елена Васильевна КОБЗЕВА**, evkobzeva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы уголовно-правовой оценки преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, на правотворческом и правоприменительном уровнях. Обоснована необходимость строгого антропоцентрического подхода в уголовном праве. Предлагается криминализировать бесконтрольный запуск автономных ИИ-систем, закрепить ответственность за преступное бездействие операторов и внедрить обязательные ГОСТы для разработчиков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, квалификация преступлений, антропоцентрический подход, уголовная ответственность, автономные системы, преступное бездействие

В современном мире технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) носят ярко выраженный амбивалентный характер. Наряду с колоссальным позитивным эффектом внедрение нейросетевых алгоритмов порождает принципиально новые, ранее неизвестные правовой системе риски. В частности, использование технологий ИИ качественно меняет характер противоправной деятельности, подчас многократно повышая уровень её общественной опасности. Для следственно-судебной практики главная проблема заключается в том, что традиционные механизмы уголовно-правового реагирования оказываются неэффективными перед лицом технологической специфики ИИ: возникает разорванность причинно-следственной связи, феномен «черного ящика» лишает алгоритмы прозрачности, а процесс доказывания вины конкретного лица критически усложняется.

Общественная опасность деяний, совершаемых с использованием ИИ, наглядно подтверждается современной правоприменительной практикой.

С точки зрения квалификации и установления форм вины, весь массив инцидентов можно разделить на несколько ключевых групп.

Во-первых, умышленное использование ИИ как высокотехнологичного орудия преступления. Технологии позволяют автоматизировать преступные схемы и создать иллюзию безнаказанности, дистанцируя преступника от потерпевшего (-их). Ярким примером трансформации мошенничества является инцидент 2024 г. в Гонконге, где злоумышленники с помощью технологии дипфейка сымитировали присутствие финансового директора на видеоконференции, похитив 25 млн долларов[1]. В подобных ситуациях ИИ выступает мощным катализатором преступления, а главной проблемой для следствия становится идентификация реального субъекта за сгенерированной цифровой личностью.

Во-вторых, неосторожные преступления и проблема автономности ИИ. Особую сложность представляет квалификация деяний, где вред причинен в результате сбоя или «самостоятельного» решения системы, вышедшей из-под контроля. Показательным является инцидент с электромобилем Tesla Model Y в Чаочжоу в 2022 г., когда автопилот проигнорировал действия водителя, совершил неконтролируемое ускорение и спровоцировал ДТП с человеческими жертвами. В подобных ситуациях возникает классический «разрыв ответственности»: правоприменителю крайне сложно установить объективную истину и разграничить вину пользователя в нарушении правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ) и разработчика в выпуске продукции, не отвечающей требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ)[2].

В-третьих, преступная небрежность и системные ошибки при эксплуатации ИИ. Чрезмерное доверие к машинному анализу в социально значимых сферах приводит к тяжким последствиям, требующим уголовно-правовой оценки. Так, показательным является случай задержания гражданина Цветкова в аэропорту Домодедово, которого система ошибочно идентифицировала как преступника (сходство 50—60%) из-за несовершенства алгоритмов при старении человека. Это привело к незаконному задержанию и аресту, и потребовало длительного доказывания алиби, что ставит перед доктриной вопрос об ответственности операторов и разработчиков систем поддержки принятия решений за халатное отношение к верификации данных ИИ-систем[3].

---

[1] Сотрудник фирмы перевел $25 млн мошенникам, использовавшим технологию deepfake // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/02/06/22275637.shtml (дата обращения: 15.03.2026).

[2] Потерявшая управление Tesla сбила насмерть двух человек в КНР - ФОТО/ВИДЕО // Oxu.Az. URL: https://oxu.az/ru/v-mire/poteryavshaya-upravlenie-tesla-sbila-nasmert-dvuh-chelovek-v-knr-fotovideo (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Собенин А. А. Искусственный интеллект в уголовной юстиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики: важность государственно-правового регулирования // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. 2024. № 1. С. 48—56.

Многообразие и специфика приведенных примеров показывают, что попытки наделить ИИ самостоятельной правосубъектностью (в науке говорят о статусе «электронного лица») являются теоретическим тупиком. В рамках действующей парадигмы российского уголовного права необходимо жестко придерживаться антропоцентрического подхода. В теории уголовного права справедливо отмечается, что «принципы, установленные в ст. 5—7 УК РФ, связаны только с личностью человека, его правосознанием, психоэмоциональным отношением к совершенному преступлению[1]. Уголовная ответственность всегда должна персонифицироваться и лежать на физическом лице — субъекте преступления, выступающем в роли разработчика, оператора или пользователя алгоритма. Признание этого факта требует смещения фокуса исследований из плоскости философии в сферу прикладной юриспруденции.

Таким образом, на первый план выходит не абстрактная дискуссия о воле машины, а острая практическая необходимость точечной модернизации действующего уголовного закона, направленной на дифференциацию ответственности за разработку, эксплуатацию и использование систем ИИ в преступных целях. Следует отметить, что отечественная доктрина уголовного права не стоит на месте и активно обосновывает различные варианты решения указанной задачи. Представляется необходимым проанализировать данные подходы и дать им соответствующую уголовно-правовую оценку.

1. Предложение о дополнении ч. 1 ст. 63 УК РФ новым отягчающим обстоятельством «совершение преступления посредством (или с использованием) систем искусственного интеллекта»[2]. Примером таких преступлений может являться упомянутый ранее случай имитации присутствия финансового директора на видеоконференции с помощью технологии «дипфейк». Полагаем, что с точки зрения общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ) и принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) введение универсального отягчающего обстоятельства, привязанного исключительно к научно-техническому средству совершения деяния, разрушает внутреннюю логику уголовного закона. Средство совершения преступления (в данном случае — система искусственного интеллекта) не обладает самостоятельной общественной опасностью в отрыве от объекта уголовно-правовой охраны, на который

[1] Петрикова С. В., Лаврушкина А. А. Субъективная сторона состава преступления при причинении вреда здоровью искусственным интеллектом // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 6. С. 156—161.

[2] Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 3. С. 153—165 ; Шмяткова Н. В. Искусственный интеллект: субъект или способ совершения преступления? // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 276—279 ; Архипцев И. Н., Сарычев А .В., Мотузов А. В. К вопросу о правовом обеспечении предупреждения преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта и технологий, созданных на его основе в Российской Федерации // Legal Concept. 2022. Т. 21, № 2. С. 175—181.

осуществляется посягательство. ИИ — это технологический метод обработки информации, стоящий наравне с сотовой связью, интернетом или компьютером. В истории развития отечественного уголовного права не было научно обоснованных прецедентов, когда использование конкретного вычислительного средства само по себе признавалось бы обстоятельством, отягчающим наказание, для любого вида преступления. Повышенная общественная опасность обусловлена не самим фактом наличия вычислений в основе программы, а масштабом причиняемого вреда, трансграничным характером и анонимностью преступника. Однако все эти факторы уже исчерпывающим образом охватываются действующей редакцией ч. 1 ст. 63 УК РФ:

наступление тяжких последствий в результате совершения преступления (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора (в контексте использования дипфейков руководителей или представителей власти) (п. «м» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Кроме того, законодательное закрепление такого признака именно в ст. 63 УК РФ приведет к непреодолимым проблемам уголовно-процессуального доказывания на стадии предварительного расследования и судебного следствия. В каждом уголовном деле, к примеру по факту мошенничества, стороне обвинения придется в обязательном порядке назначать комплексную компьютерно-техническую экспертизу исключительно для того, чтобы доказать правоприменителю, что использованный злоумышленником алгоритм удовлетворяет строгим критериям «системы искусственного интеллекта», а не является обычным скриптом автоматизации. На сегодняшний день признаки машинного обучения содержатся в национальном стандарте ГОСТ Р 59277-2020[1]. На наш взгляд, это неоправданно утяжелит процесс доказывания, приведет к затягиванию сроков расследования и массовому оспариванию приговоров со стороны защиты на основе сугубо технических, а не правовых аргументов.

2. Предложение о введении квалифицирующего признака, указывающего на совершение преступления посредством систем искусственного интеллекта, в статьи главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ, что позволит дифференцировать ответственность хакеров,

[1] Об утверждении национального стандарта Российской Федерации: приказ Росстандарта от 23 декабря 2022 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/573396597 (дата обращения: 16.03.2026).

использующих простые скрипты и сложные нейросети[1]. Оценивая данную идею, полагаем, что необходим дифференцированный подход к каждой норме главы 28 УК РФ, поскольку объективная сторона преступлений имеет существенные различия. Применительно к ст. 273 УК РФ данная законодательная инициатива лишена смысла, поскольку преступлением признается само создание компьютерных программ либо внесение изменений в существующие программы, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации. Модели ИИ де-юре и так являются компьютерной программой, охраняемой и регулируемой в качестве объекта авторского права. Утяжеление уголовной ответственности исключительно за то, что вредоносная программа написана с использованием архитектуры нейросети, а не алгоритма, к примеру на языке C++ или Python, нарушает принцип равенства граждан перед законом и никак не влияет на характер причиненного ущерба. Для дифференциации ответственности в данном случае более чем достаточно действующей ч. 3 ст. 273 УК РФ, предусматривающей наступление тяжких последствий или создание угрозы их наступления. Применительно к ст. 272 и 274[1] УК РФ введение такого признака имеет криминологическое обоснование. Искусственный интеллект кардинально меняет существо объективной стороны этих посягательств, так как злоумышленник делегирует алгоритму выбор цели, определение направления атаки, поиск уязвимостей и выбор времени ее проведения. Это увеличивает угрозу безопасности данных до уровня проблемы национальной безопасности, особенно в свете недавних изменений, касающихся введения ст. 272[1] УК РФ, направленной на охрану персональных данных. Более того, законодатель уже осознает повышенную общественную опасность компьютерных преступлений. Так, федеральным законом «О внесении изменения в статью 104[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.2023 № 214-ФЗ существенно расширен перечень преступлений, влекущих обязательную конфискацию имущества, полученного в результате их совершения, за счет отнесения к ним посягательств, предусмотренных ч. 2—4 ст. 272, ст. 273, ч. 2 ст. 274 и ст. 274[1] УК РФ (п. «а» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ)[2]. Однако главная проблема внедрения квалифицирующего признака о совершении преступления посредством ИИ связана с неопределенностью дефиниции последнего. Что именно правоприменители будут признавать системой ИИ при уголовно-правовой оценке содеянного? Действующее законодательство не

[1] Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, № 3. С. 153—165.

[2] Федеральный закон «О внесении изменения в статью 1041 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.2023 № 214-ФЗ // Российская газета. 2023 г. № 131. Ст. 9076.

содержит строгой дефиниции ИИ. Если опираться на ГОСТ Р 59277-2020, где содержится классификация систем ИИ, то правоприменитель увязнет в длительных судебных компьютерно-технических экспертизах по разграничению «машинного обучения», «экспертных систем» и «автоматических систем». Считаем, что более корректным решением будет введение в ст. 272 и 274[1] УК РФ квалифицирующего признака в следующей редакции: «с использованием высокоавтоматизированных компьютерных программ, способных функционировать, принимать решения и осуществлять неправомерное воздействие без непосредственного контроля со стороны человека». Такая формулировка снимет терминологическую привязку к термину «ИИ» и сместит фокус процессуального доказывания на объективно устанавливаемый факт — вредоносная программа действовала автономно, что кратно увеличило поражающий фактор кибератаки.

3. Предложение о введении в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ нового состава преступления, связанного с использованием ИИ в преступных целях, что позволит учесть фактор использования ИИ в качестве высокотехнологичного средства совершения преступления[1]. Представляется целесообразным дифференцировать уголовную ответственность, выделив два самостоятельных направления криминализации, обусловленных различной формой вины и характером общественно опасного деяния. Во-первых, криминализации подлежит целенаправленное использование ИИ в качестве высокотехнологичного средства совершения преступлений. Примером таких преступлений может выступать как массовое использование скоординированного роя автономных беспилотных летательных аппаратов на базе ИИ с целью парализации работы аэропортов, электростанций или критически важных транспортных узлов, так и запуск самообучающихся алгоритмов в социальные сети, которые автономно генерируют и распространяют призывы к массовым беспорядкам, адаптируясь под психотипы пользователей для максимизации деструктивного эффекта. В данном случае речь идет о формальном составе, субъективная сторона которого характеризуется исключительно прямым умыслом. Лицо осознает общественную опасность использования автономной системы для дестабилизации инфраструктуры и желает действовать именно таким образом, преследуя преступные цели. Во-вторых, необходимо учесть ситуации несанкционированного внедрения высокоавтоматизированных систем без надлежащих протоколов безопасности. Глава 24 УК РФ исторически базируется на концепции защиты общества от источников повышенной опасности, создающих угрозу неопределенному кругу лиц. Внедрение или

[1] Гребенькова Л. А., Захарова Е. Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 108—120.

запуск высокоавтоматизированной ИИ-системы с нарушением протоколов безопасности, создавшие реальную угрозу наступления тяжких последствий, формирует так называемый состав создания конкретной опасности, который на данный момент выпадает из правового поля. Ключевая проблема классических норм уголовного права кроется в разрыве причинной связи и сложностях установления умысла на причинение конкретного вреда конкретным лицам. В качестве примера можно представить ситуацию хаотичного управления системами «умного города», когда несертифицированный алгоритм выпустили в открытую сеть. В подобных ситуациях беспечный разработчик или оператор (то есть специальный субъект — лицо, на которое возложена обязанность по соблюдению протоколов безопасности) на допросе может утверждать: «Я лишь запустил алгоритм в открытую сеть для изучения уязвимостей сетей «умного города», не желая, чтобы он остановил движение поездов метрополитена и привел к жертвам». В данном случае, учитывая, что деяние совершается специальным субъектом, способным просчитать риски, мы можем говорить о косвенном умысле или преступном легкомыслии, которые такое лицо пытается скрыть за «технологической непредсказуемостью». Лицо осознанно нарушает регламент безопасности, предвидит абстрактную возможность возникновения угрозы для инфраструктуры, но либо относится к ней безразлично, либо без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение общественно опасных последствий (надеясь, например, на удачу, фильтры внутри ИИ или систему автоматической остановки). В связи с этим представляется целесообразным введение отдельного состава преступления, такого, например, как нарушение требований безопасности при запуске, внедрении или эксплуатации высокоавтоматизированных (автономных) интеллектуальных систем в общественных местах или информационно-телекоммуникационных сетях, создавшие угрозу наступления тяжких последствий, что позволит криминализировать само бесконтрольное внедрение ИИ-технологий. Основной состав данной нормы (ч. 1) должен конструироваться именно как состав создания опасности (по аналогии, например, с ч. 1 ст. 247 УК РФ). Фактическое же причинение физического или крупного имущественного вреда должно выступать в качестве квалифицирующих признаков (ч. 2 и последующие), образуя материальный состав. Доказывание субъективной стороны в таком случае будет сводиться к неопровержимому факту: лицо осознанно нарушает правила безопасной эксплуатации автономной системы, предвидит возможность выхода ее из-под контроля и создание угрозы, но легкомысленно рассчитывает этого избежать.

4. Предложение о дополнении статей УК РФ (ст. 111, 112, 115 и др.) квалифицирующим признаком «с использованием искусственного интеллекта». Авторы также настаивают на законодательном закреплении уголовно-правовых последствий для самой системы ИИ, использованной в преступлении

(уничтожение, перепрограммирование). Примерами таких преступлений могут быть ошибки медицинских диагностических нейросетей, повлекшие смерть пациента или тяжкий вред здоровью из-за неверно назначенного лечения. Согласиться с данным предложением не представляется возможным, так как в данном случае стирается грань между нормами материального и процессуального уголовного права. Во-первых, введение квалифицирующего признака «с использованием искусственного интеллекта» в статьи об убийстве или умышленном причинении вреда здоровью абсурдно. Объективная сторона преступлений против жизни и здоровья исторически базируется на характере наступивших последствий и особой жестокости или общеопасном способе деяния. Орудие преступления, будь это топор, яд, огнестрельное оружие, само по себе не образует специфики, требующей отдельной уголовно-правовой квалификации, если только оно не создает опасность для иных лиц, в таком случае применяется п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указывающий на совершение убийства общеопасным способом. Если лечащий врач, руководствуясь корыстными мотивами или личной неприязнью, использует ИИ и умышленно игнорирует или фальсифицирует его ошибку, чтобы убить пациента, это квалифицируется как классическое убийство[1]. Способ лишения жизни не меняет юридической природы самого факта посягательства на жизнь. Во-вторых, установление в Особенной части УК РФ уголовно-правовых последствий для самой системы ИИ недопустимо с позиции теории права. Искусственный интеллект не является субъектом права и не обладает правоспособностью. Предложения о «перепрограммировании» или «уничтожении» системы ИИ как разновидности уголовно-правовой санкции лишены юридического смысла. В реалиях действующего законодательства судьба любой информационной системы или программного обеспечения, включая ИИ, послужившей орудием преступления, исчерпывающим образом решается через механизмы ст. 104[1] УК РФ. Согласно п. «г» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ, орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации. Программный код, серверные мощности, датасеты и аппаратное обеспечение признаются именно таким имуществом. Никаких новых материально-правовых норм для «наказания» ИИ не требуется, необходимо лишь разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о порядке признания исходного кода и ИИ-моделей орудием преступления.

5. Предложение о дополнении УК РФ нормами, устанавливающими ответственность за: а) умышленное создание или модификацию систем ИИ с целью совершения преступлений; б) нарушение правил эксплуатации автономных систем ИИ, повлекшее по неосторожности причинение

[1] Кто несет ответственность за ошибки ИИ в здравоохранении: разработчик, врач или пациент // Медиатор. URL: https://mediator-med.ru/poleznoe/tpost/pisn2x8mg1-kto-neset-otvetstvennost-za-oshibki-ii-v (дата обращения: 15.03.2026).

существенного вреда; в) непринятие мер по предотвращению причинения вреда системой ИИ лицом, на которое возложена обязанность по контролю[1]. Примером таких преступлений могут быть: а) обучение языковой модели исключительно в даркнете для автоматической генерации программных обходов, поиска уязвимостей, методов синтеза наркотических средств или сценариев терактов; б) смертельное ДТП с участием систем беспилотного вождения, когда система не распознала препятствие из-за отключения владельцем заводских лидаров или плохой калибровки разработчиком на этапе обучения модели; в) оператор мониторингового центра беспилотного такси, который видел на мониторах критический сбой траектории автомобиля, но отвлекся и не нажал кнопку перехвата управления, что повлекло наезд на пешехода. Считаем, что пример, описанный в пункте «а», полностью и исчерпывающе охватывается диспозицией действующей ст. 273 УК РФ. Создание вредоносной программы, даже если это самообучающаяся нейросеть, с прямым умыслом на совершение правонарушений, являет собой оконченное преступление с момента написания и сохранения исходного кода. Введение отдельной нормы для вирусов на базе ИИ создаст ненужную конкуренцию норм уголовного закона. Пункты «б» и «в» важны, ведь если сейчас автопилот собьет человека на пешеходном переходе, то водителя, находящегося в салоне, нельзя привлечь к ответственности по ст. 264 УК РФ, так как он дефакто не управлял источником повышенной опасности в момент деяния, физического контакта с органами управления также не было. Введение состава нарушения правил эксплуатации высокоавтоматизированных (автономных) систем, сконструированного по типу бланкетной диспозиции ст. 274 УК РФ, решает эту правовую коллизию. Объективная сторона такого преступления будет заключаться в нарушении утвержденных технических регламентов эксплуатации: необновление критического программного обеспечения, кустарное отключение датчиков безопасности, снятие программных ограничений скорости. Субъективная сторона предполагает неосторожную вину, выражающуюся в небрежности (лицо не предвидело наступление вреда, хотя должно было и могло его предвидеть при должной внимательности и предусмотрительности) или легкомыслии (предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, однако самонадеянно рассчитывало на «умную» систему). Также необходимо закрепить ответственность за бездействие (непринятие мер по контролю), которое признается преступным исключительно при наличии у лица юридической обязанности действовать. Оператор ИИ-системы, на которого должностной инструкцией или техническим регламентом возложена обязанность осуществлять постоянный мониторинг и право экстренного прерывания работы, выступает таким

[1] Амирова М. Г., Таилова А. Г. Уголовно-правовая ответственность за преступления, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта // Human Progress. 2025. Т. 11, № 5. С. 22.

специальным субъектом. В случае непредсказуемого сбоя алгоритма несовершение оператором предписанных действий по экстренной остановке, повлекшее смерть человека или существенный имущественный вред, образует самостоятельный состав преступного неосторожного бездействия. В таком случае человек привлекается к ответственности не за сложную ошибку ИИ-алгоритма, последствия которой он не мог рассчитать, а за нарушение им собственной юридической обязанности по предупреждению и контролю ситуации.

6. Предложение о развитии регулятивного законодательства с введением в него положений об обязательном лицензировании деятельности по разработке ИИ, установлении жестких технических требований безопасности и обязательной сертификации продукции с ИИ. Это создаст юридическую базу для применения ст. 238 УК РФ в случае выпуска небезопасных систем[1]. С данным предложением нельзя не согласиться, поскольку для привлечения к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ необходимо доказать факт несоответствия выпущенного товара или оказанной услуги официально утвержденным государством требованиям безопасности (санитарным нормам, ГОСТам, техническим регламентам). Без нормативно-правовых актов, жестко закрепляющих такие требования, применение ст. 238 УК РФ юридически невозможно. На текущий момент в РФ приняты лишь базовые стандарты в сфере искусственного интеллекта, например ГОСТ Р 59277-2020 по классификации систем ИИ[2] и адаптации международных стандартов риск-менеджмента ИИ ISO/IEC 23894:2023, трансформированных в ПНСТ 776-2022[3]. Однако эти документы носят преимущественно рекомендательный характер и описывают общую терминологию, архитектуру и риски ИИ-систем, нежели жесткие требования безопасности и проверку программного обеспечения. Предложение о введении обязательного государственного лицензирования высокорисковых систем ИИ и жестких технических ГОСТов, например в медицине, беспилотном транспорте, критической инфраструктуре и биометрии, создаст необходимую базу для следственных и судебных органов. В случае трагического инцидента с автопилотом или ошибки медицинской нейросети компьютерно-техническая экспертиза будет устанавливать не абстрактную «неисправность» или «сбой алгоритма», что в большинстве ИИ-моделей доказать крайне сложно, ведь они

---

[1] Балалаева Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3. С. 10—19.

[2] Об утверждении национального стандарта Российской Федерации: приказ Росстандарта от 23 декабря 2022 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/573396597 (дата обращения: 16.03.2026).

[3] ИСО и МЭК: Опубликован новый стандарт ISO/IEC 23894:2023 «Искусственный интеллект – Руководство по менеджменту риска» // Кто не идёт вперед, тот идёт назад. URL: http://rusrim.blogspot.com/2023/04/isoiec-238942023.html (дата обращения: 16.03.2026).

по своей природе выдают вероятностные значения, но не абсолютную истину, а конкретно доказуемое отклонение от ГОСТа. Субъектом преступления в данном случае выступает не рядовой программист, который написал часть кода, а руководитель компании или уполномоченное должностное лицо, выпустившее продукт в гражданский оборот, осознающее (или обязанное осознавать) факт нарушения процедуры обязательной сертификации продукта.

Проведенный анализ демонстрирует необходимость осторожного вмешательства в уголовный закон. Сохранение классического антропоцентрического подхода в теории уголовного права является единственно верным, логичным и выверенным решением.

Ключевыми векторами развития Общей и Особенной частей УК РФ в обозримом будущем должны стать:

1) конструирование составов создания опасности при выпуске в гражданский оборот и общественные места высокоавтоматизированных систем;

2) законодательное закрепление преступного бездействия для лиц, на которых возложена юридическая обязанность осуществлять контроль за функционированием автономных комплексов;

3) введение системы обязательных национальных стандартов (ГОСТов), регламентирующих критерии технической безопасности, порядок сертификации и управления рисками при разработке ИИ-систем, и создание тем самым необходимой бланкетной основы для эффективного применения ст. 238 УК РФ к руководителям и разработчикам дефектных нейросетевых моделей в высокорисковых отраслях.

Считаем, что только такой подход позволит правоприменителю сгладить проблему «черного ящика», окончательно перенеся вектор уголовно-правовой оценки с непрогнозируемого поведения алгоритма машинного обучения на юридически значимые, осознанные или небрежные действия (бездействие) конкретного физического лица по обеспечению безопасности эксплуатации высоких технологий.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Максим Сергеевич КАНАВИН[1], Кирилл Васильевич КИЯНОВ[2]
[1,2] Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я Сухарева, Москва, Россия
[1] mix.34rus@mail.ru
[2] kiyanov_kirill@mail.ru

Научный руководитель преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, майор юстиции ФГКОУ ВО «Московской Академии Следственного Комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева», доцент **Павел Тимурович САВИН**, paulst50@gmail.com

Аннотация. в статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий. Анализируются особенности составов преступлений, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявляются типичные ошибки правоприменения и пробелы в действующем законодательстве. На основе официальной статистики МВД России показана динамика роста киберпреступлений за период 2021–2024 годов. Предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: квалификация преступлений, киберпреступность, компьютерная информация, информационные технологии, уголовная ответственность, вредоносные программы, неправомерный доступ

Развитие цифровой экономики и распространение информационно-телекоммуникационных технологий создали принципиально новую среду для совершения общественно опасных деяний. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2024 году было зарегистрировано 765,4 тысячи преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 13,1% превышает показатель предыдущего года. Доля таких деяний достигла 40% от общего числа зарегистрированных преступлений в стране[1]. Указанные цифры свидетельствуют о том, что противодействие преступности в цифровой сфере превратилось в одну из первоочередных задач правоохранительных органов.

[1] Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь - декабрь 2024 года. - URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 06.03.2026).

Несмотря на значимость проблемы, правоприменительная практика испытывает серьёзные трудности с правильной квалификацией подобных деяний. Как справедливо отмечает Р. М. Ушаков: «Разграничение смежных составов преступлений при совершении хищений в цифровой среде остаётся одной из наиболее сложных задач для следствия и суда»[1]. Это объясняется как недостаточной определённостью ряда уголовно-правовых норм, так и стремительным технологическим развитием, которое законодатель не успевает отражать в действующих нормах.

Основу правовой регламентации ответственности за рассматриваемую категорию деяний составляет глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления в сфере компьютерной информации», включающая статьи 272—274.2 УК РФ. Вместе с тем преступления с использованием информационных технологий затрагивают и иные составы: мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), неправомерное воздействие на критическую инфраструктуру (ст. 274.1 УК РФ), незаконный оборот специальных технических средств (138 УК РФ) и ряд других. Совокупность этих норм образует систему уголовно-правовой охраны информационного пространства.

Особое место среди проблем квалификации занимает разграничение состава неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и смежных составов. А. А. Харламова указывает, что при применении статьи 272 УК РФ у правоприменителей возникают затруднения с толкованием понятия «охраняемая законом компьютерная информация», поскольку ни уголовное, ни информационное законодательство не содержат его однозначного определения[2]. На практике это порождает ситуации, когда суды по-разному оценивают один и тот же признак объективной стороны, что нарушает принцип единообразия правоприменения.

Существенную сложность представляет также квалификация преступлений, связанных с созданием и распространением вредоносного программного обеспечения (ст. 273 УК РФ). В соответствии с диспозицией нормы уголовная ответственность наступает за создание, распространение или использование программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации или копирования компьютерной информации. Трудность состоит в том, что то же самое программное обеспечение может использоваться как в преступных, так и в законных целях, например, в рамках тестирования информационной безопасности.

---

[1] Ушаков Р. М. Квалификация хищений совершаемых с использованием информационных технологий : Монография / Р. М. Ушаков Москва : Юстицинформ, 2023. 160 с. ISBN 978-5-7205-1960-5. URL: https://book.ru/book/951478 (дата обращения: 06.03.2026).

[2] Харламова А. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: толкование признаков и некоторые проблемы квалификации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepravomernyy-dostup-k-kompyuternoy-informatsii-tolkovanie-priznakov-i-nekotorye-problemy-kvalifikatsii (дата обращения: 07.03.2026).

Правоприменителю необходимо устанавливать субъективный признак, а именно «заведомость», который на практике нередко либо предполагается без надлежащего доказывания, либо, напротив, игнорируется.

Другая проблема — квалификация хищений, совершаемых дистанционными методами с применением информационных технологий. В зависимости от способа совершения деяние может квалифицироваться по ст. 158, 159, 159.3 или 159.6 УК РФ. Ушаков Р. М. обращает внимание на то, что правильный выбор нормы при дистанционных хищениях напрямую зависит от установления роли информационных технологий в механизме совершения преступления: являются ли они орудием обмана либо средством непосредственного воздействия на компьютерную информацию[1]. Смешение данных подходов ведёт к неправильной квалификации и нарушению права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Год	**Зарегистрировано преступлений (тыс.)**	**Доля от общего числа преступлений (%)**	**Ущерб (млрд руб.)**
2021	517,7	25,8	н/д
2022	522,1	26,5	н/д
2023	676,9	34,8	156
2024	765,4	40,0	250–300

Таблица 1. Динамика киберпреступлений в России за 2021—2024 гг.

Серьёзной проблемой остаётся установление субъекта преступления и доказывание его вины. В работе Р. С. Поздышева, А. Г. Саакяна и О. И. Долгачёвой подчёркивается, что применение средств анонимизации, использование иностранных серверов и криптовалютных расчётов существенно затрудняют установление лица, фактически осуществившего противоправные действия[2]. Не менее сложным является вопрос об ответственности лиц, действующих в составе организованных преступных групп, когда каждый

[1] Ушаков Р. М. Квалификация хищений совершаемых с использованием информационных технологий : Монография / Р.М. Ушаков Москва : Юстицинформ, 2023. 160 с. ISBN 978-5-7205-1960-5. URL: https://book.ru/book/951478 (дата обращения: 06.03.2026).

[2] Поздышев Р. С. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и иных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учебное пособие / Р. С. Поздышев, А. Г. Саакян, О. И. Долгачёва [и др.]. Нижний Новгород : НА МВД России, 2023. 76 с.

участник выполняет лишь часть объективной стороны, что требует тщательного разграничения ролей при квалификации деяния.

Дополнительную сложность создаёт множественность ряда информационных преступлений. Когда в результате одного деяния нарушаются одновременно отношения в сфере компьютерной информации и, например, имущественные права граждан, возникает вопрос о применении правил совокупности преступлений. Суды, как показывает анализ практики, нередко необоснованно вменяют совокупность там, где налицо конкуренция норм.

Е. Ю. Герасимова, исследовавшая особенности возбуждения уголовных дел по статье 273 УК РФ, указывает на недостаточную специализацию следователей и дознавателей в области цифровых технологий, что на стадии возбуждения уголовного дела приводит к неверному определению объекта посягательства и, как следствие, к неправильной квалификации[1]. Для решения данной проблемы предлагается введение обязательной специализации следственных подразделений, занимающихся расследованием киберпреступлений.

Немаловажен и вопрос о применении уголовного закона в пространстве, когда преступление совершается с использованием зарубежной инфраструктуры. Действующая редакция Уголовного кодекса не содержит специального регулирования таких ситуаций, что создаёт проблему юрисдикции и возможности уголовного преследования.

Вместе с тем имеются и положительные тенденции. По данным МВД России, в 2024 году раскрываемость преступлений в сфере цифровых технологий возросла на 9,6 % по сравнению с предшествующим периодом[2]. Развитие специализированных подразделений и совершенствование криминалистических методик исследования цифровых следов постепенно повышают эффективность расследования.

Таким образом, проблема квалификации преступлений в сфере информационных технологий носит комплексный характер. Её решение требует, во-первых, законодательного уточнения ключевых понятий. Во-вторых, выработки единых разъяснений на уровне Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам разграничения смежных составов и в-третьих, систематического повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в области информационных технологий. Только комплексный подход позволит обеспечить законность и справедливость уголовного преследования в данной сфере.

---

[1] Поздышев Р. С. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и иных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учебное пособие / Р. С. Поздышев, А. Г. Саакян, О. И. Долгачёва [и др.]. Нижний Новгород : НА МВД России, 2023. 76 с.

[2] Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 06.03.2026).

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ХИЩЕНИЙ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Антонина Денисовна КАРАСЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
tonya_karaseva2004@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы определения малозначительности хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Обращается внимание на несовершенство применения уголовного законодательства, закрепляющего институт малозначительности.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступления против собственности, малозначительность, хищение с банковского счета

В современном мире банковские карты стали неотъемлемой частью финансовых операций. Они обеспечивают удобство при расчетах как в торговых точках, так и в интернете. Однако с ростом популярности безналичных платежей значительно увеличилось и количество случаев хищений, связанных с использованием банковских карт. Преступные действия, направленные на получение доступа к данным банковских карт, представляют собой серьезные угрозы как для индивидуальных пользователей, так и для финансовых учреждений.

Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», а также Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель ввел специальные составы в главу 21 Уголовного кодекса РФ (ст. 159.3, 159.6), а также новую редакцию ст. 158

УК РФ. Однако несмотря на наличие специальных норм, предусматривающих ответственность за хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, правоприменительная практика столкнулась с рядом сложностей, связанных с применением положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода к толкованию признаков малозначительности при хищении денежных средств с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Приговором Первомайского районного суда г. Мурманска от 26.11.2025 по делу №1-298/2025 установлено, что Иванов С. В. нашел у остановочного комплекса общественного транспорта банковскую карту, выпущенную на имя потерпевшей, далее совершил несколько операций на общую сумму 609 руб. Обвиняемый был признан виновным в преступлении, предусмотренном п «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Вместе с тем при хищении наличных денежных средств на сумму менее 2500 руб. при отсутствии признаков квалифицированной кражи ответственность наступает по ст. 7.27 КоАП РФ. Например, постановлением по делу об административном правонарушении Ленинского районного суда г. Тюмени от 18 сентября 2017 г. по делу № 5-1930/2017 установлено, что правонарушитель, воспользовавшись тем, что остался один в комнате, похитил из кошелька денежные средства на общую сумму 2000 рублей путем кражи. Правонарушитель был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Приведенные примеры судебной практики свидетельствуют о том, что при хищении безналичных денежных средств на сумму меньше 2500 руб. действия квалифицируются по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что является тяжким преступлением, а при хищении наличных денежных средств на сумму меньше 2500 руб. — как мелкое хищение, то есть административное правонарушение. Представляется возможным согласиться с позицией отдельных специалистов о том, что для потерпевших нет никакой разницы между похищением наличных и безналичных денежных средств[1].

Таким образом, сложившаяся судебная практика является весьма спорной и не в полной мере справедливой, так как потерпевшему наносится одинаковый ущерб, а ответственность у человека, совершившего хищение, совершенно несоизмерима. Д.В. Гриб в своей работе отмечает, что решение законодателя о включении в ст. 158 УК РФ исследуемого квалифи-

[1]Филатова М. А. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине образует состав кражи // Законность. 2020. № 12. С. 34—38.

цированного вида кражи ничего, кроме как проблем в правоприменительной практике, не принесет[1].

Зачастую суды признают обвиняемого виновным в тяжком преступлении, а после изменяют категорию преступления с тяжкого на средней тяжести и освобождают обвиняемого от наказания.

Например, вышеупомянутым приговором Первомайского районного суда г. Мурманска суд назначил Иванову С. В. наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб., на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления с тяжкого на средней тяжести, после чего освободил Иванова С. В. от наказания в связи с примирением с потерпевшим.

В. М. Лебедев в своем докладе 2020 г. отмечал целесообразность отнесения хищений денежных средств с банковского счета и электронных денежных средств, не превышающих 2500 рублей, совершенных впервые, к категории мелкого хищения[2]. Такая точка зрения является спорной, так как декриминализация хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств до 2500 руб. может привести к новым проблемам, связанным с недостаточной уголовно-правовой защитой персональных данных людей от посягательства.

Представляется возможным решить рассматриваемую проблему путем издания новых, более подробных разъяснений Верховного суда РФ относительно целесообразности и обоснованности применения в ст. 14 УК РФ при рассмотрении уголовных дел, связанных с хищением с банковского счета.

В п. 25.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что при правовой оценке действий лица, совершившего хищение, судам следует учитывать положения части 2 статьи 14 УК РФ, согласно которой не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности[3].

Также в данном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ отмечается, что при решении вопроса о том, является ли малозначительным деяние, например кража, формально содержащая квалифицирующие признаки

---

[1]Гриб Д. В. Уголовная ответственность за хищение, совершаемое путем использования информационных технологий по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2021. С. 22—23.

[2]Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации от 11 февраля 2020 г. // URL: https://www.vsrf.ru/press_ce№ter/video_archive/27607/ (дата обращения: 10.02.2026).

[3]О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022), п. 25.4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

состава данного преступления, судам необходимо учитывать целый ряд обстоятельств, в том числе и размер похищенного имущества.

Однако суды крайне редко признают кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств малозначительным деянием. Практика сложилась таким образом, что наличие квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и, как следствие, отнесение этого преступления к категории тяжких ввиду способа хищения денежных средств, само по себе исключает возможность применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ и свидетельствует о его повышенной общественной опасности[1].

Стоит отметить, что есть и противоположная судебная практика. Так постановлением Приволжского районного суда Астраханской области от 29.02.2024 по делу № 1-45/2024 установлено, что подсудимый нашел потерянную потерпевшим банковскую карту «Халва» ПАО «Совкомбанк», после чего совершил две покупки товаров в магазине «Пятерочка» на общую сумму 607 рублей 86 копеек, оплатив их данной картой.

Суд, проанализировав обстоятельства совершенного деяния, пришел к выводу, что небольшая сумма материального ущерба 607 руб. 86 коп., отсутствие в материалах дела доказательств того, что вмененное обвиняемому деяние причинило значительный ущерб потерпевшей, отсутствие причинения существенного вреда либо угрозы причинения такого вреда для общества и государства, данных о личности обвиняемого, который не судим, положительно характеризуется по месту жительства и работы, раскаялся в содеянном, возмещении последним причиненного ущерба в полном объеме, в сумме, большей чем похищено, не позволяют сделать однозначный вывод, что данное деяние обладает признаками достаточной общественной опасности, которое позволило бы признать его преступлением. Уголовное дело в отношении обвиняемого было прекращено за отсутствием состава преступления, ввиду его малозначительности. В апелляционной и кассационной инстанциях указанное постановление было оставлено без изменения[2]. Такая судебная практика на наш взгляд является положительной и соответствующей основополагающему принципу справедливости.

Вместе с тем встречаются решения судов, где уголовное дело прекращается и при более существенном ущербе. Так постановлением Киквидзенского районного суда Волгоградской области от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-6/2020 установлено, что обвиняемый, воспользовавшись ошибочно подключенной услугой «Мобильный банк» путем перевода на банковскую карту тайно похитил денежные средства с банковского счета, открытого на

[1]Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 по делу № 77-1298/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2024 по делу № 77-3000/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имя потерпевшего, на общую сумму 2500 рублей. Суд пришел к выводу, что степень общественной опасности совершённого подсудимым деяния настолько мала, что не является преступлением, поскольку действия подсудимого не повлекли существенный вред объектам, охраняемым законом или угрозу причинения такого вреда, и не представляют большой общественной опасности. Уголовное дело в отношении подсудимого было прекращено в связи с малозначительностью.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, отражающих как современное состояние правоприменительной практики, так и перспективы совершенствования уголовно-правового регулирования хищений с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств, в контексте применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к оценке малозначительности деяний, связанных с хищением безналичных денежных средств. При идентичном или сопоставимом размере ущерба действия виновных в одних случаях квалифицируются как тяжкое преступление (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), в других — признаются малозначительными и влекут прекращение уголовного преследования, а в ряде ситуаций образуют состав административного правонарушения.

Также сложившаяся правоприменительная практика исходит из презумпции повышенной общественной опасности хищений с банковского счёта исключительно в силу способа совершения деяния, что фактически исключает применение ч. 2 ст. 14 УК РФ. Между тем, как обоснованно отмечается в доктрине и подтверждается отдельными судебными актами, сам по себе способ совершения хищения не предопределяет уровень его общественной опасности, который должен определяться совокупностью объективных и субъективных признаков (размер ущерба, отношение виновного к содеянному, наступившие последствия и др.).

Представляется необходимым дополнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» положением о том, что квалифицирующий признак, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, сам по себе не препятствует оценке деяния как малозначительного. Судам надлежит в каждом конкретном случае исследовать фактические обстоятельства содеянного, поведение виновного, размер причинённого ущерба и иные значимые факторы.

Таким образом, применение ч. 2 ст. 14 УК РФ при совершении хищений с банковского счёта и в отношении электронных денежных средств остаётся одним из наиболее дискуссионных вопросов судебной практики. Достижение баланса между необходимостью противодействия преступлениям в сфере информационных технологий и соблюдением прав граждан,

совершивших деяния, не представляющие значительной общественной опасности, возможно лишь при условии выработки Верховным Судом РФ единообразных критериев малозначительности применительно к указанной категории деяний.

Научная статья
УДК 343.3/.7

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ ДИВЕРСИИ (СТ. 281.1 УК РФ) С УЧЕТОМ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Александра Евгеньевна КОЛЬЦОВА[1], Варвара Витальевна МАКАЕВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] Koltsova31.04@mail.ru
[2] varya.makaeva@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Андрей Викторович ЗАРУБИН** sarubin@ya.ru

Аннотация. В статье анализируются последние изменения в российском уголовном законодательстве, касающиеся ответственности за содействие диверсионной деятельности. Авторы подробно рассматривают изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ, в том числе в статьи, устанавливающие ответственность за склонение, вербовку, финансирование и иное содействие совершению диверсий (в т.ч. через ст. 281.1 УК РФ). Авторы выявляют пробелы и коллизии в регулировании, оценивают эффективность новых норм с точки зрения обеспечения безопасности государства и соблюдения принципов уголовного права.

Ключевые слова: квалификация преступления, диверсионная деятельность, диверсия, вовлечение, склонение

После начала специальной военной операции наше государство столкнулось с рядом проблем, среди которых выделяется увеличение количества преступлений диверсионной направленности. Данные преступления

обладают повышенной общественной опасностью, так как угрожают безопасности граждан, их жизни и здоровью, а также объектам жизнеобеспечения населения и инфраструктуре, представляя угрозу безопасности общества и государства.

Так как диверсионная деятельность обладает высокой общественной опасностью, обусловленной целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны, в 2022 году законодателем был введен ряд статей, криминализирующих некоторые отдельные действия диверсионного характера. В УК РФ были добавлены ст. 281.1 (содействие диверсионной деятельности), 281.2 (прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности) и 281.3 (организация диверсионного сообщества и участие в нем).

Из пояснительной записки к данному законопроекту следует, что его установление уголовной ответственности за эти преступления обусловлены необходимостью реализации государственной политики, направленной на повышение уровня антитеррористической защищенности критически важных и потенциально опасных объектов, в том числе отвечающих за жизнеобеспечение населения либо входящих в оборонно-промышленный, атомный энергопромышленный, ядерный оружейный, химический или топливно-энергетический комплексы государства, а равно в его транспортную инфраструктуру. Содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ) является, по нашему мнению, особой формой соучастия, в рамках которой реализуется уголовно-правовая оценка фактических деяний иных соучастников диверсии.

Следует отметить, что используемый законодателем в ст. 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ термин «диверсионная деятельность» не разъясняется и трактуется исходя из содержательного анализа указанных статей буквально как совершение диверсии. Состав преступления по ст. 281.1 УК РФ, предусматривающий ответственность за содействие диверсионной деятельности, имеет формальный характер (со ссылкой на ст. 281 УК РФ) и характеризуется прямым умыслом.

Он включает альтернативные способы совершения преступления: каждое действие, описанное в диспозиции статьи, образует оконченный состав. При этом для квалификации деяния по ст. 281.11 УК РФ не имеет значения, была ли фактически совершена диверсия. Так, Краснодарским краевым судом Бурсаниди признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 281.1 УК РФ. Установлено, что в мае 2019 года виновный, являясь приверженцем националистических взглядов, создал «Телеграмм»-канал и связанную с ним группу с целью склонения неограниченного круга лиц к совершению взрывов, поджогов, или иных действий, направленных на разрушение или повреждение объектов транспортной инфраструктуры. В июне 2023 года осужденный, используя данный канал, предложил жителю

Краснодара за денежное вознаграждение совершить подрыв участка железнодорожного пути в момент прохождения по нему состава с военной техникой, а также совершить подрыв предприятия, на котором производятся комплектующие для техники военного назначения. О поступившем предложении пользователь мессенджера сообщил в правоохранительные органы[1].

Несмотря на то, что лицо фактически отказалось от совершения диверсии, подсудимый выполнил умышленные действия, направленные на вовлечение лица в совершение одного или нескольких преступлений, указанных в ст. 281 УК РФ (путем предложения денежного вознаграждения). В основном практика придерживается подхода признания ст. 281.1. УК РФ формальным составом.

Отметим, что в ст. 281.1. УК РФ законодатель дополнительно выделил формы соучастия при совершении диверсионной деятельности, а именно подстрекателя, пособника и организатора. В связи с чем, в науке уголовного права есть мнение о необъективности криминализации данных деяний, которая излишне нагружает Уголовный кодекс и усложняет процесс квалификации[2]. Мы придерживаемся другой точке зрения, считая, что в этом случае, ввиду повышенной опасности таких преступных деяний, реакция законодателя в форме введения отдельных составов обоснована и необходима.

В ч. 1 ст. 281.1 УК РФ установлена ответственность за такие действия, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, а равно вооружение или подготовку лица в целях совершения указанных преступлений, а также финансирование диверсии. Можно увидеть, что практически все перечисленные деяния составляют действия, необходимые для роли подстрекателя, за исключением вооружения, которое, по нашему мнению, охватывается пособничеством в совершении преступления.

В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под склонением, вербовкой и иным вовлечением определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ понимаются, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения

[1] Гражданина России и Греции заочно осудили на 11 лет за склонение к диверсии // Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/8513977 (дата обращения: 02.04.2026).

[2] Абдулатипов А. М. Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за содействие террористической деятельности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. №2. С. 112

через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений. Хотя представленная формулировка обширна, она не разграничивает между собой указанные действия, что может вызывать различные проблемы при квалификации преступления.

Стоит отметить, что точного закрепления в законе термин «склонение» не нашел, однако исходя из судебной практики следует, что склонение выражается в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания (в уговорах, предложениях, даче совета, обмане, психическом и физическом насилии, ограничении свободы и др.) либо совершаемых в целях принуждения к действию[1]. Обращаясь к позиции Верховного Суда РФ, который разъяснил, что вовлечение может выражаться в обещаниях, обмане, угрозах или предложении совершить преступление[2], представляется верным выделить наличие насилия, как возможный отличительный признак склонения. В научной литературе встречаются различные точки зрения, однако мы согласимся с мнением Ф. С. Файзализода, которая в своей статье приходит к выводу, что понятие «вовлечение» по своему содержанию шире, нежели «склонение»[3].

Рассматривая такое действие, как вербовка лица для совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, следует исходить из толкования, данном в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», в котором указывается, что «вербовкой является поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека. Для получения согласия потерпевшего возможно использование, например, обещания вознаграждения, шантажа, обмана или злоупотребления доверием.

При этом иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, может трактоваться слишком широко. Предполагается, что в данном случае законодатель попытался

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Файзализода Ф. С. К вопросу о соотношении понятий «склонение» и «вовлечение» в российском уголовном праве и правоприменительной практике // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 2(45). С. 58

охватить большее количество способов, которые могут быть использованы преступниками для вовлечения лиц в диверсионную деятельность.

До настоящего времени окончательно не решен вопрос о том, следует ли относить к пособничеству финансирование совершения преступления, поскольку в ч. 5 ст. 33 УК РФ отсутствует указанный способ содействия совершению преступления[1].

Перечень действий, раскрывающий финансирование диверсии, находится в ч. 1 примечания к ст. 281.1 УК РФ. Под финансированием диверсии понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

Также упоминается подготовка лица в целях совершения деяний диверсионной направленности, однако законодатель не разъясняет, что подразумевает под таким действием. В данном случае возникает вопрос, что понимается под подготовкой лица и как это разграничивается со ст. 281.2 УК РФ (Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности).

Интересно то, что в ч. 3 ст. 281.1 УК РФ объективная сторона преступления, предусмотренного в ч. 3 данной статьи выражается в пособничестве в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ. В пункте 2 примечаний к ст. 281.1 УК РФ пособничество определено как умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы. Соответственно, следует считать, что данное примечание существенно ограничивает круг действий, которые могут быть отнесены к ч. 1 ст. 281.1 УК РФ.

Ранее, применительно к ст. 205.1 УК РФ, обращалось внимание на несовершенство законодательной техники в части отсутствия при определении признаков пособничества террористической деятельности указания на

[1] Зарубин А. В. Некоторые вопросы ответственности за содействие террористической деятельности // Криминалист. 2017. № 2 (21). С. 3—4.

«заранее обещанное»[1], однако законодатель допустил такую ошибку и в ст. 281.1 УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного в ч. 4 статьи выражается в организации совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, руководстве их совершением, организации финансирования диверсии.

17 ноября 2025 Федеральным законом № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в УК РФ были внесены изменения в части усиления ответственности за совершение содействия диверсионной деятельности с вовлечением несовершеннолетних, одним из которых стало снижение до 14 лет возраста наступления уголовной ответственности за диверсию, содействие террористической или диверсионной деятельности, организацию террористического или диверсионного сообщества и участие в нем и т.п.).

Также введена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений террористической и диверсионной направленности, что указывается в ч. 2 ст. 205.1 и ч. 2 ст. 281.1. УК РФ. Отменены сроки давности уголовного преследования и сроки давности обвинительного приговора суда, ужесточен порядок отбывания наказания для осужденных за диверсии. Участие в диверсионном сообществе включено в перечень преступлений, за которые не применяется условное осуждение, а для условно-досрочного освобождения осужденным придется отбыть не менее 3/4 назначенного срока наказания.

Однако ввиду отсутствия разъяснений законодательства, например, в виде отдельного Постановления Пленума Верховного суда РФ посвященного квалификации преступлений диверсионной направленности или дополнения такими составами уже существующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в правоприменении возникает ряд проблем при квалификации данных деяний.

Подводя итог, следует отметить, что введение статей, ужесточающих ответственность за преступление диверсионной направленности, является необходимой и обоснованной мерой законодателя для обеспечения государственной безопасности и целостности. Внесение изменений в УК РФ в 2025 году свидетельствуют о реализации мер к повышению эффективности уголовно-правовых мер противодействия организации диверсионной деятельности, а также системности уголовного законодательства.

Однако сохраняются предпосылки для дальнейшего совершенствования соответствующих положений УК РФ, путем разработки и

[1] Зарубин А. В. Уголовно-правовая оценка пособничества террористической деятельности // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2012 № 2 (07). С. 97.

опубликования разъяснений Верховного Суда РФ, уточнения терминологии и формирования единой практики, так как эффективность механизмов защиты объектов уголовно-правовой охраны во многом зависят от качества правовых норм.

Научная статья
УДК 347.2/.3

КОНФИСКАЦИЯ ВСЕГО ИМУЩЕСТВА КОРРУПЦИОНЕРОВ: СООТВЕТСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ ГАРАНТИЯМ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И НОРМАМ ГК РФ

Елизавета Алексеевна КОРОВКИНА
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
el_korovkina@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, **Александра Юрьевна БУРОВА**, ayuburova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется инициатива о введении конфискации всего нажитого имущества в качестве уголовного наказания для коррупционеров. Исследуется соответствие предлагаемой меры конституционным принципам права собственности и нормам гражданского законодательства. Особое внимание уделяется конституционно-правовым пределам ограничения права собственности и защите интересов третьих лиц.

Ключевые слова: конфискация имущества, коррупция, третьи лица, баланс интересов, ограничение прав и свобод человека и гражданина

Противодействие коррупции — одно из ключевых направлений государственной политики современной России. Это обусловлено тем, что «многоаспектность негативного воздействия коррупции на жизнь общества и государства позволяет отнести ее к числу особенно опасных социальных явлений»[1]. В условиях активных дискуссий об ужесточении мер уголовной ответственности, включая озвученная в марте 2026 года Председателем

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П "По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда" // Российская газета. 2024. № 266.

Следственного комитета Российской Федерации Александром Ивановичем Бастрыкиным инициатива о введении полной конфискации всего нажитого имущества в качестве уголовного наказания для коррупционеров[1], особую актуальность приобретает анализ практики применения конфискации имущества в рамках уголовных дел, возбужденных по преступлениям коррупционной направленности.

Конфискация имущества — правовой институт, регулирование которого осуществляется на основе норм Конституции РФ, ГК РФ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2] (далее — КоАП РФ) и Уголовного кодекса Российской Федерации[3] (далее — УК РФ), что свидетельствует о его межотраслевом характере. Тенденция либерализации законодательства изменила правовую природу данного института. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ конфискация имущества как вид дополнительного наказания «в связи с низкой ее эффективностью» была исключена из УК РФ[4]. Однако законо-датель не отказался полностью от данного механизма. В процессе реформирования уголовного законодательства конфискация имущества перешла в категорию иных мер уголовно-правового характера.

Нельзя не отметить, что в связи с ее межотраслевым характером многие ученые неумышленно смешивают две категории конфискации имущества — уголовно-правовую и гражданско-правовую. К примеру, С. В. Крымов указывает «… из ст. 169 ГК РФ следует, что взыскание или обращение в доход государства имущества, которое используется в незаконных сделках, в том числе не влекущих наступления уголовной ответственности, а равно прибыли полученной в результате таких сделок, по своему юридическому характеру является конфискацией имущества»[5]. В то же время, гражданско-правовая конфискация — совершенно другой по сущности правовой механизм; это лишь недопущение реституции, которое возникает при признании сделки ничтожной, в то время как основанием для применения конфискации уголовно-правового характера является совершением лицом преступления, в том числе коррупционной направленности. В рамках данного исследования речь идет только об уголовно-правовой конфискации.

Возникает логичный вопрос: соответствует ли поставленная цель — борьба с деяниями коррупционной направленности — применимому

---

[1] Бастрыкин предложил конфисковывать у коррупционеров все имущество // Информационное агентство ТАСС. 2026. URL: https://tass.ru/ekonomika/26628563 (дата обращения: 17.03.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Институт конфискации имущества в уголовном кодексе Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 124.

[5] Крымов С. В. Конфискация имущества и неосновательное обогащение в законодательстве России. М. 2009. С. 3.

средству в виде возможных нарушений прав и свобод граждан? Часть 2 статьи 35 Конституции Российской Федерации[1] (далее — Конституция РФ) гарантирует, что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. В таком случае не станет ли конфискация имущества чрезмерным ограничением такого права, выходящим за рамки разумной необходимости? При этом нельзя не учитывать и положения Гражданского кодекса Российской Федерации[2] (далее — ГК РФ), регулирующие вопросы принудительного прекращения права собственности.

Каковы конституционно-правовые пределы ограничения права собственности? Часть 3 статьи 35 Конституции РФ устанавливает: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд) неоднократно рассматривал дела о конфискации имущества коррупционеров. Его позиция по данному вопросу основана на обеспечении баланса между интересами государства и конституционными гарантиями права собственности (частными интересами). При этом возникает противоречие: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях, предусмотренных частью 3 статьи 55 Конституции РФ. Однако формулировка «в той мере, в какой это необходимо» носит оценочный характер, поскольку толкование может различаться в зависимости от индивидуального восприятия правоприменителей. Отсутствие четких законодательных критерий, в свою очередь, создает риск возможных злоупотреблений и чрезмерных ограничений. Применительно к конфискации имущества это означает, что применимая мера может затрагивать только то имущество, которое имеет непосредственную связь с преступным посягательством.

Нередко коррупционеры оформляют незаконно полученные активы на близких родственников — в том числе на супругов. Такой способ сокрытия имущества стал предметом рассмотрения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 14.06.2018 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»[3]. Пленум Верховного Суда РФ в пункте 3.1 разъясняет, что «принадлежащим

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 1993. № 237.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. 1994. № 238—239.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 14.06.2018 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2018. № 7597.

обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов». Такой подход к проблеме позволяет не допускать случаев, когда коррупционеры используют оформление активов на родственников как способ уклонения от уголовной ответственности. А как обстоит дело на практике, когда один из супругов не знал о преступной деятельности другого? Часть 3 статьи 104.1 УК РФ закрепляет возможность конфискации имущества, переданного осужденным другому лицу, если «лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий». Такое изложение, по сути, опирается на гражданско-правовую концепцию о добросовестности приобретателя (пункт 5 статьи 10 ГК РФ), а не на уголовно-правовое понятие вины. Важно отметить, что добросовестность — состояние, которое непросто подтвердить, и рассматриваемый случай не является исключением: доказать, было ли лицо осведомлено о преступной деятельности другого, зачастую крайне затруднительно. Как справедливо отмечает М.В. Арзамасцев, что «фактическим основанием для такой конфискации является деяние физических лиц или организаций, не содержащее признаки состава преступления, но образующее разновидности прикосновенности к преступлению»[1]. К сожалению, в большинстве случаев суды игнорируют специфику гражданско-правового статуса такого имущества.

Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2025 № 2917-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лабузовой Е.В. на нарушение ее конституционных прав положениями пункта «б» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»[2] (далее — Определение) — показательный пример чрезмерной жесткости позиции Конституционного Суда по отношению к добросовестным третьим лицам. Согласно данному Определению, осведомленность третьих лиц о преступном происхождении имущества основывается на косвенных критериях (размер доходов, родство, совместное проживание). Это трансформирует истинную природу презумпции невиновности: бремя доказывания отсутствия таковой возлагается на третье лицо, а не на государство. Стоит отметить, что в таком случае Конституционный Суд не предложил ни одного способа защиты имущественных интересов третьего лица, не признанного виновным в рамках уголовного дела. Поистине, это

[1] Арзамасцев М. В. Конфискация имущества третьих лиц // Уголовное право. 2022. № 6 (142). С. 9.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2025 № 2917-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лабузовой Е.В. на нарушение ее конституционных прав положениями пункта «б» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации. 2025. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision 872118.pdf?ysclid=mnfzrdgarl220103351 (дата обращения: 01.04.2026).

лишает его судебной защиты, гарантированной частью 1 статьи 46 Конституции РФ. Следовательно, в связи с отсутствием в законодательстве и Определении четких критериев добросовестности и возможных процессуальных гарантий позиция Конституционного Суда посягает на законные интересы третьих лиц, не виновных в совершении преступлений коррупционной направленности.

Полная конфискация имущества обладает двойственной природой. С одной стороны, «переход» конфискации имущества в категорию иных мер уголовно-правового характера ослабил ее применение. Очевидно, что целый ряд коррупционных преступлений законодателем не включен в пункт «а» части 1 статьи 104.1 УК РФ в перечень статей, по которым применима конфискация имущества[1]. Исходя из этого, возможность изъятия в доход государства имущества, полученного в результате иных коррупционных преступлений, будет служить эффективной мерой профилактического характера; сдерживающим механизмом от злоупотребления служебным положением. С другой стороны, предлагаемая мера противоречит действующему российскому законодательству. Как отмечают представители юридического сообщества, «государство забирает не всякое имущество, а лишь напрямую связанное с преступной деятельностью. Каждое из пяти оснований (согласно статье 104.1 УК РФ) требует доказательства со стороны следствия и обвинения в суде, причем статус обвиняемого – чиновник или обычный гражданин – роли не играет»[2]. Вопрос доказывания также стоит остро, ведь коррупционные махинации тщательно маскируются, а имущество может оформляться на так называемых «подставных лиц». Это, в свою очередь, противоречит принципам справедливого судебного разбирательства (статья 47 Конституции РФ) и презумпции невиновности (статья 49 Конституции РФ). Михаил Барщевский, вспоминая существование полной конфискации имущества при советской власти, указывает, это не дало никаких позитивных результатов, но «делало детей, жен или мужей, соответственно, нищими»[3]. По его мнению, нужно перестроить государство таким образом, чтобы коррупция была невозможна.

Подводя итог вышеизложенному, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что возвращение полной конфискации имущества представляется целесообразным, но с учетом соблюдения конституционных

[1]Ларина Л. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера за преступления коррупционной направленности // Вестник Югорского государственного университета. 2025. Т. 21. № 2. С. 24.

[2]«Это неконструктивная и даже опасная инициатива» // Сетевое агентство Коммерсантъ. 2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8481542 (дата обращения: 21.03.2026).

[3]Барщевский вспомнил советский опыт после идеи Бастрыкина о конфискациях // Информационное агентство РБК. 2026. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/03/2026/69a70b569a794779ed158b8e?ysclid=mndgycqqb7192903622 (дата обращения: 21.03.2026).

гарантий права собственности и норм гражданского законодательства. Как справедливо отмечается в научной литературе, «эффективным механизмом в противодействии коррупции является не уголовный запрет, а институты гражданского права, недооцененные отечественными юристами»[1]. Совершенствование антикоррупционного законодательства должно идти не по пути ужесточения мер, а по пути создания сбалансированных мер и механизмов.

Научная статья
УДК 343.71

ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Олеся Андреевна ЛАНСЕР[1], Александра Сергеевна МЕТЕЛЬКОВА[2]
[1,2] Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», г. Новосибирск, Россия
[1]alisslanser@yandex.ru
[2] alexandrametelkova@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», **Андрей Анатольевич ИСАЕВ**, a.a.isaev@nsuem.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации хищения виртуального игрового имущества. Авторы анализируют неопределённость правового статуса внутриигровых объектов, сложности доказывания и оценки ущерба, а также противоречивую судебную практику (ст. 272 УК РФ, ст. 158 УК РФ, ст. 159.3 УК РФ). Обосновывается необходимость признания виртуального имущества объектом правовой охраны и внесения изменений в гражданское и уголовное законодательство.

Ключевые слова: виртуальное игровое имущество, хищение в цифровой среде, хищение, неправомерный доступ к компьютерной информации, онлайн-игры, имущественный ущерб

Виртуальное игровое имущество: внутриигровые предметы, валюты, аккаунты и прочие цифровые объекты онлайн-игр за последние годы

[1]Арямов А. А., Рябцева Е. В. Конфискация как цивилистический инструмент антикоррупционной политики государства // Государство и право. 2023. № 5. С. 113.

приобрели вполне ощутимую экономическую ценность и превратилось в предмет реального оборота между игроками. Рынок этот существует, в оборот запущены реальные деньги, а вот правовой статус подобных объектов российское законодательство до сих пор чётко не определило. Отсюда и возникают устойчивые трудности с уголовно-правовой квалификацией посягательств на такое имущество.

Парадокс ситуации состоит в том, что хищение виртуальных предметов нередко квалифицируется не как преступление против собственности, а как неправомерный доступ к компьютерной информации или мошенничество, хотя причинённый ущерб вполне реален и вполне измерим в деньгах. Иными словами, форма подавляет содержание: из-за цифровой природы объекта правоприменитель уходит в сторону от имущественного состава, даже когда потерпевший лишается чего-то, за что заплатил. Научная новизна строится на сопоставлении гражданско-правового и уголовно-правового подходов к виртуальному игровому имуществу.

Правовая природа виртуального игрового имущества до сих пор не получила чёткого правового оформления. С точки зрения гражданского права такие объекты не вписываются в категорию вещей в её классическом понимании и не охватываются в полной мере понятием «имущества», закреплённым в ст. 128 ГК РФ[1]. Добавляет сложности и то, что п. 1 ст. 1062 ГК РФ[2] существенно сужает возможности судебной защиты требований, возникающих в связи с организацией игр и пари, на практике это положение нередко служит доводом против признания внутриигровых объектов самостоятельными объектами правовой охраны.

Вместе с тем в научной литературе всё настойчивее звучит иная позиция. Виртуальные предметы обладают реальной потребительской и рыночной ценностью, свободно переходят от одного пользователя к другому и фактически функционируют как объекты имущественного оборота. Бруньковский Н. Н., рассматривая этот вопрос, приходит к выводу, что для обеспечения надлежащей правовой охраны игровые предметы целесообразно квалифицировать как «иное имущество» применительно к ст. 128 ГК РФ[3].

Мосечкин И. Н. фиксирует другой аспект той же проблемы: неопределённость правового статуса виртуальных объектов приводит к тому, что споры между пользователями нередко остаются за пределами традиционных механизмов судебной защиты[4]. Хилюта В. В., анализируя процессы

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[3] Бруньковский Н. Н. Актуальные проблемы правового регулирования индустрии компьютерных игр // Евразийская адвокатура. 2024. № 2 (67). С. 88.

[4] Мосечкин И. Н. Системные проблемы уголовно-правовой защиты виртуальных объектов // Право. Журнал ВШЭ. 2024. Т. 17. № 4. С. 205.

дематериализации предмета хищения, указывает на принципиальное несоответствие: классическая конструкция кражи исторически выстраивалась вокруг материального объекта, тогда как цифровая среда предполагает иной тип имущественного блага[1].

Неопределённость правовой природы виртуального имущества порождает целый перечень квалификационных трудностей. Отсутствие физического носителя сразу ломает привычную логику: схема «изъял — обратил в свою пользу» попросту не работает применительно к объектам, существующим лишь в цифровой среде, и требует принципиально иного подхода.

Доказывание самого факта хищения — задача затруднительная и небанальная. Следователю приходится разграничивать добровольную передачу предметов и незаконный доступ к аккаунту, фишинг или обман пользователя, причём каждое из этих деяний фиксируется по-разному. Цифровая среда не оставляет вещественных следов в привычном смысле, а значит, доказательственная база формируется иначе и куда сложнее.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, кто вообще считается потерпевшим по данной категории дел. Лицензионные соглашения нередко оставляют формальное право на игровой объект за разработчиком, предоставляя пользователю лишь возможность пользоваться им в рамках платформы. Выходит, что пострадавший, который утратил свое имущество и претерпел имущественный вред фактически есть, а его юридический статус остаётся под вопросом.

Появляются и сложности с оценкой ущерба. Официальной стоимости у виртуальных предметов зачастую нет вовсе, хотя на вторичном рынке они продаются за реальные деньги. Именно отсюда вытекает парадокс правоприменения: одно и то же деяние можно описать и как несанкционированный доступ к аккаунту, и как хищение средств, потраченных на покупку предметов, и как посягательство непосредственно на виртуальное имущество.

Реальный имущественный вред, который несёт потерпевший от виртуальной кражи, не делает её менее серьёзной только потому, что предмет посягательства существует в цифровой форме. Надо признать, именно этот аргумент чаще всего игнорируется, когда речь заходит о квалификации таких деяний. Между тем посягательство на собственность остаётся посягательством на собственность, вне зависимости от того, где именно она хранится[2].

Российская судебная практика долгое время шла по одному пути: посягательства на виртуальные предметы квалифицировались либо по ст. 272

[1]Хилюта В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 73.

[2] Лифанова М. В., Корнелюк О. В. Кража в отношении электронных денежных средств: проблемы квалификации // Право и государство: теория и практика. 2025. №7. С. 594.

УК РФ[1], либо в отдельных случаях по ст. 159.3 УК РФ. Суды и следствие усматривали в таких ситуациях прежде всего неправомерный доступ к компьютерной информации, но никак не изъятие имущества. В научной литературе подобный подход принято считать сугубо формальным. Реальная имущественная природа причинённого ущерба при таком подходе попросту игнорируется. Мосечкин И.Н., разбирая эту коллизию, указывает: правоприменители последовательно выводят нормы о преступлениях против собственности за скобки, даже когда потерпевший несёт вполне ощутимые экономические потери[2].

В правоприменительной практике встречаются случаи, когда получение доступа к чужому игровому аккаунту и использование виртуальных предметов квалифицируется по ст. 272 УК РФ, а не как хищение, несмотря на причинение имущественного вреда потерпевшему. Правда, в свежих правоохранительных материалах прослеживается иная тенденция. Например, в 2025 году МВД сообщало о возбуждении дела по ст. 158 УК РФ в связи с хищением виртуального имущества, оценённого в десятки тысяч рублей[3]. Также в одном из регионов было возбуждено уголовное дело после того, как у игрока похитили около 250 виртуальных предметов — ущерб составил порядка 90 тысяч рублей. Вместе с тем МВД зафиксировало, что за 10 месяцев прошлого года в игровых сообществах было зарегистрировано около тысячи имущественных преступлений[4].

Таким образом, в российской правоприменительной практике посягательства на игровые предметы квалифицируются непоследовательно: один и тот же по существу случай может получить совершенно разную уголовно-правовую оценку в зависимости от субъекта Российской Федерации, позиции следователя или дознавателя или мнения судьи.

Пути решения обозначенной проблемы, на наш взгляд, сводятся к двум взаимосвязанным направлениям. Начать изменения стоит с гражданского законодательства. Ключевым шагом в данном направлении является признание цифровых (виртуальных) объектов самостоятельным объектом гражданских прав, поскольку без этого любые уголовно-правовые механизмы защиты окажутся недостаточно эффективными. В этой связи представляется обоснованным внесение изменений в ст. 128 ГК РФ посредством прямого включения таких объектов в перечень объектов гражданских прав. Данный

---

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года №63-ФЗ (ред. от 20.02.2026 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

[2]Мосечкин И. Н. Указ. соч. С.187.

[3]Кражу у игрока онлайн-шутера виртуального имущества на 90 000 реальных рублей раскрыла полиция Кирова // Пресс-служба УМВД России по Кировской области. [Электронный ресурс] URL: https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/krazhu-u-igroka-onlayn-shutera-virtualnogo-imushchestva-na-90-000-realnykh-rubley-raskryla-politsiya/ (дата обращения: 30.03.2026).

[4]МВД зафиксировало в онлайн-играх около 1000 преступлений против собственности // Ведомости [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/19/1170047-mvd-zafiksirovalo-v-onlain-igrah-okolo-1000-prestuplenii (дата обращения: 30.03.2026).

подход соответствует позиции Бруньковского Н. Н., обосновывающего необходимость распространения режима имущественной охраны на игровые предметы.

На основании вышеизложенного, предлагаем внести в ст. 128 ГК РФ изменения и изложить ее в следующей редакции:

«К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, *в том числе цифровые (виртуальные) объекты*, имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

Параллельно требуется реакция уголовного закона, которая должна учитывать специфику посягательств на виртуальные игровые активы. В этой связи представляется обоснованным введение самостоятельной статьи 158.2 УК РФ непосредственно для случаев хищения виртуального имущества. Новая статья должна предусматривать ответственность за хищение внутриигровых объектов, виртуальной валюты и иных цифровых прав. Такой подход позволит более чётко разграничить посягательства на цифровые ценности и неправомерный доступ к компьютерной информации, сняв тем самым значительную часть споров в отношении квалификации, которые сегодня возникают на практике регулярно.

Диспозицию статьи 158.2 предлагаем изложить следующим образом:

«Хищение чужого виртуального имущества, то есть противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или иных лиц внутриигровых объектов, виртуальной валюты, а равно иных цифровых (виртуальных) объектов, закреплённых за пользователем в информационной системе и имеющих имущественную ценность».

В рамках настоящего исследования мы ограничились формулированием диспозиции нормы без закрепления конкретной санкции. Это обусловлено тем, что вопрос о мере уголовной ответственности за хищение виртуального имущества требует более детальной и самостоятельной проработки с учётом как специфики предмета посягательства, так и иных факторов: мелкие эпизоды с символической стоимостью предмета не должны автоматически влечь уголовное преследование в той же мере, что и крупные хищения, иначе наказание окажется явно несоразмерным совершенному правонарушению. Однако отметим, что здесь вполне применима логика, уже отработанная применительно к электронным денежным средствам и схожим цифровым объектам: градация ответственности по стоимостным порогам

позволяет удержать баланс между охраной прав и разумной экономией уголовной репрессии.

Принятие решений такого рода способно изменить ситуацию сразу в нескольких отношениях. Квалификация деяний станет точнее, участники цифровой игровой среды получат реальную правовую защиту, а предсказуемость судебной практики заметно вырастет. По сути, речь идёт о том, чтобы право догнало экономическую реальность, которая уже давно сложилась.

В заключение хотелось бы отметить, что виртуальное игровое имущество занимает сегодня достаточно странное, промежуточное место в российском праве, экономически оно вполне реально, а вот юридически остаётся объектом без чёткого статуса. Отсюда и вытекает практическая проблема – преступления с такими объектами квалифицируются главным образом по составам в сфере доступа к компьютерной информации, хотя, по существу, речь идёт о посягательстве на отношения собственности. Доктрина, практика последних лет и материалы МВД дают схожий ответ на вопрос о том, как устранить разрыв между экономической природой вещи и её правовой оценкой. Необходимо законодательно закрепить за виртуальными игровыми объектами статус имущества в ст. 128 ГК РФ, а параллельно ввести специальную уголовно-правовую норму, например ст. 158.2 УК РФ. Без этого шага правоприменение будет оставаться разрозненным, суды продолжат опираться на аналогии, а не на прямые нормы.

Научная статья
УДК 343.61

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ НАПАДЕНИЙ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кристина Александровна ЛЕБЕДЕВА
Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ms.ctogde@mail.ru

Научный руководитель преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, капитан полиции, **Юлия Александровна ШУТОВА,** yulya.shiganova.96@mail.ru

Аннотация. Наблюдаемый рост числа вооруженных нападений на учебные заведения представляет собой одну из наиболее острых и насущных проблем современности. Данное явление обусловлено колоссальным количеством проблемных аспектов связанных не только с установлением детерминант и разработки мер профилактики и противодействия. Отдельного внимания также заслуживает вопрос о квалификации противоправных деяний с учетом норм действующего законодательства.

Ключевые слова: вооруженное нападение на образовательную организацию, несовершеннолетний, убийство, террористический акт

Реализуемая государством политика, направленная на обеспечение прав и свобод человека в сфере образования, где основополагающим приоритетом выступает защита жизни и здоровья человека, на данный момент времени, претерпевает существенные испытания, связанные, в первую очередь, с динамично развивающейся тенденцией совершения вооруженных нападений на образовательные организации. Обоснованность данного утверждения обусловлена эскалацией агрессии в молодежной среде, принявший характер серийных вооруженных нападений в начале 2026 года. Так, в период с 22 января по 11 февраля в регионах Российской Федерации, географическое расположение которых простирается от Красноярского до Краснодарского края, зафиксировано семь резонансных инцидентов в образовательных организациях. Статистика последних недель демонстрирует расширение спектра используемого оружия в ходе приготовления к нападениям, вариативность мотивов: от личной мести обучающимся и педагогическим работникам до расовой ненависти. Высокая концентрация актов

деструктивного поведения требует переосмысления норм действующего законодательства, согласно которому общественная опасность деяния нивелируется перед реальным ущербом, причиняемым населению (обучающимся, родителям, педагогическим работникам, их родным и близким людям), а также подрывающее доверие к институтам государственной власти.

В мировой практике, а также в периодичных научных изданиях подобные преступные посягательства трактуются как «скулшутинг», производный термин от английского «schoolshooting» (массовая стрельба, стрельба в школах). Несмотря на дословный перевод данный феномен являет собой не только применение огнестрельного оружия, но и холодного оружия, а также взрывных устройств (по-большей части самодельных) в образовательных учреждениях, непосредственными объектами посягательств являются одноклассники (одногруппники), а также педагогические работники.

Ввиду этого, дословная трактовка термина «скулшутинг» представляется некорректной, и более точным является употребление понятия «вооруженное нападение на образовательные учреждения». В подтверждение данного тезиса представляется необходимым отметить определение вооруженного нападения, которое согласно положениям ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» представляет собой «нападение, совершаемое с использованием оружия любого вида, либо предметов, конструктивно схожих с настоящим оружием или внешне неотличимых от него, либо предметов, веществ и механизмов, при помощи которых могут быть причинены тяжкий вред здоровью или смерть»[2]. Таким образом вооруженное нападение на образовательные организации — это нападение, совершенное с использованием оружия любого вида, либо предметов, веществ и механизмов, применение которых предполагается на территории или в здании организации, учреждения, осуществляющей образовательную деятельность, направленное на причинение вреда жизни или здоровью лиц, находящихся в образовательном учреждении.

Также следует отметить, что данное противоправное деяние обладает специфическими признаками, один из которых заключается в том, что вооруженное нападения на образовательную организацию представляет собой совокупность преступлений. С учетом данного обстоятельства представляется необходимым рассмотреть элементы отдельных составов преступлений, которые являются ключевыми при осуществлении актов проявления радикальной агрессии.

Принимая во внимание то, что действия лиц, совершивших вооруженные нападения на образовательные организации, в превалирующем количестве случаев, квалифицируются по ст. 105 УК РФ в связи с тем, что посягательство подростков осуществляется в отношении педагогических работников либо обучающихся непосредственным объектом выступает жизнь и здоровье человека. При этом, в зависимости от ситуации, круг объектов может

быть как персонифицированным (когда противоправное посягательство осуществляется в отношении определенных людей: учителя по той или иной дисциплине, одноклассника или группы одноклассников), так и неперсонифицированным (посягательство совершается не в целях причинения вреда жизни или здоровья определенным лицам, а в целях публичного выражения протеста, направленного на устрашение окружающих вследствие причиненного морального вреда). Помимо того, что прямой умысел состоит в причинении вреда жизни и здоровью обучающимся и педагогическим работникам, вследствие действий преступников могут пострадать и иные лица, в числе которых сотрудники, осуществляющие охрану образовательных учреждений, медицинские работники, сотрудники правоохранительных органов при осуществлении обезвреживания и задержания преступника.

Так как вооруженное нападение на образовательные учреждения являет собой, по-большей части, совокупность преступлений, всестороннего рассмотрения требует объективная сторона нескольких составов преступлений.

Непосредственно подготовка к вооруженному нападению на учебное заведение состоит из следующих действий: подбор оружия, его изготовление или приобретение (в случаях осуществления подобной процедуры действий с огнестрельным оружием и взрывными устройствами преступникам вменяют ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1, ч.1 ст. 223, ч. 1 ст. 223.1 УК РФ); увлечение и следование идеологии террористического сообщества «Колумбайн»; размещение в социальных сетях, мессенджерах постов, выражающих ненависть к обществу, определенной социальной группе, предшествующие совершению противоправного деяния. Следуя изученным материалам судебно-следственной практики, а также информации, размещенной в средствах массовой информации (далее — СМИ), превалирующее количество преступников заблаговременно публиковало посты, демонстрирующие сформированное у преступника желание совершить вооруженное нападение.

Нападение осуществляется путем проникновения в образовательное учреждение, которое происходит либо «под прикрытием», подразумевающее проход на занятие, либо с преодолением охраны, демонстрирующее на этом этапе наличие оружия и оказания противодействия. Следуя за проникновением осуществляется применение оружия либо подготовка к его применению (заряжение магазина огнестрельного оружия либо приведение в готовность взрывного устройства). В результате применения оружия наступают общественно опасные последствия, выражающиеся в наступлении смерти, вреда здоровью различной степени тяжести, а также повреждение имущества.

Все совершенные деяния осуществляются в утреннее время, когда потенциальные жертвы посягательства находятся на занятиях. Данный признак свидетельствует не только о том, в какое время происходят рассматриваемые противоправные деяния, но и свидетельствуют об обстановке —

наличие массовости, публичности. В качестве места совершения преступления выступают образовательные организации: школы, лицеи, гимназии, колледж, техникумы, высшие учебные заведения, а также прилегающие к образовательным организациям территории — дворы, площадки, стадионы и объекты инфраструктуры, в качестве которых выступают общежития.

Среди средств совершения преступного деяния злоумышленники чаще всего прибегают к использованию огнестрельного оружия (охотничьи ружья, пневматические пистолеты, помповые ружья, винтовки); холодного оружия, в качестве которых фигурируют ножи и топоры; взрывных устройств, за частую самодельные. В качестве ключевого признака объективной стороны следует отметить способ совершения вооруженного нападения на образовательные организации. В превалирующем количестве случаев преступникам, помимо основных признаков (в отношении двух или более лиц, в отношении малолетнего лица, из хулиганских побуждений) вменяют п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное общеопасным способом), которое подразумевает такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов местах скопления людей).

В качестве субъекта рассматриваемой совокупности преступных деяний зачастую выступают несовершеннолетние лица, что негативно сказывается не только на показателях подростковой преступности, но и выступает катализатором развития девиантного поведения и формирования устойчивых криминальных наклонностей.

Субъективная сторона всех преступных деяний характеризуется прямым умыслом, заключающийся в причинении смерти другим лицам (в случае совокупности преступлений прямой умысел характерен также для незаконных приобретения и применения огнестрельного оружия, боеприпасов, а также взрывчатых веществ и взрывных устройств). Рассматривая факультативные признаки субъективной стороны, краеугольным камнем в совершении преступлений выступает мотив. С учетом того, что акты вооруженных нападений на образовательные организации отличаются своей резонансностью, что, в свою очередь, широко тиражируется в СМИ, а также является объектом исследования представителей научного сообщества (Ю. В. Суходольская, В. О. Карпов, А. А. Гальдешин, И. Л. Лукашова) можно выделить несколько характерных причин, побуждающих несовершеннолетних к подобного рода посягательствам, образующих мотив совершения преступления:

месть, направленная в отношении педагогического работника (месть за неудовлетворительные отметки, предвзятое и несправедливое отношение к преступнику), одноклассников (месть за травлю);

стремление, заключающееся в противостоянии себя обществу, самоутверждение за счет остальных;

подражание и героизация лир, ранее совершивших данного рода преступные деяния;

желание обрести славу за счет совершенного преступления;

намерение навлечь страх.

Как правило перечисленные мотивы могут быть сопутствующими и образовывать комплекс внутренних навождений несовершеннолетних, что в конечном случае, выражается в осуществлении вооруженного нападения на образовательные организации.

На основании проведенного анализа совокупности преступлений, исходя из норм действующего уголовного законодательства, представляется необходимым рассмотреть данные судебно-следственной практики в части квалификации уголовно-наказуемых деяний. В основном действия лиц, совершивших вооруженное нападение на образовательную организацию, квалифицируют по пп. «а», «в», «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в некоторых случаях дополнительно вменяют пп. «д», «ж». В зависимости от результата действий преступления квалифицируются как неоконченные с соответствующей пометкой п. 3 ст. 30 УК РФ, а также в случае применения огнестрельного оружия и взрывных устройств, образуется совокупность преступлений по ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1, ч. 1 ст. 223.1 УК РФ.

Однако несмотря на однообразность судебных решений в случаях вооруженных нападений на образовательные организации в правоприменительной практике известен случай попытки нападения в целях дестабилизации деятельности органов власти, иначе говоря приготовление к совершению террористического акта. Именно такой целью располагал Н., уроженец г. Енисейка Красноярского края. Его намерения состояли в совершении массового убийства обучающихся и учителей средней школы № 9 г. Енисейска 1 сентября 2020 года, устроив тем самым «кровавую линейку», а по прибытии сотрудников правоохранительных органов, уничтожить и их. С учетом того, что Н. неоднократно заявлял о своих намерениях окружающим, вследствие чего его действия были пресечены на этапе подготовки к совершению противоправного преступного деяния. Однако Н был освобожден от уголовной ответственности вследствие обнаружения у обвиняемого временного психического расстройства в форме дисгармонического пубертатного криза с назначением принудительной меры медицинского характера.

На основании изложенного следует отметить, что вооруженные нападения на образовательные организации квалифицируют как совершение убийства с квалифицирующими признаками. Несмотря на основание решения Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 года, удовлетворившего административное исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации о признании «Колумбайна» террористической

организацией, идеология которого пропагандирует совершение массовых убийств в образовательных организациях, совершение вооруженных нападений на образовательные организации не содержит признаков террористического акта и иных преступлений террористической направленности в части целеполагания преступников. Основные цели, преследуемые лицами, склонными к радикальному проявлению агрессии, заключаются в самоутверждении, противопоставлении себя обществу, а также «наказания обидчиков».

Однако указанное утверждение действительно в силу существующих норм уголовного законодательства. Вменение преступникам, совершающих вооруженные нападения либо подготовку к ним, убийства не соответствует уровню общественной опасности. Так, вследствие совершения подобных преступлений в качестве объекта посягательства выступает не только жизнь и здоровье обучающиеся, которые, за частую являются несовершеннолетними, а также работников педагогического состава, данные преступления являются резонансными, устрашая население, в частности, родителей обучающихся, близких родственников и знакомых. Помимо этого, косвенным образом действиями злоумышленников осуществляется дестабилизация деятельности органов власти, так как в сознании населения подкрепляется и укореняется мысль о бездействии правоохранительных структур, органов местного самоуправления, а также органов государственной власти в целом. В дополнение следует обратиться к ранее изложенной информации, содержащей сведения о том, что подобного рода преступления совершаются при соблюдении признаков массовости и публичности. В действительности стоит полагать, что лицо, намеревающееся причинять смерть другому человеку не преследует в качестве основной цели осуществлять данное преступное деяние при большом скоплении людей. Таким образом вменения данным лицам уголовной ответственности за совершение убийства с квалифицирующими признаками не коррелирует с той степенью общественной опасности, которая образуется при совершении совокупности преступных деяний.

С учетом вышеизложенного следует заключить, что такие преступные посягательства в виде вооруженных нападений на образовательные организации характеризуются повышенной общественной опасностью, что являет собой необходимость в пересмотре существующих положений действующего уголовного законодательства. Предполагается внести новый состав преступления, относящийся к преступлению террористической направленности, посягающее на общественную безопасность, «вооруженное нападение на образовательные организации», которое будет предусматривать соответствующие признаки данного преступного деяния.

Таким образом, вооруженные нападения на образовательные организации будут образовывать не совокупность преступлений, а является самостоятельным преступлением.

Научная статья
УДК 343.2/.7

КОРРУПЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анна Сергеевна ЛОБАНОВА
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), Москва, Россия

Научный руководитель преподаватель Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России **Анастасия Васильевна КОРОТЕЕВА**, koroteeva.a.v@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие коррупция в системе законодательных и исполнительных органов. Акцентируется внимание на методах решения данной проблемы на территории Российской Федерации и за её пределами. Определяются причины и проблемы, сопутствующие возникновению и развитию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, законодательство, взятка, преступление, ответственность

В настоящее время в нашем государстве стоит остро вопрос с проблемами коррупции. С данной проблемой государство борется не один десяток лет. Наша сегодняшняя встреча посвящена Державинским чтениям, поэтому хотелось бы заметить, что Гавриил Державин вошел в историю не только как писатель, он прошел путь от гвардии рядового до министра юстиции Российской империи. Был губернатором двух областей и личным помощником Екатерины II. Коррупция берет свое начало от государственного управления до жилищно-коммунального хозяйства и образовательных учреждений. Безусловно, меры по борьбе с коррупцией государство начало принимать достаточно недавно, а именно 19 мая 2008 года Указом Президента РФ № 815 «О мерах по противодействию коррупции» был создан Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. Однако, впечатляющих результатов его создание не принесло. В связи с этим изучение эффективности борьбы с коррупцией в Российской Федерации, а также способов ее искоренения представляется весьма актуальным.

Проблема коррумпированности в системе органов государственной власти исследуется с разных точек зрения, в том числе с точки зрения особенностей поведения государственных деятелей.

Причины возникновения коррупционной преступности много. Это тесно связано с тем, что коррупция возникла очень давно и стала неотъемлемой частью жизнью общества. Причины возникновения коррупции имеют различные характеры, такие как экономические, психологические и организационные.

Следует отметить, что государственный служащий или другое лицо может стать коррупционером как в результате принятие такого решения сразу, так и после плавного перехода своими действиями от пассивного к преступным. Должностное лицо может на подсознательном уровне считать свою службу продолжении рыночных отношений, при котором демократия позволяет «продавать» своими прямыми должностными обязанностями и вытекающими из этого последствиями. Если рассматривать деятельность Державина, то он был непримиримым борцом с коррупцией, сделал очень много, но, к сожалению, поддержки практически не имел. Законы в России всегда были хорошими, а вот практика применения хромала. Тогда, пожалуй, лишь Державин относился к соблюдению законов как к чему-то святому.

Если рассматривать статистику, то чаще всего уголовные дела возбуждают против работников правоохранительных органов. Зачастую в делах о взяточничестве фигурируют и работники юстиции, первым министром которого был Гавриил Державин. Также фигурируют работники здравоохранения, региональные чиновники исполнительной власти, представители науки и образования. Можно подчеркнуть, что основные сферы жизнедеятельности человека коррумпированы.

По официальным данным, в 2022 году было совершено более 35 тысяч дел коррупционной направленности. Впечатляющая цифра, но по сравнению с общей статистикой преступлений, а это почти 2 миллиона зарегистрированных преступлений. В процентном выражении 1,8 % от общего процента преступлений. В Наро-Фоминском городском округу по итогам 9 месяцев зарегистрировано 12 преступлений коррупционной направленности. Раскрываемость данных преступлений в 2024 году — 98,2 %.

Самое распространённое и опасное преступление является взяточничество. Это предусмотрено в ст. 290 УК РФ «получение взятки», ст. 291 УК РФ «дача взятки», ст. 291.1 УК РФ «посредничество во взяточничестве», и ст. 291.2 УК РФ[1] «мелкое взяточничество». Расследование преступлений, связанных с получением и дачей взятки, а также посредничеством во взяточничестве, проводится Следственным комитетом России. Расследование

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2025. №53. Ст. 8352.

мелкого взяточничества может быть проведено дознавателями органов внутренних дел или следователями Следственного комитета в зависимости от субъекта совершения преступления.

На сегодняшний день существует многообразие причин коррупционных преступлений, некоторые из них берут свое начала с момента появление коррупции. В связи с тем, что коррупция развивается в стране, это говорит о том, что существуют пробелы в законодательстве. Одним из продуктивных способов такой борьбы является создание законов, призванных предотвратить коррупционные проявления в обществе и государстве. Слабый контроль за экономической деятельностью приводит к усилению коррупции в стране. Однако следует отметить, что процесс законотворчества не является единственным способом борьбы с коррупцией. Для решения представленной проблемы вполне эффективным может стать заимствование опыта других экономически развитых стран.

Для предупреждения коррупции и ее пресечения необходимо разработать ряд мероприятий, способствующих улучшению экономического положения страны:

во-первых, необходимо обесценить значимость взятки. То есть она должна влечь за собой имущественный ущерб, а также ухудшение репутации в обществе взяткодателя/получателя: во-вторых, государственные программы должны быть прозрачны: для того, чтобы выделенные деньги по программам помощи доходили до конечного пользователя в том состоянии, в котором были изначально выделены, необходимо усилить контроль со стороны государства, общественных организаций, а также со стороны общественности; и, в-третьих, при проведении различных тендеров на конкурсной основе в рамках государственных заказов необходимо обеспечить их публичность и прозрачность. Это связано с тем, что фирма, выбранная для выполнения заказа, должна обладать хорошей репутацией. Иное свидетельствует о том, что заказ может быть выполнен некачественно или вовсе не исполнен.

Решение проблемы коррупции в России, безусловно будет способствовать разрешению еще нескольких проблем, тесно связанных и влияющих друг на друга. Особый интерес представляет собой проблема «кризиса морали». Именно отсутствие интереса к власти у народа, его недоверие к совершаемым государством действиям отражает нам проблему малообразованности, а вследствие и отсутствия моральных ценностей. Как мы знаем, мораль, и право тесно связаны между собой. Почему «кризис морали» связан с проблемой коррупции в стране? Именно в исполнительной ветви власти как никогда актуален «кризис морали», иначе таких размеров получения взяток и превышения должностных полномочий попросту бы и не было. Устранив данную в проблему в высших эшелонах власти, мы сможем увидеть значительные изменения и в других сферах жизнедеятельности

человека. Более того, государство покажет молодому поколению достойный пример и вызовет уважение населения к государственным органам власти.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что уменьшение уровня коррупционной преступности реально в том случае, если одновременно решать проблемы, связанные с ее возникновением, а также устранять условия, способствующие ее развитию. То есть меры противодействия коррупции должны носить решительный характер и распространяться на все ее направления. Следовательно, полное изучение причин и условий возникновения коррупции позволит выработать действенные меры для ее снижения.

Научная статья
УДК 343.2

ШТРАФ, ИСЧИСЛЯЕМЫЙ КРАТНО ПРЕДМЕТУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Олег Александрович МОИСЕЕВ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
oleg.moiseev.07@mail.ru

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор **Александр Михайлович ГЕРАСИМОВ**, amgerasimov@list.ru

Аннотация. Принцип справедливости предполагает, что наказание должно соответствовать общественной опасности преступления. Заявленному критерию должны отвечать все наказания. Особенно остро стоит проблема при назначении кратных штрафов, рассчитываемых на основе суммы взятки, подкупа, незаконно перемещенных средств и т.п. Такой подход призван увязать размер наказания с масштабами преступной деятельности, прежде всего коррупционной. Однако на практике механическое умножение суммы предмета преступления не всегда учитывает роль виновного и другие обстоятельства, из-за чего есть риск назначить как чрезмерно суровое, так и неоправданно мягкое наказание. Особую остроту данная проблема приобретает в условиях современной экономической нестабильности, когда даже формально законное наказание может оказаться неисполнимым ввиду имущественного положения осуждённого. С одной стороны, законодатель стремится к ужесточению ответственности за коррупционные преступления, с другой — отсутствие гибких механизмов индивидуализации наказания

приводит к обратному эффекту: наказание либо не исполняется, либо существенно смягчается судом, что подрывает авторитет уголовного закона.

Ключевые слова: штраф, кратное исчисление, уголовное наказание

Дилемма между строгим следованием формальным правилам и потребностью учитывать индивидуальные обстоятельства при назначении наказания особенно заметна в случае кратных штрафов. Кратный штраф — это способ исчисления наказания, предусмотренный, в частности, санкциями ст. 290 и 291 УК РФ за получение и дачу взятки, а также ст. 204 УК РФ за коммерческий подкуп. Размер исчисляется в таких случаях штрафа в сумме, кратной сумме взятки или подкупа. Кратные штрафы задумывались как адекватное средство предупреждения, работающее по принципу — чем крупнее взятка, тем выше штраф. Подобный подход был призван лишить преступление экономического смысла. Однако многолетний опыт применения таких норм выявил существенные противоречия, которые ставят под вопрос соблюдение принципа справедливости. При этом такие важные моменты, как внутреннее отношение человека к содеянному, степень вовлеченности в сговор, наличие принуждения или, наоборот, личная инициатива, отходят на второй план. Данный подход, при котором количественная характеристика преступления фактически подменяет его качественную оценку, входит в противоречие с сущностью уголовного права, призванного оценивать деяние, а не производить арифметические действия. Простое умножение суммы, фигурирующей в деле (например, когда размер взятки увеличивается в сто раз), далеко не всегда соответствует реальной роли человека в преступлении и другим юридически значимым деталям[1]. В связи с этим в доктрине уголовного права всё чаще высказываются предложения о необходимости пересмотра подходов к исчислению штрафа. При этом дискуссия ведётся как о полном отказе от кратных штрафов, так и о сохранении данного института, но с существенной корректировкой методики расчёта. Сторонники первого подхода указывают на порочность самого принципа механического умножения, который превращает правосудие в формальную арифметику. Сторонники второго подхода предлагают дополнить существующую систему поправочными коэффициентами, учитывающими имущественное положение осуждённого, наличие иждивенцев, а также иные социально значимые обстоятельства.

Кратные штрафы сегодня влекут за собой весьма серьезные материальные ограничения, и их границы, как нижние, так и верхние, были существенно скорректированы в сторону увеличения, причем речь идет о пятикратном увеличении нижней границы и о многократном — верхней.

[1]Зубкова В. И., Мазур С. Ф. Принцип справедливости при назначении уголовных наказаний // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 157.

Изучение И. А. Подройкиной ста приговоров по коррупционным преступлениям показало, что кратность правоприменителем используется как правило в тех случаях, когда нет иных вариантов расчета, то есть при назначении штрафа как дополнительного наказания. Доминирует же назначение его в абсолютном денежном выражении, что ставит вопрос об обоснованности наличия кратных штрафов[1].

Практика назначения судами штрафа, кратного стоимости предмета преступления, столкнулась с серьезными проблемами. Ученые и юристы указывают, в частности, на низкий уровень исполнения и взыскания таких штрафов; неадекватность коэффициентов кратности, применяемых при определении суммы штрафа, приводящих к назначению нереальных для исполнения штрафов. Совокупность данных проблем позволяет поставить под сомнение сам факт целесообразности такого порядка назначения штрафа. К тому же сама модель кратного штрафа выглядит устаревшей, поскольку она создавалась для иных социально-экономических условий. Способ расчета, основанный на формальном умножении, не принимает во внимание ни реальную покупательную способность денег, ни динамику доходов населения, ни различия в материальном положении осужденных. Привязка к фиксированной сумме, даже умноженной на коэффициент, оказывается негибкой в условиях постоянно меняющейся экономики. Отказ от исчисления штрафов в МРОТ (2003 г.) обострил проблему «старения» уголовных санкций. Кратные штрафы (введенные в 2011 г.), будучи привязаны исключительно к сумме взятки, также не учитывают ни инфляции, ни имущественного положения осужденного, что нередко приводит к назначению несправедливого наказания. Во-первых, появляется риск назначить чрезмерно жесткое, а порой и заведомо невыполнимое наказание. Так, при второстепенной роли лица в совершении преступления, например, при частичном посредничестве, кратный штраф, рассчитанный от общей суммы взятки, может достигать размеров, объективно не соответствующих степени его участия и явно неисполнимых для осужденного. Формально закон соблюдается, но, по сути, наказание теряет справедливость, превращаясь в фискальную меру, не учитывающую реальную степень участия и общественной опасности человека. Более того, непомерный штраф может толкнуть осужденного на новые преступления ради его выплаты или сделать исполнение приговора практически невозможным, что подрывает доверие к судебным решениям. Между тем, по данным судебной статистики, доля неисполненных приговоров в части взыскания кратных штрафов остаётся стабильно высокой, что свидетельствует о системной проблеме, а не об отдельных случаях судебной ошибки. Государство, назначая заведомо неисполнимые наказания, не

[1]Подройкина И. А. Штраф как вид уголовного наказания: нерешенные проблемы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 4. С. 261.

только не достигает целей уголовной ответственности, но и формирует у осуждённых ощущение несправедливости и желание уклониться от исполнения приговора любыми способами. В долгосрочной перспективе это способствует росту рецидивной преступности и снижению авторитета судебной власти в глазах населения.

Механистичность назначения кратных штрафов способна приводить к неоправданно мягким приговорам. Суд, видя несоответствие между результатом механического умножения и реальными обстоятельствами (незначительная роль подсудимого, тяжелое материальное положение), нередко снижает оценку факторов или активно использует механизмы смягчения, чтобы компенсировать несовершенство закона. Это создает правовую неопределенность: за схожие деяния люди получают разные наказания, поскольку судьи по-разному определяют допустимые пределы снижения кратного штрафа. В связи с этим целесообразно вернуться к обсуждению реформирования системы, например, привязать наказание к МРОТ с усложненной формулой расчета, учитывающей имущественное положение осужденного, либо внедрить элементы германской модели «дневных ставок». Такой подход позволит уйти от механического умножения, сделав наказание справедливым, исполнимым и сохраняющим карательный потенциал.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОКУРОР КАК СУБЪЕКТ НЕЗАКОННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Софья Валентиновна ОЛИЦКАЯ
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
robokraft123@mail.ru

Научный руководитель преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, старший преподаватель **Роман Александрович КОМЯГИН**, roman.komyagin@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования прокурора как субъекта незаконного освобождения от уголовной ответственности определяется его уникальным статусом и широким перечнем властных полномочий в сфере уголовного судопроизводства. Действующая правовая конструкция ст. 300 УК РФ вызывает затруднение в единообразном применении указанной нормы и не охватывает всю специфику прокурорской деятельности, а

именно осуществление уголовного преследования во время судебного разбирательства и возможность отказа прокурора от обвинения в суде. Вышеуказанные аспекты требуют анализа, а также выработки грамотных предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: прокурор, отказ от обвинения, прекращение уголовного дела, незаконное освобождение от уголовной ответственности, субъект преступления, объективная сторона преступления

Современное уголовное судопроизводство построено не только на условиях неотвратимости уголовного наказания, но и законного освобождения от него. Особую опасность представляют ситуации, когда виновником правонарушения выступает само должностное лицо, и вопреки обязанности охранять закон, становится самостоятельным и ключевым звеном криминального прекращения уголовного преследования.

Прокурора статья 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее — УПК РФ) определяет как должностного лица, уполномоченного в пределах компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Сложно не согласиться с мнением Поповой М. В., считающей, что «в современном уголовном процессе России четко прослеживается дуализм прокурорских функций» [2]. Такой правовой статус, безусловно, порождает способность прокурора наиболее эффективно осуществлять защиту прав и свобод участников уголовного процесса, но и одновременно детерминирует особую общественную опасность преступных деяний, совершаемых прокурорскими работниками.

Криминализирует незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления статья 300 Уголовного кодекса Российской Федерации[3] (далее — УК РФ). Законодатель прямо называет прокурора как субъекта рассматриваемого преступного состава. Однако на практике и науке обоснованность включения данного должностного лица представляется спорной.

Так, например, рассматривая элементы вышеуказанного состава, Чекмезова Е. И. указывает, что «основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, являются общественные отношения в сфере обеспечения законной деятельности дознавателя,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Попова М. В. Факторы, обусловливающие необходимость участия прокурора в уголовном процессе // Вестник науки. 2023. №12 (69). С. 360.

[3] Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

следователя» [1]. Таким образом, правовед исключает деятельность прокурора как одну из составляющих объекта данного состава. Но прежде, чем соглашаться или отвергать указанную позицию, необходимо обратиться к объективной стороне преступления и рассмотреть, какие конкретные действия предполагает законодатель под освобождением от уголовной ответственности.

По мнению Питулько К. В., «объективная сторона преступления состоит в незаконном освобождении подозреваемого или обвиняемого от уголовной ответственности, т.е. вынесении в отношении него постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования при отсутствии предусмотренных законом условий или оснований»[2].

Существуют и иные точки зрения, согласно которым преступление может совершаться путем вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела либо путем бездействия, то есть в случаях, когда следователь не возбуждает уголовное дело. Так утверждал, например, Зеленский А. В., называя преступным бездействием случай, когда «следователь не привлекает лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого в ситуациях, когда для этого есть основания»[3]. С этим нельзя согласиться, так как лицо, которое не привлекается к уголовной ответственности, не имеет и не может иметь статуса обвиняемого, подозреваемого, поскольку, как подтверждает и Кудрявцев В. Л., «процессуальный документ должен быть создан, как следует из ст. 300 УК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого, но таких субъектов на стадии возбуждения уголовного дела нет» [4]. Таким образом, по нашему мнению, объективная сторона состоит в вынесении постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования.

В общих положениях УПК, касающихся полномочий прокурора (статья 37 УПК РФ) право на вынесение постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования, у прокурора отсутствует. Однако заслуживают внимания следующие гарантированные законом полномочия: утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу, а также прекращать поступившее вместе с обвинительным актом или постановлением от дознавателя уголовное дело. По нашему мнению, последнее безоговорочно закрепляет обоснованность включения в диспозицию ст. 300 УК РФ прокурора, поскольку оно полностью соответствует

---

[1] Чекмезова Е. И. Преступления против правосудия: монография // Омск. Сибирский юридический университет. 2024. С. 81.

[2]См.: Питулько К. В. Преступления против правосудия: учебник для вузов // Москва: Издательство Юрайт. 2025. С. 93.

[3]Зеленский А. В. Незаконное освобождение от уголовной ответственности (законодательные и правоприменительные аспекты): Автореф. дисс … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. EDN: NMXWLX. С. 7—8.

[4]Кудрявцев Владислав Леонидович Объективная сторона незаконного освобождения от уголовной ответственности: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Евразийская адвокатура. 2016. №1 (20). С. 29.

объективной стороне преступления. Утверждение же постановления объективную сторону преступления не образует, поскольку утверждение постановления само по себе, в отрыве от постановления, не является надлежаще процессуально оформленным документом, изменяющим правовой статус обвиняемого, подозреваемого.

Еще одним моментом, заслуживающим внимание, является предусмотренная законодателем возможность отказа прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства. Так, согласно ст. 246 УПК РФ, «если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части».

Ввиду упоминания мотивов в рассмотренной норме закона, возникает логичный вопрос: если суд придет к выводу, что мотивов отказа от обвинения недостаточно, может ли он не принимать отказ государственного обвинителя? Практика показывает, что нет. Убедиться в этом можно, обратившись к кассационному определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 января 2013 г. №71-О12-17[1]. В кассационной жалобе на постановление суда потерпевший считает постановление суда незаконным, ссылаясь на то, что отказ государственного обвинителя ввиду отсутствия состава преступления не является мотивированным, поскольку исследованные в суде доказательства подтверждают обратное. Кассационная коллегия оставила жалобу без изменения, сославшись на вышеупомянутую статью — 246 УПК РФ, однако дополнив ее замечанием: отказ от обвинения является обязательным независимо от подробного обоснования мотивов отказа государственного обвинителя от обвинения.

Это подтверждает и Рыкова О. А., утверждая, что «отказ от обвинения государственного обвинителя продолжает быть обязательным для суда первой инстанции, который по этой причине не входит в обсуждение мотивов отказа государственного обвинителя от обвинения, не даёт им оценки по существу» [2]. Иными словами, из отказа от обвинения следует безоговорочное освобождение от уголовной ответственности. Из этого следует вывод, что справедливо было бы включить рассматриваемое деяние в объективную сторону состава ст. 300 УК РФ, несмотря на то, что в данном случае она

[1]Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 января 2013 г. № 71-О12-17 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70227708/ (дата обращения: 29.03.2026).

[2]Рыкова Олеся Анатольевна Право суда не согласиться с государственным обвинителем // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №6. С. 191.

осуществляется субъектом опосредованно, без вынесения самостоятельного постановление о прекращении уголовного дела, уголовного преследования.

Главным же несовпадением объективной стороны состава и деянием прокурора в форме отказа от обвинения выступает процессуальный статус лица, которое от уголовной ответственности освобождается. Так, на момент начала судебного разбирательства обвиняемый приобретает статус подсудимого, а законодателем в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы предусмотрено освобождение от уголовной ответственности только подозреваемого и обвиняемого. Таким образом, отказ от обвинения прокурора во время судебного разбирательства не будет образовывать состав ст. 300 УК РФ, однако, по нашему мнению, это противоречит духу закона, его общей логике и направленности статьи 300 УК РФ, поэтому справедливо предложить изменения данной статьи.

В целях совершенствования уголовного законодательства и единообразного применения представляется рациональным изменить ст. 300 УК РФ, а также дополнить её примечанием, которое бы конкретизировало преступное деяние прокурора в контексте освобождения от уголовной ответственности. Таким образом, ст. 300 УК РФ должна выглядеть следующим образом:

Незаконное освобождение от уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в совершении преступления прокурором, следователем или лицом, производящим дознание, -

наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

Примечание. Под незаконным освобождением от уголовной ответственности прокурором понимается его отказ от обвинения в ходе судебного разбирательства или решение о прекращении уголовного дела, поступившего от дознавателя, по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

Научная статья
УДК 343.3

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 201.1 УК РФ ПО ПРИЗНАКАМ СУБЪЕКТА

Дарья Михайловна ПЛАСТИНИНА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
prunemauve@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема квалификации преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ). Автор рассматривает эволюцию правовых норм, выделивших составы преступлений, связанные с ГОЗ (ст. 201.1, 201.2, 202.2, 202.3, 285.4–285.6 УК РФ), из общих составов о хищении и злоупотреблении полномочиями. Основное внимание уделяется разграничению специальной нормы (злоупотребление полномочиями при выполнении ГОЗ) и общей нормы (государственный контракт). В работе выявляются ключевые проблемы правоприменения, связанные с определением специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ, и сложностью установления наличия у него управленческих (организационно-распорядительных или административно-хозяйственных) функций. На основе анализа судебной практики и разъяснений Верховного Суда РФ автор приходит к выводу, что для правильной квалификации деяния необходимо тщательное изучение локальных актов организации, а субъектами ответственности чаще всего признаются руководители головных исполнителей и организаций, входящих в кооперацию ГОЗ.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, государственный оборонный заказ, управленческие функции, уголовная ответственность

В связи с усиленным развитием национального производства, направленного на оснащение военнослужащих и нужд Министерства обороны РФ, в теории уголовного права стали приобретать большую значимость составы преступлений, предусмотренные ст. 201.2, 202.2, 202.3, 285.4, 285.5 и 285.6

Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), регулирующие ответственность лица за деяния, связанные с государственным оборонным заказом (далее — ГОЗ). Изначально до введения в действие данных статей, такие деяния признавались как хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием бюджетных денежных средств. Со временем, данный вид деяния выделен в отдельную главу УК РФ со специальным субъектом и потерпевшим со стороны государственного органа. Однако цели и мотивы субъектов преступления ст. 201.1 УК РФ в основном остались прежними: корысть, извлечение выгод имущественного и неимущественного характера как для себя, так и иных лиц, вследствие чего возникают вопросы и проблемы в правильной квалификации деяния виновных лиц. По данному вопросу Верховный Суд дал свое разъяснение в Постановлении Пленума от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее — Постановление Пленума от 16.10.2009 №19): в отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества[1]. Таким образом, разграничение осуществляется по признаку объекта посягательства: в случае злоупотребления полномочиями виновный посягает на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность коммерческой организации, в то время как при хищении лицо осуществляет посягательство на отношения собственности.

ГОЗ — это самостоятельная категория соглашения с государством, его понятие содержится в Федеральном законе от 29.12.2012 №275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее — 275-ФЗ), и звучит так: государственный оборонный заказ — установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации[2].

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. №12.

[2] О государственном оборонном заказе: Федеральный закон от 29.12.2012 №275-ФЗ: текст с изм. и доп. на 15.12.2025: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализируя установленное законом понятие, можно сделать вывод, что в рамках ГОЗ исполнители могут выполнять работы в том числе, не связанные с военной техникой и вооружением, что говорит об определенной схожести с государственным контрактом. Однако ошибочно называть данные категории идентичными. В данном случае речь идет о разграничении общей и специальной нормы, где государственный контракт является нормой общей, а ГОЗ — специальной, а значит в некоторых вопросах к нему могут применяться положения Федерального закона от 05.04.2013 №44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Также, в отличие от государственного контракта, в ГОЗ ответственность за неисполнение, ненадлежащее исполнение или срыв сроков гораздо строже, так как в случае любого отклонения от нормального исполнения заказа у исполнителя возникает риск наступления административной, а в худшем случае — уголовной ответственности. Об общественной значимости ГОЗ говорят в том числе и санкции в специальных нормах УК РФ. Так, например, в общей норме злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), в части первой наиболее строгое наказание — лишение свободы — устанавливается на срок до четырех лет, в то время как специальная норма (злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, установленная ст. 201.1 УК РФ), предусматривает лишение свободы на срок от четырех до восьми лет с обязательным дополнительным наказанием в виде штрафа или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Исходя из этого можно сделать вывод, что на сегодняшний день сфера ГОЗ для законодателя имеет огромное значение, однако неправильное толкование некоторых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ создает трудности при привлечении к ответственности виновных лиц и, соответственно, вынесении законного и обоснованного приговора. Перейдем же непосредственно к элементам рассматриваемого состава преступления.

Согласно ст. 201.1 УК РФ, злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа — это использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, если это деяние повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа.

Затрагивая вопрос субъекта, подлежащего ответственности по ст. 201.1 УК РФ, возникают спорные вопросы относительно того, какое именно лицо надлежит признавать виновным в злоупотреблении полномочиями.

Обращаясь к 275-ФЗ, следует обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 3 головным исполнителем признается исключительно юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством РФ и заключившее с государственным заказчиком контракт об исполнении ГОЗ. В свою очередь исполнителем признается лицо, заключившее контракт с головным исполнителем. Таким образом, иностранная организация не может стать головным исполнителем по ГОЗ, но вот заключить контракт с головным исполнителем может[1]. То же самое касается ИП и иных физических лиц, и в таком случае возникает следующая проблема: они не могут подлежать ответственности по ст. 201.1 УК РФ, так как они не являются субъектами данной статьи ввиду того, что на них не возложены управленческие функции, что влечет к тому, что деяние и вовсе может не признаваться преступлением, либо ответственности они будут подлежать по общей, более мягкой норме.

Для надлежащего определения субъекта рассматриваемого преступления следует также разобрать такую категорию как управленческие функции. Согласно примечанию к ст. 201 УК РФ, выполнение управленческих функций подразумевает собой выполнение функций единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, либо выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функции в этих организациях. Таким образом, для того чтобы лицо считалось подлежащим ответственности по ст. 201.1 УК необходимо наличие организационно-распорядительных, либо административно-хозяйственных функций.

Ответ на то, что подразумевают под собой данные функции, был дан в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19. Проще говоря, организационно-распорядительные функции в коммерческой организации представляют собой полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия.

В свою очередь административно-хозяйственные функции рассматриваются как полномочия лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием).

Закрепить в законе полную характеристику всего перечня управленческих функций по отношению к каждому лицу в коммерческой организации является попросту невозможным ввиду специфики каждой организации и

[1]Шурпаев Ш. М. Уголовно-правоваякриминологическаяхарактеристикапреступленийкоррупционнойнаправленностисферезакупокдляобеспечениягосударственныхмуниципальныхнужд: дис. канд. юр. наук: 12.00.08. ., 2021. . 188.

наличии разного количества людей в штате, из-за чего для установления признаков специального субъекта необходимо тщательное изучение локальных нормативных правовых актов коммерческой организации и служебных инструкций, в соответствии с которыми лицо осуществляло данный вид полномочий в коммерческой организации. Однако, например, Б. В. Волженкин полагал, что: «лицами, выполняющими в коммерческих и некоммерческих организациях управленческие функции можно, в частности, считать членов советов директоров (наблюдательных советов), президентов, директоров, управляющих, председателей правления и других руководителей (вице-президент, директор по производству, директор по маркетингу, коммерческий директор и т. д.), членов правления, руководителей филиалов, представительств, дочерних предприятий, руководителей структурных подразделений (начальники цехов, планово-хозяйственных, снабженческих, финансовых и других отделов и служб, заведующие лабораториями, кафедрами, мастерскими, ателье, ресторанами, пунктами проката, и т.д. и их заместители); бухгалтеров; руководителей участков работ (мастера, прорабы, бригадиры) и др.»[1]. Исходя из такой характеристики лица, выполняющего управленческие функции, применительно к ГОЗ, можно определить следующий круг лиц, чьи функции можно отнести к управленческим:

Во-первых, это руководитель юридического лица, являющегося головным исполнителем или исполнителем, входящим в кооперацию головного исполнителя, в чьи полномочия входит подписание контракта об исполнении ГОЗ, что можно отнести к действиям, имеющим юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия.

Во-вторых, ответственным также может быть признано лицо, которому в соответствии с локальными нормативными правовыми актами поручен контроль за соблюдением режима использования отдельного счета, так как в таком случае данному лицу предоставляется доступ к денежным средствам, то есть на него возлагаются административно-хозяйственные функции.

И, конечно же, субъектом по ст. 201.1 УК РФ в том числе может быть признано лицо, в ведении которого непосредственно находилось исполнение ГОЗ, а именно: осуществление закупок; обеспечение поставки продукции по ГОЗ; обеспечение качества товаров, работ, услуг, соответственно поставляемых, выполняемых, оказываемых по ГОЗ и т.д., то есть то лицо, которое напрямую могло оказывать влияние на работу по ГОЗ с помощью управленческих функций.

[1]Волженкин Б. В. Служебныепреступления: Комментарийзаконодательствасудебнойпрактики. СПб, «ЮридическийцентрПресс», 2005. . 252.

Судебная практика показывает, что для того, чтобы лицо подлежало ответственности по ст. 201.1 УК, не обязательным является использование управленческих функций в полной мере. Так, например, в 2026 году бывшему генеральному директору АО «Горизонт» был вынесен приговор за преступление, предусмотренное ч.2 ст. 201.1 УК РФ. По версии следствия, бывший генеральный директор АО «Горизонт» в 2023 году давал указания подчиненным сотрудникам вносить в расчетно-калькуляционные материалы предприятия необоснованно завышенные показатели себестоимости производства военной продукции, изготавливаемой в рамках ГОЗ[1], что и повлекло к привлечению ответственности за злоупотребление полномочиями при выполнении ГОЗ, в данном случае это были лишь организационно-распорядительные функции.

В 2024 году также были арестованы двое бывших генеральных директоров ООО «Спецтехника», которым было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 2 ст. 201.1 за злоупотребление полномочиями при выполнении ГОЗ, что повлекло причинение ущерба более чем на 1 млрд руб. Из материалов дела известно, что виновные, преследуя корыстную цель, заключили 5 контрактов на исполнение ГОЗ, заведомо понимая, что не имеют возможности исполнить взятые на себя обязательства[2].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ чаще всего становятся руководители организаций, которые являются либо головным исполнителем ГОЗ, либо входят в кооперацию головного исполнителя, ввиду того, что на данных лиц возложены управленческие функции. Однако это не исключает того, что к ответственности могут быть привлечены и другие лица, что должно подтверждаться локальными нормативными правовыми актами, которые подтверждают наличие у других лиц организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

[1] Экс-гендиректорузавода«Горизонт»избрализапретопределенныхдействий // ТАСС URL: https://tass.ru/proisshestviya/26374751 (датаобращения: 30.03.2026).

[2] Ущербподелубывшихтоп-менеджеров«Спецтехники»составилболее 1 млрдрублей // ТАСС URL: https://tass.ru/proisshestviya/22265089 (датаобращения: 30.03.2026).

Научная статья
УДК: 343.95

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСТАНОВЛЕНИИ АФФЕКТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА СУБЪЕКТИВНУЮ СТОРОНУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Платон Юрьевич ПОКАЛЮХИН
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия
platosaplatosa@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук **Ольга Викторовна ДОМНИНА,** ol-domni@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема установления юридически значимого аффекта в уголовном праве и его роли при квалификации деяний, предусмотренных статьями 107 и 113 УК РФ. Показано, что аффект представляет собой эмоциональное состояние, при котором способность лица осознавать фактический характер своих действий и руководить ими не утрачивается полностью, однако существенно снижается. Обосновывается, что наличие такого состояния не может быть установлено только на основании формально-юридического анализа обстоятельств дела, поскольку для этого требуется специальная судебно-психологическая либо комплексная психолого-психиатрическая оценка. Анализируются основные признаки аффекта, включая внезапность возникновения, связь с противоправным или аморальным поведением потерпевшего, а также возможность формирования аффективной реакции в условиях длительной психотравмирующей ситуации. Особое внимание уделяется разграничению физиологического и патологического аффекта, а также его отличию от иных эмоциональных состояний, способных влиять на поведение субъекта. Делается вывод о том, что установление аффекта возможно лишь при комплексном учёте психологической динамики конфликта, индивидуальных особенностей личности обвиняемого и реальных обстоятельств совершения преступления.

Ключевые слова: аффект, уголовное право, сильное душевное волнение, судебно-психологическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза, физиологический аффект, патологический аффект, эмоциональные состояния, квалификация преступления

Юридически значимый аффект в уголовном праве представляет собой эмоциональное состояние, при котором у лица, совершившего

противоправное деяние, способность осознавать происходящее и управлять своим поведением не исчезает полностью, однако заметно снижается. Для квалификации деяния по статьям 107 и 113 УК РФ необходимо установить, находился ли виновный именно в состоянии аффекта в момент совершения общественно опасного действия. При этом указанные нормы предусматривают привилегированные составы преступления, поскольку сильное эмоциональное потрясение влияет на психику и поведение лица, снижая степень осознанности и самоконтроля

Установление аффекта не может основываться исключительно на формальном анализе обстоятельств дела. Ни внешнее описание поведения обвиняемого, ни сама по себе конфликтная ситуация не позволяют достоверно судить о его внутреннем психическом состоянии. По этой причине в уголовном процессе особое значение приобретает судебно-психологическая, а в ряде случаев и комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Именно экспертное исследование позволяет ретроспективно оценить степень эмоционального напряжения, его динамику и влияние на способность лица осознавать фактический характер своих действий и руководить ими[1].

Юридическое значение аффективных состояний признаётся в науке и практике давно. Однако на ранних этапах развития уголовно-правовой и судебно-психиатрической мысли аффект рассматривался преимущественно как категория, требующая дифференциальной диагностики. Его разграничивали с иными эмоциональными состояниями, связывали с вопросами вменяемости, умысла, а также с обстоятельствами, влияющими на уголовную ответственность и наказание.

Существенные изменения в подходе к оценке аффекта были связаны с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации, вступившего в силу 1 января 1997 г. Для судебно-экспертной практики особое значение имело то обстоятельство, что в названиях статей 107 и 113 УК РФ термин «сильное душевное волнение» был заменён термином «аффект», тогда как в содержании соответствующих норм оба обозначения фактически используются как близкие по смыслу. Такая законодательная конструкция имеет важное прикладное значение: для суда принципиально не столько терминологическое разграничение, сколько установление самого факта наличия у лица эмоционального состояния, способного повлечь определённые уголовно-правовые последствия[2].

Аффект как юридически значимое состояние признаётся при наличии ряда условий. Во-первых, он должен возникнуть внезапно. Во-вторых, его причиной выступают насилие, издевательство, тяжкое оскорбление либо иные противоправные или аморальные действия потерпевшего. В-третьих,

---

[1]Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого : пособие для врачей / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Е. В. Макушкина. М., 2006. С. 3, 11.

[2]Ситковская О. Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. М., 2001. С. 27—28, 91—92.

аффективная реакция может формироваться и в условиях длительной психотравмирующей ситуации, вызванной систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Наибольшую сложность в правоприменительной практике вызывает именно признак внезапности.

В юридической литературе внезапность нередко трактуется как почти мгновенная реакция виновного на действия потерпевшего. Однако с психологической точки зрения внезапность означает прежде всего неожиданность эмоционального срыва для самого субъекта. Поэтому аффект не следует механически связывать только с немедленным ответом на разовое оскорбление или насилие. Современное понимание данного состояния допускает, что эмоциональный взрыв может стать итогом продолжительного внутреннего напряжения, вызванного систематическим противоправным или аморальным воздействием. Следовательно, при оценке внезапности необходим всесторонний анализ обстоятельств дела, психологической динамики конфликта и индивидуального восприятия происходящего обвиняемым[1].

Состояние аффекта в действующем уголовном законодательстве не выделяется как самостоятельное обстоятельство, смягчающее наказание. Закон придаёт значение прежде всего противоправному или аморальному поведению потерпевшего как фактору, спровоцировавшему эмоциональную вспышку. Такой подход порождает определённые сложности: одно и то же оскорбление может быть формально незначительным, но вызвать крайне бурную реакцию у конкретного лица вследствие его индивидуальных особенностей, предшествующего опыта и субъективной значимости ситуации. Поэтому экспертиза не должна ограничиваться оценкой объективной тяжести действий потерпевшего; необходим анализ того личного смысла, который соответствующее событие имело для обвиняемого.

В то же время ситуация насилия, унижения или иного психотравмирующего воздействия должна быть реальной, а не воображаемой. Именно в этом заключается одно из ключевых различий между подлинным аффектом и психическими состояниями, лишь внешне напоминающими его. Существенное значение имеет также интерпретация внешних признаков деяния. Например, множественные повреждения, причинённые потерпевшему, могут выглядеть как проявление особой жестокости, однако в условиях аффекта они нередко наносятся автоматически и сопровождаются резким снижением самоконтроля. Поэтому само по себе количество ударов ещё не является достаточным основанием для вывода об особой жестокости. Такая квалификация возможна только при наличии доказательств осознанного выбора мучительного способа причинения вреда и сознательного допущения страданий потерпевшего.

---

[1]Ситковская О. Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. М., 2001. С. 54.

На возникновение аффекта влияют не только юридически значимые обстоятельства, но и особенности психологической среды, склонность личности к накоплению эмоционального напряжения, характерологические свойства, уровень стрессоустойчивости и временные факторы ослабления организма. Всё это требует специального исследования. Выбор вида экспертизы — судебно-психологической, судебно-психиатрической либо комплексной психолого-психиатрической — зависит от конкретной ситуации и определяется с учётом всех обстоятельств дела.

Судебно-психиатрическая экспертиза необходима прежде всего при подозрении на патологический аффект либо иное психическое расстройство. Судебно-психологическая экспертиза применяется в случаях, когда требуется установить особенности эмоциональной реакции в пределах психической нормы. Вместе с тем роль психиатра остаётся значимой и тогда, когда необходимо исключить тяжёлую психопатологию, выявить фоновые нарушения, последствия органических поражений мозга либо иные состояния, способные повлиять на поведение лица. Если лицо признаётся вменяемым, но у него имеются определённые психические отклонения, целесообразным является назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы[1].

Физиологический и патологический аффект традиционно разграничиваются в экспертной практике по критерию глубины нарушения психической деятельности и его юридических последствий. Патологический аффект ставит вопрос о невменяемости лица, тогда как физиологический аффект не исключает вменяемости, но способен существенно повлиять на уголовно-правовую оценку содеянного. При этом в научной литературе обсуждаются и более сложные варианты аффективных реакций, связанные с особенностями личности, интоксикацией либо иными неблагоприятными факторами. Однако для правоприменения принципиальным остаётся разграничение именно между патологическим и физиологическим аффектом[2].

Помимо состояний, укладывающихся в рамки физиологического аффекта, экспертная практика сталкивается со стрессом, фрустрацией, внутренним конфликтом, психической напряжённостью, эмоциональным возбуждением и повышенной тревожностью. В науке высказывается мнение, что при определённых условиях такие состояния могут существенно снижать способность лица к осознанному контролю собственного поведения. Вместе с тем чрезмерное расширение понятия аффекта за счёт включения в него любых эмоционально напряжённых переживаний представляется спорным, поскольку это ведёт к смешению различных психологических

[1]Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза : науч.-практ. руководство. М., 1999. С. 182–183; Ткаченко А. А. Судебная психиатрия. Консультирование адвокатов. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2006. С. 272, 301.

[2]Ткаченко А. А. Судебная психиатрия. Консультирование адвокатов. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2006. С. 272, 301.

феноменов и необоснованному расширению круга дел, подпадающих под действие привилегированных составов.

Определение наличия аффекта у обвиняемого в момент совершения преступления является одной из ключевых целей судебно-психологической экспертизы. Необходимо установить, имело ли место резкое эмоциональное возбуждение, соответствующее критериям аффекта, и каким образом оно повлияло на поведение лица. Экспертное исследование предполагает разграничение физиологических эмоциональных реакций на стресс, патологических состояний, временных психических расстройств, а также иных эмоциональных состояний, не достигших уровня аффекта, но способных иметь юридическое значение. При этом оцениваются выраженность эмоционального напряжения, внезапность его возникновения, связь с действиями потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией[1].

Анализ аффекта в рамках экспертного исследования охватывает несколько взаимосвязанных направлений: оценку психического состояния подэкспертного и его влияния на сознание и поведение; выявление индивидуально-психологических особенностей личности, определяющих устойчивость к стрессовым и эмоциональным перегрузкам; а также детальный разбор конфликтной ситуации, предшествовавшей преступлению. При этом эксперт-психолог не устанавливает факт совершения преступления, не даёт юридической квалификации деянию, не определяет форму вины и не решает вопрос о противоправности либо аморальности поведения потерпевшего. Эти вопросы относятся к компетенции суда и органов расследования.

Вместе с тем суду не следует самостоятельно интерпретировать состояние сильного душевного волнения без опоры на специальные знания, поскольку это может привести к произвольной правовой оценке. Эксперт фиксирует наличие аффекта либо иного эмоционального состояния, оказавшего влияние на сознание и поведение обвиняемого, а итоговое решение о правовом значении установленных обстоятельств принимает суд с учётом всех доказательств по делу. Следовательно, судебно-психологическая экспертиза выступает важнейшим инструментом установления аффективных состояний и их влияния на субъективную сторону преступления.

[1]Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого : пособие для врачей / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Е. В. Макушкина. М., 2006. С. 11; Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. С. 14.

Научная статья
УДК 343

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ ОТНЕСЕНИЯ ДЕЯНИЙ К УГОЛОВНОМУ ПРОСТУПКУ

Алина Дмитриевна ПРЯДЧЕНКО
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия
chernyavskaya16@list.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, **Наталья Юрьевна ФРОЛОВА**, natalia170884@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о перспективе отнесения деяний к такой категории как уголовный проступок. Исследование данного института обусловлено его дискуссионным характером и ориентировано на совершенствование уголовного законодательства. Целью научной статьи является исследование института уголовного проступка, а также возможность его внедрения, как одного из видов общественно вредных деяний, в систему уголовной доктрины. В ходе исследования были проанализированы основополагающие точки зрения относительно института уголовного проступка, его реализации в Уголовном кодексе и был проведен сравнительный анализ с законодательством стран, где данный институт проявил себя с положительной стороны. Усматриваемые в данной работе тезисы, основываются на положения федерального уголовного законодательства, а также позиций, представленных в Пленумах Верховного Суда Российской Федерации. Представленные в работе выводы и предложения могут стать основной для дальнейшего исследования уголовного проступка, переосмысления его правовой природы и отграничения его от иных уголовно-правовых или административно-правовых деликтов.

Ключевые слова: Уголовный проступок, уголовное законодательство, малозначительность деяния, декриминализация, либерализация

Российская правовая система, в частное отрасль уголовного права ранее не сталкивалась с понятием уголовного проступка, однако, в последние годы интерес к данному институту у представителей законодательной власти и судебных органов только растет. Также все чаще обсуждается возможность реализации уголовного проступка в российской уголовной доктрине. Уголовный проступок, как единица правового деликта, вобрал в себя максимально возможное количество конструктивных элементов, необходимых для

достижения взятого курса на гуманизацию в уголовно-правовом поле. Значение данного явления также увеличилось с его обсуждением неоднократным упоминанием в кругах высших государственных органов, включая самого Президента Российской Федерации и высших судебных органов — Верховным судом.

Начнем с того, что в декабре 2015 г. Президент Российской Федерации, выступая в послании Федеральному Собранию, отметил, что «Закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей, интересам общества и государства. И, конечно, закон должен быть гуманен к тем, кто оступился. Сегодня практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в том числе совсем молодые, попадают в места лишения свободы, в тюрьму. Пребывание там, сама судимость, как правило, негативно сказываются на их дальнейшей судьбе и нередко приводят к последующим преступлениям»[1]. Свои выступлением Владимир Владимирович дал некий старт законодательным субъектам на реформирование уголовной системы, в частности декриминализации ряда положений Уголовного кодекса

Следующим этапом, который дал новую волну для широкого обсуждения института уголовного проступка, стала новость о законотворческой инициативе Верховного Суда Российской Федерации. 13 октября 2020 г. на заседании Пленума Верховного суда в рамках обсуждения законопроектов, была предложена инициатива внедрения института уголовного проступка в Уголовный кодекс Российской Федерации. Данный законопроект предусматривал внесение дополнений, а именно: ст. 15.1 «Уголовный проступок». В части первой данной статьи предусматривалась дефиниция указанного понятия, в части второй указывались обстоятельства освобождения от уголовной ответственности лица.

Данный законопроект являлся отправной точкой для дальнейшего развития института уголовного проступка.

Также, необходимо отметить и мнение авторитетного мнения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой, которая также положительно отзывалась о необходимость формирования данного института. Татьяна Николаевна, отмечала, что идея уголовного проступка отлично зарекомендовала себя в зарубежных странах и помогает снизить боязнь граждан перед уголовной репрессией[2].

---

[1]Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2015 года. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/50864 // (дата обращения: 19.03.2026).

[2]Статья «Москалькова предложила ввести в УК РФ статью об уголовном проступке». ТАСС. 14 сентября 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/obschestvo/3619749 // (дата обращения: 01.03.2026).

Указанные мнения формируют у ученых-правоведов, а также правоприменителей, взгляд относительно необходимость выделения третьей категории правовых деликтов — уголовного проступка.

Перейдем к рассмотрению дефиниции уголовного проступка, предложенным Пленумом Верховного Суда РФ. На основании законопроекта, представители ВС РФ предлагают следующую дефиницию, исследуемого понятия: «уголовный проступок совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой…». Далее идет перечисление составов преступлений, которые являются исключением.

На основании предложенного, складывается впечатление, что уголовный проступок является самостоятельным институтом уголовной доктрины, поскольку он наполняется персональным сущностным наполнением и требует вынесения в отдельную статью кодекса. Однако Пленум сразу определяет, что проступок — это преступлением, чем полностью отсекает возможность вынесения его как новой деликтной категории. Исходя из этого, также имеют место быть некоторые конструктивные недоработки.

Важным стоит отметить, что положения ч. 1 ст. 14 УК РФ, указывают на то, что совершение преступного деяния всегда несет в себе прямую угрозу наказания. Тогда как законодатель указал, что при совершении проступка, в большинстве своем, лицо освобождается от уголовной ответственности, при совокупности факторов, в частности при компенсации причиненного вреда.

Как итог, выходит, что Пленум ВС РФ определяет уголовный проступок как преступление, однако не наделяет его неотъемлемым признаком преступления — угрозой наказания.

Обратимся к правоведам, которые исследовали данную категорию. По мнению Б. Я. Гаврилова и Е. В. Роговой, уголовный проступок есть «разновидность преступления, обладающего меньшей по сравнению с преступлением степенью общественной опасности и влекущего за его совершение меры уголовного наказания, но менее строгие, чем за совершение преступления, и не влекущие судимости»[1].

Н. Ф. Кузнецова, более точно выразила признак уголовного проступка, выразив его в малозначительности характера уголовного деяния, за которые по закону предусмотрены максимальное лишение свободы на срок до одного года либо более мягкая форма ответственности[2].

На основании проанализированных мнений должностных лиц и ученых-правоведов, можем сделать вывод, что уголовный проступок — это

[1]Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2022. № 1 (42). С. 41.

[2]Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб. 2023. С. 297.

деяние, хотя и содержащее признаки какого-либо состава преступления, формально относящегося к категории небольшой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности.

Проводя исследование возможности внедрения уголовного проступка, нами было выявлено, что на данный момент категория преступлений небольшой тяжести включает в себя большое количество составов преступлений, степень общественной опасности которых разнообразна. То есть, некоторые деяния могут стоять наряду с составами административных правонарушений, где максимальной санкцией будет штраф, размер которого может быть назначен на пару тысяч выше административного штрафа.

Таким образом, считаем необходимым перенос деяний, общественная опасность которых является пограничной, т.е. неясность отнесении их ни к административному деликту, ни к уголовному, но которые явно демонстрируют негативную тенденцию и угрозу дальнейшей криминализации личности (ярким примером выступает ст. 264 УК РФ), к уголовному проступку.

Помимо положительных моментов, связанных с демократизацией уголовно-правовой системы, существуют также и негативные обстоятельства, которые могут возникнуть с внедрением данного института. С введением уголовного проступка, могут возникнуть проблемы его применения на практике. Например, из законопроекта, предложенным ВС РФ, неясны условия применения уголовного проступка в отношении несовершеннолетних. В частности, мы говорим о вопросах применения принудительных мер воспитательного воздействия или же о применении иных мер уголовно-правового характера. Согласно ч. 3 ст. 76 актуального законопроекта: «лицо любого возраста может быть освобождено от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой или средней тяжести (не являющихся уголовным проступком) в связи с возмещением причинённого вреда с применением иных мер уголовно-правового характера». В ч. 5 статьи 90 законопроекта указано, что «несовершеннолетнему, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком, может быть назначено одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия». В данном случае, нами наблюдается конкуренция норм уголовного законодательства, поскольку правоприменителям необходимо будет сделать выбор между двумя видами мер воздействия. И в данном случае считается нужным либо пересмотреть данное решение, последующим устранением конкуренции, либо дать выбор должностным лицам, которые не всегда смогут объективно оценить сложившиеся обстоятельства.

Таким образом, подводя итог по исследованию, отметим, что на сегодняшний день дискуссии по поводу введения института уголовного проступка не утихают. Его необходимость будет отвечать тенденциям

гуманизации и либерализации уголовной системы, а также ориентировано на ее декриминализацию. В обратном случае, существуют и нерешенные вопросы, связанные с его внедрением. Более детальная проработка и изучение, позволит решить все существующие пробелы и скорректировать недоработки, имеющие место быть в законопроекте на сегодняшний день.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ В СПОРТЕ

Анастасия Сергеевна САДОВСКАЯ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
anastasiasadovskaia@icloud.com

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, Sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема правовой оценки случаев причинения вреда здоровью во время спортивных соревнований. Анализируются признаки состава преступления и рассматриваются примеры умысла и неосторожности в конкретных обстоятельствах. Учитывается, что отношения между участниками соревнований регулируются не только регламентами соревнований, но и нормами права, поэтому изучаются вопросы влияния двух документов на конкретную ситуацию. Изначально в статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки деяния спортсмена в случае, когда он причиняет вред здоровью другому спортсмену. В работе проведен анализ мер, которые должны быть предприняты организаторами соревнований во избежание рисков вреда здоровью.

Ключевые слова: спорт, вред здоровью, спортивный регламент, умысел, неосторожность, вина, тренер, организатор соревнований, спортсмен

Спорт является неотъемлемой частью современного общества, объединяющий миллионы людей, но также имеет множество нюансов. Каждый вид спорта имеет свою специфику, при этом рост числа спортивных травм и инцидентов становится просто неизбежен, особенно в контактных видах спорта

(бокс, ММА, тхэквондо и т.д.). В связи с отсутствием устоявшейся судебной практики по этому делу, возникает проблема с правовой квалификацией причинения вреда здоровью. Чаще всего травмы происходят при проведении спортивных соревнований, где каждый при желании победы пренебрегает правилами регламента, причиняя вред своему визави, или делает это неумышленно. Например, удар боксера в челюсть своему оппоненту, который привел к её перелому, в спорте, если он сделан по правилам, то является обстоятельством, которое исключает уголовно-правовые последствия, нежели, если бы он произвёл этот удар уже после своего поединка, тогда это деяние будет вести за собой уголовное наказание. При этом общество часто относится к таким травмам снисходительно, в какой-то степени это считается моментом для восхищения спортсменом и частью экранизации для истории о силе духа, но не всегда травмы имеют счастливый конец, о многих просто не говорят. Существует мнение, что такие ситуации умалчиваются в целях того, чтобы не дискредитировать спорт.

По мнению Белецкого В. В., Пчелкиной А. А. и Дубинина В. О. закрепленные в УК РФ обстоятельства, исключающие преступность деяния, не могут в полной мере служить основанием, обеспечивающим правомерность общественно полезных целей, хотя процесс их достижения сопровождается наступлением нежелательных последствий, формально равных преступлению[1]. Достаточно близким обстоятельством, исключающим преступность деяния, является обоснованным риск. Данное обстоятельство не может повлиять на квалификацию преступления, совершенного в спорте, так как обоснованный риск включает в себя общественно полезную цель, что никак не свойственно профессиональному спорту. Занятия спортом преследуют только личные цели спортсмена, которые не будут всегда являться общественно полезными.

Отношения между спортсменами и тренерами являются спортивными отношениями и регулируются не нормами права, а регламентами и правилами соответствующего вида спорта. Именно они закрепляют в себе всю спортивную этику, правила проведения соревнований и детализируют все основания, которые запрещены, и могут привести к дисквалификации спортсмена. Регламенты заточены на безопасность при проведении соревнований. Правила проведения соревнований утверждаются спортивными организациями, а не органами государственной власти, поэтому для приобретения статуса нормы права они должны быть одобрены государством. Таким образом, при причинении вреда визави, в виду следования спортивному регламенту, если он был признан органами государственной власти, снимает со спортсмена обязанность предвидеть возможность травмы, потому что будет отсутствовать один

[1]Белецкий В. В., Пчелкина А. А., Дубинин В. О. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью по неосторожности при занятиях профессиональным спортом // Научный вестник Омской академии МВД России.2012. № 4(47). С. 20.

из основных признаков преступления - вина. Обратим внимание на то, что ни один законный спорт не носит цели умышленного причинения вреда здоровью, поэтому любое проведение спортивных соревнований основывается на спортивном регламенте, который обеспечивает безопасность участников. Это позволяет говорить о предупреждении нарушения правил спортивного мероприятия. А спортсмены, в свою очередь, действуют в рамках данного правила, осознавая возможные риски и принимая их.

Основанием уголовной ответственности признается лишь наличие в деянии лица всех признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законом, а не результаты внутренних разбирательств спортивных организаций[1], а виновный в сфере спорта будет привлечен к правовым санкциям только тогда, когда судом будет установлен факт неосторожного или умышленного нарушения правил проведения соревнований. При этом ключевое значение приобретает разграничения таких ситуаций, когда действия спортсмена укладываются в рамки спортивного регламента, и случаев явного нарушения. Например, в различных единоборствах удар, который привел к травме оппонента, не будет квалифицироваться как уголовно наказуемое деяние, если приём был совершен по правилам данного спорта и отсутствовал умысел на причинение вреда здоровью. Однако, есть и другая сторона медали: в правилах вида спорта “бокс”, утвержденные приказом Министерства спорта Российской Федерации от 21.12.2023 №1046, закрепляет в себе правила взвешивания спортсменов, например, правило 7.1.1., которое закрепляет в себе, что вес, зафиксированный на первом ежедневном взвешивании, не должен превышать максимально допустимого и быть ниже минимального предела, установленного для соответствующей весовой категории[2], на практике, довольно часто бывают случаи, когда спортсмен после контрольного взвешивания набирает массу, которая намного больше заявленной, то есть использует набор веса как часть плана для нанесения ущерба и дальнейшего выигрыша на соревнованиях. Данный приём будет расценен как умышленное причинение вреда здоровью, так как спортсмен будет осознавать общественную опасность своих действий и в какой-то степени желает наступление негативных последствий. Для более точного разграничения умысла и спортивного риска следует учитывать такие факторы как использование несертифицированного инвентаря, что прямо указывает на создание опасных условий, а также удары, которые были нанесены по окончании раунда, что выводит действие из правового спортивного поля. Также важно учитывать, что тренеры и судьи, в отдельных случаях совершения преступления

[1]Безбородов Д. А., Кравченко Р. М. Уголовная ответственность спортсменов за вред, причиненный в результате нарушения правил проведения спортивных мероприятий // Российское правосудие.2020. № 12. С. 104.

[2] Правила вида спорта «бокс»: утв. приказом Министерства спорта Российской Федерации от 21.12.2023 г. №1046.

URL: Pravila_boks_2023_5287318d31_1.pdf (дата обращения: 17. 03.2026).

спортсменом, несут отдельную ответственность за контроль за соблюдением регламента.

Особую сложность будут представлять случаи, когда причинение вреда стала следствием неосторожности. Разграничения прямого умысла и неосторожности достаточно тонкий момент, если умысел подразумевает сознательное желание на причинение вреда здоровью, то неосторожность — наоборот и в спорте проявляется через легкомыслие или небрежность. Здесь для квалификации преступления суд должен установить факт предвидения спортсменом последствия своих действий, также соблюдение правил безопасности и является ли действия результатом халатности. Например, в командных видах спорта (футбол, хоккей) любое столкновения, которые привели к травме, если они были совершены в пределах правил и в динамике игры, то может не считаться как преступление. Если же, предположим, в хоккее, с целью забрать шайбу, игрок совершает запрещённый приём необоснованно рассчитывая, что его профессионализма хватит, но приводит к тяжкому причинению вреда здоровью другого, это уже может быть расценено как неосторожное причинение вреда здоровью. Важный момент: при неосторожности у спортсмена нет умысла на совершение преступления, следствием этого всегда результат ошибки или переоценка своих сил. Правила проведения соревнований нарушаются спортсменом почти всегда осознанно, по большей части, когда речь идёт о профессиональных спортсменах. Согласно уголовно-правовой доктрине, для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить состав преступления. Как говорилось ранее, если спортсмен причиняет телесные повреждения по неосторожности, то есть не знал и не мог предвидеть, хотя должен был и мог это сделать, его действия будут квалифицироваться по статье 118 УК РФ. Но, если же в действиях спортсмена присутствуют признаки невиновного причинения вреда, то есть он не мог и не должен был знать о запрете, такое часто бывает, когда спортсменов-новичков выставляют на соревнования, предварительно не осведомив его о правилах проведения соревнований, ответственность может не наступить.

Нельзя не отметить позицию Медведева А. А., который отмечает, что из-за чрезмерной эмоциональности спортсменов, порой, очень трудно оценить их действия как умышленные или неосторожные. Трудно понять, имел ли спортсмен умысел на причинение вреда или относился к последствиям своих действий как к закономерным, возможным[1]. Таким образом, Квалификация действий спортсмена, которые привели к причинению вреда здоровью другого, представляют собой достаточно сложный вопрос. Для более комплексного разрешения споров в спортивной сфере необходимо чётко определять границы поведения и разрабатывать более детальные моменты в

[1]Медведев А. А. Причинение вреда во время спортивных соревнований как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вопросы Российской юстиции.2020. С. 400.

законодательстве, которые будут регулировать разграничения ответственности за причинение вреда в момент спортивных соревнований.

Научная статья
УДК 343.1

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ DEEPFAKE: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Оксана Руслановна САДЫХОВА[1], Алина Николаевна ЦАРЁВА[2]
[1,2] Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
[1] sadykhova.oksana@mail.ru
[2] alinatsareva06@mail.ru

Научный руководитель кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии **Михаил Михайлович ЛАПУНИН,** lapuninm@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности преступлений, которые совершаются с использованием технологий deepfake (дипфейк). Авторами обосновывается положение, касающееся общественной опасности, которая возникает при неправомерном использовании технологий deepfake. Проводится анализ проблемы квалификации мошенничества и клеветы, а также предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: deepfake (дипфейк), искусственный интеллект, мошенничество, клевета, обман, цифровая подмена личности, уголовное право

Технологии искусственного интеллекта с каждым днем развиваются все активнее и активнее, но не всегда это положительно сказывается на обществе. Такое развитие технологий приводит к развитию инструментов, способных создавать очень реалистичный цифровой контент, в частности deepfake (дипфейк). Важно подчеркнуть, что сами по себе deepfake не являются чем-то неправомерным. Это технологическое новшество является нейтральным и может использоваться в легитимных целях, в частности, в сфере кино, образования и медиа. Но с развитием технологий, развивается и общество, которое может использовать эти технологии в совершении преступлений.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что «в современной России данная проблема пока не получила достаточно широкого освещения,

однако стоит отметить, что с каждым днем deepfake становятся дешевле, доступнее и качественнее, что только повышает угрозу их применения в противоправных целях. Именно поэтому необходимо уже сейчас задуматься о перспективах уголовно-правовой оценки данных явлений»[1].

Технология deepfake, как было сказано ранее, не обладает самостоятельной общественной опасностью. Она является инструментом, который становится негативным только в зависимости от субъекта и целей его применения. В принципе, как и все современные технологии искусственного интеллекта, которые могут быть использованы как с пользой для общества, так и во вред ему.

Криминогенный потенциал deepfake обусловлен тем, что он способен создавать очень правдоподобный контент, который очень сложно отличить от реальной действительности. Это в свою очередь значительно повышает эффективность традиционных способов совершения преступлений, прежде всего тех, что связанны с введение граждан в заблуждение. Итак, можно сделать вывод о том, что актуальность исследования обусловлена не самим существованием deepfake, а расширением возможностей его злоупотребления в преступных целях.

Принято считать, что обман при мошенничестве понимается как «способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»[2] согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48. Технологии deepfake выводят этот обман на совершенно новый уровень, например, преступник может имитировать голос родственника или близкого друга при аудио- или видеозвонке.

Использование deepfake в преступных целях — это своего рода подлог, а именно интеллектуальный. В дальнейшем такой подлог практически полностью исключает возможность адекватного восприятия информации потерпевшим. Он думает, что общается с реальным человеком, но на деле это оказывается преступник, соответственно необходимо расширить понимание обмана на доктринальном уровне, а именно включить в него визуальную, а

[1]Ситник В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершённые с использованием технологии дипфейк // Уральский журнал правовых исследований. 2022. №3. С. 76—83.

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. №280, 11 дек.

также аудиальную имитацию личности, которая совершается при помощи различных программных средств. Можно рассматривать использование deepfake как отягчающее обстоятельство совершения преступления.

Также стоит отметить высокую опасность deepfake, которые направлены на подмену личности. Преступники создают при помощи технологии deepfake различные видеоролики, на которых потерпевший якобы совершает разные противоправные или аморальные действия, что формально попадает под ст. 128.1 УК РФ[1]. И здесь возникает ряд проблем, в частности проблема идентификации лица, создавшего deepfake. Создание deepfake при помощи современных технологий позволяет сохранить создателю анонимность, а также дальнейший поиск конечного субъекта преступления. Это в дальнейшем вынуждает следствие проводить дорогие и долгие экспертизы, что затягивает процесс раскрытия преступления и осуществления правосудия. Кроме того, создание deepfake происходит не только анонимно, но и с помощью ботов. Такая ситуация ставит вопрос о необходимости внедрения уголовной ответственности.

Современное российское уголовное законодательство не позволяет решить уголовно-правовую проблему назначения наказания за преступления, совершаемые с использованием технологий deepfake, соответственно необходимо внести поправки и уточнения. В частности для того, чтобы обеспечить адекватную оценку совершаемым преступлениям можно внести поправки в ст. 63 УК РФ. Можно включить в данную статью пункт, который предусматривал бы использование технологий искусственного интеллекта при совершении преступлений, как обстоятельство, которое отягчает наказание.

Кроме того, в перспективе предлагается ввести в УК РФ специальный состав преступления, а также соответствующий термин — неправомерная цифровая подмена личности. Содержание данного состава преступления заключается в умышленном использовании персональных данных человека, таких как, имя, внешность, голос и др. Важно отметить, что ключевым фактом является выдача себя за другого человека с корыстными целями или для причинения морального или репутационного вреда лицу. Несмотря на то, что косвенно против «цифровой подмены личности» направлено постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37[2], отдельных положений в нем, направленных на это, нет. Более того, в силу более раннего принятия постановления, в нем не отражено толкование применения ст. 272.1 УК РФ о незаконном использовании и (или) передаче, сборе и (или) хранении

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Российская газета. 2024. №66, 27 март.

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Российская газета. 2022. № 8942, 28 дек.

компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения. Данная статья отчасти охраняет общественные отношения от посягательств, совершаемых с использованием технологий deepfake (для создание качественного ложного контента необходимы персональные данные потенциального потерпевшего). Соответственно, существует необходимость в дополнении постановления Пленума в части пояснений применения ст. 272.1 УК РФ, что будет способствовать более активному противодействию общественно опасным деяниям, связанным с цифровой подменой личности.

Необходимость введения такого состава преступления, как «цифровая подмена личности» связана с тем, что цифровой образ человека — это особый объект цифровой защиты. Это подтверждается зарубежным опытом, в частности, во Франции в ст. 226-8 Уголовного кодекса[1] предусмотрена уголовная ответственность за выпуск в Интернет монтажа, который осуществлен со словами или изображением лица, без его согласия на это. В Великобритании в 2025 году ввели такой состав преступления в Законе об использовании и доступе к данным. Согласно этому закону предусмотрена юридическая ответственность за создание интимных deepfake без согласия лица, которое в этом deepfake фигурирует. Кроме того, также была введена ответственность за просьбу изготовить такой материал.

Для того чтобы разграничить данный состав преступления, рассмотрим пример с игровым аккаунтом. В случае, если злоумышленник получает доступ к игровому аккаунту с целью продажи внутриигровых ценностей, его действия следует квалифицировать как имущественное преступление, а если этот аккаунт используется для оскорблений, или ухудшения репутации владельца аакаунта в сообществе, такие действия уже можно рассматривать как цифровую подмену личности.

Также стоит отметить, что «отсутствие специальной нормы о дипфейках не является непреодолимым препятствием для привлечения к ответственности, но серьёзно затрудняет адекватную оценку общественной опасности деяния. В настоящее время действия злоумышленников квалифицируются по существующим статьям УК РФ, что зачастую не позволяет в полной мере учесть специфику, масштаб причиняемого вреда и повышенную сложность раскрытия таких преступлений. Обозначенное противоречие между фактической сложностью деяния и упрощённой юридической квалификацией

[1]Уголовный кодекс Франции от 6.12.2019 г. URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 04.04.2026).

обосновывает законодательную инициативу о введении квалифицирующих признаков»[1].

Таким образом, технология deepfake является нейтральным инструментом, который можно использовать как во благо обществу, так и во вред ему. Свою опасность он приобретает исключительно при его использовании в преступных целях. Эта технология не создаёт какой-то совершенно новый вид преступлений, она значительно изменяет способы их совершения, повышая уровень латентности и сложности раскрытия. В связи с этим необходимо развивать данное направление уголовного права, но здесь необходимо отметить, что важно не ограничить использование этой технологии, сформировать эффективный механизм противодействия его злоупотребления. Это включает развитие цифровой криминалистики, совершенствование правовой квалификации и адаптацию законодательства к современным технологическим реалиям.

Научная статья
УДК 343

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПУТЕМ ОБМАНА

Варвара Сергеевна СИВКОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, servisstroi59@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, sarubin1@ya.ru

Аннотация. В статье анализируется обман как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

На основе судебной практики рассмотрены основные формы обмана: введение в заблуждение относительно противоправности деяния, относительно возраста и наказуемости, а также относительно характера материального вознаграждения.

[1]Веселова А. Н., Стрелкова А. А. Deepfake как вызов правосудию: как прокурор обеспечивает законность в эпоху синтетической реальности: научный журнал «Социальные нормы и практики» / А. Н. Веселова, А. А. Стрелкова. Саранск: Социальные нормы и практики, 2025. №3. С. 44—54.

Также рассматривается момент признания обмана смягчающим обстоятельством, и когда он вовсе не учитывается, выявлены критерии разграничения обмана и угрозы.

Ключевые слова: уголовное право, вовлечение несовершеннолетнего, обман, ст. 150 УК РФ, иная зависимость, смягчающие обстоятельства, разграничение обмана и угрозы

Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений на протяжении длительного времени остается одной из наиболее острых в современной уголовно-правовой науке и правоприменительной практике. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2020 г. было зарегистрировано 33 575 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии; в 2021 г. — 31 136; в 2022 г. — 33 178; в 2023 г. — 36 185; за январь–декабрь 2024 г. — 39 242 преступления[1].

Как отмечает С.В. Карташов, эти цифры «не могут не вызывать озабоченность со стороны государства», поскольку за ними стоит процесс вовлечения детей и подростков в криминальную среду[2]. При этом число лиц, осужденных непосредственно за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (ст. 150 УК РФ), по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, составляет: в 2020 г. — 351 человек, в 2021 г. — 326, в 2022 г. — 342, в 2023 г. — 364, за первое полугодие 2024 г. — 178 осужденных[3]. Данные показатели свидетельствуют о стабильном наличии криминального влияния взрослых на несовершеннолетних, что требует дальнейшего совершенствования механизмов уголовно-правовой охраны.

Повышенная общественная опасность вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений обусловлена несколькими факторами. Как отмечают А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков, данное деяние представляет собой угрозу не только потому, что расширяется круг правонарушителей, но и потому, что такие действия оказывают воздействие на психику несовершеннолетних, нарушают их нормальное духовно-нравственное развитие, прививают им искаженные ценности. Взрослым преступникам выгодно привлекать в качестве исполнителей несовершеннолетних, поскольку они несут более мягкую ответственность по сравнению со взрослыми, а сами вовлекатели, оставаясь в тени, нередко избегают уголовной ответственности[4].

---

[1]Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности в России за 2020—2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/(дата обращения: 25.03.2026).

[2]Карташов С.В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 65.

[3]Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. Отчеты о числе осужденных по ст. 150 УК РФ за 2020–2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

[4]Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. М.: НОРМА, 2005. С. 185.

Особое место среди способов вовлечения занимает обман. В отличие от угрозы, которая подавляет волю несовершеннолетнего, или обещания, которое стимулирует его корыстные мотивы, обман действует более изощренно: он искажает само восприятие подростком происходящего, лишая его возможности сделать осознанный выбор. Как отмечает Р. А. Сабитов, обман представляет собой способ воздействия на человеческую психику, состоящий в умышленном введении в заблуждение другого лица или поддержании уже имеющегося у него заблуждения путем передачи не соответствующей действительности информации или умолчании о различных фактах, осуществляемое с целью побудить данное лицо вести себя определенным образом[1].

Обман как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления обладает значительной спецификой, обусловленной психофизиологическими и социальными особенностями лиц, не достигших восемнадцати лет. Несовершеннолетние, как отмечает Т. А. Сандр, несут менее строгую уголовную ответственность, нежели взрослые, и при этом в большей степени подвержены внушаемости, что объективно повышает их уровень виктимности[2]. Наиболее уязвимыми являются подростки в возрасте до 16 лет, которые в силу недостатка жизненного опыта, повышенной доверительности не способны в полной мере оценивать предлагаемую им ситуацию и прогнозировать правовые последствия своих действий. В этой связи одной из разновидностей обмана выступает злоупотребление доверием, когда взрослый не совершает активных обманных действий, а использует уже сложившиеся доверительные или родственные отношения для вовлечения подростка в преступление.

Стоит отметить, что в структуре Особенной части по ст. 150 УК РФ в преступлениях, совершаемых обманным способом, распространение ложной информации не является целью деяния, оно выполняет исключительно инструментальную роль[3].

Одной из наиболее распространенных форм обмана при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления является введение его в заблуждение относительно истинного характера совершаемых действий. В таких случаях несовершеннолетний добросовестно полагает, что выполняет социально одобряемую функцию, не осознавая, что участвует в преступлении. Обман как форма вовлечения может иметь место тогда, когда лицо вводится в заблуждение относительно тех обстоятельств, которые не

[1]Сабитов Р. А. Обман как средство совершения преступления: Учебное пособие. Омск, 1980. С. 24—25.

[2]Сандр Т. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления // Актуальные исследования. 2023. № 10 (67). С. 1.

[3]Шипунова М. Н. Обман как уголовно-правовой феномен 5.1.4: дис. … канд. юрид.наук. Краснодар, 2024. С. 89.

входят в признаки состава преступления, совершенного им[1]. Подтверждение этому содержится в приговоре Хорольского районного суда Приморского края от 28 марта 2025 г. по делу № 1-53/2025. Совершеннолетняя ФИО3, используя чувство жалости несовершеннолетнего, высказала просьбу применить физическое насилие к ее сыну, представив это как «воспитательные меры», тогда как в действительности планировалось совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ. Несовершеннолетний, полагая, что оказывает помощь взрослой женщине, не осознавал противоправный характер своих действий. В таких случаях, если несовершеннолетний в силу обмана не понимал и не мог понимать, что является частью преступного деяния, его действия подлежат оценке с учетом положений ст. 150 УК РФ, а действия вовлекателя квалифицируются по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 150 УК РФ[2].

Наряду с введением в заблуждение относительно противоправности деяния, существует обман в части причинения не уголовно-наказуемого вреда. Это выражается в убеждении подростка в том, что в силу своего возраста он не подлежит уголовной ответственности. Под несовершеннолетним понимается лицо, как достигшее, так и не достигшее возраста уголовной ответственности. И в данном случае взрослый, осознавая это обстоятельство, может использовать его для склонения к участию в преступлении, внушая мысль о безнаказанности.

Помимо обмана относительно возраста и наказуемости, важное значение для квалификации вовлечения имеет еще одна форма обмана, предполагающая материальное вознаграждение за совершение противоправного деяния. Судебная практика свидетельствует, что нередки случаи, когда взрослый, обещая несовершеннолетнему материальное вознаграждение за участие в преступлении, впоследствии либо не выплачивает его вовсе, либо выплачивает лишь часть, не соответствующую первоначальным договоренностям. Так, в 2025 году в Наро-Фоминский городской суд Московской области было направлено уголовное дело в отношении фигуранта, который вступил в группу телефонных мошенников, и предложил своему 17-летнему знакомому присоединиться к преступной деятельности в качестве курьера, представляя это как легальную работу по доставке. Несовершеннолетний, рассчитывая на материальное вознаграждение, согласился и 31 января 2025 г. прибыл к пожилой женщине для получения 1 млн рублей, однако был задержан сотрудниками правоохранительных органов. В данном случае обман

[1]Травников А. В. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России 12.00.08: дис. … канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России. 2022. С. 38.

[2]Приговор Хорольского районного суда Приморского края от 28 марта 2025 г. по делу № 1-53/2025. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/p74dCpeub4Jw/ (дата обращения: 27.03.2026).

выразился в представлении преступной деятельности как законной работы, а обещанное вознаграждение выступало средством манипуляции[1].

Исходя из вышеизложенного, обман при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления выполняет несколько функций, каждая из которых имеет свою специфику, но все они объединены общей целью — искажением добровольности волеизъявления подростка.

Рассматриваемый способ совершения преступления в ряде случаев может выступать смягчающим обстоятельством или же не учитываться вовсе при назначении наказания. Обоснование признания обмана смягчающим обстоятельством может быть проведено через категорию «иной зависимости», предусмотренной п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и ст. 89 УК РФ, которая предписывает учитывать при назначении наказания несовершеннолетнему влияние на него старших по возрасту лиц. В силу того, что несовершеннолетние обладают такими возрастными особенностями, как повышенная доверчивость, конформизм, недостаток жизненного опыта, им тяжело не попасться под ложные убеждения, ведь взрослый человек представляется «объектом-носителем ценности». Но деяния исследуемого нами характера обязательно должны предполагать активные действия взрослого, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Следовательно, при назначении наказания необходимо доказать тот факт, что подросток был введен в заблуждение, и данное основание будет являться доминирующим фактором в его поведении, иначе обман не будет учитываться смягчающим обстоятельством.

Как следует из кассационного определения Верховного Суда РФ от 9 октября 2025 г. по делу № 222-УД25-37-А6, Бабаева Е. Л., являясь матерью несовершеннолетнего, передала ему информацию, полученную от телефонных мошенников, о том, что в случае достижения 18-летнего возраста он может быть направлен на специальную военную операцию. Для предотвращения этого, а также в связи с обещанием материального вознаграждения в размере 500 000 рублей, несовершеннолетний совместно с матерью совершил поджог военкомата. Суд квалифицировал действия Бабаевой Е. Л. по ч. 4 ст. 150 УК РФ как вовлечение несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления путем обещаний. Бабаев М. Н. так же осужден за данное преступление, поскольку лица действовали совместно. В приведенной судебной практике обман не признан обстоятельством, смягчающим наказание, поскольку умысел на совершение террористического акта подтверждается доказательствами, которые свидетельствуют об осознании ими общественной опасности, о приготовлении к совершению преступления, об

[1]Уголовное дело в отношении двух пособников телефонных мошенников // Агентство городских новостей «Москва». — URL: https://www.mskagency.ru/materials/3529207 (дата обращения: 27.03.2026).

обстоятельствах и предвидении наступления общественно опасных последствий.

Одним из ключевых признаков обмана является характер его воздействия. В науке уголовного права стоит вопрос об отграничении психического и физического принуждения от обмана. Зачастую наблюдается смешение данных понятий. Психическое принуждение — это психическое воздействие, выраженное в различного вида угрозах в отношении конкретного лица или его близких (угроза избиением, убийством, уничтожением имущества и т. п.)[1]. Соответственно, отличие составляют способ и объект. Так, при угрозе лицо в меньшей степени способно руководить своими действиями, в отличие от обмана, где воля не подавляется, а искажается. Взрослый, используя доверчивость подростка, сообщает заведомо ложные сведения, например: «Твою мать похитили, нужно совершить кражу, чтобы ее спасти». Несовершеннолетний, искренне веря в существование угрозы, соглашается на совершение преступления, полагая, что действует во благо близкого человека. Иной характер воздействия имеет угроза, которая выражается в прямом принуждении несовершеннолетнего к совершению преступления. Взрослый, используя запугивание, сообщает: «Либо ты сейчас взламываешь ломбард, либо я тебя убью». В отличие от обмана, здесь отсутствует элемент заблуждения — подросток осознает как характер предлагаемого деяния, так и реальность угрозы в случае отказа. Как отмечает С. В. Карташов, угроза как способ вовлечения предполагает, что вовлекатель предъявляет жесткое требование либо осуществляет запугивание подростка[2]. Таким образом, угроза сопряжена с психическим насилием, запугиванием и принуждением, тогда как при обмане у лица имеется более свободный выбор совершения противоправного деяния.

Таким образом, обман как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в значительной степени основывается на уязвимости, обусловленной возрастными особенностями подростка. Он может признаваться обстоятельством, смягчающим наказание, поскольку относится к категории «иной зависимости» (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Однако судебная практика свидетельствует и об обратном: если несовершеннолетний осознавал противоправный характер своих действий и добровольно готовился к их совершению, обман не учитывается в качестве смягчающего обстоятельства. Кроме того, ключевое значение для квалификации имеет разграничение обмана и угрозы, которое проводится по характеру воздействия на волю подростка: при обмане воля искажается, при угрозе — подавляется.

---

[1]Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / П. В. Агапов, Д. А. Безбородов, Я. Ю. Васильева [и др.]. — М., [год издания]. С. 198.

[2]Карташов С. В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 1. С. 70.

Научная статья
УДК. 343.622

НОВОРОЖДЕННЫЙ РЕБЕНОК КАК ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 106 УК РФ

Максим Александрович СИДОРОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
m.sidorov.03@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор, **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка, совершенного совместно с иными лицами. На основе анализа положений действующего законодательства, материалов судебной практики, позиций учёных автором разработаны рекомендации по совершенствованию правового регулирования рассматриваемого института и его реализации в практической сфере.

Ключевые слова: убийство, новорождённый ребёнок, соучастие, соисполнительство, преступление

Согласно данным судебной статистики за 2024, 2025 г.[1] за исследуемые периоды отсутствовали зарегистрированные факты совершения рассматриваемого преступления в составе группы лиц. Однако данный факт сам по себе не свидетельствует о том, что подобные случаи неизвестны судебной практике. Другой вопрос — можно ли факт совместного участия в совершении убийства матерью новорождённого ребёнка признавать соучастием?

Соучастие в преступлении — это одна из форм совместной преступной деятельности, представляющая собой умышленное объединение усилий двух и более лиц, отвечающих признакам субъекта преступления, в целях достижения общего для них преступного результата.

В силу того, что субъект рассматриваемого преступления является специальным, что обусловлено наличием особых признаков, неотделимых от личности матери новорождённого ребёнка, установить наличие

[1]Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024, 2025 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690 (Дата обращения 14.01.2026).

множественности лиц, отвечающих признакам специального субъекта данного преступления, не представляется возможным, что не позволяет констатировать наличие соучастия в юридическом смысле.

Нам видится, что в данном случае имеет место иная самостоятельная форма совместной преступной деятельности, отличающаяся от соучастия. Однако как в таком случае необходимо квалифицировать действия всех участников преступления?

Один из распространенных подходов к квалификации действий лиц, не отвечающих признакам специального субъекта преступления, основан на положениях ч. 4 ст. 34 УК РФ. Так, участвовавшее в совершении преступления лицо, не отвечающее признакам специального субъекта, предусмотренным диспозицией статьи УК РФ, подлежит уголовной ответственности в качестве организатора, подстрекателя или пособника данного преступления со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Однако в действительности все не так однозначно.

С одной стороны, предложенный подход основан на законе, но с другой — не учитывает то, что основания, смягчающие уголовную ответственность матери новорождённого ребёнка, неотделимы от её личности и составляют специальный «социально-правовой статус матери»[1]. В связи с этим считаем необоснованным распространение признаков, смягчающих уголовную ответственность специального субъекта, на иных «соучастников преступления». Поэтому их действиям необходимо давать уголовно-правовую оценку с позиции ст. 105 УК РФ, учитывая фактически выполняемые преступные роли, а также необходимые квалифицирующие признаки. Такой подход является справедливым с точки зрения уголовного закона и отвечает принципу вины.

Изложенное свидетельствует о невозможности универсального применения положений ч. 4 ст. 34 УК РФ при квалификации действий лиц, участвовавших в лишении жизни новорождённого ребёнка к ст. 106 УК РФ без каких-либо оговорок[2]. Невозможность распространения признаков, смягчающих уголовную ответственность специального субъекта, свидетельствует о невозможности соучастия в таких преступлениях[3].

В связи с этим предлагаем дополнить содержание ст. 34 УК РФ оговоркой о том, что положения ч. 4 ст. 34 УК РФ не подлежат применению при оценке действий иных лиц, совместно с матерью новорождённого ребёнка участвовавших в его убийстве. Данное нововведение исключит возможность

---

[1]Карлов В. П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенном в соучастии с другим лицом // Российский следователь, 2011. № 7. С. 20.

[2]Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право, 2000. № 1 С. 12.

[3]Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 267.

оценки действий организаторов, подстрекателей и пособников матери, убившей своего новорождённого ребёнка, в рамках привилегированного состава преступления, а значит действия соучастников будут подлежать самостоятельной уголовно-правовой оценке.

В доктрине уголовного права также предложены и иные варианты квалификации совместного причинения смерти новорождённому ребёнку. Так, Трясоумов М. А. в своем исследовании предложил дополнить содержание ст. 106 УК РФ отдельной частью, которая предусматривала бы уголовную ответственность иных лиц, совместно с матерью участвовавших в убийстве её новорождённого ребёнка[1]. Несостоятельность данного подхода нам видится в том, реализация данных предложений предполагает признание иных лиц в качестве специальных субъектов рассматриваемого преступления наравне с матерью новорождённого ребёнка. Недопустимость подобного сопоставления имеет обоснование аналогичное недопустимости универсального применения положений ч. 4 ст. 34 УК РФ при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ. Учитывая изложенное, смягчение уголовной ответственности иных лиц, не претерпевающих последствий указанного состояния, несправедливо и безосновательно. Аналогичной позиции придерживается Побегайло Э. Ф. По мнению ученого обстоятельства, на основании которых смягчается уголовная ответственность матери новорождённого ребёнка, не могут распространяться на иных лиц[2].

Выходом из данной ситуации, на наш взгляд, является дифференцированный подход к квалификации действий матери новорождённого ребёнка и действий иных лиц, причастных к его смерти[3]. В данном случае, как отмечает Пашенько И.Б., каждый из участников убийства новорождённого ребёнка «несет ответственность за свой состав умышленного преступления»[4]. Действия матери при наличии признаков ст. 106 УК РФ — по привилегированному составу преступления, а действия иных лиц — по квалифицированному составу преступления. Однако установление отсутствия в деянии матери-детоубийцы признаков ст. 106 УК РФ не должно выступать препятствием для его уголовно-правовой оценки с позиции ч. 2 ст. 105 УК РФ. Неподтверждение версии о том, что убийство матерью новорождённого ребёнка было совершено при смягчающих обстоятельствах свидетельствует о

---

[1]Трясоумов М. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. … д-ра юрид. наук. ЕКб., 2000. С. 15-16.

[2]Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1999. С. 241.

[3]Аветисян С. С. Ответственность за соучастие в убийстве матерью новорожденного ребенка. // Современное право. 2004, № 6. С. 37.

[4]Пашенько И. Б. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, совершенного совместно с другими лицами // Бизнес в законе. 2010, № 2. С. 104.

том, что указанное преступление было совершено в обычных условиях, а значит подлежит квалификации по общим основаниям.

Вывод о возможности дифференциации квалификации действий лиц, совместно участвовавших в совершении единого преступления, подтверждается материалами судебной практики. Так, М. склонял свою беременную супругу Ж. к искусственному прерыванию беременности, которая вопреки его уговорам все же родила жизнеспособного ребёнка мужского пола. Впоследствии, в целях избавления от нежеланного ребёнка, Ж. уговорила М. убить новорождённого ребёнка. Преследуя достижение общего для супругов преступного результата, М. взял молоток и нанес им несколько ударов по голове новорождённого ребёнка, в результате чего наступила его смерть.

Суд первой инстанции согласился с предложенной органами предварительного расследования квалификацией совершенного супругами деяния, а именно: действия М. были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия Ж. — по ч. 4 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Не согласившись с квалификацией действий Ж., Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского областного суда переквалифицировала действия Ж. на ч. 4 ст. 33, ст. 106 УК РФ[1].

Аналогичного подхода при квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка, совершенного совместно с иными лицами, придерживается Верховный Суд Российской Федерации.

Так, Ш. родила живого ребёнка мужского пола, который дышал и издавал звуки. По просьбе Ш. К., принимавшая роды, перерезала, но не перевязала пуповину новорождённого ребёнка, рассчитывая на быстрое наступление его смерти. Желая наступления смерти ребёнка, Ш. попросила К. выбросить его на помойку, так как после родов ей трудно спускаться с 5 этажа, на что К. согласилась. Завернув живого ребёнка в кофту, Ш. положила его полиэтиленовый пакет и передала К., с чем она покинула квартиру, где проходили роды. После того как просьба Ш. была выполнена, труп ребёнка с неперевязанным концом пуповины, завернутый в женскую кофту, был обнаружен на территории свалки.

Оставляя приговор без изменений, а кассационные жалобы осуждённых Ш. и К. без удовлетворения, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала юридическую квалификацию действий Ш. по ч. 4 ст. 34, ст. 106 УК РФ и К. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ «правильной, законной и обоснованной»[2].

На основании изложенного, принимая во внимание вышеназванные примеры из судебной практики, мы приходим к выводу, что действия матери

---

[1]Попов А. Н. Проблемы соучастия в детоубийстве / А. Н. Попов, В. С. Прохоров // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002, № 1(240). С. 129.

[2]Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2008 по делу № 34-О08-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 19.02.2026).

новорождённого ребёнка независимо от выполняемой ей преступной роли, но при наличии признаков, предусмотренных ст. 106 УК РФ, подлежат квалификации по привилегированному составу преступления. Действия же иных лиц, совместно с матерью участвовавших в преступном посягательстве на жизнь новорождённого ребёнка, в силу невозможности распространения на них обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность, подлежат уголовно-правовой оценке дифференцированно от квалификации действий специального субъекта преступления.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о наличии группы лиц, если в выполнении объективной стороны убийства новорождённого ребёнка совместно с матерью участвуют иные лица. Если помимо матери новорождённого ребёнка в совершении преступления участвуют два и более лица, то при квалификации действий таких соисполнителей помимо квалифицирующего признака «убийство малолетнего» необходимо также учитывать признак совершения преступления в составе группы лиц[1].

По мнению Карлова В. П., если в убийстве новорождённого ребёнка совместно с матерью участвует хотя бы одно лицо, то мать ребёнка утрачивает признаки специального субъекта, характерного для привилегированного состава, а значит совершает убийство в составе группы лиц[2]. Не можем согласиться с данным утверждением, так как формальным основанием для квалификации деяния матери по ст. 106 УК РФ является установление хотя бы одного из квалифицирующих признаков. Наличие такого признака независимо от причастности к совершению преступления иных лиц влечет за собой квалификацию действий матери по привилегированному составу преступления, а действия иных лиц — по ч. 2 ст. 105 УК РФ с учетом необходимых квалифицирующих признаков.

Другой вопрос — имеются ли основания для вменения признака совершения преступления в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору лицу, участвовавшему в убийстве новорождённого ребёнка совместно с матерью? С позиции ч. 1 ст. 35 УК РФ группа лиц будет иметь место при условии совместного участия в совершении преступления двух и более исполнителей, то есть лиц, отвечающих признакам субъекта конкретного преступления. Формально мать ребёнка, чьи действия подлежат квалификации по ст. 106 УК РФ, отвечает признакам субъекта преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, а значит может являться исполнителем указанного преступления. Характер выполнения объективной стороны данных составов преступления совпадает. Анализ события описываемого преступления в абстракции от его квалификации позволяет установить

[1]Попов А .Н. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации «Убийство матерью новорожденного ребенка». С. 118.

[2]Карлов В. П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенном в соучастии с другим лицом. С. 21.

следующее: фактически в совершении умышленного преступления участвуют два лица, осведомленных друг о друге, которые совместно совершают действия согласованного характера, направленные на достижение общего для них преступного результата, наступление которого обусловлено именно их совместными действиями. В приведенном примере с позиции состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, имеет место соисполнительство. Это значит, что при отсутствии привилегированного состава преступления, в данном случае смягчающего уголовную ответственность одного из «соучастников», действия каждого соисполнителя подлежали бы квалификации по п. «в, ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Полностью противоположная ситуация возникает, когда при аналогичных обстоятельствах появляется привилегированный состав преступления, исключающий мать новорождённого ребёнка из числа соисполнителей преступления и влекущий самостоятельную уголовно-правовую оценку её действий. Обоснованность особого подхода к квалификации действий матери не вызывает сомнений, что нельзя сказать про обоснованность изменения юридической квалификации деяния «соисполнителя».

С позиции уголовного закона данный подход обоснован: появление специального субъекта исключает факт возможности признания юридического соисполнительства в данной ситуации и, как следствие, наличия признака совершения преступления в составе группы лиц. Фактически же событие преступления осталось неизменным, но юридически — общественная опасность данного преступления стала меньше, ввиду того что признак совершения преступления в составе группы лиц не учтен ни в формуле квалификации, ни в объеме обвинения, ни при последующем назначении наказания, в результате чего юридическая оценка деяния не в полной мере соответствует фактическим обстоятельствам дела.

Решение данной проблемы нам видится в доработке подхода к признанию факта соисполнительства применительно к случаям, когда в совершении преступления помимо специального субъекта принимают участие иные лица, не обладающие признаками специального субъекта. В силу того, что «соисполнение идентично исполнению преступления»[1], в том числе тогда, когда соисполнитель выполняет лишь часть объективной стороны преступления, его действия подлежат квалификации в качестве оконченного преступления. В таком случае, нам видится целесообразным учитывать факт наличия признака группы лиц не только в отношении соисполнителей, но и применительно к иным умышленным формам совместной преступной деятельности, в том числе в случаях, когда совместное деяние двух субъектов подлежит уголовно-правовой оценке в рамках разных составов преступлений.

---

[1]Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие. М., 2009. С. 214.

Подобный подход, по нашему мнению, равно как вменение признака группы лиц при совершении преступления исполнителем совместно с негодным субъектом преступления, направлен на обеспечение защиты интересов потерпевшего[1] — новорождённого ребёнка.

Помимо этого, реализация предложенных изменений позволяет в полной мере учесть общественную опасность совершенного преступления и отразить её в формуле квалификации как посредством вменения квалифицирующего признака совершения преступления в составе группы лиц, так и в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, применительно к составам преступления, где указанный квалифицирующий признак отсутствует. Кроме того, предлагаемый нами подход не вступает в противоречие с теорией соучастия в преступлении, так как применительно к рассматриваемому составу преступления имеет место не соучастие, а иная самостоятельная форма совместной преступной деятельности. В связи с этим, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 35 УК РФ, заменив формулировку с «два и более исполнителя» на «два и более лица», как это предусмотрено ч. 2 ст. 35 УК РФ.

Научная статья
УДК 343.2/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

София Игоревна СОКОЛОВСКАЯ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
itssokolovskaya@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при квалификации преступлений с административной преюдицией,

[1]Шевченко Е. Н. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков: проблемы квалификации: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. … к-та юрид. наук. М., 2021. С. 28.

совершаемых при участии нескольких лиц, в том числе совместно с другими лицами. На практике институт соучастия при совершении повторных деяний с признаками административных правонарушений фактически не применяется. Вместе с тем, в работе исследуются доктринальные подходы к вопросу о возможности сложного соучастия с распределением ролей при условии, что некоторые участники деяния не обладают свойствами специального субъекта. Ввиду отсутствия в теории уголовного права единообразного подхода к решению данной проблемы, сделан вывод о необходимости продолжения дальнейшей дискуссии относительно допустимости института соучастия в преюдиционных составах

Ключевые слова: административная преюдиция, административное правонарушение, специальный субъект, соучастие, административное наказание, посредственное причинение, соисполнительство

В Российской Федерации общественная безопасность является одним из национальных приоритетов, обеспечение которой достигается снижением уровня преступности в отдельных сферах, реализацией принципа неотвратимости наказания и формированием в обществе нетерпимости к противоправной деятельности[1]. В этой связи возникает потребность сдерживания негативного девиантного поведения человека на ранних стадиях в целях недопущения возникновения опасных последствий. С точки зрения законодательной техники востребованным инструментом решения данной проблемы становится институт административной преюдиции.

Согласно положению Послания Президента России от 12 ноября 2009 года о необходимости широкого использования административной преюдиции в уголовном законе[2], заметим, что в настоящее время сохраняется тенденция увеличения количества соответствующих составов преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). При том, что административная преюдиция применяется достаточно активно, в доктрине уголовного права остается ряд дискуссионных вопросов относительно оценки исследуемой категории деяний, совершаемых при участии нескольких лиц, в том числе совместно с другими лицами.

Анализ типовых конструкций составов с административной преюдицией позволяет сделать вывод о наличии в уголовно-правовых нормах специфических элементов, которые важно учитывать при решении вопросов квалификации деяний: специальным субъектом преступления признается лицо, подвергнутое судом административному наказанию; виновный совер-

[1]О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации : Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шает повторное административное правонарушение, которое по юридическим признакам считается тождественным либо однородным по отношению к тому правонарушению, за которое лицо привлечено к административной ответственности; дополнительным объектом посягательства выступают общественные отношения, охраняющие интересы правосудия[1].

Соисполнительство в преступлении с административной преюдицией. Думается, что соучастие в форме соисполнительства в преступлении с административной преюдицией возможно в случае, если каждый субъект обладает статусом административно наказанного, причем объективная сторона таких деяний должна выполняться лицом, обладающим свойствами специального субъекта [2]. К примеру, п. «а» ч. 2 ст. 215[4] УК РФ учитывает признак совершения незаконного проникновения на охраняемый объект группой лиц, в том числе по предварительному сговору, или организованной группой. Совместное совершение деяния закономерно повышает и степень его общественной опасности, следовательно, при назначении наказания необходимо учитывать отягчающее обстоятельство (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), если в уголовно-правовой норме такой квалифицирующий признак отсутствует. По такой логике допустимо, например, соисполнительство по ст. 116[1] УК РФ, если отдельные лица, каждый из которых ранее привлекался к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, совместно совершили «аналогичное» правонарушение.

Соучастие с юридическим распределением ролей в преступлении с административной преюдицией. Говоря о сложном соучастии с распределением ролей в составах с признаками повторно совершенного административного правонарушения в ситуации, когда только один из участвующих в преступлении лиц является специальным субъектом, а другие обладают свойствами общего субъекта, следует руководствоваться положениями ч. 4 ст. 34 УК РФ. По мнению Ю. Е. Пудовочкина, организатор, пособник или подстрекатель (если лицо ранее не было подвергнуто административному наказанию) несет уголовную ответственность наряду с исполнителем при условии осознания им факта участия в деянии, совершаемым лицом, ранее подвергнутым административному наказанию [3]. Так, вполне допустимы, например, организация розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции (ч. 3 ст. 33, ст. 151[1] УК РФ), подстрекательство к управлению транспортным средством в состоянии опьянения (ч. 4 ст. 33, ст. 264[1] УК РФ) или пособничество в мелком хищении (ч. 5 ст. 33, ст. 158[1] УК РФ).

---

[1]Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России : монография. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 112.

[2]Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2018. С. 123—124.

[3]Пудовочкин Ю. Е. Квалификация преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2017. № 2 (31). С. 32.

Итак, признаки, характеризующие специфику объекта посягательства, а также объективной стороны могут быть вменены соучастникам (имеется в виду, что осознание и оценка названных признаков, включая статуса субъекта, свидетельствует об объеме вины участников деяния). Например, в ряде случаев подстрекатель может не только осознавать фактические обстоятельства, но и использовать их при склонении другого лица к совершению преступления[1]. Вместе с тем, если лицо осознает лишь факт совершения им противоправного административно наказуемого деяния и при этом обладает общими признаками субъекта административного правонарушения, ответственность для такого лица наступает по соответствующей статье КоАП РФ. Групповой признак будет вменяться только лицу ранее подвергнутому судом административному наказанию[2].

В то же время, З. Э. Эргашева, соглашаясь с И. О. Грунтовым, высказывает обратное суждение, что такой признак субъекта как административная наказанность носит исключительно индивидуальный характер, а потому не должен распространяться на иных лиц (организатора, подстрекателя, пособника), даже если их умыслом охватывался факт участия в деянии, совершаемым лицом, ранее подвергнутым административному наказанию[3], то есть уголовной ответственности указанные лица не подлежат.

Стоит также учитывать, что фактически институт соучастия при квалификации повторных деяний с признаками административных правонарушений не применяется. А. В. Богданов полагает, что сложившаяся правоприменительная практика с точки зрения науки является обоснованной: во-первых, следует исходить из всей совокупности объективных и субъективных критериев соучастия, а не отдавать приоритет только количественной составляющей, во-вторых, административное законодательство в принципе не содержит положений о соучастии, в-третьих, при совместном участии специального субъекта преступления с административной преюдицией с лицом, не являющегося подвергнутым административному наказанию, в действиях последнего отсутствует общественная опасность, так как лицо не посягает на интересы правосудия[4].

Посредственное исполнение преступления с административной преюдицией. Проблемным видится также вопрос о возможности

---

[1]Безбородов Д. А. Уголовно-правовая оценка возможности соучастия в составах преступлений с административной преюдицией // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года / под общей редакцией Е. Н. Рахмановой. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 81—83.

[2]Пудовочкин Ю. Е. Квалификация преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. 2017. № 2 (31). С. 33.

[3]Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2018. С. 126.

[4]Богданов А. В. К вопросу о возможности применения института соучастия при квалификации преступлений с признаками повторно совершенного административного правонарушения // Труды Академии управления МВД России. 2020. №2 (54). С. 74.

посредственного причинения в составах с административной преюдицией: исполнитель (специальный субъект) непосредственно не выполняет объективную сторону преступления, но использует иных лиц, которые не только не были подвергнуты административному наказанию, но и субъектом КоАП РФ и УК РФ не являются, в частности в силу недостижения возраста юридической ответственности либо невменяемости. Как представляется, вменение виновному соответствующего состава возможно в зависимости от направленности умысла субъекта преюдициального преступления и степени его завершенности. Иными словами, малолетнее или невменяемое лицо не может быть привлечено к ответственности; исполнителем следует признавать лицо, обладающее признаками специального субъекта. Однако возникает вопрос о применении института неоконченного преступления, при условии, что административно-правовое законодательство не предусматривает стадий совершения правонарушения.

Резюмируя изложенное, уголовный закон формально предполагает распространение института соучастия на преступления с административной преюдицией, но проблемы его применения сводятся к специфике конструкции преюдициальной уголовно-правовой нормы. Основанием криминализации повторного административного правонарушения выступает не столько однородный проступок, сколько личностное качество субъекта — состояние административной наказанности, и посягательство лица на характерный дополнительный объект — интересы правосудия, что вызывает сложные вопросы правовой оценки деяния, совершенного в соучастии. Между тем, единый подход к их разрешению теорией уголовного права пока не выработан, что предопределяет актуальность темы и необходимость ее дальнейшего теоретического осмысления.

Научная статья
УДК 343.2/.7

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Никита Максимович СОЛОМАХИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
nikitos060704@bk.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, старший преподаватель, **Полина Викторовна ФЕДЫШИНА**, effo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается субъективная сторона состава преступлений в сфере компьютерной информации. На основании официальной статистики МВД по доле киберпреступлений обосновывается актуальность выбранной темы. Анализируется понятие субъективной стороны и делается вывод о необходимости изменения законодательного подхода к понятию субъективной стороны.

Ключевые слова: Субъективная сторона преступления, форма вины, умысел, неосторожность, компьютерные преступления

На сегодняшний день одним из наиболее развивающихся направлений противодействия преступности как в России, так и во всем мире является противодействие киберпреступности. Как следует из статистики, озвученной заместителем Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковником полиции Храповым Андреем Ивановичем, в 2025 году МВД России зафиксировало 663 тыс. киберпреступлений. Из них, половину всех IT-преступлений составляют кибермошенничества — 350 тыс. за 2025 год. При этом число мошенничеств в России сократилось в 2025 году на 7,6 %, из них около 85 % приходится на кибермошенничества[1]. Кроме того, актуальность проблемы развитой киберпреступности подтверждает так же статистика Генпрокуратуры, где на данное направление преступности приходятся внушительные 38 % в общей структуре преступности[2]. В то же время одной из составляющих структуры киберпреступности являются компьютерные преступления, субъективная сторона которых будет раскрыта далее.

Отметим, что важнейшей составляющей любого преступления выступает субъективная сторона, включающая сознание и волю лица, совершившего деяние.

Согласно российскому уголовному законодательству, субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме умысла или неосторожности. Для большинства киберпреступлений характерно умышленное поведение, поскольку они предполагают осознанное нарушение установленных правовых норм и осознание возможных негативных последствий своего поступка[3]. При этом специфика данной категории дел состоит в высоком уровне технического оснащения и интеллектуальной активности субъектов, что обуславливает необходимость углублённого изучения субъективной стороны киберпреступлений.

Под субъективной стороной состава преступления понимают структурный элемент состава преступления, представляющий собой совокупность

[1] МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% в 2025 году. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442339 (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Число IT-преступлений в России в 2025 году сократилось до 675 тыс. URL: https://tass.ru/obschestvo/26385451 (дата обращения: 25.03.2026).

[3] Правонарушения в России. URL: https://kursovik1.ru/pravonarusheniya-v-rossii/ (дата обращения: 25.03.2026).

признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление с точки зрения лица, совершающего правонарушение[1]. Значение субъективной стороны для правоприменителя заключается в разграничении преступного и неприступного действия или бездействия со стороны субъекта уголовно-правовых отношений. В свою очередь, субъективная стороны имеет три признака: вина, цель и мотив, из которых обязательным является только признак вины, то есть психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию[2]. В свою очередь формами вины являются умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность).

В контексте компьютерных преступлений в научной литературе не выделяется однозначного подхода к пониманию какой должна быть форма вины.

Так, Малышенко Д. Г. в третьем параграфе своего автореферата указывает на неоднозначность определения субъективной стороны состава преступления, акцентируя внимание на том, что в ч.2 ст.24 УК РФ указывает, что деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей особенной части УК РФ [3].

Кроме того, существует позиция, которая говорит о том, что определение формы вины зависит от отношения виновного к последствиям деяния. Попов А. Н. считает, что законом уголовная ответственность установлена не за сам неправомерный доступ, а за действия, ему последовавшие[4].

Степанов-Егиянц В. Г., в свою очередь, указывает, что преступление может совершаться только умышленно, на это прямо указывает понятие «неправомерность», которое заключается в осознании лицом противозаконности своих действий, обеспечивающих доступ к охраняемой законом информации[5].

Позиция Волеводз А. Г сводится к тому, что преступления в сфере компьютерной информации можно выполнить с умышленной формой вины,

---

[1]Уголовное право. Общая часть : учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, Ю. В. Морозова, А. Н. Попов, П. В. Федышина, Р. Д. Шарапов ; под ред. А. Н. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 76 с.

[2]Уголовное право. Общая часть: Учебник. Издание второе переработанное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л. В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А. И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А. И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 560 с.

[3]Малышенко Д. Г. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: диссертация... кандидата юридических наук М., 2002. С. 19.

[4]Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А. Н. Попов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 68 с.

[5]Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич Субъективная сторона компьютерных преступлений // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-storona-kompyuternyh-prestupleniy (дата обращения: 01.04.2026).

когда лицо осознаёт общественную опасность своих деяния, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий и желает их наступления[1].

Из всех приведённых мнений, мы наиболее склонны согласиться с позициями Малышенко и Попова. На наш взгляд, ответственность за совершение преступлений, предусмотренных 28 главой УК РФ, должно наступать так же и в форме неосторожности. Для подтверждения своей позиции приведём абстрактный пример: лицо, имея законный доступ к объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации по неосторожности кратковременно выводит из строя системы жизнеобеспечения в больнице, в результате чего пациенты, чья жизнь зависила от работы данной техники погибли. Если в приведённом примере следовать той точки зрения, что формой вины в субъективной стороне компьютерных преступлений должен быть только умысел, будь то прямой или косвенный, лицо избегает ответственности за ряд своих действий, где объектом посягательства выступила компьютерная информация и информационная инфраструктура. Также если исходить из позиции, что в данном случае необходимо вменять статью не из главы 28 УК РФ, а по фактическим последствиям деяния, то образуется ситуация, при которой лицу вменяется только 109 статья УК РФ (причинение смерти по неосторожности), в виду чего игнорируется факт совершения деяния непосредственно с использованием информационно-текоммуникационных технологий, ответственность наступает исключительно исходя их причинённого вреда.

В виду изложенного, хочется прийти к выводу о том, что 28 глава уголовного кодекса в актуальной редакции должна подлежать изменению. Так, в соответствующие статьи предлагается добавить форму вины, с которой может быть совершено преступление или закрепить, что составы преступлений упомянутой выше главы могут быть выполнены и по неосторожности, что позволит урегулировать образовавшуюся правовую коллизию.

[1]Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2001. 496 с.

Научная статья
УДК 343.2/.7

РАЗГРАНИЧЕНИЕ РАЗБОЯ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВА С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ

Кира Дмитриевна СОФРОНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kirasif2005@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, sarubin1@ya.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу разграничения разбоя от вымогательства с применением насилия при квалификации деяния.

Автор, проанализировав научную литературу и правоприменительную практику приходит к обоснованному выводу о том, что по своей сути данные составы преступлений не коррелируют между собой.

Ключевые слова: разбой, вымогательство с применением насилия, состав преступления, юридическая квалификация, преступления, уголовное право

Исходя из краткой характеристики состояния преступности за январь-декабрь 2025 года, представленной Министерством Внутренних Дел Российской Федерации видно снижение количества зарегистрированных преступлений, почти половину всех зарегистрированных преступлений (49,3 %) составляют хищения чужого имущества[1]. В данную категорию входят: кража, мошенничество, присвоение и растрата, грабеж, а также разбой и вымогательство.

Актуальность темы обуславливается двумя аспектами:

процентное соотношение преступлений против собственности к остальным видам преступлений показывает, насколько опасными для общества они являются;

наличие коллизий в науке и правоприменении при квалификации преступлений указывают на необходимость связанных с разграничением разбоя от вымогательства с применением насилия.

Согласно ч. 1 ст. 162 УК РФ разбой — нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни

[1]Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - август 2025 года // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» URL: https://мвд.рф/reports/item/70644759/.

или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. В ч. 1 ст. 163 УК РФ закреплено, что вымогательство — требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, квалифицирующим признаком которого в п. «в» ч. 2 закреплено использование насилия.

В п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» закреплено, что в случае, если вымогательство сопряжено с побоями, совершением иных насильственных действий, причинивших физическую боль, а также с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, истязанием, то такие действия виновного следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 112, 115, 116 или 117 УК РФ.

Разграничение указанных составов, как уже указывалось, является достаточно проблематичным вопросом в правоприменительной практике, и проводится по нескольким критериям.

Предмет преступления. Исходя из статьи уголовного кодекса предметом разбоя выступает чужое имущество. По общему правилу, чужое имущество, обладающее индивидуальными признаками: физическим, экономическим и юридическим[1].

Физический признак означает, что предмет является частью материального мира. Ему присущи определенные характеристики, отличающие его от иных предметов материального мира, определяющие его как отдельную вещь.

Важно отметить, что имущество становится вещью, то есть предметом хищения только при условии, что к нему приложен труд человека (например, недра похитить невозможно), а также на данное имущество должно быть оформлено право собственности или иной договор, подтверждающий данное право.

Экономический признак отображает наличие у предмета определенной стоимости, которая возможно позволит объективно оценить размер материального ущерба потерпевшего.

Стоит также отметить, что хищение предметов, изъятых из гражданского оборота либо оборот которых ограничен (специальных предметов),

[1]Борисов И. Д. Понятие и признаки предмета хищения // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33) С. 44.

квалифицируется по статьям, расположенным в других разделах и главах УК РФ[1].

Предметами вымогательства с применением насилия выступают: чужое имущество, право на имущество и действия имущественного характера[2].

Согласно п. 2, 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56, под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, в статье 163 УК РФ понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества; к другим действиям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств).

Конкретно в качестве права на имущество, как предмет вымогательства можно рассматривать: долговые расписки, технический паспорт на автомобиль, договор дарения, фиктивное зачисление в члены кооператива, право на преимущественное приобретение части дома, квартиры, дачи, право на наследство, доверенность на получение имущества и т. д.[3].

Объективная сторона разбоя, в соответствии со ст. 162 УК РФ выражается в нападении в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Нападение означает открытое либо скрытое неожиданное агрессивно-насильственное воздействие на собственника, иного владельца имущества, либо на другое лицо[4].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием опасным для жизни понимается насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение

---

[1]Преступления против собственности : учебное пособие в таблицах / [Безбородов Д. А., Гилинский Я. И, Зарубин А. В, Кравченко Р. М, Краев Д. Ю, Любавина М. А, Попов А. Н, Федышина П. В] ; под общ. ред. Попова А. Н. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 12.

[2]Там же, С. 39.

[3]Петров И. Ф. Уголовно-правовые и криминологические вопросы борьбы с вымогательством: дис. канд. юрид. наук наук: 12.00.08.. М.,, 2003. С. 29.

[4]Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / под ред. доктора юридических наук, профессора Иногамовой-Хегай Л. В. , доктора юридических наук, профессора Рарога А. И., доктора юридических наук, профессора Чучаева А. И. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008 С. 216.

легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

Вымогательство же, как вид преступления против собственности, не обладает связью между реальным применением насилия и моментом хищения. Такая конструкция позволяет говорить о том, что содержанием объективной стороны данного преступления является требование к предъявлению имущества, а не непосредственное воздействие на объект.

Насилие подкрепляет угрозу, подтверждает ее реальность и применяется для усиления принудительного воздействия на потерпевшего. По смыслу закона, насилие, сопровождая угрозу или следуя за ней, служит ее дополнением[1].

Таким образом, при совершении разбоя насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу; завладение имуществом при разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем. Если вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, то при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия, т. е. было ли оно опасным для жизни либо здоровья или нет, должны дополнительно квалифицироваться по ст. 162 или ст. 161 УК РФ соответственно[2].

Так, приговором Чеховского городского суда Московской области от 12 апреля 2016 года Д. был осужден по ч. 1 ст. 162 и ч. 1 ст. 163 УК РФ и признан виновным в разбое, т. е. нападении в целях хищения чужого имущества, совершенном с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а также в вымогательстве, т. е. требовании передачи чужого имущества под угрозой применения насилия.

Д. в ходе совершения разбойного нападения в отношении потерпевшего, используя заранее приисканный для совершения преступления нож, приставил его к горлу потерпевшего, руки и ноги которого были связаны, и, высказав угрозу применения ножа, осознавая при этом, что потерпевший не станет оказывать сопротивление, поскольку ранее в ходе совершения в отношении его разбоя был избит и запуган угрозой захоронения, потребовал от потерпевшего передачи ему денежных средств в размере 100 000 рублей. Воспринимая угрозы как реальные и вполне осуществимые, потерпевший,

---

[1]Чернобрисов Г. Г. ВЫМОГАТЕЛЬСТВО: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: автореф. дис. канд. юрид. наук наук: 12.00.08. Омск, 2011. С.16.

[2]Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» / Безбородов Д. А., Краев Д. Ю. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 26—27.

находящийся в подавленном состоянии, опасаясь за свою жизнь, за неимением требуемой денежной суммы предложил Д. забрать принадлежащий ему автомобиль.

Отказавшись, Д. вновь высказал требование о передаче денежных средств и после разговора с потерпевшим окончательно потребовал от него передачи ему денежных средств в сумме 90 000 рублей в срок не позднее 15 дней. После чего Д. с места происшествия скрылся, и в установленный им день позвонил потерпевшему и снова под угрозой применения насилия потребовал от него передачи указанной выше денежной суммы. Потерпевший, воспринимая угрозы реально, опасаясь за свою жизнь и здоровье, обратился в полицию, после чего Д. был задержан[1].

Как видно их материалов приговора, разбой предполагает насильственные действия, направленные на непосредственное завладение имуществом, в то время как вымогательство характеризуется стремлением добиться передачи имущества путем угроз и длительного психического воздействия.

В случае разбойного нападения насилие как способ совершения преступления будет направлено на самого потерпевшего, в том случае как при вымогательстве (как указано в статье) насилие может быть направлено и на близких потерпевшего.

Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56, к близким потерпевшего следует относить его близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки), родственников (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве с потерпевшим), а также лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, или лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

При разбое деяние направленно на немедленное получение имущества. В случае вымогательства действия виновного направлены на получение чужого имущества, права на имущество и действия имущественного характера в будущем.

Пленум в своем Постановлении № 56 отмечает, что в случаях, когда вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия должны дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой.

Особую значимость для разграничения рассматриваемых составов в современных условиях приобретает правовая позиция, изложенная в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного

[1]Приговор Чеховского городского суда Московской области от 12 апреля 2016 г. по делу № 1-49/2016 // Sudact : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PoX4VHGx0o6z/?regular-txt=&regular-case_doc=1.

Суда РФ от 15 ноября 2023 г. № 88-УДП23-7-К8. В рамках данного дела Дудников, осужденный за неправомерный доступ к компьютерной информации (ч. 4 ст. 272 УК РФ) и грабеж (п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ), заблокировал серверы организации, после чего в электронной переписке выдвинул требование о перечислении денежных средств в криптовалюте под угрозой сохранения блокировки.

Суды апелляционной и кассационной инстанций первоначально квалифицировали данные действия как не содержащие состава грабежа, указав на отсутствие непосредственного изъятия имущества и пространственный разрыв между виновным и потерпевшим. Однако Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты, фактически указал на возможность квалификации подобных деяний как вымогательства, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В определении подчеркнуто, что угроза сохранения блокировки компьютерной информации, выраженная в условиях, когда потерпевший лишен доступа к своим активам и информационным системам, по своей сути является угрозой причинения существенного имущественного вреда, а создавшаяся ситуация угрозы наступления тяжких последствий для организации подтверждает реальность выдвинутых требований.

Данное решение Верховного Суда РФ актуализирует дискуссию о понятии «дистанционного насилия» при вымогательстве. В отличие от классического вымогательства, где насилие или угроза его применения носят, как правило, контактный характер, в условиях цифровизации преступной деятельности угроза может быть реализована путем воздействия на информационные системы, блокирования доступа к цифровым активам или угрозы их уничтожения. При этом такое воздействие, хотя и не сопряжено с физическим контактом, способно вызывать у потерпевшего такое же сильное чувство страха и осознание неизбежности причинения вреда, особенно в ситуациях, когда от бесперебойной работы компьютерных систем зависит жизнедеятельность организации или благополучие лица.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 Постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» разъяснил, что если действия, предусмотренные ст. 272 УК РФ, выступали способом совершения иных преступлений (например, модификация охраняемой законом компьютерной информации либо неправомерный доступ к ней осуществлялся с целью совершения кражи или мошенничества), они подлежат квалификации по совокупности с преступлениями, предусмотренными соответствующими статьями УК РФ. В контексте вымогательства блокирование компьютерной информации, сопровождаемое требованием имущественного

характера, может рассматриваться как способ психического насилия, при котором само по себе неправомерное воздействие на информацию выступает средством принуждения.

Таким образом, в современной правоприменительной практике критерий «непосредственности» насилия и его пространственной связи с изъятием имущества утрачивает былую категоричность. При решении вопроса о разграничении разбоя и вымогательства в случаях, когда преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, решающее значение приобретает установление направленности умысла: на немедленное изъятие имущества (что может свидетельствовать в пользу грабежа или разбоя) либо на получение имущества в будущем под воздействием длящейся угрозы, подкрепленной реальным блокированием активов, что образует состав вымогательства.

Таким образом, правильная квалификация преступлений является важной для обеспечения справедливости правосудия и индивидуализации наказания. В этой связи особое значение приобретает тщательный анализ составов преступлений, а также учет всех обстоятельств дела. Взаимный характер углубленного изучения теоретических и практических аспектов разграничения разбоя и вымогательства с применением насилия будет способствовать дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Научная статья
УДК 343.234

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Елизавета Денисовна СУХОРОСЛОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
liza.suxoroslova@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В данной статье определятся основания освобождения от уголовной ответственности на основании заглаживания вреда в

соответствии со ст. 75, 76, 76.2 УК РФ. Анализируется судебная практика по преступлениям, предусмотренным главой 27 и главой 30 УК РФ. Излагается позиция о недопустимости освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа в случае причинения смерти.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, заглаживание вреда, судебный штраф, смягчающие обстоятельства

В настоящее время освобождение от уголовной ответственности устанавливается положениям статей VI раздела УК РФ. Некоторые статьи — ст. 75, 76, 76.2 УК РФ, предусматривают освобождение от уголовной ответственности за совершение определенных действий, одним из которых является — действие лица, направленное на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ[1] раскрывается понятие «заглаживание вреда» — это имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. При этом способы возмещения и заглаживания вреда должны осуществляться законным способом, не ущемлять права третьих лиц.

Учитывая, что общественная опасность деяния складывается из объекта, характера и степени тяжести наступивших последствий, а общественная опасность личности характеризуется степенью его «вредности» для общества, совершением рецидива, то механизм заглаживания вреда выражается в возмещении ущерба, причиненного совершением преступления. Иными словами, проявляется в активных действиях виновного, направленных на восстановление нарушенных прав, интересов личности, общества и государства, нейтрализацию и устранение негативных последствий. Данные меры могут быть выражены как в натуре (осуществление ремонта поврежденного имущества), так и в денежной форме (возмещение стоимости поврежденного имущества).

В зависимости от характера и степени общественной опасности преступления суду необходимо оценивать действия виновного, направленные на возмещения имущественного ущерба или заглаживание причиненного вреда. При этом необходимо установить объект преступного посягательства. Анализ судебной практики по должностным преступлениям указывает на разные позиции:

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Так, гражданин Б., совершивший преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 286 УК РФ, был освобожден от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа в размере 20 000 рублей. Из материалов дела следует, что лицо впервые привлекалось к уголовной ответственности, вину признало в полном объеме, чистосердечно раскаялось в содеянном, полностью возместило материальный ущерб, а также внесло добровольно пожертвования на счет администрации. В кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2023 №51-УД23-5-К8[1] было отменено постановление Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023, а постановления районного суда и апелляционного краевого оставлены в силе. Свое решение Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации обосновала следующим образом: «положения ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ не содержат каких-либо специальных требований, касающихся объекта преступного посягательства и не исключают их применения в отношении обвиняемого, деяние которого направлено против интересов службы в органах местного самоуправления, при условии, что это деяние отнесено к категории небольшой или средней тяжести, а причиненный преступлением вред возмещен».

В аналогичной ситуации гражданка П., за оформление медицинской карты пациента, получающего медпомощь в амбулаторных условиях на имя К., за внесение сведений об осмотрах без их фактического проведения, за заполнение и подписание направления на МСЭ, передачу документов врачебной комиссии, после подписания которой направила их в бюро МСЭ получила через посредника взятку в размере 5 000 рублей. Приговором мирового судьи ей было назначено наказание по ч. 1 ст. 291.2 УК в виде штрафа в размере 20 000 рублей. Однако, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ наказание по предыдущему приговору отменено и назначен судебный штраф в размере 10 000 рублей. Исходя из этого суд указал, что вред был заглажен посредством принесения извинения государству в лице государственного обвинителя, признания вины и раскаянии в содеянном, также со стороны обвиняемой было пожертвование в виде мебели на сумму 19 200 рублей в учреждение социального обслуживания. Помимо этого, было указано на наличие двух малолетних детей, положительные характеристики, волонтерство, что в совокупности поспособствовало снижению общественной опасности преступления[2].

Поскольку данные составы преступлений находятся в главе 30 УК РФ, то в качестве видового объекта выступают интересы государственной власти, службы и службы в органах местного самоуправления. В таких

[1]Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2023 № 51-УД23-5-К8 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 №16-УД25-21-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ситуациях вред причиняется непосредственно общественным отношениям, обеспечивающим нормальный порядок функционирования деятельности органов власти и управления. Исходя из действий виновных можно указывать на «заглаживание вреда» объекту преступления, т.к. своими действиями — перечисление денежных сумм на счет администрации или материальное предоставление вещей в «общественный фонд» лица загладили вред, причиненный в рамках составов данных преступлений.

Намного сложнее обстоят дела с заглаживанием вреда, причинённого в результате совершения преступления, повлекшего смерть потерпевшего.

Гражданин А. совершил преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ, в результате чего был освобожден от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление и вернула дело на повторное рассмотрение, указав, что «возможность освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа связана с совершением им не любых социально одобряемых действий, а только таких, в результате которых вред, причиненный конкретным преступлением, может считаться заглаженным».

В материалах дела указывается, что А. возместил вред, выплатив потерпевшей К. 530 000 рублей, а также оказал благотворительную помощь БУ ЧР "Чебоксарский центр для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей" в размере 10 000 рублей. При этом, как указывает Судебная коллегия, «объектом данного преступного посягательства является не только безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но и общественные отношения, гарантирующие неприкосновенность жизни человека»[1], соответственно, нарушаются права человека на жизнь (ст. 2 и ч. 1 ст. 20 Конституции РФ). Несмотря на то что в законодательстве отсутствуют ограничения относительно порядка и способа заглаживания вреда, причиненного преступлением, в каждом конкретном случае он должен компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям[2].

В данном случае действия лица как заглаживание вреда рассматривать нельзя, так как состав преступления является двуобъектным и вред причиняется как непосредственному — общественным отношениям, регули-рующим безопасность движения и эксплуатации транспортных средств, так и дополнительному объекту — общественным отношениям, обеспечивающим безопасность жизни и здоровья человека. В таком случае для освобождения от уголовной ответственности лицу необходимо было загладить вред двум

[1]Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2023 № 31-УДп23-6-К6 // Доступ из СПС «Гарант».

[2]Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

объектам, однако вред, причиненный общественным отношениям, регулирующим безопасность движения и эксплуатации транспортных средств, не был заглажен. При этом данное обстоятельство можно учитывать как смягчающее и снизить размер наказания, что и было указано в приговоре Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики[1].

В аналогичной ситуации, гражданка Б., двигаясь по полосе разгона, не убедившись в безопасности своего маневра совершила столкновение с мотоциклом, водителю которого был причинен тяжкий вред здоровью. По результатам рассмотрения уголовного дела было назначено наказание в виде ограничения свободы. Однако суд Кассационной инстанции отменил предыдущие приговоры и в своем определении указал, что между осужденной и потерпевшим было примирение, а также с ее стороны были принесены извинения и возмещен вред в полном объеме в размере 500 тыс. руб. Применяя данные положения в совокупности с иными данными о личности, суд указал на необходимость применения ст. 76 УК РФ и освобождения от уголовной ответственности[2].

И в первом, и во втором случае необходимо учитывать, что данный состав преступления является двуобъектным, соответственно, и заглаживание вреда должно быть всем объектам. Однако в первом случае помимо причинения вреда лицу в виде смерти, возместить который не всегда возможно, вред был также причинен отношениям в сфере безопасности дорожного движения. Данному объекту вред не был заглажен, соответственно, суд вынужден был отказать в освобождении от уголовной ответственности. Во втором случае потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, при этом суд посчитал, что вред перед потерпевшим был заглажен, но ничего не указал о возмещении вреда объекту, связанному с безопасностью дорожного движения. Таким образом, при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в связи с применением ст. 76 УК РФ приоритет отдается заглаживанию вреда непосредственно потерпевшему и только потом другим объектам преступления, что является не совсем справедливым.

В теории уголовного права присутствует несколько позиций об освобождении от уголовной ответственности с применением судебного штрафа в случае наступления смерти потерпевшего в результате преступления. Поскольку в законодательстве отсутствует запрет на применение ст. 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого была смерть пострадавшего, то некоторые теоретики считают, что в ст. 76 УК РФ статус потерпевшего рассматривается в уголовно-процессуальном смысле, а не уголовно-правовом, в случае наступления смерти лица судам необходимо учитывать положения ч. 8 ст. 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего к

[1]Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 17.04.2024 № 1-72/2024 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Определение суда кассационной инстанции от 29.04.2025 № 18-УД25-3-К4 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

одному из близких родственников, которые самостоятельно определяют способы заглаживания вреда и размер его возмещения. Соответственно, в данном случае возможно будет применение судебного штрафа.

Также существует позиция[1] о том, что применении ст. 76.2 УК РФ за причинение смерти человеку недопустимо, так как жизнь человека является самым ценным объектом уголовно-правовой охраны, а в случае наступления смерти восстановить жизнь человека нельзя и никакая компенсация неспособна покрыть данную утрату. Несмотря не то, что основным объектом выступают общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения, а дополнительным — жизнь и здоровье человека, данное разграничение считается условным, а значит и признавать такое деяние малозначительным нельзя.

Таким образом, проанализировав судебную практику применение ст. 76.2 УК РФ необходимо исходить из последствий и объекта преступления. Так, в случае если последствия в виде смерти не наступили, то вред загладить возможно и лицо можно освободить от уголовной ответственности, назначив судебный штраф. В случае же наступления смерти данное положение применить не предоставляется возможным, поскольку жизнь человека является высшей ценностью, при этом данные обстоятельства суд может оценивать в качестве смягчающего обстоятельства.

Научная статья
УДК 343.2

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Вадим Максимович СЫЧЁВ
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия
foxikmathicosplay@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, **Елена Николаевна КУРИЛОВА**, alkut_91@mail.ru

Аннотация. В данной научной статье будет рассмотрена основная правовая проблематика квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты, а также возможные пути их решения. Текущая тематика

[1]Радов В. В. Освобождение врача от уголовной ответственности за преступления против жизни или «заглаживание смерти» // Уголовное право. 2022. № 9. С. 31.

является актуальной, поскольку постольку понятие «криптовалюта» в 2026 году получило официальное закрепление в нормативно-правовых актах Российской Федерации, однако ещё не выведен определённый алгоритм действий для определения правильной квалификации деяний, где виртуальная валюта выступает предметом хищения. Сущность темы состоит в определении анализа правовых проблем, которые могут возникнуть у правоохранительных органов при квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты.

Ключевые слова: правовые проблемы, хищение криптовалюты, квалификация преступлений, анализ

В соответствии со статистикой МВД РФ[1] в январе — декабре 2025 года зарегистрировано 17773,6 тыс. преступлений, или на 7,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (49,8%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи — 453,2 тыс. (-9,3%), мошенничества — 411,6 тыс. (-7,6%). В большинстве из представленных противоправных деяний виртуальная валюта, принцип действия которой основан на применении криптографических методов шифрования информации (далее — криптовалюта) выступает как предмет совершения преступления.

Криптовалюта представляет собой нефиатную (нематериальную) валюту, которая может использоваться как средство платежа, обеспеченная при этом качественным уровнем защищённости трансакций и высоким уровнем анонимности сведений. Отличительными особенностями представленного платёжного средства являются высокая волатильность курса, децентрализованный характер, поскольку постольку государство и финансовые органы не могут выступать посредником при трансакциях и осуществлять их регулирование.[2]

Правовые проблемы квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты — это вопрос, который на сегодняшний день является весьма актуальным для уголовно-правовой науки в целом.

В Российской Федерации долгое время не был определён правовой статус виртуальной валюты. Мнения учёных расходились по поводу её правовой природы и возможности привлечения к ответственности лиц, совершивших хищение криптовалюты. Однако в 2026 году был принят Федеральный закон № 38, который определил, что виртуальную валюту следует считать имуществом для достижения целей и задач уголовного кодекса РФ[3].

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2025 год, https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 02.05.2026).

[2]Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере оборота криптовалюты: учебное пособие / Русскевич Е. А., Андреев А. В., Галиев Д. В. [и др.]. Москва: ИНФРА-М, 2022., 211 С.

[3]Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Однако закрепление за криптовалютой статуса имущетсва не решает имеющиеся правовые проблемы при квалификации преступлений, связанных с её хищением.

В значительной доле преступлений виртуальная валюта может являться не только предметом, но еще и средством совершения преступлений, что оказывает большое значение на уголовно-правовую квалификацию деяния. По мнению Граблина К. В., речь идет о наиболее часто встречающихся в практике преступлениях, связанных с использованием цифровой валюты в качестве средства обмена на изъятые из оборота объекты и последующий их перевод на фиатную(материальную) валюту. Это объясняется децентрализацией и анонимной деятельностью различных криптобирж, способствующих развитию теневого бизнеса. Использование криптовалюты в качестве средства совершения преступления не существенно влияет на квалификацию в целом, а, скорее, относится больше к определению уголовно-правовой характеристики преступления. Поэтому, зачастую правоприменитель в подобных случаях ссылается на отягчающее обстоятельство «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», если оно, разумеется, содержится в составе конкретного преступления[1]. Это является верным подходом, поскольку постольку им ранее было указано, что использование криптовалюты как средства преступления (при осуществлении платежей с ее использованием) не повышает общественную опасность преступления.

Второй правовой проблемой при квалификации посягательств на криптовалюту правоприменительные органы в качестве системной проблемы отмечают отсутствие на территории Российской Федерации органа, который может принять решение об определённой стоимости виртуальной валюты в конкретный временной отрезок. В настоящее время при расследовании уголовных дел установление размера причиненного ущерба потерпевшему основывается либо на заключении специалиста, либо посредством получения информации о курсе криптовалюты на время совершения преступления, опираясь на имеющееся данные торговой площадки (криптобиржи). В связи с этим, возникает о вопрос, на курс какой виртуальной биржы должен ориентироваться специалист или иное лицо, принимающее решение о цене виртуальной валюты. Кроме того, по мнениям научных деятелей, не урегулирована проблема изменения стоимости цифровой валюты в период ареста[2].

[1]Граблина К. В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты / К. В. Граблина, О. В. Скворцова // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики: Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 28 мая 2022 года., Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 817.

[2]Науменко О. А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступления // Вестник науки. 2024. №3 (67). С. 220.

Если уголовное дело прекращено или лицо оправдано, возникают практические вопросы: подлежит возврату именно тот же объем монет криптовалюты, либо их денежный эквивалент, а также на какую дату он определяется и в соответствии с курсом какой криптобиржи определяется стоимость. Для традиционного имущества подобные колебания менее критичны, тогда как для криптовалюты, обладающей высокой возможностью изменять свою стоимость за короткий период, представленный вопрос весьма актуален.

Кроме того, федеральный закон, который закрепляется виртуальную валюту как имущество, оперирует категорией "*при наличии технической возможности*" перевода цифровой валюты на специальный адрес. Не определено на законодательном уровне, кто и по каким критериям устанавливает такую возможность, кто несет ответственность за техническую ошибку при переводе и как будет обеспечиваться контроль за ключами доступа. Следует отметить, что перевод криптовалюты — операция необратимая, и ошибка может повлечь безвозвратную утрату актива. С учетом высокой волатильности рынка возможен вопрос о имущественной ответственности государства за ненадлежащее хранение цифровой валюты.

Ещё одной правовой проблемой является то, что законодатель на данном этапе не проводит различий между хранением на личных *некастодиальных* кошельках (криптокошельки, которые дают пользователю полный контроль над приватными ключами) и размещением активов у централизованных операторов. Принятая концепция об обязанности «лица, оказывающего услуги» предоставлять информацию в полной мере берет во внимание специфику децентрализованных криптобирж и иностранных платформ, что неизбежно может привести к серьезным проблемам в международном сотрудничестве и исполнении судебных решений.

Предполагается, что правительство должно будет разработать порядок, который включит многофакторную аутентификацию, распределенное хранение ключей от государственного кошелька и строжайшую отчетность. Также не маловажным моментом является вопрос о взаимодействие с криптобиржами и провайдерами услуг. Так, биржи могут не сотрудничать, если они находятся вне юрисдикции и не подчиняются российским судебным запросам. В мировом опыте это решается через механизмы международного сотрудничества (*Mutual Legal Assistance*), однако стоит отметить, что с криптовалютами это работает достаточно на низком уровне.

Все указанные проблемы являются значимыми, однако к одному из важных аспектов при анализе проблем квалификации преступлений, связанных с хищением виртуальных валют, необходимо относить отсутствие квалифицированных специалистов в сфере выявления фактов преступлений с использованием цифровой валюты. Поскольку постольку данное направление является новейшим уголовно-правой науке, оно требует серьезной

проработки, создания отдельных нормативно-правовых актов для определения юридического закрепления алгоритма действий.

Прежде всего речь идёт о сохраняющемся «*различии поколений*» среди преступников и сотрудников правоохранительных органов, при котором последним довольно часто не хватает компетенции и навыков использовать передовые технические технологи. Так, по состоянию на 2025 год, преступники в возрастном диапазоне от 16 до 30 лет составляют 40 % от общего количества лиц, совершивших преступные деяния, а в сфере преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, указанный возрастной диапазон приближается к 90%. Вместе с тем средний возраст сотрудников правоохранительных деятельности составляет 32—45 лет, что, как показывает опыт, довольно часто обусловливает более низкий уровень осведомленности именно в сфере передовых информационных технологий.[1]

Таким образом, признание виртуальной валюты как имущества для целей УК РФ решает ряд правовых проблем, возникающих при квалификации деяний, связанных с хищением криптовалюты, однако некоторые аспекты подлежат детальному законодательному закреплению. Не разрешёнными остаются вопросы об оценке стоимости цифровой валюты, которая подвержена изменениям в очень короткий период. Отсутствие регулирования в сфере деятельности криптобирж, возможности сотрудничества для получения необходимой информации для следственных органов сильно осложняет процесс квалификации хищения криптовалюты. Кроме того, низкая осведомлённость кадров в указанной сфере в силу их возраста и незаинтересованности в данном направлении может не в полной мере охватить процесс необходимых процессуальных действий, что повлечёт за собой проблемы при квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты.

[1]Бажанов Д. В. Выявление преступлений и расследование уголовных дел, связанных с легализацией преступных доходов путём совершения операций с цифровой валютой // Законность. 2025. № 6. С. 35.

Научная статья
УДК 343.2/.7

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СТАТЬИ 238 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Екатерина Андреевна ФИРСОВА-РОГОЛЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
firva03@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется субъективная сторона ст. 238 УК РФ. Изучается вопрос необходимости установления осведомленности лица о реальной опасности товаров, продукции, работ и услуг для жизни и здоровья потребителя. Исследуются вопросы двойной формы вины в п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 238 УК РФ.

Ключевые слова: ст. 238 УК РФ, безопасность товаров, работ и услуг, субъективная сторона, реальная опасность, форма вины, умысел, неосторожность, небрежность, легкомыслие, тяжкие последствия

Субъективная сторона является обязательным признаком состава преступления и характеризует отношение субъекта к совершенным преступным действиям или бездействиям.

В соответствии со статьей 5 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ[1] (далее — УК РФ) без установления вины лицо не может подлежать уголовной ответственности за общественно опасные действия или бездействия, а также наступившие общественно опасные последствия.

Анализируя конструкцию состава ст. 238 УК РФ, можно сделать вывод, что данное преступление может быть совершено умышлено.

Вместе с тем, Морозов В. И. полагал, что рассматриваемое преступление может быть совершено и по неосторожности, «если виновный не осознает того, что товары, работы или услуги не отвечают требованиям

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (тест с изм. и доп. от 20.02.2026). ст. 5 // Доступ из справ.-правовой системы«КонсультантПлюс».

безопасности, хотя должен был и мог это осознавать и не допустить их оборота»[1]. Данная точка зрения видится в корне неверной.

Во-первых, в случае признания возможности совершения данного преступления по неосторожности, складывается ситуация, при которой разграничение с иными статьями УК РФ, предусматривающими неосторожную форму вины, становится крайне затруднительно, что может привести к неверной квалификации, и, соответственно, назначению несоразмерного наказания виновному лицу.

Во-вторых, совершение лицом деяний, указанных в диспозиции ст. 238 УК РФ, по неосторожности, больше напоминает состав административного правонарушения.

Рассматриваемая проблема была разрешена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 18), в котором указано на наличие умысла: «Деяния, перечисленные в статье 238 УК РФ, характеризуются умышленной формой вины. В связи с этим при решении вопроса о наличии в действиях (бездействии) лица состава такого преступления суду необходимо устанавливать, что несоответствие товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг требованиям безопасности охватывалось его умыслом»[2].

В Постановлении Пленума ВС РФ № 18 также отмечается, что «если в результате производства, хранения, перевозки в целях сбыта или сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, а также неправомерных выдачи или использования официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, продукции, работ или услуг требованиям безопасности, причиняются по неосторожности тяжкий вред здоровью либо смерть, то в целом такое преступление признается совершенным умышленно (статья 27 УК РФ)».

Также, Постановление Пленума ВС РФ № 18 исключает возможность квалификации деяния по рассматриваемой статье в случае отсутствия реальной опасности товаров, продукции, работ и услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителя.

Вместе с тем, не дается разъяснений о необходимости установления умысла на создание реальной опасности товаров, продукции, работ и услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья. Верховный Суд РФ указывает лишь на необходимость ее установления посредством экспертиз.

---

[1]Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) - 4-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В., Сверчкова. М., 2007. С. 1264.

[2]О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18. п 6 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако по смыслу ст. 238 УК РФ и данных Постановлением Пленума ВС РФ № 18 разъяснений, для квалификации деяния требуется, чтобы виновное лицо осознавало реальную опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни и здоровья потребителей. Так, Воронин В. В.[1] утверждает, что необходимо в каждом конкретном случае устанавливать осведомлённость лица об опасности реализуемого им товара для жизни и здоровья потребителей.

Несмотря на то, что преступление признается умышленным, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ содержат в себе общественно опасные последствия, которые наступают по неосторожности. В данном случае Наумов А. В.[2] справедливо утверждает о наличии двойной формы вины, поскольку совершение деяний, предусмотренных данной статьей, остается также умышленным, но, вместе с тем, лицо, совершившее их, не имеет умысла на наступление последствий в виде тяжкого вреда здоровью или причинения смерти потребителю, то есть виновное лицо относится к данным последствиям неосторожно.

Таким образом, видится, что позиция Борзенко Г. Н. и Комиссарова В. С.[3] о возможности совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ, исключительно при неосторожной форме вины является некорректной, поскольку в данном случае неосторожная форма вины присуща исключительно для наступивших общественно опасных последствий.

Вместе с тем, при анализе форм вины по отношению к последствиям в виде тяжкого вреда здоровью и смерти, предусмотренных п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 238 УК РФ, можно выявить следующее противоречие.

Умысел лица должен быть направлен на само деяние, на несоответствие требованиям безопасности товаров, продукции (работ, услуг), а также на осознание реальной угрозы причинения вреда жизни и здоровью потребителя от небезопасных товаров (работ, услуг).

Согласно ст. 26 УК РФ, а также теории уголовного права, неосторожное отношение к общественно опасным последствиям может быть выражено в форме легкомыслия или небрежности.

Примером легкомысленного отношения к общественно опасным последствиям может служить инцидент 2023 года. Так, А. Ким и Н. Дубас организовали экскурсию в подземные инженерные коммуникации Москвы. Группа из 7 человек спустилась в подземные коммуникации без специаль-

---

[1]Воронин В. В. Обстоятельства, подтверждающие наличие состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ» // Уголовный процесс. 2008. № 12. С. 11.

[2]Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) / под ред. Г. М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 340.

[3]Курс уголовного права в пяти томах. Том 4. Особенная часть / Под ред. Борзенкова Г. Н., Комисарова В. С., М.: Зерцало, 2002. С. 253.

ного разрешения уполномоченного органа, средств индивидуальной защиты и средств спасения. В результате начавшихся ливневых дождей коммуникации заполнились осадками, в виду чего участники экскурсии не смогли покинуть коллектор и утонили. А. Ким и Н. Дубас признаны судом виновными по ч. 3 ст. 238 УК РФ за оказание услуг группой лиц по предварительному сговору, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших по неосторожности смерть двух или более лиц.[1]

Легкомыслие в данном примере проявляется в следующем. Виновные осознавали, что организация подобных экскурсий осуществляется в нарушение установленных правил, осознавали, что спуск в коллекторы может привести к общественно опасным последствиям в виде причинения вреда здоровью людей в связи с неустойчивостью сводов, возможностью обвалов, а также возможностью резкого подъема уровня воды. Вместе с тем, виновные организовали экскурсию в коллекторы, самонадеянно рассчитывая на ненаступление угрозы безопасности жизни и здоровья людей, а также на возможность собственными силами оперативно вывести экскурсионную группу при возникновении такой угрозы.

При неосторожности в форме небрежности лицо не осознает общественной опасности своих действий, не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий, хотя должно и могло их предвидеть при должной осмотрительности.

Вместе с тем, осознание лицом, что оно нарушает требования безопасности, предъявляемые к товарам, продукции, работам или услугам, а также осознание реальной опасности таких нарушений, то есть понимание возможности причинения вреда жизни и здоровью потребителя исключает возможность неосознания виновным лицом общественной опасности и непредвиденье им возможности наступления общественно опасных последствий. Следовательно, при квалификации преступления по п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 238 УК РФ невозможно говорить о небрежном отношении к общественно опасным последствиям.

Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ является умышленным. Осознание реальной опасности причинения вреда жизни и здоровью потребителя также должно осознаваться виновным лицом.

Квалифицированные составы, предусматривающие наступление общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью или смерти, имеют двойную форму вины в виде умысла по отношению к деянию и неосторожности по отношению к последствиям.

Вместе с тем, в виду конструкции состава ч. 1 ст. 238 УК РФ складывается ситуация, при которой неосторожность, предусмотренная п. «в» ч. 2,

[1]Вынесен приговор по уголовному делу о гибели восьми человек во время экскурсии по коммуникациям Москвы // Генеральная прокуратура Российской Федерации : оф. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5605893/ (дата обращения: 04.04.2026).

ч. 3 ст. 238 УК РФ возможна только в форме легкомыслия. Форма вины по отношению к общественно опасным последствиям в виде небрежности исключается в виду осознания лицом реальной опасности для жизни и здоровья потребителя.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМА КРИМИНАЛИЗАЦИИ СЕКСУАЛЬНЫХ ДОМОГАТЕЛЬСТВ (ХАРАССМЕНТА) В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Валерий Николаевич ФОМЕНКОВ[1], Степан Евгеньевич ЯНОВСКИЙ[2]
[1,2] Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
[1]valeriyfomenkovv@yandex.ru
[2] stepidze.yan@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент **Олеся Викторовна ЗАЙЦЕВА**, zaitseva.o@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема введения уголовной ответственности за домогательства. Авторы подчёркивают, что в большинстве случаев, подобные действия не охватываются ни одной из статей УК РФ. На основе анализа мнений учёных высказывается позиция о необходимости частичной криминализации харрасмента и формулируется его определение.

Ключевые слова: сексуальные домогательства, харассмент, половая свобода, половая неприкосновенность, уголовное законодательство, уголовная ответственность, административная ответственность, криминализация, защита прав личности

Уголовным законом охраняются право на половую свободу, то есть право лица, достигшего 16 лет свободно выбирать как и с кем удовлетворять свои сексуальные потребности и половую неприкосновенность, то есть право лица, не достигшего 16 лет не быть объектом каких-либо действий сексуального характера.

Нередко в российской уголовно-правовой доктрине поднимается вопрос о введении уголовной ответственности за домогательства (харассмент). За криминализацию домогательств выступает, в частности, А. А. Юдина, И. М. Клейменов, А. В. Серебренникова. Проблема сексуальных домогательств на сегодняшний день действительно является весьма актуальной. Еще в 2001 г. Уполномоченный по правам человека в РФ признавал, что зачастую сексуальное насилие принимает форму именно домогательств[1]. По результатам анкетирования, проведенного Клейменовым И.М., около половины респондентов указали на реальность проблемы сексуальных домогательств[2].

Общественная опасность харассмента заключается в том, что он посягает на целый ряд основных (конституционных) прав и свобод человека: право на личную неприкосновенность, право на достоинство личности, равенство в правах, свободах и возможностях мужчин и женщин. Домогательства на рабочем месте причиняют вред правам на свободу труда и безопасные условия труда. В результате сексуальных домогательств потерпевшим может быть причинен значительный психологический вред (стресс и депрессии), способный повлечь такие тяжкие последствия, как возникновение тревожных расстройств или суицидальных мыслей.

В настоящее время, в эпоху цифровых технологий, особой актуальностью обладает проблема домогательств с использованием информационно-телекоммуникационных средств, включая сеть «Интернет». Харассмент с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может выражаться, в частности в пересылке, в том числе, через социальные сети вербальных или фотовизуальных сообщений (например, порнографических материалов), выражение недопустимых для жертвы сексуальных намерений в том числе в форме принуждения и угроз, а также кибersталкинг[3].

При этом, ни одним из предусмотренных действующим уголовным законом составов преступлений не охватываются навязчивые приставания к человеку, даже если они явно носят сексуальный характер и совершаются при выраженном несогласии с его стороны. Такие действия будут влечь уголовную ответственность если совершены в отношении лица, не достигшего 16 лет лицом, достигшим 18 лет по ст. 135 УК РФ[4]; виновный использовал материальную или иную зависимость потерпевшего лица, угрожал

[1]Доклад «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2001 году» 01.03.2026 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Клейменов И. М. Сексуальное домогательство: криминалистический и уголовно-правовой аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 32. С. 42—50.

[3]Киселев К. А. Стратегии воздействия онлайн-грумеров на несовершеннолетнюю жертву // Известия Саратовского университета. 2023. Т. 23, № 3. С. 313—317.

[4]Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) ст. 135 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

уничтожением или повреждением имущества потерпевшего — по статье 133 УК РФ[1], при этом у виновного должен иметься умысел на совершение с потерпевшим полового акта, иных действий сексуального характера; домогательство выражалось в просьбе или требовании об оказании сексуальных услуг в адрес несовершеннолетнего, достигшего 16, но не достигшего 18-и летнего возраста (ч. 3 ст. 30; соответствующая часть ст. 240.1 УК РФ)[2]. Действия, связанные с рассылкой порнографических материалов, в любом случае, будут влечь ответственность по статье 242 УК РФ[3]. Во всех остальных случаях на данный момент сексуальные домогательства находятся вне сферы действия уголовного закона. Более того, домогательство в принципе не влечет по современному законодательству каких-либо правовых последствий. Ни один закон напрямую не устанавливает какой-либо ответственности за домогательство. Применительно к такой ситуации А. В. Серебренникова совершенно справедливо отмечает, что состояние действующего отечественного законодательства не позволяет вести эффективное противодействие проявлениям «харассмента»[4].

И так, думается, что, учитывая важность и актуальность проблемы сексуальных приставаний в России, очевидно, что введение ответственности за домогательство является не данный момент необходимым. При этом, в целях максимального единства духа и буквы закона, облегчения деятельности правоприменителя, стабильности судебной практики по данному вопросу, следует дать четкое легальное определение домогательств.

Обратим внимание, как к решению данного вопроса подошли ученые и практики. Юдина А. А. предлагает определять домогательство путем закрепление в конструкции данного правонарушения исчерпывающего перечня способов его совершения, к которым исследователь предлагает отнести: нежелательные прикосновения сексуального характера, демонстрация половых органов, мастурбация с целью получения сексуального удовлетворения, совершенные в отношении потерпевшего против его воли в общественном или на рабочем месте, а равно предложения об оказании сексуальных услуг при приеме на работу и на рабочем месте со стороны работодателя, его представителя или иного лица, обладающего властными полномочиями[5].

---

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) ст. 133 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2]Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) ст. 240.1 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3]Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) ст. 242 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[4]Серебренникова А. В. Харассмент: уголовно-правовое понятие // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 3. С. 198—201.

[5]Юдина А. А. Некоторые вопросы совершенствования уголовной ответственности за сексуальные домогательства в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3 (34). С. 114—119.

Клейменов И. М. предлагает относить к домогательствам «Предложение об оказании сексуальных услуг при приеме на работу или на рабочем месте со стороны работодателя, его представителя или иного лица, обладающего властными полномочиями». По мнению ученого, правовые запреты бытового сексуального домогательства бессмысленны [1].

Депутат Государственной думы РФ, автор законопроекта о введении административной ответственности за домогательство Нилов О. А. предложил следующее определение «Домогательство, то есть нежелательное поведение, приставания сексуального характера, попытка установления интимного контакта, ухаживания, сексуальные притязания в скрытой или явной форме, просьбы о сексуальных услугах, прочие словесные или физические действия сексуального характера, совершенные мужчиной в отношении женщины против её воли».

Определение Нилова О. А. представляется неудачным из следующих соображений: во-первых, в соответствии с ним, в качестве домогательства могут рассматриваться исключительно действия мужчины в отношении женщины, что не позволит привлекать к ответственности по данной статье лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией; во-вторых, формулировка «нежелательное поведение, приставания характера является размытой, и может трактоваться правоприменителем по-разному. Введение такой формулировки может привести к возможности излишне расширительного толкования нормы и необоснованному применению мер государственного принуждения или, напротив, освобождению от ответственности реально виновных лиц.

Определение домогательства через исчерпывающий перечень способов его совершения также представляется нерациональной ввиду многообразия его форм и проявлений. Это приведет к излишней громоздкости нормы, незащищенности граждан от новых форм домогательств и необходимости регулярного внесения изменений, хотя излишне абстрактная формулировка также не будет являться удачной.

Ограничение сферы применения ответственности за домогательства лишь отношениями между работодателями и работниками, на котором настаивает И. М. Клейменов, явно чрезмерно. Падение нравов, на которое ссылается ученый не дает основания лишать граждан правовой защиты от сексуальных домогательств в повседневной жизни. Напротив, государству в подобной ситуации следует обратить особое внимание на защиту личности от новых форм посягательств, связанных с пагубными тенденциями современности. Кроме того, по нашему мнению, этические границы сегодня все же едва ли можно назвать настолько размытыми, чтобы отделить безобид-

[1] Клейменов И. М. Сексуальное домогательство: криминалистический и уголовно-правовой аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 32. С. 42—50.

ные ухаживания от сексуальных приставаний не представлялось возможным. И в наше время вполне очевидно, что демонстрация человеку своих половых органов или прикосновения к интимным частям тела на улице или в общественном транспорте недопустимы.

По нашему мнению, определения домогательства следует сформулировать следующим образом: «Домогательство, то есть любые действия, направленные на удовлетворение половых потребностей виновного или иных лиц, а равно имеющие непосредственной целью вызвать у потерпевшего сексуальное возбуждение, совершаемые в отношении другого человека без его согласия, как сопровождающиеся контактом с телом потерпевшего, так и не связанные с таковым; действия, непосредственно направленные на склонение потерпевшего к вступлению с виновным в интимные отношения, совершаемые при выраженном несогласии потерпевшего либо на рабочем месте потерпевшего или в общественном месте или выраженные в грубой форме либо сопровождающиеся оскорблениями в адрес потерпевшего; просьба или предложение виновного об оказании сексуальных услуг; ухаживание, если таковые осуществляются после неоднократно выраженного несогласия лица».

Решив вопрос о формулировке законодательного определения домогательства, отметим, что подобные действия хотя и нарушают право граждан на личную неприкосновенность, на достоинство личности и ряд других базовых прав человека, гарантированных Конституцией РФ, однако, пожалуй, не всегда обладают той степенью общественной опасности, которая характерна для преступлений. Едва ли нежелательный букет цветов или прикосновение к ягодице само по себе следует считать уголовно наказуемым деянием, ставя, по сути, в один ряд с изнасилованием, большая общественная опасность которого просто очевидна и обусловлена колоссальным психологическим, а зачастую и серьезным физическим вредом для жертвы. Вводить же за любые домогательства уголовную ответственность, связанную с наиболее жесткими правоограничениями и состоянием судимости едва ли разумно. В связи с изложенным домогательство следует криминализировать лишь частично, в его наиболее общественно опасных проявлениях, которые необходимо закрепить в УК РФ путем введения соответствующих квалифицирующих признаков в конструкцию данного состава преступления. Представляется целесообразным в данном случае, в том числе, применение института административной преюдиции. В остальных же случаях за данное правонарушение следует установить административную ответственность.

И так, в связи с изложенным выше следует: дополнить КоАП РФ статьей 6.10.1 «Домогательство».

Домогательство то есть действия, направленные на удовлетворение половых потребностей виновного или иных лиц, совершаемые в отношении другого человека без его согласия, как сопровождающиеся контактом с

телом потерпевшего, так и не связанные с таковым; действия, непосредственно направленные на склонение потерпевшего к вступлению с виновным в интимные отношения, совершаемые при выраженном несогласии потерпевшего либо на рабочем месте потерпевшего или в общественном месте или выраженные в грубой форме либо сопровождающиеся оскорблениями в адрес потерпевшего; просьба или предложение виновного об оказании сексуальных услуг; ухаживание, если таковые осуществляются после неоднократно выраженного несогласия лица.

- влечет наложение административного штрафа на гражданина в размере от двадцати пяти до пятидесяти тысяч рублей либо обязательные работы на срок от восьмидесяти до ста двадцати часов, либо административный арест на срок до пятнадцати суток;

Дополнить УК РФ статьей 133.1 «Домогательство».

1. Совершение действий, предусмотренных статьей 6.10.1 КоАП РФ:

а) лицом, подвергнутым административному наказанию за их совершение;

б) в отношении двух или более потерпевших;

в) в отношении заведомо несовершеннолетнего лица;

г) в общественном месте либо на рабочем месте лица;

д) группой лиц, а равно группой лиц по предварительному сговору,

- наказывается обязательными работами на срок до четырехсот часов либо принудительными работам на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности на срок до двух лет или без такового; либо лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности на срок до восьми лет или без такового.

2. Совершение действий, предусмотренных статьей 6.10.1 КоАП РФ либо частью первой настоящей статьи:

а) лицом, имеющим судимость за совершение преступлений против половой свободы и (или) половой неприкосновенности, в том числе, за действия, предусмотренные настоящей статьей;

б) лицом с использованием своего служебного положения, а равно материальной или иной зависимости потерпевшего, если указанные действия не образуют состава преступления, предусмотренного статьей 133 настоящего Кодекса;

в) в отношении двух или более несовершеннолетних;

г) с публичной демонстрацией, в том числе в сети «Интернет»,

наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет.

Научная статья
УДК 343

ИНФЛЯЦИЯ И ПРОБЛЕМА НАЗНАЧЕНИЯ ШТРАФОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.

Тарина Сергековна ХЕРТЕК
ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия
hetttari@mail.ru

Научный руководитель кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» **Андрей Иванович КРАВЦОВ,** akravtsov2022@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется взаимосвязь между штрафом как видом уголовного наказания, и инфляцией. Анализируются причины обесценивания штрафов в условиях инфляции. Предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики, направленные на обеспечение реальной соразмерности и справедливости уголовных штрафов, в условиях изменяющейся покупательной способности денег.

Ключевые слова: уголовное право, штраф, инфляция, минимальный размер оплаты труда, соразмерность наказания, законодательство, правоприменение

В современном обществе штраф является более распространенным видом уголовного наказания. Со штрафом тесно связана инфляция, которая является составной частью экономики РФ. В данный момент большая часть штрафов не подвергались изменениям с 2003 года, в то время как инфляция с каждым годом растет, в связи с этим появилась проблема в назначении уголовного наказания в виде штрафа.

Цель нашего исследования —это выявить влияние инфляции на принципы уголовного закона и на применение уголовного наказания в виде штрафа. Сформулировать решение данной проблемы.

В условиях современного общества уголовные наказания выполняют ключевую функцию в воспитании и исправлении лица, совершившего преступление, а также в восстановлении социальной справедливости. Согласно статье 44 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] одним из видов уголовного наказания выступает штраф, при назначении которого с лица, совершившего противоправное деяние, взыскиваются денежные средства на основании особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

[1] "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).

Штраф является самым мягким видом наказания. Он может применяться как основное, так и дополнительное наказание. Поскольку штраф представляет собой денежное взыскание, на его сумму в той или иной степени влияет инфляция. Инфляция — это устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги в экономике. Как отмечал В.М. Степашин кандидат юридических наук: «В силу инфляционных процессов штраф, исчисляемый в рублях, подвергается ежемесячной девальвации, что вовсе не может свидетельствовать об адекватном снижении характера и степени общественной опасности тех деяний, совершение которых может повлечь назначение виновным штрафа».[1]

Анализируя статистику инфляции, предоставленную Банком России[2] с 2014 года до 2026, можно сделать вывод, что инфляция за эти года росла, а суммы штрафов остаются на данный момент неизменными.

Дата	Инфляция, % г/г
01.2014	6,07
01.2015	14,96
01.2016	9,80
01.2017	5,00
01.2018	2,20
01. 2019	5,00
01.2020	2,40
01.2021	5,20
01.2022	8,73
01.2023	11,77
01.2024	7,44
01.2025	9,92
01.2026	6,00

Согласно статистике суммы МРОТ[3] (Минимальный размер оплаты труда) в период с 2011 года по 2026 год цифры значительно увеличились. Если с 1 июля 2011 года МРОТ составлял 4611 рублей, то в 2026 году сумма составила 27093 рубля, что на 487 % больше.

Дата, с которой установлен МРОТ	Сумма МРОТ в рублях
С 1 июля 2011.	4611

[1]Степашин В. М. Условность уголовного наказания (на примере штрафа) // Правоприменение. 2018. Том 2 №3. С. 135—141.

[2] Инфляция и ключевая ставка Банка России. // https://cbr.ru/hd_base/infl/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.10.2013&UniDbQuery.To=01.04.2026.

[3]Размер МРОТ. Таблица с 2000 по 2024 гг. // https://www.buhgalteria.ru/article/razmer-mrot-tablitsa-s-2000-po-2023-gg- (дата обращения: 01.04.2026).

С 1 января 2013.	5205
С 1 января 2014.	5554
С 1 января 2015.	5965
С 1 января 2016.	6204
С 1 июля 2017.	7500
С 1 января 2018.	9489
С 1 января 2019.	11280
С 1 января 2020.	12130
С 1 января 2021.	12792
С 1 января 2022.	13890
С 1 января 2023.	16242
С 1 января 2024.	19242
С 1 января 2025.	22440
С 1 января 2026 .	27093

При этом следует отметить, что из-за инфляции наказание в виде штрафа за одно и то же преступление только в разные годы с интервалом в 10—15 лет будет различаться по своей суровости, что в той или иной степени будет нарушать принцип справедливости уголовного закона, согласно статье 6 Уголовного кодекса. Если в 2011 году человек мог месяц жить на 5 тысяч рублей, то в современных реалиях 5 тысяч рублей это один поход в магазин за продуктами.

Штраф который изначально предназначался как наказание в виде денежных взысканий соразмерно тяжести совершенного преступления, из-за инфляции может потерять свои функции. Если штраф становится легко переносимым, то он начинает терять свои задачи, заложенные законодателем изначально.

14 ноября 2025 года в Государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект инициатором, которого является Правительство Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс». В которой вносятся поправки во множество статей Уголовного кодекса именно по сумме штрафа например:

1) в статье 146:

а) в абзаце втором части второй слова «до двухсот тысяч рублей» заменить словами «до одного миллиона рублей»;

б) в абзаце шестом части третьей слова «до пятисот тысяч рублей» заменить словами «до двух миллионов пятисот тысяч рублей»;

Одна из причин внесения изменений — повышение инфляции, некоторые размеры штрафов не пересматривались более 20 лет (например, по 13 статьям УК штрафы оставались неизменными с 2003 года, а накопленная инфляция за это время составила более 400 %).

Законопроект приняли в первом чтении 21 января 2026 году. Данный законопроект является значительным шагом в изменении порядка назначения суммы наказания в виде штрафа.

Исходя из выше сказанного, мы можем предложить пути решения данной проблемы:

своевременное обновление суммы штрафов. Предлагается раз в несколько лет пересматривать сумму штрафов в зависимости от инфляционных процессов в стране;

установление в законе порядка автоматической индексации размеров уголовных штрафов. Предлагается закрепить на законодательном уровне процесс и порядок индексации штрафов;

разработка методических рекомендаций и Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам и разъяснению индексации штрафов, о соразмерности наказания и так далее.

расширение правоприменительной практики по данному вопросу;

изучение и адаптация зарубежных моделей. Предполагается анализ того, как в других странах решается проблема инфляции при назначении уголовных штрафов, и при наличии положительного опыта, адаптация этих моделей к российской правовой системе.

Таким образом, можно сказать, что инфляция значительно влияет на штраф как вид уголовного наказания. Законопроект Правительства Российской Федерации об изменении некоторых статей Уголовного кодекса говорит о признании данной проблемы и готовности принять меры об изменении суммы штрафов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том что инфляция выступает значимым фактором, снижающим реальную эффективность уголовного наказания в виде штрафа, нарушая его карательную, превентивную и восстановительную функции.

Научная статья
УДК 343.2/.7

МЕСТО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Елизавета Сергеевна ХМЕЛЕВСКАЯ
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

Научный руководитель Анастасия Васильевна КОРОТЕЕВА

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические аспекты интеграции технологий искусственного интеллекта в систему уголовного права. Анализируются проблемы определения уголовно-правового

статуса ИИ, вопросы ответственности за вред, причиненный при использовании автономных систем, а также перспективы применения ИИ в деятельности правоохранительных органов или судов.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), уголовное право, уголовная ответственность, киберпреступность, цифровизация, причинение вреда, правосубъектность

В данной публикации основное внимание уделяется применению ИИ для систематизации и упрощения работы правоохранительных органов, а именно в поиске сведений похожих преступлений, анализе и выявлении доказательств, прогнозировании возможности повторения преступлений в данной сфере и других аспектах. Обсуждаются вопросы, связанные с использованием ИИ в этических и юридических аспектах применения ИИ в уголовном праве. Также, следует отметить, что искусственный интеллект может быть полезен в качестве вспомогательного инструмента в процессе судебного разбирательства, когда суд принимает решение о допустимости доказательств, а также для оптимизации поиска информации. Данная способность позволит искусственному интеллекту более эффективно решать задачи, которые требуют от него навыков самообучения.

Исследование позволит выявить потенциал и ограничения использования искусственного интеллекта в уголовном праве РФ, его дальнейшего развития.

Одной из самых быстро развивающихся и перспективных технологий можно считать технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ), которые в настоящее время применяются во многих сферах общественной жизни.

Сегодня ИИ является одной из самых обсуждаемых технологических тенденций, но при этом он порождает огромное число нравственноэтических и правовых проблем, например, кто должен нести ответственность за действия, нарушающие правовые нормы, совершенные ИИ или может ли ИИ являться орудием или средством совершения преступления. С отношений сфере ИИ.

Почему важно своевременно совершенствовать уголовное законодательство? Потому что уже имеются случаи совершения противоправных действий с использованием ИИ, например, такие, как использование алгоритмов распознавания лиц для вторжения в личную жизнь людей, методы машинного обучения для кибератак и др.

В действующем Уголовном кодексе РФ нет чёткого указания на преступления, которые возможно совершить с помощью технологий искусственного интеллекта, так как создание данной технологии является сравнительно новым явлением, и законодательство обычно отстает от технического прогресса.

Место искусственного интеллекта (ИИ) в уголовном праве РФ пока не определено четко, но существует необходимость его правового регулирования. Согласно исследованиям, ИИ может быть использован как в преступных целях, так и для борьбы с преступностью:

развитие технологий ИИ создает новые способы совершения преступлений, связанных с компьютерными технологиями и электронной информацией. Однако в уголовном законодательстве РФ пока отсутствуют специальные нормы, регулирующие использование ИИ в преступных целях;

в то же время, ИИ уже применяется правоохранительными органами для предупреждения и раскрытия преступлений, например, для обработки больших массивов данных и выявления закономерностей, указывающих на противоправное поведение;

существует необходимость определения места ИИ в уголовном праве, поскольку его уникальные способности к самообучению и автономизации существенно усложняют его правовое регулирование. Возможно, ИИ в будущем может быть признан субъектом преступления, но пока этот вопрос остается дискуссионным.

С развитием технологий искусственного интеллекта возникает важный вопрос о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство Российской Федерации.

В настоящее время в уголовном праве РФ ответственность несет только физическое лицо в соответствии с законом.

Создание специальных норм и правил в Уголовном кодексе РФ может стать необходимым шагом для обеспечения безопасности и защиты прав граждан в новой цифровой эпохе.

В последние годы использование искусственного интеллекта в криминальной сфере претерпело значительные изменения. Ранее ограниченные отсутствием автоматизации и сложностью алгоритмов, с развитием технологий и информационных систем, включая искусственные нейронные сети, преступники нашли способы внедрить «умные» технологии во вредоносные программы. Эти программы, известные как компьютерные вирусы, стали подвержены эволюции и конкуренции, приобретая особенности искусственного интеллекта, такие как адаптивное поведение, самовоспроизведение с мутациями и мимикрия.

Искусственный интеллект стал неотъемлемой частью киберпреступности, делая борьбу с ней более сложной и трудоемкой. Преступники активно используют новейшие технологии для создания вирусов, способных обойти защитные механизмы и проникнуть в системы. Это требует постоянного

совершенствования кибербезопасности и разработки новых методов борьбы с угрозами[1].

Эволюция искусственного интеллекта в криминальной сфере требует внимания и развития со стороны защитников информационной безопасности. Только путем постоянного обновления и укрепления защитных механизмов можно противостоять новым вызовам и угрозам, которые несет с собой проникновение искусственного интеллекта в мир киберпреступности.

Искусственный интеллект в настоящее время широко используется для управления дорожным движением, что может привести к нарушениям правил и возможным серьезным последствиям для здоровья и жизни людей. Совершение действий, содержащих признаки преступления, является основанием уголовной ответственности согласно статье 8 УК РФ. Возможность того, что компьютерные алгоритмы не соблюдут правила дорожного движения и причинят вред людям, не исключается.

Искусственный интеллект в настоящее время широко используется для управления дорожным движением, что может привести к нарушениям правил и возможным серьезным последствиям для здоровья и жизни людей. Совершение действий, содержащих признаки преступления, является основанием уголовной ответственности согласно статье 8 УК РФ. Возможность того, что компьютерные алгоритмы не соблюдут правила дорожного движения и причинят вред людям, не исключается.

Когда дело доходит до расследований, подозреваемые хорошо осведомлены о задаваемых им вопросах и знают все возможные способы ответить на них, не попавшись, но в аспекте поведения и позиции каждый человек уникален, и его можно идентифицировать по языку тела и жестам рук. Жесты используются в криминологии для идентификации преступников на основе языка тела, зрительного контакта и жестов рук. Поскольку описанный выше процесс выполняется следователями вручную, они начинают терять способность идентифицировать подозреваемых в ходе расследования в течение дня. Для оказания помощи сотрудникам полиции в Индии разрабатывается система, которая автоматически идентифицирует подозреваемых с помощью методов глубокого обучения, основанных на жестах. Жесты оказались привлекательными, поскольку они являются частью общения людей[2].

На данный момент времени ИИ не привлекается к ответственности из-за отсутствия самостоятельной личности и недостаточного уровня самосознания, хотя в будущем возможно изменение правового статуса таких систем.

---

[1]Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография. Киров : Вятский государственный университет, 2020. 111 с.

[2]Рассказываем и показываем, как искусственный интеллект помогает искать преступников. URL : https://fisher.rbc.ru/article.html (дата обращения 10.01.2026).

Важно обратить внимание на возможные направления преступного использования программ самообразования на современном этапе развития

Увеличивается использования цифровых технологий в судопроизводстве. С помощью искусственного интеллекта облегчается работа со статистическими данными, что помогает упростить обработку и поиск информации. Использование данного метода происходит так: искусственный интеллект собирает данные о схожих уголовных делах, их исходах и систематизирует их[1].

Проблема заключается в том, что ИИ способен только обрабатывать информацию и формировать на её основе выводов и не способен соблюдать принципы спонтанности при изучении фактических данных, потому что здесь действительно необходимо знать жизнь, понимать ее и адекватно воспринимать ее проявления. Все его выводы здесь будут основаны не на реальных результатах, а на детально изученных данных произошедшего и статистических данных из архивов. Поэтому частые заявления о возможной замене юристов на искусственный интеллект можно воспринимать всерьез только применительно к общепринятым юридическим процедурам. В то же время, стоит отметить, что ИИ может принести большую пользу в качестве вспомогательного инструмента для судебного дела при принятии решения о допустимости доказательств, а также для оптимизации поиска получении информации. Способность к самообучению позволит искусственному интеллекту более эффективно решать эти задачи.

Российское правительство активно внедряет системы искусственного интеллекта в секторе здравоохранения, а регулирующие органы стараются не отставать от технических и юридических аспектов, чтобы обеспечить баланс между развитием рынка и контролем над ним. Использование искусственного интеллекта в различных сферах жизни требует четкого юридического определения, которое в настоящее время отсутствует в российском законодательстве[2]. Так, например, в Москве используется система умного видеонаблюдения; с ее помощью полицейские раскрывать около 70 % преступлений. Если взять статистику за 2019 год, то с помощью камер было найдено 4240 человек, которые совершили правонарушения.Отметим, что в 2020 году в период с февраля по март 2020 года система распознавания лиц в Москве во время пандемии помогла найти около 200 нарушителей карантина и режима самоизоляции.

Если взять пример зарубежных стран, то, например, в ходе антикоррупционного расследования в отношении компании Rolls-Royce Holdings PLC с помощью искусственного интеллекта, было изучено 30 млн документов в

[1]Лессиг Л. Искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов / Л. Лессиг // Закон. 2019. № 5. С. 17

[2]Корчаго Е. В. Процедура примирения сторон в уголовном процессе: место и роль искусственного интеллекта / Е. В. Корчаго // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2021. № 3. С. 180—182.

течении пяти дней. Каждый день робот просматривал по 600 тыс. файлов. В итоге, Rolls-Royce выплатила компенсацию в размере 497,25 млн фунтов стерлингов.

В Нидерландах правоохранительные органы с помощью нейросети классифицируют дела; тем самым, они помогают готовить материалы для расследования. С помощью ИИ анализируется информация и определяется сложность дела. Благодаря этому, анализ и поиск материалов занимает несколько дней. Также, следует отметить, что ИИ, связанные с базой данной ДНК страны. Данная нейросеть изучила более 1,5 тыс. уголовных дел.

Необходимо определить, что ИИ, в данном аспекте, не стоит относить к последовательности приемов и средств, которыми пользуется правонарушитель. Он может осознанно выбирать определенные методы и орудия с сходными признаками, которые включают в себя лучшие достижения науки и техники за последние годы. Подобный способ можно по праву считать высокотехнологичным, который означает, что в процессе совершения преступления преступник использует сложные схемы для исполнения правонарушений в сфере электронных систем и программного обеспечения.

Стоит отметить, что подобные способы совершения преступления неминуемо повышают общественную опасность, так как преступник дистанционно получает возможность, к примеру, украсть денежные средства в абсолютно разных размерах, при этом очень сложно привлечь к уголовной ответственности такого преступника относительно преступника, который совершил подобное преступление «традиционным» способом.

Отсутствие четкого определения искусственного интеллекта создает трудности в решении юридических вопросов, таких как правоспособность искусственного интеллекта, ответственность за ущерб, причиненный в результате его использования, технические регламенты его эксплуатации и другие.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в России основано на принципах экспериментального внедрения, что должно позволить своевременно и эффективно внедрять разработки без чрезмерных административных процедур и без необходимости полного пересмотра действующего законодательства[1].

Ожидается, что экспериментальный режим поможет понять, есть ли необходимость в корректировке существующей концепции искусственного интеллекта.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в России направлено на создание условий для развития внутреннего рынка при сохранении контроля за эффективностью его использования. Однако отсутствие четкого

[1]Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография. Киров : Вятский государственный университет, 2020. 111 с.

юридического определения искусственного интеллекта создает трудности в решении правовых вопросов, связанных с его использованием. Ожидается, что экспериментальный режим правового регулирования поможет прояснить эти вопросы.

Таким образом, можно заключить, что с момента появления искусственного интеллекта многие понимали, что эти технологии могут быть использованы в противоправных целях, и сейчас, когда правонарушения, связанные с искусственным интеллектом, стали реализовываться на практике, стоит вопрос об усовершенствовании уголовного законодательства.

В настоящее время под искусственным интеллектом понимается, комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и обеспечивающих результаты, сопоставимые с интеллектуальной деятельностью человека при выполнении конкретных задач. Правовое регулирование искусственного интеллекта в России направлено на создание условий для развития внутреннего рынка при сохранении контроля за эффективностью его использования. В настоящее время из-за отсутствия четкого юридического определения искусственного интеллекта создаются трудности в решении правовых вопросов, связанных с его использованием. Ожидается, что экспериментальный режим правового регулирования поможет прояснить эти вопросы.

Также, ИИ используется в уголовном судопроизводстве, но в качестве сборщика и анализатора информации, выполняя базовые юридические действия, о полном внедрении его, например, при вынесении приговоров на данный момент речи не может идти, ввиду того, что ИИ не может оценивать субъективные стороны совершения преступления, так как не понимает природы человека.

Научная статья
УДК 343.24

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Валерия Сергеевна ЧЕКАШКИНА
ФГБОУ ВО МГПУ им. М. Е. Евсевьева. г. Саранск, Российская Федерация, lera24072004@mail.ru

Научный руководитель: ФГБОУ ВО МГПУ им. М. Е. Евсевьева Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент кафедры права и философии **Максим Александрович КАПАЕВ**, kapaev11@mail.ru

Аннотация. Тема статьи связана с исправительными работами — одним из тех наказаний, которые сегодня рассматриваются как реальная альтернатива тюремному заключению. Смысл этой меры в том, что осужденный продолжает трудиться, но уже с условием, что часть его заработка уходит в доход государства. В работе подробно разбирается, на каких основаниях назначается такое наказание и при каких условиях оно исполняется. Чтобы было понятнее, как это работает на практике, автор обращается к примерам из реальных судебных дел — они хорошо показывают, где проходят границы применения санкций и какие нестыковки встречаются в действующем законодательстве. Отдельно затронут вопрос ограничений: закон четко прописывает, кто не может быть отправлен на принудительные работы. Однако тут же возникает сомнение — насколько эти запреты оправданы? В подтверждение приводится конкретное дело, которое заставляет взглянуть на этот момент критически. Кроме того, в статье поднимаются сложности, с которыми сталкиваются суды и инспекции, назначая такие работы как альтернативу колонии, и предлагаются возможные пути, как эти сложности можно было бы сгладить или решить.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительные центры, уголовное право, преступление, альтернативные наказания

Принудительные работы вид санкций накладываемых вместо заключения в тюрьму. Такие меры возможны, если человек совершил преступление небольшой или средней тяжести. Также предусматривается данная санкция за совершение тяжкого преступления впервые.

Например, дело Сергунина Н. И., которое рассматривалось в 2020 году. Гражданин Сергунин был обвинен судом Ульяновской области в том, что нанес на автомобильном средстве тяжкий вред пешеходу. Изначально суд хотел назначить наказание в виде лишения свободы. В ходе разбирательства суд убедился в том, что гражданин готов исправиться, поэтому мера наказания была изменена на принудительные работы на срок 3 года с удержанием из заработной платы осуждённого в доход государства 10 процентов.

Данные меры законодательно закреплены в уголовном и трудовом кодексах. Осужденный не вправе выбирать вид и место работы, а также требовать за это выплаты заработной платы. Есть определённые особенности принудительных работ как меры наказания:

в случае, если суд рассматривает дело в пользу лишения свободы, но в процессе хода заседания суд пересмотрит свое решение в пользу того, что подсудимый может исправиться без привлечения к заключению, то ему в таком случае назначают в соответствии со статьей 53.1 уголовного кодекса, принудительные работы;

альтернатива в виде принудительных работ не может быть назначена, если срок наказания подсудимого составляет более 5 лет;

наказание назначается уголовно-исполнительными органами;

вынесенное решение характеризует веру судей в то, что человек может исправиться, без привлечения к заключению[1].

Из выделенных особенностей вытекает главная проблема принудительных наказаний, которая вытекает из противоречия того, что суд вместо одной санкции выбирает другое, противоречащая принципам статьи 60 уголовного кодекса. Суть принципа: что более строгая санкция за преступление назначается только в случае, если менее строгая санкция не может полностью способствовать изменению правонарушителя. В случае с исправительными работами, данный принцип начитает работать в обратное сторону, что выступает противоречием.

После приговора правонарушители отбывают наказание в исправительных центрах, представляющие собой ограниченную территорию, где с осужденным заключается трудовой договор. Когда за свой труд гражданин получал материальное вознаграждение, то производилось автоматическое удержание денежных средств в пользу правительства, т.е. заработная плата шла именно в казну того субъекта, на территории которого находился исправительный центр. Удержание происходило 5 % — 20 % от заработной платы. В стенах центра от осужденных требуют особых обязательств:

следовать постулатам внутри организации;

осуществлять принудительные работы в тех местах, куда назначили соответствующие органы;

круглосуточно находиться на территории исправительного центра. Выход на время возможен с разрешения соответствующих органов;

совершать действия, направленные на благоустройство территории центра в пределах 2 часов в неделю;

осуждённые не могут хранить/держать у себя в комнатах те вещи, которые закреплены законодательством. К таким вещам относятся различного рода вещества, колюще-режущие и остроконечные предметы, документы, предметы фото-видео фиксации, игральные карты;

не должны препятствовать досмотру своих вещей.

В случае, если в месте пребывания индивида нет исправительных центров, то он определяется в ближайший субъект, где этот центр находится. Кроме обязательств, есть небольшие привилегии, направленные на «скрашивание» жизни приговорённых. Так, если лица вели себя по советующим правилам, не нарушали внутреннего строя, то им разрешается на терри-тории проживать с семьёй. Также осужденные могут получить соответствующее образование за счёт исправительного центра.

---

[1] Тасаков С. В. Принудительные работы как альтернатива лишению свободы в уголовном законодательстве Российской Федерации / С. В. Тасаков. Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 1. С. 129—131.

В случаях, когда лица намеренно уклоняются от выполнения работ, проявляют деструктивное поведение, то вид наказания меняется на заключение. Один день принудительных работ приравнивается к одному дню тюремного заключения. В случае уклонения от исправительных дней, назначаются принудительные, либо наказание в виде лишения свободы. Один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ[1].

В качестве деструктивного поведения понимаются: различного рода употребления, мелкое хулиганство, изготовление/попытка изготовления незаконных вещей, организация бунта, самостоятельное оставление территории исправительного центра без согласия с управляющим.

Также следуя статье 80.1 уголовного кодекса, субъектам может быть заменена часть срока принудительными работами. Это зависит от степени преступления и самого периода пребывания в заключении. Если человек отбывает наказание за преступление средней тяжести, то исправительные работы могут быть назначены при отбывании 1/4 срока, в случае с особого тяжкого преступления 2/3 срока.

Например, дело Моисеева О. В. 2018 года. Гражданину Ульяновским судом была назначена мера наказания в виде лишения свободы сроком на 8 лет и заключением в колонии строгого режима. В 2023 году Моисеев обратился в Апелляционный суд с просьбой смягчения наказания. 16 февраля суд удовлетворил требования гражданина, назначив ему вместо не отбытой части наказания принудительные работы сроком 3 года.

Существует категория лиц, которым не могут быть назначены принудительные работы: несовершеннолетние, инвалиды, беременные женщины, женщины/мужчины с малолетними детьми, военнослужащие. В 2023 году были внесены поправки, которые теперь включают лиц полностью неспособных к трудовой деятельности и лица, достигших возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством РФ.

Именно дело В. Н. Егорова повлияло на внесение поправок в законодательный процесс. Заключенный был приговорен к 10 годам лишения свободы, часть из которых он хотел попросить заменить принудительными работами. Суд вынужден был отказать в смягчении обстоятельств, т. к. достиг 60-летнего пенсионного возраста. В таком случае, не смотря на прилежное поведение, соблюдение всех внутренних правил колоний, гражданину все равно было отказано в силу возраста.

[1] Карчаева К. А. Актуальные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 4. С. 87—91.

Егоров заявил, что возраст никак не влияет на его трудоспособность и это не помешает ему осуществлять принудительные работы, но суд все равно отказал. Тогда субъект обратился в Конституционный Суд, который указал, что нельзя отказать в смягчении обстоятельств только из-за возраста, при условии отсутствия иных вариантов смягчения наказания. Рассматриваемое дело прямо указывает на пробел в существующем уголовном кодексе и проблему в определении условий для смягчения мер отбываемого наказания.

Одной из проблем данной меры наказания является то, что не каждый работодатель готов взять на работу лиц, практически приговоренных к лишению свободы. Чтобы решить этот вопрос, некоторые субъекты РФ специально приняли ряд актов, предусматривающих льготы работодателям, которые приняли на работу осужденных. Например, пониженная ставка по налогу на прибыль предусмотрена для таких организаций в Томской и Мурманской областях[1].

Поэтому, для дальнейшего развития института исправительных работ как альтернативы, ввести в налоговый кодекс пониженной налоговой ставки в учреждениях, дающим работу осужденным. Помимо принимающих на работу ассоциаций, предоставить льготы для тех территорий, где располагаются исправительные центры, не более 13,5 %, а также распространить подобную практику повсеместно.

Также, в целях повышения результативности принудительных работ, необходимо включить в места проживания осужденных раздельные территории, в зависимости от характера преступления. Площадь будет поделена на тех, кто совершил преступление впервые и тех, кто уже был ранее осужден, чтобы снизить характер негативного влияния со стороны лиц, не впервые привлеченных к преступлению.

[1] Серегина Е. В. Принудительные работы: проблемы законодательной регламентации и возможные пути совершенствования / Е. В. Серегина, О. В. Слепченко. // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 130—135.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА И НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Анастасия Александровна ЩЕГЛОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия
Shcheglovanastay@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно–исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ,** sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические проблемы квалификации деяний, связанных с нарушением конституционных прав граждан, а именно — разграничение составов преступлений, предусмотренных статьей 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни) и статьей 139 (нарушение неприкосновенности жилища) Уголовного кодекса Российской Федерации при использовании технических средств. Дается анализ доктринальных позиций и судебной практики по этой теме.

Ключевые слова: Конституционные права граждан, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, уголовно-правовая квалификация, технические средства

В рамках исследования вопросов разграничения составов преступлений, посягающих на неприкосновенность частной жизни, особую сложность представляет конкуренция уголовно-правовых норм. В соответствии с частью 2 статьи 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) принцип справедливости толкуется как невозможность лица нести уголовную ответственность за одно и то же преступление. В связи с этим, необходимость правильного уяснения законодательных норм правоприменителем и единообразность подходов при квалификации деяний является не просто теоретической задачей, а условием соблюдения принципа справедливости.

Конституция Российской Федерации в ст. 23 гарантирует каждому гражданину право на неприкосновенность частной жизни, ст. 25 охраняет неприкосновенность жилища. В свою очередь, во исполнение выше указанных норм, Уголовный кодекс Российской Федерации обеспечивает защиту

этих прав посредством установления ответственности по ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) и ст. 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища). Однако, нельзя не заметить, что на практике различия между этими составами не всегда очевидны, и именно это делает правоприменительную практику такой неоднородной.

Вопрос разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 137 и 139 УК РФ приобретает особую актуальность в условиях стремительного развития технических средств сбора информации. Долгое время ключевым признаком отграничения данных преступлений выступало физическое проникновение в жилище. Считалось, что объективная сторона ст. 139 выражается именно во вторжении в жилище вне зависимости от способа проникновения, против воли проживающих в нем лиц и при отсутствии на то правовых оснований. Тем не менее, появление и активное развитие технологий позволило преступникам применять иные способы вторжения в жилище, без физического проникновения в него. Эти тенденции нашли свое законодательное подтверждение в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда № 46), которое разъяснило, что незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, путем установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения)[1]. С одной стороны, это толкование расширило возможности правовой защиты, но в то же время создало коллизию — процесс собирания сведений о частной жизни лица также может включать в себя применение технических средств, что размывает границы между статьей 137 УК РФ и статьей 139 УК РФ. Хотя Верховный Суд в подобных случаях однозначно указывает на нарушение права на неприкосновенность жилища, на практике создается ситуация, когда ввиду особенностей объективной стороны деяния это становиться невозможным. Не исключены и случаи, когда такие действия фактически одновременно являются незаконным вторжением в частную жизнь лица и нарушением права на неприкосновенность жилища.

Не существует единого мнения и в доктрине. Так, анализируя труды теоретиков уголовного права, можно обозначить три позиции, преобладающие в литературе относительно данного вопроса. Первый подход, предполагает применение статьи 139 только в тех случаях, когда технические

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.218 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) п. 12 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

средства физически размещаются внутри жилища (монтируются в нем). Если же наблюдение ведется дистанционно, например, камера устанавливается снаружи, то такие действия не охватываются объективной стороной статьи 139 и должны квалифицироваться по статье 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (как сбор сведений о частной жизни лица).

Второй подход, напротив, исходит из буквального толкования Постановления Пленума Верховного суда № 46. С этой позиции, если технические средства позволяют осуществить визуальный или аудиальный контроль за происходящим в жилище, такое вторжение приравнивается к проникновению, даже если лицо физически не входило в помещение. В таком случае, как отмечают авторы, должна применяться именно статья 139, так как посягательство осуществляется непосредственно на неприкосновенность жилища. Например, А. Е. Чечетин прямо пишет о том, что любое наблюдение за человеком в его жилище (визуальное, слуховое, с применением технических средств) следует расценивать как проникновение в него[1]. С ним также соглашаются в своих трудах А. Н. Красиков[2], В. А. Новиков[3], А. В. Серебренникова[4] и многие другие теоретики, что придаёт этому подходу значимость не только в научных кругах, но и среди практиков, ориентирующихся в своей деятельности на литературу по данной теме.

Существует и третья позиция, которая обосновывает возможность реальной совокупности этих двух составов. Она имеет место, когда лицо сначала физически проникает в жилище, а затем, уже находясь внутри, устанавливает технические средства для последующего сбора информации о частной жизни потерпевшего. В таких случаях, как отмечает Н.И. Пикуров, содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 139 и ст. 137 УК РФ[5]. Приведенный выше пример иллюстрирует, что на практике такая ситуация вполне реальна и решается благодаря тому, что деяние посягает сразу на две сферы общественных отношений, при этом проникновение выступает как самостоятельное оконченное преступление, а последующий сбор информации — как новое посягательство на иную охраняемую сферу. Но нельзя не согласиться, что распространение этого подхода на подобные ситуации без учета всех признаков состава преступления часто может приводить к

[1]Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности. Барнаул: Издательство Барнаульского юридического института МВД России, 2006.С. 106.

[2]Красиков А. Н. Уголовно – правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. С. 165.

[3]Новиков В. А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юридический мир. 2014. № 7. С. 21.

[4]Серебренникова А. В. Уголовно – правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. Москва: ЛексЭст, 2005.С 77.

[5]Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности. Москва: Юрайт, 2021. С. 90.

нарушению принципа non bis in idem — недопустимости двукратного привлечения к ответственности за одни и те же фактические обстоятельства[1].

Тем не менее, в случае, когда одно и то же деяние (например, установка камеры в жилище без физического проникновения) подпадает одновременно под признаки обоих составов, правоприменитель оказывается перед сложным выбором. Комплексность и сложность этой проблемы также подтверждает и судебная практика. Ранее (до разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда № 46) суды решали вопрос однозначно в пользу статьи 137 УК РФ, без вменения ст. 139 УК РФ (Приговор Судебного участка № 15 Свердловского округа г. Иркутск от 20 февраля 2017 года по делу № 1-1/2017; Постановление Лесосибирского городского суда Красноярского края от 9 октября 2017 г. № 1-271/2017). Однако, существуют и случаи, когда правоприменительная практика также расширяла границы, пределы понимания проникновения в жилище. Так, Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении жалобы гражданки И. Г. Черновой о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отметил, что даже такое оперативно-розыскное мероприятие, как наблюдение за жилищем не может осуществляться без судебного решения, так как в противном случае происходило бы нарушение неприкосновенности жилища[2]. Таким образом, до разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда № 46 сложилась парадоксальная ситуация: Конституционный суд в своей деятельности исходил из расширительного толкования неприкосновенности жилища, распространяя ее защиту и на случаи, когда применяются технические средства, тогда как суды общей юрисдикции при квалификации уголовно-наказуемых деяний придерживались узкого, то есть физического понимания проникновения, не рассматривая идею применения статьи 139 в подобных случаях. Принятое в последствии Постановление Пленума Верховного Суда № 46 имело своей целью преодоление данного противоречия, однако оно не смогло устранить все проблемы разграничения, что подтверждается дискуссией в доктрине и отсутствием единообразной практики по данной категории.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что существующая проблема разграничения статей 137 и 139 УК РФ не решается однозначно. Именно поэтому правоприменителям необходимо ориентироваться на фактические обстоятельства каждого отдельно взятого дела, учитывая все признаки состава преступления, включая характер используемых технических

[1]Курсаев А. В. Незаконное проникновение в жилище с применением технических или иных средств (статья 139 УК РФ) // Вестник УЮИ. 2022. № 4 (98). С.125.

[2]Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86–О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно–розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

средств, наличие или отсутствие факта проникновения, а также целеполагание виновного - было ли деяние направлено на сбор сведений о частной жизни лица или же на нарушение неприкосновенности жилища. Только так может быть обеспечена более надежная охрана конституционных прав граждан в сложившейся ситуации.

IX. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Научная статья
УДК 343.91.01

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ И ТЕНДЕНЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО МОШЕННИКА

Мария Юрьевна АЛФЁРОВА
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, Донецк, Россия
maralfeorova@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, **Максим Николаевич ПИГУЗОВ**, Piguzovmaxim@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных видов и тенденций формирования криминологического портрета мошенников, действующих в условиях цифровой экономики. Рассматриваются новые формы преступных схем, включая кибермошенничество, фишинг и социальные инженерии. Анализируются психологические характеристики преступников, мотивы их действий и методы противодействия. Особое внимание уделено роли технологий в выявлении и предупреждении преступлений, а также разработке профилактических мер.

Ключевые слова: криминологический портрет, современный мошенник, виды мошенничества, тенденции преступности, кибермошенничество, социальная инженерия, криминологический анализ, мотивы мошенника, криминальное поведение, цифровые преступления, финансовые аферы, преступные схемы

В современных условиях мошенничество становится одним из самых распространенных видов преступлений. Правоохранительными органами регистрируется свыше 300 тыс. деяний данного вида ежегодно (в 2022 г. —

335 631, в 2023 г. — 339 606, в 2024 г. — 343 085). При этом результаты социологических исследований показывают, что активность мошенников не только не снижается, но продолжает нарастать. Так, по данным исследований Аналитического центра НАФИ, 82 % опрошенных в октябре 2024 г. заявили, что за последние месяцы сталкивались с попытками мошенничества, тогда как в апреле 2024 г. эта доля составляла 58 %. Самыми распространенными видами мошенничества, согласно данным этого исследования, стали предложения в Интернете заработать на «инвестициях» (с ними сталкивались 55 % опрошенных), а также звонки от сотрудников «банка» или «правоохранительных органов» (54 % респондентов).

На фоне увеличения количества регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 159—1596 УК РФ, их раскрываемость остается невысокой (в 2022 г. — 21,5%, в 2023 г. — 20,5%, в 2024 г. — 21,3%), а число выявленных лиц, совершивших указанные деяния, и вовсе снижается (в 2022 г. — 44 296, в 2023 г. — 40 754, в 2024 г. — 38 743). Анализ статистических данных о социально-демографических и иных характеристиках этих лиц позволяет выявить некоторые типичные их особенности, учет которых может способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и раскрытию и расследованию мошенничества. Основу для анализа составили данные формы федерального статистического наблюдения № 2-ЕГС «Сведения о лицах, совершивших преступления» за 2022—2024 гг.

Результаты проведенного исследования показали, что большинство мошенников, как и преступников в целом, составляют мужчины. Вместе с тем удельный вес женщин среди лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 159–159.6 УК РФ, значительно превосходит данный показатель для «среднестатистического» российского преступника. Несмотря на снижение числа преступниц данного вида в последние два года (с 14 158 в 2022 г. до 12 923 в 2023 г., — 8,7 % и до 11 762 в 2024 г., — 9 %), женщины составляют почти треть всех выявленных мошенников (в 2022 г. — 32,0%, в 2023 г. — 31,7 %, в 2024 г. — 30,4 %). Для сравнения, в общем числе выявленных преступников удельный вес женщин почти вдвое меньше: в 2022 г. — 16,0 %, в 2023 г. — 16,2 %, в 2024 г. — 16,3 %.

Анализ последних лет выявляет тенденции в гендерном распределении мошенников. Если в 2015 году женское мошенничество было преимущественно бытовым, а мужское — коммерческим, то сегодня наблюдается иная картина. В преступлениях экономической направленности доля женщин в последние два года превышает 40 % (35,1 % в 2022 г., 42,3 % в 2023 г., 41,5 % в 2024 г.).

Возрастной состав мошенников также имеет свои особенности. Несмотря на то, что уголовная ответственность наступает с 16 лет, основную массу преступников составляют взрослые процент населения. Наибольший

процент (более половины) приходится на возрастную группу 30—49 лет (53,6 % в 2022 г., 53,8 % в 2023 г., 52,0 % в 2024 г.). Молодежь (18—29 лет) составляет около трети (32,0 %, 32,0 %, 34,0 % соответственно), причем в 2024 году отмечен значительный рост числа лиц от 18 до 24 лет (+10,5 % к 2023 г.). Лица старше 50 лет стабильно составляют около 12 % (12,8 %, 12,9 %, 12,3 %). Мошенничество редко совершается несовершеннолетними (около 1,5 %), однако в 2024 году их число выросло на 21,1 % по сравнению с предыдущим годом. В целом, возрастная структура мошенников близка к общей криминальной статистике, но доля лиц 18—29 лет среди мошенников несколько ниже, чем в среднем по всем преступлениям (29,2 % в 2022 г., 27,6 % в 2023 г., 26,6 % в 2024 г.).

Существуют заметные различия в поведенческих и социологических профилях интернет-мошенников и организованных сетевых преступных групп. Исследования, в частности работы Томаса Холта и Майкла МакГайра, демонстрируют, что в киберпространстве формирование криминальной личности происходит в рамках субкультурных сообществ, где доминирующими факторами являются навыки программирования, владение анонимными коммуникационными каналами и доступ к соответствующей инфраструктуре. В этом контексте традиционные возрастные и половые характеристики отходят на второй план: хотя среди них много молодых мужчин, встречаются и «разновозрастные» группы, объединяющие людей с техническим образованием и предпринимательским опытом, а также «инструментальные» группы, привлекающие узких специалистов. Именно поэтому некоторые интернет-мошенники демонстрируют высокий уровень профессионализма, действуя подобно полноценным организациям с четким распределением ролей, обязанностей и применением бизнес-стратегий в своей преступной деятельности.

Многочисленные исследования и отчеты профильных организаций выявляют современные изменения в криминологическом портрете мошенника. Прежде всего, отмечается «профессионализация» мошенничества: схемы становятся все более изощренными, активно используются IT-решения, аналитика и высокоуровневая социальная инженерия. Во-вторых, наблюдается «гибридизация»: мошенники комбинируют онлайн- и офлайн-инструменты, а также используют легальные бизнес-структуры для маскировки своей незаконной деятельности. В-третьих, портрет мошенника демонстрирует динамическую изменчивость: в периоды кризисов (экономических спадов, пандемий, политической нестабильности) количество мошенников возрастает, тогда как в стабильные времена увеличивается доля профессионалов, использующих долгосрочные сетевые схемы.

Анализ эмпирических данных российской криминологии подтверждает эти тенденции и добавляет региональные особенности. Согласно исследованиям российских авторов, криминологический портрет мошенника

характеризуется стабильными чертами: доминированием рационального мышления, четкой экономической мотивацией и высокой способностью адаптироваться к действиям правоохранительных органов. На постсоветском пространстве также наблюдается активное участие организованных преступных групп в финансовых пирамидах и инвестиционных махинациях. В таких схемах организатор часто позиционирует себя как «лицо, заслуживающее доверия», например, известный предприниматель или финансист, который использует законные инструменты для легализации своих преступных доходов. Эти данные получены в результате анализа судебных дел и экспертных исследований.

Ключевая проблема криминологии состоит в определении возможности конструирования унифицированного профайла мошенника, пригодного для целей превентивной деятельности и криминологического профайлинга. Современные эмпирические исследования свидетельствуют об отсутствии универсальной «маски» мошенника. Вместо этого, идентифицируется набор репертуаров характеристик и поведенческих индикаторов, которые в комплексе позволяют сформировать вероятностную оценку риска. К таким факторам относятся: доступ к ресурсам и наличие слабых внутренних контролей, сопутствующие финансовые или личные давления, а также наличие когнитивных искажений и рационализаций. Эти элементы конвергируют в повышенный риск мошенничества. Кроме того, вариативность профайла мошенника обусловлена спецификой индустрии, организационной культуры и технологического профиля. Например, страховое мошенничество зачастую инициируется агентами с ограниченным доступом к информации и недостаточной практикой надзора; банковское мошенничество — сотрудниками, имеющими доступ к платежным инструментам; кибермошенничество — технически компетентными лицами, зачастую молодого возраста и с выраженной групповой поддержкой.

Анализ психологических и поведенческих детерминантов также показал важность личностных характеристик. Исследования современной психо-криминологии указывают на связь мошеннического поведения с чертами типа «низкая толерантность к фрустрации», «нарушенная приверженность социальным нормам», повышенная склонность к риску и демонстративная ориентация на материальные ценности. Однако эти предикторы не детерминируют поведение — прежде всего они выступают факторами уязвимости: в контексте благоприятных возможностей и давления они повышают вероятность вовлечения в мошенничество[1]. Следовательно, превентивные меры должны учитывать и индивидуально-психологические

[1]Медведев Е. В. Социально-психологический портрет личности мошенника // Юридическая психология. 2022. №4. С. 16—18

аспекты — программы управления стрессом, финансового обучения и усиления профессиональной этики.

Криминологические исследования показывают, что рецидив в экономических преступлениях во многом связан с сохранением доступа к средствам и отсутствием возможностей для легального заработка. Реабилитация должна включать экономическую, психологическую и профессиональную реабилитацию с контролируемым выводом из статуса «риск» и поддержкой в переходе к легальной деятельности[1].

Наконец подводя итоги, дальнейшие научные исследования должны концентрироваться на трёх направлениях: углублённое изучение мотивационных профилей в условиях цифровой экономики, развитие интерпретируемых алгоритмов для скрининга риска и раннего предупреждения, эмпирическая оценка эффективности комплексных превентивных программ (сравнительные полевые исследования и рандомизированные контролируемые испытания). Только комплексный междисциплинарный подход — объединяющий криминологов, психологов, специалистов по информационной безопасности, экономистов и правоохранителей — позволит создать действенные механизмы противодействия современным формам мошенничества и надежно защитить общество от растущего ущерба.

Научная статья
УДК 343.9

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ПЕДОФИЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ, С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Даниил Антонович ГУРЕВИЧ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Gurevich17@inbox.ru

Научный руководитель: профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**

[1]Приговор № 1-315/2023 от 29 ноября 2023 г. по делу № 1-315/2023 / Кирово- Чепецкий-районный суд (Кировская область). – Режим доступа: https://sudact.ru/practice/po-moshennichestvu/ (дата обращения: 09.12.2025).

Аннотация. В статье рассматривается перспектива применения принудительной меры медицинского характера в отношении лиц страдающих педофильным расстройством, с учетом зарубежного опыта. В центре внимания Приказ министра здравоохранения Республики Казахстан, который регламентирует процедуру химической кастрации. Кроме того, проанализирована практика применения рассматриваемой процедуры в странах Европы. На основе сопоставления зарубежного опыта и результатов исследований, проведённых в Российской Федерации, автор обосновывает и выдвигает предложение о введении химической кастрации в качестве принудительной меры медицинского характера.

Ключевые слова: мера медицинского характера, педофильное расстройство, химическая кастрация

Анализ зарубежного опыта всегда представляет научный интерес в вопросах правоприменения. Особую значимость приобретает опыт стран СНГ, объединённых не только общим историческим прошлым, но и единой правовой базой, унаследованной от Советского Союза. Это создаёт прочную основу для изучения и применения успешных практик в различных сферах государственного управления и правового регулирования. Несмотря на общее прошлое, за прошедшие 34 года с момента распада СССР многие страны модернизировали свое национальное законодательство с учетом специфики. В настоящее время мы уже можем наблюдать отличия в правовых вопросах стран соседей.

Последнее время Республика Казахстан стабильно вводит новые положения в свое законодательство, в некоторых аспектах сильно отличаясь от, например, российского подхода. В то время, как в Российской Федерации законопроект о домашнем насилии отклонили, в Республике Казахстан в 2024 году приняли два закона: «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» и «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей».

Интересно проанализировать новеллу казахского законодательства, а именно: приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 1 октября 2025 года № 102 «О внесении изменений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 15 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-262/2020 «Об утверждении правил применения принудительной меры медицинского характера» (вступившего в силу 17 октября 2025 г.), который регламентирует применение к лицам, страдающим расстройством педофилии, совершившим преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, такой меры медицинского характера, как химическая кастрация. Данная мера медицинского характера будет применяться в отношении

лиц, осужденных к лишению свободы за совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, за шесть месяцев до освобождения[1].

В связи с чем, администрация учреждения не позднее чем за двенадцать месяцев до истечения срока отбывания наказания направляет материалы в суд для назначения судебно-психиатрической экспертизы для решения вопроса о наличии (отсутствии) у них психических отклонений и склонностей к сексуальному насилию.

Положения настоящего пункта не распространяются на осужденных, к которым по решению суда применяются принудительные меры медицинского характера в связи с выявленным у них психическим расстройством, не исключающим вменяемости».

Необходимо отметить, что педофилия, как болезнь, закреплена в международной классификации болезней (МКБ-10) код: F65 расстройства сексуального предпочтения, уже в МКБ-11 данный термин несколько изменяется — «педофильное расстройство» код: 6D32.

Данный термин раскрывается следующим образом: «Педофильное расстройство характеризуется устойчивым и выраженным определенным паттерном сексуального возбуждения, который проявляется стойкими сексуальными мыслями, фантазиями, побуждениями или действиями, с вовлечением детей до полового созревания. Кроме того, чтобы диагностировать данное расстройство, человек должен был совершать конкретные действия в соответствии с этими мыслями, фантазиями или побуждениями или испытывать существенный дистресс в связи с ними. Этот диагноз не применяется в отношении сексуальных действий, совершаемых детьми или подростками до или после полового созревания со своими сверстниками, которые близки по возрасту»[2].

При этом стоит отметить, что в данном определении указывается на категорию «дети до полового созревания», однако данный термин весьма расплывчатый, поскольку, даже не имея медицинского образования, можно с уверенностью заявлять о том, что половое созревание у каждого человека происходит в разное время. В подтверждение сказанного, мировое сообщество, так и не пришло к единому мнению о возрасте согласия в большинстве стран мира он установлен с 16 лет, однако в отдельных странах, например в Йемене, он установлен ниже с 9 лет. Клинический протокол диагностики и лечения педофилии, одобренный объединенной комиссией по качеству

1Приказ Министерства здравоохранения Республики Казахстан от 15.03.2025 102 «Об утверждении правил фармацевтической деятельности» [Электронный ресурс] // PharmReview.kz : фармацевтический информационный портал. URL:https://pharmreview.kz/images/document/2025/2025-102-prikaz.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

[2]Всемирная организация здравоохранения. Международная классификация болезней 11-го пересмотра (МКБ-11) [Электронный ресурс]. – URL: https://icd.who.int/browse/2025-01/mms/ru#517058174 (дата обращения: 17.10.2025).

медицинских услуг Министерства здравоохранения Республики Казахстан, который конкретизирует положения МКБ. А именно в рассматриваемом протоколе установлено, что диагноз педофилия правомочен в отношении пациентов старше 16 лет и на 5 лет старше ребенка, который является объектом его сексуального влечения[1]. Предложена следующая классификация на основе возрастного критерия:

младше 11 лет — педофильный тип;

от 11 до 14 лет — гебефильный тип;

обеих возрастных групп — педогебефильный тип.

В связи с изложенным, можно прийти к следующему выводу, установление диагноза педофилия возможна в отношении лиц в возрасте от 16 лет, испытывающих сексуальное влечение к детям и подросткам до 14 лет. Вместе с тем, неурегулированным остается вопрос возможно ли диагностировать педофильное расстройство у лица, испытывающего сексуальное влечения к подросткам 15 лет, поскольку данный возраст законодатель не относит к квалифицирующему признаку. При этом стоит отметить, что в Российской Федерации не дано легального определения педофилии или педофильного расстройства.

В ряде зарубежных государств применяют химическую кастрацию путем введения инъекций, подавляющих тестостерон с периодичностью в 3 месяца. Среди стран с подобной практикой — США, Индонезия, Южная Корея, Кыргызстан, однако есть и страны, которые используют оскапию (хирургическое удаление части репродуктивного органа), например, в Чешская Республика. В Германии, Израиле, Великобритании, подобная процедура носит добровольный характер.

Применение кастрации на практике может вызвать ряд этических вопросов. Говоря о перспективах внедрения такой меры медицинского характера в России, еще в 2008 году Анатолий Кучерена, глава комиссии Общественной палаты РФ по контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебно-правовой системы, не исключал рассмотрения такого вопроса законодателем[2].

При этом, если у законодателя возникнет инициатива на основе примеров зарубежного опыта внедрить кастрацию, как меру медицинского характера, стоит обобщить, что на данный момент времени существует два метода ее проведения оскопия и химическая кастрация. Говоря об оскопии, отметим, что данный метод представляется наименее гуманным, поскольку, как и в вопросе смертной казни, остается проблема возможности юридической

[1]Педиатрия. Клинический протокол РК (2024): Педиофилия [Электронный ресурс] // MedElement. – URL: https://diseases.medelement.com/disease/педофилия-кп-рк-2024/18381 (дата обращения: 17.10.2025).

[2]РИА Новости. В России предложили ввести химическую кастрацию для педофилов [Электронный ресурс] / РИА Новости. – 10.04.2008. – URL: https://ria.ru/20080410/104609331.html (дата обращения: 17.10.2025).

ошибки, если данная мера будет применена к незаконно привлеченному к уголовной ответственности? Применение такого метода приведет к нарушению конституционных принципов.

Вместе с тем, существует второй способ, химическая кастрация, суть которого была изложена ранее, стоит лишь отметить, что она применяется в двух формах: принудительной и добровольной, при последней лицу, отбывшему наказание и не излечившемуся, предлагается самостоятельно начать прием специальных средств для недопущения рецидива.

Например, в Германии процент повторного рецидива среди лиц, привлекаемых к ответственности за преступления против половой свободы и неприкосновенности, составляет 84 %, однако среди тех, кто добровольно прошел процедуру кастрации этот показатель существенно ниже, на уровне 3 %[1]. В то же время результатом исследований, проведенных в России Владимиром Файнзильбергом уровень рецидива из числа педофилов равен 99%[2]. Несомненно, столь высокий процент рецидива требует принятия конкретных мер.

В России с 2012 года существует процедура добровольной химической кастрации лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности[3], однако за все время существования данной процедуры, ни один осужденный не воспользовался данной мерой, возникает объективная необходимость перехода к принудительной форме применения данной меры уголовно-правового воздействия[4]. И все же введение такой меры нельзя будет назвать панацеей, поскольку сама проблема такого рода расстройства сексуальных предпочтений нередко связана не самим актом полового удовлетворения, а с психологическим аспектом. При этом стоит учитывать, что в науке существует позиция, согласно которой изнасилования совершаются ради демонстрации доминации, мести, получения чувства власти и лишь потом с целью сексуального удовлетворения и подобные действия не всегда имеют своей целью эякуляции преступника на месте преступления, нередко это иные действия сексуального характера с предметами или же просто насилие

---

[1]Российские педофилы отказываются от кастрации, а немецкие охотно соглашаются [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – 12.09.2017. – URL: https://www.mk.ru/social/2017/09/12/rossiyskie-pedofily-otkazyvayutsya-ot-kastracii-a-nemeckie-okhotno-soglashayutsya.html (дата обращения: 17.10.2025).

[2]Эффективность применения метода химической кастрации для предотвращения совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-primeneniya-metoda-himicheskoy-kastratsii-dlya-predotvrascheniya-soversheniya-seksualnogo-nasiliya-v-otnoshenii/viewer (дата обращения: 17.10.2025).

[3]Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершённые в отношении несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126735/ (дата обращения: 17.10.2025).

[4]РИА Новости. В Госдуме предложили ввести химическую кастрацию педофилов [Электронный ресурс] / РИА Новости. – 09.04.2012. – URL: https://ria.ru/20120409/621638474.html (дата обращения: 17.10.2025).

с сексуальным подтекстом[1]. Поэтому помимо применения процедуры кастрации необходимо также осуществлять качественное психиатрическое сопровождение лиц, совершивших подобные преступления.

Подводя итог проведенному исследованию, можно говорить о необходимости тщательного анализирования будущего опыта Республики Казахстан, на основе которого возможно будет рассматривать вопрос о принудительной химической кастрации в Российской Федерации, но в обязательном порядке как дополнительной медицинской меры наряду с стандартным психиатрическим лечением.

Научная статья
УДК 343.22

ЖЕРТВЫ ОНЛАЙН-МОШЕННИЧЕСТВА: ФАКТОРЫ РИСКА И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВИКТИМНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ВЬЕТНАМА

Данг Тхи Кам Ту
Московский ордена Почета университет МВД России
имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, tudtc1706@xmail.ru

Научный руководитель заместитель начальника кафедры криминологии Московского ордена Почета университет МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **Юлия Анатольевна СТРАУНИНГ**, sohmet07@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются факторы риска и механизмы формирования виктимности при онлайн-мошенничестве на примере Вьетнама. На основе анализа эмпирических данных выделены три группы факторов: психологические (эмоциональная нестабильность, подверженность манипуляции), поведенческие (рискованные паттерны онлайн-активности) и социальные (недостаток семейной поддержки). Теоретическое осмысление проведено в рамках теории рутинной деятельности. Обоснована необходимость перехода от модели «ответственного пользователя» к модели «безопасной среды» (security by design). Предложены направления совершенствования профилактики, включающие технологические барьеры и механизмы поддержки пострадавших.

[1]ЛитЛайф : электронная библиотека. – URL: https://litlife.club/books/26642/read?page=148 (дата обращения: 17.10.2025).

Ключевые слова: онлайн-мошенничество, виктимность, факторы риска, киберпреступность, цифровая трансформация, Вьетнам, теория рутинной деятельности, безопасная среда

Процесс цифровой трансформации во Вьетнаме, характеризующийся охватом интернет-аудитории свыше 70 млн человек (более 70 % населения)[1], сопровождается стремительным ростом киберпреступности. Согласно официальному отчёту Министерства информации и коммуникаций Вьетнама (2025), «в 2025 г. зарегистрировано 80 тыс. случаев онлайн-мошенничества, совокупный ущерб за пятилетний период достиг 40 000 млрд вьетнамских донгов, а темпы прироста количества преступлений за 2024—2025 гг. составили 70 %». Вьетнам занимает лидирующие позиции в АСЕАН по динамике роста киберпреступности, при этом каждый 220-й пользователь[2] смартфона становится жертвой мошеннических посягательств. Парадоксальность сложившейся ситуации заключается в том, что наиболее активные пользователи цифровых сервисов — лица в возрасте 18—35 лет[3] — одновременно являются и наиболее уязвимой группой населения. Данное обстоятельство указывает на наличие глубинных механизмов, определяющих виктимность различных социальных групп, которые не могут быть объяснены исключительно недостаточным уровнем цифровой грамотности. В этой связи исследование факторов риска и закономерностей формирования виктимности при онлайн-мошенничестве приобретает ключевое значение для разработки научно обоснованной системы профилактики.

Для понимания природы виктимности при онлайн-мошенничестве необходимо прежде всего выявить факторы, предопределяющие повышенную уязвимость индивидов. Анализ эмпирических данных позволяет выделить три основные группы факторов риска: психологические, поведенческие и социальные. Психологические факторы включают низкий уровень критического мышления, эмоциональную нестабильность, повышенную доверчивость, а также подверженность манипуляции через базовые эмоции — страх, жадность, любопытство и сострадание. Мошенники целенаправленно используют техники, активирующие систему быстрого, интуитивного мышления, что приводит к блокированию рациональной оценки ситуации.

[1]Вьетнам вскоре достигнет отметки в 100 миллионов интернет-пользователей [Электронный ресурс] // Vietnam.vn. 2024. URL: https://www.vietnam.vn/ru/viet-nam-se-som-can-moc-100-trieu-nguoi-dung-internet (дата обращения: 30.03.2026).

[2]После случая с обманом студентов на миллиарды донгов: увлекшись онлайн-развлечениями, молодые люди легко становятся «жертвами» [Электронный ресурс] // Vietnam.vn. 2025. 20 января. URL: https://www.vietnam.vn/ru/tu-vu-sinh-vien-bi-lua-dao-tien-ti-mai-me-luot-mang-giai-tri-gioi-tre-de-tro-thanh-con-moi (дата обращения: 31.03.2026).

[3]В 2023 году каждый вьетнамец потерял в среднем 18 миллионов донгов из-за онлайн-мошенничества [Электронный ресурс] // VietnamPlus. – 2023. – URL: https://ru.vietnamplus.vn/v-2023-godu-kazhdii-v-etnamets-poterjal-v-srednem-18-millionov-dongov-iz-za-onlain-moshennichestva-post66774.vnp (дата обращения: 30.03.2026).

Поведенческие факторы выражаются в рискованном онлайн-поведении: переходе по подозрительным ссылкам, разглашении конфиденциальных данных, отсутствии двухфакторной аутентификации. Регрессионный анализ, проведенный на основе данных о потерпевших, подтверждает доминирование поведенческих факторов над демографическими характеристиками – отношение шансов превышает 1,5. Социальные факторы проявляются в недостатке семейной и общественной поддержки, а также в подверженности влиянию сверстников через фейковые группы в социальных сетях, рекламирующие инвестиционные схемы. Взаимодействие указанных факторов создает комплексную систему рисков, в рамках которой каждый отдельный элемент усиливает действие других.

Социально-демографический анализ позволяет конкретизировать портрет типичной жертвы онлайн-мошенничества во Вьетнаме. Наиболее уязвимой возрастной группой являются лица от 18 до 35 лет. Гендерный анализ показывает, что женщины составляют около 90 % пострадавших[1], что объясняется не столько врожденными психологическими особенностями, сколько дифференциацией социальных ролей и моделей поведения. Женщины чаще выступают в роли управляющих семейными финансами, активнее участвуют в социальных сетях и онлайн-сообществах, что увеличивает их экспозицию к мошенническим схемам. При этом анализ выявляет феномен «парадокса самоуверенности»: лица в возрасте 18–35 лет, обладающие, как правило, более высоким уровнем цифровой грамотности, тем не менее демонстрируют повышенную виктимность вследствие субъективной убежденности в собственной неуязвимости перед мошенничеством. Данное обстоятельство указывает на то, что информированность сама по себе не является достаточным условием для формирования безопасного поведения.

Выявленные факторы риска и демографические закономерности находят объяснение в рамках теоретических моделей, описывающих механизмы формирования виктимности. Применительно к онлайн-мошенничеству наиболее релевантной является модель «рутинной деятельности» (routine activity theory), предложенная Л. Коэном и М. Фелсоном[2]. Как утверждают авторы, «преступление совершается при одновременном наличии трех элементов: мотивированного преступника, подходящей цели и отсутствия эффективного защитника». В контексте киберпространства специфика заключается в том, что фактор отсутствия защитника приобретает особое значение

[1] 90% nạn nhân bị lừa đảo trên không gian mạng là phụ nữ [Электронный ресурс] // PhunuVietnam.vn. 2024. – URL: https://phunuvietnam.vn/90-nan-nhan-bi-lua-dao-tren-khong-gian-mang-la-phu-nu-20240125094851163.htm (дата обращения: 30.03.2026).

[2]Проблемы противодействия киберпреступности : материалы II Международной научно-практической конференции (Москва, 26 апреля 2024 г.) / под общ. ред. О. Ю. Антонова, Э. Б. Хатова. М. : Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2024. 146 с. [Электронный ресурс] – URL: https://academy-skrf.ru/science/publishing/collection_of_forums/2024/Sbor_26.04.2024.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

в силу дистанционного характера взаимодействия и анонимности совершаемых действий. Кроме того, дистанционный способ совершения мошенничества, исключающий непосредственный физический контакт между преступником и жертвой, делает его исключением из разработанных виктимологией положений о потерпевшем от преступления. В силу этого обстоятельства жертвами кибермошенников могут становиться различные типы потенциальных потерпевших, независимо от их социального статуса, уровня образования или профессиональной принадлежности, что подтверждается случаями мошенничества в отношении лиц с высоким уровнем образования и социальным статусом.

Особую роль в современной структуре онлайн-мошенничества играет технологический фактор, а именно использование преступниками технологий искусственного интеллекта. Анализ материалов уголовных дел и сообщений средств массовой информации свидетельствует о том, что «мошенники активно применяют технологии deepfake для создания поддельных голосовых и видеосообщений, имитирующих голос и внешность родственников, руководителей или представителей государственных органов»[1]. AI-чатботы используются для автоматизации начального этапа коммуникации с потенциальными жертвами, что позволяет преступникам одновременно взаимодействовать с большим количеством лиц. Применение указанных технологий существенно повышает убедительность мошеннических схем и затрудняет их своевременное распознавание даже для лиц, обладающих базовыми знаниями о кибербезопасности. Таким образом, технологический фактор выступает в качестве мультипликатора рисков, усиливая действие психологических и поведенческих факторов уязвимости.

Организационная структура субъектов онлайн-мошенничества также заслуживает самостоятельного анализа, поскольку она определяет системный характер угрозы. Данные правоохранительных органов и результаты журналистских расследований указывают на то, что «преступные группы действуют по модели, аналогичной корпоративной структуре, с четким разделением функций»[2]. Выделяются следующие роли: лидеры, как правило, находящиеся за пределами Вьетнама, осуществляющие общее руководство и управление финансовыми потоками; технические специалисты, обеспечивающие создание фишинговых сайтов, поддельных аккаунтов и применение AI-технологий; сценаристы, разрабатывающие психологические сценарии обмана с учетом актуальной социальной повестки; операторы,

[1] Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Rogue replicants: Criminal exploitation of deepfakes in South East Asia [Электронный ресурс] // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. 2024. – URL: https://globalinitiative.net/analysis/deepfakes-ai-cyber-scam-south-east-asia-organized-crime/ (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Trong Van Nguyen. Cybercrime in Vietnam: An Analysis based on Routine Activity Theory // International Journal of Cyber Criminology. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 156—173.

непосредственно взаимодействующие с жертвами по отработанным скриптам[1]. Такая организация позволяет преступным группам быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, оперативно внедрять новые схемы и эффективно противодействовать правоохранительным мерам.

Проведенный анализ факторов риска, демографических характеристик, теоретических механизмов виктимности, технологических и организационных особенностей современного онлайн-мошенничества позволяет сформулировать направления совершенствования системы профилактики. Критический анализ существующих подходов показывает, что традиционные меры, направленные исключительно на повышение осведомленности населения, имеют ограниченную эффективность вследствие феномена «разрыва между знанием и действием»: наличие информации о рисках не гарантирует формирование безопасного поведения, особенно в ситуациях, требующих быстрого принятия решений под воздействием эмоционального давления.

В этой связи перспективным направлением представляется внедрение системных мер, основанных на принципе «безопасности по умолчанию» (security by design)[2]. Данный подход предполагает встраивание защитных механизмов непосредственно в интерфейсы банковских приложений, платежных систем и социальных сетей. К числу таких механизмов относятся: обязательные временные задержки при осуществлении подозрительных транзакций, позволяющие жертве выйти из состояния эмоционального давления и рационально оценить ситуацию; усиленные формы предупреждений, визуально и текстуально отличающиеся от стандартных уведомлений; системы автоматического выявления признаков мошеннических аккаунтов и предупреждения пользователей, взаимодействующих с ними. Эффективность указанных мер подтверждается опытом внедрения аналогичных решений в банковском секторе и на цифровых платформах ряда развитых стран.

Кроме того, необходимым элементом системы профилактики является создание механизмов поддержки пострадавших, ориентированных не только на возмещение материального ущерба, но и на преодоление психологических последствий виктимизации. Формирование системы, в рамках которой жертва воспринимается не как лицо, допустившее ошибку, а как объект, нуждающийся в защите и поддержке, способствует повышению уровня доверия к правоохранительным органам и готовности граждан сообщать о совершенных в отношении них преступлениях. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для совершенствования статистического учета и выработки адекватных мер реагирования.

---

[1]Вьетнам раскрыл крупную сеть мошенничества с криптовалютами [Электронный ресурс] // Binance Square. – 2024. – URL: https://www.binance.com/ru/square/post/14563249763681 (дата обращения: 30.03.2026).

[2]Система кибербезопасности Социалистической Республики Вьетнам [Электронный ресурс] // VK. – 2025. – URL: https://vk.com/@integral_cybersecurity-sistema-kiberbezopasnosti-socialisticheskoi-respubliki-vetna (дата обращения: 30.03.2026).

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что онлайн-мошенничество во Вьетнаме представляет собой сложное системное явление, обусловленное взаимодействием психологических, поведенческих, социальных и технологических факторов. Высокие темпы цифровизации, сопровождающиеся недостаточным уровнем готовности населения к безопасному использованию цифровых сервисов, создают благоприятную среду для деятельности организованных преступных групп. Эффективное противодействие данному виду преступности требует перехода от модели, ориентированной исключительно на просвещение потенциальных жертв, к системной модели, интегрирующей технологические барьеры, процессуальные гарантии и механизмы посткриминальной поддержки. Реализация указанного подхода позволит снизить уровень виктимизации населения и создать условия для устойчивого развития цифровой экономики Вьетнама.

Научная статья
УДК 343

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 245 УК РФ

Кристина Ивановна ДЕМЧЕНКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал),
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Россия, kristinadema2004@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Полина Викторовна ФЕДЫШИНА**, effo@yandex.ru

Аннотация. В современной криминологической науке и правоприменительной практике всё большее признание получает мнение о том, что эффективность успешного раскрытия, расследования и, главное, профилактики преступлений напрямую зависит от изучения личности лица, их совершившего. Сложность такого изучения обусловлена многообразием влияющих факторов: от общественно-исторических условий и социального окружения до индивидуально-психологических и даже биологических особенностей человека. Жестокое обращения обладают высокой латентностью и, следовательно, дискуссионными остаются вопросы о личности лица, совершаемое данное деяние.

Ключевые слова. Личность преступника, жесткое обращение, животные, несовершеннолетние преступники, профилактика преступлений

Особое место в деятельности правоприменителя для успешного раскрытия и расследования преступлением имеет место полное и всестороннее изучение личности лица, совершившего преступления. Сложность криминологического исследовании личности усложняется влиянием общественно-исторических факторов и социального окружения.

Существуют множество подходов к определению понятия «личности» преступника. Так, по мнению, Я. И. Гилинского — это лицо определённого пола, возраста, образования, социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств, имеющее относительно большую или меньшую вероятность оказаться среди совершивших те или иные преступления[1].

В то же время, Ю. М. Антонян считает, что личности преступника свойственны антисоциальные взгляды, негативное отношение к общепринятым ценностям и выбор преступного, общественно опасного пути для удовлетворения личных потребностей[2].

Другая группа исследователей отмечают, что личность преступника — это некая психологическая либо социальная модель, имеющая характерные признаки, среди которых выделяется негативное отношение к нравственным ценностям, избрание вредоносного для остальных членов общества пути достижения собственной выгоды и удовлетворения личных потребностей, пассивность при предотвращении преступления.[3]

Исходя из ранее приведенных мнений огромное влияние на личность преступника оказывает социальная среда, воспитание, индивидуально-психологические особенности, биологические характеристики.

Руководствуясь данными, публикуемыми органами МВД, биологические особенности личности, совершаемые жесткое обращение с животными, включают в себя: мужской пол совершает преступления чаще — 97 %. Многие исследователи отмечают, что женщины совершают данное преступление реже, поскольку у женского пола ярче выражено чувство сострадания и милосердия. Однако это не исключает возможность совершения женщиной данного преступления. Примером выступает пример, когда в 2017 году в СМИ освещался процесс над известными «хабаровскими живодерками», которые под предлогом покупки щенков бабушке, издевались над ними жестокими способами. Они избивали животных, расчленяли их, поили

[1]Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский // Юридический центр. 2017. С. 79

[2]Антонян Ю. М. и др. Криминология и административная юрисдикция полиции: учебное пособие. М., 2017. С. 281

[3]Абызов К. Р. и др. Криминология. Курс лекций. М., 2008. С. 58

неизвестными химическими веществами, вешали. Свои действия они транслировали в сети Интерне, но не показывали свои лица.

Статистические данные свидетельствуют, что наиболее часто такие преступления совершают в возрасте:

– 0,74 % от 14 до 17 лет;

– 7,69 % от 18 до 24 лет;

– 15,38 % от 25 до 29 лет;

– 56,33 % от 30 до 49 лет;

– 19,85 % от 50 лет и старше.

Таким образом, деяния, предусмотренные ст. 245 УК РФ, наиболее распространены среди лиц в возрасте от 30 до 49 лет.

Отметим, что относительно возраста личности преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ обсуждается вопрос снижения уголовной ответственности с 16 лет до 14 лет, поскольку в практике существуют множество случаев начала издевательств и причинения страданий животным с более раннего возраста. О. В. Саратова придерживается мнения, что возраст уголовной ответственности должен быть снижен до 14 лет, поскольку лицо в этом возрасте уже в состоянии осознавать общественную опасность своих действий[1]. Так как привлечение к уголовной ответственности невозможно до 18 лет, многие лица, зная невозможность привлечения их к уголовной ответственности, в дальнейшем совершают впоследствии тяжкие и особо тяжкие преступления в том числе в отношении животных.

Так, например, в Прионежском районе группа из трех мальчиков 12-ти лет заживо сжигали и разделывали на части бездомных котов.

Следующие особенности, необходимые для изучения, касаются профессиональной принадлежности лица. Данное преступление наиболее часто совершается:

– 61,98 % - трудоспособными лицами без постоянного источника дохода;

– 22,22 % - лицами, имеющими рабочие специальности;

– 8,89 % - нетрудоспособными.

Китаева В. Н. отмечает, что в целом безработные лица более склонны к совершению преступных действий в отношении животных. Данная характеристика позволяет сделать вывод о том, что отсутствие работы и соответственно свободное время, предполагаемая неудовлетворённость своим социальным положением позволяют лицу направлять свои силы на животных.

Анализ судебно-следственной практики позволил распределить образовательный уровень лиц, совершивших жестокое обращение с животными, следующим образом:

---

[1]Саратова О. В. Предупреждение преступлений, связанных с жестоким обращением с животными : дис. ... канд. юрид. наук. / О.В. Саратова // М., 2012. С. 37

– 46,1% имеют неполное среднее;
– 19,2% — законченное среднее;
– 21,1% — среднее специальное;
– 9,6% — среднее техническое;
– 3,8% — высшее.

Таким образом, полученные данные о возрасте свидетельствует о том, что уровень образования у лиц, совершающих данное преступление, ниже чем у многих граждан, а особенно наличие у них высшего образования.

Следующий критерий, позволяющий охарактеризовать личность, является нравственно-психологические особенности лица. Важно отметить, что отношение к животным формируется ещё с детского возраста, формируемое в семье. Интересным является, что жесткость по отношению к животным в детстве приводит к преступлениям по отношению к людям в зрелом возрасте. В теории криминологии есть так называемая «Триада Макдональда», которая одним из критериев «убийцы» в будущем выступает склонность к причинению боли животным.

Индивидуально-психологическое состояние лица определяются характером, интересам, склонностями. Лица, совершавшие деяние, предусмотренное ст. 245 УК РФ, чаще всего ведут асоциальный образ жизни, держаться на дистанции от общества. Кроме того, их интерес к видеоиграм, жестоким фильмам, информации из СМИ влияют на психологическое состояние данных лиц и вызывают интерес к страданиям и боли к животному. Исходя из выбора объекта посягательства, данные лица нерешительные, замкнутые, поскольку не выбирают жертву сильнее себя.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что эффективное предупреждение жесткого обращения с животными требует индивидуализированного подхода к каждой личности. Исходя из приведённых нами данных из статистики правоохранительных органов – это лица мужского пола с 30—49 лет, трудоспособные без официального места работы, без высшего образования, асоциальные, с плохим психологическим климатом в семье. Установленные санкции уголовно-правовым законом не охватывает всю общественную опасность данного деяния. Особый момент касается распространённости среди лиц, совершающих данное преступление, среди несовершеннолетних. Имеющая криминологическая характеристика может быть направлена на оптимизацию предупреждения и профилактику преступности.

Научная статья
УДК 343.9

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТ И СОВРЕМЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Дарья Александровна ДЕРГАЧЕВА
курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
dergacheva_0517@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. Криптовалюты с их анонимностью, децентрализацией и возможностью проведения мгновенных трансграничных операций стали инструментом для легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. Перед правоохранительными органами встала задача, заключающаяся в том, чтобы, не препятствуя технологическому прогрессу, выработать эффективные механизмы противодействию их преступному применению. Традиционные способы противодействия легализации преступных доходов зачастую оказываются неэффективными в условиях новых реалий, что создает риски для национальной безопасности Российской Федерации. Изучение проблематики противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, актуально не только для анализа и улучшения законодательной базы, но и для изучения практик других стран в данной области и возможного применения их опыта в России.

Ключевые слова: легализация (отмывание) доходов, криптовалюты, глобализация, цифровая трансформация, теневая экономика, блокчейн

Годом зарождения криптовалют принято считать 2009 г., когда лицо под псевдонимом Сатоси Накомото основало свою платежную систему Bitcoin. Она имела открытый исходный код, который был использован для создания разнообразных версий платежных систем. Главной причиной создания криптовалют были не столько стремление к личному обогащению или желание прославиться основателей, сколько стремление к созданию платежной

системы, которая гарантировала бы высокий уровень анонимности своих пользователей и создание альтернативы современной финансовой системе[1].

Криптовалюта представляет собой вид цифровых активов, который функционирует в рамках исключительно виртуальной экономики. Особенность этого вида электронных денег заключается в том, что их стоимость формируется исключительно на основе рыночных механизмов. Такие цифровые валюты не подлежат контролю со стороны каких-либо государственных органов, в том числе и Центрального Банка РФ. Это означает, что ни одна страна не может влиять на курс криптовалюты через традиционные финансовые инструменты, что делает ее децентрализованной.

Помимо децентрализации, то есть отсутствие единого регулирующего органа, к особенностям криптовалют относят их мобильность и доступность. Транзакция с использованием криптовалют могут осуществляться в любой точке мира с доступом к интернету. Еще одна особенность заключается в их способности обеспечить анонимность транзакций, что усложняет процесс идентификации участников финансовых операций.

Термин «обращение в законные доходы средств, заработанных незаконным путем» стал широко применяться в последние десятилетия XX века. Несмотря на обширные научные исследования до сих пор не сформировалось универсального определения «легализации доходов». По мнению К. Л. Карчмера легализация доходов представляет собой процедуру сокрытия источников незаконного обогащения, путем преобразования их в другие платежные инструменты. Этот механизм позволяет замаскировать реальное происхождение финансов и придать им законный статус[2].

Процесс легализации доходов, полученных преступным путем, представляет собой перевод денежных средств с одного кошелька по определенной сети — блокчейн[3] — на другой благодаря уникальному коду. Сегодня существует множество сетевых структур, но их механизм функционирования единый и заключается в том, что для осуществления перевода участнику сети требуется только оплатить необходимые для этого ресурсы. Для этого предусмотрены различные методы, например, каждая криптобиржа

[1]Дудин М. Н. Использование криптовалюты в незаконных целях: обеспечение финансово-экономической безопасности / М. Н. Дудин, Н. В. Лясников // Проблемы рыночной экономики. 2018. № 3. С. 16—23.

[2]Тимошкин Ю. А. Особенности устройства современной экономики, способствующие легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём и финансирования терроризма / Ю. А. Тимошкин // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S4. //[Электронный ресурс]: URL: https://esj.today/PDF/36FAVN423.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

[3]Блокчейн - от англ. Block – «блок, модуль» и chain – «цепочка») – децентрализованная система хранения и передачи информации. Данные шифруются и объединяются в блоки, а затем сохраняются на компьютерах множества пользователей сети.

является посредником в p2p[1] торговле, что означает торговля «на равных»[2]. Покупатель криптовалюты осуществляет перевод средств на свой банковский счет. Банк проверяет лишь факт зачисления или снятия средств с криптобиржи. В свете усиления централизации торговых площадок традиционные обменные пункты становятся более востребованными. Однако при использовании таких сервисов существует угроза возникновения вопросов о происхождении этих денег и личности, осуществившей перевод[3].

Процесс отмывания доходов включает в себя ряд различных методов. Одним из наиболее распространённых методов является инвестиция в объекты недвижимости. Этот способ привлекает внимание преступных группировок, поскольку позволяет им, используя средства, полученные преступным путем, приобретать недвижимость. После того как такая недвижимость переходит в руки преступников, они могут либо продать ее, либо начать сдавать в аренду, что позволяет придать незаконным доходам видимость легитимности. Преступные элементы не ограничиваются только недвижимостью. Они активно используют целый арсенал финансовых инструментов, среди которых акции, облигации и другие ценные бумаги.

Финансирование терроризма представляет собой процесс, которой охватывает огромное количество действий, начиная от сбора денежных средств и заканчивая их перемещением через разные каналы, что позволяет использовать эти средства в целях совершения террористических актов. Часто такой вид деятельности включает в себя сложные финансовые операции, которые направлены на уклонение от международного контроля.

Нормативно-правовая база по данному вопросу включает большое количество законов, подзаконных актов, международных конвенций и регулирующих органов, направленных на борьбу с этими преступлениями.

В Российской Федерации основным законодательным актом в этой сфере является Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ[4]. Этот закон защищает интересы и права граждан и государственных структур, реализуя законодательные механизмы, направленные борьбу с легализацией преступных доходов, а также с финансированием терроризма, экстремизма и поддержкой распространения оружия массового поражения. В документе четко

---

[1]p2p – от англ. Peer-to-peer – «равный к равному» – технология прямого воздействия между пользователями какого-либо сервиса без посредников. В p2p-сети каждый участник является одновременно и клиентом, и сервером, представляя часть своих ресурсов для сети.

[2]Крылов Г. О., Лоскутов И. Н. Криптовалюта — будущее без инфляции или новые проблемы ПОД/ФТ // Сборник материалов международной научнопрактической конференции сетевого Института в сфере ПОД/ФТ. М.: 2016. С. 144—156.

[3]Мчедлишвили Р. С. Роль криптовалюты в легализации доходов, полученных преступным путем / Р. С. Мчедлишвили, А. И. Аманлиев // Вестник евразийской науки. 2021. Т. 13, № 6. // [Электронный ресурс]: URL: https://esj.today/PDF/69ECVN621.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

[4]Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» // Собрание законодательства РФ. 2001. Ст. 3418.

определены границы его применения и задачи, возложенные на финансовые учреждения.

Еще одним важным законодательным актов является Уголовный кодекс РФ[1], в котором ст. 174 устанавливает ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, а ст. 205.1 — за финансирование терроризма.

Важно понимать все технические особенности блокчейн-систем и криптовалют, когда мы сталкиваемся с отсутствием четко прописанных правовых норм. В таких условиях важно выработать единые подходы к применению существующих норм права. Это касается ст. 174.1. УК РФ, которая устанавливает ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. В частности, когда в качестве расчетного инструмента выступают криптовалюты.

В результате проведенных надзорных мероприятий и анализа данных, полученных из Уральского управления Росфинмониторинга, а также на основе оперативно-розыскной работы сотрудник Управления по контролю за наркотиками ГУ МВД России по Свердловской области выявили нарушения. Прокуратура Свердловской области, руководствуясь п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, направила в ГУ МВД по региону информацию о противоправных действиях лиц А., С., Т., К., Б. и П. Согласно материалам, находящимся в деле оперативного учета, указанные лица проводили финансовые операции через банковские счета и интернет-сервисы, включая те, что работают с блокчейном и криптовалютой, в частности, биткоином. Общая сумма средств, подлежащих легализации, превосходит 15 миллионов рублей.

В качестве примера можно привести наркоторговца К., который, будучи членом преступной группировки, совершил 51 транзакцию на общую сумму 9 819 348 рублей по одному счету, еще 6 операций на 823 000 рублей по другому счету и 49 транзакций на 415 963 рубля через электронный кошелек Киви-банка. Затем он обналичил эти средства через банкоматы в Екатеринбурге. К моменту проведения проверок прокуратурой в материалах оперативного учета уже содержались сведения о финансовых расследованиях, подтверждающие поступление денег, полученных от наркобизнеса, включая те, что были конвертированы в криптовалюту. После анализа постановлений, вынесенных прокуратурой Свердловской области, ГУ МВД по региону приняло решения о начале уголовных процессов в отношении всех упомянутых лиц.

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. Ст. 2954.

Из-за отсутствия устоявшейся судебной практики в Свердловской области, суды до сих пор не вынесли обвинительных вердиктов по делам, связанным с преступлениями, упомянутыми в ст. 174.1 УК РФ[1].

Обратимся к опыту зарубежных стран в противодействии использованию криптовалют и современных финансовых технологий для легализации доходов, полученных преступным путем.

В последние годы в Китае активно применяется ряд мер, направленных на ограничение и контроль за определенными экономическими процессами. Одним из ярких примеров такой запретительной политики стал введенный в конце сентября 2017 года запрет на любые операции, связанные с криптовалютами. Помимо этого, китайские власти также обратили внимание на такие инновационные финансовые инструменты, как ICO, которые представляют собой процесс привлечения инвестиций путем продажи определенного количества новых единиц криптовалюты.

В Южной Корее наблюдается тенденция к ужесточению контроля за криптовалютными операциями. В частности, правительство Южной Кореи приняло решение о запрете торговли на национальных биржах для иностранных граждан. Этот шаг был предпринят с целью обеспечения прозрачности и безопасности финансовых операций внутри страны, а также для предотвращения возможных оттоков капитала и укрепления национальной экономики. Правительство страны заставило местных трейдеров открыть счета в банках и проводить основные операции через них[2]. К числу стран, которые ввели запретительную политику относятся: Исландия, Боливия, Киргизия, Эквадор и другие.

В Японии с 1 апреля 2018 года в соответствии с действующим законодательством о валютном регулировании, криптовалюта была официально признана законным платежным средством. Параллельно с этим, японские законодатели активно занимаются разработкой нового законопроекта, который будет направлен на установление четких правил налогообложения и учета транзакций, осуществляемых с использованием виртуальных валют.

Схожие процессы наблюдаются в США. Здесь также были внесены изменения в налоговое законодательство, касающиеся операций с цифровыми валютами. С 1 января 2018 года вступили в силу поправки к ст. 1031 (а) п. 1 Международного Налогового кодекса США, которые касаются учета и налогообложения доходов, полученных от операций с криптовалютами[3].

---

[1]Прокурор разъясняет «О легализации цифровых активов. Аппарат прокуратуры области» // [Электронный ресурс]: URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_66/activity/legaleducation/explain?item=62028053 (дата обращения: 22.03.2026).

[2]Гусева А. А. Возможные пути решения проблемы легализации денежных средств через криптовалюту / А. А. Гусева // Экономика. Право. Инновации. 2018. № 5(2). С. 36—45.

[3]Урусова Л. Х. Отмывание денег как мировая проблема при финансировании терроризма / Л. Х. Урусова, Н. А. Ковтун // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2(101). С. 142—149.

Учитывая специфику криптовалюты, а также существующую практику в борьбе с доходами, полученными преступным путем, Леонова Е. В. предлагает следующие рекомендации:

1. Создание и использование кластеров, при помощи которых будет возможно идентифицировать лиц, участвующих в претсуплении.

2. Проведение криминалистического анализа устройств подозреваемого, что позволит выявить криптовалютные адреса.

3. Создание единого реестра транзакций криптовалют, с помощью которого возможно осуществлять контроль за пользователями криптовалютными сервисами.

Также необходимо задействовать криптовалютные торговые площадки в процессе внедрения глобальных инициатив по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, и поддержкой терроризма. Для этого можно применить такие подходы, как исключение анонимных цифровых валют из оборота, внедрение аналитических инструментов и формирование ассоциаций, которые будут сотрудничать с национальными финансовыми органами надзора.

Подводя итог, хочется отметить, что вопросы, связанные с использованием криптовалют для отмывания доходов, полученных преступным путем, с учетом обострения геополитической обстановки становятся более актуальными и требуют особого внимания. Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы при противодействии преступлениям в сфере цифровых валют, является недостаточная разработанность законодательной базы в данной области. В Российской Федерации до сих пор не существует четкого определения понятия «криптовалюта», что создает неопределенность и затрудняет процесс регулирования. Отсутствуют четкие правила, которые бы регулировали деятельность операторов виртуального обмена. Также важным является отсутствие четкого механизма контроля за рисками, связанными с легализацией средств, полученных посредством криптовалют, что ставит под угрозу безопасность государства. Становится очевидной необходимость внесения изменений в существующие законодательные акты, а также введения новых механизмов государственного регулирования в сфере цифровых валют. Также важно уделить внимание совершенствованию программного и технического обеспечения контролирующих органов. Это включает в себя не только обновление существующих систем, но и внедрение новейших программных решений, которые позволят эффективно отслеживать операции с цифровыми валютами.

Научная статья
УДК 349.4

ЛАТЕНТНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА

Кирилл Павлович ЕЛИСЕЕВ
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Научный руководитель доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, к.ю.н., доцент, г. Санкт-Петербург, Россия **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, Tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема латентности экологической преступности как междисциплинарного феномена, требующего интеграции криминологических и правовых подходов. Анализируются методологические трудности выявления и оценки экологического вреда, включая кумулятивный характер последствий, специфику виктимности и недостатки существующих методик исчисления ущерба. На примере правоприменительной практики показаны процессуальные барьеры, препятствующие признанию потерпевшими населения, пострадавшего от экологических нарушений. Обосновывается необходимость совершенствования уголовно-процессуальных норм, внедрения систем объективного экологического мониторинга и разработки специальных методик оценки отдаленного вреда. Предлагаемые изменения направлены на снижение латентности и обеспечение реальной защиты прав граждан и окружающей среды.

Ключевые слова: латентность экологической преступности, экологическое право, криминология, оценка экологического вреда

Латентность экологической преступности представляет собой одну из наиболее сложных и системных проблем в сфере обеспечения экологической безопасности, находящуюся на пересечении криминологии и экологического права. Высокий уровень скрытых преступлений обусловлен уникальной природой экологического вреда, который характеризуется отдаленностью, кумулятивностью и коллективностью последствий. В отличие от традиционных уголовных деяний, где вред очевиден и непосредственен, экологические преступления действуют как «мины замедленного действия»: их последствия проявляются спустя годы или даже десятилетия, накапливаясь в экосистемах и организме человека. Это создает фундаментальные методологические трудности для их выявления, оценки и правовой квали-

фикации, требуя комплексного подхода, интегрирующего криминологические инструменты с доктриной экологического права.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2024 году в России зарегистрировали 13 598 экологических преступлений, что на 16,1 % меньше, чем за 2023 год. Количество зарегистрированных преступлений составило 16 211, что на 15 % меньше, чем в 2022 году (19 070), и на 33,5 % ниже показателя 2017 года (24 379). Число лиц, выявленных за совершение экологических преступлений, — 10 233, что на 12,1 % меньше, чем в 2022 году (11 640), и на 24,8 % ниже показателя 2017 года (13 616). Доля экологической преступности в общей структуре преступности составила 0,83%, а показатель ее раскрываемости — 56,1[1]. Однако приведенная статистика отражает лишь видимую часть криминальной реальности, тогда как латентный массив остается существенно большим.

Показательным примером, иллюстрирующим проблемы правоприменения, является дело о незаконной свалке грунта в Красносельском районе Санкт-Петербурга (2022)[2]. Три местных жителя были признаны виновными в нарушении правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ч. 1 ст. 247 УК[3] РФ). Соучастники не позднее 24 января 2022 года в нарушение требований федеральных законов «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об охране окружающей среды», «Об отходах производства и потребления» организовали незаконную свалку из грунта, в то время как участок земли предназначен для размещения объектов транспорта. Согласно заключению экспертов, пробы грунта относились к III, IV и V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду. Размер вреда в результате порчи почв составил более 16 млн 150 тыс. рублей. Приговором суда двум мужчинам назначено наказание в виде 8 и 9 месяцев лишения свободы условно с испытательными сроками 6 месяцев, а их соучастнику — 3 года 3 месяца лишения свободы с испытательным сроком 2 года 6 месяцев. Данное дело наглядно демонстрирует, что даже при значительном материальном ущербе и явной общественной опасности деяния, процессуальная конструкция оказывается ориентированной на точечный, а не системный характер ответственности.

Ключевой методологической проблемой, требующей совместного осмысления криминологией и экологическим правом, является специфика

---

[1] «Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года». Электронный ресурс. URL: https://academy-skrf.ru (дата обращения: 11.02.2026).

[2] В Санкт-Петербурге вынесен приговор по уголовному делу о нарушении правил обращения экологически опасных веществ и отходов - Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу. Электронный ресурс. URL: https://spb.sledcom.ru/news/item/1743371/ (дата обращения: 11.02.2026).

[3] «Уголовный кодекс Российской Федерации: УК : текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. Москва : Эксмо, 2017. 350 с.

виктимности в экологической сфере. Жертвами здесь выступают не только конкретные физические лица, но и население в целом, сама природа как первичный объект вреда, а в конечном счете — общество и государство. Природа, являясь непосредственной жертвой, «молчаливо» аккумулирует ущерб, что затрудняет своевременное обнаружение преступления. Население, проживающее на загрязненных территориях, зачастую не осознает себя жертвой, связывая ухудшение здоровья с иными факторами или воспринимая его как данность. Это явление, обозначаемое в криминологии как «латентная виктимность», блокирует механизмы правовой защиты, поскольку потерпевшие де-факто не включаются в уголовный процесс, что противоречит принципам экологического права, ориентированным на обеспечение благоприятной окружающей среды[1].

Серьезным препятствием выступает сложность установления причинно-следственной связи между действием (выброс, сброс) и наступившим вредом, особенно если он носит отдаленный или кумулятивный характер. Уголовно-процессуальное доказывание требует однозначности, в то время как медицина и экология оперируют вероятностными категориями и статистическим риском. Вред здоровью, такой как онкологическое заболевание, проявившееся через 15—20 лет, практически невозможно юридически достоверно связать с конкретным нарушением, что ведет к отказу в возбуждении дел или их прекращению. В этом проявляется разрыв между естественно-научным знанием о вреде и его юридической квалификацией, который может быть преодолен лишь путем адаптации правовых стандартов к специфике экологического вреда.

Другой методологический вызов связан с несовершенством инструментов оценки вреда. Действующие ведомственные методики расчета ущерба ориентированы преимущественно на оценку непосредственного, сиюминутного ущерба природным объектам (стоимость загрязненной воды, погибшей рыбы). Они плохо приспособлены для экономической квантификации отдаленного вреда здоровью населения, утраты биоразнообразия или деградации экосистемных услуг. В результате вред, причиненный тысячам людей, остается не оцененным и не возмещенным, тогда как ущерб природной среде может исчисляться миллиардами. С позиции экологического права такая ситуация означает неполноту реализации принципа «загрязнитель платит» и снижает превентивный потенциал правовых норм. Процессуальные барьеры усугубляют проблему латентности.

Нормы УПК[2] РФ о признании потерпевшим (ст. 42) не адаптированы под массовый и коллективный характер экологической виктимности.

---

[1] Омаршаев, Р. А. Типичные следственные ситуации в расследовании экологических преступлений / Р. А. Омаршаев. // Молодой ученый. 2023.№ 47 (494). С. 350-352.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) Электронный ресурс // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 42.

Следственные органы зачастую уклоняются от признания многочисленных жителей потерпевшими, ограничиваясь государством как абстрактным потерпевшим, что лишает конкретных людей процессуальных прав на защиту и компенсацию. Такая правоприменительная практика вступает в противоречие с конституционными гарантиями судебной защиты и экологическими правами граждан.

Преодоление обозначенных методологических проблем требует системных изменений, лежащих одновременно в плоскости криминологической теории, экологического права и уголовного процесса. Необходима разработка и законодательное закрепление специальных методик оценки отдаленного и кумулятивного экологического вреда, включая вред здоровью населения, с привлечением эпидемиологических и экосистемных подходов. Целесообразно внесение поправок в уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающих упрощенный порядок признания групп граждан потерпевшими по экологическим делам, что позволит преодолеть правовую безгласность населения, проживающего на неблагополучных территориях. Ключевое значение имеет развитие систем независимого непрерывного экологического мониторинга с использованием технологий дистанционного зондирования (спутники, датчики онлайн-контроля), что позволит объективно фиксировать нарушения в режиме реального времени, минуя зависимость от коррупционного сговора или человеческого фактора.

Только комплексный подход, направленный на совершенствование методологии оценки, доказательственного права и процедур, способен снизить латентность экологической преступности и обеспечить реальную защиту населения и окружающей среды, что составляет конечную цель как криминологических исследований, так и экологического правопорядка.

Научная статья
УДК 343.9

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Ксения Николаевна ЕСИПОВА
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
esipova.kseniy@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, Tatiana.V.V@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе ретроспективного и системного анализа научных источников, эмпирических данных судебной статистики и действующей нормативно-правовой базы исследуется комплекс причин и условий, детерминирующих преступность несовершеннолетних в современной России. Автором подробно рассматриваются социально-экономические, психологические, семейно-бытовые и средовые факторы риска, включая трансформацию института семьи, влияние асоциального окружения и экспансию цифровой среды. Отдельное внимание уделяется анализу личности несовершеннолетнего преступника, мотивационной сферы и механизма группового противоправного поведения. На основе критической оценки существующих профилактических мер обосновывается необходимость перехода от формально-отчетных методов к комплексной, межведомственной и индивидуально ориентированной системе предупреждения, сочетающей общие социальные меры с адресной работой с подростками группы риска и их семейным окружением.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, причины и условия, девиантное поведение, профилактика правонарушений, семья как институт социализации, цифровая среда, криминологическая детерминация, личность преступника, безнадзорность, межведомственное взаимодействие

Проблема преступности среди лиц, не достигших совершеннолетия, на протяжении многих десятилетий остается одной из наиболее острых и социально значимых в отечественной криминологии, поскольку именно подростковая преступность является не только индикатором общего состояния правопорядка в стране, но и прогностическим фактором будущей взрослой, в том числе рецидивной, преступности. Несмотря на принимаемые государством меры законодательного, организационного и воспитательного характера, масштабы и характер противоправного поведения несовершеннолетних продолжают вызывать обоснованную тревогу как у исследователей, так и у практических работников правоохранительной системы.

Переходя к анализу конкретных причин и условий преступности несовершеннолетних, необходимо подчеркнуть, что данное явление носит ярко выраженный социально-обусловленный характер. Иными словами, подростковая преступность коренится не в каких-то врожденных биологических дефектах или «генах преступности» (несмотря на отдельные маргинальные теории, эти взгляды не нашли подтверждения в серьезной науке), а в конкретных социальных условиях жизни общества, в противоречиях между личностью и социальной средой, в дефектах социализации на ранних этапах развития ребенка. При этом важно понимать, что причины и условия не являются статичными, они изменяются вместе с обществом.

Семья является первым и наиболее значимым институтом социализации, и ее роль в формировании личности ребенка трудно переоценить.

Именно в семье закладываются базовые ценности, нормы поведения, представления о добре и зле, справедливости и допустимости насилия. Именно в семье ребенок получает первый опыт межличностных отношений — отношений любви, уважения, доверия или, наоборот, унижения, пренебрежения, жестокости. Е. В. Демидова-Петрова совершенно справедливо характеризует институт семьи как «основу национальной безопасности», подчеркивая, что «здоровое, полноценное семейное воспитание является самым надежным и эффективным профилактическим средством. И наоборот, дисфункциональная, неблагополучная семья выступает мощнейшим криминогенным фактором»[1]. Эмпирические исследования, проводившиеся в разных регионах России на протяжении последних двух десятилетий, неуклонно показывают: подавляющее большинство несовершеннолетних правонарушителей (по разным данным, от 70 до 85 процентов) воспитывались в семьях с высоким уровнем конфликтности, в неполных семьях, в семьях, где родители злоупотребляли алкоголем или наркотиками, вели аморальный образ жизни, имели судимости, или же вообще не занимались воспитанием детей, предоставив их самим себе. В таких семьях, как правило, процветают пьянство, наркомания, проституция, систематические скандалы и драки, отсутствуют какие-либо нравственные устои, элементарная культура быта и межличностного общения.

Особую тревогу вызывает тот факт, что в неблагополучных семьях практически всегда процветает насилие — как между супругами, так и по отношению к детям. Физические наказания, побои, запирание в темных помещениях, лишение еды, систематические оскорбления и унижения — вот далеко не полный перечень тех форм жестокого обращения, с которыми сталкиваются дети в таких семьях. Статистика здесь выглядит поистине шокирующей, и даже эти неполные, официально зарегистрированные цифры заставляют задуматься о глубине проблемы. По данным исследователей, от произвола собственных родителей ежегодно страдает около двух миллионов детей в возрасте до четырнадцати лет. При этом каждый десятый из этих детей умирает — либо непосредственно от нанесенных побоев, либо от истощения, либо от заболеваний, вызванных ненадлежащим уходом. Около двух тысяч детей ежегодно кончают жизнь самоубийством, не выдерживая постоянных издевательств и унижений, не видя никакого просвета в будущем.

В современных условиях, однако, было бы совершенно недопустимо игнорировать один мощнейший фактор, которого не существовало или который существовал в зачаточном состоянии еще двадцать-тридцать лет назад. Речь идет о цифровой среде, интернете, социальных сетях,

[1]Демидова-Петрова Е. В. Институт семьи как основа национальной безопасности Российской Федерации / Е. В. Демидова-Петрова. Текст : непосредственный // Искусство правоведения. 2025. № 1. С. 91.

мессенджерах, онлайн-играх. За последние десять-пятнадцать лет интернет проник во все сферы жизни современного подростка. Средний подросток проводит в сети от четырех до восьми и более часов в день, и для многих из них виртуальная реальность становится более значимой, чем реальная. Ю. С. Жариков и соавторы в своем фундаментальном учебнике по криминологии убедительно показывают, что «цифровая среда существенным образом изменила не только формы и способы совершения традиционных преступлений (мошенничество, кражи, распространение наркотиков через закладки, организация проституции), но и породила совершенно новые виды противоправной деятельности, которые ранее просто не могли существовать. Кибербуллинг — травля и угрозы в интернете; склонение к суициду через закрытые группы смерти; распространение детской порнографии; вовлечение в экстремистские и террористические организации через соцсети; создание фейковых страниц для обмана и шантажа; организация опасных игр и квестов»[1]. Это далеко не полный перечень того, с чем столкнулись правоохранительные органы в последние годы. А. Ю. Решетников и О. Р. Афанасьева в своем учебном пособии выявили еще один крайне важный механизм: «интернет создает у многих подростков устойчивую иллюзию анонимности и безнаказанности. Сидя за экраном, под вымышленным именем, не видя живых глаз своей жертвы, подросток гораздо легче, чем в реальной жизни, решается на оскорбления, угрозы, распространение ложных сведений, кражу персональных данных и другие противоправные действия»[2]. Иллюзия анонимности снимает внутренние тормоза, ослабляет механизмы эмпатии и самоконтроля.

После детального анализа причин и условий, порождающих подростковую преступность, логично перейти к рассмотрению системы ее предупреждения, поскольку знание детерминант имеет смысл только в том случае, если оно позволяет выстроить эффективную профилактическую работу. Здесь с самого начала необходимо подчеркнуть: невозможно решить проблему преступности несовершеннолетних какими-то простыми, одноразовыми мерами. Нельзя ожидать, что ужесточение наказания, само по себе, без изменения социальной среды и системы воспитания, даст устойчивый положительный эффект. Нельзя полагаться только на школу, игнорируя семью, и нельзя надеяться только на полицию, игнорируя институты гражданского общества.

Характеризуя современную систему профилактики в России, нельзя ограничиваться только перечислением позитивных аспектов и теоретических рекомендаций. Необходимо честно и критически проанализировать те

[1]Жариков Ю. С. Криминология : в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник для вузов / Ю. С. Жариков, В. П. Ревин, В. Д. Малков, В. В. Ревина. 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2020. С. 126.

[2]Решетников А. Ю. Криминология : учебное пособие для вузов / А. Ю. Решетников, О. Р. Афанасьева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2019. С. 99.

серьезные проблемы, которые существуют на практике. С. М. Иншаков, известный специалист в области криминологии, прямо и жестко констатирует: «во многих регионах страны профилактическая работа носит формальный, бюрократический, отчетный характер»[1]. Это означает, что мероприятия проводятся, планы сдаются в вышестоящие инстанции, галочки ставятся, но реального положительного эффекта от этой деятельности, к сожалению, крайне мало. Почему так происходит? Причин несколько, и они носят системный характер. Во-первых, это хроническая перегруженность сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, инспекторов ПДН, социальных педагогов, психологов. На одного инспектора ПДН в среднем приходится от пяти до десяти и более тысяч несовершеннолетних, плюс десятки подростков, состоящих на учете, плюс десятки неблагополучных семей.

Подводя итог проведенному анализу, можно с уверенностью утверждать, что преступность несовершеннолетних представляет собой сложное, многомерное, системное явление, являющееся результатом совокупного действия множества тесно связанных между собой причин и условий. Попытки найти одну единственную «корневую» причину, будь то плохая семья, дурная компания или интернет, заведомо обречены на неудачу и контрпродуктивны. Всегда работает их совокупность, их синергия, когда эффект от совместного действия нескольких факторов многократно превышает простую сумму эффектов от каждого из них в отдельности. Именно поэтому профилактика также не может быть одномерной, узковедомственной или эпизодической. Она должна быть комплексной, системной, непрерывной, межведомственной и, что самое главное, нацеленной не на формальные отчеты, а на реальное снижение уровня преступности и, еще более важно, на предотвращение самого процесса криминализации личности. Необходимо не только и не столько оперативно реагировать на уже совершенные правонарушения, наказывая виновных (хотя и это, безусловно, важно), сколько работать на опережение, то есть активно выявлять и по возможности устранять или хотя бы минимизировать те факторы, которые толкают подростков на преступный путь.

[1]Иншаков С. М. Криминология : учебник / С. М. Иншаков. Москва : Юриспруденция, 2000. С. 331.

Научная статья
УДК 343.9

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК НОВАЯ ФОРМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Эльмина Ренатовна КАТЕРБУЛАТОВА
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, юридический факультет, Астрахань Россия
elminaak@mail.ru

Научный руководитель: доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права Астраханского государственного университета имена В. Н. Татищева, доцент, кандидат юридических наук **Галина Витальевна АРСЕНЬЕВА,** Galina.arsenjeva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается киберпреступность как новая форма девиантного поведения, появившаяся в результате глобальной цифровизации общества. Исследуются сущность, виды и классификация киберпреступлений, а также социальные, психологические и технологические детерминанты их возникновения. Проводится анализ современных тенденций в России и мире, включая транснациональные угрозы, автоматизацию преступлений с использованием искусственного интеллекта и рост кибератак на критическую инфраструктуру. Рассматриваются меры предупреждения преступлений, включая криминологические, правовые, технические и образовательные стратегии, а также международные инициативы по сотрудничеству в сфере цифровой безопасности. Работа опирается на отечественные и зарубежные исследования и предназначена для использования при разработке профилактических и криминологических стратегий.

Ключевые слова: киберпреступность; цифровая безопасность; девиантное поведение; преступления в интернет-среде; профилактика преступности; международное сотрудничество; цифровые технологии

Киберпреступность в условиях развития цифровых технологий постепенно превратилась в одно из наиболее значимых проявлений девиантного поведения в современном обществе, обусловив глубокие изменения в социальной структуре преступной активности и создав новые вызовы для криминологической теории и практики противодействия преступности в целом. Анализ современного состояния киберпространства показывает, что значительная часть преступной активности перекочевала из традиционной социальной среды в виртуальную информационную среду, где цифровые техно-

логии выступают не только инструментом, но и средой совершения преступлений, что требует переосмысления понятий, категорий и подходов, применяемых в отечественной криминологии для анализа девиантного поведения[1].

Появление и распространение киберпреступности обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами, среди которых можно выделить социально-экономические и технологические компоненты, а также факторы психологического характера. Социально-экономические условия, такие как неравномерное распределение доходов, безработица, снижения уровня и социальной защищенности и деформации традиционных институтов социализации, способствуют тому, что значительная часть молодых людей оказывается уязвимой перед соблазнами быстрого обогащения через незаконные способы получения материальных благ, в том числе через мошенничество в сети и хищение цифровых активов[2].

Технологическая сторона распространения киберпреступности заключается в доступности интернет-сервисов, широком распространении мобильных устройств и цифровых платформ, которые становятся объектами и инструментами преступной активности, а также в постоянном увеличении объема и разнообразия цифровых данных, доступных для атаки со стороны злоумышленников[3].

Изучение киберпреступности как феномена девиантного поведения требует четкого определения ее содержательной и структурной стороны, что позволяет выделить не только классические виды преступлений, но и новые формы противоправной активности, характерные для информационной среды. В отечественной литературе киберпреступность трактуется как противоправная деятельность, совершаемая с использованием информационно-коммуникационных технологий и направленная на причинение вреда физическим юридическим лицам, государственным структурам или обществу в целом. Важно отметить, что данное определение отражает не только объективную сторону преступлений, но и специфику субъекта, который действует в виртуальной среде, где анонимность, техническая сложность действий и отсутствие непосредственного физического контакта изменяют традиционные категории криминальной ответственности и социальной оценки деяний,

Классификация киберпреступлений, разработанная отечественными исследователями, включает несколько основных направлений. Первое направление охватывает преступления, связанные с финансовыми хищениями и мошенничеством в виртуальной среде, таких как фишинг, кража данных

---

[1]Коробеев А. И., Дремлюга Р. И., Кучина Я. О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Противодействие отдельным видам преступлений. 2019. Т. 13, № 3. С. 416—425.

[2]Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012.№ 24.С. 45—55.

[3]Шавалеев Б. Э. Классификация киберпреступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России.2022.

банковских карт, использование вредоносного программного обеспечения для несанкционированного доступа к счетам и денежным средствам граждан и организаций. Вторым направлением является преступления, связанные с созданием и распространением вредоносного программного обеспечения, включая вирусы, троянские программы и программы-шифровальщики, которые способны не только нарушать работу информационных систем, но и вымогать ценное цифровое имущество. Третье направление включает притупления, связанные с кибертерроризмом и кибершпионажем, представляющие угрозу национальной безопасности и функционированию стратегически важных инфраструктур. Четвертое направление сосредоточено на преступлениях против личности, таких как распространение интимных данных без согласия, кибербуллинг и интернет-травля, а также незаконный оборот персональных данных и пиратский цифровой контент[1].

Киберпреступность, рассматриваемая как форма девиантного поведения, обладает рядом специфических характеристик, отличающих ее от традиционных форм девиаций, описываемых классической криминологией. Одной из таких характеристик является технологическая анонимность, когда преступник получает возможность действовать без прямого контакта с жертвой и часто остаётся невидимым для традиционных механизмов правоохранительной идентификации[2]. Глобальность и трансграничность киберпреступлений создают дополнительные сложности для национальных правоохранительных органов, поскольку преступная активность легко пересекает государственные границы, что требует международного сотрудничества и синхронизации правовых норм. Динамичность изменений в цифровой среде приводит к тому, что новые типы угроз возникают быстрее, чем формируются правовые механизмы контроля и ответственности, что создаёт «правовые пустоты», используемые злоумышленниками в своих интересах[3].

Социальная и психологическая мотивация участников киберпреступности также имеет свои особенности. Помимо экономической выгоды, значительная часть деяний совершается под влиянием стремления продемонстрировать технические навыки, получить признание в субкультурах хакеров, а иногда и по политически мотивированным соображениям. Такое сочетание экономических, социальных и культурных мотивов делает киберпреступность синкретическим явлением, в котором традиционные категории девиантного поведения взаимодействуют с цифровыми технологиями, создавая новые стратегии преступного поведения.

---

[1]Баландин О. С., Ветрова Ю. В., Нерубенко А. С. и др. Киберпреступность в сфере информационных технологий как современная угроза // Управление образованием: теория и практика.2021. № 5 (45).

[2]Квятковский К. С. Преступления в сфере компьютерной информации, компьютерные преступления и киберпреступность: соотношение понятий // Юриспруденция. 2022.

[3]Кобец П. Н., Краснова К. А. Современные особенности, причины, условия и совершенствование мер противодействия киберпреступности // Уголовно-исполнительное право. 2024.

Причины и условия распространения киберпреступности включают комплекс социальных, технологических и правовых факторов. Социальные причины отражаются в изменении структуры занятости, снижении уровня социальной интеграции, а также в недостаточном воспитании цифровой этики и правосознания среди молодёжи, что создаёт благоприятные условия для формирования девиантных установок в отношении цифровых технологий. Технологические факторы заключаются в постоянном расширении цифрового пространства, увеличении количества уязвимых точек доступа к данным, распространении платформ, недостаточно защищённых от атак, и росте объёма личной информации, размещаемой в сети. Правовые факторы включают несовершенство национального законодательства, отсутствие единых стандартов уголовной ответственности за многие виды киберпреступлений, а также слабую международную координацию действий правоохранительных органов, что существенно усложняет процесс выявления, преследования и наказания злоумышленников. Криминологический анализ киберпреступности требует применения многоуровневых методов исследования, включая статистический, социально-психологический, технологический и сравнительно-правовой анализы. Статистический анализ направлен на выявление количественных закономерностей в совершении преступлений определённых видов, например, динамика роста мошенничества в сети или распространения шифровальщиков за последние годы. Социально-психологический анализ изучает мотивационные и ценностные установки участников, вовлечённых в цифровую преступную среду, что помогает выявить ключевые факторы девиантного поведения. Технологический анализ сосредоточен на способах совершения преступлений, уязвимостях программных продуктов и инфраструктуры, а сравнительно-правовой анализ позволяет сопоставить национальные и международные нормы, выявляя правовые пробелы и предлагая пути их устранения[1].

Эффективное противодействие киберпреступности требует комплексного подхода, включающего меры на государственном, корпоративном и индивидуальном уровнях. Государственное противодействие должно начинаться с совершенствования правового регулирования, включая уточнение и расширение уголовно-правовых норм, закреплённых в Уголовном кодексе Российской Федерации в главе 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», а также в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», что позволит более точно квалифицировать многие виды цифровых преступлений и усилить ответственность за них. Создание специализированных подразделений, таких как киберполиция и центры реагирования на инциденты информационной безопасности, а также развитие международного сотрудничества с правоохранительными и

[1]Левченко П. И. Киберпреступность как криминологическое явление в российском и международном праве // Ученые записки.2023.

экспертными сообществами, является важным элементом государственного уровня противодействия.

Корпоративный уровень противодействия киберпреступности предполагает принятие организационных и технических мер, направленных на повышение устойчивости информационных систем: установка современных средств защиты, регулярное обновление программного обеспечения, шифрование данных и проведение внутренних аудитов безопасности. Обучение сотрудников правилам информационной безопасности, повышению цифровой грамотности и навыков распознавания попыток социальной инженерии и фишинговых атак снижает риски утечек и хищений корпоративной информации[1]. Индивидуальный уровень безопасности требует от каждого пользователя интернета использования сложных паролей, включения многофакторной аутентификации, регулярного обновления программ и осознанного подхода к распространению личной информации в сети. Формирование цифровой этики и развитие навыков критического мышления в отношении интернет-контента способствуют снижению вероятности вовлечения в преступные схемы или стать жертвой мошенников[2].

Таким образом, киберпреступность, как особая форма девиантного поведения, требует комплексного изучения и системной интеграции мер профилактики и борьбы, которые должны сочетать правовое регулирование, техническую защиту и воспитание цифровой ответственности. Только гармонизация этих составляющих позволяет выстраивать эффективную систему защиты общества от цифровых угроз и укреплять правопорядок в условиях стремительно развивающегося информационного общества.

Научная статья
УДК 343.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ «СЕРИЙНОГО» ПРЕСТУПНИКА: ДЕФОРМАЦИЯ ПСИХИКИ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕСТУПНОЙ ЛИЧНОСТИ

Анастасия Сергеевна КЛИМОВА
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
klimova1696@mail.ru

Научный руководитель преподаватель кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и криминологии Саратовской государственной юриди-

[1]Чекунов И. Г. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности. Автореф. дисс. … канд. юр. наук.М., 2013.

[2]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. № 25. 17.06.1996. Ст. 2954.

ческой академии, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Викторовна ДОМНИНА**, ol-domni@yandex.ru

Аннотация. В исследовании понятие «серийных убийств», проанализированы факторы, способствующие развитию деформации психики преступника. Показывается значимость ритуалов в действиях маньяков. Продемонстрирована роль и значение психологического портрета правонарушителя в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: психологический портрет преступника, серийные убийства, серийная преступность, деформация психики, оперативно-розыскная деятельность

Серийная преступность представляет собой актуальную проблему современного общества: по состоянию на 2024 год в России зарегистрировано 14 лиц, совершивших 85 убийств. Латентность и системность преступных действий обусловливают затруднения в оперативно-следственной деятельности: скрытность проявлений снижает вероятность обнаружения; продуманность действий препятствует реконструкции событий и сбору доказательств; в результате возрастает потребление ресурсов и снижается эффективность стандартных методик расследования.

Анализ серийной преступности фиксирует потребность в междисциплинарном сотрудничестве. Интеграция психологии, криминологии и уголовного права расширяет инструментарий профилактики и повышает раскрываемость серийных преступлений: психология обеспечивает выявление когнитивных и мотивационных паттернов; криминология описывает методы совершения и сокрытия деяний; уголовное право формирует квалификацию преступлений; интеграция результатов дисциплин совершенствует организацию оперативно-розыскной деятельности.

Согласно концепции Е. В. Шаинской, серийные убийства характеризуются системным набором признаков: умышленное лишение жизни, осуществляемое одним лицом либо группой, при едином мотиве, механизме и способах в разные периоды времени[1], выражающихся в систематичности и протяженности противоправных деяний, планировании и подготовке преступлений, выделяющихся на фоне импульсивных актов; число жертв учитывается на основании выявления устойчивого «почерка» исполнителя, начиная со второго преступления.

Деформация психики и становление преступной личности обусловлены влиянием комплекса факторов, детерминирующих мотивацию преступлений: дети, подвергшиеся физическому насилию, демонстрируют

[1]Шаинская Е. В., Ушмаев Р. А. Подход к определению понятия «серийные убийства» // Аллея науки. 2024. Т. 1, № 4 (91). С. 668—673.

усвоение антисоциальных установок, формирование дисфункциональных привязанностей и нарушение развития эмпатии; сочетание телесной жестокости, агрессивных родительских паттернов, унижения, гиперконтроля и пониженной взрослой сензитивности способствует закреплению девиантных поведенческих стереотипов; усвоение агрессии в качестве доминирующего языка коммуникации формирует прочную связь между проявлениями жестокости и стремлением к самоутверждению; буллинг и социальная изоляция дестабилизируют процессы социализации, проявляющиеся в затруднениях установления и поддержания сверстнических контактов; выявляется избегание типичных для мальчиков форм агрессивности , регистрируемое сверстниками и являющееся основанием для жестокого обращения: унижающие клички, регулярное подвергание насилию, несмотря на явное физическое превосходство пострадавших; такая ситуация порождает ответную ожесточенность[1]. Часто обнаруживается сочетание тяжелой беременности и родов, физиологических отклонений, расстройств аутистического спектра или черепно-мозговых травм, стимулирующих формирование асоциальных паттернов. Наличие одного признака не детерминирует становление серийным убийцей; переход на данный путь требует совокупности факторов риска, сокращение которых снижает вероятность начала убийственной деятельности. Случай Владимира Винничевского иллюстрирует наличие нескольких перечисленных факторов: заикание и асимметрия лица, следствия генетического заболевания, обусловили формирование комплексов и социальную замкнутость, вызвавшие трудности в общении со сверстниками и повторное подвергание побоям

Классификация мотивов серийных преступлений базируется на фантазиях, сформированных в детском опыте: моделирование альтернативной реальности способствует самоутверждению при отсутствии моральных ограничений; выражение садистских и властных мотивов проявляется в стремлении к тотальному контролю над жертвой и удовольствию от причинения страданий, нарциссизм — в самоутверждении через демонстрацию превосходства над жертвой.

Ритуальные действия выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая снижение тревожности и поддержку психологической стабильности; воспроизведение эпизодов преступления обеспечивает контроль над ситуацией и подкрепление идентичности исполнителя; учет динамического стереотипа оправдан из-за устойчивой последовательности реакций на сходные раздражители, проявляемой каждым исполнителем при совершении преступления[2]. Стереотипность действий указывает на ригидность когнитив-

[1]Ким Д. В., Ключко А. В. Психологический портрет преступника: подходы и перспективы // Сибирский психологический журнал. 2004. № 19. С. 134—138.

[2]Каминский А. М. Профайлинг в деятельности по раскрытию серийных преступлений // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Казань, 2024. С. 84.

ных схем девиантной личности; повторение ритуалов способствует формированию паттернов, замкнутого круга и зависимости от повторяющихся действий; утрата субъективного контроля выражается в неспособности противостоять импульсам. Эскалация преступной активности обусловлена адаптацией к опыту: повышение степени жестокости и усложнение способов совершения преступлений; на начальных этапах наблюдается ситуативность деяний, обусловленная внешними обстоятельствами и эмоциональными всплесками; криминальный опыт формирует упорядоченную последовательность действий, проявляющуюся в спланированных актах с содержанием личностного значения.

При высокой преступной активности рационализация распределения ресурсов правоохранительных органов осуществляется за счет сужения круга подозреваемых, реализуемого посредством психологического портрета. Профайлинг, как метод анализа следственной информации, включает обстоятельства места и способа совершения деяния, а также характеристику жертвы; анализ этих данных выявляет поведенческие паттерны, уровень подготовки и пространственное поведение субъекта. Психиатр Александр Бухановский сформулировал профиль Андрея Чикатило: примерный возраст, отсутствие психозов и умственной отсталости, гетеросексуальная ориентация; мотивация совершения преступлений против мальчиков интерпретируется как символический жест, направленный на выражение обид и унижений, пережитых в детстве и подростковом возрасте[1]. Структурирование сведений оперативными группами обеспечивает снижение риска ошибочных версий.

Ключевая проблема применения психологического портрета в практике — отсутствие законодательно закрепленного статуса официального доказательства; при отсутствии такого статуса эффективность использования личностных профилей в оперативно-розыскной деятельности ограничена. Разработка и внедрение протоколов интеграции личностных профилей обеспечивает повышение эффективности расследований серийных преступлений через стандартизацию обмена данными и процедур совместного анализа; унификация процедур сотрудничества на ранних этапах сбора и анализа данных минимизирует субъективное толкование. Формирование четких критериев допустимости типового профиля личности в уголовном процессе становится требованием легитимного применения профильных выводов.

Создание межведомственных баз психологических портретов представляет перспективное направление: заблаговременное выявление серий преступлений в соседних регионах обеспечивается стандартизированными профилями; механизм включает сбор унифицированных данных, межре-

[1]Что такое профайлинг и как он помог найти ангарского маньяка. // [Электронный ресурс]: URL: https://snob.ru/entry/200496/ (дата обращения: 29.03.2026).

гиональную интеграцию записей и автоматизированный поиск совпадений по поведенческим паттернам и личностным характеристикам; следствие — ускорение установления криминальных связей между эпизодами преступной деятельности.

Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

Арина Сергеевна КУЛИКОВА
Курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
arina.kul2005@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация: В статье проводится комплексный криминологический анализ преступности несовершеннолетних в России на современном этапе развития государства и общества. Рассматриваются количественные и качественные показатели, определяются основные детерминанты, влияющие на криминализацию молодежи. Особое внимание уделяется трансформации структуры преступности в условиях цифровизации общества, росту латентности и изменению мотивационной сферы подростков. Анализируются личностные характеристики несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, цифровая преступность, профилактика, детерминанты, уголовная ответственность, латентность, криминализация молодежи

Преступность несовершеннолетних традиционно рассматривается в криминологии как наиболее чувствительное звено социального благополучия и нравственного состояния общества. Уровень и характер противоправного поведения молодежи не только отражает текущие социальные процессы, но и проецирует криминогенную ситуацию на ближайшее будущее, поскольку подростковый возраст является критическим периодом формирования личности.

По данным МВД России В январе текущего года число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 2,8 % по сравнении с прошлым годом[1]. Однако несмотря на официальное снижение количества преступлений, совершенных лицами до 18 лет или при их соучастии, наблюдается опасная трансформация структуры данной преступности. Процессы цифровизации, глобализации и изменения ценностных ориентиров породили новые формы криминальной активности, к которым подростки адаптируются быстрее, чем правоохранительная система. Также высокая латентность преступности несовершеннолетних скрывает реальные масштабы проблемы, затрудняя выработку эффективных мер предупреждения.

Преступность несовершеннолетних представляет собой совокупность преступлений лиц в возрасте 14—17 лет, их совершивших на определенной территории за конкретный период времени с количественными и качественными характеристиками. В Российской Федерации возрастные границы уголовной ответственности регламентированы ст. 20 УК РФ. Общий возраст уголовной ответственности составляет 16 лет, однако за ряд тяжких и особо тяжких, например, убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование и другое, ответственность наступает с 14 лет[2]. Для динамики преступлений несовершеннолетних характерно волнообразное развитие.

Важно отметить, что криминологическое понятие преступности несовершеннолетних намного шире, чем юридическое. Оно включает в себя не только зарегистрированные правонарушения, но и иные антиобщественные поступки, находящиеся на стадии формирования преступного поведения. Это, например, правонарушения, состоящие на учете в Комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Правовое регулирование борьбы с преступностью несовершеннолетних базируется не только на УК РФ, но и на Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[3], а также на международных правовых актах, таких, например, как Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций (Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года), касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)[4]. В соответствии с

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2026 года // Сайт. 20 февраля 2026 год. // URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/ (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. Ст. 2954.

[3] Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». // Справ.-информ. сист. ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/12116087/ (дата обращения: 28.03.2026).

[4] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций (Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года). // Сайт. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 28.03.2026).

главой 50 УПК РФ[1] специфика уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних заключается в приоритете воспитательного воздействия над карательным, что соответствует принципу гуманизма.

Преступность несовершеннолетних является неотъемлемой частью общей преступности, отражая социально-экономические и культурные противоречия, которые порождают противоречия во всех возрастных группах. Тем не менее, несмотря на эту системную взаимосвязь, она имеет свои специфические особенности. Именно наличие этих устойчивых специфических черт даёт криминологам веские основания выделять правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, в самостоятельный объект научного анализа. Потребность в таком концептуальном обособлении продиктована не столько различиями в статистических показателях, сколько глубинными особенностями становления личности на этапе юности. В первую очередь это касается незавершённости процессов соматического созревания, которые напрямую влияют на уровень физиологической выносливости, импульсивность реакций и особенности нейрогуморальной регуляции поведения. Не менее значимы и психологические аспекты: эмоционально-волевая сфера подростка находится в стадии активного формирования, что нередко проявляется в неустойчивости самооценки, повышенной внушаемости, стремлении к самоутверждению и затруднениях в критическом осмыслении собственных поступков. Параллельно происходит сложное, зачастую противоречивое нравственное развитие, в ходе которого ценностные ориентиры ещё не приобрели окончательной устойчивости, а способность к этическому самоконтролю остаётся ограниченной[2]. Особенностью преступности несовершеннолетних является то, что преступления совершаются лицами, которые в силу своих возрастных особенностей подвержены многочисленным рискам, способным привести как к совершению ими преступления, так и к совершению преступления против них. Материалы исследований свидетельствуют о том, что только 10% лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, в дальнейшем ведут себя правомерно. Абсолютное большинство профессиональных преступников первое преступление совершили также в несовершеннолетнем возрасте.

По мнению В. Д. Малкова, определяющей характеристикой подростков, совершивших правонарушения, выступает именно их возраст. Он напрямую обуславливает ход биологических, психологических и ментальных изменений, а также задаёт уровень физической зрелости, когнитивных способностей и интенсивности различных побуждений. Специфика

[1] Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РФ). // Справ.-информ. сист. ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/12125178/ (дата обращения: 28.03.2026).

[2] Бубненков Р. Р. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: основные понятия и проблемы в Российской Федерации / Р. Р. Бубненков, С. С. Медведев, Н. Д. Федорченко // Эпомен. 2021. № 57. С. 101—108.

несовершеннолетних правонарушителей проявляется в повышенной лабильности психики, поскольку в этот период она ещё находится в стадии активного становления. Именно незавершённость физического и личностно-духовного взросления в сочетании с процессами полового созревания выступает ключевым фактором, провоцирующим противоправное поведение[1].

Преступность несовершеннолетних носит преимущественно групповой характер. Если из числа взрослых в групповых преступлениях участвуют 23—30 %, то среди несовершеннолетних до 70 %.

Официальная статистика демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению общего числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними. Показатели статистики подтверждают эффективность профилактической работы подразделений МВД России с несовершеннолетними. Количество преступлений, совершенных ими и при их участии, в 2020 году уменьшились на 9,1% по сравнении с 2019 годом[2], а к январю 2026 года преступность несовершеннолетних уже составляла 2,8 %. Снижение официальных показателей может быть обусловлено рядом факторов, не связанных с реальным улучшением криминогенной обстановки. К таким относятся уменьшение численности самой возрастной группы подростков в связи с демографической ямой с 2000-х в России, многие преступления не фиксируются официально, перевод части правонарушений в административную плоскость или работу Комиссий по делам несовершеннолетних.

Несмотря на общее снижение количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, наблюдается негативная тенденция роста коэффициента тяжести. Увеличивается доля преступлений против личности. Если ранее подростковая преступность носила преимущественно корыстный характер, то сейчас фиксируется рост насильственной составляющей.

Убийства и причинение тяжкого вреда здоровью среди подростков часто совершаются в состоянии конфликта, возникшего на почве личной неприязни или ревности. Особую опасность представляет буллинг, перерастающий в уголовно наказуемое деяние. Систематическая травля в школах нередко заканчивается нанесением побоев или причинением вреда здоровью.

Также подростки активно вовлекаются в распространение наркотических средств через мессенджеры в качестве курьеров. Особенностью данной категории дел является низкий возраст привлекаемых лиц (14—15 лет). Подростки часто не осознают тяжести последствий, воспринимая это как

---

[1] Жуков Д. В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника / Д. В. Жуков // Студенческая молодёжь XXI века: наука, творчество, карьера, цифровизация : Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2022 года / Под общей редакцией Е.А. Руднева, под научной редакцией Л. Н. Горбуновой. Москва: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский экономический институт», 2022. С. 192—199.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2020 года. // Сайт. 21 января 2021 год. // URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 30.03.2026).

легкий заработок. Относительно финансово благополучные несовершеннолетние, семьи которых внешне нельзя было охарактеризовать как неблагополучные, совершали по большей части преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Однако мы считаем, что семейное неблагополучие нельзя определять исключительно по внешним признакам материального благополучия и отсутствия ярко выраженного асоциального образа жизни родителей. Проблема может лежать гораздо глубже, заключаться в отсутствии эмоциональных контактов у родителей с ребенком. Однако, к сожалению, субъекты профилактики на такие семьи обращают внимание в последнюю очередь[1].

В условиях современных мировых обострением, проведением СВО, активного влияния деструктивных идеологий на сознание молодого поколения доля преступлений террористической и экстримистской направленности растет. Вовлечение подростков в деструктивные сообщества, изготовление взрывчатых веществ, подрыв релейных шкафов представляют собой новые вызовы для правоохранительных органов. Мотивацией здесь выступает также заработок легких денег, а также поиск принадлежности к группе или влияние радикальной идеологии.

Цифровизация общества также внесла значительные изменения в характер подростковой преступности. Появились новые формы и способы вовлечения криминала. Такие, например, как финансовое мошенничество, взломы аккаунтов, создание вредоносного ПО, кибербуллинг и груминг.

Процесс социализации несовершеннолетних разворачивается преимущественно в трёх ключевых средах, а именно в семейном окружении, образовательном учреждении, а также на производстве или в неформальных компаниях по месту проживания. Именно пробелы в воспитательном воздействии этих институтов во многом предопределяют рост подростковой преступности. Статистика свидетельствует, что каждый второй несовершеннолетний правонарушитель воспитывался в семье с одним родителем. При этом значительная часть таких семей находится в тяжёлом материальном положении, сталкиваясь с нехваткой средств на базовые потребности, отсутствие нормальных жилищных условий и другие бытовые трудности. На фоне того, что порядка 30 миллионов россиян живут за чертой бедности, ситуация усугубляется криминальным и асоциальным прошлым ближайшего окружения: более 60 % юных нарушителей закона имеют судимых родственников, а около 58,5 % их семей знакомы с проблемой злоупотребления алкоголем. Дети в подобных условиях нередко растут в атмосфере эмоциональной депривации, становятся свидетелями постоянных

[1] Раевский, Д. И. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних в современной России // Молодой ученый. 2022. № 48 (443). С. 316-317. — URL: https://moluch.ru/archive/443/97181 (дата обращения: 30.03.2026).

конфликтов и физического насилия, что закономерно приводит к регулярным побегам из дома.

Реакция школ на дезадаптацию учащихся традиционно сводится к формализованным мерам: вызову родителей на классные обсуждения, педагогические советы или заседания родительских комитетов. Однако примерно половина опрошенных подростков воспринимает такие шаги как неэффективные или несправедливые. Отсутствие индивидуально ориентированных методик работы со стороны педагогического состава, сопряжённое с неумением родителей выстраивать диалог без давления, нередко вынуждает молодых людей оставлять учёбу и искать возможность трудоустройства. Дополнительный урон профилактической деятельности наносит ликвидация или фактический паралич многих общественных структур, ранее бравших на себя часть воспитательных функций.

Многолетний опыт образовательных и спортивных организаций однозначно указывает, что продуманная организация свободного времени подростков в каникулы, выходные и вечерние часы, насыщенная спортивными и оздоровительными программами, стабильно снижает уровень девиантных проявлений. По данным социологических опросов, до половины несовершеннолетних прямо связывают свои правонарушения с отсутствием доступных и привлекательных досуговых альтернатив.

Зарубежный опыт также подтверждает вывод о большом значении работы с молодежью по месту жительства. В странах с низким уровнем молодежной преступности создаются специальные министерства по делам молодежи, расширяется материальная база клубов по интересам. К примеру, в Дании всевозможных подростковых, молодежных клубов, центров досуга в расчете на 1000 жителей почти в десять раз больше, чем в г. Воронеже и других областных центрах Центрального Черноземья.

Таким образом, несмотря на статистическое снижение общих показателей, подростковая преступность сохраняет высокую общественную опасность за счет роста тяжести деяний и появления новых, высокотехнологичных форм криминала. Также происходит трансформация мотивации. Если ранее доминировала корысть, то сейчас значительную роль играют самоутверждение в виртуальном пространстве и влияние деструктивного контента. Личность современного несовершеннолетнего преступника формируется под влиянием цифровой среды.

Научная статья
УДК 343.953

ПСИХОЛОГИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ ЖЕРТВ И ПРЕСТУПНЫЙ УМЫСЕЛ В IT-МОШЕННИЧЕСТВЕ (СТ. 159, 159.6 УК РФ).

Владислав Олегович НИКОЛАЕВ
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
vlad113.nikolaev@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики СГЮА, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Викторовна ДОМНИНА**, ol-domni@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу психологических механизмов манипуляции, используемых при совершении IT-мошенничества. Рассматриваются когнитивные искажения жертв как основной инструмент достижения преступного умысла. Обосновывается необходимость разграничения составов ст. 159 и ст. 159^6 УК РФ не только по техническому, но и по психологическому критерию. Формулируются практические рекомендации для органов следствия, судебно-психологической экспертизы, судов и законодателя по учёту когнитивных уязвимостей при квалификации и доказывании IT-мошенничества.

Ключевые слова: психология манипуляции, киберпреступность, мошенничество, когнитивное искажение

Цифровая трансформация криминальной активности привела к качественному изменению структуры имущественных преступлений, где доминирующее положение занимают IT-мошенничество и иные формы киберпреступлений. В отличие от традиционного мошенничества, предполагающего непосредственный физический контакт, в интернет-пространстве механизм совершения преступления опосредован технологическими интерфейсами, что делает проблему психологического воздействия на удаленного субъекта чрезвычайно актуальной в современных реалиях. Актуальность подтверждается и статистикой: в 2025 году кибермошенники похитили у россиян 275—295 млрд. рублей[1].

Специфика IT-мошенничества заключается в том, что ключевым инструментом достижения преступного умысла становится не взлом каких-либо систем защиты, а эксплуатация когнитивных особенностей человека —

[1] «Сбер» раскрыл, сколько средств мошенники похитили у россиян за год // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/29/01/2026/697b2a379a7947671694187e (дата обращения: 28.03.2026).

его ограниченной способности к распознаванию обмана в условиях информационной перегрузки и дефицита времени на обработку данных[1]. Существующих мер противодействия и профилактики IT-мошенничества недостаточно. Причиной этому является преобладание технико-криминалистического подхода к раскрытию и расследованию таких преступлений, и в то же время недооценке их психологической составляющей. Однако именно психологическое воздействие является одним из ключевых элементов в структуре большинства схем IT-мошенничества.

Уголовно-правовая квалификация преступлений, предусмотренных ст. 159, 159[6] УК РФ предполагает установление таких признаков, как обман, злоупотребление доверием и наличие умысла. Однако их содержание в условиях цифровой коммуникации значительно меняется. Современная практика демонстрирует, что успешность преступного посягательства достигается в том числе и за счёт эксплуатации когнитивных уязвимостей потерпевшего. В большинстве случаев в правоприменительной деятельности наблюдается отсутствие инструментария для системной оценки подверженности лица манипуляции, установления психического состояния, характеризующего беспомощность, а также для анализа субъективной стороны преступления с учетом психологических особенностей формирования умысла в условиях организованных преступных групп.

Интернет-пространство выступает катализатором манипулятивного воздействия, инициализируя качественно новые условия для его осуществления. Анонимность и невысокий шанс идентификации позволяют субъекту действовать безнаказанно, а возможность масштабирования даёт одновременное воздействие на большое количество объектов. Отсутствие каких-либо невербальных сигналов позволяет лишить жертву важных каналов распознавания обмана. Использование данных из открытых источников и утечек информации позволяет персонализировать обращения, что искусственно повышает уровень доверия жертвы, а подмена номеров, разнообразные фальсификации голоса придают противоправным действиям ещё больше правдоподобия[2]. Данные факторы, при использовании их одновременно превращают цифровую среду в максимально благоприятствующую реализации манипулятивных стратегий, что обуславливает необходимость их самостоятельного теоретического осмысления в рамках юридической психологии.

Анонимность и дистанция облегчают совершение преступления не только в техническом плане, но и меняют психологическое содержание умысла. Обмануть собеседника, не имея с ним личного контакта

[1]Ульянова Н. Э. Манипуляция в отношении жертв преступлений и иных правонарушений // Виктимология. 2019. №2 (20) С. 74.

[2]Кулагина В. А. Психологические аспекты мошенничества и методы манипуляции и практические рекомендации по противодействию граждан // Вестник евразийской науки. 2024. № 2S. С. 4.

психологически легче, так как удалённое взаимодействие ведёт к деиндивидуализации. Кроме того, общественная опасность искажается отсутствием визуальной обратной связи. Наконец, дистанция трансформирует волевой момент, так, умысел в IT-мошенничестве чаще всего является заранее спланированным, а не возникает ситуативно. Судам и следствию стоит обращать внимание на использование средств маскировки и шаблонных фраз, рассчитанных на массовое воздействие. Именно эти характерные черты подтверждают, что умысел был направлен на заведомо уязвимого удалённого потерпевшего.

Успешность совершения IT-мошенничества в значительной степени обусловлена способностью субъекта преступления использовать когнитивные особенности мышления потерпевшего. Систематические отклонения в обработке полученной информации называются когнитивными искажениями, возникающих в ходе ограниченности ресурсов и использовании упрощённых стратегий принятия решения.[1] Именно эти искажения становятся на передний план в контексте киберпреступности. Выступая главными мишенями манипулятивного воздействия, они позволяют обходить рациональный контроль поведения и добиваться от жертвы действий, направленных на передачу имущества или информации.

Среди всего множества таких искажений, чаще всего в IT-мошенничестве используются эффект авторитета, иллюзия срочности и эффект ореола[2]. Основа эффекта авторитета состоит из автоматического доверия многих людей лицам, воспринимаемым как обладающим властью или специальными знаниями. Иллюзия срочности побуждает жертву принимать решение в условиях искусственно созданного дефицита времени. Фразы, в которых делается акцент на время, печальные или отрицательные последствия включают «первую» систему и одновременно глушат «вторую», то есть заставляют жертву опираться только на интуицию и торопиться с решением. Эффект ореола проявляется в переносе положительной оценки отдельного признака на всю ситуацию целиком. Вежливая речь, красивый сайт, наличие логотипов известных компаний, использование узконаправленных терминов, всё это создаёт иллюзию надёжности, снижая критичность восприятия.

Острый эмоциональный стресс нередко способствует формированию «туннельного мышления». Данное когнитивное состояние отличается сужением фокуса внимания, упрощением восприятия и резким снижением способности к альтернативному анализу. В таком состоянии жертва акцентирует почти всё своё внимание на единственном действии, навязанном

[1]Василькова В. В. Когнитивные искажения в практиках кибермошенничества: эвристический потенциал теории М. Нортона // ЖССА. 2024. № 4.

[2]Молчанова Т. В. Факторы, обуславливающие мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2020. №2. С. 95.

злоумышленником, переставая замечать противоречия в его словах, утрачивая способность к рефлексии.

Диссоциация ответственности выступает одним из важнейших защитных механизмов, служит естественной, психологической защитой, предотвращающей чувство вины и стыда. С другой стороны, именно она может существенно затруднять расследования, поскольку потерпевший неосознанно искажает факты взаимодействия. Для следственной и судебной практики имеет большое значение дифференциация подлинной виктимной уязвимости, обусловленной отдельными когнитивными особенностями, от последующей рационализации, которая может влиять на оценку достоверности показаний, но сама не отменяет факта совершения преступления.

Одним из самых сложных аспектов квалификации IT-мошенничества является установление субъективной стороны преступления. В контексте цифровой преступности, критерии умысла нуждаются в наполнении психологическим содержанием, наравне с интеллектуальным и волевым моментом. Именно оно позволяет разграничивать формы вины и отделять мошенничество от смежных составов. Психологический подход к умыслу учитывает не только формальное осознание противоправности деяния, но и реальную способность субъекта к прогнозированию последствий, понимание используемых способов манипуляции, а также мотивационную структуру преступного поведения.

Как обман, так и злоупотребление доверием являются способами совершения мошенничества и имеют выраженное психологическое измерение. Под обманом понимается сознательное искажение истины, либо умолчание о каких-либо значимых обстоятельствах, что психологические предполагает наличие у субъекта ввести потерпевшего в заблуждение, а также осознание того, что ложные сведение воспринимаются жертвой как достоверные. При злоупотреблении доверием основным инструментом является использование особых доверительных отношений, сложившихся между сторонами. В цифровой среде доверие может быть сформировано искусственно, через имитацию официальных структур или длительное предварительное взаимодействие[1]. Добровольная передача имущества самим потерпевшим под влиянием обмана или злоупотребления доверием является основным критерием, позволяющим отграничивать мошенничество от иных форм противоправного завладения имуществом, что требует от преступника точного расчета психологического воздействия.

Распределение ролей в аффилированных структурах создает сложную картину субъективной связи. Так, исполнители, чаще всего взаимодействующие с жертвами, действуют с прямым умыслом, осознавая, что вводят

[1]Голятина С. В. Предупреждение кибермошенничества: виктимологический аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. №4 (75). С. 34.

потерпевшего в заблуждение для завладения имуществом. А вот дропперы, те лица, которые предоставляют свои счета для обналичивания похищенного, могут осознавать, что участвуют в преступной схеме, но не всегда осведомлены о конкретных обстоятельствах хищения. Их умысел может быть квалифицирован, как косвенный, в отличие от случая, когда они одновременно выступают в роли соисполнителя. Организаторы преступных схем, находящиеся на вершине иерархии, как правило обладают полной информацией о преступной замысле и действуют, как правило, с прямым умыслом, направленным на систематическое извлечение дохода. Анализ уголовно-правовых и психологических аспектов умысла в комплексе, позволяет более точно квалифицировать действия каждого из участников, разграничить их ответственность и разрабатывать рекомендации для следственной и судебной практики.

Оценка умысла субъекта преступления является более сложной и дискуссионной задачей. Эксперт не может утверждать, имело ли лицо умысел в юридическом смысле, однако он вправе анализировать психологическое содержание действий подозреваемого. Ключевым объектом анализа в киберпреступлениях становится цифровая коммуникация, выраженная в переписке в мессенджерах, логах разговоров и иных формах. Во время экспертизы выявляются шаблоны, позволяющие сделать вывод об осознанном использовании манипулятивных техник.

При ст. 159 УК РФ психологический механизм строится на непосредственном искажении смысла коммуникации. Преступник формирует у жертвы ложное убеждение насчёт фактических обстоятельств. Передача имущества не опосредована компьютерными системами. Но при квалификации по ст. 159^6 УК РФ необходимо доказать, что ввод информации был совершён под влиянием обмана с использованием компьютерной системы. Одно и то же действие может квалифицироваться по-разному.

Анализ правоприменительной практики по ст. 159 и 159^6 УК РФ показывает, что основные ошибки в квалификации и расследовании IT-мошенничества напрямую связаны с недооценкой психологического компонента. Чаще всего показания потерпевших рассматриваются через призму «разумного поведения», предполагая, что в аналогичной ситуации человек должен был распознать обман. В результате по ряду случаев отказывают в возбуждении уголовного дела или выносят обвинительные приговоры, ссылаясь на отсутствие признаков обмана.

С целью преодоления указанных недостатков и внедрения психологического знания, предлагается при допросе потерпевшего по делам об IT-мошенничестве фиксация следователем не только хронологии событий, но и психологические маркеры манипуляции. В частности, подлежат обязательному выяснению использование фраз, создающих искусственный дефицит времени, ссылался ли злоумышленник на авторитетные организации,

применялись ли приёмы, имитирующие доверительные отношения. Всё это позволяет объективизировать факт эксплуатации конкретных когнитивных искажений, и подтверждает направленность умысла на психологическое подавление воли жертвы.

При оценке доказательств по делам о IT-мошенничестве судам следует отказаться от неявной презумпции «разумного потерпевшего», которая не соответствует реалиям цифровой среды. Когнитивные искажения являются универсальными свойствами человеческого мышления, которые злоумышленник целенаправленно эксплуатирует в своих целях, но они не являются признаком психического расстройства или интеллектуальной недостаточности. Именно поэтому поведение жертвы, которое с виду может показаться неосмотрительным, не исключает наличия состава преступления и не свидетельствует об отсутствии обмана.

Таким образом, психологическая манипуляция в IT-мошенничестве представляет собой эксплуатацию когнитивных искажений жертвы, что является основным инструментом достижения умысла. Разграничение же рассматриваемых составов должно осуществляться по психологическому критерию, наряду с техническим. Внедрение психологического знания в уголовно-процессуальную деятельность является необходимым условием повышения эффективности противодействия IT-мошенничеству.

Научная статья
УДК 347.6

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Полина Евгеньевна ПОЛОВИНКИНА
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, polina.polovinkina.05@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, к.ю.н., доцент, г.Санкт-Петербург, Россия **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, Tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. В работе проводится криминологический анализ специфики женской преступности, совершаемой в сфере семейно-правовых отношений. Рассматриваются особенности детерминационного комплекса, включающего длительную виктимизацию женщины, деформацию семейных ролей и неэффективность механизмов защиты прав в рамках семейного законодательства. Характеризуется личность женщины-преступницы, её

социально-демографический портрет и мотивационная сфера, где криминальное поведение часто выступает замещением легальных способов разрешения конфликта. Обосновывается необходимость интеграции криминологических и семейно-правовых мер предупреждения, выходящих за рамки уголовно-правовых запретов. Автор приходит к выводу, что эффективная профилактика данного вида преступности возможна лишь при условии совершенствования институтов семейного права и развития виктимологической помощи.

Ключевые слова: женская преступность, семейное право, криминологическая детерминация, виктимологическая профилактика

Актуальность исследования специфики женской преступности в контексте семейно-правовых отношений обусловлена не только устойчивым характером данного вида деликтности, но и его глубокой латентностью, а также той особой социальной ролью, которую женщина выполняет в институте семьи. Криминология традиционно рассматривает женскую преступность как относительно самостоятельный подвид общей преступности, обладающий качественными особенностями, связанными с психофизиологическими свойствами личности, социальным статусом женщины и характером исполняемых ею социальных функций. Однако, когда речь заходит о преступлениях, совершаемых женщинами непосредственно в сфере семейного права, мы сталкиваемся с феноменом, где криминальная мотивация, объект посягательства и механизм совершения деяния оказываются неразрывно связаны с семейными правоотношениями, регулируемыми Семейным кодексом РФ[1], а также с деформацией этих отношений. В отличие от общеуголовной женской преступности, где доминируют корыстные и насильственные посягательства вне семейного круга, преступность в семейно-правовой сфере имеет ярко выраженную виктимологическую обусловленность, где жертвами чаще всего выступают наиболее уязвимые члены семьи - дети, супруги или престарелые родители, находящиеся в материальной или физической зависимости от женщины-правонарушительницы.

Специфика женской преступности в семейном праве проявляется прежде всего в характере совершаемых деяний. Анализ судебной статистики и криминологических исследований показывает, что здесь доминируют две группы преступлений: насильственные (включая причинение тяжкого вреда здоровью, истязания и убийства на почве длительных семейных конфликтов) и преступления против интересов семьи и несовер-шеннолетних, а также корыстные посягательства на имущество членов семьи,

[1] «Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 « 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 — № 1».

совершенные с использованием доверия. При этом специфика заключается не столько в формальном составе преступления, сколько в его бытовом контексте и длительном латентном периоде. Если для мужской насильственной преступности в семье характерны импульсивность и ситуативный характер, то женская преступность в данной сфере зачастую представляет собой результат длительного виктимного поведения потерпевшего (систематическое пьянство, издевательства, измены) либо следствие синдрома эмоционального напряжения, накапливавшегося годами в условиях неблагоприятной семейно-правовой среды. В криминологической доктрине, как справедливо отмечает Ю. М. Антонян, личность женщины-преступницы, посягающей на семейные устои, характеризуется высокой степенью виктимизации самой преступницы до совершения деяния, что существенно затрудняет применение классических теорий общей превенции[1]. Детерминационный комплекс женской преступности в семейно-правовой сфере принципиально отличается от детерминант преступности в иных сферах. Здесь переплетаются факторы, относящиеся к микросреде: деформация семейного воспитания, отсутствие экономической самостоятельности женщины, что нередко порождает чувство бесправности и толкает на разрешение конфликтов криминальным способом, а также специфический правовой нигилизм в отношении брачно-семейного законодательства. Важнейшим криминогенным фактором выступает институциональное несовершенство механизмов защиты прав членов семьи. Парадокс заключается в том, что длительное пребывание женщины в статусе жертвы семейно-бытового насилия, при отсутствии эффективной защиты со стороны правоохранительных органов и органов опеки, трансформирует её из виктимной личности в личность преступную. В этом контексте уголовно-правовые запреты вступают в противоречие с реальными возможностями защиты своих прав в рамках семейного права, что создает эффект «криминального замещения» легальных способов самозащиты.

Как указывает Д. А. Шестаков в рамках семейной криминологии, семья выступает не только как объект охраны, но и как мощный криминогенный фактор, когда правовая незащищенность одного из супругов провоцирует экстремальные формы реагирования[2]. Особого внимания заслуживает анализ криминологической характеристики личности женщины, совершающей преступления в сфере семейно-правовых отношений. В отличие от корыстной преступницы, для данной категории характерен низкий уровень правосознания при сохранении завышенных ожиданий от семейного института. Эмоциональная структура таких личностей часто характеризуется

[1] Антонян Ю. М. Криминология : учебник для академического бакалавриата / Ю.М. Антонян. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2023. — С. 51.

[2] Шестаков Д. А. Семейная криминология: криминофамилистика / Д. А. Шестаков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2021. — С. 188.

алекситимией - неспособностью вербализовать и конструктивно разрешать внутрисемейные конфликты, что приводит к кумулятивному эффекту агрессии. Социально-демографический портрет: женщины преимущественно в возрасте от 30 до 45 лет, имеющие несовершеннолетних детей, часто не работающие либо занятые в низкооплачиваемых сферах, находящиеся в длительном брачном сожительстве с устойчивой деформацией семейных ролей.

Существенной особенностью является то, что преступное поведение таких женщин зачастую оказывается единственным, по их мнению, способом восстановления «справедливости» в семейных отношениях, что свидетельствует о глубокой деформации правовой культуры в сфере реализации семейных прав и обязанностей. Предупреждение женской преступности в семейно-правовой сфере требует комплексного подхода, выходящего за рамки уголовно-правовых запретов. Эффективность криминологической профилактики здесь напрямую зависит от качества работы механизмов семейного права: своевременности выдачи судебных приказов о взыскании алиментов, реальной исполнимости решений о защите от домашнего насилия, оперативности органов опеки и попечительства[1]. Специально-криминологические меры должны включать не только ужесточение ответственности за насильственные действия в семье, но и развитие института охранных ордеров, а также создание системы кризисных центров, позволяющих женщине легально выйти из деструктивной семейной среды до того, как конфликт перерастет в уголовно наказуемое деяние. Кроме того, виктимологическая профилактика в данном случае должна быть направлена на формирование у женщин навыков правовой самозащиты в рамках семейного законодательства, что позволит снизить уровень фрустрации, ведущей к криминальному разрешению конфликта. В заключение следует отметить, что специфика женской преступности в семейном праве обусловлена уникальным сочетанием личностных деформаций, виктимного поведения самой преступницы и неэффективности правовых механизмов защиты семейных прав, что требует от криминологии не просто констатации фактов, но и разработки интегративных мер, лежащих на стыке уголовной и семейно-правовой отраслей.

[1] Лебедева С. Я. Особенности женской преступности в современной России: криминологический анализ // Российский криминологический взгляд. 2022. № 3. С. 45—52.

Научная статья
УДК 343.9

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СИСТЕМНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Оксана Васильевна ПОПОВА[1], Ярослава Павловна ЧЕРНЫХ[2]
[1,2] Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, г. Москва, Россия
[1] Popova.Oksanoh2014@yandex.ru
[2] chernykhyaroslava29@mail.ru

Научный руководитель доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, доцент, полковник юстиции, **Наталья Ивановна КУЗНЕЦОВА**

Аннотация. В статье представлен криминологический анализ личности экологического преступника. На основе системного подхода разработана авторская типология, включающая четыре категории: «беловоротничковые» экологические преступники (руководители и должностные лица), браконьеры (индивидуалы-промысловики), экологические вандалы (лица с девиантным поведением) и «равнодушные обыватели» (лица, совершающие преступления по неосторожности). Выявлены мотивационные, социально-демографические и психологические характеристики каждой группы. Обосновано значение типологизации для дифференциации ответственности и разработки мер предупреждения экологической преступности.

Ключевые слова: экологическая преступность, личность преступника, типология экологических преступников, экологическое правосознание, предупреждение экологических преступлений

Экологическая преступность представляет собой «негативное социально-правовое явление, выражающееся в совокупности преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие охрану окружающей среды и жизненно важных интересов личности и общества. Данные деяния причиняют или создают реальную угрозу причинения экологического вреда, вреда личным неимущественным правам и (или) имущественного ущерба, и совершаются в определенный период времени на конкретной территории»[1].

[1] Кузнецова Н. И. Криминологическая характеристика экологической преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С.97—100.

Несмотря на дискуссии в теории, экспертное сообщество единогласно признает экологическую преступность серьезным вызовом безопасности государства. Подтверждением этому служит выделение экологических составов в самостоятельную главу Уголовного кодекса РФ, включающую восемнадцать статей. Субъектами данных деяний выступают лица, нарушающие установленный порядок охраны природы и недропользования[1]. Классификация данных лиц может производиться по различным основаниям, включая мотив совершения преступления, их должностное положение или вид осуществляемой деятельности, а также степень участия в совершении экологического правонарушения, с целью дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. Рассмотрим основные категории лиц, привлекаемых к ответственности за совершение преступлений в сфере экологии.

Превалирующую группу субъектов экологических преступлений составляют лица, наделенные управленческими полномочиями в организациях любых организационно-правовых форм, а также должностные лица, на которых возложены функции по контролю за соблюдением природоохранных норм. В криминологической литературе данная категория лиц часто классифицируется как «беловоротничковые преступники» в сфере экологии. К ним относятся руководители высшего звена, главные инженеры и штатные экологи, чьи действия (бездействие) приводят к нарушению правил охраны окружающей среды. Противоправная деятельность указанных лиц подпадает под действие статей 246, 247, 250 УК РФ и иных составов, связанных с ненадлежащим обращением с отходами, опасными веществами или загрязнением природных ресурсов в процессе производства[2].

Криминологический профиль субъекта экологических преступлений в сфере предпринимательства характеризуется преобладанием лиц мужского пола зрелого возраста, обладающих высоким уровнем профессиональной квалификации и управленческим статусом. Для данной категории правонарушителей типичен дефицит экологического правосознания, что при выраженной ориентации на производственные результаты повышает риск совершения преступлений в целях экономической оптимизации деятельности предприятия. Мотивационная структура «беловоротничковой» экологической преступности детерминирована корыстными побуждениями: стремлением к получению сверхприбыли путем минимизации издержек на реализацию природоохранных мероприятий. При этом для данных лиц характерно «преуменьшение общественной опасности совершенных ими деяний и недооценка негативных последствий для окружающей среды, что

[1] Тарайко В. И. Анализ личности экологического преступника // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 108—114.

[2] Забавко Р. А. Личность преступника, загрязняющего окружающую среду // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 2 (53). С. 11—18.

свидетельствует о нигилистическом отношении к требованиям природоохранного законодательства и приоритете экономических интересов над экологическими ценностями»[1].

Психологический механизм совершения данных преступлений характеризуется рационализацией противоправного поведения, при которой нарушение закона оправдывается экономическими приоритетами: поддержанием конкурентоспособности или снижением производственных затрат. Подобный прагматизм свидетельствует о деформации экологического правосознания и готовности использовать незаконные методы ради коммерческих целей. Особую опасность представляет коррупционный аспект: подкуп должностных лиц обеспечивает системную безнаказанность и препятствует эффективной реализации государственной политики в области экологической безопасности.

К категории экологических преступников-индивидуалов, именуемых браконьерами, относятся «физические лица, совершающие незаконную добычу объектов животного мира или водных биологических ресурсов, нарушая установленные правила охоты, рыболовства и иные нормы природоохранного законодательства»[2]. Криминологическая характеристика субъектов преступлений, предусмотренных статьями 256, 258 и 258.1 УК РФ, включает посягательства на водные биологические ресурсы и объекты животного мира, в том числе отнесенные к особо ценным видам. Объективная сторона данных деяний выражается в использовании запрещенных орудий и способов добычи фауны, находящейся под специальной охраной государства. Социально-демографический профиль таких лиц представлен преимущественно жителями сельских территорий и регионов с депрессивным состоянием рынка труда, обладающими средним или средним профессиональным образованием.

Мотивационная структура преступлений в сфере природопользования характеризуется полимотивированностью: от корыстной заинтересованности и стремления к незаконному обогащению до детерминации тяжелыми жизненными обстоятельствами или азартно-игровыми побуждениями. Личностный профиль данных субъектов отличается утилитарно-потребительской ориентацией, деформацией экологического правосознания и правовым нигилизмом. Совершение деяний сопровождается игнорированием принципов гуманного обращения с объектами флоры и фауны и отсутствием рефлексии относительно общественной опасности последствий.

---

[1] Петрухина О. А., Шурухнов Н. Г. Данные о свойствах личности субъектов противоправной деятельности, мотивах, корреляциях для установления обстоятельств совершения экологических преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. №4 (18). С. 128—136.

[2] Нецветова Е. В. Криминалистическая характеристика личности браконьера (на примере незаконной охоты) // Вестник СГЮА. 2013. № 1 (90). С. 148—153.

Отдельную категорию составляют субъекты, склонные к экологическому вандализму (уничтожение зеленых насаждений, загрязнение водных объектов). Значительный удельный вес в данной группе занимают несовершеннолетние с признаками социальной дезадаптации и дефектами социализации. Их девиантное поведение детерминировано возрастной импульсивностью и агрессией; деяния зачастую носят демонстративно-протестный характер и совершаются из хулиганских побуждений с целью самоутверждения.

«Равнодушный обыватель» — еще один субъект экологических правонарушений, совершающий деяния по неосторожности, в форме преступной небрежности или легкомыслия, в силу незнания экологического законодательства. Противоправные действия физических лиц, выражающиеся, например, в загрязнении окружающей среды отходами, совершаются по неосторожности, без прямого умысла на причинение экологического вреда, вследствие небрежности и отсутствия должной осмотрительности. Ответственность за такие деяния предусмотрена статьями 246, 247 УК РФ, а также нормами КоАП РФ и регионального законодательства. Для данной категории субъектов характерны безответственность и пренебрежительное отношение к требованиям экологического законодательства, что обусловлено безразличием к последствиям. Недостаточная осведомленность о природоохранных нормах повышает риск совершения ими преступлений или административных правонарушений в сфере экологии.

В завершение следует подчеркнуть, что эффективное предупреждение экологической преступности требует реализации системного комплекса правовых, экономических и образовательных мер, направленных на устранение причин и условий данных деяний. Важнейшим вектором превентивной деятельности выступает обеспечение устойчивого социально-экономического развития регионов, способствующего росту благосостояния и уровня занятости населения, что существенно нивелирует материальную детерминацию экологических правонарушений.

Параллельно с этим необходимо обеспечить формирование высокого уровня экологического правосознания граждан путем внедрения специализированных образовательных программ и расширения доступа к информации об актуальных требованиях природоохранного законодательства. Не менее значимым аспектом является последовательное совершенствование государственной экологической политики и планомерная модернизация нормативно-правовой базы, направленные на устранение существующих пробелов в правовом регулировании. Таким образом, только синергия государственного контроля, социальной поддержки и развития экологической культуры способна обеспечить долгосрочную защиту интересов государства и общества в сфере экологической безопасности.

Научная статья
УДК 343.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РОЛЬ ДАРКНЕТА И КРИПТОВАЛЮТ

Арина Александровна СЕМЕНЧЕНКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
arina.semenchenko.04@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА,** lgotchina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена трансформации форм и способов совершения наркопреступлений в условиях цифровизации. Автор акцентирует внимание на новых каналах распространения незаконного оборота наркотических средств, включая «Даркнет», «Telegram» и использование чатов в компьютерных играх в качестве инструментов организации наркобизнеса, что подтверждает судебная практика. Также рассматривается роль криптовалют как средства легализации денежных средств, полученных от продажи наркотиков, и предлагаются организационные меры противодействия преступным схемам.

Ключевые слова: наркопреступность**,** «Даркнет», «Telegram», компьютерные игры, криптовалюта

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на протяжении длительного времени сохраняет статус одного из ключевых трансграничных преступлений, создающих угрозу для безопасности и здоровья населения. По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2025 году число преступлений, связанных со сбытом запрещенных к обороту веществ, в структуре наркопреступности увеличилось на 17,6 % по сравнению с 2024 годом[1]. В соответствии с изменениями, внесенными в 2026 году в Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», наркоситуация тревожна: ежегодно

[1] В РФ выросло число выявленных фактов сбыта наркотиков. URL: https://tass.ru/proisshestviya/26522889 (дата обращения: 30.03.2026).

правоохранительными органами выявляется около 200 тыс. наркопреступлений[1].

В условиях бурного развития цифровизации одной из детерминантой наркопреступности выступает «Интернет». Особый интерес для преступных групп представляет «Даркнет», именно здесь они осуществляют свою незаконную деятельность посредством использования криптовалют для легализации средств[2]. По результатам мониторинга управления по противодействию незаконному обороту наркотиков ГУ МВД России по Москве в 2025 году выявлено 18,8 тыс. сайтов и интернет-магазинов по реализации наркотиков[3].

«Даркнет» функционирует на основе анонимных сетей, обеспечивающих сокрытие IP-адресов и маршрута трафика через многоуровневое шифрование, таких как I2P, TOR. Как отмечают А. Г. Александров и А. А. Сафронов, «программа TOR представляет собой веб-браузер, внешний вид которого основан на популярной бесплатной программе Mozilla Firefox. Особенность веб-адресов в этой сети в том, что они заканчиваются доменным именем первого уровня «onion», что позволяет пользователю скрыть свои данные от интернет-провайдера и получить абсолютную анонимность, используя ресурсы интернета, будучи инкогнито[4]». Д. С. Зинченко указывает, что для получения доступа к веб-адресу «Даркнета» пользователи массово используют VPN — виртуальную частную сеть, основной задачей которой является непрерывная шифровка передаваемых данных[5]. Данный сегмент сети «Интернет» привлекает субъектов незаконного оборота наркотических средств и психотропных вещества, благодаря технологически обусловленной высокой степени анонимности и устойчивости к внешнему воздействию, поскольку бороться с множественностью веб-сайтов достаточно проблематично. Кроме того, «Даркнет» привлекает наркоторговцев возмож-

---

[1]Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 (ред. от 16.02.2026) «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Грачева А. Д., Лебедев И. А., Капустина Н. В. Риски трансформации наркоторговли с использованием криптовалют // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-transformatsii-narkotorgovli-s-ispolzovaniem-kriptovalyut (дата обращения: 30.03.2026).

[3] В Мосвке в 2025 году заблокировали 18,8 тыс. сайтов по продаже наркотиков. URL: https://tass.ru/obschestvo/26734567 (дата обращения: 30.03.2026).

[4]Александров А. Г., Сафронов А. А. Использование сети даркнет при подготовке и совершении преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. №1 (89). С. 158. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-seti-darknet-pri-podgotovke-i-sovershenii-prestupleniy (дата обращения: 31.03.2026).

[5]Зинченко Д. С. Использование закрытого сетевого пространства (на примере Даркнета) как фактор латентности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий / Д. С. Зинченко // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения) : Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 21—22 марта 2024 года. Москва: Университет прокуратуры РФ, 2024. С. 372.

ностью координации противоправной деятельности в транснациональных масштабах, существенно снижая вероятность идентификации и пресечения. Так, крупнейшая в мире российская площадка по торговле наркотиками Hydra проработала с 2016 по 2022 гг. и была закрыта только благодаря совместным усилиям полиции Германии и США[1].

После ее закрытия многие продавцы наркотиков перешли в социальные сети. Одной из самый распространенных площадок для незаконного оборота наркотических средств стал мессенджер «Telegram». Его функциональность заключается в том, что он предлагает пять видов коммуникации: диалоги, группы, сохраненные сообщения, каналы и чаты с ботами. Наибольший интерес для наркоторговцев представляют каналы, ввиду отсутствия обратной связи. В Telegram-каналах отсутствует возможности оставлять комментарии и реакции, а единственный способ связи с владельцем — отправка личного сообщения, в случае наличия ссылки на профиль в описании канала. Автор канала может с помощью ботов добавить голосование, опрос или возможность комментирования к конкретной записи в канале[2]. Кроме того, данные о владельце и подписчиках также являются строго конфиденциальными. По данным Роскомнадзора в 2025 году в «Telegram» зафиксировано 83 261 публикация о наркотиках[3]. Как отмечает Филимонов Е. А. «сложности, связанные с блокировкой «Telegram», включая технические и юридические аспекты, делают эту платформу еще более привлекательной для размещения незаконного контента и торговли наркотиками[4]».

Судебная практика подтверждает эффективность таких схем торговли, так приговором Перовского районного суда г. Москва лицо было осуждено за покушение на незаконный сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет"), группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере. По данным органов предварительного расследования обвиняемый устроился «курьером» через Telegram-канал «Лавшоп», от неустановленного следствием лица

---

[1] В Германии закрыли серверы крупнейшего в мире русскоязычного даркнет-рынка. URL: https://ria.ru/20220405/darknet-1781851356.html (дата обращения: 31.03.2026).

[2] Суходолов А. П., Бычкова А. М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №1. С. 9 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-i-narkoprestupnost-problemy-protivodeystviya-ispolzovaniyu-messendzhera-telegram-v-rasprostranenii-narkotikov (дата обращения: 31.03.2026).

[3] МВД и Роскомнадзор зафиксировали рост преступлений с использованием мессенджеров. URL: https://news.rambler.ru/tech/55027378-mvd-i-roskomnadzor-zafiksirovali-rost-prestupleniy-s-ispolzovaniem-messendzherov/ (дата обращения: 31.03.2026).

[4] Филимонов Е. А. Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков через интернет-мессенджер «Телеграмм» и пути их решения // Научные высказывания. 2026. № 8 (89). С. 92-95. URL: https://nvjournal.ru/article/PROBLEMY_PROTIVODEJSTVIJa_NEZAKONNOMU_OBOROTU_NARKOTIKOV_ChEREZ_INTERNET-MESSENDZhER_TELEGRAMM_I_PUTI_IH_REShENIJa/ (дата обращения: 01.04.2026).

через мессенджер поддерживал связь и получил данные о местонахождении «закладки» для дальнейшего сбыта[1].

Кроме того, в Telegram ключевую роль в обороте наркотиков играют чат-боты, обеспечивающие анонимность заказа, оплату и выдачу координат «закладок» без участия «живых» администраторов. Алгоритм работы бота заслуживает отдельного внимания. Как отмечают А. А. Валинурова, Н. В. Балабанова и И. А. Маценков «когда пользователь через приложение «Telegram» взаимодействует с ботом — приложение отправляет запрос на Telegram-сервер, который автоматически оповещает об этом бота. В свою очередь, чат-бот обрабатывает сообщение и отправляет результат обратно на сервер, который и пересылает ответ в приложение пользователя[2]. Таким образом, чат-бот выступает в роли автоматического посредника между клиентом и платформой, его действия основаны на заранее настроенной последовательности обработки пользовательских команд.

Так, например, Ишимским городским судом Тюменской области Ф. был осужден по ч. 2 ст. 228 УК РФ за незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства. Осужденный осуществил заказ мефедрона в Телеграмме через чат-бот магазина «Оптимист», по номеру банковской карты осуществил перевод денежных средств, после чего ему пришло сообщение с местом и координатами «закладки»[3].

Также стоит отметить такой канал распространения наркотиков, как чаты, профили и Discord-сервера в компьютерных играх, где торговые схемы маскируют под игровые услуги. Контролировать игровые чаты достаточно проблематично ввиду того, что ежегодно выпускаются десятки тысяч игр. Масштаб аудитории (до 81 % населения страны, примерно 106—110 млн человек[4]), а также слабый контроль чатов делают игры идеальной площадкой для бесконтактного сбыта. Проблема в контроле и профилактике заключается еще в том, что зашифрованные сообщения пропускают автоматизированные фильтры, а проверка службой поддержки игровых сервисов не успевает отслеживать миллионные сообщения. Как отмечают Л. К. Кочурова и

---

[1] Приговор от 10 марта 2025 г. по делу № 1-0235/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JPHjX10MYhUV/ (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Валинурова А.А., Балабанова Н.В., Маценков И.А. Алгоритм разработки Telegram-бота - продуктивного помощника современного бизнеса // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2023. №2 (74). С. 62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-razrabotki-telegram-bota-produktivnogo-pomoschnika-sovremennogo-biznesa (дата обращения: 01.04.2026).

[3] Приговор от 22 июля 2025 г. по делу № 1-232/2025 URL: https://sudact.ru/regular/doc/AVcnECqXsbHS/?regular-txt=приобретение+наркотиков+через+бот+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=Ишимский+городской+суд+%28Тюменская+область%29&regular-judge=&_=1775061470546&snippet_pos=1490#snippet (дата обращения: 01.04.2026).

[4] Гейминг в России исследования. URL: https://creative.hse.ru/news/6359 (дата обращения: 02.04.2026).

А. О. Сергеева «в популярной игре Brawl Stars был обнаружен профиль магазина, продающего наркотики[1]».

Самым опасным в схеме торгового оборота наркотиков является анонимное средство платежа - криптовалюта. С появлением криптовалюты торговля выросла в 10 раз, перейдя от наличных и банковских переводов к бесконтактным схемам. В наркоторговле РФ чаще всего используют такие блокчейны, как биткоин, Monero и Ethereum, а также все активнее применяются стейблкоины (в первую очередь USDT). Биткоин доминирует из-за ликвидности широкой сети бирж, Monero ценится за анонимность ввиду того, что отследить ее практически невозможно, а Ethereum и USDT за удобные схемы для отмывания и расчётов с низкой волатильностью. По данным Росфинмониторинга и МВД России преступное сообщество, действовавшее с 2018 по 2023 гг., посредством криптовалюты легализовало более 10 млрд руб. от торговли синтетических наркотиков[2]. Активное использование криптовалюты в сфере незаконного оборота наркотиков обусловлено:

повышенной безопасностью транзакций;

отсутствием центрального сервера, контролирующего все операции;

отсутствием налогообложения;

анонимностью;

высокой скоростью международных трансфертов»

глобальным характером[3].

Все эти факторы в совокупности и привлекают представителей преступного мира в сфере незаконного оборота наркотиков к использованию криптовалют, как основного средства платежа.

В целях противодействия незаконному обороту наркотических средств и легализации незаконно приобретённых от их продажи доходов целесообразным видится внедрение P2P-верификации на крипто-площадках в РФ, посредством совмещения требований Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ и новых законопроектов о криптовалюте в России[4]. Крипто-площадки, предоставляющие P2P-услуги, приравниваются к финансовым операторам, что обуславливает

[1]Кочурова Л. К., Сергеева А. О. Проблема регулирования преступной деятельности в видеоиграх // Скиф. 2023. №6 (82). С. 523 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-regulirovaniya-prestupnoy-deyatelnosti-v-videoigrah (дата обращения: 02.04.2026).

[2]Росфинмониторинг и МВД выявили факт легализации наркодоходов в сумме более 10 миллиардов рублей. URL: https://fedsfm.ru/releases/8558 (дата обращения: 02.04.2026).

[3]Зинченко Д.С. Криптовалюта как средство платежа при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. №3 (56). С. 35 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-sredstvo-platezha-pri-sovershenii-prestupleniy-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkotikov-s-ispolzovaniem (дата обращения: 02.04.2026).

[4]Правительство одобрило новые законопроекты о криптовалютах в России URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/69cb73219a794776a6c6c48c (дата обращения: 02.04.2026).

необходимость применения KYC и AML-мониторинга. P2P-верификации будет представлена как дополнительный механизм идентификации и контроля. В отличие от KYC-идентификации при регистрации, P2P-верификация будет применяться к каждой отдельной сделке и зависеть от роли пользователя. Например, для совершения какого-то действия на бирже необходимо будет пройти дополнительную идентификацию, в состав которой войдет проверка истории сделок и репутационного статуса, собранные данные по P2P-верификации должны автоматически попадать в систему AML-мониторинга площадки в случае возникновения подозрительной операции. Введение P2P-верификации будет представлять собой сочетание обязательных KYC и AML-мониторинга, и дополнительного сделочного уровня идентификации.

Научная статья
УДК 340.1

ЭВОЛЮЦИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПРАВОПОЗНАНИЯ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Михаил Петрович СТЕРХОВ
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Научный руководитель доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, к.ю.н., доцент, г. Санкт-Петербург, Россия **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, Tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлен историко-методологический анализ эволюции отечественной криминологии в контексте развития теоретического правопознания. Автором обосновывается положение о том, что смена криминологических парадигм (от позитивистско-статистической до современной мультипарадигмальной) является не изолированным процессом, а закономерно сопряжена с трансформацией подходов к пониманию права — от нормативизма и легизма к интегративному и плюралистическому правопониманию. Выделены ключевые этапы становления криминологической науки (дореволюционный, советский ранний, период запрета, этап институционализации в рамках комплексной парадигмы, постсоветский период методологического плюрализма) и показана их корреляция с доминирующими теоретико-правовыми концепциями соответствующего времени. Особое внимание уделено современному состоянию, характеризующемуся синтезом классического теоретико-эмпирического наследия советской

криминологии и открытостью к междисциплинарному диалогу с мировой наукой. В заключении сделан вывод о том, что преодоление идеологической ангажированности и легистской ограниченности при сохранении национальной идентичности выступает ключевым условием дальнейшего развития криминологии как самостоятельной области юридического знания.

Ключевые слова: криминология, теория права, парадигма, историко-методологический анализ.

Современная отечественная криминология переживает период глубокой методологической рефлексии, что обусловлено не только накопленным эмпирическим массивом данных о преступности, но и кардинальной трансформацией теоретических оснований юридической науки в целом. В этом контексте особую актуальность приобретает историко-теоретический анализ генезиса криминологического знания, рассматриваемого не изолированно, а в неразрывной связи с эволюцией теоретического правопознания. Понимание того, как менялись представления о преступности, ее причинах и мерах предупреждения, невозможно вне анализа параллельных изменений в понимании самого права, его сущности, социальной роли и границ нормативного регулирования. Целью данной работы является выявление закономерностей смены исследовательских парадигм в отечественной криминологии через призму эволюции теоретико-правовых концепций, что позволяет представить развитие криминологии не как вспомогательную дисциплину уголовного права, а как самостоятельную область знания, чья методология формировалась в диалоге с общей теорией права и философией. З

арождение криминологических идей в России во второй половине XIX века происходило в условиях доминирования классической школы уголовного права и позитивистских установок в социальном познании. Этот период, который А. И. Долгова характеризует как «социолого-статистический», был отмечен формированием парадигмы позитивистского детерминизма. В работах Е. Н. Тарновского[1], Д. А. Дриля и других представителей нравственно-статистической школы преступность начинала осмысливаться как объективная социальная патология, подчиняющаяся устойчивым статистическим закономерностям. С точки зрения теоретического правопознания, данный этап соответствовал кризису формально-догматической юриспруденции и усилению влияния социологической юриспруденции, которая стремилась изучать право не только как систему норм, но и как социальный институт, функционирующий в реальной общественной среде. Именно в этот период закладывалась методологическая основа для последующего разрыва с узконормативным пониманием преступности, утверждалась идея

[1] Тарновский Е. Н. Статистические сведения об осужденных в России за 1885—1889 гг. / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. — 1894. — № 6. — С. 78—112.

о том, что объяснение преступного поведения лежит не только в плоскости уголовно-правового запрета, но и в социально-экономических условиях бытия индивида.

Революционные события 1917 года и последующее установление советской власти привели к кардинальной смене теоретических оснований как правоведения, так и криминологии. В ранний советский период (1920-е гг.) криминология пережила недолгий, но интенсивный расцвет, развиваясь в русле социологическо-экономической парадигмы, методологической основой которой служил марксизм. В работах М. Н. Гернета[1], А. А. Герцензона, С. В. Познышева преступность исследовалась как социальное явление, детерминированное классовыми противоречиями, последствиями войн и социальной дезорганизацией. В теоретическом правоведении этого периода господствовало революционное правосознание, постепенно сменяемое этатистским нормативизмом, который окончательно утвердился к началу 1930-х годов. Криминология, с ее акцентом на социальные причины преступности, оказалась в противоречии с официальным тезисом о построении бесклассового общества и скором отмирании преступности как явления, порожденного эксплуатацией. Это привело к фактическому запрету криминологии как самостоятельной науки в середине 1930-х годов. Ее проблематика была редуцирована до уголовно-правовой концепции «пережитков капитализма», что отражало господство в теории права легистского подхода, отождествляющего право с велениями государства и отрицающего существование объективных социальных закономерностей, выходящих за рамки официальной идеологии.

Возрождение криминологии в период «хрущевской оттепели» и ее институционализация с созданием Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (1963 г.) ознаменовали формирование устойчивой парадигмы комплексного социально-правового детерминизма. В этот период ведущими учеными — В. Н. Кудрявцевым, И. И. Карпецом, Н. Ф. Кузнецовой, А. М. Яковлевым — был детально разработан категориальный аппарат, включающий учение о причинном комплексе преступности, личности преступника и механизме преступного поведения.

С точки зрения теории права, этот этап характеризовался установлением баланса между нормативизмом и социологическим подходом в рамках марксистско-ленинской методологии. Право понималось как возведенная в закон воля господствующего класса, но при этом признавалась его активная роль в организации общественных отношений. Криминология, сохраняя формальную привязку к уголовному закону (легизм), смогла вернуть в свой

[1] Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. Москва : Изд-во НКВД РСФСР, 1927. С. 32.

предмет изучение социальной обусловленности преступности, что свидетельствовало о возвращении к идее права как инструмента не только охраны, но и социального контроля и предупреждения. Однако эта парадигма носила этатистский характер: государство оставалось главным субъектом определения границ преступного и единственным источником легитимных мер реагирования, а критика западных теорий (стигматизации, конфликта) велась с догматических позиций, что ограничивало эвристический потенциал науки.

Распад СССР и кардинальные социально-экономические преобразования 1990-х годов вызвали глубокий кризис, но одновременно и мощный импульс для трансформации криминологического дискурса. Произошел отказ от монистической марксистско-ленинской методологии, что открыло пространство для методологического плюрализма. В этот период в теоретическом правоведении утверждается плюрализм правопонимания: на смену легистскому позитивизму приходят либертарно-юридическая теория (В. С. Нерсесянц)[1], социологический, интегративный и другие подходы, акцентирующие внимание на неразрывной связи права с моралью, справедливостью и правами человека. Эта теоретико-правовая революция непосредственно отразилась на криминологии. Современное состояние отечественной криминологии характеризуется сосуществованием нескольких парадигм.

Во-первых, это модернизированная неоклассическая комплексная парадигма, которая сохраняет мощный теоретико-эмпирический задел советской школы (системность предупреждения, учение о причинности), но освобождается от идеологических ограничений.

Во-вторых, активно развивается плюралистическая парадигма, интегрирующая мировой теоретический опыт - концепции виктимологии, критической криминологии, теории социального контроля, которые ранее подвергались догматической критике.

В-третьих, формируются частно-научные парадигмы в рамках новых криминологических субдисциплин, таких как криминоэкономика, криминопенология, криминология массовых коммуникаций. Проведенный историко-теоретический анализ позволяет заключить, что эволюция отечественной криминологии представляет собой сложный, нелинейный процесс, внутренне сопряженный с эволюцией теоретического правопознания. От позитивистско-статистической парадигмы дореволюционного периода, через социологическо-экономический этап 1920-х годов и идеологизированный запрет, к парадигме комплексного социально-правового детерминизма советского периода и, наконец, к современной мультипарадигмальной

[1] Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. Москва : Норма, 2019. С. 299.

модели — на каждом из этих этапов криминология не просто заимствовала готовые методы из теории права, но и сама выступала катализатором пересмотра устаревших правовых догм. Преодоление наследия идеологической ангажированности и легистской ограниченности, наряду с творческим освоением мирового опыта и сохранением национальной идентичности, составляет ключевую задачу современного этапа. Формирующаяся сегодня синтетическая, мультипарадигмальная модель криминологии, основанная на методологическом плюрализме и междисциплинарном диалоге, открывает новые возможности для осмысления таких вызовов, как глобализация, киберпреступность, новые формы девиантности, и позволяет выстроить более адекватную и гуманистичную систему реагирования на преступность, соответствующую современным представлениям о праве и социальной справедливости.

Научная статья
УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ В РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БАРЬЕРОВ ОБРАЩЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Анна Владимировна ХАПЕРСКАЯ
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Научный руководитель доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, к.ю.н., доцент, г. Санкт-Петербург, Россия **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, Tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу причин высокой латентности семейно-бытового насилия в России, обусловленных неэффективностью уголовно-правовых механизмов защиты потерпевших. На основе виктимологического подхода рассматриваются социальные и правовые барьеры, формирующие у жертв состояние «выученной беспомощности» и препятствующие обращению в правоохранительные органы. Особое внимание уделяется дефектам правоприменения, включая институт примирения сторон, отсутствие специализированного законодательства и явление вторичной виктимизации в уголовном процессе. Делается вывод о том, что массовый отказ от подачи заявлений является следствием системного кризиса взаимодействия уголовного права и криминологической реальности. Обосновывается необходимость комплексных реформ, направленных на

создание эффективных уголовно-процессуальных гарантий безопасности жертв семейного насилия.

Ключевые слова: семейное насилие, уголовно-правовые механизмы, латентность, виктимность

Семейно-бытовое насилие в России традиционно относится к категории преступлений с наиболее высоким уровнем латентности, что обусловлено не столько особенностями самого деликта, сколько системным несовершенством правовых инструментов, призванных обеспечивать защиту потерпевших. Уголовно-правовые механизмы, закрепленные в действующем законодательстве, вступают в противоречие с реальными потребностями жертв, формируя ситуацию, в которой обращение за государственной защитой оказывается не только бесперспективным, но зачастую и опасным. С позиции криминологии, в частности виктимологического подхода, указанная проблема требует анализа не просто статистических данных о преступности, а глубинных причин, по которым потерпевшие сознательно отказываются от реализации своего права на уголовное преследование агрессора.

Актуальность данного вопроса подтверждается эмпирическими данными. Согласно опросу ВЦИОМ, опубликованному в 2025 году, 10 % россиян признали наличие конфликтов с применением силы в собственных семьях, а 30 % опрошенных хотя бы раз становились свидетелями домашнего насилия в своем окружении. При этом исследование Центра по изучению проблем домашнего насилия СПбГУ, проведенное в 2024—2025 годах, зафиксировало парадоксальную тенденцию: на фоне снижения общего числа зарегистрированных преступлений, связанных с семейным насилием, показатели виктимизации по отдельным категориям потерпевших не только не снизились, но и увеличились[1]. Данные Всероссийского телефона доверия свидетельствуют о том, что около 80 % обратившихся женщин сталкивались с физическим насилием, причем в 77 % случаев агрессорами выступали супруги или сожители[2]. Эти цифры указывают на колоссальный разрыв между реальным уровнем криминальной агрессии и количеством возбужденных уголовных дел.

Социальные факторы, традиционно рассматриваемые в криминологии как детерминанты виктимности, в российских условиях тесно переплетены с дефектами уголовно-правового регулирования. Экономическая зави-

[1] Согласно опросу ВЦИОМ, в каждой десятой семье в России есть домашнее насилие: причины, методы борьбы. Газета.Ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/2025/09/25/21751316.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Эксперт СПбГУ представил новые данные о домашнем насилии | Санкт-Петербургский государственный университет. [Электронный ресурс]. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii (дата обращения: 11.02.2026).

симость жертвы, которую А. И. Долгова[1] определяет как ключевой элемент виктимности, становится непреодолимым барьером для инициирования уголовного преследования, поскольку последнее, в отсутствие эффективных механизмов изоляции агрессора и системы кризисной поддержки, практически гарантирует потерю жилья и средств к существованию. Патриархальные стереотипы, описанные Л. В. Сердюк[2] как установки, оправдывающие «силовые методы воспитания» и главенство мужчины, не только формируют общественное осуждение жертвы, но и проецируются на правоприменительную практику, где заявления о семейных конфликтах нередко воспринимаются как нежелательное вмешательство в частную жизнь. Ключевым психологическим механизмом, замыкающим круг насилия, выступает феномен «выученной беспомощности» (М. Селигман), который в контексте уголовно-правовой реальности приобретает особое звучание. Жертва, столкнувшаяся с многократными отказами в возбуждении уголовного дела, формальными проверками либо с давлением с целью примирения, усваивает модель бесполезности обращения к государственным институтам. Теория «цикла насилия» (Л. Уокер) дополняет эту картину, объясняя, почему даже при наличии телесных повреждений потерпевшие не стремятся фиксировать преступление: фаза «медового месяца» сменяется угрозами эскалации в случае привлечения партнера к уголовной ответственности.

Однако главные причины высокой латентности коренятся в самой уголовно-правовой системе, которая вместо защиты создает для жертвы дополнительные процессуальные риски. Отсутствие в Российской Федерации специализированного закона о домашнем насилии оставляет правоприменителя оперировать разрозненными нормами, среди которых ст. 116.1 УК РФ[3] (побои в отношении близких лиц) демонстрирует низкую эффективность из-за сложностей доказывания и наличия административной преюдиции. Более того, институт примирения сторон, закрепленный в ст. 25 УПК РФ, из факультативного основания для освобождения от ответственности превращается в инструмент давления на потерпевшую. Агрессор, осознавая, что уголовное дело небольшой или средней тяжести может быть прекращено за примирением, использует этот механизм для вынуждения жертвы к отказу от заявления, что, по сути, легитимизирует безнаказанность и формирует у потерпевшей устойчивое недоверие к правоохранительной системе. Ситуация усугубляется явлением вторичной виктимизации в ходе

[1] Долгова А. И. Криминология: учебник для вузов / А.И. Долгова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2019. С. 315—320.

[2] Сердюк Л. В. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений в семье: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 54—60.

[3] «Уголовный кодекс Российской Федерации: УК : текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. Москва : Эксмо, 2017. 350 с.

предварительного расследования. Жертвы нередко сталкиваются с формальным отношением, попытками переложить вину за случившееся на них самих, а также с отсутствием реальных механизмов обеспечения безопасности на период следственных действий. Показательным является случай Ольги Салдиной, когда жертва избиения была привлечена к административной ответственности за «нарушение тишины», тогда как действия агрессора не получили своевременной уголовно-правовой оценки. Такие примеры демонстрируют, что существующие уголовно-правовые механизмы не только не выполняют превентивную функцию, но и создают для потерпевших дополнительные барьеры, делая обращение в полицию равносильным повторной травматизации.

Таким образом, массовый отказ жертв семейного насилия от подачи заявлений в правоохранительные органы представляет собой не проявление личностной слабости, а следствие системного кризиса взаимодействия уголовного права и криминологической реальности. Жертва оказывается в правовой ловушке: социальные нормы предписывают терпеть, экономические условия лишают возможности автономного существования, а уголовно-процессуальные институты (примирение, частное обвинение, отсутствие охранных ордеров) не предоставляют безопасных и эффективных инструментов защиты. Преодоление латентности семейно-бытового насилия требует не ужесточения санкций, а кардинальной перестройки уголовно-правового подхода: принятия специализированного закона, введения в УПК РФ[1] механизмов охранных предписаний, исключения возможности примирения по делам о семейном насилии без подтвержденного факта прохождения агрессором коррекционных программ, а также создания системы кризисных центров, способных обеспечить реальную альтернативу жизни с агрессором. Без устранения этих системных барьеров любые попытки повысить эффективность уголовного преследования в сфере семейно-бытовых отношений будут обречены на сохранение высокой латентности и недоступности правосудия для наиболее уязвимых категорий потерпевших.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) Электронный ресурс // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Ст. 42.

Научная статья
УДК 343.8

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анастасия Михайловна ХРИПУНКОВА
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Научный руководитель доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, к.ю.н., доцент, г.Санкт-Петербург, Россия **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА**, Tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе криминологического подхода анализируются социальные последствия преступности в современной России с учётом данных 2025 года. Выявляется противоречивая динамика: при общем снижении регистрируемой преступности происходят качественные изменения, повышающие её общественную опасность, включая рост доли тяжких деяний, цифровизацию криминальных практик и усиление влияния организованных преступных групп. Особое внимание уделяется проблемам подростковой преступности, низкой резильентности общества и недостаточной эффективности существующих мер поддержки жертв преступлений. Обосновывается необходимость перехода от репрессивной модели предупреждения к институциональным преобразованиям, направленным на повышение прозрачности государственных структур и защиту прав пострадавших. В заключении формулируются приоритетные направления минимизации социального ущерба от преступности в рамках обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: социальные последствия преступности, криминологический анализ, предупреждение преступности, организованная преступность

Социальные последствия преступности представляют собой одну из центральных категорий криминологии, отражающую многомерное влияние криминальной деятельности на состояние общественных институтов, экономику, демографическую безопасность, психологический климат и ценностно-нормативную систему общества. В условиях современной России исследование этих последствий приобретает особую значимость в связи с глубокими трансформациями криминального ландшафта, которые не всегда улавливаются традиционными методами статистического учёта.

Криминологический подход требует не только констатации количественных изменений преступности, но и анализа её качественных

характеристик, латентности, а также оценки эффективности системы предупреждения. Настоящая работа посвящена комплексному анализу социальных последствий преступности в Российской Федерации в 2025 году, выявлению факторов, определяющих их современное состояние, и обоснованию приоритетных направлений предупреждения преступности, ориентированных на снижение социального ущерба.

Основные тенденции преступности в Российской Федерации в 2025 году. Согласно официальным данным, опубликованным Министерством внутренних дел России в январе 2026 года, в 2025 году наблюдалось устойчивое снижение регистрируемой преступности. Общее количество зарегистрированных преступлений сократилось на 7,3 % по сравнению с предыдущим годом. Положительная динамика зафиксирована в отношении большинства традиционных видов уголовных правонарушений: число убийств и покушений на убийство снизилось на 11,8 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — на 14,8 %, количество разбоев сократилось на 11,2 %, грабежей — на 18,3 %, краж — на 9,3 %[1]. Улучшились показатели преступности в общественных местах, снизилось число дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими. В официальном дискурсе эти данные активно легитимируются как результат эффективной работы правоохранительной системы и реализуемых профилактических мер. Однако криминологический анализ не может ограничиваться констатацией позитивных количественных изменений. Параллельно со статистическим снижением происходят структурные сдвиги, свидетельствующие о росте общественной опасности криминальной деятельности. Так, несмотря на общее сокращение числа преступлений, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на 11,8 %), их качественная составляющая остаётся крайне опасной: в предшествующий период, по данным 2023 года, наблюдался 30-процентный рост нарушений в сфере информационной безопасности, что указывает на устойчивость тенденции к цифровизации криминальных практик. Одновременно увеличивается доля тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве, что приводит к более концентрированным и разрушительным социальным последствиям даже при общем снижении числа зарегистрированных деяний[2].

Особую тревогу вызывает ситуация с подростковой преступностью. В 2025 году, по данным Следственного комитета Российской Федерации, было зафиксировано свыше 14 тысяч несовершеннолетних, совершивших преступления. При этом отмечается устойчивый рост числа подростков,

[1] Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году : официальный сайт МВД России. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu (дата обращения: 03.02.2026).

[2] В РФ в 2023 году почти на 30 % больше зарегистрировано IT-преступлений : информационное агентство ТАСС. – URL: https://tass.ru/ekonomika/19934623 (дата обращения: 07.02.2026).

вовлечённых в состав организованных групп или преступных сообществ, а также увеличение на 13 % (до 1,5 тыс.) насильственных посягательств на жизнь и здоровье, совершённых несовершеннолетними. Данные явления формируют долгосрочные социальные последствия: криминальная субкультура воспроизводится в молодёжной среде, создавая устойчивый резерв для организованной преступности и затрудняя реализацию профилактических мер, направленных на социализацию подрастающего поколения. В ответ государство делает акцент на идеологически-превентивных инициативах, таких как увеличение числа кадетских классов под эгидой Следственного комитета и развитие программы «Юный следователь». Однако эффективность этих мер в противодействии глубинным причинам девиантного поведения подростков остаётся дискуссионной с точки зрения криминологической науки.

Качественные изменения криминальной ситуации и их социальные последствия. Наиболее тяжёлые и системные социальные последствия порождает деятельность организованных преступных групп, которые интегрированы в экономические и государственные структуры. Согласно Глобальному индексу организованной преступности, Россия занимает первое место в Европе по уровню криминальности с общим баллом 6,92 из 10. Криминальные рынки страны отличаются высокой степенью развития: максимальные оценки (8,5—9 баллов)[1] получены за такие виды деятельности, как торговля синтетическими наркотиками, киберпреступления, финансовые преступления и торговля людьми. Последнее представляет собой особо вопиющую проблему: Россия выступает страной происхождения, транзита и назначения для мужчин, женщин и детей, подвергающихся трудовой и сексуальной эксплуатации.

Социальным последствием этого становится хроническая уязвимость наиболее незащищённых групп населения, а также формирование устойчивых неформальных практик в сферах трудовой миграции и малого бизнеса. Прямым следствием высокой организованной преступности является катастрофически низкая устойчивость общества к криминальным угрозам. По индексу резильентности (устойчивости) Россия занимает 150-е место из 193 стран с баллом 3,42. Особенно слабыми компонентами выступают поддержка жертв и свидетелей (2,5 балла), прозрачность и подотчётность правительства (2,5 балла), а также роль негосударственных акторов (2,0 балла). С криминологической точки зрения это означает, что механизмы социального контроля, правовой защиты и гражданского участия неспособны эффективно противостоять давлению криминальных структур, что ведёт к деформации правосознания, распространению коррупционных практик и

[1] The Organized Crime Index : Global Initiative Against Transnational Organized Crime. – URL: https://ocindex.net/country/russia (дата обращения: 08.02.2026).

подрыву доверия к государственным институтам. Экономические и демографические последствия преступности в таком контексте приобретают долгосрочный характер: помимо прямых убытков от краж, мошенничеств и вымогательств, экономика несёт колоссальные издержки от коррупции и теневизации целых секторов, контролируемых организованными группами.

Анализ социальных последствий преступности в России показывает, что традиционная модель предупреждения, ориентированная преимущественно на репрессивные меры и количественное снижение регистрируемой преступности, не в полной мере отвечает вызовам современной криминальной реальности. Криминологическая наука подчёркивает необходимость перехода к комплексной стратегии, включающей не только уголовно-правовое воздействие, но и институциональные преобразования, направленные на повышение резильентности общества. В связи с выявленными тенденциями ключевыми направлениями предупреждения преступности следует признать противодействие институционализации организованной преступности и коррупции в правоохранительной и судебной системах. Повышение прозрачности государственных институтов, обеспечение реальной защиты негосударственных акторов (журналистов-расследователей, общественных организаций), занимающихся антикриминальной деятельностью, а также создание эффективной системы поддержки свидетелей и пострадавших являются необходимыми условиями для снижения социального ущерба от преступности. Особое значение приобретает развитие криминологической профилактики, направленной на нейтрализацию факторов, способствующих воспроизводству криминальной субкультуры, особенно в молодёжной среде. Программы ресоциализации для жертв торговли людьми и трудовой эксплуатации, а также меры по восстановлению социальной справедливости и компенсации причинённого вреда должны стать неотъемлемой частью государственной политики предупреждения преступности. Без учёта качественных изменений криминального ландшафта, роста латентности и сращивания организованной преступности с государственными структурами любые количественные улучшения статистических показателей не могут служить надёжным критерием эффективности.

Социальные последствия преступности в современной России выходят далеко за рамки прямого физического или имущественного ущерба. Они формируют угрозу национальной безопасности, подрывая социальную ткань общества, деформируя ценностные ориентиры и снижая устойчивость государственных институтов. Проведённый криминологический анализ показывает, что при официально фиксируемом снижении традиционных видов преступлений происходят качественные изменения, ведущие к росту общественной опасности криминальной деятельности: увеличение доли тяжких

преступлений, консолидация организованной преступности, её экспансия в цифровую и транснациональную сферы, а также воспроизводство криминальной субкультуры среди несовершеннолетних. В связи с этим система предупреждения преступности требует существенной трансформации: акцент должен быть смещён с репрессивных мер на повышение резильентности общества, защиту прав пострадавших, антикоррупционные механизмы и вовлечение институтов гражданского общества в противодействие криминальным угрозам. Только такой комплексный подход позволит минимизировать социальные последствия преступности и укрепить основы правопорядка в Российской Федерации.

Научная статья
УДК 343.9

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Кирилл Алексеевич ХРОМЫХ
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
Kirillhromih123@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА,** tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу вызовов киберпреступности, обусловленных ускоренной цифровой трансформацией государственного управления, экономики и социальной сферы. Анализируются понятие киберпреступности, статистические данные совершения преступлений в этой сфере и проблемы противодействия данным преступлениям. Обосновывается тезис о том, что эффективное противодействие киберпреступности требует перехода от реактивной модели защиты к прогностической, базирующейся на принципах устойчивости цифровой экосистемы.

Ключевые слова: цифровая трансформация, киберпреступность, противодействие, информационная безопасность, персональные данные, искусственный интеллект

Цифровые технологии прочно вошли в жизнь современного общества, изменяя экономику, управление, образование, правовые процессы и повседневные дела. Однако наряду с развитием информационных технологий

появилась новая угроза — киберпреступность. С каждым годом ее размах увеличивается, затрагивая личные данные граждан, финансовые системы и государственную инфраструктуру.

Киберпреступления, такие как похищение личных данных, нелегальное копирование информации и заражение компьютеров вирусами, значительно возросли за последние три десятилетия. Злоумышленники, адаптируясь к современным условиям, разрабатывают свежие схемы, которые могут причинить ущерб людям с недостаточными навыками в области цифровой грамотности.

Киберпреступления — это виновное противоправное деяние, совершённое в информационном пространстве с использованием компьютерных систем и сетей, за которое предусмотрено уголовное наказание[1].

Киберпреступление всегда подразумевает наличие хотя бы одного из следующих фактов[2]:

преступную деятельность с целью атаки на компьютеры с использованием вирусов или другого вредоносного ПО;

использование компьютеров для совершения других преступлений.

Анализируя статистические данные, можно отметить, что было резкое увеличение количества преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в 2020 году. Количество совершенных киберпреступлений увеличилось в 5 раз по сравнению с 2017 годом. Такой существенный подъем связан с усилением цифровизации общества, процесс которой начал активно развиваться в период пандемии. Граждане переходили на удаленный режим работы и учебы, в связи с чем возрастала их активность в сети интернет[3].

Однако в настоящее время можно отметить, что их количество заметно снижается. По данным МВД России, в 2025 году зафиксировали 663 тыс. киберпреступлений. Это стало результатом совместных усилий всех взаимодействующих органов власти. Данная позитивная тенденция сохранилась и в последующие месяцы. В результате по итогам 2025 года преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано на 11,8 % меньше, чем в 2024 году, в том числе категории тяжких и особо тяжких — на 4,6 %. Количество

---

[1] Буз С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // ЮП. 2019. № 4 (91). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-ponyatie-suschnost-i-obschaya-harakteristika (дата обращения: 20.02.2026).

[2] Сережкина С. А. Кибербезопасность и киберпреступность в эпоху цифровизации / С. А. Сережкина, Ю. В. Мельникова // Экономика и право в России и мире : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 06 декабря 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 98—102.

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2020 года. // Сайт. 21 января 2021 год. // URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/ (дата обращения: 20.02.2026).

дистанционных краж снизилось на 23,6 %, дистанционных мошенничеств — на 9 %, а преступлений в сфере компьютерной информации — на 42,2 %[1].

По данным на январь 2026 года также уменьшилось на 25,7 % число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, в том числе категории тяжких и особо тяжких — на 28 %. При этом на 26,7 % сократилось количество дистанционных краж, а преступлений в сфере компьютерной информации — на 45,8 %[2].

Что касается нормативно-правового регулирования данного вопроса, то особое значение имеет Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3]. В нём описываются порядок использования информации и безопасность данных в сети Интернет, Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[4]. В нём разъясняются понятия, используемые в статье 274.1 Уголовного кодекса РФ[5], где говорится о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру страны, а также международные акты по вопросам борьбы с преступлениями в сфере компьютерных технологий. В частности, Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, которое было заключено в городе Душанбе 28 сентября 2018 года[6].

Особое регулирование осуществляется в сфере оборота персональных данных — Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[7]. Этот закон направлен на защиту прав и свобод личности и гражданина в процессе обработки их персональной информации, включая

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2025 года. // Сайт. 20 января 2026 год. // URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 20.02.2026).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2026 года. // Сайт. 20 февраля 2026 год. // URL: https://мвд.рф/reports/item/79262389/ (дата обращения: 20.02.2026).

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». // Справ.-информ. сист. ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 20.02.2026).

[4] Федеральный закон от 26.07.2017 №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». // Справ.-информ. сист. ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/71730198/ (дата обращения: 25.02.2026).

[5] Уголовный кодекс (УК РФ). Справ.-информ. сист. ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 25.02.2026).

[6] Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (заключено в городе Душанбе 28 сентября 2018 года). // Справ.-информ. сист. ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/72087644/ (дата обращения: 25.02.2026).

[7] Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных». // Справ.-информ. сист. ГАРАНТ // URL: https://base.garant.ru/12148567/ (дата обращения: 25.02.2026).

охрану права на неприкосновенность частной жизни, а также личную и семейную тайну.

Несмотря на такое количество нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы защиты прав в информационно-телекоммуникационных системах, существует ряд проблем правоприменения. Например, пробелы в законодательстве из-за развития цифровых технологий. Вопросы уголовной ответственности за преступления, сопряжённые с использованием криптовалюты, не определены в нормативных правовых актах. Также к проблемам можно отнести[1]:

отсутствие чётких формулировок и определений для правильной квалификации преступлений;

несвоевременность выявления киберпреступлений. В некоторых случаях с момента совершения преступления до поступления информации о нём проходит более 10 дней;

трудности в установлении лица, совершившего преступление.

Помимо проблем нормативного регулирования существует еще ряд вызовов. Например, использование искусственного интеллекта позволило автоматизировать процесс создания фишинговых сообщений, делая их персонализированными и грамматически безупречными. Еще более серьезной угрозой стало использование технологии Deepfake для имитации голоса или видеоизображения с целью авторизации мошеннических транзакций. Также криптовалюты предоставили мошенникам канал для вывода похищенных средств через различные биржи, что усложняет работу правоохранительных органов по отслеживанию финансовых потоков.

Таким образом, противодействие современным киберпреступлениям требует комплексного подхода, сочетающего технологические, правовые меры и повышение цифровой грамотности общества. Опыт последних лет демонстрирует, что традиционные методы законотворчества, которые включают в себя продолжительные обсуждения и принятия норм, уже не соответствуют динамике развития новых форм цифровой преступности. В связи с этим стоит разработать механизм для ускоренного принятия правовых решений по наиболее актуальным вопросам, инвестировать в подготовку специалистов по работе с информационно-телекоммуникационными системами, внедрять современные технологии защиты.

[1] Шумилин В. П., Лысенко Е. С., Острякова А. Ф. Проблемы законодательства о киберпреступности // Аграрное и земельное право. 2022. №5 (209). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zakonodatelstva-o-kiberprestupnosti (дата обращения: 25.02.2026).

Научная статья
УДК 343

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Альбина Алексеевна ШЕПЕЛЕВА
Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, России
310120062004a@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, **Татьяна Владимировна ВАЛЬКОВА,** Tatiana.v.v@yandex.ru

Аннотация. Незаконный оборот наркотиков не только в России, но и во всем современной мире является большой проблемой, с которой органы правоохранительной власти борются постоянно и непрерывно. На сегодняшний момент незаконный оборот наркотиков является хорошо организованной преступностью со своими особенностями, которые необходимо знать, для того чтобы уметь с ней бороться.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, уголовное право, криминология, доказывание, наказание, запрещенные вещества

Наркотические вещества, такие как морфий и кокаин, стали распространенными еще в дореволюционной России, когда они применялись в качестве обезболивающих препаратов, из-за чего люди получали наркотические зависимости. Сегодня наркоманию считают болезнью, когда человек употребляет наркотические препараты несмотря на вред для здоровья и негативные последствия[1]. Незаконный оборот наркотических средств — это отрицательная антиобщественная реалия, которая представляет собой мировую угрозу всему населению. Свое распространение оборот наркотических и психотропных средств получил в основном среди несовершеннолетних и молодежи, посредствам незаконной организованной преступности. Существует ряд следующих причин, которые способствуют распространению наркотиков: снижение уровня профилактики среди подростков и молодежи; отсутствие возможности принудительного освидетельствования, для тех лиц, в отношении которых есть предположения, что они могли употребить наркотические вещества; высокое потребление наркотиков в зоне военной

[1]Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О наркотических средствах и психотропных веществах».

операции, вследствие чего повышение зависимости; популяризация наркотических и психотропных веществ в кинематографе и сети «Интернет».

Из-за активного использования сети «Интернет», к примеру Телеграмм-ботов, идет пропаганда и незаконное распространение наркотиков и различных запрещенных веществ, с чем связана высокая латентность данных преступлений. Мессенджер Телеграм, согласно

политике конфиденциальности, не предоставляет никому, кроме администраторов канала,

информацию о том, кто ведет канал, и кто на него подписан. Бесконтактный способ сбыта наркотиков имеет простую систему, которую сложно отследить. Существует множество различных участников, которые замешаны в наркообороте, они подразделяются в зависимости от выполняемой роли в системе, это могут быть: организаторы/руководители незаконных нарко-группировок, изготовители запрещенных препаратов, курьеры, сбытчики различного веса, «заказчики», распространители рекламы, «сторожа», «прачки» (отмыватели), «крыша»[1].

Земцова С. И. в своих трудах отмечает, что большинство преступлений совершается именно организованными преступными формами, в которых участники имеют свою иерархию с определенными функциями и ролями. В основном в таких преступных группах участники делятся на криминальных лидеров и второстепенных участников. Такие участники как лидеры/организаторы обычно не общаются с другими участниками групп и не пересекаются непосредственно с наркотическими средствами, они лишь руководят и контролируют процесс. Из-за чего доказать его участие в совершении преступлений почти невозможно. К основным задачам криминального лидера относится координация всей преступной группы начиная от действий каждого участника, заканчивая поиском поставщиков наркотических веществ[2]. Так, к примеру, некий гражданин решил создать аккаунт с социальной сети «ВКонтакте» для того, чтобы скрыто пропагандировать наркотики и синтетические средства. Данный организатор хорошо законспирировался и разработал структуру преступного сообщества, для которого составил планы и схемы действий, нашел себе в преступную группу сообщников, распределил между ними роли и задачи, установил единые прайс на сбываемые вещества, наладил каналы для поставки крупных партий товара и давал указания по расширению ассортимента, занимался поиском поставщиков наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Вступив в данную преступную организацию, остальные участники, следуя разработанной структуре и указаниям лидера, реализуют

[1]Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 800 с.

[2]Соловьев В. С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации / В. С. Соловьев. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с.

осуществление преступных планов, занимаясь сбытом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, что приводит к участию их в поиске поставщиков. Исходя из следующего можно сделать вывод, что не только организатор занимается бесконтактным распространением наркотических средств, но и:

разработчики психоактивных веществ — это люди, которые непосредственно занимаются созданием и разработкой новых наркотических и психотропных веществ;

контрабандисты — это группа лиц, перемещающие наркотические средства через государственные границы нашей страны;

оптовые наркокурьеры — это лица, занимающие транспортировкой наркотиков внутри страны в больших объемах;

«маркетологи» — занимаются ведением сайтов в сети Интернет, рекламных каналов, привлечением «клиентов», которые способствуют продвижению противоправной деятельности наркотических группировок;

«складмены» — это лица, которые принимают от дилеров крупные объемы наркотических средств и расфасовывают их на мелкие части для продажи;

«диспетчеры» — люди, которые принимают заказы и заявки на определенные наркотические вещества с целью их приобретения, а также отслеживают оплату за товар и являются передатчиками информации от закладчика к покупателю;

«кураторы» — занимаются отчетами по проделанной работе перед лидером группы, контролируют лиц, приобретающих наркотические вещества, отвечают за сохранение конспирации и безопасность закладчиков;

«кадровики» — люди, отвечающие за отбор и привлечение лиц, в последствии участвующих в преступной группировке;

закладчики («кладмены») — непосредственно сами исполнители, которые занимаются закладыванием наркотических средств по определенным договорным местам и направляют данные диспетчеру, который передает их заказчику;

«кассиры» — лица, занимающиеся обналичиванием денежных средств, которые поступают на счет преступной группировки и впоследствии распределяются между участниками;

«промоутеры»/«граффитчики» — участники, которые наносят на различные здания и другие места улицы данные о своих интернет-магазинах для сбыта наркотиков. В основном для этого используя трафареты, стикеры и другие различные махинации;

«коллекторы» — применяют физическую силу с целью расправы в отношении курьеров, совершивших какую-либо ошибку, повлекшую ущерб преступной организации; лица, применяющие насильственные действия в

отношении курьеров, допустивших хищение наркотиков у магазина или причинивших иной ущерб;

«дроперы» — лица, занимающиеся обналичиванием денежных средств либо люди, которые предоставляют свои данные для проведения нелегальных банковских операций для конспирации[1].

На сегодняшний день остро стоит вопрос о борьбе с распространением наркотических средств и проблемой выявления всех участников организованных преступных группировок в сфере незаконного оборота наркотиков. Большинство из таких лиц остаются безнаказанными, ведь участники могут быть даже не знакомы друг с другом, зная при этом только «ник» в Интернет-пространстве, и в некоторых случаях просто не предоставляется возможным распутать всю цепочку преступной организации.

X. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Научная статья
УДК 343.1

МЕДИАЦИЯ В ДЕЛАХ О ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ: ИНСТРУМЕНТ СЕМЕЙНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИЛИ ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ?

Алина Александровна БОЧУКОВА[1], Алёна Сергеевна МАКАРЕНКО[2]
[1,2] Тульский государственный университет, Тула, Россия
[1] miss.bochukova@mail.ru
[2] svetamk2006@rambler.ru

Научный руководитель профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, доктор юридических наук, доцент **Владимир Олегович ДАВЫДОВ**, vladdv71@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется потенциал и риски применения медиации в делах о домашнем насилии. Раскрывается междисциплинарная природа феномена домашнего насилия и даётся его авторская дефиниция. Оцениваются возможности медиативного подхода в рамках российского уголовного судопроизводства с учётом нормативно-правовой базы, выделяются его преимущества и ключевые риски. Обозначаются принципиальные условия допустимости медиации — добровольность согласия потерпев-

[1] Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «телеграм» в распространении наркотиков», г. Иркутск, 2019. 13 с.

шего, сопровождение профильными специалистами, сохранение мер уголовно-правовой ответственности. Делается вывод о том, что медиация должна выступать дополнительным механизмом сопровождения уголовного преследования, а не его заменой, при безусловном приоритете безопасности жертвы.

Ключевые слова: домашнее насилие; медиация; виктимизация; примирительные процедуры; уголовный процесс; восстановительное правосудие; реабилитация семьи

Домашнее насилие выступает многогранным социальным феноменом, инкорпорированным в структуру современных общественных отношений. Его актуальность обусловлена проявлением системных сбоев в функционировании социальных институтов, сохранением архаичных культурных паттернов, а также наличием существенных социально-экономических диспропорций в социуме.

Понятие «домашнее насилие» характеризуется междисциплинарной природой, интегрируя в свою дефиницию правовые, социологические и психологические компоненты. Отметим лишь несколько ключевых подходов к его трактовке, сформировавшихся в современной науке:

подход криминологический, согласно которому «домашнее насилие рассматривается как совокупность умышленных преступных деяний, совершаемых в сфере семейных отношений»[1];

социологическая концепция, интерпретирующая насилие как «инструмент поддержания иерархии в семье с использованием механизма принуждения»[2];

психологическая парадигма Уокер Э. Ленор, в рамках которой делается акцент на «системности и циклическом характере действий, направленных на подавление воли жертвы»[3].

В свою очередь, с позиции международного права термин «домашнее насилие» определяется как акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, совершаемые внутри семьи или домашнего хозяйства, независимо от биологических или юридических связей[4], что закономерно, на наш взгляд, подчеркивает специфику объекта посягательства, а именно физическую и психическую неприкосновенность личности в условиях близких отношений.

---

[1] Шестаков Д. А. Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации») // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 1 (56). 2020. С. 24—29.

[2] Крылов Д. С. Проблема домашнего насилия в социологической исследовательской парадигме // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 10. 2018. С. 48.

[3] Павлова А. О. Домашнее насилие и концепция цикличности насилия Л. Уокер // Молодой учёный. № 50 (549). С. 443—444.

[4] Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11 мая 2011) // СПС «Гарант».

В современном российском законодательстве прямого нормативного определения термина «домашнее насилие» не закреплено, однако в правоприменительной практике используется близкое понятие «семейно-бытовое насилие», под которым принято понимать умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления.

Анализ упомянутых выше подходов приводит к выводу о том, что домашнее насилие представляет собой не эпизодические конфликты или случайные ссоры, а системное, целенаправленное поведение, ориентированное на подавление личности. Существенная специфика данного феномена заключается в его локализации в пространстве близких отношений, т. е. там, где человек по определению должен ощущать себя защищённым. Подобное насилие оказывает деструктивное воздействие на личность жертвы, что обусловливает необходимость комплексного реагирования, включающего как правовые механизмы защиты, так и меры социально-психологической поддержки.

На основании вышеизложенного полагаем возможным предложить (безусловно, в порядке научной дискуссии) следующую дефиницию категории «домашнее насилие» – это система умышленных актов принуждения (физического, психологического, сексуального или экономического характера), совершаемых лицами, связанными родственными или интимными узами, целью которых является установление долгосрочного контроля и власти над личностью путём систематического нарушения её прав, свобод и физической неприкосновенности.

В правовой системе Российской Федерации предусмотрен многоуровневый комплекс мер по противодействию домашнему насилию, включающий различные виды юридической ответственности, что создает основу для защиты жертв и наказания правонарушителей. Однако очевиден и следующий факт: противодействие домашнему насилию закономерно требует системного поиска инновационных профилактических решений и разработки на их основе эффективных механизмов разрешения рассматриваемой проблематики. При этом существующая на практике определенная ограниченность возможностей традиционных методов реагирования на противоправные инциденты подобного рода обусловливает необходимость научного поиска и внедрения в практику альтернативных подходов к урегулированию семейных конфликтов, одним из которых, на наш взгляд, может выступить подход медиативный.

По своей сути, медиация, как альтернативный способ урегулирования конфликтов представляет, собой структурированный процесс, в рамках которого нейтральный посредник (медиатор) содействует сторонам в достижении взаимоприемлемого соглашения. В соответствии со статьей 2

Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», медиация – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения[1].

С позиций междисциплинарной области научного знания – конфликтологии, медиативный подход в контексте противодействия домашнему насилию демонстрирует значительный эвристический потенциал, обусловленный следующими ключевыми детерминантами:

во-первых, возможностью конструирования безопасной коммуникативной среды, т.е. создания психологически комфортного пространства для диалога, минимизирующего риски эскалации конфликта;

во-вторых, сбалансированной репрезентацией интересов, т.е. обеспечением равноправного учёта потребностей и позиций всех участников конфликтного взаимодействия.

в-третьих, формированием конструктивных паттернов коммуникации, т.е. выработкой устойчивых моделей взаимопонимания и кооперативного поведения.

Таким образом, в аспекте деликтов, связанных с домашним насилием, полагаем возможным рассматривать понятие «медиация» как специально организованную процедуру урегулирования конфликта между членами семьи, при котором имело место физическое или психологическое насилие, осуществляемую с участием профессионального медиатора, направленную на безопасное достижение соглашения о прекращении насильственных действий и восстановлении здоровых семейных отношений при безусловном приоритете защиты жертвы.

Обратим внимание и на следующее значимое обстоятельство: современная медиация выходит за рамки ситуативного урегулирования текущего конфликта. Её превентивная ценность заключается именно в системной трансформации деструктивных паттернов межличностного взаимодействия в семье, что закономерно создаёт устойчивые предпосылки для профилактики рецидивов домашнего насилия. Таким образом, медиативный подход реализует двойную функцию: сиюминутного разрешения семейного бытового конфликта и долгосрочной модификации поведенческих стратегий его участников.

Использование института медиации в уголовном судопроизводстве обрело новый смысл в связи со сменой стратегической парадигмы уголовной политики российского государства, предполагающей отход от традиционно карательной модели, ориентированной преимущественно на наказание

[1]Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «Гарант».

виновного лица, в пользу гуманистически ориентированного подхода. Новый вектор развития, в первую очередь, характеризуется переориентацией цели уголовного правосудия путем смещения акцента с безусловного применения репрессивных мер на оценку целесообразности наказания в контексте фактического восстановления нарушенного объекта уголовно-правовой охраны.

Полагаем, что отмеченная нормативно-правовая парадигма создаёт институциональные предпосылки для реализации альтернативного механизма урегулирования деликтных правоотношений рассматриваемой категории. Институт медиации может и должен способствовать восстановлению диалога между участниками конфликта, поможет выявить истинные причины наличествующих разногласий, а также найти конструктивные пути их разрешения, что особенно важно в семейных отношениях.

В то же время, в контексте существующей модели уголовного судопроизводства применение медиации ограничено положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Несмотря на отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямого упоминания термина «медиация», примирительная процедура, как отмечает О.В. Макарова, «фактически выступает инструментом реализации восстановительного правосудия»[1]. Так, например, российский законодатель допускает примирительные процедуры по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), а также в случаях прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ)[2]. Однако данные механизмы не распространяются на тяжкие и особо тяжкие преступления, к которым в ряде случаев относятся преступные деяния, связанные с домашним насилием.

Безусловно, в уголовном процессе медиация не может выступать альтернативой уголовному преследованию, однако, на наш взгляд, она способна играть вспомогательную роль в отдельных стадиях уголовного судопроизводства. В частности, на стадии досудебного урегулирования медиация может быть эффективно задействована для оценки возможности частичного разрешения конфликта при условии сохранения целостности процесса доказывания. При этом использование данного инструментария требует, как четкой правовой регламентации, так и обязательного мультидисциплинарного сопровождения (психологического, социального и юридического профиля), при безусловном приоритете уголовно-правовых механизмов в системе защиты лиц, пострадавших от домашнего насилия.

---

[1] Макарова О. В. Медиация в уголовном процессе: восстановительное правосудие как новая парадигма разрешения конфликтов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. №3. С. 70—71.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС «Гарант».

Задачи медиации в делах рассматриваемого рода носят специфический характер. Прежде всего, она призвана обеспечить безопасную среду для выражения позиции потерпевшего, исключающую давление со стороны агрессора. Не менее важна и восстановительная функция: через структурированный диалог агрессор может осознать последствия своих действий, а потерпевший — получить компенсацию вреда. Кроме того, медиация способна снизить психотравмирующий эффект судебного процесса, предоставить жертве доступ к ресурсам социальной поддержки, создать границы безопасного взаимодействия сторон, но при условии жёстких ограничительных мер в отношении агрессора.

Тем не менее применение медиативных процедур в рассматриваемой нами сфере сопряжено с существенными рисками, требующими тщательной оценки. Ключевым из них видится риск двойной виктимизации потерпевшего: в процессе переговоров жертва может подвергнуться скрытому или явному принуждению к «примирению», что фактически официально разрешает насилие. Не менее существенно и возможное смещение фокуса с аспекта «ответственность агрессора» на аспект «урегулирование семейного конфликта», что подрывает принцип неотвратимости наказания. Существует и ряд угроз институционального характера, например, недостаточная компетентность медиаторов в вопросах домашнего насилия, потенциальный конфликт интересов, возможность использования конфиденциальной информации из сессий против жертвы в дальнейшем и другие.

Полагаем, что допустимость использования института медиации в уголовных делах о домашнем насилии возможна лишь при соблюдении ряда принципиальных условий. Во-первых, согласие потерпевшего должно быть добровольным, осознанным и полученным в отсутствие агрессора. Во-вторых, процесс обязан сопровождаться участием профильных специалистов — психологов и социальных работников, способных оценить риски и обеспечить поддержку. В-третьих, субъект расследования должен контролировать содержание и итоги переговоров, не допуская подмены уголовного разбирательства договорённостями сторон. И, наконец, любые соглашения, достигнутые в ходе медиации, не должны влиять на применение мер уголовно-правовой ответственности.

Таким образом, медиация в контексте дел о домашнем насилии должна рассматриваться не как инструмент примирения, а как дополнительный механизм, направленный на снижение травматичности процесса и профилактику рецидива, при безусловном сохранении приоритета безопасности жертвы и принципа справедливости. Её роль сводится к сопровождению уголовного преследования, но не к замене его альтернативными процедурами. Любое отступление от этого принципа чревато превращением медиации из средства защиты в инструмент потворства агрессору.

Научная статья
УДК 343.1

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО

Николай Сергеевич ДРАНИЧНИКОВ
Уральский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
NikolaiDr2006@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права и процесса Уральского института управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук **Мария Игоревна ГАЛЮКОВА**, galyukova-mi@ranepa.ru

Аннотация. Исследование нацелено на изучение норм уголовного и уголовно-процессуального права, регулирующих механизм освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу или заключивших контракт о прохождении военной службы в условиях Специальной военной операции. На основании анализа приведенных норм права выявлена проблема защиты прав потерпевших. По результатам исследования предложены рекомендации по преодолению данной проблемы.

Ключевые слова: специальная военная операция, потерпевший, прекращение уголовного преследования, возмещение вреда

В условиях проведения специальной военной операции (далее — СВО) перед государством возникла необходимость доукомплектования личного состава Вооруженных сил Российской Федерации для защиты страны от внешней военной угрозы. С этой целью государство начало привлекать к участию в боевых действиях осужденных и подозреваемых в совершении преступлений. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) были дополнены следующими статьями. Согласно пункту 1 статьи 78.1 УК РФ лицо, которое было призвано на военную службу в период мобилизации, военного положения или заключило контракт о прохождении военной службы, освобождается от уголовной ответственности[1]. Также определены те виды преступлений, при совершении которых лицо не может быть

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

освобождено от уголовной ответственности: преступления против половой неприкосновенности личности и отдельные виды преступлений против общественного порядка и государственной власти.

Если лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, воспользовалось возможностью заключить контракт или было призвано в вооруженные силы по мобилизации, то согласно пункту 1 статьи 28.2 УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении данного лица[1]. Для прекращения уголовного преследования военнослужащего обязательным условием является ходатайство командира соответствующей воинской части о приостановлении производства по делу. Непосредственно от уголовной ответственности лицо освобождается не в момент прекращения производства по делу, а со дня увольнения лица с воинской службы по следующим основаниям: достижение предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья, в связи с окончанием периода мобилизации, отменой военного положения или после награждения государственной наградой[2].

Данная мера была принята законодателем в чрезвычайных условиях, когда государство испытывало сильный кадровый дефицит в вооруженных силах, задействованных для защиты национальной безопасности России. Государство, таким образом, предоставляет возможность лицу, совершившему преступление, вместо уголовного наказания принять участие в защите страны от внешней военной угрозы. Но у данного правового механизма имеются определенные негативные социальные последствия. И главным из них является невозможность восстановления нарушенных прав потерпевших. Лицо, освобождённое от уголовной ответственности, не может быть принуждено к возмещению вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве. Согласно пункту 3 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23.03.2024 № 64-ФЗ вопросы, связанные с возмещением вреда, могут рассматриваться только в порядке гражданского судопроизводства[3].

Среди российских юристов нет единой позиции относительно социальных последствий данного правового механизма. Но можно отметить, что большинство из них указывают на его явные недостатки, при этом соглашаясь с его необходимостью для государства в сложившихся условиях.

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О воинской обязанности и военной службе» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Федеральный закон от 23.03.2024 N 64-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. А. Семенов и А.Б. Батуева высказывают предположение, что законодатель не заинтересован в защите прав и законных интересов потерпевшего при принятии следователем решения о прекращении производства по уголовному делу[1]. Можно сделать предположение, что для национальной безопасности государства законодатель в данном случае не определяет возмещение вреда, нанесенного преступным посягательством, как главное условие освобождения от уголовной ответственности, что приводит к нарушению баланса интересов сторон уголовного процесса. Несмотря на предусмотренный законодателем гражданско-правовой порядок разрешения споров о возмещении вреда, Е. А. Семенов и А. Б. Батуева справедливо отмечают, что срок для получения потерпевшим компенсации в подобных делах может исчисляться годами.

Похожую точку зрения высказывает Д. П. Чекулаев, что решения о прекращении производства по уголовному делу в отношении лиц, призванных по мобилизации или заключивших контракт, могут приниматься без учета криминологических последствий и гарантированных Конституцией Российской Федерации прав потерпевших[2]. По мнению автора, данный правовой механизм нарушает принцип о скорейшей компенсации за нанесенный ущерб потерпевшему. Более уязвимым потерпевшего делает и тот факт, что законом в принципе не учитывается его позиция по вопросу освобождения преступника от уголовной ответственности и не предоставляется возможность возражать против подобного решения, поскольку государство в данном случае применяет императивный метод правового регулирования для достижения поставленных перед ним целей. Из-за этого потерпевший фактически лишается эффективной судебной защиты, а назначение уголовного судопроизводства в части защиты прав потерпевших остается в целом нереализованным[3]. Потерпевший, чтобы защитить свои права и законные интересы, вынужден обращаться к гражданско-правовым мерам защиты, что приводит к необходимости нести соответствующие издержки, связанные с рассмотрением гражданского иска.

Существует и ровно противоположная точка зрения. Так, например, А. А. Куприянов приводит следующую позицию, относительно справедливости освобождения лица, которое стало военнослужащим, от возмещения ущерба потерпевшему. Отсутствие компенсации потерпевшему

---

[1]Семенов Е. А., Батуева А. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 261.

[2]Чекулаев Д. П. Освобождение обвиняемых — участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего // Юридические исследования. 2025. № 11. С.104

[3] Азмелов У. Н., Павленко О. С. О некоторых вопросах возмещения вреда участникам судопроизводства при приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) по основаниям, связанным с особыми условиями прохождения военной службы // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 183.

балансируется повышением для него же безопасности существования, в то время как причинитель вреда — участник СВО — повседневно рискует своей жизнью[1]. С данной точки зрения государство сознательно жертвует интересами потерпевшего для достижения целей по защите государства и обеспечения общественной безопасности, что в конечном итоге должно благотворно сказаться как на обществе в целом, так и на потерпевшем в частности.

Исходя из анализа данного правового механизма, можно сделать вывод о том, что в государстве имеет место сложная правовая дилемма: с одной стороны, для защиты национальной безопасности и общества в целом государству необходимо обращаться к преступникам, предоставляя им возможность с помощью службы в Вооруженных Силах избежать уголовного наказания, с другой стороны, права потерпевших, которые будут неминуемо нарушены данным правовым механизмом, поскольку уголовное преследование прекращается без возмещения вреда.

С целью восстановить нарушенный баланс интересов сторон в уголовных правоотношениях, связанных с освобождением лица от уголовной ответственности, законодатель может ввести некоторые изменения в законодательство, направленных на улучшение положения потерпевшего.

При прекращении уголовного преследования лица, совершившего преступление, не учитывается позиция потерпевшего по данному вопросу. Предлагается внести изменение в статью 28.2 УПК РФ, дополнив ее следующим пунктом: «Потерпевший имеет право ходатайствовать о своем возражении о прекращении уголовного преследования лица, совершившего преступление. Суд рассматривает ходатайство потерпевшего и принимает решение о его обоснованности или необоснованности». В таком ходатайстве потерпевший должен указать свою аргументированную позицию, почему лицо, совершившее преступление, не может быть освобождено от уголовной ответственности, например, ввиду значительной общественной опасности совершенного деяния.

Одним из возможных способов обеспечения непосредственного возмещения ущерба, нанесенного потерпевшему преступным посягательством, может быть разрешение принудительного взыскания дохода лица, освобождённого от уголовной ответственности, участника СВО, в пользу потерпевшего. К данным доходам относятся единовременная выплата, выплачиваемая при заключении контракта о прохождении военной службы, и денежное довольствие военнослужащего, выплачиваемое ежемесячно. Данная мера должна устанавливаться судом. Суд также должен определять размер суммы, подлежащей изъятию из дохода военнослужащего в пользу

[1] Куприянов А. А. Справедливость освобождения участников СВО от возмещения ущерба потерпевшему // Уголовный процесс. №3. 2025. С. 8.

потерпевшего. В случае невозможности обращения взыскания на доход лица, совершившего преступление, необходимо обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, за счет средств казны Российской Федерации.

В заключение стоит сказать, что с учетом проведения Специальной военной операции Российская Федерация не сможет отказаться от привлечения к участию в боевых действиях лиц, совершивших преступление. Объективно для государства национальная безопасность является более приоритетным вопросом, но предложенные способы сбалансировать интересы сторон могут помочь снизить социальную напряженность, вызванную процедурой освобождения от уголовной ответственности военнослужащих.

Научная статья
УДК 343

УЧАСТИЕ ПОНЯТЫХ КАК ГАРАНТИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Елена Игоревна ЗАГУДИНА[1], Анастасия Владимировна КУТЕРГИНА[2]
[1,2] Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
[1] lzagudina@mail.ru
[2] Nastya-kutergina@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса СГЮА, кандидат юридических наук, доцент **Галина Борисовна ПЕТРОВА,** petrova.gala2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт понятых в уголовном судопроизводстве РФ как гарантия объективности, полноты и достоверности результатов следственных действий. Особое внимание уделяется разрыву между формальным и фактическим участием понятых. Отмечаются проблемы формального подхода, когда присутствие понятых сводится к формальному удостоверению без реального понимания сути происходящего, что ставит под сомнение объективность. На основе анализа норм УПК РФ и практики делается вывод о том, что понятые остаются важным средством обеспечения объективности, особенно когда видеозапись невозможна или затруднительна, или требуется личное восприятие обстановки. В заключении предлагаются пути оптимизации института понятых для устранения формализма и повышения их процессуальной самостоятельности.

Ключевые слова: понятые, следственные действия, уголовно-процессуальный кодекс РФ, уголовное судопроизводство, технические средства, доказательства, суд, «штатные понятые».

Объективность при производстве следственных действий выступает основой для назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)[1]. Следственные действия, являясь основным способом получения доказательств, призваны обеспечивать точное установление фактов, имеющих значение для уголовного дела. Тем не менее, деятельность любого должностного лица, включая следователя, подвержена влиянию субъективных факторов, что потенциально может привести к искажению результатов расследования.

В системе процессуальных гарантий, обеспечивающих объективность проведения следственных действий, значимое место занимает институт понятых.

Он исчисляется с середины XVII столетия и является одним из старейших. Впервые обязанность привлекать понятых к ведению уголовных дел была закреплена в Соборном уложении 1649 года. На тот момент уголовный и гражданский процесс еще не были четко разделены. Основной целью введения данного института стало стремление предотвратить злоупотребление со стороны должностных лиц. В самом тексте Соборного уложения указывалось, что проигравшая сторона могла «соблазниться подправить руку правосудия» прибегая к подделке документов с помощью сотрудников суда[2].

Данное Уложение определяло понятых как нейтральных лиц, чьей добросовестности можно было доверять, характеризуя их как «сторонний люди, добрые, кому можно верить»[3].

Михайлов А. А. отмечает, что «Бесспорно, для инквизиционного процесса введение института понятых было достаточно прогрессивным явлением. В современном же состязательном процессе единственное мерило достоверности фактов — свободное убеждение судьи или присяжных, сформированное в ходе анализа доказательств в суде»[4].

Согласно ч. 1 ст. 60 УПК РФ, «понятой — не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08 марта 2026 г.), Собрание законодательства РФ.2001 г. № 52 (часть I). Ст. 4921. (дата обращения: 30 марта 2026).

[2] Михайлов А. А. Институт понятых — архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 29.

[18] Цит. По: Агильдин В. В. Понятой и его статус в уголовном судопроизводстве России // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018 г. №2 (20).

[4] Михайлов А. А. Институт понятых — архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 29.

удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия»[1]. Понятыми могут быть любые граждане, которые не имеют личного интереса в деле.

К лицам, которые не могут выступать в роли понятых, относятся:

несовершеннолетние;

участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники;

работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

Правовой статус понятого как субъекта уголовно-процессуального права он обладает следующими правами:

право на участие в следственных действиях и делать по этому поводу заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол;

право на ознакомление с протоколами следственных действий, в производстве которых он участвовал;

право на подачу жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора, ограничивающие его права.

Роль понятых сводится к их участию в проведении того или иного следственного действия. Они наблюдают за ходом процессуальных мероприятий и подтверждают своей подписью в протоколе, что изложенные в нем сведения соответствуют фактическим событиям.

Институт понятых в современной правовой системе имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К плюсам данного института можно отнести: во-первых, они выступают гарантом достоверности результатов следственных действий; во-вторых, присутствие понятых и дача им последующих показаний служат подтверждением правомерности и обоснованности принимаемых мер, а это, в свою очередь, способствует предотвращению необоснованных заявлений о нарушениях закона и в-третьих, в случае возникновения у кого-либо из участников процесса сомнений относительно полноты и объективности проведенного следственного мероприятия, а также относительно собранных в его ходе доказательств, понятые могут быть вызваны для дачи свидетельских показаний. К минусам института понятых можно отнести то, что далеко не каждый гражданин готов участвовать в следственных мероприятиях, для которых его приглашают. Также привлечение случайных людей в качестве понятых, например, люди, находящиеся в состояние алкогольного опьянения, пенсионного возраста или имеющие проблемы со слухом или зрением. И в-третьих, в роли понятых часто выступают знакомые или друзья следователей или сотрудников

[20] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08 марта 2026 г.), Собрание законодательства РФ.2001 г. № 52 (часть I). Ст. 4921.

оперативных служб, например, регулярно вызываемый органами человек может быть под их влиянием: подписывать документы по их просьбе.

Рассмотрим нарушения следственных действий с участием понятых.

В определении Апелляционной инстанции Московского городского суда от 22 марта 2017 года № 10-2862/17 принято решение об отмене приговора, вынесенным Нагатинским районным судом Москвы 26 октября 2016 года[1]. Решение об отмене приговора было обусловлено тем, что в основу обвинений были положены показания так называемых «штатных понятых», которые были подконтрольны оперативникам. Защитник осужденного считал, что протоколы следственных действий с их участием и показания оперативных сотрудников следует признать недопустимыми доказательствами. В дальнейшем, судебная коллегия пришла к выводу, что приговор подлежит отмене, а уголовное дело следует возвратить прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Нарушения можно усмотреть и в приговоре № 1-277/2018 от 9 сентября 2018 года Калининского районного суда г. Тюмени[2]. Суд принял во внимание тот факт, что понятые по делу были заключенными, а также они были зависимыми от сотрудников СИЗО-1. Суд установил, что обнаружение и изъятие у подсудимых наркотического средства в крупном размере проведены в отсутствие понятых, то есть с существенным нарушением ч. 3 ст. 184 УПК РФ.

Таким образом, суды придерживаются мнения, что нарушения уголовно-процессуальных норм имеет место не только при проведении следственных действия без участия понятых, но в ситуациях, когда понятых ставят в условия, затрудняющие выполнение им своих обязанностей.

Правоприменительная практика сталкивается с неоднозначностью в случаях, когда к участию в следственных действиях привлекаются люди, находящиеся в зависимости от официальных лиц, или те, кто регулярно привлекается по разным уголовным делам («штатные понятые»).

Понятие «штатные понятые» плотно вошел в практику органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. У большинства следователей и сотрудников оперативных служб имеются свои контакты среди знакомых или друзей, которые регулярно фигурируют в протоколах процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий как понятых. Эти люди, как правило, готовы подтвердить в ходе судебного разбирательства «законность и достоверность» изложенного в протоколе, даже если они фактически не присутствовали при самом проведении мероприятия.

---

[21] Апелляционное определение Московского городского суда от 22 марта 2017 г. № 10-2862/2017 по делу № 10-2862/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[22] Приговор № 1-277/2018 от 9 сентября 2018 г. по делу № 1-277/2018 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Установление подобных нарушений в судебном порядке сопряжено с определенными сложностями. Давая показания, такие лица избегают прямой лжи, прибегая к формулировкам о «забывчивости» деталей, что судебная практика нередко трактует в пользу допустимости доказательств. Более того, даже при обнаружении личной заинтересованности или служебной зависимости между участниками следственных действий и приглашенными лицами, суды не всегда считают эти обстоятельства существенным нарушением закона, ограничиваясь применением части 2 ст. 60 УПК РФ.

Несмотря на свою многовековую историю, институт понятых сталкивается с рядом существенных проблем. Первая группа проблем охватывает сложности, связанные с привлечением граждан к участию в следственных действиях. Наиболее частая причина отказа — нехватка свободного времени. Это проблема особенно актуальна в крупных городах. Вторая группа проблем связана с качеством выполнения понятыми своих функций. Исследования показывают, что многие граждане не осознают свои права и обязанности при участии в следственных действиях. Последняя группа проблем затрагивает риск заинтересованности понятых в исходе дела. Несмотря на законодательное требование о привлечении незаинтересованных лиц, на практике существует вероятность, что понятые могут иметь отношения к одной их сторон или обладать предвзятым мнением.

Вышеперечисленные проблемы института понятых могут иметь различные пути решения. Например, согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, понятые могут принимать участие посредством применения технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. Это снимет нагрузку с граждан в крупных городах; материальное стимулирование, установление денежной компенсации за потраченное время, которая была бы равна средней заработной плате в регионе. Для решения проблем второй группы можно создать приложение или QR-коды на бланках протоколов, на которых будут размещены обучающие видео. Перед началом действия понятой должен ознакомиться с роликом, разъясняющим его права.

Для решения проблем третьей группы можно предпринять такие меры, как создание федеральной информационной системы, в которой будут фиксироваться данные лиц, участвующих в определенных следственных действиях. Если система выявит частое участие одного и того же лица у одного следователя, то такое доказательство должно автоматически признаваться недопустимым.

В правовых системах англосаксонской традиции (США, Великобритания) институт понятых при проведении следственных действий не используется, а контроль за законностью осуществляется на основании судебных ордеров и при участии адвокатов. В странах континентальной Европы (Германия, Франция) привлечение понятых возможно, но не является обязательным. Российский подход объединяет элементы общественного надзора и

современных технологий, что позволяет поддерживать равновесие между оперативностью и достоверности фиксации[1].

Таким образом, институт понятых продолжает являться основой беспристрастности на этапе предварительного следствия. Уменьшение обязательных случаев их привлечения законодательно не устранило их значимость, а лишь подчеркнуло важность взаимодействия участия граждан и использование средств технической записи.

Научная статья
УДК 343

ЭКСТРАДИЦИОННАЯ ПРОВЕРКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ДЕЯНИЯ КАК УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 157 УК РФ И СТ. 174 УК РБ)

Павел Эдуардович КОВАЛЕНКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
pasha.kovalenko.81@inbox.ru

Научный руководитель доцент в области уголовно-процессуального права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник прокуратуры РФ, старший советник юстиции **Ирина Клавдиевна СЕВАСТЬЯНИК,** sevir@bk.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу уголовно-процессуальных проблем реализации принципа взаимности при экстрадиции в рамках Союзного государства России и Беларуси. На примере различий в подходах к ответственности за уклонение от уплаты алиментов (административная преюдидия в РФ и прямая криминализация в РБ) исследуются коллизии национальных законодательств, создающие препятствия для выдачи лиц. Рассматривается роль Генеральной прокуратуры РФ как центрального органа по вопросам экстрадиции, анализируется применение ч. 2 ст. 460 УПК РФ, а также предлагаются пути гармонизации законодательства: от межведомственных разъяснений до заключения дополнительных международных протоколов. Особое внимание уделяется необходимости законодательного закрепления дефиниции «экстрадиционная проверка» в УПК РФ.

[1] Толстокулакова Т. М. О роли понятых в современном уголовном процессе / Т. М. Толстокулакова, К. А. Черникова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022 г. № 51 (446). С. 578—580.

Ключевые слова: экстрадиция, экстрадиционная проверка, административная преюдиция

В настоящее время экстрадиция является ключевым международно-правовым институтом, главенство которого непосредственно выходит за грани межгосударственных отношений, является одной из форм международного сотрудничества государств в противодействии преступности, а также является значимым инструментом реализации возложенных на субъекты данного рода правоотношений обязательств в сфере уголовного судопроизводства, которые в свою очередь реализуются с помощью международных договоров и принципа взаимности.

Следует учитывать, что в российской юридической доктрине по сей день отсутствует легальное определение понятия «экстрадиция», что порождает научные дискуссии. Многие авторы рассматривают экстрадицию исключительно как процесс передачи лица, совершившего преступление, либо как выдачу лица для уголовного преследования. Однако более обоснованной представляется позиция, согласно которой экстрадиция — основанные на принципах и нормах международного и национального права, последовательно совершаемые процессуальные действия, направленные на передачу (при наличии требования) лица, подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрена выдача, или осужденного[1]. Содержание данного определения наиболее полно отражает сложную правовую природу рассматриваемого института.

Генеральная прокуратура Российской Федерации является ведущим органом по вопросам касающихся экстрадиции. Именно она принимает окончательные решения о выдаче лиц иностранным государствам и направляет запросы за рубеж. Прокуроры субъектов РФ и военные прокуроры в свою очередь занимаются подготовкой материалов и избранием меры пресечения.

Сотрудники органов прокуратуры реализуют правоприменительную деятельность в сфере экстрадиции в двух направлениях: рассмотрение запросов о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора и направление в компетентные органы иностранных государств запросов об экстрадиции.

Однако при решении вопросов экстрадиции сотрудники органов прокуратуры сталкиваются с комплексом проблем, обусловленных как различиями в национальных законодательствах (отсутствие договорной базы с отдельными государствами, несовпадение критериев преступности деяния), так и необходимостью строгого соблюдения международных стандартов в области прав человека (невыдача при риске применения пыток или

[1]Бутылина Е. В. Выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора: проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2024. № 35 (534). С. 55—57.

бесчеловечного обращения). Особую сложность представляет оценка политической составляющей преследования и обеспечение принципа взаимности в условиях отсутствия профильного международного соглашения.

Практика взаимодействия Российской Федерации с зарубежными странами по борьбе с преступностью демонстрирует, что лица, которые подозреваются или обвиняются в совершении преступлении, скрываются от правоохранительных органов в странах, с которыми Россия не заключила договоры о выдаче, тогда применение принципа взаимности становится единственным возможным механизмом.

Так согласно ч. 2 ст. 460 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) направление запроса о выдаче лица осуществляется, если в соответствии с законодательством обоих государств деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, является уголовно наказуемым и за его совершение либо предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание — в случае выдачи для уголовного преследования, либо лицо осуждено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев — в случае выдачи для исполнения приговора[1]. В данном случае возникает проблема обеспечения принципа взаимности, что достаточно просто прослеживается на примере отличных друг от друга законодательств стран СНГ.

Обозначенная нами проблема ярко выражена в разном подходе к ответственности за неуплату алиментов на содержание несовершеннолетних детей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. Представленная категория дел вызывает затруднения при реализации экстрадиции, поскольку алиментные обязательства напрямую затрагивают интересы детей, что является одним из ключевых направлений сотрудничества прокуратур двух стран.

Проанализировав национальные законодательства представленных государств, возникают существенные различия в правовых конструкциях составов соответствующих правонарушениях. Законодательством Российской Федерации установлена двухступенчатая модель ответственности. В первую очередь лицо, уклоняющееся от уплаты алиментов, привлекается к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ, санкция которой предусматривает наказание в виде штрафа до двадцати тысяч рублей, обязательные работы или административный арест[2]. Что касается уголовной ответственности, то согласно ст. 157 УК РФ она наступает лишь при условии неоднократности деяния, то есть если должник уже подвергался

[1] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». ч. 2 ст. 460.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». ст. 5.35.1.

административному наказанию за аналогичное правонарушение[1]. Санкции уголовной статьи включают исправительные, принудительные работы либо лишение свободы на срок до одного года.

Рассматривая национальное законодательство Республики Беларусь, мы видим совершенно иной подход. Уголовная ответственность по ст. 174 УК Республики Беларусь за уклонение от уплаты алиментов наступает без обязательной административной преюдиции, что в свою очередь отражает более строгую государственную политику в сфере защиты имущественных прав несовершеннолетних. По сообщению официального портала Министерства юстиции Республики Беларусь только за первое полугодие 2025 года органами принудительного исполнения возбуждено 1 700 уголовных дел по ранее упомянутой статье. Судебная практика демонстрирует назначение наказания в виде общественных работ на срок до 360 часов даже в случаях, когда должник официально не трудоустроен и не принимает мер к погашению задолженности.

Представленное расхождение в правовом регулировании создает практические сложности при реализации процедур экстрадиции. Как упоминалось ранее ч. 2 ст. 460 УПК РФ направление запроса о выдаче лица возможно лишь при условии, что деяние является уголовно наказуемым по законодательству обоих государств. В данной ситуации уклонение от уплаты алиментов квалифицируется правоприменителями в Беларуси с момента его совершения, тогда как в Российской Федерации для придания ему уголовно-правового характера необходимо прохождение стадии административного преследования. Тогда возникает ситуация, при которой гражданин Беларуси, скрывшийся в России от уголовной ответственности за неуплату алиментов, формально не может быть выдан, если в его действиях отсутствует признак неоднократности, который предусмотрен УК РФ.

Данный правовой казус наглядно демонстрирует, как различия в законодательных конструкциях государств-участников СНГ, даже при наличии развитой договорной базы, которая строится на основании Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года, Кишиневской конвенции 2002 года, а также на двустороннем Соглашении от 3 марта 2015 года, способны создавать препятствия для привлечения лица к ответственности и защиты прав несовершеннолетних. Однако представленная проблема может быть разрешена различными способами.

Так, в рамках межведомственного взаимодействия Генеральных прокуратур двух стран возможно принятие совместного разъяснения о том, что для целей экстрадиции административная преюдиция рассматривается

[1]«Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». ст. 157.

прежде всего как элемент уголовно-правового запрета, а не как самостоятельное правонарушение, тогда лицо, которое уклоняется от уплаты алиментов в Республике Беларусь, может быть привлечено к ответственности в Российской Федерации по ст. 157 УК РФ, а российские суды в свою очередь при рассмотрении вопроса о выдаче будут учитывать, что белорусское законодательство не требует предварительного административного наказания.

Наиболее результативным вариантом решения проблемы может выступать путь расширительного толкования составов преступления в двухсторонних договорах. Стороны могут заключить дополнительный протокол, в котором будет прямо предусмотрено, что административная преюдиция, установленная законодательством РФ, признается достаточным условием для привлечения уголовной ответственности в целях экстрадиции. На данный момент Россия и Беларусь уже активно совершенствуют договорную базу. Так, 6 декабря 2023 года Правительство Российской Федерациии одобрило Протокол о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов от 3 марта 2015 года. Представленный протокол направлен на уточнение порядка определения доходов должника и механизмов исполнения судебных постановлений, что в свою очередь создает основу для дальнейшей гармонизации законодательства.

Представленный анализ позволяет прийти к тому, что различия национальных подходов к криминализации уклонения от уплаты алиментов создают реальные препятствия для реализации института экстрадиции даже в рамках Союзного государства России и Беларуси, характеризующегося наиболее тесными интеграционными связам. Решение данной проблемы требует дальнейшей гармонизации законодательства, чему способствуют позитивные изменения за последние несколько лет.

Перспективным направлением представляется анализ правоприменительной практики после вступления в силу указанных изменений, а также разработка конкретных предложений по унификации понятийного аппарата в сфере экстрадиции, включая законодательное закрепление дефиниции «экстрадиционная проверка» в УПК РФ.

Именно такой комплексный подход, выражающийся через сочетание совершенствования международно-правовой базы, унификации понятийного аппарата и повышения эффективности межведомственного взаимодействия способно свести к минимуму правовые коллизии, возникающие при экстрадиции лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, и обеспечить неукоснительную защиту имущественных прав несовершеннолетних независимо от места проживания должника на территории Союзного государства. Дальнейшая гармонизация законодательства России и Беларуси в данной сфере станет отправной точкой на пути к формированию единого правового

пространства и повышения эффективности борьбы с преступлениями против семьи и несовершеннолетних.

Научная статья
УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ В РОССИИ

Денис Сергеевич КОЛЯНОВ
Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
kolyanov.lus37@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Михаил Александрович СИЛЬНОВ,** silnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации института исключения доказательств на стадии предварительного слушания. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего уголовного-процессуального законодательстве и правоприменительной практике обозначаются основные проблемы при реализации указанного института, а также пути его реформирования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное слушание, исключение доказательств, недопустимость доказательств, проверка доказательств, принцип состязательности сторон, процессуальные полномочия суда, подготовка дела к судебному разбирательству

Современное назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), отражает трансформацию модели российского уголовного процесса от инквизиционной, характерной для советского периода[1] к модели, основанной на принципе состязательности сторон. Указанная трансформация обусловила формирование системы принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в главе 2 УПК РФ, среди которых центральное

[1] Подобная точка зрения разделяется некоторыми учеными. См., например: Сильнов М. А. Актуальные проблемы уголовно-процессуального доказывания в условиях состязательности / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2011. 92 с.

место занимает принцип состязательности сторон, во многом определяющий модель современного уголовного процесса.

Реализация данной системы принципов, включая принципы состязательности, презумпцию невиновности, независимость сторон, а также принципа законности (в который входит в том числе принцип недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, закрепленный в статье 50 Конституции Российской Федерации (далее — Конституции РФ), обеспечивается посредством функционирования различных процессуальных институтов. Одним из ключевых среди них выступает институт проверки доказательств, реализуемый на различных стадиях уголовного судопроизводства. Его применение направлено в том числе на обеспечение законности, обоснованности и мотивированности решений, принимаемых по уголовному делу, что является необходимым условием установления виновности или невиновности лица в совершении преступления.

Особое значение институт проверки доказательств приобретает на стадии предварительного слушания. Данная стадия была введена в российское уголовно-процессуальное законодательство в 1993 году[1] и фактически заменила ранее существовавшую стадию предания обвиняемого суду[2]. В рамках предварительного слушания разрешается ряд процессуальных вопросов, в том числе связанных с проверкой доказательств. Соответствующий процессуальный механизм закреплен в статье 235 УПК РФ, предусматривающей возможность рассмотрения судом ходатайств об исключении доказательств.

Вместе с тем, анализ положений уголовно-процессуального законодательства, научной литературы и сложившейся правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда дискуссионных вопросов, связанных с реализацией института проверки допустимости доказательств на стадии предварительного слушания. Прежде всего следует отметить отсутствие единого подхода к определению правовой природы данной стадии. В современной науке уголовного процесса предварительное слушание рассматривается по-разному: одни исследователи определяют его как особую форму предания обвиняемого суду, другие — как самостоятельную стадию уголовного судопроизводства, третьи — как форму подготовки уголовного дела к судебному разбирательству[3].

---

[1] Закон РФ от 16 июля 1993 года «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://docs.cntd.ru/document/9005403 (дата обращения: 26.03.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в ред. от 01.07.1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://docs.cntd.ru/document/9038502 (дата обращения 26.03.2026).

[3] Воронин С. Э., Луцкая Н. Ю. Предварительное слушание в уголовном судопроизводстве: проблемы и перспективы решения: Монография. Барнаул: Изд. ААЭП, 2010. С. 41.

Многообразие научных подходов к определению правовой природы предварительного слушания на первый взгляд может быть воспринято исключительно как проблема теории уголовного процесса. Однако такое представление не вполне соответствует действительности.

Несмотря на то, что правоприменительная практика опирается прежде всего на положения УПК РФ, понимание правовой природы и назначения предварительного слушания определяет объем процессуальных полномочий каждого из участников уголовного судопроизводства и особенности реализации этих полномочий. Неоднозначность понимания сущности предварительного слушания порождает практические проблемы, связанные с неопределенностью объема полномочий суда на данном этапе, ограниченными возможностями исследования доказательств, а также с вопросом о целесообразности применения данного института с учетом возможности последующего пересмотра решения об исключении доказательства.

Согласно части 1 статьи 229 УПК РФ, суд назначает предварительное слушание либо при наличии соответствующего ходатайства одной из сторон, либо по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных частью 2 указанной статьи. В свою очередь, пункт 1 части 2 статьи 229 УПК РФ предусматривает, что предварительное слушание проводится при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства. Именно данные положения создают определенную неопределенность в вопросе о процессуальных полномочиях суда при инициировании предварительного слушания по основанию, связанному с исключением доказательств.

Буквальное толкование статьи 229 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что суд не вправе инициировать назначение предварительного слушания для проверки доказательств при отсутствии соответствующего ходатайства стороны об их исключении. Такой позиции придерживается целый ряд авторов[1].

Подобное толкование обычно обосновывается положениями статьи 15 УПК РФ, закрепляющей принцип состязательности сторон. Согласно данной норме, суд не является органом уголовного преследования и не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, что предполагает четкое разграничение процессуальных функций участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, такая аргументация представляется недостаточно убедительной. Следует учитывать, что в системе принципов уголовного судопроизводства существенное значение имеет не только принцип состязательности, но и принцип законности.

---

[1] См., напр.: Ишимов П. Л. Производство предварительного слушания в суде первой инстанции. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 18; Кудрявцева А. В., Сысков В. Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 115.

Кроме того, УПК РФ не содержит положений, которые бы исключали возможность признания доказательства недопустимым по инициативе суда. Напротив, такая возможность прямо закреплена в части 4 статьи 88 УПК РФ. Системное толкование указанных норм позволяет сделать вывод о том, что суд при выявлении доказательств, полученных с нарушением федерального закона, вправе инициировать процедуру их исключения, соблюдая при этом требования уголовно-процессуального закона, установленные в статьях 234 и 235 УПК РФ. Позиция о том, что суд имеет соответствующие полномочия напрямую подтверждается решениями Верховного Суда Российской Федерации[1] (далее — Верховный Суд РФ).

При таких обстоятельствах буквальное толкование положений статьи 229 УПК РФ представляется недостаточно обоснованным, поскольку оно не в полной мере учитывает систему принципов уголовного судопроизводства, в частности принцип законности.

Более того, подобное толкование может привести к ситуации, при которой судья на стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству обнаруживает наличие недопустимых доказательств, однако не обладает процессуальной возможностью инициировать предварительное слушание для разрешения вопроса об их исключении. В результате возникает риск того, что такие доказательства будут исследованы в судебном заседании и потенциально могут быть положены в основу приговора, что противоречит как принципам уголовного судопроизводства, так и его назначению.

При этом необходимо учитывать и назначение стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, данная стадия направлена на устранение обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом[2].

С учетом этого наличие у суда полномочий самостоятельно инициировать предварительное слушание для решения вопроса об исключении доказательств соответствовало бы назначению стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, в структуру которой входит предварительное слушание (если рассматривать его как особый этап подготовки дела к судебному разбирательству). Подобный подход позволил бы устранить обстоятельства, способные осложнить последующее судебное разбирательство и снизить процессуальную нагрузку на суд.

---

[1] См., напр.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 7 мая 2003 г. № 78-О03-73. Кассационное определение Верховного суда РФ от 19 января 2010 г. № 74-О09-37сп. Кассационное определение Верховного суда РФ от 29 марта 2011 г. по делу № 81-О11-29сп // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ От 22.12.2009 № 28 (ред. От 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем, анализ действующих положений УПК РФ свидетельствует о том, что судья по факту не обладает правом инициировать предварительное слушание для проверки допустимости доказательств, в случае отсутствия соответствующего ходатайства стороны. Данная позиция подтверждается и практикой Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ), который указал, что предварительное слушание не является обязательным, а решение о его проведении принимается судом по ходатайству стороны либо по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных статьей 229 УПК РФ, в том числе при необходимости решить вопрос об исключении оспоренных доказательств[1].

То есть Конституционный Суд РФ фактически подтвердил, что суд вправе назначить предварительное слушание по собственной инициативе лишь в случаях, прямо предусмотренных статьей 229 УПК РФ, что свидетельствует о закрытом характере перечня соответствующих оснований.

Одновременно с этим серьезной критике подвергается и часть 7 статьи 235 УПК РФ, согласно которой «при рассмотрении уголовного дела по существу суд по ходатайству стороны вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым».

В первую очередь, следует вновь обратиться к пониманию стадии подготовки дела к судебному разбирательству и предварительного слушания, которые направлены на минимизацию судебных издержек[2]. оценки, так как в рамках его реализации суд может вновь рассмотреть вопрос о признании доказательства допустимым, что неизбежно увеличивает процессуальную нагрузку, противоречит назначению подготовки дела к судебному разбирательству и нарушает принцип процессуальной экономии[3].

Однако проблемы, вытекающие из положения части 7 статьи 235 УПК РФ, не ограничиваются исключительно нарушением принципа процессуальной экономии. Возможность суда повторно рассмотреть вопрос о допустимости доказательства подрывает устойчивость процессуальных решений. Участники процесса не могут быть полностью уверены в итогах предварительного слушания, вследствие чего возникает ситуация, при которой каждая из сторон должна быть готова к возвращению к рассмотрению этого вопроса уже непосредственно в судебном заседании, что увеличивает процессуальную нагрузку как на стороны, так и на суд.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ От 8 апреля 2003 г. № 171-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Челябинска о проверке конституционности положений статей 239, 386, 388 и 410 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ЭПС «Система Гарант».

[2] Рябинина Т. К. Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства // Государство и право. 2013. № 2. С. 53—62.

[3] Цыретов А. И. Карсаков А. В. Место идеи процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве России // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4.С. 110—113.

Помимо этого, положения части 7 статьи 235 УПК РФ создают ситуацию, при которой суд первой инстанции получает возможность изменять собственное решение по содержательным вопросам, что ранее не имело аналогов в российской правоприменительной практике. Такая практика противоречит традиционной логике уголовного процесса, где пересмотр решения по существу возможен лишь через обжалование в вышестоящий суд, и может негативно сказаться на предсказуемости и стабильности процесса.

Еще одной проблемой, связанной с проверкой доказательств на стадии предварительного слушания, является проблема ограниченных возможностей исследования доказательств. Как следует из положений части 8 статьи 234 УПК РФ, по ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. То есть фактически процессуальный статус свидетеля и возможность исследования соответствующих доказательств являются усеченными. «Усеченность» возможности исследования доказательств обусловливается позицией Верховный Суд РФ, который указал, что «в силу ч. 8 ст. 234 УПК РФ в качестве свидетелей могут быть допрошены только лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к делу документов, допустимость которых оспаривается». В результате этого ограничения создается ситуация, когда отсутствуют условия, необходимые для полной и объективной оценки доказательств при решении вопроса об их исключении. (Например, возможна ситуация, когда сторона защиты оспаривает заключение эксперта на предварительном слушании, но суд при этом не может допросить эксперта, так как последний не является лицом, которому известно об изъятии и приобщении документов, в результате чего и возникает вышеупомянутая «усеченность»). Однако в подобных ситуациях все также зависит и от характера допущенных нарушений. Например, возможны ситуации исключения заключения эксперта на предварительном слушании, если в нем нет указания на примененные при исследовании методики, так как подобные нарушения невозможно устранить допросом эксперта, что служит основанием для назначения повторной экспертизы[1].

Одновременно с этим не существует единой позиции среди ученых относительно путей решения этой проблемы. Одни авторы прямо говорят о необходимости расширения перечня следственных и процессуальных действий, проведение которых допустимо на стадии предварительного

[1] Алексеев Александр. Возможно ли признать недопустимым доказательством заключение эксперта в ходе предварительного слушания? [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://www.advgazeta.ru/m№e№iya/vozmozh№o-li-priz№at-№edopustimym-dokazatelstvom-zaklyuche№ie-eksperta-v-khode-predvaritel№ogo-slusha№iya/ (дата обращения: 24.01.2026).

слушания в рамках решения вопроса об исключении доказательства[1]. Другие отмечают, что пределы исключения доказательств на предварительном слушании должны ограничиваться лишь очевидными случаями (то есть ситуациями, когда нарушение закона является явным и не требует глубокого исследования доказательства), что обусловлено тем, что предварительное слушание не должно подменять собой судебное следствие[2]. Похожей позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, который указывал, что «устранение недопустимых доказательств должно осуществляться прежде всего на стадии предварительного слушания, при этом в силу статьи 271 и части пятой статьи 335 данного Кодекса не исключается возможность разрешения вопроса об их допустимости и на более позднем этапе судопроизводства — в тех случаях, когда несоответствие доказательств требованиям закона не является для суда очевидным и требует проверки с помощью других доказательств[3]».

Однако и первая, и вторая позиции не являются в полной мере состоятельными на данный момент. Перечень проблем, описанный в настоящей статье, не является исчерпывающим, что обусловливает необходимость пересмотра места и назначения института предварительного слушания (как минимум в части проверки доказательств на этой стадии).

Невозможно сформировать четкую научную и правовую позицию, когда институт сталкивается с целым рядом проблем на практике, начиная с неясности процессуальных полномочий суда и заканчивая «общим нежеланием участников уголовного судопроизводства использовать рассматриваемый институт[4]».

Вместе с тем, представляется возможным выделить два основных пути разрешения рассматриваемых проблем. Первый путь связан с проведением глубокой реформы стадии предварительного слушания в части, касающейся исключения доказательств. Результатом такой реформы должно стать наделение суда дополнительными процессуальными полномочиями для инициирования по собственной инициативе (без соответствующих ходатайств сторон) предварительного слушания в целях решения вопроса об исключении доказательства (доказательств), четкая дифференциация пределов

---

[1] См., напр.: Максимова Т. Ю. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми на предварительном слушании // Российский судья. 2007. № 4. С. 12. Татьянина Л. Г., Зиннатов Р. Ф. Некоторые вопросы, связанные с исключением доказательств на предварительном слушании // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 5. С. 195.

[2] Кудрявцева А. В., Сысков В. Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 18.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 12.11.2008 № 1030-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пивоварова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 235 и частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: напр.: Булдыгин С. С. Некоторые проблемы института предварительного слушания в России / С. С. Булдыгин // Вестник магистратуры. – 2016. № 3 (54) Т. II. С. 94.

исследования доказательств на стадии предварительного слушания и судебного следствия, а также разрешение иных проблем, описанных в научной литературе. Второй путь предполагает полный отказ от возможности исключения доказательств на стадии предварительного слушания и рассмотрение подобных вопросов исключительно в рамках судебного следствия.

Научная статья
УДК 343.13

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАНДАРТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И СТРАН ОБЩЕГО ПРАВА (США, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Регина Вячеславовна КУРНОСОВА[1], Нина Сергеевна СУИНА[2]
[1,2] Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Казань, Россия
[1] kurnosova.regina2004@mail.ru,
[2] ninasuina07@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, доцент, **Александр Геннадьевич МАРКЕЛОВ,** MarkelovAleksandr@yandex.ru

Аннотация. В работе проводится сравнительный анализ подходов к стандартам доказывания в уголовном процессе России и стран системы общего права (США и Великобритании). Исследуются ключевые различия в правовых концепциях, нормативном регулировании и практической реализации стандартов, а также их влияние на обеспечение справедливости и защиту прав личности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательства, доказывание, уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран, правоприменение, пределы доказывания

Справедливое правосудие невозможно без чётко выстроенной системы доказывания: именно от стандартов оценки доказательств зависит не только исход конкретного дела, но и уровень защищённости прав личности, баланс

между интересами государства и индивида, а также доверие общества к судебной системе.

В российской правовой традиции, относящейся к романо-германской правовой семье, стандарт доказывания базируется на принципе презумпции невиновности и требует, чтобы вина была доказана «вне всяких разумных сомнений» исключительно на основе совокупности исследованных в суде доказательств. При этом бремя доказывания полностью лежит на стороне обвинения.

В странах общего права, таких как США и Великобритания, подход к стандарту доказывания формировался в условиях состязательного процесса и прецедентного права. Здесь также действует презумпция невиновности, однако её практическая реализация сопровождается детально разработанными доктринами, касающимися распределения бремени доказывания, допустимости косвенных доказательств и роли присяжных заседателей.

Сравнительный анализ стандартов доказывания в уголовном процессе России и стран общего права актуален из-за глобализации правовых стандартов и необходимости совершенствовать отечественное законодательство с учётом зарубежного опыта. Изучение различий и сходств в подходах к оценке доказательств помогает выявить сильные и слабые стороны систем, укрепить принципы справедливого судопроизводства и повысить защиту прав граждан.

Стоит начать рассмотрение темы с исторической части. История доказательственного права берёт своё начало в Англии. Изначально оно формировалось судьями общего права (прецедентами), а не статутами. Пик развития пришёлся на XVII—XVIII века.

В США ситуация была сложнее: до 1975 года доказательственное право развивалось на основе общего права отдельных штатов. Единый стандарт для всей страны появился лишь с принятием Правил доказательств в федеральных судах США (Federal Rules of Evidence). До этого момента вопросы доказывания регулировались разрозненными статутами отдельных штатов[1].

В России же развитие шло по пути кодификации. Принцип «внутреннего убеждения» судьи был перенят ещё в ходе Судебной реформы 1864 года, пережил смену политических систем и сегодня закреплён во всех основных процессуальных кодексах РФ.

Кроме того, ключевое различие между романо-германской (континентальной) и англосаксонской (общего права) системами лежит в понимании роли суда.

Англосаксонская модель исторически сформировалась как ярко выраженная состязательная система. Суд здесь выступает в роли пассивного

[1]Рамазанов Т. Б. Особенности доказательств и доказывания в уголовном процессе Соединенных Штатов Америки // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 2. С. 160—164.

арбитра, чья задача — разрешить спор между сторонами. Сбор, представление и исследование доказательств — это исключительная прерогатива сторон обвинения и защиты. Судья не вправе по собственной инициативе собирать доказательства или восполнять пробелы в позиции одной из сторон[1].

Романо-германская модель базировалась на инквизиционной (следственной) модели, где судья был активным участником процесса, ответственным за установление истины по делу. Современный российский уголовный процесс заимствовал элементы состязательности, однако сохранил черты следственной традиции. Суд сохраняет активность в исследовании доказательств, может по собственной инициативе назначать экспертизы и вызывать свидетелей.

Несмотря на интеграцию в современный процесс отдельных состязательных элементов, романо-германская правовая семья сохранила верность исторически сложившемуся подходу. Центральное место в нём занимает субъективная оценка доказательств, при которой итоговое решение суда базируется на его внутреннем убеждении, а не только на строгом соответствии улик формальным требованиям закона.

Если говорить уже про стандарты доказывания в странах общего права, то, например, в английской правовой системе доказательственное право имеет особую структуру: оно не кодифицировано в едином нормативном акте, а представляет собой совокупность судебных прецедентов и отдельных статутов. Ключевым элементом этой системы является стандарт доказывания в уголовном процессе.

Применяемый критерий «вне всяких разумных сомнений» (beyond reasonable doubt) является самым высоким стандартом в праве. Он требует от присяжных не абсолютной, а моральной уверенности в виновности подсудимого. Если после рассмотрения всех представленных улик в сознании присяжного заседателя остаётся разумное сомнение (основанное на логике и фактах, а не на эмоциях), закон предписывает вынести оправдательный вердикт.

Также в английской правовой доктрине, как отмечает О. В. Левченко, сложилось два фундаментальных подхода к определению понятия «доказательство». Согласно узкому подходу, доказательство — это средство, с помощью которого устанавливается факт, являющийся предметом спора. В свою очередь, широкий подход трактует само понятие «доказательство» не как средство, а как тот самый факт, который подлежит доказыванию[2].

Эта теоретическая двойственность напрямую отражает специфику правового регулирования в Англии. Ключевой особенностью английского уголовного процесса является выделение правил доказывания в самостоя-

[1]Головко Л. В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017. С. 925.

[2] Левченко О. В. Современное доказательственное право зарубежных стран // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 3. С. 71.

тельную отрасль права — доказательственное право (law of evidence). Его специфика обусловлена природой общего права: нормы не кодифицированы в едином акте, а рассредоточены по различным источникам, среди которых доминирующую роль играют судебные прецеденты.

Если говорить про доказательственное право США, то можно отметить, что ключевым элементом является стандарт доказывания. В уголовном процессе применяется критерий «вне разумного сомнения» (beyond a reasonable doubt), который был конституционно легитимирован Верховным судом США как необходимое условие соблюдения презумпции невиновности (дело In re Winship, 1970).

Специфика американской системы проявляется в двух фундаментальных аспектах:

1. Приоритет процессуальной чистоты. Доктрина «плодов отравленного дерева» (fruit of the poisonous tree doctrine) в США вытекает из правила исключения (exclusionary rule) и предписывает исключать из процесса доказательства, полученные с нарушением закона[1]. Другими словами: если первоначальное доказательство («дерево») получено с нарушением закона, то все последующие доказательства, вытекающие из него («плоды»), также считаются недопустимыми. В частности, если признание получено под давлением, то любые улики, найденные на основании этого признания, также могут быть признаны недопустимыми. Однако существуют и исключения из данного правила. Например, если уполномоченный орган действовал, полагая, что его действия законны (использован ордер, который позже был признан недействительным). Такое явление получило название «добросовестное заблуждение» (good faith exception). В российском праве нет прямого аналога этой доктрины. Однако ст. 75 УПК РФ предусматривает признание доказательств недопустимыми, если они получены с нарушением закона. Расширение и конкретизация этой нормы с учётом принципа «плодов отравленного дерева» могло бы усилить защиту прав обвиняемых и повысить стандарты доказывания.

2. Федеральная унификация. Исторически доказательственное право в США развивалось децентрализованно, на уровне отдельных штатов. Ситуация изменилась с принятием Правил доказательств в федеральных судах США (Federal Rules of Evidence), которые создали единый стандарт для федеральных судов, унифицировав подходы к доказыванию и обеспечив предсказуемость судебной практики[2].

---

[1]Сутягин К. И. Применение доктрины «Плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник ОГУ. 2008. №3. С. 56.

[2] Хаснутдинов Р. Р., Малолеткина Н. С., Галстян Д. А. Сравнительный анализ процесса расследования и доказательства в романо-германской и англосаксонской правовых системах // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 480—483.

Кроме того, особого внимания заслуживает институт сделок с правосудием, к которым относятся соглашения о признании вины и досудебные соглашения о сотрудничестве. В США подобная практика, известная как «plea bargaining», получила широкое распространение, а в России аналогичные механизмы постепенно внедряются (главы 40 и 40.1 УПК РФ).

Вместе с тем применение таких соглашений порождает ряд проблем, связанных с доказыванием по уголовным делам. Так, например, под давлением обстоятельств обвиняемый может признать вину даже при отсутствии реальной причастности к преступлению, что подрывает основы справедливого судопроизводства. Также сторона обвинения зачастую не раскрывает все имеющиеся доказательства, делая ставку исключительно на признание вины, что может привести к формализации процесса и снижению качества расследования. А нередко соучастники, заключившие соглашение с правосудием, нередко дают показания против других лиц в обмен на смягчение наказания. Это создаёт риск ложных обвинений и искажения истины по делу. И поэтому, несмотря на процессуальную экономию, сделки с правосудием требуют серьёзного отношения к вопросам доказывания и защиты прав обвиняемых.

Если говорить про особенности стандартов доказательств в уголовном процессе Российской Федерации, то можно сказать, что в условиях современного судопроизводства, далекого от математизации, компьютеризации системы права, сформировалась практика применения нормативно закрепленных стандартов доказывания, которая предполагает процессуальную аналитическую деятельность компетентного должностного лица, органов уголовного судопроизводства, направленную на устранение различной доли допустимого сомнения относительно устанавливаемого предмета доказывания и юридической оценки имеющихся в деле доказательств.

Невозможность нормативного закрепления стандартов доказывания обусловлена противоречием их основополагающему конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, закрепленному статьей 19 Конституции РФ. Очевидно и то, что закрепление различных стандартов доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве может повлечь за собой пренебрежение отдельными сомнениями при уголовно-правовой квалификации деяний и в целом в ходе процесса доказывания, что способно привести к постановлению несправедливых, незаконных и необоснованных приговоров.

Россия переняла принцип «внутреннего убеждения» в ходе Судебной реформы 1864 года. Он успешно пережил смену политических систем, сохранившись в советском законодательстве, и сегодня закреплён во всех основных процессуальных кодексах РФ (УПК, ГПК, АПК).

Важно подчеркнуть, что внутреннее убеждение судьи не является абсолютной свободой. Его формирование ограничено рядом объективных

процессуальных гарантий: требованиями к допустимости доказательств, чётким распределением бремени доказывания и действием правовых презумпций. Ярчайшим примером служит презумпция невиновности, закреплённая в Конституции и УПК РФ, которая возлагает обязанность доказывать вину исключительно на сторону обвинения.

Так, сравнительный анализ показывает, что Россия и страны общего права декларируют схожие высокие стандарты доказывания («вне разумных сомнений», запрет на осуждение по предположениям), но механизмы обеспечения этого стандарта различаются коренным образом.

В англосаксонской системе гарантией выступает состязательность сторон перед пассивным судом и активное участие присяжных в оценке фактов по критерию разумного сомнения. В российской системе гарантией должна служить свободная оценка совокупности доказательств независимым судом на основе внутреннего убеждения.

Основная проблема российского процесса заключается не столько в несовершенстве закона, сколько в его искажённой правоприменительной практике, когда формальная совокупность доказательств подменяет собой реальное устранение сомнений в виновности лица. Преодоление этого разрыва между законом и практикой является ключевым направлением для дальнейшего развития отечественного уголовного судопроизводства.

Для решения проблемы необходим комплексный подход, включающий законодательные и организационные меры. Во-первых, для совершенствования системы доказывания в России предлагается внести изменения в УПК РФ, а именно в ст. 75 УПК РФ, уточнив, какие нарушения следует считать существенными и неустранимыми. Например: «…к существенным и неустранимым нарушениям, влекущим признание доказательства недопустимым, следует относить:

Получение показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего путём применения насилия, угроз, обмана либо иных незаконных методов (ст. 9 УПК РФ);

Проведение следственных действий без предусмотренных законом оснований или без надлежащего процессуального оформления (допрос несовершеннолетнего без педагога/психолога и т. д.);

Нарушение права на защиту (недопуск адвоката, ограничение возможности пользоваться его помощью);

Фальсификацию доказательств либо их подмену;

Грубые нарушения процедуры сбора вещественных доказательств, исключающие возможность проверки их подлинности и связи с делом.

При этом нарушения технического характера, не влияющие на достоверность доказательства и не затрагивающие конституционных прав участников процесса, не должны влечь его автоматического исключения».

Во-вторых, с учетом того, что в настоящее время оценка доказательств часто сводится к формальному перечислению их наличия, без глубокого анализа их взаимосвязи и достаточности для вывода о виновности, необходимо разработать методические рекомендации для судов и следственных органов, которые бы акцентировали внимание на содержательной стороне доказательств, а не на их количестве. В судебной практике необходимо отходить от формального подсчёта доказательств и ориентироваться на внутреннее убеждение судьи, основанное на всестороннем и объективном рассмотрении дела. Судьи должны подробно объяснять, почему они считают вину доказанной, а не просто ссылаться на «совокупность доказательств».

Таким образом, необходимо сместить акцент с формального соблюдения процедур на достижение справедливости и реального устранения любых неустранимых сомнений в виновности лица. Только комплексный подход, сочетающий институциональные реформы и повышение правовой культуры, способен привести к качественным изменениям в российской судебной системе.

Научная статья
УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА И РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

Даяна Аясовна КУУЛАР
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dayakasss@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Мария Александровна ГРИГОРЬЕВА,** mgrek@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа в уголовном судопроизводстве. Анализируются нормы действующего законодательства, выявляются противоречия правоприменительной практики, а также предлагаются пути совершенствования

Ключевые слова: прокурор, руководитель следственного органа, полномочия, досудебное производство, уголовный процесс, надзор, следствие

Современное развитие уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации сопровождается поиском оптимального баланса между эффективностью предварительного расследования и обеспечением его законности. В этой связи, особую значимость приобретает проблема разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа, поскольку от точного закрепления компетенции зависит как соблюдение прав участников уголовного судопроизводства, так и результативность уголовного преследования.

Актуальность темы обусловлена тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд норм, допускающих неоднозначное толкование в части распределения полномочий между прокурором и руководителем следственного органа. Это приводит к возникновению коллизий, дублированию функций, снижению эффективности прокурорского надзора и ведомственного контроля.

Целью исследования является комплексный анализ существующей модели распределения контрольно-надзорных функций в досудебном производстве, выявление противоречий в полномочиях прокурора и руководителя следственного органа, а также разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства для устранения проблем.

Проблемы разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа вызваны изменениями 2007-2011 гг. уголовно-процессуального законодательства[1], разделившими функции надзора и руководства расследованием преступлений. Ключевая отличительная особенность между прокурорским надзором и ведомственным контролем на стадии предварительного расследования заключается в их неодинаковой правовой сущности, а также в разном объеме и характере полномочий, которыми наделены прокурор и руководитель следственного органа.

Законодательно закреплено, что прокурор в уголовном процессе осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Его основные полномочия определены статьей 30 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[2], которая, в свою очередь, является бланкетной и отсылает к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ) и другим федеральным законам. Полномочия первостепенно направлены на обеспечение законности, защиту прав и свобод граждан.

К полномочиям руководителя следственного органа, закрепленным УПК РФ и другими нормативными правовыми актами, относятся:

[1]О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Ст. 30 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

организация процессуальной деятельности следователей, руководство расследованием, принятие решений по ключевым вопросам уголовного дела.

До 2007 года прокурор обладал более обширными полномочиями, например, мог возбуждать уголовные дела, давать письменные указания следователю о расследовании преступлений, участвовать в производстве предварительного следствия и в необходимых случаях лично производить расследование по любому уголовному делу. Лазарева В. А. подчеркивает, что «фактически прокурор контролировал каждый шаг следователя, что, естественно вызывало недовольство следственных органов, мешало им в работе»[1]. В настоящее время полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия существенно ограничены, а руководитель следственного органа уполномочен осуществлять полный контроль над процессом расследования преступлений, что в науке уголовно-процессуального права и прокурорского надзора вызывает критику[2], поскольку в такой ситуации возможность нарушения уголовно-процессуального законодательства следователем и непосредственно самим руководителем следственного органа крайне высока.

Как отмечает Попов А. А., «прокурор наделен надзорными полномочиями, не предполагающими прямого вмешательства в независимую уголовно-процессуальную деятельность институционально самостоятельных органов предварительного следствия»[3]. С одной стороны, законодатель освободил прокурора от выполнения ряда функций, ранее характерных для стадии расследования преступлений, тем самым сделав акцент на усилении прокурорского надзора при поступлении уголовного дела для утверждения обвинительного заключения. С другой стороны, возникает ситуация, при которой прокурор несет ответственность за законность, но не обладает достаточными инструментами для эффективного воздействия. Как показывает сложившаяся правоприменительная практика, прокурорами выявляется множество процессуальных ошибок, указывающих на несоблюдение следователями требований закона в досудебном производстве. Это красноречиво свидетельствует о ненадлежащем ведомственном контроле со стороны руководителей следственных органов, недостаточной эффективности механизмов внутреннего регулирования деятельности подчиненных должностных лиц, отсутствии должного уровня проверки законности и обоснованности принимаемых ими процессуальных решений. Руководители следственных

[1] Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 19.

[2] Спирин А. В. К вопросу о соотношении прокурорского надзора и процессуального (ведомственного) контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2017. № 4. С. 27.

[3] Попов А. А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия : диссертация … кандидата юридических наук : 12.00.1; [Место защиты: ФГБОУ ВО «РГУП»]. Москва, 2020. С. 61.

органов зачастую ориентированы на ведомственные показатели и соблюдение сроков следствия, что приводит к ситуациям, когда дело многократно возвращается прокурором для дополнительного следствия.

В настоящее время прокурор не вправе давать следователю обязательные для исполнения указания о направлении расследования. Данные указания могли бы существенно сократить количество нарушений уголовно-процессуальных требований следователем. В случае выявления нарушений, прокурор вносит требование, которое руководитель следственного органа может проигнорировать, что порождает затяжные ведомственные споры. Обжалование в таком случае возможно только вышестоящему руководителю следственного органа. Как справедливо указывает Нестеренко А. В., подобное явление лишает прокуратуру действенных методов воздействия при осуществлении надзора за следственными органами[1]. В этой связи предлагается на законодательном уровне закрепить возможность дачи указаний прокурором следователю и руководителю следственного органа, четко определив их пределы, содержание и юридическую силу, а также возможность обжалования таких указаний вышестоящему прокурору. Указания должны носить обязательный характер, что позволит существенно сократить количество нарушений уголовно-процессуального законодательства.

Другой проблемой разграничения является дублирование полномочий прокурора и руководителя следственного органа. Согласно анализу законодательства оба субъекта уголовного судопроизводства влияют на действия (бездействия) и процессуальные решения следователя. Например, они вправе отменять незаконные или необоснованные решения следователя, такие как: постановление о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия и другие. Подобное дублирование полномочий приводит к ряду существенных проблем в правоприменительной практике. Прежде всего, возникает неопределенность в вопросе приоритета процессуальных решений. Как отмечает Нестеренко А. В., несмотря на то, что некоторые полномочия руководителя следственного органа совпадают с полномочиями прокурора, они носят вспомогательный характер[2]. То есть, руководитель следственного органа, реализуя свои полномочия, действует в рамках системы следственных органов, обеспечивая процессуальную дисциплину, координацию деятельности следователей и качество расследования. Прокурор, в свою очередь, осуществляет внешний надзор за деятельностью следственных органов, направляя свои усилия не столько на организацию процесса расследования,

[1]Нестеренко А. В. Проблемы разграничения полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Проблемы гуманитарных исследований : Сборник всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Новосибирск, 11—12 декабря 2025 года. Новосибирск: ИЦ НГАУ "Золотой колос", 2025. С. 791.

[2]Там же. С. 790.

сколько на проверку его законности, обоснованности и соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. На практике складываются ситуации, когда наличие параллельных контрольных механизмов нередко ведет к затягиванию сроков предварительного расследования. Повторные проверки одних и тех же процессуальных решений, их неоднократная отмена и пересмотр снижают оперативность расследования. Однако подобное дублирование не всегда сопровождается негативными последствиями. Аналогичные полномочия у прокурора могут выполнять сдерживающую функцию, стимулируя руководителя следственного органа более тщательно контролировать деятельность своих подчиненных.

Во избежание ведомственных разногласий представляется необходимым совершенствовать институт взаимодействия органов прокуратуры и следственных органов. Так, стоит делать акцент на оперативном обмене информацией, согласовании решений и конструктивном взаимодействии. Для этого целесообразно развивать единые регламенты межведомственного взаимодействия, предусматривающие процедуры согласования процессуальных решений и сроки их рассмотрения. Важным направлением также является проведение совместных совещаний и рабочих встреч, направленных на выработку единых подходов к расследованию преступлений и устранение возникающих проблемных ситуаций. Комплексное развитие данного института позволит минимизировать конфликты, повысить эффективность расследования и обеспечить соблюдение принципа законности в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, можно констатировать, что существующая модель распределения полномочий между прокурором и руководителем следственного органа сохраняет определенные пробелы. Для решения выявленных проблем необходим комплексный механизм, позволяющий устранить излишнее дублирование функций и обеспечить эффективную деятельность каждого субъекта досудебного производства.

Научная статья
УДК 343.131.7

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Анастасия Витальевна ЛАДЧЕНКО
Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганск, ЛНР, Россия
ladchenkoanasta@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, **Вячеслав Валерьевич ЕПИШИН**

Аннотация. В статье исследуются проблемы реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России. Рассматриваются его содержание, пределы действия и роль в обеспечении баланса между сторонами обвинения и защиты. Особое внимание уделено правовому статусу лиц, в отношении которых уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования для устранения возникающих практических проблем.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовное судопроизводство, нереабилитирующие основания, уголовная ответственность, правовой статус

Закрепление принципа презумпции невиновности в уголовно-процессуальном законодательстве определяет исходное правовое положение лица: оно считается невиновным до тех пор, пока предусмотренные законом условия для опровержения этой презумпции не будут полностью соблюдены. Данное правило сохраняет силу даже в ситуациях, когда внешние обстоятельства указывают на очевидность совершённого деяния — например, при задержании лица на месте преступления, публичном характере правонарушения или добровольном признании.

Российский ученый А. П. Лисова, не без оснований называет презумпцию невиновности главным парадоксом уголовного процесса, ведь, по его словам, обосновать ее с фактической точки зрения невозможно, поскольку по статистике подавляющее большинство лиц, вовлекаемых в уголовное

судопроизводство, привлекается к уголовной ответственности. И хотя эта презумпция, как далее отмечает автор, и лишена фактического содержания, ее юридическое значение трудно переоценить. Она требует не только достаточного количество доказательств для предъявления обвинения на стадии предварительного расследования, так и достоверного и бесспорного установления виновности лица в ходе судебного разбирательства. Кроме этого, не допускает привлечения к уголовной ответственности, и тем более осуждения, обвиняемого при недоказанности его виновности, требуя в этих случаях его полной реабилитации[1].

Требования презумпции невиновности лишают сторону обвинения и суд легкомысленного, недобросовестного отношения к обвинению определенного лица. Действие принципа презумпции невиновности является также гарантией законности, обоснованности обвинения[2]. Именно реализация основных положений принципа презумпции невиновности является теми соответствующими законодательными ограничениями, которые обеспечивают обоснованность обвинения и оказывают существенные препятствия недоброкачественному, поспешному или недобросовестному доказыванию вины лица. Другими словами — это объективная сила, которая защищает человека от незаконного и необоснованного уголовного преследования и обвинения.

Вместе с тем не следует считать принцип презумпции невиновности какой-то неоправданной льготой для защищающейся стороны. Необходимость защиты и обеспечения публичных интересов в сфере уголовного судопроизводства, наличие целой системы государственных органов, ведущих уголовное производство, наделенных властными полномочиями, часть из которых принадлежит стороне обвинения, и другие обстоятельства ставят стороны в разные «весовые категории». Стороне защиты было бы сложно противостоять обвинению, которое представляет публичные интересы и поэтому обладает большими властными полномочиями и возможностями.

С целью уравновесить комплекс их прав и возможностей для отстаивания собственных утверждений и отрицания доказательств противоположной стороны, в уголовном производстве присутствует правовое положение — «favor defensionis», что в переводе с латинского означает «содействие защите». Принцип презумпции невиновности входит в структуру этого

[1]Лисова А. П. Некоторые вопросы бремени доказывания в уголовном процессе Великобритании и Российской Федерации: сравнительная характеристика // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч., Москва, 24—27 ноября 2020 года. Москва: РГ-Пресс, 2021. С. 30.

[2] Якубовский Т. А. Проблемы и сравнительные концепции презумпции невиновности на распределение обязанности по доказыванию в уголовном процессе // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 35. С. 549.

института, а потому от успешной реализации этого принципа будет напрямую зависеть и сохранение «баланса» между сторонами[1].

Исследуя одно из важнейших правил содействия защите — презумпцию невиновности, нельзя не затронуть вопрос о начале и окончании ее действия. Если начальный момент реализации этого принципа не вызывает особых дискуссий среди ученых и доминирует точка зрения, согласно которой реализация презумпции невиновности непосредственно связана с началом уголовного преследования, то по поводу того, когда она прекращает свое действие, в научной литературе до сих пор нет единого мнения и на законодательном уровне этот вопрос до сих пор остается четко не урегулированным.

В литературе высказывалось мнение о том, что презумпция невиновности прекращает свое действие с момента формирования утверждения о виновности лица, которое привлекается к уголовной ответственности[2]. По мнению ее сторонников, признание лица виновным без назначения наказания происходит в случае привлечения этого лица в качестве обвиняемого. Например, Г. Б. Мирзоев утверждает, что привлекается к уголовной ответственности и берется под стражу не невиновное лицо: «Актом постановления о привлечении лица к уголовной ответственности впервые официально признается виновность лица в совершении преступления, поскольку следователь выносит мотивированное постановление о привлечении этого лица в качестве обвиняемого только при наличии полного объема доказательств, указывающих на совершение этим лицом преступления»[3].

Такая позиция представляется небесспорной, поскольку право решать вопрос о виновности лица в совершении уголовного преступления принадлежит исключительно суду. Очевидно, что уведомление лица о подозрении может быть осуществлено следователем лишь при наличии достаточных доказательств, указывающих на совершение этим лицом преступления. В свою очередь, составление постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо обвинительного акта допустимо только тогда, когда собраны доказательства, достаточные для предъявления обвинения, что прямо закреплено в ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[4] (далее — УПК РФ).

---

[1]Мамонтова Э. А. Принцип презумпции невиновности: понятие и сущность / Э. А. Мамонтова Д. А. Дятчина // Молодой ученый. 2022. № 7(402). С. 93.

[2] Якубовский Т. А. Проблемы и сравнительные концепции презумпции невиновности на распределение обязанности по доказыванию в уголовном процессе // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 35. С. 542.

[3] Мирзоев Г. Б. О некоторых проблемах реализации принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1 (60). С. 5.

[4]Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.03.2026).

Однако данное обстоятельство не устраняет действия принципа презумпции невиновности, поскольку закон закрепляет ряд положений, непосредственно вытекающих из него. К таковым относится возложение обязанности доказывания вины лица именно на сторону обвинения — следователя и прокурора, а также недопустимость использования доказательств, признанных недопустимыми. Следовательно, даже если органы предварительного расследования формируют обвинительный тезис и излагают его в обвинительном акте, это не исключает дальнейшего действия презумпции невиновности и её реализации в судебном разбирательстве[1].

Мы солидарны с автором в том, что признать лицо виновным может исключительно суд. По этой причине обвинительный тезис предварительного расследования не может рассматриваться как признание лица виновным, а должен получить подтверждение в судебном процессе, где вина устанавливается в результате всестороннего, полного и объективного исследования доказательств.

Органы предварительного расследования должны осознавать, что их уверенность в виновности лица может не подтвердиться при рассмотрении уголовного производства в суде, а лицо признается виновным только по приговору суда.

Рассматривая вопросы реализации принципа презумпции невиновности, обращает на себя внимание еще одна проблема. Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации[2] (далее — Конституции РФ), каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Ст. 14 УПК РФ[3], определяет, что лицо считается невиновным в совершении уголовного преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном федеральным законом, и установлена обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу. Согласно этим положениям, закон определил единого субъекта уголовного производства, которому принадлежит право официально признавать лицо виновным — это суд, а также установил единый процессуальный акт, которым констатируется вина лица в совершенном преступлении — это приговор суда.

---

[1] Юркин Е. А. История возникновения и развития презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права: теоретические и правоприменительные аспекты: Сборник статей. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. С. 161.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.03.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.03.2026).

Указанные положения вызывают сложности понимания статуса лиц, в отношении которых вынесены итоговые решения, связанные с освобождением от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности, по причине смерти, примирении с потерпевшим, др.). Являются ли эти лица невиновными или допустимо их называть виновными или же они имеют особый статус — лицо, освобожденное от уголовной ответственности? Какое влияние на это оказывает принятие итогового решения судом или органами предварительного расследования?

Отдельные ученые, поддерживая необходимость признания лица виновным при освобождении от уголовной ответственности, предлагают отражать это в приговоре суда, а не в постановлении о прекращении уголовного дела. Такой взгляд, по нашему мнению, не соответствует сути института освобождения от уголовной ответственности, ведь он охватывает отказ государства от дальнейшего уголовного преследования лица, совершившего уголовное преступление: лицо освобождают от уголовной ответственности, если при наличии четко определенных в законе оснований нет необходимости привлекать его к таковой. Для этого во время предварительного расследования и судебного производства достаточно установить факт деяния, в совершении которого обвиняется лицо, наличие в нем состава уголовного преступления, виновности лица в его совершении, а также соответствующие основания, определенные Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ). Вместе с тем не нужно устанавливать любые другие обстоятельства (например, обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание), или решать другие вопросы (например, связанные с гражданским иском), как это требуется в случае постановления приговора.

По нашему убеждению, решая эту проблему, нужно руководствоваться следующим. Согласно ст. 8 УК РФ[1], основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав преступления. С этого законодательного положения четко следует, что к уголовной ответственности привлечь можно только лицо, совершившее преступление. Термин «освободить» — значит, как освободить от чего-то, что уже имеется, так и лишить чего-либо тягостного или лишнего, дать возможность не делать чего-либо в будущем.

Таким образом, при указанных условиях необходимо уточнить и определение понятия презумпции невиновности. По нашему мнению, её сущность заключается в том, что лицо считается невиновным в совершении уголовного преступления до тех пор, пока его виновность не будет доказана уполномоченными органами в установленном законом порядке и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда.

---

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 09.03.2026).

Особого анализа требует положение лиц, в отношении которых уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям. В отличие от лиц, полностью реабилитированных, они не признаются виновными, поскольку отсутствует обвинительный приговор суда, но и не могут считаться невиновными в полном объёме, так как прекращение дела связано с обстоятельствами, не исключающими их причастности к преступлению (амнистия, примирение сторон, истечение сроков давности). В результате формируется промежуточный правовой статус — лица, вина которых не установлена судом, но чья реабилитация законом не предусмотрена.

Судебная практика подтверждает данное положение. Так, постановлением Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 15 сентября 2025 года по делу № 1-602/2025[1] уголовное дело по обвинению в нарушении правил дорожного движения (ч. 1 ст. 264 УК РФ) было прекращено в связи с примирением сторон. Суд отметил, что прекращение дела по этому основанию не относится к числу реабилитирующих, поскольку предполагает наличие признаков преступления, но освобождает лицо от уголовной ответственности. При этом вина лица не была установлена вступившим в законную силу приговором (судом было вынесено иное итоговое решение — постановление), что оставляет его в особом правовом статусе: оно не признаётся виновным, но и не подлежит полной реабилитации.

Такое регулирование порождает практические проблемы. Лицо фактически вынуждено оправдывать свою невиновность в глазах общества, несмотря на действие конституционного принципа презумпции невиновности. Прекращение дела по нереабилитирующим основаниям способно негативно сказаться на репутации, ограничить возможности в профессиональной сфере и создать предпосылки для дискриминации.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Презумпция невиновности действует на всех стадиях уголовного процесса и прекращает свое действие только с момента вступления обвинительного приговора в законную силу. Именно приговор суда, а не постановление следователя или решение суда о прекращении уголовного дела, является единственным процессуальным актом, которым лицо признается виновным. Соответственно, любые решения, принятые до этого момента (включая постановление о привлечении в качестве обвиняемого, утверждение обвинительного заключения или прекращение дела судом), не могут рассматриваться как установление виновности лица.

[1] Постановление Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 15 сентября 2025 года по делу № 1-602/2025 [Электронный ресурс] // URL: https://sudact.ru/regular/doc/hgEU1j4FknVO/?ysclid=mnbmmck5io591389336. Дата обращения 09.03.2026.

Разрешение поставленных в статье вопросов позволяет определить правовой статус указанных лиц следующим образом:

они не являются виновными, поскольку виновность устанавливается только вступившим в законную силу обвинительным приговором суда;

они не являются невиновными в смысле, предполагающем полную реабилитацию, так как прекращение дела по нереабилитирующим основаниям не исключает наличия в деянии признаков преступления;

их правовой статус следует определять как лицо, освобожденное от уголовной ответственности,

особый промежуточный статус, при котором вина не установлена судом, но полная реабилитация не предусмотрена.

Особую сложность представляют случаи, когда решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию принимается следователем (дознавателем) без вынесения судебного решения. В таких ситуациях лицо вообще не получает судебной оценки своей причастности к преступлению, однако юридические последствия такого решения (отказ в допуске к отдельным профессиям, негативные отзывы при трудоустройстве) могут быть сопоставимы с последствиями осуждения. При этом у лица отсутствуют механизмы полной реабилитации, предусмотренные гл. 18 УПК РФ.

Для устранения выявленных пробелов и противоречий представляется необходимым:

внести изменения в ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, изложив определение презумпции невиновности следующим образом: «Лицо считается невиновным в совершении уголовного преступления до тех пор, пока его виновность не будет доказана уполномоченными органами в установленном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»;

закрепить в ст. 14 УПК РФ положение о том, что презумпция невиновности действует до момента вступления обвинительного приговора в законную силу, а прекращение уголовного дела на любой стадии (в том числе по нереабилитирующим основаниям) не влечет за собой признание лица виновным и не отменяет действие презумпции невиновности в части отсутствия юридически установленной вины;

дополнить гл. 18 УПК РФ положением, разграничивающим правовые последствия прекращения уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям. При этом в случае прекращения дела следователем или дознавателем по нереабилитирующему основанию предусмотреть право лица на обращение в суд для проверки законности и обоснованности такого решения, а также возможность получения статуса реабилитированного при установлении отсутствия события или состава преступления.

Указанные изменения позволят снять неопределенность в правовом статусе лиц, в отношении которых уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям, особенно в случаях, когда решение принято следователем без судебного контроля. Это будет способствовать реальному обеспечению принципа презумпции невиновности и устранению практических проблем, связанных с необоснованным ограничением прав и свобод граждан, в отношении которых уголовное преследование прекращено.

Научная статья
УДК 343.132.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ СРЕДСТВ С УЧЕТОМ ПРАВОВЫХ НОРМ И ОГРАНИЧЕНИЙ

Виктория Сергеевна МЕЛЬНИКОВА
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет путей сообщения», Новосибирск, Россия
vikulya_melnikova_02@bk.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры «Гражданского и уголовного права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирского государственного университета путей сообщения», Новосибирск, Россия, **Алексей Владимирович БАТРАКОВ**, batrakov15@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматривается значимость и правовое регулирование применения следственных средств в уголовном процессе. Анализируются основные виды следственных средств, правовые нормы и ограничения, обеспечивающие законность и объективность расследования. Особое внимание уделено проблемам практического использования следственных средств и влиянию нарушений на допустимость доказательств. Сделаны выводы о необходимости совершенствования законодательства для повышения эффективности следственных действий и защиты прав участников процесса.

Ключевые слова: следственные средства, уголовный процесс, правовое регулирование, доказательства, процессуальные действия, законность, ограничения, защита прав, расследование

Правовые нормы, регулирующие применение следственных средств, направлены на установление четких правил и ограничений, предотвращающих злоупотребления и нарушения. Однако на практике встречаются

ситуации, когда процессуальные действия осуществляются с отступлениями от требований закона, что ведет к признанию доказательств недопустимыми и снижению эффективности правосудия.

Необходимо решить следующие задачи:

изучить нормативно-правовую базу, регулирующую применение следственных средств;

определить правовые, этические и процессуальные ограничения при использовании следственных средств;

проанализировать практику применения следственных средств с учетом действующих норм;

выявить проблемы и риски, связанные с незаконным применением следственных действий;

разработать предложения по совершенствованию правового регулирования и практики применения следственных средств.

В условиях усиливающегося внимания к защите прав человека и соблюдению процессуальных гарантий важность контроля за законностью использования следственных средств постоянно возрастает. Неправомерное применение таких средств приводит к нарушению прав и свобод граждан, снижению доверия к правоохранительной системе и возможным судебным спорам. Исследование способствует повышению эффективности уголовного процесса при соблюдении баланса между интересами расследования и правами участников.

Объект: процессуальные отношения и механизмы применения следственных средств в уголовном процессе.

Предмет: правовые нормы, ограничения и практика использования следственных средств с учётом соблюдения прав и свобод граждан.

Следственные средства — это специальные методы, действия и мероприятия, применяемые органами предварительного расследования с целью сбора доказательств, установления обстоятельств преступления и выявления виновных лиц. Они направлены на раскрытие и расследование уголовных дел, обеспечивая объективность и полноту доказательной базы.

Следует отметить, что следственные средства делятся на несколько основных видов в зависимости от их характера и целей[1].

Прежде всего, процессуальные следственные действия, которые включают в себя допрос, очную ставку, опрос, предъявление для опознания, обыск, выемку, осмотр, проверку показаний на месте и другие. Они предназначены для непосредственного установления фактов, связанных с преступлением.

[1] Епифанов А. Е. К вопросу о классификации следственных действий и особенностях их производства в уголовном процессе / А. Е. Епифанов // Правовая парадигма. 2025. Т. 24, № 2. С. 100—107.

Рассмотрим подробно некоторые из процессуальных действий. В основе тактики допроса лежат общенаучные методы познания, такие как наблюдение, анализ, синтез, моделирование, а также сравнительно-правовой и системный подходы. Сам допрос по своей сути включает диагностический аспект — выявление ложной информации через анализ речевых сигналов и психологических реакций допрашиваемого. Классический подход к допросу предусматривает детальную подготовку. Следователь изучает все имеющиеся материалы дела, анализирует личность допрашиваемого, прогнозирует возможные версии его поведения и реакции на задаваемые вопросы. Затем формируется план допроса, в котором определяются основные темы и порядок их обсуждения. Неотъемлемой частью подготовки является выбор коммуникативной стратегии: следователь может выбрать нейтральный, конфронтационный или кооперативный стиль общения. Эти стратегии должны применяться обоснованно и соответствовать процессуальным нормам[1].

Современные уголовно-правовые системы активно исследуют возможности применения искусственного интеллекта (ИИ). ИИ может использоваться для анализа текстовых показаний, выявления неочевидных закономерностей и несоответствий. Вместе с тем, использование ИИ в процессе допроса порождает серьезные этические вопросы, касающиеся недопустимости давления, потенциальной предвзятости алгоритмов и необходимости обеспечения прозрачности их работы.

Развитие технологий видеосвязи повлекло за собой рост числа дистанционных допросов, особенно в международных делах. Это требует разработки новых тактических решений, адаптации к условиям сниженной невербальной обратной связи, особенностей контроля поведения и фиксации показаний в дистанционном формате.

Традиционная тактика допроса опирается на накопленный опыт, профессиональную интуицию следователя и навыки межличностного общения. Ее сильными сторонами являются гибкость, глубина психологического воздействия и универсальность применения[2].

Современные тенденции направлены на научную обоснованность и объективизацию процесса допроса, что позволяет снизить уровень субъективности при оценке поведения допрашиваемого, повысить точность анализа полученных показаний и обеспечить большую процессуальную прозрачность.

---

[1] Прохорова, Е. А. Следственные действия: особенности правового регулирования важнейшего уголовно-процессуального понятия / Е. А. Прохорова // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 158—161.

[2] Меньшиков Н. Б. Тактика допроса в криминалистике: традиционные и современные подходы // Актуальные вопросы современной экономики. 2025. № 11. С. 592—595.

Однако чрезмерная увлеченность технологиями может привести к недооценке роли профессиональных навыков следователя. Поэтому наиболее перспективной представляется интегративная модель, объединяющая проверенные временем традиционные методы с передовыми технологиями.

Очная ставка представляет собой комплексное следственное действие, в ходе которого происходит не только допрос двух лиц, но и их взаимное психологическое влияние друг на друга при активном участии следователя. Эта динамика может приводить к возникновению конфликтных ситуаций. Для успешного проведения очной ставки ключевым является сохранение следователем полного контроля над процессом. Недостаточная подготовка следователя является одной из основных причин возникновения подобных конфликтов.

Перед принятием решения о проведении очной ставки следователь оценивает эту возможность во время встреч с обвиняемым и свидетелем. В процессе этих встреч следователь знакомится с личностями участников, формирует собственное мнение о них, которое, в сочетании с имеющейся оперативной информацией, позволяет принять тактическое решение о целесообразности проведения данного следственного действия. Важнейшим психологическим фактором, учитываемым при оценке перспектив очной ставки, является внушаемость участников.

Очная ставка, как и другие виды допросов, является эффективным инструментом, позволяющим следователю наблюдать за различиями в поведении обвиняемого и свидетеля. Это дает возможность оценить правдивость или ложность их показаний и на основе этой оценки выработать дальнейшую тактику предварительного расследования.

Основываясь на психологических портретах участников, следователь разрабатывает тактику очной ставки. Доказательства предъявляются в порядке возрастания их весомости, начиная с наименее значимых. Следователь стремится нейтрализовать тактические приемы недобросовестной стороны, предоставляя при этом инициативу добросовестной стороне для начала изложения своей позиции.

В современном уголовном процессе обыск проводится на основании мотивированного постановления следователя или дознавателя. Такое постановление выносится при наличии достаточных данных, указывающих на то, что в определенном месте или у конкретного гражданина могут находиться предметы, документы или иные объекты, имеющие значение для дела. Постановление обязательно должно быть обоснованным[1].

[1]Пасечник А. К. Обыск как инструмент криминалистики / А. К. Пасечник // Научные дискуссии талантливой молодежи: Материалы Всероссийского круглого стола, Иркутск, 21 ноября 2025 года. — Иркутск: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2025. С. 300—302.

Согласно статье 182 УПК РФ, основанием для проведения обыска служит наличие достаточных данных, позволяющих полагать, что в определенном месте или у конкретного лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы или ценности, имеющие значение для уголовного дела.

Ключевым требованием при проведении обыска является обязательное присутствие понятых. Все предметы и документы, подлежащие изъятию, предъявляются присутствующим лицам. Их отличительные признаки и место обнаружения подробно описываются в протоколе, экземпляр которого вручается лицу, у которого проводился обыск.

Таким образом, обыск является процессуальным следственным действием, которое заключается в принудительном поиске и изъятии предметов, имеющих значение для дела, для их последующего приобщения к материалам в качестве доказательств. Эта мера применяется в помещениях или у лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Не менее важными являются экспертные средства — это судебные экспертизы (медицинские, баллистические, почерковедческие и др.), которые позволяют получить специализированные заключения и выводы, подтверждающие или опровергающие определенные обстоятельства дела.

Контрольные и технические средства играют не менее важную роль. Среди них: наблюдение, прослушивание телефонных разговоров, видеофиксация, скрытое фото- и видеонаблюдение — используются для получения информации в случаях, когда другие методы затруднены[1].

Признаки преступной деятельности указывают на важность таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание, проводимых с использованием видео-конференц-связи (ВКС). Это особенно актуально для расследования определенных видов преступлений и противодействия преступности в целом по Российской Федерации.

Внедрение новых форм и средств расследования, в частности, следственных действий с использованием ВКС, должно быть четко регламентировано. Важно, чтобы эти новшества гармонировали с действующим уголовно-процессуальным законодательством и не создавали дополнительных проблем в правоприменительной практике, которые могли бы повлиять на допустимость доказательств и законность принимаемых решений[2].

Применение ВКС при проведении следственных действий, предусмотренных законом, выполняет несколько ключевых функций:

---

[1]Рудаков Б. В. Проблемы применения технических средств при пресечении несанкционированного использования устройств связи лицами, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Б. В. Рудаков // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2(37). С. 152—158.

[2] Одноралова Ю. В. Допрос, очная ставка, опознание в режиме видео-конференц-связи как криминалистическая проблема / Ю. В. Одноралова // Философия права. 2023. № 3(106). С. 149—154.

использование ВКС значительно экономит время и ресурсы, связанные с транспортировкой участников между местами содержания под стражей, местами отбытия наказания;

применение ВКС снижает риск побегов во время перевозки подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и заключенных. Это также уменьшает количество контактов таких лиц, предотвращая противодействие расследованию, снижает риск передачи инфекционных заболеваний, а также обеспечивает безопасность потерпевших и свидетелей;

может являться более удобным и эффективным способом проведения следственных действий, если участники расположены в разных географических точках;

применение ВКС способствует более эффективному расходованию средств федерального бюджета за счет экономии;

повышение доступности правосудия: Использование ВКС делает правосудие более доступным для участников уголовного судопроизводства, находящихся в отдаленных регионах, имеющих ограниченные возможности передвижения или оказавшихся в сложных жизненных ситуациях.

Повышение качества раскрытия, расследования и предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений, а также сокращение временных и финансовых затрат участников судопроизводства, обеспечение их безопасности напрямую связаны с изучением закономерностей объективной действительности, относящихся к криминалистике, и разработкой соответствующих криминалистических рекомендаций, в том числе по использованию ВКС.

Таким образом, применение видео-конференц-связи при проведении допросов в рамках криминалистической деятельности является относительно новым, но устойчивым явлением в борьбе с преступностью. Оно требует всестороннего изучения связанных с ним закономерностей объективной действительности, учитывая как положительные, так и отрицательные аспекты его применения на практике.

Наконец, использование специальных знаний и средств связи — привлечение специалистов, применение технических устройств для фиксации, хранения и обработки доказательств.

Следственные средства играют ключевую роль в обеспечении полноты, объективности и законности уголовного судопроизводства. Они помогают установить фактические обстоятельства дела, раскрыть и доказать наличие или отсутствие преступления, а также степень вины подозреваемых и обвиняемых. Использование разнообразных следственных средств способствует эффективному расследованию, защите прав участников процесса и принятию обоснованных судебных решений.

Стоит также рассмотреть конкретные нормативные источники, в которых регулируется данный вопрос.

Главную роль занимает уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) — это основной нормативный акт, подробно регулирующий порядок и условия проведения следственных действий (статьи 179–201). Этот документ включает положения о таких следственных средствах, как обыск, выемка, допрос, очная ставка, проверка показаний, контроль и запись телефонных переговоров и др.[1].

Конституция Российской Федерации — основной закон государства, который гарантирует основные права и свободы граждан при проведении следственных действий, включая неприкосновенность частной жизни (статья 23), защиту прав и свобод личности (статья 55)[2].

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» №144-ФЗ регламентирует порядок применения специальных средств оперативно-розыскных мероприятий, связанных с выявлением и предупреждением преступлений[3].

Также мы рассмотрим ограничения при использовании следственных средств, которые строятся на защите прав человека. Они делятся на несколько видов.

Первый вид — правовые ограничения. Рассмотрим следующие примеры в качестве обоснования:

запрет на нарушение неприкосновенности личности, дома, тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ, ст. 179-180 УПК РФ);

следственные действия должны проводиться только на законных основаниях, с соблюдением процессуальных норм и при наличии необходимых процессуальных оснований (ст. 176 УПК РФ);

запрещается использовать следственные средства для целей, не связанных с уголовным преследованием или расследованием;

запрещено излишнее посягательство на права и свободы граждан, в том числе на право собственности (ст. 35 Конституции РФ).

Второй вид — этические и процессуальные ограничения. Среди них выделяются:

соблюдение принципа гуманизма, уважения к человеку и его достоинству;

обеспечение прав подозреваемых, обвиняемых и иных участников процесса на защиту;

---

[1]Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Парламент. газета. 2001. № 241—242.

[2]Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 06.10.2022) Электронный ресурс // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http:// www.pravo.gov.ru (14.03.2026).

[3]Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33. ст. 3349.

обязательное уведомление лиц о проводимом следственном действии (когда это не запрещено законом);

ограничение времени проведения следственных мероприятий и обязанность фиксации их результатов (протоколирование);

недопустимость применения насилия, угроз, психического или физического давления в процессе следственных действий.

Таким образом, эти ограничения защищают права человека в процессе следствия при расследовании преступления и легальном действий правоохранительных органов.

Научная статья
УДК 343.1

ШТРАФЫ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯВКИ В СУД

Захар Викторович ШЕВЧЕНКО
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
s0141978@edu.msal.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **Сергей Александрович НАСОНОВ**, SANASONOV@msal.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблематика формирования коллегии присяжных заседателей. Автор изучает вопрос низкой явки кандидатов в присяжные заседатели в суд и анализирует проблему стимулирования граждан к участию в рассмотрении дел судом присяжных. Приводится исторический и зарубежный опыт использования штрафов для кандидатов в присяжные заседатели. Предлагаются изменения в нормативные правовые акты федерального уровня.

Ключевые слова: суд присяжных, штраф, США, Конституция РФ, гражданское общество

Согласно ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия. С этой нормы началось возрождение института суда присяжных в России. Существовавшая в советское время такая форма участия граждан в отправлении правосудия, как участие в рассмотрении уголовного дела в качестве народного заседателя, с 2010 года (с момента введения суда присяжных в Чечне) была полностью заменена более прогрессивной системой суда присяжных как элемента

гражданского общества. Именно рассмотрение дела коллегией независимых судей факта из народа, устанавливая повышенные стандарты доказывания, стало обеспечивать объективное и справедливое принятие решения о судьбе человека.

При этом доля рассматриваемых уголовных дел с участием присяжных заседателей остается небольшой на протяжении всего его нового существования. Так, в 2025 году было рассмотрено всего 1400 дел, в 2024 году — 1419, в 2023 — 1689, в 2022 — 1693, в 2021 — 1539, в 2020 — 1221[1] (около 1—2 % от общего числа уголовных дел). Число коллегии присяжных заседателей также было сокращено с 12 до 6, хотя и введены на уровне районных судов. Категории дел, которые могут рассматривать присяжные заседатели, также стремительно сокращается — в 2001 году они могли рассматривать 77 составов, в 2013 — 39, а в 2025 — всего 26[2].

Сам законодатель (как следует из пояснительной записки к законопроекту № 1016453-6, ставшим впоследствии Федеральным законом от 23.06.2016 № 190-ФЗ, которым число присяжных в коллегии было сокращено с 12 до 8 в областных судах и 6 в районных судах) связывает мотивировку такого сужения института суда присяжных с тем, что «сократятся сроки судебного разбирательства за счет времени, которое затрачивается на длительные процедуры отбора большого числа кандидатов в присяжные заседатели и формирования их коллегии»[3]. В ряде случаев невозможность сформировать коллегию присяжных заседателей приводит к неоправданному затягиванию процесса и, как следствие, к нарушению прав подсудимого на судебную защиту.

В этой связи могут возникать опасные суждения об упразднении института суда присяжных как неэффективного и ресурсозатратного. Однако данный силлогизм является ошибочным, поскольку основан на ложной посылке: вместо выявления и устранения корня проблемы — неэффективного порядка формирования коллегии присяжных заседателей — предлагается просто уйти от проблемы. Вместе с тем в странах западного правопорядка, например, Англии и США, где предусмотрено участие даже расширенной коллегии присяжных заседателей (Grand Jury) проблем с набором как минимум кандидатов в присяжные не наблюдаются либо же они не столь огромны. В чем же причина такого феномена? На это влияют множество

[1]Данные судебной статистики. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 23.03.2026).

[2]Как заставить россиян идти в присяжные – мнение эксперта. Профессор Насонов рассказал, что сделать, чтобы россияне захотели стать присяжными. // Московский комсомолец. URL: https://www.mk.ru/social/2026/01/14/kak-zastavit-rossiyan-idti-v-prisyazhnye-mnenie-eksperta.html (дата обращения: 23.03.2026).

[3]Законопроект № 1016453-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1016453-6 (дата обращения: 23.03.2026).

факторов, но мы сосредоточимся в рамках нашей статьи на одном: ответственности присяжных заседателей.

Например, в США за неявку присяжного заседателя установлен штраф в размере от 100 до 1000 долларов в зависимости от конкретного штата (например, в Нью-Йорке за неявку по повестке установлен штраф в размере 250 долларов и расценивается как неуважение к суду[1]). В Великобритании недобросовестный кандидат может быть оштрафован на сумму до 1000 фунтов стерлингов[2]. В Испании установлены штрафы в размере 450 евро, а в случае злостного уклонения и «неповиновение правосудию» предусмотрено тюремное заключение в зависимости от тяжести нарушения[3].

Кроме того, для нашей истории такой инструмент не является чем-то уникальным. В Российской Империи за неявку кандидата в присяжные заседатели в суд на отбор был установлен штраф в размере 100 рублей.

Таким образом, создается реальная возможность привлечения к ответственности граждан за неисполнение обязанности, предусмотренной законом. А что в современной России?

Согласно ч. 2 ст. 2 ФЗ о присяжных заседателях, участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, является их гражданским долгом. Однако данная формулировка по своей сути является бесхребетной, поскольку не обеспечивается соответствующими санкциями за неисполнение указанного гражданского долга.

Да, ст. 117, 118, ч. 3 ст. 333 УПК РФ за неявку присяжного заседателя в суд без уважительной причины установлена ответственность в форме денежного взыскания в размере 2 500 рублей, однако она касается только тех граждан, которые уже прошли установленную процедуру отбора в коллегию присяжных заседателей и в силу возложенных на них обязанностей должны посещать суд.

Также ст. 17.5 КоАП РФ установлена административная ответственность для работодателя или лица, его представляющего, за воспрепятствование явке в суд присяжного заседателя для участия в судебном разбирательстве. Недостаток данной нормы заключается, во-первых, в неоправданном сужении субъектов данного административного правонарушения, т.к. препятствовать указанной обязанности могут не только работодатели, но и недобросовестные должностные лица, во-вторых, он опять же касается только

[1] New York Consolidated Laws, Judiciary Law – JUD § 527 // FindLaw Codes. URL: https://codes.findlaw.com/ny/judiciary-law/jud-sect-527/ (дата обращения: 23.03.2026).

[2] Jury service. Respond to the summons. // Open Government Licence of Crown. URL: https://www.gov.uk/jury-service/respond-to-the-summons (дата обращения: 23.03.2026).

[3] View of Jury selection and jury trial in Spain. // Oñati Socio-Legal Series. URL: https://opo.iisj.net/index.php/osls/article/view/165/124 (дата обращения: 23.03.2026).

отобранных в коллегию присяжных заседателей и не касается кандидатов в присяжные заседатели, а в-третьих, устанавливает несоизмеримо малую санкцию (не учитывая инфляцию), которая явно не будет способствовать исполнению работодателем возложенных на него обязанностей — легче заплатить маленький штраф (от 500 до 1000 рублей), чем отпустить работника на несколько дней (а то и месяцы) работы при сохранении заработной платы.

Некоторые исследователи считают, что введение штрафов (взысканий) для кандидатов в присяжные заседатели за неявку на процедуру отбора будет являться нарушением права, установленного ч. 5 ст. 32 Конституции РФ[1]. Однако данное толкование указанной нормы является ошибочным по следующим основаниям.

Во-первых, возможность установления обязанности явиться в суд для отбора в коллегию присяжных предусмотрена ч. 1 ст. 2 ФЗ о присяжных, в соответствии с которой право граждан участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей может быть ограничено только федеральным законом.

Во-вторых, санкция за неявку в суд по повестке сама по себе не вторгается в конституционное право на отправление правосудия, поскольку данная мера взыскания предусматривает ответственность за несоблюдение установленного порядка судебного разбирательства, но не за отказ от упомянутого права — у гражданина остается возможность реализовать свое право на отправление правосудия (предусматривающей как возможность согласиться, так и отказаться от его реализации), заявив об уважительных причинах невозможности своего участия в судебном заседании, на котором производится отбор присяжных.

Таким образом, автором предлагается внести соответствующие изменения в нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу. Одним из вариантов может являться внесение изменений в УПК РФ, предполагающее установление денежного взыскания для кандидатов в присяжные заседатели за неявку в суд без уважительных причин (ст. 117 УПК РФ). Однако такой подход может породить некоторые сложности, поскольку упомянутая статья предусматривает наложение денежного взыскания только на участников уголовного судопроизводства, то есть тех, кто перечислен в гл. 5—8 УПК РФ. Кандидаты в присяжные заседатели не относятся к таковым, поэтому придется вносить соответствующие изменения и в раздел II УПК РФ. Предпочтительным видится другой вариант, предполагающий комплексное внесение изменений в КоАП РФ. Так, автор предлагает добавление состава

[1]Бедняков И. Л., Развейкина Н. А. История одного несостоявшегося суда присяжных (на примере судебной практики районного суда) // Российский судья. 2023. № 11. С. 53.

административного правонарушения за неявку в суд на отбор присяжных, передачу права на возбуждение и рассмотрения дела по данному административному правонарушению председательствующему судье. Более того, можно рассмотреть этот вопрос широко и ввести общую санкцию за неявку в суд по повестке в гражданском, административном, уголовном и арбитражном судопроизводстве. Предлагаемая санкция может выглядеть в виде новой статьи 17.3.1 КоАП РФ следующего содержания: «Неуважение к суду, выразившееся в неисполнении требования о явке в судебное заседание без уведомления суда о наличии уважительных причин для такой неявки, влечет наложение административного штрафа в размере от двух с половиной до пяти тысяч рублей». Указанная санкция не будет являться нарушением принципа non bis in idem при решении вопроса о применении инструмента денежного взыскания или судебного штрафа, поскольку, во-первых, они не являются мерой административной или уголовной ответственности, а во-вторых, их можно применять для других типов процессуальных нарушений участниками уголовного, арбитражного или гражданского процесса.

Рассматривая вопрос повышения процессуальных гарантий для присяжных заседателей и кандидатов в присяжные заседатели, автор полагает нужным предложить следующее. Оплату труда присяжного заседателя для неработающих граждан необходимо установить в размере полного оклада судьи либо в размере медианной заработной платы по конкретному региону. Также требуется доработать формулировку статьи 17.5 КоАП РФ, откорректировав ее в следующем виде: «Воспрепятствование работодателем, лицом, его представляющим, или должностным лицом явке в суд присяжного заседателя или кандидата в присяжные заседатели для участия в судебном разбирательстве — влечет наложение административного штрафа в размере от десяти до пятидесяти тысяч рублей».

Указанные изменения, по нашему убеждению, будут способствовать повышенному обеспечению явки в суд кандидатов в присяжные заседатели для прохождения процедуры формирования коллегии присяжных заседателей. Как следствие, будут соблюдаться требования ст. 6.1 УПК РФ, более обширная выборка обусловит большую объективность коллегии, а авторитет судебной системы будет поддерживаться на должном уровне.

Научная статья
УДК 343.13

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Елизавета Александровна ЯКОВЛЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
elizavetayakovleva003@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры, уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции **Дмитрий Анатольевич СЫЧЕВ**, ds999rus@rambler.ru

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы, возникающие в деятельности прокурора в стадии возбуждения уголовного дела при внедрении цифровых технологий. Исходя из существующий теоретико-практических позиций и уголовно-процессуального законодательства исследуются существующие дискуссионные вопросы, касающиеся деятельности и полномочий прокурора на данной стадии. Выдвигаются предложения о совершенствовании существующего правового регулирования.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, цифровизация, прокурор

Стадия возбуждения угодного дела является первоначальным этапом уголовного судопроизводства. Значение данной стадии в рамках механизма уголовного преследования невозможно переоценить, поскольку именно на этом моменте совершается оценка первичных фактов, свидетельствующих о совершении преступления.

Современный этап развития уголовного судопроизводства характеризуется активным внедрением цифровых технологий, что не могло не затронуть и стадию возбуждения уголовного дела. В связи с чем у граждан появились возможности по подаче электронных обращений, заявлений и сообщений о преступлениях в правоохранительные органы. Такие документы подаются через электронные приемные на официальных сайтах уполномоченных органов.

Однако, как справедливо отмечают Е. Н. Арестова и А. М. Баранов, это нововведение породило ряд вопросов, требующих осмысления: идентификация заявителя, достоверность электронных доказательств, обеспечение тайны сообщения, а также процессуальный статус материалов, посту-

пивших в электронном виде[1]. Прокурорский надзор в новых условиях адаптироваться к проверке законности не только содержания, но и формы таких обращений.

Более того, в научной среде активно обсуждается возможность использования технологий искусственного интеллекта для первичной обработки сообщений о преступлениях. Как отмечает К. А. Таболина, «автоматизация проверочных действий могла бы снизить нагрузку на дознавателей и следователей, однако она несёт риски формального подхода и ущемления прав граждан, что требует сохранения «человеческого фактора» на этапе принятия ключевых процессуальных решений»[2]. Внедрение таких технологий должно сопровождаться чёткими законодательными гарантиями и, безусловно, оставаться под надзором прокурора.

На фоне процесса цифровизации уголовного судопроизводства, вновь приобретает актуальность дискуссия о необходимости сохранения или упразднения стадии возбуждения уголовного дела. Сторонники упразднения данной стадии указывают на то, что цифровизация позволяет минимизировать бюрократические барьеры и оперативно начинать расследование без отдельной «доследственной проверки»[3]. Противники такой позиции подчеркивают, что именно в условиях цифрового оборота, где возрастает риск анонимных и ложных доносов, стадия возбуждения дела сохраняет свою роль фильтра, защищающего граждан от необоснованного преследования[4].

Представляется, что наиболее взвешенной является позиция о необходимости не упразднения, а модернизации стадии с учётом цифровых реалий. В частности, назрела потребность в законодательном урегулировании следующих вопросов:

1. Установление единых стандартов проверки электронных сообщений, включая порядок взаимодействия с порталом «Госуслуги» и операторами связи.

2. Определение процессуального статуса цифровых следов (электронных носителей, файлов) как доказательств уже на стадии возбуждения дела.

3. Введение в УПК РФ норм, позволяющих проводить отдельные проверочные действия (например, получение компьютерной информации) в электронном формате с фиксацией в единой информационной системе.

---

[1] Арестова Е. Н., Баранов А. М. Электронная форма сообщения о преступлении: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 36.

[2] Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : монография. М. : ИНФРА-М, 2024. С. 112.

[3] Александров А. С. Досудебное производство: нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // Государство и право. 2024. № 2. С. 59.

[4] Гаврилов Б. Я. Современные проблемы уголовно-процессуального законодательства и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 115.

4. Расширение полномочий прокурора по надзору за законностью в цифровой среде, включая право доступа к ведомственным электронным базам учёта сообщений в режиме реального времени.

Нельзя не учитывать ряд преимуществ, вытекающих из применения цифровых технологий в процессе возбуждения и дальнейшего расследования уголовного дела:

оперативность направления и получения информации с помощью мессенджеров, электронной почты, информационных систем;

автоматическая фиксация времени получения, направления данных;

обмен информацией, проведение отдельных следственных действий удаленно, без необходимости для дознавателя, следователя покидать рабочее место, а для иных участников производства – прибытия в суд, следственные органы или иные места;

хранение больших массивов данных в сетевых хранилищах, что обеспечивает их сохранность, а также предоставляет возможность более оперативно осуществлять поиск конкретных документов по их реквизитам.

Полный переход на электронный документооборот в современных условиях невозможен, однако уже на сегодняшний день существующие информационные системы предоставляют большую часть перечисленных выше преимуществ.

Однако, практика выявляет ряд организационных и сущностных проблем возбуждения и расследования уголовных дел при использовании информационных технологий. Одной из них является вопрос о юридической силе доказательств, полученных в электронной форме до возбуждения уголовного дела. Например, скриншоты переписки, файлы, приложенные к электронному обращению, требуют процессуального закрепления, однако механизм их осмотра и приобщения к материалам проверки в цифровом виде до конца не урегулирован. Как отмечает К. А. Таболина, «отсутствие единого стандарта фиксации электронной информации на стадии возбуждения дела создаёт риски признания таких доказательств недопустимыми в ходе дальнейшего расследования»[1]. Т. К. Рябинина, Д. О. Чистилина, Я. П. Ряполова обращают внимание на то, что «отсутствие официальной дефиниции в действующем уголовно-процессуальном законодательстве как самого понятия электронных доказательств, так и смежных, связанных с ним понятий, приводит в тому, что к ним применяются общие требования, предъявляемые к доказательствам, что зачастую не соответствует определению их сущности, форме фиксации, способам передачи, хранения, обработки и воспроизведения электронной информации»[2]. Эти особенности необходимо понимать надзирающему прокурору, оценивая законность

[1]Таболина К. А. Указ. соч. С. 115.

[2] Рябинина Т. К., Чистилина Д. О., Ряполова Я. П. Цифровая трансформация уголовно-процессуального доказывания: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. 2025. №516. С. 225.

возбуждения уголовного дела в том числе с точки зрения допустимости доказательств, имеющих цифровую форму.

Кроме того, цифровизация ставит перед прокурорским надзором новые задачи по контролю за соблюдением прав граждан в сети «Интернет». Возрастает количество анонимных сообщений о преступлениях, распространяемых через социальные сети и мессенджеры. Возбуждение уголовного дела на основании анонимного заявления является незаконным, однако нельзя полностью игнорировать подобные сообщения, поступающие как в правоохранительные органы, так и в органы прокуратуры. Проверка подобных сообщений в том числе в целях деанонимизации автора и исключения фактов ложного доноса требует взаимодействия с провайдерами, владельцами сайтов, администраторами социальных сетей, операторами сотовой связи, что не всегда укладывается в установленные процессуальные сроки.

В этой связи в научной литературе обосновывается предложение о наделении прокурора непосредственным правом требовать от операторов связи и интернет-платформ предоставления информации, необходимой для проверки сообщений о преступлениях, с соблюдением гарантий тайны переписки[1]. Такой подход позволил бы повысить эффективность надзора за законностью в цифровой среде и обеспечить неотвратимость ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Обоснованно высказывают мнение о том, что органы прокуратуры в силу своих задач, полномочий и места в уголовном судопроизводстве способны возглавить и направить внедрение цифровых технологий в уголовный процесс, в том числе посредством создания и руководства единой межведомственной цифровой платформы[2]. Создание такого ресурса в рамках осуществления уголовного судопроизводства буде способствовать повышению эффективности прокурорского надзора за законностью деятельности органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела находится в процессе трансформации под влиянием цифровизации. Необходимо поэтапное внедрение информационных технологий в сферу уголовного судопроизводства. Прокурору в силу своих процессуальных функций необходимо видеть картину деятельности органов предварительного расследования целиком, в связи с чем унификация и цифровизация всех процессов. Прокурорский надзор в этих условиях должен стать более гибким и технологичным, чтобы эффективно реагировать на новые вызовы.

---

[1]Арестова Е. Н., Баранов А. М. Указ. соч. С. 39.

[2]Воскобитова Л. А. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства и роли прокуратуры как организатора такой трансформации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 2 (114). С. 24

XI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья
УДК 343.9

К ВОПРОСУ ОБ ИЗЪЯТИИ И ОСМОТРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Ксения Витальевна ЗИНЧЕНКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ksniia.zinchenko15@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Николай Валентинович КУЛИК**, kulik-n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изъятия и осмотра электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве. Раскрывается значение аппаратно-программных комплексов при извлечении и анализе данных, их роль в установлении обстоятельств преступления, проверке показаний и выдвижении следственных версий. На основе практических примеров показано влияние цифровой информации на ход и результаты расследования.

Ключевые слова: электронные носители информации, аппаратно-программный комплекс, извлечение данных

В условиях цифровизации электронные носители информации (далее — ЭНИ) приобретают особое значение в жизни человека. Смартфоны, планшеты, персональные компьютеры и иные устройства содержат сведения, отражающие практически все аспекты жизнедеятельности: личные контакты, переписку, маршруты передвижения, финансовые операции, интернет-активность. Фактически такие устройства аккумулируют обширный массив данных о личности, её поведении и образе жизни.

В связи с этим ЭНИ занимают важное место в криминалистике как источник доказательственной информации. Их изъятие и последующее исследование позволяют получить сведения, имеющие существенное значение для установления обстоятельств преступления. Для работы с ЭНИ применяются аппаратно-программные комплексы (далее — АПК), предназначенные

для осмотра, извлечения и фиксации информации, содержащейся в памяти ЭНИ.

АПК могут быть стационарными и мобильными. Стационарные комплексы, как правило, используются в служебных помещениях правоохранительных органов и экспертных учреждениях, где имеется необходимое оборудование и условия для проведения более углублённого исследования ЭНИ. Мобильные АПК могут применяться при проведении следственных действий, в том числе при осмотре места происшествия, что позволяет оперативно осуществлять первичное извлечение и фиксацию информации без необходимости транспортировки устройства и риска утраты или изменения данных.

В отличие от визуального осмотра, ограниченного возможностями интерфейса устройства, применение АПК способствует получению более полной картины цифровой активности пользователя. Так, при обычном просмотре следователь видит лишь текущие переписки, список вызовов и доступные файлы, тогда как с использованием АПК путем «взлома» пароля извлекаются скрытые системные данные, журналы активности, метаданные файлов, история интернет-запросов, сведения о подключении к сетям, а также ранее удалённая информация. Кроме того, полученные сведения представляются в структурированном виде, что позволяет установить последовательность действий пользователя, временные интервалы активности и взаимосвязь между отдельными событиями. Сведения извлекаются с различных видов ЭНИ: мобильных телефонов, планшетов, персональных компьютеров, жёстких дисков, флеш-накопителей и иных устройств, предназначенных для записи, хранения, передачи и воспроизведения данных в цифровом формате[1].

Информация, получаемая в результате исследования ЭНИ, имеет широкий криминалистический интерес[2]. Она позволяет установить круг общения лица, его интересы и намерения, маршруты передвижения, факты использования интернет-ресурсов, содержание переписки, а также обстоятельства, связанные с подготовкой и совершением преступления. Анализ таких данных нередко позволяет выявить мотив, установить последовательность действий и подтвердить либо опровергнуть показания участников процесса.

Особую роль изъятие и исследование ЭНИ играют в делах о преступлениях против личности. Так, при расследовании преступлений против половой неприкосновенности цифровые устройства могут содержать переписку

[1]Количенко А. А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1 (47). С. 116.

[2]Грибанов О. П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. №4 (83). С. 138.

между участниками, фото- и видеоматериалы, а также иные сведения, позволяющие установить характер взаимоотношений между ними. При расследовании преступлений против жизни и здоровья анализ информации позволяет выявить подготовительные действия, установить мотив, а также оценить поведение лица до и после совершения преступления.

Значительный интерес представляют ЭНИ и при расследовании преступлений прошлых лет. Ранее такие устройства, как правило, изымались, однако их исследование ограничивалось поверхностным осмотром. В современных условиях повторное их исследование с применением АПК позволяет выявить сведения, которые ранее не могли быть получены, что в ряде случаев приводит к установлению новых обстоятельств и раскрытию преступлений.

В то же время применение АПК эффективно и при расследовании преступлений по «горячим следам». Оперативный анализ информации, находящейся в памяти изъятых устройств, может дать возможность установить личность подозреваемого или потерпевшего, их связи, образ жизни, передвижения, последние онлайн-покупки и своевременно запланировать неотложные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. При этом объём и качество сведений, извлекаемых из электронных устройств, зачастую могут превышать результаты оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в отношении лица, а также выигрывать по времени их получения. Если установление круга связей, маршрутов передвижения и иных аспектов деятельности лица в рамках оперативной работы занимает продолжительное время, то с использованием АПК аналогичный объём информации может быть получен в кратчайшие сроки, вплоть до одного дня. Это существенно повышает оперативность и эффективность расследования.

Следственная практика показывает, что сведения, извлечённые из ЭНИ, могут существенно повлиять на ход расследования и изменить его направление. Так, в одном случае подозреваемый утверждал, что не владеет навыками обращения с огнестрельным оружием. Однако при исследовании информации из флеш-накопителя, изъятого в ходе обыска, были обнаружены фотоматериалы, на которых он запечатлён с оружием в руках, в том числе на стрельбище. Указанные данные позволили опровергнуть его показания и подтвердить наличие у него соответствующих навыков.

В другом случае подозреваемый скрывал место хранения предметов, имеющих значение для уголовного дела. При анализе его мобильного телефона с помощью АПК были извлечены фотографии, на которых в качестве фона фиксировался один и тот же жилой дом. Кроме того, были установлены данные о подключении устройства к сети Wi-Fi, принадлежащей автозаправочной станции, расположенной вблизи указанного объекта. Сопоставление полученной информации позволило определить конкретный адрес — жилой

дом, принадлежащий родственнику подозреваемого и находящийся в непосредственной близости от указанной автозаправочной станции, и следовательно, установить местонахождение искомых предметов, которое ранее не удавалось определить иными средствами.

Ещё один пример связан с расследованием преступления против половой неприкосновенности. Потерпевшая утверждала, что была изнасилована мужчиной, с которым ранее не была знакома. Однако при исследовании её компьютера были выявлены переписка между ней и подозреваемым, а также интимные видеоматериалы, ранее удалённые ею, свидетельствующие о наличии между ними длительного и близкого общения. Эти обстоятельства оказали существенное влияние на оценку её показаний и направление расследования.

В результате, как подозреваемые, так и потерпевшие нередко недооценивают возможности современной криминалистической техники. Распространено мнение, что удаление информации с устройства полностью устраняет цифровые следы. Такое восприятие обусловлено отсутствием специальных знаний, поскольку сфера информационных технологий и методов извлечения данных является узкоспециализированной и требует соответствующего опыта.

В ряде случаев анализ извлечённой информации позволяет установить серийный характер преступной деятельности. Так, при исследовании электронных устройств могут выявляться сведения о совершении аналогичных деяний в отношении других лиц, в том числе в иных регионах, ранее не зарегистрированных в установленном порядке. Это приводит к расширению предмета расследования и выявлению дополнительных эпизодов преступной деятельности.

Особое значение АПК имеют при расследовании безвестных исчезновений и суицидов. Изучение истории браузера и медиаконтента позволяет выявить интерес лица к темам, связанным с саморазрушающим поведением, способами причинения вреда себе, уходом из жизни, а также участием в деструктивных интернет-сообществах (в так называемых «группах смерти»). В переписке могут содержаться сведения о депрессивном состоянии, переживаниях, намерениях или фактах склонения к совершению суицида. Указанные данные позволяют установить, имело ли место доведение до самоубийства либо смерть наступила вследствие самостоятельных действий лица, и принять процессуальное решение — в частности о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления либо, напротив, о продолжении расследования с назначением соответствующих экспертиз, в том числе посмертной психолого-психиатрической. Применение АПК помогает

оперативно принять решение, исключить необоснованные версии и избежать поиска несуществующих преступников, сокращая сроки расследования и снижая нагрузку на следствие.

Большую роль в расследовании насильственных преступлений играет возможность извлечения сведений о подготовке к преступлению и его сокрытии. К таким сведениям относятся данные о просмотре специализированных интернет-ресурсов, приобретении предметов, потенциально используемых при совершении преступления (например, верёвок, упаковочных материалов, горючих веществ, инструментов), изучении карт местности, а также сборе информации о потерпевшем.

Так, в одном из случаев мужчина обратился с заявлением о безвестном исчезновении супруги. В ходе проверки были получены сведения о наличии между ними конфликтов, что подтвердили соседи. При исследовании его мобильного телефона установлены факты приобретения лопаты и полиэтиленовых пакетов незадолго до исчезновения женщины. Указанные обстоятельства позволили сформировать обоснованное предположение о его возможной причастности к произошедшему и сконцентрировать оперативно-розыскные и следственные мероприятия на его проверке.

В отдельных случаях извлечённая информация может иметь значение не только для установления обстоятельств конкретного преступления, но и для характеристики личности подозреваемого. Так, при исследовании телефона подозреваемого лица, были обнаружены видеозаписи, на которых он совершает жестокие убийства бродячих собак. Несмотря на отсутствие прямой связи с расследуемым преступлением, указанные сведения могут быть использованы при проведении ряда следственных действий, в том числе при назначении судебных экспертиз (например, судебной психолого-психиатрической), а также служить основанием для дополнительной проверки лица на причастность к иным преступлениям.

При этом применение АПК сопряжено с рядом проблем. На практике следователи не всегда в полной мере используют возможности современных технических средств, ограничиваясь формальным осмотром устройств. Это обусловлено недостаточной подготовкой, высокой нагрузкой, а также отсутствием необходимого оборудования. В ряде случаев следователи полагают, что собранной доказательственной базы уже достаточно и без изъятия и исследования ЭНИ. Вместе с тем такой подход не учитывает, что цифровые носители могут содержать значительный объём дополнительной информации, способной существенно повлиять на установление обстоятельств дела. Поэтому в целях повышения уровня профподготовки следователей регулярно проводятся семинары с участием представителей организаций–разработчиков АПК. До сотрудников доводится актуальная информация о современных возможностях АПК, новых методах извлечения и анализа данных.

Кроме того, АПК и программное обеспечение имеют высокую стоимость и не во всех подразделениях правоохранительных органов находятся в наличии. Значительная часть АПК является иностранного производства (как, например, израильской разработки АПК «UFED»), что в условиях санкционных ограничений затрудняет их обновление и применение. Поэтому в практике используются отечественные разработки, в частности АПК «Мобильный криминалист», позволяющий извлекать информацию из широкого спектра электронных устройств, хотя и он не лишён определённых технических ограничений.

Специалисты в области «взлома» ЭНИ, как правило, пользуются всеми доступными АПК. Длительность извлечения данных может варьироваться от нескольких часов до нескольких суток. Это зависит от мощности АПК, взламываемого устройства, объема его памяти. В одних случаях достаточно подключения устройства к АПК через разъем зарядки, а в других требуется сложная разборка ЭНИ.

По результатам осмотра и исследования составляются процессуальные документы — протокол осмотра либо заключение эксперта, в которых фиксируются сведения об устройстве, его идентификационные признаки, применённые методы и полученные результаты. Указанные документы приобщаются к материалам уголовного дела и используются в качестве доказательств.

Сведения, извлечённые из ЭНИ, могут использоваться и при проведении иных судебных экспертиз, включая фонетическую, видеотехническую и психолого-психиатрическую. Это существенно расширяет доказательственную базу и способствует всестороннему исследованию обстоятельств дела.

Таким образом, изъятие ЭНИ и их исследование с использованием АПК являются важным элементом современного расследования преступлений. Применение АПК позволяет получать подробные сведения о действиях лица, его контактах, перемещениях и цифровой активности в конкретные временные промежутки. Это обеспечивает возможность объективной проверки показаний участников процесса, установления фактической последовательности событий, а также выявления подготовки к совершению преступления и поведения лица после его совершения.

Одновременно использование АПК способствует выявлению новых эпизодов преступной деятельности, установлению соучастников, обнаружению потенциальных вещественных доказательств и ранее неустановленных свидетелей. Полученные сведения могут служить основанием для назначения судебных экспертиз, выдвижения и проверки следственных версий, а также принятия процессуальных решений. В совокупности это позволяет сократить сроки расследования, повысить его эффективность и обеспечить полное, объективное и всестороннее установление обстоятельств совершенного преступления.

Научная статья
УДК 343.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОТ ДЕСТРУКТИВНОГО ЛИДЕРСТВА ДО КОНФОРМИЗМА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Юлия Сергеевна КАЙГОРОДЦЕВА
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
Qween2407@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук **Ольга Викторовна ДОМНИНА,** ol-domni@yandex.ru

Аннотация. Тема исследует психологические аспекты формирования и функционирования преступных групп, состоящих из несовершеннолетних. Анализируются роли внутри группы (лидеры, ведомые), психологические мотивы участия, механизмы конформизма и обезличивания, а также влияние взрослых на подростков. Обсуждается, как знание этих механизмов помогает в квалификации соучастия и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние преступники, преступная группа, деструктивное лидерство, конформизм, групповая динамика, соучастие, уголовная ответственность, ювенальная юстиция

Проблема преступности подростков, особенно в групповой форме, представляет собой одну из наиболее дискуссионных и практически значимых тем в правовой науке и общественных отношениях. Исследование психологических аспектов формирования и функционирования преступных групп, состоящих из несовершеннолетних имеет особенное значение и может позволить повысить результативность профилактики и борьбы с подростковой преступностью правоохранительными органами.

Председателем Следственного комитета России Александром Ивановичем Бастрыкиным было заявлено, что: «Согласно статистике МВД России, в 2024 году нарушили закон более 21 тыс. несовершеннолетних, это на 6 % меньше, чем в 2023-м. Из них 15,5 тыс. (74 %) — учащиеся и студенты, 4 тыс. — ранее совершали преступления, 1,5 тыс. — уже были судимы. В производстве следователей СК России в прошедшем году находилось 17,5 тыс. уголовных дел о преступлениях, совершенных детьми, более 7,5 тыс. были направлены в суд. "Всего нами к уголовной ответственности в 2024

году за совершение преступлений привлечено 9,5 тыс. подростков в возрасте 14—17 лет», «Среди наиболее распространенных остаются корыстные преступления. За прошедший год их доля составила 53 % от общего числа расследованных СК преступлений. По словам Бастрыкина, также велика доля угонов автомобилей и преступлений, связанных с оборотом наркотиков»[1].

В процессе социализации ребёнка огромное значение имеет влияние неформальных групп сверстников, которое возникает при различных видах взаимодействия. Также важно понимать, что возраст несовершеннолетних является фактором, во многом определяющим с точки зрения стремления подростка привлечь к себе внимание, самоутвердиться, занять определённое положение в компании сверстников. Университет прокуратуры РФ проанализировал статистику и составил психологический портрет малолетнего преступника. В отличие от взрослых, подростки совершают правонарушения под влиянием таких факторов, как недостаток опыта, высокая внушаемость и нонконформизм. Их поведение также определяют максимализм, приоритет неформальной группы, острая потребность в самоутверждении и нестабильная самооценка[2], поэтому, очевидна склонность молодёжи к объединению в группы. Можно заметить, что подростки чаще всего нарушают закон, действуя сообща, при этом некоторые из них, желая получить внимание и стать лидером, оказываются в преступной среде, а затем привлекают к противозаконной деятельности своих друзей и знакомых.

Деструктивный лидер играет важную роль в создании условий для реализации преступных намерений и поступков, вводя остальных членов группы в заблуждение о респектабельности и престижности совершаемых деяний. Такой лидер может применять манипуляцию и угрозы для поддержания контроля и лидерства в группе. Так, большинство несовершеннолетних вступая в преступную группу пытаются удовлетворить свои базовые потребности: ощущение значимости, власти и возможность проявить себя в качестве участника определённых действий. Именно это мотивирует присоединиться к преступной группе.

Можно выделить три основных типа участников преступных групп. Лидер, который обладает всей полнотой власти и особым влиянием на остальных членов преступной группы. Обычно это наиболее авторитетный, уверенный в себе и зачастую старший по возрасту подросток. Лидер определяет стратегию и тактику действий, принимает ключевые решения, распределяет роли и задачи, а также устанавливает внутренние правила

[1] Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности в РФ URL: https://tass.ru/politika/23596255 (дата обращения: 1.04.2026).

[2]Егоров, И. Генпрокуратура сообщила о росте подростковой преступности в стране / И. Егоров // Российская газета. 2020. 20 апр. (№ 86). С. 4—5.

и нормы поведения. Его авторитет держится не только на силе, но и на способности манипулировать, убеждать и контролировать эмоциональную атмосферу в коллективе. Остальные члены группы ориентируются на лидера, подражают ему и стремятся заслужить его одобрение.

Активные члены, принимающие особо активное участие в совершении преступлений и разделяющие взгляды лидера. Они выступают непосредственными исполнителями большинства противоправных действий, проявляют инициативу, готовы брать на себя риски и ответственность. Такие участники часто отличаются агрессивностью, решительностью и лояльностью к группе. Они не только следуют указаниям лидера, но и сами могут вовлекать новых членов, поддерживать дисциплину и участвовать в планировании преступлений.

Пассивные участники, находятся в зависимости от мнения большинства и исполняют приказы вышестоящих. При этом, они могут быть не до конца убеждены в правильности совершаемых действий, но боятся осуждения, исключения из группы или давления со стороны лидера и активных членов. Пассивные участники обычно выполняют второстепенные роли: могут стоять «на стрёме», отвлекать внимание или выполнять мелкие поручения. Их участие в преступлениях часто обусловлено не столько личными убеждениями, сколько желанием быть принятыми, страхом или конформизмом. Тем не менее, даже такое участие делает их соучастниками противоправной деятельности. Так проявляется Конформизм. В своей книге «Социальная психология» Майерс Девид определяет понятие конформизма как изменение поведения или убеждения в результате реального или воображаемого давления группы[1].

Часто взрослые выступают в роли наставников, демонстрируя молодёжи, как можно «быстро» заработать деньги, обходить закон и избегать ответственности. Подростки, не имея жизненного опыта и критического мышления, легко попадают под это влияние, воспринимая криминальный путь как норму или даже как способ самоутверждения.

Взрослые преступники целенаправленно вовлекают подростков в свою деятельность, используя их доверчивость, желание быть принятыми в коллективе и стремление к независимости. Они могут предлагать небольшие вознаграждения, создавать иллюзию защищенности и братства, а также манипулировать чувством страха или долга. В результате подростки не только перенимают асоциальные модели поведения, но и становятся частью устойчивых преступных сетей, где насилие, обман и нарушение закона воспринимаются как естественные способы достижения целей.

[1]Убеждение / Д. Дж. Майерс // Социальная психология: учеб. Пособие для студентов и аспирантов психолог. Фак., а также слушателей курсов психолог. дисциплин на гуманит. фак. Вузов РФ: [пер. с англ.] / Д. Дж. Майерс / СПБ.,1997, Ч.2, гл.6. С.341.

Такое влияние особенно опасно в условиях отсутствия позитивных примеров и поддержки со стороны семьи, школы или общества. Когда подросток не видит альтернативных путей развития, криминальная среда становится для него привлекательной и понятной. В итоге формируется замкнутый круг: взрослые преступники готовят себе «смену», а подростки, вырастая, сами становятся носителями и трансляторами негативного опыта для следующих поколений. Современным Российским Уголовным законодательством, а именно статьей 150 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста предусмотрена уголовная ответственность. При этом, в соответствии с абз. 3 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий[1].

Согласно действующему уголовному кодексу Российской Федерации, а именно главе 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», квалификация преступлений несовершеннолетних учитывает индивидуальные особенности возраста и обстоятельств дела. Однако при расследовании дел важно учитывать и роль конкретного члена группы, определяя меру личной ответственности каждого участника.

Исследуемый феномен конформизма и групповой солидарности влияет на оценку степени вины каждого участника. Следовательно, важна дифференцированная работа с каждым членом группы, методом выявления мотивов, обстоятельств и психолого-педагогических особенностей подростков. Также, применение принципа справедливости требует учета возрастных особенностей при назначении наказаний, а также обеспечение квалифицированной психологической помощи и воспитательной работы с целью предотвращения рецидивов.

Изучение психологического механизма формирования преступных групп несовершеннолетних позволяет выявить элементы динамики групповой преступности, которые проявляются через эффекты конформизма, деперсонализации и деструктивного лидерства. Данные процессы оказывают

[1]Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).

влияние на решение подростков вступать в группы и совершать преступления совместно с другими участниками. Выделение типов членов группы и выявление характерных черт поведения существенно обогащает понимание природы преступности среди несовершеннолетних и служит основой для построения эффективной профилактической стратегии, которая может снизить риски втягивания подростков в криминальную среду.

Научная статья
УДК 343.9

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Альбина Азаматовна КЕНЖЕБЕНТОВА
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, юридический факультет, Астрахань, Россия
albinakenzhebentova02@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, доцент, кандидат юридических наук **Галина Витальевна АРСЕНЬЕВА**, Galina.arsenjeva@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются тактические особенности допроса несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются психологические характеристики детей и подростков, влияющие на формирование показаний. Исследуются процессуальные гарантии, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Систематизируются тактические приемы, применяемые в зависимости от возрастной группы допрашиваемого. Определяется роль педагога, психолога и видеозаписи при производстве допроса. Формулируются рекомендации по повышению эффективности следственного действия.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетних, криминалистическая тактика, психологический контакт, возрастные особенности, педагог, психолог, видеозапись

Допрос несовершеннолетних в уголовном процессе относится к числу наиболее сложных следственных действий. Сложность эта обусловлена целым рядом факторов. Прежде всего, это психологические особенности детей и подростков: повышенная внушаемость, склонность к фантазированию, эмоциональная нестабильность. Кроме того, сказывается специфика

восприятия и последующего воспроизведения информации о событии преступления. Наконец, сам статус несовершеннолетнего участника процесса требует особого подхода, сочетающего юридическую грамотность с пониманием возрастной психологии и педагогики[1].

Значимость темы подтверждается статистическими данными. Ежегодно более 40 тысяч несовершеннолетних признаются потерпевшими от преступлений. Около 30 тысяч проходят по уголовным делам в качестве свидетелей. Примерно столько же несовершеннолетних совершают преступления. Таким образом, десятки тысяч детей оказываются вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. Ошибки, допущенные при допросе, способны привести к ложным показаниям, психологической травме ребенка или нарушению его процессуальных прав[2]. В работе решаются следующие задачи. Анализируются возрастные и психологические характеристики несовершеннолетних, влияющие на качество показаний. Исследуются процессуальные гарантии, установленные действующим законодательством. Систематизируются тактические приемы, применяемые в зависимости от возрастной группы допрашиваемого. Оценивается роль специалистов и технических средств фиксации. На основе проведенного анализа формулируются рекомендации, направленные на повышение эффективности следственного действия.

Психологические особенности несовершеннолетних оказывают определяющее влияние на тактику допроса. У детей младшего возраста (до 14 лет) реальные события часто смешиваются с вымышленными деталями. Это связано с активным развитием воображения. Дети склонны ориентироваться на реакцию взрослого, особенно если он занимает авторитетную позицию — следователя, педагога, родителя. У подростков (14—18 лет) наблюдаются иные черты. Проявляется демонстративный негативизм, стремление к самоутверждению. В отдельных случаях имеет место сознательное искажение информации из-за боязни осуждения со стороны сверстников или взрослых. Несовершеннолетние, пострадавшие от насильственных преступлений, нередко находятся в состоянии посттравматического стресса[3].

М. И. Еникеев отмечает: успешность допроса несовершеннолетнего в значительной степени зависит от того, насколько следователю удалось создать атмосферу психологической безопасности. Установление контакта с допрашиваемым играет здесь первостепенную роль. Формальный подход, излишняя официальность или, напротив, фамильярность могут привести к

[1]Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Норма, 2024. С. 398—405.

[2]О состоянии преступности в Российской Федерации: статистический сборник / МВД России. М., 2025. С. 45—47.

[3]Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Норма, 2024. С. 401—403.

тому, что ребенок замкнется. В иных случаях он начинает давать показания, ориентируясь на ожидаемый взрослым ответ[1].

Законодатель предусмотрел ряд процессуальных гарантий. Статья 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает ограничения по продолжительности допроса. Для детей до семи лет общая длительность не может превышать одного часа. Для детей от семи до четырнадцати лет — двух часов. Обязательны перерывы. Участие педагога или психолога является обязательным, если возраст несовершеннолетнего не превышает шестнадцати лет, либо если он старше, но имеет психические нарушения. Законный представитель также вправе присутствовать при допросе[2]. Важной гарантией выступает видеозапись допроса. Федеральный закон № 432-ФЗ от 28 декабря 2013 года разрешил использование видеосъемки при допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Это позволяет избежать повторных допросов, способных травмировать ребенка. Видеозапись обеспечивает полноту фиксации информации. Она служит дополнительной психологической защитой несовершеннолетнего. Кроме того, видеоматериалы могут быть использованы в судебном заседании без повторного вызова ребенка[3].

В криминалистической тактике традиционно выделяют три этапа допроса несовершеннолетнего: первый — подготовительный; второй — установление психологического контакта; третий — получение показаний (свободный рассказ и ответы на вопросы). Каждый из этих этапов имеет свою специфику.

Подготовительный этап включает сбор сведений о личности несовершеннолетнего. Значимы его возраст, условия жизни, особенности характера, успеваемость, взаимоотношения с родителями и сверстниками. Важно выявить наличие психологических травм или заболеваний. На этом же этапе следователь принимает решение о месте проведения допроса. Практика показывает: несовершеннолетние легче идут на контакт в привычной обстановке. Это может быть школа, дом или специально оборудованный кабинет, оформленный не в строгом официальном стиле. В ряде регионов созданы так называемые «зеленые комнаты» — с мягкой мебелью, игрушками, спокойной цветовой гаммой. При необходимости следователь встречается с родителями или педагогами для получения дополнительной информации о ребенке[4].

---

[1]Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Норма, 2024. С. 416.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3]Федеральный закон от 28.12.2013 №432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

[4]Белкин Р. С. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. 4-е изд. М.: Норма, 2023. 928 с.

Установление психологического контакта - ключевой этап. От него во многом зависит качество дальнейших показаний. Следователь должен снять напряжение, создать доверительную атмосферу. Эффективными приемами считаются разговор на отвлеченные темы. Обсуждаются увлечения, учеба, любимые занятия. С детьми младшего возраста используются элементы игры. Важно избегать спешки, давления, излишней эмоциональной вовлеченности. Оптимальная дистанция между следователем и несовершеннолетним должна сочетать доброжелательность и сохранение авторитета взрослого. Ребенок должен чувствовать себя в безопасности[1].

На этапе получения показаний тактика определяется возрастом и индивидуальными особенностями допрашиваемого. При допросе детей до 14 лет эффективны игровые методы. Ребенку предлагают нарисовать то, что он видел. Затем обсуждают рисунок. Используются фотографии, предметы, куклы. Категорически важно избегать наводящих вопросов. Дети легко внушаемы. Если следователь подскажет ответ, ребенок может поверить в то, чего на самом деле не было. Р. С. Белкин подчеркивал: даже маленькая подсказка способна сформировать у ребенка ложное воспоминание, которое впоследствии будет восприниматься как реально произошедшее событие[2]. При допросе подростков от 14 до 18 лет тактика меняется. Подростки часто протестуют против давления взрослых, стремятся к самостоятельности. В таких случаях эффективны приемы, апеллирующие к логике и чувству ответственности. Следователь может предложить подростку самому восстановить ход событий. Затем обращается внимание на противоречия — это прием «логической последовательности». Если подросток является подозреваемым или обвиняемым, обязательно разъясняется право на защиту. Обеспечивается участие адвоката. Объясняются последствия дачи ложных показаний, но без запугивания[3].

Отдельного рассмотрения заслуживает допрос несовершеннолетних, пострадавших от преступлений, особенно связанных с насилием. В таких случаях на первый план выходит задача предотвращения вторичной виктимизации. Допрос должен проходить в щадящей форме. Не допускаются вопросы, требующие излишней детализации травмирующих обстоятельств. Используются опосредованные формулировки.

Обязательным является присутствие психолога, который может вовремя заметить признаки ухудшения эмоционального состояния ребенка и предложить сделать перерыв. Видеозапись в таких случаях становится не просто средством фиксации, но и инструментом защиты. Она позволяет в

[1]Коченов М. М., Осипова Н. Р. Психология допроса малолетних свидетелей: методическое пособие. М., 1984. 35 с.

[2]Белкин Р. С. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. 4-е изд.: Норма, 2023. 928 с.

[3]Следственные действия: учебное пособие / под ред. А. В. Гриненко. М.: Норма: Инфра-М, 2025. 208 с.

дальнейшем использовать запись в суде без необходимости повторного вызова ребенка[1].

Роль педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего трудно переоценить. Специалист помогает следователю определить состояние ребенка. Оценивается готовность давать показания, правильность понимания вопросов. Психолог интерпретирует невербальные реакции допрашиваемого, подсказывает, как переформулировать вопрос. Важно, чтобы специалист не подменял следователя. Он не задает вопросы самостоятельно без разрешения. Его задача — создание комфортной атмосферы и обеспечение психологической безопасности ребенка. Особенно значима роль психолога при работе с детьми, имеющими особенности развития: задержка психического развития, расстройства аутистического спектра, нарушения речи[2].

Применение видеозаписи при допросе несовершеннолетних имеет не только доказательственное, но и тактическое значение. Видеосъемка фиксирует не только содержание показаний. Запечатлеваются обстановка, поведение участников, эмоциональные реакции ребенка. Впоследствии это может быть использовано для оценки достоверности показаний. Наличие видеозаписи дисциплинирует всех участников следственного действия. Исключаются нарушения процессуальных норм. По делам о преступлениях против половой неприкосновенности видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля является обязательной. В остальных случаях она рекомендуется к применению. Ведомственные приказы Следственного комитета РФ обязывают следователей проходить специальное обучение по работе с детьми и применению видеозаписи[3].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

допрос несовершеннолетнего представляет собой комплексное следственное действие. Его успех определяется не столько владением формальными тактическими приемами, сколько способностью следователя учитывать психологические особенности ребенка. Необходимо выстраивать доверительную коммуникацию. Важно соблюдать баланс между получением доказательственной информации и защитой психического здоровья допрашиваемого;

система тактических приемов должна строиться на принципе возрастной дифференциации. Для детей младшего возраста приоритетны игровые методы, использование наглядных материалов, исключение наводящих вопросов. Для подростков эффективны приемы, основанные на логике, апелляции к чувству ответственности, разъяснении правовых последствий;

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2025). Ст. 191 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Норма, 2024. 512 с.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2025). Ст. 191 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

участие педагога или психолога, а также применение видеозаписи не являются формальными требованиями закона. Это эффективные тактические инструменты. Психолог обеспечивает комфортную среду, помогает интерпретировать состояние ребенка. Видеозапись позволяет избежать повторных допросов и служит дополнительным средством защиты прав несовершеннолетнего;

перспективными направлениями совершенствования практики допроса несовершеннолетних следует признать: создание специализированных кабинетов для допроса детей («зеленых комнат») во всех следственных органах; введение штатных должностей психологов в следственных подразделениях; расширение практики обязательного применения видеозаписи по более широкому кругу уголовных дел; повышение квалификации следователей в области возрастной психологии; разработку единых методических рекомендаций по допросу несовершеннолетних с учетом возрастных особенностей.

Реализация указанных предложений будет способствовать повышению эффективности расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних. Кроме того, обеспечивается принцип приоритетной защиты прав и законных интересов детей в уголовном судопроизводстве.

Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМОДЗИ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мария Игоревна МАХАРИНСКАЯ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
shulgina044@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмодзи как элемента цифровой коммуникации в контексте криминалистического анализа. Рассматриваются их семантические и функциональные особенности, а также специфика использования в противоправной деятельности. На основе ана-

лиза экспертной практики и результатов эмпирического исследования выявлены ключевые проблемы, связанные с полисемичностью, вариативностью восприятия и отсутствием унифицированных методик анализа. Обоснована необходимость комплексного подхода к исследованию эмодзи, совершенствование методов их интерпретации в условиях цифровизации преступной деятельности.

Ключевые слова: эмодзи, цифровая коммуникация, криминалистический анализ, доказательственное значение, судебная экспертиза

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и расширения сферы онлайн-коммуникации существенно возрастает значение анализа содержания цифрового взаимодействия в процессе подготовки и совершения преступлений для установления юридически значимых обстоятельств. Одним из наиболее специфических и недостаточно изученных элементов современной коммуникации являются эмодзи, которые, выступая универсальными визуальными символами, выполняют не только экспрессивную, но и семантическую функцию, нередко заменяя или модифицируя текстовое содержание сообщений.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что эмодзи все чаще используются в противоправной деятельности в качестве средства кодирования информации, передачи скрытых смыслов и согласования преступных действий. При этом их интерпретация носит контекстуально зависимый и многозначный характер, что создает существенные трудности для правоприменительной практики, в том числе при проведении лингвистических и комплексных криминалистических экспертиз. Основной проблемой является отсутствии единых научно обоснованных подходов к анализу и оценке эмодзи, неопределенность их процессуального статуса при установлении фактических обстоятельств дела.

Термин «эмодзи» (emoji) возник в Японии в конце 1990-х годов. Он образован от японских слов 絵 («э» — картинка) и 文字 («модзи» — знак, символ) и обозначает идеограммы (пиктограммы), используемые в цифровой коммуникации. По мнению британского лингвиста Вивиана Эванс, эмодзи представляют собой графические символы, функционирующие в рамках цифровой коммуникации как паралингвистические маркеры, дополняющие текст[1]. Существенным этапом в развитии эмодзи стало принятие в 2010 году обновлённого стандарта «Unicode 6.0», разработанного некоммерческой организацией «Консорциум Юникода» (англ. Unicode Consortium, Inc.), занимающейся стандартизацией кодирования символов и охватывающей большинство письменных языков мира. Данное обновление стало знаковым, поскольку впервые официально включило сотни эмодзи в международный

[1] Эванс В. Код эмодзи: Лингвистика за смайликами и испуганными котами. – Лондон: Picador. 2017. С. 121.

стандарт кодирования. Фактически, эмодзи в настоящее время следует рассматривать не как вспомогательный, а как полноценный элемент коммуникативного процесса, поскольку в условиях цифрового взаимодействия они выполняют компенсаторную функцию, восполняя отсутствие невербальных средств общения, таких как интонация, мимика и жесты, и тем самым формируют дополнительный уровень смысловой интерпретации сообщений. Интересно, что нейропсихологические исследования показывают, что при восприятии эмодзи активизируются те же зоны мозга, что и при распознавании лиц или мимики[1].

Функциональный анализ эмодзи позволяет выделить несколько ключевых направлений их использования: во-первых, как средство выражения эмоциональной окраски высказывания; во-вторых, как инструмент уточнения, усиления или модификации вербального содержания; в-третьих, как самостоятельные смысловые единицы, способные полностью заменять текст. По мнению Г. Миллера, смысловая нагрузка эмодзи может меняться в зависимости от лингвокультурного контекста, в результате чего нередко возникает недопонимание между представителями различных языковых и культурных сообществ[2]. То есть один и тот же графический символ может иметь различные значения в зависимости от коммуникативной ситуации, культурных особенностей и индивидуального опыта участников общения. Данное обстоятельство существенно усложняет процесс их однозначного толкования, что особенно важно в рамках криминалистического анализа, где требуется точная и обоснованная интерпретация цифровых сообщений.

Осмысление эмодзи как элемента цифровой коммуникации позволяет установить, что их семантические и функциональные особенности предопределяют необходимость анализа их использования в противоправной деятельности. Переход от теоретического осмысления к практическому анализу обусловлен тем, что именно в криминальной среде данные символы приобретают дополнительное, зачастую латентное значение, выходя за рамки общепринятой интерпретации. Эмодзи нередко используются в качестве инструмента кодирования информации, позволяющего маскировать истинное содержание сообщений и затруднять их выявление, при этом отдельные символы и их комбинации способны выступать в роли условных обозначений, отражающих предмет преступления, характер действий или иные значимые обстоятельства, формируя устойчивые коммуникативные модели внутри определенных групп. Использование эмодзи возможно при обсуждении незаконного оборота запрещенных веществ, передаче завуалированных угроз, а также при согласовании противоправных действий. При этом

[1] Ершова Я. С. Роль эмодзи и визуального языка в цифровой коммуникации на английском языке // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. №5 (86) Том 4. С. 1056.

[2] Миллер Х., Тибо-Спикер Дж., Чанг С., Джонсон И., Тервин Л., Хехт Б. «Блаженно счастлив» или «Готов к бою»: Различные интерпретации эмодзи // Proceedings of the 10th International AI Conference on Web and Social Media. 2016. С. 259–268. [Электронный ресурс]. URL: https://ojs.ai.org/index.php/ICWSM/article/view/14657 (дата обращения: 01.04.2026).

их значение формируется не изолированно, а в контексте всей коммуникации, включая предшествующую переписку, поведенческие особенности участников и специфику ситуации.

Особенности функционирования эмодзи в противоправной коммуникации предопределяют их рассмотрение в качестве самостоятельного объекта криминалистического анализа. Подчеркнем, что эмодзи не следует относить к цифровым следам, поскольку они представлены в виде визуальной информации и не требуют специализированных программ для извлечения файловых или сетевых следов, метаданных и других элементов, традиционно используемых в криминалистике. Вместе с тем информация о самом эмодзи, отображаемая на устройстве, может иметь значение для установления обстоятельств дела, а также признаваться разновидностью цифровых следов.

Криминалистический анализ эмодзи целесообразно рассматривать как последовательный процесс работы с цифровой информацией. На первоначальном этапе обеспечивается корректный доступ и извлечение их с соблюдением требований к сохранности и неизменности доказательственной информации. Данный этап имеет принципиальное значение, поскольку корректность фиксации напрямую влияет на допустимость и достоверность последующего анализа.

Ключевым этапом выступает интерпретация эмодзи, которая носит комплексный характер: в рамках лингвистического анализа они рассматриваются как знаковые единицы, встроенные в структуру сообщения и способные модифицировать его смысл; контекстуальный подход позволяет раскрыть их значение через совокупность условий коммуникации: содержание переписки, последовательность сообщений и конкретную ситуацию взаимодействия; дополнительно учитываются поведенческие особенности участников, выражающиеся в устойчивых моделях использования определенных символов и их комбинаций.

Сложность в интерпретации эмодзи представляет их техническая вариативность, связанная с особенностями отображения на различных устройствах и программных платформах. Несмотря на наличие унифицированной системы кодирования, визуальная репрезентация одного и того же символа может существенно различаться, что способно искажать восприятие передаваемого смысла участниками коммуникации. В ряде случаев такие различия приводят к принципиально иной интерпретации сообщения, включая изменение его эмоциональной или смысловой направленности. Указанное обстоятельство приобретает особую значимость в криминалистическом анализе, поскольку требует учета не только содержательного, но и технического аспекта цифрового взаимодействия. В этой связи возрастает роль экспертного исследования, направленного на установление корректного значения эмодзи с учетом условий их отображения, а также на проверку аутентичности представленных материалов.

Исследование эмодзи осуществляется, как правило, при производстве лингвистической экспертизы, задачей которой является установление возможных значений используемых символов, выявление скрытых смыслов и определение их роли в структуре коммуникации. Несмотря на то, что выводы эксперта носят вероятностный характер, они должны основываться на совокупности объективных данных, исключающих произвольную интерпретацию. Подчеркнем, что окончательная оценка доказательственного значения эмодзи, то есть установление их связи с обстоятельствами дела, в том числе с наличием умысла, согласованностью действий и характером взаимодействия между участниками осуществляется субъектом расследования.

Подтверждением криминалистической значимости эмодзи являются данные о внедрении специализированных технологий их анализа в правоохранительную практику. Так, Федеральная полиция Австралии (AFP)[1] разработала инструмент на основе искусственного интеллекта, предназначенный для интерпретации эмодзи и интернет-сленга, используемых преступными группами в онлайн-коммуникации. Установлено, что в закрытых сетевых сообществах эмодзи применяются как элементы кодированной системы, их комбинации могут обозначать конкретные противоправные действия или объекты (например, схемы поставки запрещённых веществ или подготовку атак). При этом эффективность анализа достигается за счёт учета контекста переписки и устойчивых сочетаний символов, что позволило выявить десятки подозреваемых и способствовало проведению оперативных мероприятий.

Как ранее было нами отмечено, эмодзи могут выполнять функцию смыслового маркера, дополняющего или изменяющего содержание текстовой части сообщения. Их использование способно отражать намерения участников общения, степень согласованности их действий, а также характер взаимодействия, что приобретает значение при установлении субъективной стороны деяния и распределении ролей между участниками. При этом значение сообщений, содержащих эмодзи, оценивается исключительно во взаимосвязи с иными материалами дела, а интерпретация непосредственно эмодзи требует учета совокупности факторов: содержания переписки, коммуникативной ситуации, последовательности сообщений и особенностей поведения участников, что позволяет минимизировать риск субъективного толкования.

С целью выявления особенностей интерпретации эмодзи и оценки их криминалистического значения было проведено эмпирическое исследование, основанное на анализе материалов лингвистических экспертиз, а также данных экспертного опроса специалиста в области судебной лингвистики.

[1] Sharwood S. Australian police building AI to translate emoji used by ‘crimefluencers’ // The Register. URL: https://www.theregister.com/2025/10/29/afp_ai_commissioner_barrett_speech/ (дата обращения: 03.04.2026).

В рамках исследования были изучены примеры экспертных заключений, содержащих анализ цифровой коммуникации с использованием эмодзи, а также проведено полуструктурированное интервью с экспертом. Полученные данные позволили выявить ряд устойчивых закономерностей:

подтвердилось, что интерпретация эмодзи в экспертной практике носит преимущественно контекстуальный характер и осуществляется с учетом совокупности факторов, включая содержание переписки и коммуникативную ситуацию. При этом экспертом было выделено два уровня контекстуальной зависимости, на которые следует обращать внимание: «ближний», связанный со словами, непосредственно предшествующими эмодзи, и «дальний», охватывающий весь массив обсуждения. Небезынтересно, что по мнению эксперта, последовательность сообщений не имеет приоритетного значения при интерпретации эмодзи;

выявлено, что в структуре материалов лингвистических экспертиз, связанных с анализом цифровой коммуникации, наибольшую распространённость приобретают категории преступлений, затрагивающих половую неприкосновенность несовершеннолетних, а также деяния экстремистской и террористической направленности, поскольку они, как правило, совершаются в цифровой среде, а коммуникация нередко носит латентный и опосредованный характер, включая использование символических и вербально-визуальных средств передачи информации. Например, при совершении преступлений, затрагивающих половую неприкосновенность несовершеннолетних, эмодзи выступают инструментом установления психологического контакта преступника с жертвой, а также выполняют функцию дополнительного или замещающего канала смысловой репрезентации, участвуя в формировании скрытых коммуникативных стратегий.

Наибольшие затруднения при производстве экспертизы объектов, содержащих эмодзи, возникают в случаях отсутствия текстового сопровождения либо при использовании эмодзи в качестве условных обозначений, понятных ограниченному кругу лиц, то есть, когда формируются специфические модели кодирования информации. В подобных ситуациях выводы носят вероятностный характер и требуют дополнительного подтверждения иными материалами. Кроме того, проблемой является отсутствие унифицированного подхода к анализу эмодзи в экспертной практике, что обусловливает вариативность методов исследования.

Результатом исследования являются следующие основные выводы: эмодзи в современной цифровой коммуникации выходят за пределы вспомогательных средств выражения и приобретают значение самостоятельного источника информации, способного отражать содержание, намерения и характер взаимодействия участников общения; при определённых условиях они могут использоваться как элемент скрытой коммуникации и, следова-

тельно, представлять интерес для криминалистического исследования; интерпретация эмодзи требует комплексного подхода, основанного на учёте контекста, структуры сообщений и особенностей коммуникативного поведения; включение эмодзи в сферу криминалистического анализа расширяет возможности доказывания; необходима разработка научно обоснованных методик интерпретации эмодзи, формирование типологий их использования в противоправной коммуникации, а также интеграция междисциплинарных подходов, включая лингвистические и цифровые методы анализа.

Научная статья
УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ СВЕДУЩИХ ЛИЦ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дмитрий Денисович МЕЛЬНИКОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dmitriy.mlnk@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Борисовна СЕРОВА,** serowa@yandex.ru

Аннотация. В данной статье анализируются проблемы назначения и производства экспертизы качества медицинской помощи при расследовании ятрогенных преступлений, прежде всего вопросы компетентности экспертов, привлечения внештатных врачей-клиницистов и вопросы допустимости экспертного заключения как доказательства.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, экспертиза качества медицинской помощи, судебная экспертиза, специальные знания, внештатный эксперт, доказательства

Обобщение результатов анализа правоприменительной практики, а также осмысление доктринальных позиций, изложенных в источниках криминалистического и уголовно-процессуального цикла, позволяют сделать вывод о том, что центральное место в доказывании при расследовании ятрогенных преступлений занимает использование специальных знаний, ре-

ализуемых преимущественно в форме судебной экспертизы[1]. При этом в целях установления факта нарушения медицинским работником стандартов и порядков оказания медицинской помощи, причинно-следственной связи между допущенным нарушением и наступившими последствиями в виде вреда здоровью или смерти, а также степени отклонения профессионального поведения от требуемой осмотрительности (что позволяет судить о неосторожной форме вины) по исследуемой группе преступлений преимущественно назначается экспертиза качества медицинской помощи (далее — ЭКМП) [2], которая в соответствии со ст. 54 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ[3] (далее — Федеральный закон № 323) представляет собой самостоятельный вид медицинской экспертизы наряду с судебно-медицинской. О независимом характере рассматриваемой экспертизы свидетельствуют также положения Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.09.2024 № 491Н[4], где утверждены подвиды судебно-медицинской экспертизы.

В практике расследования ятрогенных преступлений назначение и производство ЭКМП сопряжённо с процессуальными сложностями. Так, имеют место проблемы с определением учреждения, в котором может проводиться данная экспертиза, и с привлечением специалистов узкого клинического профиля, не работающих в экспертных учреждениях. Нет единства мнений по данным вопросам и в научной литературе.

Так, А. Ф. Ахметгеева в своей работе указывает, что ЭКМП проводится исключительно государственными экспертными учреждениями. Вместе с тем данный подход является критически уязвимым, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) экспертиза может проводиться как государственными судебными экспертами, так и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. К последним,

---

[1] Хазизулин, В. Б. Указ. соч. С. 159; Павлова Е.В. Ятрогенные преступления: сложности доказывания // Законность. М., 2025. № 7. С. 47; Ахметгалеева А.Ф. Ятрогенные преступления: проблемы правоприменительной практики и пути решения / А.Ф. Ахметгалеева // Практика в медицинском вузе и пандемия реалии и перспективы: Сборник научных трудов / Отв. реакторы С.Н. Стяжкина, А.Р. Поздеев. Ижевск: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Ижевская государственная медицинская академия" Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2022. С. 204—205; Потапов С. А. Особенности использования специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 305.

[2] Об утверждении Порядка осуществления экспертизы качества медицинской помощи, за исключением медицинской помощи, оказываемой в соответствии с законодательством Российской Федерации об обязательном медицинском страховании: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14 апреля 2025 г. № 204н // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об утверждении порядка проведения судебно-медицинской экспертизы: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.09.2024 № 491Н // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в свою очередь, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений (некоммерческие организации), а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях[1]. С данными положениями напрямую коррелируют положения ст. 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[2] (далее — Федеральный закон № 73), где также указывается, что судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями. Данная норма также содержит ссылку на распоряжение правительства Российской Федерации, закрепляющее перечень судебных экспертиз, которые в обязательном порядке проводятся в государственных учреждениях (ЭКМП в нем отсутствует).

Анализируемая точка зрения А. С. Потапова о том, что указанная экспертиза проводится экспертами, привлекаемыми Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения или территориальным Фондом обязательного медицинского страхования, а также руководителями медицинских учреждений[3], также является не совсем верной. Связано это в большей степени с оформленным председателем СК РФ в 2022 году в качестве ведомственного распоряжения запретом назначать экспертизы по материалам проверок и уголовным делам о преступлениях, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи, в подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации судебно-медицинских экспертных учреждениях[4]. Представляется, что причинами данного решения стали длительные сроки проведения судебных экспертиз и «корпоративность» медицинской среды. Тем самым, руководителей следственных подразделений ориентировали проводить ЭКМП на «ведомственной площадке», а именно в Федеральном государственном казенном учреждении «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (далее — ФГКУ «СЭЦ СК РФ»). Однако, несмотря на благие мотивы указанного решения, при организации производства судебных экспертиз в ФГКУ «СЭЦ СК РФ» были допущены существенные ошибки, в связи с которыми результаты производства ЭКМП в качестве доказательства рискуют быть признанными недопустимыми.

---

[1] О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Потапов С. А. Указ. соч. С. 306.

[4] Ковалева А. Судебно-экспертный центр СК РФ получил лицензию на проведение СМЭ // VADEMECUM: информ. агенство: сайт. М., 2023. URL: https://medvestnik.ru/content/news/Bastrykin-vozmet-pod-kontrol-ekspertizy-po-svyazannym-s-vrachebnymi-oshibkami-delam.html (дата обращения: 10.03.2026).

Так, в соответствии с п. 3 ч.2 ст. 70 УПК РФ эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу, если обнаружится его некомпетентность. ФГКУ «СЭЦ СК РФ» по сведениям ЕГРЮЛ имеет лицензию Л041-00110-77/00634000 от 27.12.2022 г., на медицинскую деятельность (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»). В целом лицензирование судебно-экспертной деятельности в соответствии с федеральным законодательством[1] и подзаконными нормативными правовыми актами[2], не требуется, также как и аккредитация судебных экспертов. Вместе с тем, согласно Постановлению Правительства РФ от 21.11.2011 № 957[3] лицензированию подлежит медицинская деятельность, к которой в т.ч. относится проведение медицинских экспертиз (ст. 2 ФЗ № 323). Как ранее было отмечено, экспертиза качества медицинской помощи является самостоятельным видом медицинской экспертизы и не относится к судебно-медицинской экспертизе. Согласно п. 9 Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз, утверждённого Приказом Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 № 77 (далее — Порядок)[4], к числу экспертиз, право на самостоятельное производство которых определяется на заседании экспертной квалификационной комиссии (ЭКК) при установлении уровня квалификации и аттестации экспертов, относится только судебно-медицинская экспертиза (по специальности: «Исследование материалов, характеризующих оказание медицинской помощи, состояние здоровья, механизм образования, давность, тяжесть патологических процессов и повреждений»). Таким образом, ФГКУ «СЭЦ СК РФ» не имеет самостоятельной возможности проведения ЭКМП, что предопределяет необходимость изменения, указанного Порядка, в целях избежания признания заключений экспертов недопустимым доказательством.

Следующей взаимосвязанной проблемой является привлечение для проведения экспертизы врачей узких специальностей (врачей клиницистов),

---

[1] О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об организации лицензирования отдельных видов деятельности: Постановление Правительства РФ от 21.11.2011 № 957. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Там же.

[4] Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз: Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 г. № 77 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которые не входят в штатное расписание экспертного учреждения, но включаются в составы экспертных комиссий в качестве экспертов.

Данная необходимость, обусловлена тем, что ятрогенные преступления относятся к числу наиболее сложных и высокоинтеллектуальных видов преступлений, связанных с нарушениями в профессиональной медицинской сфере[1]. Ключевой причиной привлечения врачей клиницистов является то обстоятельство, что штатный судебно-медицинский эксперт, как правило, не обладает достаточными познаниями в конкретной клинической специальности для оценки качества медицинской помощи[2]. Кроме того, в процессе оказания медицинской помощи, нередко, вред здоровью может быть причинён в результате каскадных ошибок, допущенных врачами разных специальностей (терапевт, хирург, анестезиолог-реаниматолог, невролог и др.). В связи с этим при производстве судебной экспертизы возникает необходимость привлечения врачей-клиницистов именно тех профилей, в рамках которых оказывалась медицинская помощь пациенту. Вместе с тем, в ряде регионов имеет место нехватка или полное отсутствие специалистов узкого клинического профиля, необходимых для проведения данного рода экспертиз, что затрудняет проведение комиссионной или комплексной судебной экспертизы[3].

В свою очередь, отсутствие такого специалиста следует рассматривать в качестве основания для критической оценки соответствующего заключения, в том числе прокурором при изучении материалов уголовного дела. Так, показательным примером является случай в городской клинической больнице № 1 г. Нальчика[4], где у преждевременно родившегося ребёнка развились осложнения. Заведующая отделением реанимации новорождённых А. Хакулова проводила интенсивную терапию. После перевода в другую больницу ребёнок скончался. Первоначальные экспертизы дефектов не выявили, обвинение не предъявлялось. Повторная экспертиза в Российском центре судебно-медицинской экспертизы указала на недостатки лечения, что послужило основанием для обвинения по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Нальчикский городской суд 04.07.2016 оправдал Хакулову, в том числе потому, что в состав экспертной комиссии не включили специалиста по анестезиологии-реаниматологии и неонатологии, что поставило под сомнение компетентность экспертов.

[1] Огнерубов Н. А. Экспертное заключение по уголовным делам о ятрогенных преступлениях и его оценка следователем и судом // Аграрное и земельное право. 2019. №7 (175). С. 126.

[2] Хазизулин В. Б. Указ. соч. С. 160.

[3] Ахметгалеева, А.Ф. Указ. соч. С. 207.

[4] Приговор Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-15/2016 от 04.07.2016. URL: https://nalchiksky--kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud (дата обращения: 15.03.2026).

В связи с этим, назначая судебную экспертизу, следователь в своем постановлении должен заранее указать список врачей-клиницистов, необходимых для проведения экспертизы, соответствующих предъявляемым им профессиональным и процессуальным требованиям, а прокурорские работники при надзоре за производством расследования по ятрогенным преступлениям должны акцентировать внимание на самом факте привлечения внештатного специалиста.

Также следует отметить, что оценка компетенции и достаточности квалификации у привлекаемого специалиста является непосредственной задачей следователя, поскольку в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства (п. 3 ч. 3. ст. 57 УПК РФ) и ст. 14 Федерального закона № 73, руководитель экспертного учреждения при установлении отсутствия в штате лиц, обладающих специальными знаниями по конкретному направлению медицинской помощи, ходатайствует о включении конкретного лица, не являющегося сотрудником данного учреждения (внештатного эксперта), в состав экспертной комиссии в качестве эксперта. С целью исключения привлечения некомпетентного лица, следователю надлежит удостовериться в получении этим лицом специального образования и квалификации, сертификата специалиста, соответствующих профилю предстоящего экспертного исследования, позволяющих сделать вывод о наличии у внештатного сотрудника специальных знаний, с приобщением к уголовному делу соответствующих документов[1].

В целях повышения качества доказательственного значения заключения экспертов по уголовным делам о ятрогенных преступлениях и минимизации рисков, связанных с необоснованным затягиванием сроков производства экспертиз, а также с привлечением заинтересованных или некомпетентных внештатных специалистов, представляется необходимым усиление роли прокурора на стадии предварительного расследования. В связи с этим предлагается введение уголовно-процессуальное законодательство порядка получения согласия прокурора на привлечение внештатных врачей-клиницистов для производства судебной экспертизы по делам о ятрогенных преступлениях. Данный механизм предлагается сконструировать по аналогии с порядком заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), который предусматривает активное участие прокурора и установление коротких процессуальных сроков для принятия решения.

[1] Хазизулин В. Б. Указ. соч. С. 163.

Научная статья
УДК 343.9

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ольга Сергеевна ОЖЕРЕЛЬЕВА
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (ОИ МГЮА), Оренбург, Россия
ogereleva_olga2004@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (ОИ МГЮА), кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна САЮШКИНА,** oEVSayushkina@msal.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к криминалистическому обеспечению расследования экологических преступлений. Анализируются особенности криминалистической характеристики двух основных групп данных деяний. На основе анализа следственной практики выявляются актуальные проблемы доказывания и обосновывается необходимость выделения самостоятельной методики расследования экологических преступлений.

Ключевые слова: экологические преступления, криминалистическая характеристика, расследование, специальные знания, криминалистика

Проблемы охраны окружающей среды приобретают в XXI веке глобальный характер. Под угрозой исчезновения находится каждый восьмой вид птиц, каждый четвертый вид млекопитающих[1]. В этих условиях эффективное противодействие экологической преступности становится не только правовой, но и общесоциальной задачей.

Цель настоящей статьи — обоснование необходимости выделения самостоятельной криминалистической методики расследования экологических преступлений на основе анализа их криминалистически значимых признаков и современных проблем правоприменительной практики.

Криминалистическая характеристика экологических преступлений представляет собой систему взаимосвязанных элементов, отражающих кри-

[1]Квашис В. Е., Случевская Ю. А. Экологическая криминология: методология, проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 98.

миналистически значимые признаки данного вида деяний. К числу основных элементов относятся: предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, типичные следы, обстановка совершения преступления и личность виновного[1].

В криминалистической литературе принято подразделять экологические преступления на две большие группы [2]:

Первая группа — преступления, связанные с изъятием биологических ресурсов из окружающей среды (ст. 256, 258, 260 УК РФ). Данная группа составляет более 90 % от числа ежегодно регистрируемых в РФ экологических преступлений[3].

Вторая группа — преступления, не связанные с изъятием ресурсов, выражающиеся в загрязнении компонентов природной среды, их повреждении или уничтожении.

Данная классификация имеет принципиальное криминалистическое значение, поскольку способ совершения преступления и механизм следообразования существенно различаются.

Для преступлений первой группы характерен активный, полноструктурный способ. Типичная следовая картина включает в себя как идеальные следы (показания очевидцев), так и материальные: следы транспортных средств, орудий лова (спилы деревьев, фрагменты сетей), а также непосредственно предметы преступного посягательства.

Пример из практики. Приговором суда Ханты-Мансийского автономного округа были осуждены участники организованной группы за незаконную рубку лесных насаждений. В ходе осмотра места происшествия с участием специалиста-лесопатолога были обнаружены и изъяты бензопилы «Stihl», фрагменты спилов деревьев с нетипичным направлением реза, указывающим на валку без соответствующего разрешения, а также следы гусеничной техники, используемой для трелевки. Последующая трасологическая экспертиза установила принадлежность протекторов шин автомобилю обвиняемого, что легло в основу доказательственной базы[4].

Для преступлений второй группы характерен неполноструктурный способ, где деяние часто выражается в нарушении технологических регламентов. Сложность расследования заключается в отсроченном характере наступления последствий и трудности фиксации момента начала сброса загрязняющих веществ.

---

[1]Койсин А. А. Криминалистическая характеристика экологических преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 1. С. 109—115.

[2]Криминалистика: учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. Гл. 43. Расследование экологических преступлений.

[3]Лукшин О. В. Криминологическая характеристика экологической преступности // Актуальные проблемы права: материалы IV Междунар. науч. конф. М: Буки-Веди, 2025. С. 239—242.

[4] Приговор Ханты-Мансийского районного суда ХМАО-Югры от 15.06.2023 по делу № 1. 123/2023.

Пример из практики. В 2023 г. в результате аварии на очистных сооружениях в реку был произведен сброс неочищенных сточных вод. Первоначально событие квалифицировалось как технологическое нарушение. Однако в ходе процессуальной проверки с привлечением гидрохимиков был произведен отбор проб воды выше и ниже места сброса. Заключение экологической экспертизы выявило превышение ПДК по нефтепродуктам в 150 раз, а данные автоматизированной системы контроля предприятия зафиксировали момент отключения насосного оборудования. Совокупность этих доказательств позволила возбудить уголовное дело по ст. 250 УК РФ[1].

Криминалистически значимая характеристика личности виновного дифференцируется в зависимости от вида экологического преступления.

Лица, совершающие экологические преступления, как правило, — трудоспособные мужчины (показатель осуждения женщин не превышает 1,5 %), вменяемые, старше 16 лет, характеризующиеся экологическим нигилизмом [2].

Для преступлений, связанных с изъятием биологических ресурсов, выделяются следующие типы:

лица, совершающие преступления без цели сбыта: проживают в районе нахождения водного или лесного объекта, имеют навыки добычи природного ресурса, образование до среднего (среднего специального), не имеют постоянного источника доходов. Особую подгруппу составляют высокопоставленные лица, занимающиеся незаконной охотой или рыбалкой для развлечения с привлечением обеспечивающих лиц и применением современной техники;

лица, совершающие преступления с целью сбыта в пределах страны: входят в состав организованных групп, включающих организаторов (представителей легального бизнеса), исполнителей (жителей региона добычи), лиц, обеспечивающих транспортировку и реализацию, а также коррумпированных должностных лиц контролирующих органов;

лица, совершающие преступления с целью сбыта за рубеж: аналогичны предыдущей группе, но среди организаторов присутствуют иностранные граждане государств-импортеров ресурсов.

Для преступлений, не связанных с изъятием ресурсов, характерны иные черты: это лица, совершение преступления для которых становится возможным в связи со служебной или производственной деятельностью (руководители организаций, сотрудники предприятий), действующие как по личной инициативе, так и во исполнение служебных указаний. Они характеризуются самоуверенностью, стремлением к быстрой реализации карьерных амбиций, нередко сочетающихся с корыстным мотивом.

---

[1] Материалы уголовного дела № 12202450001000123, расследованного СО ОМВД России по г. Энску.

[2] Сверчков В. В. Преступления против экологии: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учеб. пособие. М: Юрайт, 2024. С. 224.

Анализ приведенных примеров и обобщенной следственной практики позволяет говорить о наличии достаточных оснований для выделения самостоятельной криминалистической методики расследования экологических преступлений. Научная новизна данного подхода обосновывается следующими факторами:

специфика предмета доказывания. В отличие от «классических» преступлений, вред здесь причиняется не конкретному лицу, а окружающей среде, что требует доказывания не только факта деяния, но и размера вреда с использованием специфических методик расчета (таксы, утвержденные Правительством РФ), что нехарактерно для иных видов преступлений;

уникальный механизм следообразования. Следы преступления (химическое загрязнение, изменение биоценоза) имеют свойство исчезать или трансформироваться под воздействием природных факторов. Это требует от следователя незамедлительных действий и обязательного применения специальных знаний (на месте происшествия), что сближает алгоритм действий с осмотром места происшествия по делам о пожарах, но с применением иного (экологического) инструментария;

особый субъектный состав. Лицо, совершающее преступление, часто действует не с прямым умыслом на уничтожение природы, а в рамках хозяйственной деятельности. Это порождает необходимость взаимодействия с руководством предприятий, технологическим персоналом, что требует от следователя понимания специфики производственных процессов в различных отраслях (нефтедобыча, лесопереработка, ЖКХ);

двойственная природа предмета преступного посягательства. В отличие от хищений или убийств, где предмет (вещь) или потерпевший (человек) обладают статичными, легко фиксируемыми признаками, при экологических преступлениях вред причиняется сложной, динамичной системе — окружающей среде. Предметом посягательства выступают не просто «деревья» или «рыба», а целостные экосистемы. Это порождает уникальную криминалистическую задачу: необходимо зафиксировать состояние природного объекта в момент преступления и отделить преступные последствия от естественных природных процессов. Например, усыхание леса может быть следствием как незаконной рубки, так и засухи или поражения вредителями. Доказывание причинно-следственной связи требует привлечения таких специалистов и таких экспертиз, которые не применяются при расследовании общеуголовных преступлений (лесопатологические, почвоведческие, гидробиологические экспертизы);

интеграция специальных знаний в структуру доказывания. При расследовании экологических преступлений специальные знания перестают быть вспомогательным инструментом и становятся основой доказывания. Если

при убийстве вывод о насильственной смерти может сделать следователь визуально, то при загрязнении воды вывод о превышении ПДК может дать только эксперт на основе лабораторных исследований. Следовательно, методика должна содержать четкий перечень обязательных экспертиз для каждого подвида экологических преступлений и правила оценки заключений экологов и технологов как доказательств.

Несмотря на наличие методических основ, анализ следственно-судебной практики выявляет ряд проблем. Зачастую правоохранительные органы квалифицируют совершенное деяние как административное правонарушение. Это обусловлено, в частности, отсутствием в УК РФ четких критериев размера ущерба применительно к ряду составов[1]. Кроме того, сохраняется проблема высокой латентности данных преступлений, особенно связанных с загрязнением вод и атмосферы.

Для преодоления этих проблем представляется перспективным внедрение в практику алгоритмического подхода к расследованию. В отличие от существующих общих рекомендаций, алгоритмизация позволит создать типовые программы действий следователя в зависимости от складывающихся следственных ситуаций (например: «задержание браконьеров с поличным» или «ликвидация последствий разлива нефтепродуктов»). Это позволит систематизировать процесс доказывания и снизить риск утраты доказательств.

Таким образом, экологические преступления представляют собой сложный объект криминалистического исследования. Приведенные примеры из практики наглядно демонстрируют, что эффективное расследование данных деяний невозможно без применения специализированных тактических приемов и технических средств. Перспективным направлением является совершенствование алгоритмических подходов к расследованию и активное внедрение в уголовный процесс результатов инструментальных методов контроля состояния окружающей среды.

[1] Кравченко И.О. Алгоритм назначения наказания за совершение экологического преступления в контексте обеспечения экокриминологической безопасности // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 2. С. 437.

Научная статья
УДК 343.985

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА НА КРИПТОВАЛЮТНОМ РЫНКЕ, СОВЕРШЕННОГО СПОСОБОМ «RUG PULL»

Владислав Алексеевич ПАРШИКОВ
Тульский государственный университет, Тула, Россия
v_parshikov05@mail.ru

Научный руководитель: доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, кандидат юридических наук **Елена Витальевна ГОЛОВИНА**, golovinatula@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется криминалистическая характеристика «RugPull» — специфического способа мошенничества на криптовалютном рынке. Анализируются понятие, механизм совершения, типология субъектов преступления, особенности следообразования и предмет посягательства. Определяются криминалистически значимые признаки, позволяющие повысить эффективность расследования данного вида высокотехнологичных преступлений и противодействия им.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, RugPull, криптовалютное мошенничество, способ совершения преступления, смарт-контракт, цифровые следы, организованная преступная группа, блокчейн-анализ

Цифровизация финансовых отношений и рост популярности децентрализованных экосистем обусловили преобразование способов криптовалютных мошенничеств. Одним из наиболее опасных способов выступает «RugPull» (от англ. «выдергивание ковра») — механизм хищения, при котором разработчики блокчейн-проекта после накопления ликвидности инвесторов выводят активы и скрываются, оставляя потерпевших с обесцененными токенами. Данный феномен требует криминалистического осмысления, поскольку механизм совершения такого преступления отличается от традиционных способов мошенничества и порождает уникальную систему следов. Криминалистическая характеристика «RugPull» представляет собой систему обобщенных данных об элементах механизма вышеуказанного деяния, знание которых способствует эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

«RugPull» в криминалистическом аспекте необходимо рассматривать как сложный, многостадийный способ совершения мошенничества, реализуемый преимущественно в среде децентрализованных финансовых приложений и децентрализованных бирж, функционирующих на базе технологии блокчейн. В отличие от классических финансовых пирамид или фишинговых сайтов-двойников, механизм «RugPull» основан на использовании доверия инвесторов к технологической инновационности проекта и умышленных манипуляциях с программным кодом смарт-контрактов, управляющих ликвидностью и эмиссией токенов. Как справедливо отмечается в криминалистической литературе, мошенничества в сфере криптовалют принимают различные формы, включая предложения инвестиционных советов, создание поддельных сайтов и обещания сверхдоходности, однако «RugPull» выделяется своей технической сложностью и нацеленностью на долгосрочное формирование доверия у потенциальных жертв[1]. Организаторы подобных схем создают видимость легитимного и перспективного блокчейн-проекта. Они разрабатывают профессионально оформленные веб-сайты, публикуют детализированные технические документы, проводят агрессивные рекламные кампании в социальных сетях и мессенджерах, привлекают известных лидеров мнений для продвижения токенов. Кульминационным моментом является сбор значительного объема ликвидности от инвесторов, после чего разработчики активируют скрытые функции смарт-контракта, позволяющие им единовременно вывести все средства из пула ликвидности, после чего токены резко теряют свою цену, их невозможно продать, а инвесторы остаются с бесполезными цифровыми монетами.

Способ преступления, будучи центральным, системообразующим элементом механизма преступной деятельности, применительно к «RugPull» обладает ярко выраженной спецификой и включает действия, направленные на подготовку, совершение и сокрытие. Действия, направленные на подготовку данного вида мошенничества, включают в себя создание внешне привлекательного инвестиционного проекта, для чего преступники разрабатывают токен, создают веб-сайт с детальным описанием дорожной карты развития, команды разработчиков и перспектив использования токена. Важной особенностью является использование так называемых «социальных доказательств» — фальсификация партнерств с известными компаниями, создание поддельных аккаунтов в социальных сетях с большим количеством подписчиков, публикация положительных обзоров на сторонних ресурсах. Ключевым техническим аспектом выступает создание смарт-контракта то-

[1]Нурмухаметов Р. К., Воскресенская Л. Н., Мясникова Е. Б. Криптовалютное мошенничество и меры борьбы с ним // Финансовые рынки и банки. 2021. № 12. С. 69.

кена, в который изначально закладываются уязвимости или скрытые функции, позволяющие разработчикам впоследствии манипулировать ликвидностью. Мошенники часто используют копии смарт-контрактов успешных проектов, внося в них незаметные изменения, например, функцию «mint» (дополнительная эмиссия неограниченного количества токенов) или «transferownership» (передача прав собственности на контракт), что впоследствии позволяет получить контроль над средствами инвесторов[1]. Действия, предпринимаемые для совершения указанного мошенничества: первый этап предполагает привлечение ликвидности - преступники создают пул ликвидности на децентрализованной бирже, добавляя в него значительное количество созданных токенов и определенную сумму «честных» криптовалют, что создает иллюзию реальной рыночной стоимости проекта. На этом этапе активно используются механизмы «листинга» на агрегаторах данных и платформах для отслеживания новых токенов, что привлекает внимание розничных инвесторов, стремящихся приобрести активы на ранней стадии. Второй завершающий этап — непосредственно «выдергивание ковра»: используя скрытую функцию смарт-контракта, разработчики одномоментно выводят всю ликвидность из пула, обменивая созданные токены на ликвидные криптовалюты, либо активируют механизм, позволяющий им продать неограниченное количество токенов, что обрушивает цену до нуля. Сокрытие следов преступления при совершении «RugPull» осуществляется с использованием широкого спектра методов анонимизации и уничтожения цифровых доказательств. После вывода ликвидности преступники совершают действия, направленные на удаление или маскировку следов, которые возможно уничтожить: удаляют веб-сайты и аккаунты в социальных сетях, очищают историю переписок, используют миксеры и тумблеры для запутывания следов движения средств, применяют криптовалюты с повышенной анонимностью (Monero) или децентрализованные обменники, не требующие идентификации личности. Особую сложность для расследования представляет использование так называемых «кросс-чейн мостов» — протоколов, позволяющих перемещать активы между различными блокчейнами, что существенно затрудняет отслеживание цепочек транзакций.

Субъект преступления при совершении мошенничества способом «RugPull» характеризуется высоким уровнем организованности, наличием устойчивых криминальных связей, а также специальных технических познаний в области блокчейн-технологий, программирования смарт-контрактов и методов анонимизации в сети Интернет. Как правило, данное деяние совершается организованной преступной группой с четким распределением

[1]Доценко Д. А., Мищенко О. А. Виды токенизации активов в сфере финансов хозяйствующих субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 1(33). С. 26.

ролей: организаторы (идеологи), отвечающие за разработку концепции проекта и привлечение инвестиций; технические специалисты, обеспечивающие создание токена и имплементацию скрытых функций; маркетологи и SMM-специалисты, занимающиеся продвижением проекта в социальных сетях и взаимодействием с сообществом; лица, ответственные за обналичивание и отмывание похищенных средств. Применительно к типологии преступников, предложенной Е. А. Хариной, разработчиков «RugPull» следует относить к категории специалистов высокого уровня, обладающих незаурядными познаниями в сфере компьютерных технологий, которые позволяют им создавать внешне легитимные, но внутренне уязвимые смарт-контракты, при этом выбор объекта преступного воздействия носит избирательный характер и ориентирован на наиболее перспективные с точки зрения сбора средств ниши криптовалютного рынка[1]. Организаторы подобных схем, как правило, не имеют официального места работы и постоянного легального заработка, их образ жизни существенно расходится с декларируемыми доходами, что впоследствии может служить косвенным доказательством причастности к преступной деятельности. Важной криминалистически значимой особенностью является то, что преступники, организующие многоуровневые махинации типа «RugPull», нередко ранее работали в сферах, связанных с IT-технологиями, блокчейн-разработкой или финансовым консалтингом, что позволяет им профессионально имитировать признаки успешного инвестиционного проекта.

Место и обстановка совершения преступления как элемент механизма рассматриваемого вида мошенничества определяется транснациональным и дистанционным характером, что создает существенные сложности для правоохранительных органов при установлении местонахождения преступников и сборе доказательственной базы. Действия организаторов, технических специалистов и потерпевших, а также самих цифровых активов могут территориально располагаться в различных юрисдикциях, при этом серверы хостинга веб-сайтов, как правило, находятся в офшорных зонах или используют технологии распределенного хранения данных, затрудняющие идентификацию владельцев. Временной фактор рассматривается следующим образом: мошеннические проекты существуют относительно непродолжительное время — от нескольких недель до нескольких месяцев, что необходимо для формирования достаточного пула ликвидности и доверия инвесторов, после чего следует резкое прекращение деятельности и исчезновение преступников. Данная особенность обусловливает необходимость оперативного реагирования правоохранительных органов при поступлении заяв-

[1]Харина Е. А. К вопросу о криминалистической характеристике мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2023. № 11. С. 14.

лений от потерпевших, поскольку промедление может привести к безвозвратной утрате цифровых следов и невозможности установления лиц, совершивших преступление[1].

Предмет преступного посягательства при совершении «RugPull» имеет двойственную природу: с одной стороны, им выступают криптовалюты, переводимые потерпевшими на адрес смарт-контракта или в пул ликвидности; с другой стороны, предметом выступают сами токены, выпущенные мошенниками: после того как ликвидность выведена, они полностью обесцениваются и используются лишь для имитации инвестиционной привлекательности. В отличие от традиционных мошенничеств, где предметом выступают денежные средства или иное имущество, при «RugPull» потерпевшие лишаются возможности обменять приобретенные токены обратно на ликвидные активы, что причиняет им имущественный ущерб в размере стоимости внесенных инвестиций. Потерпевшими, как правило, являются лица, обладающие определенным уровнем знаний в сфере криптовалют и стремящиеся к получению сверхдоходов от инвестиций в высокорисковые проекты на ранней стадии. Их поведение часто характеризуется излишней доверчивостью, отсутствием должной проверки информации о разработчиках и технической документации проекта, игнорированием предупреждений о возможных рисках, что активно используется преступниками при построении стратегии продвижения мошеннического проекта.

Типичные следы и механизм их образования при совершении «RugPull» имеют преимущественно цифровой характер, что предопределяет специфику их выявления, фиксации и исследования в процессе расследования. Цифровые следы подразделяются на несколько взаимосвязанных групп: во-первых, следы, связанные с созданием и функционированием веб-ресурса проекта. Во-вторых, следы, связанные со смарт-контрактом токена и пула ликвидности: адрес контракта в блокчейне, код смарт-контракта, содержащий скрытые функции, транзакции создания пула ликвидности и добавления токенов, транзакции вывода ликвидности преступниками. Данный вид следов является ключевым для доказывания, поскольку информация в блокчейне является публичной, неизменяемой и хронологически упорядоченной, что позволяет проследить движение похищенных активов от адреса смарт-контракта до конечных точек обналичивания через централизованные биржи, p2p-платформы или миксеры. В-третьих, следы коммуникации преступников с потенциальными жертвами: переписка в мессенджерах, социальных сетях, на форумах и специализированных платформах для обсуждения криптовалютных проектов. Данные коммуникации часто содержат

[1]Малыхина Н. И., Кузьмина С. В. Алгоритм действий следователя в типовых ситуациях расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 426. С. 239.

обещания гарантированного дохода, информацию о планах развития проекта, ответы на вопросы инвесторов, что впоследствии может быть использовано для установления признаков обмана или злоупотребления доверием. В-четвертых, финансовые следы, представленные цепочками транзакций в блокчейне, которые требуют последующего анализа с использованием специальных методов для идентификации кошельков преступников, их связей с централизованными биржами и иными точками обналичивания средств[1].

Таким образом, криминалистическая характеристика мошенничества, совершенного способом «RugPull», представляет собой систему обобщенных сведений о механизме рассматриваемого деяния как о сложной, многоэлементной системе, отражающей высокотехнологичный, организованный и транснациональный характер данного преступления. Центральное место в ней занимает способ совершения, реализуемый через создание видимости легитимного блокчейн-проекта, привлечение ликвидности инвесторов и последующий вывод средств с использованием скрытых функций смарт-контрактов. Субъекты преступления характеризуются высоким уровнем технической компетенции и четким распределением ролей в составе организованной группы. Типичные следы имеют преимущественно цифровую природу и требуют для своего выявления и исследования специальных познаний в области компьютерной криминалистики и блокчейн-анализа. Знание и правильное использование криминалистической характеристики позволяют следователю эффективно планировать расследование, выдвигать обоснованные версии, определять оптимальную последовательность следственных действий и тактические приемы их производства.

Научная статья
УДК 343.9

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Феодосия Валентиновна СИМАНКОВА
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
dosya.simankova@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала)

[1]Шнейдерова Д. И. Криминалистический анализ способов хищений в сфере оборота криптовалют // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2(39). С. 43.

Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности тактики допроса обвиняемого в конфликтной ситуации, рассматриваются различные приёмы ведения допроса. Уделяется внимание психологической стороне вопроса, делается акцент на приемах допроса в ситуации противодействия обвиняемого установлению психологического контакта.

Ключевые слова: тактика допроса, конфликтная ситуация, обвиняемый, психологические особенности допроса

Современность диктует свои условия и жизнь быстро меняется, подстраиваясь под новые веяния, которые характеризуются внедрением инновационных технологий, развитием искусственного интеллекта, появлением новых взглядов. Однако в условиях глобальной цифровизации нельзя забывать о таком явлении как человеческий фактор. При всей стремительности и упорстве в области развития цифровых технологий важно помнить о том, что именно человек остаётся флагманом общественных процессов в той или иной сфере.

Так, обращаясь к науке уголовного процесса, в рамках которой мы затрагиваем вопрос, связанный с допросом обвиняемого в конфликтной ситуации, мы неизбежно уделяем внимание психологической составляющей данного процесса, а именно сценарию, в котором человек, обвиняемый в совершённом преступлении, отказывается давать правдивые показания, отвечать на вопросы или же сообщает заведомо ложную информацию, то есть, демонстрирует полное нежелание взаимодействовать (сотрудничать) со следователем (дознавателем).

Помимо того, что допрос, обладая выраженной спецификой в сравнении с иными следственными действиями, является сложным и многогранным процессом, это тот вид деятельности субъекта расследования, который может и должен осуществляться именно человеком и не может быть полностью заменен никакой программой. Следователь (дознаватель) — это не только лицо, имеющее определённые полномочия в рамках уголовного процесса, но и человек, который должен найти подход к обвиняемому, добыть необходимую для расследования информацию, используя разрешённые законом методы воздействия.

Руководствуясь содержанием части второй статьи 189 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)[1], можно сделать вывод о практически полной свободе следователя (дознавателя)

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в том, каким образом вести допрос. При этом подчеркнем, что в большей степени эта «свобода» относится не к процессуальным, а к тактическим аспектам допроса.

Знания в сфере общей и юридической психологии и навык их применения позволяют допрашивающему находить особый (индивидуальный подход) к допрашиваемому лицу, корректировать складывающуюся в ходе допроса ситуацию, управлять процессом допроса и, если получается, то и допрашиваемым, то есть осуществлять действия, позволяющие обеспечить благоприятный результат.

Как верно подметила Глоба В. В., «отличие допроса по своему содержанию, в первую очередь, заключается в лице, в отношении которого он проводится»[1]. Поскольку допрос по сути своей является психологически трудным и тяжёлым следственным действием, он сильно усложняется, когда допрашиваемое лицо переходит в статус обвиняемого. На этом этапе человек встаёт в оборонительную позицию, создавая, тем самым, для следователя (дознавателя) сложности для получения необходимых сведений.

Обратимся к уголовно-процессуальному закону, чтобы выявить специфику самого допроса и особенности его регулирования.

Так, например, в ч. 1 ст. 173 УПК РФ говорится о том, что следователь обязан допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения[2]. Это обусловлено тем, что после предъявления обвинения у лица, в отношении которого производится допрос, меняется статус — обвиняемый. Это автоматически вносит изменение в формат допроса, а также в психологическую сторону процесса. Человек, как правило, закрывается в себе, неохотно сообщает нужную следователю (дознавателю) информацию, либо не сообщает вовсе.

Кроме того, в стрессовых ситуациях срабатывает, так называемый, человеческий фактор, и допрос не является исключением. Если до предъявления обвинения человек находится в относительно спокойном состоянии, будучи подбадриваемым следователем (дознавателем) и направляемым им, то после того, как ему предъявили обвинение, может включиться защитная реакция, при которой из памяти человека исчезают некоторые подробности происходящего с ним до этого. Помимо естественной реакции человеческого организма на стресс, лицо, которому предъявили обвинение, может вполне осознанно начать скрывать определённые факты и обстоятельства произошедшего, дабы попытаться снять или отвести от себя подозрения.

---

[1] Глоба В. В. Тактические приемы допроса обвиняемого (подозреваемого): проблемы классификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №1. С. 74

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В научной литературе приводятся такие тактические приёмы, как «повторный допрос, косвенный допрос, пресечение лжи, изменение темпа допроса, внезапная постановка вопроса, допущение легенды, разговор с допрашиваемым на отвлеченные темы»[1]. Все эти методы — способ получения следователем показаний у лица, обвиняемого в преступлении, в условиях напряжённой обстановки, обусловленной сильным психологическим давлением, при которой допрашиваемое лицо активно сопротивляется, пытаясь выставить себя в лучшем свете, зачастую скрывая факты по расследуемым обстоятельствам или же выдавая их в ложном виде, то есть, в конфликтной ситуации.

Существует множество различных классификаций методов ведения допроса. Одни учёные придерживаются мнения о таких видах, которые основываются на стадиях допроса, другие считают верной классификацию, исходящую из способа воздействия.[2]

Импонирует мнение учёных, которые разделяют тактические приёмы в зависимости от личности лица, в отношении которого ведётся допрос[3]. В данном случае следователь (дознаватель) исходит не только из сложившейся обстановки на допросе, учитывая её характер и психическое состояние допрашиваемого, но и личность этого человека. Таким образом у него появляется более широкий спектр возможностей в анализе происходящего и, соответственно, выборе поведения, как своего, так и обвиняемого.

В условиях конфликта это является крайне важным, поскольку нужно не просто получить необходимую информацию в ходе разговора с допрашиваемым, который в случае бесконфликтной ситуации протекает менее болезненно и затратно, но и приложить к этому больше усилий, потому как при возникновении напряжения и автоматического отстранения обвиняемого от активного сотрудничества со следствием, которые неизбежно возникают в конфликтной ситуации, следователю (дознавателю) требуется применить гораздо больше знаний и навыков из области тактики ведения допроса.

С учётом изложенного и принимая во внимание динамично развивающиеся методы воздействия следователя (дознавателя) на обвиняемого на допросе, а также негаснущую актуальность данной темы, можно смело сказать, что вопрос применения тактических приёмов остаётся важной и острой проблемой в рамках исследования досудебной стадии уголовного процесса.

---

[1] Хамидуллина Р. Р., Гареева Э. Р. К вопросу о некоторых тактических приемах допроса подозреваемого (обвиняемого) лица // E-Scio. 2022. № 5 (68).

[2] Глоба В. В. Тактические приемы допроса обвиняемого (подозреваемого): проблемы классификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №1. С. 75

[3] Глоба В. В. Там же.

Научная статья
УДК 343.9

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Софья Алексеевна СТОГОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
sofya.stogova@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Мария Александровна ГРИГОРЬЕВА,** mgrek@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена подготовительному этапу допроса несовершеннолетнего как ключевому условию результативности данного следственного действия. Только осуществив анализ материалов уголовного дела, изучив психофизиологические особенности личности несовершеннолетнего, установив цель и задачи допроса, а также круг участников, место и время проведения допроса, следователь, дознаватель могут переходить к выбору наиболее целесообразных и эффективных тактических приемов.

Ключевые слова: подготовка к допросу несовершеннолетнего; место допроса, время допроса, план допроса, индивидуальный подход

Результативность допроса несовершеннолетнего и достижение поставленных задач во многом зависят от грамотности и тщательности подготовительных действий следователя, дознавателя. Значение данной стадии выражается прежде всего в том, что именно качественная подготовка к допросу позволит учесть все уголовно-процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего, спрогнозировать его поведение и подвергнуть критическому анализу получаемые от него сведения.

В силу психоэмоциональных особенностей несовершеннолетних подготовка к допросу обладает определенной спецификой.

Во-первых, особенности подготовки к допросу несовершеннолетнего зависят как от его психоэмоционального и интеллектуального развития, так и от его процессуального статуса в уголовном судопроизводстве.

Во-вторых, её целесообразно разделить на два самостоятельных этапа: информационно-аналитический и организационный.

Так, на информационно-аналитическом этапе следователю, дознавателю необходимо тщательно изучить материалы уголовного дела с целью формулирования предмета и задач предстоящего допроса.

Поскольку одной из главных задач, обеспечивающих успешность проведения допроса несовершеннолетнего, является установление психологического контакта, особое внимание следует уделить изучению личности несовершеннолетнего, условий его жизни, состава семьи и особенностей взаимоотношения с каждым из её членов, круга интересов. Такую информацию можно получить путём допроса законных представителей, получения характеристики с места учебы, иных организаций дополнительного образования и т.д.[1]. Осуществляя допрос законных представителей, следует обращать внимание на то, что возможны ситуации, когда взаимоотношения родителей и несовершеннолетних носят сложный характер, вследствие чего доверительные отношения могут складываться с иными лицами, например, с представителями старшего поколения, преподавателями, тренерами, которых также следует допросить. В связи с этим целесообразно допросить и близких друзей несовершеннолетнего старше 16 лет, которые наравне со взрослыми могут нести ответственность за заведомо ложный донос. С теми лицами, возраст которых составляет младше 16 лет, и которые могут сообщить какую-либо тактико-ориентирующую информацию, при возможности следует провести беседу.

В связи с активным развитием информационно-телекоммуникационных технологий дополнительным источником информации о личности несовершеннолетнего могут служить социальные сети, поскольку в настоящее время несовершеннолетние посредством выкладывания фотографий, «постов» отражают события, происходящие в их жизни, своё эмоциональное состояние.

Обратим внимание на то, что вся получаемая таким образом информация является сугубо субъективной оценкой личности несовершеннолетнего. Именно поэтому для создания полной «картины» личности несовершеннолетнего важно проводить также объективную оценку путем психологических методов (в том случае, если это позволяет психоэмоциональное состояние). Осуществлять такую оценку должен, по нашему мнению, специалист в детской психологии, объединяющий в себе педагога и психолога, способный обеспечить продуктивную коммуникацию с несовершеннолетними. Данному субъекту необходимо предоставить возможность знакомиться с психофизическими особенностями несовершеннолетнего допрашиваемого до начала следственного действия, беседовать с несовершеннолетним для того, чтобы оценить его интеллектуальное и психоэмоциональное развитие, «установить способность выражать собственное мнение посредством речи, способность воспроизводить запечатленные в памяти несовершеннолетнего

[1]Ручина А. А. Организационно-тактические особенности подготовительного этапа допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 47.

образы, имеющие отношение к событию, участником которого он являлся[1]».

В том случае, если потенциальным допрашиваемым лицом является несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, необходимо выяснить, не привлекался ли несовершеннолетний ранее за совершение других преступлений. При наличии у несовершеннолетнего в прошлом статуса подозреваемого или обвиняемого, следует также тщательно изучить данное уголовное дело с целью установления наличия или отсутствия лидерских качеств (в случае, если ранее преступление было совершено группой лиц по предварительному сговору), склонности несовершеннолетнего к совершению преступлений под давлением со стороны других лиц (в случае, если ранее несовершеннолетний был вовлечен в преступную деятельность).

Отдельного внимания заслуживает вопрос разделения несовершеннолетних на возрастные категорий. По нашему мнению, при подготовке к допросу и его осуществлению следует обращать внимание не на биологический возраст несовершеннолетнего, а на его психоэмоциональное и интеллектуальное развитие, психическое состояние. Это обусловлено прежде всего тем, что дети одного и того же возраста могут существенно отличаться по уровню развития речи, мышления и эмоционального интеллекта. Именно поэтому в каждом случае дознаватель, следователь должен обеспечить индивидуальный подход к несовершеннолетнему, помощь в выстраивании которого будет облегчать специалист в детской психологии.

Таким образом, изучая личность несовершеннолетнего, особенности его развития, интеллектуальные, эмоциональные и волевые качества, следователь, дознаватель создает возможность на следующих этапах определить наиболее оптимальный порядок выстраивания взаимодействия с несовершеннолетним в ходе основной части допроса.

На организационном этапе подготовки к допросу несовершеннолетнего следователь, дознаватель определяют круг лиц, которые будут принимать в нём участие, выбирают время и место допроса, составляют план и определяют тактические приемы, использование которых будет наиболее целесообразно.

Остановимся более подробно на выборе места и времени допроса.

Так, в соответствии со статьей 187 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (текст с изм. и доп. от 08.03.2026), допрос проводится по месту производства предварительного следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого.

---

[1]Лебедева Ю. В. Проведение допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в возрасте до 14 лет: специфика, особенности возраста, тактические приемы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 48.

Решение данного организационного вопроса, по нашему мнению, дифференцируется в зависимости от процессуального положения несовершеннолетнего. Так, по мнению Соколова А. Б., допрос несовершеннолетнего подозреваемого может быть произведен по месту учебы (работы) или жительства[1]. Однако, такой тезис представляется не совсем верным, поскольку проведение допроса в месте учебы, работы может вызвать резонанс как в коллективе педагогов, коллег по работе, так и среди обучающихся, что, вероятнее всего, негативно повлияет на психологическое состояние несовершеннолетнего — он может чувствовать стыд, раздражение, бояться осуждения, вследствие чего может замкнуться в себе или, наоборот, вести себя вызывающе. В свою очередь, Ручина А. А. указывает, что в месте своего жительства несовершеннолетний может чувствовать себя чересчур уверенно и комфортно, что может привести к отказу от дачи показаний[2]. Мнение автора представляется дискуссионным, поскольку в большинстве случаев несовершеннолетний, ощущая авторитет следователя, дознавателя, который пришел в его «зону комфорта», испытает страх и дезориентацию и откажется от дачи показаний инстинктивно, а не вследствие имеющейся у него уверенности. Допрос по месту жительства может иметь и иные негативные последствия — к примеру, могут возникнуть сложности с обеспечением изоляции ребенка от членов семьи, которые могут подслушивать под дверью и вмешиваться в ход следственного действия.

По мнению Ручиной А. А., допрос несовершеннолетнего подозреваемого целесообразно проводить в кабинете следователя[3]. В связи с тем, что правовой статус несовершеннолетнего подозреваемого предполагает наличие признаков общественной опасности деяния, проведение допроса в кабинете следователя, дознавателя представляется наиболее обоснованным, поскольку такая обстановка позволяет создать соответствующую степень процессуальной строгости. Аналогичное место допроса следует выбирать и для осуществления допроса несовершеннолетнего обвиняемого.

В свою очередь, выбор места допроса несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля также определяется особенностями занимаемого ими статуса. Основная цель организации такого места — создание психологически комфортной для несовершеннолетнего обстановки. Несовершеннолетние потерпевшие, особенно по делам о преступлениях против половой неприкосновенности, в большинстве случаев во время допроса находятся в состо-

[1]Соколов А. Б. Организационно-тактические особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого по уголовным делам о кражах / А. Б. Соколов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С. 74.

[2]Ручина А. А. Организационно-тактические особенности подготовительного этапа допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1 (46). С. 46.

[3]Там же, С. 47.

янии посттравматического стресса. Обстановка в кабинете следователя, дознавателя зачастую негативно влияет на психологическое состояние допрашиваемого, вызывает у него страх, чувство беспомощности и отсутствие желания сообщать какие-либо сведения. Решением данной проблемы является создание специализированного кабинета для проведения допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. По нашему мнению, он должен быть оборудован мягкой мебелью (диваны, кресла-мешки, пуфы), низким столом, игрушками разного типа (мягкие игрушки, конструкторы, куклы, имеющие анатомическое строение (особенно важно для дел о половых преступлениях, поскольку зачастую они помогают ребенку «демонстрировать части тела или действия лиц, которые он стесняется или не может озвучить[1]»), наборами для рисования. Интерьер кабинета должен содержать хорошее освещение, звукоизоляцию, нейтральные цвета стен, полов, ковров, комнатные растения. Перечисленные требования благоприятно повлияют на психологическое состояние несовершеннолетних, позволят установить психологический контакт между следователем, дознавателем и допрашиваемым лицом, а также увеличат шансы получения точных и добровольных показаний.

Следующим важным элементом организационного этапа подготовки к допросу несовершеннолетнего является выбор времени проведения данного следственного действия. Прежде всего необходимо, с учетом эмоционального состояния несовершеннолетнего, максимально сократить срок между произошедшими событиями и самим допросом. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого необходимо осуществить в течение первых нескольких часов с момента возбуждения в отношении него уголовного дела, поскольку в таком случае «у несовершеннолетнего допрашиваемого не будет достаточного времени для формирования позиции отказа от дачи показаний или для того, чтобы продумать линию поведения, связанную с дачей ложных показаний[2]». Кроме того, несовершеннолетние, независимо от процессуального статуса, легко поддаются внушению, особенно со стороны взрослых личностей, что обуславливает необходимость как можно быстрее провести допрос, чтобы исключить возможность взаимодействия несовершеннолетнего с другими лицами.

Определившись с календарными рамками осуществления допроса, перейдем к выбору оптимального времени допроса в течение дня. По нашему мнению, в связи с тем, что в основном расписание дня несовершеннолетних

[1]Никифоров Д. А. Подготовка к допросу несовершеннолетнего / Д. А. Никифоров // Студенческая наука - взгляд в будущее: Материалы XVIII Всероссийской студенческой научной конференции. 2023. С. 214.

[2]Алексеева А. В., Хабиббулина В. И. Тактические особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). URL: https://www.procuror.spb.ru/ik2020/t2020_01.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

схоже и зависит от посещения дошкольных и школьных учреждений, наиболее подходящей является первая половина дня. Вместе с тем следует помнить об индивидуальном подходе к изучению личности несовершеннолетнего, в данном случае о суточной активности человека, определяющей его режим сна и бодрствования. В основном это касается несовершеннолетних, имеющих процессуальный статус свидетеля и потерпевшего. Несовершеннолетний может быть «жаворонком», и тогда его допрос в обозначенное время будет эффективен и результативен. Но если в это время проводить допрос несовершеннолетнего, являющегося «совой», максимальная работоспособность которого приходится на вторую половину дня, результат может получиться неудовлетворительным. Кроме того, следует ознакомиться с расписанием дня несовершеннолетнего, поскольку в определенное время он может иметь привычку спать или употреблять пищу. Нарушив такой режим, следователь, дознаватель могут столкнуться с негативными эмоциями ребенка, что в значительной степени может повлиять как на правдивость показаний, так и на его желание дать показания в целом.

В заключение, обратим внимание на одно из самых главных действий, которое должен осуществить следователь, дознаватель на подготовительном этапе – составить план допроса. Наличие плана позволяет ориентироваться в процессе допроса, обеспечивает полноту данного следственного действия и его соответствие уголовно-процессуальным нормам.

В плане, по нашему мнению, следует отражать:

цель и задачи допроса;

время и место проведения допроса;

перечень корректно сформулированных вопросов, которые следует задать несовершеннолетнему;

перечень необходимых материалов и научно-технических средств (бланки протоколов, бумага, ручки, средства аудио и видеозаписи, вещественные доказательства, которые будут предъявляться во время допроса, игрушки, карандаши и иные вспомогательные материалы, которые могут потребоваться в ходе допроса);

перечень участников допроса;

перечень тактических приемов, применение которых будет наиболее целесообразным при допросе несовершеннолетнего;

последовательность действий следователя, дознавателя, осуществляемых для обеспечения законности данного следственного действия.

Таким образом, подготовительный этап допроса несовершеннолетнего является одним из важнейших элементов данного следственного действия, от качества которого напрямую зависит его результативность. Комплексный подход, включающий тщательное изучение личности, создание специ-

альных условий для проведения допроса и стремление обеспечить индивидуальность подхода, позволит следователю, дознавателю повысить качество и эффективность допроса несовершеннолетнего.

Научная статья
УДК 343 .98:623.746.5

БЕСПИЛОТНЫЙ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Мария Александровна ЧАЙНИКОВА
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
kotovamr999@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры криминалистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат технических наук, доцент **Владимир Викторович ЗАЙЦЕВ**

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, с которыми сталкиваются теория и практика судебной экспертизы при криминалистическом исследовании беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). В статье рассматривается исторический контекст, статистика, конкретные методики экспертизы и предложения по совершенствованию нормативной базы. В статье рассмотрены правовые аспекты изъятия БПЛА согласно УПК РФ, методики экспертного исследования (радиотехническая, компьютерно-техническая, дактилоскопическая, трасологическая экспертизы), а также некоторые технические нюансы извлечения данных (форматы файлов, ПО, особенности разных моделей), дан краткий сравнительный анализ российской и зарубежной практики.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, БПЛА, электронные носители информации, компьютерно-техническая экспертиза, криминалистическое исследование БПЛА

В начале 1990-х годов беспилотные летательные аппараты (БПЛА) использовались различными развитыми странами исключительно в военных целях. Теперь, благодаря своей простоте и доступности по цене на рынке, данные устройства распространилась на страны по всему миру, и в наши дни используются в том числе и в гражданской сфере. В современных условиях государственной безопасности беспилотный воздушный транспорт

приобретает особое значение. С 2024 года количество зарегистрированных в России БПЛА увеличилось на 25 %, превысив 119 тысяч к началу 2025 года[1]. Это порождает определенные опасения, так как в России и других государствах растет количество случаев применения беспилотных воздушных судов в преступных целях.

В настоящее время БПЛА как специальное техническое средство активно используется в целях правоохранительной деятельности. Вопросы использования БПЛА при проведении осмотра места происшествия, в ходе оперативно-розыскной деятельности, в целях раскрытия и расследования отдельных категорий преступлений в большей степени уже являются теоретически разработанными. Но при этом во многих случаях БПЛА сам может стать объектом криминалистического исследования.

БПЛА может быть использован преступниками для осуществления множества незаконных действий, таких как несанкционированный мониторинг и сбор разведывательной информации, совершение террористических актов, шпионаж, доставка запрещенных объектов на территорию учреждений, исполняющих наказание, а также при незаконном обороте наркотиков, оружия, боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ. Применение БПЛА как орудия преступной деятельности фиксируется не только в России, но и за рубежом. Еще в 2014 году в Великобритании было зарегистрировано 283 преступления с использованием беспилотников. Некоторые из этих преступных деяний включали доставку наркотиков и оружия в тюрьмы, а также их использование для слежки за домами с целью краж со взломом. В 2018 году правоохранительные органы Великобритании сообщили, что они получили 2435 сообщений об инцидентах с участием беспилотных летательных аппаратов.

Стоит отметить, что вопросы исследования БПЛА как объекта криминалистического исследования стали более актуальными в период специальной военной операции. 21 июня 2025 года Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин заявил, что около 910 уголовных дел возбудили по факту ударов украинских БПЛА по территории России[2]. Данный факт побудил не только российских, но и зарубежных экспертов-криминалистов разработать комплексную систему экспертного исследования беспилотных летательных аппаратов.

Процедура изъятия и исследования БПЛА в рамках УПК РФ сочетает общие правила следственных действий с особыми требованиями к работе с электронными носителями информации. Если БПЛА обнаружен на месте происшествия и может иметь значение для уголовного дела, его изымают в

[1] В РФ в 2024 году число учтенных гражданских дронов выросло до 116,7 тыс. URL: https://tass.ru/ekonomika/23119981 (дата обращения: 23.01.2026).

[2] СКР возбудил 910 уголовных дел об ударах украинских БПЛА по территории России. URL: https://www.interfax.ru/russia/1026927 (дата обращения: 18.01.2026).

ходе осмотра. Изъятые предметы предъявляются понятым и другим участникам осмотра, упаковываются и опечатываются на месте. При падении судна местом происшествия является территория, на которой находится сам дрон и обломки его конструкции, следы разрушения от взрыва, следы его соприкосновения с препятствиями. Часто к БПЛА могут быть прикреплены взрывные устройства, и возможны ситуации, когда при падении БПЛА взрывные устройства не детонируют, что меняет тактику осмотра места происшествия. В ходе осмотра должен быть осуществлен тщательный сбор обломков летательного аппарата и взрывного устройства, что в дальнейшем позволит произвести взрывотехническую и химические экспертизы.

Если есть достаточные основания полагать, что БПЛА находится в определённом месте или у конкретного лица, проводится обыск. Выемка применяется, если точно известно, где и у кого находится БПЛА. Как правило, БПЛА содержит электронные носители информации, и в этой ситуации применяются положения ст. 164.1 УПК РФ.

На сегодняшний день в Российской Федерации экспертное исследование БПЛА проводится в рамках судебной радиотехнической экспертизы, либо же в пределах компьютерно-технической экспертизы, поскольку основным и самым высокотехнологичным элементом системы БПЛА является радиоэлектронная система управления, которая состоит из вычислительной мощности полетного контроллера и СВП (станции внешнего пилота). Но стоит отметить, что беспилотник может являться носителем наиболее типичных следов, оставляемых при использовании БПЛА, например, дактилоскопических и трасологических. Перед экспертом в данном случае могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением принадлежности представленного на экспертизу устройства к категории БПЛА, включая тип, основные технические характеристики и способ изготовления; выявлением информации о полетном задании, например, дальности, высоте, скорости и траектории, геолокации, результатах фотосъемки и видеозаписи и др[1].

Возможности криминалистического исследования БПЛА различны, и вытекают они из специфики их обнаружения. Возможны ситуации, когда БПЛА уничтожен средствами ПВО, либо после осуществления целевой задачи (дрон-камикадзе). В данном случае будет целесообразным исследовать его обломки в рамках традиционных экспертиз (дактилоскопических, трасологических и т.д.). В случае предоставления на экспертизу не поврежденного БПЛА (что встречается достаточно редко), основными объектами исследования становятся изъятые электронные носители информации, журналы телеметрии, подтверждающие дистанционное управление устройством. Обнаружение станции внешнего управления осуществляется, как

[1] Ильин Н. Н. Судебная радиотехническая экспертиза: современное состояние и перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы [научно-практический журнал]. 2025. Том 20, №3.

правило, оперативными сотрудниками в ходе оперативно-розыскных мероприятий, после чего пульт, планшет или смартфон передаются на исследование.

Также особенности исследования зависят от целевого назначения БПЛА — дроны, применяемые в гражданских целях существенно различаются по своим функциям от дронов, применяемых в военной сфере. По мнению Р. А. Чурина, необходимо создать единую классификацию БПЛА[1]. Отечественная классификация, созданная для Министерства обороны Российской Федерации, не разграничивает БПЛА по целевому назначению, что существенно влияет на методику исследования. Выбор методики исследования также зависит и от типа конструкции (мультикоптер, БПЛА самолетного типа, гибридный и т.д.), массогабаритных характеристик и от способа изготовления БПЛА — встречается применение самодельных летательных аппаратов, существенно отличающихся от БПЛА, изготовленных промышленным способом.

Вместе с тем, существует необходимость изучить вопрос, связанный с извлечением данных с самого БПЛА. При обнаружении не поврежденного БПЛА вероятность извлечения данных существенно увеличивается. В иностранной практике при извлечении информации с БПЛА часто применяются программы серии «Cellebrite UFED», так как она является стандартным программным обеспечением правоохранительных органов США и многих европейских стран. При этом она не всегда способна прочитать и преобразовать криминалистически важную информацию - например, она не в каждом случае может извлечь файлы с типом «DAT», которые играют одни из ключевых ролей в исследовании БПЛА. Для их чтения могут использовать программу «DatCon», конвертирующую эти файлы в форматы, читаемые человеком, например CSV или KML, но ее использование целесообразно лишь при работе с дронами компании DJI (Phantom 3, Phantom 4, Phantom 4 Pro и т. д.). При работе с более новыми моделями (DJI FPV или Mavic Air 2) она не совместима. В файлах с типом KML чаще всего содержится полетное задание, которое возможно импортировать в «Google Maps» и увидеть полетное задание в виде карты. Само полетное задание хранится в блоке навигационной системы. За рубежом, при проведении судебно-экспертных исследований распространено копирование съемных носителей информации (SD, MicroSD карт) во избежание потери доказательственной информации.

Среди граждан, использующих БПЛА в личных целях, распространено использование программы серии «DJI Assistant 2», предназначенной для обновления программного обеспечения, просмотра полетных данных, чтения бортового самописца и экспортирования log-файлов.

---

[1] Чурин Р. А. Особенности исследования беспилотных летательных аппаратов // Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20 апреля 2023 г.). М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023 С. 51—54.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о возрастающей значимости БПЛА как объекта криминалистического исследования в условиях интенсификации их использования как в легальных, так и в противоправных целях. Динамика распространения БПЛА — от узкоспециализированного военного инструмента до массового гражданского устройства — породила комплекс вызовов для правоохранительной системы, которые заключаются в следующем:

в России экспертиза БПЛА проводится в рамках судебной радиотехнической или компьютерно-технической экспертизы, однако ни одна из них в полной мере не охватывает междисциплинарный характер объекта;

отечественная система не дифференцирует БПЛА по целевому назначению (гражданские, военные, гибридные), что затрудняет выбор экспертных процедур;

зарубежные программы (например, Cellebrite UFED) не всегда способны обрабатывать специфичные форматы (dat-файлы), а популярные у частных пользователей решения (DJI Assistant 2) требуют адаптации для криминалистических задач

действующие правовые нормы не в полной мере регулируют порядок изъятия, хранения и анализа цифровых следов с БПЛА.

Вышеуказанные проблемы приводят к снижению достоверности экспертных выводов, увеличению сроков расследования преступлений, совершенных с использованием БПЛА.

На наш взгляд для оптимизации существующих проблем необходимо разработать единую методику экспертизы, включающую:

алгоритмы исследования целых и повреждённых БПЛА;

протоколы извлечения данных с бортовых накопителей и полётных контроллеров;

стандарты фиксации трасологических и дактилоскопических следов.

Кроме того, необходимо создать национальную классификацию БПЛА по критериям:

целевое назначение (гражданское/военное/гибридное);

технические характеристики (дальность, грузоподъёмность, тип управления);

степень автономности.

Помимо этого необходимо адаптировать программное обеспечение для анализа данных с БПЛА, в том числе обеспечить поддержку форматов dat и лог-файлов, интеграцию с ГИС для реконструкции траектории полёта, для автоматизации распознавания объектов на фото- и видеоматериалах, а также разработать регламент порядка изъятия и хранения БПЛА как вещественных доказательств, требования к квалификации экспертов и критерии допустимости цифровых доказательств, полученных с БПЛА, в частности, при утрате доказательственной информации из-за некорректного обращения с устройствами.

Научная статья
УДК 343.9

НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПУТЬ К ОПТИМИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Никита Михайлович ШКРЯБИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
shkryabin25@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, младший советник юстиции **Григорий Григорьевич НЕПЕИН**, ngrigorij2008@yandex.ru

Аннотация. В научной статье рассматриваются основные положения научной организации труда следователя. Рассматривается необходимость использования научной организации труда в деятельности следователя на основе криминалистической науки, а также общей теории организации и управления. Предложены способы снижения физической и психологической нагрузки на следственного работника.

Ключевые слова: следователь, уголовное дело, расследование преступления, допрос, кабинет, рабочее место

Качество предварительного расследования обусловлено целым рядом объективных и субъективных факторов. Одним из таких объективных факторов, влияющих на полноту и объективность расследования преступлений, является принятие системы организационных мер, обеспечивающих деятельность следователя. Такая организационная деятельность должна строиться на совокупности и взаимосвязи знаний в области криминалистики и общей теории организации и управления, т.е. мы можем говорить о научной организации труда следственного работника. Использование методов научной организации труда предоставляет возможность расследовать преступления гораздо продуктивнее и эффективнее, затрачивая при этом меньше сил и энергии следователя, поскольку, как верно отмечает И. П. Можаева, такая организация охватывает все стороны нормального и эффективного его функционирования[1].

[1] См.: Можаева И. П. Научная организация деятельности следователя: понятие и сущность // Информационная безопасность регионов. 2011. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-organizatsiya-deyatelnosti-sledovatelya-ponyatie-i-suschnost (дата обращения: 26.10.2023).

В широком понимании, научная организация труда следователя — это процесс внесения в организацию его труда научно обоснованных изменений и усовершенствований с целью наиболее рационального использования времени, определения максимально эффективных форм разделения и кооперации следственной деятельности, обучения следователей производительным приемам трудовых операций, улучшения условий труда, рабочих мест и обслуживания. Поэтому основы научной организации труда необходимо не только изучать, но и уметь правильно применять на практике.

Одной из первоначальных задач такой организации является создание таких условий труда, которые способствовали бы достижению максимальной эффективности расследования преступлений.

Расследование преступлений — это творческий и сложный мыслительный процесс, в котором важную роль играет коммуникативная функция человека. Данная деятельность также носит познавательный характер, что требует от следователя высокоразвитых интеллектуальных качеств[1]. В этой связи организация его труда, в частности рабочего места, играет огромную роль в обеспечении эффективности и качества деятельности по расследованию преступлений.

Следственная деятельность предполагает прямой контакт следователя с другими людьми, от которых он получает важную для расследования преступления информацию. Одной из форм такого взаимодействия является допрос, который, как правило, проводится в рабочем кабинете следователя. Поэтому, особое место научной организации труда следователя занимает обустройство его рабочего места.

В понятие рабочее место следователя входит, прежде всего, его рабочий кабинет, который, в соответствии с требованиями Приказа Минстроя России от 26.12.2014 № 912/пр «Об утверждении свода правил «Здания и сооружения следственных органов. Правила проектирования» должен иметь площадь 12—14 м^2. При этом, как правильно отмечает В. Л. Васильев[2], это должна быть отдельная, не проходная комната, находящаяся на первом-втором этаже здания. Нахождение кабинета на первых этажах здания способствует решению проблемы поиска кабинета следователя людьми с ограниченными возможностями здоровья – престарелыми гражданам, инвалидами и т.д.

Наличие отдельного кабинета обуславливается необходимостью создания благоприятной обстановки для проведения следственных действий.

Так, например, для создания благоприятной психологической обстановки при проведении допроса, в кабинете не должно быть посторонних,

---

[1]Лакомская М. Ю. Мыслительная деятельность следователя как средство разрешения проблемной ситуации расследования преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. №1. С. 142.

[2] См.: Организация рабочего места и рабочего времени следователя: Учеб. пособие / В. Л. Васильев. Ленинград: Ин-т усоверш. следств. работников, 1983. С. 14.

других следователей, чтобы ничего не отвлекало участников допроса. Необходимо отметить, что присутствие в кабинете других следователей негативно сказывается на качестве допроса, поскольку, присутствие посторонних в рабочем кабинете при допросе будет создавать такую психологическую обстановку, которая будет «давить» на допрашиваемого, что может помешать ему дать точные показания.

В рабочем кабинете должна соблюдаться тишина, чтобы посторонний шум не отвлекал следователя от его работы, а также, например, допрашиваемого от дачи показаний. Постоянное воздействие внешнего шума может привести не только к потере слуха, его чуткости, но и к другим не очень приятным последствиям, например, к головной боли, головокружению, повышению усталости. Так, Т. И. Шишелова, Ю. С. Малыгина, Нгуен Суан Дат отмечают, что посторонний шум имеет более негативное воздействие на организм человека, чем употребление табака, которое по данным различных исследований сокращает человеческую жизнь на 6—8 лет.[1] Воздействие внешнего шума может сбивать человека с мыслей, что негативно может сказаться на результатах расследования уголовного дела. Согласно действующему на территории РФ законодательству, уровень внешнего шума должен составлять не более 50 дБ[2].

Кроме того, обстановка рабочего места следователя должна располагать к позитивному и продуктивному настроению, поскольку в своем кабинете он проводит большую часть времени. Первостепенно на этот аспект влияет освещенность самого кабинета. Он должен быть хорошо освещен, необходимо соблюдение баланса естественного и искусственного освещения, с целью снижения нагрузки на глаза следователя, защиты их от переутомления, а также для того, чтобы следователь, например, во время допроса мог видеть допрашиваемого. В. А. Воронин, Т. Л. Долгопол отмечают, что плохое освещение в офисах, учебных заведениях и т.д. довольно сильно воздействует на центральную нервную систему человека, что вызывает головные боли, чувство усталости и напряжения, а также снижение работоспособности.[3]

При проведении допроса важным моментом является наблюдение за поведением допрашиваемого. Его поза, мимика, жесты и т.д. могут показать, о чем человек думает, обманывает он или нет. Как правильно отмечал В. Л. Васильев, «следует иметь в виду, что одновременное наблюдение за

---

[1]Шишелова Т. И., Малыгина Ю. С., Нгуен Суан Дат Влияние шума на организм человека // Успехи современного естествознания. 2009. № 8. С. 14—15;

[2]См.: Свод правил СП 228.1325800.2014 «Здания и сооружения следственных органов. Правила проектирования» (утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 26 декабря 2014 г. № 912/пр). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Воронин В. А., Долгопол Т. Л. Качество освещения и охрана труда // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2016. №2. С. 171—174.

многими источниками зрительной информации может привести к рассеиванию внимания и в конечном счете к пропуску одного из важных источников информации. Следователь должен по возможности исключать подобные ситуации в своей работе»[1].

Поэтому, освещенность кабинета является важным психологическим фактором. Она может располагать человека к отдыху, расслаблению, а может вызывать возбуждение. Освещение должно быть выстроено таким образом, чтобы оно побуждало допрашиваемого к диалогу.

Не менее важную роль в рабочем кабинете играют стены. Они должны выполнять не только разграничительную функцию, но и шумоподавляющую.

Еще в древние времена люди окрашивали различные предметы и вещи в разнообразные цвета, чтобы придать этим вещам какое-то определенное значение, вызвать у человека какие-то эмоции, так, например, форму военных окрашивали в такие цвета, которые вызывали бы страх и т.д[2]. Так, цвет стен не должен быть темным. Спокойные, не слишком яркие цвета располагают человека к спокойствию, настраивают на диалог, поэтому оптимальными цветами стен кабинета могут быть желтые, желто-зеленые, зеленовато-голубые оттенки. Т. А. Галчинова отмечает, что, во время коротких рабочих дней красный цвет повышает работоспособность, а зеленый цвет помогает повысить работоспособность при длительной работе.[3]

Кроме того, чтобы сделать кабинет светлее потолок желательно окрашивать в светлые тона, например, в белый; пол также желательно должен быть светлых оттенков.

Мебель необходимо расставлять так, чтобы ее расположение обеспечивало минимальные затраты времени на ее использование; ее расстановка должна исключать хождение по кабинету. Расстановка мебели в кабинете должна облегчать поиск следователя каких-либо необходимых для работы предметов. Мебель с точки зрения научной организации должна быть в одном стиле и гармонировать с внутренним расположением кабинета. Из-за индивидуальных особенностей каждого человека невозможно выработать единую систему расстановки предметов мебели и интерьера в кабинете, но можно сделать несколько рекомендаций.

Так, рабочий стол должен располагаться в таком месте, чтобы, входящий в кабинет человек, сразу мог его заметить, а следователь увидеть во-

---

[1] Организация рабочего места и рабочего времени следователя: Учеб. пособие / В. Л. Васильев. - Ленинград: Ин-т усоверш. следств. работников, 1983. С. 15.

[2]Галчинова Т. А. Влияние цвета на эмоциональное состояние человека // Инновационная наука. - 2020. №5. С. 172—175.

[3]Галчинова Т. А. Влияние цвета на эмоциональное состояние человека // Инновационная наука. 2020. №5. С. 172—175.

шедшего человека просто приподняв взгляд. При этом, стол не следует прижимать к стене. Мебель должна располагаться так, чтобы центр рабочего кабинета всегда был свободным.

Не менее важную роль в организации труда следователя играет порядок в рабочем кабинете. Рабочий стол должен использоваться только для текущей работы, а не для складирования различных бумаг и документов. Письменные принадлежности должны находиться в ящике стола, некоторые на самом столе, например, карандаш, ластик и ручка. Вещественные доказательства должны быть убраны в специальный шкаф, чтобы они не мешали следователю при работе, а также не отвлекали, например, свидетелей или подозреваемых во время проведения следователем следственных действий. Документы должны быть убраны, но так, чтобы при необходимости следователь мог их быстро найти и достать. При этом, все необходимые для работы предметы желательно располагать в зоне досягаемости вытянутых рук.

Из-за специфики деятельности по расследованию преступлений следователя нельзя приравнять к обычному госслужащему, которому достаточно на рабочем месте письменного стола, стула и компьютера. Поэтому его кабинет должен быть оборудован такими техническим средствами, как: персональный компьютер с последними версиями программного обеспечения (далее — ПО), как необходимого для работы (программы Microsoft office; доступ к единой базе данных; программы, позволяющие преобразовывать речь в печатный текст; Гарант; КонсультантПлюс; программы для коммуникации между сотрудниками и т.д.), так для защиты от утечки информации (антивирус последней версии; браузер, с возможностью защиты данных); принтером, ксероксом, факсом; аудио- и видеозаписывающими устройствами, а также системой воспроизведения звукозаписей (наушниками, колонками), чтобы во время прослушивания записей какого-то следственного действия, следователь мог услышать всю необходимую ему информацию и не упустить ничего важного. Использование таких технических средств позволяет уменьшить количество затрачиваемого следователем времени на проведение определенных следственных мероприятий.

В настоящее время, отмечается широкое внедрение во все сферы жизнедеятельности различных информационных технологий. Поэтому, одним из направлений по внедрению в деятельность следователя таких технологий может быть использование им в ходе проведения следственных действий ПО, позволяющего конвертировать устную речь в печатный текст. Существует множество доступных программ — «Голосовой блокнот», «Voice Finger» и др. Применение такого рода программного обеспечения, по нашему мнению, предоставляет возможность сократить временные затраты, задействованные на печатание протоколов следственных действий.

Вместе с тем, уровень развития компьютерных технологий позволяет говорить о возможности внедрения в следственную деятельность технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). Так, использование ИИ на стадии предварительного расследования позволит помогать следователю в оценке первоначальной информации о факте преступления, выдвигать предполагаемые версии, направления их проверки, а также использование ИИ позволит в короткие сроки, без особых физических затрат анализировать большие массивы информации[1]. Использование таких технологий позволит снизить нагрузку на следователя, а также повысить качество и эффективность его работы в условиях острого дефицита кадров.

Кроме того, на сегодняшний день в следственных органах существует проблема, заключающаяся в отсутствии единой базы данных. Чтобы получить информацию, например, о подозреваемом в совершении преступления, следователю необходимо обратиться в другие государственные органы для получения данной информации, поэтому видится необходимость в создании единой базы данных для нужд следственных органов. По нашему мнению, это значительно уменьшит количество затрачиваемого следователем времени на сбор необходимой информации.

Таким образом, научная организация труда следователя помогает уменьшить затраты времени при проведении следственных действий, способствует увеличению производительности труда, снижению физической и психологической нагрузки на следственного работника и, в конечном счете, влияет на качество предварительного расследования преступлений. Такая организация труда должна строиться на совокупности и взаимосвязи знаний в области криминалистики, общей теории организации и управления, и передового опыта.

[1]Лебедев М. Д., Саввоев С. А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. №7 (47). С. 75.

XII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья
УДК 343.164

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ СУДЕБНЫМИ ПРИСТАВАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кристина Алексеевна АБИБУЛАЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Kristinaabibulaeva@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, старший советник юстиции **Игорь Юрьевич МУРАШКИН,** igormurashkin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется состояние прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего законодательства и правоприменительной практики выдвигаются предложения по совершенствованию данного направления прокурорского надзора.

Ключевые слова: судебные приставы, органы прокуратуры, законодательство, надзор за исполнением законов, прокурорский надзор

Как правило, исполнение судебного решения — это показатель эффективности правосудия. От такого, насколько правильно и своевременно исполнен судебный акт, зависит и надлежащее восстановление нарушенных прав и свобод, законных интересов граждан и организаций. В настоящее время, в Российской Федерации полномочия по принудительному исполнению решений судов осуществляет компетентный орган исполнительной власти- Федеральная служба судебных приставов (далее — ФССП)[1].

Органам прокуратуры, несомненно, отводится центральная роль по осуществлению надзора за законностью деятельности указанной службы и

[1]Носков А. А. Проблемы прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами в Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 9. С. 141. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20955423 (дата обращения: 04.02.2026).

её территориальных подразделений. Справедливо будет отметить, что прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами является самым «молодым» и малоизученным направлением надзора за исполнением законов. Ввиду этого, деятельность прокуроров по надзору за исполнением законов ФССП и её территориальных подразделений имеет пробелы и нуждается в усовершенствовании. Как справедливо отмечено в литературе, необходимость подобного совершенствования деятельности прокуратуры «обусловлена как ростом количества исполнительных производств, так и сложностью задач, стоящих перед судебными приставами»[1]. Для того, чтобы выявить пробелы в деятельности прокуратуры по надзору за исполнением законов судебными приставами, необходимо проанализировать его составляющие.

Наиболее важными федеральными законами, в соответствии с которыми судебный-пристав исполнитель осуществляет свою деятельность, являются Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 21.07.1997 № 118-ФЗ; Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ. Что касается прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, то надзорная деятельность прокуроров на данном участке деятельности в общем виде регламентируется нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (Далее — ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»), абз. 5 п. 2 которого установлено, что «в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением законов судебными приставами»[2]. Кроме того, имеется Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 19 сентября 2022 г. № 521/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами», однако этого, по нашему мнению, недостаточно. Поскольку деятельность судебных приставов-исполнителей носит, как правило, смешанный характер: административный, выражающихся в обеспечении деятельности судов; исполнительный, касающийся взыскания долгов, ареста имущества; процессуальный — ведение исполнительного производств, то, следовательно, такое многообразие функций свидетельствует о необходимости осуществления должного правового регулирования надзорной деятельности органов прокуратуры за исполнением законов ФССП и её

[1]Солодовникова В. Д. Прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 120-4. С. 95-98. С. 98. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82340298 (дата обращения: 05.02.2026).

[2]Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

территориальных подразделений и законностью издаваемых ими правовых актов.

Следует отметить, что в настоящее время имеются проблемы в понимании самими прокурорами предмета надзорной деятельности по указанному направлению, что связано не только с отсутствием должного законодательного закрепления соответствующих положений, но и с недостаточно четким указанием задач в данной сфере на ведомственном уровне. Так, предметом рассматриваемого надзора, по мнению, И. С. Викторова, является «соблюдение Конституции России и исполнение федеральных законов всеми структурными подразделениями ФССП России; соблюдение судебными приставами прав и законных интересов физических и юридических лиц; законность издаваемых должностными лицами структурных подразделение ФССП России»[1]. По мнению автора, к предмету прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами следует отнести исполнение законов судебными приставами при осуществлении ими исполнительного производства, обеспечении установленного порядка деятельности судов, а также законность принимаемых правовых актов и решений. То есть, в данном случае прокурор надзирает за исполнением узкого перечня федеральных законов, на основании которых ФССП и ее территориальные подразделения осуществляют свою деятельность, тогда как в рамках надзор за исполнением законов прокурор надзирает за исполнением всего федерального законодательства. Ввиду этого, прокурорский надзор за исполнением законов судебными приставами имеет специфичный предмет, отличный от надзора за исполнением законов и законностью правовых актов.

Что касается полномочий прокурора за исполнением законов судебными приставами, то на прокурора, как правило, распространяются общие полномочия по надзору за исполнением законов, указанные в ст. 22 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Однако, отдельной статьи, закрепляющей полномочия прокурора по надзору за исполнением законов ФССП и её территориальных подразделений, нет. По мнению А. Ю. Винокурова, отсутствие в указанном федеральном законе отдельной главы «немаловажно, так как полномочия прокуроров, в соответствии со статьей 129 Конституции России должны быть отражены в федеральных законах»[2]. Кроме того, имеют место быть случаи, когда судебный пристав-исполнитель бездействует, либо систематически нарушает установленный законом порядок своей деятельности, что, безусловно, ведет к затягиванию сроков

[1]Викторов И. С. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А. Я. Сухарева. М.: Норма, 2009. С. 213.

[2]Винокуров А.Ю. Надзор за исполнением законов судебными приставами: отдельные вопросы теории и практики // Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры: избранные статьи. Москва. 2011. С. 290. URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/nii/2017/Винокуров%20А.Ю.%20Избранные%20статьи.%20Том%202.%20Итог.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

исполнительного производства. Ввиду этого, представляется целесообразным наделить прокурора полномочием давать судебному приставу-исполнителю письменные указания, а также наделить прокурора правом на внесение предложений о замене судебного пристава-исполнителя в конкретном производстве. По мнению автора, предложенные полномочия позволят прокурорам оперативно пресекать нарушения со стороны данного субъекта исполнительного производства и, как следствие, способствуют реальному исполнению судебных актов и защите прав граждан.

На основании всего выше сказанного, а также специфики рассматриваемого надзора, представляется целесообразным внести изменения в законодательство: включить в раздел III «Прокурорский надзор» Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» отдельную главу «Глава 3. Надзор за исполнением законов судебными приставами», закрепив в ней предмет надзора, полномочия прокурора, а также меры прокурорского реагирования на выявленные нарушения законов в деятельности судебных приставов. Кроме того, с целью усиления ведомственного контроля за деятельностью нижестоящих прокуроров по данному направлению прокурорского надзора, необходимо издать отдельный специализированных Приказ Генерального прокурора «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами», продублировав и обобщив в нем полномочия прокуроров на данном участке деятельности, который создать механизм исполнения органами прокуратуры предложенных для внедрения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» норм. Кроме того, видится разумным создать в прокуратурах субъектов отделы, наделенные полномочиями по надзору за исполнением законов судебными приставами, деятельность которых будет сконцентрирована на одном лишь указанном направлении, что позволит повысить его эффективность и обеспечить соблюдение законности в деятельности судебных приставов.

Таким образом, предложенные автором новации в организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами позволят расширить понимание прокуроров о предмете, задачах рассматриваемого надзора, а также окажут действенное воздействие на реализацию прокурорами своих полномочий по пресечению и недопущению нарушений в деятельности указанных субъектов.

Научная статья
УДК 340

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРОКУРОРОМ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ксения Алексеевна АБИБУЛАЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
abibulaeva2003@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Игорь Юрьевич МУРАШКИН,** igormurashkin@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена проблемам, возникающим у прокурорских работников при осуществлении полномочий в ходе ненадзорной деятельности – участии в рассмотрении дел судами в порядке административного судопроизводства. Автором выявлена и изучена проблематика, а также предложены изменения в федеральное законодательство.

Ключевые слова: прокурор, судопроизводство, права и свободы, КАС РФ

В российской правовой системе защиты субъективных прав, свобод и интересов человека и гражданина основополагающее значение приобретает государственная защита, включающая в себя функционирование внесудебных правозащитных механизмов[1]. Существенное значение в данном процессе имеют органы прокуратуры Российской Федерации (далее — РФ, Россия).

Учитывая специфику административного судопроизводства (далее — процесс), заключающуюся в неравном правовом положении субъектов спорных правоотношений, в которых, с одной стороны, выступает субъект, обладающий властно-распорядительными полномочиями, а с другой — гражданин или организация, не обладающие таковыми, представляется, что

[1]Москалева Г. И. Правовая основа участия прокурора в административном судопроизводстве // Молодые исследователи за устойчивое развитие. Петрозаводск. 2022. С. 45.

участие органов прокуратуры, как механизма, призванного обеспечить баланс прав сторон, является необходимым.

Правовое регулирование деятельности прокурора в административном судопроизводстве носит комплексный характер, поскольку нормы, непосредственно посвященные данному направлению прокурорской деятельности, регламентированы как на уровне федерального законодательства, так и регулируются положениями ведомственных правовых актов, относящихся к деятельности прокуроров в административном процессе.

Однако практическая реализация отдельных полномочий прокуроров сталкивается с определенными проблемами, требующими их анализа и дальнейшего разрешения.

Так, возможность обращения прокурора в защиту прав и законных интересов гражданина обусловлена особенностями, когда последний по ряду уважительных причин не может самостоятельно обратиться с заявлением в суд. Согласно ч. 1 ст. 39 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[1] (далее — КАС РФ, Кодекс). прокурору предоставляется возможность реализовать полномочие на обращение в суд с административным исковым заявлением в защиту интересов гражданина. К таковым относятся состояние здоровья гражданина, лишающего гражданина возможности самостоятельного обращения в суд, а также возраст и иные уважительные причины. Исключений из указанного перечня законодателем не предусмотрено.

Наряду с положениями гражданского процессуального законодательства, ученые-правоведы подвергают критике закрепленное в ст. 39 Кодекса ограничение прокурора, не подлежащее расширительному толкованию, на обращение с исковым заявлением лишь при наличии законодательно закрепленного перечня уважительных обстоятельств, при наличии которых самостоятельная защита нарушенных или оспариваемых прав стороной спорного правоотношения представляется невозможной. Например, О. В. Гречкина отмечает, что «функция надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, обязывающая прокурора вставать на защиту нарушенных прав, напрочь забыта. Между тем, учитывая специфику споров, целесообразно и уместно включение в КАС РФ положений, аналогичных тем, которые содержатся в ГПК РФ и позволяют прокурору в ряде случаев обращаться в защиту интересов граждан по их просьбе вне зависимости от ограничений»[2].

---

[1]Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Гречкина О. В. Полномочия прокурора в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 73.

Поскольку по правилам КАС РФ разрешаются дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, в рамках которых одна из сторон спорного правоотношения реализует предоставленные административные и иные властные полномочия, представляется, что такое неравенство в указанной сфере лишь подчеркивает первостепенную необходимость защиты прав более уязвимой стороны процесса, поскольку такая ситуация ставит гражданина, защита прав и свобод которого является обязанностью государства, в менее защищенное положение.

Несмотря на схожесть гражданского и административного судопроизводств, необходимо отметить невозможность полноценного заимствования положений гражданского процессуального законодательства.

Так, Пленум Верховного Суда РФ, будучи органом, обеспечивающим правильное и единообразное применение законов, разъясняя вопросы применения Кодекса, указал, что порядок рассмотрения судами дел по правилам КАС исключает производство по следующим категориям: «дела, связанные с доступом и прохождением различных видов государственной службы, муниципальной службы, а также дела, связанные с назначением и выплатой пенсий, реализацией гражданами социальных прав, дела, связанные с предоставлением жилья по договору социального найма, договору найма жилищного фонда социального использования, договору найма специализированного жилищного фонда, экономические споры и другие дела, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и отнесены законом к компетенции арбитражных судов»[1].

В научной литературе оспаривается тот факт, что споры, возникающие в связи с нарушением социальных прав граждан, не могут быть предметом рассмотрения административного судопроизводства. Согласно Конституции Российской Федерации, российское государство является, в первую очередь, социальным, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Представляется обоснованным, что именно государство должно занимать активную позицию в обеспечении социальных прав граждан, что подразумевает эффективную судебную и административную защиту социальных прав граждан. В связи с этим, представляется разумным включить категорию прав граждан, в которых одной из сторон выступает представитель власти, в качестве исключения из иных названных категорий ч. 1 ст. 39 КАС РФ для

[1]См.: п. 1 О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обращения прокурора в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан.

Необходимо отметить позицию Верховного Суда РФ, согласно которой прокурор при осуществлении надзорной деятельности вправе обратиться в защиту прав и законных интересов лишенных свободы лиц, с административным исковым заявлением, содержащим требование о соблюдении условий их содержания, например об обеспечении минимальными нормами питания, о надлежащем материально-бытовом обеспечении[1].

С учетом изложенного, предлагается изложить ч. 1 ст. 39 Кодекса в следующей редакции: «1. Прокурор вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами. Административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого является к нему обращение граждан о защите нарушенных или оспариваемых прав по делам, связанным с исполнением уголовного наказания, избирательных прав, охраны здоровья, включая медицинскую помощь».

Данная модернизация позволит органам прокуратуры реагировать на большее количество правонарушений, допущенных со стороны органов власти, повлекших нарушения прав граждан, что в контексте конституционной обязанности со стороны государства будет способствовать эффективной защите прав менее защищенной стороны спорного правоотношения.

[1]См. п. 7 О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47 (ред. от 09.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 347.963

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДОЗНАНИЕ

Карина Александровна АМАРОВА[1], Вероника Романовна КАРПИНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] amarinka09@mail.ru
[2] v.carpina@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции, **Игорь Юрьевич МУРАШКИН,** igormurashkin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные полномочия прокурора в отношении органов, осуществляющих дознание, анализируются положения закона и правоприменительной практики.

Ключевые слова: органы, осуществляющие дознание, прокурор, полномочия прокурора по отношению к органам, осуществляющими дознание

По замыслу Императора Петра I прокуратура создавалась как «око государево», основной задачей которого было — «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония»[1], то есть для обеспечения исполнения законодательства того времени.

В Положении о прокурорском надзоре, принятом постановлением ВЦИК от 28 мая 1922 года[2] правоприменитель, определив роль прокуратуры, соответствующую советскому государству, закрепил за ней надзор за дознанием и предварительным следствием. Анализ правовых документов советского времени дает основания утверждать, что за прокурором закреплялись достаточно широкие полномочия в отношении как дознавателей, так и следователей.

Изначально полномочия прокурора не дифференцировались в зависимости от формы, вида или этапа расследования и были едины для органов

[1] О создании прокуратуры Российской Империи: Указ Петра I от 12 января 1722 года. // [Электронный ресурс] URL: https://archportal.nso.ru/dokumenty-i-fayly/ukaz-petra-i-o-sozdanii-prokuratury-rossiyskoy-imperii/ (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Положение о прокурорском надзоре: Постановление ВЦИК СССР от 28 мая 1922 года Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

следствия и дознания. Однако с принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура лишилась значительного объема полномочий в отношении следственных органов, в целом сохранив руководящие полномочия применительно к органам дознания.[1]

Обратившись к положению ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), можно отметить, что прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия[2]. В других частях указанной статьи перечислены конкретные полномочия прокурора по отношению к дознавателям.

Анализ этих полномочий и правоприменительной практики позволяет утверждать, что роль прокуратуры при осуществлении надзора за органами, осуществляющими дознание по уголовным делам, способствует уменьшению процессуальных недочетов в их деятельности, а также своевременному реагированию органов прокуратуры на выявленные нарушения или ущемление прав граждан.

1. Проверка исполнения требований закона при приеме, регистраций и разрешении сообщений о преступлении. Начальным моментом возникновения уголовно-процессуальных правоотношений в стадии возбуждения уголовного дела является поступление в компетентные правоохранительные органы сообщения о совершенном или готовящемся преступлении.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2023 № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» (далее — приказ), предписывает «организовывать, обеспечивать и осуществлять постоянный и действенный надзор за неукоснительным исполнением органами дознания и предварительного следствия требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях».[3]

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федеральный закон от 05 июля 2007 № 87-ФЗ: текст в последней реакции. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 20 февраля 2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия: Указ Генерального прокурора Российской Федерации от 23 октября 2023 № 730: текст в последней реакции. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На практике такое полномочие должно реализовываться в полном объеме, так как своевременное предупреждение, выявление и устранение нарушений закона в деятельности органов дознания напрямую влияет на уровень и качество обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, а также способствует пресечению новых преступлений.

В качестве примера реализации этого полномочия можно привести материалы доследственной проверки заявлений А. о наличии в действиях Б. признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 159, 165, 174.1-175, 177 УК РФ, где дознавателем неоднократно выносились незаконные и необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись прокуратурой в связи с неполнотой проведенной проверки. Кроме этого, прокуратурой установлены нарушения порядка уведомления граждан по обращениям, рассматриваемым первоначально на основании Инструкции об организации рассмотрения граждан в системе МВД РФ. В связи с этим, прокурором вынесено представление об устранении нарушений федерального законодательства, которое рассмотрено, выявленные нарушения устранены, виновные должностные лица органа дознания привлечены к дисциплинарной ответственности.[1]

Таким образом, в целях недопущения подобных проблем, прокурору необходимо иметь возможность систематически проверять имеющиеся материалы.

2. *Дача письменных указаний о направлении расследования, производстве следственных действий.* Полномочие прокурора давать дознавателю указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий, с одной стороны, представляет собой способ процессуального руководства организацией проведения дознания, с другой — является средством принятия мер к полному и объективному проведению расследования.

Внесенные в законодательство изменения не только сузили полномочия прокурора при производстве предварительного следствия, но и создали некую почву для возможности сокращения полномочий прокурора по процессуальному руководству дознанием, что подтверждается острыми дискуссиями в научной среде о необходимости уменьшения объема полномочий прокурора при производстве дознания. В частности, А. В. Спирин полагает, что следует расширить процессуальную самостоятельность дознавателя, освободив его от необоснованной «прокурорской опеки»[2], В. В. Ситник предлагает исключить право прокурора на дачу письменных указаний

[1] Апелляционное постановление №22-571/2020 22К-571/2020 от 25 августа 2020 г. по делу № 3/10-46/2020 // [Электронный ресурс] URL: https: https://sudact.ru/regular/doc/39jDlKw9m9WV/?ysclid=mmnqern1dz590027779 (дата обращения: 11.03.2026).

[2] Спирин А.В. Процессуальная деятельность органов дознания. Есть ли необходимость в «прокурорской опеке»? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 58.

дознавателю о направлении расследования и производстве процессуальных действий, передав указанные полномочия начальнику органа дознания[1]. Кроме того, ряд авторов отстаивает идею необходимости расширения полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания[2].

Другой точки зрения придерживается профессор О. В. Химичева, считая, что «расширение процессуальных полномочий начальника подразделения дознания не должно приводить к ущемлению прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания, который функционирует как самостоятельная, независимая от поднадзорных ведомств система, а возможное дублирование полномочий начальника подразделения дознания и прокурора лишь послужит укреплению законности и более надежным гарантиям прав граждан».[3]

Это мнение подтверждается примерами правоприменительной практики. Так, дознавателем г. Энска в отношении гражданина П. возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 157 УК РФ, по факту злостной неуплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетнего ребенка. Однако длительное время необходимые следственные и иные процессуальные действия, направленные на своевременное окончание дознания, не проводились. В связи с этим прокурором были даны указания выполнения следующих действий: уведомить гражданина П. о возбуждении уголовного дела, получить на него характеризующие сведения, признать потерпевшей гражданку П., допросить ее в качестве потерпевшей по обстоятельствам дела и др. В результате своевременного вмешательства прокурора уголовное дело в установленные законом сроки направлено в суд для рассмотрения по существу.[4]

Таким образом, следует сделать вывод, что указание прокурора дознавателю носит превентивный характер, помогает полно и объективно расследовать уголовное дело, правильно выбрать тактику и методику расследования, что делает его необходимым полномочием для обеспечения законности производства дознания.

---

[1] Ситник В. В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 190.

[2] Наметкин Д. В., Серкова Т. В. Процессуальное положение и полномочия дознавателя, начальника подразделения дознания в уголовно-процессуальном законодательстве России // Юридическая наука и правоохранительная практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 68.

[3] Химичева О. В. О совершенствовании правовой регламентации дознания в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 8.

[4] Указание дознавателю о направлении расследования по уголовному делу (Книга под общ. ред. Буксмана А. Э., Капинус О. С. Образцы документов прокурорской практики: практич. Пособие. – «Издательство Юрайт», 2014 г.: // [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/57570177/ (дата обращения: 12.03.2026).

3. Одними из наиболее важных прокурорских полномочий являются те, которые связаны с *дачей согласия на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмены или изменения меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, а также участие в данном судебном процессе.* Примерами распространенности реализации данного полномочия на практике являются многочисленные факты избрания меры пресечения, связанные с изоляцией от общества лиц, обвиняемых в совершении преступлений.

Например, Райчихинский городской суд Амурской области отказал в удовлетворении ходатайства дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Г., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ. Вывод о невозможности применения в отношении Г., совершившего преступление средней тяжести, более мягкой меры пресечения дознаватель обосновал тем, что ранее судимый подозреваемый по месту жительства характеризуется отрицательно, не женат, не работает, склонен к совершению преступлений. По мнению органа дознания, подозреваемый Г. на путь исправления не встал и, оставаясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью.

Однако прокурор в судебном заседании не согласился с данной мерой пресечения, аргументируя свою позицию тем, что продолжение преступной деятельности для преступлений средней тяжести не является основанием для такой меры пресечения как содержание под стражей, и привел другие основания, благодаря чему суд изменил меру пресечения на домашний арест.

4. Утверждение обвинительного акта или обвинительного постановления по уголовному делу. Именно в обвинительном акте дознаватель квалифицирует содеянное в соответствии с УК РФ и приводит доказательства по делу, подтверждающие вину обвиняемого, а прокурор, в свою очередь, проверяет и утверждает данный документ и направляет дело уже в суд.[1]

Подводя итог, стоит сказать, что круг прокурорских полномочий обусловлен прежде всего необходимостью постоянного взаимодействия с органами дознания. В связи с чем, следует расширить полномочия в сфере составления обвинительного акта и изменить формулировку п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ на «самостоятельного изменения объема обвинения либо квалификации…» Всё это будет способствовать процессуальной экономии. Прокурору как надзирающему органу необходимо осуществлять всестороннюю и тщательную проверку всех процессуальных и иных документов, подготов-

[1] Семенов Е. А., Моругина Н. А. Обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление: понятие, отличия, задачи // Вестник Воронежского института МВД России № 3. С. 284—289.

ленных дознавателями. В свою очередь, дознаватели обязаны в полном объеме исполнять свои обязанности и не допускать процессуальных и иных нарушений.

Научная статья
УДК 347.962

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Анна Сергеевна БЕЛОУСОВА[1], Кира Николаевна ФАЛЬКОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] abelousova2909@gmail.com
[2] kirafalkova270905@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Игорь Юрьевич МУРАШКИН**, igormurashkin@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется система конституционно-правовых и специально-отраслевых принципов организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации как правовая основа функционирования единой федеральной централизованной системы. Уделяется внимание выделению и обоснованию специально-отраслевых принципов, которые, несмотря на отсутствие легального закрепления в профильном федеральном законе, играют ключевую роль в практической реализации прокурорских функций.

Ключевые слова: принципы, органы прокуратуры, организация, деятельность

Прокуратура Российской Федерации занимает особое место в системе государственно-правовых институтов, выступая гарантом верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Организация и деятельность органов прокуратуры основывается на определенных принципах, закрепленных в Конституции Российской Федерации[1] (далее — Конституция РФ),

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 4 Федерального закона от 17.01.1992 №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[1], организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации и в доктрине дисциплины «Прокурорский надзор».

Именно принципы служат основой для объединения всей системы органов прокуратуры, придавая ей статус единой федеральной централизованной системы. В юридической науке под принципами понимаются основные исходные положения, в соответствии с которыми строятся и функционируют органы прокуратуры[2]. То есть принципы — это основополагающие правовые идеи, определяющие сущность и предназначение федеральной централизованной системы органов прокуратуры.

Существует большое количество классификаций принципов организации и деятельности прокуратуры, однако особый научный и практический интерес представляет классификация на конституционно-правовые и специально-отраслевые. Конституционно-правовые принципы закреплены в Конституции РФ и определяют место, роль прокуратуры в механизме разделения властей, ее конституционный статус и взаимоотношения с иными органами государственной власти.

Их можно выделить из определения, представленного в ст. 129 Конституции РФ. Так, прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Соответственно, к ним относятся принципы законности, единства и централизации, независимости, гласности.

В свою очередь, принципы, которые, базируясь на конституционных основах, детализируют и наполняют конкретным содержанием различные направления прокурорской деятельности, внутриорганизационное построение системы и правовой статус прокурорских работников, называют специально-отраслевыми.

В отличие от конституционных принципов, задающих общие параметры функционирования прокуратуры в системе разделения властей, специальные принципы выступают в качестве непосредственного инструмента, обеспечивающего практическую реализацию возложенных на прокуратуру функций. Они закреплены не только в профильном Федеральном законе

[1]О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор : учебник для вузов / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров ; под редакцией Ю. Е. Винокурова. 18-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 28.

«О прокуратуре Российской Федерации», но и развиваются в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора РФ. Соответственно, в данном Федеральном законе перечислены следующие принципы:

Во-первых, единство и централизация системы, который проявляется в том, что деятельность прокуратуры основана на принципе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ.

Во-вторых, независимость. Под ней понимается, что органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, органов местного самоуправления, общественных объединений и в строгом соответствии с действующим на территории Российской Федерации законодательством.

В-третьих, гласность. Органы прокуратуры действуют гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об охране прав и свобод граждан, а также законодательству о государственной и иной специально охраняемой законом тайне. Кроме того, в ст. 5 Федерального закона определяются, своего рода, пределы гласности, обеспечивая баланс между открытостью деятельности и необходимой конфиденциальностью.

В-четвертых, информативность. Так, органы прокуратуры информируют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы публичной власти федеральных территорий, органы местного самоуправления, а также население о состоянии законности.

Однако, перечень специально-отраслевых принципов намного шире. В рамках нашего исследования, мы выделили несколько важных принципов, исходящих из практической деятельности органов прокуратуры, но которые не нашли отражение в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». На наш взгляд, к таковым следует отнести:

1) *приоритетность прав и свобод человека.* Данный принцип вытекает из ст. 2 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека являются высшей ценностью. Данное положение предопределяет направление деятельности прокуратуры, которое заключается в непосредственной защите прав человека. Так, по мнению С. И. Герасимова, «прокурорский надзор охватывает защиту всего комплекса прав и свобод, установленных Конституцией Российской Федерации»[1].

[1]Деятельность прокуратуры Российской Федерации по защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства (Сухаревские чтения): сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 окт. 2019 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус; [науч. ред. А. Ю. Винокуров; сост. И. А. Васькина и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2020. С. 13.

Кроме того, именно ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», определив приоритеты, позволяет прокуратуре осуществлять надзор за соблюдением основных прав и свобод человека и гражданина, признаваемых и гарантируемых в Российской Федерации в качестве высшей ценности. Это означает, что прокурор, выявляя нарушения закона, обязан принимать меры реагирования, способствующие реальному обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина. Иначе говоря, данный принцип является не только конституционно-определенной функцией органов прокуратуры, но и в целом выступает ориентиром организации и деятельности прокуратуры.

2) *принцип оперативности.* Он заключается в быстром и эффективном реагировании со стороны прокуратуры на нарушения закона, и незамедлительное принятия мер к их устранению, а также предупреждению. Ярким примером такой деятельности является проведение проверок по факту происшествий.

В деятельности прокуратуры необходима оперативность, так как любое промедление в работе прокуратуры может привести к негативным последствиям, таким как истечение сроков давности привлечения к ответственности, продолжение противоправных действий, причиняющих вред обществу и государству. Поэтому такой принцип встречается в различных действиях прокурорского работника, например, в проведении надзорных мероприятий, таких как проверки, где быстрота реагирования позволяет выявить нарушения, которые при промедлении могут быть скрыты.

3) принцип *межведомственного взаимодействия*. Эффективность надзорной деятельности прокуратуры во многом зависит от правильного взаимодействия с иными органами, как правопорядка, так и государственной власти. Основополагающим организационно-распорядительным документом в такой области является приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28 октября 2025 г. № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления»[1], в котором указывается, что такое взаимодействие происходит через «полное поступление и изучение проектов нормативных правовых актов, участие органов прокуратуры в их обсуждении в составе рабочих групп, комиссий и на заседаниях органов государственной власти и органов местного самоуправления».

Одной из основополагающей форм взаимодействия является координационная деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью, которая ре-

[1]Приказ Генпрокуратуры России от 28.10.2025 № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ализуется через систему совместного планирования мероприятий с территориальными органами МВД, проведение координационных совещаний руководителей, выработку единых подходов к квалификации преступлений и обмен оперативно значимой информацией, что позволяет своевременно выявлять и пресекать не только уже совершенные, но и готовящиеся преступления.

4) *принцип превентивности*. Превентивность — это деятельность, направленная на предупреждение нежелательных явлений до их фактического наступления. В нашем случае, это принцип деятельности органов прокуратуры, выражающийся в приоритете мер по выявлению, предупреждению и устранению причин и условий нарушений законодательства до их непосредственного совершения. Иначе говоря, органы прокуратуры осуществляют, своего рода, профилактику правонарушений.

Следует сказать, что сам по себе принцип может раскрываться в нескольких формах. Так, Т. В. Раскина утверждает, что профилактика является неотъемлемой частью прокурорского надзора, которая реализуется посредством правового просвещения населения, координационной работы, надзорной практики прокуроров и вынесения предостережений о недопустимости нарушений закона[1]. Отличным примером повышения уровня правовой грамотности является программа «Прокурор разъясняет», благодаря которой распространяются знания о праве и формируется позиция необходимости соблюдения законодательства. Соответственно, осуществляя подобную деятельность, органы прокуратуры предотвращают возможные нарушения закона.

5) *принцип многофункциональности*. На наш взгляд, под многофункциональностью стоит понимать способность органов прокуратуры одновременно реализовывать несколько направлений деятельности, причем не ограничиваясь исключительно надзорным. Более углубленно данный принцип рассматривает Е. А. А. Алева-Герман, которая определяет многофункциональность прокуратуры, как «свойство посредством единой организационной структуры и путем реализации своих полномочий системно реализовывать ряд функций для достижения единой цели — исполнения своего предназначения в государственном механизме»[2].

Кроме того, по мнению Е. А. А. Алева-Герман, «прокуратура же как система обладает многофункциональностью, что создает предпосылки для дальнейшей ее модернизации с целью повышения эффективности работы»[3].

---

[1]Раскина Т. В. Профилактика прокурорами правонарушений // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 9(75). С. 63.

[2]Алева-Герман Е. А. А. Многофункциональность прокуратуры Российской Федерации как принцип ее организации и деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4(137). С. 176.

[3]Алева-Герман Е. А. А. Многофункциональность прокуратуры Российской Федерации: сущность, характерные черты // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 3(83). С. 51.

Иными словами, многофункциональность — это, в том числе, ресурс для наибольшей эффективности работы прокуратуры.

Также, принцип многофункциональности предопределяется в положениях законодательства. В статье 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» раскрываются виды деятельности органов прокуратуры, которые, как мы сказали ранее, не заключаются лишь в осуществлении надзора. Так, можно сказать, что многофункциональность — это не только характеристика деятельности, но и самостоятельный принцип организации деятельности прокуратуры.

Подытожив вышесказанное, можно сказать, что конституционно-правовые и специально-отраслевые принципы образуют, своего рода, фундамент, на котором строится повседневная, многоаспектная деятельность прокуратуры, обеспечивая ее непосредственную эффективность. Однако, на данный момент, множество упомянутых нами принципов отсутствует в нормативно-правовых актах. Необходимость легального закрепления, в том числе, доктринальных принципов заключается в том, что они обуславливают содержание, структуру и организационные формы деятельности органов прокуратуры.

Научная статья
УДК 347.963

ПРЕДЕЛЫ ОСВЕЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РОЛЬ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОРРЕКТНОСТИ

Ирада Джаваншировна ИБРАГИМОВА[1], Камилла Анатольевна КОНДРАТЬЕВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] Ibragimovairada250@gmail.com
[2] kamillakondrateva897@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Игорь Юрьевич МУРАШКИН,** igormurashkin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются вопросы освещения деятельности органов прокуратуры в средствах массовой информации. Авторы пришли к выводу о том, что современное информационное пространство России, характеризующееся ростом числа СМИ и усилением влияния интернета на общественное сознание. Кроме того, рассматриваются проблемы «диффамации», отсутствия легального закрепления данного термина в отечественном законодательстве и различные подходы к его определению в научной среде создают проблемы для защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и организаций, включая органы прокуратуры. Обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия диффамации, а также определяются основные направления прокурорского надзора в информационной сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор, средства массовой информации, пределы освещения, диффамация, направление деятельности прокурорского надзора в сфере информационных технологий и защиты информации

Современное информационное пространство Российской Федерации отличается устойчивой тенденцией к увеличению числа зарегистрированных средств массовой информации (далее — СМИ). По данными Перечня наименований зарегистрированных СМИ, опубликованными на официальном сайте Роскомнадзора, по состоянию на 2026 год в реестре значится 156 948 СМИ[1]. Для сравнения: в 2021 году в реестре Роскомнадзора значились 149 288 зарегистрированных СМИ, из которых действующими были только 61 576[2].

На сегодняшний день, можно утверждать, что СМИ превратились в инструмент формирования общественного сознания, способный оказывать существенное влияние на все сферы социальной жизни. В дополнение к комплексу классических средств массовой информации (печать, радио, телевидение) все более значимую роль играет информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» (далее — «Интернет»), которая выступает катализатором количественных изменений в медиасреде.

В связи с увеличением количества зарегистрированных и действующих СМИ большое значение приобрела такая проблема, как защита от диффамации, т.е. распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Примечательно, что сам термин «диффамация» (от лат. «diffamāre» — разглашать, порочить, лишать доброго имени; лат. «famā» —

[1] Перечень наименований зарегистрированных сми // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-founders/media/ (дата обращения: 26.03.2026).

[2] Средства массовой информации России // РУВИКИ [Электронный ресурс]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Средства_массовой_информации_России (дата обращения: 26.03.2026).

репутация) в его современном правовом значении стал относительно новым понятием, которое используется в ряде зарубежных стран, в частности, Франции, Республике Корея, Пакистане, Японии[1]. В отечественном законодательстве данный термин не имеет легального закрепления, хотя активно используется в научной и учебной литературе. С точки зрения законодателя, диффамация сопоставима с клеветой (ст. 128.1 УК РФ), так как наказуемым деянием является именно распространение заведомо ложных сведений, наносящих ущерб чести и достоинству гражданина или подрывающих его репутацию. Распространение же правдивых, хотя и компрометирующих сведений, напротив, не рассматривается как уголовно наказуемое действие.

Однако в научной среде существует иная точка зрения. Так, профессор М. А. Ковалев, юрист Г. М. Резник, полагают, что под термином «диффамация» следует понимать распространение только правдивых нелицеприятных или сомнительных для репутации, чести и достоинства сведений о физических и юридических лицах[2]. Иной позиции придерживаются профессор А. М. Эрделевский и доктор исторических наук Д. А. Самородов, относя к диффамации распространение любых порочащих сведений, вне зависимости от степени их достоверности[3].

Представляется обоснованной позиция авторов, которые считают, что понятие «диффамация» должно охватывать не только распространение заведомо ложных сведений, но и распространение правдивой, однако компрометирующей информации о человеке или организации. Такой подход отражает реальную природу, поскольку вред репутации может быть причинен даже достоверными, но нелицеприятными фактами.

Отметим, что отсутствие легального определения «диффамация» (в отличие от клеветы) приводит к тому, что журналисты, блогеры и граждане, публикующие правдивые, но нелицеприятные факты о работе представителей органов власти, не могут быть привлечены к уголовной ответственности за клевету, поскольку распространяемые сведения соответствуют действительности.

Для устранения правовых коллизий и единообразного применения норм необходимо закрепить легальное определение диффамации в законодательстве. Это позволит, в свою очередь, разграничить распространение заведомо ложных или же достоверных, но компроментирующих сведений, установить ответственность с учетом характера распространенной информации, а также эффективнее защищать честь, достоинство и деловую репутацию граждан и юридических лиц.

---

[1] Эдилова Х. В. Диффамация в зарубежных странах на примере уголовного законодательства России, Швеции и Республики Корея // Евразийская адвокатура, 2018. №3 (34). С. 98—101.

[2] Эдилова Х. В. История развития понятия диффамации // Пробелы в российском законодательстве, 2017. №2. С. 715—717.

[3] Шабанов Д. С. Понятие диффамации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки, 2010. №3. С. 224—227.

С явлением диффамации могут столкнуться не только граждане и организации, но и органы прокуратуры. В своей деятельности прокуроры часто становятся объектами распространения сведений, порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию, в том числе в средствах массовой информации или публичных выступлениях. Такие ситуации могут возникать как в связи с исполнением служебных обязанностей, так и по иным причинам.

При этом распространение не только заведомо ложной, но и правдивой, но компрометирующей информации способно нанести ущерб авторитету прокуратуры как института, подорвать доверие общества к деятельности сотрудников и затруднить выполнение их функций. В данном случае правовая неопределенность понятия «диффамация» приобретает не только теоретическое, но и практическое значение для ведомства, призванного обеспечивать законность.

В качестве примера приведем ситуацию, получившую общественный резонанс. В официальном сообществе «Фонтанки» во «ВКонтакте» было опубликовано видео с участием заместителя прокурора Петроградского района Санкт-Петербурга Александра Томова, который садился за руль автомобиля в нетрезвом состоянии. После начала публичного обсуждения сотрудник написал заявление об увольнении по собственному желанию. Очевидцы сообщали о заказе алкоголя в клубе, однако данная версия была опровергнута чеком из бара[1].

Данный случай демонстрирует, как распространение достоверных, но компроментирующих сведений способно повлиять, в первую очередь, на общественную оценку деятельности должностных лиц, а конечном итоге создает негативное мнение в отношении органа публичной власти, где такое лицо проходит службу.

Освещение деятельности прокуратуры в средствах массовой информации регулируется соответствующим законодательством и ведомственными актами, которые устанавливают грань между принципом гласности и требованиям достоверности информации.

Согласно п. 1.3. приказа Генерального Прокурора России от 17.05.2018 № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью», органы прокуратуры обязаны систематически информировать население через официальные интернет-представительства органов прокуратуры, информационные агентства, печать, радио и телевидение о состоянии законности и правопорядка. При этом распространяемые сообщения должны быть выверенными, объективными и не содержать

[1]«Севший за руль после стакана виски прокурор уволился по собственному желанию» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-18901857_1034413 (дата обращения: 20.03.2026).

информации ограниченного доступа, в том числе конфиденциального характера[1].

Существующие ограничения на освещение деятельности прокуратуры обусловлены необходимостью защиты прав и свобод граждан. Так, не допускается разглашение сведений, нарушающих право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну[2], а также разглашение критических материалов, так согласно ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» не допускается разглашение материалов проводимых прокурорских проверок до их завершения[3].

Можно сказать, что в информационной среде, связанной с деятельностью прокуратуры, устанавливается особая правовая обстановка, в которой гласность не должна оборачиваться нарушением закона, что может достигаться средствами прокурорского надзора, выступающий гарантом соблюдения установленных ограничений и в информационной среде дополняет механизмы обеспечения законности при распространении информации и самозащиты органов прокуратуры от диффамации.

В связи с этим стоит определить основные направление деятельности прокурорского надзора в сфере информационных технологий и защиты информации.

Во-первых, это проверка соблюдения законодательства государственными органами, органами местного самоуправления и организациями при создании, эксплуатации и защите информационных систем, осуществляется через комплекс мер, включая нормативные акты, контрольные мероприятия и реагирование на инциденты. Так, например, в рамках реализации данного направления прокуратура активно использует информационные системы для координации деятельности (Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, для мониторинга проверок и предотвращения дублирования мероприятий, а также системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), для обмена данными с другими органами государственной власти).

Во-вторых, противодействие противоправному контенту в интернете, включая экстремистские материалы, пропаганду насилия, наркотиков, а также мошеннические ресурсы. Например, согласно ст. 15.3 Федерального

---

[1] О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью: Приказ Генпрокурора России от 17.05.2018 г. № 296: текст с изм. и доп. на 22.04.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями на 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29.12.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители обращаются в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию[1].

В-третьих, оценка действий должностных лиц при выявлении инцидентов и принимают меры реагирования, включая привлечение к ответственности. Например, в первом полугодии 2025 года прокуратура направила в Роскомнадзор 49 требований о блокировке свыше 11,8 тыс. ресурсов, распространявших поддельные документы[2].

Таким образом, анализ современного информационного пространства России свидетельствует о его динамичном развитии и возрастающей роли интернета. В этих условиях особую остроту приобретает проблема диффамации. Отсутствие легального закрепления данного понятия в отечественном законодательстве порождает правовую неопределенность, особенно в части распространения достоверных, но компрометирующих сведений. Разрешение данной коллизии имеет важное практическое значение, в том числе для органов прокуратуры, поскольку публикация правдивых, но порочащих репутацию органа государственной власти фактов способна нанести ущерб авторитету государственных институтов. В связи с этим необходимо законодательно закрепить понятие «диффамации» для разграничения правомерного распространения информации и злоупотребления свободой слова, а также для повышения эффективности прокурорского надзора как гаранта соблюдения баланса между гласностью и защитой чести, достоинства и частной жизни.

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ: текст с изм. и доп. на 29.12.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кипкаев О. В., Горошко И. В. Первоосновы прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере информационных технологий и защиты информации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. №5. С. 67.

Научная статья
УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Ксения Андреевна ИВАНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ivanova.ksenia2003@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Анна Юрьевна СЕРГЕЕВА**, annichenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы организации и осуществления прокурорского надзора в сфере здравоохранения. Автором анализируются теоретико-правовые подходы к определению объектов надзора в указанной сфере, выявляется их многообразие и отсутствие законодательной конкретизации. Особое внимание уделяется проблеме взаимодействия органов прокуратуры с некоммерческими организациями. На основе проведенного анализа формулируются конкретные предложения, направленные на повышение эффективности прокурорского надзора и совершенствование законодательства в данной области.

Ключевые слова: прокурорский надзор, сфера здравоохранения, объекты прокурорского надзора, некоммерческие организации, права граждан на охрану здоровья

Современное состояние системы здравоохранения Российской Федерации характеризуется сложностью и нестабильностью, что объективно порождает многочисленные нарушения в деятельности органов государственной власти, учреждений здравоохранения и иных организаций. Прокуратура Российской Федерации выступает ключевым институтом, обеспечивающим защиту конституционных прав граждан на охрану здоровья. Реализуя полномочия прокурорского реагирования, органы прокуратуры выявляют, пресекают и устраняют нарушения законодательства, а также способствуют восстановлению нарушенных прав. Эффективность реализации надзорных функций в данной сфере напрямую зависит от наличия четкой организационной структуры и слаженности межведомственного взаимодействия.

Как справедливо отмечает С. И. Герасимов, недооценка прокурором значимости организации надзора в большинстве случаев влечет за собой различные ошибки[1]. Именно организация надзора является основополагающим инструментом, определяющим вектор достижения поставленных целей в ходе любой проверки.

Одним из дискуссионных и практически значимых вопросов является определение круга объектов прокурорского надзора за соблюдением прав граждан в сфере здравоохранения. В теории прокурорского надзора отдельные ученые отождествляют понятия предмета и объектов надзора[2]. Однако большинство исследователей обоснованно разграничивают данные категории, не включая объекты в содержание предмета надзора[3].

Выделение четкого круга объектов в каждом направлении надзорной деятельности имеет принципиальное значение, поскольку позволяет наиболее эффективно организовать надзор и добиться высоких результатов. В научной литературе сложились различные подходы к определению того, что следует понимать под объектами прокурорского надзора. Их можно условно классифицировать на три группы. Представители первой группы относят к объектам действия и решения поднадзорных органов. Вторая группа исследователей рассматривает в качестве объектов сами органы и организации, то есть «поднадзорные» субъекты. Третья, наиболее распространенная группа, объединяет оба подхода, включая в понятие объекта как поднадзорные органы и организации, так и их действия и решения.

Так, профессор Б. М. Спиридонов полагает, что объектом прокурорского надзора выступает точное исполнение законов[4]. М.Н. Маршунов считает, что в качестве объекта следует рассматривать поведение субъектов правоотношения с учетом элементов и содержания прокурорско-надзорных правоотношений[5].

Как уже отмечалось, преобладающим является комплексный подход. А. А. Чувилев, поддерживая данную позицию, относит к объектам надзора как органы, организации и должностных лиц, так и их деятельность по исполнению законов[6]. На взгляд автора, наиболее логичной и практически

---

[1]Организация работы городской (районной) прокуратуры: метод. пособие / под общ. ред. С. И. Герасимова. М., 2001. С. 3—4.

[2]Долежан, В. В. Проблемы компетенции прокуратуры: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 36.

[3]Берензон, А. Д. Основные направления совершенствования общего надзора советской прокуратуры: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. С. 47; Басков, В. И. Курс прокурорского надзора: учеб. для вузов. М., 1988. С. 117; Березовская, С. Г. Прокурорский надзор в советском государственном управлении. М., 1954. С. 51—56.

[4]Спиридонов Б. М. Понятие отрасли прокурорского надзора / Совершенствование прокурорского надзора в СССР: сб. статей. М.: Министерство юстиции СССР, 1973. С. 83—91.

[5]Маршунов М. Н. Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1991. 128 с.

[6]Чувилев А. А., Чувилев, Ан. А. Прокурорский надзор: Вопросы и ответы. М.: Новый юрист, 1999. 136 с.

применимой представляется точка зрения, определяющая в качестве объектов надзора круг учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц, на которые распространяется то или иное направление надзорной деятельности прокурора.

Исходя из толкования ст. 72 Конституции Российской Федерации[1] и главы 3 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], можно заключить, что система органов здравоохранения включает федеральные, региональные и муниципальные органы исполнительной власти.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить следующие группы объектов прокурорского надзора в рассматриваемой сфере:

Органы, не наделенные властными полномочиями: органы управления и должностные лица коммерческих организаций (медицинские учреждения, оказывающие платные услуги; страховые медицинские организации; фармацевтические организации) и некоммерческих организаций (государственные и муниципальные учреждения здравоохранения).

Органы, наделенные властными полномочиями в сфере охраны здоровья:

Федеральные органы: Министерство здравоохранения РФ, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, Федеральная служба по труду и занятости и др.;

Региональные органы: департаменты, министерства, комитеты по здравоохранению субъектов РФ;

Муниципальные органы: муниципальные органы управления здравоохранением.

Проведенный анализ объектов прокурорского надзора свидетельствует об их значительном многообразии и отсутствии законодательно закрепленного перечня, что создает определенные сложности в правоприменительной практике. Представляется целесообразным разработать и нормативно закрепить единый перечень поднадзорных объектов в сфере здравоохранения. Это позволит систематизировать деятельность органов прокуратуры, повысить ее эффективность и обеспечить единообразный подход к осуществлению надзорных функций.

---

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от ...) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Другим важным аспектом, требующим совершенствования правового регулирования, является взаимодействие органов прокуратуры с некоммерческими организациями. В соответствии со ст. 9 и ст. 76 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», некоммерческие организации призваны защищать интересы граждан и содействовать повышению качества медицинской помощи[1]. Однако в действующем законодательстве отсутствует правовая регламентация механизмов такого взаимодействия, что является существенным пробелом.

Установление порядка взаимодействия прокуратуры с некоммерческими организациями, действующими в сфере здравоохранения, могло бы стать эффективным инструментом для получения объективной информации о состоянии законности и проведения проверочных мероприятий. Поскольку деятельность данных организаций не направлена на извлечение прибыли, их участие способно обеспечить независимую оценку соблюдения прав граждан.

Кроме того, важным направлением является совершенствование системы правового просвещения граждан в сфере охраны здоровья. Реализация этой задачи возможна посредством размещения тематических материалов, публикации статей в средствах массовой информации и проведения иных просветительских мероприятий. Это будет способствовать профилактике нарушений и формированию правовой культуры в обществе.

Таким образом, для повышения эффективности защиты прав граждан на охрану здоровья необходимо:

нормативно закрепить перечень объектов прокурорского надзора в сфере здравоохранения;

разработать и законодательно закрепить механизм взаимодействия органов прокуратуры с некоммерческими организациями;

продолжить работу по оптимизации организационной структуры и межведомственного взаимодействия самой системы прокуратуры.

Реализация предложенных мер позволит снизить количество нарушений в сфере здравоохранения, повысить объективность и результативность прокурорских проверок, а также укрепить законность в этой социально значимой области.

[1]Там же.

Научная статья
УДК 340

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Павел Олегович ИЩЕНКО
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
pavelishchenko@icloud.com

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции **Игорь Юрьевич МУРАШКИН,** igormurashkin@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена рассмотрению вопросов, возникающих в ходе осуществления работниками органов прокуратуры надзорных полномочий за соблюдением и исполнением трудового законодательства. Рассматриваются проблемы, возникающие при выявлении подмены трудовых отношений гражданско-правовыми, а также неурегулированности осуществления прокурорского надзора за фактами подмены трудовых правоотношений различными договорами с самозанятыми. Предлагаются изменения в действующее законодательство, что позволить органам прокуратуры своевременно реагировать на допущенные нарушения трудового законодательства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, трудовые правоотношения, трудовой договор, самозанятые, подмена, признаки трудовых правоотношений

Основной закон страны гарантирует каждому гражданину право на труд в условиях, соответствующих требованиям безопасности[1]. Ведомственными нормативный актами[2] определены ключевые задачи органов прокуратуры (далее — надзорный орган, ведомство), в качестве которых

[1]Статья 37 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан : приказ Генерального прокурора России от 05.02.2024 № 98. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выступает эффективный и действенный надзор за соблюдением трудовых прав граждан, а также реализация комплекса мер по профилактике и недопущению нарушений в сфере трудовых правоотношений[1].

Поскольку одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации (далее — ведомство, РФ, Россия) является надзор за законностью правовых актов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина[2], следовательно, надзор за соблюдением трудовых прав граждан и трудового законодательства также следует выделять в качестве приоритетного направление надзорной деятельности[3].

Проанализировав статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что нарушения в сфере трудового законодательства являются одними из наиболее распространенных противоправных деяний. Так, в 2024 году органами прокуратуры России выявлено свыше 407 тысяч таких нарушений, что на 19,6 % больше показателя аналогичного периода предыдущего года. В целях устранения указанных нарушений прокурорами внесено 76 тысяч представлений в защиту трудовых прав граждан, направлено 37 тысяч исковых заявлений в суд, к административной и дисциплинарной ответственности привлечено около 100 тысяч виновных должностных лиц, по материалам прокурорских проверок возбуждено 920 уголовных дел[4]. Возрастающая тенденция свидетельствует о необходимости осуществления органами прокуратуры надзорной деятельности в рассматриваемой сфере правоотношений, а выделение данного направления в качестве приоритетного обусловлено, в первую очередь, важностью трудовых отношений как основы социально-экономической стабильности, защиты жизни и здоровья граждан, а также предотвращения социальной напряженности

Актуальность указанного направления отмечалась Президентом РФ В. В. Путиным на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, на котором Глава государства указал на необходимость усиления органами прокуратуры работы «по целому ряду ключевых направлений, прежде всего, речь идет о защите трудовых прав граждан» и отметил, что «все вопросы, определяющие качество жизни и благополучие российских семей, каждого человека, должны быть приоритетом[5]».

---

[1]Глебов В. Г. Прокурорский надзор: учебное пособие Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления филиала РАНХиГС. 2021. С. 35.

[2]Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : приказ Генерального прокурора России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Плотникова К. А. Некоторые проблемы прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан // Вестник науки. 2023. № 9 (66). С. 88.

[4]Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e5834902/

[5] Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735 (дата обращения: 12.02.2026).

Однако, несмотря на достаточно эффективную роль надзорного ведомства в пресечении нарушений трудовых прав граждан, в прокурорской практике встречается ряд проблем, связанных с возможностью выявления нарушений трудового законодательства.

Нередко трудности возникают при осуществлении надзорной деятельности в связи с участившимися фактами подмены трудовых правоотношений гражданско-правовыми. Массовое использование работодателями договоров гражданско-правового характера не предполагает предоставление исполнителю договора социальных гарантий, что, безусловно, нарушает как трудовые права граждан, так и требования трудового законодательства. Однако обнаружить факты такой подмены в ходе прокурорской деятельности достаточно сложно. В связи с этим, эффективность прокурорского надзора в отношении лиц, работающие по гражданско-правовому договору, существенно снижается. Поскольку юридическое основание возникновения таких правоотношений отсутствует, возможность применения надзорным ведомством мер реагирования в рамках надзорной деятельности за трудовым законодательством, является ограниченной.

Тенденцией последнего времени стали случаи подмены трудовых правоотношений договорами иного характера с самозанятыми. В условиях цифровизации экономики наблюдается тенденция к маскировке трудовых правоотношений под гражданско-правовые договоры с самозанятыми гражданами. Это влечет, в первую очередь, ущерб федеральному бюджету государства, выражающийся в уклонении от уплаты налогов на доходы физических лиц. Кроме того, прослеживается нарушение трудовых и социальных прав граждан, что сказывается на объеме поступления денежных средств в Социальный фонд России.

Несмотря на наличие признаков трудовых отношений, отраженных в ст. 15 Трудового кодекса РФ[1] (далее — ТК РФ), определенные сложности у работников ведомства связаны с правовыми пробелами, влекущими сложность доказывания и разграничение трудовых отношений со смежными гражданско-правовыми.

На заседании совета по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшимся 08.12.2025, вице-премьером А.В. Новаком была отмечена необходимость «урегулировать вопрос подмены трудовых отношений договорами с самозанятыми через законодательное закрепление признаков трудовых правоотношений»[2], что подтверждает актуальность рассматриваемого вопроса.

---

[1]Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]РИА Новости. URL: https://ria.ru/20251208/rossiya-2060639357.html (дата обращения: 12.02.2026).

Действующее законодательство определяет трудовые правоотношения через личный характер выполнения работы, подчинение правилам внутреннего трудового распорядка, обеспечение условий труда работодателем, а также регулярную оплату труда[1]. Однако на практике работодатели зачастую обходят данные нормы, используя договоры на «услуги» с фиксированными графиками. По данным Федеральной службы по труду и занятости в 93% случаев при проведении проверок выявлялся факт интегрирования самозанятых в производственный процесс в компании. При этом только в 37% (58 из 156) случаев, закрепленных в ст. 15 ТК РФ, было достаточно для квалификации отношений как трудовых[2].

В связи с этим представляется целесообразным уточнить в трудовом законодательстве понятие трудовых отношений, добавив характерные признаки, к которым относятся: стабильность таких отношений, подчиненность и зависимость труда, выполнение работы по определенной специальности, выполнение работником работы в соответствии с указаниями работодателя, интегрированность работника в организационную структуру работодателя; осуществление периодических выплат работнику, которые являются для него единственным и (или) основным источником доходов. Данное положение будет способствовать четкому разграничению трудовых и гражданско-правовых правоотношений, что, в свою очередь, приведет к снижению рисков неправильной квалификации и эффективному выявлению случаев подмены трудовых отношений, снижению нагрузки на бюджетную систему, а также упрощению работы контрольных и надзорных органов в части выявления рассмотренных нарушений.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о расширении надзорных полномочий органов прокуратуры, в частности, предоставить доступ к цифровым платформам, через которые осуществляют деятельность самозанятые и исполнители по гражданско-правовым договорам, что будет являться эффективным средством пресечения и противодействия подмене трудовых отношений.

Согласно законодательному подходу «налог на профессиональный доход при произведении расчетов, связанных с получением доходов от реализации товаров, являющихся объектом налогообложения, налогоплательщик обязан с использованием мобильного приложения «Мой налог» (далее — сервис) и (или) через уполномоченного оператора электронной площадки и (или) уполномоченную кредитную организацию передать сведения о произведенных расчетах в налоговый орган»[3].

---

[1] См.: ч. 1 ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/12/24/1165866-mintrud-dorabotal-zakonoproekt (дата обращения: 12.02.2026).

[3] См.: ст. 14 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с предоставляемой в указанный сервис информации представляется возможным определить наличие или же отсутствие факта подмены трудовых правоотношений (например, наличие периодичного характера расчетов и т.д.). Однако анализ больших массивов информации о финансовых расчетах в «сыром виде» не дает возможности говорить об эффективности названного процесса. В связи с этим, представляется целесообразным внедрять автоматизированный механизм проверки факторов, свидетельствующих о наличии трудового характера правоотношений, либо же их отсутствии и соответствующей подмене. Непосредственным органом, наделенным полномочиями по подтверждению фактов подмены трудовых правоотношений, будут выступать органы прокуратуры РФ.

Авторами представляется целесообразным внести изменения в абз. 3 ст. 19.1 ТК РФ, наделив органы прокуратуры полномочиями по направлению материалов в суд с целью признания правоотношений трудовыми, изложив норму в следующей редакции: «Признание отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями может осуществляться: судом в случае, если физическое лицо, являющееся исполнителем по указанному договору, обратилось непосредственно в суд, или по материалам (документам), направленным государственной инспекцией труда, органами прокуратуры Российской Федерации, иными органами и лицами, обладающими необходимыми для этого полномочиями в соответствии с федеральными законами».

Указанные модернизации позволят органам прокуратуры России своевременно выявлять и реагировать на подозрительные схемы взаимодействия с самозанятыми, что, в первую очередь, усилит роль прокурорского надзора в рассматриваемой сфере правоотношений.

Научная статья
УДК 347.962

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН

Екатерина Дмитриевна КРАСНОВА[1], Софья Павловна ЛОЗОВСКАЯ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт- Петербург, Россия
[1] yekaterina.krasnova.01@list.ru
[2] sofalozovskaa009@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных

дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Игорь Юрьевич МУРАШКИН**, igormurashkin@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы деятельности прокуратуры по защите прав несовершеннолетних граждан в сфере информационной безопасности. Авторами исследования проводится анализ действующих нормативных правовых актов, затрагивающих защиту прав несовершеннолетних в информационном поле. В работе приводятся статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Посредством изучения темы определены пробелы законодательства, предлагаются способы решения выявленных проблем.

Ключевые слова: интернет, деструктивный контент, информационная безопасность детей, прокурорский надзор, несовершеннолетние

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ № 149) граждане (физические лица) и организации (юридические лица) вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Кроме того, пользователи информационно-коммуникационной сети «Интернет» (далее — сеть «Интернет») имеют возможность свободно распространять любую информацию на территории Российской Федерации при условии соблюдения некоторых ограничений[1]. Установленное право зачастую становится предметом для свободного размещения в сети «Интернет» деструктивного контента: пропаганда употребления алкогольной и спиртосодержащей продукции, видеоконтент, демонстрирующий сцены насилия и порнографии, и иная вредящая духовному и нравственному развитию несовершеннолетних граждан информация.

Для более детального изучения темы мы обратились к толкованию понятий «информация», «информационная безопасность детей» и «деструктивный контент». Так, согласно ст. 2 ФЗ № 149 под информацией подразумеваются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Ст. 2 Федерального закона от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее —

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Российская газета» от 29.07.2006 г. № 165.

ФЗ № 436) содержит легальное определение «информационной безопасности детей» — состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию[1].

Значение «деструктивного контента» законодательно не закрепляется. Это создает возможность для субъективной интерпретации термина всеми участниками правоотношений. Доктринальное понятие выводит Маурин В. С., который устанавливает, что вредоносный контент посягает на жизненно важные интересы личности, общества и государства[2]. Рыдченко К. Д. выделяет его основной признак — индивидуальное воздействие на психику или общественное сознание[3]. С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что «деструктивный контент» — это распространяемые среди общественности данные и различные сведения, целью которых является пропаганда девиантного поведения. Становится очевидно, что возрастающая роль информационной сферы возлагает на органы прокуратуры дополнительные обязанности по защите прав граждан. Ряд неурегулированных вопросов в сфере прокурорской деятельности, а также практическая значимость темы обуславливает ее актуальность.

Прокуратура Российской Федерации в рамках своей компетенции обязана осуществлять системный надзор за исполнением законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, добиваясь ограничения в установленном порядке доступа к такой информации и привлечения виновных в ее распространении лиц к предусмотренной законом ответственности[4]. Стоит отметить, что при обнаружении информации, представляющей реальную угрозу вовлечения подростков в дестабилизирующую среду, прокурор обладает правом подачи административного искового заявления с целью признания сайта / сообщества / группы запрещенными[5].

В свою очередь ФЗ № 436 содержит исчерпывающий перечень видов информации, которая признана опасной и (или) вредоносной для нормального развития детей. Обратим внимание на то, что данный факт напрямую

---

[1] Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // «Российская газета» от 31.12.2010 г. № 297.

[2] Маурин В. С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2004. С. 3.

[3] Рыдченко К. Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. С. 53.

[4] Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/?ref=vc.ru (дата обращения: 28.03.2026).

[5] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 09.03.2015 г. № 10. ст. 1391.

влияет на возможность прокурора осуществить подачу административных исковых заявлений в защиту прав и свобод несовершеннолетних. Например, эзотерический контент, популяризирующий искаженное и зачастую недостоверное представление о мире, не входит в упомянутый выше перечень, однако распространение данных материалов с последующим их просмотром несовершеннолетним может негативно воздействовать на психику ребёнка в будущем. В связи с этим нами предлагается включить в статью 5 ФЗ № 436, предложенный нами вид информации. Данное нововведение будет способствовать расширению возможностей для реализации мер пресечения со стороны органов прокуратуры.

В настоящее время приоритетным становится взаимодействие органов прокуратуры и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор). Так, ст. 15.3 ФЗ № 149 закрепляет полномочие Генерального прокурора РФ и его заместителей по направлению в Роскомнадзор требований для принятия последним мер по ограничению доступа к запрещенным информационным ресурсам. Ключевая роль указанных органов подтверждается и статистическими данными:

за I полугодие 2025 года в Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Дальневосточному Федеральному округу поступило 116 судебных решений, послуживших основаниями для блокирования 360 сетевых ресурсов. В частности, был ограничен доступ к сайтам, демонстрирующим изготовление и продажу огнестрельного оружия, материалы экстремистского характера и иная противоправная информация, которая могла оказать негативное воздействие на нестабильную психику детей и подростков[1];

19 марта 2026 года на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Генеральный прокурор РФ Александр Владимирович Гуцан проинформировал ее участников о том, что за период 2025 года органы прокуратуры ограничили доступ к 62 тысячам интернет-страницам с опасным контентом[2].

Однако ввиду того, что дети не всегда способны правильно осознать то, что они могут находиться под влиянием деструктивного контента, рекомендуется усилить профилактические меры как со стороны работников органов прокуратуры, так и со стороны детских образовательных учреждений.

[1] Итоги ограничения доступа к интернет-сайтам, содержащим противоправную информацию за I полугодие 2025 года. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Официальный сайт. Режим доступа: https://25.rkn.gov.ru/news/news350409.htm (дата обращения: 27.03.2026).

[2] Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры. [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79360 (дата обращения: 27.03.2026).

Например, может быть предложено создание в органах прокуратуры горячей линии для детей и подростков, являющихся пострадавшими в сети «Интернет» (например, если несовершеннолетний был вовлечен в информационные группы, преследующие опасные для жизни и здоровья человека цели). Особое внимание следует уделить заведениям интернатного типа, где подростки зачастую не имеют возможности уведомить взрослых о случившемся.

Вместе с тем на практике нередко возникают сложности об установлении личности и места жительства владельцев противозаконных сайтов/страниц. Впоследствии это делает невозможным надлежащее уведомление ответчика (владельца сайта) о предъявлении копии искового заявления. Так, если доменные имена незаконных веб-порталов зарегистрированы в иностранном государстве, то привлечение этих лиц к участию в деле представляется маловероятным[1]. В качестве решения текущей проблемы нами предлагается создать электронную систему распознавания недобросовестных доменов. За счет быстрого механизма реагирования данный метод повысит эффективность прокурорского надзора в сфере информационной безопасности граждан.

По результатам проделанной работы, следует сделать следующие выводы:

в условиях динамичного развития информационно-коммуникационных технологий проблема распространения деструктивного контента приобретает особое значение. Существующая законодательная база, представленная Федеральными законами № 149-ФЗ и № 463-ФЗ, устанавливает общие принципы доступа к информации, а также меры по защите детей от неблагоприятного для них контента. Тем не менее указанные нормативные правовые акты демонстрируют пробелы в части законодательного закрепления определения «деструктивный контент», что создает предпосылки для субъективной интерпретации и затрудняет правоприменительную практику;

на органы прокуратуры Российской Федерации возложена ключевая функция системного надзора за исполнением законодательства в сфере защиты детей от вредоносной информации. Как показало исследование, перечень видов информации, признанной опасной и вредоносной, носит исчерпывающий характер. В связи с этим, возникает необходимость его расширения путем включения в статью 5 ФЗ № 436 еще 1 вида информации (эзотерический контент). Это позволит расширить возможности прокурорского реагирования на новые формы деструктивного контента, не предусмотренные действующим законодательством;

[1] Гриценко В. В. Проблемы предъявления прокурором административных исков в информационной сфере // Вестник ВГУ. 2021. №4 (47). С. 172.

стоит сказать, что в процессе реализации надзорных функций органы прокуратуры сталкиваются с рядом практических трудностей, включая сложности в установлении личности и места нахождения владельцев противозаконных интернет-ресурсов, особенно при их регистрации с иностранных адресов. В связи с этим, предлагается разработать и внедрить электронную систему распознавания недобросовестных доменов, что позволит ускорить процесс выявления и блокировки опасного контента;

необходимо развитие взаимодействия между органами прокуратуры и образовательными учреждениями, так как эффективная борьба с деструктивным контентом требует не только правовых и технических решений, но и усиления профилактической работы. Нами предлагается создание специализированных механизмов, таких как «горячие линии» для детей и подростков, пострадавших от вредного контента, что будет способствовать своевременному выявлению и пресечению угроз.

Подводя итог, приведем слова начальника главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры А. В. Паламарчука: «В силу специфики Интернет-пространства и еще не сформировавшейся практики правоприменения это направление работы новое, однако прокурорам необходимо осуществлять постоянный мониторинг этой сферы правоотношений и реагировать на каждое нарушение законодательства о персональных данных в российском сегменте сети Интернет»[1].

Научная статья
УДК 347.963

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Мария Сергеевна ЛИПАНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
lipanovva@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных

[1] Надзор за исполнением законодательства о персональных данных в сети Интернет. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Официальный сайт. Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/e5959447/ (дата обращения: 22.03.2026).

дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Вадим Васильевич ОМЕЛЬЯНОВИЧ,** omeljanovichv@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена некоторым особенностям прокурорской проверки, проводимой в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на предмет соблюдения их прав. В исследовании рассматриваются вопросы, на которые необходимо обращать внимание прокурору, а также некоторые аспекты самой проверки.

Ключевые слова: прокурор, прокурорская проверка, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации, «материнство и детство, семья находятся под защитой государства»[1]. Особая защита предоставляется слабозащищенным категориям граждан, к которым, в частности, относятся дети-сироты и дети, по разным причинам оставшиеся без опеки (далее — дети-сироты).

Как отмечает Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Мария Львова-Белова со ссылкой на статистику Минпросвещения России, в 2025 году общая численность детей-сирот сократилась на 6,8 % — до 317 052 человек, годом ранее снижение было 5 %[2]. Тем не менее, численность таких детей остается высокой, что требует особого внимания со стороны правоохранительных органов.

Так, органы прокуратуры призваны обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе, защищать права детей. Многие нарушения прав сирот встречаются в специализированных организациях, в которые помещаются дети-сироты до устройства в приемные семьи либо до достижения совершеннолетнего возраста.

Например, В Красногорском коррекционном детском доме в Каменске-Уральском Свердловской областной прокуратурой проведена проверка, в результате которой выявлены случаи, когда воспитатели учреждения запирали детей в туалете, а также иные нарушения[3].

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Опубликованы данные за 2025 год о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: офиц. сайт. URL: https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720 (дата обращения: 01.04.2026).

[3] Прокуратура выявила нарушения в детском доме Каменска-Уральского, где издевались над детьми. [Эл. ресурс] /Комсомольская правда. Сайт. URL: https://www.ural.kp.ru/daily/27412/4610075/ (дата обращения: 30.03.2026).

Для выявления таких нарушений, реагирования на них Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» наделяет прокурора полномочием проводить прокурорскую проверку.

В ходе ее проведения прокурору следует выяснять ряд вопросов, зависящих от проверяемого объекта, а также от характера нарушений. Так, при проверке организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — организации для детей-сирот), прокурор должен в первую очередь проверить соблюдение права детей-сирот на охрану здоровья, в том числе обратить внимание на принимаемые меры по профилактике насилия и жестокого обращения с несовершеннолетними[1].

Нередки случаи неподобающего обращения с детьми, являющихся или являвшихся в прошлом воспитанниками детских домов и иных специализированных для детей-сирот учреждений: в ноябре 2025 года забайкальским следственным управлением проводилась проверка в связи с обращением опекуна, заявлявшей о «крайне агрессивном и сексуализированном» поведении подопечного[2]. По заявлению женщины, взявшей под опеку двух братьев, один из них проявлял насилие по отношению к другому, а также иные жестокие действия по отношению к домашним животным, чему, с его слов, научился в детском доме.

Данные случаи вызывают обеспокоенность, в связи с чем прокурору необходимо системно проверять организацию безопасного проживания в соответствующих учреждениях, в том числе исполнение законодательства, касающегося:

запрета использования в качестве метода воспитания физического и иного насилия, для чего необходимо определить круг сотрудников проверяемого объекта, которые несут ответственность за обеспечение безопасности воспитанников, установить, какие меры принимаются для предотвращения насилия; ведется ли с детьми-сиротами психологическая и воспитательная работа; проводятся ли необходимые проверки органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав;

антитеррористического законодательства, включающего требования об обеспечении безопасности объекта путем установки необходимого количества камер видеонаблюдения, организации надлежащего пропускного режима, целостность и соответствие функциональному назначению ограждений учреждения. В этой связи необходимо проверить исправность кнопок тревожной сигнализации, а также проверить возможность проникновения на территорию посторонних лиц без соответствующего разрешения;

---

[1]Прокурорский надзор за соблюдением прав несовершеннолетних, пребывающих в организациях для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: пособие / Д. И. Ережипалиев, М. Л. Огурцова; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2020. С. 41.

[2]Опекун сообщила о жестоких практиках в забайкальском детдоме – Бастрыкин взял дело на контроль. [Эл. ресурс] / Царьград. Сайт. URL: https://nsk.tsargrad.tv/articles (дата обращения: 27.03.2026).

невозможности приема на работу в организации для детей-сирот лиц, которые не предоставили справку об отсутствии судимости;

надлежащей организации выездного отдыха для сирот, а также безопасности организованных выездов на автомобильном транспорте: необходимо обращать внимание на исправность транспорта, а также на обязательность сопровождения транспортных средств, перевозящих детей, подразделениями ГИБДД[1].

Нередко в организациях для детей-сирот нарушаются их социальные и имущественные права: в ходе проверки детских домов в Абдулино и Орске прокуратура Оренбургской области выявила случаи ненадлежащей организации питания, а также недостаточного обеспечения детей одеждой[2], вследствие чего материалы переданы в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании в отношении должностных лиц, допустивших подобные нарушения.

В этой связи в организациях для детей-сирот проверке подлежит порядок обеспечения бесплатным питанием, бесплатным комплектом одежды, обуви и мягким инвентарем. Так, по иску прокурора Октябрьского района Приморского края восстановлены права детей-сирот, содержащихся в соответствующей организации, а именно — на Краевое государственное общеобразовательное бюджетное учреждение «Школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» судом возложена обязанность по обеспечению детей прикроватными ковриками[3].

Немаловажным фактором, подлежащим проверке прокурором при осуществлении надзора за соблюдением прав детей-сирот является психологическое влияние сотрудников организации, в которой содержатся дети. От того, насколько грамотный и комфортный для ребенка подход выберет сотрудник, будет зависеть социальная адаптация воспитанника после выпуска из организации для детей-сирот.

При проведении такой проверки необходимо тщательно проверять индивидуальные планы развития и жизнеустройства детей, которые утверждаются соответствующим актом органа опеки и попечительства и пересматривается не реже одного раза в полгода[4].

---

[1] См. Об утверждении Порядка осуществления сопровождения транспортных средств с применением автомобилей Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и признании утратившими силу нормативных правовых актов: Приказ МВД России от 22.03.2019 № 177: текст в ред. от 28.07.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Прокуратура Оренбургской области выявила в соцучреждениях для детей-сирот многочисленные нарушения / Рамблер: сайт. URL:https://news.rambler.ru (дата обращения: 27.03.2026).

[3]Решение Октябрьского районного суда Приморского края№ 2-73/2020 2-752/2019 2-77/2020 2-77/2020 (2-752/2019;) ~ М-733/2019 М-733/2019 от 29 января 2020 г. по делу № 2-73/2020 URL:https://sudact.ru (дата обращения: 27.03.2026).

[4] О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей: Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. (ред. от 19.04.2022) № 481. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Как показывает анализ прокурорской практики, а также материалов практики контролирующих органов[1], нередки случаи нарушения сроков утверждения таких планов, зачастую отсутствует конкретизация мероприятий для каждого воспитанника, не указываются сведения об исполнении, не учитываются личностные особенности детей, фактически проводимые мероприятия не соответствуют утвержденному плану.

Психологическое влияние со стороны сотрудников организации для детей-сирот является фундаментом для дальнейшей жизни будущего выпускника. В рамках данной проверки необходимо обратить внимание на меры, которые принимаются организацией, направленные на подготовку детей к самостоятельной жизни: формирование бытовых навыков, хозяйственной самостоятельности, умения взаимодействовать в коллективе; оказание психологической, юридической, социальной помощи, поддержка в трудоустройстве и др.

Необходимо отметить, что при проведении проверки в организациях для детей-сирот прокурор часто взаимодействует с воспитанниками с подопечными таких организаций для получения от них необходимых сведений. При этом важно учитывать, что дети, особенно не достигшие 12-летнего возраста, склонны к фантазированию, кроме того, психика детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, может сильно меняться, поэтому при проведении проверки прокурору следует исходить из всех обстоятельств, выясненных в ходе ее проведения.

Основной проблемой для осуществления проверки в указанной сфере является недостаточность ведомственной регламентации порядка действий прокурора при проведении проверки организаций для детей-сирот.

Так, Приказ Генерального прокурора от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов», являющийся основным правовым актом, содержащим механизм защиты прав несовершеннолетних, содержит в себе положения, лишь в части регламентирующие прокурорскую деятельность при защите прав детей-сирот, в связи с чем на практике возникают затруднения, связанные с осуществлением надзорной деятельности в данной области.

Представляется целесообразным разработка и принятие приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», который имел бы подробные положения о механизме

[1] В рамках анализа изучено порядка 17 опубликованных на Едином портале органов прокуратуры, а также на официальных сайтах поднадзорных органов результатов прокурорских проверок в следующих регионах: Астраханская область, Амурская область, Алтайский край, Иркутская область и др. за 2024—2025 гг.

осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав детей-сирот различными органами, в том числе, организациями для детей-сирот.

Такой приказ может включать в себя механизмы действий для прокурорских работников, в частности, при проведении проверки в различных органах, что обеспечило бы возможность более эффективно осуществлять надзор за соблюдением прав этой уязвимой категории граждан.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. При проведении прокурорской проверки соблюдения прав детей-сирот в специализированных организациях прокурору необходимо обращать особое внимание на охрану здоровья детей, проверять наличие принимаемых поднадзорным объектом мер по профилактике насилия и жестокого обращения с несовершеннолетними, а также на соблюдение их социальных и имущественных прав. Кроме того, отмечена ограниченная ведомственная регламентация прокурорской проверки в данной сфере, что требует принятия отдельного приказа Генерального прокурора Российской Федерации.

Научная статья
УДК 347.963

ПРОБЛЕМА ФОРМАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ И РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЕГО ПРЕДОТВРАЩЕНИИ

Алексей Дмитриевич МИХАЙЛОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
sjzissisjzb@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции **Михаил Николаевич КУСТОВ**, kystov@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию проблемы формализации юридической конструкции конфликта интересов и роли органов прокуратуры в обеспечении его реального предотвращения. В работе анализируются нормативные основы регулирования конфликта интересов, рассматриваются научные подходы к его понятию и классификации, а также раскрываются основные проблемы правоприменительной практики. Особое

внимание уделяется прокурорскому надзору как механизму выявления, предупреждения и пресечения нарушений антикоррупционного законодательства. Автор приходит к выводу о том, что эффективность института конфликта интересов во многом зависит от перехода от формального контроля к содержательной оценке реальных коррупционных рисков.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, прокурорский надзор, противодействие коррупции, государственная служба, утрата доверия, профилактика нарушений

В современных условиях развития публичного управления особую значимость приобретают вопросы обеспечения законности, прозрачности и добросовестности деятельности государственных и муниципальных органов. Это обусловлено усложнением системы управления и расширением круга решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, организаций и государства, а также ростом коррупционных рисков, возникающих в процессе реализации публичных полномочий. Одним из ключевых правовых механизмов предупреждения таких рисков выступяяает юридическая конструкция конфликта интересов, призванный исключить ситуацию, при которой личная заинтересованность должностного лица влияет или может повлиять на объективность и беспристрастность исполнения им служебных обязанностей.

В российском законодательстве конфликт интересов определяется как ситуация, при которой личная заинтересованность лица, замещающего должность, на которую возложена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей. При этом закон специально указывает, что личная заинтересованность может носить прямой или косвенный хар актер и выражаться в возможности получения доходов, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав как самим лицом, так и его близкими или иными связанными с ним лицами[1]. С точки зрения классификации в доктрине и сравнительно-правовых материалах обычно выделяют реальный, выявленный или наблюдаемый и потенциальный конфликт интересов. Реальный конфликт уже существует и поддается идентификации (например, заключение контракта с компанией, принадлежащей родственнику), наблюдаемый конфликт означает ситуацию, когда поведение должностного лица дает основания предполагать наличие влияния личного интереса (например, активное продвижение интересов знакомого лица при принятии решений), а потенциальный конфликт

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

характеризуется тем, что личная заинтересованность уже существует, но конфликт еще не проявился, хотя риск его возникновения очевиден (например, планируемое трудоустройство в организацию, решения по которой лицо сейчас принимает).

Можно утверждать, что конфликт интересов рассматривается как один из наиболее опасных факторов деформации публичной службы, способный подорвать доверие к государственным юридической конструкциим и поставить под сомнение законность принимаемых решений. Российское законодательство достаточно подробно регулирует вопросы предотвращения и урегулирования конфликта интересов, прежде всего в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», определяющем цели и предмет прокурорского надзора, и в Указе Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821, которым утверждено Положение о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Одной из наиболее существенных проблем остается формализация данного юридической конструкции, при которой внимание нередко сосредоточивается на уведомлениях, комиссиях и иных процедурных элементах, тогда как содержательная оценка влияния личной заинтересованности на принимаемые решения отходит на второй план. Особую актуальность эта проблема приобретает в связи с деятельностью органов прокуратуры Российской Федерации. В силу закона прокуратура осуществляет надзор в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также интересов общества и государства[1]. Следовательно, прокурорский надзор в сфере противодействия коррупции, в том числе в части выявления и урегулирования конфликта интересов, имеет не только реакционное, но и профилактическое значение. Прокуратура выступает органом, который фиксирует уже допущенные нарушения, а также способствует их предупреждению на ранней стадии. В научной литературе конфликт интересов рассматривается с разных позиций: как правовая конструкция, как элемент антикоррупционного механизма, как проблема правоприменения и как самостоятельный объект прокурорского надзора. Однако значительно реже он анализируется сквозь призму его фактической эффективности. Между тем именно этот аспект имеет принципиальное значение, поскольку формальное наличие правовых норм само по себе не гарантирует реального предотвращения нарушений[2].

[1] Закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

[2] Трофимова И. А. Причины и особенности урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы // Закон и право. 2021.

В научной литературе конфликт интересов трактуется не как узко дисциплинарное нарушение, а как правовая ситуация повышенного коррупционного риска. Так, С.А. Гирин, анализирет соотношение понятий «интерес» и «личная заинтересованность». По мнению автора, конфликт интересов не может быть сведен только к формальному наличию частного интереса, важна именно его способность повлиять на служебное решение[1]. В.В. Винокуров, в свою очередь, акцентирует внимание на сложности самого понятия личной заинтересованности и указывает, что законодательная конструкция нуждается в более тщательном теоретическом осмыслении[2]. Н.А. Гильмитдинова подчеркивает коллизионный характер оценки личной заинтересованности и фактически выводит проблему в область доказывания скрытых мотивов должностного поведения[3].

Научные позиции, которые были приведены выше, важны, потому что конфликт интересов далеко не всегда выражается в прямой имущественной выгоде. Он может быть связан с семейной, служебной, корпоративной, карьерной или иной зависимостью, которая не всегда очевидна внешне, но способна деформировать публичное решение. Поэтому в литературе конфликт интересов справедливо рассматривается как феномен, тесно связанный с качеством публичного управления, а его последствия описываются через снижение качества исполнения должностных функций и игнорирование публичного интереса. Такой подход находит подтверждение и в исследованиях М.В. Бузиной, которая указывает, что главное следствие конфликта интересов состоит в снижении качества выполнения должностных обязанностей и ослаблении приоритета публичных интересов[4].

Несмотря на сравнительно детальную нормативную основу, юридическая конструкция конфликта интересов в правоприменении нередко приобретает формальный характер. На практике внимание концентрируется на уведомлении, регистрации сведений, проведении заседания комиссии и оформлении протокола[5], в то время как содержательная проверка того, действительно ли личная заинтересованность повлияла или могла повлиять на решение, может быть проигнорирована[6].

---

[1] Гирин С. А. О соотношении понятий «интерес» и «личная заинтересованность» в конфликте интересов на государственной гражданской службе // Серия «Философия. Социология. Право». 2016. № 10 (231). Вып. 36.

[2] Винокуров В. А. Личная заинтересованность в российском праве: проблемы осмысления // Общество: политика, экономика, право. 2024.

[3] Гильмитдинова Н. А. Личная заинтересованность как фактор совершения преступлений коррупционной направленности // Вестник науки. 2022.

[4] Бузина М. В., Роман Е. М. Конфликт интересов на государственной службе и способы его преодоления // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 47, № 3 (67). С. 47—55.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов».

[6] Гензур Т. В., Годованный А. В. Проблемы надзорной деятельности органов прокуратуры по предупреждению и разрешению конфликта интересов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021.

Данную проблему о тчетливо фиксируют и современные авторы. Э. Н. Примова, исследуя деятельность органов прокуратуры по выявлению конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе, указывает, что конфликт интересов обладает определенным правовым содержанием, хотя и не является в полной мере самостоятельным юридическим конфликтом в классическом смысле[1]. Можно утверждать, что он требует не механического, а содержательного правового анализа. Т. В. Гензур, рассматривая проблемы надзорной деятельности прокуратуры, также приходит к выводу, что механизм предупреждения и разрешения конфликта интересов нуждается в совершенствовании именно с точки зрения практической эффективности. Содержательная сложность юридической конструкции особенно заметна в связи с деятельностью комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Генеральная прокуратура в своих методических материалах прямо указывает, что при надзорных проверках необходимо оценивать деятельность таких комиссий, поскольку именно через них проходит значительная часть решений о наличии или отсутствии конфликта интересов[2]. В одном из актуальных методических пособий авторы подчеркивают, что в большинстве случаев конфликт интересов возникает вследствие несоблюдения антикоррупционных обязанностей, запретов и ограничений; предлагается проверять личные дела, сведения о родственниках, информацию от подразделений ЭБиПК, а также использовать межведомственное электронное взаимодействие. Это означает, что прокуратура исходит не из формального, а из аналитического подхода к выявлению коррупционного риска. Именно поэтому комиссия не должна восприниматься как конечная точка процедуры. Она является лишь одним из элементов механизма, который должен подтверждать либо опровергать наличие риска. Если же комиссия ограничивается формальным рассмотрением материалов, не исследуя фактическую зависимость, родственные связи, имущественные интересы и предшествующую профессиональную деятельность служащего, то сам юридическая конструкцияутрачивает профилактическую эффективность. На это, по существу, указывает и Е. В. Демидо, рассматривающая состав и деятельность комиссии как актуальную проблему прокурорского надзора: «вопрос состоит не только в наличии самой комиссии, но и в том, насколько качественно она выполняет функцию предотвращения конфликта интересов»[3].

---

[1] Примова Э. Н. Деятельность органов прокуратуры по выявлению конфликтов интересов на государственной и муниципальной службе // 2023.

[2] Лебедь А. Л. Мониторинг показателей деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (на материалах Ленинградской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 149—157.

[3] Демидо Е. В. Формирование состава и деятельность комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов: актуальные вопросы прокурорского надзора.

Роль прокуратуры в данной сфере определяется общими целями ее деятельности. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура осуществляет надзор в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Это означает, что противодействие конфликту интересов не является для прокуратуры второстепенной или факультативной задачей: оно напрямую связано с выполнением надзорной функции.

На практике прокурорский надзор в этой сфере строится на выявлении уже состоявшегося нарушения, а также предпосылок его возникновения. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры содержат указание на необходимость проверять соблюдение запрета на предпринимательскую деятельность, анализировать сведения о близком родстве и служебной зависимости, изучать штатное расписание, должностные регламенты, материалы личных дел и иные сведения, позволяющие установить наличие скрытой заинтересованности[1]. Отдельно подчеркивается, что в ходе проверок следует оценивать деятельность комиссий по урегулированию конфликта интересов, а также вопрос о том, были ли приняты меры к отстранению служащего на период проверки и урегулирования конфликта. Д. А. Дьячков в более ранних исследованиях подчеркивал, что прокурор противопоставляет себя нарушению закона и стремится восстановить правовое равновесие[2]. В контексте настоящей темы это означает, что прокурорский надзор может и должен компенсировать слабые стороны формализованного кадрового контроля, если тот не способен своевременно выявить конфликт интересов. Практика последних лет подтверждает, что прокурорское вмешательство нередко становится решающим фактором для юридической оценки конфликта интересов. Так, в Брянской области суд согласился с доводами прокуратуры о наличии конфликта интересов и признал незаконным бездействие по непринятию мер к его урегулированию, а также изменил формулировку прекращения полномочий на увольнение в связи с утратой доверия[3]. Аналогичные выводы следуют из сообщений прокуратуры о делах, где должностные лица не принимали мер к предотвращению конфликта интересов при осуществлении функций государственного управления в отношении аффилированных лиц. Эти примеры показывают, что прокурорский надзор способен не просто фиксировать нарушение, но и переводить его в

[1] Методические рекомендации: «Прокурорский надзор за исполнением законодательства о предотвращении и урегулировании конфликта интересов» // Генеральная прокуратура Российской Федерации.

[2] Дьячков Д. А. Конфликтологическая составляющая в деятельности прокуратуры РФ // Бизнес в законе. 2008. № 3.

[3] Брянская область: суд согласился с наличием конфликта интересов и изменил формулировку прекращения полномочий на увольнение в связи с утратой доверия // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Прокуратура Брянской области.

плоскость реальной ответственности. Отдельно следует отметить, что современная прокурорская практика все чаще опирается на профилактический и аналитический подход. В региональных материалах прокуратуры фиксируются не единичные случаи нарушения, а типовые модели: служебная зависимость близких родственников, участие в принятии решений в отношении аффилированных организаций, необоснованное сохранение подчиненности, непринятие мер по урегулированию конфликта интересов. Такой массив практики позволяет говорить о том, что конфликт интересов в надзорной деятельности прокуратуры рассматривается как повторяющееся явление, требующее системного контроля, а не разового реагирования.

Таким образом, научная и правоприменительная картина показывает, что конфликт интересов является не просто формальной антикоррупционной категорией, а одним из центральных индикаторов качества публичного управления. Его главная проблема состоит в склонности к формализации: наличие уведомлений, комиссий и протоколов еще не означает реального устранения риска. В этой связи прокуратура выступает тем институтом, который способен наполнить нормативную конструкцию практическим содержанием, выявляя конфликт интересов и его скрытые предпосылки. Именно поэтому роль органов прокуратуры в данной сфере следует рассматривать как ключевую для перехода от формального соблюдения процедуры к реальному предотвращению коррупционно опасных ситуаций.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что юридическая конструкция конфликта интересов в российском праве уже сформирована на нормативном уровне, но его практическая эффективность по-прежнему во многом зависит от того, насколько правоприменитель способен видеть за формальной процедурой реальную управленческую и коррупционную угрозу. Федеральный закон № 273-ФЗ прямо возлагает на лицо, на которое распространяются антикоррупционные требования, обязанность принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и по его урегулированию; следовательно, сам законодатель изначально закладывает в эту юридическую конструкцию именно превентивную, а не сугубо отчетную функцию. Одновременно Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» определяет цели прокурорской деятельности через обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства; предмет надзора включает соблюдение Конституции и исполнение законов, а также соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Это означает, что конфликт интересов закономерно входит в сферу прокурорского внимания не как частная кадровая проблема, а как один из центральных индикаторов качества публичного управления. Главная научная и практическая проблема, выявленная в ходе

анализа, состоит в формализации юридической конструкции конфликта интересов. В литературе справедливо отмечается, что конфликт интересов нельзя сводить ни к самому факту наличия родственных или иных связей, ни к одному лишь уведомлению о возможной заинтересованности: его сущность определяется тем, способна ли личная заинтересованность повлиять на объективность и беспристрастность служебного решения. Именно поэтому исследования, посвященные правовой идентификации конфликта интересов, деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и надзорной функции прокуратуры, фактически сходятся в одном: проблема заключается не в отсутствии правового регулирования, а в том, что действующий механизм нередко срабатывает постфактум и фиксирует уже сложившуюся ситуацию, а не предупреждает ее заблаговременно. На это указывают и научные публикации о правовой идентификации конфликта интересов, и работы о надзорной деятельности прокуратуры, и исследования роли комиссий по урегулированию конфликта интересов.

Особое значение в данной сфере имеет прокурорское реагирование. Оно не должно ограничиваться проверкой наличия уведомления или соблюдения формальной процедуры рассмотрения вопроса комиссией. Содержательный смысл прокурорской проверки состоит в установлении того, была ли личная заинтересованность реально способна повлиять на решение, были ли приняты достаточные меры к устранению зависимости, не сохранена ли служебная подчиненность, создающая риск для публичного интереса, и не были ли внутренние механизмы контроля использованы лишь для легализации уже принятого решения. В этом проявляется профилактическая роль прокуратуры: она способна переводить конфликт интересов из сферы ведомственной самооценки в сферу публично-правового контроля, а затем — при необходимости — в плоскость судебной защиты и применения мер ответственности, включая увольнение в связи с утратой доверия. Актуальные данные из открытых источников подтверждают, что проблема конфликта интересов не является сугубо теоретической и сохраняет высокую значимость. Так, прокуратура Брянской области сообщала, что за 2024 год и первые месяцы 2025 года прокурорами выявлено почти 2 тысячи нарушений законодательства о противодействии коррупции, пресечено 31 нарушение законов об урегулировании конфликта интересов, а 2 должностных лица уволены в связи с утратой доверия; в Ульяновской области в отчете за 9 месяцев 2025 года были указаны 1 099 нарушений законодательства о противодействии коррупции, в том числе 39 ситуаций конфликта интересов, а также 7 случаев реализации юридической конструкции утраты доверия[1]. В Пензенской области по итогам 2025 года прокуроры выявили 45 фактов

[1] СПРАВКА о результатах работы за 9 мес. 2025 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации, Прокуратура Ульяновской области [Электронный ресурс].

личной заинтересованности, приводившей или способной привести к конфликту интересов, и добились увольнения 3 лиц в связи с утратой доверия[1]. В Хабаровском крае в январе 2026 года прокуратура добилась изменения формулировки прекращения полномочий главы муниципального образования на увольнение в связи с утратой доверия после того, как он не урегулировал конфликт интересов и предоставил родственникам земельные участки и имущество администрации[2].

Эти примеры показывают, что прокурорское вмешательство реально влияет на кадровые и правовые последствия нарушений, а значит, способно выступать действенным механизмом восстановления законности. С точки зрения совершенствования системы контроля можно предложить несколько направлений развития. Во-первых, необходимо окончательно уйти от формального понимания конфликта интересов и закрепить риск-ориентированный подход к его выявлению: проверка должна охватывать не только факт уведомления, но и реальные обстоятельства служебной зависимости, имущественных связей, аффилированности, участия в принятии решений в отношении близких лиц и организаций, связанных с должностным лицом. Во-вторых, следует усилить требования к работе комиссий по урегулированию конфликта интересов, сделав обязательной более подробную мотивировку решений и их последующий прокурорский анализ. В-третьих, целесообразно развивать межведомственный электронный обмен данными, чтобы прокурорская проверка опиралась не на разрозненные документы, а на сопоставимые сведения из кадровых, закупочных, имущественных и иных информационных массивов; именно такой аналитический подход соответствует современным ориентирам надзорной деятельности прокуратуры. В-четвертых, имеет смысл расширить профилактическую составляющую: проводить регулярные проверки в «рисковых» сферах, где конфликт интересов наиболее вероятен, и усиливать персональную ответственность за несообщение о личной заинтересованности или сокрытие сведений о ней. Кроме того, представляется важным усилить единообразие правоприменения. Сегодня один и тот же по сути конфликт интересов может оцениваться в разных органах по-разному: где-то -как дисциплинарное нарушение, где-то -как основание для увольнения в связи с утратой доверия, а где-то -лишь как формально закрытый эпизод после заседания комиссии. Для преодоления такой фрагментарности необходимы единые методические подходы, ориентированные на содержательную оценку угрозы публичному интересу. Прокуратура в этом процессе может и должна играть координи-

[1] Пензенская область // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Прокуратура Пензенской области. 11.02.2026 [Электронный ресурс].

[2] Хабаровский край // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Прокуратура Хабаровского края. 27.01.2026 [Электронный ресурс].

рующую роль, поскольку именно она обладает возможностью выявлять типовые схемы нарушений, обобщать практику, вносить представления, поддерживать иски в суде и добиваться реального устранения последствий конфликта интересов.

Таким образом, основным итогом работы является вывод о том, что конфликт интересов следует рассматривать не как второстепенную формальность антикоррупционного законодательства, а как один из ключевых рисков для законности, объективности и доверия к публичной власти. Прокуратура в этой сфере выступает надзорным органом, способным превращать декларативные требования закона в реально работающий механизм предупреждения нарушений. Именно через сочетание профилактики, аналитики, межведомственного взаимодействия, судебного реагирования и контроля за фактическим исполнением актов прокурорского реагирования возможно придать юридической конструкции конфликта интересов подлинно правовое, а не формальное содержание.

Научная статья
УДК 347.963

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Валерия Алексеевна МУРЗИНА,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
vl.333.mr@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Михаил Николаевич КУСТОВ**, kystov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются полномочия прокурора в сфере надзора за исполнением законодательства, направленного на защиту прав несовершеннолетних от деструктивной информации. Анализируется нормативно-правовая основа прокурорской деятельности, а также раскрывается содержание основных групп полномочий: по выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона. Особое внимание уделяется практическим

аспектам реализации данных полномочий, включая проведение проверок, применение мер прокурорского реагирования и судебную защиту прав неопределенного круга лиц. Рассматриваются проблемы, связанные с несоответствием скорости распространения информации в цифровой среде и длительности процедур реагирования, а также предлагаются пути их решения, в том числе посредством внедрения информационных технологий и развития межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: прокурорский надзор, полномочия прокурора, несовершеннолетние, деструктивная информация, информационная безопасность, интернет, меры прокурорского реагирования, защита прав детей

Полномочия прокурора представляют собой закрепленную в законодательстве совокупность прав и обязанностей, направленных на реализацию функций органов прокуратуры по обеспечению законности. Их нормативную основу составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и иные нормативные правовые акты, включая ведомственные приказы Генерального прокурора РФ. Содержание данных полномочий определяется назначением прокуратуры как органа надзора за соблюдением Конституции и исполнением законов и включает выявление нарушений, принятие мер прокурорского реагирования, а также привлечение виновных лиц к ответственности. Полномочия носят властно-распорядительный характер, реализуются в установленных законом формах и направлены на защиту прав и свобод человека, интересов общества и государства.

В современной юридической науке устоялось деление полномочий прокурора на три группы: по выявлению, устранению и предупреждению нарушений закона.

Ключевое место занимают полномочия по выявлению нарушений закона, поскольку именно на данной стадии формируется фактическая и доказательственная база для последующего реагирования. Прокурор вправе беспрепятственно посещать поднадзорные объекты, получать доступ к документам, в том числе содержащим конфиденциальную информацию, требовать проведения проверок, ревизий и служебных расследований, привлекать специалистов, а также получать объяснения от должностных лиц и граждан. Существенным инструментом является проведение прокурорских проверок, основанием для которых выступают обращения граждан, материалы средств массовой информации, а также данные правоприменительной практики[1].

[1] Бобров В. К. Прокурорский надзор : учебник для среднего профессионального образования / В. К. Бобров. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 191 с.

В сфере защиты несовершеннолетних от деструктивной информации данные полномочия реализуются посредством комплексного анализа деятельности образовательных организаций, учреждений культуры и операторов информационных ресурсов. Прокурор исследует условия доступа несовершеннолетних к сети «Интернет», проверяет наличие контент-фильтрации, анализирует локальные нормативные акты и внутреннюю документацию. Важную роль играет привлечение специалистов в области информационных технологий, педагогики и психологии, что позволяет оценить характер распространяемого контента и его потенциальное воздействие на несовершеннолетних. Таким образом, выявление нарушений носит комплексный характер и направлено на обнаружение как явных, так и скрытых угроз информационной безопасности детей.

Полномочия по устранению нарушений закона обеспечивают восстановление нарушенных прав и пресечение противоправных практик. К ним относятся внесение представлений, опротестование незаконных правовых актов, возбуждение дел об административных правонарушениях, направление материалов в органы предварительного расследования, а также обращение в суд. Особое значение имеет судебная защита, реализуемая прокурором в интересах неопределенного круга лиц.

Ярким примером является Решение Советского районного суда г. Тула. Прокурор Ленинского района Тульской области обратился с административным исковым заявлением в интересах неопределенного круга лиц. В ходе проведения мониторинга сети «Интернет», установлено, что в свободном доступе размещена информация в графическом виде, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и здоровью, в том числе, к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, а именно, в графическом виде размещен файл, в котором описаны действия, способные привести к самоубийству и иным опасным для жизни и здоровья несовершеннолетних и окружающих последствиям. В исковом заявлении прокурор просил признать указанную информацию запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, а также включить данный адрес в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Административное исковое заявление прокурора было удовлетворено в полном объеме[1].

Аналогичные меры применяются и в отношении экстремистских материалов. Например, прокуратурой Нюрбинского района Республики Саха

[1] Решение Советского районного суда г. Тула № 2А-645/2019 2А-645/2019~М-414/2019 М-414/2019 от 19 февраля 2019 г. поделу № 2А-645/2019 / [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/vm6dyM5eZn5B/ (дата обращения: 23.10.2025).

(Якутия) выявлены интернет-ресурсы, содержащие изображения нацистской символики. По результатам обращения прокурора суд с административным исковым заявлением требования о запрете распространения данной информации были удовлетворены, после чего доступ к сайтам был ограничен. В другом случае прокурором было инициировано взаимодействие с Роскомнадзором в связи с распространением книги, включенной в федеральный список экстремистских материалов, что привело к блокировке соответствующего интернет-ресурса[1].

Распространенным направлением прокурорского реагирования является также обеспечение надлежащей контент-фильтрации в образовательных учреждениях. В ходе проверок нередко выявляется формальный характер функционирования фильтров, не препятствующих доступу к запрещенной информации. В подобных случаях прокуроры могут внести представление или обратиться в суд с требованиями об обязании образовательных организаций обеспечить эффективную фильтрацию интернет-контента в рамках статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Так, прокурором проведена проверка на предмет соблюдения законодательства о противодействии экстремистской деятельности в части защиты нравственности детей при использовании сети «Интернет», в ходе которой установлено, что школой организован неограниченный широкополосный круглосуточный доступ к сети Интернет через централизованную систему контент-фильтрации. В нарушение требований законодательства контент-фильтр, имеющийся в образовательном учреждении, не в полной мере предотвращает доступ к информации в сети Интернет, несовместимой с целями и задачами образования и воспитания учащихся, а именно к экстремистским материалам. Прокурор обратился в суд с исковым заявлением в защиту прав и интересов неопределенного круга лиц к ответчику муниципальному общеобразовательному учреждению «Средняя общеобразовательная школа». По результатам рассмотрения искового заявления суд вынес решение об удовлетворении исковых требований в полном объеме[2].

Профилактические полномочия прокурора имеют выраженную превентивную направленность и ориентированы на недопущение нарушений закона. К ним относятся объявление предостережений о недопустимости нарушения закона, правовое информирование и осуществление мониторинга правоприменительной практики в целях предупреждения нарушений.

---

[1] Прокуратура Нюрбинского района разъясняет: требования законодательства о противодействии экстремизму в сети «Интернет» / [Электронный ресурс] // Прокуратура Республики Саха (Якутия) : [сайт]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_14/activity/legal-education/explain/e170727/ (дата обращения: 29.03.2026).

[2] Решение Пугачевский районный суд Саратовской области № 2-85/2020 2-85/2020~М-70/2020 М-70/2020 от 19 мая 2020 г. по делу № 2-85/2020. / [Электронный ресурс] // Судебные и нормативны акты : [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/DlI4pZozewos/ (дата обращения: 29.03.2026).

Эффективность прокурорского надзора во многом определяется межведомственным взаимодействием. Существенную роль играет сотрудничество с Роскомнадзором, осуществляющим контроль в сфере информационных технологий и связи. Органы прокуратуры направляют в Роскомнадзор сведения о выявленных нарушениях, на основании которых принимаются меры по ограничению доступа к противоправному контенту. Важное значение имеет также взаимодействие с органами опеки и попечительства и комиссиями по делам несовершеннолетних, что обеспечивает комплексный подход к профилактике правонарушений.

Вместе с тем правоприменительная практика выявляет ряд проблем. Существенной проблемой остается скорости распространения информации в цифровой среде длительности процедур реагирования, что снижает эффективность принимаемых мер.

Эффективность деятельности органов прокуратуры в рассматриваемой сфере в значительной степени определяется оперативностью выявления деструктивной информации и скоростью принятия правовых решений. Одной из ключевых проблем является несоответствие между высокой скоростью распространения информации в цифровой среде и продолжительностью предусмотренных законом процедур реагирования на противоправный контент. В условиях цифровой среды незаконная информация распространяется практически мгновенно, тогда как ее правовая оценка и последующее ограничение доступа требуют прохождения установленного административно-правового механизма.

Согласно действующему порядку рассмотрения уведомлений о распространении противоправной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, поступившие в районную прокуратуру материалы подлежат предварительному изучению, после чего в течение 10 дней направляются в прокуратуру субъекта Российской Федерации. На региональном уровне готовится заключение, которое в течение 5 суток направляется в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. В свою очередь, Генеральная прокуратура в срок до 10 дней формирует требование в Роскомнадзор о принятии мер по удалению информации либо ограничению доступа к ней[1]. Несмотря на то что такая централизованная процедура обеспечивает единообразие правоприменительной практики, она объективно увеличивает временной разрыв между выявлением противоправного контента и его блокировкой.

В целях повышения эффективности данного механизма представляется целесообразным создание единой информационной базы выявленных материалов деструктивного характера в системе органов прокуратуры. Такая

[1] Приказ Генерального прокурора России от 26.08.2019 № 596 (ред. от 24.03.2023) «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

база позволила бы оперативно аккумулировать сведения, координировать деятельность территориальных подразделений и существенно сократить сроки принятия процессуальных решений.

Функции оператора данной системы целесообразно возложить на Генеральную прокуратуру Российской Федерации, обеспечив ее администрирование, техническое сопровождение и методическое руководство. Территориальные органы прокуратуры при этом должны выступать одновременно пользователями и источниками информации, с закреплением обязанности своевременного внесения сведений о выявленных нарушениях, результатах проверок и принятых мерах реагирования.

Дополнительное повышение эффективности возможно за счет внедрения автоматизированных инструментов анализа данных. Такие инструменты способны обеспечивать классификацию контента по видам противоправности (экстремизм, пропаганда насилия, вовлечение в незаконную деятельность и др.), выявление повторно распространяемых материалов и мониторинг динамики их распространения. Кроме того, автоматическое уведомление вышестоящих органов о выявлении потенциально незаконного контента позволит сократить сроки межуровневого взаимодействия.

Важным направлением является также интеграция данной системы с государственными информационными ресурсами и платформами иных органов власти. В частности, организация электронного взаимодействия с Роскомнадзором позволит оперативно направлять требования о блокировке противоправной информации. Это, в свою очередь, обеспечит сокращение сроков обработки материалов и снижение объема бумажного документооборота.

В целом полномочия прокурора образуют целостный механизм обеспечения законности и защиты прав несовершеннолетних в информационной сфере. Их реализация требует комплексного подхода, включающего выявление, пресечение и предупреждение нарушений, а также совершенствование механизмов взаимодействия и внедрение современных информационных технологий, позволяющих повысить оперативность прокурорского реагирования.

Научная статья
УДК 343.163

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ И ИНФОРМИРОВАНИЮ

Милана Андреевна РЕБКОВЕЦ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
milanarebkovets@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Анна Юрьевна СЕРГЕЕВА**, annichenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению и информированию, что соответствует основным направлениям цифровой трансформации государственного органа. Поднимается вопрос о необходимости расширения перечня используемого в деятельности органов прокуратуры программного обеспечения для оптимизации поставленных перед работниками задач в сфере правового информирования граждан.

Ключевые слова: правовое просвещение, органы прокуратуры, искусственный интеллект, цифровая трансформация, оптимизация

Активное развитие и внедрение информационных технологий, отмечающееся в последнее время, оказывает существенное влияние на преобразование практически всех сфер жизни общества и функционирование органов государственной власти всех уровней. В документах стратегического планирования Российской Федерации к числу национальных целей развития государства на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года отнесена цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы[1].

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Президент Российской Федерации Путин В. В. неоднократно подчеркивал необходимость цифровизации всего государства, в том числе, расширения применения искусственного интеллекта (далее — ИИ). Он отмечал, что при достижении уже имеющегося результата, необходимо продолжать совместную работу по усовершенствованию информационных технологий[1]. Благодаря этому подобные новшества «способны влиять на ценности, мировоззрение людей, формировать смысловое пространство целых государств, да и человечества в целом»[2].

Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации также подвержена значительному влиянию процесса цифровизации, что отражается на комплексе средств прокурорской деятельности, применяемых при организации работы и осуществлении полномочий прокурора в надзорных и ненадзорных направлениях деятельности.

В декабре 2025 года на заседании Научно-консультативного совета в Генеральной прокуратуре обсуждались вопросы внедрения искусственного интеллекта в работу органов прокуратуры Российской Федерации. Отмечалось, что главной целью внедрения ИИ является повышение качества надзорной и правозащитной функции прокуратуры, а также снижение нагрузки на прокуроров[3].

Генеральный прокурор Российской Федерации Гуцан А. В. отмечал, что в органах прокуратуры Российской Федерации продолжается внедрение «новейших информационных технологий»[4], чему соответствует принятие новой Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года (далее — Концепция)[5].

Неизменными остаются принципы Концепции, на которых строится технологическое совершенствование органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, одним из которых является внедрение технологий искусственного интеллекта — «комплекса технологических решений, позволяющего имитировать когнитивные функции человека (включая поиск

---

[1] Путин поручил широко использовать технологии ИИ по всей России. URL: https://ria.ru/20251119/putin-2056109778.html (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Там же.

[3] В Генпрокуратуре России обсуждены вопросы практического использования технологий искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8333220/ (дата обращения: 01.03.2026).

[4] Гуцан: современные технологии не должны подменять решения должностного лица. URL: https://tass.ru/obschestvo/25132297 (дата обращения: 01.03.2026).

[5] Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11 сентября 2025 г. № 621 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»[1].

В Концепции неоднократно встречается формулировка «обеспечение возможности использования цифровых инструментов для оперативной реализации надзорных функций, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта»[2]. Деятельность по правовому просвещению к надзорным функциям органов прокуратуры не относится, поэтому положения данной Концепции применительно к теме нашего исследования необходимо рассматривать через призму цифровизации всех процессов, охватывающих деятельность прокуратуры, не исключая «ненадзорные», или же применительно к правовому просвещению как одному из видов профилактического воздействия.

В связи с переходом деятельности по правовому просвещению и информированию в интернет-пространство, Вавилин М. В. справедливо отмечает, что в данный момент «нельзя ориентироваться только на чтение лекций <…> необходимо искать новые формы организации этой работы»[3]. Он также наделяет правовое просвещение новой целью — увеличением охвата аудитории: «свободный доступ к материалам правового просвещения — один из принципов работы в этой сфере»[4]. Необходимость активной работы с размещением информации по правовому просвещению и информированию в социальных сетях, а также применение иных технологий для достижения «позитивного результата» отмечают Долидзе Н. И. и Ионкина Р. С.[5].

На наш взгляд, применение ИИ в деятельности по правовому просвещению и информированию работниками органов прокуратуры на данном

---

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 : в ред. от 15 февраля 2024 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2] Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11 сентября 2025 г. № 621 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[3] Вавилин М. В. Актуальные вопросы организации и координации системы правового воспитания и правового просвещения в Российской Федерации // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых : сб. материалов 7-й науч.-практ. конф. молодых ученых, 19 июня 2015 г., г. Москва / Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации ; под ред. А. Ю. Винокурова, К. А. Комогорцевой. М.: АГП РФ, 2015. С. 9.

[4] Там же. С. 9.

[5] Долидзе Н.И., Ионкина Р.С. Современные технологии правового просвещения и правового информирования как инструмент профилактической деятельности прокуратуры // Российский следователь. 2021. № 9. С. 55.

этапе технологического развития надзорного ведомства возможно для создания наглядных иллюстративных материалов к информационным и разъяснительным постам. Подобная практика уже распространена в социальных сетях региональных прокуратур, и, несомненно, оказывает положительное влияние не только на усиление заинтересованности граждан к правопросветительским материалам, но и оптимизирует деятельность ответственных на разработку и публикацию подобных материалов работников.

Так, прокуратурой Брянской области активно используются возможности искусственного интеллекта, а именно сервиса «Шедеврум», разработанного компанией «Яндекс» для генерации изображений, видео и текста с помощью искусственного интеллекта, о чем на самом материале делается соответствующая отметка[1]. Генерация изображений с помощью ИИ позволяет не только избежать раскрытия каких-либо данных, как в случае с фотографиями уголовных и гражданских дел и иных документов, которые часто встречаются в качестве сопровождения к информационным материалам, но и с предельной точностью визуализировать тот смысл, который заложен прокурорским работником при написании текстового разъяснения или информации.

Очевидным остается тот факт, что применять ИИ при информировании граждан об итогах тех или иных мероприятий, проведенных органами прокуратуры, где необходимо продемонстрировать наглядность достигнутых результатов является недопустимым: современные пользователи социальных сетей легко распознают подобное «приукрашивание», что негативно скажется на репутации надзорного ведомства. Необходимо четко разграничивать, когда применение технологий ИИ действительно оптимизирует деятельность работника, а когда действует во вред.

Разумеется, применение информационных технологий в деятельности по правовому просвещению не ограничивается генерацией визуальных материалов. Уже на данном этапе развития искусственного интеллекта можно говорить о его исключительной способности обрабатывать большие массивы данных и формировать итог в заданной форме — подобным образом работает большинство публичных ИИ. Возможность внесения в программу информации о новых изменениях законодательства, объемных нормативных правовых актах и т.д. для получения результата в виде разъяснительных материалов, ориентированных на различные группы населения, во многом способствовало бы упрощению деятельности по правовому просвещению на местах, учитывая сопутствующие задачи, выполняемые работниками органов прокуратуры.

[1] Официальное сообщество прокуратуры Брянской области. URL: https://clck.ru/3Rotx3 (дата обращения: 01.03.2026).

Рассматривая возможные программы, действующие на основе ИИ, отметим, что распоряжением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 1 июля 2022 г. № 364/11р утвержден единый реестр программного обеспечения органов и организаций прокуратуры[1]. Среди систем, применяемых в органах прокуратуры, наибольший интерес для данного исследования имеет интернет-браузер «Яндекс Браузер», который содержит компонент «Алиса AI», позволяющий генерировать изображения по текстовому запросу, создавать анимации на основе предоставленных материалов и обрабатывать различные виды файлов, содержащих текст. Среди отечественных ресурсов, которые можно было бы включить в перечень рекомендованных, отметим модели «СБЕРА» — «GigaChat» и «Kandinsky 5.0», обладающих аналогичными функциями и соответствующих такому принципу технологического развития органов прокуратуры, как импортозамещение.

Применение ИИ несет за собой не только практическую пользу, но и ряд сопутствующих проблем: «безопасность загрузки данных в программу, из-за чего ИИ должен быть интегрирован в закрытый контур органов прокуратуры»[2], ответственность работника органов прокуратуры в случае недостоверности сгенерированных ИИ данных; перепроверка материалов, созданных с использованием ИИ работником, что ставит под сомнение его эффективности как средства уменьшения временных затрат. Все эти проблемы необходимо решать не только в процессе активного применения ИИ в деятельности надзорного органа, выявляя компромиссные решения, но и в сотрудничестве с отечественными разработчиками таких программ, что позволит достичь качественно новых результатов во внедрении ИИ во все сферы деятельности общества.

Как отмечала Афанасьева Т.И.: «<…> внедрение цифровых технологий — это не только "следование трендам" современности, но объективная необходимость, предопределенная колоссальной загруженностью прокурорских работников»[3]. Информационные технологии, в частности ИИ, хоть и могут представлять некоторые затруднения в освоении, но являясь результатом цифровизации различных отраслей общества позволяют органам государственной власти «идти в ногу со временем», оптимизируя выполнение тех задач, которые еще недавно казались ресурсозатратными. Необходимо

[1] Об утверждении единого реестра программного обеспечения, используемого в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации : Распоряжение Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 1 июля 2022 г. № 364/11р. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/information_systems/ (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Широкова П. В., Ребковец М. А. Информатизация органов прокуратуры в рамках деятельности по правовому просвещению // КриминалистЪ. 2025. № 3 (52). С. 135.

[3] Афанасьева Т. И. Внедрение технологий машиночитаемого и машиноисполняемого права в деятельность прокуратуры Российской Федерации // Теория и практика современных информационных технологий при реализации функций органов прокуратуры : монография ; под ред. Т. И. Отческой, Н. В. Мишаковой. М. : Блок-Принт, 2023. С. 25.

выработать четкую стратегию внедрения ИИ не только в аналитическую деятельность органов прокуратуры, но и уделить внимание такой сфере, как правовое просвещение, которое осуществляется большим количеством прокурорских работников параллельно с осуществлением надзорной и иной деятельности.

Научная статья
УДК 347.963

ТРАНСФОРМАЦИЯ КООРДИНАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Екатерина Вячеславовна ТАНАЕВА
Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
tanaevakatya061@gmail.com

Научный руководитель кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева **Светлана Геннадьевна БЫВАЛЬЦЕВА**, s.g.byvaltseva@usla.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос трансформации координационной функции органов прокуратуры Российской Федерации. На основе анализа позиций ученых и действующего правового регулирования автором делается вывод о недостаточной эффективности существующей модели координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, а также предложены конкретные пути реформирования.

Ключевые слова: прокуратура, координация, правоохранительные органы, контрольно-надзорные органы, борьба с преступностью

Президент Российской Федерации Путин В. В. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ[1] 19 марта 2026 отметил, что координирующая деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью является ответственной задачей прокуратуры. Однако действующее правовое регулирование не дает прокуратуре инструментов для реализации этой задачи в полном объеме.

Анализ позиций ученых (Амирбекова К. И., Кобзарева Ф. М., Шобухина В. Ю., Харабета К. В. и др.) по вопросу координационной функции органов прокуратуры, а также анализ текущего положения дел на практике

[1] Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79360 (дата обращения: 19.03.2026).

позволяют с высокой степенью достоверности утверждать: существующая модель координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью еще не достигла предела своей эффективности.

На сегодняшний день существует ряд проблем, которые не дают прокуратуре инструментов для реализации координационной функции в полном объеме. Как справедливо отмечает Кобзарев Ф. М.[1], в правоприменительной практике произошло смешение понятий взаимодействие и координация. Взаимодействие — это эпизодические контакты, не порождающие ответственности. Координация — это управленческий процесс, предполагающий наличие координатора (прокурора) и обязанность участников исполнять согласованные решения.

Федеральные законы (далее — ФЗ), регламентирующие деятельность отдельных правоохранительных органов говорят зачастую лишь о «взаимодействии». Так, ФЗ «О федеральной службе безопасности»[2] в статье 12 среди обязанностей выделяет разработку, и осуществление во взаимодействии с другими государственными органами мер по борьбе с коррупцией, незаконным оборотом оружия и наркотических средств, контрабандой, деятельностью незаконных вооруженных формирований, преступных групп, отдельных лиц и общественных объединений, ставящих своей целью насильственное изменение конституционного строя в России.

Таким образом, указанный закон оперирует лишь термином «взаимодействие», ничего не говоря при этом об участии в координационной деятельности. Данное положение закона, хотя и не содержит термин «координация», но все же, можно сказать, приближен к участию в координационной деятельности. ФЗ «О полиции»[3] также использует термин «взаимодействие», но уже применительно к связям с государственными и муниципальными органами, правоохранительными органами, не конкретизируя при этом сферу взаимодействия (как это сделано, например, в законе о ФСБ).

Стоит отметить, ФЗ «О Следственном комитете»[4], в отличие от вышеуказанных законов, он все-таки использует термин «координация» и даже содержит статью, посвященную участию Следственного комитета в координации деятельности по обеспечению правопорядка и борьбе с преступностью. Однако данная статья, по нашему мнению, также нуждается в измене-

---

[1]Кобзарев Ф. М. Теоретические и прикладные проблемы координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью в современных условиях. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. С. 3—13.

[2]Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О федеральной службе безопасности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ниях. По отношению к участию сотрудников СКР в координационных совещаниях законодатель использует формулировку «вправе», из чего подразумевается, что следователи могут участвовать в таких совещаниях, но не обязаны. Такие неточные и неясные положения закона позволяют руководителям правоохранительных органов игнорировать координационные мероприятия без правовых последствий.

Кроме того, Амирбеков К. И.[1] справедливо обращает внимание на ключевой дисбаланс: п. 2 ст. 8 ФЗ «О прокуратуре»[2] обязывает прокурора координировать, но ни один закон не обязывает другие ведомства в этой координации участвовать. Это приводит к тому, что прокуроры «вытягивают» координацию в одиночку (формируют планы, рассылают их, контролируют).

В других странах постсоветского пространства данная проблема решена законодательным закреплением обязательности исполнения указаний прокурора в рамках координационной деятельности. Так, в законе Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь»[3] закреплено, что прокурор дает письменные указания по вопросам организации борьбы с преступностью и коррупцией, обязательные для исполнения.

Некоторые авторы также отмечают, что на практике субъекты координационной деятельности возлагают на прокурора бремя принятия решений по формированию различных планов совместной деятельности, хотя характер самой деятельности предполагает равные права и ответственность всех субъектов за результаты совместной работы по борьбе с преступностью[4].

На сегодняшний день в научной литературе представлены диаметрально противоположные позиции относительно целесообразности наделения прокуратуры функцией координации в отношении иных органов по борьбе с административными правонарушениями. Одни авторы считают, что дополнение круга участников является нецелесообразным, поскольку у прокуратуры нет для этого ни средств, ни материальных ресурсов. Мнение других авторов сходится на том, что необходимо распространить координирующую функцию прокуратуры не только на противодействие преступности, но и на сферу иных правонарушений, прежде всего — административных.

---

[1]Амирбеков К. И. Пути совершенствования правового регулирования координации прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. С. 25—30.

[2]Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220.

[4]Аушев М. А. Проблемы координации прокуратуры правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2020. С. 107—110.

Поднимает данный вопрос и Амирбеков К. И.[1], говоря о том, что актуальным остается вопрос о закреплении в законе форм участия в координации борьбы с преступностью органов административной юрисдикции исполнительной власти, выявляющих и разрешающих в сфере своей деятельности административные правонарушения, порою даже граничащие с преступлениями. Он отмечает, что иногда административное правонарушение, особенно коррупционной направленности, в стадии выявления и расследования трудно отличить от уголовного, а деятельность по выявлению административного правонарушения зачастую тождественна деятельности по выявлению коррупционного или экономического преступления.

Отметим, что на самом деле координирующая функция прокуратуры на сегодняшний день выходит за пределы сферы борьбы с преступностью. Однако координационная деятельность прокуратуры в ином понимании не упоминается в законе о прокуратуре, а находит свое отражение лишь в отдельных ФЗ. Например, в ч. 6 ст. 41 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»[2] указывается, что координацию деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления осуществляют органы прокуратуры. Аналогичное положение содержится в п. 3 ст. 63 ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[3], где закрепляется, что координацию деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов РФ и должностных лиц органов государственной власти субъектов РФ осуществляют органы прокуратуры. Однако в ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[4] подобные положения о координирующей функции органов прокуратуры отсутствуют.

Говоря о возможном реформировании координационной функции, представляется, что расширение такой функции, наделение прокурора более императивными полномочиями, а также сопутствующее детальное регламентирование такой деятельности - единственный логичный путь.

---

[1]Там же.

[2]Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Расширение такой функции должно происходить не просто за счет формального включения всех правоохранительных и контрольно-надзорных органов в участие в координационной деятельности, а за счет детальной законодательной регламентации, установления ответственности и включения новых форм координации. Координационную функцию необходимо расширить. Идея широкого понимания координационной функции сама по себе не нова, в некоторых зарубежных странах координация органов прокуратуры распространяется не только на борьбу с преступностью. В этом отношении прокуратура Республики Казахстан имеет полномочия по координации несколько широкого плана, поскольку Законом Республики Казахстан «О Прокуратуре»[1] предусмотрена координация деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью, не ограничиваясь координацией только лишь правоохранительных органов[2]. Учитывая положительный опыт зарубежных стран, представляется обоснованным распространение координирующих полномочий прокуратуры РФ не только на сферу борьбы с преступностью, но и на иные сферы — борьбу с административными правонарушениями.

Для реализации вышеуказанных предложений необходимо принять отдельный закон, который был бы посвящен основам координации деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов по противодействию преступности и правонарушениям. Целесообразным будет совершенствование правовой базы путем регулирования данной сферы деятельности не Указом Президента, который является подзаконным актом, а именно специальным законом, что придало бы координационной деятельности большую значимость.

По нашему мнению, в законе должен быть закреплен понятийный аппарат, четко разграничивающий координацию и взаимодействие, принцип обязательности участия в координационных мероприятиях для всех субъектов, также должны быть определены уровни координации, механизмы разрешения споров между соответствующими ведомствами и др.

О необходимости закрепления обязанности соответствующих должностных лиц участвовать в координационной деятельности, организуемой прокурорами различного уровня, и выполнять решения, принятые на координационных совещаниях, говорят также Амирбеков К. И.[3] и Харабет К. В.[4]

---

[1] Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuratura-vko/documents/details/722788?lang=ru (дата обращения: 19.03.2026).

[2] Купренко, В. А. Координационная роль прокуратур Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере противодействия терроризму. Молодой ученый № 24 (128), 2016. С. 351-354.

[3] Амирбеков К.И. Пути совершенствования правового регулирования координации прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. С. 25-30.

[4] Харабет К.В. Проблемы совершенствования деятельности координационных совещаний, проводимых военными прокурорами гарнизонного (окружного) звеньев. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. С. 83-87.

Для решения обозначенной проблемы касательно отсутствия положений закона, посвященных координации, а также обеспечения системности современного законодательства РФ необходимо внести изменения в законы о полиции, о Следственном комитете РФ, о ФСБ и др., дополнив их типовой статьей, регламентирующей участие в координационной деятельности.

Пример типовой формулировки:

«Статья Х. Участие в координации деятельности по борьбе с преступностью

1. Органы [наименование] обязаны участвовать в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, осуществляемой Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами.

2. Решения координационного совещания, принятые в соответствии с Положением о координации, обязательны для исполнения.

3. Руководители органов [наименование] несут дисциплинарную ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение указанных решений».

Подобную норму необходимо также закрепить применительно к контрольно-надзорным органам с некоторыми изменениями.

Достаточно актуальной является проблема отсутствия специальных правовых механизмов привлечения к ответственности за неисполнение решений координационных совещаний, планов координационной деятельности. Данный вопрос, как указывает Шобухин В. Ю., следует рассматривать не только с точки зрения ответственности за результат исполнения принятого решения, но и за его принятие, например, когда руководитель того или иного правоохранительного органа без уважительных причин уклоняется от участия в работе координационных совещаний, то есть не участвует в них или направляет вместо себя сотрудников, которые не имеют правовых оснований участия в их работе[1].

Представляется логичным предложение авторов касательно введения института ответственности в отношении органов, участвующих в координационной деятельности. Должностные лица должны нести ответственность за качество, своевременность и результативность координации в такой же степени и в таком же объеме, как и по другим своим функциональным обязанностям. Такое решение повлечет за собой, в том числе и обязательный внутриведомственный учет работы каждого правоохранительного органа по координации, потребует ведения отчетности по координации по аналогии с той, которую ведут прокуроры, позволит более объективно оценить вклад каждого в борьбу с преступностью[2].

---

[1]Шобухин В. Ю. Координационная деятельность прокуратуры в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ. Международное публичное и частное право № 1, 2019. С. 47–50.

[2]Амирбеков К. И. Пути совершенствования правового регулирования координации прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. С. 25—30.

По нашему мнению, неисполнение решений координационного совещания должно стать самостоятельным дисциплинарным проступком, информация о котором направляется прокурором вышестоящему руководителю для решения вопроса о дисциплинарном наказании. Кроме того, ответственность должна наступать за неявку на координационное совещание без уважительной причины, непредоставление запрошенной информации в установленный срок, невыполнение мероприятий, включенных в план координации, нарушение сроков выполнения мероприятий.

Кроме того, в качестве новой формы координации можно рассмотреть создание межведомственных рабочих групп с «дорожными картами». Необходимо закрепить право прокурора создавать межведомственные группы для решения комплексных проблем (например, незаконные свалки, коррупция в конкретной сфере, невыплата заработных плат и т. д.). Прокурор имел бы полномочие утверждать «дорожную карту» с конкретными сроками и ответственными за каждый этап. При этом срыв любого этапа «дорожной карты» влечет дисциплинарную ответственность.

В качестве примера реализации предложенного механизма можно рассмотреть ситуацию с образованием многочисленных свалок на границе города и района. В целях оперативного реагирования прокурор создаёт межведомственную рабочую группу с участием представителей администрации, Росприроднадзора и Роспотребнадзора и утверждает «дорожную карту», согласно которой, например, 1 марта администрация выделяет транспорт, 2 марта Росприроднадзор берёт пробы, а 5 марта прокурор обращается с иском в суд. Если 1 марта администрация не выполняет предписанное (транспорт не выделен), прокурор 2 марта фиксирует факт срыва мероприятия и 3 марта направляет главе администрации координационное предписание (либо представление как уже существующий акт прокурорского реагирования) с требованием привлечь виновное должностное лицо к дисциплинарной ответственности. В результате 10 марта глава администрации издаёт приказ о выговоре начальнику отдела транспорта, копия которого направляется прокурору. В случае если глава администрации не привлекает лицо к дисциплинарной ответственности, прокурор вносит представление вышестоящему должностному лицу — губернатору.

Подводя итог, можно отметить, что говоря о возможных путях совершенствования координационной функции прокуратуры, а также усиления статуса прокурора в рамках такой деятельности, на наш взгляд необходимо, принять новый закон, который был бы посвящен координации деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов по борьбе с преступность и правонарушениями, внести соответствующие изменения в существующие законы, а также законодательно закрепить обязанность всех субъектов участвовать в координации и нести за это ответственность, ввести новые, гибкие формы работы, адекватные современным вызовам.

Научная статья
УДК 347.963

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Тимур Александрович ЧЕРКАСОВ
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Брянск, Россия
cerkasovtimur0@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры публичного и частного права Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Аркадий Юрьевич СУВОРОВ** suvorov-ay@ranepa.ru

Аннотация. В условиях реализации национальных проектов, основанных на программно-целевом подходе и концентрации значительных бюджетных средств, возрастает потребность в эффективных механизмах прокурорского надзора, направленных на превентивное выявление хищений. На основе анализа судебно-следственной практики выделены индикаторы риска (регистрационные, кадровые, финансовые, контрактные) и предложено пороговое правило для их системной оценки. Обосновывается использование аналитической справки прокурора в качестве структурированного информационного продукта, позволяющего формировать криминалистический профиль подрядчика, оценивать достаточность оснований для возбуждения уголовного дела и обеспечивать доказывание по уголовным делам о хищениях бюджетных средств.

Ключевые слова: Национальные проекты, индикаторы риска, хищения бюджетных средств, аналитическая справка, криминалистический профиль, государственный контракт

Современная социально-экономическая политика Российской Федерации строится на программно-целевом подходе, закреплённом в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и последующих стратегических актах[1]. Национальные про-

[1]Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 год»к // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

екты фактически сформировали новую доктрину развития государства, ориентированную на достижение конкретных, измеримых результатов в сфере демографии, здравоохранения, образования, инфраструктуры и технологического суверенитета. Их реализация предполагает концентрацию значительных бюджетных ресурсов и повышенную ответственность публичной власти за эффективность расходования средств.

Бюджетный кодекс Российской Федерации закрепляет принципы законности, результативности и адресности использования бюджетных средств, а также устанавливает механизмы финансового контроля за их расходованием[1]. В условиях внешнеэкономических ограничений, санкционного давления и структурной трансформации экономики вопрос рационального и целевого использования государственных ресурсов приобретает принципиальное значение для устойчивости всей финансовой системы. В таких условиях любое хищение средств, выделенных на реализацию национальных проектов, выходит за рамки обычного имущественного преступления и фактически подрывает стратегические цели государственного развития.

Судебно-следственная практика свидетельствует о повторяемости и типичности преступных схем при освоении бюджетных ассигнований: завышение стоимости контрактов, фиктивное исполнение работ, незаконное получение субсидий, аффилированность подрядчиков и должностных лиц[2]. Несмотря на наличие разветвлённой системы финансового контроля и правоохранительного реагирования, значительная часть нарушений выявляется уже после причинения ущерба бюджету.

Недостаточно разработан вопрос о превентивном выявлении рисков в сфере реализации национальных проектов посредством аналитической деятельности органов прокуратуры. Между тем в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор наделён полномочиями по истребованию документов, анализу информации и проведению проверок исполнения законов, что объективно позволяет формировать системную модель выявления признаков хищений на ранней стадии[3].

На основе анализа судебно-следственной практики выделены следующие индикаторы риска с соответствующими пороговыми значениями:

регистрационные: возраст юридического лица менее 3 месяцев; массовость учредителя (регистрация 50 и более организаций);

---

[1]«Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации.

[2]Гусельникова О. В. Криминалистическая характеристика хищения бюджетных средств, предназначенных для реализации национального проекта «демографияк // юридические исследования. 2025. № 4.

[3]Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202- 1 // Собрание законодательства Российской Федерации.

кадровые: отсутствие работников по данным ФНС;

финансовые: демпинг (цена контракта ниже рыночной на 25 % и более); наличие транзакций, соответствующих критериям обналичивания;

контрактные: аффилированность с заказчиком (родственные связи); расторжение двух и более госконтрактов за последние три года.

Пороговое правило: при совпадении трёх и более индикаторов (из которых не менее двух — высокой степени риска) подрядчик подлежит углублённой проверке.

В этой связи необходимо научное обоснование аналитического инструментария прокурорского надзора, направленного на систематизацию индикаторов риска и формирование криминалистического профиля подрядчика как основы для выявления и пресечения хищений бюджетных средств при реализации национальных проектов.

Практическая реализация данной модели предполагает подготовку прокурором аналитической справки по результатам проверки исполнения законодательства при реализации конкретного национального проекта либо государственного контракта. Такая справка должна включать: описание выявленных индикаторов риска; анализ финансовых и контрактных связей; оценку возможной аффилированности участников; предварительную правовую квалификацию выявленных нарушений; вывод о наличии либо отсутствии признаков состава преступления. При наличии достаточных данных материалы направляются в органы предварительного расследования для решения вопроса в порядке ст. 144—145 УПК РФ с одновременным осуществлением прокурорского контроля за результатами проверки[1]. Тем самым аналитическая справка выступает не формальным документом, а структурированным информационным продуктом, обеспечивающим обоснованность последующих процессуальных решений и снижающим риск возбуждения дел без надлежащей доказательственной базы либо, напротив, необоснованного отказа в их возбуждении. В подтверждение практической значимости исследования можно привести примеры из судебной практики. Примеры судебной практики[2,3], свидетельствуют о повторяемости типичных схем хищения бюджетных средств на этапе исполнения финансовых обязательств, что подчёркивает актуальность разработанной модели прокурорской аналитической деятельности, основанной на систематизации индикаторов риска и формировании криминалистических профилей субъектов надзора.

---

[1]Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174- ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.

[2]Приговор Баймакского районного суда № 1-54/2025 от 2 марта 2025 г. по делу № 1-54/2025 - https://sudact.ru/regular/doc/bvJsWcOnpKYK/.

[3]Апелляционное постановление Калининградского областного суда № 22К-1068/2025 от 15 июля 2025 г. по делу № 3/1-193/2025 - https://sudact.ru/regular/doc/7hGM7z 5AZsQ8/ .

Указанный документ может рассматриваться в качестве «иного документа» в смысле ст. 74 УПК РФ и использоваться для оценки достаточности основания к возбуждению уголовного дела. При этом эффективность его подготовки напрямую зависит от возможности объединить разрозненные ведомственные данные в едином аналитическом программном контуре. Так в соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», иные документы могут содержать сведения, зафиксированные не только в ходе процессуальных действий, но и полученные в результате оперативно-розыскной, административной или надзорной деятельности[1]. Аналитическая справка прокурора, составленная на основе официальных данных государственных информационных систем (ЕГРЮЛ, ФНС, Казначейство, ЕИС Закупки), полностью соответствует указанным критериям при условии проверки её содержания в ходе следственных действий. Это позволяет использовать её как для оценки достаточности оснований к возбуждению уголовного дела, так и в качестве доказательства по уголовному делу после соответствующей процессуальной проверки. Внедрение современных информационных технологий, обеспечивающих интеграцию ведомственных данных (ФНС, Казначейства, ЕИС Закупки) в единую аналитическую среду, способствует повышению прозрачности контрольных процедур и оперативности прокурорского реагирования, что создаёт необходимые условия для перехода к превентивной модели выявления хищений бюджетных средств[2].

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 "О судебном при- говоре// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.

[2]Маринкин Д. Н. и Маленьких Ю. В. «Актуальные проблемы прокурорского надзора в российской федерации» // Журнал «Вестник Прикамского социального института» 2021. 63—67 с;

XIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В ФОРМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЗА АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ

Антон Олегович АКСЕНОВ
Оренбургский институт (филиал) ФГАУО ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбург, Россия
AksenowAnton1@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиал) ФГАУО ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кандидат юридических наук, доцент **Оксана Владимировна РАХМАТУЛЛИНА**, oOVRakhmatullina@msal.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется применение административного наказания в виде предупреждения как самостоятельной меры административной ответственности — начиная с его нормативного определения и заканчивая оценкой эффективности в рамках достижения целей административного наказания. Рассматриваются особенности и проблемные аспекты правоприменительного процесса, а также правовые последствия, накладываемые на субъекта ответственности. Обосновывается вопрос о необходимости сохранения предупреждения в системе административных наказаний. В рамках данных вопросов, делается вывод о целесообразности наличия предупреждения, как вида санкции.

Ключевые слова: административное наказание, предупреждение, административное правонарушение, эффективность наказания, правоприменение, административная ответственность

Предупреждение является исключительным видом наказания, которое применяется в рамках привлечения к административной ответственности. Проблема практического применения данной санкции выражается в неоднозначных ответах по вопросу целесообразности его применения. Предупреждение является наиболее мягкой формой наказания, которая, по мнению большинства граждан, не несет явных правовых последствий, что,

в свою очередь, допускает вероятность того, что субъект не осознает неправомерность своих действий, что расходится с целями, которые ставил законодатель. Вместе с тем, несмотря на неоднозначную природу данной санкции, она применяется довольно часто. Цель исследования: определить эффективность предупреждения как вида административного наказания на основе анализа правоприменительной практики и оценки рецидивной активности.

Предупреждение — один из видов административного наказания. Целью административного наказания, в соответствии со ст. 3.1. КоАП РФ, является предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, данная формулировка существенно отличается о отрасли уголовного и гражданского права, где преимущественной целью является восстановление нарушенных прав[1].

Анализируя правовую природу предупреждения, в законодательстве дано четкое определение — мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица. Порицание — осуждение, выговор, неодобрение[2]. То есть законодатель определяет, что применение предупреждение, как вида наказания, выражает отрицательную противодействующую реакцию государства на поведение субъекта также, как иные формы санкций: штраф, выдворение, конфискация и т. д., которая в свою очередь должна искоренить у субъекта, с высокой правовой культурой, возможность совершения административного правонарушения повторно, в случаях, когда лицо совершило малозначительный проступок в силу незнания нормы, или желание, в тех случаях, когда лицо совершило административное правонарушение исходя из умысла, ссылаясь на иллюзию обмана, считая, что его действия не будут выявлены, в совершении будущих правонарушений(частная превенция).

При этом исходя из содержания статьи, можно определить условия и порядок назначение предупреждения. Таким образом, условиями назначения являются[3]:

впервые совершенное административное правонарушение;

отсутствие причинения вреда или возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица.

---

[1]Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят ГД ФС РФ 20 дек. 2001 г. : (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. 2001. 31 дек. ; Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[2]Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (А–Д) [Электронный ресурс] / OCR М.В. Конник. М.: Азъ, 1992. URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 04.04.2026).

[3]Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. Ч. 1. 760 с.

исключительные ситуации: возможность замены административного штрафа предупреждением, в соответствии со ст.4.1.1. КоАП[1].

Порядок назначения наказания выражается в том, что предупреждение выносится исключительно в письменной форме. Сопровождение применения предупреждения с административным актом, свидетельствует о том, что предупреждение заносится в базу данных правонарушений в отношении субъекта, что в дальнейшем повлияет на наказание при рецидиве.

Анализируя, вышеуказанную информацию, следует понимать, что предупреждение имеет исключительные условия для назначения, которые в свою очередь свидетельствуют о малозначительности правонарушения, то есть, проступок был совершен впервые, это означает, во-первых, отсутствие рецидива и склонности субъекта к правонарушениям; во-вторых, отсутствие причинения вреда, означает, что в конкретной ситуации данное поведение не повлекло нарушение чьи-либо прав или же общественных отношений. Поэтому государство стремясь не только предупредить будущие проступки, но и сохранить гуманность и справедливость по отношению к правонарушителю, не применяет в отношении него более строгих наказаний, к примеру штраф, поскольку не видит оснований в этом. Но, несмотря на это, государство устанавливает особый порядок назначения: предупреждение выносится в письменной форме и заносится в базу данных, накладывая на лицо особый правовой статус, по которому оно считается подвергнутым административной ответственности в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении предупреждения. Если в течение года такое лицо совершит новое административное правонарушение, то к нему может быть применено более строгое административное наказание. Отсюда следует, что законодатель четко определяет, что предупреждение не стоит расценивать, как «простительный акт государства», оно в любом случае несет для субъекта административной ответственности правовые последствия, но в силу того, что проступок малозначительный, не повлекший вреда, правоприменитель ограничивается вынесением «предупреждения» о неправомерности лица.

Разобравшись с вопросом о правовой природе предупреждения, возникает вопрос о целесообразности наличия такого вида наказания с практической точки зрения. В данной части необходимо обратиться к статистическому анализу о частоте назначения предупреждения и его эффективности.

За 2020 г. Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал статистические данные по применению административных наказаний — са-

[1]Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят ГД ФС РФ 20 дек. 2001 г. : (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. 2001. 31 дек. ; Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

мой часто применяемой санкцией является предупреждение, оно было выбрано более 800 тысячах случаях.[1] Наиболее встречающийся составы проступков из данного числа являются правонарушения из гл.20 — более 500 тысяч случаев. В данных случаях, по всей видимости, суд и должностное лицо ссылается на то, что несмотря на наличие умысла, лицо не причинило вред и в следующий раз переосмыслит и исправит свое поведение. Столь широкое применение предупреждения за деяния, не содержащие реального вреда, свидетельствует о том, что правоприменители воспринимают данную санкцию не как полноценное наказание, а как формальную меру, не влекущую существенных ограничений для правонарушителя, объясняется это тем, предупреждение часто избирается вместо минимального штрафа даже в случаях, когда формально возможно назначение или того, или другого. Выбор в пользу предупреждения продиктован не стремлением достичь карательного или воспитательного эффекта, а желанием оперативно завершить производство по делу, не обременяя правонарушителя обязанностью уплаты штрафа и не создавая дополнительной нагрузки для органов принудительного исполнения.

В конечном итоге лицо, подвергнувшееся административному наказанию в виде предупреждения, должно обладать определенным уровнем правовой сознательности в том вопросе, какие правовые последствия были на него возложены и были ли они в принципе? Поскольку субъект не понесет ни материального, ни репутационного, ни иных неблагоприятных последствий, которые в данный момент отразились бы на его поведении. Для формирования однозначного ответа необходимо определить процент эффективности предупреждения, как наказания.

М.А. Саввин предлагает для оценки эффективности наказания математическую формулу для оценки[2]:

$$Э = \frac{Р}{Ц},$$

где: **Ц** — идеальная цель наказания (например, полное предупреждение правонарушений среди тех, к кому применено предупреждение, или недопущение повторных нарушений); **Р** — достигнутый результат (например, доля лиц, после применения предупреждения не совершивших новых нарушений, или снижение числа правонарушений).

[1]Голованова Т. В., Кравченко Е. В. Предупреждение как вид административного наказания [Электронный ресурс] // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-kak-vid-administrativnogo-nakazaniya (дата обращения: 31.03.2026).

[2]Юнусов В. В. О критериях и показателях эффективности административного штрафа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 1. С. 144—148.

На примере Оренбургской области: за правонарушения, которые посягают на общественный порядок и общественную безопасность (гл. 20 КоАП РФ) — 1501, стало 1051.

Таким образом, мы расцениваем, что идеальная цель наказания — это отсутствие рецидивов, а следовательно, и 1501 людей за декабрь 2024 год более не привлекались к административной ответственности к моменту января 2025 года.

Р – 1051, достигнутая цель при использовании предупреждения.

$Э = \frac{1051}{1501} = 0{,}7 * 100\% = 70\%$, оценивается эффективность предупреждения.

Таким образом, с точки зрения статистического анализа, предупреждение, как форма санкции, достаточно эффективно осуществляет поставленную перед ней цель – превенция. Практически две третьих лиц, привлеченные к административному наказанию в виде предупреждения, в дальнейшим не подвергались привлечению.

В заключении, предупреждение — это уникальная форма административной санкции, являясь наиболее мягкой формой не стоит расценивать её, как попытку законодателя, освободить лицо от всякой юридической ответственность, отнюдь, законодатель в существовании предупреждения достигает баланса, с одной стороны, государственная власть реагирует на противоправное поведение лица, сообщая ему о том, что его действия противоправные и накладывая на него особый статус. С другой стороны, законодатель допускает, что действия хоть и неправомерные, но не несут в себе какого-либо вреда, что не дают целесообразно использовать более строгие наказания. Таким образом, целесообразность применения предупреждения заключается именно в том, чтобы, не прибегая к излишне строгим мерам, официально предупредить субъекта о противоправности его поведения и тем самым достичь воспитательного и превентивного эффекта.

Научная статья
УДК 342

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГИС «ПОСЕЙДОН»

Ильдан Ирикович АЛЬМУХАМЕТОВ
Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия
ildanbergen@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры стратегического управления высокотехнологичными предприятиями Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции в отставке **Эльнара Рафисовна ИСЛАМОВА**, islamova_er@voenmeh.ru

Аннотация. Цифровая трансформация государственного управления меняет взгляды на противодействие коррупции и урегулирование конфликтов интересов. Современные технологии создают широкие возможности для автоматизации контроля, но одновременно с этим порождают новые угрозы, которые требуют определения правовых границ их применения. Главную роль в этом процессе играет государственная информационная система «Посейдон», созданная Указом Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232. Данная статья направлена на анализ правовых и организационных сторон использования этой системы в механизмах предотвращения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, выявление существующих проблем и определение направлений совершенствования нормативного регулирования.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, противодействие коррупции, цифровизация государственного управления, информационная безопасность, цифровой мониторинг, автоматизация контроля, ГИС «Посейдон», государственная гражданская служба, муниципальная служба

Создание государственной информационной системы «Посейдон» закрепляет за ней статус одного из центральных звеньев антикоррупционной инфраструктуры. В задачи системы входит обеспечение органов публичной власти аналитикой и сведениями, которые нужны для предупреждения коррупционных правонарушений. Федеральным законом от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации» определена новая роль ГИС «Посейдон» в антикоррупционном контроле[1]. Так, Л. Н. Рябчикова выделяет источниками сведений в системе информационные ресурсы ФНС России, Росфинмониторинга, Росимущества, Росреестра, а также данные, размещаемые в социальных сетях. По ее мнению, благодаря этой интеграции появляется возможность сформировать развернутое представление о коррупционных рисках, которые связаны с конкретным должностным лицом, выявить скрытые взаимосвязи между лицами и обнаружить расхождения между заявленными доходами и фактическими расходами[2].

Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации», которым утверждено Положение о ГИС «Посейдон», определяет систему как средство информационно-аналитического обеспечения деятельности по проведению с использованием информационно-коммуникационных технологий анализа и проверок соблюдения антикоррупционных ограничений[3]. С 2026 года ГИС «Посейдон» автоматически отслеживает доходы и имущество госслужащих и их семей через данные ФНС, Росреестра и других ведомств[4]. Ежегодные декларации отменены. Отчетность нужна лишь при назначении, переводе, добавлении в кадровый резерв или крупной покупке (свыше дохода семьи за три года).

Анализ ведомственных и региональных нормативных актов показывает, что в настоящее время техническая сторона использования ГИС «Посейдон» в значительной степени урегулирована. Так, приняты приказы и порядки, определяющие перечни должностных лиц, уполномоченных на работу с системой, регламентирующие направление запросов и получение информации (к примеру, Приказ Роспатента от 07.11.2025 № 121 «Об утверждении порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и должностных лиц, уполномоченных на работу с ней»[5]). Система применяется для накопления

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 28.12.2025.

[2] Рябчикова Л. Н. Инструменты цифровизации против коррупции: экономико-правовые аспекты применения // Современное право. 2025. № 4. С. 50.

[3] Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон»)» (ред. от 31.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

[4] Чиновники начали отчитываться о доходах по-новому: Разъясняем нюансы и риски [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru (дата обращения: 02.04.2026).

[5] Приказ Роспатента от 07.11.2025 № 121 «Об утверждении порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и должностных лиц, уполномоченных на работу с ней» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и хранения информации, а также как инструмент совершения юридически значимых действий в рамках антикоррупционных процедур.

Далее перейдем к рассмотрению существующей проблематики. Основная проблема, которая приобрела приоритетное значение после отмены ежегодного декларирования и перехода к непрерывному цифровому мониторингу, состоит в расхождении между техническими возможностями ГИС «Посейдон» и отсутствием нормативно закрепленных критериев для определения конфликта интересов. В силу ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», конфликт интересов представляет собой условие, при котором прямая либо косвенная личная заинтересованность лица способна повлиять на исполнение им должностных обязанностей [1]. По мнению Кожевников О. А. и Алешкова Н. П., понятие «личная заинтересованность» относится к числу оценочных категорий, что провоцирует неоправданно широкое толкование в правоприменительной практике[2]. Помимо этого, исследователи указывают на постоянное расширение круга лиц, которых признают потенциально коррупционно опасными контактерами. В этот круг попадают дальние родственники, сожители, приятели, а в отдельных случаях даже соседи. В результате этого для служащего существенно осложняется соблюдение антикоррупционных ограничений и возникает угроза увольнения добросовестных работников по формальным причинам, не связанным с действительными коррупционными проявлениями[3].

Анализ судебной практики подтверждает наличие обозначенной проблемы. Например, в одном из дел, рассмотренных в Верховном суде Республики Крым, прокуратура выявила факт передачи муниципального имущества – служебного легкового автомобиля – знакомому лицу, с которым глава поселения имела близкие отношения[4]. Несмотря на формальный повод для досрочного прекращения полномочий в связи с утратой доверия, суд отметил, что чиновница не получила доходов или иной выгоды, а передача автомобиля была мотивирована заботой о сохранности имущества. Суд пришел к выводу, что сам факт передачи муниципального имущества третьему лицу не свидетельствует о наличии конфликта интересов, и отказал в удовлетворении представления о прекращении полномочий.

---

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025)// Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

[2] Кожевников О. А., Алешкова Н. П. Дискуссионные аспекты правоприменительной практики законодательства о противодействии коррупции на муниципальной службе // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2025. № 2. С. 10—11.

[3] Кожевников О. А., Алешкова Н. П. Указ. Соч. 12.

[4] Конфликт интересов: 10 показательных судебных разбирательств [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Гарант». 2024. 3 мая. Режим доступа: https://www.garant.ru/news/1710038/ (дата обращения: 02.04.2026).

Данное дело иллюстрирует, что даже при наличии формального признака (например, близких отношений) необходимо устанавливать реальную угрозу влияния личной заинтересованности на исполнение обязанностей. Применительно к ГИС «Посейдон» это означает, что выявленный системой индикатор (например, родство служащего с контрагентом или знакомым лицом) должен служить лишь отправной точкой для проверки, а не достаточным основанием для дисциплинарного взыскания или увольнения.

Следующей проблемой является статус информации, аккумулируемой в ГИС «Посейдон». На сегодняшний день его нельзя назвать урегулированным в должной мере. В нормативных документах ведомственного уровня, которые определяют регламент обращения с системой, прописаны главным образом технические моменты обработки данных, тогда как вопрос о юридическом значении итогов ее функционирования остается без ответа. Указанные акты не поясняют, как результаты проведенного анализа соотносятся с оценочными — конструкциями «личная заинтересованность» и «конфликт интересов». Из них невозможно почерпнуть сведения о том, какие выводы, которые сделаны на основе данных системы, допустимо считать индикаторами конфликта интересов. Аналогичным образом не раскрыто, какой доказательственный вес приобретают эти результаты в процессе рассмотрения комиссиями по урегулированию конфликта интересов уведомлений, поданных служащими[1].

Нормы, которые задают порядок урегулирования конфликта интересов, допускают задействование ГИС «Посейдон» на этапе предварительной проверки уведомлений. При этом в них не зафиксированы критерии, на основании которых следует оценивать поступающие из системы данные, и не определены правовые последствия их применения. Кроме того, действующее регулирование не обеспечивает служащего, в отношении которого проводится проверка, возможностью ознакомиться со сведениями, полученными из системы, опровергнуть их недостоверность или обжаловать решение, к которому они привели. Отсутствие таких гарантий чревато ущемлением прав служащих, ведь решения, принятые по итогам цифрового анализа, способны послужить поводом для увольнения в связи с утратой доверия[2].

На наш взгляд, в целях преодоления этих правовых неопределенностей следует закрепить на нормативном уровне (например, на уровне федерального закона) следующие формализованные индикаторы конфликта интересов, подлежащие автоматическому выявлению ГИС «Посейдон» и последующей оценке комиссией:

---

[1] Как урегулировать конфликт интересов на государственной гражданской (муниципальной) службе» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кожевников О. А., Алешкова Н. П. Указ. Соч. 13.

совместное владение служащим и его близкими родственниками имуществом (долями в уставных капиталах) с юридическими лицами, являющимися контрагентами государственного органа;

участие родственников служащего в закупках, осуществляемых подведомственными ему организациями;

несоответствие расходов служащего или членов его семьи (приобретение недвижимости, транспортных средств) совокупному задекларированному доходу за три года, предшествующих покупке;

наличие устойчивых финансовых связей (переводы, кредиты) между служащим и лицами, в отношении которых он осуществляет контрольные или разрешительные функции.

Выявление указанных индикаторов не является достаточным основанием для привлечения к ответственности, но обязывает комиссию запросить у служащего объяснения и оценить, имела ли место личная заинтересованность в конкретных правоотношениях. Предлагается следующий алгоритм работы комиссии по урегулированию конфликта интересов при поступлении «сигнала» из ГИС «Посейдон»:

поступление информации из системы (отчета с указанием выявленных индикаторов);

предварительная проверка и квалификация индикаторов как потенциально связанных с личной заинтересованностью;

истребование письменных объяснений у служащего и подтверждающих документов;

оценка совокупности материалов: объяснений служащего, данных ГИС, иных документов;

подготовка мотивированного заключения с указанием, какие индикаторы подтвердились и какую правовую квалификацию они получили (усматривается ли личная заинтересованность и конфликт интересов);

направление представителю нанимателя рекомендации: о неприменении мер, о применении мер (с указанием вида) либо об увольнении в связи с утратой доверия.

В целях обеспечения процессуальных гарантий для служащего предлагается внести изменения в Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», закрепив:

право служащего на ознакомление с отчётом ГИС «Посейдон», послужившим основанием для проверки (в части, касающейся непосредственно его и членов его семьи);

право представлять дополнительные документы и письменные возражения до заседания комиссии;

обязанность комиссии отразить в протоколе оценку всех доводов служащего;

право на обжалование решения комиссии и кадрового решения в судебном порядке с возложением бремени доказывания наличия конфликта интересов на представителя нанимателя.

Предлагается закрепить на уровне постановления Правительства РФ или разъяснений Минтруда России, что сведения, полученные из ГИС «Посейдон», подлежат оценке в совокупности с иными доказательствами и не могут служить единственным основанием для увольнения в связи с утратой доверия.

Существуют и иные проблемы, связанные с работой ГИС «Посейдон». В системе сосредоточены большие объемы конфиденциальных сведений: данные о доходах, об имуществе, а также о лицах, состоящих в тех или иных взаимосвязях. Хранение этих сведений в едином массиве создает угрозы утечек и кибератак. Ведомственными приказами положения о безопасности сведены к общей норме о соблюдении требований эксплуатационной документации[1]. Специализированных норм о защите данных, получаемых в ходе антикоррупционных проверок, эти акты не содержат. Ответственность за разглашение такой информации также не предусмотрена — в связи с этим данная проблема становится актуальной в условиях расширения перечня лиц, которые подлежат контролю, и перехода от ежегодного декларирования к модели непрерывного цифрового мониторинга[2].

Правовое положение сотрудников, администрирующих ГИС, остается недостаточно определенным. Как отмечает Терещенко Л. К., антикоррупционные запреты и ограничения практически не затрагивают данную категорию лиц, хотя они имеют неограниченный доступ к конфиденциальным сведениям[3]. Необходимо разработать для них специализированные статусные требования и дополнить перечень запретов с учетом специфики их деятельности. Кроме того, переход к непрерывному цифровому мониторингу требует от кадровых служб повышения квалификации сотрудников в области работы с ГИС «Посейдон» и разработки внутренних регламентов обработки поступающих сигналов.

Таким образом, с 2026 года ГИС «Посейдон» перешла к непрерывному автоматическому контролю конфликта интересов. Достижение высокой результативности при эксплуатации данной системы сопряжено с потребностью преодоления нескольких правовых барьеров. Реализация предложенных выше направлений — закрепление формализованных индикаторов,

---

[1] Старовойт М. А. Административно-правовая регламентация электронного декларирования расходов и доходов государственных гражданских служащих // Административное право и процесс. 2025. № 3. С. 45.

[2] Трунцевский Ю. В. Совершенствование института декларирования сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 2. С. 345

[3] Терещенко Л. К. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2024. С. 92.

внедрение алгоритма работы комиссии, установление процессуальных гарантий, определение статуса сведений из ГИС и усиление защиты персональных данных — позволит сформировать работоспособную систему предотвращения конфликта интересов, построенную на гармонизации общественной потребности в прозрачности государственного аппарата с конституционно закрепленными правами граждан на частную жизнь и охрану персональных данных.

Научная статья
УДК 349

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Роман Сергеевич БЕЛОУСОВ[1], Михаил Романович БОРИСАНОВ[2].
[1,2] Институт прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия
[1] belousov_roma2006@mail.ru
[2] borisanovmixa@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **Иван Николаевич ДЕХТЯРЬ**, ivandehtyar@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается административная ответственность юридических лиц в строительной сфере за нарушение трудового законодательства, анализируются особенности правового регулирования ответственности работодателей и роль саморегулируемых организаций в обеспечении соблюдения обязательных требований. Особое внимание уделяется разграничению ответственности между строительными организациями и СРО, а также необходимости совершенствования государственного контроля и института саморегулирования в строительной отрасли.

Ключевые слова: административная ответственность, юридические лица, строительная деятельность, трудовое законодательство, саморегулируемые организации, административные правонарушения, государственный контроль, охрана труда, работодатели, строительная отрасль, правовое регулирование, публично-правовая ответственность

Административная ответственность юридических лиц в строительной сфере за нарушение трудового законодательства имеет повышенное практическое значение в силу самой специфики строительной деятельности. Строительство относится к числу наиболее травмоопасных отраслей экономики, что обуславливает повышенные требования к соблюдению правил охраны труда, оформлению трудовых отношений, организации рабочего времени и обеспечению безопасных условий выполнения работ. Именно в этой сфере нарушения работодателя нередко сопряжены не только с ущемлением индивидуальных трудовых прав работника, но и с реальной угрозой жизни и здоровью персонала на строительной площадке.

Общее нормативное основание привлечения к административной ответственности за нарушение трудового законодательства закреплено в статье 419 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которой лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются к дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами. При этом конструкция ответственности юридического лица в административном праве раскрыта в статье 2.1 КоАП РФ: организация признается виновной, если у нее имелась возможность для соблюдения установленных правил и норм, но ею не были приняты все зависящие от нее меры по их соблюдению. Для строительной организации это означает, что ее вина устанавливается не только через отдельные действия работников или руководителей, но прежде всего через оценку всей системы организации труда, охраны труда и кадрового документооборота.

Основными составами административных правонарушений, применяемыми к юридическим лицам в строительной сфере, выступают статьи 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ. Статья 5.27 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, а также отдельно — за уклонение от оформления трудового договора либо его ненадлежащее оформление. Статья 5.27.1 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение государственных нормативных требований охраны труда. Именно эти нормы образуют базовый публично-правовой механизм реагирования на типичные нарушения, допускаемые строительными работодателями.

Как указывает И. Н. Дехтярь, «в сферах строительства, обрабатывающего производства, сельского хозяйства сохраняется высокая численность нарушений трудового законодательства», в связи с чем «представляется необходимым разрешение проведения плановых проверок по охране труда в указанных сферах чаще, чем раз в три года». Данная позиция позволяет сделать вывод о том, что административная ответственность строительной ор-

ганизации должна рассматриваться не изолированно, а во взаимосвязи с деятельностью государственной инспекции труда, поскольку именно своевременный контроль обеспечивает реальное выявление нарушений трудового законодательства и применение к юридическому лицу мер административного принуждения.

Судебная практика в рассматриваемой сфере имеет значение не только как подтверждение факта привлечения к административной ответственности, но и как источник выявления системной проблемы: в строительстве функции контроля распределены между государством, работодателем и саморегулируемой организацией, однако пределы их ответственности при нарушении трудового законодательства сформулированы недостаточно чётко. Вследствие этого в доктрине и правоприменении возникает вопрос: ограничивается ли роль СРО внутренним контролем за членами либо при выявлении нарушений охраны труда и трудового оформления на строительных объектах на неё должна возлагаться более активная публично значимая обязанность по предупреждению таких нарушений. Анализ судебных актов показывает, что в настоящее время суды решают этот вопрос преимущественно в пользу персональной ответственности работодателя, оставляя СРО вне рамок трудовых составов КоАП РФ.

Для строительной отрасли особенно характерны нарушения, связанные с ненадлежащим оформлением трудовых отношений. Показательно в этом отношении дело ООО «СТАНДАРТ-СТРОЙ», в котором суд признал законным привлечение общества к ответственности по части 1 статьи 5.27 КоАП РФ за отсутствие в трудовых договорах обязательных условий о режиме рабочего времени и иные нарушения требований статьи 57 ТК РФ. Существенно здесь не только то, что суд подтвердил наказуемость самого факта ненадлежащего оформления трудовых отношений, но и то, что ответственность была возложена именно на организацию-работодателя как на непосредственного носителя обязанности по оформлению трудового договора. Тем самым судебная практика исходит из того, что даже в строительной сфере, где деятельность хозяйствующего субъекта опосредована членством в СРО, трудоправовые нарушения не «растворяются» в системе корпоративного контроля, а влекут самостоятельную публично-правовую ответственность работодателя. Вместе с тем данное дело выявляет и проблемный аспект: наличие у СРО контрольных полномочий в отношении члена само по себе не влияет на квалификацию трудового правонарушения, что демонстрирует нормативный разрыв между корпоративным контролем в строительстве и государственным механизмом защиты трудовых прав работников.

Аналогичный подход прослеживается в деле директора ООО «ДомСтрой», рассмотренном Смоленским районным судом. Суд установил, что в трудовых договорах отсутствовали сведения об условиях труда на рабочем

месте, а также о гарантиях и компенсациях за работу с вредными и опасными условиями труда, квалифицировав это по части 4 статьи 5.27 КоАП РФ как ненадлежащее оформление трудового договора. Особое значение имеет вывод суда о том, что данное нарушение не является длящимся и считается совершённым в момент заключения конкретного договора с дефектным содержанием. Этот подход подтверждает, что субъект ответственности определяется через лицо, обязанное надлежащим образом оформить трудовое отношение, то есть через работодателя либо его должностное лицо, а не через СРО как внешний контрольный субъект. Одновременно дело показывает практическую границу ответственности: даже если член СРО допускает системные нарушения кадрового оформления, сама СРО не включается судом в круг субъектов административной ответственности по трудовым составам, что свидетельствует о недостаточной нормативной определённости вопроса о её превентивной и контрольной роли в предупреждении таких нарушений.

Не меньшее значение в строительной сфере имеет статья 5.27.1 КоАП РФ, поскольку именно нарушение требований охраны труда наиболее тесно связано с рисками производства строительных работ. Согласно статье 22 ТК РФ работодатель обязан обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда. Конкретизация этих обязанностей в строительстве содержится, помимо прочего, в Правилах по охране труда при строительстве, реконструкции и ремонте, утвержденных приказом Минтруда России от 11 декабря 2020 г. № 883н. Следовательно, при выявлении нарушений требований безопасности на строительной площадке административная ответственность возникает у работодателя именно как у субъекта, обязанного организовать безопасный производственный процесс.

Не меньшее значение для рассматриваемой проблемы имеет судебная практика по статье 5.27.1 КоАП РФ, поскольку именно в сфере охраны труда наиболее остро проявляется вопрос о разграничении обязанностей работодателя и контрольных функций СРО. Так, Ленинский районный суд г. Кирова, рассматривая жалобу ООО «Нижегородская строительно-монтажная компания» на постановление инспекции труда, подтвердил законность привлечения общества к административной ответственности за нарушение требований охраны труда. Суд исходил из того, что именно работодатель обязан обеспечивать безопасные условия труда и снабжать работников необходимыми средствами для исполнения трудовых обязанностей. Следовательно, даже в условиях существования саморегулирования в строительстве судебная практика не допускает подмены публичной обязанности работодателя корпоративным контролем СРО. Однако в этом и проявляется ключевая проблема: СРО обязана контролировать деятельность своих чле-

нов, но выявленные на объекте нарушения охраны труда не трансформируются в её ответственность за последствия таких нарушений перед работниками. В результате контрольные возможности СРО и механизм административной ответственности работодателя существуют параллельно, но недостаточно связаны между собой.

Правовое положение саморегулируемых организаций определяется Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» и специальными нормами Градостроительного кодекса РФ. Согласно закону о СРО, саморегулирование осуществляется через разработку стандартов и правил деятельности, а также через контроль за их соблюдением членами организации. В строительной сфере эти положения конкретизируются статьями 55.13 и 55.14 Градостроительного кодекса РФ, согласно которым СРО осуществляет контроль за деятельностью своих членов и рассматривает жалобы на их действия или бездействие. Однако из указанных норм не следует, что СРО подменяет собой государственную инспекцию труда или несет административную ответственность за трудовые правонарушения членов как за собственные.

Следовательно, если строительная организация нарушает требования охраны труда, ненадлежащим образом оформляет трудовые договоры либо не соблюдает иные нормы трудового законодательства, субъектом административной ответственности по статьям 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ выступает именно работодатель. Саморегулируемая организация в таких случаях может нести лишь внутреннюю дисциплинарную или корпоративно-контрольную нагрузку в пределах своих полномочий, но не заменяет государственный механизм привлечения к ответственности. Это разграничение имеет принципиальное значение и для теории, и для правоприменения.

В то же время сама СРО также может выступать субъектом административной ответственности, но по иным составам. В действующем КоАП РФ закреплены специальные нормы, адресованные саморегулируемым организациям. Так, статья 14.52 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение обязанностей по раскрытию информации, статья 14.63 — за непредставление, несвоевременное представление либо представление недостоверных документов и сведений для ведения государственного реестра СРО, статья 14.64 — за нарушение требований законодательства о градостроительной деятельности о хранении документов. Тем самым законодатель исходит из самостоятельного статуса СРО как особого юридического лица, которое отвечает за ненадлежащее исполнение собственных публично значимых обязанностей.

Судебная практика в отношении самих СРО подтверждает иной характер их административной ответственности. Так, в деле СРО СОЮЗ «Содружество строителей» основанием привлечения к ответственности стало не

нарушение трудовых прав работников членами организации, а неисполнение в установленный срок предписания Ростехнадзора, связанное с отсутствием необходимых документов в делах членов СРО. Тем самым суд фактически провёл границу между двумя видами обязанностей: работодатель отвечает за соблюдение трудового законодательства перед работниками и государством, тогда как СРО отвечает за ненадлежащее исполнение собственных контрольных и организационных функций перед надзорным органом. Вместе с тем именно этот пример обнаруживает пробел в регулировании: при наличии у СРО обязанности контролировать членов закон не связывает ненадлежащее осуществление такого контроля с последствиями в сфере трудовых нарушений, что снижает профилактический потенциал саморегулирования.

Сходный вывод следует из дела Ассоциации строителей «Региональный строительный альянс», где организация была привлечена к ответственности по части 1 статьи 19.5 КоАП РФ за неисполнение требований, связанных с ведением реестра членов на официальном сайте. Судебный акт показывает, что административная ответственность СРО в строительстве концентрируется на нарушении требований о прозрачности, документообороте, раскрытии информации и исполнении предписаний надзорных органов, а не на трудовых нарушениях, допущенных членами СРО. Следовательно, в действующей модели СРО выступает субъектом ответственности только за собственное ненадлежащее поведение как специального корпоративного регулятора. Однако именно такая практика выявляет спорность существующего подхода: при формальном наличии контрольной функции СРО фактически выведена за пределы механизма реагирования на трудовые нарушения членов, что создаёт неопределённость в вопросе о достаточности её участия в предупреждении нарушений охраны труда в строительстве.

Таким образом, административная ответственность юридических лиц в строительной сфере и административная ответственность саморегулируемых организаций представляют собой два взаимосвязанных, но не совпадающих правовых блока. Первый связан с положением строительной организации как работодателя и субъекта обязанностей по соблюдению трудового законодательства и требований охраны труда. Второй обусловлен специальным статусом СРО как корпоративного регулятора, обязанного вести реестры, хранить документы, раскрывать информацию, контролировать членов и исполнять законные предписания надзорных органов. Смешение этих блоков приводит к ошибочному представлению о том, что СРО отвечает за каждое трудовое нарушение своего члена; действующее законодательство такой модели не устанавливает.

Представляется, что устранение неопределённости границ ответственности между работодателем и СРО возможно не через возложение на СРО административной ответственности за каждое трудовое нарушение её

члена, а через более чёткое нормативное разграничение их функций. Работодатель должен оставаться основным субъектом ответственности по статьям 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ как лицо, непосредственно организующее труд и охрану труда. Вместе с тем в законодательстве о саморегулировании и градостроительной деятельности целесообразно конкретизировать профилактические обязанности СРО: закрепить обязанность реагировать на сведения о грубых нарушениях охраны труда у членов, предусмотреть внутренние меры воздействия за систематические трудовые нарушения, а также установить более определённые механизмы взаимодействия СРО с государственными контрольными органами. Такой подход позволит сохранить принцип персональной ответственности работодателя и одновременно усилить превентивную роль СРО без подмены государственного трудового надзора корпоративным контролем.

Научная статья
УДК 342

ПРОБЛЕМА СВЕРХНОРМАТИВНОЙ НАГРУЗКИ В ФССП И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ ЧЕРЕЗ СПЕЦИАЛИЗАЦИЮ ДОЛЖНОСТЕЙ

Никита Алексеевич БЕСЕДИН
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (Институт №8 Технологий Предпринимательства и Права), Санкт-Петербург, Россия
nikitabesedin37@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, **Галина Владимировна ЛУКЬЯНОВА**, galina_72_05@mail.ru

Аннотация. Современный этап развития системы принудительного исполнения в Российской Федерации характеризуется глубоким и нарастающим противоречием между стремительным увеличением объема исполнительных документов и ограниченными кадровыми ресурсами Федеральной службы судебных приставов (ФССП). Актуальность реформирования должностного статуса сотрудников ведомства продиктована не только колоссальной сверхнормативной нагрузкой, которая в крупных городских агломерациях достигает критических показателей в 3 500—5 000[1] производств

[1] Приставы взыскали 1,5 трлн руб. долгов в 2025-м // Право.ру : [сайт]. 2026. 20 февр. URL: https://pravo.ru/news/262516/ (дата обращения: 03.04.2026).

на одного исполнителя, но и качественной трансформацией самого института судебного пристава. В условиях, когда количество ежегодно возбуждаемых производств исчисляется десятками миллионов, классическая модель работы судебного пристава-исполнителя начинает давать системные сбои, что требует пересмотра подходов к формированию кадрового состава.

Ключевые слова: органы принудительного исполнения, судебный пристав-исполнитель, внутренняя служба, квалификационные требования, должностной статус, дифференциация должностей, юридическое образование, исполнительное производство, служебная нагрузка, профессиональный ценз

Приравнивание сотрудников ФССП к категории служащих внутренней службы в соответствии с Федеральным законом № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации»[1] окончательно закрепило статус ведомства как особого вида государственной службы. Этот переход наложил на личный состав принципиально новые обязательства: теперь каждый пристав является официальным представителем власти, наделенным широким спектром полномочий. В последние годы эти полномочия были существенно расширены. Современный судебный пристав-исполнитель обладает инструментарием, сопоставимым с полномочиями сотрудников следственных органов: он имеет беспрепятственный доступ к банковской тайне, персональным данным, сведениям о передвижении граждан, право наложения ареста на имущество и временного ограничения специальных прав[2] (например, права управления транспортным средством).

Более того, законодательство наделяет сотрудника органов принудительного исполнения правом применять физическую силу, специальные средства и в установленных законом случаях — огнестрельное оружие[3]. Реализация столь значимых функций требует от кандидата на должность не просто исполнительности, а глубокой правовой экспертизы, высокого уровня правосознания и безупречного знания норм материального и процессуального права. Статус офицера внутренней службы по определению предполагает соответствие уровня образования сложности решаемых государственных задач.

[1]Федеральный закон «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.10.2019 № 328-ФЗ (последняя редакция).

[2]Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (последняя редакция).

[3] Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 21.07.1997 № 118-ФЗ (последняя редакция).

Однако действующая законодательная модель продолжает базироваться на устаревшем принципе «универсальности» судебного пристава-исполнителя. В рамках одного должностного регламента сотрудник вынужден администрировать как массовый «конвейер» бесспорных взысканий (административные штрафы ГАИ, мелкие налоговые недоимки), составляющих до 80 % всего массива дел, так и сложнейшие производства. К последним относятся категории дел, связанные с защитой конституционных прав: взыскание алиментов на содержание несовершеннолетних, возмещение вреда, причиненного здоровью, восстановление на работе, жилищные споры и предоставление жилья детям-сиротам.

Ситуация осложняется тем, что текущие квалификационные требования (ФЗ-328 и Приказ ФССП № 166[1]) допускают к ведению дел лиц с высшим образованием в области педагогики, психологии или экономики. В условиях нового статуса внутренней службы отсутствие базовой юридической подготовки (знаний ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ) становится критической проблемой. Педагог или психолог, не имея фундаментальных знаний о процессуальных сроках, правилах оценки доказательств и специфике исполнительного производства, неизбежно допускает ошибки. Это ведет к массовому обжалованию действий приставов в судах и, как следствие, к выплатам компенсаций из государственной казны за незаконные действия или бездействие должностных лиц. Таким образом, отсутствие юридического ценза напрямую наносит экономический ущерб государству.

Для разрешения данного системного кризиса предлагается концептуальная дифференциация должностного статуса сотрудников через внесение изменений в статьи 7 и 9 ФЗ-328. Логика реформы заключается в разделении функций на «технические» и «юридические».

Первым этапом предлагается выделение в структуре младшего начальствующего состава новой должности — «младший судебный пристав-исполнитель». Для данной категории целесообразно установить образовательный ценз на уровне среднего профессионального образования. Функционал данных сотрудников должен быть строго ограничен администрированием электронных запросов и списанием бесспорных задолженностей на сумму, не превышающую 30 000 рублей. В данном случае высшее юридическое образование является избыточным, так как работа сводится к выполнению алгоритмизированных действий в рамках автоматизированной информационной системы. Введение этой должности позволит оперативно ликвидировать кадровый дефицит на «линейных» участках работы, где высокая текучка кадров обусловлена именно монотонностью операций.

[1]Приказ ФССП России от 18.03.2025 № 166 (ред. от 24.07.2025) «О некоторых вопросах поступления на службу и ее прохождения в органах принудительного исполнения Российской Федерации».

Параллельно с этим статус основного корпуса судебных приставов-исполнителей (средний и старший начальствующий состав) должен быть профессионализирован. Введение строгого юридического ценза — обязательного наличия высшего юридического образования (уровня специалитета или магистратуры) — станет гарантией законности при реализации ими широких властных полномочий. Только профильные специалисты-юристы должны быть допущены к ведению производств, требующих сложной правовой оценки. Это позволит сосредоточить интеллектуальный ресурс службы на защите интересов наиболее уязвимых категорий граждан. Лица с педагогическим, психологическим или экономическим профилем обучения, уже работающие в системе, должны быть законодательно переориентированы на работу в рамках младшего состава или переведены на должности, не связанные с непосредственным ведением исполнительных производств.

Переход к дифференцированной модели службы принесет ряд положительных эффектов. Во-первых, повысится качество исполнительных действий. Юрист-профессионал способен более эффективно выявлять схемы сокрытия имущества должниками и грамотно аргументировать свою позицию в судах. Во-вторых, снизится нагрузка на судебную систему, так как количество жалоб на неграмотные действия приставов сократится. В-третьих, будет решена проблема профессионального выгорания. Квалифицированный юрист не должен тратить 80% рабочего времени на рассылку типовых постановлений по штрафам; его потенциал должен быть направлен на решение реальных правовых конфликтов.

Кроме того, реформа квалификационных требований соответствует общему вектору профессионализации государственного аппарата в России. По аналогии с требованиями к судьям, прокурорам и следователям, статус судебного пристава-исполнителя как офицера внутренней службы должен подтверждаться соответствующим профильным образованием. Это поднимет престиж службы в глазах общества и сделает профессию более привлекательной для выпускников ведущих юридических вузов.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что существующая модель организации деятельности ФССП России, основанная на принципе универсальности сотрудника, полностью исчерпала свой ресурс. Дальнейшее сохранение ситуации, при которой сложные юридические вопросы решаются лицами без специального образования в условиях запредельной нагрузки, ведет к деградации системы принудительного исполнения. Предложенная дифференциация должностей и введение строгого юридического ценза — это необходимый шаг к созданию современного, эффективного и законного механизма защиты прав граждан. Реформа позволит трансформировать ФССП из «механического регистратора» в высококвалифицированный орган правоприменения, где уровень компетенций каждого офицера внутренней

службы полностью соответствует сложности и ответственности решаемых им задач.

Научная статья
УДК 342

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Дана Дмитриевна БРАЖКИНА
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия
brazhkinadana@yandex.ru

Научный руководитель преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент **Наталья Васильевна ВАСИЛЬЕВА**, wekna-84mvd@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем административно-правовой защиты авторских прав в условиях цифровой трансформации общества и права. Автор анализирует недостаточность действующих норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях для эффективного предупреждения и регулирования нарушений, возникающих при использовании технологий нейросетей и стриминговых сервисов. В работе выявлены ключевые теоретические и практические сложности: размывание понятия «экземпляр произведения», отсутствие чёткого механизма установления вины и субъекта правонарушения при генерации контента нейросетью, а также процессуальные трудности фиксации нарушений в потоковом вещании. На основе анализа зарубежного опыта в сфере регулирования авторских прав в эпоху цифровизации и судебной практики автором предлагается комплекс мер по модернизации административного законодательства, включая уточнение понятийного аппарата, внедрение автоматизированных систем мониторинга и введение ответственности за нарушение маркировки контента, созданного с использованием нейросетей. Обосновывается вывод о необходимости адаптации института административной ответственности к новым технологическим реалиям для сохранения баланса интересов правообладателей, пользователей, платформ и государства.

Ключевые слова: авторское право, административная ответственность, цифровая среда, нейросети, стриминг, интеллектуальная собственность

В современных российских реалиях мы постоянно сталкиваемся с авторским правом. Недаром прежде всего оно закрепляется в Конституции Российской Федерации[1] (ст.44 — гарантия свободы творчества), в части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации[2] (далее — ГК РФ) и в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3]. Но, к сожалению, данное законодательное регулирование не является исчерпывающим.

С появлением цифрового пространства всему миру пришлось адаптироваться и создавать новые пути решения проблем, представших перед обществом и законом. Вопросы защиты авторских прав приобрели особую актуальность. Первоначально, для регулирования авторских прав в цифровой среде была разработана Директива Европейского Союза об авторском праве[4] (далее — Директива ЕС), принятая Европейским парламентом в 2019 году и направленная на модернизацию законодательства в условиях цифрового развития. Она не применяется на территории Российской Федерации (далее — РФ), но закрепляет изменения, пришедшие с новыми технологиями на территории государств-членов Европейского союза. В то же время в РФ действует ГОСТ 34916.1-2022[5] (далее — ГОСТ), закрепляющий схожие с нормами Директивы ЕС положения по регулированию цифрового пространства. Активное развитие законодательного регулирования авторского права в цифровом пространстве началось намного раньше, но данные Директива ЕС и ГОСТ «имеют целью создание эффективной системы регулирования отношений в сети Интернет»[6]. Кроме того, появление цифровых технологий дало импульс к созданию новых способов защиты авторских прав.

---

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 44 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский Кодекс Российской Федерации часть 4 от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 04.01.2026 г. с изм. от 07.07.2025 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 01.03.2026, с изм. от 29.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/790 от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, а также об изменении Директив 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС. // СПС «Гарант».

[5]ГОСТ 34916.1-2022 Интеллектуальная собственность. Использование объектов интеллектуальной собственности в сети интернет. // URL: https://protect.gost.ru/default.aspx/document1.aspx?control=31&baseC=6&id=249453 (дата обращения: 01.04.2026).

[6] Салтаева А. Д. Сравнительный анализ ГОСТ 34916.1-2022 и Директивы № 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке» // Научный аспект. 2024. № 5.

В дальнейшем развитие технологий, таких как нейронные сети (далее — нейросети) и стриминговые сервисы создало новые вызовы для административно-правового регулирования в сфере авторских прав.

Институт административно-правовой защиты интеллектуальной собственности исходит из статьи 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1] (далее — КоАП РФ). Данная статья ориентирована на классические формы пиратства: распространение контрафактной продукции, незаконное использование произведений.

Однако цифровая среда 2024—2026 годов кардинально изменила условия существования авторского права. Нейросети и стриминговые сервисы создали ситуацию, в которой традиционные юридические конструкции начинают давать сбои. Эти технологии размывают основополагающие для авторского права категории: «воспроизведение», «распространение», «доведение до всеобщего сведения» и, что наиболее важно для административного правоприменения, «вина» и «субъект правонарушения».

Первой проблемой, возникнувшей на фоне появления новых тенденций развития цифровой среды, стало указание на «экземпляры» как предмет правонарушения в статье 7.12 КоАП РФ. ГК РФ определяет экземпляр произведения как «копию произведения, изготовленную на любом материальном носителе» (ст.1268 ГК РФ). В цифровую эпоху этот критерий становится проблематичным: является ли файл, хранящийся на сервере, «экземпляром»? Является ли стриминговая трансляция, не предполагающая сохранения копии, «использованием» экземпляра? Правоприменительная практика пошла по пути расширительного толкования, признавая цифровые файлы экземплярами произведений, однако это толкование не всегда очевидно для участников правоотношений и вызывает споры.

Следующей проблемой можно считать требование цели извлечения дохода. Административное право требует доказывания направленности действий нарушителя на получение прибыли. В цифровой среде, где многие платформы монетизируют контент через рекламу, доказывание этой цели усложняется. В качестве примера можно представить следующую ситуацию: во время своего прямого эфира стример использует защищённые треки без договора с правообладателями или РАО (Российское авторское общество)/ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности). В приведённой ситуации стример безусловно нарушает авторские права правообладателя, однако, его целью не является извлечение прибыли. Для привлечения к административной ответственности необходимо установить цель совершения правонарушения, иначе — отсутствие состава правонарушения, что мы и видим на данном примере.

---

[1]Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 23.03.2026, с изм. с 03.04.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ещё одной проблемой для привлечения к административной ответственности стала необходимость установления вины в форме умысла или неосторожности (ст. 2.2 КоАП РФ). В делах о нарушении авторских прав традиционно доказывается умышленная форма вины. Однако в контексте нейросетей и стриминга доказывание умысла сталкивается с осложнением доказывания. Например, пользователь нейросети может искренне полагать, что сгенерированное изображение является оригинальным, а стриминговая платформа может не знать о том, что загруженный пользователем контент является пиратским.

Нейросети обучаются на миллионах произведений — изображениях, текстах, музыкальных композициях — и на основе выявленных образов генерируют новые объекты, которые визуально или стилистически могут напоминать охраняемые произведения, но не являются их прямыми копиями, нейросеть формирует новый объект. Это порождает феномен «гибридного сходства»: сгенерированное изображение может быть узнаваемо как стилизация под конкретного художника или как вариация на тему известного персонажа, но при этом не являться точной копией. В такой ситуации встаёт вопрос: «можно ли считать правонарушением создание нового произведения на основе уже существующих?».

Ещё одной проблемой нейросетей является квалификация действий нейросети при установлении вины субъекта. Нейросеть является лишь инструментом, а не субъектом правонарушения. Вопрос о том, на кого следует возлагать ответственность за сгенерированный контент, не имеет однозначного ответа, есть несколько подходов к пониманию субъекта в данном случае: разработчик алгоритма — однако для создания нейросетью какого-либо объекта необходимо сформулировать запрос, в котором будет заложена идея и чёткое описание желаемого результата, а это не входит в компетенцию разработчика алгоритма; пользователь, сформировавший запрос — для создания запроса пользователь задействует свои интеллектуальные способности и итоговое произведение можно считать результатом его интеллектуальной деятельности. Существует ещё один подход — произведения не имеют автора. Этот подход исходит из того, что произведения, созданные при помощи нейросети, не являются результатами интеллектуальной деятельности, следовательно, не могут иметь автора и не подлежат правовой охране. Однако следует учесть, что данный подход применим не ко всем объектам интеллектуальной собственности, так, например, в случае с литературными произведениями, они практически всегда подлежат обнародованию и не могут не защищаться законом.

В России на сегодняшний день отсутствуют прецеденты привлечения к административной ответственности за генерацию контента с помощью нейросетей. Если же говорить о зарубежном опыте регулирования отношений, связанных с использованием авторских произведений для обучения

нейросетей, то можно отметить опыт Европейского союза, США, Японии и Китая:

1. Европейский союз в принятом Законе об искусственном интеллекте (The EU Artificial Intelligence Act) установил требование о раскрытии информации об использовании охраняемых авторским правом материалов для обучения нейросетей — позволяет правообладателям отслеживать использование своих произведений.

2. США сохраняют подход, основанный на доктрине добросовестного использования. В судебных делах, рассматриваемых в 2024—2025 годах, обсуждается вопрос о том, является ли использование охраняемых произведений для обучения нейросетей использованием, не требующим лицензирования.

3. Япония приняла законодательство, разрешающее использование охраняемых произведений для обучения нейросетей без согласия правообладателя, если такое использование не наносит неоправданного ущерба интересам правообладателя.

4. Китай ввел систему обязательной фильтрации контента, генерируемого нейросетями, с требованием маркировки такого контента и удаления материалов, нарушающих авторские права.

Для российского законодательства интерес представляет опыт ЕС в части прозрачности обучающих материалов и опыт Китая в части маркировки сгенерированного материала и удалении его при нарушении авторских прав.

Далее рассмотрим стриминг. Стриминг (потоковое вещание) — это технология передачи мультимедийного контента, при которой данные передаются пользователю непрерывным потоком и воспроизводятся по мере поступления, без сохранения постоянной копии на устройстве пользователя, что создаёт трудности при выявлении правонарушений и привлечения к ответственности.

Одним из важнейших вопросов в делах о нарушении авторских прав на стриминговых платформах является определение статуса платформы как информационного посредника. Информационные посредники при определенных условиях могут освобождаться от ответственности за нарушения, допущенные пользователями (ст. 1253.1 ГК РФ). Стриминговые платформы, такие как YouTube, VK Видео, Twitch, обычно признаются информационными посредниками, поскольку они предоставляют пользователям возможность размещения контента, но сами не инициируют его создание. Однако наличие у платформы системы модерации контента или алгоритмов рекомендаций может повлиять на оценку того, «должна ли была платформа знать» о нарушениях.

Судебная практика Московского городского суда показывает, что суды признают ответчиков информационными посредниками и применяют к ним

требования о запрете создания технических условий для размещения контента, даже если не взыскивают компенсацию.

Для возбуждения дела об административном правонарушении по ст. 7.12 КоАП РФ необходимо зафиксировать факт незаконного использования объекта авторских прав. Применительно к стримингу это сопряжено с рядом трудностей. Отсутствие материального носителя — файлы могут храниться на серверах за пределами юрисдикции России, а сама трансляция может быть одноразовой и не сохраняться. А также динамичный характер нарушения — стрим может длиться несколько часов, после чего доступ к контенту закрывается. Для фиксации нарушения необходимо провести осмотр в момент трансляции, что требует оперативного реагирования со стороны правоохранительных органов.

Одним из наиболее эффективных инструментов защиты авторских прав на стриминговых платформах являются системы цифровых отпечатков. Наиболее известная из них — система Content ID, используемая на YouTube: правообладатель предоставляет платформе «цифровой отпечаток» своего произведения, при загрузке нового видео система сравнивает его с базой отпечатков и при обнаружении совпадения предлагает правообладателю варианты действий — заблокировать видео, монетизировать его, или отслеживать статистику просмотров.

С одной стороны, такие системы позволяют автоматизировать процесс выявления нарушений и оперативно реагировать на них, не прибегая к судебным процедурам. С другой стороны, они могут давать ложные срабатывания и создают риски злоупотреблений со стороны правообладателей.

В России системы цифровых отпечатков используются не всеми платформами. Для платформ, не имеющих таких систем, правообладатели вынуждены прибегать к судебной защите или взаимодействию с Роскомнадзором для блокировки пиратского контента.

Анализ судебной практики за 2022-2025 годы показывает, что количество дел об административных правонарушениях по ст. 7.12 КоАП РФ, связанных с использованием цифровых технологий, остается незначительным по сравнению с масштабами распространения пиратского контента. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году мировыми судьями и районными судами было рассмотрено около 800 дел по ст. 7.12 КоАП РФ. Из них лишь около 10 % были связаны с нарушениями в сети Интернет. Такая статистика может свидетельствовать о том, что большинство нарушений в цифровой среде не выявляются правоохранительными органами или же не квалифицируются как административные правонарушения ввиду сложности доказывания.

Для адаптации института административной ответственности к цифровым реалиям необходимо внесение следующих изменений в законодательство:

уточнение понятия «экземпляр произведения» применительно к цифровой среде. Предлагается дополнить примечание к ст. 7.12 КоАП РФ указанием на то, что под экземпляром произведения в целях настоящей статьи понимается также файл, содержащий произведение в цифровой форме, независимо от факта его сохранения на материальном носителе;

закрепление правового статуса произведений, созданных нейросетями. Например, с помощью внесения изменений в часть 1 статьи 1259 ГК РФ, дополнением пункта: «произведение, созданное с использованием нейронной сети, при условии, что использование технологий нейронных сетей носило вспомогательный характер и не заменило собой творческий процесс»;

для решения проблемы незаконного использования объектов интеллектуальной собственности при создании контента через нейросети есть три пути решения:

— ограничение доступа пользователей к нейросетям и создание правил использования нейросетей;

— создание реестра, в котором будут содержаться списки авторов, давших согласие на использование своих произведений, и список нейросетей, использующих эти материалы. А соответственно, произведения авторов, не давших согласия на использование своих произведений, априори будут считаться запрещёнными для использования нейросетью;

— маркировка контента, созданного при использовании нейросети;

закрепление административной ответственности за нарушение маркировки материалов, созданных нейросетью. Например: «нарушение требований о маркировке материалов, созданных с использованием нейронных сетей — влечёт наложение штрафа в размере...»;

упрощение процедуры фиксации нарушений в цифровой среде через внедрение систем автоматического распознавания нарушений — создание аналогов Content ID на YouTube для российских сервисов. Результаты автоматизированного мониторинга могли бы признаваться допустимыми доказательствами при условии их заверения уполномоченным должностным лицом;

внедрение международного взаимодействия. Россия участвует в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений[1],

[1]Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Всемирной конвенции об авторском праве[1] и Договоре ВОИС по авторскому праву[2]. Однако для административно-правовой защиты особое значение имеют двусторонние соглашения о взаимном признании и исполнении решений. В настоящее время исполнение решений российских судов о взыскании компенсации с иностранных компаний затруднено ввиду отсутствия международных договоров о взаимном исполнении судебных решений с большинством стран регистрации таких компаний. А также внедрение единых реестров правообладателей.

Перспективными направлениями развитие сотрудничества можно считать: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содружество Независимых Государств (СНГ) и БРИКС.

Подводя итог, мы говорим о том, что действующая система административно-правовой защиты авторских прав не в полной мере соответствует вызовам цифровой эпохи. Нейросети и стриминговые технологии создают ситуации, в которых традиционные составы административных правонарушений оказываются неприменимыми либо их применение сопряжено с непреодолимыми трудностями доказывания. Пока административная ответственность остается неэффективной, правообладатели вынуждены прибегать либо к дорогостоящим и длительным гражданско-правовым процедурам, либо к уголовному преследованию, которое не всегда соразмерно характеру нарушения. Нейросети и стриминг — это не временное явление, а новая реальность, в которой будет существовать авторское право в обозримом будущем и к правоприменению которого ещё только предстоит найти подход.

[1]Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Договор ВОИС по авторскому праву и Согласованные заявления в отношении Договора ВОИС по авторскому праву (приняты Дипломатической конференцией) (Женева, 20 декабря 1996 г.) // СПС «Гарант».

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИНУЖДЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ К СОБЛЮДЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НОРМАТИВОВ В ЧАСТИ ВЫБРОСОВ ЭНЕРГОУСТАНОВОК

Данил Дмитриевич ДАВЫДОВ[1], Владислав Евгеньевич РЯБОКОНЬ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1]danil.davydov2024@mail.ru
[2]manag07@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции, кандидат юридических наук **Луиза Сираджеддиновна БУЛГАКОВА**, 6luiza@mail.ru

Аннотация. Статья анализирует административно-правовые механизмы принуждения промышленных предприятий к соблюдению экологических норм выбросов энергоустановок, таких как котельные и теплоэлектроцентрали (ТЭЦ). Рассматривается нормативно-правовая база и роль Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). Особое внимание уделяется мерам административной ответственности, например, статье 8.21 КоАП РФ, и судебной практике. Выявлены недостатки системы, такие как низкая эффективность фиксированных штрафов, и предложены меры по их устранению: внедрение систем автоматического контроля (САК), квотирование выбросов и реформирование штрафов с учетом дохода и степени вины.

Ключевые слова: административно-правовые механизмы, административное принуждение, экологические нормативы, выбросы энергоустановок, котельные, теплоэлектроцентрали (ТЭЦ), охрана атмосферного воздуха, Росприроднадзор, КоАП РФ, административная ответственность

В Российской Федерации забота об окружающей среде является одной из лидирующих задач государства, что в целом подтверждается статьей 42 Конституции Российской Федерации, которая дает право гражданам на благоприятную окружающую среду и возмещение ущерба за экологические правонарушения[1].

[1]Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ ст. 42

Мы разберем выбросы от котельных и теплоэлектроцентралей (далее — ТЭЦ), а также как Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (далее — Росприроднадзор) контролирует их деятельность, меры административного принуждения за подобные инциденты и их эффективность.

Начнем по порядку, согласно Федеральному закону от 27.07.2010 №190-ФЗ «О теплоснабжении» и приказу Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 16.12.2016 № 944/пр об утверждении СП 89.13330 «СНИП II-35-76 котельные установки», котельные — сооружения или помещения в сооружениях, которые отвечают за получение из топлива тепловой энергии, которая позже используется в жилых домах для отопления, горячей воды и других технологических процессах.

Выбросы от данных объектов очень негативно влияют на атмосферный воздух, в целях предотвращения подобных ситуации и был введен в действие Федеральный закон № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», который устанавливает нормативы выбросов для стационарных источников, к которым как раз и относятся котельные и ТЭЦ, в данные нормативы входит: предельно допустимые выбросы, технические нормативы выбросов и другие.

Также к нормативному регламентированию можно отнести Федеральный закон №7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Из него можно сделать вывод, что большинство котельных относятся к определенной категории объектов, в данном случае разделение идет в зависимости от мощности на основе постановления Правительства РФ от 31.12.2020 № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий», то есть котельные свыше двух гигаватт мощности будут относится к 1 или 2 категории, а для них предусмотрены более серьезные требования. Например, в статье 67.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», сказано, что для 1 и 2 категории объектов существует обязанность разработать и согласовать программу экологического контроля.

Теперь нужно понять, что же такое ТЭЦ. ТЭЦ — тепловая электроцентраль, это станция внушительных размеров, которая обеспечивает район или целый город сразу горячей водой, теплом и светом, исходя из раннее сказанных слов о котельных, можно сделать вывод, что одним из отличий котельных от тэц как раз и является, что последние способны также вырабатывать электрическую энергию. Также еще одним отличием является размер и площадь действия, ТЭЦ — это внушительные станции с системой сооружений, которые способы обеспечить своими выработками целый город,

котельные же гораздо меньше и направлены на обеспечение нескольких домов.

Выбросы от ТЭЦ регулируются также, как и от котельных, Федеральным законом № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», так как теплоэлектроцентраль также относится к объектам 1 или 2 категории по упомянутому ранее постановлению Правительства № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий», однако важно добавить еще один нормативный правовой акт, который относится и к ТЭЦ и к котельным, это постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2020 года № 2055 «О предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух», в данном документе определяется порядок разработки допустимых выбросов для стационарных источников, и порядок получения, продления и переоформления разрешений, касающихся выбросов в атмосферу.

Теперь поговорим про роль Росприроднадзора в контроле выбросов от ТЭЦ и котельных. Росприроднадзор — федеральный орган исполнительной власти, находящийся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, основной функцией данного органа, согласно постановлению Правительства РФ от 30.07.2004 № 400 «Об утверждении положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2004 г. № 370» является контроль и надзор в сфере природопользования, а также в области охраны окружающей среды, в том числе в части ограничения негативного техногенного воздействия, обращения с отходами и государственной экологической экспертизы. Также в главе второй данного нормативного акта указаны полномочия, которые осуществляет орган.

Росприроднадзор проводит контрольные мероприятия, для осуществления проверки как предприятия соблюдают требования законодательства в сфере выбросов, также представители росприроднадзора участвуют в мероприятиях по введению в эксплуатацию систем автоматического контроля непосредственно на объекте, и конечно, при нарушении требований законодательства, например, в части охраны атмосферного воздуха, предусмотрена административная ответственность. «Самыми распространенными среди правонарушений, совершаемых области охраны окружающей среды

и природопользования, являются административные правонарушения, которые своей многочисленностью наносят огромный вред природным ресурсам»[1].

Однако нарушение требований, установленных законом в части выбросов, также влечет помимо административной ответственности, уголовную, и главное отличие в применении норм является размер выбросов и наступление общественно опасных последствий в виде изменения природных свойств воздуха.

Наша задача рассмотреть административное законодательство в этой сфере, а именно статью 8.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая устанавливает ответственность за нарушение правил охраны атмосферного воздуха.

Все части данной статьи предусматривают следующие санкции за «выброс вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него без специального разрешения», а именно наложение штрафа и административное приостановление деятельности.

Наглядным примером является судебное решение Арбитражного суда Удмуртской Республики по делу № А71- 14988/2019 29 декабря 2020 года[2], где ООО «Чистый город» подало заявление о признании незаконным предписания Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Изначально Управление Росприроднадзора провело плановую проверку, в ходе которой было установлено, что ООО «Чистый город» не проводило отборы проб биогаза из тела полигона, в результате чего по факту неосуществления производственного контроля атмосферного воздуха от источника выброса юридическое лицо было привлечено к административной ответственности по статье 8.1 КоАП РФ и 8.2 КоАП РФ[3]. Суд апелляционной инстанции подтвердил, что факт неосуществления производственного контроля за выбросом бензола в атмосферный воздух подтвержден. Исходя из этого примера, мы видим, что юридическое лицо не пытается устранить нарушения, на которые указало Управление Росприроднадзора, а пытается оспорить их в апелляционном суде.

Для наиболее эффективного контроля в части выбросов энергоустановок можно предложить увеличить использование систем автоматического контроля веществ. Система автоматического контроля выбросов (САК) — это комплекс технических средств, предназначенный для непрерывного измерения и учета показателей воздействия промышленного предприятия на

---

[1]Юнкина О. П. Понятие административного экологического правонарушения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-administrativnogo-ekologicheskogo-pravonarusheniya.

[2] Решение от 29 декабря 2020 г. по делу № А71-14988/2019 :: СудАкт.ру https://sudact.ru/arbitral/doc/Nj2ckH0i2dL/.

[3] "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

окружающую среду. Ключевая функция системы заключается в сборе достоверных данных о концентрации загрязняющих веществ, которые поступают в атмосферный воздух и водные объекты, от стационарных источников с последующей оперативной передачей указанной информации в государственный реестр.

Также одним из способов решения проблемы может послужить эксперимент по квотированию выбросов, что предусмотрено Федеральным законом «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» от 26.07.2019 № 195-ФЗ[1]. Целью эксперимента является снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в отдельных регионах. Данный способ может привести к более глубокому анализу состояния окружающей среды в различных территориальных образованиях нашей страны.

В настоящее время в качестве санкции множества административных правонарушений установлено денежное взыскание в твердой сумме. Исходя из решения Арбитражного суда Удмуртской Республики, указанного выше, можно считать, что штраф, установленный нормами КоАП РФ в данной области, недостаточно эффективен в связи с небольшим денежным размером. За несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов штраф юридическим лицам составляет от двадцати тысяч до ста тысяч рублей, а за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления административный штраф составляет от ста тысяч до двухсот пятидесяти тысяч рублей (за повторное нарушение от двухсот пятидесяти тысяч до четырехсот тысяч рублей). Стоит отметить, что в большинстве случаев компании не обращают внимание на штрафы, так как они не сильно влияют на их прибыль, а устранение проблемы, которая возникает в результате нарушения норм, повлечет за собой гораздо большие убытки юридических лиц. Возможно стоит предложить установить зависимость между доходом юридических лиц и размером административных штрафов. Также можно ввести прогрессивную шкалу: чем больше доход компании, тем выше процент штрафа. Дополнительно стоит учитывать степень вреда экологической среде, повторность нарушения и учитывать намеренность нарушения. «Кроме того, рассматривая возможность применения оборотных штрафов, предусмотренного законопроектом размера, необходимо отметить и тот факт, что не все участники

[1]Федеральный закон «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» от 26.07.2019 N 195-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329955/.

эксперимента имеют достаточный уровень маржинальности своих предприятий, чтобы обеспечить их полноценное функционирование после изъятия 10 % от общей выручки за предыдущий год, а для некоторых из них даже штраф в размере 5 % способен привести к нецелесообразности продолжения хозяйственной деятельности»[1].

Таким образом целесообразным представляется пересмотр действующих норм в области выбросов энергоустановок для более эффективного регулирования ответственности юридических лиц, что позволит обеспечить справедливость наказания с учётом дохода компаний, а также простимулирует компании к профилактике нарушений.

Научная статья
УДК 342.71

ПРАВОВЫЕ РИСКИ НЕУВЕДОМЛЕНИЯ О ВТОРОМ ГРАЖДАНСТВЕ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мария Станиславовна ЕВСТЕФЕЕВА
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия
maria.evstefeeva@yandex.ru

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, **Нина Михайловна КОЛОСОВА**, kolosova@ikafedra.com

Аннотация. В статье анализируется обязанность гражданина Российской Федерации уведомить государство о наличии второго гражданства. Рассматриваются правовые риски неисполнения этой обязанности: административная и уголовная ответственность, а также запрет на замещение государственных должностей. Предлагаются меры по совершенствованию системы контроля за двойным и множественным гражданством.

Ключевые слова: двойное гражданство, множественное гражданство, уведомление о гражданстве, правовые риски, административная ответственность, уголовная ответственность, бипатриды, национальная безопасность

[1]Голубь Н. В. Проблемы привлечения субъектов энергетики к административной ответственности в форме «оборотных» штрафов за недостижение квот выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух / Н. В. Голубь // Правовой энергетический форум. – 2023. – № 4. – С. 69-76. – DOI 10.61525/S231243500029320-0. – EDN QKBASN.

Институт двойного и множественного гражданства в Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный правовой феномен. С одной стороны, Конституция Российской Федерации разрешает иметь двойное гражданство в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации[1]. Более того, наша страна заключила ряд международных договоров о регулировании вопросов двойного гражданства, в частности с Таджикистаном (является действующим) и Туркменистаном (прекратил действие). С другой стороны, государство осознает риски, связанные с двойным и множественным гражданством, и по этой причине предпринимает попытки создания эффективного механизма контроля.

Двойное и множественное гражданство порождает правовые и политические риски. Данный институт часто становится инструментом манипуляции и внешнего давления.

Важным элементом системы государственного контроля в сфере гражданства является обязанность уведомления, предусмотренная частью 1 статьи 11 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[2]. Суть обязанности состоит в том, что гражданин Российской Федерации, имеющий второе гражданство, обязан подать письменное уведомление о наличии такого гражданства (документа) в территориальный орган МВД России по месту своего жительства. Срок уведомления составляет 60 дней со дня приобретения иного гражданства.

Такая процедура выглядит простой. Неисполнение обязанности влечет за собой правовые последствия.

Уведомление — это не просто формальность, это инструмент государственного контроля за лицами, которые обладают правами и обязанностями в иностранной юрисдикции.

Невыполнение обязанности уведомления является нарушением законодательства Российской Федерации в сфере гражданства.

Обязанность уведомления о втором гражданстве имеет не только учетное, но и превентивное значение. Она позволяет государству своевременно выявлять случаи потенциального конфликта интересов, а также оценивать степень вовлеченности гражданина в правовые связи с иностранным государством. В условиях роста трансграничной мобильности населения и расширения практики приобретения иностранного гражданства данный механизм приобретает особую актуальность. Он способствует укреплению пра-

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 62 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (последняя редакция) ст. 11 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вопорядка, повышает прозрачность правового статуса личности и обеспечивает баланс между конституционным правом на гражданство и публичными интересами государства.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность за нарушение установленного порядка подачи гражданином Российской Федерации уведомления о втором гражданстве или виде на жительство — административный штраф для граждан в размере от 500 рублей до 1 тысячи рублей[1]. Эта мера применяется в случаях, когда нарушение не имеет признаков преступления.

Уголовная ответственность наступает в случае умышленного сокрытия сведений. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации неуведомление гражданином России о наличии у него иностранного гражданства или вида на жительство наказывается штрафом до 200 тысяч рублей либо обязательными работами до 400 часов[2].

Различия между статьей 19.8.3. КоАП РФ и статьей 330.2. УК РФ заключаются в степени общественной опасности деяния, в характере противоправного поведения и юридических последствиях для лица. Рассматриваемое административное правонарушение связано с нарушением установленного порядка уведомления государственных органов, например, несвоевременной подачей уведомления, предоставлением неполных или недостоверных сведений. Правонарушение заключается именно в нарушении процедуры, а не в неисполнении обязанности как таковой. Уголовная же ответственность наступает в случае полного неисполнения обязанности по уведомлению о наличии иностранного гражданства или вида на жительство. Здесь речь идет уже не о нарушении порядка, а о фактическом игнорировании установленной законом обязанности. Именно поэтому оно влечет более строгие правовые последствия, чем в случае совершения административного правонарушения.

На мой взгляд, любое неуведомление о втором гражданстве является умышленным, поскольку человек, обладающий иностранным гражданством, пользуется благами и выгодами иностранного государства — правом на различные социальные выплаты и льготы, правом на участие в выборах. При этом он намеренно не уведомляет Российскую Федерацию в лице государственных органов.

Законодательство России о гражданстве в части установления санкций преследует цели национальной безопасности. Требование уведомления является инструментом государственного управления и контроля миграцион-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (23.03.2026) ст. 19.8.3. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) ст. 330.2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ных потоков и юридических связей, поскольку у лица с несколькими паспортами возникают права и обязанности в нескольких государствах одновременно.

Кроме административной и уголовной ответственности неуведомление о втором гражданстве может повлечь иные, не связанные с наказанием, последствия. Так, например, неуведомление об иностранном гражданстве станет препятствием для поступления на государственную службу.

Статья 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержит прямой запрет на нахождение на гражданской службе в случае наличия гражданства другого государства, за исключением случаев, предусмотренных международным договором[1]. Это базовое правило для всего корпуса федеральных и региональных гражданских служащих.

Аналогичные запреты установлены для замещения должностей Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. Таким образом, законодательство формирует исчерпывающий список должностей, полностью закрытых для лиц с множественным гражданством. Правовым обоснованием таких запретов является необходимость обеспечения национальной безопасности, обороны страны, а также исключения конфликта интересов, связанного с двойной лояльностью.

Для совершенствования системы контроля и учета второго гражданства и граждан Российской Федерации необходимо:

расширить роль дипломатических представительств. Необходимо ввести автоматическую передачу данных в МВД России при выдаче загранпаспорта или регистрации. Обучить консульских сотрудников помощи в подаче письменного уведомления о наличии иностранного гражданства;

создать единый государственный реестр российских граждан, имеющих иностранное гражданство или вид на жительство, на базе МВД России с наделением граждан правом самостоятельной проверки своего статуса через портал «Госуслуги»;

подготовить и заключить соглашения об обмене данными с иностранными государствами (например, Турция, ОАЭ, Армения) для автоматического выявления второго гражданства. Это повысит эффективность без нагрузки на граждан.

Таким образом, институт уведомления о наличии второго гражданства играет важную роль в обеспечении государственного контроля, правопорядка и национальной безопасности. Несоблюдение этой обязанности влечет для гражданина не только административные и уголовные риски, но

[1]Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (последняя редакция) ст. 16 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и ограничения на замещение ряда государственных должностей. Предложенные меры помогут трансформировать систему контроля за вторым гражданством, сделав ее более эффективной и адаптированной к глобальным реалиям, что укрепит доверие между государством и гражданами.

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 2026 ГОДА: ВЫЗОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Камилла Рустамовна ИЩАНОВА
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия kamilla.ishchanova.05@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е Кутафина, кандидат юридических наук **Оксана Владимировна РАХМАТУЛЛИНА**, oOVRakhmatullina@msal.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу административно-правовых проблем, возникших в ходе реализации пилотного проекта по реформированию уровней высшего образования в Российской Федерации. Выявлены терминологическая коллизия между Федеральным законом № 273-ФЗ и Указом Президента РФ № 343, парадокс лицензирования программ нового типа, дефицит координации между Минобрнауки и Рособрнадзором, а также риски масштабирования реформы при неизменной законодательной базе. Предложены конкретные меры по синхронизации нормотворчества с темпами реформы.

Ключевые слова: реформа высшего образования, пилотный проект, административно-правовое регулирование, лицензирование, аккредитация, 273-ФЗ, Указ № 343

Реформа высшего образования, запущенная Указом Президента РФ от 12.05.2023 № 343, к весне 2026 года охватила 17 вузов и затронула более ста специальностей. Масштаб растёт, а нормативная база остаётся фрагментарной: базовый закон об образовании не знает терминов пилотного проекта, единые стандарты не утверждены, механизм аккредитации программ нового типа не создан. Цель настоящей статьи — выявить ключевые администра-

тивно-правовые проблемы, порождённые разрывом между темпом политических решений и темпом нормотворчества, и предложить конкретные пути их устранения[1].

Правовой каркас реформы выстроен вокруг четырёх актов разной юридической силы. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет уровни высшего образования, порядок лицензирования и аккредитации, а также полномочия федеральных органов в сфере контроля качества[2]. Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 в редакции от 22.01.2026 расширил пилотный проект до 2029/30 учебного года и включил в него ещё 11 вузов, от МГТУ им. Баумана до Ставропольского ГАУ. Постановление Правительства РФ от 09.08.2023 № 1302 определило правила реализации пилотного проекта, перечни специальностей и критерии эффективности. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ задаёт общие принципы государственного контроля и надзора, на которые опирается Рособрнадзор при проверке вузов-участников[3]. Связка этих актов создаёт регуляторную конструкцию, которая, при всей своей внутренней логике, содержит разрывы между уровнем закона и подзаконного регулирования[4].

Федеральный закон № 273-ФЗ по состоянию на начало 2026 года продолжает оперировать понятиями «бакалавриат», «специалитет» и «магистратура». Пилотный проект при этом вводит совершенно иную систему уровней, а именно «базовое высшее образование» со сроком от четырёх до шести лет и «специализированное высшее образование» продолжительностью от одного до трёх лет. По состоянию на апрель 2026 года поправки к 273-ФЗ, закрепляющие новые уровни образования, не приняты. 17 вузов уже обязаны реализовывать программы нового типа, а закон не знает ни одного из терминов, которыми эти программы обозначаются. Диплом о «базовом высшем образовании» не имеет прямого соответствия ни одной из категорий, установленных действующей редакцией закона. Коцюрко Е. П. обоснованно указывает, что административно-правовое регулирование и комплекс административно-правовых средств, составляющих его механизм, выступают главным и наиболее эффективным управляющим воздействием государства в сфере высшего образования, а специфика современного этапа

---

[1]Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (ред. от 22.01.2026) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446951/ (дата обращения: 01.04.2026).

[2]**Ошибка! Источник ссылки не найден.**.

[3]Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 01.04.2026).

[4]Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (ред. от 22.01.2026) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446951/ (дата обращения: 01.04.2026).

трансформации предопределяет особые требования к качеству нормативной регламентации. Разрыв между терминологией закона и терминологией подзаконного акта деформирует именно этот механизм[1].

Постановление № 1302 прямо закрепило, что вузы-участники пилотного проекта ведут образовательную деятельность на основании имеющихся лицензий и государственной аккредитации. Формально это снимает административный барьер, но фактически порождает парадокс. Лицензия выдана на реализацию программ бакалавриата и магистратуры, а вуз обучает по программам «базового» и «специализированного» высшего образования, которые в лицензионном реестре не значатся. Единые федеральные государственные образовательные стандарты для программ нового типа к началу 2026 года не утверждены. Рособрнадзор в рамках 248-ФЗ проводит контрольные мероприятия, но оценивать качество программы без утверждённого ФГОС возможно лишь по критериям, которые каждый вуз установил для себя самостоятельно. Донских М. В. и Щукина Т. В. справедливо отмечают, что лицензирование, государственная аккредитация и государственный контроль качества образования представляют собой частные случаи контроля и надзора, поскольку в их основе лежит проверка соответствия деятельности образовательных организаций установленным нормам, а не регламентационная функция как таковая. Когда сами нормы не утверждены, контроль утрачивает предмет оценки. Такая модель работоспособна в рамках шести начальных участников, но при расширении до 17 вузов с разным ресурсным потенциалом контроль превращается в формальность[2].

Право вузов-участников самостоятельно утверждать образовательные стандарты фактически перераспределяет нормотворческую функцию от федерального органа к образовательной организации. МФТИ и Ставропольский ГАУ формируют стандарты подготовки независимо друг от друга, при этом Минобрнауки ограничивается методическим сопровождением, а Рособрнадзор не располагает едиными аккредитационными показателями. Коцюрко Е. П. подчёркивает, что сохранение баланса высокой степени свободы вузов и эффективного государственного контроля есть не что иное как установление пределов автономии, а многосубъектность состава регулирующих органов в сфере высшего образования дополнительно усложняет координацию[3]. «Нишевые» вузы, не располагающие ресурсами для самостоятельной разработки качественных стандартов, вынуждены копировать мо-

[1]Коцюрко Е. П. Особенности административно-правового регулирования высшего образования в условиях современного этапа трансформации / Е. П. Коцюрко // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 86—91.

[2]Донских М. В. О методах государственного управления системой образования / М. В. Донских, Т. В. Щукина // Образование и право. 2024. № 2. С. 84—87.

[3]Коцюрко Е. П. Особенности административно-правового регулирования высшего образования в условиях современного этапа трансформации / Е. П. Коцюрко // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 86—91.

дели ведущих университетов без учёта собственной специализации. Дружинин А. В. определяет подобные организации как закреплённые в территориально-локальных нишах с лимитированными ресурсами для развития и перспективами увеличения государственного финансирования, наиболее остро зависящие от резких изменений в государственной регламентации. Столичные участники опираются на крупные методические центры, региональные вузы подобной инфраструктурой не обеспечены. Межведомственный координационный механизм, способный выровнять этот дисбаланс, в нормативных актах не предусмотрен[1].

Указ от 22.01.2026 № 27 увеличил число участников пилотного проекта с шести до семнадцати, не затронув при этом базовый закон. Все четыре выявленные проблемы, от терминологической коллизии до отсутствия единых стандартов контроля, не просто сохраняются, а мультиплицируются с каждым новым вузом. Дружинин А. В. обосновывает предположение, согласно которому регламентация системы образования идёт не путём административных мер, а через повышение конкуренции среди образовательных организаций, и в этих условиях нишевым вузам предстоит развиваться в высококонкурентной среде с ограниченным доступом к ресурсам крупных государственных проектов вроде «Приоритет-2030»[2]. 273-ФЗ ожидает поправок, единые ФГОС для программ нового типа к апрелю 2026 года не утверждены, а 17 вузов обязаны начать приём абитуриентов уже с 1 сентября 2026 года. Временной зазор между расширением и нормативным закреплением создаёт правовой вакуум, в котором субъекты образовательного процесса вынуждены действовать на основании подзаконных актов, не подкреплённых законом.

Выявленные проблемы допускают несколько конкретных решений. Первоочередным шагом является закрепление в 273-ФЗ новых уровней образования с точным определением понятий «базовое высшее» и «специализированное высшее» образование, чтобы лицензионный реестр и образовательная практика перестали существовать в разных понятийных системах. Параллельно необходим единый порядок аккредитации программ нового типа, предусматривающий переходные аккредитационные показатели на период до утверждения соответствующих ФГОС. Донских М. В. и Щукина Т. В. формулируют перечень методов государственного управления системой образования, среди которых государственное регулирование (регламентация), контроль и надзор, финансирование и планирование, при этом содержание регламентации предлагается понимать шире законодательной

[1]Дружинин,А. В. Реформа государственной регламентации образовательной деятельности: возможные риски для «нишевых» вузов / А. В. Дружинин // Образование и право. 2024. № 1. С. 305—314.

[2]Дружинин А. В. Там же.

трактовки, как установление правил, норм и ограничений в сфере образования в целом. Именно синхронность этих методов с содержательными изменениями в системе определяет эффективность государственного управления. Создание межведомственной координационной структуры, объединяющей Минобрнауки, Рособрнадзор и вузы-участники, позволит распределить методическую нагрузку и снизить риск разнородности стандартов между столичными и региональными участниками пилотного проекта [1].

Разрыв между Указом № 343 и действующей редакцией 273-ФЗ породил четыре конкретные административно-правовые проблемы, каждая из которых усиливается по мере расширения пилотного проекта с 6 до 17 вузов. Терминологическая коллизия лишает дипломы нового образца прямого законодательного основания. Сохранение старых лицензий при реализации программ «базового» и «специализированного» высшего образования превращает контроль Рособрнадзора в процедуру без предмета оценки. Передача нормотворческой функции вузам без единых ФГОС создаёт разнородность стандартов, которая ударит прежде всего по региональным и «нишевым» участникам. Устранение этих проблем требует трёх синхронных шагов: внесения в 273-ФЗ определений новых уровней образования, утверждения переходного порядка аккредитации на период до принятия ФГОС четвёртого поколения и формирования межведомственного координационного механизма.

Научная статья
УДК 342.9

РАЗГРАНИЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: СМЕЖНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Полина Сергеевна КОМЛЕВА
Оренбургский институт (филиал) ФГАУО ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Оренбург, Россия
polinakomleva841@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиал) ФГАУО ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кандидат

[1] Донских М. В. О методах государственного управления системой образования / М. В. Донских, Т. В. Щукина // Образование и право. 2024. № 2. С. 84—87.

юридических наук, доцент **Оксана Владимировна РАХМАТУЛЛИНА**, oOVRakhmatullina@msal.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются тенденции в соотношении административной и уголовной ответственности применительно к смежным экологическим правонарушениям. Анализируются проблемы разграничения составов преступлений и административных правонарушений в природоресурсной и природоохранной сферах в определении юрисдикции данный отраслей. На примере типичных смежных составов выявляются критерии разграничения: характер и размер вреда, наличие тяжких последствий, форма вины, субъектный состав. Обосновывается необходимость решения данного вопроса и выдвигаются предложения по исправлению правовых коллизий.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, экологические правонарушения, разграничение составов, смежные составы, общественная опасность, правоприменение, экологический вред

Тяжело переоценить актуальность проблемы в отношении разграничения административной и уголовной ответственности. Данные сферы содержат между собой смежные составы, соотнесение которых может вызывать у суда или иного уполномоченного органа затруднение. Ведь невозможность четко и грамотно оценить и соотнести составы преступлений и административных правонарушений между собой, может повлечь за собой ряд негативных последствий, с одной стороны это приводит к неправильному назначению вида ответственности, а с другой нарушает процессуальные нормы судопроизводства. Первый случай демонстрирует полное противоречие принципам судопроизводства, таким как законность и справедливость, те принципы, на которых строится вся судебная система. В дальнейшем это выражается в нарушении прав, интересов и гарантий лица, привлекаемого к ответственности. А во втором, это грубейшее нарушение процессуальных норм в определении подсудности, что приводит к нарушению следующих критериев: а)субъектный состав: административное судопроизводство допускает более широкий круг правоприменителей, чем уголовное; б)тяжесть санкций: очевидно, что из-за поставленных законодателем целей(преимущественно карательная) уголовного права, тяжесть наказания выше, чем в административном, где главной целью наказания является превенция; в)правовые последствия: уголовное право содержит в себе институт судимости — особой правовой статус, накладываемый на лицо после отбытия наказания, содержащее в себя ряд ограничений, административное законодательство не регулирует его применение. Таким образом, ответственность за состав преступления по уголовному судопроизводству накладывает

на лицо более тяжкие последствий, чем за административное правонарушение, при этом сам законодатель не выделяет правовые критерии их разграничений. Это приводит к возникновению споров в определении подсудности — в этом и выражается актуальность данного вопроса. Исследуемая область неоднократно затрагивалась в работах научных деятелей по уголовному и административному праву: О. Л. Дубовик, В. В. Петрова, Э. Н. Жевлакова, А. П. Дмитренко и др. Целью исследования является выявление правовых критериев для разграничения административной и уголовной ответственности на примере экологического правонарушения с опорой на практику.

Первым критерием разграничения административной и уголовной ответственности является различное содержание элементов состава преступления и правонарушения. Уголовная и административная ответственность, как и иные виды ответственности, наступают при сформированном составе: это совокупность отдельных элементов, образующие целое. Поскольку мы рассматриваем в рамках экологического правонарушения, разбор состава также будет опираться на него. Основными элементами экологического правонарушения является: субъект, объект, объективная и субъективная стороны[1]. При этом содержание каждой части состава изменяется по отношению к отрасли права. Субъективная сторона обоих видов ответственности схожа между собой и не демонстрирует коренных изменений, что нельзя сказать про другие элементы. Так административный состав экологического правонарушения в качестве субъекта могут являться физические и юридические лица, чьи действия образуют состав административного правонарушения, тогда как в уголовной отрасли субъектом экологического правонарушения может выступать только физическое лицо. Разница объект административного и уголовного состава: под административным объектом следует понимать общественные отношения, урегулированные главой 8 КоАП РФ — административные правонарушения в области охраны окружающей среды, в то время как под объект уголовного преступления попадают экологические правонарушения, закрепленные главой 26 УК РФ. Существенной разницей является отсутствие некоторых состав правонарушений, закрепленные в уголовном кодексе РФ, в КоАП РФ: такие как экоцид, самоуправство, уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ и т. д. По моему мнению, отсутствует необходимость говори о разграничении объективной стороны, которая формиру-

[1]Саркисов О. Р., Любарский Е. Л. Экологическое право : учебное пособие для студ. учреждений высшего проф. образования. – 5-е изд., перераб. и доп. – Казань : Центр инновационных технологий, 2014. – 335 с. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F331996391/PRAVO.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

ется с учетом конкретных жизненных обстоятельств. Таким образом, первым критерием для разграничения является содержание состава преступления.

Второй критерий разграничения административной и уголовной ответственности наступает в том случаи, когда первый не смог четко провести границы, поскольку основные элементы экологического правонарушения совпадают между собой. Второй критерий является размер ущерба, причиненного посягательством. Вопрос о разграничении административной и уголовной ответственности не мог не затронуть законодателя, поэтому в нормативной базе национального законодательства существует разъяснение данного вопроса в постановлении Пленума ВС РФ от 18.10.2012 №21[1]. Пленум на конкретном примере экологического правонарушения — незаконная рубка лесных насаждений, регулируемая как со стороны ст.260 УК РФ, так и ст.8.28 КоАП РФ, определяет, что судам необходимо ссылаться на размер общего ущерба, если его можно квалифицировать, как «значительный размер», «в крупном размере», «в особо крупном размере» — состав правонарушения попадает под действие уголовного судопроизводства. На основе этого, можно сделать вывод, что под состав экологического преступления попадают действия, повлекшие существенный экологический вред[2] — характеризуется возникновением заболеваний и гибелью водных животных и растений, иных животных и растительности на берегах водных объектов, уничтожением рыбных запасов, мест нереста и нагула; массовой гибелью птиц и животных, в том числе водных, на определенной территории, при котором уровень смертности превышает среднестатистический в три и более раза; экологической ценностью поврежденной территории или утраченного природного объекта, уничтоженных животных и древесно-кустарниковой растительности; изменением радиоактивного фона до величин, представляющих опасность для здоровья и жизни человека, генетического фонда животных и растений; уровнем деградации земель и т.п. (п.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 14). Так рассмотрим правонарушение в области нарушения режима особо охраняемых территорий, данные общественные отношения регулируются ст.262 УК РФ и ст.8.39 КоАП. Применение и квалификация деяния по 262 УК РФ будут законной только при определении, что действия лица повлекли значительный ущерб.

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» : (ред. от 15.12.2022).

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» : (ред. от 15.12.2022).

Третий критерий представляет собой вывод, сделанный исходя из правовой природы административного и уголовного законодательства, где первое осуществляет преимущественно регулирование менее общественно-опасных действий. Таким критерием является степень общественной опасности. Степень общественной опасности характеризует количественную сторону опасности правонарушения. Она устанавливается в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли лица в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)[1]. Это можно рассмотреть на примере правонарушений в области обращения с отходами. Статья 247 Уголовного Кодекса РФ и статья 8.2.3. Кодекс об административных правонарушения РФ регулирует одинаковые составы преступлений, связанные с неправильным обращением с отходами. Поскольку в данном случаи суду будет тяжелее ссылаться на реальный размер ущерба, причиненный данным правонарушением, будет рассматриваться степень общественной опасности. Таким образом, поскольку напрямую в статье 247 УК РФ указывается на неправильное обращение с опасными отходами, если в ходе разбирательства будет выяснено, что противоправный акт был совершение в отношении опасных отходов, что стоит расценивать, как более высокую степень общественной опасности, то этот состав подлежит квалификации по ст.247 УК РФ, в обратном случаи — ст.8.2.3. КоАП РФ.

Таким образом, подводя итоги исследовательской работы, были выявлены правовой критерии, на которые суды при разграничении административной и уголовной ответственности могут ссылаться. Эти критерии построены в логической последовательности — начиная от самых «очевидных» различий, которые необходимо учитывать, и заканчивая критериями, установленные из правоприменительной практики.

[1]Уголовное право России. Общая часть : учебник для бакалавров / И. В. Алёшина, Ю. В. Багай, Э. А. Багун [и др.] ; под ред. А. И. Плотникова. Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2016. 442 с. – ISBN 978-5-4417-0659-9. – URL: https://oimsal.ru/sites/default/files/1fCA7C.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

Научная статья
УДК 342

ОБЪЕКТИВНОЕ ВМЕНЕНИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ

Михаил Евгеньевич ОСИПОВ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Mihon13th@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Луиза Сираджеддиновна БУЛГАКОВА,** 6luiza@mail.ru

Актуальность исследования объективного вменения в административном праве связана с ростом регуляторной нагрузки и необходимостью обеспечения конституционных гарантий прав и свобод личности. Расширение упрощённых процедур привлечения к ответственности усиливает риск формального вменения, при котором установление вины подменяется самим фактом совершения правонарушения. В научной литературе подчёркивается, что подобная практика ослабляет действие принципа презумпции невиновности и приводит к фактическому смещению бремени доказывания на привлекаемое лицо. Как отмечает В. В. Гирийчук, при фиксации правонарушений специальными техническими средствами существенно усложняется установление субъективной стороны деяния, что негативно сказывается на реализации принципа вины[1].

В нормативно-правовой плоскости принцип вины реализуется через положения о формах вины, содержащиеся в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), детализируемые правоприменительной практикой и разъяснениями судебной системы. В то же время практические механизмы реализации этого принципа нередко сталкиваются с трудностями при применении статей, допускающих объективные элементы вменения (например, в областях, связанных с безопасностью дорожного движения, охраной труда, экологией и др.), что порождает правовую неопределённость и риски для принципа презумпции невиновности.

[1]Гирийчук В. В. Проблемы доказывания вины и применения принципа презумпции невиновности при фиксации специальными техническими средствами // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 45—49.

Так, по мнению А. В. Наумова, в административном праве наблюдается тенденция к расширению объективного вменения, при которой установление вины нередко подменяется констатацией самого факта правонарушения, что противоречит конституционному требованию учета субъективной стороны деяния[1]. Аналогичной позиции придерживается С. В. Максимов, указывая, что формальный подход к доказыванию вины в делах об административных правонарушениях снижает гарантии защиты прав привлекаемых лиц и фактически ослабляет действие принципа презумпции невиновности[2].

Цель настоящего исследования — дать теоретико-правовую характеристику института объективного вменения в административном праве, выявить его источники и механизмы, проанализировать риски нарушения прав субъектов и выработать практические рекомендации по снижению негативных последствий его применения. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: определить содержательную границу понятия «объективное вменение» применительно к административным правонарушениям; проанализировать нормативно-правовую базу и судебную практику; оценить влияние института объективного вменения на защиту прав и законных интересов участников административного процесса; предложить направления правового регулирования и правоприменительной практики, обеспечивающие баланс между эффективностью государственного надзора и гарантиями индивидуальной ответственности.

В сфере обеспечения безопасности дорожного движения объективное вменение проявляется прежде всего в автоматической фиксации нарушений: ключевое значение приобретают фото, видео и иные данные, полученные техническими средствами в автоматическом режиме. Это повышает оперативность контроля за соблюдением правил дорожного движения, но одновременно создает риск привлечения собственника транспортного средства без установления субъективной стороны деяния. Как отмечает В. В. Гирийчук, при такой фиксации «автоматически исключается» учет субъективной стороны административного правонарушения, что связано с игнорированием принципа индивидуализации наказания[3].

Отдельно подчеркнуто, что порядок и последствия привлечения по результатам автоматической фиксации закреплены в положениях КоАП РФ

---

[1]Наумов А. В. Проблемы реализации принципа вины в административном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 45—49.

[2]Максимов С. В. Презумпция невиновности и проблемы доказывания вины в административном процессе // Закон и право. 2020. № 7. С. 112—116.

[3]Гирийчук В. В. О субъективных признаках административных правонарушений в области дорожного движения, зафиксированных специальными техническими средствами // Закон и право. 2020. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-subektivnyh-priznakah-administrativnyh-pravonarusheniy-v-oblasti-dorozhnogo-dvizheniya-zafiksirovannyh-spetsialnymi-tehnicheskimi (дата обращения: 27.03.2026).

(в частности — специальные правила главы 12 и нормы о порядке оформления материалов при использовании технических средств, работающих в автоматическом режиме). Закон допускает соответственную упрощённую процедуру привлечения при наличии данных автоматической фиксации, однако сохраняет механизмы защиты прав привлечённого лица, включая возможность оспаривания и представления альтернативных доказательств.

Позиция судебной системы и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Пленум ВС РФ № 20) имеют ключевое значение при оценке допустимости объективного вменения в этой области. Так, Пленум ВС РФ № 20 подчёркивает необходимость индивидуального подхода при рассмотрении дел о нарушениях, зафиксированных техническими средствами, и указывает на допустимые пределы использования автоматических доказательств при сохранении процессуальных гарантий лица, привлечённого к ответственности[1]. В частности, подчеркивается, что автоматическая фиксация должна сопровождаться проверкой данных и возможностью установления фактических обстоятельств дела.

Законодательно закреплённый механизм привлечения по результатам фото и видеофиксации предусматривает, что владельцу (собственнику) транспортного средства может быть вменена ответственность на основании данных технического средства при соблюдении установленного порядка оформления материалов. При этом действуют специальные процессуальные гарантии: собственник освобождается от ответственности, если он докажет, что в момент совершения правонарушения транспортное средство находилось во владении или пользовании другого лица, либо что оно было выведено из его распоряжения и т.п. (процедурные основания закреплены в специальных нормах о порядке рассмотрения дел при автоматической фиксации).

На практике это означает следующее: автоматические данные дают органам возможность быстро формировать постановления, что снижает время реагирования на массовые нарушения и повышает профилактический эффект; одновременно собственнику остаётся возможность представить доказательства, опровергающие факт его причастности (документы о передаче транспортного средства, показания, иные доказательства), при этом суды должны внимательно проверять достоверность и полноту автоматических

[1]Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // пп. 26—30.

материалов; важен контроль корректности работы технических средств (наличие калибровки, корректное время, геометка и сохранность массива данных), поскольку ошибки оборудования либо неправильная обработка данных повышают риск неправомерного привлечения.

Проблемы, вытекающие из интенсивного использования камер фиксации, связаны прежде всего с потенциалом формального вменения ответственности и недостаточным учётом субъективного элемента. Основные риски: автоматические постановления без полноценной проверки сопутствующих обстоятельств (кто управлял транспортным средством, была ли передача права пользования и т.д.); технические ошибки и отсутствие прозрачности по алгоритмам обработки данных; затруднения для граждан в оперативном предоставлении доказательств своей непричастности.

Особенности нормативного регулирования объективного вменения в административном праве наиболее ярко проявляются в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, где широко применяются автоматические средства фото и видеофиксации правонарушений. Действующее законодательство предусматривает возможность привлечения к административной ответственности собственника транспортного средства в случаях, когда нарушение зафиксировано техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, и отсутствует возможность непосредственного установления лица, управлявшего транспортным средством.

Данная правовая конструкция получила оценку в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной, в частности, в Определении от 02.07.2019 № 1835-О «По запросу Костромского областного суда о проверке конституционности части 2 статьи 2.6.1, части 1 статьи 4.5, пункта 5 части 1 и пункта 6 части 4 статьи 28.1, части 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Конституционный Суд Российской Федерации указал, что подобный механизм не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку направлен на защиту жизни и здоровья граждан, обеспечение безопасности дорожного движения и снижение уровня правонарушений. Тем самым подчеркивается допустимость использования особых правовых средств, обеспечивающих эффективность публичного контроля в условиях массовости правонарушений и ограниченных возможностей их индивидуальной фиксации традиционными способами[1].

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации особо отметил, что привлечение к ответственности собственника транспортного средства при автоматической фиксации правонарушения не может рассматриваться как классическое объективное вменение. Допустимость данной

[1]Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.07.2019 № 1835-О // Собрание законодательства РФ. 2019.

модели обусловлена её специальным характером и наличием процессуальных гарантий, обеспечивающих соблюдение принципа вины. Суд исходит из того, что такая ответственность носит превентивный характер и основана на особом правовом статусе собственника транспортного средства как лица, обязанного осуществлять контроль за использованием источника повышенной опасности.

Существенное значение в правовой позиции Конституционного Суда имеет вопрос распределения бремени доказывания. Суд допускает возможность его частичного смещения на собственника транспортного средства, однако такое смещение не является абсолютным и не освобождает уполномоченные органы от обязанности доказывания события административного правонарушения и соблюдения установленной процедуры. Автоматическая фиксация создает лишь презумпцию причастности собственника, которая подлежит опровержению. Лицу должна быть предоставлена реальная возможность доказать, что в момент совершения правонарушения транспортное средство находилось во владении или пользовании другого лица либо выбыло из его контроля.

Конституционный Суд Российской Федерации также подчеркнул, что любые сомнения в виновности лица должны толковаться в его пользу, а правоприменительные органы обязаны обеспечивать всестороннее, полное и объективное рассмотрение дела. Тем самым исключается возможность формального подхода, при котором факт фиксации правонарушения автоматически влечёт привлечение к ответственности без оценки иных обстоятельств.

Для снижения процента случаев объективного вменения следует изменить подход к установке и работе камер автоматической фиксации правонарушений. Для наиболее точной и справедливой фиксации правонарушений камеры стоит устанавливать так, чтобы система фиксировала не только сам автомобиль и регистрационные знаки, но и лицо водителя. Это позволит наиболее точно определить лицо, совершившее административное правонарушение. Для определения лица нужно внедрять в систему нейросетевые технологии, чтобы они помогали определять лицо, управляющее транспортным средством, и сравнивали его с биометрическими данными собственника из базы данных. В случае несовпадения система должна обращаться к фотографиям лиц, допущенных к управлению по полису ОСАГО. Если же и в этом случае совпадение не будет установлено, постановление должно выноситься в отношении собственника. Такая система облегчит процесс доказывания для граждан, особенно в случаях привлечения лица по статье 12.12 КоАП РФ за повторный проезд на запрещающий сигнал светофора. Лицо, фактически проехавшее на запрещающий сигнал первый раз, но име-

ющее на автомобиле штраф за аналогичное правонарушение, будет освобождено от доказывания своей невиновности, так как в системе автоматической фиксации есть доказательство его невиновности.

Таким образом, в сфере безопасности дорожного движения законодательством и правоприменительной практикой сформирована особая модель юридической ответственности, которая сочетает элементы объективного и субъективного вменения. Её специфика заключается в допустимости презумпции ответственности собственника транспортного средства при условии её опровержимости и сохранения ключевых процессуальных гарантий. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации играет в данном контексте определяющую роль, устанавливая пределы допустимости подобного регулирования и обеспечивая баланс между публичными интересами государства и конституционными правами личности.

Научная статья
УДК 342

ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексей Дмитриевич ПЕТРОВ
Санкт-Петербургский Государственный Университет Аэрокосмического приборостроения (Институт №8 Технологий Предпринимательства и Права), Санкт-Петербург, Россия
alexey.petrov22811@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского Государственного Университета Аэрокосмического Приборостроения, кандидат юридических наук, **Галина Владимировна ЛУКЬЯНОВА,** galina_72_05@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные проблемы, затрагивающие правила дорожного движения в Российской Федерации. В современных реалиях автовладельцы и водители постепенно становятся слабо защищенными субъектами в сфере эксплуатации автотранспорта, поскольку в отношении них активно усиливаются меры ответственности административно-правового характера, наблюдается ряд неточностей и пробелов в нормативно-правовых актах, требующих рассмотрения, детального анализа и предложения внесения поправок в законодательство.

Ключевые слова: автотранспортные средства, транспортные средства, автомобили, автовладелец, водитель, правила дорожного движения, правонарушения, штрафы, цифровизация

По состоянию на январь 2024 года на территории РФ зарегистрировано более 55 миллионов единиц автомобильной техники, 85 % из которых приходятся на легковые автомобили (более 45 миллионов)[1]. В области административных правоотношений с автотранспортом множество дискуссий вызывают вопросы ПДД[2] и штрафов, поскольку они касаются непосредственно эксплуатации автотранспортных средств и требуют детального рассмотрения.

С 1 января 2025 года вступил в силу закон[3], в соответствии с которым ужесточается ответственность за ряд правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ[4]. Размер штрафов за многие правонарушения увеличился в 1,5 раза, а размер скидки за быструю оплату уменьшили вдвое, поэтому общее повышение по многим статьям составило 2,25 раза. На фоне критики со стороны населения ряд депутатов даже выступили с инициативой о вопросе конституционности данной поправки, однако их доводы были отклонены Конституционным судом.[5] По мнению более 90 депутатов из 4 фракций данное повышение является нарушением регламента деятельности Государственной Думы, поскольку в процессе принятия законопроект кардинально изменил концепцию: вместо небольших изменений по сути произошла одна из крупнейших реформ XXI века в автотранспортной области. Все это было осуществлено без предварительных публичных дискуссий и без привлечения экспертных оценок. Изначально законопроект затрагивал изменения положений статей 12.3 и 12.37 КоАП РФ («Управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов предусмотренных Правилами дорожного движения» и «Несоблюдение правил об

[1]АВТОСТАТ – «В России числится почти 55 млн автотранспортных средств»// URL: https://www.autostat.ru/news/56920.

[2]Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/.

[3]Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 26.12.2024 № 490-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494425/.

[4] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ, Глава 12. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ddf872bbf0198a5ffe733c85ac8e65649ba9824d/.

[5]Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2025 г. № 1220-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона от 26 декабря 2024 года № 490-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"» // URL: https://base.garant.ru/412071846/.

обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» соответственно), однако ко второму чтению было предложено 17 поправок. По итогу увеличения коснулись 131 штрафа за нарушения ПДД. Депутаты прежде всего ссылались на несоразмерность тяжести правонарушений и мер ответственности, предусмотренных за них, а также на общее снижение числа правонарушений в области дорожного движения.

Касаемо статистики, за 2024 год в области дорожного движения было зарегистрировано 939 826 административных правонарушений[1], что подтверждает тенденцию их снижения. Статистика в 2023 году составила 954 288 правонарушений, показатели 2022 года достигали 1 049 644 рассмотренных дел, а за 2021 год — 1 081 257 случаев нарушения ПДД. Показатели более раннего периода еще выше, например, 1 326 979 правонарушений в 2016 году. В целом, в последние 10 лет наблюдается спад общего числа нарушений ПДД, поэтому позиция депутатов-инициаторов верна и подкреплена статистическими данными.

Затрагивая вопрос соразмерности тяжести правонарушения и меры ответственности, важно понимать, что повышение штрафов должно осуществляться, исходя из общественной опасности правонарушения и риска возможных негативных последствий в случае отклонения от правил. К примеру, усиление ответственности за нарушение скоростного режима на дорогах общего пользования, за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и другие подобные правонарушения является просто обязательным для обеспечения безопасности на дорогах. Однако увеличение ответственности «абсолютно за все» не является обоснованным. Нарушения правил парковки и незначительные несоблюдения знаков или разметки далеко не всегда являются источником общественной опасности, а в определенных случаях нарушения ПДД и вовсе обоснованы в силу крайней необходимости или человеческого фактора.

Ключевой проблемой является не сам принятый федеральный закон, указанный выше, а в целом тенденция введения ряда запретов, ужесточений ответственности и необоснованности наказаний.

В современных реалиях водители очень часто получают штрафы за нарушение ПДД с камер фотовидеофиксации на дорогах даже если состав административного правонарушения отсутствует. Многие ситуации и вовсе являются абсурдными: штрафы приходят за тень от машины за сплошной линией разметки[2]; нарушение скоростного режима записывается не на автовоз, груженый десятком автомобилей, а на транспортное средство на нем

[1]Судебная статистика РФ // URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/72.
[2]Александр Шумский // URL: https://t.me/proboknet/11083.

перевозимое[1]; пассажиров наказывают за использование мобильных телефонов[2]. Подобных ситуаций множество и, к сожалению, жертвами несовершенства работы системного механизма становятся граждане. Обжалование подобного рода постановлений, по сути, бессмысленно, поскольку, для того чтобы вернуть условные 1000—1500 рублей, выплаченные за правонарушение, которое на самом деле не осуществлялось, придется собрать ряд бумаг и пройти через «бюрократическую волокиту», доказывая свою невиновность и тратя гораздо больше материальных ресурсов и времени. Большинство граждан не хотят этим заниматься, некоторые вовсе не понимают правовых механизмов и процедур, а затраты на юристов или адвокатов будут значительно выше стоимости оплаты штрафа.

По данному вопросу летом 2025 года в Государственной Думе начались обсуждения касаемо возможности введения наказания для должностных лиц, вынесших постановление о привлечении водителей к ответственности за нарушение ПДД, если впоследствии оно было отменено. С законопроектом выступил депутат Ярослав Нилов. Предлагается дополнить главу 12 КоАП новой статьей 12.35.1. Пока что неизвестно к чему приведет данная инициатива, будут ли благоприятные последствия, однако идея является достаточно интересной, свежей и возможно изменит ситуацию со штрафами в лучшую сторону.[3]

Важно понимать, что постановление об административном правонарушении выносит не камера и цифровая система, а уполномоченный на это сотрудник. И как показывает практика, многие фото- или видеоматериалы должностными лицами рассматриваются и изучаются далеко не лучшим образом, либо вовсе остаются без внимания, поэтому возможность введения наказания для работников ГАИ может способствовать повышению качества работы в ведомстве и сократить число необоснованных штрафов.

Еще одной большой проблемой является тема скоростного режима на дорогах. Повышение штрафов в 2025 году коснулось и положения о превышении допустимой скорости движения. С одной стороны, мера ужесточения ответственности в данном вопросе является правильной, поскольку превышение установленных законом скоростных лимитов — это общественно опасное деяние. Однако, с другой стороны, штраф за нарушение скоростного режима никогда не являлся сдерживающей мерой для многих водителей.

---

[1]Александр Шумский // URL: https://t.me/proboknet/11074.

[2]Александр Шумский // URL: https://t.me/proboknet/10945.

[3]РИА Новости — В Госдуме предложили ввести наказание за незаконные штрафы с камер // URL: https://ria.ru/20250730/shtrafy-2032249741.html.

Справедливым будет замечание о том, что автовладельцы, предпочитающие дорогостоящие транспортные средства, обладающие большими мощностями, в большинстве случаев превышают скорость и продолжают это делать, даже не смотря на увеличение размера материальной ответственности. По сути, сейчас штрафы за скорость — это не мера сдерживания на дорогах и обеспечения безопасности движения, а лишь один из источников пополнения государственного бюджета. Безусловно, в будущем эта законодательная реформа может и даст положительный эффект. Необходимо минимум 2—3 года, чтобы выявить новую статистику и понять, каким образом увеличение штрафов за превышение скорости повлияло на обстановку на дорогах — сократится ли количество правонарушений по статье 12.9 КоАП (Превышение установленной скорости движения) или останется на прежнем уровне.

Возможно, в этом вопросе требуется установление еще большей и строгой ответственности, чтобы абсолютно каждый водитель осознавал как финансовый риск в случае превышения и получения штрафа, так и возможность лишения прав на определенный срок, которое сейчас статьей 12.9 предусмотрено только частью 4 (превышение более 60 км/ч, но не более 80 км/ч), частью 5 (превышение более 80 км/ч) и частью 7 (повторное совершение правонарушения, предусмотренного частями 4 и 5).

Также в Правительстве РФ начались обсуждения, касаемо создания «цифрового профиля водителя»[1], разработка которого поручена Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России). Правительственной комиссией по безопасности дорожного движения обсуждается ряд вопросов, одним из которых является возможность разработки нового сервиса, который будет содержать информацию о числе нарушений ПДД, совершаемыми водителями. Точный функционал этой системы еще неизвестен, однако, скорее всего, будет формироваться определенный «рейтинг водителя», от которого что-то будет зависеть (возможно, стоимость страхования, размер транспортного налога или даже штрафов) — в некоторых странах штрафы «привязаны» к доходам граждан, где-то и вовсе действует балльная система, при которой за каждое правонарушение на дороге водитель получает балл и по накоплению определенного их количества лишается водительского удостоверения (подобная система существовала и в нашей стране в 80—90-е годы и зарекомендовала себя достаточно неплохо, однако впоследствии от нее отказались).

Внедрение данного сервиса могло бы способствовать стабилизации ситуации на дорогах и помочь в большей степени обеспечить безопасность дорожного движения, но на текущем этапе есть две большие проблемы: во

[1]«Коммерсантъ». Минцифры могут создать цифровой профиль водителей с данными о нарушениях // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7796125.

первых, разработка и запуск запланированы лишь в перспективе к 2036 году, а спустя такой промежуток времени может многое измениться и нововведение могут отложить или вовсе забыть о нем, поэтому когда именно и в каком виде продукт появится — пока что неизвестно; во вторых даже если «цифровой профиль водителя» и будет запущен, то, скорее всего, сервис будет работать в связке с системой фотовидеофиксации на дорогах, которая считывает информацию о транспортных средствах с регистрационных номеров, которые числятся за собственником, однако за рулем может находиться и другой водитель (собственник и водитель транспортного средства - понятия совершенно разные), поэтому если ПДД будет нарушено, то этот факт будет записан на транспортное средство и, соответственно, на собственника, хотя правонарушителем могло быть третье лицо, и как именно будут решаться подобные коллизии — вопрос дискуссионный. Также не стоит забывать о неточности в работе камер на дорогах и частых необоснованных штрафах. Тем не менее, разговоры подобного рода ведутся и, возможно, приведут к чему-то хорошему.

Еще одной проблемой в данной области выступают пробелы и неточности в положениях законодательства о дорожном движении. Среди наиболее явных и опасных для жизни и здоровья водителей стоит отметить пункт 11.4 ПДД (Обгон, опережение, встречный разъезд) и часть 2 статьи 12.27 КоАП РФ (Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием).

Исходя из содержания первого абзаца пункта 11.4 ПДД, не запрещается осуществление обгона на нерегулируемых перекрестках при движении по дороге, являющейся главной. Это положение является неправильным, поскольку обгон на любом из видов перекрестков должен расцениваться как потенциально аварийно-опасное действие, даже если транспортное средство движется по главной полосе и обладает преимуществом в движении. С дороги, являющейся второстепенной другое транспортное средство может осуществлять поворот на полосу, которая является встречной по направлению главной дороги и по которой может осуществляться обгон, что создает высокий риск столкновения. Поэтому абзац первый п. 11.4 ПДД стоит изменить формулировкой: «обгон запрещен на любых видах перекрестков».

Касаемо статьи 12.27 КоАП — часть вторая запрещает оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия (участником которого он являлся, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния) и предусматривает административную ответственность в виде лишения права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет или административный арест на срок до пятнадцати суток. В вопросе возможности лишения участника ДТП водительского удостоверения за пра-

вонарушение, предусмотренное данной статьей, законодатель отчасти неправ, поскольку столкновение транспортных средств может произойти на участке дороги с большим или высокоскоростным потоком (это кольцевые автодороги, транспортные магистрали, оживленные городские проспекты и улицы), где возможен риск повторного (вторичного) ДТП, что создает опасность для жизни и здоровья водителей и пассажиров.

В июле 2025 года в Павловском районе Краснодарского края на федеральной трассе «Кавказ» произошло страшное ДТП — водитель микроавтобуса «Ниссан» остановился на встречной полосе дороги после столкновения с другим авто. В этот момент грузовой «Вольво» осуществлял обгон, водитель остановившийся авто не заметил. В ходе столкновения в микроавтобусе погибла 6-летняя девочка, еще двое пассажиров получили ранения (один из которых ребенок в возрасте 9 лет). Дедушка ребенка (60-летний водитель «Ниссан») при ударе не пострадал, однако вскоре скончался от сердечного приступа.[1]

Еще одна история произошла в апреле 2024 года в Москве. Девушка попала в небольшое ДТП, но не стала останавливаться на оживленной проезжей части и съехала на «дублер» во избежание повторного столкновения. Инспекторы ДПС выписали протокол об оставлении места происшествия, хотя девушка стояла в нескольких десятках метров и ожидала сотрудников. Водителя лишили прав на 1 год. Суды трех инстанций признавали девушку виновной и лишь Верховный Суд пришел к иному мнению.[2] Однако отметил, что девушка нарушила п. 2.5 ПДД (включение аварийного сигнала на авто, постановка знака аварийной остановки, невозможность перемещения предметов, имеющих отношение к происшествию). Таким образом решение о лишении прав было заменено на штраф в размере 1000 рублей. Однако до принятия Верховным Судом решения девушка в течение года не могла водить.

Содержания п. 2.5 ПДД и ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ требуют видоизменения в вопросе невозможности передвижения транспортного средства после ДТП. Указанные выше положения законодательства следует дополнить формулировкой: “за исключением таких ситуаций и расположения транспортных средств на проезжей части, при которых представляется реальная угроза жизни и здоровья водителей, пассажиров и иных участников дорожного движения”.

Правоотношения в автотранспортной области очень сложны по своей структуре в силу межотраслевого устройства данной сферы. Помимо вопросов административного характера, множество проблем связано и с граждан-

[1]Кубанские новости // URL: https://kubnews.ru/obshchestvo/2025/07/16/gruzovik-snes-popavshuyu-v-dtp-legkovushku-na-trasse-v-krasnodarskom-krae-pogibla-6-letnyaya-devochk/.

[2]Банк судебных документов // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2461276.

ско-правовыми отношениями (автострахование, купли-продажа транспортных средств, перевозки различного рода). Немаловажной является и уголовно-правовая составляющая, связанная с проявлением мошенничества и дорожно-транспортными происшествиями, влекущими за собой тяжкие и особо тяжкие последствия. Множество споров возникает в рамках таможенных и налоговых правоотношений, связанных с автомобилями. Поэтому еще одним предложением, которое может способствовать улучшению законодательства, является разработка и дальнейшее принятие нового нормативно-правового акта — «Автотранспортного кодекса», который позволит унифицировать правовую базу в данной сфере и упростить множество процессов. Помимо этого, нововведение подобного рода могло бы стать стимулом для развития межотраслевого законодательства и в других сферах, что позволит централизовать правовое регулирование в иных сложных и распространенных областях общественных отношений.

Научная статья
УДК 342.

МЕХАНИЗМ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕДУРЫ ПУБЛИЧНЫХ КОНСУЛЬТАЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Марина Васильевна ПОПОВА[1], Арина Евгеньевна СОЛОДОВА[2]
[1,2] Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС,
Нижний Новгород, Россия
[1] popovamrna@gmail.com
[2] arina2006.solodova@yandex.ru

Научный руководитель научный сотрудник, старший преподаватель кафедры гражданского и международного права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС **Юлия Валерьевна ЧАЙКА**, jvchaika@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется механизм проведения публичных консультаций в рамках оценки регулирующего воздействия на региональном уровне. Анализируются нормативно-правовая основа и место публичных консультаций в структуре ОРВ, выявляются системные проблемы реализации процедуры, обосновываются направления совершенствования механизма публичных консультаций.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, публичные консультации, региональный уровень

Актуальность исследования обусловлена развитием института оценки регулирующего воздействия (ОРВ) как инструмента снижения административных барьеров и создания благоприятных условий для предпринимательской и инвестиционной деятельности. Правовую основу ОРВ на региональном уровне составляет статья 53 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”. Методическое обеспечение деятельности по проведению ОРВ осуществляется Министерством экономического развития Российской Федерации, в том числе в соответствии с приказом от 23 декабря 2022 г. № 733, который устанавливает рекомендации по внедрению процедуры ОРВ и проведению публичных консультаций в субъектах Федерации.

Центральным элементом механизма ОРВ являются публичные консультации, призванные обеспечить учет мнений заинтересованных лиц и обоснованность принимаемых решений. Однако практика реализации публичных консультаций на региональном уровне выявляет системные проблемы: формальный подход уполномоченных органов, низкую вовлеченность предпринимательского сообщества, неполноту сводок предложений, а также недостаточную юридическую ответственность за нарушения процедур. Это снижает эффективность ОРВ и не позволяет в полной мере достигать целей, установленных частью 4 статьи 53 Федерального закона № 414-ФЗ и статьей 6 Федерального закона № 247-ФЗ, - выявление избыточных обязанностей и необоснованных расходов для бизнеса.

Целью данной статьи является анализ механизма проведения публичных консультаций в рамках процедуры оценки регулирующего воздействия на региональном уровне, выявление ключевых проблем его реализации и обоснование направлений совершенствования.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

исследовать правовую основу и определить место публичных консультаций в механизме ОРВ.

выявить административно-правовые проблемы реализации публичных консультаций на региональном уровне.

предложить направления совершенствования механизма публичных консультаций.

Правовая основа и место публичных консультаций в механизме ОРВ

Правовое регулирование оценки регулирующего воздействия (ОРВ) на региональном уровне представляет собой многоуровневую систему, включающую федеральные законы, подзаконные акты и нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Центральное место в этой системе занимает Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ “Об общих

принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации", статья 53 которого определяет предметную область ОРВ, цели ее проведения, перечень исключений, а также порядок проведения экспертизы нормативных правовых актов[1].

Важнейшим элементом правовой основы выступает Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ "Об обязательных требованиях в Российской Федерации", который закрепляет принципы установления и оценки применения обязательных требований: законность, обоснованность, правовая определенность, открытость. Статьи 11 и 12 закона № 247-ФЗ предусматривают оценку проектов нормативных правовых актов и оценку применения требований, что корреспондирует с частью 5 ст. 53 № 414-ФЗ.

Методическое обеспечение деятельности по проведению ОРВ, включая организацию публичных консультаций, возложено на Минэкономразвития России. Базовым документом в этой сфере является Приказ от 23 декабря 2022 г. № 733, которым утверждены Методические рекомендации по внедрению порядка проведения ОРВ и оценки применения обязательных требований в субъектах Российской Федерации. В пункте 1.3 Приказа № 733 дается определение публичных консультаций — "открытое обсуждение с заинтересованными лицами проекта нормативного правового акта (нормативного правового акта), организуемое разработчиком в ходе проведения процедур ОРВ, оценки применения и ОФВ"[2].

На региональном уровне правовая основа ОРВ конкретизируется в нормативных актах субъектов Федерации. Примером служит Закон Нижегородской области от 3 сентября 2014 г. №109-З "Об оценке регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов в Нижегородской области" (в редакции от 5 июля 2025 г.). Статья 2 закона определяет цели ОРВ, идентичные части 4 статьи 53 Федерального закона № 414-ФЗ, а также устанавливает перечень муниципальных образований, для которых проведение ОРВ является обязательным[3].

Место публичных консультаций в структуре механизма ОРВ определяется их функциональным назначением. Как следует из пункта 2.2.2 Приказа № 733, при проведении ОРВ должен обеспечиваться "свободный доступ за-

[1] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973. Ст. 53.

[2] Приказ Минэкономразвития России от 23 декабря 2022 г. № 733 «Об утверждении методических рекомендаций по внедрению порядка проведения оценки регулирующего воздействия и порядка проведения процедуры оценки применения обязательных требований и экспертизы в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.03.2026).

[3] Закон Нижегородской области от 3 сентября 2014 г. № 109-З «Об оценке регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов в Нижегородской области» (ред. от 05.06.2025 № 73-З) // Нижегородские новости. 2014. 6 сент. № 35.

интересованных лиц для выражения мнения относительно возможных вариантов предлагаемого правового регулирования и учет такого мнения”[1]. Публичные консультации выступают инструментом реализации принципов открытости и предсказуемости, закрепленных в статье 8 Федерального закона №247-ФЗ[2], а также обеспечивают выполнение требования части 4 статьи 53 Федерального закона № 414-ФЗ о выявлении избыточных обязанностей и необоснованных расходов.

Процедура публичных консультаций структурирована по этапам нормотворческого процесса: на стадии уведомления (п. 2.3.1 Приказа №733), на стадии разработки проекта, а также на этапах оценки применения обязательных требований и экспертизы[3].

Проблемы реализации публичных консультаций на региональном уровне

Ключевая проблема — формальный подход разработчиков и уполномоченных органов. Согласно п. 2.2.2 Приказа №733, требуется объективный анализ предлагаемого регулирования с ранней стадии, однако на практике это исполняется номинально. Сводные отчеты содержат неполные расчеты, альтернативы сводятся к варианту “невмешательства”. Процедура ОРВ становится технической формальностью.

Уполномоченные органы редко возвращают материалы на доработку, ограничиваясь формальными заключениями, что противоречит цели ОРВ (ч. 4 ст. 53 № 414-ФЗ) и принципу обоснованности обязательных требований (ст. 6 № 247-ФЗ).

Вторая проблема — низкая вовлеченность бизнеса. Пункт 2.2.2 Приказа № 733 требует свободного доступа для выражения мнений, но механизмы информирования неэффективны. Разработчики должны извещать предпринимателей и их объединения, однако на практике отсутствует адресная рассылка - консультации ограничиваются публикацией на официальном сайте. Сроки (рекомендовано не менее 10 рабочих дней) часто недостаточны. Как отмечается в п. 2.5.8, отсутствие предложений может свидетельствовать о неэффективной организации консультаций, но уполномоченные органы редко используют право на проведение дополнительных консультаций.

Неполнота и необъективность сводок предложений также выступает существенным препятствием для эффективной реализации публичных консультаций. В соответствии с п. 2.5.8 Приказа № 733, разработчик обязан подготовить сводку предложений, в которой отражаются все поступившие

[1] Приказ Минэкономразвития России от 23 декабря 2022 г. № 733. П. 2.2.2.

[2] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ. Ст. 8.

[3] Приказ Минэкономразвития России от 23 декабря 2022 г. № 733 П. 2.3.1.

замечания, позиция разработчика по каждому из них с приведением обоснований, а также результаты учета замечаний в тексте проекта акта[1]. Однако на практике сводки предложений нередко включают лишь часть поступивших замечаний, преимущественно тех, которые не требуют существенной доработки проекта. Обоснования отклонения замечаний часто носят формальный характер и ограничиваются указанием на «нецелесообразность» или «отсутствие правовых оснований» без раскрытия аргументов. Отсутствует дифференциация между учтенными и отклоненными замечаниями, что затрудняет контроль за качеством процедуры. Как отмечается в методических рекомендациях, заключение об ОРВ должно содержать вывод о достаточности обоснования решения проблемы предложенным способом регулирования, что предполагает подтверждение наличия проблемы, необходимости вмешательства государства и эффективности предложенного способа. При этом отсутствие регулирования не может являться проблемой, а служит лишь способом ее решения. Неточное понимание проблемы может привести к излишней зарегулированности либо ошибочному отказу от регулирования[2]. На практике разработчики зачастую подменяют проблему отсутствием регулирования, что в совокупности с неполнотой сводок не позволяет сделать обоснованный вывод о качестве проведенной оценки. Заинтересованные лица, направившие предложения, фактически лишаются возможности понять мотивы отклонения их позиции, что снижает доверие к институту публичных консультаций.

Последней проблемой, препятствующей эффективной реализации публичных консультаций, является слабая юридическая ответственность за нарушения процедуры ОРВ. Действующее законодательство не устанавливает административной или иной публично-правовой ответственности должностных лиц за непроведение обязательных публичных консультаций, нарушение сроков размещения уведомлений и проектов актов, несоблюдение требований к составу сводки предложений, а также за формальное проведение процедуры. Нормативные правовые акты, подлежащие ОРВ, но принятые без ее проведения, могут быть оспорены в судебном порядке, однако судебная практика по таким делам крайне немногочисленна, что связано с отсутствием четких критериев существенности нарушения процедуры. Механизмы внутреннего контроля носят преимущественно организационный, а не юрисдикционный характер. Уполномоченные органы вправе возвращать материалы на доработку, однако такая мера применяется редко.

Направления совершенствования процедуры

---

[1]Там же. П. 2.5.8.

[2]Рахмеева И. И. Оценка регулирующего воздействия: методические основы, подходы к анализу типовых проектов и лучшие практики : учебно-практическое пособие / И. И. Рахмеева. Москва : ИНФРА-М, 2023. 190 с. (Высшее образование: Магистратура). ISBN 978-5-16-111330-1. Текст : электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/1977018 (дата обращения: 30.03.2026). Режим доступа: по подписке.

Указанные проблемы требуют выработки направлений совершенствования механизма публичных консультаций. В целях обеспечения полноты и объективности сводок предложений необходимо установление единых требований к их структуре и содержанию, предусматривающих обязательное отражение всех поступивших замечаний, детализированное обоснование причин отклонения каждого замечания, а также указание степени учета замечания. Целесообразно закрепление за уполномоченным органом права запрашивать доработанную сводку в случае выявления несоответствия требованиям. Для повышения ответственности должностных лиц возможно введение административной ответственности за непроведение обязательных публичных консультаций либо за грубое нарушение установленного порядка.

Для активизации взаимодействия с экспертами необходимо формирование экспертного сообщества по направлениям деятельности органов власти. Информационная рассылка о проектах актов должна осуществляться в течение двух дней после опубликования проекта на официальном сайте. Существующая практика размещения проекта на 10 дней признается недостаточной, в связи с чем рекомендуется закрепление срока не менее 20 дней. О проведении публичных консультаций рекомендуется извещать органы, защищающие интересы субъектов предпринимательской деятельности, уполномоченного по защите прав предпринимателей, а также иных лиц, исходя из содержания проблемы. Рекомендуется создание консультативно-совещательного органа для координации интересов хозяйствующих субъектов с органами власти и участия в публичных консультациях. Подписание соглашений о взаимодействии между органами власти и институтами гражданского общества может быть инициировано обеими сторонами[1].

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что публичные консультации занимают центральное место в механизме ОРВ, выступая основным инструментом учета мнений заинтересованных лиц. Анализ практики реализации публичных консультаций выявил системные проблемы: формальный подход разработчиков и уполномоченных органов, низкую вовлеченность предпринимательского сообщества, неполноту и необъективность сводок предложений, отсутствие действенных механизмов юридической ответственности. Предложенные направления совершенствования включают унификацию требований к сводкам, введение административной ответственности, формирование экспертного сообщества, увеличение сро-

[1]Оценка регулирующего воздействия и регуляторная политика : учебное пособие / под общ. ред. И. Д. Тургель. Москва : ИНФРА-М, 2022. 223 с. (Высшее образование: Бакалавриат). DOI 10.12737/textbook_5a16de4b7a64c4.04606576. ISBN 978-5-16-013125-2. Текст : электронный. URL: https://znanium.ru/catalog/product/1859601 (дата обращения: 31.03.2026). Режим доступа: по подписке.

ков публичных консультаций до 20 дней, создание консультативно-совещательных органов и заключение соглашений о взаимодействии. Реализация указанных мер позволит повысить качество публичных консультаций и обеспечить достижение целей ОРВ — выявление избыточных обязанностей и необоснованных расходов для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СПРОСА НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВИНОДЕЛЬЧЕСКУЮ ПРОДУКЦИЮ

Петр Алексеевич СЕРГЕЕВ
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
petrpochta@lenta.ru

Научный руководитель доцент кафедры административного права и процесса им. Л. Л. Попова Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент **Денис Борисович ТРОШЕВ**, DBTROSHEV@msal.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу административно-правовых мер, регулирующих спрос на российскую винодельческую продукцию. В исследовании рассматриваются основные меры государственного регулирования и поддержки данной отрасли. Особое внимание уделяется розничной продаже винодельческой продукции, предложены меры по стимулированию потребительского спроса на российские вина.

Ключевые слова: административные меры, винодельческая продукция, государственное регулирование, концепция, розничная продажа, дистанционная продажа

Административно-правовые меры регулирования спроса на отечественную винодельческую продукцию закреплены в Федеральном законе от 27.12.2019 № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» (далее — Закон № 468-ФЗ)[1], который регулирует оборот продукции, полученной из винограда либо содержащей продукты его переработки. Вся остальная алкогольная и спиртосодержащая продукция регламентируется

[1]Федеральный закон от 27.12.2019 № 468-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» // Российская газета. № 296. 31.12.2019.

Федеральным законом от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — Закон № 171-ФЗ)[1]. Комплекс мер объединяет как стимулирующие меры (субсидии, кредитная поддержка, налоговые льготы и др.), так и ограничительные (таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, контроль качества и безопасности продукции и т.п.).

Помимо финансовой, имущественной и консультационной помощи виноделам, государственная поддержка включает российскую национальную систему защиты вина по географическому указанию и наименованию места происхождения товара.

Финансовая помощь в форме субсидий, грантов, государственных и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов отрасли предоставляется на приобретение посадочного материала, создание селекционно-питомниководческих центров, продвижение продукции на внутреннем рынке, а также на льготное кредитование. В связи с реализацией комплекса мер по развитию винодельческой отрасли в Российской Федерации (далее — РФ), в 2025 году была преодолена отметка в 110 тыс. га виноградников, что на 14 % больше уровня 2020 года[2]. В 2026 году Минсельхоз сохранит поддержку виноделов и виноградарей на уровне 2025 года в размере 4 млрд рублей[3].

На виноградарей и виноделов распространяются специальные режимы налогообложения. Предусмотрены налоговые льготы по земельному налогу в отношении участков с виноградниками, внесенными в федеральный реестр виноградных насаждений. Государство снижает и фискальную нагрузку на виноградарей. Подлежат вычетам суммы акциза, исчисленные при использовании собственного винограда для производства винодельческой продукции, произведенной по технологии полного цикла и реализованной в налоговом периоде. Если сумма государственной пошлины за предоставление лицензии на производство, хранение и поставки этилового спирта — 13000000 рублей, то для произведенной сельскохозяйственными товаропроизводителями винодельческой продукции она составляет 65000 рублей (п. 31 ст. 200 и п. 94 ст. 333.33 Налогового кодекса Российской

[1]Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Российская газета. № 9. 19.01.1999.

[2]Российское виноделие демонстрирует рекордный рост: на пленарном заседании объявлено о расширении виноградников и увеличении доли отечественных вин // Ведомости: [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/11/13/rossiiskoe-vinodelie-demonstriruet-rekordnii-rost-na-plenarnom-zasedanii-obyavleno-o-rasshirenii-vinogradnikov-i-uvelichenii-doli-otechestvennih-vin (дата обращения: 23.02.2026).

[3]Минсельхоз сохранит поддержку виноделов, виноградарей в размере 4 млрд рублей на 2026 год // Агроэксперт: [сайт]. URL: https://agroexpert.press/rasteniya/minselhoz-sohranit-gospodderzhku-vinodelov-v-razmere-4-mlrd-rublej-na-2026-god/ (дата обращения: 23.02.2026).

Федерации[1]). Однако Закон № 468-ФЗ не учитывает специфику малых винодельческих предприятий, которые сталкиваются с финансовыми и налоговыми обременениями и не имеют необходимых ресурсов для выполнения всех лицензионных и сертификационных требований[2].

Административные ограничительные меры содержат особые требования к маркировке российской винодельческой продукции защищенных наименований с целью предотвращения оборота контрафактной и фальсифицированной продукции. Для производства вина запрещается переработка или использование импортного виноградного сырья. Производители вина, крепленого вина, игристого вина вправе маркировать производимую ими продукцию с использованием знака «Вино России» при наличии подтверждения Федеральной саморегулируемой организацией виноградарей и виноделов России права на получение ими таких федеральных специальных марок[3]. Винодельческая продукция подлежит обязательной маркировке в Единой государственной автоматизированной информационной системе (ЕГАИС). Система мониторинга по коду индивидуальной маркировки единицы (партии) продукции отслеживает ее движение по всей цепи от производителя до конечного потребителя, что позволяет минимизировать нелегальные схемы импорта и оборота продукции, сократить затраты на контрольно-надзорные мероприятия, повысить конкурентоспособность участников рынка, а также гарантировать качество продукции. В 2022 году в системе цифровой маркировки «Честный знак» запущена интеграция с ЕГАИС. С 2023 года российские вина тоже начали включать с систему «Честный знак»[4].

В РФ таможенно-тарифное и нетарифное регулирование отрасли виноделия осуществляется в рамках государственной политики. Высокие экспортные пошлины на вина из недружественных стран, впервые введенные в 2023 году, снижают позиции иностранных производителей и дают преимущества для отечественных виноделов. В результате реализации стратегии импортозамещения наблюдается тенденция к снижению импорта вин в Россию. По итогам четырех месяцев 2025 года он сократился более чем вдвое в сравнении с тем же периодом 2024 года [5].

---

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. ст. 3340.

[2]Фролова Е. К. Семья как терруар: правовые вызовы и устойчивость семейных виноделен в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. №. 7 (131). С. 146.

[3]Долгополов П. С. Маркировка алкогольной продукции: правовые основания и порядок (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Интеграция системы цифровой маркировки «Честный ЗНАК» и ЕГАИС // Честный ЗНАК: [сайт]. URL: https://честныйзнак.рф/info/news/integratsiya-sistemy-tsifrovoy-markirovki-chestnyy-znak-i-egais/ (дата обращения: 23.02.2026).

[5]Глава Росалкогольтабакконтроля Игорь Алешин рассказал об онлайн-торговле спиртным, импорте вина и запрете вейпов // Российская газета: [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/07/07/derzhatsia-krepche.html?ysclid=mhdn6prg99631408433 (дата обращения: 23.02.2026).

Вышеупомянутые меры направлены на регулирование процессов производства и маркетинга в отрасли виноделия, что, в свою очередь, оказывает влияние на формирование предложения на внутреннем рынке. Рассмотрим меры, направленные на стимулирование потребительского спроса на винодельческую продукцию, а именно на ее розничную продажу, которая подлежит лицензированию (ст. 18 Закона № 171-ФЗ).

При оказании услуг общественного питания разрешена розничная продажа алкогольной продукции с содержанием этилового спирта не более 16,5 процента, осуществляемая на основании лицензии организациями, которые должны иметь в собственности, хозяйственном ведении, оперативном управлении или в аренде объект общественного питания по месту осуществления деятельности. Сельскохозяйственные товаропроизводители, осуществляющие розничную продажу произведенного ими вина на основании соответствующей лицензии, должны иметь в собственности или в аренде стационарные торговые объекты (пп. 2 части 6 и абз. 4 части 10 ст. 16 Закона № 171-ФЗ). Смягчающей мерой в данном случае является отсутствие требований к минимальному размеру уставного капитала для организаций, площади арендуемого помещения, а также требования о наличии долгосрочного договора аренды на срок не менее года (абз. 9 и 11 части 10 ст. 16 Закона № 171-ФЗ). Такая позиция законодателя упрощает исходные условия данного вида деятельности для малого и среднего предпринимательства, снижает расходы и финансовые риски.

Закон № 468-ФЗ определил особые требования к размещению в торговом зале винодельческой продукции при розничной продаже. Такие меры, как раздельная выкладка вина и виноградосодержащих алкогольных напитков с содержанием этилового спирта не более 22 процентов объема готовой продукции, информационные надписи и пояснительные рекомендации продавцов, снижают вероятность введения потребителей в заблуждение относительно вида и производителя продукции, сорта и места происхождения винограда, используемого при ее производстве, что способствует осознанному выбору и укреплению доверия к российской продукции.

Неоднократно на законодательном уровне и в средствах массовой информации идет обсуждение вопроса о снятии запрета на розничную продажу алкогольной продукции дистанционным способом (пп. 14 части 2 ст. 16 Закона № 171-ФЗ). Позиция производителей и представителей компаний интернет-торговли в целом — легализовать онлайн-продажу алкогольной продукции поэтапно, сначала для продажи вина российского производства. Преимущества интернет-торговли, такие как экономия времени, простота и удобство выбора в сочетании со сформировавшейся привычкой по-

требителя к онлайн-покупкам, сделают востребованной продажу алкогольной продукции среди наиболее активной возрастной группы населения (от 21 до 44 лет)[1].

Установленных законодательством административно-правовых мер для повышения спроса на продукцию виноделия недостаточно. Усложняют задачу ограниченные возможности использования рекламы и сложившийся десятилетиями стереотип потребительского поведения, а именно инерция спроса на крепкие алкогольные напитки в северных регионах России.

К административно-правовым мерам, направленным на повышение потребительского спроса на российские вина, по нашему мнению, относится:

смягчение законодательных ограничений на рекламу вина с защищенным географическим указанием и защищенным наименованием места происхождения;

разработка действенного механизма правового регулирования продаж российских вин посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с использованием цифровой маркировки товаров («Честный знак»), ЕГАИС и Единой биометрической системы;

введение обязательных квот на размещение отечественной продукции в винных картах ресторанов и на полках розничных магазинов;

.создание правовой базы для развития винного туризма позволит виноделам легально строить дегустационные залы непосредственно на землях сельскохозяйственного назначения.

С одной стороны, принятие Закона № 468-ФЗ заложило фундамент для экспансии отечественной продукции, с другой стороны, государство стремится к достижению целей, заложенных в Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу[2] (далее — Концепция). Однако административно-правовой подход Закона № 468-ФЗ к изменению потребительского спроса в пользу отечественной винодельческой продукции не только не противоречит целям Концепции, а дополняет их посредством следующих шагов:

1. Изменение структуры потребления. Концепция определяет критерии потребления, направляя спрос от количества к качеству. Административные меры направлены на вытеснение крепких спиртных напитков качественным виноградным вином;

2. Формирования культуры потребления. Концепция акцентирует внимание на разработке просветительских программ для учащихся общеобра-

[1]Вино вливается в доставку. Как будет работать механизм онлайн-продаж алкоголя в России // Коммерсантъ: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8009653 (дата обращения: 23.02.2026).

[2]Распоряжение Правительства РФ от 11.12.2023 № 3547-р «Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу» // Собрание законодательства РФ. 18.12.2023. № 51. ст. 9435.

зовательных учреждений с целью формирования у них ценностного отношения к здоровому образу жизни. Виноделие рассматривается как часть гастрономической культуры.

3. Обеспечение безопасности продукции.

4. Ограничение доступности винодельческой продукции для молодежи административными запретами на рекламу и продажу алкоголя несовершеннолетним, что гармонизирует интересы бизнеса и общества.

Административно-правовые меры регулирования спроса на отечественную винодельческую продукцию эффективны в рамках государственной политики импортозамещения. Сочетание государственной поддержки и контроля, законодательных инициатив способствует увеличению доли российского вина на внутреннем рынке на фоне общего спада потребления алкоголя в стране. За девять месяцев 2025 года россияне приобрели более 25 миллионов дал тихих вин и 10,6 миллиона дал игристых вин отечественного происхождения (против 23 миллионов дал и 10 миллионов дал за девять месяцев прошлого года)[1].

Научная статья
УДК 342.95

ВОПРОСЫ ПРОЦЕДУРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАМ

Полина Игоревна СКРИПОЧЕНКО
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия
marfyshik@yandex.ru

Научный руководитель: доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева **Наталья Васильевна ВАСИЛЬЕВА**

Аннотация. Работа посвящена изучению мер административного принуждения органов власти и способов правовой защиты граждан или организаций в условиях ограничения доступа к определенной противоправной информации. Рассматриваются процедура блокировки Интернет-ресурсов, нормативная база, регулирующая отношения, возникающие по поводу ограничения доступа лиц к некоторому контенту, некоторые проблемы, связанные с правоприменением норм, а так же с реализацией прав на защиту.

[1]Российское виноделие набирает обороты: Импорт снижается, производство растет // Российская газета: [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/11/13/v-rossii-uskorilis-temy-importozameshcheniia-vina.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (дата обращения: 23.02.2026).

В статье также приводятся статистические данные, позволяющие обосновать актуальность темы исследования.

Ключевые слова: ограничение доступа к сайтам, блокировка, досудебная защита, единый реестр, судебная защита, информация

Быстрое распространение информационных технологий в наше время потенциально делают любую информацию открытой, в том числе и ту, которая может иметь определенную степень общественной опасности. Естественно, и характер правоотношений в рамках перехода в цифровую среду меняется, что требует изменения и мер реагирования органов власти на подобные правонарушения. Сегодня данная тема особенно актуальна, так как в последнее время государство начало очень активно «фильтровать» контент. В последнее время повальной стала блокировка сайтов, приложений и других видов информационных площадок, которые не соответствуют российской политике. Так, только за 2025 год Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роскомнадзор) ограничила доступ к 1,289 миллионам материалов, что на 59 % больше, чем в предыдущем периоде[1], и с каждым годом этот показатель только растет.

Известно, что специальный реестр, в котором размещаются данные сайтов, содержащих запрещенную к распространению информацию, создан в 2012 году[2], и изначально, до внесения изменений последних лет в ФЗ №149[3], информацией, запрещенной в Российской Федерации, признавались по большей части ресурсы, содержащие действительно опасные для жизни и здоровья граждан сведения, например, детская порнография или информация о наркотических средствах, которые и так были осуждаемы обществом. Сегодня ограничения приобрели глобальный характер и распространились на популярные в нашей стране сервисы, в том числе соцсети и мессенджеры[4], что не вызывает одобрения у граждан: по данным ВЦИОМ против блокировок выступают 39 %, а среди молодого населения это число вырастает до 63 %[5]. Рост блокировок показывает и статистика: если в 2019 году РКН заблокировал 81 сайт, то уже в 2020, когда статьей 15.1-1 ввели меха-

[1]Роскомнадзор ограничил доступ к информации с более чем 4,7 млн сайтов // ТАСС. - URL: https://tass.ru/obschestvo/26287579 (дата обращения: 20.01.2026).

[2]Федеральный закон от 28.07.2012 №139-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" ст. 3 // Российская газета. 2012. №172.

[3]Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // Российская газета.2006. №31.

[4]Девяткин, Н. Р. Трансформация цифрового медиапотребления России в 2022–2025 годах: факторы и тенденции // Вопросы медиабизнеса. 2025. №2. С 53—58.

[5]Смак, Т. Ограничение доступа к цифровым платформам: за и против // Аналитический центр ВЦИОМ. - URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ogranichenie-dostupa-k-cifrovym-platformam-za-i-protiv (дата обращения: 20.01.2026)

низм ограничения доступа к оскорбительной информации, это число увеличилось до 13 615, т.е. в 168 раз; за 2025 году доступ ограничили уже к 419 536 ресурсам[1].

Чаще всего меры реагирования государственных структур лежат в плоскости административного права: уже упомянутые блокировки, удаления, ограничения — все эти санкции осуществляются в административном порядке без вмешательства суда, но в таком случае обостряется проблема злоупотребления государственных органов своими полномочиями.

Субъектами права, которые наделены административными полномочиями по пресечению цифровых правонарушений, являются уполномоченные Правительством Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти, о чем говорит нам Федеральный закон №149-ФЗ[2], а именно МВД, Роскомнадзор, Росздравнадзор, ФНС, ФСРАР, Росмолодежь и некоторые другие. Каждый орган имеет строго обозначенную в Постановлении Правительства №1101 от 26.10.2012 г.[3] компетенцию, так, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения купирует информацию о розничной продаже лекарственных препаратов без обязательной лицензии, а ФНС специализируется на азартных играх и лотереях, причем именно эта служба лидирует по количеству вынесенных решений о блокировке доменов[4]. Через РКН требовать постоянно ограничить доступ к определенному контенту может Генеральный прокурор или его заместители, но, как показывает практика, органы прокуратуры активно пользуются своими полномочиями, обращаясь в суд с административными исками против владельцев сайтов[5].

Правонарушения в цифровой среде устраняются путем внесения доменного имени сайта или указателя его сетевой страницы в специальный

---

[1]Статистика блокировок // RKNWEB. URL: https://rknweb.ru/statistics/?__cf_chl_rt_tk=edYd7g3r1u UtQlINhdfn0qhQYFMdfxCmGryHRbjFGmo-1772958955-1.0.1.1-LX5DVosj1iMZjWc5qCXaByBMVKE kvOecpTUTH46z1Gs (дата обращения: 20.01.2026).

[2]Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" ст. 15.1 // Российская газета.2006. №31.

[3]Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 "О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено" // Российская газета. 2012. № 249.

[4]Статистика блокировок // RKNWEB. URL: https://rknweb.ru/statistics/?__cf_chl_rt_tk=edYd7g3r1u UtQlINhdfn0qhQYFMdfxCmGryHRbjFGmo-1772958955-1.0.1.1-LX5DVosj1iMZjWc5qCXaByBMVKE kvOecpTUTH46z1Gs (дата обращения: 22.01.2026).

[5]Информация Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Алгоритм (порядок) взаимодействия заинтересованных органов при выявлении противоправного контента в сети Интернет // Роскомнадзор [сайт]. - URL: https://rkn.gov.ru/activity/electronic-communications/algoritm/ (дата обращения: 23.01.2026).

реестр[1], ведение которого осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, и последующего ограничения доступа к ресурсу. Но нам интересна вся процедура, поэтому начнем с самого начала. Общий порядок включения адресов в реестр обрисован в ст. 15.1 ФЗ № 149-ФЗ и конкретизирован в ведомственных актах[2]. Пункт 6 Правил поясняет, что общественные объединения, организации и даже граждане могут обратиться в РКН, указав на противоправные, как они считают, материалы. Предлагаю рассмотреть данный вариант.

Специально для такой цели на сайте Службы существует определенная форма, заполнение которой и равняется обращению. В течение суток после ее получения РКН отправляет запрос с указанием страницы подозрительного сайта в один из уполномоченных органов, исходя из их компетенции. Далее указанный орган принимает решение, информация о котором также в течении суток, по общему правилу, предоставляется обратно в Роскомнадзор. При признании информации запрещенной доменное имя сайта или его указатель в сети включается в реестр. Одновременно с этим, сотрудник РКН определяет провайдера хостинга и направляет ему и владельцу сайта, если есть данные о владельце, электронное уведомление[3]. При этом, хоть нормы подзаконных актов и закона и содержат некоторые расхождения формулировок, по Федеральному закону владельцу сайта предоставляется некоторое время, чтобы немедленно удалить интернет-страницу, на которую обратили внимание государственные органы. И только при игнорировании требований власти, исходя из смысла п. 9 ст. 15.1 ФЗ №149, сетевой адрес включается в реестр. Вся эта процедура, начиная от направления уведомления и до включения платформы в реестр, проводится в течение суток. После внесения записи, а, вернее, в течение суток после ежедневного обновления реестра (в 9 часов 00 минут и 21 час 00 минут по московскому времени), оператор обязан ограничить доступ к сайтам, содержание которых противоречит букве закона.

О чем же важно помнить лицам, которых затронула блокировка площадок?

---

[1]Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 "О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено" // Российская газета. 2012. №249.

[2]Информация Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Алгоритм (порядок) взаимодействия заинтересованных органов при выявлении противоправного контента в сети «Интернет» // Роскомнадзор [сайт]. URL: https://rkn.gov.ru/activity/electronic-communications/algoritm/ (дата обращения: 23.01.2026).

[3]Информация Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Алгоритм (порядок) взаимодействия заинтересованных органов при выявлении противоправного контента в сети Интернет // Роскомнадзор [сайт]. URL: https://rkn.gov.ru/activity/electronic-communications/algoritm/ (дата обращения: 29.01.2026).

В случае если доступ к ресурсу ограничили правомерно, площадка нарушала законодательство и владелец сайта, в принципе, согласен с этим, то он либо провайдер хостинга, либо оператор связи могут подать обращение в РКН, отправив заявку на почтовый адрес zapret-info@rkn.gov.ru[1]. В таком случае в соответствии с п. 11 ст. 15.1 ФЗ № 149-ФЗ после проверки обращения, и, конечно, после подтверждения факта удаления запрещенной информации в течение трех дней домен исключается из реестра, а позже доступ к материалам восстанавливается провайдером или оператором связи[2]. Стоит уточнить, что не существует нормы, позволяющей заинтересованному лицу обратиться в орган, вынесший решение, напрямую: взаимодействие ведется через РКН или оператора реестра, что «утяжеляет» механизм защиты.

Рассмотрим случай несогласия владельца с решением исполнительного органа власти и нежелания устранять возможные правонарушения. Во-первых, надо понимать, что неправомерная блокировка информационных ресурсов приводит к нарушению основных конституционных свобод, таких как свобода слова, свобода информации, запрет цензуры и подобные. Для препятствования этому существуют два механизма: досудебный порядок и судебный[3]. Основания для досудебного обжалования дает все тот же пункт 11 ст. 15.1. Обращение составляется также, в него включаются доказательства отсутствия запрещенной информации на сайте — это могут быть, например, скриншоты страницы или любые другие факты, подтверждающие отсутствие неугодного контента. Это самый быстрый и простой способ, не требующий вложений. И действительно, разблокировки наблюдаются, хотя их число не выше 20 в день при ежедневном наложении ограничений на 100-200 сайтов.

Второй механизм — судебное разрешение спора. Правомочием подать административный иск в суд в таком случае обладают владелец сайта, провайдером хостинга и оператор связи. Обжалуется в таком случае решение уполномоченного органа, который своим актом наложил ограничения на ресурс[4]. Информацию об административном ответчике — уполномоченном

---

[1] Блокировка интернет-страниц / Часто задаваемые вопросы // Роскомнадзор [сайт]. URL: https://rkn.gov.ru/treatments/chasto-zadavaemye-voprosy/blokirovka-internet-stranits/ (дата обращения: 29.01.2026).

[2]Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // Российская газета. 2012. №249.

[3]Ломаченко Е. В. Система правовых средств обеспечения запрета распространения информации в сети «Интернет» // Образование и право. 2023. №12. С. 530 — 534.

[4]Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 15.1 // Российская газета.2006. №31.

органе — истцы могут найти в реестре на официальном сайте РКН по запросу о конкретном сайте. Подать иск можно в течение трех месяцев с момента принятия решения по правилам подсудности, причем соблюдать досудебный порядок необязательно — ФЗ № 149 дает право сразу обжаловать решение в судебных инстанциях. Данный механизм намного более долгий и затратный, но он может дать результат, хотя суд неохотно встает на сторону владельца сайта, ссылаясь обычно на довольно абстрактное положения ч. 1 ст. 9 и ч. 2 ст. 15.1 упомянутого Закона.

Можно сделать вывод, что ограничение доступа к Интернет-ресурсам в нашей стране — достаточно актуальная острая тема. Некоторые процессуальные моменты так и остаются неурегулированными правовыми нормами, ввиду постоянных изменений законодательной базы в этой сфере, расширением перечня запрещенной информации и большим количеством задействованных органов. Владелец сайта, по сути, предстает не в самом выгодном положении, сталкиваясь с блокировкой: он имеет только 2 механизма защиты. Первый — обращаться в орган, который и ограничил доступ, поэтому вряд ли отменит решение без существенного изменения материала. Второй — обращаться в суд, но данный орган, скорее всего, встанет на сторону публичной власти из-за очень широких возможностей толкования закона (ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 15.1 ФЗ №149)[1].

Научная статья
УДК 342.7

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ОБРАЩЕНИЕ ГРАЖДАН КАК ОСНОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Илья Алексеевич ФОМИН
Университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
dmitriy.mlnk@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры административного права и процесса им. Л. Л. Попова Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент **Денис Борисович ТРОШЕВ**, DBTROSHEV@msal.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности реализации права граждан на обращение в государственные органы и связанные с этим проблемы его недобросовестного использования. Обосновывается увеличение

[1]Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" ст. 15.1 // Российская газета.2006. №31.

нагрузки на органы публичной власти и снижение качества рассмотрения обращений из-за отсутствия эффективных правовых механизмов противодействия злоупотреблению данным правом. На основе анализа действующего законодательства и научных подходов предлагается введение административной ответственности за систематическое направление необоснованных обращений. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования в целях обеспечения баланса между правами граждан и интересами государства.

Ключевые слова: право на обращение граждан, злоупотребление право, административная ответственность, обращения граждан, государственные органы

Право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления является одним из фундаментальных конституционных прав, обеспечивающих участие населения в управлении делами государства и защиту прав и законных интересов личности. Оно закреплено в статье 33 Конституции Российской Федерации, согласно которой граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Право на обращение, как справедливо подчеркивает С. А. Авакьян, относится к категории публично-политических прав[1]. Реализация данного права играет важную роль в механизме обратной связи между государством и обществом, способствует выявлению нарушений законодательства, совершенствованию деятельности органов публичной власти, а также повышению уровня доверия граждан к институтам государственной власти, что подтверждается статистическими данными.

Так, согласно информационно-статистическому обзору рассмотренных обращений граждан, адресованных Президенту Российской Федерации, в 2025 году поступило 674 910 обращений граждан, а также 108 067 запросов информации и 210 253 сообщения. При этом общее количество вопросов, содержащихся в обращениях, составило 967 231, что свидетельствует о значительном объеме нагрузки на органы публичной власти[2].

Следует отметить, что право на обращение может использоваться недобросовестно, приведет к возникновению ситуации злоупотребления правом. В настоящее время проблема злоупотребления правом на обращение граждан приобретает особую актуальность, поскольку, как мы видим из статистических данных, большое количество обращений в государственные

[1]Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп.: В 2 т. М.: Юристъ, 2006. Т. 1. С. 638.

[2]Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2025 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер Президент России. URL: http (дата обращения: 242.03.2026).

органы сопровождается ростом числа необоснованных, повторяющихся и содержащих заведомо недостоверные сведения обращений, направляемых без наличия законного интереса. Считаем, что такие обращения создают значительную нагрузку на государственные органы, затрудняют рассмотрение действительно важных заявлений и жалоб, а также могут использоваться в качестве средства давления на должностных лиц и организации. Однако, несмотря на наличие указанной проблемы, действующее законодательство Российской Федерации не содержит эффективных механизмов противодействия злоупотреблению правом на обращение граждан.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок реализации права граждан на обращение, является Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[1]. Указанный закон определяет виды обращений граждан, требования к их содержанию, сроки рассмотрения, а также обязанности государственных органов и должностных лиц.

Так, ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусматривает личные, письменные и электронные обращения граждан. Личное обращение заключается в непосредственном присутствии гражданина на приеме в государственном или муниципальном органе или у должностного лица. Письменное обращение может заключаться в направлении адресату по почте, с нарочным, подаче в канцелярию, секретарю или непосредственно должностному лицу документально оформленных обращений. Как отмечал Л. И. Ратнер: «письменная форма более выразительная отрицательная оценка действий должностного лица, которая сохраняет непосредственное выражение взгляда на вещи самого жалобщика, его аргументацию, собственную оценку имевшего место факта, непосредственно выраженные эмоции»[2].

Обращения можно разделить на первичные и повторные. Данные понятия не используются в ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Но их возможно встретить в иных нормативных актах, в частности в Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной Приказом Генпрокуратуры России от 30 января 2013 г. № 45. Первичным обращением является такое обращение гражданина, которое содержит вопросы, ранее не рассматриваемые в данном органе, а так же обращение, поступившее от лиц, которые раньше не обращались в эти органы. Закон закрепляет обязанность государственных органов рассматривать поступившие обращения и направлять заявителю мотивированный ответ. При этом

[1] Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Ратнер Л. И. Об усилении гарантий своевременного и правильного разрешения жалоб трудящихся // Советское государство и право. 1959. № 9. С. 56.

законодатель исходит из необходимости обеспечения максимальной доступности реализации права на обращение. Повторные обращения — это те, которые поступили от одного и того же лица по одному и тому же вопросу, в котором обжалуется решение, принятое по предыдущему обращению, поступившему в тот или иной орган, учреждение либо организацию, или указывается на недостатки, допущенные при рассмотрении и разрешении предыдущего обращения, либо сообщается о несвоевременном рассмотрении предыдущего обращения. Даже в случае направления многочисленных однотипных обращений государственный орган обязан рассматривать каждое из них. Федеральный закон № 59-ФЗ допускает возможность прекращения переписки с гражданином при повторных обращениях без новых доводов, однако данная мера носит ограниченный характер и не препятствует направлению новых обращений.

В теории права к злоупотреблению правом подходят с разных позиций. Е. А. Одегнал пишет, что «злоупотребление субъективным правом не является разновидностью правонарушения, поскольку представляет собой самостоятельное явление правовой действительности, имеющее особую правовую природу»[1]. С. Г. Зайцева в свою очередь относит злоупотребление правом к противоправным действиям, обосновывая это тем, что «происходит нарушение принципа недопустимости злоупотребления правом»[2].

Интересна точка зрения Н. Н. Вопленко, отмечающего, что «злоупотребление правом обладает признаками либо латентного, либо явного правонарушения»[3].

Мы же считаем, что злоупотребление правом на обращение граждан следует рассматривать как реализацию предоставленного законом права в противоречии с его социальным назначением, направленную на причинение вреда государственным органам, должностным лицам либо иным лицам, либо осуществляемую без наличия законного интереса. В данном случае право на обращение предназначено для защиты прав и законных интересов граждан, однако при злоупотреблении оно используется для создания препятствий в деятельности государственных органов, оказания давления на должностных лиц, либо достижения иных неправомерных целей.

На практике злоупотребление правом на обращение может проявляться в различных формах, включая систематическое направление многочисленных однотипных обращений, направление обращений с заведомо недостоверными сведениями, использование обращений для давления на органы

[1] Одегнал Е. А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь. 2009. С. 11.

[2] Зайцева С. Г. Злоупотребление правом как правовая категория: вопросы теории и практики: дисс. канд. юрид. наук. Коломна. 2003. С. 14.

[3] Вопленко Н. Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011 № 1 С. 14.

власти, массовое направление обращений по незначительным вопросам, а также направление обращений с целью затягивания административных процедур. Подобные действия приводят к значительной перегрузке государственных органов, вынужденных тратить ресурсы на обработку необоснованных обращений, что в свою очередь снижает эффективность рассмотрения обращений, действительно требующих внимания.

Отсутствие административной ответственности за злоупотребление правом на обращение граждан порождает ряд негативных последствий. Во-первых, увеличивается нагрузка на государственные органы и должностных лиц, что затрудняет их деятельность и приводит к снижению качества исполнения государственных функций. Во-вторых, создаются условия для злоупотребления правом в целях давления на должностных лиц и организации, в том числе путем систематического направления жалоб в различные инстанции. В-третьих, нарушается баланс между правами граждан и публичными интересами, поскольку добросовестные заявители вынуждены ожидать рассмотрения своих обращений из-за большого количества необоснованных заявлений. Следует отметить, что действующее законодательство предусматривает ответственность за заведомо ложный донос, однако данная норма применяется лишь в случае сообщения о преступлении. В отношении обращений, не содержащих сведений о преступлении, ответственность отсутствует, что свидетельствует о наличии правового пробела. Кроме того, законодательство не предусматривает критериев, позволяющих определить злоупотребительный характер обращения, что создает дополнительные сложности в правоприменительной практике.

В целях устранения выявленного правового пробела представляется целесообразным введение административной ответственности за злоупотребление правом на обращение граждан. В частности, предлагается дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях новой статьей 5.59.1 КоАП РФ «Злоупотребление правом на обращение граждан» следующего содержания:

«1. Систематическое направление гражданами, объединением граждан, юридическими лицами должностным лицам государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на которые возложено осуществление публично значимых функций, обращений, содержащих заведомо недостоверные сведения либо не содержащих новых сведений при повторном обращении по ранее рассмотренному вопросу, если такие действия повлекли нарушение установленного порядка деятельности указанных органов или должностных лиц, — влечет наложение административного штрафа на граждан

в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на юридических лиц — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

2. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до семидесяти тысяч рублей.»

Представляется необходимым закрепить дополнительные процессуальные механизмы, позволяющие исключить привлечение к административной ответственности лиц, добросовестно реализующих право на обращение. В частности, применение мер ответственности возможно лишь при наличии подтвержденных сведений, свидетельствующих о недобросовестном характере действий заявителя. Кроме того, обязательным условием привлечения к ответственности должно выступать установление причинно-следственной связи между направлением обращений и возникновением препятствий для нормального осуществления полномочий соответствующим органом либо должностным лицом.

Закрепление административной ответственности за злоупотребление правом на обращение граждан будет способствовать повышению результативности деятельности государственных органов, снижению количества необоснованных обращений и обеспечению разумного соотношения публичных интересов и прав заявителей. При этом предлагаемое регулирование не должно ограничивать конституционное право граждан на обращение, а должно быть направлено исключительно на пресечение недобросовестного использования данного механизма. Реализация указанных подходов позволит оптимизировать взаимодействие граждан и государства, обеспечив использование права на обращение в целях защиты законных интересов, а не создания необоснованной нагрузки на органы публичной власти.

XIV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 339.9

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Алексей Алексеевич АНДРЕЕВ
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
79109663920@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент **Тимур Чингизович АХМЕДОВ**, ttt_tima@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономических процессов и глобализации финансовых рынков. В работе проанализированны современные национальные и международные практики борьбы с рассматриваемым видом преступной деятельности, оценена их эффективность на основе статистических данных международных организаций. Особое внимание было уделено новым угрозам, связанным с использованием криптовалют, искусственного интеллекта, онлайн-платформ и систем мгновенных переводов для легализации преступных доходов

Ключевые слова: Противодействие отмыванию доходов, криптовалюта, искусственный интеллект, международное сотрудничество, цифровые финансовые активы

В условиях ускоренной глобализации финансовых рынков и активного внедрения цифровых технологий проблема противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путём (ПОД), и финансированию терроризма (ФТ) приобретает особую остроту. Глобализация, с одной стороны, стимулирует экономический рост, свободное перемещение капитала и интеграцию рынков, с другой — создаёт благоприятные условия для транснациональной преступности. По оценкам экспертов, ежегодный объем отмы-

ваемых средств составляет от 800 млрд до 2 трлн долларов США, что соответствует 2—5 % мирового ВВП (UNODC, 2024)[1]. Исследования Napier AI (2025) оценивают потери мировой экономики от отмывания в 5,5 трлн долларов ежегодно[2].

Особую тревогу вызывает тесная взаимосвязь ПОД и ФТ. Средства, полученные от наркоторговли, коррупции, торговли людьми или мошенничества, нередко перенаправляются на поддержку террористических организаций. Цифровые технологии — криптовалюты, онлайн-платформы и системы мгновенных переводов — значительно усложняют выявление таких операций. Как отмечается в источниках, «относительная анонимность при проведении платежей, многообразие их видов позволяет использовать цифровые финансовые активы в наркоторговле, правонарушениях коррупционной направленности, финансировании террористической и экстремистской деятельности».

Актуальность темы обусловлена не только ростом объёмов преступлений, но и необходимостью адаптации существующих систем контроля к новым реалиям. Традиционные методы надзора оказываются недостаточно эффективными при трансграничных операциях, использовании офшорных структур и виртуальных активов. По данным Basel AML Index 2025, глобальный средний показатель риска отмывания денег составил 5,28[3].

Настоящая работа, подготовленная авторами в рамках совместного студенческого исследования, ставит целью проанализировать современные международные и национальные практики противодействия ПОД/ФТ в условиях глобализации, оценить их эффективность на основе доступных данных и предложить направления дальнейшего совершенствования.

Для достижения цели решаются следующие задачи: выявление ключевых угроз в сфере ПОД/ФТ; изучение международных стандартов и национальных механизмов; оценка эффективности применяемых практик; определение перспектив развития системы с учётом технологических инноваций.

Объектом исследования выступает система противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в глобализированной экономике.

Предметом — международные стандарты (Рекомендации ФАТФ), национальное законодательство ведущих стран и технологические инструменты контроля. В работе используются методы анализа нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод, статистический анализ данных

[1] World Drug Report 2024, UNODC [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-2024.html (дата обращения: 27.02.2026);

[2] NapierAI [Электронный ресурс] // https://www.napier.ai/post/ai-aml-index-2025-2026 (дата обращения: 27.02.2026);

[3] Basel AML Index 2025: 14th Public Edition [Электронный ресурс] // https://baselgovernance.org/sites/default/files/2025-12/Basel%20AML%20Index%202025.pdf (дата обращения: 27.02.2026);

отчётов международных организаций, а также метод синтеза для формулирования выводов и рекомендаций.

Согласно Федеральному закону от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», доходы, полученные преступным путём, определяются как денежные средства или иное имущество, возникшие в результате совершения преступления. Легализация (отмывание) представляет собой придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению такими средствами[1]. Классическая модель отмывания включает три этапа: размещение (placement), расслоение (layering) и интеграция (integration). В условиях глобализации эти этапы часто пересекаются и ускоряются.

Современные исследования показывают, что цифровые технологии существенно модифицируют традиционную схему. По данным Chainalysis (2026), объем отмывания через криптоактивы в 2025 году достиг 82 млрд долларов, что в восемь раз превышает показатель 2020 года[2].

Финансирование терроризма определяется как предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием их предназначения для организации, подготовки или совершения террористических преступлений. Механизмы ФТ тесно переплетаются с ПОД. Источники финансирования разнообразны: доходы от преступной деятельности, маскируемые под легальные пожертвования, а также краудфандинг через социальные сети и криптоплатформы. Особенностью последних лет стало использование молодёжи в качестве «дропов». Глобализация экономических процессов и развитие информационных технологий создают новые уязвимости. Свободное движение капитала, интеграция финансовых рынков и цифровизация платежей формируют среду, в которой традиционные барьеры контроля ослабевают.

Центральное место в глобальной системе занимает Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) с её 40 рекомендациями. Важными документами являются Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года и резолюции Совета Безопасности ООН[3]. Основными инструментами сотрудничества выступают автоматический обмен финансовой информацией в рамках Common Reporting Standard (CRS), взаимная правовая помощь и совместные расследования.

---

[1] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.

[2] Chainalysis [Электронный ресурс] // https://bitexpert.io/news/chainalysis-otmyvanie-cherez-kriptovalyuty-vzletelo-v-8-raz-za-5-let/?ysclid=mm6kumvm474815919 (дата обращения: 27.02.2026).

[3] Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята в Нью-Йорке 9 декабря 1999 г., ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 10.07.2002 № 88-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2795.

В Российской Федерации основным нормативным актом остаётся Федеральный закон № 115-ФЗ. Росфинмониторинг осуществляет надзор, внедряя инструменты «пояса финансовой безопасности», платформу «Знай своего клиента» и систему «Прозрачный блокчейн». В 2023–2025 годах принято значительное количество поправок.

В Соединённых Штатах Америки ключевыми являются Закон о патриотизме (Patriot Act) и FATCA. В Европейском союзе действуют AMLD-директивы и Регламент MiCA (полный эффект с декабря 2024 года).

Сравнительный анализ показывает, что подход США отличается высокой степенью централизации и жёсткостью, европейский — акцентом на едином рынке и защите инноваций, а российский — сочетанием государственного контроля и технологических решений. Финансовые учреждения обязаны проводить комплексную проверку клиентов (CDD), мониторить операции и сообщать о подозрительных сделках. Современные AML-системы активно используют искусственный интеллект. Несмотря на прогресс, система сталкивается с существенными вызовами: использование номинальных лиц, сложность контроля криптоактивов, коррупционные риски и различия в национальных подходах.

Авторская оценка предлагает следующие направления рекомендаций по совершенствованию, ориентированные на повышение эффективности мер противодействия в глобализированной экономике. Эти предложения учитывают необходимость баланса между регуляторными механизмами, технологическими инновациями и социальными аспектами. Каждое направление изложено с акцентом на ключевые меры реализации:

усиление согласованности нормативных актов посредством обязательных протоколов обмена информацией. Согласование юридических норм подразумевает внедрение обязательных протоколов для межгосударственного обмена данными, которые гарантируют совместимость стандартов и снижение регуляторных несоответствий;

увеличение объёма автоматического обмена и организация совместных мероприятий. Автоматизированный обмен данными следует распространить на все виды активов, в том числе цифровые, с внедрением систем в реальном времени. Совместные действия предполагают согласование работы уполномоченных органов в ходе международных проверок, что усиливает скорость ответа на потенциальные угрозы;

рост вложений в национальные системы ИИ и обучение кадров. Вложения в создание отечественных систем искусственного интеллекта предназначены для автоматизации контроля и оценки рисков. Обучение экспертов охватывает специальные курсы, сосредоточенные на использовании ИИ для обнаружения сомнительных транзакций;

внедрение инициатив по повышению финансовой осведомлённости граждан. Инициативы по финансовой грамотности обязаны акцентировать

внимание на осведомлении людей об опасностях участия в незаконных схемах, в частности с применением «дропов». Это включает встраивание образовательных блоков в школьные программы и общественные проекты;

5. Создание этических норм для использования технологий. Этические нормы в области технологий охватывают принципы открытости, избежания предубеждений и охраны прав индивидов. Требуется формирование структур, которые поддерживают равновесие между результативностью надзора и уважением к правилам конфиденциальности. Данные рекомендации способствуют системному укреплению мер ПОД/ФТ, минимизируя уязвимости глобализированной финансовой среды.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Современные практики противодействия показывают умеренную эффективность, однако требуют дальнейшего совершенствования, особенно в сфере виртуальных активов и международной координации. Главными тенденциями остаются цифровизация контроля, риск-ориентированный подход и усиление многостороннего сотрудничества. Эффективная система ПОД/ФТ является важным условием стабильности мировой финансовой архитектуры. Тема сохраняет высокую актуальность и требует постоянного внимания со стороны научного сообщества, регуляторов и практиков.

Научная статья
УДК 34

ПРОБЛЕМЫ ОТНЕСЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОРПОРАЦИИ К СУБЪЕКТАМ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Кристина Дмитриевна БЕЛОВА[1], Ирина Николаевна ИВАНОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] Pro100kristinka26@yandex.ru
[2] ii25042005@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@hist.ru

Аннотация. В рамках данного исследования рассматривается государственная корпорация и иные публично-правовые компании как субъекты

финансового права, анализируются понятия и определяются правовой статус данных понятий. Отмечается, что новыми субъектами финансового права должны сегодня признаваться госкорпорации и публично-правовые компании.

Ключевые слова: государственная корпорация, публично-правовые компании, субъект финансового права, финансовое право

Проблема субъектов финансового права сегодня в науке весьма актуализируется. Это связано с необходимостью научного размышления над вопросом об изменившемся предмете финансового права, об изменениях в структуре финансового правоотношения и, соответственно, о появлении новых субъектов финансового права.

В июле 1999 года путем внесения изменений в Федеральный закон Российской Федерации от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[1] (далее — ФЗ № 7), а именно в ст. 7.1, был определен новый вид некоммерческой организации, как «государственная корпорация». Первой государственной корпорацией России стало Агентство по реструктуризации кредитных организаций, возникшее в 1999 году. В 2003 появилась вторая государственная корпорация — Агентство по страхованию вкладов. Процесс создания государственных корпораций ускорился в 2007 году, в этот период были созданы и начали функционировать государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», государственная корпорация по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта (далее — «Олимпстрой»), «Российская корпорация нанотехнологий» (далее — «Роснанотех») и т. д [2].

Деятельность подобных организаций, расширение сферы их влияния представляет собой принципиально новое явление для России, которое влияет на сложившиеся представления о формах организации управления и отношениях собственности, определяет общее направление финансового развития государства.

Начнем с краткой характеристики государственных корпораций. Согласно ст. 7.1 ФЗ № 7 государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Согласно данному ФЗ № 7 государственная корпорация использует имущество

[1]Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 N 7-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

[2]Егорова З. А. Государственная корпорация как субъект финансового права // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №5. С. 5-8 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-korporatsiya-kak-subekt-finansovogo-prava (дата обращения: 17.03.2026).

для целей, определенных законом. Также предусмотрена обязанность публиковать отчеты ежегодно об использовании своего имущества, данная отчетность подлежит обязательному аудиту.

Рассмотрим некоторые цели функционирования корпораций, которые можно подразделить на общие и специальные. Так, Голышев И. Д. выделяет следующие цели:

реализация правительственных установок макроэкономического регулирования;

эффективное использование и управление государственным имуществом, создание высокотехнологической, инновационной, наукоемкой экономической системы;

реализация общественных интересов в сферах, где рыночные институты не развиты или не работают[1].

К специальным целям относятся те, которые предусмотрены специальными федеральными законами. Например, для осуществления функций по страхованию вкладов существует Агенство по страхованию вкладов, его деятельность регулируется ФЗ «О страховании вкладов в банка Российской Федерации»[2]. Государственная корпорация по атомной энергетики «Росатом» создана в целях проведения государственной политики, оказания государственных услуг и управления государственным имуществом в области использования атомной энергии, развития и безопасного функционирования организаций атомного энергопромышленного и ядерного оружейного комплексов Российской Федерации и выполнения иных функций в этой области, деятельность регулируется ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»»[3]. Также существует государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», созданная в целях реализации государственной политики и осуществления нормативно-правового регулирования в области космической деятельности, деятельность которой регулируется Федеральным законом «О государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»»[4].

Дискуссионным является вопрос об отнесении государственных корпораций к субъектам финансового права, поскольку для отнесения их к данной

---

[1]Голышев И. Д., Карян Ю. С. Исследование целей деятельности государственных корпораций // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 12 С. 153-154 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/12/76424 (дата обращения: 13.03.2026). 154 с.

[2]Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2025) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

[3]Федеральный закон «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» от 01.12.2007 № 317-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2025) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

[4]Федеральный закон «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 13.07.2015 N 215-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

категории следует выяснить наличие правосубъектности. Данные организации являются достаточно специфическими, поскольку обеспечивают государственные интересы путем реализации определенных функций в финансовой сфере. Для определения государственных корпораций к субъектам финансового права следует выделить критерии, которыми обладают такие субъекты. Как справедливо отмечает Мошкова Д. М., к субъектам финансового права относится лицо или организация, которая может стать участником финансовых правоотношений или уже им является, а также участвует в распределении и (или) использовании денежных фондов[1]. Для более детального пояснения критериев обратимся к понятию финансовые правоотношения. На наш взгляд наиболее исчерпывающее определение дают Семенова К. А. и Цыбикжапова А. В., которые определяют финансовые правоотношения как разновидность правовых отношений, которые регулируются нормами права для осуществления целей государства в области распределения и использования финансов[2].

Так, оценивая первый критерий, участие в финансовых правоотношениях, основываясь на ст. 7.1 ФЗ «О некоммерческих организациях», государственная корпорация, во-первых, использует свое имущество, может осуществлять приносящую доход деятельность для целей, для которых она образована, а также публикует отчет об использовании своего имущества; во-вторых, вправе заниматься инвестиционной деятельностью в рамках закона. Второй критерий, участие в распределении и пользовании денежных фондов, также следует рассмотреть со ссылкой на вышеуказанный федеральный закон, например, высший орган управления государственной корпорацией имеет право на передачу части имущества в государственную казну, определения порядка использования прибыли, утверждение системы оплаты труда работников.

Таким образом, анализируя вышеназванные критерии, можно прийти к выводу о том, что государственные корпорации относятся к субъектам финансового права, они активно принимают участие в экономической деятельности государства, а также выполняют важные функции по реализации государственной политики в различных областях, развитию инноваций, что способствует совершенствованию науки в целом, обеспечению экономической стабильности.

[1]Мошкова Д. М. К вопросу о субъектах финансового права // Актуальные проблемы российского права. 2016. №11 (72). С. 3-4 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subektah-finansovogo-prava-1 (дата обращения: 16.03.2026).

[2]Семёнова К. А., Цыбикжапова А. В. ФИНАНСОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ // Экономика и социум. 2021. №1-2 (80). С. 9 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovye-pravootnosheniya (дата обращения: 18.03.2026).

Научная статья
УДК 351.749

К ВОПРОСУ О ВОЗРОЖДЕНИИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИИ

Милана Ширваниевна БИСУЛТАНОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
mibi2005@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье исследуется проблематика воссоздания Федеральной службы налоговой полиции (ФСНП России) как инструмента обеспечения фискальной безопасности государства в рамках реализации конституционной обязанности уплаты налогов (ст. 57 Конституции РФ). Анализируется современная налоговая преступность, отличающаяся латентностью и технологической сложностью схем уклонения в условиях цифровизации. Выявлена проблема низкой эффективности текущих механизмов противодействия из-за раздробленности компетенций между МВД России, ФНС России и Следственным комитетом РФ. С опорой на ретроспективный анализ деятельности ФСНП России (1992—2003 гг.) обосновывается потенциал специализированного органа с учётом рисков — издержек, дублирования функций и давления на бизнес. Оптимальным решением названа гибридная модель, балансирующая защиту фискальных интересов и регуляторную нагрузку на предпринимательство.

Ключевые слова: налоговая полиция, Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации, налоговые преступления, Федеральная налоговая служба Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации

В соответствии со статьей 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы, а законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют[1]. Эта конституционная норма имеет не только декларативное, но и прямое регулятивное значение, поскольку именно она

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 57 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определяет обязанность государства создавать действенный механизм выявления, пресечения и расследования налоговых преступлений. В условиях цифровизации финансовых потоков, усложнения схем уклонения от налогообложения, роста числа фиктивных хозяйственных операций и расширения коррупционных практик в экономической сфере вопрос о возрождении налоговой полиции приобретает не ретроспективный, а актуально-прикладной характер. Он затрагивает не только проблему собираемости налогов, но и более широкую категорию налоговой безопасности государства, тесно связанную с устойчивостью бюджетной системы, доверием к публичной власти и реализацией принципа справедливого налогообложения.

Проблема налоговой преступности в современной России заключается не столько в ее количественном масштабе, сколько в высокой латентности и технологической усложненности. Ее общественная опасность проявляется не только в причинении прямого имущественного ущерба бюджету, но и в подрыве конкурентной среды, искажении налоговой дисциплины и формировании устойчивых криминогенных практик в сфере предпринимательской деятельности. При этом традиционные механизмы противодействия таким деяниям зачастую оказываются недостаточно оперативными — это обусловлено как высокой сложностью современных схем ухода от налогообложения, так и организационной раздробленностью функций между несколькими государственными органами. В этой связи актуализируется вопрос о совершенствовании механизмов противодействия таким деяниям.

История Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации (далее — ФСНП России), созданной в 1992 году, свидетельствует, что специализированный орган, ориентированный исключительно на противодействие налоговым преступлениям, способен концентрировать ресурсы на наиболее сложных участках правоприменения. В ее компетенцию входили выявление и пресечение налоговых преступлений, проведение оперативно-розыскных мероприятий, взаимодействие с налоговыми органами и Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), а также профилактика налоговых правонарушений. По мнению А. М. Борисова, опыт работы ФСНП России продемонстрировал высокую эффективность в предупреждении налоговой преступности: служба не только раскрывала уже совершенные преступления, но и активно занималась профилактикой, выявляя потенциальные риски на ранних стадиях[1]. Кроме того, исторический опыт деятельности налоговой полиции следует

[1]Борисов А. М. Предупреждение налоговой преступности: исторические фрагменты опыта налоговой полиции России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию Российской полиции) : Материалы XIV международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 27—28 апреля 2017 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 325. URL: https://www.elibrary.ru/download/ elibrary_30530497_15223672.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

рассматривать как важный источник организационных решений для современной правовой системы.

Схожую позицию занимает Е. В. Поверенов, который подчеркивает, что восстановление ФСНП России способно повысить эффективность противодействия налоговым правонарушениям за счет специализации кадров, усиления межведомственной координации и концентрации аналитического потенциала в одном органе[1]. Автор прямо связывает восстановление налоговой полиции с повышением качества деятельности территориальных налоговых органов, указывая, что именно синтез контрольно-надзорных и правоохранительных функций обеспечивает более результативную защиту бюджетных интересов[2].

Тем не менее в 2003 году ФСНП России была упразднена, а ее функции переданы МВД России, Федеральной налоговой службе России (далее — ФНС России) и Следственному комитету Российской Федерации. Основными причинами ликвидации стали дублирование полномочий с другими ведомствами, высокая затратность содержания специализированной структуры и необходимость оптимизации системы правоохранительных органов.

На первый взгляд такая модель выглядит рациональной, поскольку позволяет задействовать ресурсы нескольких ведомств, однако на практике она порождает фрагментацию ответственности, усложнение согласовательных процедур и снижение целевой направленности деятельности. И. В. Тюрин, анализируя вопрос о том, кому доверить дела о налоговых преступлениях, приходит к выводу, что размывание компетенции между ведомствами снижает оперативность реагирования и создает дополнительные процессуальные барьеры[3]. Например, МВД России, будучи универсальным правоохранительным органом, объективно охватывает широкий спектр общественных отношений: общественную безопасность, борьбу с преступностью в целом, противодействие экстремизму, киберугрозам, незаконному обороту наркотиков, миграционным правонарушениям и иным направлениям. Налоговая преступность в этой системе неизбежно оказывается лишь одним из многих приоритетов, а, значит, конкурирует за оперативные, кадровые и организационные ресурсы с иными задачами. В результате снижается интенсивность

[1]Поверенов Е. В. Восстановление налоговой полиции РФ – явное повышение эффективности качества деятельности территориальных налоговых органов РФ // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 6. С. 119. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20955608_55141122.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

[2]Поверенов Е. В. О необходимости восстановления Федеральной службы налоговой полиции России // Регионология. 2012. № 3 (80). С. 107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-vosstanovleniya-federalnoy-sluzhby-nalogovoy-politsii-rossii (дата обращения: 29.03.2026).

[3]Тюрин И. В. Кому доверить дела о налоговых преступлениях? Новые инициативы государства и старый опыт в решении вопроса // Статистика и экономика. 2015. № 6. С. 48. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komu-doverit-dela-o-nalogovyh-prestupleniyah-novye-initsiativy-gosudarstva-i-staryy-opyt-v-reshenii-voprosa (дата обращения: 03.04.2026).

специализированной работы по выявлению и раскрытию налоговых преступлений, особенно тех, которые связаны с коррупционными и трансакционными схемами. Именно поэтому снижение эффективности в этой сфере нельзя объяснять исключительно недостатками отдельных сотрудников — оно обусловлено прежде всего институциональной перегрузкой общего ведомства.

Статистические данные также свидетельствуют о необходимости пересмотра сложившейся модели. По данным ГИАЦ МВД России в 2023 году наблюдалось снижение числа преступлений в налоговой сфере — на 6,3 % по сравнению с предыдущим годом. Всего было зарегистрировано 4 935 таких преступлений[1]. Однако в 2026 году глава МВД России Владимир Колокольцев сообщил о росте выявляемости налоговых преступлений: за предыдущий год было выявлено около 4 тысяч преступлений, что почти на 10 % больше, чем в предыдущем периоде[2]. Эти данные отражают неоднозначную динамику, которая может быть связана с широким спектром общественных отношений, охватываемых МВД России, и сложностями в специализации на конкретных видах преступлений.

Широкий спектр полномочий МВД России — одна из ключевых причин снижения выявляемости налоговых преступлений. Органы внутренних дел отвечают за расследование широкого круга преступлений, включая не только налоговые, но и другие виды правонарушений (кражи, мошенничество, преступления против личности и т. д.). Это снижает фокус на налоговых преступлениях, требующих специализированных знаний и методов расследования. Бюрократические и организационные сложности также играют роль: для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении необходимы материалы от налоговых органов, что может затягивать процесс и приводить к потере следов преступления.

Высокая латентность налоговых преступлений усугубляет ситуацию. По экспертным оценкам, в «тени» находятся от 15 до 30 миллионов россиян, которые не имеют официального дохода и не платят налогов. Многие аналогичные преступления остаются незамеченными из-за их скрытного характера и использования сложных схем уклонения от уплаты налогов. Ограниченные ресурсы также влияют на эффективность: расследование требует значительных временных и материальных затрат, включая анализ больших объемов данных и привлечение экспертов.

---

[1]Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития. URL: https://mvd.ru/upload/site163/folder_page/007/886/399/Kompleksnyy_analiz_-_2024.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Глава МВД рассказал о выявлении преступлений в налоговой сфере. URL: https://ria.ru/20260304/prestuplenija-2078473964.html (дата обращения: 01.04.2026).

Коррупция в налоговой сфере дополнительно осложняет ситуацию. Она может проявляться в виде незаконного возмещения НДС, необоснованного приостановления операций по расчетным счетам, несвоевременного выставления инкассовых поручений на расчетные счета должника или незаконного списания налоговой задолженности без фактической оплаты. Коррупционные схемы затрудняют выявление налоговых преступлений, так как вовлеченные в них сотрудники налоговых органов могут скрывать нарушения или препятствовать расследованию.

Аргументы в пользу воссоздания налоговой полиции опираются на несколько ключевых положений. Прежде всего, концентрация всех функций — выявление, расследование, профилактика — в одном органе может существенно повысить эффективность противодействия налоговым преступлениям. Упрощение процедур взаимодействия между фискальными и правоохранительными органами позволит быстрее реагировать на нарушения. Налоговая полиция могла бы не только раскрывать преступления, но и предупреждать их, анализируя риски и проводя профилактические мероприятия[1]. Во многих странах (например, США, Германия) существуют специализированные налоговые полицейские структуры, доказавшие свою эффективность. Кроме того, специализированная структура может более эффективно бороться с коррупционными схемами в налоговой сфере.

Вместе с тем против возрождения налоговой полиции выдвигаются не менее весомые аргументы. Во-первых, существует риск дублирования функций с уже действующими ведомствами — это может воспроизвести ситуацию 1990—2000-х годов. Во-вторых, содержание отдельного ведомства потребует значительных бюджетных расходов, что в условиях экономической нестабильности может оказаться нецелесообразным. В-третьих, расширение полномочий правоохранительных органов в налоговой сфере может привести к усилению давления на бизнес, особенно малый и средний. А. А. Семирягин подчеркивает, что вопрос о возрождении налоговой полиции остается дискуссионным: с одной стороны, есть потребность в усилении контроля, с другой — необходимо избегать избыточного администрирования[2].

Если решение о воссоздании налоговой полиции будет принято, важно учесть ряд аспектов. Четкое разграничение полномочий с другими ведомствами поможет избежать дублирования функций. Интеграция с цифровыми системами ФНС России и МВД России обеспечит оперативный обмен данными. Фокус на профилактику позволит сместить акцент с наказания на

[1]Борисов А. М. Налоговая безопасность в свете исторического опыта деятельности налоговой полиции России // История, теория, практика российского права. 2021. № 14. С. 67. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47968981_17224557.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

[2]Семирягин А. А. Федеральная служба налоговой полиции: светлое будущее или темное прошлое // Аллея науки. 2022. Т. 2. № 5 (68). С. 584. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49378105_38599831.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

предупреждение нарушений. Прозрачность деятельности налоговой полиции минимизирует риски злоупотреблений и повысит доверие общества к этому институту.

Особое внимание следует уделить технологическому оснащению нового органа. Внедрение современных информационных систем анализа больших данных (Big Data), искусственного интеллекта для выявления аномалий в отчетности и автоматизированного мониторинга транзакций позволит значительно повысить эффективность работы. Такие инструменты уже успешно применяются в ряде зарубежных стран и могут быть адаптированы к российской системе налогообложения.

Не менее важным аспектом является кадровое обеспечение. Специалисты налоговой полиции должны обладать комплексной подготовкой, сочетающей знания в области налогового права, бухгалтерского учета и аудита, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, информационных технологий и кибербезопасности.

С точки зрения организационно-правовой конструкции наиболее перспективной видится либо самостоятельная налоговая полиция нового типа, либо специализированное подразделение в системе ФНС России с расширенными правоохранительными полномочиями и тесной межведомственной координацией. Первый вариант обеспечивает максимальную специализацию, второй — меньшие бюджетные издержки и более плотную связь с налоговым администрированием. Однако в любом случае ключевым условием остается институциональная концентрация усилий именно на налоговых преступлениях. Без этого государство будет и далее сталкиваться с ситуацией, при которой сложные схемы уклонения от налогообложения распознаются постфактум, а значительная часть ущерба бюджету уже становится невосполнимой.

Возрождение налоговой полиции в России — неоднозначное решение, требующее взвешенного подхода. Исторический опыт ФСНП России демонстрирует потенциал специализированного органа в борьбе с налоговыми преступлениями, но при этом существуют риски, связанные с затратами, дублированием функций и возможным усилением давления на бизнес. Оптимальным вариантом может стать создание гибридной модели, сочетающей элементы налоговой полиции с существующими механизмами. Такой подход позволит сохранить специализацию в выявлении и расследовании налоговых преступлений, минимизировать затраты на создание нового ведомства и обеспечить тесное взаимодействие с налоговыми органами.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных моделей реорганизации системы противодействия налоговым преступлениям с учетом современных экономических и правовых реалий. Это поможет выработать сбалансированное решение, которое

обеспечит эффективную защиту фискальных интересов государства без излишнего давления на предпринимательское сообщество.

Научная статья
УДК 346

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елена Андреевна ВОЛЬСКАЯ
Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия
Volskaya.eee@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) **Оксана Владимировна РАХМАТУЛЛИНА**, oovrakhmatullina@msal.ru

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию роли Центрального банка Российской Федерации в регулировании денежного обращения в России. Проанализированы законодательные основы деятельности Центрального банка России, его полномочия в сфере эмиссии и контроля за денежной массой. На основе статистических данных подтверждена практическая значимость выделенных функций. В работе сделан вывод что Центральный банк Российской Федерации занимает ключевое место в системе регулирования денежного обращения, обеспечивая его устойчивость к современным экономическим условиям.

Ключевые слова: банк, центральный банк, эмиссия, денежное обращение, денежная масса денежно-кредитная политика.

Роль Центрального банка Российской Федерации в регулировании денежного обращения в современных условиях следует рассматривать как системообразующую и многофункциональную, охватывающую как организационно-технические аспекты денежного оборота, так и стратегическое макроэкономическое регулирование. В отличие от классических моделей, где центральный банк выполняет преимущественно эмиссионную функцию, российская правовая конструкция, закреплённая в Федеральном законе от 10.07.2002 № 86-ФЗ, формирует Банк России как универсальный публично-правовой институт, осуществляющий комплексное управление денежной системой. Это проявляется, прежде всего, в том, что «в соответствии со

ст. 27 закона рубль закреплён в качестве единственной денежной единицы, а введение денежных суррогатов прямо запрещено»[1], что обеспечивает правовое единство денежного пространства. Данное положение дополняется ст. 29, устанавливающей исключительное право Банка России на эмиссию наличных денег и организацию их обращения, что формирует его монопольное положение в сфере наличного денежного оборота и исключает возможность децентрализации эмиссионных полномочий.

Существенным элементом правового статуса Банка России является закрепление в ст. 30 закона положения о том, что банкноты и монета Банка России являются его безусловными обязательствами и обеспечиваются всеми активами, что придаёт денежным знакам не только юридическую силу, но и экономическую устойчивость. При этом обязательность их приёма по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации формирует универсальность денег как средства обращения и платежа. Важное значение имеет и ст. 31, устанавливающая гарантии стабильности денежного обращения через недопустимость произвольного изъятия денежных знаков без предоставления достаточного срока их обмена, что направлено на поддержание доверия населения и хозяйствующих субъектов к национальной валюте. В совокупности данные нормы формируют правовую основу денежного суверенитета государства.

Функциональная роль Банка России наиболее ярко проявляется в сфере организации наличного денежного обращения, что детально регламентировано главой VI закона. В частности, в соответствии со ст. 34 «на Банк России возлагается широкий круг полномочий, включающий прогнозирование потребности экономики в наличных денежных средствах, организацию их производства, размещение заказов на изготовление банкнот и монеты, создание резервных фондов, а также обеспечение их хранения, перевозки и инкассации»[2]. Таким образом, Банк России осуществляет полный цикл управления наличным денежным оборотом, начиная от эмиссии и заканчивая изъятием и уничтожением изношенных денежных знаков. При этом он устанавливает признаки платежеспособности банкнот, порядок их замены и уничтожения, что имеет важное значение для защиты денежного обращения от фальсификации и обеспечения его стабильности.

Особое значение имеет нормотворческая функция Банка России, которая проявляется в установлении обязательных правил ведения кассовых операций, хранения и перевозки наличных денежных средств, а также форм документов, используемых кредитными организациями. Данные полномочия реализуются через систему подзаконных актов Банка России (указания,

[1]Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.

[2]Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.

положения, инструкции), которые обеспечивают единообразие регулирования на всей территории страны. Например, указания Банка России, регулирующие порядок кассового обслуживания и инкассации, фактически формируют детальную правовую инфраструктуру наличного денежного обращения. В этом контексте Банк России выступает не только как регулятор, но и как нормативный центр денежной системы, обеспечивающий её функционирование на практике.

Не менее значимой является стратегическая функция Банка России, закреплённая в ст. 34.1 закона, согласно которой основной целью денежно-кредитной политики является защита и обеспечение устойчивости рубля посредством поддержания ценовой стабильности. Данная норма отражает современное понимание роли центрального банка как макроэкономического регулятора. В отличие от узкого подхода, ограниченного эмиссией, Банк России осуществляет управление денежной массой, процентными ставками и ликвидностью банковской системы, воздействуя на инфляцию, инвестиционную активность и экономический рост. Практическое значение данной функции подтверждается статистическими данными: «при объёме наличных денег в обращении около 19,45 трлн рублей на начало 2026 года Банк России обеспечивает контроль за денежной массой, одновременно регулируя её структуру в условиях высокой доли безналичных платежей, достигшей 88 %»[1]. Соответственно, все чаще используется безналичная модель денежного обращения при сохранении значимости наличных денег.

Кроме того, деятельность Банка России оказывает прямое влияние на банковскую систему и кредитные отношения. Через изменение ключевой ставки и иные инструменты денежно-кредитной политики он регулирует стоимость кредитных ресурсов и уровень деловой активности. Так, снижение ключевой ставки с 21 % до 16,5 % в 2025 году демонстрирует использование процентной политики как инструмента стимулирования экономики и контроля инфляции, которая в 2026 году удерживается в пределах около 5—6 % с тенденцией к снижению. Одновременно рост наличных денег в обращении и связанный с этим отток ликвидности из банковской системы показывают, что Банк России вынужден учитывать поведенческие факторы участников рынка, что подчеркивает сложность и многомерность регулирования денежного обращения.

Если смотреть на практику, видно, что Банк России постоянно меняет подходы к регулированию в ответ на внешние вызовы. Переход к плавающему курсу рубля в 2014 году, введение инфляционного таргетирования, развитие системы «Мир», цифровизация и запуск цифрового рубля — всё

[1]Банк России определил основные направления развития наличного денежного обращения на 2026–2030 годы // Сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=28246 (дата обращения: 15.03.2026).

это показывает, что регулятор действует гибко и фактически формирует новую модель денежного обращения. При этом значительная часть регулирования осуществляется не законом, а подзаконными актами Банка России — указаниями, положениями, рекомендациями. Именно через них на практике выстраиваются правила денежного обращения.

Таким образом, Центральный банк Российской Федерации занимает ключевое место в системе регулирования денежного обращения, фактически обеспечивая его устойчивость, управляемость и адаптацию к современным экономическим условиям. Он не только осуществляет эмиссию и организует денежный оборот, но и влияет на макроэкономические процессы через инструменты денежно-кредитной политики, формируя общие условия функционирования финансовой системы.

Научная статья
УДК 336.7

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Яна Александровна ГЛЕБОВА[1], Михаил Владимирович РЫМАР[2]
[1,2] Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
[1] Yana.glebova.2005@inbox.ru
[2] micrymar@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье исследуется роль цифрового рубля как третьей формы национальной валюты Российской Федерации в системе государственного финансового контроля. На основе анализа федерального законодательства (ФЗ № 339-ФЗ и № 340-ФЗ от 24.07.2023, ФЗ № 303-ФЗ от 31.07.2025), данных пилотного проекта Банка России (август 2023—март 2026 г.) и материалов органов власти рассматриваются механизмы контроля за целевым расходованием бюджетных средств, противодействия отмыванию доходов и борьбы с коррупцией с использованием технологий смарт-контрактов и сквозной прослеживаемости платежей. Выявлены ключевые преимущества и риски применения платформы цифрового рубля в публичном секторе. Проведённый анализ показал, что при соблюдении условий кибербезопасности и последовательного законодательного сопровождения

цифровой рубль способен принципиально изменить архитектуру государственного финансового контроля.

Ключевые слова: цифровой рубль, финансовый контроль, государственные расходы, смарт-контракт, противодействие легализации доходов, Банк России, платформа цифрового рубля, бюджетный процесс, цифровая валюта центрального банка

Переход российской экономики к цифровым формам денежного обращения ставит перед системой государственного финансового контроля новые задачи. Традиционные механизмы контроля — казначейское сопровождение, встречные проверки и последующий аудит — не успевают за скоростью финансовых потоков. Цифровой рубль, эмитируемый Банком России как его прямое обязательство, создаёт инфраструктуру, при которой каждая транзакция фиксируется в режиме реального времени и не может быть изменена задним числом.

С точки зрения права, введение цифрового рубля обеспечено двумя законами, подписанными Президентом Российской Федерации 24 июля 2023 года: Федеральным законом № 339-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» и Федеральным законом № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. За Банком России закреплён статус оператора платформы цифрового рубля (ПЦР), а сама платформа определена как специализированная информационная система. Концептуальная основа проекта изложена в докладе Банка России «Цифровой рубль» 2020 года, где зафиксирована двухуровневая розничная модель: регулятор выпускает цифровой рубль, а коммерческие банки выполняют функцию посредников в обслуживании клиентов[2]. Что касается технической составляющей ПЦР: платформа преобразует практику государственного финансового контроля. Ключевое свойство цифрового рубля состоит в том, что каждая денежная единица существует в форме уникального цифрового кода, хранящегося непосредственно на серверах Банка России — в отличие от безналичного рубля, который учитывается на счетах коммерческих банков.

Положение Банка России от 03 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» детализирует операционный порядок работы ПЦР, определяет виды счетов, порядок открытия цифровых кошельков и лимиты операций[3]. Включение цифрового рубля в сферу действия Федерального закона

[1]Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[2]Банк России. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. М.: Банк России, 2020. 50 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/97555/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

[3]Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://docs.cntd.ru/document/1302451795.

от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма»[1] закреплено законом, одобренным Советом Федерации 20 мая 2025 г. Согласно поправкам, вводится гибридная модель контроля: коммерческие банки проводят идентификацию клиентов, а Банк России осуществляет надзор за соблюдением антиотмывочных норм непосредственно на уровне платформы.[2]

Обратимся к данным о хронологии законодательных изменений. Перечень бюджетных расходов, подлежащих исполнению через ПЦР с 2025 г., утверждён Правительством РФ 18 декабря 2025 г.: в него вошли расходы на социальное обеспечение, оплату труда, капитальное строительство и ремонт объектов государственной собственности. С 1 июля 2027 г. аналогичный порядок распространится на региональные и местные бюджеты, а также государственные внебюджетные фонды.

С 15 августа 2023 г. Банк России запустил пилотирование операций с реальными цифровыми рублями. На первом этапе к проекту присоединились 11 кредитных организаций, около 600 физических лиц и 30 торгово-сервисных предприятий из 11 городов страны.[3] С 1 сентября 2024 г. параметры пилота расширились: число пользователей достигло 9 тыс. граждан и 1 200 компаний; к операциям добавились оплата товаров и услуг по динамическому QR-коду (C2B) и переводы между юридическими лицами (B2B).[4] К ноябрю 2025 г. число банков-участников превысило 20.

По отчёту Банка России от 30 июня 2025 г., участники из более чем 150 населённых пунктов открыли около 2 500 кошельков и провели свыше 100 тыс. операций. Исполнено более 17 тыс. смарт-контрактов — автоматических алгоритмов, которые обеспечивают перевод средств строго при наступлении заранее оговорённых условий сделки. Предварительные результаты подтвердили работоспособность и устойчивость платформы под нагрузкой. В ходе пилота Банк России зафиксировал несколько инцидентов, связанных с попытками несанкционированного доступа к отдельным модулям системы, что потребовало доработки криптографических протоколов ещё до старта массового внедрения.

---

[1]Федеральный закон "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/.

[2]Федеральный закон О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статью 20 Федерального закона «О банках и банковский деятельности» в связи с внедрением цифрового рубля. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/576830-8.

[3]Банк России. Письмо от 14.11.2024 № 04-45/10660 «Об оптимизации архитектуры внедрения проекта "Цифровой рубль"» // СПС «ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/410767890/ (дата обращения: 25.03.2026).

[4] Банк России. Цифровой рубль сегодня и завтра: пресс-релиз от 30.06.2025. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=24741

Несмотря на преимущества цифрового рубля как инструмента финансового контроля, его практическое внедрение сопряжено с рядом существенных проблем. Центральной среди них остаётся незавершённость правовой основы. Костикова Е.Г. в статье, опубликованной в журнале «Финансовое право» в 2024 г., зафиксировала противоречие между определением цифрового рубля как «третьей формы денег» в ФЗ № 340-ФЗ и его квалификацией в Гражданском кодексе РФ как разновидности безналичных денежных средств[1]. Это порождает коллизии с нормами Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», в котором цифровые валюты по смыслу фактически исключены из правового оборота — при том что цифровой рубль технически близок к иным цифровым активам[2]. Вторая проблема — риск оттока ликвидности из банковского сектора. По расчётам аналитиков Frank RG (2025 г.), введение цифрового рубля способно привести к сокращению остатков на текущих счетах граждан и организаций в коммерческих банках, поскольку конвертация безналичных рублей в цифровые осуществляется в соотношении 1:1 с немедленным перемещением средств на счёт ЦБ[3]. Банк России признаёт этот риск и планирует вводить лимиты на пополнение кошелька цифрового рубля за счёт банковских счетов, однако конкретные значения лимитов на март 2026 г. окончательно не утверждены. В связи с конвертацией денежных средств возникает следующая проблема — курс цифрового рубля относительно зарубежных валют. В связи с тем, что цифровой рубль не может основываться на курсе доллара полный переход на цифровой рубль создаст проблемы для международной торговли. Третья проблема — технологическая уязвимость централизованной платформы. Все цифровые рубли хранятся на серверах Банка России, что формирует единую точку отказа: успешная кибератака или системный сбой способны привести к невозможности совершения платежей и финансовым потерям пользователей[4]. По данным исследования, проведённого в рамках пилотного проекта в 2024—2025 гг., криптографические протоколы платформы дорабатывались в процессе тестирования как минимум дважды, что свидетельствует о незрелости отдельных компонентов системы. Четвёртой по значимости проблемой выступает низкий уровень готовности финан-

[1]Костикова Е. Г. Концептуальные проблемы формирования правовых основ цифрового рубля // Финансовое право. 2024. № 8. С. 14–18. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-8-14-18.

[2]Глотова И. И., Томилина Е. П. Анализ преимуществ финансового контроля с использованием цифрового рубля // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 2. С. 1045–1060. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54060716.

[3]Костикова Е. Г. Концептуальные проблемы формирования правовых основ цифрового рубля // Финансовое право. 2024. № 8. С. 14–18. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-8-14-18.

[4]Якушева Е. Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 254–277. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.254.277.

совой инфраструктуры к массовому внедрению. Опрос, проведённый Российским союзом промышленников и предпринимателей в январе 2025 г., показал: многие коммерческие банки считают необходимым перенести массовый запуск цифрового рубля, ссылаясь на высокую стоимость технической интеграции (120—200 млн руб. только на начальном этапе) и недостаточную проработанность операционных стандартов. Именно это обстоятельство стало одной из причин переноса даты обязательного внедрения для системно значимых банков с 1 июля 2025 г. на 1 сентября 2026 г.

Пути решения обозначенных проблем находятся в стадии разработки и требуют комплексного подхода. На данный мы можем предложить решение одной из проблем — законодательного регулирования. Поставленная задача может быть решена путем формирования комплексной законодательной базы. Опыт Китая (цифровой юань полноценно интегрирован в бытовые платёжные операции с 2022 г.), Сингапура и Республики Корея демонстрирует, что государства, добившиеся устойчивого функционирования CBDC, заблаговременно приняли специальный закон о цифровой валюте центрального банка, устранив коллизии со смежным законодательством. Для России оптимальным решением является принятие самостоятельного федерального закона «О цифровом рубле Российской Федерации» с закреплением правового статуса каждого вида участников платформы, порядка хранения и защиты данных, ответственности оператора за системные сбои.

В заключении хочется сказать, что Цифровой рубль создаёт новую инфраструктуру финансового контроля, характеристиками которой являются прослеживаемость платежей в режиме реального времени, программируемость расходования средств через смарт-контракты, неизменяемость реестра операций и встроенный ПОД/ФТ-контроль с гибридным распределением функций между Банком России и коммерческими банками[1].

Переход федеральных учреждений на расчёты через счёт цифрового рубля Казначейства России с 1 января 2026 г. и последующее распространение этой практики на региональный уровень с 2027 г. означает, что уже в ближайшие годы через ПЦР будет проходить значительная часть публичных расходов страны.

[1]Применение технологий цифрового рубля в целях финансового мониторинга // Банковское дело. 2024. № 8. URL: https://www.bankdelo.ru/expert-opinion/pub/11380.

Научная статья
УДК 336.22

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Анастасия Александровна ГРИГОРЬЕВА[1], Виктория Алексеевна СИНИЦЫНА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] grigorevaa866@gmail.com
[2] veky1981@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье исследуется роль налоговых льгот как инструмента преодоления кадрового дефицита на государственной службе. Рассматриваются основные причины нехватки квалифицированных специалистов в государственном секторе, включая уровень оплаты труда, ограниченные возможности карьерного роста и конкуренцию с частным сектором. Анализируются существующие механизмы налогового стимулирования, применяемые в различных странах, и оценивается их эффективность в привлечении и удержании кадров. На основе сравнительного анализа предлагаются рекомендации по совершенствованию налоговой политики с целью повышения привлекательности государственной службы и формирования устойчивого кадрового состава.

Ключевые слова: налоговые льготы, государственная служба, кадровый дефицит, налоговое стимулирование, человеческий капитал, государственная политика, налоговые вычеты

Вопрос кадрового обеспечения государственных органов в последние годы приобрел не просто организационное, а определяющее значение для эффективности управления. Дефицит квалифицированных кадров в таких ключевых структурах, как Федеральная налоговая служба (ФНС), органы прокуратуры, Министерство внутренних дел (полиция) и иные ведомства, достиг уровня, при котором традиционные административные меры перестают давать устойчивый результат. Хотя общих данных по всей госслужбе РФ в публичном доступе представлено достаточно мало, только отдельные

отраслевые отчёты, например, Госкорпорация «Росатом», указывает на коэффициент текучести кадров в 11,12 % за 2023 год. В целом по стране, по результатам опросов компаний, текучесть персонала часто оценивается около 15 %. В условиях современных социально-экономических трансформаций и растущей конкуренции между регионами особое значение приобретает результативность государственного и муниципального управления. Ключевым фактором её обеспечения выступает наличие квалифицированных кадров, что неоднократно подчёркивается в стратегических документах Российской Федерации. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» акцентируется внимание на необходимости формирования эффективной системы подготовки и профессионального развития высококвалифицированных специалистов. Данная задача напрямую связана с обеспечением органов публичной власти кадровыми ресурсами. В этой связи кадровый дефицит следует рассматривать как комплексную и системную проблему, затрагивающую функционирование государства в целом. Следовательно, особый научный и практический интерес представляет обращение к налоговым инструментам, которые долгое время рассматривались только как фискальный механизм, но сегодня могут быть переосмыслены как эффективный механизм кадровой политики.

Теоретические основания использования налоговых льгот в отношении государственных служащих уходят корнями в концепцию «фискального федерализма» и теорию общественного выбора. С одной стороны, государство выступает как суверен, устанавливающий правила налогообложения, с другой — как работодатель, конкурирующий с частным сектором за человеческий капитал. С точки зрения экономической теории, то, сколько денег сотрудник фактически получает после вычета налогов, во многом определяет, захочет ли он менять работу или переходить в другую сферу. Когда государство выступает в роли работодателя, но при этом удерживает из зарплаты своих служащих значительные суммы в виде НДФЛ и страховых взносов, не предлагая взамен никаких компенсирующих мер, оно оказывается в заведомо проигрышном положении. На фоне частного сектора такие условия выглядят менее привлекательными, и государственная служба начинает проигрывать борьбу за квалифицированные кадры. К тому же, если налоговая нагрузка остаётся высокой, а специальных льгот для госслужащих не предусмотрено, это неизбежно порождает неформальные способы возмещения потерь. Подобная ситуация повышает коррупционные риски и противоречит принципам открытости и добросовестности государственного управления.

В исследованиях, посвящённых налоговому регулированию, вопрос о льготах для государственных служащих вызывает немало споров. Российские авторы А. В. Азархин и М. А. Савченко обращают внимание на то, что эта тема неизбежно выводит к противоречию между принципом социальной справедливости и соображениями экономической рациональности. Они подчёркивают: льготы здесь не стоит воспринимать как нечто привилегированное, напротив — при разумном использовании они могут служить механизмом социального уравнивания. Однако найти золотую середину непросто. Преференции действительно помогают удерживать в системе сильных специалистов, но в то же время увеличивают расходы бюджета и способны провоцировать напряжённость в обществе из-за разницы в подходах к налогообложению разных категорий граждан. Именно эта внутренняя проблема во многом сдерживает разработку чётких и универсальных схем налогового стимулирования, которые были бы одновременно оправданными с экономической точки зрения и воспринимались как справедливые.

Поэтому привычный взгляд на налоговые льготы как на исключительно расходную статью бюджета нуждается в пересмотре. Хорошо проработанная система налоговых преференций способна решать сложные задачи — она может стимулировать приток кадров, удерживать их в системе и повышать статус государственной службы в глазах общества.

При разработке предложений по налоговым льготам для госслужащих важно учитывать, что разные ведомства находятся в неравных условиях. И те меры, которые сработают для одних, могут оказаться малоэффективными для других. Поэтому, имеет смысл говорить о дифференцированном подходе, привязанном к специфике служебной деятельности. Первым направлением является расширение имущественных и социальных налоговых вычетов для сотрудников правоохранительных органов, включая прокуратуру и полицию. Сегодня значительная часть сотрудников этих ведомств сталкивается с высокой территориальной мобильностью и необходимостью приобретения жилья в регионах, где бюджетные возможности ограничены. Введение ускоренного механизма имущественного вычета, например, с возможностью его получения не по окончании налогового периода, а в ежемесячном режиме через работодателя, позволило бы существенно повысить реальную покупательскую способность сотрудников. Кроме того, для этих категорий целесообразно предусмотреть расширенный социальный вычет на лечение и реабилитацию после травм, полученных при исполнении служебных обязанностей, льготы на получение дополнительно образования, а также на оплату обучения детей в ведомственных образовательных учреждениях.

Второе направление связано с внедрением специальных налоговых режимов для высококвалифицированных специалистов, привлекаемых на государственную службу из коммерческого сектора, в особенности в ФНС и

иные экономические ведомства. Для цифровой трансформации налогового администрирования требуются IT-специалисты, аналитики данных и эксперты в области международного налогообложения, чьи зарплатные ожидания в частном секторе значительно превышают возможности бюджетной системы. В данном случае эффективным механизмом может стать установление пониженной ставки НДФЛ для узкой категории таких специалистов на определенный период (например, на первые пять лет службы) либо предоставление «налоговых каникул» по отдельным видам доходов. Благодаря такому подходу специалистам становится проще перейти из частного сектора на государственную службу, а разница между начисляемой зарплатой и тем, что они получают на руки, сокращается. Это повышает конкурентоспособность государственной службы в борьбе за квалифицированные кадры.

Важность кадрового аспекта для эффективности налогового администрирования подчеркивает российский ученый М. М. Качурина, в своем исследовании, посвященном совершенствованию деятельности налоговых инспекций, она отмечает, что «управление кадрами (одна из ключевых функций любой организации) чрезвычайно важно для налогового администрирования, а также для обучения и переподготовки сотрудников налоговых органов». Качурина акцентирует внимание на том, что «эффективность работы Федеральной налоговой службы России во многом характеризуется степенью автоматизации технологического процесса», что, в свою очередь, требует привлечения высококвалифицированных специалистов, способных работать с современными информационными системами. Без создания привлекательных условий, включая налоговые стимулы, решить эту задачу становится крайне сложно.

Третье направление касается стимулирования долгосрочной занятости и снижения «текучки» кадров через механизм пенсионных налоговых льгот. Государственная служба традиционно ценилась за стабильность, однако в условиях реформирования пенсионной системы этот аргумент утратил былую привлекательность. Предоставление государственным служащим расширенных социальных налоговых вычетов на взносы в негосударственные пенсионные фонды (НПФ) с повышенным лимитом, а также освобождение от налогообложения корпоративных пенсионных взносов работодателя позволило бы сформировать убедительный долгосрочный стимул. Для прокуратуры и судебной системы, где ценность опыта и преемственности особенно высока, такой механизм способствовал бы удержанию наиболее квалифицированных сотрудников на этапе, предшествующем выходу на пенсию, смягчая проблему «кадрового голода» на руководящих позициях.

Проблематика справедливой дифференциации доходов государственных служащих как фактора мотивации и стимулирования труда получила развитие в исследованиях коллектива авторов под руководством

Н. С. Пряжникова. В публикации журнала «Экономика. Налоги. Право» авторы отмечают, что «неоднозначность понимания справедливых критериев дифференциации доходов» и предлагают в качестве наиболее перспективных вариантов «использовать как полные системы критериев дифференциации, так и частичные системы, учитывающие специфику труда в конкретных организациях и коллективах». Как подчёркивают исследователи, применительно к государственной службе требуется формирование особого подхода к оценке трудоёмкости выполнения служебных обязанностей и определению параметров справедливого вознаграждения. Это обусловлено спецификой публично-служебных отношений, которые не могут быть сведены к стандартным рыночным механизмам оплаты труда. Из данного тезиса логически вытекает необходимость построения гибкой системы налогового стимулирования, дифференцированной с учётом ведомственной принадлежности, должностного уровня и особенностей служебной деятельности. Только при таком условии налоговые инструменты способны выполнять не только фискальную, но и полноценную стимулирующую функцию.

Реализация предлагаемого комплекса мер способна оказать системное положительное воздействие на состояние кадровой сферы в государственных органах. В качестве ключевых направлений такого воздействия можно выделить, во-первых, увеличение числа претендентов на замещение вакантных должностей, а также снижение налоговой нагрузки на доходы государственных служащих позволит достичь роста реального денежного содержания без увеличения бюджетных расходов на оплату труда. Данный аспект приобретает особую значимость в условиях жестких бюджетных ограничений, когда возможности экстенсивного наращивания фонда оплаты труда объективно ограничены.

Во-вторых, повысится качественный состав кадров. Возможность быстрее решить жилищный вопрос через ускоренные вычеты или получить значимую пенсионную надбавку через налоговые льготы выступает в роли фильтра, привлекая более мотивированных и ориентированных на долгосрочную карьеру кандидатов. В-третьих, значительно возрастет престиж государственной службы. В общественном сознании наличие особого налогового статуса у чиновников, полицейских или сотрудников прокуратуры будет восприниматься не как привилегия, а как компенсаторный механизм за ограничения, налагаемые законодательством о государственной службе (запрет на предпринимательскую деятельность, ограничения на выезд, повышенная ответственность).

Зарубежный опыт в данном направлении демонстрирует как многообразие подходов, так и их высокую эффективность. В Соединенных Штатах Америки система налоговых льгот для государственных служащих носит преимущественно косвенный характер, но весьма существенный объем. Со-

трудники федеральных и местных органов власти имеют доступ к различным программам, например План 401(а), который предлагается работодателями из государственного сектора, такими как государственные и образовательные учреждения (в 2025 году общий лимит взносов для планов 401(а) — 70 000 долларов (включает взносы сотрудника и работодателя)). Кроме того, федеральные служащие имеют право на значительные скидки при уплате имущественного налога и при обращении за ипотечным кредитом.

Показательным примером применения налоговых механизмов для привлечения высококвалифицированных кадров в государственный сектор служит Вьетнам. В соответствии с аналитическими материалами, разработанными в рамках Закона о науке, технологиях и инновациях 2025 года, в качестве ключевых стимулов определены: освобождение учёных от уплаты подоходного налога при передаче технологий и освобождение от импортных пошлин на научное оборудование. Вьетнамские эксперты подчёркивают, что устранение финансовых барьеров позволяет научным организациям выдерживать конкуренцию за специалистов — как среди соотечественников, работающих за рубежом, так и среди иностранных учёных. Новый подход даёт возможность формировать привлекательные компенсационные предложения, включающие достойную заработную плату, решение жилищных вопросов и адекватные условия труда, что в совокупности способно убедить авторитетных исследователей сделать выбор в пользу работы во Вьетнаме.

Опыт государств Европейского союза, в частности Франции и Германии, показывает, что налоговые инструменты могут быть адаптированы под специфику служебной деятельности различных категорий государственных служащих. В этих странах для сотрудников правоохранительных органов, прокуроров и судей широко применяются налоговые вычеты на профессиональные нужды, которые устанавливаются в фиксированном размере. Такой подход исходит из признания того факта, что исполнение должностных обязанностей в указанных сферах объективно связано с дополнительными личными расходами — будь то представительские затраты или необходимость поддерживать определённый деловой имидж.

Таким образом, можно прийти к выводу, что кадровый дефицит в государственных органах перешёл из разряда организационных трудностей в категорию системных проблем, напрямую влияющих на качество публичного управления. Традиционные административные меры в условиях жёстких бюджетных ограничений демонстрируют снижающуюся эффективность, что актуализирует поиск инструментов, позволяющих увеличить реальное содержание труда без экстенсивного расширения фонда оплаты труда. Налоговые механизмы, долгое время воспринимавшиеся исключительно как фискальный инструмент, способны выполнять эту функцию, воздействуя на три ключевых параметра: численность кадров, их квалификацию и престиж государственной службы. При этом, как показывает анализ

позиций российских исследователей, ключевым противоречием остаётся необходимость балансировать между экономической эффективностью и принципом социальной справедливости — налоговые преференции для госслужащих могут быть восприняты обществом как привилегии, даже если по своей природе они являются компенсаторными.

Научная статья
УДК 336.22

НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОЗАНЯТОСТИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Даниил Васильевич ЕВТИХЕЕВ[1], Иван Валерианович МЕРИНОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] sjforewer@vk.com
[2] vanechkamerinov@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. Статья анализирует введение налога на профессиональный доход для самозанятых в России как инструмент легализации теневой занятости и улучшения налогового администрирования. Рассматриваются преимущества и недостатки данного налогового режима. Анализируется зарубежный опыт применения налога на профессиональный доход и прогнозируется его будущее состояние в Российской Федерации.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, налоговый режим, легализация доходов, налоговое администрирование

Самозанятость — форма трудовой деятельности, при которой граждане самостоятельно осуществляют работы или оказывают услуги без привлечения наемных работников, не регистрируясь как индивидуальные предприниматели. До 2019 года значительная часть самозанятых граждан находилась в «теневом» секторе экономики, что создавало серьезные проблемы для бюджетной системы и социальной сферы.

По данным «Известий», около 8 млн россиян в 2026 году работают неофициально. По словам эксперта в сфере корпоративного управления и подготовки кадров, заместителя председателя совета директоров Сибирского делового союза Анастасии Горелкиной, число получающих зарплату в конверте ниже — около 5,5— 6 млн человек[1]. Неформальная занятость характеризуется отсутствием официального оформления трудовых отношений, выплатой заработной платы «в конверте» и, как следствие, неуплатой налогов и страховых взносов. Такая модель трудовых отношений влечет за собой серьезные последствия для работников: отсутствие социальных гарантий, невозможность получения оплачиваемых больничных и отпусков, формирование минимальной будущей пенсии, а также сложности с получением кредитов и виз.

Федеральной налоговой службой Российской Федерации (далее — ФНС РФ) постоянно осуществляется совершенствование процесса налогового администрирования. Она обеспечивает процесс интеграции различных источников информации о налогоплательщиках в единую информационную систему с последующим анализом данных на основе современных информационных технологий[2].

По данным Минтруда, в 2025 году на рынке труда были легализованы 976 тыс. человек — примерно на 20% больше, чем годом ранее (по итогам 2024 года этот показатель составлял 810 тыс.)[3]. Именно необходимость вывода из тени миллионов самозанятых граждан, а также потребность в создании удобного и понятного механизма легализации их доходов стали ключевыми предпосылками для введения в 2019 году специального налогового режима — налога на профессиональный доход, а цифровые технологии способствовали развитию возможностей учета самозанятых граждан, а в дальнейшем их налогообложению.

При разработке механизма легализации самозанятости перед государством стояла задача создания режима, который был бы привлекателен для граждан, привыкших работать «в тени», и одновременно обеспечивал бы прозрачность их доходов. Налог на профессиональный доход (НПД) был сконструирован с учетом трех ключевых принципов.

Во-первых, это простота регистрации и использования. Для перехода на НПД гражданину достаточно загрузить мобильное приложение «Мой налог» и пройти процедуру регистрации, занимающую несколько минут.

---

[1] Сколько россиян работают неофициально // РБК Life. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6985ee229a79476ec9dbd259 (дата обращения: 19.03.2026).

[2] Морозова Н. Г., Типалина М. В. Современные проблемы и перспективы применения налога на профессиональный доход // Вестник ГУУ. 2023. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sonye-problemy-i-perspektivy-peniya-naloga-na-pronalnyy-dohod (дата обращения: 19.03.2026).

[3] Минтруд сообщил о выводе из теневой занятости почти 1 млн сотрудников // РБК. URL: https://ufa.rbc.ru/rbcfreenews/6985d1ce9a79474acbf74380 (дата обращения: 20.03.2026).

Не требуется открытие индивидуального предпринимательства, подача деклараций или приобретение кассовой техники. Учет доходов автоматизирован, а формирование чеков осуществляется через приложение.

Во-вторых, благодаря автоматизации администрирования налоговый орган получает данные о доходах самозанятых непосредственно из приложения, что исключает необходимость представления отчетности. Расчет налога производится автоматически, а его уплата осуществляется на основе сформированных в приложении чеков.

Также важным моментом является низкая налоговая нагрузка. Ставки НПД были установлены на уровне 4% от дохода, полученного от физических лиц, и 6 % — от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Это существенно ниже, чем ставка налога на доходы физических лиц (13—15 %), которую платят наемные работники, и сопоставимо с налоговой нагрузкой при патентной системе налогообложения, но без дополнительных административных барьеров.

Как отмечают специалисты ФНС России, режим налога на профессиональный доход выполнил главную задачу. ФНС по итогам исследования заявила, что прирост самозанятых идет за счет теневого сектора, а не за счет найма. За шесть лет число граждан без декларируемых доходов сократилось более чем в четыре раза — с 5,8 млн до 1,3 млн[1]. Вместе с тем, согласно плану Минтруда по противодействию теневой занятости на 2025—2027 годы, к концу 2026 года предстоит дополнительно сократить число неформально занятых, что предполагает сочетание налоговых и административных мер, включая создание реестра недобросовестных работодателей и расширение межведомственного контроля[2].

С учетом сочетания высоких темпов прироста доходной базы, низких административных издержек на администрирование и минимального уровня задолженности перед бюджетом фискальная эффективность налога на профессиональный доход (НПД) оценивается как высокая, что подтверждается устойчивым превышением фактических поступлений над первоначальными прогнозными параметрами, заложенными при запуске эксперимента. За время действия эксперимента в бюджет Москвы поступило около 60 млрд руб. налога, из которых 20,6 млрд руб. — в 2025 году, что на 36 % превышает уровень предыдущего года[3]. Данная динамика позволяет утверждать, что НПД выполнил ключевую задачу по легализации ранее скрытых доходов населения, причем прирост налоговой базы обеспечивался преимущественно за счет субъектов, ранее не взаимодействовавших с налоговой

[1] ФНС заявила об обелении доходов населения за счет самозанятости // Investing.com. URL: https://ru.investing.com/analysis/article-200325484 (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Об утверждении плана мероприятий противодействия нелегальной занятости в РФ на 2025-2027 гг.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.05.2025 № 1166-р // СПС «Гарант».

[3] В Москве в 2025 году зарегистрировалось свыше 350 тыс. новых самозанятых // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/26424963 (дата обращения: 23.03.2026).

системой, а не за счет перерегистрации действующих индивидуальных предпринимателей.

Социальные эффекты НПД выражаются в вовлечении категорий граждан, ранее слабо охваченных формальными налоговыми режимами. Студенты получили возможность совмещать учебу с легальной предпринимательской деятельностью без сложных административных процедур; пенсионеры — легализовать доходы от личных подсобных хозяйств, репетиторства и услуг по присмотру; работники, имеющие основное место занятости — легализовать дополнительные заработки без открытия ИП. В результате столь широкая социальная база режима, охватывающая различные возрастные и профессиональные группы, рассматривается как ключевой фактор его устойчивости, высокого уровня общественного признания и успешной адаптации в российской налоговой системе.

Однако реализация НПД не прошла без проблем и противоречий. За долгое время эксперимента правовой статус самозанятых граждан не был определен, данное понятие не получило четкого официального определения ни в одной из отраслей законодательства.

В приказе ФНС самозанятые граждане определяются как физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»[1]. На официальном сайте Социального фонда России самозанятые выделяются в отдельную категорию и определяются как индивидуальные предприниматели, главы и члены крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, иные лица, занимающиеся частной практикой и не являющиеся ИП, а также лица, уплачивающие НПД[2].

Таким образом, термин «самозанятый гражданин» в российском законодательстве размыт и не имеет четкого официального закрепления. Данный термин был заимствован из английского понятия self-employed, которое переводится как самоустроенный, работающий не по найму или самозанятый.

Существует риск злоупотребления режимом для самозанятых. Представлен он подменой трудовых отношений гражданско-правовыми, когда компании заставляют работников регистрироваться в качестве самозанятых. Способ выявления государством теневых доходов и упрощения сбора

[1] Об утверждении Методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД)» федерального проекта «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», входящего в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы: Приказ ФНС России от 02.07.2021 № ЕД-7-20/620@ (ред. от 07.04.2022) II. Основные понятия и определения // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Самозанятым // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/branches/tyumen/info/~2022/09/02/7670 (дата обращения: 24.03.2026).

налогов превращается для бизнеса в удобный инструмент экономии на НДФЛ и страховых взносах.

Также плательщики НПД исходя из сути налога, не обязаны уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное и социальное страхование. Это означает, что в случае временной утраты трудоспособности или выхода на пенсию гражданин останется без соответствующей страховой выплаты или ее части. Указанные выше взносы уплачиваются самозанятым в СФР исключительно на добровольных началах. Однако минимальный платеж в 71,5 тысячи рублей в год слишком высок для многих, раз государство разрешает уплачивать его по частям[1].

Еще одной проблемой может являться ограничение суммарного годового дохода самозанятого. На данный момент эта сумма составляет 2,4 млн. рублей[2]. Как только заработок налогоплательщика достигнет данной отметки, приложение «Мой налог» заблокируется автоматически. В случае продолжения работы после этого, самозанятый может утратить возможность платить НПД и перейти на другие налоговые режимы. Физические лица, не зарегистрированные в качестве ИП, будут платить НДФЛ.

Вышеперечисленное — лишь малая часть проблем, наиболее значимых на данный момент. Российская Федерация — не первое государство, использующее данный налоговый режим. Зарубежный опыт может оказаться полезным в решении имеющихся проблем.

К примеру, в Китае на данный момент доля самозанятых в экономике составляет 37,67 %. Государство ведет учет самозанятых и оказывает им непрямую поддержку через информационные и образовательные ресурсы. Некоторые виды деятельности, такие как репетиторство, требуют обязательного лицензирования. Граждане, работающие на себя, могут получать доступ к информации на специализированных платформах и в электронных библиотеках, а также участвовать в вебинарах и видеоконференциях, организованных ведущими китайскими и международными экспертами. В Китае функционирует более тысячи государственных центров поддержки предпринимательства, предоставляющих бесплатные услуги для развития самозанятости. При этом налоговое законодательство Китая не выделяет отдельного регулирования для налогообложения неформально занятых лиц. Доходы от самозанятости включаются в общую налоговую базу вместе с доходами от трудовой деятельности[3].

---

[1] Страхователям // Социальный фонд России. URL: https://sfr.gov.ru/employers/selfemployed/ (дата обращения: 25.03.2026).

[2] О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.11.2025) п. 8 ч. 2 ст. 4 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Пьянова М. В. Зарубежный опыт налогового регулирования самозанятости // Налоги и налогообложение. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-nalogovogo-regulirovaniya-samozanyatosti (дата обращения: 27.03.2026).

В США все, кто работает, будь то по найму или самостоятельно, обязаны платить налоги на социальное обеспечение и медицинскую помощь. Эти налоги взимаются работодателем, поэтому, обращаясь к услугам самозанятого, гражданин США фактически оплачивает за него эти взносы, за исключением случаев, когда нанятые работники представляют организации (например, няня от агентства по подбору домашнего персонала) или являются независимыми подрядчиками, которые сами проходят регистрацию. Налог на самозанятость в США составляет 15,3 %, что соответствует совокупным взносам работника и работодателя. Эта ставка делится на две части: 12,4 % на социальное обеспечение и 2,9 % на медицинскую страховку. Для части, касающейся медицинской страховки, нет ограничений на сумму, с которой взимается налог в размере 2,9 %. Кроме того, существует дополнительный взнос на медицинскую страховку в размере 0,9 %, который применяется, если доход самозанятого превышает 200 000 долларов США[1].

Не смотря на существующие проблемы, негативно влияющие как на экономику государства, так и на благополучие самозанятых граждан, эксперимент с НПД планируется провести до конца. На сегодняшний день статус самозанятого получили более 14 миллионов человек, которые за время эксперимента заработали свыше 7,5 трлн рублей и перечислили в бюджет более 330 млрд рублей налогов. Государством принимаются меры по поддержанию данной части населения. В случае отмены такого налогового режима самозанятым придётся регистрироваться как ИП с уплатой фиксированных страховых взносов (в 2026 году — 57 390 рублей), переходить на договоры ГПХ с риском их переквалификации в трудовые или оформлять стандартный трудовой договор. Полная и резкая отмена режима, по мнению экспертов, создала бы системные риски: массовый уход доходов в теневой сектор, сокращение бюджетных поступлений и рост социальной напряжённости, поэтому в интересы государства должно входить сохранение и дальнейшее развитие текущего формата поддержки населения[2].

[1] Коробкова Н. А., Амирова Д. Р., Курдова М. А. Зарубежный опыт регулирования самозанятости // электронный научный журнал «Вектор экономики». 2020. № 5. С. 5.

[2] Отменят ли самозанятость в 2026 году: что будет с НПД // ВТБ. URL: https://www.vtb.ru/articles/samozanyatye/otmenyat-li-samozanyatost-chto-budet-s-npd/ (дата обращения: 28.03.2026).

Научная статья
УДК 347.7

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУР ДРОБЛЕНИЯ БИЗНЕСА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Ангелина Дмитриевна ЗАЛЁТИНА[1], Александра Юрьевна ЯКУПОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] lina.zaltina@bk.ru
[2] yau30052005@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции **Виталий Викторович ФИРСОВ,** vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы нормативного правового регулирования дробления бизнеса для целей налогообложения. Рассматриваются подходы к определению данного явления в научной доктрине и правоприменительной практике. Особое внимание уделяется анализу положений налогового законодательства и судебных подходов к выявлению необоснованной налоговой выгоды. Выявляются проблемы отсутствия четких критериев квалификации дробления бизнеса. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: дробление бизнеса, налоговая выгода, налоговое право, правовое регулирование, налоговый контроль, судебная практика

В действующем российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «дробление бизнеса», что существенно усложняет как правоприменительную практику, так и научное осмысление данного явления. Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит прямого закрепления указанной категории, ограничиваясь общими нормами о недопустимости злоупотребления правом и получения необоснованной налоговой выгоды[1]. В связи с этим формирование подходов к пониманию дробления бизнеса происходит преимущественно в рамках судебной практики и научной доктрины.

В научной литературе сложились различные подходы к определению дробления бизнеса. Так, А. И. Трапезников рассматривает его как комплекс

[1]Налоговый кодекс Российской Федерации. – Москва, 2025.

действий по искусственному структурированию хозяйственной деятельности между взаимозависимыми субъектами с целью сохранения права на применение специальных налоговых режимов и, как следствие, снижения налоговой нагрузки[1]. При этом акцент делается не только на формальном разделении бизнеса, но и на наличии единого центра принятия решений и экономической взаимосвязанности участников.

В свою очередь, Н. В. Гонтовая определяет фиктивное дробление бизнеса как искусственное разделение одного хозяйствующего субъекта на несколько формально самостоятельных лиц, прикрывающее фактическую деятельность одного налогоплательщика и направленное на минимизацию налоговых обязательств[2]. Данный подход подчеркивает именно противоправный характер действий, связанных с использованием налоговых преимуществ без реальных экономических оснований.

Объединяющим элементом указанных подходов является связь дробления бизнеса с категорией налоговой выгоды. В современной правоприменительной практике дробление бизнеса рассматривается как один из способов получения необоснованной налоговой выгоды, что подтверждается как судебной практикой, так и разъяснениями налоговых органов. При этом ключевое значение приобретают судебные доктрины, сформированные арбитражными судами, в частности доктрина «деловой цели» и доктрина «реальности сделки».

Суть данных подходов заключается в том, что любые действия налогоплательщика должны иметь разумное экономическое обоснование и быть направлены на достижение деловых целей, а не исключительно на снижение налоговой нагрузки. Если же разделение бизнеса не сопровождается самостоятельной хозяйственной деятельностью вновь созданных субъектов и не имеет экономической целесообразности, оно квалифицируется как фиктивное[3].

Важно отметить, что само по себе разделение бизнеса не является противоправным. Закон допускает выбор налогоплательщиком наиболее эффективной модели ведения бизнеса, включая использование специальных налоговых режимов[4]. Однако граница между законным структурированием бизнеса и фиктивным дроблением проходит по критерию добросовестности и наличия деловой цели.

---

[1]Трапезников А. И. Понятие «дробления» бизнеса как вида налогового правонарушения / А. И. Трапезников // Аграрное и земельное право. 2024. №1. С. 119.

[2]Гонтовая Н. В. Фиктивное дробление бизнеса как агрессивный способ минимизации налоговой нагрузки / Н. В. Гонтовая, Н. Б. Малышенко // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. 2020. №5. С. 27.

[3]Трапезников А. И. Понятие «дробления» бизнеса как вида налогового правонарушения / А. И. Трапезников // Аграрное и земельное право. 2024. №1. С. 120.

[4]Налоговый кодекс Российской Федерации. – Москва, 2025.

Правовая природа дробления бизнеса носит двойственный характер, с одной стороны, это допустимый инструмент организации предпринимательской деятельности. В то время как с другой при наличии признаков искусственности и направленности на получение необоснованной налоговой выгоды оно трансформируется в налоговое правонарушение.

Ключевую роль в регулировании вопросов, связанных с дроблением бизнеса, играет Налоговый кодекс Российской Федерации, в частности статья 54.1, закрепляющая запрет на уменьшение налоговой базы и суммы налога путем искажения сведений о фактах хозяйственной деятельности[1]. Указанная норма направлена на пресечение злоупотреблений со стороны налогоплательщиков и фактически является основным инструментом борьбы с фиктивным дроблением бизнеса.

Согласно положениям статьи 54.1 НК РФ, недопустимыми признаются действия, направленные на умышленное искажение информации о хозяйственных операциях, а также создание искусственных условий для применения налоговых льгот и специальных режимов налогообложения[2]. В контексте дробления бизнеса это выражается, например, в распределении выручки между взаимозависимыми лицами или формальном разделении единого производственного процесса.

Особое значение в правоприменительной практике имеют методические рекомендации ФНС России, изложенные в Письме от 13.07.2017 № ЕД-4-2/13650. В данном документе подробно раскрываются подходы к выявлению умысла налогоплательщика и установлению фактов использования схем дробления бизнеса[3]. В частности, налоговым органам предписывается анализировать совокупность обстоятельств, свидетельствующих о согласованности действий участников схемы, наличии единого управления и отсутствии самостоятельной хозяйственной деятельности.

Кроме того, в рекомендациях ФНС выделяются признаки, указывающие на умышленный характер действий налогоплательщика, такие как искусственное создание условий для применения специальных налоговых режимов, вовлечение подконтрольных лиц в хозяйственную деятельность и отражение недостоверных сведений в отчетности. Эти критерии активно используются при проведении налоговых проверок и формировании доказательной базы.

Существенную роль в формировании подходов к оценке дробления бизнеса играет судебная практика, в том числе позиция Верховного Суда

---

[1]Налоговый кодекс Российской Федерации. – Москва, 2025.

[2]Налоговый кодекс Российской Федерации. – Москва, 2025.

[3]Письмо ФНС России от 13.07.2017 №ЕД-4-2/13650 «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельства, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России). – Москва, 2017.

Российской Федерации. В Определении ВС РФ от 12.08.2021 № 304-ЭС21-12783 подтверждается необходимость оценки совокупности обстоятельств, свидетельствующих о реальном характере деятельности налогоплательщика и наличии либо отсутствии деловой цели[1]. Суд подчеркивает, что формальное соблюдение требований законодательства не исключает возможности признания действий налогоплательщика злоупотреблением правом.

В правоприменительной практике выработан ряд характерных признаков фиктивного дробления бизнеса[2]. К их числу относятся: наличие взаимозависимости между участниками схемы, искусственное распределение доходов и расходов, единое управление деятельностью, а также отсутствие самостоятельной экономической деятельности у формально независимых субъектов.

Особое значение имеет критерий отсутствия деловой цели. Если создание нескольких юридических лиц не обусловлено экономической необходимостью, а направлено исключительно на снижение налоговой нагрузки, такие действия квалифицируются как получение необоснованной налоговой выгоды[3]. Именно данный критерий в настоящее время выступает ключевым ориентиром для налоговых органов и судов при оценке правомерности структурирования бизнеса, поскольку позволяет выйти за пределы формального анализа и установить реальную экономическую сущность деятельности налогоплательщика.

Вместе с тем одной из центральных проблем современного правового регулирования является отсутствие четко закрепленных на законодательном уровне критериев квалификации дробления бизнеса. Налоговый кодекс Российской Федерации не содержит ни определения данного явления, ни исчерпывающего перечня его признаков, что приводит к необходимости опоры на судебную практику и разъяснения налоговых органов[4]. Такая ситуация порождает правовую неопределенность и затрудняет прогнозирование последствий хозяйственных решений для субъектов предпринимательской деятельности.

Отсутствие четких критериев неизбежно влечет за собой риски произвольного правоприменения. Налоговые органы получают широкие дискреционные полномочия при оценке действий налогоплательщика, что может приводить к расширительному толкованию норм и усилению налогового

---

[1]Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.08.2021 № 304-ЭС21-12783 по делу №А27-7789/2020 «Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации». – Москва, 2021.

[2]Гонтовая Н. В. Фиктивное дробление бизнеса как агрессивный способ минимизации налоговой нагрузки / Н. В. Гонтовая, Н. Б. Малышенко // Экономический вестник Донбасского государственного технического университета. 2020. №5. С. 28.

[3]Трапезников А. И. Понятие «дробления» бизнеса как вида налогового правонарушения / А. И. Трапезников // Аграрное и земельное право. 2024. №1. С. 120.

[4]Налоговый кодекс Российской Федерации. – Москва, 2025.

контроля[1]. В ряде случаев это выражается в признании дробления бизнеса фиктивным даже при наличии объективных экономических причин для структурирования деятельности, что, в свою очередь, негативно влияет на деловую среду и инвестиционную привлекательность.

В научной литературе обоснованно подчеркивается необходимость законодательного закрепления понятия дробления бизнеса и его ключевых признаков. Так, А. И. Панов указывает, что формализация данного института позволит не только упорядочить правоприменительную практику, но и снизить уровень уголовно-правовой репрессии в сфере налогообложения[2]. Закрепление на уровне закона четких критериев позволит разграничить правомерные модели ведения бизнеса и противоправные схемы налоговой оптимизации, обеспечив тем самым большую правовую определенность.

Не менее важным является обеспечение баланса между интересами государства в части налогового контроля и принципом свободы предпринимательской деятельности. С одной стороны, государство заинтересовано в пресечении злоупотреблений и обеспечении полноты налоговых поступлений, с другой — чрезмерное вмешательство в хозяйственную деятельность может ограничивать законные права налогоплательщиков. В этой связи представляется целесообразным развитие подхода, при котором оценка дробления бизнеса будет основываться на совокупности объективных критериев, а не исключительно на усмотрении контролирующих органов.

Проведенное исследование показывает, что дробление бизнеса представляет собой сложное правовое явление, находящееся на стыке допустимой налоговой оптимизации и налогового правонарушения. Отсутствие легального определения и четких критериев его квалификации обусловливает ведущую роль судебной практики и разъяснений налоговых органов в формировании подходов к оценке соответствующих действий налогоплательщиков.

В целях повышения эффективности правового регулирования представляется необходимым законодательное закрепление понятия дробления бизнеса и его квалифицирующих признаков, а также обеспечение баланса между фискальными интересами государства и правами налогоплательщиков. Реализация указанных мер позволит повысить правовую определенность и снизить риски необоснованного привлечения к ответственности[3].

---

[1]Письмо ФНС России от 13.07.2017 №ЕД-4-2/13650 «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельства, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России). – Москва, 2017.

[2]Панов А. И. Законодательная регламентация дробления бизнеса как шаг к упорядочению и минимизации уголовной репрессии в сфере налогообложения / А. И. Панов // Закон и право. 2025. №1. С. 237.

[3]Панов А. И. Законодательная регламентация дробления бизнеса как шаг к упорядочению и минимизации уголовной репрессии в сфере налогообложения / А. И. Панов // Закон и право. 2025. №1. С. 238.

Научная статья
УДК 336.22

НЕОБХОДИМОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИЦИИ РФ

Елизавета Львовна КРЕМНИТЦЕР[1], Александра Юрьевна КУЛИК[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] lkremnittser@mail.ru
[2] Sasha_kulik_04@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в контексте роста налоговых правонарушений и увеличения масштабов теневой экономики. Обосновывается необходимость восстановления Федеральной службы налоговой полиции как специализированного правоохранительного органа, обладающего полномочиями для выявления, предупреждения и пресечения налоговых преступлений.

Ключевые слова: государственная служба, налоговые органы РФ, налоговые преступления, органы Федеральной налоговой полиции РФ, экономическая безопасность РФ

В условиях динамично меняющейся экономической среды и усложнения схем уклонения от налогообложения вопрос эффективности налогового контроля приобретает особую актуальность. В этой связи возникает дискуссия о целесообразности воссоздания специализированного органа — Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации (далее — ФСНП РФ), упразднённой в 2003 году. Следует также отметить, что восстановление института налоговой полиции в современных условиях может выступить значимым институциональным механизмом повышения фискальной устойчивости государства, особенно в период проведения специальной военной операции, сопряжённой с ростом бюджетных расходов и усилением внешних экономических ограничений.

Говоря об историческом аспекте данного вопроса, стоит начать с 1990-х годов, в период которых происходили масштабные преобразования,

затронувшие все сфера общества, в том числе и экономическую составляющую (перехода к рыночной экономике, приватизации, формирования частного предпринимательства). На этом фоне резко обострились проблемы «налоговой дисциплины», включающие в себя массовое уклонение от уплаты налогов, распространение фирм-однодневок, использование серых схем минимизации фискальных обязательств. В ответ на данные вызовы началось формирование специализированного правоохранительного органа для борьбы с налоговыми нарушениями.

Отправной точкой стало создание в 1992 году подразделений федерального органа налоговой полиции, приоритетом которых являлись выявление, предупреждение и пресечение налоговых преступлений и правонарушений в соответствии с действующим законодательством. Следует отметить, что в следствие вынужденной адаптации к новым реалиям, органы, осуществляющие налоговые и правоохранительные функции, руководствовались исключительно межведомственными приказами и иными актами (соглашениями), которые позволяли совместно координировать деятельность по защите государства от нарушений в сфере налогового права (Указание Генерального прокурора РФ, Госналогслужбы РФ, ДНП РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 17, 19, 20, 24.10.1995 №№ 48/7, ВГ-6-20/652, СА 2297, 1/5105, 33 «О мерах по усилению борьбы с нарушениями налогового законодательства»). Однако уже через год, 20 мая 1993 года, был принят Федеральный закон «О федеральных органах налоговой полиции», благодаря которому, был учрежден Департамент налоговой полиции Российской Федерации (далее — Департамент), который наделил структуру статусом самостоятельного органа исполнительной власти. В дальнейшем, Департамент сменил название на Федеральную службу налоговой полиции Российской Федерации.

В своей деятельности ФСНП РФ руководствовалась различными способами для выполнения своей первостепенной задачи — защиты государственных интересов. В первую очередь, использовались классические методы и инструменты, включающие в себя как правовые, так и оперативно-технические и административные меры. В частности, сотрудники налоговой полиции имели право проводить оперативно-розыскные мероприятия, включая наблюдение, сбор информации и другие действия, предусмотренные законодательством. После получения в 1995 году права на ведение следствия ФСНП смогла самостоятельно расследовать дела о налоговых преступлениях, не передавая их в другие органы. Что касается административных мер, то в данном случае, ФСНП РФ имела полномочия выявлять административные правонарушения в сфере налогообложения и налагать штрафы.

Одной из приоритетных задач налоговой полиции следует выделить восполнение бюджета. В некоторых случаях конфискованное имущество возможно было приобрести в специализированных магазинах. Например, в 1996 году в Москве открылся магазин «Недоимка», где продавались товары, изъятые у неплательщиков налогов. В следствие продажи конфискованного имущества по доступным ценам, сотрудники органа смогли решить две первостепенные проблемы: возмещение ущерба, причиненного бюджету государства, а также улучшение торговой политики в интересах малоимущей части населения.

Деятельность ФСНП РФ, как и все государственные службы, осуществлялась на основе следующих основополагающих принципов: законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, подконтрольности и подотчётности высшим органам законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, сочетания гласных и негласных форм деятельности.

С 1 июля 2003 года указом Президента Российской Федерации В. В. Путина № 306 от 11 марта 2003 года налоговая полиция была упразднена. В следствие чего, исследователи в области налогового права выделили две основные причины упразднения структуры. Во-первых, дублирование полномочий с Министерством внутренних дел (далее — МВД РФ). ФСНП РФ и МВД РФ выполняли схожие функции в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Во-вторых, стремление государства к унификации правоохранительных функций в рамках единого ведомства.

Тем не менее, налоговая полиция стала уникальным звеном правоохранительной системы. В отличие от других структур, ее главным преимуществом был профессионализм сотрудников структуры, что позволяло более глубже понимать особенности налогового законодательства. Именно поэтому налоговой полиции доверяли самые сложные дела в налоговой сфере.

Исходя из статистических данных за время существования данного органа было выявлено и пресечено около 300 тысяч нарушений налогового законодательства, возбуждено более 100 тысяч уголовных дел. Доначисление в бюджет Российской Федерации составило более 5 триллионов рублей. По мнению В. Ф. Солтаганова, налоговая полиция эффективно обеспечивала экономическую безопасность Российской Федерации с момента своего создания. Уже на начальном этапе структура зарекомендовала себя как перспективное подразделение: сотрудники активно участвовали в проверках крупных фирм и обеспечивали безопасность налоговых инспекторов[1].

На наш взгляд, принятое решение об упразднении налоговой полиции носило излишне радикальный характер. В первую очередь, наша позиция

[1] Поверенов Е. В. О необходимости восстановления Федеральной службы налоговой полиции России // Регионология. 2012. Т. 34, № 1. С. 102—108.

связана со спецификой цикличной динамики экономических рисков. Более рациональным подходом могло бы стать сохранение данного института, как «резервного механизма» для быстрого и оперативного решения текущих задач. Иными словами, налоговая полиция задействовалась бы исключительно в периоды повышенной фискальной нестабильности (кризисы, масштабные экономические преобразования, внешние санкции). Также исходя из опыта деятельности ФСНП РФ в 1990-е годы наглядно демонстрирует высокую эффективность специализированных органов в условиях сложной экономической ситуации.

Необходимость восстановления налоговой полиции обуславливается и ростом налоговых правонарушений, и тем значительным ущербом, который причиняется государственному бюджету в целом от их совершения. А. Н. Дьяков считает, что налоговых преступлений выявляется «в несколько раз меньше в общем объёме всех преступлений экономической направленности, а ущерб от них самый большой в общем объёме. Кроме того, наблюдается тенденция к их увеличению»[1].

Научная статья
УДК 342

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Екатерина Михайловна КУЗНЕЦОВА[1], Ксения Николаевна ПЫЖОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] e.ku2netsova2311@yandex
[2] pizhovaxenia@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ,** vitaliy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается целесообразность введения налога на содержание домашних животных в Российской Федерации. Анализируется действующее правовое регулирование домашних животных и зарубежный опыт (ФРГ). Авторы обосновывают, что в текущих социально-

[1] Дьяков А. Н. Проблемы взаимодействия ОВД при расследовании налоговых преступлений // Налоги. 2010. № 6. С. 12—16.

политических условиях введение прямого налога сопряжено с рисками, поэтому более рациональным стоит считать развитие добровольной регистрации и идентификации данного налога, а также введение налогового вычета по расходам на ветеринарные услуги для владельцев.

Ключевые слова: зарубежный опыт ФРГ, идентификация домашних животных, налог на домашних животных, ответственность, регистрация

Защита домашних животных остается важной частью правового регулирования, отражая стремление правоприменителя к гуманизации отношений между человеком и окружающей средой. С биологической точки зрения под животными понимаются гетеротрофные существа, способные к активному передвижению, потреблению органических веществ.

В гражданском законодательстве Российской Федерации животные относятся к категории вещей — имуществу, подлежащему правовому режиму, свойственному объектам материального мира[1]. Такое правовое определение закрепляет имущественный характер и одновременно создает правоприменительные ограничения. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» закрепил базовые принципы гуманного отношения к животным, установил основы их содержания[2].

Однако, несмотря на усилия, принятые со стороны законодателя, остается ряд нерешенных проблем: жестокое обращение, отсутствие должного финансирования, бесконтрольное размножение животных, беспризорность и др. В этих условиях действенным механизмом, способным не только усилить правовую защиту животных, но и стабилизировать налоговую систему, может послужить возможность введения специального налога на животных.

Вопрос введения налога на домашних животных неоднократно поднимался как на государственном, так и общественном уровне. Пик его актуальности пришелся на период пандемии коронавирусной инфекции. Однако не во всех субъектах этот тренд сопровождался адекватным уровнем ответственности владельцев. В Санкт-Петербурге зоозащитники отмечали, что в разгар пандемии граждане оставляли своих животных на улице, опасаясь, что питомец может выступать переносчиком инфекции[3]. Сложившаяся ситуация обострила общественные дискуссии о необходимости дополнительных механизмов регулирования содержания животных.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) ст. 137 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Россияне стали выбрасывать собак и кошек из-за боязни заразиться COVID. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/688664-rossiiane-stali-vybrasyvat-sobak-i-koshek-iz-za-boiazni-zarazitsia-covid (дата обращения: 18.03.2026).

За введение налогового режима выступает ряд авторов. Чиркова К. Д. в одной из своих работ «Актуальные проблемы налога на домашних животных» указывает, что налог будет способствовать повышению ответственности граждан, а также формированию нравственного и гуманного отношения к животным. По ее мнению, налог будет стимулировать владельцев задумываться перед приобретением животного, более ответственно подходить к его судьбе[1].

Еще один автор Савощикова Е. В. в своих работах неоднократно отражала позицию в пользу введения налога на домашних животных. Автор считает, что налоговый режим целесообразно вводить постепенно, принимая во внимание объект налогообложения и дифференциацию ставок[2].

Федерального закона о налоге на домашних животных в Российской Федерации нет. Однако, некоторые субъекты Российской Федерации идут по пути, который можно расценивать, как предпосылку к возможному введению налога на домашних животных. Это — введение обязательной регистрации домашних животных, которая представляет собой внесение данных о питомце в реестр домашних животных. Требования к порядку регистрации каждый регион устанавливает самостоятельно. При постановке животного на учет ему присваивается уникальный номер, а данные о владельце, питомце вносятся в цифровую базу[3].

Однако Государственная Дума выступает против введения налогового режима. В конце 2025 г. заместитель председателя комитета по экологии Владимир Бурматов подчеркнул, что в России никогда не будет налога на животных. Бурматов также отметил, что в случае развития системы регулирования отношений с животными основной акцент будет сделан на обязательной регистрации и цифровизации данных[4]. Так стоит ли вводить налог на домашних животных на территории Российской Федерации или же стоит ограничиться лишь цифровизацией (внесение учета животных в систему)?

Успешно реализуемый подход к налогообложению домашних животных действует в ряде зарубежных государств, что демонстрирует его потенциал в укреплении финансовой устойчивости налоговой системы. В насто-

---

[1] Чиркова К. Д. Актуальные проблемы налога на домашних животных // Верховенство права: человек в государстве: Сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 24 октября 2019 г. Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2019. С. 626.

[2] Присакару Н. Д. Вопросы стратегии развития налогообложения содержания домашних животных (питомцев) / Н. Д. Присакару, Е. В. Савощикова // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 346.

[3] Регистрация собак в России в сервисе «Мой питомец». URL: https://brobank.ru/registratsiya-sobak-v-rossii/ (дата обращения: 20.03.2026).

[4] В Госдуме оценили перспективу введения налога на домашних животных. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/11/05/27108824.shtml (дата обращения: 22.03.2026).

ящей работе рассмотрим опыт отдельных государств, где такие меры действуют эффективно, а также оценим их возможное заимствование российской правовой системой.

Стоит обратиться к праву Федеративной Республики Германии (далее — ФРГ), где налог на содержание домашних животных, прежде всего собак, успешно применяется на уровне муниципалитетов. Законодательство Германии отличается высокой степенью проработанности в сфере защиты животных. Основным источником правового регулирования выступает Закон Федеративной Республики Германия «О защите животных».

В ФРГ введен налог на содержание собак, размер которого варьируется в зависимости от числа и категории животных. Интересно отметить, что для держателей бойцовских пород предусмотрен повышенный налог, достигающий 600 евро в год.

В Германии важное значение придается просветительской работе с населением. В школьную программу включены уроки по защите животных, где учащимся разъясняются основы гуманного отношения к питомцам, ответственность. Таким образом, опыт ФРГ демонстрирует комплексный подход к решению важной социальной задачи: введению налога на домашних животных, гибкости и социальной направленности регулирования[1].

Однако, при установлении данного налога важно учитывать психоэмоциональный фактор, не позволивший местным властям ряда территорий Германии ввести данный налог на всей федеральной территории. Этот опыт является свидетельством того, что перед введением данного налога нужно правильно понимать готовность населения к его уплате, а также правильно оценивать влияние введения налога на домашних животных на социальную обстановку в обществе[2].

В контексте обсуждения перспектив введения в Российской Федерации налога на домашних животных, как меры фискального регулирования ответственности владельцев за содержание питомцев, приобретает особую актуальность федеральный законопроект № 1026525-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Проект)[3]. Данный нормативный акт предусматривает введение обязательной идентификации (маркировки) определенных видов домашних животных с 1 сентября 2026 г. Суть инициативы заключается в создании единой

[1] Тенетко А. А., Подкидышев С. К. Налог на домашних животных в контексте защиты животных: опыт Германии // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 69.

[2] Присакару Н. Д., Савощникова Е. В. Зарубежный опыт, понятие «домашнее животное», «питомец» и стратегия налогового законодательства в области введения налога на «домашних животных», «питомцев» // Право и государство: теория и практика. 2024. №3 (231). С. 217.

[3] Законопроект № 1026525-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в статью 4.1 Закона Российской Федерации «О ветеринарии». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026525-8 (дата обращения: 02.04.2026).

федеральной информационной системы учета домашних животных, где государство стремится установить идентификацию каждого зарегистрированного питомца. Согласно положениям Проекта (ст. 1, п. 2), обязательной маркировке подлежат собаки, а в перспективе — возможно и другие виды. Идентификация направлена на формирование федерального реестра, включающего биометрические и ветеринарные данные животного, а также паспортные сведения владельца, что создает правовую основу для последующего налогообложения, как меры стимулирования ответственности.

Процедура идентификации регламентируется Проектом как многоэтапный процесс, сочетающий выбор метода маркировки с обязательной регистрацией в государственной базе данных. Владельцам предоставляется альтернатива такого метода:

микрочипирование: имплантация подкожной капсулы (размером около 12×2 мм) с радиочастотным идентификатором (RFID). Процедура проводится ветеринарным специалистом с использованием сканера для считывания уникального 15-значного номера в соответствии со стандартом. Имплантация является безболезненной, необратимой и обеспечивает пожизненную идентификацию, что соответствует принципам гуманного обращения с животными;

внешняя маркировка (бирка или жетон): крепление на ошейник устройства с гравировкой уникального номера, сканируемого стандартным считывателем. Данный метод менее инвазивен, но подвержен рискам утраты или повреждения.

По завершении маркировки, данные (порода, дата рождения, сведения о вакцинации; ФИО, паспортные данные, адрес владельца) вносятся в единую федеральную информационную систему (ведущуюся Россельхознадзором или Минсельхозом РФ). Регистрация в базе является бесплатной, однако расходы на маркировку возлагаются на владельца, что может стать основой для последующего введения налоговой ставки на владение идентифицированным животным.

Безусловно, введение налога на домашних животных (как самостоятельной ставки по НДФЛ или имущественного налога) в рамках Проекта или смежных инициатив требует взвешенного анализа.

В пользу введения такого налога стоит отметить следующие аргументы. Во-первых, налог действительно обладает фискально-правовым обоснованием и направлен на целевое использование полученных средств: установление ежегодной ставки обеспечит стабильные бюджетные поступления для финансирования государственной информационной системы, стерилизации, отлова животных. Во-вторых, налогообложение как мера ответственности повысит уровень правосознания владельцев домашних животных, минимизирует эпидемиологические риски и поможет сократить случаи

жестокого обращения с животными. В-третьих, введение налога на домашних животных обеспечит стабильные ежегодные целевые поступления в бюджеты приютов (питомников) для бездомных животных.

Однако несмотря на заявленные положительные последствия от введения налога, Проект порождает конституционные и практические коллизии, требующие значительной доработки. Необходимо отметить, что стоимость маркировки домашнего животного (до 15 тыс. руб. на несколько животных) несоразмерна для социально уязвимых категорий (пенсионеры, жители сельской местности и др.). Причем, нередок факт наличия в сельской местности людей, имеющих достаточно большое количество домашних животных, что явно увеличивает социально-экономическую нагрузку на данных лиц. Вместе с тем, в удаленных районах (от ветеринарных центров, клиник) реализация регистрации, идентификации и дальнейшего сбора налога невозможна без соответствующей инфраструктуры, что будет противоречить принципу доступности государственных услуг. В-третьих, введенные налоговые нормы не устранит брошенность животных со стороны недобросовестных владельцев, но в то же время обременит добросовестных новыми обязанностями.

Подводя итог, отметим следующее. С учетом баланса публичных и частных интересов целесообразно отказаться от обязательной идентификации и прямого налога на домашних животных. Вместо этого предлагаем усовершенствовать существующую модель путем введения лишь добровольной регистрации и идентификации без административных или налоговых санкций.

Вместе с тем, для владельцев, решивших «подвергнуть» своих питомцев обязательной регистрации, необходимо введение льготного налогового вычета. Так, ответственное отношение к животным, закрепленное в Конституции, предполагает, что расходы на профилактику и лечение домашних животных должны быть признаны социально значимыми. Однако государство не компенсирует гражданам расходы на ветеринарную помощь. Включение ветеринарных услуг в перечень расходов, по которым предоставляется налоговый вычет, позволит снизить финансовую нагрузку на владельцев домашних животных и стимулировать регулярные обращения в клинику. Учитывая, что рост цен на ветеринарные услуги существенно опережает общую инфляцию, а доходы граждан растут более медленными темпами, налоговый вычет станет важным инструментом поддержания доступности ветеринарии. Финансовая поддержка государства подчеркнет важность заботы о животных и будет способствовать принятию мер, направленных на формирование в обществе ответственного отношения к животным, со стороны Правительства Российской Федерации, как закреплено в Конституции России. Подобные положения реализуемы в рамках законопроекта

№ 1026525-8 «О внесении изменений в Федеральный закон» Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в статью 4.1 Закона Российской Федерации «О ветеринарии», однако данная инициатива находится лишь на первоначальной стадии рассмотрения.

Научная статья
УДК 346

НЕКОТОРЫЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ НАЛОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Иван Алексеевич МАЛИНИН
факультет подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ivanmalinin88@gmail.com

Научный руководитель: доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, **Светлана Маратовна ФРОЛОВА,** f_sm@bk.ru

Аннотация: Анализ действующего российского законодательства позволяет выделить ряд проблемных аспектов, используемых юридическими лицами при игнорировании требований бюджетного и налогового законодательства, что наносит ущерб бюджету РФ. Автором рассматриваются наиболее распространённые незаконные схемы, применяемые юридическими лицами и их должностными лицами, и предлагаются меры гражданско-правовой ответственности, направленные на противодействие указанным нарушениям.

Ключевые слова: юридические лица, налоги и сборы, меры гражданско-правовой ответственности, бюджетная система Российской Федерации, ответственность юридических лиц, обязательные платежи

Конституция Российской Федерации в статье 57 закрепляет за каждым обязанность платить законно установленные налоги и сборы[1].

[1]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.

В соответствии с положениями главы 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации доходы бюджетов, в том числе на федеральном уровне, формируются на основе бюджетного законодательства, законодательства о налогах и сборах, а также об иных обязательных платежах за счёт федеральных налогов, страховых взносов на обязательное социальное страхование и других обязательных платежей[1].

Порядок учёта доходов, поступающих в бюджетную систему, и их распределения в соответствии с кодами бюджетной классификации между соответствующими бюджетами утверждён Министерством финансов, при этом на органы Федерального казначейства возложены соответствующие полномочия.

Использование возможностей искусственного интеллекта, включающие в себя передовые поисковые и рекомендательные системы, генеральные и творческие инструменты, на сегодняшний день субъектам правоотношений открывают новые возможности, однако его использование всегда сопряжено с рисками, обусловленные процессом цифровизации и развитием высоких технологий, а также предсказуемыми противоправными последствиями для общества и государства в целом.

В последнее время в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, включая уплату страховых взносов, в действующее законодательство вносится множество изменений.

Так, законодатель, во-первых, кардинально пересмотрел подход к определению размера уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, отказавшись от использования минимального размера оплаты труда и сделав обязательной новую методику исчисления по смешанной абсолютно-относительной шкале — твёрдая денежная сумма неуплаченных налогов и (или) сборов. Во-вторых, введён относительный показатель невыполнения налоговой обязанности, позволяющий должным образом учитывать особенности разных налогоплательщиков, что справедливо отражается и в судебных решениях при дифференциации ответственности субъектов налоговых правоотношений.

Схемы незаконного уклонения от уплаты налогов, используемые юридическими лицами и причиняющие ущерб Российской Федерации в виде недополученных средств, разнообразны и постоянно видоизменяются, что требует от контролирующих, надзорных и правоохранительных органов своевременного и адекватного реагирования в целях противодействия.

Маскировка выплат физическим лицам, направленная на занижение налоговой базы по НДФЛ и страховым выплатам, искусственное дробление

[1]Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 3 августа 1998 г. № 31. Ст. 3823.

бизнеса[1], схемы с участием иностранных компаний для минимизации налога на прибыль[2] — это далеко не исчерпывающий перечень способов, незаконно используемых юридическими лицами для нарушения действующего законодательства.

Отсутствие в уголовном законе закрытого перечня конкретных способов уклонения от уплаты налогов не даёт правоприменителю оснований для произвольного привлечения к ответственности за неуплату налога и (или) сборов, в том числе в случаях, когда налогоплательщик использует не противоречащие закону механизмы уменьшения налоговых платежей или допускает неуплату по неосторожности. Уклонение от соответствующей обязанности остаётся актуальной проблемой, затрагивающей как публичный, так и частный интерес[3].

Принципы налогообложения и сборов относятся к конституционным принципам, обеспечивающим единую финансовую политику, равное налоговое бремя и установление налоговых изъятий только на основании закона[4]. Разнообразие рассмотренных в статье схем базируется на совокупности однородных элементов. Любое налоговое правонарушение, а в некоторых случаях и преступление, предполагает налаживание тесных и стабильных взаимоотношений между злоумышленниками с обязательным участием самого налогоплательщика и хозяйствующих субъектов.

Из пункта 1 статьи 27 Налогового кодекса Российской Федерации следует, что законными представителями налогоплательщика-организации признаются лица, уполномоченные представлять указанную организацию на основании закона или её учредительных документов[5].

При этом лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, по смыслу гражданского законодательства несёт ответственность, если при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Ущерб, причинённый бюджетной системе Российской Федерации неуплатой обязательного налога и (или) сбора, подлежащих уплате организацией, может быть взыскан с физического лица, уполномоченного представ-

---

[1] Трапезников А. И. Доказывание искусственного характера модели ведения предпринимательской деятельности при дроблении бизнеса // Налоги и налогообложение. 2025. № 5. С. 87—88.

[2]Воронина Н. В., Бабанин В. А. Двойное налогообложение и уклонение от уплаты налогов как проблемы международного характера // Экономика и бизнес. 2007. С. 32.

[3]Глебов Д. А. Уголовно-правовая борьба с уклонением от уплаты налогов : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 242.

[4]Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 1997 г. № 5-П // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

[5]Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 10 августа 2000 г. № 153—154.

лять интересы юридического лица, с учётом норм действующего законодательства о представительстве, если отсутствует возможность его возмещения иным образом.

Аналогичная позиция изложена в определении Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19, в соответствии с которым ущерб, причинённый бюджету организации-налогоплательщиком по вине физического лица, надлежащим образом уполномоченного представлять интересы юридического лица, возмещается непосредственно этим физическим лицом[1].

Для определения размера ущерба бюджетной системе, причинённого налоговым преступлением, суд должен устанавливать действительный размер обязательств по уплате налогов, сборов, страховых взносов в соответствии с положениями законодательства о налогах и сборах, учитывая в совокупности все факторы, как увеличивающие, так и уменьшающие размер неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов[2].

На основании изложенного следует констатировать, что закреплённые конституционные обязанности каждого платить законно установленный налог по соответствующему объекту налогообложения, а также предусмотренные законодательством льготы носят только адресный характер, а их установление относится к законодательной прерогативе, позволяющей определять круг лиц, на которых они распространяются.

Научная статья
УДК 341.1

СООТНОШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОВ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Елена Вадимовна МЕРЦАЛОВА
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Россия
mega.lena.lena@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент **Игорь Александрович ЖЕСТКОВ**, master767@mail.ru

[1]Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19 // Консультант Плюс.

[2]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

Аннотация. Статья посвящена проблемам соотношения норм международного договора и внутригосударственных актов в сфере налогообложения. На основе анализа правил Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения, Соглашений Российской Федерации с иностранными государствами об избежании двойного налогообложения, налогового законодательства Российской Федерации делается вывод о том, что сегодня в Российской Федерации вопросы двойного налогообложения не регулируется международными договорами и нормативно-правовыми актами в полной мере. Предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования в части избежания двойного налогообложения IT-компаниями, организациями, осуществляющими международные перевозки товаров, а также лицами, получающими доход в виде дивидендов и процентов.

Ключевые слова: соотношение международного и внутригосударственного права, международное налогообложение, международные договоры об избежании двойного налогообложения, налог на прибыль IT-компаний, налогообложение международных перевозок, налогообложение дивидендов и процентов

Интеграция экономических систем мирового сообщества и развитие внешнеэкономической деятельности неизбежно приводят к взаимодействию налоговых систем зарубежных стран. Однако несовпадение подходов к решению тех или иных вопросов налогообложения в разных странах приводит к возникновению конфликтных ситуаций, связанных, например, с международным двойным налогообложением[1].

В сфере налогообложения важными международными договорами выступают Соглашения об избежании двойного налогообложения (далее — Соглашения), носящие двусторонний характер и заключаемые между Российской Федерации и иностранным государством соответственно с целью реализации правил по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (Base Erosion and Profit Shifting — BEPS).

Практическое применение указанных Соглашений выявило ряд правовых коллизий между нормами международного и внутригосударственного права, влияющих на порядок избежания двойного налогообложения в области:

налогообложения прибыли IT-компаний;

[1]Залибекова Д. З. Налоговые системы зарубежных стран» для студентов 3 курса направления «Налоги и налогообложение». Махачкала: ДГИНХ; 2013. С. 15.

налогообложения прибыли компаний, видом экономической деятельности которых выступает осуществление международных перевозок товаров;

налогообложение доходов инвесторов, полученных в форме дивидендов и процентов.

Согласно данным Министерства экономического развития России в 2024 году доля продаж через интернет в общем обороте розничной торговли составила 15,2% и превысила отметку в 4,8 трлн. рублей. При этом, совокупная выручка маркетплейсов от реализации товаров составила 2,7 трлн. рублей. По сравнению с данными 2022 года данный показатель увеличился в 4 раза. Это отражает необходимость детального регламентирования налогообложения не только субъектов финансово-хозяйственной деятельности, осуществляющих торговлю с помощью электронных площадок, но и самих маркетплейсов, получающих доход от оказываемых услуг.

Первые попытки в исследовании данного вопроса осуществила Федеральная налоговая служба России. В декабре 2024 года состоялась официальная встреча Руководителя Федеральной налоговой службы России, Егорова Даниила Вячеславовича, с Руководителя ведущих маркетплейсов, среди которых Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет, Мегамаркет и Авито.

Результатом данной встречи стало заключение соглашения между Федеральной налоговой службой России и владельцами указанных электронных торговых площадок, согласно которому с целью предупреждения налоговых рисков и донастройки систем внутреннего контроля операторов электронных площадок проводится эксперимент по реализации информационного взаимодействия между Федеральной налоговой службой России и операторами электронных площадок.

Предложенный эксперимент может позволить не только предотвратить риск дробления бизнеса в рамках деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, но и изучить особенности функционирования электронных торговых площадок изнутри с целью внедрения в законодательство Российской Федерации единого цифрового налога или Digital Service Tax. Указанный налог существует в странах Европейского Союза. Впервые он появился во Франции и Великобритании в 2018 году. Его особенности заключаются в том, что: 1) налог взимается не с прибыли, а с выручки; 2) его ставка не совсем высокая, находится в рамках 3—5 %; 3) налогообложению подвержены не только компании в области информационных технологий, но и маркетплейсы, и иные платформы по оказанию цифровых услуг. Формат указанного цифрового налога может быть взят за основу создания конструкции единого цифрового налога на территории Российской Федерации. В дальнейшем это позволит упростить порядок заключения соглашений об

избежании двойного налогообложения в отношении электронных торговых площадок[1].

В российском налоговом законодательстве не существует понятия «маркетплейсы», «цифровой налог», «цифровое представительство», «цифровые торговые площадки». Существует только понятие «IT-компании», к которому относятся российские организации, осуществляющие деятельность в области информационных технологий и отвечающие следующим требованиям (например, как это указано в ст. 284, 427 НК РФ):

получение в установленном порядке документа о государственной аккредитации организации, осуществляющей деятельность в области информационных технологий;

по итогам отчетного (расчетного) периода в сумме всех доходов организации, осуществляющей деятельность в области информационных технологий, учитываемых при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций в соответствии с главой 25 НК РФ, не менее 70 % процентов составляют доходы от деятельности в области информационных технологий (перечень данных доходов является закрытым).

При этом, перечень видов экономической деятельности, относящихся к области информационных технологий, считается закрытым, место получения дохода от информационного деятельности не имеет значения, а доходы от субсидий не входят в список доходов организации, полученных в рамках информационной деятельности.

В настоящее время ни одно из действующих Соглашений не содержит положений об избежании двойного налогообложения в области информационной деятельности. Тогда как законодательство Российской Федерации предпринимает попытки урегулировать вопрос налогообложения не только компаний в области информационных технологий, но и маркетплейсов, и иных электронных торговых площадок, имеющих высокий уровень дохода и являющихся важной составляющей цифровой экономики.

Словосочетание «международное торговое право» фигурирует в названии одной из важнейших международных частноправовых организаций — United Nation Commission of International Trade Law (UNCITRAL/ЮНСИТРАЛ). Деятельность данной организации охватывает широких круг международных отношений, которые носят не только торговый характер. В связи с этим в юридической науке стали конкурировать два термина «международное торговое (коммерческое) право» и «право международной торговли (коммерции)». Синонимичный характер слов «торговля» и «коммерция» позволяет говорить в дальнейшем как о международном торговом, так и о международном коммерческом праве на одинаковых

[1]Махалина О. М., Махалин В. Н. Трансформация цифровой экономики в национальные налоговые системы зарубежных стран. Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2020; 3: С. 38—51.

основаниях. Использование двух терминов осуществляется, главным образом, с чисто филологической целью - дабы избегать тавтологии.

Одним из основных источников регулирования международного торгового (коммерческого) права является Комплекс Соглашений об избежании двойного налогообложения. Анализ названных нормативно-правовых актов говорит о существенных различиях в налогообложении международных торговых перевозок.

Первое отличие заключается в видах регулируемых перевозок, которые могут осуществляться морским, речным, воздушным, железнодорожным и автомобильным транспортом. Так, одна часть Соглашений содержат положения об избежании двойного налогообложении при осуществлении перевозок морским или воздушным транспортом (Соглашения с Китаем, Австралией, Литвой, Мексикой, Новой Зеландией, Норвегией). Вторая часть Соглашений — положения об избежании двойного налогообложения при осуществлении перевозок любым видом транспорта (Соглашения с Беларусью, Ираном, Ирландией, Казахстаном, КНДР, Киргизией). Важно отметить, что в тексте Соглашения с ОАЭ полностью отсутствуют положения, которые регулирует налогообложение международных перевозок.

Второе отличие заключается в самом порядке налогообложения. Доход, полученный от международных перевозок, в большинстве Соглашений подлежит налогообложения в Договаривающемся Государстве, которое осуществляет международную перевозку и в котором зарегистрирован тот или иной вид транспорта. Однако, в исключительных случаях двойного налогообложения не избежать.

Так, согласно п. 1 ст. 8 Соглашения с Турцией прибыль предприятия одного Договаривающегося Государства, полученная из другого Договаривающегося Государства от эксплуатации морских судов в международных перевозках, подлежит налогообложению в первом упомянутом Государстве[1]. Однако такая прибыль может также облагаться налогом в другом Договаривающемся Государстве в соответствии с законодательством этого другого Государства, но налог, взимаемый в этом другом Государстве с такой прибыли, должен уменьшаться на 50 %.

Прибыль предприятия одного Договаривающегося Государства, полученная из другого Договаривающегося Государства от эксплуатации воздушного судна или дорожного транспортного средства в международных перевозках, облагается налогом только в первом упомянутом Государстве (п. 2 ст. 8 Соглашения с Турцией).

[1]Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. Заключено в г. Анкаре 15.12.1997.

Таким образом, выплачиваемый от источников в Российской Федерации доход турецкой организации (при условии представления ею соответствующего подтверждения):

от эксплуатации морских судов в международных перевозках подлежит налогообложению в Российской Федерации по ставке 5 % (50 % от ставки 10 %, установленной подп. 2 п. 2 ст. 284 НК РФ);

от эксплуатации воздушного судна или дорожного транспортного средства в международных перевозках налогообложению на территории Российской Федерации не подлежит.

В рамках данного вида налогообложения законодательство Российской Федерации лишь устанавливает дополнительные положения Соглашения (субъекты, налоговые ставки, налоговые льготы и иные). Так, для российской организации налоговая ставка для налогообложения доходов, полученных от международных перевозок, будет составлять 25 % (исходя из общих положений главы 25 НК РФ), для иностранной организации такая ставка будет равна 10 %.

Из этого следует, что в рамках налогообложения международных перевозок нормы международный договора и нормы налогового законодательства Российской Федерации дополняют друг другу, что соответствует современной теории «общего правового поля».

Термин «дивиденды» в большинстве соглашений означает доход от акций или других прав, не являющихся долговыми требованиями, дающих право на участие в прибыли, а также доход от других корпоративных прав, который приравнивается в отношении налогообложения к доходам от акций в соответствии с законодательством Договаривающегося Государства, резидентом которого является компания, распределяющая прибыль (например, п. 3 ст. 10 Соглашения с Македонией)[1].

Термин «проценты» представляет собой доход от долговых требований любого вида, вне зависимости от ипотечного обеспечения и вне зависимости от владения правом на участие в прибыли должника, и в частности доход от государственных ценных бумаг и доход от облигаций или долговых обязательств, включая премии и выигрыши по этим ценным бумагам, облигациям или долговым обязательствам (например, п. 2 ст. 11 Соглашения с Кувейтом)[2].

Статья 43 НК РФ содержит аналогичные определения терминов «дивиденды» и «проценты»[3]. Однако порядок их налогообложения значительно

---

[1]Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Македония от 21 октября 1997 г. «Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество».

[2]Соглашение между Российской Федерацией и Государством Кувейт от 09 февраля 1999 г. «Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал».

[3]Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. №146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. №31. Ст. 3824; 2025. №42. Ст. 6082.

отличается в нормах международных договоров и положениях налогового законодательства Российской Федерации.

Налоговой базой для исчисления налога с полученных дивидентов или процентов в соответствии с Соглашениями являются денежные средства, исчисляемые в долларах США. В то же время п. 1.2 ст. 269 НК РФ к налоговой базе относит денежные средства в виде дивидендов или процентов, исчисляемые в рублях, евро, фунтах стерлингах, швейцарских франках, японских иенах и иных валютах[1].

Согласно Соглашениям и положениям внутригосударственного законодательства субъектом налогообложения считается организация или физическое лицо, которому выплачивают дивиденды или проценты. Это означает, что налог начисляется в соответствии с законодательством, к которому территориально принадлежит субъект, т.е. является его резидентом (государство регистрации юридического лица, государство постоянного места жительства физического лица). В исключительных случаях возможна уплата налога стороной, которая выплачивает проценты или дивиденды (данное право может быть реализовано лишь по соглашению сторон).

Налоговая ставка, исходя из норм Соглашений, в случае если налог уплачивает сторона, выплачивающая дивиденды или проценты, варьируется от 5 % до 25 % (например, п. 2 ст. 10 Соглашения с Намибией)[2]. Налоговое законодательство Российской Федерации предусматривает: в случае, если дивиденды выплачивает организация, ставка является фиксированной и составляет 25%; в случае, если дивиденды уплачивает физическое лицо, ставка варьируется от 13% до 15%. Ставка налога в связи с выплатой процентов зависит от валюты, в которой они начисляются, и варьируется от 1 % до 7 %.

Анализ положений международных договоров и законодательства Российской Федерации позволяет прийти к выводу о существовании фундаментальных противоречий в порядке и особенностях начисления и уплаты налога на дивиденды или проценты. В данной области налогообложения международный договор не позволяют прийти к компромиссу, в связи с чем возникают инвестиционные споры, требующие детального и незамедлительного разрешения соответствующими субъектами международного права.

Представляется возможным, закрепить на уровне международных договоров в рамках деятельности IT-компаний — единый подход к налогооб-

[1]Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. №117-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.; 2025. №31. Ст. 4651.

[2]Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Намибия об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы. Заключена в г. Москве 31.03.1998.

ложению маркетплейсов, закрепить понятие «цифровая экономика», «цифровое представительство», «цифровой налог», «цифровые торговые площадки»; в рамках международных перевозок — единый порядок налогообложения с учетом видов транспорта, с помощью которого осуществляются международные перевозки; в рамках налогообложения дивидендов и процентов — единую валюту налогообложения, процентную ставку или прогрессивную шкалу налогообложения, а также единых признаков резидентства.

Научная статья
УДК 343.13

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ ДЛЯ IT-КОМПАНИЙ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА И РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ

Тимур Ильдарович МУСТАКАЕВ
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
bundestima@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии, профессор, **Ольга Юрьевна БАКАЕВА**, finpravo@ssla.ru

Аннотация. В статье исследуется правовая конструкция налоговых льгот, предоставляемых IT-компаниям в Российской Федерации. Рассматривается эффективность льготных механизмов. Особое внимание уделяется рискам злоупотребления правом при использовании льгот. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики предлагаются направления совершенствования механизмов налогового стимулирования цифровой отрасли.

Ключевые слова: налоговые льготы, IT-компании, эффективность налоговых расходов, злоупотребление правом, деловая цель, аккредитация

Льготы по налогам и сборам выступают в качестве дополнительного (факультативного) элемента налогообложения. Под налоговой льготой ученые понимают предоставляемое отдельным категориям налогоплательщиков преимущество по сравнению с другими лицами, выражающееся в возможности не уплачивать налог, либо уплачивать его в меньшем размере[1]. Льготы являются важнейшим инструментом налогового регулирования,

[1] Брызгалин А. В. Налоги и налоговое право: учеб. пособие для вузов / под ред. А. В. Брызгалина. М.: Аналитика-пресс, 1997. С. 245.

позволяющим государству воздействовать на экономические процессы через перераспределение налогового бремени[1].

Осознавая важность поддержки деятельности предприятий в IT-сфере, Правительство РФ в 2020 г. решило перераспределить их налоговую нагрузку. Налоговые льготы стали применяться к IT-компаниям в зависимости от наличия государственной аккредитации, установленной среднесписочной численности сотрудников и процентного показателя доходов от IT-деятельности[2]. Применительно к IT-сектору можно выделить две группы льгот:

Первая – пониженные ставки по налогу на прибыль организаций. В соответствии с пунктом 1.5 статьи 284 Налогового кодекса Российской Федерации[3] (далее — НК РФ) для организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, при соблюдении установленных условий применяется ставка 5 % в части, зачисляемой в федеральный бюджет, и 0 % в части, зачисляемой в бюджет субъекта РФ, вместо стандартных 25 %.

Вторая группа — пониженные тарифы страховых взносов (ст. 427 НК РФ): для IT-компаний установлен совокупный тариф 7,6 % (вместо 30 %) при условии, что доля доходов от профильной деятельности составляет не менее 70 %.

Природа этих льгот имеет смешанный характер. С одной стороны, они представляют собой целевое стимулирование, направленное на поддержку конкретного вида деятельности, с другой: их длительный и системный характер позволяет говорить о формировании особого преференциального налогового режима для IT-отрасли.

В науке налогового права эффективность налоговых льгот традиционно рассматривается в двух аспектах: фискальном (бюджетном) и социально-экономическом (стимулирующем). Льгота эффективна, если потери бюджета компенсируются приростом налоговых поступлений за счет развития льготируемой деятельности или достижением иных социально значимых целей[4]. Специфика IT-льгот заключается в том, что их эффективность оценивается не только по стандартным меркам, но и по технологическим параметрам: импортозамещение, рост экспорта программного обеспечения (далее — ПО), снижение зависимости от иностранных программ.

---

[1] Винницкий Д. В. Налоговое право: учебник. М.: Юрайт, 2022. С. 112.

[2] Якушева Е. Е. Налоговые льготы для высокотехнологичных компаний: особенности и перспективы // Российский юридический журнал. 2023. N 2. С. 147.

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

[4] Пепеляев С. Г. Налоговое право: учебник для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Пепеляев Групп, 2020. С. 256.

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации[1] и Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации»[2], Министерство финансов РФ ежегодно представляет в Государственную Думу отчет о налоговых расходах. Данные расходы, связанные с льготами для IT-компаний, имеют устойчивую тенденцию к росту. Так, по оценке Минфина, объем выпадающих доходов федерального бюджета от пониженных ставок налога на прибыль и страховых взносов для IT-отрасли в 2023 г. составил порядка 195 млрд руб., что подтверждает высокую фискальную значимость предоставляемых преференций[3].

При этом оценка эффективности льготного механизма остается неоднозначной. В заключениях Счетной палаты неоднократно указывалось на недостаточную проработанность методики оценки, отсутствие четких критериев результативности. Минцифры России, напротив, отмечает позитивные результаты: увеличение инвестиций в отечественные IT-решения (темп роста 113,8 % в 2025 г.), рост доли российского ПО в госорганах до 76,3 %, а также расширение мер поддержки IT-специалистов, включая льготную ипотеку (более 91,5 тыс. человек)[4]. Однако связь этих показателей именно с налоговыми льготами, а не с иными факторами требует дополнительного уточнения.

Одним из нежелательных последствий широкого применения IT-льгот стал эффект «перегрева» — искусственное создание компаний, формально соответствующих критериям льготирования, но не осуществляющих реальной инновационной деятельности.

В правовом механизме налогообложения основным инструментом борьбы со злоупотреблениями является норма ст. 54.1 НК РФ, которая устанавливает презумпцию добросовестности налогоплательщика, но одновременно запрещает использование налоговых льгот в противоречии с их экономическим смыслом[5]. Согласно п. 1 указанной статьи, налоговая выгода не

---

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года №145-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2025 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №31. Ст. 3823.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2019 года №439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. №16. Ст. 1935.

[3] Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России). М., 2023. Раздел «Налоговая политика», подраздел «Стимулирование IT-отрасли».

[4] Доклад о реализации Плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ на период 2025–2030 годов за 2025 год. М., 2026. С. 17, 24—25.

[5] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года №146-ФЗ (ред. от 29 ноября 2024 года, с изм. от 21 января 2025 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 февраля 2025 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №31. Ст. 3824.

может быть признана обоснованной, если она получена в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни либо при отсутствии деловой цели.

Практика налогового контроля и судебные споры позволяют выделить несколько наиболее распространенных схем злоупотребления IT-льготами, к таким можно отнести:

1. Дробление бизнеса — классическая схема, при которой крупная компания из сферы торговли, услуг или производства создает отдельное юридическое лицо, получает для него аккредитацию IT-компании и передает ему функции по разработке или сопровождению ПО. При этом основная масса сотрудников (программисты) переводится в IT-компанию, которая применяет пониженные ставки по налогу на прибыль и страховым взносам, а сама компания-учредитель остается на общей системе налогообложения, но перечисляет IT-компании оплату по договорам, что уменьшает ее налоговую базу. В результате происходит искусственное снижение общей налоговой нагрузки группы.

2. «Технические» IT-компании — создание организаций, формально соответствующих критериям аккредитации (наличие выручки от реализации ПО, штат программистов), но не ведущих такой деятельности. Доходы этих компаний формируются за счет «бумажных» лицензионных договоров с аффилированными лицами, при этом фактически разработка ПО не осуществляется либо осуществляется третьими лицами без надлежащего документального оформления.

Судебная практика и официальные разъяснения органов последних лет демонстрируют подход, ориентированный на приоритет экономического содержания над формальной юридической конструкцией при оценке права на IT-льготы.

Ключевое значение имеют разъяснения ФНС России: сама по себе реорганизация для создания IT-компании не квалифицируется как схема уклонения от налогов[1]. Однако наличие аккредитации и соблюдение требований к доле доходов не исключают признания налоговой выгоды необоснованной, если деятельность компании не имеет самостоятельного экономического значения для группы. Деловая цель оценивается с учетом структуры бизнеса, а получение выгоды должно соответствовать цели льготы — поддержке IT-отрасли в стране.

Показательным примером применения в сфере IT-льгот является Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа[2]. Общество, име-

[1] Письмо ФНС России от 17.03.2022 № СД-4-2/3289@ «О налоговых преимуществах, установленных для IT-бизнеса // Официальный сайт ФНС России. URL: [nalog.gov.ru] (дата обращения: 23.03.2026)

[2] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.03.2025 № Ф03-549/25 по делу № А73-4351/2024 // Картотека арбитражных дел. URL: [https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/37161786/] (дата обращения: 23.03.2026)

ющее государственную аккредитацию IT-компании, применяло пониженные тарифы страховых взносов к выплатам сотрудникам, которые фактически были заняты в электромонтаже шкафов учета и пусконаладке оборудования. Налоговый орган доначислил страховые взносы по общеустановленному тарифу, пени и штраф на сумму 1,4 млн руб., указав, что доля доходов от реальной IT-деятельности составила лишь 0,23 %, а в штате отсутствуют IT-специалисты.

В качестве перспективного направления совершенствования правового механизма рассматривается использование п. 3 ст. 45 НК РФ, в соответствии с которым взыскание недоимки в судебном порядке может быть произведено с основного общества, с зависимого общества, а также с иных лиц, признанных судом взаимозависимыми с налогоплательщиком, при условии, что на счета таких лиц поступала выручка должника либо ему передавались денежные средства.

Таким образом проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

оценка эффективности IT-льгот свидетельствует о высокой фискальной стоимости данных льгот. При этом отсутствует единая методика, позволяющая достоверно определить стимулирующий эффект. Показатели роста численности занятых и выручки отрасли не могут быть однозначно отнесены на счет налоговых мер, что требует совершенствования мониторинга налоговых расходов;

основные риски злоупотребления правом связаны с использованием схем дробления бизнеса и созданием «технических» IT-компаний. Судебная практика, опираясь на положения ст. 54.1 НК РФ и доктрину деловой цели, последовательно признает необоснованной налоговую выгоду, полученную при формальном соблюдении условий льготирования, если установлено отсутствие реальной экономической деятельности в сфере IT.

Перспективы совершенствования правового механизма лежат в достижения баланса между стимулированием инновационной активности и противодействием злоупотреблениям. Важным направлением является использование предусмотренных п. 3 ст. 45 НК РФ возможностей по взысканию недоимки в судебном порядке с лиц, взаимозависимых с налогоплательщиком. Дальнейшее развитие института судебного взыскания с взаимозависимых лиц, а также внедрение более гибких критериев оценки деловой цели, учитывающих специфику IT-отрасли, позволят повысить эффективность контроля без избыточного ограничения для добросовестных участников.

Налоговые льготы для IT-компаний остаются важнейшим инструментом государственной политики в цифровой сфере, однако их эффективность напрямую зависит от качества правового регулирования и правоприменительной практики, обеспечивающих недопущение злоупотреблений при сохранении доступности льгот для реального сектора экономики.

Научная статья
УДК 346

МЕХАНИЗМ АВТОСТРАХОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ ОТ ОРГАНИЗОВАННЫХ АВТОПОДСТАВ

Арина Александровна ПОЛОНЕЦ
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Оренбургский филиал), Оренбург, Россия
arina.polonets@mail.ru

Научный руководитель кандидат экономических наук, доцент **Елена Петровна ОГОРОДНИКОВА**

Аннотация. В статье исследуются финансово-правовые аспекты использования механизма автострахования (ОСАГО) для легализации доходов, полученных организованными группами автоподставщиков. На основе анализа судебной практики 2020—2026 годов и экспертных оценок обосновывается необходимость совершенствования финансового законодательства и усиления финансового мониторинга. Особое внимание уделяется ущербу, причиняемому страховым компаниям, и способам легализации преступных доходов.

Ключевые слова: финансовое право, автострахование, финансовый мониторинг, легализация доходов, автоподставы

В настоящее время страховые компании выступают основными потерпевшими от деятельности организованных групп автоподставщиков, что подтверждается как экспертными оценками, так и судебной практикой. Заместитель генерального директора СК «МАКС» Виктор Алексеев отмечает, что до семидесяти процентов всех случаев мошенничества в сфере страхования приходится именно на автострахование, при этом на долю организованных групп приходится до двух третей совокупных убытков страховщиков[1]. Традиционные методы противодействия оказываются недостаточно эффективными против профессионально действующих преступных сообществ. Масштабы проблемы подтверждаются судебной практикой: только по судебным делам 2020—2026 годов совокупный ущерб от организованных групп автоподставщиков превышает сто двадцать миллионов рублей, а арестованное имущество составляет более восьмидесяти миллионов рублей.

[1]Алексеев В. В. Нестраховые муки // Современные страховые технологии. 2025. № 3.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Прежде всего, страховая деятельность в Российской Федерации является одним из ключевых сегментов финансового рынка и выступает объектом публично-правового регулирования со стороны государства в лице Банка России, выполняющего функции мегарегулятора. В период с 2020 по 2026 год организованные группы автоподставщиков не просто совершают хищения средств страховых компаний, но и используют механизм автострахования для легализации преступных доходов.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе анализа судебной практики 2020—2026 годов систематизированы способы легализации доходов через механизм автострахования, используемые организованными группами автоподставщиков. В ходе исследования выявлены признаки легализации, среди которых следует особо выделить приобретение объектов недвижимости на преступные доходы, использование подставных лиц для сокрытия реальных собственников, а также вложение средств в легальный бизнес. Эти признаки позволяют квалифицировать доходы от автоподстав как предмет отмывания и обосновывают необходимость расширения перечня операций, подлежащих обязательному контролю в соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ[1].

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных представлений о финансовом мониторинге как виде финансового контроля, а также о месте страховой деятельности в системе финансового права[2]. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования предложенных рекомендаций в правоприменительной практике страховых компаний при организации внутреннего финансового мониторинга.

Целью настоящего исследования выступает обоснование необходимости совершенствования финансово-правового регулирования страховой деятельности и усиления финансового мониторинга для противодействия легализации доходов от организованных автоподстав на основе анализа российской судебной практики 2020—2026 годов и международного опыта.

В современной российской системе финансового права страховая деятельность занимает особое место, поскольку неразрывно связана с аккумулированием и перераспределением значительных денежных фондов. Право-

[1]О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2]Гаспарян С. А., Огородникова Е. П. Оценка перспектив развития страхового сервиса на российском страховом рынке // В сборнике: Актуальные аспекты обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 95-летию со дня основания ФГБОУ ВО Оренбургского государственного аграрного университета. Оренбург, 2025. С. 302—305.

вое регулирование страхования осуществляется Законом Российской Федерации «Об организации страхового дела» № 4015-1. Банк России как мегарегулятор финансового рынка осуществляет надзор в сфере страховой деятельности, устанавливает требования к финансовой устойчивости страховщиков и правила формирования страховых резервов.

Финансовый мониторинг в российской правовой системе рассматривается как вид финансового контроля. Его правовую основу составляет Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». В соответствии со статьей 5 указанного закона, страховые организации отнесены к числу субъектов первичного финансового мониторинга и обязаны идентифицировать клиентов, документально фиксировать сведения об операциях, подлежащих обязательному контролю, а также сообщать в Росфинмониторинг о подозрительных операциях.

Для описания механизмов легализации, используемых организованными группами автоподставщиков, составим таблицу, в которой систематизируем основные способы придания правомерного вида преступным доходам, выявленные в ходе анализа судебной практики.

Таблица 1. Способы легализации доходов в сфере автострахования

Способ легализации	**Конкретные проявления**	**Примеры из российской практики**
Приобретение недвижимости	Покупка квартир, земельных участков, производственных зданий на средства, полученные от инсценированных ДТП	Оренбург (2020): организатор группы направил 8,4 млн руб. на приобретение объектов недвижимости. Волгоград (2025): на похищенные 84 млн руб. приобретены земельные участки, нежилые помещения и производственные здания на сумму 58 млн руб.
Использование подставных лиц	Оформление транспортных средств и иного имущества на номинальных владельцев для сокрытия реальных собственников	Оренбург (2020, 2026): в организованных группах рядовые участники выступали подставными лицами, получая минимальное вознаграждение (5-10 тыс. руб.), в то время как основные средства аккумулировались у организаторов.
Вложение в легальный бизнес	Приобретение производственных активов, создание видимости законной предпринимательской деятельности	Волгоград (2025): участники группы создали коммерческие фирмы (ООО «Верный Выбор», ООО «Приоритет»), через которые проводились средства и оформлялись фиктивные экспертизы.

Масштаб финансовых потерь страховых компаний от деятельности организованных групп автоподставщиков наглядно иллюстрирует судебная практика последних лет. В Волгоградской области в октябре 2025 года был вынесен обвинительный приговор в отношении организованной группы, в которую входили бывшие депутаты Волгоградской городской думы, а также аварийный комиссар и эксперт-техник. Указанная группа в период с 2015 по 2016 год систематически инсценировала дорожно-транспортные происшествия, оформляла фиктивные европротоколы и получала страховые выплаты. Общий ущерб, причиненный страховым компаниям, составил 84 миллиона рублей. Примечательно, что суд квалифицировал действия участников не только по статье о мошенничестве, но и по статье 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку на полученные преступным путем средства были приобретены объекты недвижимости и производственные активы на сумму 58 миллионов рублей[1].

Не менее показательным является уголовное дело, расследованное в Оренбургской области. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, организованная группа из восемнадцати местных жителей в период с 2016 по 2020 год совершила тридцать два преступления в сфере автострахования, причинив ущерб на общую сумму 35,9 миллиона рублей. Особого внимания заслуживает тот факт, что организатор группы легализовал 8,4 миллиона рублей посредством приобретения объектов недвижимости, что повлекло квалификацию по пункту «б» части 4 статьи 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации[2].

В Оренбургской области также расследовано еще одно дело, завершенное в марте 2026 года. Организованная группа из тринадцати человек действовала с июля 2019 по октябрь 2022 года, инсценируя дорожно-транспортные происшествия. Доказанный ущерб составил 4,2 миллиона рублей. Хотя квалификация по статье 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в данном деле не вменялась, сам механизм преступления и масштаб организованной группы свидетельствуют о наличии системной преступной деятельности[3].

Анализируя проблемы финансово-правового регулирования, обратимся к вопросу о проведении судебных экспертиз. Виктор Алексеев указывает, что эксперты в пограничных ситуациях вынуждены выносить заключения в пользу физлиц, поскольку в противном случае они рискуют никогда

[1]Экс-депутаты волгоградской гордумы получили до 14 лет колонии за аферы со страховкой // РИА Новости. URL: https://ria.ru (дата обращения: 15.03.2026).

[2] В Оренбургской области утверждено обвинительное заключение по уголовному делу о мошенничестве в сфере страхования в отношении членов организованной группы. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 15.03.2026).

[3]В Оренбурге перед судом предстанут участники организованной группы, которая занималась автоподставами. УМВД России по Оренбургской области. URL: https://56.мвд.рф (дата обращения: 15.03.2026).

не получить оплату за свою работу, что создает благоприятную среду для злоупотреблений и увеличивает убытки страховых компаний. В то же время институт финансового уполномоченного, напротив, доказал свою высокую эффективность: по данным страховой компании «МАКС», до 80 % решений финансового уполномоченного выносятся в пользу страховых компаний, что вынуждает мошенников обращаться в суды, где сохраняется практика привлечения «своих» экспертов[1].

Обратимся к международному опыту противодействия легализации доходов через страхование. В Канаде в 2024—2025 годах страховое мошенничество, включая схемы с инсценировкой дорожно-транспортных происшествий, официально признано предикатным преступлением для отмывания денег. Как отмечается в публикациях канадского страхового регулятора, организованные сети автоподставщиков включают ремонтные мастерские, эвакуаторные службы и юридических представителей, а ущерб от их деятельности исчисляется миллиардами долларов и в конечном итоге перекладывается на добросовестных страхователей[2]. Данный подход может служить ориентиром для модернизации российской судебной практики.

В современном российском законодательстве существует проблема, обусловленная несоответствием между максимальным размером страховой выплаты по ОСАГО и порогом обязательного финансового контроля. В соответствии со статьей 7 Федерального закона № 40-ФЗ «Об ОСАГО», страховая выплата за вред имуществу ограничена 400 000 рублей[3]. Согласно пункту 1 статьи 6 Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов», обязательному контролю подлежат операции с денежными средствами, включая страховые выплаты, если их сумма равна или превышает 1 000 000 рублей. Таким образом, максимальная выплата по ОСАГО в 2,5 раза ниже порога, с которого начинается финансовый мониторинг. Каждая отдельная операция формально не подпадает под контроль Росфинмониторинга. Однако организованные группы автоподставщиков совершают десятки инсценированных ДТП, и их совокупный доход исчисляется миллионами рублей (Оренбург — 36 млн, Волгоград — 84 млн). Поскольку отдельные выплаты остаются вне контроля, преступный доход аккумулируется и легализуется, что подтверждается судебной практикой.

Таким образом, российская судебная практика 2020—2026 годов демонстрирует устойчивую тенденцию использования механизма автострахования организованными группами для легализации преступных доходов.

---

[1]Алексеев В. Финомбудсмен - барьер для мошенников / В. Алексеев // Современные страховые технологии. 2022. №4

[2]How fake brokers are exploiting Canada's hunt for cheaper car insurance // Insurance Business America. URL: https://www.insurancebusinessmag.com (дата обращения: 15.03.2026).

[3].Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 08.03.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Учитывая масштаб организованных схем автоподставщиков и существенные убытки, которые несут страховые компании, представляется необходимым принятие ряда мер по модернизации действующего финансового законодательства. В частности, целесообразно дополнить статью 6 Федерального закона № 115-ФЗ указанием на страховые выплаты по ОСАГО, осуществляемые в пользу лиц, неоднократно (более трех раз в течение года) участвовавших в ДТП в качестве потерпевших, как на операции, подлежащие обязательному контролю. Кроме того, требуется разработка межведомственного регламента взаимодействия Банка России, Росфинмониторинга и МВД по обмену информацией о лицах, неоднократно фигурирующих в ДТП, а также создание на базе Национальной страховой информационной системы специализированного аналитического модуля для выявления организованных групп автоподставщиков. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность противодействия легализации преступных доходов в сфере автострахования и снизить потери страховых компаний.

Научная статья
УДК 343.359.2

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Валерий Сергеевич РЯБКО[1], Ольга Геннадьевна УСЕНКО[2]
[1,2] Институт Правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия
[1] anastasiamenca@gmail.com
[2] usenkolya@yandex.ru

Научный руководитель Преподаватель кафедры финансового банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук **Денис Андреевич КАРАМЫШЕВ**, kda.64@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу налогового законодательства зарубежных стран. Проанализированы нормативно – правовые акты в области уклонения от уплаты налогов в зарубежных странах. Кроме того, была указана актуальность выбранной темы в виду распространения трансграничных операций. При этом, была обозначена система мер государственного принуждения в случае уклонения от уплаты налогов в США, ФРГ и Республике Беларусь. Была предложена возможность интеграции зарубежного опыта в российскую систему ответственности за уклонение от уплаты

налогов в виду системы штрафов в Республике Беларусь и дополнительного вида наказания во Франции.

Ключевые слова: налоги, ответственность, законодательство, штраф, лишение свободы.

Налоги — важный аспект существования любой страны, в виду финансирования ими различных сфер жизнедеятельности общества. Проблема ответственности за уклонение от уплаты налогов является приоритетным направлением фискальной политики государства. Актуальность темы заключается в изучении института ответственности в зарубежных странах в виду выявления наиболее эффективной системы ответственности за уклонение от уплаты налогов.

Кириленко В. П. и Фирсов В. В., говоря о государственной налоговой политике и фискальной деятельности государства в России, указывают: «фискальная деятельность направлена, в конечном счете, на то, чтобы воля ФНС РФ, воплощаясь в налоговых законах, отвечала бы предназначению налогового права быть налоговым оптимизатором развития российского общества»[1].

Современный экономический словарь дает определение понятию ответственность: «обязанность экономического субъекта отвечать по принятым им обязательствам, выполнять договоры, соблюдать законы, платить налоги, компенсировать ущерб, нанесенный чужой собственности, окружающей среде»[2]. В данном случае понятие ответственность рассматривается в экономическом значении, однако наиболее полно отражает сущность понятия в контексте ответственности за уклонения от уплаты налогов.

В ответ на существующие вызовы, зарубежные страны вынуждены постоянно совершенствовать законодательство и разрабатывать новые механизмы контроля за уплатой налогов, балансируя частные и публичные интересы. Очень часто, граждане сознательно уклоняются от уплаты налогов, принося материальный ущерб государству. Например, в Республике Беларусь: «по результатам проверок, проведенных налоговыми органами, установлено 702 факта неуплаты подоходного налога и предъявлено к уплате 117,9 млн. рублей подоходного налога с физических лиц»[3].

На данный момент законодательство зарубежных стран включает в себя административную, налоговую и уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов.

---

[1] Кириленко В. П., Фирсов В. В. Правовые аспекты регулирования современного налогового законодательства // Россия в глобальном мире. 2021. №19 (42). С.65—66.

[2] Словарь «Значение слова» [Электронный ресурс] URL: https://znachenie-slova.ru/ответственность/ (дата обращения: 21.02.2026).

[3] Газета Pramen BY [Электронный ресурс] URL: https://pramen-news.by/702-fakta-ukloneniya-ot-nalogov-vyyavleno-v-belarusi-za-2025-god/ (дата обращения: 24.02.2026).

Интерес представляет опыт США, где был создан свод законов в налоговой сфере, условно названный кодекс внутренних доходов, объединяющий 26 параграфов, который устанавливает ответственность за налоговые правонарушения и преступления. Например, раздел 26 параграф 721 Свода законов США определяет: «любое лицо, которое умышленно пытается каким бы то ни было образом уклониться от уплаты налога, или избежать уплаты такового…подлежит штрафу в размере не более 100 000 долларов США или тюремному заключению на срок не более 5 лет, либо обоим видам наказания…»[1]. Важно отметить, что по данным Бюро трудовой статистики США средняя зарплата работника за год составляет 53 490 долларов. Можно заметить, что наказание в США представляется достаточно суровым, с возможностью применения обоих видов наказания, однако, в таком случае даже штраф может понести для гражданина огромные убытки.

Важно отметить, что практически во всех рассматриваемых странах, ответственность за уклонение от уплаты налогов не выходит за пределы штрафа и лишения свободы, что говорит об особой императивности законодательства. Кроме того, например, во Франции, помимо основных видов наказания за уклонение от уплаты налогов, предусматриваются также дополнительные виды наказания: «для злостных налогоплательщиков предусмотрены такие меры, как лишение водительских прав на срок до 3 лет»[2].

Важно отметить, что материальная ответственность в виде штрафа может применяться и в отношении банков и других организаций. К примеру, знаменитое дело UBS против Франции заняло особое место в новостях по всему миру. Как сообщают источники: «парижский суд обязал крупнейший швейцарский банк UBS выплатить штраф на сумму €4,5 млрд за то, что его сотрудники помогали богатым клиентам уклоняться от налогообложения во Франции»[3].

Видится, что зарубежный опыт частично можно интегрировать в отечественную систему ответственности за налоговые правонарушения. В России за уклонение от уплаты налогов также предусмотрен штраф или лишение свободы в соответствии с Уголовным Кодексом Российской Федерации (ст. 198—199)[4], Налоговым Кодексом Российской Федерации (ст.122)[5] и Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации

---

[1] Cornell Law School Институт правовой информации [Электронный ресурс] URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/7202/ (дата обращения:22.02.2026)

[2] Зотиков Н. З. Налоговая система Франции, ее особенности // Вестник евразийской науки. 2020. №6. С. 3

[3] Информационный портал Право. РУ [Электронный ресурс] URL: https://pravo.ru/news/209324/ (дата обращения: 23.02.2026).

[4] Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г , № 25 , ст. 2954.

[5] Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая Собрание законодательства Российской Федерации от 1998 г., № 31 , ст. 3824.

(гл.15)[1] в зависимости от тяжести и материального ущерба, причиненного государству. Система законодательных актов в данной области сложна, исходя из анализа зарубежного опыта, можно систематизировать и упорядочить законодательство. Такое мнение высказала и Середа И. М., говоря о том, что: «объединение в Налоговом Кодексе Российской Федерации норм финансового, административного и уголовного права, с обязательным внесением последних в Уголовном Кодексе Российской Федерации, позволит создать единую, внутренне согласованную систему ответственности за нарушения налогового законодательства и разработать механизм кумуляции уголовно-правовых и иных санкций»[2].

Кроме того, в зарубежных странах присутствует эффективная система штрафов, которые в полной мере способны повлиять на правонарушителя. Думается, что самой результатной представляется система штрафов в Республике Беларусь. В ст. 14.4 Кодекса Республики Беларусь «об административных правонарушениях», величина штрафа измеряется в базовых величинах (1 базовая величина = 1128, 59 руб.), и возрастает в зависимости от субъекта и тяжести правонарушения[3]. Учитывая опыт Франции, можно отметить, что в России, также можно применить для граждан, уклоняющихся от уплаты налога, штрафные санкции в виде лишения водительских прав.

Таким образом, делая вывод, можно сказать, что изучение зарубежного опыта представляется полезным не только в теоретическом, но и в практическом плане, для совершенствования отечественной правовой базы. В свою очередь, институт налогообложения в зарубежных странах сталкивается с проблемой уклонения от уплаты налогов, что наносит серьёзный ущерб бюджетной системе. При этом, в актуальных условиях, применяется дополнительная ответственность для злостных нарушителей, часть которой можно интегрировать в законодательство Российской Федерации.

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях «Парламентская газета» от 5.1.2002 г.

[2] Середа И. М. Анализ зарубежного законодательства, регламентирующего ответственность за преступления против налоговой системы // Пролог: журнал о праве. 2013. №2. С.46.

[3] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091 (дата обращения: 28.02.2026).

Научная статья
УДК 347.73

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ «СОМНИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК» В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дарья Романовна УВАРОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия
dasha.uvarova.67@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции, **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

В условиях усиления контрольных функций государства и развития механизмов противодействия неправомерному выводу активов, уклонению от налогообложения и легализации преступных доходов, категория «сомнительных сделок» вызывает все больший интерес.

Понятийный аппарат указанного правового явления в законодательстве Российской Федерации отражен точечно и, по нашему мнению, нуждается в доработке. Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ), подозрительные операции представляют собой операции с денежными средствами или иным имуществом, предположительно совершаемые в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма[1]. Соответственно, «сомнительная операция» характеризуется как операция, осуществляемая клиентами кредитных организаций, имеющая необычный характер и признаки отсутствия явного экономического смысла и очевидных законных целей, которая может проводиться для вывода капитала из страны, финансирования «серого» импорта, перевода денежных средств из безналичной в наличную форму и последующего ухода от налогообложения, а также для финансовой поддержки коррупции и других противозаконных целей[2].

[1]О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ : текст с изм. и доп. на 20 февраля 2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

[2]О приоритетных мерах при осуществлении банковского надзора : Письмо Банка России от 4 сентября 2013 г. № 172-Т. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

По мнению Б. Э. Шавалеева, понятия, указанные в законодательстве в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и экстремизма, не позволяют однозначно определить и разграничить сущность сомнительных, подозрительных и противоправных операций, поскольку определения пересекаются, что создает проблемы применения и негативно влияет на достижение установленных законом целей.

Необходимо отметить, что характерные черты «сомнительных операций» с денежными средствами определены в Приложении к Положению Банка России от 18 июня 2025 г. № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности». В частности, к общим признакам, указывающим на необычный характер операции (сделки), возможно отнести:

запутанный или необычный характер операции (сделки), не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели, либо несоответствие операции (сделки) целям деятельности организации;

внесение клиентом (представителем клиента) в ранее согласованную схему операции (сделки) непосредственно перед началом ее реализации значительных изменений, особенно касающихся направления движения денежных средств или иного имущества;

дистанционное управление с одного устройства (мобильного телефона, ноутбука и так далее) операциями по счетам юридических лиц, зарегистрированных в разных странах либо не имеющих общего учредителя или бенефициарного владельца;

совершение операций с использованием дистанционных систем обслуживания, если возникает подозрение, что данными системами пользуется третье лицо, а не сам клиент (представитель клиента);

явное несоответствие операций, проводимых клиентом (представителем клиента), общепринятой рыночной практике совершения операций и другие[1].

Полагаем целесообразным выделить такие особенности «сомнительных операций» как: излишняя торопливость клиента при снятии крупных сумм денежных средств с остатка на счете, через расчетный счет в течение

[1]О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности : Положение Банка России от 18 июня 2025 г. № 860-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

длительного времени проходят транзитные операции без четкого назначения платежа, клиент отказывается предоставить сотрудникам банка информацию о его контрагенте, расхождение между родом деятельности организации и теми операциями, которые она проводит через расчетные счета, привлечение большого числа посредников для участия в схеме традиционного перечисления средств между отправителем и получателем.

В целях совершенствования надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма, прокурорам предписывается: «Наиболее актуальные проблемы организации работы по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов, финансированию экстремистской деятельности и терроризма рассматривать на координационных и межведомственных совещаниях, особое внимание уделять вопросам эффективного взаимодействия между правоохранительными органами, Росфинмониторингом и иными государственными органами, в том числе в целях выявления источников и каналов финансирования террористических и экстремистских организаций»[1].

На фоне стремительного роста количества мошеннических схем в кредитно-финансовой сфере, приоритетность выполнения задач финансового мониторинга неуклонно повышается. На сегодняшний день деятельность по данному направлению осуществляет Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Так, пп. 1 и 2 ст. 6 Федерального закона № 115-ФЗ, определен перечень операций с денежными средствами или иным имуществом, подлежащим обязательному контролю, в числе которых: покупка или продажа наличной иностранной валюты физическим лицом, открытие вклада (депозита) в пользу третьих лиц с размещением в него денежных средств в наличной форме, предоставление имущества по договору финансовой аренды (лизинга) и другие[2]. Соответственно, процесс выявления «сомнительных сделок» на первоначальном этапе осуществляется организацией или индивидуальным предпринимателем, затем необходимая информация документально фиксируется внутренним сообщением, а в последующем предоставляется в Росфинмониторинг в соответствии с положениями, указанными в Приказе Росфинмониторинга от 8 февраля 2022 г. № 18 «Об утверждении Особенностей представления в Федеральную

[1]Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма : Приказ Генерального прокурора России от 8 февраля 2017 г. № 87. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

[2]О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ : текст с изм. и доп. на 20 февраля 2026 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

службу по финансовому мониторингу информации, предусмотренной Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». В особенности, организации и индивидуальные предприниматели представляют в Росфинмониторинг следующую информацию:

об операциях с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих обязательному контролю;

о фактах препятствия со стороны государства (территории), в котором (на которой) расположены филиалы и представительства, а также дочерние организации организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, реализации такими филиалами, представительствами и дочерними организациями положений Федерального закона;

о принятых мерах по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, принадлежащих организации или физическому лицу, включенным в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму и другое[1].

Конституционным Судом Российской Федерации было отмечено: «Положения Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» направлены на реализацию целей данного Федерального закона, не содержат неопределенности, определяют объем полномочий Центрального банка Российской Федерации по отнесению юридических лиц (индивидуальных предпринимателей) к группе высокой степени (уровню) риска совершения подозрительных операций и не предполагают их произвольного применения»[2].

Помимо Федеральной службы по финансовому мониторингу, выявление подозрительных операций в финансовой системе Российской Федерации является ключевым направлением банковской системы нашего государства, в частности, Центрального Банка России. Согласно отчету, в первом полугодии 2025 года по сравнению с первым полугодием 2024 года объем подозрительных операций по обналичиванию и выводу денежных средств

[1]Об утверждении Особенностей представления в Федеральную службу по финансовому мониторингу информации, предусмотренной Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» : Приказ Росфинмониторинга от 8 февраля 2022 г. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.03.2026).

[2]Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Авэй Риэлти» на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 845, пунктом 1 статьи 858 Гражданского Кодекса Российской Федерации, статьей 7.6, пунктами 5 и 8 статьи 7.7, а также пунктами 1 и 2 статьи 7.8 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2024 г. № 3476-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

за рубеж сократился на 12 % (до 32 млрд рублей) за счет уменьшения на 15 % (до 23,6 млрд рублей) объема подозрительных операций по обналичиванию денежных средств. Снижение обналичивания денежных средств в банковском секторе было более интенсивным: объем подозрительных операций сократился на 19 % (до 15,9 млрд рублей), что в основном обусловлено сокращением более чем в 2 раза (до 1,7 млрд рублей) объема обналичивания по платежным картам компаний и индивидуальных предпринимателей, а также снижением на 11 % (до 14,2 млрд рублей) объема обналичивания через счета физических лиц, на которые денежные средства поступали веерными переводами от хозяйствующих субъектов, не ведущих реальной хозяйственной деятельности[1].

Следует отметить, что данной структурой были разработаны «Методические рекомендации Банка России по повышению внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов с наличными денежными средствами» (утв. Банком России 9 сентября 2025 г. № 11-МР), в которых были подробно освещены некоторые вопросы выявления операций с наличными денежными средствами, полученными преступным путем. Однако, несмотря на приложенные государственным аппаратом усилия, все же имеют место быть факты проявления недобросовестности субъектов финансовой системы государства.

Например, общество с ограниченной ответственностью «Армада» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением к Центральному банку Российской Федерации, коммерческому банку «Максима», публичному акционерному обществу Банку «Финансовая корпорация открытие», банку ВТБ о признании незаконным решения Межведомственной комиссии Банка России о наличии оснований в причислении ООО «Армада» к группе высокого риска и применении мер, предусмотренных п. 5 ст. 7.7. Федерального закона №115-ФЗ; об обязании устранить допущенное нарушение прав и законных интересов заявителя; о признании незаконными действия КБ «Максима» (ООО) об ограничении ООО «Армада» распоряжением денежными средствами на расчетном счете; о признании незаконными действия ПАО Банк «ФК Открытие» об ограничении ООО «Армада» распоряжением денежными средствами на расчетном счете №; о признании незаконными действия Банк ВТБ (ПАО) об ограничении ООО «Армада» распоряжением денежными средствами на расчетном счете; устранить нарушения прав и законных интересов заявителя.

Как следует из материалов дела, 22.12.2022 Центральный Банк РФ принял решение о наличии оснований для применения к заявителю мер, предусмотренных п. 5 ст. 7.7. Закона №115- ФЗ (отказ в проведении операции по списанию денежных средств с банковского счета (вклада, депозита); отказ в

[1]Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги : [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2025_1/. (дата обращения: 17.03.2026).

выдаче при расторжении договора банковского счета (вклада, депозита) остаток денежных средств на счете либо отказ в перечислении его на другой счет; прекращение обеспечения возможности использования клиентом электронного средства платежа).

Судом было указано следующее: в соответствии со статьей 9.1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банком России осуществлена оценка степени (уровня) риска совершения Обществом подозрительных операций, по результатам которой, Общество отнесено к группе высокой степени (уровня) риска. Суд отмечает, что одним из критериев, предусмотренных Решением СД БР, является отсутствие связи между основаниями преобладающих объемов зачисления денежных средств на банковские счета юридического лица и основаниями последующего их списания. Согласно выпискам по счетам, за период с 01.01.2022 по 31.12.2022 от контрагентов Общества на счета Общества, открытые в ПАО Банк «ФК Открытие» и Банк ВТБ (ПАО), поступили денежные средства на общую сумму 143,435 млн. руб. (97,35 % от всех зачислений контрагентов на счета Заявителя во всех кредитных организациях). Указанные денежные средства направлялись Обществом в качестве авансовых платежей на единый лицевой счет Общества в Федеральной таможенной службе (ФТС России). Расчетные документы на возврат авансовых платежей с ЕЛС ФТС России на счет Общества, открытый в КБ «Максима» (ООО), содержали сведения о назначении платежа, которые не позволяли идентифицировать источники и характер указанных денежных средств при их первоначальном поступлении на счета Общества в ПАО Банк «ФК Открытие», Банк ВТБ (ПАО). Это позволило Заявителю осуществлять их дальнейшее использование, создавая видимость совершения реальных экономических сделок, и вывести их из сферы внутреннего контроля ПОД/ФТ (противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма).

Кроме того, суд отметил: преобладающие объемы зачислений денежных средств на счета Заявителя поступали за продукцию производственного назначения и строительные материалы, хотя, при этом, имеющиеся банковские выписки не содержат указаний на операции по приобретению (оплате) Заявителем продукции производственного назначения и строительных материалов.

Таким образом, в удовлетворении требований ООО «Армада» было отказано в полном объеме[1].

Итак, по нашему мнению, «сомнительные сделки» являются самостоятельной правовой категорией, а именно — разновидностью подозрительных

[1]Решение Арбитражного суда г. Москвы от от 5 мая 2023 г. по делу № А40-24261/2023 // СудАкт [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/o6qsaul5gD11/?ysclid=mmwgka61g8885942895. (дата обращения: 17.03.2026).

операций. Особенность указанного института проявляется в том, что «сомнительные сделки» признаются таковыми на первом этапе финансового мониторинга, субъектами которого являются банки, страховые компании, участники рынка ценных бумаг и другие, то есть, те лица, которые обязаны, в соответствии с законодательством Российской Федерации, проводить внутренний контроль деятельности организации. Далее, после передачи информации от субъекта первичного мониторинга в уполномоченный орган, каковым является Росфинмониторинг, подобная «сомнительная сделка» приобретает характер подозрительной операции, легальное определение которой закреплено в Федеральном законе № 115-ФЗ. В дальнейшем, данное обстоятельство неуклонно порождает для клиента банка юридические последствия, например, приостановление операции на срок до 10 дней, а по запросу иностранного государства до — 30 дней[1].

Исходя из вышеизложенного, возможно заключить: «сомнительные сделки» являются, по своей сути, предположением в силу действия презумпции добросовестности участников гражданского оборота. Соответственно, сомнительной операцией называется та операция, которая имеет высокую степень вероятности оказаться подозрительной после проведения Росфинмониторингом необходимого комплекса действий.

Научная статья
УДК 336.02

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ САНКЦИЙ: ПОИСК БАЛАНСА

Анастасия Игоревна ФИЛИМОНОВА[1], Елизавета Игоревна ФИЛИМОНОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] lisafil10@mail.ru
[2] 11nastyafil@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Виталий Викторович ФИРСОВ**, vitaliy-viktorovich@list.ru

[1]О реализации права Росфинмониторинга приостанавливать операции в связи с подозрениями в отмывании преступных доходов : Информационное сообщение Федеральной службы по финансовому мониторингу от 24 июня 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.03.2026).

Аннотация. В статье рассматривается вопрос адаптации налоговой политики Российской Федерации к условиям внешнего санкционного давления в период с 2022 по 2026 годы. На основе анализа комплекса налоговых мер (стимулирующих и фискальных), а также данных о динамике налоговых поступлений исследуется проблема поиска «достижимого баланса» между необходимостью обеспечения бюджетной стабильности и поддержанием экономической активности. Выдвигается предложение о необходимости внедрения систематического мониторинга эффективности налоговых изменений.

Ключевые слова: налоговая политика, внешние санкции, налоговый баланс, налоговая нагрузка, налоговые льготы, налог на сверхприбыль, эффективность налогообложения, адаптационное управление, налоговая система

На протяжении последних лет российская экономика развивается в условиях многочисленных внешних вызовов. Существенным дестабилизирующим фактором для национальной финансовой системы стало масштабное санкционное давление, последовавшее со стороны недружественных государств в ответ на объявление Российской Федерацией 24 февраля 2022 года о начале специальной военной операции на Украине.

Под влиянием внешних шоков перед государством встала необходимость оперативной адаптации страны к изменившимся экономическим условиям. Решение этой задачи невозможно без проведения адекватной для сложившейся ситуации налоговой политики, которая фактически становится инструментом антикризисного управления.

Налоговая политика представляет из себя «совокупность экономических, финансовых и правовых мер государства по формированию налоговой системы страны в целях обеспечения финансовых потребностей государства, отдельных социальных групп общества, а также развитию экономики страны за счет перераспределения финансовых ресурсов на основе стратегической концепции развития налоговой системы»[1].

Оптимальная налоговая политика предполагает нахождение точки равновесия между фискальными интересами государства и потребностями экономического развития. Чрезмерная налоговая нагрузка снижает предпринимательскую активность и инвестиционную привлекательность национальной экономики, тогда как недостаточный объём налоговых поступлений ведёт к формированию бюджетного дефицита, ограничивая тем самым финансовые возможности государства.

[1]Черник Д. Г. Налоговая политика государства : учебник для вузов / Д. Г. Черник, Ю. Д. Шмелев, М. В. Типалина ; под редакцией Д. Г. Черника.3-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 23.

Отдельно стоит отметить, что даже при благоприятной экономической обстановке абсолютный баланс интересов в налоговой сфере недостижим как минимум из-за несовпадающей природы интересов государства и налогоплательщиков. При этом, как отмечает М.Н. Садчиков, национальная налоговая политика должна согласовываться «с целями и задачами, которые в целом стоят перед государством в соответствующий период его развития»[1]. Поэтому, учитывая неуклонно возрастающее число антироссийских санкций, необходимо стремиться к «достижимому балансу», выстраивая адаптационное управление налоговой системой, позволяющее обеспечить дальнейшее развитие экономики с минимальными потерями.

С 2022 по 2026 годы налоговая система России претерпела ряд значительных изменений, которые носили разнонаправленный характер.

С одной стороны, государство реализовало комплекс мер для стимулирования экономической активности бизнеса в рамках программы импортозамещения и смягчения возможных финансовых рисков для промышленного и коммерческого секторов. Кроме того, были расширены налоговые льготы и иные послабления для социально уязвимых групп населения.

Так, ключевыми мерами стали: льготное кредитование, субсидии и гранты, налоговые льготы, преференции в госзакупках, специальные инвестиционные контракты, ограничения на импорт, поддержка НИОКР и инноваций, налоговая амнистия для участников схем дробления бизнеса, а также стимулирование отдельных отраслей: сельского хозяйства и пищевой промышленности, фармацевтики и медицины, машиностроения, IT-сектора, электронной промышленности. Активно оказывалась поддержка наиболее уязвимым слоям населения, в том числе многодетным семьям, гражданам, проживающим на территориях, где введён режим ЧС или КТО, иным категориям, которым требовалась государственная помощь, в том числе участникам СВО и членам их семей.

Названные налоговые нововведения демонстрируют переход к более ситуативному подходу: льготы для бизнеса обусловлены финансовыми потребностями и спецификой отрасли, для граждан — необходимостью адресной помощи отдельным слоям населения в контексте проведения СВО, текущего состояния экономики. Следовательно, вышеперечисленные меры налоговой политики свидетельствуют о реализации принципов целевой поддержки, сопряженных с гибким реагированием на экономические, социальные и политические вызовы.

С другой стороны, с целью обеспечения фискальных интересов государства ряд налоговых норм был скорректирован в сторону увеличения обязательств для налогоплательщиков. Эти изменения были нацелены, прежде

[1]Садчиков М. Н. Налогово-правовая политика в условиях санкций // Вестник СГЮА. 2024. № 4 (159). С. 213.

всего, на поддержание бюджетного баланса при постоянно растущих расходах, восполнение доходов, выпадающих из бюджета вследствие внешних ограничений, а также защиту национальной налоговой базы от размывания под влиянием экстерриториальных санкционных механизмов.

Важными изменениями, связанными с увеличением налогового бремени вследствие корректировки действия основных и введения новых налогов, стали: повышение ставки налога на прибыль организаций с 20 % до 25 %, введение пятиступенчатой прогрессивной шкалы НДФЛ, установление туристического налога, разовое взимание налога на сверхприбыль с крупных компаний (чья прибыль за 2021—2022 годы превысила 1 млрд. руб.), установление НДС для субъектов малого и среднего предпринимательства, состоящих на УСН, при определенных пороговых критериях, а также иные новации.

В контексте рассматриваемого вопроса обратимся к данным Федеральной налоговой службы о динамике налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации: 2022 год — 33,6 трлн. руб.; 2023 год — 36,2 трлн. руб.; 2024 год — 43,5 трлн. руб.; с января по октябрь 2025 года — 37,3 трлн. руб.[1]. Приведенная статистика позволяет сделать вывод об устойчивом росте налоговых поступлений. За два года (с 2022 по 2024) их объем увеличился на 9,9 трлн. руб. или почти на 30%. Сумма, собранная за 10 месяцев 2025 года (37,3 трлн. руб.), уже превышает итоговые показатели всего 2022 года (33,6 трлн.) и 2023 года (36,2 трлн.). Таким образом, потребность государства в дополнительном привлечении финансовых ресурсов повлекла за собой пересмотр действующих налоговых механизмов в сторону повышения налогового давления. При этом необходимо учитывать, что высокая инфляция, наблюдавшаяся в указанный период, частично нивелирует реальный прирост налоговых доходов.

Обобщая результаты изменений последних лет, можно заметить, что налоговая сфера развивалась в режиме сложной динамики. Формируя налоговую политику под влиянием потребностей трансформирующейся экономики, государство ужесточало одни направления и смягчало другие. При этом государство стремилось к достижимому балансу, совмещая пробюджетные меры, ориентированные на пополнение бюджета, со стимулирующими, призванными поддержать бизнес и граждан в условиях масштабных санкций и геополитической напряженности. Однако, несмотря на положительный эффект от мер, принятых в 2022—2026 годах (в частности, стабилизация бюджета), они породили и новые риски. Среди них — возможность падения инвестиционной активности, а также уход компаний в теневой сектор вследствие ужесточения отдельных налоговых норм.

[1]Аналитический портал ФНС России. [Электронный ресурс]. URL: https://analytic.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 27.03.2026).

Также отметим, что в условиях действия санкций и проведения специальной военной операции стремление государства поддержать отдельные отрасли через адресные налоговые послабления вполне логично. Проблема, однако, в том, что избирательный подход, примененный для их реализации, несет в себе системные риски, создавая дисбаланс в налогообложении между «льготными» и остальными отраслями, на которые в итоге и приходится основная тяжесть нововведений.

В свою очередь, отсутствие должного контроля за использованием налоговых льгот и иных преференций создает предпосылки для злоупотреблений, что может обернуться значительно выпадающими доходами бюджета. В этой связи необходимым условием становится систематический мониторинг эффективности и правомерности их использования.

Не менее важным является предварительный анализ целесообразности вводимых изменений для просчета всех возможных рисков, особенно в период санкций. Согласимся с позицией, высказанной М. Н. Садчиковым о необходимости оценки того, «насколько отступления от ординарного порядка регулирования и связанные с этим негативные последствия оправданы целями чрезвычайного регулирования и степенью их достижения»[1]. При этом оценка должна быть комплексной, включающей экономическую и юридическую обоснованность (стабильность правоприменения, соблюдение принципов определенности и справедливости), а в ряде случаев — социальные и институциональные последствия.

Рассмотрим данную проблематику на примере налога на сверхприбыль. С одной стороны, его введение позволяет избежать острого бюджетного дефицита, не прибегая к затяжным процедурам пересмотра бюджетной политики. С другой — неизбежно возникает риск несправедливого определения той части прибыли, которая действительно носит сверхдоходный характер. Изъятие таких средств может затронуть не «сверхприбыль», а ресурсы, необходимые для развития. Кроме того, результатом может стать снижение доверия к налоговой системе, рост нормативной неопределенности для бизнеса.

Таким образом, эффективное налоговое регулирование невозможно без систематического мониторинга уже принятых мер и обязательной предварительной оценки их потенциальных последствий. Без такого комплексного анализа даже внешне успешные чрезвычайные меры рискуют привести к дисбалансу, создать негативные последствия, преодоление которых потребует еще более значительных регуляторных усилий.

---

[1]Садчиков М. Н. Налогово-правовая политика в условиях санкций // Вестник СГЮА. 2024. № 4 (159). С. 216.

Минфин России, подводя итоги реализации налоговой политики 2024—2025 годов, отмечает, что влияние волн внешних ограничений удалось смягчить[1]. «В целом российская экономика прошла через масштабную структурную трансформацию с минимальными потерями»[2]. Вместе с тем в ближайшем будущем по-прежнему отсутствуют объективные предпосылки для отмены недружественными государствами антироссийских санкций, поэтому, как подчеркивает В. В. Атурин, российская экономическая политика должна быть нацелена «на разработку отраслевых мер, способствующих сглаживанию негативных последствий от санкций и учитывающих потенциальные угрозы введения новых санкций»[3].

В заключение отметим, что национальная экономика демонстрирует устойчивость, преодолевая объективные трудности и искусственные ограничения. К 2026 году фаза «острой адаптации» к внешним шокам завершена. Тем не менее возврат налоговой политики к досанкционным параметрам нецелесообразен. Ключевой задачей по-прежнему остается гибкое реагирование на уже произошедшие и продолжающиеся изменения. Итоги текущего этапа служат основой для выработки решений по закреплению достигнутых результатов и формированию дальнейшей налоговой политики с акцентом на обеспечение «устойчивой и предсказуемой экономической среды»[4].

[1]Информация Минфина России (Министерство финансов РФ) от 03 октября 2025 г. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412697173/ (дата обращения: 27.03.2026).

[2]Там же.

[3]Атурин В. В. Антироссийские экономические санкции и проблемы импортозамещения в условиях современной международной конкуренции // Вестник евразийской науки. 2019. №2. С. 7.

[4]Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Основные направления налоговой политики на 2026—2028 гг.: новые тренды и меры реализации национальных целей // Экономика. Налоги. Право. 2026. №1. С. 155.

XV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ЗЕМЕЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 349.6

МЕСТО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В ПРАВООВОЙ СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дисана Казбековна АБИТОВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
abitova_disana@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, старший советник юстиции **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminvlavrov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается место экологического мониторинга в правовой системе Российской Федерации, анализируются его как законодательные, так и доктринальные основы, выявляются современные проблемы организации экологического мониторинга по обеспечению экологической безопасности населения, подчёркивается необходимость научно-профессионального и практико—ориентированного подхода к решению экологических проблем.

Ключевые слова: благоприятная окружающая среда, правозащитная деятельность, природоохранное законодательство, экологическая безопасность, экологический мониторинг

Глобальные экологические проблемы, связанные с негативными для окружающей среды процессами, непосредственно затрагивают интересы Российской Федерации и её граждан. Они обуславливают необходимость разработки мер по обеспечению экологической безопасности, в связи с чем стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение тех социально-экономических задач, которые ориентированы не только на сохранение естественных экологических систем, но и на удовлетворение потребности нынешнего и будущих поколений

в благоприятной окружающей среде[1]. Одним из таких задач является совершенствование механизма государственного экологического мониторинга.

Государственный экологический мониторинг — это обеспечиваемая федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации «комплексная система наблюдения за состоянием окружающей среды, оценки и прогноза изменений состояния окружающей среды под воздействием природных и антропогенных факторов»[2]. Она служит источником информации для принятия управленческих решений, поскольку выстроена «именно с учетом перспектив использования информации и обязательной взаимосвязи с системами управления и реагирования»[3], что подчёркивает её практико-ориентированную направленность.

Однако, учитывая «многообразие природно-техногенных процессов, происходящих в компонентах экосистем, создать эффективную систему мониторинга крайне сложно»[4]. Об этом пишет и В. В. Стрельников, говоря о том, что «нужда в общем мониторинге человеческой деятельности непрерывно возрастает, так как только за последние 10 лет синтезировано более 4 млн новых химических соединений, ежегодно производится около 30 тыс. видов химических веществ»[5], в связи с чем мониторинг за каждым из веществ нереален. Однако стремительно изменяющаяся организация общественной жизни обуславливает необходимость в постоянном совершенствовании существующей системы экологического мониторинга. Так, «в сложившихся обстоятельствах космическая съемка с применением ГИС-технологий является самым доступным и востребованным видом информации и основным методом экологического мониторинга»[6], способствующим выявлению нарушений экологического законодательства[7]. Всё большее развитие

---

[1]«Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2]Государственный мониторинг окружающей среды (государственный экологический мониторинг) / [Электронный ресурс] // Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. URL: https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1356 (дата обращения: 28.03.2026).

[3]Хаустов А. П. Экологический мониторинг : учебник для вузов / А. П. Хаустов, М. М. Редина. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 20.

[4]Там же. С. 26.

[5]Стрельников В. В. Экологический мониторинг : учебник / В. В. Стрельников, А. И. Мельченко. Москва : ИНФРА-М, 2023. С. 36.

[6]Рассказова Н. С. Некоторые проблемы регионального экологического мониторинга и современные пути их решения / Н. С. Рассказова, А. В. Бобылев // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 12(131). С. 234.

[7]См., например: Благодаря космоснимкам в Кабардино-Балкарии выявлены 4 несанкционированные свалки. Северо-Кавказское межрегиональное управление Россельхознадзора. URL: https://126.fsvps.gov.ru/news/blagodarja-kosmosnimkam-v-kabardino-balkarii-vyjavleny-4-nesankcionirovannye-svalki/ (дата обращения: 29.03.2026).

получает дистанционная форма мониторинга с использованием беспилотных летательных аппаратов[1], благодаря которым достигается оперативность сбора информации об окружающей среде, детализация путём более точного выявления нарушений и в целом высокий уровень контролируемости состояния природных комплексов труднодоступных районов. «Кроме того, долгосрочный мониторинг окружающей среды может проверить, являются ли последующие меры экологического управления научными и разумными»[2], с чем тесно связаны такие проблемы, как «недостаток научности и отсутствие репрезентативности результатов мониторинга»[3]. Между тем экологический мониторинг должен основываться на научном и профессиональном подходе к формулированию мер экологического управления для решения вопросов обеспечения экологической безопасности населения.

Отсутствие в ежегодных докладах о состоянии и об охране окружающей среды научно—профессиональных рекомендаций представляет собой одну из актуальных проблем экологического мониторинга. По мнению одних авторов, основная цель мониторинга «заключается в предоставлении полезной информации тем субъектам, которые должны принимать обоснованные решения для решения экологических, научных проблем и вопросов безопасности, а также внедрять методы устойчивого управления»[4], т.е. значение качественного мониторинга состоит в информационном обеспечении уполномоченных органов, которые, в свою очередь, разрабатывают и принимают по этим материалам необходимые решения. Это же подчёркивает и Росгидромет, обозначивший в качестве одной из задач системы мониторинга загрязнения окружающей среды вопрос «обеспечения заинтересованных организаций материалами для составления рекомендаций в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, составления планов развития хозяйства с учетом состояния окружающей среды и других вопросов развития экономики»[5]. Другие же авторы указывают на то, что мониторинг окружающей среды «должен включать не только сбор и анализ полученных данных, но и подготовку необходимых

[1]См., например: БПЛА для контроля земель / [Электронный ресурс] // Северо-Кавказское межрегиональное управление Россельхознадзора. URL: https://1.fsvps.gov.ru/news/bpla-dlja-kontrolja-zemel/ (дата обращения: 29.03.2026).

[2]Айсханов С. К., Элипханов М. У., Вахабова С. А. Экологический мониторинг и контроль окружающей среды / С. К. Айсханов, М. У. Элипханов, С. А. Вахабова // Индустриальная экономика. 2023. № 1. С. 152.

[3]Там же. С. 153.

[4]Черных Е. Г. Региональная система мониторинга земель в управлении развитием урбанизированных территорий: методология, технические и технологические решения : специальность 1.6.15 «Землеустройство, кадастр и мониторинг земель» : Диссертация на соискание доктора технических наук / Черных Е. Г. ; ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии». Москва, 2023. С. 16.

[5]Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2024 год [Текст] Москва: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), 2025. С. 28.

рекомендаций по улучшению и восстановлению природной городской среды и минимизации антропогенного воздействия на нее»[1]. Такая точка зрения представляется нам более предпочтительной, поскольку «сама система мониторинга не включает деятельность по управлению качеством среды, но является источником необходимой для принятия экологически значимых решений информации»[2], т. е. может предусматривать предложения по решению выявленных экологических проблем, не подменяя собой управленческую деятельность в этой сфере уполномоченных органов.

Законодателем формально была закреплена первая позиция, что прослеживается как в законах[3], так и в подзаконных актах, определяющих требования к содержанию докладов о состоянии окружающей среды, к которым относится, например, наличие предложений о предотвращении, ограничении и минимизации негативного воздействия на окружающую среду[4]. На наш взгляд, данный перечень необходимо расширить включением в него требования по разработке решений проблем, связанных с экологической безопасностью населения. Отсутствие такого положения приводит к нарушению конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду[5] и существенным образом сказывается на качестве их жизни. Так, «селевым потоком, сошедшим 31 июля 2025 г. по р. Герхожансу, была разрушена правая сторона железобетонной стенки селепропускного лотка выше автомобильного моста, селевыми массами поврежден первый этаж администрации г. Тырныауз в 200 м от селевого лотка. Федеральная автодорога была завалена селевыми массами на протяжении более 300 м, движение полностью перекрыто. Было эвакуировано 7 многоквартирных домов. Селями 21 и 31 июля был нанесен большой ущерб инфраструктуре г. Тырныауз»[6]. Ранее в докладе о состоянии окружающей среды за 2024 год было указано, что «при выпадении аномального количества жидких осадков существует потенциальная угроза схода катастрофического селевого потока и разрушения строений и объектов экономики г. Тырныауза. Для минимизации

---

[1] Letyagina E. Current problems of environmental monitoring in urban agglomerations at the regions of Russia // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2021. С. 5.

[2]Стрельников В. В. Экологический мониторинг : учебник / В. В. Стрельников, А. И. Мельченко. Москва : ИНФРА-М, 2023. С. 211.

[3]Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об охране окружающей среды" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) ст. 63.1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Постановление Правительства РФ от 24.09.2012 № 966 (ред. от 14.03.2024) «О подготовке и распространении ежегодного государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды» (вместе с «Положением о подготовке и распространении ежегодного государственного доклада о состоянии и об охране окружающей среды») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) под. «з» п. 5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5]Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 42 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6]Чигирова Л. Б. Селепроявления 2025 года в Кабардино-Балкарской Республике и их последствия // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2025. Т. 25. № 4. С. 122.

ущерба от вероятного селя необходимо провести работы по расчистке и реконструкции селепропускного лотка»[1]. Как мы видим, в докладе находят своё отражение результаты наблюдения, анализа, оценки и прогнозирования состояния окружающей среды, но подробно не раскрываются пути решения выявленной экологической проблемы, которая характерна для территории города и на протяжении многих лет причиняет ему соответствующий ущерб.

Обобщая всё вышесказанное, мы видим, что «в законодательном определении экологического мониторинга акцент делается на наблюдении, оценке и прогнозе изменении окружающей среды, а в доктринальном понимании главным моментом является принятие оптимальных решений и управление важными для личности, общества и государства процессами, что более обосновано и правильно. Простое наблюдение и описание экологической ситуации без формулирования целей этой деятельности и включение в ее содержание принятия эффективных управленческих решений на основе полученной информации „выхолащивает“ смысл и назначение мониторинга»[2]. Кроме того, в рамках рассматриваемой темы «представляется важным обратиться к вопросу обеспечения экологической безопасности посредством наблюдений за состоянием профилактики правонарушений, анализа и прогнозирования причин и условий, способствующих совершению экологических правонарушений, а также оценки эффективности деятельности должностных лиц в указанной сфере»[3].

Право граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ) является непосредственно действующим и определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность органов власти (ст. 18 Конституции РФ). Этим обуславливается необходимость выделения в докладе отдельного раздела с включением в него информации, необходимой органам власти для осуществления правозащитной деятельности. Особая роль в этом отведена органам прокуратуры, поскольку «от деятельности прокуроров по надзору за исполнением природоохранного законодательства зависит здоровье нации и будущих поколений»[4]. С этой целью «органами прокуратуры на постоянной основе должны быть организованы сбор и анализ сведений, характеризующих состояние законности в экологической сфере»[5] и

---

[1]Доклад о состоянии и об охране окружающей среды в Кабардино-Балкарской Республике в 2024 году [Текст] Нальчик: Министерство природных ресурсов и экологии Кабардино-Балкарской Республики, 2025. С. 84.

[2]Никитин Е. В. Мониторинг окружающей среды как система обеспечения экологической безопасности // Правопорядок: история, теория, практика, (3 (30)), 2021. С. 29.

[3]Там же. С. 29.

[4]Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие / под общ. ред. начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 2 класса, кандидата юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации А.В. Паламарчука. М., 2014. С. 24.

[5]Актуальные вопросы прокурорского надзора в экологической сфере : учебное пособие / Л. С. Булгакова, О. А. Гуреева, М. Б. Кабанова, В. В. Лавров ; под ред. В. В. Лаврова. Санкт-Петербург : Санкт-

содержащихся в том числе в ежегодных докладах о состоянии окружающей среды. Именно всесторонний мониторинг «позволяет выявлять различные корреляции, оценивая эффективность принимаемых мер, информировать органы государственной власти и высших должностных лиц относительно текущего и перспективного состояния окружающей среды, обеспечивать дальнейшее движение экологически значимой информации в обществе»[1].

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что экологический мониторинг выступает инструментом по обеспечению экологической безопасности, ставя тем самым задачу по защите не только окружающей среды, но и экологических прав человека, что подчёркивается и актами Президента Российской Федерации[2]. С этой целью необходимо постоянное совершенствование системы экологического мониторинга как основы деятельности органов власти по реализации ими правозащитной функции, выступающей гарантией права человека на благоприятную окружающую среду.

Научная статья
УДК 342.5

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Амина Хасановна АРСАЕВА[1], Милана Вительевна ДАНЧЕНКО[2]
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
amina0739@mail.ru
mldnchk20062106@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции **Марина Борисовна КАБАНОВА,** 9578942@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются положения Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ, реформирующего систему местного самоуправления в России. На примере Ленинградской области рассматривается

Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. С. 28.

[1]Забавко Р.А. Роль прокуратуры Российской Федерации в обеспечении экологической безопасности и экологического правопорядка // Искусство правоведения. The art of law, (1 (5)), 2023. С. 33.

[2]Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» под. 14, 15 п. 83 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

практическая реализация перехода от двухуровневой модели к одноуровневой системе муниципальных и городских округов в период 2027—2030 гг. Особое внимание уделяется территориальной трансформации Всеволожского района, опыту Гатчинского муниципального округа (сокращение числа депутатов в 4 раза, рост доходов на 20 %) и внедрению территориальных общественных сообществ (ТОС) как механизма прямого взаимодействия власти и населения с грантовой поддержкой до 4 млн рублей. Автор освещает финансовые выгоды реформы (единый бюджет, снижение административных затрат), кадровые риски, связанные с сокращением депутатского корпуса, и усиление вертикального характера публичной власти в соответствии с новой концепцией единой системы публичной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная реформа, Ленинградская область, вертикаль публичной власти

20 марта 2025 года принят Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — Федеральный закон № 33-ФЗ о местном самоуправлении).

Новый закон перераспределяет полномочия и интегрирует местное самоуправление в общую систему публичной власти, при этом предоставляя субъектам Российской Федерации возможность перейти на одноуровневую систему местного самоуправления либо оставить двухуровневую систему при подтверждении ее эффективности.

Местное самоуправление является одной из основ конституционного строя РФ, что подчеркивает его фундаментальную роль в организации публичной власти в России. Его общие положения и ключевые гарантии закреплены в Конституции РФ и детализированы в федеральном законодательстве. Краеугольным камнем всего института является положение статьи 12 Конституции РФ, которое, находясь в главе 1 «Основы конституционного строя», устанавливает важнейший принцип: органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Это означает, что муниципалитеты не являются частью вертикали исполнительной власти, а представляют собой самостоятельный уровень публичной власти, действующий в пределах своих полномочий[1].

Рассмотрим пример реализации положений о муниципальной реформе на примере отдельного субъекта Российской Федерации.

Ленинградская область, обладающая сложной территориальной структурой, включающей один городской округ (Сосновоборский), один муниципальный округ (Гатчинский), 16 муниципальных районов, 63 городских и

[1] Кириллов В. В. Формирование новой системы местного самоуправления Ленинградской области // Экономика и управление. 2006. №3 (№ 24). С. 43.

107 сельских поселений, столкнулась с необходимостью масштабной трансформации.

Губернатор региона Александр Дрозденко на пресс-конференции 21 января 2026 года поделился планами развития области и сообщил, что реформа местного самоуправления будет проходить в период с 2027 по 2030 годы[1].

Ключевым содержанием реформы в области является предложенная территориальная трансформация, а именно переход от существующей двухуровневой системы, при которой полномочия разделены между районными администрациями и поселениями, к одноуровневой системе муниципальных и городских округов. Это соответственно приведет к укрупнению управленческой модели и ликвидации поселений как самостоятельного уровня власти.

Для поддержания взаимодействия органов власти и населения Законодательным Собранием Ленинградской области был принят Закон Ленинградской области от 12 марта 2026 г. № 22-ОЗ «О внесении изменений в областной закон «О содействии участию населения в осуществлении местного самоуправления в Ленинградской области». Кроме того, на местном уровне будут созданы территориальные подразделения, которые заменят местные администрации.

Ленинградская область нацелена развивать систему территориальных общественных сообществ (далее ТОС), поскольку видят в ней способ сохранения связи населения и власти на местах. Как отмечают в комитете общественных коммуникаций, это позволит активным жителям посёлков и деревень объединяться и привлекать ресурсы на местные инициативы — от благоустройства дворов и детских площадок до сохранения деревенских традиций и создания клубов по интересам[2]. Губернатор области Александр Дрозденко утвердил новую комплексную систему мер поддержки ТОСов. Система включает в себя, например, гранты до 4 млн. рублей для различных проектов благоустройства. Так же на ТОС распространяются льготы и меры поддержки, например, помощь с регистрацией, отчетностью и юридическими вопросами.

Внедрение ТОС в структуре муниципального округа является эффективным так как: во-первых, обеспечивается прямая коммуникация «население — власть», граждане сами участвуют в принятии управленческих решений, затрагивающих интересы местных сообществ; во-вторых, существование грантовой поддержки, льготных режимов будут стимулировать граждан участвовать в вопросах местного значения; в-третьих, сама организация

[1] Муниципальная реформа в Ленинградской области. URL: https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2026/01/22/1170935-munitsipalnaya-reforma-lenoblasti?from=copy_text (дата обращения 15.02.2026).

[2] Королева Конопляная Г. И., Салов О. А. Местное самоуправление на современном этапе (политико-правовой аспект) // Социс. 2002. № 5. С. 146.

ТОСов формирует у граждан чувство сопричастности к принимаемым решениям это, в свою очередь, укрепляет доверие между гражданами и органами власти.

Наиболее показательным и одновременно сложным примером предстоящих преобразований, по нашему мнению, является Всеволожский район Ленинградской области. С численностью населения, превышающей 554 тысячи человек (более четверти населения всей Ленинградской области), и бюджетом, сопоставимым с небольшим субъектом Российской Федерации, этот район представляет собой уникальный случай для реформирования. Власти рассматривают возможность создания на его основе не одного, а нескольких муниципальных округов, поскольку формирование единого округа представляется управленчески нецелесообразным.

Ранее прошел эксперимент по оптимизации структуры местного самоуправления в Гатчинском районе Ленинградской области, преобразованном в муниципальный округ в 2024 году, по итогам которого количество муниципальных депутатов удалось сократить в 4 раза, уменьшив их численность с 221 до 50 человек, а доходы Гатчинского муниципального округа выросли на 20 % и составили более 13 млрд рублей.

Как уже отмечалось, Ленинградская область имеет сложную территориальную структуру, число чиновников более 2200 человек. По аналогии с Гатчиной число депутатов в остальных муниципальных образованиях области тоже сократиться, очевидно, что предоставить гарантии трудоустройства такому количеству “бывших” депутатов никто не сможет.

Муниципальная реформа неизбежно влечет за собой существенные изменения в системе управления. Предполагается, что бюджеты и нормативные решения будут принимать депутатские собрания округов, а главы администраций — назначаться по представлению губернатора. Это усиливает вертикальный характер публичной власти и фактически встраивает муниципальный уровень в общую систему государственного управления, что соответствует концепции единой системы публичной власти, закрепленной в обновленном законодательстве[1].

В связи с изменением территориального деления и структуры органов власти потребуется проведение новых муниципальных выборов. По оценкам наблюдателей, муниципальные депутаты, избранные осенью 2024 года, будут работать три года вместо пяти, а основной политический сезон, связанный с формированием новых органов власти, придется на 2027—2028 годы.

Анализ планов региональных властей позволяет сделать вывод о стремлении избежать «шоковой терапии» и провести преобразования поэтапно,

[1] Овчинников В. А., Барбарова Н. Г. Реформирование местного самоуправления в России (на примере Ленинградской области) // Управленческое консультирование. 2007. №2. С. 34.

с учетом специфики отдельных территорий. Наиболее сложным объектом реформирования выступает Всеволожский район, чье огромное население и экономический потенциал требуют нестандартных решений, вплоть до создания нескольких округов.

Главная выгода реформы носит прежде всего финансовый характер: она позволяет сформировать единый бюджет на уровень всего округа, устранить диспропорции между поселениями и обеспечить финансирование их потребностей, независимо от собственного налогового потенциала. Это приведёт к снижению затрат на проведение выборов и содержание органов местного самоуправления.

Реализация этого принципа на практике станет главным критерием успешности реформы, призванной не только повысить управляемость, но и обеспечить реальное повышение качества жизни населения Ленинградской области.

Научная статья
УДК 349.6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Полина Александровна БЕЛОУС[1], Анна Сергеевна БИГАН[2]
[1,2] Крымский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия
[1] polina-belous@internet.ru
[2] annabigan26@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, юрист 1 класса **Яна Станиславовна АНКУДИНОВА**, yana_ponomaryova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с привлечением физических и юридических лиц к административной ответственности в сфере охраны окружающей среды. Особое внимание уделяется установлению и определению санкций за совершенное административное правонарушение, а именно размеру административного штрафа. Авторами приводится вывод об уровне эффективности мер административной ответственности, на основе анализа действующего законодательства, доктрины и судебной практики по данному вопросу.

Ключевые слова: административная ответственность, правонарушение, административный штраф, охрана окружающей среды, экология

В настоящее время одной из актуальных проблем в сфере охраны окружающей среды является реализация института юридической ответственности за экологические правонарушения, в особенности административной ответственности. С каждым годов количество правонарушений, совершаемых физическими и юридическими лицами в области экологии, увеличивается, в связи с чем, в правоприменительной практике появляются новые неурегулированные законодательством вопросы применения законодательства об охране окружающей среды, которые включают в себя неоднозначность в определении размера штрафа, объекта и субъекта посягательства, а также низкая эффективность реализации данного института из-за отсутствия контроля за деятельностью предприятий и организаций.

Актуальность темы привлечения к административной ответственности за нарушения законодательства в сфере охраны окружающей среды заключается в разработке и внесение изменений в действующее законодательство, например, введение новой статьи в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), регламентирующая обязательство по отчётности по парниковым газам (ст. 19.7.16 КоАП РФ), вступление в силу новых правил обращения с твёрдыми коммунальными отходами (ТКО) и другие. Вместе с этим появляются и проблемы, связанные с выявлением, фиксацией и доказыванием нарушений, а также с применением санкций.

Помимо правового направления, необходимо выделить влияние экологических правонарушений на качество жизни населения, состояние природных ресурсов и устойчивое развитие государства. Таким образом, для решения данных вопросов устранить правовые пробелы в целях обеспечения реальной защиты окружающей среды и интересов страны.

Ответственность за нарушения в природоохранной сфере регламентирована Федеральным законом от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Федеральный закон «Об охране окружающей среды»). В соответствии с положениями данного закона, лица, виновные в совершении природоохранных правонарушений, несут административную, уголовную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность. Рассматривая административные правонарушения, можно выделить следующие природные ресурсы, которые становятся объектами посягательства: земля, недра, воды, леса, животный мир и водные биологические ресурсы, атмосферный воздух, а также правила пользования с ними. Однако, процедура доказывания о причинении вреда окружающей среде имеет ряд особенностей. Ключевую роль играет временной фактор, а также своевременное и соответствующее законодательству проведение экспертизы, так как без

своевременной фиксации первоначальное состояние объекта может измениться, и доказательственная база будет утрачена. Так, например, согласно Определению Верховного Суда РФ от 16.07.2021 № 307-ЭС21-10908 по делу № А56-18465/2019 суды отказали в удовлетворении требований заявителю о взыскании 162 662 000 рублей в целях возмещения вреда, причиненного водному объекту, и пришли к выводу нарушение требований водного законодательства не доказано[1]. Экспертизой было выявлены нарушения со стороны Федеральной службы по надзору в сфере природопользования субъекта установленных правил отбора и исследования проб, а также расчёта ущерба водному объекту, поэтому сам факт причинения вреда не является подтверждённым. Данный пример указывает на необходимость, своевременность и законность проведения процессуальных действий в рамках дела об административном правонарушении в сфере охраны окружающей среды, а также недостаточность контроля за деятельностью организаций в данной сфере.

Некоторые ученые среди проблем привлечения к административной ответственности за нарушения законодательства в сфере охраны окружающей среды выделяют вопрос установления субъекта совершенного правонарушения, особенно в случае, когда оно связано с деятельностью предприятия или крупной организации. Так, В. В. Хапкова подчеркивает, что не всегда удается привлечь к ответственности виновных лиц, так как для этого необходимо иметь достаточное количество улик и доказательств, что может быть крайне сложно в случае экологических правонарушений[2]. Помимо этого, высок уровень латентности административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды, связанный с недостаточной разработанностью механизмов фиксации нарушений и, как указывает А. В. Епереши, отсутствием механизмов взаимодействия между органами, осуществляющими контроль в области охраны окружающей среды, и органами, ответственными за вынесение решений по делам об административных правонарушениях[3].

В настоящее время в правоприменительной практике существует проблема, связанная с установлением и определением санкций за совершенное административное правонарушение, а именно административного штрафа, который выражается в виде денежного взыскания. Размер штрафа зависит от степени общественной опасности совершенного деяния и размера

[1] Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2021 № 307-ЭС21-10908 по делу № А56-18465/2019. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=674536&cacheid=8B5990A578A872F2EE0D47C8459CF43C&mode=splus&rnd=k5BehEVC81KiSKt62#aNCehEVEqikrjmuc

[2] Хапкова В. В. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Молодой исследователь Дона. 2021. № 6 (33). С. 102. С. 102.

[3] Епереши А. В. Актуальные проблемы реализации института административной ответственности за экологические правонарушения и тенденции развития законодательства / А. В. Епереши. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2023. № 49 (496). С. 286.

ущерба, причиненного окружающей среде. Однако на практике сумма штрафа определяются по усмотрению суда или уполномоченного органа, что приводит к неэффективности реализации штрафа как меры воздействия и повторным нарушениям, так как его размер может не способствовать восстановлению нарушенного экологического баланса. Так, А. С. Батурин в своем исследовании делает справедливое замечание о том, что, несмотря на существование ряда законодательных актов, регулирующих вопросы административной ответственности за экологические правонарушения, нормы, определяющие размеры штрафов, часто оставляются на усмотрение суда[1].

Система санкций, закреплённых в гл. 8 КоАП РФ, включает предупреждение, штраф, приостановление деятельности (основные наказания), а также конфискацию в качестве дополнительной меры по отдельным составам правонарушений. Однако при более детальном анализе становится заметно, что реальная эффективность этих санкций существенно различается.

Если штрафы, временное приостановление деятельности и конфискация действительно способны воздействовать на поведение нарушителя, то предупреждение, по сути, остаётся декларативной мерой. На практике оно редко формирует у правонарушителя устойчивую мотивацию к соблюдению природоохранных требований. В научной доктрине справедливо подчёркивается, что мягкие санкции без экономических последствий почти не влияют на изменение моделей поведения субъектов, особенно в условиях, когда выгода от нарушения превышает потенциальные издержки.

Ещё более показательной выглядит ситуация с размерами штрафов. В большинстве составов они остаются на уровне, который сложно назвать ощутимым. По данным судебной статистики за 2020–2024 годы, средний размер административного штрафа по экологическим правонарушениям увеличился лишь на 12%, тогда как совокупный ущерб от экологических правонарушений вырос более чем на 35%. В ряде случаев штраф для юридического лица оказывается ниже стоимости одной производственной операции, связанной с нарушением природоохранных норм. В таких условиях санкция утрачивает не только карательный, но и превентивный смысл.

Так, рассматривая правоприменительную практику, инспекторы контрольных органов нередко избегают возбуждения дел по составам с минимальными санкциями, так как затраты времени и ресурсов на оформление административных материалов несопоставимы с итоговым результатом.

В научной среде нет единства по вопросу усиления санкций. Часть специалистов, среди которых, например, Руденко А. В., предостерегает от чрезмерного увеличения штрафов, указывая на риск стирания границ между ад-

[1] Батурин А. С. Некоторые проблемы административных штрафов за экологические правонарушения // Вестник науки. 2023. № 3 (60). С. 76.

министративной и уголовной ответственностью[2]. Подчёркивается, что административное наказание не должно превращаться в инструмент фискального давления. С другой стороны, ряд исследователей, например, Евсикова Е. В., Петросян Г. А., обращают внимание на иную проблему: несоответствие штрафов реальному экологическому ущербу[1]. В их работах проводится мысль о том, что санкции должны соотноситься с экономическим эффектом нарушения. Когда выгода от несоблюдения правил выше возможного наказания, правовая норма фактически теряет регулирующее значение.

Так, меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только соответствовать характеру правонарушения, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым законность и справедливость последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений[2].

При этом следует отметить, что административная ответственность с одной стороны, выступает реакцией государства на противоправное поведение, с другой — формирует у субъекта обязанность претерпеть неблагоприятные последствия. В этом смысле она является частью более широкой системы юридической ответственности, специфика которой в экологической сфере определяется особой ценностью охраняемого объекта — окружающей среды. Соответственно представляется оправданным пересмотр действующих размеров санкций. Повышение штрафов, причём не только для юридических лиц и должностных лиц, но и для граждан, способно усилить профилактический эффект. С учётом этого можно предложить увеличение штрафов по ряду статей главы 8 КоАП РФ (включая 8.1—8.6, 8.13—8.16, 8.22—8.23, 8.25—8.32 и др.). В частности, по ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ логично

---

[1] Евсикова Е. В., Петросян Г. А. Некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования //Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. №. 2. С. 265.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики». [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159544///.

установить более высокий диапазон: для граждан — от 5000 до 10000 рублей, для должностных лиц — до 50 000 рублей, для организаций — до 300 000 рублей с обязательным решением вопроса о конфискации орудий добычи[1]. Именно поэтому требования к соразмерности наказания здесь приобретают особое значение: санкция должна не только отражать степень общественной опасности деяния, но и обладать реальным сдерживающим потенциалом.

Таким образом, анализ актуальных проблем привлечения к административной ответственности за нарушения законодательства в сфере охраны окружающей среды показывает, что существуют некоторые пробелы в правовом регулировании, включая недостаточную превентивную роль санкций. В этих условиях совершенствование административно-правового регулирования, усиление контроля и повышение неотвратимости ответственности являются необходимыми условиями обеспечения реальной защиты окружающей среды.

Научная статья
УДК 349.4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

Алина Эдуардовна БУРЯК[1], Екатерина Владимировна ПЕТРОВА[2]
1,2 Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
1 alya.buryak.2000@mail.ru
2 petrovaekaterinaomsk@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, **Антон Олегович БЕЛОПЛОТОВ**, a.o.beloplotov1@usla.ru

Аннотация В статье анализируется проблема отсутствия инженерной и транспортной инфраструктуры на земельных участках, предоставляемых многодетным семьям в собственность бесплатно. Рассматриваются при-

[1] Евсикова Е. В., Петросян Г. А. Некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования //Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. №. 2. С. 266.

чины системного характера обозначенной проблемы: недостаток финансирования, отсутствие на федеральном уровне механизма финансирования инфраструктурного обустройства участков, увеличение числа многодетных семей. Рассматриваются меры, принимаемые регионами, включая создание многодетных кварталов и введение денежных компенсаций.

Ключевые слова: земельный участок, инженерная инфраструктура, компенсация, социальная поддержка

В рамках Стратегии до 2036 года[1] многодетным семьям предусматривается выделение земельных участков, обеспеченных объектами инфраструктуры, что является одной из мер государственной поддержки, направленной на улучшение жилищных условий и стимулирование рождаемости. Однако на практике реализация этого права зачастую сталкивается с серьезным препятствием — отсутствием необходимой инженерной и транспортной коммуникаций на выделенных территориях. Данная проблема носит системный характер и признается на всех уровнях публичной власти, от муниципального до федерального.

В 2022 году Президент РФ В. В. Путин поручил Правительству РФ совместно с регионами рассмотреть вопрос об обеспечении необходимой коммуникации земельных участков, предоставляемых многодетным семьям, а также о финансировании соответствующих расходов (в рамках поручений по итогам большой пресс-конференции)[2].

Ввиду ограниченности бюджетных средств регионы вынуждены применять поэтапный подход к освоению территорий, который приводит к многолетнему застаиванию процесса, что ведет к предоставлению гражданам не оснащенных земельных участков.

Сложившаяся судебная практика оспаривания отказов органов публичной власти в предоставлении земельных участков многодетным семьям, а также бездействия должностных лиц демонстрирует единый правовой подход: именно на органах публичной власти лежит обязанность по благоустройству соответствующих территорий[3].

---

[1]Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Пр-26, п.6 Перечня поручений по итогам пресс-конференции Президента от 06.01.2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Определение Конституционного Суда РФ от 09.11.2017 N 2516-О «По жалобе администрации города Барнаула на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 4 и 5 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, по делу №33а-2723/2025 прокурор Сеймского округа г. Курска в защиту интересов многодетной семьи подал иск к администрации города Курска: требовал признать незаконным бездействие органа власти и обязать обеспечить инженерную и дорожную инфраструктуру на земельном участке, предоставленном семье в собственность бесплатно. Администрация в ответе на представление прокуратуры указала, что оборудование участка коммуникациями и строительство дороги — лишь «перспективные планы». Суд первой инстанции удовлетворил иск, обязав администрацию обеспечить инфраструктуру в течение 12 месяцев. Апелляционная инстанция оставила решение без изменения, указав, что возложение затрат на оснащение участка противоречит принципам равенства и справедливости (определение КС РФ от 09.11.2017 №2516-О), а обязанность по благоустройству лежит на органах местного самоуправления. Апелляционную жалобу администрации суд отклонил[1].

В деле №38-КА19-6 многодетная мать Тимохина М. Н. оспаривала бездействие правительства Тульской области и администрации города Ефремова: земельный участок не был обеспечен инфраструктурой, находился вдали от коммуникаций. Администрация ссылалась на «перспективные планы» без сроков. Ефремовский районный суд отказал в иске, указав на отсутствие бездействия, ограничение полномочий самоуправления и пропуск срока обращения. Тульский областной суд частично отменил решение: признал незаконным бездействие по газоснабжению и подъездной дороге, но отказал по электроснабжению и водоснабжению, сославшись на проведённые работы (строительство подстанции, замену водопровода). ВС РФ отменил отказ по электроснабжению, водоснабжению и водоотведению и направил дело на новое рассмотрение, подтвердив обязанность муниципалитетов обеспечивать участки инфраструктурой в разумный срок. Также указав, что возложение данных обязанностей на граждан является незаконным[2].

Приведенные и аналогичные дела объединяет последовательная защита прав многодетных семей от формализма и бездействия органов местного самоуправления. Суды возлагают на муниципалитеты обязанность не только планировать, но и реально осуществлять подключение инженерных сетей в разумные сроки, а неопределенность в финансировании не освобождает органы власти от поиска ресурсов и принятия конкретных мер.

---

[1]Апелляционное определение Курского областного суда от 09.09.2025 по делу N 33а-2723/2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2019 № 38-КА19-6 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что предоставление земельного участка многодетной семье не может считаться надлежащим исполнением публичных обязательств, если участок не обеспечен необходимой инфраструктурой.

Принимая во внимание, что при отсутствии должной инфраструктуры земельные участки невозможно использовать в соответствии с целевым назначением и видом разрешенного использования, «мерой поддержки» подобный подход назвать достаточно трудно.

Масштаб проблемы становится очевидным при анализе региональной статистики. Формирование и обустройство земельных участков с необходимой инфраструктурой требует значительных временных и финансовых ресурсов. В регионах с дефицитом свободных земель или ограниченными бюджетными возможностями компенсация становится альтернативой многолетнему ожиданию участка.

Если в черте населённого пункта невозможно предоставить землю с готовой инфраструктурой, или регион не имеет ресурсов для её создания, компенсация становится альтернативой. Это особенно актуально в условиях, когда затраты на приведение участка в пригодное для строительства состояние оказываются непосильными для семьи.

Например, в Алтайском крае из-за невозможности предоставить всем многодетным семьям бесплатные земельные участки с развитой инфраструктурой подготовлен проект изменений в закон Алтайского края «О бесплатном предоставлении в собственность земельных участков». В частности, проектом документа предусмотрено распространение с 1 января 2026 года права на получение компенсационной выплаты взамен земельного участка на многодетных граждан, имеющих троих и более детей, состоящих на учете в целях бесплатного предоставления в собственность земельных участков[1]. До этого такая возможность предоставлена семьям, имеющим четырех и более детей, размер компенсации составляет 200 тысяч рублей[2].

Аналогичная мера из-за нехватки земли и необходимых денежных средств на развитие инфраструктуры земель предусмотрена в Красноярском крае, о чем упоминается в работе Власова В. А., Гуменюка В. И.[3]. Здесь

[1]Официальный сайт Алтайского края. URL: https://altairegion22.ru/press-center/news/altayskiy_kray/ (дата обращения: 23.03.2026).

[2]Министерство социальной защиты Алтайского края. URL: https://www.aksp.ru/news/news/62650/ (дата обращения: 23.03.2026).

[3]Власов В. А., Гуменюк В. И. Теоретические и практические аспекты предоставления земельных участков семьям, имеющим трёх или более детей, как один из важных инструментов их социальной поддержки (на примере городского округа города Красноярска) // Аграрное и земельное право. 2020. № 11(191). С. 168.

установлено отчисление в размере 185 тысяч рублей[1]. В Оренбургской области — 300 тысяч рублей[2], ввиду нехватки земель и других неразрешенных вопросов, о которых подробно пишут Лой А. Р., Бадерная А. Ю.[3].

При этом для обеспечения этих участков необходимой инженерной инфраструктурой органам местного самоуправления необходимо разработать проектно-сметную документацию и определить источники финансирования. Например, В Нижнем Новгороде реализация проекта «Семейный квартал» оценивается примерно в 6 млрд рублей[4]. В Ростовской области, где многодетным семьям выдано почти 27 тысяч земельных участков, на создание необходимой коммуникации, по предварительным оценкам, потребуется не менее 44 миллиардов рублей[5]. Такие суммы сопоставимы с годовыми бюджетами многих регионов, что делает одномоментное решение проблемы невозможным.

Как справедливо отмечают Агафонов А. С., Берестенников А. Г.[6], многодетные семьи зачастую получают земельные участки, расположенные в удаленных или необустроенных районах, где отсутствуют элементарные коммуникации: электричество, газ, водоснабжение, водоотведение, а также подъездные дороги. В Тверской области прокуратурой было установлено, что администрация предоставила многодетным семьям участки для индивидуального жилищного строительства, к которым не были подведены газ, электричество, вода и канализация, а также отсутствовала подъездная дорога[7].

Анализ региональной практики позволяет выделить несколько причин сложившейся ситуации. Во-первых, отсутствие в федеральном законодательстве четкого механизма финансирования строительства инфраструктуры к участкам, выделяемым многодетным семьям. Во-вторых, колоссальные финансовые затраты, необходимые для решения проблемы, которые региональные и местные бюджеты не могут покрыть в полном объеме. В-тре-

---

[1]Ст. 4 Закона Красноярского края от 6 октября 2022 г. № 4-1118 «О социальных выплатах многодетным гражданам на приобретение земельного участка и улучшение жилищных условий» // СПС «Гарант».

[2]П. 2 ст. 2.4 Закона Оренбургской области от 22.09.2011 № 413/90-V-ОЗ «О бесплатном предоставлении на территории Оренбургской области земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей» // СПС «Гарант».

[3]Лой А. Р., Бадерная А. Ю. Некоторые проблемы предоставления бесплатных земельных участков многодетным семьям в Оренбургской области // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4 (80). С. 181.

[4]НИА «Нижний Новгород». URL: https://www.niann.ru/?id=627140 // (дата обращения: 30.03.2026)

[5]Официальный портал правительства Ростовской области. URL: https://www.donland.ru/news/31790/ (дата обращения: 30.03.2026).

[6]Агафонов А. С., Берестенников А. Г. К вопросу о предоставлении земельных участков многодетным семьям // Сибирский юридический вестник. 2025. №3 (110). С. 21.

[7] Администрация города Твери // URL: https://www.tver.ru/info/prokuratura/moskovskiy-rayon/news/426200/ (дата обращения: 20.03.2026).

тьих, увеличение количества многодетных семей и, соответственно, заявлений на получение участков. Это создает дополнительную нагрузку на земельные ресурсы и требует расширения площадей под застройку, что, в свою очередь, увеличивает потребность в развитии инфраструктуры. Например, в Ульяновске проживают 8130 многодетных семей, где растут 26396 детей. По сравнению с прошлым годом количество многодетных увеличилось почти на 600 семей[1].

В ответ на сложившуюся ситуацию регионы вырабатывают различные подходы к решению инфраструктурной проблемы. Одним из наиболее эффективных является формирование «многодетных кварталов» — компактных территорий, где участки выделяются массивами, что позволяет планировать комплексное развитие инфраструктуры. В Свердловской области активно идут работы по улучшению инфраструктуры многодетных кварталов[2]. В Барнауле проектируется крупный микрорайон на тысячу частных домов в поселке Бельмесево. Территория площадью почти 245 гектаров будет осваиваться поэтапно. Проект предусматривает участки для строительства школы, магазинов, детского сада, аптеки, отдела полиции, банка, кафе, административно-коммерческого центра и предприятия бытового обслуживания. Всего для размещения объектов инфраструктуры отводят почти 140 гектаров[3].

Подобный комплексный подход к оснащению территорий, на которых планируется предоставление участков многодетным семьям, по нашему мнению, является вполне оправданным и эффективным.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что выбранный подход к разрешению проблемы инфраструктурного обеспечения земельных участков для многодетных семей не только соответствует логике судебной защиты их прав, но и в полной мере согласуется с программным вектором государственной политики, направленным на отказ от «точечной» застройки и переход к комплексному освоению территорий. Данный вектор находит свое нормативное закрепление в Главе 10 Градостроительного кодекса Российской Федерации, которая устанавливает комплексное развитие территорий в качестве приоритетного механизма градостроительной деятельности, ставя своей целью создание необходимых условий для развития транспортной, социальной и инженерной инфраструктур[4]. Эта позиция также нашла

---

[1]Официальный сайт Администрации города Ульяновска // URL: https://ulmeria.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_4078.html / (дата обращения: 27.03.2026).

[2] Информационный портал Свердловской области // URL: https://xn--b1ag8a.xn--p1ai/news/19269#:~:text/ (дата обращения: 27.03.2026).

[3]Официальный сайт города Барнаула. URL: https://barnaul.org/pravoportal/portal/mpa/city/postanovlenie-ot-22-05-2017-977-o-podgotovke-proekta-planirovki-i-proekta-mezhevaniya-territorii-mik/?ysclid=mnd6vic5bb413124002/ (дата обращения: 27.03.2026).

[4]Глава 10 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

свое отражение в Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года[1]. Новая градостроительная политика прямо закреплена необходимость комплексного обновления населенных пунктов и формирования новых жилищных возможностей граждан.

Научная статья
УДК 349.4

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Алексей Михайлович БУТИН
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
butin.a1@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений государственной политики Российской Федерации в экологической сфере. Отмечается, что обеспечение благоприятной окружающей среды является одной из ключевых и общенациональных задач стратегического развития. Исходя из важности целей экологического развития, в Российской Федерации реализуется комплекс национальных программ и проектов, призванных обеспечить экологическое благополучие населения.

Ключевые слова: государственная политика, окружающая среда, экология, проекты

Обеспечение соблюдения и реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду продолжает оставаться одним из ключевых направлений государственной политики в экологической сфере. Важность сохранения природных объектов, обеспечения рационального использования природных ресурсов, соблюдения требований законодательства в области охраны окружающей среды

[1]Раздел III Распоряжения Правительства РФ от 31.10.2022 N 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

была отмечена Президентом Российской Федерации Путиным В. В. в июне 2025 года на Петербургском международном экономическом форуме[1].

Более того, важность сохранения окружающей среды закреплена на конституционном уровне. Так, согласно статье 42 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением[2].

Однако стоит признать, что несмотря на активное осуществление мероприятий по обеспечению экологического благополучия населения, на территории Российской Федерации продолжают фиксировать ряд техногенных аварий и противоправных деяний, которые причиняют колоссальный ущерб природным объектам.

В качестве примеров приводятся такие экологические катастрофы, как разлив нефти в Черном море 15 декабря 2024 года, массовая гибель морских животных на Камчатке в сентябре — октябре 2020 года, утечка дизельного топлива в Норильске 29 мая 2020 года, лесные пожары в Сибири в июне 2019 года и многие другие катастрофы[3]. Данные инциденты свидетельствуют о необходимости разработки государством новых и эффективных мер по обеспечению охраны окружающей среды, экологической безопасности и сохранению природных ресурсов.

Последние изменения в области правового регулирования деятельности по охране окружающей среды наглядно демонстрируют высокий уровень правотворческих инициатив по данному вопросу. Так, ключевым источником правового регулирования выступают Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года, утвержденные Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 года[4]. Стратегическими целями принятия данного документа являются сохранение благоприятной окружающей среды, биологического и природного разнообразия, обеспечение реализации конституционных прав каждого человека в экологической сфере, поддержание экологической безопасности[5].

---

[1]Данилевская-Урбанова И. Л., Мухлынина М. М. Вопросы реализации экологического суверенитета России в системе конституционных ценностей // Аграрное и земельное право. 2025. № 7. С. 111.

[2]Аверьянова Н.Н. Обеспечение экологических прав граждан России – приоритетное направление экологической политики государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 7. № 1. С. 55.

[3]Тасоев Д. А. Совершенствование государственной политики в сфере противодействия экологической преступности в Российской Федерации // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева. 2025. № 3 (78). С. 141.

[4]Полищук Н. И. Государственная политика Российской Федерации в сфере экологического правопорядка // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 35. С. 23.

[5]Там же.

С целью достижения стратегических целей государственной политики в области экологического развития органам государственной власти необходимо решить следующие задачи: сформировать эффективную систему управления; создать новые механизмы правового регулирования в области охраны окружающей среды и экологической безопасности; обеспечить экологически ориентированный рост экономики и внедрение сберегающих инновационных технологий; обеспечить предупреждение и минимизацию негативного воздействия на окружающую среду; усовершенствовать системы государственного экологического мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также изменений климата[1]. Исходя из перечня целей и задач экологического развития, можно сделать вывод, что государственная политика в экологической сфере приобретает комплексный, а также общественно значимый характер. Охрана окружающей среды становится одним из ключевых условий обеспечения стратегического развития Российской Федерации.

Государство возлагает перечисленные ранее задачи на Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее — Минприроды России), в структуру которого входят две службы и три агентства. Ключевой целью деятельности данных структурных подразделений является осуществление государственной политики и правового регулирования в конкретном направлении экологического развития[2].

Среди эти направлений можно выделить такие направления, как обеспечение надлежащего состояния окружающей среды, поддержание рационального природопользования, обеспечение экологической безопасности. В рамках реализации данных направлений государственным органам надлежит сформировать экологические программы и национальные проекты, которые будут учитывать интересы общества и страны. Одним из таких проектов является национальный проект «Экологическое благополучие», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309.

В Минприроды России отмечают, что при реализации нового проекта органы государственной власти будут учитывать опыт, полученный в ходе реализации предыдущего проекта «Экология», что позволит повысить эффективность разрешения задач в экологической сфере[3]. Стоит отметить, что

---

[1]Там же. С. 24.

[2]Мухлынина М. М. Актуальные вопросы государственной экологической политики России в аспекте реализации природоохранных программ // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 1. С. 66.

[3]Никоноров С. М. Влияние национального проекта «экологическое благополучие» на будущее поколение граждан России // Теория и практика экономики гражданской защиты на страже безопасности жизнедеятельности современного общества, сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25 декабря 2024 г./ Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России. Москва: ВНИИ ГОЧС, 2025. С. 410.

проект носит комплексный характер, что подтверждается наличием в проекте большого количества направлений, каждое из которых будет отвечать вызовам и угрозам текущих экологических реалий. Для надлежащего выполнения поставленных целей и задач государство планирует выделить из бюджета восемьсот миллиардов рублей. Отмечается, что такая сумма будет выделяться постепенно, вплоть до 2030 года[1].

В рамках проекта будут реализовываться шесть федеральных проектов:

1) «Сохранение лесов»;

2) «Вода России»;

3) «Чистый воздух»;

4) «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма»;

5) «Экономика замкнутого цикла»;

6) «Генеральная уборка».

Рассмотрим особенности каждого из указанных федеральных проектов.

Ключевой целью проекта «Сохранение лесов» является минимизация уровня вырубки лесных насаждений, а также принятие мер по снижению потери лесов в результате пожаров. Сохранение лесов и биологического разнообразия положительно повлияет на качество жизни россиян, поскольку именно лесные насаждения являются ключевым источником чистого воздуха, обеспечивают благоприятные климатические условия, поддерживают в надлежащем состоянии биологические ресурсы и создают условия для сохранения здоровья экосистем[2].

Основной целью федерального проекта «Вода России» является сохранение в надлежащем состоянии водных объектов, необходимых для поддержания экологического и социального благополучия населения. Главные задачи проекта — формирование на предприятиях, осуществляющих хозяйственную и производственную деятельность, механизма очищения сбрасываемых сточных вод, а также снижение негативного воздействия на водные ресурсы[3].

Проект «Чистый воздух» будет акцентировать внимание на снижении уровня загрязнения атмосферы. Основной задачей данного проекта выступают снижение уровня выбросов опасных и загрязняющих веществ в атмосферный воздух за счёт внедрения новых лабораторных технологий[4]. Реализация данного проекта существенно повысит качество жизни и здоровья населения в крупных городах и других населенных пунктах.

---

[1]Там же.

[2]Там же.

[3]Там же.

[4]Там же.

Федеральный проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» отвечает за выполнение одной из главных задач экологического развития — сохранение биологического разнообразия путем создания парков, заповедников, организации мероприятий по формированию экологического правосознания граждан. Для этого планируется осуществлять надлежащий контроль за сохранением природных и культурных объектов, находящихся на особо охраняемых природных территориях, создавать объекты туристической инфраструктуры, просвещать население в части обеспечения охраны окружающей среды. Проект позволит сохранить находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений[1].

Проект «Экономика замкнутого цикла» будет предусматривать обеспечение эффективной деятельности предприятий в области обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). Суть данного проекта заключается в том, что ресурсы используются предприятиями многократно, а отходы сводятся к минимуму. Таким образом, формируется безотходное производство. Это позволит обеспечить не только экономический рост предприятий и улучшение качества жизни граждан, но и рациональное использование природных ресурсов, а также сохранение благоприятной окружающей среды[2].

Проект «Генеральная уборка» призван реализовать такую ключевую цель, как обеспечение экологической безопасности населения. Одним из главных направлений в реализации данной цели должна стать ликвидация объектов, способных причинить существенный вред окружающей среде. В первую очередь к данным объектам стоит отнести промышленные отходы, ядерные и химические отходы, отходы военного производства и другие[3]. Реализация данной задачи позволит обеспечить экологическое благополучие населения и укрепить правопорядок в экологической сфере.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что государство в экологической сфере ставит перед собой широкий перечень целей, задач и программ, реализация которых безусловно положительно повлияет на обеспечение благоприятной окружающей среды, рационального природопользования и экологической безопасности населения. Вместе с тем, необходимо отметить, что для успешной реализации проекта «Экологическое благополучие» и других общенациональных задач в экологической сфере важно осуществлять мониторинг состояния окружающей среды и природных объектов, а также осуществлять постоянный надзор и контроль за соблюдением природоохранного законодательства и реализацией основных направлений государственной экологической политики.

[1]Там же. С. 411.
[2]Там же.
[3]Там же.

Особое значение в реализации данных задач будет иметь деятельность органов прокуратуры Российской Федерации, которые в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» обеспечивают надзорное сопровождение реализации национальных проектов[1].

Научная статья
УДК 342.5

НОРМОТВОРЧЕСТВО ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Александра Александровна БЫСТРИЦКАЯ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия
ab25.05@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции **Марина Борисовна КАБАНОВА,** 9578942@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена вступлением в силу Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который существенно изменил правовую регламентацию нормотворческой деятельности органов местного самоуправления. Цель статьи — комплексный и всесторонний анализ проблемных аспектов муниципального нормотворчества, а также определение типичных нарушений в этой области.

Ключевые слова: муниципальное нормотворчество, органы местного самоуправления, муниципальный правовой акт, федеральный регистр муниципальных нормативных правовых актов

Нормотворческий процесс представляет собой одно из приоритетных направлений деятельности органов местного самоуправления, обеспечива-

[1]Усов А. Ю. Об организации прокурорско-надзорного сопровождения реализации национального проекта «Экологическое благополучие» // Административное право и практика администрирования. 2024. № 2. С. 67.

ющее реализацию их властных полномочий по управлению муниципальным образованием. Результатом такой деятельности выступает издание общеобязательных на территории муниципального образования правил поведения, которые носят правовой характер.

И. Н. Баранов сформулировал расширенное определение: «Под муниципальным нормотворчеством понимается деятельность органов местного самоуправления, направленная на принятие нормативно-правовых актов, целью которых является формирование, изменение или отмена правовых норм, имеющих общеобязательное предписание постоянного или временного характера, и применяемых однократно или многократно на территории муниципального образования в адрес неопределенного круга лиц, либо конкретного субъекта общественных отношений»[1].

Правовая регламентация права органов местного самоуправления на осуществление нормотворчества находит своё отражение в Федеральном законе от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В частности, в статье 16 Федерального закона № 33-ФЗ в качестве полномочия представительного органа является принятие устава муниципального образования[2].

Несмотря на формальное нормативное закрепление нормотворческих полномочий органов местного самоуправления в новом федеральном законе, проблемные аспекты данного вида деятельности сохраняются до настоящего времени. В частности, отсутствие в действующем законодательстве закрепления определения «муниципального правового акта».

Традиционно, под муниципальным правовым актом понималось решение, принятое непосредственно населением муниципального образования по вопросам местного значения, либо решение, принятое органом местного самоуправления и (или) должностным лицом местного самоуправления по вопросам местного значения, по вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, а также по иным вопросам, отнесенным уставом муниципального образования в соответствии с федеральными законами к полномочиям органов местного самоуправления и (или) должностных лиц местного самоуправления, документально оформленные, обязательные для исполнения на территории

[1]Баранов И. Н. К вопросу о нормотворчестве в деятельности органов местного самоуправления / И. Н. Баранов // Апробация. 2014. № 5 (20). С. 73.

[2]Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

муниципального образования, устанавливающие либо изменяющие общеобязательные правила или имеющие индивидуальный характер[1]. Такое определение было законодательно закреплено в статье 2 Федерального закона № 131-ФЗ, это позволяло безошибочно идентифицировать результат правотворчества. Однако, в новом Федеральном законе, статья, раскрывающая понятийный аппарат отсутствует, в данной части необходимо обратиться к доктринальному закреплению признаков муниципального правового акта.

Так, профессора О. Е. Кутафин и В. И. Фадеев отмечают следующие признаки муниципальных правовых актов:

муниципальные правовые акты принимаются (издаются) непосредственно населением (на местном референдуме, сходе граждан), органами и должностными лицами местного самоуправления;

муниципальные правовые акты обязательны для исполнения на территории муниципального образования;

за неисполнение муниципальных правовых актов граждане, руководители организаций, должностные лица органов государственной власти и должностные лица органов местного самоуправления несут ответственность в соответствии с федеральными законами и законами субъектов Федерации;

муниципальные правовые акты устанавливают либо изменяют общеобязательные правила (нормативные правовые акты) или имеют индивидуальный характер и являются в силу этого одним из важных элементов механизма правового регулирования общественных отношений;

виды, порядок принятия (издания), официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов определяются уставом муниципального образования в соответствии с установленным законом порядке;

муниципальные правовые акты могут быть отменены или их действие может быть приостановлено органами и должностными лицами местного самоуправления, принявшими (издавшими) соответствующий муниципальный правовой акт, а также судом в части, регулирующей осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, — уполномоченным органом государственной власти[2]. При этом, законодатель расширил содержание главы, регулирующую правотворческую деятельность муниципальных органов. Статьи 59—61 регламентируют издание

[1]Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об Общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

[2]Кутафин О. Е. Муниципальное право Российской Федерации: учебник / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 382—383.

правовых актов различными органами муниципальной власти. Из них следует, что формами правовых актов являются: решения, постановления, распоряжения, приказы.

Особое внимание уделяется такой форме нормотворчества, как издание нормативных правовых актов. В юридической литературе уже давно ведутся дискуссии о необходимости такой дефиниции. Инициатива по данному вопросу была выдвинута еще в 1995 году С. В. Полеником, Б. М. Лазаревым, Р. З. Лившицем, А. Е. Козловым, Е. К. Глушко, которые выступили с предложением проекта нового Федерального закона «О законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации». В соответствии с текстом данного проекта, в статье 2 дается законодательное определение нормативного правового акта, под которым понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме субъектом правотворчества в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение, разъяснение, введение в действие, прекращение или приостановление действия правовых норм, содержащих общеобязательные предписания постоянного или временного характера, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на многократное применение[1].

На данный момент, единственным правовым ориентиром в определении нормативности акта является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». В пункте 2 раскрыты следующие признаки, которыми должен обладать нормативный правовой акт: издание его в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. Однако, далее в постановлении указывается, что для признания акта таковым необходимо оценить и содержание документа. Следующий блок признаков содержит следующие свойства: издание их органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами, наличие в них результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменитель-

[1]Поленина С. В. и др. Инициативный проект федерального закона о законах и иных нормативно-правовых актах Российской Федерации // Государство и право. 1995. № 3. С. 57.

ной деятельности в отношении неопределенного круга лиц; а также утвержденные данным актом типовые, примерные приложения, содержащие правовые нормы[1].

При этом стоит отметить, что применительно к органам местного самоуправления, законодатель попытался решить данный вопрос. В рамках действующего Федерального закона № 33-ФЗ находят отражения и раскрываются возможные для принятия нормативные правовые акты: акт об утверждении устава МО, об утверждении бюджета, правила благоустройства территории, утверждение соглашений, заключённых между ОМСУ, а также иные акты, принятые в рамках компетенции. Законодатель использует критерий нормативности лишь при рассмотрении вопроса об актах, издаваемых представительным органом власти, в контексте иных органов применяется термин «правовые акты». При этом, критерий нормативности такой категории актов вытекает из сущности регулируемых правоотношений.

В контексте рассматриваемого вопроса, необходимо уделить внимание ведению федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов. В соответствии со статьей 55 Федерального закона № 33-ФЗ в обязанности органа местного самоуправления входит внесение муниципальных нормативных правовых актов в муниципальные регистры, на основании которых уже составляется федеральный регистр. По состоянию на 12.01.2026 в федеральный регистр включено почти 14 млн 129 тысяч актов, из них более 9 млн 678 тыс. действующие[2].

Приказом Министерства юстиции РФ от 4 марта 2021 г. № 27 2 Об организации работы по ведению федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» (далее Методика) регулируется методика ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов (далее регистр), а также порядок предоставления сведений.

В качестве часто встречающегося нарушения можно Методики можно выделить – неправильное указание вида муниципального акта. Нередки случаи, когда ОМСУ указывают не предусмотренные Федеральным законом № 33-ФЗ формы актов: «Иное», «Правила», «Положение», «Инструкция». В основном указанные виды присвоены муниципальным актам ошибочно.

Наравне с этим, встречаются ситуация при которых органы местного самоуправления ошибочно указывают орган, который выносит решение.

---

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Обзор практики ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов за 2025 год. URL: http://pravo-minjust.ru/obzor-praktiki-vedeniya-federalnogo-registra-municipalnykh-normativnykh-pravovykh-aktov-za-2025-god (дата обращения: 30.03.2026).

Так, в более 4 тысячах актов вместо представительного органа МО указан исполнительно-распорядительный в качестве инициатора документа[1]. К сожалению, встречаются ситуации, когда в федеральный регистр вносятся акты, которые приняты не уполномоченным на то органом, такие проблемы, в частности, связаны с дуальной природой статуса Главы муниципального образования (встречаются случаи, когда Глава Администрации МО не является Главой муниципального образования).

В федеральный регистр вносят только такие муниципальные акты, которые обладают нормативностью. Ввиду отсутствия прямого деления актов, издаваемых Главой Администрации, Главой муниципального образования на нормативные и ненормативные, определение характера правоотношений остается в ведение органов местного самоуправления. Главным подтверждением нормативности акта может выступать его внесение в федеральный регистр. В качестве примера могут быть приведены Распоряжение от 13.02.2026 № 64-р Главы муниципального образования Павловского района «О внесении изменений в распоряжение администрации муниципального образования Павловский район от 12 мая 2023 г. № 299-р «О создании и работе постоянно действующей комиссии по выявлению земельных участков, подходящих для организации зеленых зон, лесопарковых зеленых поясов и особо охраняемых природных территорий местного значения на территории муниципального образования Павловский район»»; Постановление от 03.03.2026 № 73 Главы администрации МО Арсеньевского района «О внесении изменений в постановление Администрации муниципального образования Арсеньевского района от 20.06.2024 № 164 «Об утверждении муниципальной программы МО Арсеньевского района «Развитие молодежной политики на территории муниципального образования Арсеньевский района на 2027—2028 годы»».

На основе представленных примеров представляется возможным сформулировать следующий вывод. Несмотря на предпринятые законодателем попытки ограничить перечень вопросов, по которым допускается издание нормативных правовых актов, на практике наблюдается смешение установленных форм таких актов.

Проблема определения правовой природы нормативного правового акта, как самостоятельного источника правовых норм либо как характеристики регулируемых правоотношений не имеет окончательного разрешения. Ведение федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов существенно оптимизирует деятельность органов местного самоуправления, предоставляя им возможность руководствоваться сложившейся правоприменительной практикой в иных субъектах Российской Федерации, что оказывает безусловное положительное влияние на нормотворческий

[1]См. там же

процесс в целом. При этом, несмотря на очевидное совершенствование законодательства, связанное с вступлением в силу Федерального закона № 33-ФЗ, в современных условиях сохраняется ряд вопросов, не получивших должного нормативного урегулирования.

Научная статья
УДК 349.4

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЕЛЬ ПОД ОБЪЕКТАМИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИХ ОХРАННЫЕ ЗОНЫ

Анна Дмитриевна ГАМАЛЕЙ
Оренбургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». Россия, г. Оренбург.
gamaley.anna.06@mail.ru

Научный руководитель кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» **Мария Вячеславовна КУЗЬМИНА**, oMVKuzmina@msal.ru

Аннотация. В статье анализируется правовой режим земель объектов культурного наследия и их охранных зон в РФ. На основе анализа законодательства и судебной практики выявляются ключевые проблемы правоприменения: пробелы в регистрации ограничений и отсутствие механизма компенсации. Делается вывод о необходимости совершенствования правовых процедур для баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: Объекты культурного наследия, охранные зоны, правовой режим земель, земли историко-культурного назначения, компенсация убытков

Формирование устойчивой и ответственной модели территориального развития, гармонично сочетающей модернизацию инфраструктуры с сохранением историко-культурного наследия, является одной из приоритетных задач государственной политики Российской Федерации. В условиях активной градостроительной деятельности и роста антропогенной нагрузки на историческую среду, особую значимость приобретает эффективный правовой

инструментарий, призванный обеспечить физическую сохранность объектов культурного наследия. Таким ключевым инструментом выступает специальный правовой режим земель, непосредственно занятых памятниками, а также территорий, прилегающих к ним — охранных зон. Эти зоны, устанавливая особые условия использования земельных участков и ограничения на хозяйственную деятельность, создают необходимый ресурс для защиты как самого объекта, так и его исторического окружения от негативного воздействия новой застройки и иной антропогенной деятельности.

В контексте устойчивого развития территорий и сохранения национальной идентичности особую значимость приобретает баланс между хозяйственным освоением и охраной исторического достояния. Как отмечал В. В. Путин, «культурное наследие — это не просто памятники, это живая ткань нашей истории, которую мы обязаны сохранить для будущих поколений»[1]. Динамика градостроительной деятельности, по данным Росстата на 2024 год, демонстрирует рост ввода жилья на исторически освоенных территориях на 15% по сравнению с предыдущим периодом[2], что объективно усиливает прессинг на культурный ландшафт и актуализирует вопросы правовой защиты наследия. Это давление усугубляется тем, что, по оценкам экспертов, до 30% вновь выявляемых объектов археологического наследия обнаруживается именно в ходе активных строительных работ, что ведет к остановке проектов, судебным разбирательствам и значительным убыткам, подчеркивая необходимость совершенствования превентивных механизмов археологического обследования территорий.[3] В этой связи, режим земель, на которых расположены объекты культурного наследия (далее — ОКН), и их охранных зон формирует критически важный правовой механизм, от эффективности которого зависит физическая сохранность памятников и исторической среды в целом. Указанная проблематика находится на стыке публичных интересов государства в сохранении исторической памяти и частных интересов собственников и пользователей земельных участков, чьи права могут быть существенно ограничены введением особых правовых режимов. Поиск справедливого баланса между этими конституционно защищаемыми ценностями представляет собой одну из сложнейших задач современного земельного и градостроительного права.

---

[1]Путин В. В. Выступление на заседании Совета по культуре и искусству (г. Санкт-Петербург, 21 декабря 2019 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59416 (дата обращения: 26.01.2026).

[2] Росстат. Строительство в России. 2024: стат. сб. М.: Росстат, 2024. 199 с. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13227 (дата обращения: 26.01.2026).

[3] Отчет по результатам экспертно-аналитического мероприятия «Аудит эффективности использования бюджетных средств, направленных на сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в 2019–2021 годах». 2022. № 1. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/38e/ihw9ltemrfyb1p7n0ad1nyboejqfxlwu.docx (дата обращения: 26.01.2026).

Исследование правового режима указанных земель затрагивает комплекс отношений по установлению, изменению и практической реализации особых условий землепользования и градостроительной деятельности, направленных на сохранение ОКН и их территориального контекста. Тематика охватывает анализ взаимодействия норм земельного, градостроительного и культурно-охранительного законодательства, формирующего специфические ограничения (обременения) для правообладателей земельных участков.

Центральным вопросом является определение содержания этого режима, включающего целевое назначение, виды разрешенного использования и совокупность правоограничений, а также обеспечение его соблюдения в процессе планирования территориального развития и осуществления хозяйственной деятельности. Правовой режим земель под ОКН и в их охранных зонах выступает основным инструментом, с помощью которого государство обеспечивает материальную основу для сохранения памятников истории и культуры, интегрируя требования по охране в процесс современного землепользования и застройки. Без четкого и эффективно работающего режима любые усилия по консервации и реставрации отдельных объектов могут быть нивелированы негативным воздействием окружающей застройки или хозяйственной деятельности.

Основу регулирования составляет Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ), который в статье 99 относит земли, занятые ОКН, а также земли в границах охранных зон, к категории земель историко—культурного назначения.[1] Данная категория подразумевает особый целевой режим использования — обеспечение сохранности ОКН. Однако ЗК РФ лишь задает общий вектор, делегируя детальное регулирование специальному законодательству. Таким специальным актом является Федеральный закон от 25 июня 2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»[2] (далее — Федеральный закон от 25 июня 2002 № 73). Он выполняет ключевую роль, вводя основные понятия и правовые конструкции:

зоны охраны ОКН определяются как зоны с особыми условиями использования территорий (далее — ЗОУИТ), устанавливаемые для обеспечения сохранности объекта в его исторической среде;

[1]Белов С. А. Правовая природа зон охраны объектов культурного наследия // Вестник национального исследовательского института культурного наследия. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-zon-ohrany-obektov-kulturnogo-naslediya (дата обращения: 26.01.2026).

[2]Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519.

закон закрепляет трехуровневую систему зон: охранная зона (непосредственный контакт), зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта. Цель — не только физическая защита, но и сохранение композиционных, видовых связей и исторического контекста. При этом в правоприменительной практике возникает сложность с определением границ зоны охраняемого природного ландшафта для объектов, расположенных в исторических городах, где первоначальный ландшафт полностью преобразован;

вводится абсолютный запрет на любую деятельность, нарушающую сохранность ОКН или ухудшающую условия его восприятия (ст. 34.1)[1]. В судебных спорах, например, при рассмотрении дел о строительстве высотных зданий в охранных зонах, ключевую роль играет не только экспертное заключение государственного органа охраны, но и заключение специально привлекаемых специалистов в области истории, архитектуры и градостроительства, что может приводить к противоречивым решениям[2].

Принципиально важным является уточнение, введенное Федеральным законом от 25 июня 2002 № 73, о том, что территория объекта культурного наследия — это территория, непосредственно занятая объектом и/или связанная с ним исторически и функционально. Границы этой территории могут не совпадать с границами зарегистрированных земельных участков, а на ней могут находиться земли, не прошедшие кадастровый учет. Это создает сложную правовую конструкцию, где режим охраны распространяется на реальную историческую территорию, а не только на формальные кадастровые границы.

Детализация правового режима охранных зон объектов культурного наследия осуществляется ключевым подзаконным актом — Положением о зонах охраны объектов культурного наследия, утвержденным постановлением Правительства РФ от 12 сентября 2015 № 972.[3] Данный документ служит основным механизмом реализации норм Федерального закона от 25 июня 2002 № 73 и конкретизирует положения ЗК РФ о землях историко-культурного назначения. Положение детально регламентирует виды охранных зон, порядок их установления и конкретные требования к режиму использования земель и градостроительным регламентам, формируя операционный инструмент для сохранения исторической среды.

---

[1]Там же.

[2]Комментарий к Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2023. URL: https://www.jusinf.ru/catalog/cid26/ (дата обращения: 26.01.2026).

[3]Постановление Правительства Российской Федерации от 12.09.2015 № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» //Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. URL: http://government.ru/docs/all/103423/ (дата обращения: 26.01.2026).

Приоритет охранного режима над формальным видом разрешенного использования. Яркой иллюстрацией абсолютного приоритета требований сохранения ОКН является кассационное определение Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) по делу жителя Севастополя, который намеревался построить дачный дом на участке с видом разрешенного использования «для индивидуального дачного строительства». Участок находился в границах достопримечательного места «Древний город Херсонес Таврический». Несмотря на формально разрешенный вид использования, ВС РФ запретил строительство, указав, что земельный участок входит в границы территории ОКН и относится к землям историко-культурного назначения. Суд подчеркнул, что вид разрешенного использования земельного участка должен выбираться из числа тех, что предусмотрены градостроительным регламентом для данной территориальной зоны с учетом охранного режима. Поскольку для этой части территории Херсонеса допускались лишь виды использования, связанные с «обеспечением обороны», «отдыхом (рекреацией)», «культурным развитием», а «ведение дачного хозяйства» исключалось, в удовлетворении требований заявителю было отказано[1]. Это решение наглядно демонстрирует, что записи в Единый государственный реестр недвижимости (далее — ФЗ ЕГРН) о виде разрешенного использования, установленные без учета охранных ограничений, не имеют юридической силы в противоречии с режимом ОКН. Как отмечает старший юрист Марина Игоревна Преображенская, отсутствие сведений о границах зон охраны в ЕГРН не освобождает от обязанности соблюдать установленный для них режим.[2]

Другим комплексным вопросом является процедура установления границ территории ОКН и их последующего оспаривания. Знаковым является дело по иску АО «Газпромнефть Восточно-Европейские проекты» о признании недействующим приказа Минкультуры России, включившего в реестр и утвердившего границы объекта археологического наследия «Ниеншанц» в Санкт-Петербурге. Компания — собственник земельного участка указывала, что границы утверждены произвольно, без достаточной научной обоснованности, и препятствуют реализации ее строительного проекта. Данное дело высвечивает глубокий конфликт между экономическими интересами

[1]Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2022 № 117-КАД21-18-К4 по делу № 2а-715/2021. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09022022-n-117-kad21-18-k4/ (дата обращения: 25.03.2026).

[2]Преображенская М. И. ВС не допустил строительство дачи на участке в границах территории объекта культурного наследия // Адвокатская газета. 2022. 11 марта. URL: https://www.vegaslex.ru/mobile/analytics/publications/marina_preobrazhenskaya_dlya_advokatskoy_gazety_vs_ne_dopustil_stroitelstvo_dachi_na_uchastke_v_gran (дата обращения: 26.01.2026).

застройщика и публичным интересом в сохранении наследия, а также проблему качества и объективности государственной историко-культурной экспертизы (далее — ГИКЭ), на основании которой принимаются такие решения. Хотя в данном конкретном случае ВС РФ не удовлетворил требования компании, сам факт масштабного судебного спора подчеркивает необходимость максимальной прозрачности, научной обоснованности и четкой процедуры установления границ, чтобы минимизировать риски их последующего обжалования и правовой неопределенности[1].

Вопросы экономического стимулирования и справедливой платы за пользование землями историко-культурного назначения также находят отражение в практике ВС РФ. В 2024 году суд рассмотрел спор о расчете арендной платы за земельный участок под зданием-памятником на Мясницкой улице в Москве. Арендатор настаивал на применении льготной ставки 0,01 % от кадастровой стоимости, которая установлена для особо охраняемых территорий. Однако ВС РФ указал, что льготная ставка применяется при осуществлении деятельности, соответствующей целям охраны (например, музейной, научной), а не любой деятельности в границах охранной зоны. Поскольку компания использовала памятник для размещения офисов, кафе и торговых площадок, то есть в коммерческих целях, был правомерен расчет по обычной ставке (1,5 %). Суд отметил, что иное толкование создало бы необоснованные экономические преимущества для коммерческих пользователей памятников и нарушило бы принцип экономической обоснованности платы за землю[2]. Таким образом, ВС РФ проводит четкую грань между самим фактом наличия охранных ограничений (которые являются обременением) и характером использования объекта, который определяет экономические условия землепользования.

Таким образом, формально в России создана многоуровневая система правового регулирования, призванная обеспечить сохранение наследия через установление правовых ограничений на использование земель. Несмотря на развитую нормативную базу и последовательную позицию высших судов, защищающих приоритет охранного режима, правоприменительная практика на местах выявляет ряд системных проблем, снижающих эффективность охраны.

Во-первых, существует хроническая проблема несвоевременного и неполного установления границ зон охраны на местности и внесения сведений о них в ЕГРН. Анализ правоприменительной практики позволяет прийти к выводу, что аналогичные проблемы возникают и в сфере охраны особо

[1]Решение Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2020 № АКПИ20-297 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06082020-n-akpi20-297 (дата обращения: 26.01.2026).

[2]ВС посчитал плату за землю под объектами культурного наследия // Право.ру. 2024. 30 дек. URL: https://pravo.ru/news/260183 (дата обращения: 26.01.2026).

охраняемых природных территорий (далее — ООПТ), где отмечается привлечение к административной ответственности лиц, нарушивших режим функционирования ООПТ в переходный период — с момента его создания до утверждения положения об ООПТ и постановки на кадастровый учет входящих в его границы земельных участков[1]. Это приводит к правовой неопределенности, когда правообладатель, добросовестно приобретая участок, может не знать об обременениях, что впоследствии становится причиной судебных споров и блокировки проектов. Как показано в деле о Херсонесе, даже при отсутствии актуальных сведений в ЕГРН ответственность за нарушение режима с правообладателя не снимается[2]. Земельный кадастр, как систематизированная база данных о земельных участках, их владельцах, границах и целевом назначении, играет ключевую роль в обеспечении прозрачности и актуальности информации о земельном фонде, включая земли историко-культурного назначения[3]. Его значение заключается в предотвращении споров, связанных с оборотом земель, и поддержании достоверности данных через регулярные обновления и использование геоинформационных систем. Однако, как отмечают эксперты, проблемы с актуализацией информации (изменение владельцев, целевого назначения) особенно остры для больших территорий, где ограничены ресурсы для внесения изменений, что усугубляет несогласованность между правовым статусом зон охраны ОКН и записями в ЕГРН[4].

Во-вторых, как указывает О.И. Крассов, нормы о согласовании градостроительной документации и выдаче разрешений на строительство с органами охраны памятников носят зачастую формальный характер, а контроль за их исполнением ослаблен, что позволяет на практике осуществлять деятельность, негативно влияющую на объекты наследия[5]. Усилению контроля могло бы способствовать сквозное информационное взаимодействие между органами Росреестра, органами охраны ОКН и органами архитектуры, а также автоматизация процедур проверки.

---

[1]Рыбаев Н. Ю., Кузьмина М. В. Правовые особенности охраны особо охраняемых природных территорий // Наука через призму времени. 2022. № 7 (64). URL: https://naupri.ru/journal/3333.php (дата обращения: 26.01.2026).

[2]Преображенская М.И. ВС не допустил строительство дачи на участке в границах территории объекта культурного наследия // Адвокатская газета. 2022. 11 марта. URL: https://www.vegaslex.ru/mobile/analytics/publications/marina_preobrazhenskaya_dlya_advokatskoy_gazety_vs_ne_dopustil_stroitelstvo_dachi_na_uchastke_v_gran (дата обращения: 26.01.2026).

[3]Новоточинова Е. А., Кузьмина М. В. Земельный кадастр: значение и роль в правовом регулировании // Научный Лидер. 2025. №2 (203). URL: https://scilead.ru/article/7786-zemelnij-kadastr-znachenie-i-rol-v-pravovom-r (дата обращения: 06.01.2026).

[4]Гавря Е. Н., Головина Е. М. Современные проблемы геодезического обеспечения кадастра недвижимости урбанизированных территорий // Инновационная деятельность: теория и практика. 2020. № 9 (5). С. 29.

[5]Крассов О. И. Земельное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2022. С. 438.

В-третьих, механизм компенсации убытков, понесенных правообладателями из—за введения охранных ограничений, регулируется фрагментарно. Статья 57 ЗК РФ предусматривает возмещение убытков при ограничении прав на землю, однако процедура их расчета и выплаты применительно к зонам охраны ОКН не детализирована, что на практике приводит к редкому применению данной нормы и нарушает принцип справедливого баланса публичных и частных интересов. Как справедливо отмечает А. П. Анисимов, отношения между собственниками (пользователями) земельных участков в охранных зонах и публичной властью зачастую характеризуются конфликтностью, вызванной неопределенностью содержания и границ введенных ограничений[1]. Отсутствие понятного механизма компенсации эту конфликтность усугубляет.

В-четвертых, требует унификации судебная практика по вопросам применения градостроительных регламентов в охранных зонах. Как видно из обзора судебной практики, даже высшие судебные инстанции могут по-разному оценивать допустимость вспомогательных видов использования[2]. В условиях особого правового режима ОКН необходим более жесткий и единообразный подход к толкованию градостроительных норм.

Таким образом, ключевая проблема заключается в декларативности и несистемности реализации установленного режима, ведущей к его «размыванию» в процессе активного городского развития. Законодателю необходимо уделить пристальное внимание совершенствованию процедур установления и регистрации зон охраны, ужесточить ответственность за их нарушение при согласовании строительства, а также детально урегулировать на федеральном уровне вопросы возмещения собственникам убытков, причиненных правомерными ограничениями.

Правовой режим земель под объектами культурного наследия и их охранных зон представляет собой сложный межотраслевой институт, направленный на обеспечение физической сохранности памятников истории и культуры и их исторического окружения. Несмотря на детальную законодательную регламентацию и принципиальную позицию ВС РФ, отстаивающего приоритет охранных требований, в правоприменительной практике сохраняется ряд системных дисфункций.

Наиболее острыми проблемами остаются:

разрыв между юридически установленными границами зон охраны и их отражением в ЕГРН, порождающий правовую неопределенность — дан-

[1]Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А.П. Анисимов и др.; под общ. ред. А. П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. С.232.

[2]Обзор судебной практики по спорам, связанным с землепользованием // Сайт юридической фирмы PGPLaw. URL: https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/ecology-digest/ecology-digest-09-01-24 (дата обращения: 26.01.2026).

ная проблема представляет собой фундаментальный разлад в системе земельного учета, где границы охранных зон (включая непосредственные охранные зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта) формально утверждаются на основе ГИКЭ и нормативных актов, но не оперативно фиксируются в ЕГРН. В результате собственники или приобретатели земельных участков сталкиваются с ситуацией, когда участок кажется «чистым» по кадастровым данным, но на деле обременен строгими ограничениями, запрещающими строительство или хозяйственную деятельность, что нарушает принцип прозрачности земельных отношений и приводит к системной неопределенности в правоприменении;

недостаточная эффективность административного контроля за соблюдением режима в процессе градостроительной деятельности — дисфункция проявляется в том, что механизмы контроля, предусмотренные законодательством, на практике остаются формальными и неэффективными, позволяя обходить ограничения через поверхностные согласования и слабый мониторинг. В итоге, вместо превентивной защиты исторической среды, контроль реагирует в момент, когда ущерб уже нанесен;

отсутствие работоспособного механизма компенсации убытков собственникам, что нарушает баланс публичных и частных интересов и провоцирует социальную напряженность — недостаток механизма проявляется в неопределенности: собственники, чьи участки попадают в зоны, теряют возможность полноценного использования (запрет на строительство, изменение вида использования), но без четкой процедуры оценки убытков (на основе рыночной стоимости, упущенной выгоды или затрат на адаптацию) компенсации выплачиваются редко и в минимальном объеме. Это усугубляется тем, что ограничения вводятся в публичных интересах (сохранение наследия), но без экономического стимулирования для частных владельцев, что приводит к конфликтам: собственники либо игнорируют режим, либо инициируют суды.

Целесообразно внести изменения в Федеральный закон от 25 июня 2002 №73, установив четкие сроки и ответственность за внесение сведений о зонах в ЕГРН, а также приняв специальный подзаконный акт, регламентирующий методику оценки и порядок выплаты компенсаций. Параллельно необходимо добиваться единообразия судебной практики и усиления превентивных мер, таких как обязательное археологическое обследование территорий перед их освоением. Это будет способствовать не только повышению эффективности охраны наследия, но и снижению числа земельных споров, созданию предсказуемых и справедливых условий для инвестиционной деятельности в исторической среде.

Научная статья
УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕМА ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Георгий Анатольевич ГОРШКОВ[1], Михаил Вадимович КИРЬЯНОВ[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] eingutermenn@gmail.com
[2] ouroboros.stp@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminvlavrov@yandex.ru

Аннотация. Авторами в статье рассмотрены и проанализированы правоприменительные проблемы, связанные с определением объёма вреда, причинённого окружающей среде. Авторами также предпринята попытка предложить пути их решения. Основной фокус в работе сделан на способе определения объема вреда, причинённого окружающей среде на базе такс и методик, который авторы предлагают наименовать «императивным».

Ключевые слова: Экологические правонарушения, вред, причинённый окружающей среде, определение объёма вреда, имущественная ответственность в экологическом праве

Правовая охрана окружающей среды, несомненно, одна из важнейших функций экологического права Российской Федерации, а юридическая ответственность за экологические правонарушения один из важнейших институтов, обеспечивающих её реализацию. Это особенно важно, учитывая статистику нарушений экологического законодательства. Согласно данным, представленным аналитическим обзором, выполненным Антоняном Е. О., и Афанасьевым О. Р.[1], экологическая преступность в РФ латентна, а как следствие, официальная статистика не даёт полного понимания ситуации вокруг данного явления, что было подтверждено исполнителями в заключении. Таким образом, авторы приходят к выводу, что статистика, касающаяся экологических правонарушений, ввиду общей трудноизмеримости данного

[1] Антонян Е. О., Афанасьев О. Р. «Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года». Аналитический обзор. С. 17.

явления в целом, не способна дать необходимых исследователям данных, поэтому в данной статье авторы сосредоточатся на правоприменительной практике, касающейся определения объема вреда, причинённого экологическими правонарушениями, путём такс и методик.

На данный момент в Российской Федерации за нарушения экологического законодательства предусмотрено 4 вида юридической ответственности: уголовная, административная, дисциплинарная и имущественная. Именно последней и посвящено данное исследование. Стоит заметить, что имущественная ответственность за нарушения экологического законодательства основывается на вреде, причинённом окружающей среде, а не на виде правонарушения. То есть, имущественная ответственность может быть предусмотрена как за преступления, так и за проступки, если в результате их совершения был причинён вред окружающей среде.

В рамках экологического права имущественная ответственность за вред, причинённый экологическими правонарушениями, предусмотрена, в частности, следующими нормами: ст. 57 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[1], ст. 77, 78, 79 ФЗ «Об охране окружающей среды»[2], ст. 32 ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»[3], ст. 76 Земельного Кодекса Российской Федерации[4] и т. д. Согласно п. 1 ст. 77 ФЗ «Об охране окружающей среды» субъектами имущественной ответственности за вред, причинённый окружающей среде, являются физические и юридические лица. Исходя из того факта, что основанием привлечения к имущественной ответственности за экологические правонарушения является причинение вреда окружающей среде, то наиболее важным элементом данного института авторы считают определение объёма причиненного вреда. П. 3 Ст. 77 ФЗ «Об охране окружающей среды» законодателем предусмотрено два способа измерения объема вреда, причинённого окружающей среде: во-первых, в соответствии с таксами[5] и методиками, во-вторых, при отсутствии такс и методик, исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды. Авторами предлагается назвать данные способы «императивным» и «диспозитивным» соответственно. Исходя из

[1] Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "Об охране окружающей среды" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об охране атмосферного воздуха» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См. например: Постановление Правительства РФ от 03.11.2018 № 1321 (ред. от 08.09.2023) «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положений ранее упомянутой нормы можно сделать вывод, что законодателем предусмотрен примат императивного способа определения объема вреда над диспозитивным способом. Подобный подход законодателя вполне очевиден, учитывая тот факт, что именно государственные стандарты являются основной меркой состояния окружающей среды, что закреплено, к примеру, в ст. 4.1 ФЗ «Об охране окружающей среды». Тем не менее, даже смещение приоритета определения объема вреда на императивный не избавляет правоприменение от возникающих при попытке привлечения правонарушителя к имущественной ответственности.

Авторы выделяют следующие проблемы, возникающие при определении объёма вреда, причинённого окружающей среде: во-первых, высокая сложность прогнозирования потенциального влияния вреда, причинённого правонарушением на окружающую среду, во-вторых, сложность применения методик определения вреда. Авторы хотят обратить внимание, что это, очевидно, не единственные проблемы столь важного института как определение объема вреда, причинённого окружающей среде в результате правонарушения, однако, в рамках данной статьи будут рассмотрены только ранее упомянутые проблемы.

Окружающая среда, законодателем отождествляемая с природой и её компонентами, что ясно, исходя из смысла ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды», для человеческого понимания крайне сложна, что влияет на деятельность не только ученых, но и юристов. По сей день экологи модернизируют прогностическую функцию своей науки, находя всё новые и новые закономерности, но говорить о «полном понимании будущего» еще очень рано, что в свою очередь негативно сказывается на правоприменении. Несмотря на проведение экспертиз, суды определяют вред, нанесённый окружающей среде, не в полном объёме. В данном случае, авторы имеют в виду не столько вред, последствия которого ясны в ближайшем будущем, сколько подразумевают вред «в долгосрочной перспективе». В качестве примера ограниченности определения вреда окружающей среде во времени, стоит обратить внимание на решение Арбитражного суда Саратовской области[1] по делу ООО «Производственный комплекс № 5», г. Саратов. В результате деятельности ответчика, принадлежащему ему участку был нанесён колоссальный вред. Согласно Экспертному заключению филиала «ЦЛАТИ по Самарской области» ФГБУ «ЦЛАТИ по ПФО» в отобранных пробах почв с земельного участка ООО «Производственный комплекс № 5» установлен факт превышения в разы (превышения составляют от 1,2 до 245 раз) допустимого уровня загрязняющих веществ: цинк, марганец, нефтепро-

[1] Решение Арбитражного суда Саратовской области от 7 марта 2025 г. по делу № А57-12908/2024 // https://sudact.ru/arbitral/doc/tUiYNHB6TVmr/ (дата обращения: 26.03.2026).

дукты. При исчислении вреда суд опирался на нормы, установленные методикой исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды[1]. И здесь авторы приходят к следующему выводу: сама научная природа данной правовой проблемы не позволяет ее решить в плоскости юриспруденции. Чем более развита прогностическая функция экологии, тем наиболее полно правоприменитель сможет определить вред, нанесённый окружающей среде, в долгосрочной перспективе, а законодатель, какие бы усилия не применял, не сможет на это повлиять. Таким образом, авторы считают уместным рассматривать проблему неполного исчисления объема вреда «в долгосрочной перспективе» естественной для данного института, исходя из его научной природы.

Сама суть императивного регулирования исчисления объема вреда, причинённого окружающей среде правонарушением, подразумевает упрощение данного процесса для правоприменителя. И это, можно утверждать, действенный механизм без которого правовая охрана окружающей среды путём привлечения к имущественной ответственности была бы крайне затруднена, ввиду сложности объекта правового регулирования, а именно — окружающей среды. По этой причине авторы считают императивный метод определения объёма вреда приоритетным в экологическом праве. Однако, из-за важности данного метода исчисления объема вреда растёт и количество видов вреда, урегулированных методиками, а как следствие, методиками охватываются и наиболее комплексные виды вреда, объем которых не может быть определён «простыми методами». Под «простыми методами» авторы подразумевают методы, понятные правоприменителю, не обладающему профильным экологическим образованием. В качестве примера стоит привести приложение 4 к методике исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, в частности, данную формулу: $УЩ_{загр} = СЗ \times S \times K_г \times K_{исп} \times T_х$, в которой можно обнаружить 5 переменных, очевидно, незнакомых юристу. Всё это на практике выливается в ошибки технического характера, приводящую к пересмотру судебных решений, а как следствие и росту нагрузки на суды. Авторы предлагают следующий выход из ситуации: во-первых, аналогично с ювенальной юстицией в уголовном процессе, ввести необходимую для судей квалификацию для ведения дел, связанных с исчислением объема вреда окружающей среде, во-вторых, ввести в системе высшего юридического образования Российской Федерации специальные курсы, нацеленные на формирование у студентов понимания механизма определения вреда, причинённого окружающей среде.

[1] Приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 (ред. от 18.11.2021) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.09.2010 № 18364) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В заключение авторам хотелось бы отметить, что институт определения объема вреда, нанесённого окружающей среде в результате правонарушений, является важнейшим основанием для привлечения к имущественной ответственности в рамках экологического права, а как следствие, и крайне важным институтом правовой защиты окружающей среды в целом. По этой причине проблемы, связанные с данным институтом, существенно влияют на экологическую юстицию в Российской Федерации, что порождает особо острую потребность современного российского природоохранного законодательства к их исправлению.

Научная статья
УДК 349.6

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ В ПРИНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ

Тарас Михайлович ГРУБИЧ[1], Максим Сергеевич МИШИН[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] princ3ang@icloud.com
[2] grubich777@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции, **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правового института общественной экологической экспертизы как формы гражданского участия в принятии экологически значимых решений. Рассматриваются нормативные основания, процедурные ограничения и практика реализации общественной экологической экспертизы в Российской Федерации. Выявляются системные барьеры, снижающие эффективность данного института: рекомендательный характер заключения, ограничения по кругу инициаторов, финансирование, сроки проведения и зависимость от государственной экологической экспертизы. На основе анализа судебной практики и экологических конфликтов предлагаются направления совершенствования законодательства, направленные на повышение роли общественной экологической экспертизы в механизме общественного контроля.

Ключевые слова: общественная экологическая экспертиза, гражданское участие, экологически значимые решения, государственная экологическая экспертиза, общественный контроль, экологические конфликты, оценка воздействия на окружающую среду, судебная практика, правовое регулирование, рекомендательный характер заключения

Общественная экологическая экспертиза — один из видов экологической экспертизы в Российской Федерации, правовое регулирование которой осуществляется на основании Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» и Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[1], и призвана служить механизмом общественного контроля за принятием экологически значимых решений — от выбора площадки под строительство до оценки воздействия на окружающую среду крупных инфраструктурных и промышленных объектов[2].

Экологическая экспертиза является специфическим институтом государственного управления охраной окружающей среды и использованием природных ресурсов, позволяющим с учетом общественного мнения предотвратить антропогенное воздействие на окружающую природную среду на стадии планирования хозяйственной и иной деятельности, что отвечает демократическому устройству и рыночной экономике современной России[3].

Реальная роль общественной экологической экспертизы в российской правовой системе остается предметом острых дискуссий. С одной стороны, законодательство предоставляет гражданам и общественным объединениям формальное право на проведение такой экспертизы, а также наделяет ее заключения юридической силой рекомендательного характера[4]. С другой — сложившийся правоприменительный порядок, включая требования к инициаторам, сжатые сроки проведения и отсутствие обязательности учета выводов экспертизы для органов власти и заказчиков, существенно ограничивает ее влияние на управленческие решения.

Проблематика общественной экологической экспертизы приобретает особую остроту в контексте так называемых «экологических конфликтов»

[1]Залов А. Г. Общественная экологическая экспертиза. Проблемы практики и пути совершенствования // Закон и право. 2021. №5. С. 94.

[2]Постановление Правительства РФ от 28.11.2024 № 1644 (с изм. от 15.11.2025) «О порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду» (вместе с «Правилами проведения оценки воздействия на окружающую среду») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Орловская И. В. Проблемы обеспечения законности при выявлении нарушений законодательства об общественной экологической экспертизе // Отечественная юриспруденция. 2018. №4 (29). С. 68.

[4]Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— ситуаций, когда решение о размещении объекта вызывает широкий общественный резонанс, а формальные процедуры оценки воздействия на окружающую среду и государственной экологической экспертизы воспринимаются населением как недостаточно прозрачные[1]. В таких условиях общественная экспертиза нередко становится не столько альтернативным экспертным инструментом, сколько формой политического и правового сопротивления, эффективность которой зависит не столько от качества подготовленного заключения, сколько от способности общественности отстаивать свою позицию в судах и органах власти.

История показывает, что в России раннее законодательно не закреплялось право общественности участвовать в экологическом регулировании вопросов государственного и регионального значения[2]. До сентября 2024 года законодательство не содержало легального определения общественной экологической экспертизы (ОЭЭ), что создавало правовую неопределенность[3]. С 1 сентября 2024 года вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 08.08.2024 № 232-ФЗ, которые закрепили определение ОЭЭ в ст. 20 Федерального закона «Об экологической экспертизе». Федеральный закон «Об экологической экспертизе» (ст. 20) определяет общественную экологическую экспертизу как установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, требованиям в области охраны окружающей среды в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду.

Общественная экологическая экспертиза занимает пограничное положение между двумя правовыми институтами. С одной стороны, она встроена в механизм экологической экспертизы (гл. IV Закона «Об экологической экспертизе»), что предполагает экспертную функцию — квалифицированную оценку документов специалистами. С другой стороны, она выступает формой гражданского участия, поскольку инициируется не органами власти, а гражданами и их объединениями, а ее заключение не обладает императивной силой.

В отличие от общественных слушаний, где граждане выступают в роли «реагирующей стороны», ОЭЭ предполагает активную экспертную позицию: общественность самостоятельно формирует экспертный совет, проводит анализ документации и дает аргументированное заключение. В отличие

---

[1]Шарно О. И. Оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза как инструменты предотвращения экологического вреда: некоторые суждения и предложения // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 2 (8). С. 91.

[2]Богачева С. В. Общественная экологическая экспертиза. Проблемы практики и пути совершенствования // Вестник науки. 2024. №12 (81). С. 463.

[3]Информация Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. «Без вреда природе: что такое экологическая экспертиза и как изменилось законодательство в этой сфере» // СПС «Гарант».

от общественного экологического контроля, объектом общественной экологической экспертизы выступает не фактическая деятельность, а проектная документация на стадии принятия решения.

Законодатель предъявляет к заключению общественной экспертизе те же требования по составу и содержанию, что и к заключению государственной, однако не наделяет его соответствующей юридической силой[1]. Возникает парадокс: экспертная работа одинакового качества и объема влечет принципиально разные правовые последствия в зависимости от того, кем проведена экспертиза — государственным органом или общественным объединением. Это порождает теоретический вопрос о природе экспертной деятельности: является ли экспертиза «государственной услугой» или же объективным знанием, ценность которого не зависит от статуса исполнителя.

Теоретическая конструкция общественной экологической экспертизы, закрепленная в Федеральном законе «Об экологической экспертизе», на практике сталкивается с рядом системных препятствий, которые существенно снижают ее эффективность как инструмента гражданского участия. Анализ судебной практики и конкретных экологических конфликтов позволяет выявить ключевые проблемы, с которыми сталкиваются инициаторы экспертизы.

Проведение общественной экологической экспертизы невозможно без доступа к проектной документации, подлежащей оценке. Однако практика показывает, что заказчики нередко отказывают общественным организациям в предоставлении материалов, ссылаясь на коммерческую тайну или иные ограничения.

В качестве показательного примера можно привести решение Арбитражного суда Забайкальского края от 28 февраля 2024 г. по делу № А78-13588/2023, принятое по иску Межрегиональной общественной организации «Экологическая безопасность» к ООО «Разрезуголь». Общественная организация инициировала проведение ОЭЭ в отношении проекта строительства автомобильной дороги «Зашулан-Гыршелун» в Забайкальском крае и запросила проектную документацию. Однако ответчик отказал в ее предоставлении, ссылаясь на коммерческую тайну и на то, что проект уже прошел государственную экологическую экспертизу[2]. Суд, рассматривая данный спор, указал на незаконность такого отказа. В решении подчеркнуто, что общественная экологическая экспертиза не зависит от проведения государственной экологической экспертизы и служит инструментом общественного реагирования на реализацию проектов, которые могут оказать

[1]Федеральный закон "Об экологической экспертизе" от 23.11.1995 № 174-ФЗ// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Четвертый арбитражный апелляционный суд. Проект строительства дороги Зашулан-Гыршелун пройдет общественную экологическую экспертизу. 17.05.2024 в 11:04. URL: https://4aas.arbitr.ru/material/360388 (дата обращения: 01.04.2026).

негативное влияние на состояние окружающей среды. Кроме того, суд отметил, что режим коммерческой тайны не может быть установлен в отношении сведений о загрязнении окружающей среды и факторов, оказывающих негативное воздействие на безопасность населения[1].

Данный пример демонстрирует, что даже формальное право на проведение ОЭЭ может быть заблокировано на этапе доступа к документации, и для его реализации общественным организациям приходится обращаться в суд, что требует дополнительных временных и финансовых затрат.

Даже в тех случаях, когда общественная экологическая экспертиза проведена и ее заключение подготовлено, юридическая сила этого документа остается минимальной. Законодатель предъявляет к заключению ОЭЭ те же требования по составу и содержанию, что и к заключению государственной экологической экспертизы, однако не наделяет его соответствующей обязательностью. Это приводит к ситуации, когда качественно выполненная экспертная работа, основанная на анализе документации и привлечении квалифицированных специалистов, не влечет для заказчика и органов власти обязанности учитывать содержащиеся в нем выводы. Как отмечается в литературе, эффективность ОЭЭ в таких условиях зависит не столько от качества подготовленного заключения, сколько от способности общественности отстаивать свою позицию в судах и органах власти.

Практика показывает, что при отсутствии механизма принудительного учета заключения ОЭЭ, оно может быть проигнорировано без каких-либо правовых последствий. Это подрывает саму идею общественного участия в принятии экологически значимых решений, превращая ОЭЭ из инструмента независимой экспертной оценки в форму правового и политического сопротивления.

Вместе с тем, существуют примеры, когда проведение общественной экологической экспертизы в сочетании с активной гражданской позицией позволяло добиться изменения или отмены экологически опасных проектов.

Одним из наиболее показательных является конфликт вокруг благоустройства набережной Москвы-реки в районе Строгино. В 2020 году был объявлен конкурс по благоустройству территории, включающий строительство моста через Москву-реку. Однако в конкурсной документации не был указан статус проектируемой территории как особо охраняемой природной территории (ООПТ) — части природно-исторического парка «Москворецкий»[2].

---

[1] Там же.

[2] Андросенко О. Е. Всегда ли благоустройство полезно? / Качество жизни / ЭКОУРБАНИСТ. 16.03.2023. URL: https://ecourbanist.ru/ecology-health/vsegda-li-blagoustrojstvo-polezno/ (дата обращения: 01.04.2026).

Жители района, узнав об этом, организовали сбор подписей против масштабного благоустройства. Экспертами была проведена оценка конкурсной документации, выявившая многочисленные недостатки: отсутствие анализа рекреационной нагрузки, неучет конфигурации территории, недостоверные данные о ширине объекта проектирования, отсутствие сведений о краснокнижных видах флоры и фауны[1].

В результате активности жителей было собрано более 11 тысяч подписей (более 12 % от числа жителей района). По итогам взаимодействия с органами власти и организаторами конкурса техническое задание было пересмотрено, а строительство моста исключено из предложений по развитию территории[2].

Данный пример показывает, что успех ОЭЭ определяется не столько ее формальным статусом, сколько комплексом факторов: качеством экспертной работы, способностью общественности к самоорганизации, готовностью органов власти к диалогу, а также наличием судебной перспективы в случае игнорирования выводов экспертизы.

Анализ практики позволяет систематизировать основные правовые барьеры, препятствующие реализации ОЭЭ как полноценного института гражданского участия.

Федеральный закон «Об экологической экспертизе» требует, чтобы ОЭЭ проводилась только общественными объединениями, зарегистрированными в установленном порядке[3]. Это исключает возможность проведения экспертизы инициативной группой граждан или неформальным объединением, которые часто являются первыми, кто сталкивается с экологической угрозой.

Общественная экологическая экспертиза проводится за счет средств инициирующего ее общественного объединения. В условиях, когда объект экспертизы может быть крупным промышленным проектом, стоимость привлечения квалифицированных экспертов оказывается непосильной для большинства общественных организаций. Это создает неравенство между «бюджетом заказчика» и «бюджетом общественности».

Общественная экологическая экспертиза может проводиться только в отношении тех объектов, которые подлежат государственной экологической экспертизе. Если проект не требует прохождения ГЭЭ, ОЭЭ формально невозможна, что связывает руки общественности в тех случаях, когда объект не попадает под ГЭЭ, но имеет значительный экологический риск.

---

[1]Там же.

[2]Постановление Правительства Москвы «О внесении изменений в правовые акты города Москвы» от 19 ноября 2020 г. № 2013-ПП // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Федеральный закон "Об экологической экспертизе" от 23.11.1995 № 174-ФЗ// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Общественная экологическая экспертиза должна быть проведена до проведения ГЭЭ или одновременно с ней. При этом сроки общественного информирования часто сжаты, а реальные возможности для качественной экспертной работы ограничены.

Проведенный анализ теоретических основ и практики реализации общественной экологической экспертизы позволяет предложить следующие направления совершенствования законодательства:

повышение статуса заключения ОЭЭ. Предлагается установить обязанность органов власти и заказчиков мотивированно отвечать на замечания, содержащиеся в заключении ОЭЭ, с возможностью судебного обжалования отказа в учете. Это позволило бы придать заключению ОЭЭ реальное правовое значение, сохранив при его рекомендательном характере механизм контроля за его учетом;

расширение круга инициаторов. Целесообразно разрешить проведение ОЭЭ инициативными группами граждан, а не только зарегистрированными общественными объединениями. Это соответствует конституционному принципу равенства прав граждан и учитывает реальную практику возникновения экологических конфликтов;

создание механизма компенсации затрат. Необходимо предусмотреть возможность возмещения расходов на проведение ОЭЭ за счет средств заказчика в случае, если заключение ОЭЭ подтвердилось при последующем контроле или в суде. Это обеспечило бы баланс интересов и стимулировало бы заказчиков к учету выводов общественной экспертизы;

усиление связей с ГЭЭ. Предлагается установить, что при наличии заключения ОЭЭ, содержащего аргументированные возражения, проведение ГЭЭ должно быть обязательным, даже если объект формально не подлежит ГЭЭ. Это расширило бы сферу применения ОЭЭ и повысило ее роль в механизме принятия решений;

введение обеспечительной функции. В качестве перспективной меры можно рассматривать наделение заключения ОЭЭ правом приостанавливать принятие решения до рассмотрения возражений в суде или административном порядке. Это позволило бы предотвратить необратимые экологические последствия до того, как вопрос будет рассмотрен по существу.

Общественная экологическая экспертиза представляет собой уникальный правовой институт, призванный обеспечивать гражданское участие в принятии экологически значимых решений. Однако проведенный анализ позволяет констатировать наличие системного разрыва между формальным закреплением этого института и его реальной эффективностью.

Теоретический анализ выявил двойственную природу ОЭЭ, сочетающую признаки экспертной деятельности и формы гражданского участия. Эта двойственность порождает фундаментальное противоречие: законода-

тельство предъявляет к заключению ОЭЭ те же требования, что и к государственной экологической экспертизе, однако не наделяет его соответствующей юридической силой.

Государственная экологическая экспертиза в России представляет собой единственный инструмент экологического контроля предупредительного характера, используемый для оценки соответствия подготовки и реализации хозяйственных проектов требованиям сохранения окружающей среды. На наш взгляд, не требует аргументации утверждение о том, что профилактика того или иного возможного негативного воздействия на окружающую среду, наносящего ущерб природе и человеку, гораздо эффективнее, чем ликвидация соответствующего ущерба. Именно на это и направлены экологические экспертизы, позволяющие до фактической реализации проекта оценить риск возникновения неблагоприятных экологических последствий от осуществления намечаемой деятельности и предложить более экологически приемлемые решения[1].

Практика реализации ОЭЭ демонстрирует, что ключевыми барьерами являются: ограниченный доступ к проектной документации, рекомендательный характер заключения, отсутствие механизма его учета, ограничения по кругу инициаторов, финансирование за счет общественности, зависимость от государственной экологической экспертизы по объекту и срокам.

Успешные примеры использования ОЭЭ, вышеупомянутый пример в Строгино, показывают, что эффективность этого института зависит не столько от правовых гарантий, сколько от способности общественности к самоорганизации, качеству экспертной работы и готовности органов власти к диалогу. Это свидетельствует о том, что существующее правовое регулирование не обеспечивает стабильной и предсказуемой реализации права граждан на участие в принятии экологически значимых решений.

Предложенные направления совершенствования законодательства (повышение статуса заключения, расширение круга инициаторов, создание механизма компенсации затрат, усиление связи с ГЭЭ, введение обеспечительной функции) направлены на устранение выявленных противоречий и превращение общественной экологической экспертизы в реально действующий инструмент общественного контроля.

[1]Бурматова О. П. Экологические экспертизы: возможности, проблемы, решения // Вестник НГУЭУ. 2020. №2. С. 38.

Научная статья
УДК 349.6

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ АМУРСКОЙ БАССЕЙНОВОЙ ПРИРОДООХРАННОЙ ПРОКУРАТУРЫ)

Елизавета Николаевна ДМИТРИЧЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
liza.dmitr04@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminvlavrov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения законности в сфере использования и охраны водных объектов в Российской Федерации. На примере практики Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры анализируются типичные нарушения водного законодательства в Дальневосточном регионе: несанкционированный сброс сточных вод промышленными предприятиями, нарушение режима водоохранных зон, а также наличие затонувшего имущества в морских акваториях как источника хронического загрязнения. Приведено обобщение конкретных примеров прокурорского надзора, демонстрирующие эффективность комплексного подхода, сочетающего меры административного принуждения, гражданско-правовые механизмы возмещения вреда и судебное понуждение компетентных органов к исполнению возложенных обязанностей. Деятельность природоохранной прокуратуры выступает действенным механизмом обеспечения законности и реального восстановления экологического равновесия водных объектов.

Ключевые слова: водные объекты, обеспечение законности, природоохранная прокуратура, Амурская бассейновая природоохранная прокуратура, прокурорский надзор, загрязнение водных объектов, экологический вред

На сегодняшний день среди ключевых экологических проблем всё более актуальными становятся вопросы защиты водных объектов от истощения, загрязнения, засорения, обмеления и других негативных воздействий,

вызванными деятельностью человека. Правовое регулирование использования и охраны водных объектов призвано обеспечивать баланс между экономическими потребностями общества и необходимостью сохранения водных экосистем. Однако, несмотря на наличие развернутой нормативной правовой базы, включающей Водный кодекс РФ, федеральные законы и подзаконные акты, практика правоприменения свидетельствует о сохранении системных проблем: высокая степень загрязнения водных объектов, незаконное водопользование, неэффективность контрольно-надзорных механизмов.

В проекте распоряжения Правительства РФ «Водная стратегия Российской Федерации на период до 2036 года и на дальнейшую перспективу до 2050 года» говорится, что «Российская Федерация принадлежит к числу наиболее обеспеченных водными ресурсами стран мира. В 2024 г. они составили 4445,6 куб. км, превысив среднее многолетнее значение на 5,1 %»[1]. Однако богатство водными ресурсами зачастую порождает бесхозяйственное отношение к их использованию и охране. Результаты экологического мониторинга свидетельствуют о сокращении запасов пресной воды в России на 20 % за последние 10 лет[2]. Например, ежегодный объем сточных вод, выпускаемых в водоемы Российской Федерации, достигает 52 кубических километров, при этом нормативам соответствуют лишь 11 % очищаемых стоков, а 17 % сбрасываются без какой-либо очистки[3].

Морские воды, в свою очередь, также подвергаются загрязнением, изменением химического состава, биологической инвазии и климатическим изменениям, что приводит к созданию больших рисков для экологической безопасности водных объектов. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), разливы нефти составляют значительную часть всех морских загрязнений, и их последствия могут сохраняться в экосистемах на протяжении десятилетий[4]. Нефтяные загрязнения вызывают гибель морских животных, разрушение коралловых рифов, загрязнение прибрежных зон и уменьшают рыболовный потенциал.

Выше сказанное является предупреждением о возможном кардинальном изменении структуры водопотребления, ухудшении доступности и качества воды. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема обеспечения законности в сфере использования и охраны водных объектов.

---

[1]Общественное обсуждение – Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/proekty_pravovykh_aktov/ (дата обращения: 25.03.2026).

[2]Материалы выступления руководителя представительства Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в России Владимир Мошкало на пресс-конференции ТАСС «Вода для жизни. Вода для продовольствия», посвященной Всемирному дню продовольствия, официальный сайт. URL: http:// tass.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

[3]Строгина Н. С. Прокурорская проверка исполнения законодательства об использовании водных объектов // Издательская группа Юрист. 2025. № 4. С. 45.

[4]Бердиева Л. Я. Мировая проблема загрязнения воды: способы очистки морской воды от нефти // Академическая публицистика. 2024. № 11-2. С. 544.

Под обеспечением законности понимается не только деятельность уполномоченных государственных органов по выявлению и пресечению правонарушений, но и создание эффективных организационно-правовых механизмов, гарантирующих неукоснительное соблюдение водного законодательства всеми субъектами Российской Федерации. Одним из таких гарантов обеспечения соблюдения законности в использовании и охране водных объектов выступают специализированные прокуратуры.

Так, если проанализировать региональную специфику, довольно показательной является территория бассейна реки Амур. Именно на этой территории наблюдается довольно большое количество нарушений водного законодательства, связанных с загрязнением водных объектов, зоной накопления бесхозяйных плавсредств, корпуса которых, подвергаясь коррозии, становятся источником хронического загрязнения нефтепродуктами, тяжелыми металлами и иными токсичными веществами. Такая специфика территории (развитая сеть поверхностных водных объектов, крупные промышленные предприятия) предопределяет особую роль органов прокуратуры в надзоре за соблюдением водного законодательства.

Амурская бассейновая природоохранная прокуратура, действующая на основе бассейнового принципа, осуществляет надзор на территории, включающая Амурскую область, Еврейскую автономную область, Забайкальский край, Приморский край и Хабаровский край, которая затрагивает большие водные пространства Российской Федерации[1]. Такая деятельность позволяет выявить устойчивый круг нарушений водного законодательства, характерных для Дальневосточного региона.

В первую очередь, значительное количество нарушений связано с отсутствием очистных сооружений в населенных пунктах. Как показала проверка Владивостокской межрайонной природоохранной прокуратуры, в реку Абрамовка бассейна озера Ханка сбрасываются без очистки сточные воды централизованной системы водоотведения поселка Новошахтинский Михайловского муниципального округа, а в реку Арсеньевка — сточные воды села Анучино Анучинского муниципального округа. Нормативы допустимого воздействия по содержанию взвесей, аммония, фосфатов и других загрязняющих веществ в сточных водах превышены в десятки раз, что подтверждено результатами анализов проб. При этом органы местного самоуправления и гарантирующая организация КГУП «Примтеплоэнерго» надлежащих мер к организации очистки сточных вод не принимали. Владивостокский межрайонный природоохранный прокурор направил в суд иско-

[1]Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 марта 2017 г. № 11-ш «Об образовании Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вые заявления о возложении на муниципалитеты и ресурсоснабжающую организацию в солидарном порядке обязанности устранить нарушения. Исковые заявления были удовлетворены судом[1].

Во-вторых, типичным нарушением является сброс промышленными предприятиями сточных вод в водоемы с превышением предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ. Показательным примером служит прокурорская проверка, проведенная Благовещенской межрайонной природоохранной прокуратурой с привлечением специалистов министерства природных ресурсов, в ходе которой было установлено, что обществом «Тексика» при добыче россыпного золота допущено загрязнение ручья Ясный взвешенными веществами, в связи с чем водному объекту причинен ущерб на сумму 17,3 млн рублей. За допущенные нарушения природоохранный прокурор привлек виновных лиц к административной ответственности по пяти статьям КоАП РФ (ч. 2 ст. 7.3; ч. 4 ст. 8.13; ч. 1 ст. 8.14; ч. 1 ст. 8.31; ч. 1 ст. 8.48), а также обратился в суд с иском о взыскании суммы ущерба, который был удовлетворен[2].

Еще один важный аспект надзорной деятельности Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры распространяется на морские акватории. Особую проблему для морских вод Приморского края представляет затонувшее имущество, в том числе выведенные из эксплуатации суда. Как отмечается в правовой литературе, наличие затонувшего имущества в водном объекте рассматривается судами как потенциальный источник негативного воздействия на окружающую среду[3].

В соответствии с ч. 1 ст. 56 Водного кодекса РФ[4], запрещается сброс в водные объекты и захоронение отходов производства и потребления, включая выведенные из эксплуатации суда и иные плавучие средства (их части и механизмы). Владелец затонувшего судна обязан обеспечить его подъем (п. 1 ст. 47.1 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ[5]).

---

[1]Новости. В Приморском крае по искам природоохранного прокурора суд обязал администрации муниципальных округов и ресурсоснабжающую организацию организовать очистку сточных вод в селе Анучино и посёлке Новошахтинский // Амурская бассейновая природоохранная прокуратура. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/abpp/mass-media/news/regional/e6489276/ (дата обращения: 25.03.2026).

[2]Новости. В Амурской области удовлетворен иск природоохранного прокурора о взыскании с золотодобытчика причиненного водному объекту ущерба в размере 17,3 млн рублей // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e8430657/ (дата обращения: 26.03.2026).

[3]Жаров Е. Суда как затонувшее имущество: оценка экологического вреда и определение ответственности // EcoStandard.journal. 2026. URL: https://journal.ecostandard.ru/eco/praktikum/suda-kak-zatonuvshee-imushchestvo-otsenka-ekologicheskogo-vreda-i-opredelenie-otvetstvennosti/ (дата обращения: 26.03.2026).

[4]Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) ст. 56 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5]Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) ст. 47.1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Судебная практика Дальневосточного округа последовательно исходит из того, что севшее на мель судно «не входит в состав естественных компонентов экологической системы, препятствует ее нормальному функционированию и представляет собой загрязнение водного объекта»[1].

Показательным примером, иллюстрирующим проблему затонувшего имущества как источника негативного воздействия на морские воды, служит инцидент в бухте Троицкая Приморского края, где в феврале 2022 года затонуло рыболовное судно «Акванавт», принадлежащее ООО «Примкраб», в результате чего произошел разлив нефтепродуктов на площади 2400 кв. м., а ущерб водному объекту составил более 234 млн рублей. По данному факту Владивостокский межрайонный природоохранный прокурор обратился в суд с иском о взыскании причиненного ущерба, а в целях обеспечения исполнения будущего судебного решения заявил ходатайство о наложении ареста на имущество ответчика — пять рыболовных судов, которое было удовлетворено судом. Данный пример демонстрирует активную позицию природоохранной прокуратуры, направленную не только на привлечение виновных лиц к ответственности, но и на обеспечение реального возмещения ущерба, причиненного водным объектам в результате затопления судов[2].

Анализ приведенных примеров прокурорского надзора позволяет сделать вывод о том, что проблемы в сфере использования и охраны водных объектов носят не только правовой, но и организационно—-кономический характер. Отсутствие очистных сооружений, накопление бесхозяйного флота и нарушения промышленными предприятиями нормативов сброса зачастую обусловлены недостаточностью финансирования природоохранных мероприятий, низкой эффективностью государственного экологического контроля (надзора), а также пробелами в правовом регулировании ответственности собственников затонувшего имущества. В связи с этим ключевым направлением дальнейшего совершенствования механизма обеспечения законности должна стать не только карательная функция надзора, но и формирование устойчивой системы профилактики правонарушений, включая усиление межведомственного взаимодействия между прокуратурой, органами Росприроднадзора, Росводресурсов и органами местного самоуправления.

---

[1] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.02.2023 по делу № А51-20563/2021. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3jpl4EvHjY57/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=A51-20563%2F2021&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1747586367624&snippet_pos=204#snippet.

[2] Новости. По ходатайству Владивостокского межрайонного природоохранного прокурора наложен арест на имущество рыболовецкой компании в рамках обеспечения иска // Амурская бассейновая природоохранная прокуратура. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/abpp/mass-media/news/regional/e6221008/ (дата обращения: 27.03.2026).

Таким образом, деятельность природоохранной прокуратуры выступает действенным механизмом обеспечения законности и сохранения водных объектов, что подтверждается представленными примерами. Как обоснованно отмечается в научной литературе, «особый статус прокурора предопределяет правовую возможность комплексного воздействия на состояние законности в сфере охраны и использования водных объектов»[1], а прокурорский надзор является «ключевым инструментом обеспечения соблюдения экологического законодательства»[2]. Эффективность данного инструмента проявляется в восстановления водной среды — взыскание причиненного ущерба, а также судебное понуждение компетентных органов к исполнению возложенных обязанностей по очистке сточных вод. Такой комплексный подход, реализуемый природоохранными прокурорами, позволяет не только пресекать противоправную деятельность, но и обеспечивать реальное восстановление экологического равновесия водных объектов.

Научная статья
УДК 349.6

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ

Илья Сергеевич ИВАНОВ[1], Лилия Алексеевна ПРОКОПЕНКОВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] prokopenkova.liya@mail.ru
[2] ilyasergeevith30@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции, **Марина Борисовна КАБАНОВА,** 9578942@mail.ru

Аннотация. В данной статье детально рассматривается роль прокуратуры в профилактики лесных пожаров. Авторы акцентируют внимание на нормативную базу, регулирующую деятельность прокуратуры в рамках

[1]Мальханова Е. В. Защита прокурором публичных интересов в сфере использования и охраны водных объектов // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 1 (35). С. 63.

[2]Москалев М. А. Проблемы и перспективы правового регулирования в области экологического надзора прокуратуры // Московский юридический журнал. 2024. № 4. С. 52.

приведенной темы. Также в статье приведены способы реагирования прокурора с целью предотвращения возможных лесных пожаров и разобран пример из судебной практики.

Ключевые слова: лесные пожары, профилактика лесных пожаров, надзор, природоохранная прокуратуры, полномочия прокурора

Лес — не только экономический ресурс, но и важный элемент природной среды, оказывающий влияние на атмосферный воздух, качество почвы, животный мир, водные ресурсы. Неправильное отношение с лесным фондом может привести к экологическим проблемам и катастрофам, например, к вымиранию отдельных видов животных и птиц, уничтожению редких видов растений, загрязнению атмосферного воздуха. Поэтому крайне важно обеспечивать постоянные контроль и надзор за охраной лесов со стороны государства[1].

Климатические условия, антропогенный фактор и иные обстоятельства способствуют возникновению обстановки, опасной для лесных фондов, в том числе угроза лесных пожаров. Ежегодно в регионах Российской Федерации начинаются пожароопасные сезоны, чаще всего они начинаются с таяния снежного покрова и заканчиваются установлением дождливого осеннего сезона или появлением снежного покрова. С началом пожароопасного сезона начинается подготовка органов государственной власти к тушению пожаров, утверждение маршрутов наземного и авиапатрулирования, проверка достаточности сил и средств тушения, уборка сухой растительности и ликвидация несанкционированных свалок, обновление минерализованных полос, обеспечение территорий общего пользования противопожарным инвентарем и первичными средствами тушения пожаров. К тому же важную роль играют агитации со стороны властей и МЧС не сжигать старую траву и мусор в неположенном месте, всевозможные социальные рекламы и объяснения алгоритма действий при обнаружении возгорания в лесу.

По данным ФБУ «Авиалесоохрана» в начале 2025 года возникло 109 лесных пожаров площадью 12,5 тыс. гектаров, а уже с начала 2026 года по 24.03.2026 на территории Российской федерации зарегистрировано 68 лесных пожаров, общая площадь которых составила 3031,85 гектаров[2], так, если анализировать показатели прошлых лет, то можно прийти к выводу, что ежегодно общая площадь лесных территорий России, пройденная огнем

[1]Асташкина Е. Н. Роль прокурорского надзора за исполнением законов в сфере охраны лесов от пожаров // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 4. URL: Асташкина Е. Н. Роль прокурорского надзора за исполнением законов в сфере охраны лесов от пожаров // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-v-sfere-ohrany-lesov-ot-pozharov (дата обращения: 28.03.2026).

[2]Сведения о лесопожарной обстановке на территории Российской Федерации с начала 2026 года // ФБУ «Авиалесоохрана». URL: https://aviales.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

велика и продолжает расти, что является действительно серьезной проблемой.

Борьба с лесными пожарами и их профилактика представляет собой целый комплекс мер нормативно-правового регулирования, финансирования, кадровой политики и других. Важным звеном в этой системе является надзор, осуществляемый прокуратурой Российской Федерации. Надзор за исполнением экологического законодательства является одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры. Для достижения большей эффективности в данной сфере в Российской Федерации на правах прокуратур субъекта и прокуратур районов действуют природоохранные прокуратуры. Полномочия природоохранной прокуратуры перечислены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур. На приоритетность надзорной деятельности в данной сфере указывает Генеральный прокурор в приказе от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»[1].

В вышеперечисленных приказах Генерального прокурора перечислены общие полномочия, цели и задачи прокуратуры в экологической сфере, которые конкретизируются в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». В ходе проверок исполнения лесного законодательства прокуратура должна обеспечить профилактическую направленность прокурорского надзора в области охраны лесов от пожаров. Решительно пресекать нарушения законодательства в части неготовности органов государственной власти и органов местного самоуправления к пожароопасному периоду, формирования недостоверной документации и статистической отчетности о количестве, площади, причинах возникновения пожаров и размере причиненного ущерба[2].

В соответствии со ст. 51 Лесного кодекса РФ защита лесов от пожаров, осуществляется органами государственной власти, органами местного самоуправления в пределах их полномочий, которые определяются Кодексом и другими федеральными законами[3]. Прокуратура вправе при выявлении случаев неготовности субъектов Российской Федерации и муниципальных

[1]Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 198 “Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере”// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3]Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 50, ст. 5278; 2025. – № 31, ст. 4658.

образований к осуществлению противопожарных мероприятий использовать весь комплекс мер прокурорского реагирования, включая направление в суды заявлений о признании незаконными решений, действий (бездействия) должностных лиц. Незамедлительно направлять в следственные органы материалы о фактах халатного отношения должностных лиц к исполнению обязанностей по предотвращению и ликвидации природных пожаров[1]. Эта деятельность прокуратуры позволяет подготовить субъекты Российской Федерации к пожароопасным периодам путем применения мер прокурорского реагирования, например принесение протест на акт правительства города, противоречащий требованиям законодательства в экологической сфере и сфере защиты лесов от пожаров.

При этом немаловажным направлением остаётся и профилактическая работа с гражданами, в том числе в информационно-коммуникационной сети Интернет, поскольку частыми причинами пожаров являются действия людей, такие как неосторожное обращение с огнём и выбрасывание стеклянной тары в лесах, что приводит к возгоранию травяного покрова и дальнейшему распространению огня[2]. Крайне важно доводить до граждан возможные последствия их действий, не только юридические, но и фактические, из-за одной выкинутой бутылки в жаркий летний сезон может начаться крупный лесной пожар. Важность деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению граждан подчеркивает Генеральный Прокурор Российской Федерации в приказе от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию».

В случае, если все профилактические меры не возымели эффекта и возник лесной пожар, прокурор может обратиться в суд с заявлением о возмещении убытков, причиненных этим пожаром и убытков, затраченных на его тушение. Обратимся к судебной практике, так в решении по делу №02-0053/2025 от 11.04.2025 городской прокурор обратился к ОАО «РЖД» с иском о взыскании ущерба, причиненного лесным насаждениям в результате пожара. В обоснование требований истец указал, что из-за непропаханного участка сухой растительности в границах полосы отвода железной дороги произошел пожар, причинивший ущерб окружающей среде. Суд частично удовлетворил требования и взыскал ущерб и госпошлину с ОАО «РЖД» в пользу Главного управления лесами [3].

---

[1]Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 4 августа 2021 г. № 432/7 “Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере лесопользования”// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 1614 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 42, ч. 2. Ст. 6581.

[3]Приговор Басманного районного суда города Москвы от 11 апреля 2025 года по делу №02-0053/2025 // Басманный районный суд города Москва. URL: https://sudact.ru/regular/doc/yhOHZMLp1bx4/ (дата обращения: 28.03.2026)

Таким образом, можно сделать вывод, что прокуратура является важной частью системы профилактики лесных пожаров, она способствует обеспечению законодательства в этой сфере. Деятельность прокуратуры способствует снижению риска возникновения пожара, соответственно и минимизированию его последствий. По нашему мнению, дальнейшее повышение эффективности надзора возможно и необходимо, например, путем повышения финансирования противопожарных мероприятий и повышению правовой грамотности населения.

Научная статья
УДК 349.4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ, ЗАНЯТЫХ ОБЪЕКТАМИ ГАЗОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА

Лилия Алексеевна КОНДРАТЬЕВА
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kondrateva_lilit.2004@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Луиза Сираджеддиновна БУЛГАКОВА,** 6luiza@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности прокурорской деятельности по обеспечению законности в сфере правового режима земель, занятых объектами газопроводного транспорта. Обосновывается межотраслевой характер прокурорского надзора и необходимость усиления превентивных мер реагирования в отношении объектов повышенной опасности в целях минимизации рисков аварий и защиты общественных интересов.

Ключевые слова: правовой режим земель, газопроводный транспорт, охранные зоны, прокурорский надзор, промышленная и экологическая безопасность

Конституционный принцип социального государства корреспондируется с правом человека и гражданина на достойные условия жизни, предполагающие развитие социальной и инженерной инфраструктуры, в том числе газификации[1].

[1]Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: текст с изм. и доп. на 4 октября 2022 г. Ст. 7. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Особую актуальность при рассмотрении вопросов, связанных с газификацией, приобретает обеспечение законности в сфере правового режима земель, занятых объектами газопроводного транспорта. Как правило, от надлежащего установления и соблюдения правового режима земельного участка, на котором функционирует объект повышенной опасности, напрямую зависит безопасность эксплуатации газопроводов, защита жизни и здоровья граждан, а также состояние окружающей среды.

В силу п. 10.1 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ)[1] газопроводный транспорт, являющийся частью трубопроводного, представляет собой сложную конструкцию линейного объекта, предназначенную для транспортировки природного газа. Характерные для него признаки протяженности, масштабности, повышенной опасности, в том числе «многоконтурности»[2] определяют отличительные черты правового режима земель под газопроводом.

Указанный режим характеризуется категорией земли, видом разрешенного использования, особым порядком формирования и реализации прав на земельные участки при размещении и эксплуатации объектов газопроводного транспорта, установлением и соблюдением охранных зон и зон минимальных расстояний до газопровода, которые служат основанием для предсказуемости и прозрачности оборотоспособности земельных участков[3].

Солидарны с мнением В. И. Ивакина и В. М. Корякина, правовой режим земель трубопроводного транспорта является комплексным межотраслевым субинститутом земельного права, который состоит из норм административного, земельного, гражданского, природоохранного, градостроительного и иного законодательства Российской Федерации и ее субъектов[4]. При этом особое значение в регулировании указанной сферы приобретают охранительные и регулятивные правовые нормы.

Согласно позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации земли, на которых расположены трубопроводы нефти, газа и нефтепродуктов, не относятся к землям, ограниченным в обороте применимо к пп. 7

---

[1]Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 № 190-ФЗ: текст с изм. и доп. на 23 марта 2026 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 5 декабря 2018 г. № Ф06-39885/2018 по делу № А55-30396/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Под «многоконтурным сооружением» предполагается размещение линейного объекта, его самостоятельных и вспомогательных частей в пределах разных обособленных контуров как на наземной, так и в подземной частях земельных участков. (дата обращения: 14.03.2026).

[3]См. пункт 15. Об утверждении технического регламента о безопасности сетей газораспределения и газопотребления: Постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2010 г. № 870: текст с изм. и доп. на 14 декабря 2018 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Иванкин В. И., Корякин В. М. Правовой режим земель транспорта как предмет диссертационных исследований //Аграрное и земельное право. 2017. № 4(148.). С. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-zemel-transporta-kak-predmet-dissertatsionnyh-issledovaniy (дата обращения: 14.03.2026).

п. 5 ст. 27 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ)[1]. Однако установление охранных зон и сервитутов влечет серьезные ограничения прав собственников земельных участков. Таким образом, судом особо обращено внимание на то, что пункты ст. 90 ЗК РФ устанавливают ограничения по фактическому использованию земельных участков, на и под которыми расположены трубопроводы, а также в границах охранных зон объектов газоснабжения, действующие в отношении всякого собственника и пользователя соответствующего земельного участка[2].

Рост уровня газификации в России увеличился до 75 процентов по итогам прошлого года, что наглядно свидетельствует о всеохватности реализации масштабной программы газификации, проводимой с 2005 года[3]. Указанные показатели отражают не только количественное расширение газовой инфраструктуры, но и усложнение системы её государственного контроля и надзора.

Непосредственный контроль в данной сфере осуществляют федеральные государственные органы и их территориальные управления. К их числу относятся Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, обеспечивающая соблюдение требований промышленной безопасности на опасных производственных объектах; Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, осуществляющая кадастровый учет объектов газопроводного транспорта в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН), а также регистрацию границ зон с особыми условиями использования территорий (далее — ЗОУИТ) и права пользование чужим земельным участком для обслуживания или ремонта инфраструктуры; Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, выполняющее функции по контролю рисков аварий и информированию населения; в том числе органы местного самоуправления, реализующие полномочия в сфере градостроительного регулирования и контроля землепользования.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» деятельность вышеуказанных органов и эксплуатирующих организаций является сферой прокурорского надзора в силу возложенных на прокурорских работников обязанностей по

[1]Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ: текст с изм. и доп. от 30 января 2026 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.04.2013 № 14902/12 по делу № А40-111150/11-155-953 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уровень общей газификации в России вырос до 75 процентов. URL: https://kodeks.ru/news/read/uroven-obshhei-gazifikacii-v-rossii-vyros-do-75 (дата обращения: 20.03. 2026).

соблюдению Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории страны[1].

Как ранее указывалось, земельный участок, в границах которого расположен газопровод, не ограничивается в гражданском обороте, вместе с тем, на основании принятого органом публичной власти решения или в силу федерального закона об установлении, изменении и прекращении ЗОУИТ[2], в отношении него возникают определенные градостроительные условия, налагающее существенные ограничения в отношении расположенных объектов недвижимости, и земель, не вовлеченных в связи с такими ограничениями в хозяйственный оборот[3].

Вместе с принятием решения о ЗОУИТ, как отмечено М. М. Фадеевым, завершающей процедурой исследуемых мероприятий, является внесение или изменение в ЕГРН соответствующих сведений о границах зон[4].

В судебной практике сформировалась категория самостоятельных споров, связанная с оспариванием прокурорами действий по несоблюдению порядка согласований с эксплуатирующей организацией при строительстве в охранной зоне низкого или высокого давления газопровода. В решениях судьи указывают на нарушения не только земельного законодательства, но и законов о промышленной безопасности[5]. Действительно, в связи с невозможностью безопасной эксплуатации опасного производственного объекта, например, в постановлении Арбитражного Суда Северо-Западного округа по делу № А13-5019/2020 расположение здания затрудняло ремонтные и аварийно-восстановительные работы, создаются реальные предпосылки технологических аварий[6]. Таким образом, нарушения правового режима земель, на которых функционирует газопровод, по своей правовой природе представляют собой посягательство на установленный публичный режим безопасности соответствующей территории.

Наиболее типичным нарушением требований земельного законодательства Российской Федерации, выявляемом при проведении прокурорских проверок, является бездействие органов местного самоуправления.

---

[1]О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]См. Юридический справочник застройщика, 9-я редакция / под ред.Д.С. Некрестьянова. СПб, 2024. С. 106. URL: https://rgud.ru/press-releases/opublikovan-yuridicheskiy-spravochnik-zastroyshchika-2024/?ysclid=mag1epzrb4212886853 (дата обращения: 14.03.2026).

[3]Информация Росреестра «Дайджест законодательных изменений в сфере земли и недвижимости. IV квартал 2025». // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4]Фадеев М.М. Правовой режим земель, занятых объектами газопроводного транспорта: Дисс. … канд. юрид. наук. СПб, 2026. С. 129. URL: https://rgup.ru/newdisert/fadeev-m-m (дата обращения: 14.03.2026).

[5]О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6]Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 19 сентября 2024 г. по делу № А13-5019/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Частно подобного рода бездействие выражено в непринятии мер по постановке бесхозяйных газопроводов на кадастровый учет[1]. В случае отсутствия надлежащего владельца объекта повышенной опасности либо его фактического обслуживания складывается ситуация, при которой установленный охранный режим территории утрачивает реальную эффективность. В этом смысле бесхозяйность газопровода является проблемой в рамках земельных правоотношений, поскольку порождает неопределенность в части контроля за использованием земельных участков, на которых расположен линейный объект.

Другой пример бездействия связан с невнесением сведений или отсутствием изменений о границах охранных зон газопроводов высокого и низкого давления в ЕГРН. Примечательно, что по иску прокурора Брасовского района Брянской области суд признал бездействие администрации и указал, что отсутствие установленной границы охранной зоны может привести к нарушению режима ее охраны, а в конечном счете — к угрозе жизни и здоровью граждан и возникновению аварийных ситуаций[2]. Указанная правовая неопределенность выступает первопричиной последующих неправомерных действий, например, со стороны администрации района по предоставлению земельных участков и осуществлению на них хозяйственной деятельности правообладателем без учета существующих ограничений.

Вышесказанное находит подтверждение в материалах прокурорской проверки по факту взрыва газа в Новом Кяхулае[3]. Установлено, что собственником газопровода, АО «Газпром газораспределение Махачкала», не проведены мероприятия по межеванию и установлению границ охранной зоны газопроводов, внесению сведений об обременении земельных участков и постановке их на кадастровый учет. В связи с чем данные земельные участки были предоставлены в право собственности гражданам и осуществлено строительство девяти индивидуальных строений в нарушение требования законодательства, запрещающие в целях обеспечения безопасности людей строительство жилых объектов вблизи с объектами транспортировки газа[4]. Сложившаяся ситуация правовой и фактической бесконтрольности

[1]Прокуратура обязала администрацию Моршанского округа оформить право собственности на бесхозяйный газопровод. URL: https://www.onlinetambov.ru/news/incident/prokuratura-obyazala-administratsiyu-morshanskogo-okruga-oformit-pravo-sobstvennosti-na-beskhozyayny/?ysclid=mnhafr1g4b926574020 (дата обращения: 20.03.2026).

[2]Решение Брасовского районного суда Брянской области от 8 июля 2025 г. по делу № 2А-299/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MEWHCXLLy2La/?utm_source (дата обращения: 20.03.2026).

[3]Прокуратура обнародовала результаты проверки по факту взрыва газа в Новом Кяхулае. URL: https://chernovik.net/content/lenta-novostey/prokuratura-obnarodovala-rezultaty-proverki-po-faktu-vzryva-gaza-v-novom (дата обращения: 20.03.2026).

[4]См. пункт 5.1. О введении в действие новой редакции санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов»: Постановление Главного государственного санитарного врача

использования земельных участков в нарушение их правового режима привела к аварии и последствиям в виде гибели людей.

Таким образом, от организации прокурорского надзора в целях обеспечения законности в сфере правового режима земель, занятых объектами газопроводного транспорта, и реализации систематической работы по выполнению превентивной функции зависит безопасность неопределенного круга лиц. Видится необходимым, чтобы в планах работы территориальных прокуратур на текущий и следующий за ним год велся отчет о взаимодействии с поднадзорными органами по вопросу актуального учета сведений о газопроводном транспорте на территории района, города.

Также, хочется отметить, что последствия аварий на газопроводе вследствие несоблюдения правового режима земель могут быть разными, вплоть до разрушения газопровода и его элементов, сопровождающихся разлетом металла и грунта, возгоранием продукта при разрушении трубопровода, открытый огонь и термическое воздействие пламени сгораемого газа, взрыв газо—воздушной смеси, обрушение и повреждение зданий, сооружений, понижение концентрации кислорода[1]. Как правило, итоги масштабных инцидентов выходят за рамки имущественного вреда и затрагивают состояние окружающей среды (например, почвы, атмосферного воздуха, зеленых насаждений и др.).

Резюмируя вышесказанное, прокурорская деятельность по обеспечению законности в сфере правового режима земель под газопроводом комплексно охватывает земельное, градостроительное, промышленное и экологическое правовое регулирование в единую систему для защиты общественной безопасности и публичного интереса.

Российской Федерации от 25 сентября 2007 г. № 74 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1]См. пункт 2.2. Правил охраны магистральных трубопроводов, утвержденных Минтопэнерго Российской Федерации от 29 апреля 1992 г., постановлением Госгортехнадзора Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. № 9 // Профессиональная справочная система «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/1200004703 (дата обращения: 14.04.2026).

Научная статья
УДК 349.6

ВОПРОСЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСПЕКТОРОВ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Михаил Михайлович КУТУЗОВ[1], Александр Алексеевич СЕМЕНОВ[2]
[1,2] Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия
[1] mixail.kutuzov.05@bk.ru
[2] seme-nov@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Валентиновна КУЛИКОВА**, kulikovaov.sgap@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуется проблема отсутствия на федеральном уровне законодательного закрепления мер стимулирования общественных инспекторов в сфере охраны окружающей среды. Авторы исследуют региональный опыт в указанной сфере, поскольку субъекты Российской Федерации вправе самостоятельно принимать решение о стимулировании деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды.

Ключевые слова: общественный экологический контроль, природоохранное законодательство, общественный инспектор по охране окружающей среды, право на благоприятную окружающую среду

В современных реалиях российское общество демонстрирует низкую вовлеченность в вопросы охраны окружающей среды. Последствия существующего воздействия на экосистему проявляются, как правило, лишь со временем, что делает экологические проблемы совершенно незаметными для обычных граждан в настоящий момент. Для предотвращения экологических проблем требуется систематический контроль за действиями как физических, так и юридических лиц, поскольку большинство субъектов хозяйственной деятельности не осознают взаимосвязи между своими действиями и ухудшением состояния окружающей среды.

Появление в России общественных инспекторов по охране окружающей среды — явление достаточно новое. В соответствии со ст. 42 Консти-

туции Российской Федерации[1] каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, а также на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Существование общественных инспекторов по охране окружающей среды служит практическим инструментом воплощения в жизнь названного конституционного положения.

На наш взгляд, повсеместное присутствие такого рода неравнодушных граждан, обладающих необходимыми знаниями и активной жизненной позицией, могло бы восполнить пробелы в обеспечении экологической безопасности, которые неизбежно возникают вследствие недостаточного количества штатных инспекторов регионального государственного экологического (контроля) надзора.

Тщательный сбор достоверных сведений о допущенных нарушениях природоохранного законодательства составляет основу деятельности, которую ведут общественные инспекторы в ходе осуществления своих проверок. При этом законодатель ни в одном нормативном акте не закрепляет за ними никаких мер поддержки. К слову, советский законодатель предусматривал возможность поощрения общественных охотничьих инспекторов бесплатными путевками на охоту[2].

Возможность стимулирования работы общественных инспекторов по охране окружающей среды остается в компетенции региональных властей, которые могут по собственному усмотрению вводить соответствующие меры поддержки.

Так, к примеру, Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан приказом от 12 февраля 2019 г. № 121-п утвердило «Порядок осуществления выплат гражданам, оказавшим содействие в фиксации нарушений природоохранного законодательства на территории Республики Татарстан»[3]. Согласно данному Порядку любой граждан, оказавший содействие в фиксации нарушений природоохранного законодательства на территории Республики Татарстан, по постановлению об административном правонарушении, вступившему в законную силу, имеет право на единовременную выплату — 1 500 рублей.

Аналогичные Порядки осуществления выплат гражданам, оказавшим содействие в фиксации нарушений природоохранного законодательства,

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) ст. 41 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Положение о порядке выдачи путевок на право охоты в Госпромхозах и охотничье-производственных участках Главохоты РСФСР (утв. Главохотой РСФСР 23.03.1984) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Приказ Министерства экологии и природных ресурсов Республики Татарстан от 12 февраля 2019 г. № 121-п «Об утверждении Порядка осуществления выплат гражданам, оказавшим содействие в фиксации нарушений природоохранного законодательства на территории Республики Татарстан». URL: https://docs.cntd.ru/document/561598314?marker=10T92BH&section=text (дата обращения: 20.03.2026).

предусмотрены в Республике Крым (вознаграждение в размере 1 000 рублей)[1], Республике Бурятия (вознаграждение в размере 1 500 рублей)[2], в Курганской области (5 000 рублей)[3]. Стоит отметить, что несмотря на то, что суммы вознаграждений отличны друг от друга, условия для их выплаты в нормативных актах названных субъектов Российской Федерации аналогичны:

зафиксировано нарушение природоохранного законодательства на соответствующей территории, предоставлены фото и видеофиксация нарушения;

по результатам рассмотрения сообщения возбуждено дело об административном правонарушении по факту совершения нарушения природоохранного законодательства и вынесено постановление о назначении административного наказания.

Стоит отметить, что ранее были названы нормативные акты субъектов РФ, охватывающие достаточно широкую сферу правонарушений в исследуемой области. Однако существуют и специализированные региональные правовые акты, которые предусматривают стимулирование деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды за фиксацию конкретных правонарушений. В качестве примера рассмотрим Постановление Правительства Алтайского края от 22 февраля 2022 года № 44 «Об утверждении Порядка осуществления выплаты вознаграждения охотникам за добычу волка на территории Алтайского края и Порядка осуществления выплаты вознаграждения гражданам, оказавшим содействие в выявлении правонарушений в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов на территории Алтайского края»[4]. Выплаты общественным инспекторам по охране окружающей среды за выявление правонарушений в области охоты и сохранении охотничьих ресурсов на территории Алтайского края осуществляется в соответствии с государственной программой Алтайского края «Охрана

[1] Постановление Совета Республики Крым от 04 декабря 2020 г. № 760 «Об утверждении Порядка осуществления выплат гражданам, оказавшим содействие в фиксации нарушений требований природоохранного законодательства на территории Республики Крым». URL: https://docs.cntd.ru/document/571024828 (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Постановление Правительства Республики Бурятия от 03 июня 2020 г. № 325 «Об утверждении Порядка осуществления выплат гражданам, оказавшим содействие в фиксации нарушений природоохранного законодательства на территории Республики Бурятия». URL: https://docs.cntd.ru/document/570820618 (дата обращения: 20.03.2026).

[3] Постановление Правительства Курганской области от 17 апреля 2020 г. № 88 «Об утверждении Порядка осуществления выплат вознаграждений гражданам, оказавшим содействие в выявлении нарушений природоохранного законодательства на территории Курганской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/570748178 (дата обращения: 20.03.2026).

[4] Постановление Правительства Алтайского края от 22 февраля 2022 года № 44 «Об утверждении Порядка осуществления выплаты вознаграждения охотникам за добычу волка на территории Алтайского края и Порядка осуществления выплаты вознаграждения гражданам, оказавшим содействие в выявлении правонарушений в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов на территории Алтайского края». URL: https://docs.cntd.ru/document/578126320 (дата обращения: 20.03.2026).

окружающей среды, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства Алтайского края». Выплаты вознаграждений осуществляются с целью повышения эффективности мероприятий по сохранению охотничьих ресурсов. Сумма таких вознаграждений варьируется в зависимости от того, незаконная добыча каких видов животных и птиц была зафиксирована. Так, вознаграждение в размере 2 000 рублей установлено для граждан, оказавших содействие в выявлении правонарушения, связанного с незаконной добычей пернатой дичи и пушных зверей, 8 500 рублей установлено для граждан, оказавших содействие в выявлении правонарушения, связанного с незаконной добычей копытных животных, медведя, рыси, росомахи, соболя, а также животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации или в Красную книгу Алтайского края. Кроме того, Правительство Алтайского края предусмотрело доплату в размере 1 500 рублей для общественных инспекторов, которые выявили правонарушения, совершенные с применением механических транспортных средств.

На наш взгляд, опыт отдельных субъектов РФ по оказанию материальной поддержки гражданам, осуществляющим общественный контроль в области охраны окружающей среды, должен быть воспринят всеми субъектами РФ в целях повышения заинтересованности граждан в проведении контрольных мероприятий по охране окружающей среды и, соответственно, повышения результативности проведенных проверок, поскольку работа общественных экологических инспекторов осуществляется на добровольных началах.

В контексте настоящей статьи стоит рассмотреть и позицию А. В. Красильщикова, Н. В. Кузнецовой и С. Н. Рыбиной: «для повышения заинтересованности в деятельности в статусе общественного экологического инспектора на региональном уровне можно предусмотреть ежегодный рейтинг инспекторов, по итогам которого лица, занявшие три первых места в рейтинге, получат материальное поощрение. За активное участие в предупреждении и пресечении правонарушений в области охраны окружающей среды в отношении общественных инспекторов могут применяться следующие меры материального стимулирования:

награждение ценными подарками;

поощрение за активную деятельность путем премирования. При этом необходимо разработать критерии результативности, которые должны охватывать как количественные, так и качественные результаты общественной экологической деятельности»[1].

[1] Красильщиков А. В., Кузнецова Н. В., Рыбина С. Н. Законодательное регулирование деятельности общественных экологических инспекторов // Вопросы российского и международного права. 2019. №. 1—1. С. 67.

Мы считаем, что для уравнивания положения общественных инспекторов по охране окружающей среды субъекты РФ должны принять положения, согласно которым таким инспекторам будет выплачиваться вознаграждение в виде части прибыли от взысканного государством ущерба (к примеру, 10 %), если по выявленному правонарушению будет возбуждено административное дело и вынесено постановление о назначении административного наказания.

Подводя итог вышеизложенному, сделаем вывод, что общественные инспекторы по охране окружающей среды играют важную роль в выявлении нарушений, контроле за соблюдением природоохранного законодательства и привлечении внимания общества к проблемам экологии. Однако эффективность их работы во многом зависит от мер стимулирования. На федеральном уровне отсутствуют меры стимулирования общественных инспекторов в исследуемой сфере, однако за субъектами РФ остается право принимать решение о разработке мер поддержки представителей общественного экологического контроля.

Научная статья
УДК

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Елена Алексеевна ЛОПАТИНА[1], Милена Александровна ОРЛОВА[2]
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
orlovam989@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, старший советник юстиции **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminvlavrov@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена растущей ролью электротранспорта в глобальной транспортной системе и необходимостью минимизации его экологического воздействия. Развитие электромобилей рассматривается как один из ключевых инструментов снижения выбросов парниковых газов и улучшения качества воздуха в городах, однако этот процесс сопряжён с рядом правовых и экологических вызовов.

Ключевые слова: правовое регулирование, электромобиль, рынок электромобилей, анализ, проблемы, влияние на окружающую среду

Транспортный комплекс электромобилей в Российской Федерации начинает стремительно развиваться, что обуславливается возникшими в 21 веке острыми проблемами, от решения которых зависит дальнейшее состояние окружающей среды. От экологической обстановки в стране напрямую зависит состояние уровня жизни и здоровья населения России, сохранение флоры и фауны страны, а также дальнейшее развитие. Для предотвращения экологической катастрофы мировое сообщество переходит к инновационным технологиям, включающим электромобили. Для того, чтобы разобраться в данной теме, сначала надо дать определение ключевым понятиям.

Электромобиль — автомобиль, который приводится в движение не двигателем внутреннего сгорания, а одним или несколькими электродвигателями, питающимися от аккумуляторов или топливных элементов[1]. Аккумулятор владельцы могут заряжать при помощи обычной розетки. В совокупности данные средства перемещения представляют собой транспортный комплекс электромобилей. Этот вид машин следует отличать от гибридных автомобилей, которые для движения используют комбинацию из двигателя внутреннего сгорания (ДВС) и электродвигателя, и от троллейбусов, приводящихся в движение электрическими двигателями, получающими заряд от внешнего источника по троллеям, сооруженным на определенных участках дороги.

Считается, что электродвигатель в отличии от двигателя внутреннего сгорания имеет полное отсутствие выхлопов, причиняющих вред и загрязняющих окружающую среду. Строение электромобиля довольно примитивное, что облегчает профилактическое обслуживание, следовательно ремонт становится доступнее. Энергия, затрачиваемая на передвижение, является возобновляемым ресурсом. Днем электромобиль во время передвижения может заряжаться от солнечной энергии, тогда как ночью источником питания будет случить розетка, работающая от сети. Несмотря на дешевое содержание и ремонт автомобиля, создание аккумулятора является очень кропотливым и сложным процессом. Для его разработки используются драгоценные металлы, которые являются дорогостоящим удовольствием. Некоторые аккумуляторы функционируют только при экстремально высоких температурах, что вызывает опять же ряд неудобств. В состав двигателя также входят различные вредные элементы, которые вызывают проблемы при утилизации. Из вышесказанного можно вывести положительные и отрицательные стороны электромобилей.

[1]Щетина В. А. Электромобиль. Техника и экономика / В. А. Щетина, Ю. Я. Морговский, Б. И. Сафонов [и др.]. – Москва : Машиностроение, 1987. 256 с. Текст : непосредственный.

Положительными чертами электрических машин являются:

низкий уровень выбросов пагубных веществ в атмосферу, что положительно отражается на окружающей среде;

высокая экономичность, которая связана с тем, что запас хода электрокара составляет от 100 до 600 км;

низкий уровень шума, что обуславливается отсутствием двигателя внутреннего сгорания (ДВС);

возможность зарядки от любой розетки 220 В, что является более экономичным, чем заправка автомобиля бензином;

неиспользование бензина делает электромобиль более безопасным в использовании (снижается риск возгорания двигателя или взрыва бензина, *запах бензина наносит вред здоровью даже в минимальных количествах* и т. д.).

Отрицательные черты электромобилей:

люди со среднестатистическим доходом по стране не могут себе позволить данный вид автотранспортных средств, т.к. они стоят намного дороже, чем автомобили с бензиновым двигателем;

заряд батареи у электромобиля рассчитан на 30—50 км, далее его следует перезарядить, что требует затраты определенного количества времени, которое на порядок выше, чем заправка машины бензином;

зарядные станции для электрических автомобилей в России не распространены в том количестве, которого бы хватило на перемещение по городу в течении рабочего дня.

Если говорить про замену традиционных машин электромобилями, ученые считает, что данный переход — целесообразное решение, которое поможет снизить количество выбрасываемого в атмосферу углекислого газа по сравнению с автомобилями, построенными на основе двигателей внутреннего сгорания. Некоммерческая организация «Союз заинтересованных ученых» из США провела исследование, в котором сравнила углеродный след двух видов (электромобиля и автомобиля с двигателем внутреннего сгорания) в процессе их создания и эксплуатации. Итогом стало то, что сумма выбросов углекислого газа электрокарами на 60-70% меньше, чем от привычных нам автомобилей[1].

Но не все согласны с этим мнением. Некоторые научные деятели придерживаются мнения, что сам процесс выработки электроэнергии для зарядки машины, загрязняет окружающую среду. Международная группа ученых из Индии, Китая и США пришла к выводу о неэкологичном производстве аккумуляторов, поэтому переход на электрический транспорт может нанести еще больший урон экологии страны.

[1]Тернистый путь электрокара: когда мир откажется от бензиновых двигателей // ForbesLife. – URL: https://www.forbes.ru/ (дата обращения: 16.03.2026). – Текст : электронный).

Учитывая изменение тенденций, перспектив и приоритетов в транспортной индустрии, российское законодательство начинает преобразовываться для урегулирования процесса производства и использования электрических автомобилей в повседневной жизни. Так, вышло Распоряжение Минтранса России от 25.05.2022 №АК-131-р «Об утверждении методических рекомендаций по стимулированию использования электромобилей и гибридных автомобилей в субъектах Российской Федерации»[1]. В документе разработаны советы, основанные на Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 23.08.2021 №2290-р[2]. В соответствии с ней каждый десятый автомобиль, выпускаемый в стане к 2030 году, должен быть электрокаром, а количество станций для их зарядки должно увеличиться до 72 тысяч, из которых 28 тысяч — станции для быстрой зарядки. Для достижения поставленных целей государство предложило ввести обязательную долю электрических машин в автопарках коммерческих и унитарных организаций, а также выделило 5,7 млрд рублей на развитие зарядной инфраструктуры для автомобилей такого типа. Также нормативно-правовой акт содержит прогнозы объема производства электромобилей по годам: к 2030 году в стране планируют произвести свыше 217000 автомобилей, что примерно в 87 раз больше, чем в 2022 году.

28 июля 2025 года Правительство Российской Федерации вскоре утвердит Постановление №1114[3], в котором установит требования к электрозарядным станциям на АЗС. С 1 марта 2026 года на АЗС в полосах отвода автомобильных дорог должна быть предоставлена возможность эксплуатации зарядных станций постоянного тока доя электрокаров, мощность которых превышает 44 кВт. Для полного регулирования стационарных зарядных станций, Приказом Минпромторга России от 29.04.2022 №1776 [4] были

---

[1]Об утверждении методических рекомендаций по стимулированию использования электромобилей и гибридных автомобилей в субъектах Российской Федерации : распоряжение Минтранса России от 25.05.2022 № АК-131-р. Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 16.03.2026)

[2]Об утверждении Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 23.08.2021 № 2290-р (ред. от 29.10.2022). Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 16.03.2026).

[3]О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2020 г. № 1753: постановление Правительства РФ от 22.04.2025 № 1114 (не вступил в силу). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 16.03.2026).

[4]Об утверждении технических характеристик оборудования стационарной автомобильной зарядной станции публичного доступа, обеспечивающей возможность быстрой зарядки электрического автомобильного транспорта : приказ Минпромторга России от 29.04.2022 № 1776 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 16.03.2026).

утверждены технические характеристики оборудования станций публичного доступа, позволяющих быстро зарядить электрический автомобиль.

Таким образом, законодатель пробуждает интерес жителей к данному виду транспорта засчет расширения сети электрозарядных станций, которые позволяют людям не опасаться остановки машины на дороге без возможности подзарядки.

Парк зарегистрированных электромобилей в России в 2025 году достиг 164 тыс. штук — на 35 % больше показателя 2024 года. За пятилетний период — с 2021 по 2025 год — численность электрокаров в стране выросла в 7,8 раза. Представленные цифры были установлены специальным исследованием, проведенным BusinesStat, а его результаты представлены в марте 2026 года.

Динамика роста парка на протяжении всего периода оставалась высокой, хотя темпы каждый год менялись: в 2021 году на учёте стояло 21 тыс. единиц, в 2022 году показатель вырос на 58 % — до 33 тыс. штук, в 2023 году прибавил ещё 80 % — до 60 тыс. штук, в 2024 году зафиксирован максимальный годовой прирост в 103 % — до 122 тыс. единиц. В 2025 году темп роста замедлился до 35%, однако абсолютный прирост составил 42 тыс. автомобилей.

Устойчивый рост спроса на электротранспорт обеспечивается комплексом государственных мер поддержки, в которые входят — субсидирование автокредитов на отечественные автомобили, снижение транспортного налога, предоставление бесплатных парковочных мест, зарядки и проезда по бесплатным дорогам в ряде регионов.

В заключение хотелось бы отметить, что вопрос производства и использования электромобилей неразрывно связан с продолжающейся борьбой за чистоту окружающей среды. Исследования показывают, что, хотя процесс производства автомобилей нельзя назвать полностью «зеленым», эксплуатационная фаза электромобилей дает несравнимое преимущество в снижении выбросов углекислого газа в атмосферу, при использовании энергии из возобновляемых источников. Таким образом, массовый переход на электротранспорт является одним их главных средств для достижения углеродной нейтральности и улучшения качества воздуха в мегаполисах.

Научная статья
УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА НА КОМПЛЕКСНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРЕШЕНИЯ, ОПЫТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Полина Евгеньевна ЛЫСЕНКОВА[1], Дарья Ивановна ЦАПЕНКО[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] lysenkovapolina515@gmail.com
[2] tsapenkodaria@gmail.com

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminvlavrov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам правовой охраны атмосферного воздуха в Российской Федерации в условиях технологической и экономической трансформации 2025 года. В работе подробно анализируется системный кризис, связанный с переходом предприятий I категории на комплексные экологические разрешения в условиях санкционного давления и дефицита оборудования. Рассматриваются государственные механизмы решения проблемы: федеральный проект «Чистый воздух», внедрение наилучших доступных технологий и инновационных предиктивных систем контроля.

Ключевые слова: охрана атмосферного воздуха, комплексные экологические разрешения, наилучшие доступные технологии, федеральный проект «Чистый воздух», цифровые двойники, предиктивные системы контроля

Нас с детства приучают к чистому воздуху: почаще выходить на улицу, проветривать комнату, подольше находиться на прогулках, чтобы поддерживать своё здоровье и укреплять иммунитет. И это абсолютно верно, поскольку чистый воздух является безусловной, базовой необходимостью для развития и существования здорового человека. Актуальность темы вызвана человеческой физиологией, которая подчёркивает, что воздух — это самый важный и необходимый для организма ресурс, без которого существование попросту невозможно. В обоснование этого тезиса можно привести знаменитое «правило трёх», согласно которому человек может прожить три недели без еды, три дня без воды и всего три минуты без воздуха. В обычных условиях здоровый взрослый человек совершает около 20 вдохов в минуту,

а ребёнок — в два раза чаще (40—45 вдохов), что делает подрастающее поколение наиболее уязвимым к качеству атмосферы[1].

Важность чистого воздуха для поддержания здоровья в современной науке стала практической аксиомой. В работе коллектива авторов НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А. Н. Сысина РАМН выдвигалось положение о том, что общее состояние качества атмосферного воздуха «имеет важное значение для оценки уровня общего иммунитета, т.е. фактически здоровья человека»[2], которое по результатам исследований было подтверждено в полной мере. Так, в районах с высокой промышленной нагрузкой (например, вблизи заводов с выбросами пыли до 500 кг в год) у детей наблюдается снижение выработки иммуноглобулина класса А — «первой линии» защиты организма — почти на треть[3]. Заболеваемость в таких зонах среди детей в возрасте до 3 лет выше в 2,5–3 раза[4].

Таким образом, правовая охрана атмосферного воздуха — это не просто экологическая задача, а стратегическое направление деятельности государства по защите генофонда и обеспечению здоровья нации.

Основополагающим актом в данной сфере является Федеральный закон № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», который устанавливает приоритет охраны жизни и здоровья человека. Однако в 2025 году система государственного управления столкнулась с серьезным вызовом — необходимостью завершения перехода крупнейших предприятий (объектов I категории) на комплексные экологические разрешения (КЭР)[5]. КЭР — это единый документ, заменяющий собой все старые разрешения на выбросы и обязывающий предприятия внедрять наилучшие доступные технологии (НДТ). Основная проблема заключается в том, что к началу 2025 года из 5285 объектов

I категории, находящихся в реестре НВОС, разрешения получили только 2370 предприятий, согласно данным АО «Русский уголь». Системный разрыв обусловлен несколькими факторами:

1. Модернизация многих заводов планировалась на базе иностранного оборудования, которое стало недоступным после 2022 года.
2. Для предприятий, не успевших получить КЭР до 1 января 2025 года, вводится 100 кратный повышающий коэффициент платы за выбросы загрязняющих веществ.[6]

---

[1] Пропедевтика внутренних болезней / В. Х. Василенко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина. 1989. С. 92-93.

[2] Пинигин М. А., Мальков Ю. Н. Состояние местного иммунитета и методы его оценки при воздействии биологических веществ, загрязняющих атмосферный воздух // Гигиена и санитария. 2010. №5. С. 53.

[3] Там же. С. 54

[4] Там же. С. 54

[5] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.07.2014 № 219-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] <Письмо> Минприроды России от 27.10.2025 N 19-53/45298 "О плате за негативное воздействие на окружающую среду" // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановлением Правительства были существенно снижены предельно допустимые концентрации для 177 веществ. Это требует от промышленности немедленного пересмотра всех технологических процессов.

Без КЭР деятельность предприятий формально признается незаконной, что создает риск приостановления работы или принудительного закрытия по решению суда. Для решения возникшего кризиса государство использует два основных рычага: программно-целевое управление и технологические инновации. Центральным инструментом выступает федеральный проект «Чистый воздух», включенный в национальные цели развития до 2030 года. Его задача — двукратное снижение выбросов наиболее опасных загрязняющих веществ в масштабах страны. Проект предусматривает не только квотирование выбросов, но и предоставление регионам полномочий по разработке комплексных планов с четкими источниками финансирования. Для стимулирования бизнеса предусмотрено обнуление платы за негативное воздействие для тех организаций, которые успешно внедрили НДТ[1].

Технологическим ответом на дефицит измерительного оборудования стала легализация в конце 2025 года предиктивных систем автоматического контроля (САК). Вместо установки дорогостоящих физических датчиков на каждую трубу, предприятиям разрешено использовать программно-аппаратные комплексы. Система строит «цифрового двойника» производства, рассчитывая объем выбросов в реальном времени на основе параметров работы оборудования (температура, расход топлива). Это позволяет не только фиксировать нарушения, но и предотвращать их, оптимизируя режимы горения до превышения нормативов.

Санкт-Петербург решает проблему охраны воздуха в условиях высокой плотности населения и транспортной нагрузки. Основным источником загрязнения города выступает автотранспорт (131 тыс. тонн в год), значительно опережающий промышленные предприятия (67 тыс. тонн). Среди главных загрязнителей выделяются диоксид азота, оксид углерода и частицы PM2.5/PM10[2].

Для улучшения экологической обстановки город реализует комплекс мер. В рамках транспортной реформы и проекта «Атмосферный воздух» проводится масштабная электрификация парка: за последние годы закуплены десятки трамваев, троллейбусов и электробусов. Параллельно с этим к 2025 году завершился перевод 2600 частных домовладений с угольного

[1] Сизова А. А., Орлова О. И., Сивопляс А. В., Цейгалов А. А. «Чистый воздух» для комфортной жизни: анализ реализации федерального проекта в российских городах // Научные записки молодых исследователей. 2025. Т. 13. № 3. С. 37.

[2] В чистоте и комфорте: как Петербург повышает уровень качества окружающей среды. URL: https://spbvedomosti.ru/news/gorod/v-chistote-i-komforte-kak-peterburg-povyshaet-uroven-kachestva-okruzhayushchey-sredy/ (дата обращения 27.03.2026).

отопления на газ и электричество[1]. Важным шагом стала ликвидация более 170 несанкционированных свалок, что минимизировало выбросы продуктов гниения[2]. На законодательном уровне правительство города закрепило право взыскивать ущерб за вред экологии и оперативно информировать бизнес о необходимости снижения нагрузки на атмосферу в периоды неблагоприятных метеоусловий.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что правовая охрана атмосферного воздуха — это важнейшее направление деятельности государства, напрямую связанное с благополучием граждан. Трансформация законодательства в 2025 году, выраженная в переходе на КЭР и внедрении технологического нормирования, создала для промышленности жесткие, но необходимые рамки.

Научная статья
УДК 349.6

К ВОПРОСУ АКТУАЛИЗАЦИИ СВЕДЕНИЙ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЪЕКТОВ НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Анна Владиславовна МАКИНА[1], Виктория Павловна РУДИЧЕВА[2]
[1,2] Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[1] makinaannaa12@mail.ru
[2] rudviktoriaa2005@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема правового регулирования актуализации сведений об объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Выявляется отсутствие установленного срока обновления данных, что приводит к правовой неопределенности и

[1] Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 20.05.2021 N 39-пг «Об утверждении региональной программы "Газификация жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций Санкт-Петербурга на 2021-2025 годы"». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=241739#VJ2UfFVTH3HPPoD5 (дата обращения 27.03.2026).

[2] Ликвидация свалок. Нацпроекты РФ. URL: https://национальныепроекты.рф/mediaProjects/likvidatsiya-svalok/#2 (дата обращения 27.03.2026).

сложностям правоприменения. Предлагается закрепить предельный срок актуализации для повышения эффективности экологического контроля.

Ключевые слова: объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, актуализация сведений, экологическое право, административная ответственность, государственный учет, экологический контроль

Большое значение прав и свобод человека и гражданина для общества и государства, в том числе конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду, обуславливает необходимость их эффективного обеспечения и защиты. Данный правовой институт традиционно находится в центре внимания научного сообщества и общественности. Ввиду роста количества нарушений прав и свобод, интерес к исследуемой теме лишь усиливается.

Для решения экологических проблем и преодоления негативных явлений требуется последовательный комплексный подход к обеспечению законности государством в рассматриваемой сфере.

В настоящее время вопрос загрязнения окружающей среды особенно актуален. Ежегодно тонны различного рода веществ попадают в атмосферу, почву и воды, однако опасность заключается не только в самом факте выбросов, но и в несовершенстве системы их контроля. Одним из важных этапов этой системы является актуализация данных об объектах негативного воздействия на окружающую среду (далее — НВОС). Безответственное отношение к данному процессу может привести к уничтожению экосистемы и безнаказанности виновных. В статье мы рассмотрим проблему несвоевременной актуализации данных.

Под понятием «объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду» согласно статье 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — ФЗ № 7-ФЗ) понимается объект капитального строительства и (или) другой объект, а также их совокупность, объединенные единым назначением и (или) неразрывно связанные физически или технологически и расположенные в пределах одного или нескольких земельных участков[1]. В российском законодательстве приведены 4 основные категории таких объектов в зависимости от влияния на окружающую среду. Отнесение объекта к определенной категории осуществляется на основании критериев, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих НВОС, к объектам I,

[1]Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

II, III и IV категорий», где закреплены количественные и качественные показатели для всех уровней воздействия — от I до IV категории. Эти критерии включают: состав выбросов, наличие сбросов сточных вод, классы опасности используемых веществ и технологические особенности производственных процессов. Деление объектов НВОС позволяет ужесточить контроль за опасными производствами и ослабить его за предприятиями, которые оказывают минимальное влияние на экологическую обстановку.

Бесспорно, любое негативное воздействие на окружающую среду порицаемо, однако в условиях современного мира — неизбежно. Полный запрет на подобную деятельность невозможен, в связи с чем, единственным реализуемым решением является контроль, который включает в себя введение ограничений, категорированию объектов. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующий вывод: основная цель законодателя — устранить последствия вреда, нанесённого природе от экономической или другой деятельности человека.

Постановка на государственный учет объектов НВОС, осуществляется на основании заявки установленной формы, подаваемой юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями в территориальный орган Росприроднадзора по месту расположения объектов. Заявка должна быть подана не позднее шести месяцев с начала эксплуатации и может направляться как в бумажной форме по почте с уведомлением, так и в электронном виде через официальный сайт Росприроднадзора или портал государственных услуг[1].

После того, как сведения об объекте будут внесены в реестр, на заявителя ложится обязанность их актуализировать в следующих случаях: замены юридического лица или индивидуального предпринимателя, осуществляющих хозяйственную и (или) иную деятельность на объекте НВОС, реорганизации юридического лица в форме преобразования, изменения наименования юридического лица, изменения адреса (места нахождения) юридического лица, изменения фамилии, имени, отчества индивидуального предпринимателя, изменения места жительства индивидуального предпринимателя, изменения реквизитов документа, удостоверяющего личность индивидуального предпринимателя, изменения места нахождения объекта НВОС, изменения характеристик технологических процессов основных производств, источников загрязнения окружающей среды, изменения характеристик технических средств по обезвреживанию выбросов, сбросов загрязняющих веществ, технологий использования, обезвреживания и размещения отходов производства и потребления[2].

---

[1]Постановление Правительства РФ от 07.05.2022 № 830 (ред. от 23.01.2026) «Об утверждении Правил создания и ведения государственного реестра объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2]Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусмотрена ответственность за правонарушение, связанное с несоблюдением установленного порядка внесения в реестр и актуализации данных для объектов НВОС. Статья 8.46 КоАП РФ гласит: «Невыполнение или несвоевременное выполнение обязанности по подаче заявки на постановку на государственный учет объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, представлению сведений для актуализации учетных сведений — влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц — от тридцати тысяч до ста тысяч рублей»[1]. Указанная норма носит обеспечительный характер и направлена на формирование достоверной и актуальной информационной базы государственного учета объектов НВОС, что, в свою очередь, является необходимым условием реализации механизмов экологического нормирования, категорирования объектов и осуществления государственного экологического контроля (надзора).

Несмотря на закрепление обязанности хозяйствующих субъектов по актуализации сведений об объектах НВОС при изменении их характеристик, действующие нормативное регулирование не содержит универсально применимого и однозначно определенного срока для исполнения данной обязанности в каждом случае. Следовательно, одной из основных проблем регулирования данного механизма является отсутствие установленного законом срока на актуализацию данных об изменении характеристик технологических процессов основных производств, источников загрязнения окружающей среды. Это означает, что предприятия могут годами не предоставлять нужные данные, ссылаясь на неопределенный срок.

Отсутствие четко установленного критерия «своевременности» представления обновленных сведений формирует предпосылки для неоднозначного толкования правоприменителем диспозиции статьи 8.46 КоАП РФ. В частности, это затрудняет квалификацию бездействия хозяйствующего субъекта в качестве административного правонарушения, поскольку неочевидным остается момент возникновения обязанности и, соответственно, момент ее нарушения.

Более того, учитывая, что отнесение объекта к определенной категории осуществляется на основании его количественных и качественных характеристик воздействия на окружающую среду, несвоевременная актуализация учетных данных способна повлечь искажение результатов категорирования. Это, в свою очередь, оказывает влияние на объем возлагаемых на хозяйству-

[1]«Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ющий субъект экологических обязанностей, включая необходимость получения комплексного экологического разрешения, разработки нормативов допустимого воздействия, осуществления производственного экологического контроля и представления отчетности.

Пункт 6 статьи 69.2 ФЗ № 7-ФЗ содержит конкретный перечень сведений, подлежащих актуализации, включая сведения об изменении характеристик технологических процессов основных производств, источников загрязнения окружающей среды и сведений об изменении характеристик технических средств по обезвреживанию выбросов, сбросов загрязняющих веществ, технологий использования, обезвреживания и размещения отходов производства и потребления. В пункте 7 этой же статьи говорится, что данные, по конкретным сведениям, (например, об изменении места нахождения объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду) должны быть предоставлены в соответствующий орган исполнительной власти в срок не позднее чем через тридцать дней со дня государственной регистрации таких изменений.

В пункте 17 приказа Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (далее — Росприроднадзор) от 17.07.2023 № 338 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований, связанных с государственным учетом объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю (надзору)» законодатель порекомендовал предоставлять сведения об изменении характеристик технологических процессов основных производств, источников загрязнения окружающей и сведений об изменении характеристик технических средств по обезвреживанию выбросов, сбросов загрязняющих веществ, технологий использования, обезвреживания и размещения отходов производства и потребления среды с момента наступления таких изменений[1]. Но, в большинстве случаев, на урегулирование всех технических процессов, которые влекут за собой изменение категории объекта НВОС, а также на подготовку необходимой для отчета документации, уходит большее количество времени, чем закладывает законодатель, в связи с чем и возникает проблема применения диспозиции статьи 8.46 КоАП РФ, ведь рекомендация — не равно закон, и за ее неисполнение невозможно привлечь к ответственности. По нашему мнению, это является значительным пробелом в регулировании данной отрасли, и для того, чтобы в дальнейшем избежать правовых казусов, необходимо установить конкретный срок, как в случае с иными сведениями, подлежащими актуализации.

[1]Приказ Росприроднадзора от 17.07.2023 № 338 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований, связанных с государственным учетом объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю (надзору)» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ судебной практики по делам, связанным с привлечением к ответственности за нарушение порядка актуализации сведений об объектах НВОС, позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного подхода к определению разумного срока исполнения соответствующей обязанности. Суды, как правило, разрешают данный вопрос с учетом конкретных обстоятельств дела, исследованных доказательств и принципа внутреннего убеждения, закрепленного процессуальным законодательством.

При этом в правоприменительной практике прослеживается тенденция к установлению сроков для актуализации сведений в пределах от трех до шести месяцев. Вместе с тем такие сроки нередко становятся предметом обжалования со стороны хозяйствующих субъектов, которые обосновывают необходимость их увеличения объективными затруднениями организационного и разрешительного характера.

Показательным в данном контексте является дело № 02-9688/2024, рассмотренное 24.02.2025 Симоновским районным судом города Москвы. В рамках указанного дела природоохранный прокурор заявлял требование об обязании ООО «Экология 24» осуществить актуализацию сведений об объекте НВОС в срок, не превышающий трех месяцев. Представитель ответчика, в свою очередь, ходатайствовал об увеличении данного срока до шести месяцев, ссылаясь на необходимость получения санитарно-эпидемиологического заключения. Оценив представленные доказательства и доводы сторон, суд пришел к выводу о разумности предоставления шестимесячного срока для исполнения соответствующей обязанности[1].

Еще одним примером является дело №А60-2390/2024 от 03.10.2024 Арбитражного суда Свердловской области. Акционерное общество «Магнитогорский металлургический комбинат» обратилось с требованием о признании незаконными ряда предписаний, ссылаясь на неустановленный законодателем срок для предоставления актуальных сведений об изменении характеристик технических средств по обезвреживанию выбросов. Общество не предоставляло актуальные сведения о наличии еще 1-го источника выбросов загрязняющих веществ, в течении 1 года и 7 месяцев, суд ссылаясь на невнесение данных более 6 месяцев, приходит к выводу не признавать решение привлечь акционерное общество по данным основанием незаконным[2].

Приведенные примеры иллюстрируют дискретный характер судебного усмотрения при определении сроков актуализации сведений и подтверждает наличие правовой неопределенности в рассматриваемой сфере.

---

[1] Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 24.02.2025 по делу № 02-9688/2024 // https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-395a1d21-9e58-5276-8ef0-737cab737c84/ (Дата обращения: 20.03.2026).

[2] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 03.10.2024 по делу № А60-2390/2024 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cec7c5a8-57c7-4aef-bac6-51c505cf6368/e2e01561-472f-4828-a7d7-89d7ba724957/A60-2390-2024_20240903_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03. 2026).

Проведенный нами анализ действующего нормативно-правового регулирования и судебной практики в сфере государственного учета объектов НВОС, позволяет констатировать наличие правовой неопределенности в части установления сроков актуализации учетных сведений. Отсутствие законодательно закрепленного временного критерия исполнения данной обязанности снижает эффективность механизма государственного экологического контроля, затрудняет привлечение к административной ответственности и способствует формированию неоднородной судебной практики.

В целях устранения выявленного пробела, по нашему мнению, представляется обоснованным внесение изменений в действующее законодательство, направленных на установление конкретного срока для внесения сведений об изменении характеристик объектов НВОС, в частности, речь идет о сведениях об изменении характеристик технологических процессов основных производств, источников загрязнения окружающей среды и сведений об изменении характеристик технических средств по обезвреживанию выбросов, сбросов загрязняющих веществ, технологий использования, обезвреживания и размещения отходов производства и потребления. Оптимальным видится закрепление максимального срока, не превышающего шести месяцев с момента наступления соответствующих изменений.

Реализация указанного подхода позволит обеспечить правовую определенность в регулировании соответствующих обязанностей хозяйствующих субъектов, повысить достоверность государственного реестра объектов НВОС, а также усилить превентивный и правоприменительный потенциал статьи 8.46 КоАП РФ. Кроме того, установление предельного срока в шесть месяцев соответствует сложившейся судебной практике и учитывает объективные организационные и разрешительные процедуры, необходимые для подготовки и представления актуализированных сведений.

Научная статья
УДК 347.2.3

ПОСЛЕДСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ЗЕМЕЛЬ САДОВОДСТВ ПРИ НЕСОБЛЮДЕНИИ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Мария Александровна ПЫЛЕВА
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный аграрный университет»
sovriokova_katya@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры землеустройства земельного и городского кадастра Алтайского государственного аграрного университета **Екатерина Михайловна СОВРИКОВА** sovriokova_katya@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые последствия, при которых происходит лишение права собственности на земельные участки в садоводстве, и их изъятие в пользу муниципальной собственности. В связи с введением постановления Правительства № 826 от 31.05.2025, многие участки в садоводствах попадут под санкции и собственники, если не приведут участок в порядок по критериям согласно указанным в данном постановлении, то лишатся права собственности. Проблема изъятия таких участков заключается в том, что многие из них не имеют точных границ и не поставлены на кадастровый учет, не зарегистрированы в реестре недвижимости, так же будут иметь или уже имеют наличие критерием нарушения земельного законодательства. Собственники не торопятся зарегистрировать свое право на землях садоводства или зданиях расположенных на них, поэтому муниципалитет обязан отреагировать и разработать порядок изъятия таких участков в рамках существующего законодательства.

Ключевые слова: собственность, земельные участки, садоводство, изъятии, критерии, реестре недвижимости, право

Согласно постановлению Правительства №826 от 31.05.2025 года[1], земельные участки имеют определённые критерии захламления загрязнения занятия мусором, и заросли сорняками. При которых, участок, невозможно эксплуатировать согласно нормативам. В данном постановлении принятые меры по ужесточению правил эксплуатации и использования подобных земельных участков, в том числе в садовых и огородных некоммерческих товариществах. На сегодняшний день собственники подобных земельных участков с нарушениями земельного законодательства будут наказаны. Но это произойдёт не сразу, а только через 3 года после вступления данного постановления в силу. Целью данного постановления является — стимулировать собственников данных земельных участков перевести в порядок свой участок осуществить рекультивацию, осушить, убрать мусор, расчистить участок от сорных растений в соответствии с нормативом.

Правила использования подобных земельных участков давно было указано в земельном кодексе, но не все собственники пользуются законом и его соблюдают. С одной стороны, верное решение государства изымать подобные земельные участки, которые нарушают земельное законодательство, тем самым показывая пример другим собственникам не нарушать эти правила. Но, с другой стороны, данный рычаг управления является ожесточением, в виде права собственности и лишением права собственности человека. В работе были рассмотрен пример земельного участка с подобными нарушениями, для которых в будущем будет применяться изъятие из частной собственности, и переход в собственность муниципалитета. В связи

[1] Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков: Постановление правительства РФ от 31.05.2025 №826. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

с тем, что резервных земель в собственности муниципалитета очень мало[1], а программ по развитию территории и иных дополнительных программ государства, связанных с земельными участками достаточно, поэтому городу требуется свободные земельные участки, находящиеся в собственности, которыми бы они могли распоряжаться в будущем. Город взялся «наводить порядки» относительно садовых земельных участков, используемых как по назначению, так и с нарушением их вида разрешённого использования[2]. Подобные земельные участки будут ежегодно включаться в муниципальный контроль, и подвергаться проверкам. Злостные нарушители будут наказаны в виде административных штрафов, предписаний и внесением постановлений. Некоторые из этих земельных участков, возможно, будут изъяты[3]. Процедура изъятия земельных участков не является простым и распространенным решением должностных лиц администрации, а представляет собой строго регламентированный законом процесс. Государство или муниципальные образования приобретают право на землю действуя согласно ЗК РФ[4], и иным нормативам, для конкретны целей, и преследуя определенные задачи.

В работе рассмотрен пример подобного нарушения земельного законодательства.

Земельный участок расположенный в садоводстве СНТ «Ветеран-Лесной», который нарушает недавно введенный в силу ФЗ-307[5] и постановления Правительства № 826 от 31.05.2025, тоже земельный участок вид использования ИЖС. По новым нормативам принятым с 1 сентября 2025 г., ужесточаются правила эксплуатации и использования участков садовых, огородных, ИЖС, ЛПХ, где данные земли, могут изъять, если они заброшены, захламлены (более 50 %), заняты мусором, или заросли сорняками выше 1 м, а также являются не освоенными более трех лет[6].

---

[1] Чернышева А. Д., Пути рационального использования земель города Барнаула / Чернышева А. Д., Клочко И. А. // Вестник молодежной науки Алтайского государственного аграрного университета. 2020. № 1. С. 202—205.

[2] О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 307-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Соврикова Е. М. Анализ результатов деятельности по осуществлению муниципального земельного контроля // В сборнике: современные проблемы землеустройства, кадастров и Природообустройства. материалы Национальной научной конференции. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет». г.Красноярск, 2020. С. 88—96.

[4] Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 136-ФЗ от 25.10.2001 г. (ред. от 01.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

[5] О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 307-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

[6] Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков: Постановление правительства РФ от 31.05.2025 №826. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

Данный участок находится в СНТ «Ветеран-Лесной», имеет площадь 10 соток, полностью огорожен деревянным забором, имеет соседей с северной Западной и восточной стороны, с южной стороны заезд. Участок частично зарос сорной растительностью, частично захламлён старым строительным материалом, на участке находится один жилой дом и нежилая постройка в виде сарая. Участок по документам зарегистрирован имеет кадастровый номер и кадастровую стоимость. Сведения в ЕГРН вносились 2020 году. Соответственно данный участок по нормативам нарушает некоторые правила эксплуатации[1] и может быть внесён в список на проверку муниципального контроля. Если собственник земельного участка не приведёт его в полноправный вид и порядок согласно постановлению правительства № 826, то инспектор наложит административный штраф и через год передаст документы в Росреестр для подготовки в суд. Иск в суд будет являться основанием для изъятия земельного участка.

Государственная Дума РФ ввела законодательные нормы, определяющие основания для изъятия земельных участков, в частности, тех, что сильно захламлены или загрязнены (более 50 % площади). Эти участки могут быть переданы добросовестным владельцам в будущем. Нарушение земельного законодательства также является причиной отчуждения. Важно помнить, что поддержание порядка на своей земле — это обязанность собственника, хотя не все осознают эту ответственность.

Резюмируя выше сказанное и в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием, собственнику подобного участка, нужно освободить территорию от сорных растений, мусора, провести рекультивацию участка и привести его в надлежащий по требованиям нормативов, вид.

Если право собственности на землю возникло до 1 марта 2025 года, отсчет по изъятию земельных участков имеющих выше описанные нарушения, начнется с 1 марта 2025 года, если позже — то с момента возникновения права собственности. По истечении этого времени с целью определения заброшенности и не освоенности участка инспектор, проводит регулярные рейды, фиксируя нарушения протоколом и фото, видео материалами. В нашем случае, если участок будет проверен и зафиксированы нарушения в марте 2026 года, то участок могут изъять при несоблюдении земельного законодательства уже в марте 2029 года.

Конечно, в первую очередь инспектором будут приняты меры по разъяснению собственнику участка о его обязанностях и сделано предупреждение, далее пойдет предписание и позже при отсутствии какой-либо реакции и действий в отношении наведения порядка на участке, будут приняты меры по передаче дела в Росреестр в отдел государственного земельного надзора для дальнейшей подачи иска в суд об изъятии участка у собственника.

[1] Соврикова Е. М. Ключевые критерии неиспользования земель, как причина их изъятия для государственных или муниципальных нужд // Дневник науки. 2025. №10 [Электронный ресурс]. URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/10/economy/Sovrikova.pdf (Дата обращения 27.03.2026).

Научное электронное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

XVII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

25 апреля 2026 года

М а т е р и а л ы

Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более;
512 Mb и более; CD/DVD-ROM дисковод;
Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600/16 bit и более;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

Подписано к использованию 19.10.2026
Уч.-изд. л. 93,75. Тираж 9 экз. Заказ 30/26.
1 электрон. опт. диск (CD-R). 9,73 Мб.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44